

Институт философии РАН

Третьи Степинские Чтения

Международная научная конференция

ПЕРСПЕКТИВЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

20 – 21 июня 2023 года

УДК 101
ББК 87
П 27

Редакционная коллегия:

Киселева М.С., Малков С.М., Попова О.В.,
Пружинин Б.И., Смирнова Н.М., Труфанова Е.О.

Ученый секретарь: Бургете Аяла М.Р.

Рецензенты: Алексеева И.Ю., Дергачева Е.А.

Третьи Степинские чтения. Перспективы философии науки в современную эпоху. Материалы международной конференции. Москва, 20 - 23 июня 2023 года / Отв. ред В.А.Лекторский, В.Г.Буданов. - Москва-Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2023. – 680 с.

ISBN 978-5-907818-40-8

В сборнике представлены материалы конференции посвященной памяти академика В.С.Степина - выдающегося российского философа (1934-2018). Научно-философский подход в познании и понимании мира был ядром творчества В.С. Степина - классика мировой философии науки, в которую он внес революционные представления о структуре научной теории, типах научной рациональности и научной картине мира, постнеклассической методологии сложных саморазвивающихся систем. В современных условиях больших цивилизационных вызовов и переходов, повышенной неопределенности жизни, интенсивной цифровизации реальности особо актуально переосмысление и развитие идей и методов философии науки. На конференции обсуждались основные проблемы и перспективы развития философии науки в областях естественных, технических и социогуманитарных наук, междисциплинарных исследований и методологии, медицины, образования и экспертизы.

ISBN 978-5-907818-40-8

УДК 101
ББК 87

© Институт философии РАН, 2023
© Авторы статей, 2023

Москва 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММА Третьи Степинские чтения	10
Открытие Конференции	23
Пленарное заседание.....	32
<i>Лекторский В.А.</i> В.С.Стёпин и идея исторических типов рациональности... 32	
<i>Буданов В.Г.</i> Философия науки в цифровую эпоху: о перспективах постнеклассики..... 41	
<i>Кузнецова Н.И.</i> Концептуальный каркас эпистемологической концепции В.С. Степина: историко-культурные традиции и новации 52	
<i>Еськов В.М.</i> Два подхода в изучении научной рациональности 60	
<i>Пружинин Б.И.</i> «Постнеклассика» и экспертиза 67	
<i>Черникова И.В.</i> Концепция постнеклассики В.С. Степина и ее развитие в XXI веке 73	
<i>Аршинов В.И.</i> Постнеклассическая рациональность В.С.Степина в контексте мышления-вместе-со-сложностью 82	
<i>Смирнова Н.М.</i> Вклад В.С. Степина в развитие методологии социального анализа..... 87	
<i>Васюков В.Л.</i> Формальная феноменология идеальных научных объектов 94	
<i>Шульга Е.Н.</i> Понятие факта в концепции научного познания В.С. Стёпина.. 98	
Секция I: «Судьбы рациональности в контексте современных цивилизационных преобразований».....	106
<i>Анненков М.Е.</i> Обобщённый принцип соответствия и научная рациональность 106	
<i>Гапаров И.А.</i> Понятие пользы в постнеклассической рациональности 110	
<i>Герасимов Ф.С.</i> Строительные леса разума. Предистория и история..... 115	
<i>Загидуллин Ж.К.</i> «Парадигмальные прививки» как драйвер развития науки (в оптике теории социальных эстафет М.А. Розова)..... 119	
<i>Никитина Е.А.</i> Цифровые экосистемы экономики и предпосылки формирования цифровой рациональности 124	
<i>Пономарёв А.М.</i> Принцип истины в судебном процессе: антиномии и возможность синтеза 127	
<i>Сушин М.А.</i> Философия и когнитивные науки: горизонты взаимодействия 131	
<i>Филатова М.И.</i> Пределы постмодернистского отрицания классической рациональности 134	
<i>Черткова Е.Л.</i> Научная рациональность и проблема человека 139	
<i>Войцехович В.Э.</i> От постнеклассического рационализма к рационализму движения 144	

<i>Дождикова Р.Н.</i> Обыденное познание, постнеклассическая рациональность и цифровой интеллект 149	
<i>Ершова О.В.</i> Поиск рациональной реконструкции процесса познания 153	
<i>Колядко И.Н.</i> Динамика культуры и цифровая трансформация современного общества: перспективы и социокультурные риски 158	
<i>Лойко Л.Е.</i> Постнеклассическая иммерсия методологии юридического образования..... 163	
<i>Струговицкова У.С.</i> Биосемиотика и концепция расширенного познания.. 166	
<i>Фозилзода Е.Н.</i> Рациональность применения искусственного интеллекта в контексте трансформации трудовых отношений постсовременности..... 170	
Секция II. Философия естествознания XXI века – проблемы и перспективы.....	173
<i>Антипенко Л.Г.</i> О философско-мировоззренческом и практическом значении концепции эмпирических обобщений В.И. Вернадского 173	
<i>Бахур А.Б.</i> Изменения в науке и их смысл 177	
<i>Боженок К.А.</i> Экогерменевтика и синергетика: возможности междисциплинарных взаимодействий 182	
<i>Гезалов А.А.</i> Принципиальные пути гармонизации взаимодействия общества и природы как решение экологических проблем 186	
<i>Годарев-Лозовский М.Г.</i> Движение в пространстве и логические основания науки 190	
<i>Королёв А.Д.</i> Трансформация глобальной власти в XXI веке 195	
<i>Крушанов А.А.</i> XXI век: движение к новому образу мира..... 200	
<i>Лисеев И.К.</i> Философия экологии: от классики к постнеклассике 204	
<i>Михайлов И.А.</i> Феноменологические перспективы современной биологии: инстинкт как проблема 208	
<i>Никулина А.С.</i> Целесообразность жизни в энтивизме: онтологические предпосылки 212	
<i>Петрова Е.В.</i> Развитие экологии и типы научной рациональности 216	
<i>Сабанчеев Р.Ю.</i> Экология культурной памяти и вызовы релятивизма: эпистемологический анализ концепций Степина, Лотмана и Лихачева 220	
<i>Сайганова В.С.</i> Минская философско-методологическая школа: истоки и современное состояние..... 224	
<i>Севальников А.Ю.</i> Эффект Шноля и обобщенный принцип Маха 229	
<i>Спасков А.Н.</i> Нелокальная квантовая монадология на планковских масштабах 234	
<i>Теплов А.С.</i> Производство научного знания в условиях постнеклассического естествознания 239	

<i>Терёхин Е.Л.</i> Факт как парадокс: объективность науки с точки зрения неклассической эпистемологии.....	243
<i>Хен Ю.В.</i> Эволюционные концепции современной биологии: некоторые проблемы «третьего синтеза».....	247
УДК 314.....	247
<i>Черновицкая Ю.В.</i> Социально-правовые аспекты мегасайенс-проектов.....	251
<i>Чешев В.В.</i> Теория познания и технологическое освоение мира.....	256
<i>Шалак В.И.</i> Философское и прикладное значение нетьюринговой вычислимости.....	260
<i>Щедрина И.О.</i> Экологические смыслы ноосферы в контексте проблем техногенной цивилизации: от В.И. Вернадского к В.С. Степину.....	265
<i>Щедрина Т.Г.</i> «Невидимый собеседник»: Н.И. Жинкин в междисциплинарной «сфере разговора» В.С. Степина.....	268
<i>Эмануилов Ф.Р.</i> Не-картезианская эпистемология Г. Башляра и современная биология.....	272
Секция III. «Постнеклассическая наука как парадигма междисциплинарных исследований».....	277
<i>Асеева И.А.</i> К проблеме человекомерности цифровизации.....	277
<i>Бабосов Е.М.</i> Перспективы развития философии науки в современной Беларуси.....	282
<i>Багдасарьян Н.Г.</i> Стратегии поиска в постнеклассической науке: оптика культуры.....	286
<i>Белкина В.А.</i> Экоцентризм и техноцентризм как мировоззренческие модели экоразвития человечества.....	291
<i>Вяткина А.Г.</i> Проблема редукционизма и междисциплинарности через призму кантовской теории познания.....	296
<i>Герасимова И.А.</i> Культура науки в трудах В.И. Вернадского и В.С. Степина.....	300
<i>Гребенищикова Е.Г.</i> «Генохайп»: коммуникация науки и общества в эпоху геномной медицины.....	305
<i>Даниелян Н.В.</i> «Моделезависимый реализм» - от постнеклассики к современной науке.....	308
<i>Ефременко Д.В., Москалёв И.Е.</i> Особенности развития современного научного знания условиях становления цифрового капитализма.....	313
<i>Жолков С.Ю.</i> Проблемы количественного анализа современной экономики как постнеклассическая рациональность.....	318
<i>Зеленков А.И.</i> Аксиологический контекст в структуре трансдисциплинарности.....	324
<i>Ибрагимов-Бамматули Х.И.</i> Методология тождества и принципы управления в сложностных системах.....	328

<i>Каменский Е.Г., Маякова А.В., Огурцова А.Ю., Гусейнов М.А.</i> Комплексная концептуализация модели «тройной спирали».....	333
<i>Киященко Л.П.</i> Фактор парадоксальности в проведении предельного опыта в сфере культурных практик, по следам В.С. Степина.....	337
<i>Кравец А.В.</i> Перспективы концепции интуитивного права в постнеклассический период.....	341
<i>Крылатова В.В.</i> Гомеопатический метод познания как пример постнеклассической модели рациональности.....	346
<i>Кудрова И.А.</i> Антропоцентристский подход в современном образовании: к методологии «символического суверенитета».....	350
<i>Лепский В.Е.</i> Три типа научной рациональности В.С. Степина, как образец создания базовой системы парадигм для междисциплинарных исследований.....	354
<i>Лойко А.И.</i> Постнеклассическая философия техники.....	359
<i>Маякова А.В.</i> Основания формирования концепции социоориентированного квалитативизма.....	363
<i>Можейко М.А.</i> Трансформация трактовки детерминизма в современной гуманитаристике.....	367
<i>Москалёв Ф.И.</i> Автопоэтическая организация постнеклассической науки и техники.....	372
<i>Платонова С.И.</i> Большие данные и смена парадигм социального знания.....	376
<i>Плюц А.Н.</i> Каково быть наблюдателем кота Шредингера?.....	381
<i>Свирский Я.И.</i> Динамика науки в свете философских стратегий В.С. Степина и Ж. Симондона.....	385
<i>Сергеев С.Ф.</i> Постнеклассическая наука: рекурсия смысла в сетевых языковых моделях.....	390
<i>Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г.</i> Академическая ноосферология: опыт постнеклассической репрезентации мировоззрения В. С. Степина.....	396
<i>Тарасенко В.В.</i> Инновационный территориальный кластер как средство и инструмент научной деятельности в постнеклассической науке.....	401
<i>Хохлова Л.П.</i> Постнеклассическая теория и ее практическое внедрение как необходимое условие выхода из тупика современной катастрофы.....	406
<i>Чанны Е.В.</i> Особенности технологической трансформации человеческого тела и сознания в концепции НБИКС.....	411
<i>Шохов А.</i> Понятия «научная истина» и «объективная реальность» в сетевой трансдисциплинарной парадигме.....	415
Секция IV. «Методология социально-гуманитарного знания и проблемы творчества».....	420
<i>Смирнова Н.М.</i> Концепция исторических типов рациональности В.С. Степина и методология социального анализа.....	420

<i>Данилов А.Н.</i> Философия, конструирующая миры	424
<i>Бескова И.А.</i> К вопросу об изоморфизме двух типов знания	429
<i>Рубанов А.В.</i> Актуальность идей В.С.Степина о культуре и культурных универсалиях	434
<i>Неретина С.С.</i> Культура как палимпсест	438
<i>Щербин В.К.</i> Интерпретация смыслов и историческая реконструкция объективированного знания как пути к научному пониманию мира	443
<i>Блюхер Ф.Н.</i> Временные границы социальных сообществ	447
<i>Князева Е.Н.</i> Мультиверсальность творчества	451
<i>Семёнов С.Н., Семенова Д.С.</i> В.С. Степин о «субъекте познания» и проблема субъекта творчества	456
<i>Сиднева Т.Б.</i> Концепция постнеклассики и ее методологическое значение для понимания художественного творчества	460
<i>Легчилин А.А., Бобр А.М.</i> Ценности восточнославянской цивилизации в контексте идей В.С.Степина	465
<i>Румянцева Т.Г.</i> В.С. Стёпин о значении историко-философских исследований для разработки методологии науки XXI века	469
<i>Сидоренко И.Н.</i> Игровая рациональность В. Беньямина: выбор метода как смена масок	473
<i>Моркина Ю.С.</i> Ценности как фактор культурного развития	478
<i>Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б.</i> О методологическом нигилизме отечественных историков	482
<i>Климович А.И.</i> Понятие культурной матрицы В.С. Степина в контексте построения методологии историко-философского исследования	487
<i>Kitovich A.I.</i> The concept of cultural matrix of V.S. Stepin in the context of constructing the methodology of historical and philosophical research	487
<i>Ярославцева Е.И.</i> Постнеклассическая модель науки и творческий потенциал человека в киберсреде	491
<i>Можейко М.А.</i> Трансформация трактовки детерминизма в современной гуманитаристике	496
<i>Платонова С.И.</i> Большие данные и смена парадигм социального знания	500
<i>Лютова С.Н.</i> Междисциплинарный подход в методах анализа литературного творчества	505
<i>Филипенко С.А.</i> Творческий потенциал обыденного опыта	509
<i>Петриковская Е.С.</i> Антропологизация социально-гуманитарного знания как возможность его творческого развития	513
<i>Миронов В.А.</i> Геологическое познание как предмет исследования герменевтики и нарратологии	518

<i>Мальшина Н.А.</i> Конвергенция паттернов индустрии культуры на основе конъюнкции	521
<i>Кафаров Т.Э.</i> О некоторых «штампах» в методологии оценки и классификации наук	525
Секция V. Философия, методология, междисциплинарность: перспективы гуманитарности в науках о человеке.....	533
<i>Киселева М.С.</i> Гуманитарность в современных науках о человеке	533
<i>Агапов О.Д.</i> Феномен науки и научного познания в творчестве Владимира Бибикина и Сергея Хоружего	538
<i>Шиян А.А.</i> Исторические типы научной рациональности В.С. Степина и философия как строгая наука Э. Гуссерля	542
<i>Пилюгина М.А.</i> Историческая память vs коллективная память в концепции М. Хальбвакса	546
<i>Фатенков А.Н.</i> Междисциплинарность и прорехи нововременной интеллектуальной парадигмы (полемические тезисы)	551
<i>Бернюкевич Т.В.</i> Человек в пространстве города: междисциплинарность в исследовании городских практик	555
<i>Лещинская И.И.</i> Междисциплинарность как базовый принцип образовательной парадигмы в условиях экзистенциальных рисков	560
<i>Близнак А.Г.</i> Роль антропологии в развитии междисциплинарности гуманитарных наук	565
<i>Степанова Г.Б.</i> Научное знание и технократическое мышление: ценности и критерии целесообразности	572
<i>Веряскина В.П.</i> Антропологический кризис в оптике современных концепций постчеловека	576
<i>Бирич И.А.</i> Человек в объективе синергетики и гуманитарности	581
<i>Малков С.М.</i> Цифровая гуманитаристика как междисциплинарный проект	585
<i>Мартынова М.А.</i> Цифровой двойник как способ репрезентации «я»: модальный аспект исследования	590
<i>Шахнович М.М.</i> Антропологические аспекты локальных культов: теоретико-методологические подходы изучения	594
<i>Бургете Аяла М.Р.</i> Вечные истины и порождение нового знания. Мигель Сервет: «Теология как медицина и медицина как теология»	599
<i>Чумакова Т.В.</i> Русская литература в церковном дискурсе XIX – начала XX вв. как объект междисциплинарного анализа	604
<i>Брук Е.Г.</i> Периодические издания духовных академий духовных учебных заведений Российской Империи 2-ой пол. XIX– нач. XX вв.: полемика вокруг «старокатолического вопроса»	608
<i>Лямина Т.Е.</i> Проблема религии в концепции социального отчуждения Н.К. Михайловского	613

<i>Гусева А.А.</i> Нарратив «возвращения к истокам»: иеротопические образы в переписке прот. А. Шмемана и прот. Г. Флоровского.....	617
<i>Браткин Д.А.</i> Проблема постсоветской рецепции трудов Р.Ю. Виппера: неудобный атеизм.....	622
<i>Боков Г.Е.</i> Постнеклассический тип научной рациональности и религия.....	626
<i>Курганова И.Г.</i> Религия и новые технологии о будущем человека: постановка проблемы.....	630
Секция VI. «Биоэтика в контексте постнеклассической науки: проблемы и перспективы».....	635
<i>Белкина Г.Л., Фролова М.И.</i> К вопросу о формировании гуманистической биоэтики.....	635
<i>Тищенко П.Д.</i> Рациональная сложность социально-распределенного производства инновационного знания.....	639
<i>Попова О.В.</i> Философские аспекты проблемы приверженности лечению в контексте медико-генетического консультирования.....	645
<i>Соколыч В.Н.</i> Парадигма открытой науки в биомедицинских исследованиях XXI века.....	651
<i>Воронин А.А.</i> Человек и природа.....	655
<i>Белялетдинов Р.Р.</i> Уважение персональной автономии как проблема смыслополагания в биоэтике.....	657
<i>Ветров В.А.</i> Эмпирические исследования в биоэтической экспертизе как проявление постнеклассической науки.....	662
<i>Антипов А.В.</i> Искусственные моральные агенты в биоэтике: прозрачность и этичный дизайн.....	667
<i>Майленова Ф.Г.</i> Восприятие боли в медицине и психологии.....	671
<i>Пронин М.А., Бубнов А.В.</i> Философия как экспертиза: сетевой интеллект и аномии классической и неклассической рациональности.....	674

ПРОГРАММА

Третьи Степинские чтения

Международная научная конференция

Перспективы философии науки в современную эпоху

Москва

20-21 июня 2023 г.

Институт философии РАН

Председатель (сопредседатели) организационного комитета
академик РАН, д.ф.н. Смирнов А. В., академик РАН, д.ю.н. Хабриева Т.Я.

Заместитель председателя организационного комитета
д.ф.н., к.физ.-мат.н. Буданов В.Г.

Председатель (сопредседатели) программного комитета:
академик РАН, д.ф.н. Гусейнов А.А., академик РАН, д.ф.н. Лекторский В. А.

Заместители председателя программного комитета:
д.ф.н. Пружинин Б.И., д.ф.н. Труфанова Е.О.

Ученый секретарь Бургете Аяла М.Р.

Состав организационного комитета:

д.ф.н. Асеева И.А., д.ф.н. Астафьева О.Н., к.ф.н. Блюхер Ф.Н., д.ф.н. Васюков В.Л., к.ф.н. Гаджикурбанова П.А., д.ф.н. Герасимова И.А., д.ф.н. Дубровский Д.И., Катунин А.В., д.ф.н. Кузнецова Л.Ф. (Бел.), к.ф.н. Масланов Е.В., д.ф.н. Моисеев В.И., д.ф.н. Крушанов А.А., д.ф.н. Можейко М.А. (Бел.), д.ф.н. Василькова В.В., к.ф.н. Петрова Е.В., д.ф.н. Попова О.В., к.ф.н. Пилюгина М.А., д.псих.н. Сергеев С.Ф., к.ф.н. Струговщикова У.С.

Состав программного комитета:

академик РАН, д.ф.н. Смирнов А.В., академик РАН, д.ф.м.н. Макаров В.Л., академик РАН, д.и.н. Кошкин А.А., академик РАН, д.ю.н. Хабриева Т.Я., академик РАН, д.псих.н. Журавлев А.Л., чл.корр., д.физ.-м.н. БАН Томильчик Л.М. (Бел.), чл.-корр. РАН Касавин И.Т., чл.-корр. РАН Петренко В.Ф., чл.-корр. РАН Запесоцкий А.С., д.ф.н. Багдасарьян Н.Г., д.ф.н. Бажанов В.А., д.ф.н., к-ф.м.н. Буданов В.Г., д.ф.н., д.тех.н. Глазунов В.А., д.ф.н. Гребенщикова Е.Г., чл.-корр. НАН РБ д.с.н. Данилов А.Н. (Бел.), д.ф.-м.н., д.б.н. Еськов В.М., д.ф.н. Ивахненко Е.Н., д.ф.н. Кузнецова, Н.И., д.ф.н. Тищенко П.Д., д.ф.н. Киселева М.С., д.ф.н. Аршинов В.И., д.ф.н. Розин В.М., д.ф.н. Смирнова Н.М., д.псих.н. Лепский В.Е., д.ф.н. Лисеев И.К., д.ф.н. Шульга Е.Н., д.ф.н. Яскевич Я.С. (Бел.)

20 июня

10 00-15 00

Открытие Конференции

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович – ВРИО директора Института философии РАН, Академик РАН, д.ф.н.– **приветственное слово** (Москва, Россия).

Смирнов Андрей Вадимович – ВРИО заместителя директора Института философии РАН, Академик РАН, д.ф.н. – **приветственное слово** (Москва, Россия).

Сайганова Вероника Святославовна - к.филос.н., доцент Декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, – **приветственное слово от ректора Белорусского государственного университета** (Минск, Беларусь)

Лазаревич Анатолий Аркадьевич- к.филос.н., доцент Директор Института философии НАН Беларуси– **приветственное слово** (Минск, Беларусь)

Пленарное заседание

Лекторский Владислав Александрович - Академик РАН, д.ф.н. – «В.С.Стёпин и идея исторических типов рациональности» (Москва, Россия).

Хабриева Талия Ярулловна - Академик РАН, д.юр.н., профессор, **Черногор Николай Николаевич** д.юр.н., профессор «Консенсуальные начала в концептуализации права» (Москва, Россия).

Буданов Владимир Григорьевич - д.филос.н., к.физ.-мат.н. «Философия науки в цифровую эпоху: о перспективах постнеклассики» (Москва, Россия).

Кузнецова Наталия Ивановна - д.филос.н., профессор «Концептуальный каркас эпистемологической концепции В.С. Степина: историко-культурные традиции и новации». (Москва, Россия).

Еськов Валерий Матвеевич - д.филос.н., д. физ.-мат. н. профессор «Два подхода в изучении научной рациональности» (Сургут, Россия).

Пружинин Борис Исаевич - д.филос.н., профессор «Постнеклассика» и экспертиза (Москва, Россия).

Черникова Ирина Васильевна - д.филос.н., профессор, «Развитие парадигмы постнеклассической научной рациональности в XXI в.», (Томск, Россия).

Аршинов Владимир Иванович - д.филос.н., «Постнеклассическая рациональность В.С.Степина в контексте мышления-вместе-со-сложностью». (Москва, Россия)

Смирнова Наталья Михайловна - д.филос.н., профессор «Вклад В.С. Степина в развитие методологии социального анализа» (Москва, Россия)

Васюков Владимир Леонидович – д.филос.н. «Формальная феноменология идеальных научных объектов» (Москва, Россия)

Шульга Елена Николаевна - д.филос.н., «Понятие факта в концепции научного познания В.С. Стёпина» (Москва, Россия)

Секция I:

«Судьбы рациональности в контексте современных цивилизационных преобразований»

Академик РАН, доктор философских наук

Владислав Александрович Лекторский,

доктор философских наук

Елена Олеговна Труфанова

20 июня, 15.00-18.00

Анненков Михаил Евгеньевич, к.э.н. «Обобщенный принцип соответствия и научная рациональность», (Обнинск, Россия).

Герасимов Филипп Сергеевич. «Строительные леса разума. Предистория и история», (Воронеж, Россия).

Загидуллин Жан Каримович, к.филос.н. «Парадигмальные прививки» как драйвер развития науки (к оптике теории социальных эстафет М.А.Розова)», (Москва, Россия.)

Никитина Елена Александровна, д.филос.н., доц. «Цифровые экосистемы экономики и предпосылки формирования цифровой рациональности», (Москва, Россия).

Пономарев Алексей Михайлович, д.филос.н. «Принцип истины в судебном процессе: антиномии и возможность синтеза», (Ижевск, Россия).

Суцин Михаил Александрович, к.филос.н. «Философия и когнитивные науки: горизонты взаимодействия», (Москва, Россия).

Филатова Мария Игоревна, к.филос.н. «Пределы постмодернистского отрицания классической рациональности», (Курск, Россия).

Черткова Елена Леонидовна, к.филос.н. «Научная рациональность и проблема человека», (Москва, Россия).

21 июня

15.00-18.00

Войцехович Вячеслав Эмерикович, д.филос.н., проф. «От постнеклассического рационализма к рационализму движения» (Тверь, Россия)

Гапаров Искендер Абдурашидович. «Понятие пользы в постнеклассической рациональности» (Самара, Россия).

Ершова Оксана Владимировна, к.филос.н. «Поиск рациональной реконструкции процесса познания» (Ульяновск, Россия)

Колядко Илья Николаевич, к.филос.н., доц. «Динамика культуры и цифровая трансформация современного общества: перспективы и социокультурные риски» (Минск, Беларусь)

Лешкевич Татьяна Геннадьевна, д.филос.н., проф. «Парадигмальные прививки» технологической рациональности (Ростов-на-Дону, Россия)

Лойко Лариса Евгеньевна, к.филос.н., доц. «Постнеклассическая иммерсия методологии юридического образования» (Минск, Беларусь)

Струговщикова Ульяна Сергеевна, к.филос.н. «Биосемиотика и концепция расширенного познания» (Москва, Россия)

Фозилзода Елизавета Николаевна. «Рациональность применения искусственного интеллекта в контексте трансформации трудовых отношений постсовременности» (Самара, Россия)

Дождикова Раиса Нуриевна, к.филос.н., доц. «Обыденное познание, постнеклассическая рациональность и цифровой интеллект» (Минск, Беларусь).

Секция II

21 июня 2023 г., 12:00 – 16.00

«Философия естествознания XXI века – проблемы и перспективы»

доктор философских наук **Борис Исаевич Пружинин,**

доктор философских наук **Владимир Леонидович Васюков**

Антипенко Леонид Григорьевич, к.филос.н. (ИФРАН) «Значение концепции эмпирических обобщений В.И. Вернадского в научном познании», (Москва, Россия).

Бахур Андрей Борисович, к.т.н. «Изменения в науке и их смысл», (Москва, Россия).

Боженко Кирилл Александрович, лаборант (ГАУГН), студент (РГГУ). «Экогерменевтика и синергетика: возможности междисциплинарных взаимодействий». (Москва, Россия)

Васюков Владимир Леонидович, д.филос.н (ИФРАН). «Формальная феноменология идеальных научных объектов». (Москва, Россия)

Гезалов Ариз Аязович, к.филос.н. (РФО). «Принципиальные пути гармонизации взаимодействия общества и природы как решение экологических проблем».

Годарев-Лозовский Максим Григорьевич, руководитель лаборатории (Институт исследований природы времени). «Движение в пространстве и логические основания науки». (Москва – Санкт-Петербург, Россия)

Журавель Евгений Павлович, студент (ГАУГН). «Экспертиза как элемент научной и общественной жизни». (Москва, Россия)

Королев Андрей Дмитриевич, к.филос.н. (ИФРАН). «Трансформация глобальной власти в XXI веке». (Москва, Россия)

Крушианов Александр Андреевич, д.филос.н. (ИФРАН). «XXI век: движение к новому образу мира» (Москва, Россия)

Лисеев Игорь Константинович, д.филос.н., проф. (ИФРАН). «Философия экологии: от классики к постнеклассике». (Москва, Россия)

Михайлов Игорь Анатольевич, к.филос.н. (ИФРАН). «Феноменологические перспективы современной биологии: инстинкт как проблема». (Москва, Россия)

Никулина Александра Сергеевна, ассистент (СПбГУВМ). «Целесообразность жизни в энвайзизме: онтологические предпосылки». (Санкт-Петербург, Россия)

Петрова Екатерина Викторовна, к.филос.н. (ИФРАН). «Развитие экологии и типы научной рациональности». (Москва, Россия)

Пружинин Борис Исавевич, д.филос.н. (ИФРАН). «Постнеклассика» и экспертиза». (Москва, Россия)

Сабанчиев Рустам Юнусович, научный сотрудник (Институт логики, когнитологии и развития личности). «Экология культурной памяти и вызовы релятивизма: эпистемологический анализ концепций Степина, Лотмана и Лихачева». (Москва, Россия)

Сайганова Вероника Святославовна, к.филос.н., декан факультета философии и социальных наук (БГУ). «Минская философско-методологическая школа: истоки и современное состояние». (Минск, Беларусь)

Севальников Андрей Юрьевич, д.филос.н. (ИФРАН). «Эффект Шноля и обобщенный принцип Маха». (Москва, Россия)

Спасков Александр Николаевич, к.филос.н. (Институт философии НАН Беларуси). «Нелокальная квантовая монадология на планковских масштабах». (Минск, Беларусь)

Теплов Александр Сергеевич, студент (ГАУГН). «Производство научного знания в условиях постнеклассического естествознания». (Москва, Россия)

Терехин Евгений Леонидович, аспирант (БГУ). «Факт как парадокс: объективность науки с точки зрения неклассической эпистемологии». (Минск, Беларусь)

Хен Юлия Вонховна, д.филос.н. (ИФРАН). «Эволюционные концепции современной биологии: некоторые проблемы «третьего синтеза». (Москва, Россия)

Черновицкая Юлия Вячеславовна, к.филос.н. (ИФРАН). «Социально-правовые аспекты мегашейенс-проектов». (Москва, Россия)

Чешев Владислав Васильевич, д.филос.н., проф. (Национальный исследовательский Томский госуниверситет). «Теория познания и технологическое освоение мира». (Томск, Россия)

Шалак Владимир Иванович, д.филос.н. (ИФРАН). «Философское и прикладное значение нетьюринговой вычислимости». (Москва, Россия)

Щедрина Ирина Олеговна, к.филос.н. (НИУ ВШЭ). «Экологические смыслы ноосферы в контексте проблем техногенной цивилизации: от В.И. Вернадского к В.С. Степину» (Москва, Россия)

Щедрина Татьяна Геннадьевна, д.филос.н. (МПГУ; Институт логики, когнитологии и развития личности). «Невидимый собеседник»: Н.И. Жинкин в междисциплинарной «сфере разговора» В.С. Степина». (Москва, Россия)

Эмануилов Филипп Рахамимович, студент (НИУ ВШЭ). «Не-картезианская эпистемология Г. Башляра и современная биология». (Москва, Россия)

Свободная дискуссия

Секция III

«Постнеклассическая наука как парадигма междисциплинарных исследований»

доктор философских наук **Буданов Владимир Григорьевич**,

доктор философских наук **Аршинов Владимир Иванович**,

доктор философских наук **Черникова Ирина Васильевна**

20 июня 2023, 15.00 - 18 00

Аршинов Владимир Иванович д.филос.н., «Постнеклассическая рациональность В.С.Степина в контексте мышления-вместе-со-сложностью». (Москва, Россия)

Асеева Ирина Александровна, д.филос.н., проф. «К проблеме человекомерности цивилизации», (Курск, Россия).

Бабосов Евгений Михайлович, д.филос.н., проф. «Перспективы развития философии науки в современной Беларуси», (Минск, Беларусь).

Багдасарьян Надежда Гегамовна - д.филос.н., профессор «Стратегии поиска в постнеклассической науке: оптика культуры» (Москва, Россия).

Белкина Виктория Александровна, преп. «Экоцентризм и техноцентризм как мировоззренческие модели экоразвития человечества», (Курск, Россия).

Болдин Павел Николаевич, преп. «Семиотический подход как основная междисциплинарная парадигма познания Природы», (Псков, Россия).

Вяткина Алла Геннадьевна, к. филос. н., ст. преп. «Постнеклассическая наука как парадигма междисциплинарных исследований», (Воронеж, Россия).

Герасимова Ирина Алексеевна, д.филос.н., профессор «Культура науки в трудах В.И.Вернадского и В.С.Степина», (Москва, Россия).

Гребеницкая Елена Георгиевна «Постнеклассическая наука как парадигма междисциплинарных исследований», (Москва, Россия).

Даниелян Наира Владимировна, д.филос.н., доцент «Модельзависимый реализм» - от постнеклассики к современной науке», (Москва, Россия).

Ефременко Дмитрий Валерьевич, д. полит. н., (Москва, Россия), **Москалёв Игорь Евгеньевич**, к.филос.н., доцент (Москва, Россия) «Особенности развития современного научного знания условиях становления цифрового капитализма».

Жолков Сергей Юрьевич, д.филос.н., к.ф.-м.н./ доцент «Постнеклассическая наука как парадигма междисциплинарных исследований», (Москва, Россия)

Зеленков Анатолий Изотович, д.филос.н., профессор «Аксиологический контекст в структуре трансдисциплинарности», (Минск, Беларусь).

Ибрагимов-Бамматули Хамау Ибрагимович, к.филос.н., доцент «Методология тождества и принципы управления в сложных системах», (Махачкала, респ. Дагестан).

Ивахненко Евгений Николаевич, д.филос.н., профессор «Аллагматика Жильбера Симондона в ее отношении к множественности путей постнеклассической науки», (Москва, Россия.)

Каменский Е.Г. д. филос. н., доцент, **Маякова А.В.** к. филос.н., **Огурцова А.Ю.** Аспирант, **Гусейнов М.А.** Аспирант **Комплексная концептуализация модели «тройной спирали»**, (Курск, Россия).

Киященко Лариса Павловна, д.филос.н., профессор «Фактор парадоксальности в проведении предельного опыта в сфере культурных практик, по следам В.С.Степина», (Москва, Россия).

Кравец Александр Васильевич, аспирант «Перспективы концепции интуитивного права в постнеклассический период», (Москва, Россия).

Крылатова Вера Валентиновна, «Гомеопатический метод познания как пример постнеклассической модели рациональности», (Москва, Россия).

Кудрова Ирина Аркадьевна, к.пед.н., доцент «Антропоцентристский подход в современном образовании: к методологии “символического суверенитета”», (Москва, Россия).

21 июня 2023

10.00 - 18 00

Лепский Владимир Евгеньевич, д.филос.н., профессор «Три типа научной рациональности В.С. Степина, как образец создания базовой системы парадигм для междисциплинарных исследований», (Москва, Россия).

Лойко Александр Иванович, д. филос. н., профессор «Постнеклассическая философия техники», (Минск, Беларусь).

Маякова Анна Васильевна, к. филос. н., доцент «Основания формирования концепции социоориентированного квалитативизма», (Курск, Россия).

Москалёв Феликс Игоревич, студент бакалавр «Постнеклассическая наука как парадигма междисциплинарных исследований», (Москва, Россия).

Петров Михаил Алексеевич, «Базовый паттерн прокреации систем», (Москва, Россия).

Плющ Александр Николаевич, д. психолог. н., ст. науч. сотр. «Каково быть наблюдателем кота Шредингера?» (Киев, Украина)

Сабанина Наталья Рафаэлевна, соискатель «Сложностная модель познания в образовании», (Москва, Россия)

Свицкий Яков Иосифович, д. филос. н., вед. науч. сотр. «Динамика науки в свете философских стратегий В.С. Степина и Ж. Симондона», (Москва, Россия).

Сергеев Сергей Федорович, д. психолог. н., профессор «Постнеклассическая наука: рекурсия смысла в сетевых языковых моделях», (Санкт-Петербург, Россия).

Смирнов Григорий Станиславович, д. филос. н., профессор,

Смирнов Дмитрий Григорьевич, д. филос. н., доцент «Академическая ноосферология: опыт постнеклассической репрезентации мировоззрения В. С. Стёпина». (Иваново, Россия)

Тарасенко Владислав Валерьевич, к. филос. н., Советник Исполнительного директора ЦНИИ «Электроника», «Инновационный территориальный кластер как средство и инструмент научной деятельности в постнеклассической науке», (Москва, Россия).

Хохлова Любовь Прокофьевна, к. психолог. н., доцент «Постнеклассическая теория и ее практическое внедрение как необходимое условие выхода из тупика современной катастрофы», (Москва, Россия).

Чапны Елена Владимировна, к. филос. н., доцент «Особенности технологической трансформации человеческого тела и сознания в концепции НБИКС», (Ростов-на-Дону, Россия).

Черникова Ирина Васильевна, д. филос. н., профессор, «Развитие парадигмы постнеклассической научной рациональности в XXI в.», (Томск, Россия).

Шохов Александр Сергеевич, к. филос. н., «Понятия “научная истина” и “объективная реальность»

Секция IV

«Методология социально-гуманитарного знания и проблемы творчества»

доктор филос. наук **Наталья Михайловна Смирнова** (Россия)

чл.-корр. НАН РБ доктор социол. наук

Александр Николаевич Данилов (Беларусь)

20 июня

15.00 – 18.00

Смирнова Наталья Михайловна, д. филос. н., профессор. «Концепция исторических типов рациональности В.С. Степина и методология социального анализа», (Москва, Россия).

Данилов Александр Николаевич, член-корр. Национальной академии наук Беларуси, д. социол. н., профессор «Философия, конструирующая миры» (Минск, Беларусь)

Бескова Ирина Александровна, д. филос. н. «К вопросу об изоморфизме двух типов знания», (Москва, Россия).

Рубанов Анатолий Владимирович, д. социол. н., профессор «Актуальность идей В.С. Степина о культуре и культурных универсалиях» (Минск, Беларусь).

Неретина Светлана Сергеевна, д. филос. н., профессор «Культура как палимпсест» (Москва, Россия).

Щербин Вячеслав Константинович, к. филос. н. «Интерпретация смыслов и историческая реконструкция объективированного знания на пути к пониманию мира» (Минск, Беларусь).

Блюхер Федор Николаевич, к. филос. н. «Временные границы социальных сообществ» (Москва, Россия).

Князева Елена Николаевна, д. филос. н., доцент «Мультиверсальность творчества» (Москва, Россия).

Семенов Сергей Николаевич, к. филос. н., **Семенова Диляра Сергеевна**, магистр философии «В.С. Степин о субъекте познания и проблема субъекта творчества» (Уфа, Россия).

Свободная дискуссия

21 июня

11.00 – 15.00

Сиднева Татьяна Борисовна, д. культурологии, профессор «Концепция постнеклассики и ее методологическое значение для понимания художественного творчества», (Нижегород, Россия).

Легчилин Аатолий Александрович, к. филос. н., доцент, **Бобр Александр Михайлович**, к. филос. н., доцент «Ценности восточнославянской цивилизации в контексте идей В.С. Степина», (Минск, Беларусь).

Румянцева Татьяна Герардовна, д. филос. н., профессор «В.С. Степин о значении историко-философских исследований для разработки методологии науки XXI века», (Минск, Беларусь).

Сидоренко Ирина Николаевна, д. филос. н., доцент «Игровая рациональность В. Беньямина: выбор метода как смена масок», (Минск, Беларусь).

Моркина Юлия Сергеевна, к. филос. н. «Ценности как фактор культурного развития», (Москва, Россия).

Баранец Наталья Григорьевна д. филос. н., профессор, **Веревкин Андрей Борисович**, к. физ.-мат. н, доцент «О методологическом нигилизме отечественных историков», (Минск, Беларусь).

Климович Анна Игоревна, к. филос. н., доцент «Понятие культурной матрицы В.С. Степина в контексте построения методологии историко-философского исследования», (Минск, Беларусь).

Ярославцева Елена Ивановна, к. филос. н., доцент «Постнеклассическая модель науки и творческий потенциал человека в киберсфере», (Москва, Россия).

Можейко Марина Александровна, д. филос. н., профессор «Трансформация трактовки детерминизма в современной гуманитаристике», (Минск, Беларусь).

Лютова Светлана Николаевна, к. филос. н., доцент «Междисциплинарный подход в методах анализа литературного творчества», (Москва, Россия).

Платонова Светлана Ипатовна, д. филос. н., доцент «Большие данные и смена парадигм социального знания», (Ижевск, Россия).

Филипенко Станислава Андреевна к. филос. н. «Творческий потенциал обыденного опыта», (Москва, Россия).

Петриковская Елена Сергеевна, к. филос. н., доцент «Антропологизация социально-гуманитарного знания как возможность его творческого развития», (Москва, Россия).

Кочегарова Есения Андреевна, асп. ИФ РАН «Художественное смыслообразование в контексте смены историко-культурных парадигм», (Москва, Россия).

Миронов Василий Анатольевич, к. филос. н. «Геологическое познание как предмет исследования герменевтики и нарратологии», (Новосибирск, Россия).

Мальшица Наталья Анатольевна, к. филос. н., доцент «Конвергенция паттернов индустрии культуры на основе конъюнкции», (Саратов, Россия).

Кафаров Тельман Эмиралиевич «О некоторых штампах в методологии оценки и классификации наук, (Махачкала, Россия).

Меньшикова Елена Рудольфовна, к. культурологии «Утопия: цена языковой игры – перманентные революции (историко-культурологический регресс)», (Москва, Россия).

Юдина Мария Евгеньевна, к. филос. н., доцент, **Волкова Лариса Витальевна**, к. социол. н., доцент «Синергетика и интерпретация в науке и искусстве», (Москва, Россия).

Секция V

«Философия, методология, междисциплинарность: перспективы гуманитарности в науках о человеке»

доктор философских наук, профессор **Киселева Марина Сергеевна**,
доктор философских наук **Шульга Елена Николаевна**

20 июня

14.00- 16.00 «Гуманитарность: философия и наука, методология и история»

Киселева Марина Сергеевна, д.филос.н., профессор «Гуманитарность в современных науках о человеке» (Москва, Россия).

Агапов Олег Дмитриевич, д.филос.н., профессор «Феномен науки и научного познания в творчестве Владимира Бибихина и Сергея Хоружего» (Казань, Россия).

Шиян Анна Александровна, к.филос.н., доцент «Исторические типы научной рациональности В.С. Степина и философия как строгая наука Э. Гуссерля» (Москва, Россия).

Пилюгина Маргарита Алексеевна, к.филос.н. «Историческая память vs коллективная память в концепции М. Хальбвакса (Москва, Россия).

Шульга Елена Николаевна, д.филос.н., «Понятие факта в методологии науки и в социально-гуманитарном познании» (Москва, Россия).

Малюкова Ольга Владимировна, д.филос.н., доцент «Риторика как методология гуманитарного знания» (Москва, Россия).

Дискуссия

16.00-18.00 «Междисциплинарность и дисциплинарность в гуманитарном знании»

Фатенков Алексей Николаевич, д.филос.н. «Междисциплинарность и прорехи современной интеллектуальной парадигмы (полемиические тезисы)» (Нижний Новгород, Россия).

Бернюкевич Татьяна Владимировна, д.филос.н., профессор «Человек в пространстве города: междисциплинарность в исследовании городских практик» (Москва, Россия).

Лецинская Ирина Ивановна, к.филос.н., доцент «Междисциплинарность как базовый принцип образовательной парадигмы в условиях экзистенциальных рисков» (Минск, Республика Беларусь).

Близнюк Александр Геннадьевич, магистрант ГАУГН «Роль антропологии в развитии междисциплинарности гуманитарных наук» (Москва, Россия).

Ковель Анастасия Николаевна, аспирантура ИФ РАН «Аффективная природа музыки и ее влияние на сознание человека» (Москва, Россия).

21 июня

«Перспективы человека в пространстве технаук: закат гуманитарности или «цифровой поворот»

доктор философских наук **Шульга Елена Николаевна**

14.00-16.00.

Степанова Галина Борисовна, к.психол.н. «Научное знание и технократическое мышление: ценности и критерии целесообразности» (Москва, Россия).

Веряскина Валентина Петровна, к.филос.н., доцент «Антропологический кризис в оптике современных концепций постчеловека» (Москва, Россия).

Бирич Инна Алексеевна, д.филос.н., доцент «Человек в объективе синергетики и гуманитарности» (Москва, Россия).

Малков Сергей Максимович «Цифровая гуманитаристика как междисциплинарный проект» (Москва, Россия).

Мартынова Мария Александровна «Цифровой двойник как способ репрезентации «я»: модальный аспект исследования» (Москва, Россия).

Дискуссия

16.00-18.30

Круглый стол:

«Философия, наука, религия о человеке:

историко-культурная и методологическая проблематика»

доктор философских наук **Шахнович Марианна Михайловна** – доктор философских наук **Киселева Марина Сергеевна**

Шахнович Марианна Михайловна, д.филос.н., профессор «Антропологические аспекты локальных культов: теоретико-методологические подходы изучения» (Санкт-Петербург).

Буржете Аяла Марина Рикордовна «Вечные истины и порождение нового знания. Мигель Сервет: “теология как медицина и медицина как теология”» (Москва, Россия).

Чумакова Татьяна Витаутасовна, д.филос.н., профессор «Русская литература в церковном дискурсе XIX – нач. XX вв. как объект междисциплинарного анализа» (Санкт-Петербург, Россия).

Брук Елизавета Григорьевна «Периодические издания духовных академий Российской Империи 2-ой пол. XIX– нач. XX вв.: полемика вокруг “старокатолического вопроса”» (Санкт-Петербург, Россия).

Лямина Татьяна Евгеньевна, к.филос.наук, доцент «Проблема религии в концепции социального отчуждения Н.К. Михайловского» (Смоленск, Россия).

Гусева Анна Андреевна, к.филос.н. «Нарратив “возвращения к истокам”: иеротопические образы в переписке прот. А. Шмемана и прот. Г. Флоровского» (Москва, Россия).

Браткин Дмитрий Александрович, к.и.н., доцент «Проблема постсоветской рецепции трудов Р. Ю. Виппера: неудобный атеизм» (Санкт-Петербург, Россия).

Боков Герман Евгеньевич, к.филос.наук, доцент «Постнеклассический тип научной рациональности и религия» (Санкт-Петербург, Россия).

Курганова Ирина Геннадьевна, к.филос.н. «Религия и новые технологии о будущем человека: постановка проблемы» (Москва, Россия)

Дискуссия.

Секция VI

«Биоэтика в контексте постнеклассической науки: проблемы и перспективы»

доктор философских наук **Ольга Владимировна Попова**,
доктор философских наук **Павел Дмитриевич Тищенко**
20 июня, вторник, 15.00, ауд.312 (3 этаж)

Белкина Галина Леонидовна, к.филос.н., **Фролова Мария Ивановна** «К вопросу о формировании гуманистической биоэтики», (Москва, Россия).

Тищенко Павел Дмитриевич, д.филос.н. «Рациональная сложность социально-распределенного производства инновационного знания», (Москва, Россия).

Попова Ольга Владимировна, д.филос.н. «Философские аспекты проблемы приверженности лечению в контексте медико-генетического консультирования.

Соколич Валерия Николаевна, к.филос.н. «Парадигма открытой науки в биомедицинских исследованиях XXI века», (Минск, Беларусь)

Воронин Андрей Алексеевич, д.филос.н. «Человек и природа», (Москва, Россия).

Беляетдинов Роман Рифатович, к.филос.н. Уважение персональной автономии как проблема смыслополагания в биоэтике. (Москва, Россия).

Ветров Владимир Андреевич «Эмпирические исследования в биоэтической экспертизе как проявление постнеклассической науки» (Москва, Россия).

Антипов Алексей Владимирович, к.филос.н. Искusstvenные моральные агенты в биоэтике: прозрачность и этический дизайн (Москва, Россия).

Майленова Фарид Габделхаковна д.филос.н. **Восприятие боли в медицине и психологии**. (Москва, Россия).

Пронин Михаил Анатольевич, к.мед.н. **Бубнов Александр Владимирович** «Философия как экспертиза: от парадигмальных аномий классической и неклассической рациональностей к сетевому интеллекту», (Москва, Россия)

20 июня, 15.00-17.00

Круглый стол

«Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки»

член-корреспондент РАН доктор философских наук

Илья Теодорович Касавин,

кандидат философских наук **Татьяна Дмитриевна Соколова**

Касавин Илья Теодорович, член-корр. РАН, «Таксономия в структуре науки», (Москва, Россия).

Заидуллин Жан Каримович, к.филос.н., «Проблема таксономии знаний в философии науки и эпистемологии», (Москва, Россия).

Костина Алина Олеговна, к.филос.н., «Таксономия и проблема эпистемических искажений», (Москва, Россия).

Сахарова Анна Владимировна, «Таксономии и научные коммуникации», (Нижегород, Россия).

Масланов Евгений Валерьевич, к.филос.н., «Таксономии как объект научной политики», (Москва, Россия).

Аргамакова Александра Александровна, к.филос.н., «Несоизмеримость научных теорий как несовпадение таксономических категорий», (Москва, Россия).

Соколова Олеся Игоревна, к.филос.н., «Проблемы классификации и систематизации в контексте феномена энциклопедизма», (Нижегород, Россия).

Шевченко Сергей Юрьевич, к.филос.н., «Синтетическая жизнь и подходы к ее классификации», (Москва, Россия).

Соколова Татьяна Дмитриевна, к.филос.н., «К истории научного классифицирования: случай Альфонса Декандоля», (Москва, Россия).

Тухватулина Лиана Анваровна, к.филос.н., «Таксономия инноваций в правоведении». (Москва, Россия).

Шиповалова Лада Владимировна, д.филос.н., «Места и неуместность областей (научного) знания», (Санкт-Петербург, Россия).

20 июня

15.00-17.00

Круглый стол

«Постнеклассическая парадигма это: мировоззрение, наука, методология, или (и) рациональность?»

доктор философских наук **Бажанов Валентин Александрович**,
кандидат физ.-мат. наук, доктор философских наук
Владимир Григорьевич Буданов

Вопросы для обсуждения:

1. Насколько надежны основания для выделения особой «постнеклассической» науки, которая в известном смысле «рядоположена» классической и неклассической науке?
2. По каким причинам представление о «постнеклассической» науке фактически ограничивается странами, до начала 1990-х годов входившими в состав СССР?
3. Какова генетическая связь и отличия постнеклассической концепции методологии и науки В.Степина с предыдущими подходами к науке?
4. Эволюция типов научной рациональности. Постнеклассика – итог или перспективы?
5. Возможности применения постнеклассики в науках о духе.
6. Цифровые вызовы и постнеклассическая рациональность.
7. Постнеклассика и науки о сложном.

Участники круглого стола:

Кузнецова Наталья Ивановна - д.филос.н., профессор (Москва, Россия)

Бажанов Валентин Александрович - д.филос.н. профессор, (Ульяновск, Россия)

Буданов Владимир Григорьевич - д.филос.н., к.физ.-мат.н. (Москва, Россия)

Кудашов Вячеслав Иванович - филос. н., профессор (Красноярск, Россия)

Багдасарян Надежда Гегамовна - д.филос.н. профессор, (Москва, Россия)

Аришинов Владимир Иванович - д.филос.н. (Москва, Россия)

Космодемьянский Леонид Владимирович - д. мед. н. (Москва, Россия)

Марача Вячеслав Геннадиевич - к. филос. н. (Москва, Россия)

Прись Игорь Евгеньевич – д.философии (PhD), к.физ.-мат. н. (Минск, Беларусь)

Петриковская Елена Сергеевна - к. филос. н., доцент «Антропологизация социально-гуманитарного знания как возможность его творческого развития», (Москва, Россия).

Васюков Владимир Леонидович - д.филос.н., (Москва, Россия).

Фалько Владимир Иванович - к. филос. н., доцент, (Мытищи, Россия)

Черникова Ирина Васильевна - д.филос.н., профессор (Томск, Москва)

21 июня

11.00 – 13.00

Круглый стол

«Проблемы преподавания философии науки»

доктор философских наук **Вадим Маркович Розин**,
доктор философских наук **Ирина Александровна Асеева**,
доктор философских наук **Вячеслав Иванович Моисеев**

Асеева Ирина Александровна, д.филос.н., профессор «О проблемах преподавания философии науки в вузе», (Москва, Россия).

Меськов Валерий Сергеевич, д.филос.н., профессор МПГУ, *Букин Дмитрий Георгиевич*, магистр «Роль парадоксов в постнеклассической концепции образования», (Москва, Россия).

Меськов Валерий Сергеевич, д.филос.н., профессор МПГУ, *Курраева Татьяна Владимировна*, преподаватель «Философия творчества в постнеклассической концепции образования», (Москва, Россия).

Моисеев Вячеслав Иванович, д.филос.н., профессор «К новой концепции курса философии науки для аспирантов», (Москва, Россия).

Наумов Петр Юрьевич, к.филос.н. «Трансляция знаний: к концептуализации функций философии науки в становлении личности исследователей права», (Балашиха, Россия).

Пронин Михаил Анатольевич, к.мед.н., с.н.с. «Введение в виртуалистику: мировоззренческие проблемы преподавания преподавателя дисциплины», (Москва, Россия).

Розин Вадим Маркович, д.филос.н., профессор «Методологические проблемы преподавания философии науки», (Москва, Россия).

Сабанина Наталья Рафаэлевна, соискатель «Трансдисциплинарная методология моделирования постнеклассического текста», (Москва, Россия).

Селиванова Елена Валерьевна, к.пед.н., доц. «Проблемы преподавания философии науки и «Теоретическое знание», (Санкт-Петербург, Россия).

Терехович Владислав Эрикович, к.филос.н., доц. «Курс «Философия науки» для бакалавров STEM специальностей», (Москва, Россия).

21 июня

14.00 – 18.00

Круглый стол

«С заботой о планете. К 160- летию со дня рождения В.И. Вернадского»

доктор философских наук **Ирина Алексеевна Герасимова**,
академик РАН, доктор исторических наук **Михаил Дмитриевич Бухарин**

Первое заседание. 14.00 – 16.30

Смирнов Григорий Станиславович, д.филос.н., профессор «Философское завещание академика В.С. Стёпина: методологические идеи В.И. Вернадского и наука XXI столетия», (Иваново, Россия).

Малов Игорь Федорович, к.физ-мат.н. «Жизнь на Земле – явление космическое. Всюдность жизни», (Пушино, Россия).

Дмитриева Наталья Владимировна, к.пед.н. «Жизнь на Земле – космическое чудо или закономерность?», (Москва, Россия).

Занин Сергей Викторович, д.и.н., абилитированный д.ю.н., профессор «В.И. Вернадский об историческом знании», (Саратов, Россия).

Чирятыев Михаил Николаевич «Роль индийской мудрости в создании В.И. Вернадским новой научной картины мира» (Санкт-Петербург, Россия) интерпретации квантовой физики», (Санкт-Петербург, Россия).

Шимельфениг Олег Владимирович, к.физ-мат.н., доцент Сюжетно-игровая парадигма как продолжение отечественных научно-философских инноваций (Саратов, Россия)

Клецкин Михаил Васильевич, к.филос.н. «Натурфилософские основания», (Самара, Россия).

Вольнов Илья Николаевич, к.т.н. «Сферный подход В.И. Вернадского», (Москва, Россия).

Иванов Михаил Алексеевич, к.филос.н., доцент «В.И. Вернадский о войне, науке и прогрессе», (Москва, Россия).

Тонковидова Анна Викторовна, к.филос.н. «В. Вернадский: стратегия управления», (Краснодар, Россия).

Бритвина Любовь Евгеньевна, к.физ-мат.н., доцент, *Баранов Михаил Владимирович* «Научное волонтерство в исследовательских проектах по изучению биоразнообразия видов. Взгляд волонтера», (Великий Новгород, Россия).

Бирич Инна Алексеевна, д.филос.н., профессор «Личность и качества ученого в духовно-ноосферной культуре будущего», (Москва, Россия).

Солодухин Денис Витальевич, к.филос.н. «В.И. Вернадский: разум и интуиция как функция биосферы», (Москва, Россия).

Мурзин Николай Николаевич, к.филос.н. «Человек как универсальный образ разумной жизни», (Москва, Россия).

Герасимова Ирина Алексеевна, д.филос.н., профессор «Готово ли человечество стать геологической силой?», (Москва, Россия).

Второе заседание 16.45-18.00

Свободная дискуссия

Открытие Конференции

Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов - ВРИО директора Института философии РАН, академик РАН, д.ф.н. (Москва, Россия).

Доброе утро, коллеги! Степинские чтения задумывались, начинались и продолжают как чтения, охватывающие все пространство нашего Института, все научные подразделения, предметные области философии, представленные в нем. Это объясняется как широтой теоретических интересов академика Степина, так и исключительной практической ролью, которую он в течение 30 лет играл в качестве лидера отечественной философии.

Чтения этого года соответствуют сложившемуся формату, но, в некотором смысле, они являются предваряющими, подготовительными по отношению к следующему юбилейным чтениям 2024 года. 2024 год – год юбилейный, 90 лет со дня рождения Вячеслава Семеновича. Это будет юбилейным годом и для многих других выдающихся его товарищей, наших коллег, составивших ядро философов-шестидесятников: Бородая Юрия Мефодиевича, Гайденок Пиама Павловны, Мотрошиловой Нелли Васильевны, Соловьева Эриха Юрьевича, Швырева Владимира Сергеевича – какое замечательное созвездие имен! Предстоящие юбилейные Степинские чтения не могут, видимо, обойтись без того, чтобы осмыслить тот этап развития русской философии XX века, который получил название философов-шестидесятников.

Темы этого года, насколько я понимаю, в основном сосредоточены на фундаментальных исследованиях Вячеслава Семеновича в области философии науки и теории познания, благодаря которым он прежде всего и заслужил свою известность в нашей и мировой науке. Это - преимущественные направления его творчества, но не исчерпывающие. Вместе с тем, мне кажется, большого внимания заслуживают также его идеи, касающиеся философии и культуры, рассмотренные в контексте типов цивилизационного развития, которые стали продолжением и в известной мере обобщением его исследований в области философии науки. И, насколько я понимаю, в чтениях запланирован круглый стол, предметом которого является развитие его ключевой идеи о постнеклассической науке, о судьбе этой идеи, ее глубине и границах, роли в понимании современных перспектив интеллектуального развития. Многие вопросы этих чтений, по-видимому, и явятся переходом к своего рода обобщающему взгляду на творчество Вячеслава Семеновича, на наиболее актуальные проблемы современной философии, и они послужат началом для будущих юбилейных чтений 2024 года.

И, конечно, в этой связи встанут новые вопросы, связанные с когнитивными науками, с цифровизацией, с искусственным интеллектом, вообще с неожиданными, в такой же мере вдохновляющими, в какой и пугающими цивилизационными поворотами. Становится очевидно, что рационализм обретает какую-то новую форму, рождается какой-то ее новый тип, наблюдаются очевидное изменение типа рациональности, о котором говорил Вячеслав Семенович на примере трех типов научной рациональности, третьим типом которой он как раз

и считал постнеклассическую науку. Мне кажется, будет очень важным предметом для обсуждения рассмотрение того, как этот рационализм выглядит сегодня.

Другой связанный с ним, но отдельный и не менее важный излюбленный степинский вопрос – это вопрос о типах цивилизационного развития. Мы уже давно восприняли его мысль о трех типах цивилизационного развития. Однако, его последняя обращенная в будущее идея связана с тем, что сейчас новоевропейская цивилизация, современная цивилизация, находится в ситуации кризиса, который имеет не локальный, но повсеместный фундаментальный характер, и касается самих оснований, на которых стоит техногенная цивилизация. Современные изменения, происходящие в мире, которые имеют свои геополитические, политические, военные аспекты, в какой-то мере отражают эти фундаментальные основы, меняющие сам тип цивилизации, подтверждая идеи Вячеслава Семеновича.

Словом, мне кажется, важна не только наша верность задуманному организационному формату общеинститутских чтений, но и по существу важно понимание масштабности предмета чтений, обязывающего всякий раз обращаться к творчеству Вячеслава Семеновича во всей его полноте, и, я уверен, наши чтения должны стать одним из важных этапов развития философской мысли. Приветствуя чтения, желаю вам всяческих успехов, и, конечно, желаю, чтобы вы работали с осознанием важности этого мероприятия и для нашего Института и для всего нашего общего философского дела. Спасибо.

Андрей Вадимович Смирнов – ВРИО заместителя директора Института философии РАН, академик РАН, д.ф.н. (Москва, Россия)

Уважаемые коллеги, уважаемые друзья, участники Чтений!

Для меня большая радость и большая честь обратиться к вам со словами приветствия. Хочу поблагодарить организаторов за то, что мне дали мне такую возможность. Это — не дежурные слова. Дело в том, что у меня никак не получается отнестись к Вячеславу Семеновичу Степину просто как к одному из имён в летописи философии, как к носителю некоторой суммы ярких идей. Он был и остается для меня живым человеком. И когда я заговариваю о его идеях, его образ и его поведение, его голос и его манеры звучат и сопровождают этот разговор, как если бы он оставался его участником.

Вячеслав Семенович был человеком очень живым, крайне отзывчивым. Это был человек, постоянно нацеленный на науку и философию — при том, что он занимал очень высокие административные посты. Ведь он был директором Института философии 17 лет, и в Академии он занимал очень высокие должности, был включен во всю работу с Президиумом, отдавая эту немало времени. Но при этом, как мне кажется, главным для него всегда оставались научная дискуссия и научные идеи.

Он был увлечен своими идеями. И это естественно: его концепции были не просто неким теоретическим тезисом, который он провозглашал. Это было сутью его, если хотите, жизни, это было то, что он выстрадал и за что готов был биться. И я очень благодарен судьбе за то, что она свела нас очень близко. В

общем, мы, конечно, будем говорить о его идеях, но и о Вячеславе Семеновиче как личности мы не должны забывать, он должен оставаться с нами.

К тому, что сказал Салам Керимович, я бы добавил вот что. Вячеслав Семенович хотел сделать очень важную вещь. Насколько это получилось и что можно делать дальше — это другой вопрос. Но об этом надо говорить, и мне кажется, что об этом недостаточно говорят. Ведь он хотел фактически свести воедино естественный и гуманитарный типы познания и знания. Он хотел ту свою концепцию, которая была выстрадана и которая родилась на основе исследования закономерностей развития естественных наук, применить к пониманию культуры. У него много работ по российской и советской культуре, а также, что интересно, по неевропейским культурам и обществам. И надо сказать, что это был очень масштабный, смелый подход. Вячеслав Семенович никогда не боялся интеллектуальных вызовов. Я помню, как он приходил в сектор восточных философий, который тогда возглавляла Мариэтта Тиграновна Степанянц. Специально приходил, это была его инициатива, рассказывал о своей концепции. Он хотел ее обсудить, был открыт критике.

Таким образом, идея Вячеслава Семеновича о том, что естественнонаучное и гуманитарное типы знания могут оказаться едины в том смысле, что они пользуются общими объяснительными механизмами, приложимыми и к развитию науки, и к развитию природы, и к развитию общества, является одной из фундаментальных гипотез, которую надо обсуждать.

Другая его идея также требует дальнейшей разработки. Речь о том, что сегодня старые, но и вместе с тем новые цивилизации, такие как Китай, Индия, исламский мир, в той или иной форме заявляют о своих цивилизационных моделях, ставя под вопрос западный глобализационный проект, а значит, так или иначе, ставя под вопрос те основания рациональности, на которых этот проект покоится. С этим вызовом надо иметь дело. От него нельзя просто отвернуться и сделать вид, что его нет, потому что, если отвернешься, все равно тебя постучат по плечу и заставят обратить внимание. Это — еще один аспект вопроса о рациональности, аспект очень непростой для изучения и понимания, но это тот вопрос, к которому был открыт Вячеслав Семенович и который он обсуждал и исследовал. И я думаю, что было бы очень продуктивным обратить на него внимание.

Не хочу отнимать время у докладчиков. Большая благодарность и Вячеславу Семеновичу и всем вам — и нам — за то, что мы здесь собрались поговорить о его идеях. Спасибо.

Андрей Дмитриевич Король - доктор педагогических наук, профессор, ректор Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Вероника Святославовна Сайганова - к. филос. н., доцент Декана факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Уважаемые коллеги, участники Международной научной конференции «Третьи Степинские чтения». Сегодня мне выпала честь и ответственность зачитать приветственное слово ректора Белорусского государственного университета, доктора педагогических наук, профессора *Андрея Дмитриевича Короля*:

«Уважаемые члены президиума, организационного и программного комитета, от себя лично и всего БГУ приветствую вас на открытии международной научной конференции, посвященной выдающемуся российско-белорусскому исследователю, академику Российской академии наук, члену Национальной академии наук Беларуси, почетному профессору БГУ – Вячеславу Семеновичу Степину.

Имя академика В.С. Степина навсегда связано с Белорусским государственным университетом. Закончив исторический факультет БГУ, аспирантуру БГУ, защитив диссертацию, заведовав кафедрой философии гуманитарных факультетов БГУ, основав Минскую философско-методологическую школу, – В.С. Степин именно из университета шагнул в большую науку, где достиг мирового признания.

За выдающиеся инновационные достижения в науке В.С. Степин был избран академиком РАН, стал лауреатом Государственной премии России, почетным профессором многих ведущих университетов, иностранным членом ряда старейших академий наук в мире, несколько десятилетий возглавлял Российское философское общество и Институт философии РАН.

Академик В.С. Степин всегда делал все от него зависящее для укрепления сотрудничества ученых Беларуси и России. По обоюдной инициативе укреплялись научные контакты между Российской академией наук и БГУ, проходили международные научные форумы, в 2017 году состоялся Первый белорусский философских конгресс. Вплоть до последних лет своей жизни Вячеслав Семенович часто бывал в Минске, выступал с лекциями перед преподавателями и студентами БГУ, публиковался в научных изданиях университета, презентовал свои книги университетскому сообществу. Он всегда умел создавать вокруг себя интеллектуально насыщенную творческую атмосферу талантливых молодых ученых, небезразличных к вопросам современности. Нынешние философские кафедры БГУ в профессиональном плане состоят из учеников, единомышленников В.С. Степина и молодых последователей его идей.

В 2019 году в БГУ открыта именная аудитория академика В.С. Степина, в которой представлена часть библиотеки философа, личный фотоархив и музейные экспонаты. В 2022 году состоялась международная научная конференция памяти философа «Академик В.С. Степин и исследовательские традиции Минской философско-методологической школы». Научный форум собрал исследователей из Беларуси, России и Китая разных поколений – от студентов, делающих первые шаги в науке, до именитых профессоров, которым выпала честь

быть учениками и коллегами В.С. Степина и продолжать заложенные им традиции Минской философско-методологической школы.

На сегодняшний день каждая вторая кандидатская или докторская диссертация по философским наукам, защищенная в Совете БГУ, так или иначе связана с проблематикой, разрабатываемой В.С. Степиным. Какие бы вопросы ни входили в поле исследовательских интересов современных университетских философов, можно с уверенностью отметить, что те традиции и ценности, мировоззренческие ориентации и нормы академического дискурса, которые закладывались В.С. Степиным поддерживаются в БГУ и в настоящее время.

Полученные академиком В.С. Степиным научные результаты сегодня оцениваются как крупнейшие открытия в области философии и методологии науки, теории познания, философии цивилизаций, философии культуры, образования.

В.С. Степин своим творчеством создал единое научное пространство *понимания*, поиска новых смыслов между Российскими и Белорусскими исследователями, в котором мы слышим и видим друг друга, особенно сегодня, когда современный мир буквально тонет в чужой обезличенной информации, в оглушающем информационном шуме.

В своей книге «Философская антропология и философия культуры» в заключительной главе «Наука, образование и проблема новой модернизации» В.С. Степин поднимает вопросы школьного и вузовского образования. Он обращает внимание на стиль мышления современных учеников, который, под воздействием современного образа жизни, массовой культуры, утрачивает системность, становится «клиповым», разрозненным, дезориентированным. Противоположным этому стилю мышления В.С. Степин видит научную рациональность, стержнем которой являются *ценности* системного мышления. Вслед за В.С. Степиным хотелось бы обратить внимание участников конференции на *аксиологическом* аспекте понимания, коммуникации в образовании и попытаться понять стиль мышления современного ученика.

Современный ученик утрачивает общение, он не имеет своего, что сказать, молчит, тем самым, поднимая проблему молчания в педагогике. Утрата общения происходит из-за преобладания монологичности в современном образовании, когда смыслы и цели образования подразумевают передачу достижения педагогически адаптированного социального опыта от источника приемщику. Однако всегда ли то, что дают ученику, он берет, и всегда ли то, что он берет, становится его? Монолог создает дистанцию между учеником и учителем, своеобразную стену отчуждения. По этой причине общение естественным образом умирает, атомизируется, порождает одинаковость учеников и их ответов, подражание, шаблонизацию мышления и, как результат, – изолированность человека от человека в образовательном пространстве, неуслышанность учеником учителя и наоборот, а также потерю смыслов.

Одним из направлений преодоления подобного атомизма в школе видится построение диалогичного образования, когда методологической и методической доминантой выступает *вопрос ученика*, а не учителя. Научить разговаривать ученика, как ни парадоксально, можно через молчание. Существует не

только один полюс, когда молчание рассматривается как стадия, когда своего сказать нечего, а также второй аспект, когда *молчание* – это еще и созидание, рождение новых смыслов. Научение ученика вопрошанию, построение такой системы обучения, которая основана не на приоритете отвечающего, а на приоритете вопрошания, приводит к возможности для ученика открывать себя, окружающий мир, вселяться в него, смотреть на себя со стороны. Необходимо создавать в образовании такую среду, которая на сегодняшний момент возвращает утраченного человека ему же самому в атмосфере творчества и взаимного доверия.

В данном ключе уместно вспомнить слова В.С. Степина о том, что «...ценность творчества порождает новые состояния культуры, тем самым оберегая нравственные основания социальной жизни...», и именно данный аксиологический ракурс должен превалировать в сфере образования.

Сегодня мы все находимся в едином поле понимания культуры, науки и образования, а такие фигуры как В.С. Степин продолжают связывать российскую и белорусскую философию не только в научно-исследовательском ракурсе, но и в практической сфере академического дискурса, образования.

В заключение хотелось бы пожелать участникам сегодняшней конференции продуктивных дискуссий, быть услышанными друг другом, приятного общения и успехов в открытии новых смыслов наследия В.С. Степина, поиска новых векторов и перспектив философии науки в современном мире».

Вероника Сайганова Святославовна - к. филос. н., доцент Декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

От себя лично хотелось бы добавить, что на факультете философии и социальных наук БГУ чтят и сохраняют научно-исследовательские традиции, заложенные В.С. Степиным. Кафедра, которую возглавлял Вячеслав Семенович, стала одной из факультетобразующих, сейчас она называется –

кафедра философии и методологии науки. Учебные планы для студентов и магистрантов включают курсы и спецкурсы по проблематике, разрабатываемой В.С. Степиным.

В прошлом году мы анонсировали учреждение на уровне факультета Премии имени Академика В.С. Степина для студентов, преподавателей и молодых ученых. Пока Премия будет функционировать на уровне факультета философии и социальных наук БГУ, однако в будущем хотим пригласить российских коллег из ИФ РАН или вузов организационно нас поддержать, и рассмотреть возможность совместного российско-белорусского варианта Премии имени Академика В.С. Степина.

Спасибо за внимание.

Анатолий Аркадьевич Лазаревич - к. филос. н., доцент Директор Института философии НАН Беларуси. (Минск, Беларусь)

Наука в условиях новой социальности

Уважаемые организаторы и участники конференции! Дорогие коллеги!

Сердечно приветствую вас от имени коллектива Института философии Национальной академии наук Беларуси по случаю открытия Третьих Степинских чтений! Мне приятно выполнить эту почетную миссию по ряду причин. Главная из них это, конечно, то, что Вячеслав Семенович Степин является выдающимся ученым-философом, внесшим огромный вклад в мировую философскую науку, в понимание сущности культурно-цивилизационного развития, роли и места в этом процессе науки, научной рациональности, философской методологии. Кроме этого, мне приятно подчеркнуть, что Вячеслав Семенович наш земляк, основатель так называемой Минской философско-методологической школы, неоднократно бывавший в нашем Институте, участник Первого белорусского философского конгресса.

Правильным было решение об учреждении Степинских чтений. Время, к сожалению, летит быстро, это уже Третьи чтения, в рамках которых мы вспоминаем Вячеслава Семёновича, оцениваем его гениальное творчество. Мы привыкли видеть его на наших мероприятиях, совместно с ним организовывать многие конференции. Конечно, грустно сознавать, что нынешний форум проходит без него, но главное это то, что Степин оставил очень большой корпус идей и концепций, которые продолжают работать в философии, востребованы современной культурой и наукой. Будем и дальше развивать эти идеи, которые Вячеслав Семёнович в своё время создавал и транслировал в систему философско-методологического знания.

Сфера научных интересов В.С. Степина очень обширна. Базовой в ней является проблематика, связанная с философией науки, с пониманием науки, так сказать, «изнутри», то есть с момента рождения научной идеи и её кристаллизации в развитую теоретическую конструкцию под воздействием и собственно научных традиций, и традиций широкого культурного опыта, частью которого является субъективное творчество ученого. В последнем случае речь идет о погруженности науки в широкий социокультурный контекст общецивилизационного развития, что делает ее неотъемлемой частью этого развития и что в силу обратной детерминации влияет на саму науку, типы научной рациональности, способы обоснования и востребованности знания.

В.С. Степин внес огромный вклад не только в философию и методологию науки, но и в понимание моделей развития общества, культуры и цивилизации. Под воздействием новаций в технологическом и социально-коммуникационном базисе общества сегодня наблюдается процесс становления новой социотехнической реальности, новой социальности в целом, важнейшими особенностями которой выступают:

- высокая плотность интеграции социосферы и техносферы,
- возрастание степени искусственности окружающей человека среды,

- усиление зависимости человека и общества от техносферы и прогресса технологий,

- тесная взаимообусловленность социально-коммуникативных и инновационно-технологических факторов общественного развития.

Другими словами, при столь высокой интенсивности социальной динамики возникают новые проблемы, требующие своего понимания и осмысления с учетом философско-методологического потенциала, созданного творчеством В.С. Степина. Безусловно, некоторые прежние идеи нуждаются в реконструкции и обогащении в условиях новой реальности. К примеру, Вячеслав Семёнович очень много сделал в плане понимания структуры и развития научной теории. Философская мысль исторически обогащала учение о прогностическом потенциале теоретических концепций. Но сегодня мы сталкиваемся с феноменом, когда процесс формирования новой социальности в сущностном и темпоральном отношении превосходит прогностический потенциал социогуманитарного знания. Активная социо-техно-технологическая практика опережает инструментальные возможности компетентной концептуально-теоретической рефлексии. В связи с этим возникает ряд проблем эпистемологического характера, наиболее очевидными и существенными среди которых следует назвать:

- понятийный и методологический плюрализм (неточность, дублирование понятий, противоречия в смыслах и подходах к оценке событий),
- слабый прогностический потенциал имеющихся теорий в отношении картины будущего.
- клиповое сознание и хаотизация мировоззрения человека в условиях новой темпоральности.

В плоскости отмеченной проблематики и возникают идеи конца науки, конца теории, идеи нового эмпиризма и т.п.

Многое можно было бы сказать и в отношении других параметров современного научно-технического и технологического развития. Скажем, ключевая идея взаимосвязи науки и общества, которой В.С. Степин также уделял пристальное внимание, не сводится только к проблеме, так называемого, технологического детерминизма в классической её интерпретации. Особенность современного цивилизационного развития состоит в том, что на нынешнем этапе технико-технологические новации не могут эффективно осуществляться вне развитых коммуникационных сетей производства и социализации научной информации. К примеру, пятый и последующий технологические уклады представляют собой синтез достижений научно-технического (технологического) и коммуникационно-технологического характера, при определяющем значении последних в практике инновационного развития общества (суть идеи трансформации технологического детерминизма). Отмеченный синтез свидетельствует о формировании новой *конвергентной модели социотехнической/технологической картины мира*, интегрально включающей в себя, с одной стороны, новейшие технологии (биотехнологии, нанотехнологии, компьютерные технологии и др.), полученные в рамках развития фундаментального теоретического знания, и, с другой стороны, информационно-коммуникационные технологии, в свою очередь конвергентно представленные всеми известными

формами и средствами социальной коммуникации, допуская органичное включение в этот процесс технологий искусственного интеллекта.

Можно было бы назвать и другие актуальные проблемы современного культурно-цивилизационного развития, которые актуализируют творчество В.С. Степина, особенно, в контексте идеи постнеклассической науки. Но здесь я хотел бы обратить внимание на то, что сама идея постнеклассической методологии мертва, она просто не работает вне потенциала философии как сердцевины гуманитарной культуры человечества. Полагаю, на состояние философского знания, развитие философии в системе современной науки и культуры также следует обратить внимание.

В заключение подчеркну, творческое наследие Вячеслава Семеновича Степина продолжает иметь конструктивное теоретико-методологическое и научно-практическое значение в оценке современных процессов развития науки, техники и технологии, эволюции техногенной цивилизации, привнося в идейную и концептуальную реконструкцию этих процессов гуманитарную компоненту.

Пленарное заседание

В.С.Стёпин и идея исторических типов рациональности

Лекторский В.А.

Академик РАН

Доктор философских наук, профессор

Институт философии РАН

Москва, РФ

В статье анализируется концепция В.С.Стёпина об исторических типах научной рациональности. Показано значение этой концепции для понимания характера научного знания (картина мира, структура теории, средства исследования, идеалы описания и объяснения) и его исторической изменчивости. Сделана попытка дополнить эту концепцию (обосновать идею о появлении нового типа научной рациональности) на основе изучения того, как в современной науке используется обработка больших данными системами искусственного интеллекта. В этой связи анализируется взаимоотношение объяснения, понимания и предсказания в системе научного знания и обсуждается вопрос о будущем теоретического знания.

Ключевые слова: рациональность, научная картина мира, теория, объяснение понимание, предсказание, большие данные, искусственный интеллект

V.S. Stepin and the idea of historical types of scientific rationality

Lectorsky V.A.

Academician of the Russian Academy of Sciences

Doctor of Philosophy, Professor

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

The author has analyzed the conception by V.Stepin about the historical types of scientific rationality. It has shown the importance of the conception for understanding the nature of scientific knowledge (world picture, theoretical structure, means of scientific investigation, ideals of description and explanation) and its historical change. The author is trying to make his own addition to the conception - to formulate the idea about the appearance of a new type of scientific rationality- on the base of analyzing the use of Big Data in current scientific investigations. In this context the author is discussing the relations of explanation, understanding and prediction within scientific knowledge and the problem of the future of theoretical science.

Key words: rationality, scientific world picture, theory, explanation understanding prediction, big data, artificial, intelligence.

Выдающийся философ

В мае 1968 года я по предложению Ивана Тимофеевича Фролова, нового главного редактора «Вопросов философии», стал членом редакционной колле-

гии журнала и заведующим отделом диалектического материализма в нём. Журнал вскоре стал играть особую роль: открытие новой проблематики, публикация интереснейших статей, проведение круглых столов по острым проблемам науки и культуры.

В 1969 г. я как заведующий отделом журнала получил статью неизвестно мне тогда автора из Минска В.С.Стёпина «Проблема субъекта и объекта в опытной науке». Статья произвела на меня сильное впечатление. Я рекомендовал её редколлегии, и последняя на своём заседании с энтузиазмом приняла решение о публикации этого текста. Статья вышла в свет в первом номере журнала за 1970 год. Так я заочно познакомился с Вячеславом Семёновичем. Вскоре состоялось и очное знакомство. В.С.Стёпин приехал в Москву, в наш Институт философии и на заседании сектора диалектического материализма, которым я руководил, сделал доклад, который мы горячо обсуждали. В это время наш сектор готовил под моей редакцией книгу «Философия, методология, наука». Я предложил Стёпину дать текст для этого издания. Он охотно откликнулся. В вышедшей в 1972 году книге опубликована его большая статья «К проблеме структуры и генезиса научной теории», в которой содержится набросок его концепции научной теории, которая потом была им детально разработана и получила широкую известность. Книга получила признание среди наших философов, особо была выделена статья В.С.Стёпина.

Завязалась наша дружба. Я начал регулярно посещать Минск и кафедру философии Белорусского Государственного Университета, которой стал руководить Вячеслав Семёнович. Я принимал участие в конференциях кафедры, познакомился с сотрудниками, интересными и духовно близкими мне людьми. Стёпин часто приезжал в наш Институт, в котором стал желанным участником публикаций и обсуждений как в нашем секторе (который с 1979 г. стал называться сектором теории познания) так и в секторе логики и в отделе философских проблем естествознания – тех подразделений, которые в то время наиболее интересно работали, в рамках которых шёл действительный процесс обновления отечественной философии. В 1979 г. в вышедшей в Минске под редакцией В.С.Стёпина книге «Природа научного знания» была опубликована моя большая статья (важная для меня): «Альтернативные миры» и проблема непрерывности опыта». Словом, с помощью Вячеслава Семёновича возникло активно работавшее содружество минских и московских философов.

Наше общение стало особенно интенсивным, когда Стёпин приехал в Москву и стал сначала директором Института истории естествознания и техники АН СССР (1987), а затем директором нашего Института философии (с 1988 г.). Начался новый этап в разработке его концепции научной теории, в исследовании проблематики теории познания и философии науки. В эти же годы он разработал теорию исторических типов научной рациональности, о которой я буду писать ниже.

Его работам свойственна важная особенность, которая сегодня присуща не очень многим философам. Как известно, в прошлом каждый уважаемый и уважающий себя философ должен был быть автором собственной системы, в которую входила проблематика онтологии, логики, теории познания, социаль-

ной философии, этики. Сегодня дело обстоит не так. Многими считается, что философ может быть специалистом в очень узкой области, быть известным небольшому кругу ему подобных, а вовсе не широкой публике, и тем не менее быть весьма уважаемым. На такое понимание особенно повлияла аналитическая философия. Некоторые её представители писали о том, что философ занимается только тем, что откликается на тексты собственных коллег, исследует их способы анализа тех или иных конкретных случаев и предлагает свой вариант.

Иллюстрацией такого понимания философии может быть, например, американский философ Э.Геттиер. Он написал трёхстраничный текст о том, можно ли считать знанием истинное и обоснованное мнение (как это полагало большинства философов со времён Платона). Этот текст обсуждается в аналитической философии до сих пор. Ничего другого Геттер почти не написал, что не помешало ему стать широко известным в кругу аналитических философов.

Я не разделяю такое понимание философии.

Конечно, верно, что философия сегодня не может претендовать на открытие абсолютных непререкаемых истин, на что она была нацелена в прошлом. Предлагаемые философами концепции не могут не быть гипотетичными, они принимаются или не принимаются философским и научным сообществом, а даже в случае принятия подвергаются корректировке и получают новую интерпретацию. Это неизбежно. Так происходит во всех сферах интеллектуальной деятельности.

Верно и то, что можно быть специалистом в определённой области философского знания, например, в философии науки или в этике.

Тем не менее даже в рамках той или иной области настоящая философская работа интересна тогда, когда она затрагивает широкий круг вопросов, как это имеет место, например, в работах наиболее влиятельных современных авторов, в том числе тех, кто первоначально разделял программу аналитической философии.

Это связано с самой сутью философской работы – выявлении предельных оснований познания и деятельности (а значит, и бытия). Философ может заниматься анализом конкретных случаев. Но прежде всего философия нацелена на синтез, на выявление связей в рамках широкого круга явлений, ибо без их выявления невозможно проникнуть в предельные основания.

Вячеслав Семёнович был именно таким мыслителем. В центре его интересов были проблемы эпистемологии и философии науки. Его концепции научной теории исторических типов научной рациональности завоевали не только признание в нашей стране, но и получили международную известность. Но Стёпин не остановился на проблемах философии науки: он связал изучение научного знания с исследованиями в области философии культуры и цивилизации – предложил оригинальное понимание культуры, разработал теорию исторических типов цивилизации (традиционная, техногенная, антропогенная). Он писал по вопросам философской антропологии и этики, по проблемам социальной философии. Он откликался на злободневные вопросы жизни, например, дал философский (весьма критический) анализ экономических реформ в нашей

стране в 90-ые гг. Словом, это был настоящий философ: мастер как анализа, так и широких синтетических обобщений, человек, интересный не только узкому кругу собственных коллег, но и представителям других областей знания и культуры.

И он был открыт к диалогу, к пониманию иных точек зрения, признавал необходимость развития и уточнения собственных позиций. В этом я мог убедиться в процессе наших с ним обсуждений.

Я попробую дать некоторую конкретизацию разработанной Стёпиным концепции научной рациональности и предложить возможное её дополнение.

Научная рациональность как исторический феномен

Вячеслав Семёнович обосновал важную идею о том, что научная рациональность является историчной: меняются представления учёных о мире (научная картина мира), о способах его описания и объяснения, об идеалах научного знания. Он выделил три типа такой рациональности: классический, неклассический и пост-неклассический. Первый тип имеет дело с простыми системами и исходит из того, что получение объективного знания о мире не предполагает учёта познавательных средств, используемых исследователем. Второй тип научной рациональности (неклассический) связан с изучением сложно-организованных систем и учитывает роль средств исследования в получении знания: это роль систем отсчёта в теории относительности и прибора в квантовой механике. Наконец, третий тип (пост-неклассический) предполагает существование саморазвивающихся систем, которые при этом могут включать в себя человека - быть «человеко-размерными». Из этой особенности вытекает необходимость при исследовании систем такого рода учитывать не только внутри-научные ценности, но и ценности вне-научные: этические, прагматические, социальные.

Стёпин считает, что классический тип научной рациональности берёт начало в 17 веке, когда возникло классическое естествознание, опирающееся на эксперимент и математику. С этим он связывает возникновение научного знания.

Я всё же думаю, что наука возникла не в 17 столетии, а гораздо раньше, уже во времена античности. И такая наука опиралась на опыт и на теоретические построения. Существовали перипатетическая физика, астрономия Птолемея, механика Архимеда, геометрия Эвклида, логика Аристотеля. Как и всякая научная система, античная наука могла предсказывать, объяснять и понимать явления мира. Так, например, в рамках перипатетической физики можно предсказать, почему брошенный вверх камень обязательно упадёт вниз и недалеко от места, в котором находится тот, кто бросил камень. Этому есть и объяснение: каждое движущееся тело стремится к своему «естественному месту», а такое место для камня не в воздухе, а на земле. Астрономия Птолемея прекрасно предсказывала движения небесных светил. Что же касается геометрии Эвклида, то она на многие века задала образцы рационального доказательства.

Античную науку можно отнести к классической рациональности, ибо она не предполагала учёта познавательных средств и имела дело с простыми систе-

мами. Но это всё-таки иное понимание рациональности, чем то, которое возникло гораздо позже, в 17 столетии.

Дело в том, что с в рамках античной науки эксперимент как средство познания невозможен. Ибо с этой точки зрения существует принципиальное различие естественных и искусственных процессов. Эксперимент – это создание искусственных условий. Это вмешательство в природные процессы, нарушение хода их протекания. А значит, считали представители античной науки, его использование для познавательных целей – это нарушение принципов рациональности. Вообще для них познавательная и техническая деятельность принципиально различны.

Для античного учёного не рационально и всё то, что связано с бесконечностью. Поэтому невозможны дифференциальное и интегральное исчисления, без которых не состоялась бы классическая механика Нового времени. Когда в древней Греции была открыта несоизмеримость длины окружности и диагонали, то на эти исследования был наложен запрет: это выходит за рамки рациональности, считали тогдашние математики, не вписывается в систему науки.

Экспериментальная физика 17 века опиралась на совершенно иные представления о мире и возможностях его познания. Во-первых, была разрушена стена между естественными и искусственными процессами: природа была понята как огромный механизм, сродни часовому. Для того, чтобы понять, как работают часы, их нужно разобрать. Для того, чтобы понять, как работают природные механизмы, нужно вмешаться в их протекание с помощью эксперимента. И бесконечность была понята иначе: не как нечто хаотическое и иррациональное, а как характеристика предельных оснований универсума: отсюда и возможность новой математики. Возникло новое представление о причинности, о естественных законах, о возможностях точного предсказания.

Словом, это была иная наука. Но она разделяла с античной представления о том, что нет необходимости учёта познавательных средств в процессе получения объективного знания, и имела дело с простыми системами. Поэтому с точки зрения понимания типов рациональности, предложенных В.С.Стёпиным, ту и другую науку можно считать классической. Но, может быть, всё-таки лучше было бы выделить в рамках классической научной рациональности два подтипа: античная наука и наука Нового времени? Или же считать античную науку «предклассической»? У меня нет готового ответа на этот вопрос. Предлагаю его для дальнейших обсуждений.

А теперь несколько комментариев по поводу пост-неклассического типа научной рациональности.

Вячеслав Семёнович обращает внимание на то, что в рамках данного типа на исследование влияют не только внутри- научные ценности, как это было раньше, но и ценности вне-научные: этические, прагматические и др. Стёпин связывает это обстоятельство с тем, что наука на этом этапе всё больше начинает иметь дело с человеком, изучает «человеко-размерные» системы.

Нужно верно понять эту мысль. В.С.Стёпин подчёркивал: дело не в том, что этические, прагматические и другие соображения как-то трансформируют сами нормы научной познавательной деятельности, которые направляют про-

цесс получения объективного знания, а в том, что в некоторых случаях познавательные ценности могут вступать в противоречие, например, с ценностями этическими. Познание – одна из главных человеческих ценностей. Наука – несомненная ценность нашей культуры. Но без моральных ценностей человек невозможен. А сегодня могут возникать ситуации, когда проведение того или иного научного исследования угрожает жизни человека. В 1975 г. в г. Асиломар (США) был принят манифест о приостановке на определённое время некоторых экспериментов с микроорганизмами, ибо такие эксперименты могли создавать угрозу жизни человека. В 2017 г. в том же городе ряд исследователей в области искусственного интеллекта призвали приостановить на какой-то срок обучение мощных систем, базирующихся на искусственном интеллекте, ибо создание такого рода машин порождает большой риск для человека и его жизненных ценностей. Раньше такое не было возможным. Считалось, что наука – величайшая гуманистическая ценность, и во всех случаях то, что идёт на благо науки, обязательно идёт также на благо человеку. Сегодня мы понимаем, что так бывает не всегда.

Я хочу обратить внимание также на некоторые проблемы, возникающие для научного этоса в связи с тем, что на стадии пост-неклассической научной рациональности возникает феномен т.н. технонауки, когда фундаментальные научные разработки оказываются всё теснее связанными с производством новых технологий.

В начале 40-ых гг. прошлого века известный американский исследователь в области социологии науки Р.Мертон сформулировал четыре императива научного этоса, в которые входили «коллективизм» (так это названо в русском переводе, у самого Мертона это называется «коммунизмом») и «организованный скептицизм». Под «коллективизмом» («коммунизмом») Мертон имел в виду то, что знание, полученное отдельным учёным, принадлежит не только ему, но и всем остальным, становится всеобщим достоянием. Возникает интересный феномен: если в рыночной экономике товар может принадлежать лишь какому-то отдельному собственнику, но не всем людям одновременно, то в науке имеет место нечто совершенно иное - знание, конечно, принадлежит тому, кто его получил, но также и всем остальным. В самом деле наука кажется выходящей за рамки системы рыночных отношений, достигшей своего апогея при капитализме, и в чем-то близкой к коммунизму. Между прочим, К.Маркс выделял труд учёного из других его видов, называя его «всеобщим трудом», а наш известный философ В.М.Межуев в своё время связывал переход к коммунизму как раз с превращением науки во всеобщую производительную силу и определитель межчеловеческих отношений.

Однако функционирование науки в рамках пост-неклассической рациональности ведёт к отказу от некоторых императивов научного этоса, описанных Мертоном (он их не изобрёл, а сформулировал на основании изучения поведения реальных исследователей). Когда результаты научных открытий используются для производства новых технологий, то фирмы, применяющие эти технологии (и дающие деньги на исследования и разработки) не заинтересованы, чтобы последние попадали в руки их рыночных конкурентов. Поэтому фирмы

засекречивают (по крайней мере на некоторое время) не только сами технологии, но и те научные знания, которые лежат в основе производства технологий. Так в определённых случаях научное знание становится товаром. Выясняется, что развитие науки может не выводить за пределы капиталистических отношений, а служить укреплению последних – это называется «когнитивным капитализмом». Сегодня учёный может получить патент на научное открытие (невозможно представить, чтобы такие патенты требовали Д.И. Менделеев или А. Эйнштейн).

Такому же засекречиванию подвергаются те знания, которые используются для производства военных технологий.

Появляется новый тип учёного – учёный-менеджер, учёный – предприниматель, что было немыслимо до недавнего времени.

В древности и в Средние Века существовали т.н. «тайные знания», которыми обладали сообщества, желавшие сохранить за собою монополию на определённые знания и умения. Но в соответствии с идеалами эпохи Просвещения наука – это всеобщее достояние, это общее благо и гуманистическая сила. Сегодня засекречивание научных исследований ведёт к деформации этоса науки не только потому, что нарушается императив коллективизма, но и потому, что в этих случаях сужается действие императива «организованного скептицизма», о котором писал Мертон как о необходимом условии научных исследований.

Получается, что влияние вне-научных ценностей на науку, которое имеет место в пост-неклассической рациональности, не обязательно означает гуманизацию науки. Всё зависит от того, о каких вне-научных ценностях идёт речь: они могут быть не только этическими, но и прагматическими, меркантильными, политическими и т.д.

Возникает ли новый тип научной рациональности?

Мне кажется, что сегодня есть основания говорить о появлении нового типа научной рациональности, которая не укладывается в пост-неклассическую.

Это связано с обработкой огромных массивов информации из различных источников (т.н. «больших данных») с помощью искусственного интеллекта – естественный интеллект не справляется с такой задачей. В результате этой обработки выявляются корреляции между большими группами данных и делаются предсказания относительно будущего протекания тех или иных процессов.

Этот способ выявления корреляционных зависимостей широко применяется как в разных практических ситуациях (например, в страховом деле, в здравоохранении, в исследованиях окружающей среды), так и ряде областей науки: в генетике, астрономии и др. Получаемые предсказания могут быть верными и использоваться с пользой для дела.

Возникает совершенно новый способ научного исследования. До сих пор в таком исследовании три функции взаимно предполагали друг друга: предсказание, объяснение и понимание. В случае машинной обработки больших данных предсказание отделяется от объяснения и понимания. Машина может предсказывать более или менее точно (хотя может и ошибаться, ниже я буду это анализировать), но учёный не может ни понять действия системы искусст-

венного интеллекта, ни объяснить предлагаемые машиной предсказания. Последнее, конечно, является результатом рациональных операций машины, но это операции чуждого и непонятого человеку разуму.

Но на этом не кончаются проблемы, связанные с использованием машинной обработки больших данных. Дело в том, что системы искусственного интеллекта выявляют не причинные зависимости (чем до сих пор занималась наука), а лишь корреляции между группами больших данных. А не будучи причинными зависимостями, корреляции могут оказаться мнимыми, иллюзорными. Так, например, обработка большого массива данных в США выявила корреляцию между покупкой медицинских страховок и цветом кожи покупателей: оказалось, что афроамериканцы покупают таких страховок меньше, чем белокожее население. Машина делает предсказание о том, что и в будущем афроамериканцы не будут стремиться покупать такие страховки, поэтому заботиться об этих страховках для них не следует. Но мы ведь хорошо знаем реальную ситуацию: дело тут не в цвете кожи, а в другом – в уровне жизни чернокожего населения США. Поэтому выявляемые машиной корреляции могут уводить от понимания сути дела. В случае социальных проблем исследователь может внести поправки в результаты машинной обработки больших данных, так как он знает из собственного опыта реальное положение вещей, но как быть, когда исследуется нечеловеческая реальность: процессы в неживой и живой природе?

А вот ещё одна серьёзная проблема, возникающая в связи с использованием машинной обработки больших данных.

Конечно, научное исследование предполагает критицизм - в отношении подтверждения теории имеющимися фактами, убедительности аргументации в пользу той или иной концепции и т.д. Это то, что Р. Мертон назвал «организованным скептицизмом». Но наука предполагает также и другое: доверие теоретика к результатам работы коллег-экспериментаторов, доверие последних к теоретическим выкладкам, доверие всех исследователей к плодотворности той научной программы, в рамках которой они работают. Доверие вообще является, как сказал бы Кант, «необходимым условием возможности» социальной жизни. Нельзя что-либо предпринять, не доверяя другим: близким, друзьям, коллегам по работе. Мы доверяем школьному учителю, врачу, судье, эксперту. Если бы вдруг все вкладчики перестали доверять банкам и забрали вклады, банковская система лопнула бы. Если бы жители той или иной страны перестали доверять всем властным институтам, воцарился бы полный хаос. Человек, во всём сомневающийся и никому не доверяющий, не может заниматься научной деятельностью. На заре экспериментальной науки Нового Времени, когда исследованиями занимались одиночки, учёный мог перепроверить результаты работы своего коллеги. Сегодня в эпоху «большой науки» (Big Science, Mega-Science), в которой заняты огромные массы исследователей, сделать это практически невозможно. Нужно доверять. Конечно, если выяснится, что результаты деятельности того или иного учёного не соответствуют научным нормам (что-то с человеком произошло или же он сознательно подделал экспериментальные данные), такой исследователь теряет право на продолжение научной работы. Доверие – это уверенность в надёжности другого, а последняя обычно обоснована

предыдущим опытом общения, т.е. знанием о другом человеке (правда, есть случаи, когда доверие не основано на предыдущем знании, а изначально предполагается конкретной ситуацией: это, например, доверие ребёнка своим родителям, доверие врачу, судье и др.).

В связи с машинной обработкой больших данных возникает особая ситуация: интеллектуальная система может выдавать неверные результаты - вследствие ошибок программиста (это нередкое явление) и сбоев в работе технического устройства. Как быть в этих случаях? Всегда ли можно доверять результатам работы системы искусственного интеллекта? Сегодня этот вопрос горячо обсуждается. Специалисты считают, что на основании знания о работе той или иной интеллектуальной системы можно делать вывод о степени надёжности её результатов, т.е. о степени доверия к ней. Последнюю можно вычислить. Она, например, может быть оценена в 80 %, и тогда во многих случаях можно полагаться на прогнозы такой системы. Но не во всех случаях. Если речь идёт о здоровье, о необходимости проведения медицинской операции или же о проблемах безопасности страны, то возможность ошибки в 20% вряд ли будет приемлемой. Сегодня системы искусственного интеллекта применяются и для доказательства математических теорем: во многих случаях эти доказательства могут быть очень громоздкими, занимать тысячи страниц, и человеку практически невозможно проследить все используемые при этом шаги. Машина может сделать это довольно быстро. Человек не способен перепроверить работу интеллектуальной системы. Он может либо доверять этим результатам либо нет. Если ему скажут, что этой системе можно доверять на 85%, то можно ли считать, что машина доказала данную математическую теорему? Что, если это якобы доказательство относится как раз к тем 15%, которые приходится на ошибку?

В этой связи возникает ещё одна проблема. Использование машинной обработки больших данных для производства предсказаний породило идею о том, что в науке больше не нужно строить теории, выдвигать гипотезы и ставить эксперименты - всё это якобы относится к прошлому науки. Если цель науки - предсказание, то машина как раз может их выдавать. Но ведь теория нужна не только для предсказания, но и для понимания и объяснения. Однако некоторые философы считают, что теперь без двух последних можно будет обойтись. Наука, использующая системы искусственного интеллекта, опирающаяся на нечеловеческий разум с этой точки зрения воплощает новый тип научной рациональности.

Я думаю, что в действительности ситуация сложнее. Конечно, использование систем искусственного интеллекта в производстве научного знания порождают новые способы научной деятельности. Но дело в том, что работа машины предполагает человеческую корректировку и оценку. Теория, гипотеза и эксперимент, опирающиеся на «малые данные» вовсе не сходят со сцены. Речь идёт о взаимодействии человека и принятых в науке способов производства знания (картина мира, исследовательская программа, теория, гипотеза, идеальный и реальный эксперимент) с теми результатами, которые возникают вследствие использования искусственных интеллектуальных систем.

Это в самом деле новый тип научной рациональности. Как его назвать? В.Г.Буданов предлагает именовать это «пост-критической научной рациональностью». Я не уверен, что это название подходит. Ведь без критичности научное исследование не существует. И к результатам, выдаваемым искусственным интеллектом нужно тоже подходить критично: наше доверие должно быть обосновано.

Идея Вячеслава Семёновича о типах научной рациональности помогает разобраться с историей науки и понять, что сегодня происходит с научными исследованиями. А речь идёт ни много, ни мало о будущем науки, человеческой рациональности и самого человека. Человек не может полагаться на нечеловеческую рациональность, ибо в этом случае он лишается свободы выбора и моральной автономии. Наука всегда считалась одной из высших человеческих ценностей. Такой она и должна остаться.

Философия науки в цифровую эпоху: о перспективах постнеклассики

Буданов В.Г.

*д.филос.н., к.физ.-мат.н., доцент
Институт философии РАН
(Москва, Россия)*

УДК 008.2

Аннотация. *Постнеклассическая наука, созданная В.С. Степиным более тридцати лет, оказалась наиболее адекватной в решении многих междисциплинарных вызовов современности. Кратко дан научный путь становления базовых концепций Вячеслава Семеновича, приведены личные воспоминания о совместной работе, этапы становления философской синергетики. Уделено особое внимание роли постнеклассической науки и ее методологии в понимании становления нового облика философии науки, человекомерных саморазвивающихся систем, развитию идей постнеклассической рациональности, стратегиям построения искусственного интеллекта, человеко-машинным методам эксперимента и новым типам сложности. Подчеркивается необходимость использования новых типов рациональности в гибридных системах, в частности посткритической рациональности.*

Ключевые слова. *Постнеклассика, научная рациональность, синергетика, искусственный интеллект, физический эксперимент, деятельностный подход, посткритическая рациональность.*

Philosophy of Science in the digital age: on the prospects of postnonclassics

Budanov V.G.

*Dr.S. (Philosophy), Candidate of Physical and Mathematical Sciences
Institute of Philosophy (RAS)
Moscow, Russia*

Abstract. Post-non-classical science, created by V.S. Stepin for more than thirty years, has proved to be the most adequate in solving many interdisciplinary challenges of our time. The scientific path of the formation of Vyacheslav Semenovich's basic concepts is briefly given, personal memories of joint work, the stages of the formation of philosophical synergetics are given. Special attention is paid to the role of post-nonclassical science and its methodology in understanding the formation of a new image of the philosophy of science, human-dimensional self-developing systems, the development of ideas of post-nonclassical rationality, strategies for building artificial intelligence, human-machine experimental methods and new types of complexity. The necessity of using new types of rationality in hybrid systems, in particular post-critical rationality, is emphasized.

Keywords. Postnonclassics, scientific rationality, synergetics, artificial intelligence, physical experiment, activity approach, postcritical rationality.

Воспоминания и понимание. Сейчас мне, с одной стороны, просто выступать после Владислава Александровича Лекторского, а с другой стороны, сложно, поскольку почти все ключевые вопросы он уже высветил. Наверное, здесь действует феномен типа синхронии Юнга, когда одни и те же сюжеты разным языком приходят на ум разным людям, которые напряженно о них думают. Мне хотелось бы поговорить о феномене Вячеслава Семеновича Степина, о современной философии науки, новой рациональности, теории культуры, ее научного понимания в условиях всеобщей цифровизации. В нашей философии традиционно проблемам рациональности в разных способах постижении реальности уделялось большое внимание. Говоря о научной рациональности, можно различить две стратегии, идущие навстречу друг другу с разных локусов общекультурного эпистемологического ландшафта. Одна из них стартует в области сложных феноменов гуманитарных наук и ярко представлена в трудах В.А. Лекторского [1]. Другая стратегия, В.С. Степина [2], берет начало в области естествознания и меняется от простого к сложному, в соответствии с логикой исторического развития науки Нового и Новейшего времени, затем распространяется и на социо-гуманитарное знание. Она представлена в фундаментальной концепции трех типов научной рациональности В.С. Степина [3] – классика, неклассика, постнеклассика, и о ней, в первую очередь, я буду говорить. Конечно, последнее связано с личной образовательной траекторией и научными увлечениями Вячеслава Семеновича, который помимо философского факультета БГУ параллельно заканчивал кафедру теоретической физики. Он хорошо понимал, как делается реальная наука, то, что называется, наука с человеческим лицом. Именно поэтому постнеклассика, вообще-то говоря, понятна каждому работающему ученому, естественна и красива. Именно так я считал и не ошибся, когда почти тридцать лет назад Вячеслав Семенович предложил мне перейти с физического факультета МГУ в Институт философии. Что, собственно, сразу привлекло меня в личности Вячеслава Семеновича, так это открытость в общении, чувство юмора, творческая щедрость, общекультурный кругозор, энциклопедизм и, конечно, профессионализм в философии и физике. Кроме того, он был прекрасным историком науки, еще в аспирантуре занимался реконструкцией творческих этапов создания электродинамики Дж.К. Максвел-

лом. Фактически, они вместе с его однокашником и старинным другом, сегодня известным физиком-теоретиком член-корреспондентом НАН Беларуси Л.М. Томильчиком, эти темы исследовали, читая в оригинале работы Максвелла и последовательно занимаясь реконструкцией его идей. «А вот сейчас», - говорили они (это со слов В.С.), - «он должен будет сделать такой ход», и так и оказывалось. И не то, что они прочли труды, а потом начинают, как говорится, рефлексировать над «мертвым телом» великих идей, как любят философы. А они делали это как бы параллельно, как соавторы Максвелла. И такая захватывающая форма работы, действительно, удавалась. Он прекрасно знал идеи и материалы позитивистов, в спецхране изучал работы Венского кружка в подлинниках, естественно, знал и работы классиков - своих старших современников К. Поппера и Т. Куна. С последним он лично дискутировал в нашем институте, уже будучи директором ИФ РАН. Вячеслав Семенович постоянно подпитывался новыми идеями и онтологиями из современной физики и синергетики. На междисциплинарном семинаре «Синергетика» на физическом факультете МГУ в самом начале 90-х, на котором выступали выдающиеся физики, математики, синергетики, такие как В.И. Арнольд, Ю.Л. Климонтович, Г. Хакен, Ю.А. Данилов, В. Эбелинг, С.П. Курдюмов, Д.Н. Зубарев, я познакомился с В.И. Аршиновым и В.С. Степиным. Далее, были удивительные конференции «Наука, философия, религия» в ОИЯИ в Дубне, совместная работа над государственной программой дисциплины «Концепции современного естествознания» для гуманитариев, дружба и сотрудничество с лидером отечественной синергетики С.П. Курдюмовым, директором ИПМ РАН. Это для меня проявило личность В.С. Степина не только как философа науки, но и как фигуру мощного синтетического философа-практика, лично и предметно демонстрирующего необходимость и эффективность философско-методологического подхода к самым злободневным и сложным проблемам современности, человека, держащего руку на пульсе современной науки, и не только. В подтверждение сказанного, с середины 90-х сформировался многолетний междисциплинарный семинар В.С. Степина (я был его координатором), который быстро превратился в значимую часть творческой лаборатории Вячеслава Семеновича, и обычно проходил в его большом кабинете на Волхонке 14. Мы заслушивали не только актуальные научные новости от известных ученых естествовников, но и приглашали ведущих специалистов философов, в том числе, из социогуманитарных секторов института. Это связано с тем, что в последнее десятилетие жизни В.С.Степин с успехом пытался адаптировать концепции своего «Теоретического знания» и постнеклассики для создания единой методологии, в том числе и для социогуманитарных наук и для решения проблем обще цивилизационного кризиса, который он предвидел.

Одним из масштабным достижением Вячеслава Семеновича, помимо фундаментальных работ в области природы и структуры теоретического знания, цивилизационного развития и научной рациональности, было строгое определение концептов общенаучной и частно-дисциплинарной картин мира [4]. Он прослеживал эстафету общенаучных картин мира от механистической, включающей гуманитарные представления до О. Конта. После Г. Спенсера,

происходит обращение к дарвинизму в науках о жизни и духе; потом рождается статистическая и полевая картины мира в физике, отчасти биологии, психологии и социологии; затем возникает квантово-релятивистская парадигма в физике микро- и мега-мира. XX век ознаменован рождением междисциплинарной системно-кибернетической картины мира в технических науках и науках об управлении и жизни. В последней четверти XX века появляется синтезирующая предыдущие подходы эволюционно-синергетическая картина мира или универсальный эволюционизм, по Н.Н. Моисееву [5, с. 351]. Сегодня мы понимаем, что первые десятилетия нашего века принесли новые сложностные вызовы современной науки, такие как: сетевая коммуникативная сложность, цифровая революция, проблемы развития и сосуществования с ИИ, рождение макроквантовых технологий в IT сфере. Они радикально трансформируют цивилизационные - экономические, социальные и антропологические основания мира [6]. Новая коммуникативно-сетевая квантовая парадигма или картина мира только становится. Вячеслав Семенович просто не успел в нее погрузиться с той степенью тщательности анализа новой предметности, которой он всегда отличался. При этом, эволюционно-синергетическая парадигма никуда не исчезает, но будет пополняться новыми онтологиями и типами рациональности уже с участием ИИ. В общенаучных картинах мира, также как и в научных парадигмах науки, существует принцип соответствия, согласно которому новая картина мира не отбрасывает предыдущие, но обосновывает их область адекватности, зону их применимости.

Я описал образ Вячеслава Семеновича как знатока науки последних столетий, и кому-то может показаться, а такие всегда найдутся, что его фундаментальный философский труд просто собран из мозаики предшествующих теорий. Сам Вячеслав Семенович мог бы отшутиться вслед за Ньютоном, что «стоит на плечах гигантов». Ну, а если по существу: попперовская парадигма роста научного знания хорошо описывает абдуктивные процессы получения нового и фальсификационные критерии проверки теорий, отказывая науке в ее внутренней логике развития; куновская парадигма явно не учитывает роль культурных феноменов в период научной революции (о чем Степин с ним и спорил), Фейерабенд преувеличивает стратегию методологического анархизма для всех этапов развития науки; Тулмин в своей организмической концепции развития науки также недооценивает социокультурные феномены; в теории сквозных тематических линий Холтона или теории социальных эстафет Розова не видна логика развития самой науки и т.д. Вячеслав Семенович в своих построениях о структуре научной теории исходил из деятельностного подхода к изучению научной практики, понимая и профессиональный и социокультурный аспекты этой деятельности, реконструируя исторические механизмы развития науки, подкрепляя свои построения эволюционно-синергетическими онтологиями универсального эволюционизма. Именно поэтому откровения предшественников были лишь частичным пониманием важных аспектов развития науки, без возможности создания целостной несущей саморазвивающейся конструкции науки. Заслуга Степина в том, что им создана некая гармония, некая мера взаимодействия разных концептов и мировоззренческих позиций, дополненная соб-

ственными концептами и оформлением в единой картине развития науки. Взять, к примеру, принцип пролиферации Фейерабенда - «все дозволено». Но, когда же такое возможно? А вот когда начинается научная революция, когда вам нужно отречься от канонов, вот тут она и работает. Здесь манифестирует как раз тот самый человеческий фактор, который Степин вводит для сверхсложных, саморазвивающихся, человекомерных систем в периоды бифуркаций. И вот так можно сказать обо всех предшествующих авторах, которые обычно не оговаривают области применимости своих концептов. Не случайно Томас Рокмор, крупнейший философ науки, утверждал, что концепция В.С. Степина – это наиболее зрелое и наиболее адекватное представление эпистемологического конструктивизма [7, с. 249]. Так что мировое признание есть, мы это чтим и учим подрастающее поколение философов и ученых концепциям Вячеслава Семеновича [8].

Вячеслав Семенович до последних дней работал над своими идеями, жаловался мне, что больше не может трудиться по 16 часов как раньше. Посмотрите его последний блистательный доклад 26 апреля 2018 года [9] в этом зале, за полгода до его ухода. Хотя запись не очень качественная, но ты видишь полет мысли, силу духа этого человека, при том, что он был физически совершенно в разобранном состоянии, это был очень слабый старческий организм изнуренный болезнью, который, тем не менее, созидал. Вот это его последний научный подвиг, если угодно, его научное завещание.

Мы с Валерием Матвеевичем Еськовым были в гостях у Вячеслава Семеновича в октябре 2018 года, наверное, последние, кто застал его перед финальными страданиями по больницам. Он был приветлив и внимателен к нам, хотя мы понимали, что ему это дается большим трудом, он сам пригласил нас на разговор, а мы порывались уйти и не беспокоить мэтра. Тем не менее, этот далеко не первый разговор о третьей парадигме науки [10] получился и оставил у нас большое впечатление. Вячеслав Семенович хорошо понимал людей, которые ушли в отрыв, которых научное сообщество не воспринимает. Дело в том, что наука все-таки движется толпой, и новаторов, мягко говоря, не любят, их как бы за чудаков держат. Вот вам простой пример в нашем сообществе - Владимир Леонидович Васюков, логик с мировым именем, который работает в области квантовой логики, тоже ушел в отрыв и не находится в самых высоких журналах ни одного, кто способен рецензию написать на его работу. И это при том, что он в редакциях у логиков глубокоуважаемый человек. Кстати, В.С. Степин с В.Л. Васюковым уже начинали новый совместный проект по анализу смысла трех типов рациональности в истории математики. Сегодня нечто подобное мы услышим и в докладе В.М.Еськова о его концепции третьей парадигмы. Вот Вячеслав Семенович был из той же породы первопроходцев, и, казалось бы, справедливо утверждение «нет пророка в своем отечестве», и хорошо, если истину оценят потомки. Однако, энергия, обаяние и красота мышления Степина, его лекторский дар все-таки завораживали и заставляли людей слушать, понимать и принимать его идеи, снося барьеры косности и предубеждений. На такое, вообще, мало кто способен.

Вячеслава Семеновича, безусловно, можно назвать и синергетиком от философии. Обращаясь к основам и методологии синергетики напомним, что аутентичная синергетика Хакена-Пригожина-Курдюмова-Чернавского возникла на пересечении трех начал: наиболее универсальных методов моделирования (дифференциальная динамика, ставшая локомотивом естествознания со времен А. Пуанкаре), конкретного предметного знания (возможно междисциплинарного) и философской рефлексии, порождавшей единую картину явления [11]. В.С. Степин, в силу своих компетенций и талантов, мог и глубоко понимать суть и работать самостоятельно на этом тройственном поприще. Именно поэтому с синергетиками установились взаимный интерес и взаимопонимание. Его любовь и понимание синергетики объясняется также вполне обоснованными универсалистскими междисциплинарными претензиями последней при моделировании сложных эволюционных процессов, в том числе самоорганизации в социо-гуманитарной сфере. Это проявляется в самых разных науках и практиках, также в философской нагруженности синергетической методологии. Кроме того, она полностью преемственна в отношении предшествующих междисциплинарных направлений - системного подхода и кибернетики [12]. Само становление В.С. Степина как философа науки совпало со временем укрепления эволюционно-синергетической парадигмы науки, которую он осмыслил философски-методологически, онтологически и даже объявил общенаучной парадигмой XXI века на философском конгрессе 2003 года в Ростове. Далеко не всем это понравилось, после чего и последовали годы шельмования философской синергетики. В.С.Степин и общенаучную картину мира прописывал через синергетические онтологии процессов самоорганизации, динамического хаоса, бифуркаций и аттракторов, и науку как человекомерную саморазвивающуюся систему. И на этой почве мы очень много общались, а Вячеслав Семенович, наряду с В.И. Аршиновым, были моими главными дискуссионными партнерами при построении методологических принципов синергетики.

Сегодня становится понятным, что синергетика, к сожалению, оказывается последним человеческим, доступным нам языком понимания сложности. Другого не будет, все следующие языки машинные. Основания машинной математики совсем недавно созданы нашим соотечественником, лауреатом филдсовской премии В.В. Воеводским, так называемые Унивалентные Основания Математики или гомотопическая теория типов, или третье основание математики после Теории множеств и Теории категорий. Проверять машинные доказательства теорем уже сейчас желающих все меньше, не находится математика, который пожертвует своей жизнью, а то может и не успеть, чтобы перепроверить доказательства. Мы стремительно входим в эти темные воды, сомнительного сотрудничества с нечеловеческим «разумом», о чем я уже говорил на прошлых чтениях. Вячеслав Семенович не дождался актуализации и становления человеко-машинной парадигмы науки, ее придется создавать нам, но опираясь на интеллектуальный багаж последнего классика философии науки.

О перспективах обобщенной научной рациональности в цифровую эпоху. Чтобы переосмыслить научную форму деятельности в современных условиях и понять, как цифровизация и ИИ могут облегчить, а иногда и услож-

нить научную практику, и не только, следует вновь обратиться к более подробному анализу оснований деятельностного подхода, который лежал в фундаменте концепции типов научной рациональности В.С. Степина. Напомним, что в процессе деятельности мы различаем: субъекта деятельности - S, средство деятельности - T, объект деятельности - O, материализованный результат деятельности - R. Сама же цепочка последовательных элементов деятельности выглядит так - $S \rightarrow T \rightarrow O \rightarrow R \rightarrow S^*$, где мы узнаем свойства исследуемого объекта **O** по известным в эксперименте другим компонентам S, T, R деятельностной четверицы. Здесь S^* мы обозначаем субъекта-интерпретатора, который не всегда совпадает с субъектом, проводящим эксперимент, это может быть также теоретик или коллективный субъект научного сообщества. Получаем полное замыкание деятельностного акта эксперимента после диалога экспериментатора и теоретика $S^* \leftrightarrow S$. Затем цикл диалога с природой можно и повторить с уточняющей или новой постановкой вопроса, так реализуется абдуктивный процесс эмпирической проверки последовательно выдвигаемых гипотез. В. С. Степин подробно рассмотрел первую половину диалога $S \rightarrow T \rightarrow O$ - «мы задаем вопрос природе», которую можно назвать **фазой активного эксперимента**, когда происходит целенаправленное воздействие на объект, воздействие может быть организовано лабораторно, или при наблюдении феноменов воздействия в природе, например, воздействие Луны на земные приливы. Однако, при планировании эксперимента возникают и иные модусы анализа деятельности: $S \rightarrow T \rightarrow O \rightarrow R \rightarrow S^*$ (поиск субъектов, способных выполнить и проинтерпретировать данный эксперимент); $S \rightarrow T \rightarrow O \rightarrow R \rightarrow S^*$ (поиск средств воздействия на объект); $S \rightarrow T \rightarrow O \rightarrow R \rightarrow S^*$ (поиск способа снятия и предъявления результата воздействия на объект). Когда вы попросите эту четверицу представить в виде вершин тетраэдра (треугольного молочного пакета), то появится их полная симметрия и целостное описание всех модусов деятельности [13]. Это позволяет рассматривать самые разные аспекты научной деятельности: постановка эксперимента и его планирование, детектирование и обработка данных, интерпретация и доказательность в научной среде. Долгое время эти вопросы были разрозненными и оставались вне поля философской рефлексии, хотя вы можете стартовать вовсе не с исследовательской программы, а, допустим, с технической части построения установки или заказа на эксперимент. А кто и как этот результат может получить, и какова может быть теория под него? Такие вопросы задают себе экспериментаторы или люди, которые планируют мега-сайенс в фундаментальной науке, или те, кто пытается воспроизвести чужие научно-технические достижения, без допуска к технологии их получения, а это почти вся коммерческая наука. То есть, в деятельностном подходе существуют свои кластеры- таксоны различных модусов деятельностной четверицы, представляющие все возможные вопросы экспериментальной практики [14], и каждому из этих вопросов можно сопоставить свой дискурс прочтения деятельностной четверицы или свой тип рациональности.

Обратим внимание, что первые три компонента S, T, O, как основную часть проведения активного эксперимента, Вячеслав Семенович рассмотрел подробно при построении своих типов рациональности. Его построения можно

было бы уточняюще назвать **научной рациональностью активного эксперимента**. В **классической рациональности** $S \rightarrow T \rightarrow (O)$, когда в фокусе внимания сам объект, мы допускаем существование возможности подсмотреть за объектом так, что он не изменится, отсюда объективность знаний. Очень часто это естественная рациональность первого взгляда, первой быстрой реакции понимания, что свойственно и гуманитарной сфере, и обыденному сознанию. В **неклассической рациональности** незаметно подсмотреть принципиально невозможно, неустранима связка средств наблюдения и объекта, они в фокусе внимания, ответ зависит от способа вопрошания $S \rightarrow (T \rightarrow O)$. Неклассика уже требует понимание культуры многих возможностей, взаимосвязей средств и объектов. Неклассика – это не только квантовые и релятивистские эксперименты, или наблюдения за неустойчивыми состояниями систем, но и психологические опросы (когда вопрос всегда деформирует понимание реципиента), но и интерпретация слова, которое неизбежно зависит от контекста. Наконец, **постнеклассическая рациональность** ($S \rightarrow T \rightarrow O$), когда результат зависит, кроме всего сказанного, и от понимающих установок субъекта, все элементы триады находятся в отношениях круговой причинности. Объемность пространств альтернатив реализации эксперимента резко возрастает, сам процесс его развития становится историчным и эмерджентным, наука обретает человекомерность саморазвития по В.С.Степину.

Есть еще один не описанный Степиным кластер (SO) $\leftrightarrow T$, явно не относящийся к привычным физическим экспериментам, тем не менее, требующий своего места в картине исследования реальности. Этот кластер, означающий неразрывность субъект-объектной связности, который, например, проявляется в процессах самоописания, самонаблюдения, интроспекции, отелесненности разума, многих паранормальных явлений, связи сознания и физической реальности. Это выводит нас к еще одному типу рациональности, пока не имеющему названия, который сейчас активно обсуждается в когнитивистике и теории сознания. Можно было бы назвать эту рациональность **транзитной рациональностью**, рациональностью перехода и связи между мирами материальными и психическими, виртуальными.

Обратим внимание на еще три типа рациональности, который можно назвать **научной рациональностью пассивного эксперимента** или наблюдения. Им В.С. Степин не уделял особо большого внимания, предпочитая обсуждать активные эксперименты, а для пассивных ограничивался фразой «природа отвечает, и мы думаем, что...». Однако пассивный эксперимент также широко распространен в науке, например, в астрономии или при включенных наблюдениях в социологии, психологии, этологии, медицине.

Речь идет о второй части деятельностной триады $O \rightarrow R \rightarrow S^*$, т.е. детектировании, расшифровке и интерпретации. Более корректно представить это через средства детектирования T^* и средства интерпретации T^{**} : $O \rightarrow T^* \rightarrow R \rightarrow T^{**} \rightarrow S^*$. Первое, что бросается в глаза, это обращение стрелы времени, не от субъекта к объекту, а, наоборот, от объекта к субъекту. Это означает что по данным сигналов от объекта, данным детекторов мы должны распознать и восстановить представление об объекте, т.е. решить, так называемую обратную за-

дачу. Если речь идет о простых системах, где детектирование и распознавание идет с помощью органов чувств и ожидаемых образов, то особых проблем не возникает, точнее они нами не осознаются. Однако, если речь идет о больших приборных комплексах, все резко усложняется. Это было осознано в обратных задачах рассеяния в физике частиц, задачах гравитационных методов георазведки, распознавания спутникового мониторинга или работы с базами медицинской статистики более пятидесяти лет назад. Классик вычислительных методов академик А.Н.Тихонов показал, что обратные задачи требуют решения уравнений Фредгольма первого рода, алгоритмы решения которых сильно неустойчивы, так называемые, некорректные задачи. Теория и методы решения некорректных задач требуют некоей регуляризации, содержащей априорную информацию о модели исследуемого объекта. Таким образом даже на этапе интерпретации машинного пассивного эксперимента неизбежно возникает постнеклассическая связка (Субъект-Средство-Объект). Это, в частности, значит, что практически все гуманитарные, наблюдательные науки постнеклассичны.

Что привносит сегодня в научный дискурс искусственный интеллект, цифровизация? Она привносит нового квазисубъекта, активного включенного наблюдателя. Наблюдатель был всегда, конечно же. И в нашем секторе Владимир Иванович Аршинов этим сюжетом давно увлечен и хорошо об этом пишет. Таким образом всегда есть пятый элемент деятельности четверицы, это наблюдатель. Его можно поместить в центр деятельности тетраэдра [14]. Но сегодня этот элемент, не простенькая вещь типа лабораторного журнала фиксирующая наблюдения. Кстати говоря, эксперименты ставили и в античности, но это не было мейнстримом. Если вы возьмете реохорд Пифагора, когда рассматривались гармоничные созвучия струн, или алхимические эксперименты Средневековья, вот вам первые эксперименты, хотя эксперименты не были мейнстримом до Ф.Бэкона. Сегодня это не лабораторный журнал, но «разумный» наблюдатель ИИ, в кавычках разумный. Понятно, что это не антропоморфный разум, здесь не надо увлекаться тестами Тьюринга. Да, конечно, он отличается, но практически то же самое может и многое большее в сфере инструктивной деятельности, но граница невозможного все время отодвигается от него. В гибридных системах у нас как бы есть раздвоенные сознания. Одно из них принадлежит реальному субъекту, экспериментирующее или интерпретирующее сознание, а второе это некий фильтр интеллектуальный, который также обладает некоей «свободой воли» выбора, блокировки, фильтрации, отбора. И понять-то его нам оказывается не всегда возможно.

Дело в том, что искусственный интеллект сегодня существует как бы в двух формах, двух ипостасях. Одна из них – это некие логические программы, основанные на прозрачных обозримых алгоритмах, например, был такой язык Пролог. Это работа мощных компьютеров, суперкомпьютеров, которые иногда заточены под конкретную задачу, например, шахматные программы, и там все можно перепроверить. Наши когнитивные способности, конечно, ограничены в объеме числа логических операций и оперативной памяти, но в принципе, имея неограниченный временной ресурс, мы способны повторять результат ИИ. Здесь ИИ напоминает работу супер-гипертрофированного левого полушария

мозга, как известно, отвечающего за логику и риторику. А вот вторая форма ИИ связана с нейросетевым подходом. На рубеже 60-х, возникает теория перцептрона Розенблатта, описывающая работу комплекса глаз-мозг при распознавании объектов внешней реальности с помощью простейшей обучаемой плоской сети элементов и связей, напоминающих предыдущее состояние освещенности связей (аналог сетчатки и зрительных нейронов). В нулевые годы возникает идея множества, иерархической стопки таких сеток и процессов глубокого обучения, такая система намного лучше распознает сегодня лица человека чем сам человек, что и лежит в основе контроля социума, человека в общественной жизни, транспорте например, и так далее. Примерно с 2018 года развитие автономных интеллектуальных систем, или самообучающихся генеративных нейросетей получило новое дыхание, распознавание и генерации перешли на семантические пространства, нарративы культуры. 2023 год уже называют годом революции ИИ [15]. Пользовательский бум с ботом ChatGPT-4 в этом году происходит буквально на наши глаза: студенты радостно генерируют за десятки минут свои дипломы и рефераты, научные статьи в гуманитарной сфере (где нет экспериментальных данных), литературные эссе, написанные часто очень даже недурно. Однако, иногда мы обнаруживаем, что там может быть полно вранья, каких-то фантастических ссылок и ассоциаций. Все дело в том, что ChatGPT обучается не только на отобранных материалах с этическими фильтрами, как, скажем, Алиса в Яндекс, и выбранных академических стилях письма, а воспитывается на интернете в целом, на материалах заказчика. Заказывают программе все, что угодно, отнюдь и не благовидные часто вещи. Более того, ChatGPT можно «уболтать». Та логика, которой мы пользуемся, в общем-то, достаточно дырявая, просто следует менять посылки под свои цели, а нейросеть это почти не замечает. Сама логика прозрачная и честная, «такая лопапа», как говорил Владимир Александрович Смирнов. А вот меняя тип логики или посылки, вы можете, выворачивать рассуждение в нужную сторону, что и является работой хорошего адвоката – менять или обличать такие изменения. Опасность здесь в том, что семиосфера сетей превращается в миры грез и обмана. Скажем, есть система фишинга, когда вы ищете социологические закономерности, отзывы для рейтингов маркетинга, социальных прогнозов становится самообманом. Так как в сетях прописаны уже далеко не примитивные боты и далеко не люди. Напомню, что управление социальными сетями невозможно, если 10%, настаивают на одном и том же, сеть просто ложится под них. Это то, чего боялись и И. Маск и другие эксперты, табуируя разработки ChatGPT-5. Самоуспокоение и высокомерие многих интеллектуалов, которые говорят, что искусственный интеллект примитивен, ничего не создает нового, - либо наивность, либо умысел. Позвольте, он постоянно создает новое, допустим, новые партии в шахматах, которые никто никогда не играл, они сами с собой играют, пополняя шахматную ноосферу. Поэтому мы не очень понимаем, где проходит граница человеческого высокого творчества и тем, что сегодня создает искусственный интеллект. Этот вызов очень важен, потому что именно Вячеслав Семенович вводит понятие «человекомерные системы». Но в научных системах сегодня появляется и другой тип интеллекта, о котором говорил и Владислав

Александрович. Его метод сродни тому, что провозглашали позитивисты второй волны. Это именно та система описания мира, которая тогда не удалась в силу неимения средств реализации, а сегодня большие данные и ИИ позволяют это делать. И тогда, вроде бы, не нужна теория и тогда не нужны модели. А что ж тогда нужно? – язык и культура. Да, все равно «мы подвешены в языке», но только как подвешены - эти закономерности совершенно нам непонятны. И более того, не факт, что эти закономерности имеют конечный размер описания для нас. У каждого из нас есть когнитивное горлышко, пропускная способность сознания, чтобы мы могли вообще осознать это. Поэтому времена очень смутные. И повторяя слова Вячеслава Семеновича «Мы задаем вопрос природе, она отвечает, и мы думаем, что ..», но думаем теперь не мы только, а мы думаем на пару с ИИ. В практической плоскости во всей экспериментальной деятельности $S \rightarrow T \rightarrow O \rightarrow T^* \rightarrow R \rightarrow T^{**} \rightarrow S^*$ все средства T, T^*, T^{**} и все соединительные стрелочки \rightarrow теперь будут, в той или иной степени, контролироваться ИИ в гибридном режиме [16]. И мы не можем доверять своему партнеру, искусственному интеллекту в полной мере. Это огромные вызовы. Я назвал этот тип рациональности **посткритическая рациональность** [14], так же как была введена посткритическая философия Майклом Палани. А это действительно рациональность с большой долей неопределенности. Можно ли здесь что-то сделать? Стефан Вольфрам, об этом Ирина Васильевна Черникова будет наверняка говорить, утверждает, что модели не нужны, достаточно смотреть корреляции в больших данных. Это тот самый позитивистский взгляд, который сегодня возрождается вновь и мало оставляет обычному типу творчества человека, во всяком случае с прогнозом остается полная неясность. Что вместо - большой вопрос. Наступает новое время вызовов в философии науки, новая эпоха «бури и натиска», которую прекрасно понимал Вячеслав Семенович, и которую он сам проходил всю свою творческую жизнь. Спасибо.

Литература

1. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
2. *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М., 2000.
3. *Степин В.С.* Исторические типы рациональности в их отношении к сложности // Синергетическая парадигма: синергетика инновационной сложности / Отв. ред. Аршинов В.И. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – С. 37–47.
4. *Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М.: ИФ РАН, 1994.
5. *Моисеев Н. Н.* Человек и Ноосфера. – М.: Молодая гвардия. 1990.
6. *Буданов В. Г., Аршинов В. И.* Большой антропологический переход: методология сложностно-сетевого мышления: монография — Курск.: ЗАО «Университетская книга», 2022. — 129 с.
7. *Рокмор Т.* Постнеклассическая концепция науки В.С. Степина и эпистемологический конструктивизм // Человек. Наука. Цивилизация. К 70-летию академика Российской академии наук В.С. Степина. – М., Канон+, 2004.

8. Коэволюция науки и культуры в трудах Вячеслава Семеновича Степина. Материалы «Круглого стола» // Философия науки и техники. – 2019. – Т. 24. – № 1. – С. 7–45.
9. Доклад академика РАН В.С. Степина «типы систем: категориальные матрицы, их познание и технологии освоения» 26 апреля 2018 года. YOUTUBE
10. *Степин В.С., Еськов В.М., Буданов В.Г.* Новые представления о гомеостазе и эволюции. Сложность, Разум, Постнеклассика. – 2016. – №3. – С.52-58.
11. *Буданов В.Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. – М.: УРСС, 2007.
12. *Степин В.С.* О философских основаниях синергетики // Синергетическая парадигма / Под ред. В.Г. Буданова. – М., 2006. – С.97-102.
13. *Буданов В.Г.* Обобщенные типы рациональности: тетраэдрические репрезентации модусов деятельности и цифровая таксономия реальностей / Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». Симпозиум «Философия сложности: постнеклассический подход (памяти В.С. Степина)» (Рук. Аршинов В.И., Буданов В.Г., Черникова И.В.). Сборник научных статей М.: РФО; Институт философии РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Издательство “Логос”, ООО «Новые печатные технологии». – С. 521-523.
14. *Буданов В.Г.* Обобщенная научная рациональность: истоки, структура, перспективы в цифровую эпоху / Антропомерность как вызов и ответ современности: Коллективная монография. Отв. редактор В.Г. Буданов. – Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2022. – С.44-63.
15. *Буданов В.Г.* Антропосоциальные вызовы экспансии искусственного интеллекта // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. – 2023. – Т.3. – №2. – С.23-31.
16. *Буданов В.Г.* Посткритическая рациональность как оборотная сторона цифровизации/ Конструктивизм, реализм, человек. К 90-летию В.А. Лекторского (под ред. Е.О. Труфановой). – М.: СПб: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2023 . – 334 с. – С. 214-227.

Концептуальный каркас эпистемологической концепции В.С. Степина: историко-культурные традиции и новации

Кузнецова Н.И.

*Доктор философских наук, профессор
ИИЕТ РАН, Москва, РФ*

Аннотация

Очевидно, что главным философским интересом В.С. Степина была проблема познания особенностей научно-теоретического знания, его специфики, его структуры и динамики развития. Степин подчеркивал, что в области эпистемологии и философии науки он следовал традициям неокантианства. В конечном итоге он убедительно показал, что научная теория является феноменом социокультурной организованности, созданной познающим мышлением в

определенную историческую эпоху. Ни один специалист не может обойти эту концепцию равнодушным молчанием.

Ключевые слова:

Неокантианство, марксизм, эпистемология, философия науки, Степин, концептуальный каркас, научная теория

**Conceptual framework of the epistemological concept of V.S. Stepin:
historical and cultural traditions and innovations**

Kuznetsova N.I.

Doctor of Philosophy, Professor

IET RAS, Moscow, Russia

It is obvious that the main philosophical interest of V.S. Stepin was the problem of understanding the characteristics of scientific-theoretical knowledge, its specificity, its structure and dynamics of development. Stepin emphasized that in the field of epistemology and philosophy of science he followed the traditions of neo-Kantianism. Ultimately, he convincingly showed that scientific theory is a phenomenon of sociocultural organization created by cognitive thinking in a certain historical era. No specialist can ignore this concept with indifferent silence.

Keywords: neo-Kantianism Marxism epistemology philosophy of science Stepin conceptual framework scientific theory

Несмотря на все разнообразие философских и научных интересов Вячеслава Семеновича, надо признать, что в самой сердцевине его поисков и решаемых задач стояла проблема познания научного знания, его особенностей, строения и динамики развития. Эти фундаментальные вопросы эпистемологии и философии науки, конечно, не новы и восходят к западноевропейской философской традиции позитивизма XIX столетия. Можно в очередной раз подчеркнуть, что формированию через столетие новой философской области – эпистемологии и философии науки – мы обязаны, прежде всего, двум энергичным идейным вдохновителям, а именно французскому Огюсту Конту и англичанину Герберту Спенсеру. Первый – вполне «континентальный» философ, другой – «островной», совпали в пропаганде главной задачи философии, которая, отринув глубочайшие традиции спекулятивного разума, и поставив любые иные вопросы на второй план, должна была немедленно заняться изучением науки, так как именно последняя является движущей силой цивилизационного прогресса. Эта идея осталась ключевой и для Вячеслава Семеновича, ибо именно наука создает современную, как он выражался, техногенную цивилизацию с ее удивительными возможностями осознать, ставить и решать актуальные для человечества проблемы. Он писал об этом в духе своих далеких предшественников весьма вдохновенно: «Теоретическое знание и его развитие является неотъемлемой характеристикой современной науки, которая постоянно расширяет горизонты познавательного и практического освоения мира человеком. Как и сама наука, теоретическое знание является культурно-историческим феноменом. Оно возникло в контексте исторического развития цивилизации и культу-

ры, на определенных стадиях этого развития, породивших теоретическую науку и ценность научной рациональности» [Степин, 2000, с. 17]. Сказанного достаточно, чтобы понимать, почему полная сосредоточенность на проблемах философии науки заставляла Степина также постоянно выходить в проблематику философской антропологии, культурологии, социальной философии. При этом глубинный *perpetuummobile* его философских поисков – осмысление научного познания во всех его ипостасях. По этой причине сам он считал своим главным трудом (среди многих других монографий, статей, иных публикаций) монографию «Теоретическое знание». По его признанию, это был плод более чем двадцатилетней работы. Безусловно, он ждал активных откликов от нашего научно-философского сообщества, чтобы понять, насколько его идеи стали проникать в мышление тех, кто занимается эпистемологией и философией науки. Он много выступал, писал, разъяснял, всегда пытался рассказать (иногда просто при случайной встрече в коридорах Института на Волхонке) о том, что он только что откопал, обнаружил, сообразил. Увы, реакция была довольно слабой. Критики практически не было, но и те, кто признавали, что идеи Степина ведут вперед, мало использовали его модели для собственных разработок и даже для преподавания разработанного им курса «История и философия науки». Это обескураживало. Именно этот пробел заставил меня обратиться к «повторению пройденного», к реконструкции степинской модели строения научной теории. Необходимо проследить, в русле каких традиций действовал, из каких философских проблем исходил еще молодой Степин, когда начался его путь в этой области, и каков, собственно, его оригинальный вклад в «познание познания» на фоне общих историко-культурных традиций.

Вячеслав Семенович активно занимался рефлексией собственного мышления, думал о происхождении своих идей, некоторые браковал, поэтому в целом сам умел показать те традиции, в рамках которых работал и корректировал поиск. Я имею в виду сейчас статью, которую пока крайне редко цитируют и упоминают, но она очень важна для понимания степинской эпистемологической концепции и достойна специального анализа. При подготовке того текста мы вели с автором крайне интересный рефлексивный разговор, о чем и хочу рассказать. Речь идет о сборнике, который готовился в честь юбилея Георгия Петровича Щедровицкого, и я находилась в роли редактора-составителя [Степин, 2004]. В книге «Теоретическое знание» Степин прямо указывал, что наибольшее эвристическое воздействие при разработке собственных идей он испытал от общения с двумя друзьями-коллегами: Г.П. Щедровицким и В.А. Смирновым (в особенности, он ценил предложенный Владимиром Александровичем генетически-конструктивный метод развертывания теории). Сроки подготовки юбилейного издания были очень сжатыми, и мы встретились со Степиным для того, чтобы, как говорится, «раскачать тему». Бесспорно, мы очень хорошо понимали друг друга, оба были «щедровицкими»; я – член Московского Методологического кружка, Степин – активный собеседник Щедровицкого в меру своих визитов из Минска в Москву. Разговаривать нам было очень легко, говорили, что называется, на одном языке, были давно и близко знакомы, но в той нашей встрече Степин удивил меня, как минимум, трижды.

Первое – это история знакомства юного минского аспиранта с традициями и историей позитивизма. Позитивистов, особенно «второй и третьей волны», в те времена необходимо было ругать, критиковать. Степин как перспективный молодой философ получил тему для диссертации именно в таком развороте. Но для солидного исследования необходимо было найти цитаты, изучить оригиналы. «Каким образом мне удалось познакомиться с оригиналами? Это тоже сюжет для небольшого рассказа о советской эпохе. Чтобы написать диссертацию по неопозитивизму, мне необходимо было прочитать работы Венского кружка, а в нашей библиотеке эта литература находилась в так называемом спецхране. Для меня был оформлен допуск по второй форме. И поскольку допуск был уже получен, я воспользовался ситуацией для самообразования. Я тогда прочитал много запрещенной литературы: и той, где мои неопозитивисты ругали советскую власть, и Стенограммы XIV, XV, XVI партийных съездов, которые были засекречены от рядовых членов КПСС. Взял я для знакомства “Философию живого опыта” Богданова и другие его работы. Почему-то особенно трудно было достать “Очерки по философии марксизма” (1908). Узнал много нового и интересного» [Степин, 2004, с. 146]. Однако от такого чтения планы аспиранты изменились радикально. Он попросту отказался от предложенной «перспективной темы», убедился, что слишком многое в трудах Венского кружка было правильным и продуктивным. Это неизбежно задержало его карьерный рост; поэтому отдадим должное его профессиональной честности.

Второе, что было некоторой неожиданностью, – указание на важнейшую роль традиции неокантианства. (Я была уверена, что мы заговорим о роли Маркса для формирования деятельностного подхода в гносеологии). Но Степин сказал так: «Идея деятельностного подхода формировалась, несомненно, как освоение первого тезиса Маркса о Фейербахе. Мы, тогдашняя молодежь послевоенной генерации, искренне прокламировали и пропагандировали этот тезис, потому что он был очень удобен. С одной стороны, это – марксизм, к чему не придерешься. С другой стороны, отталкиваясь от него, можно было совершать следующие шаги... Но тогда, когда я проделал свою работу в сфере философии науки, то к концу 70-х-началу 80-х годов понял, что я не столько марксист, сколько неокантианец. Думаю, что этот дрейф в сторону неокантианства не был случайным» [Степин, 2004, с. 145]. Помню, как я слегка удивилась, но тут же, мысленно оживляя свои знания о неокантианстве, согласилась с высказанным тезисом. Действительно, два момента были очевидными: признание социокультурной обусловленности познания, а также акцент на роли ценностей в формировании умозрительных конструкций. Несомненно, это было заслугой неокантианства, причем обеих школ – как Марбургской, так и Баденской.

Третье, что было наиболее неожиданным, – признание роли А.А. Богданова для развития эпистемологии. Я до той поры не встречала в работах Степина ссылок на его работы, разбора комплекса «тектологических» идей. Цитат, может, и не встретила, а вот проблематика была Степиным освоена, и свое понимание он изложил так: «Богданов развивал марксизм, считая, что учение Маркса – только ступень для всеобщей организационной науки – тектологии. Он писал: “В технике мы нашли организацию вещей для человеческих целей,

теперь мы ее находим в природе вне человека. Эта природа, в свою очередь, оказывается полем организационного опыта... Итак, *область организационного опыта совпадает с областью опыта вообще. Организационный опыт – это и есть весь наш опыт, взятый с организационной точки зрения, то есть как мир процессов организующих и дезорганизующих*” [Богданов А.А. «Всеобщая организационная наука (тектология). Л.-М., 1925]. И Степин продолжает: «В этом контексте Богданов пришел к утверждению, что общественное бытие равно общественному сознанию. Если перевести на современный язык, то можно изложить его идею следующим образом: сложные, развивающиеся (органические) системы обязательно содержат структуры, которые аккумулируют опыт взаимодействия со средой. Иначе говоря, органические саморазвивающиеся системы включают в себя особые информационные управляющие подсистемы. Сегодня мы бы сказали, что общечеловеческое сознание (и социальное бессознательное) следует интерпретировать как культуру, основания которой выступают своего рода генами социального организма. Подобно тому, как в биологии гены определяют структуру живых организмов, так общественное сознание в каких-то основных, базисных его характеристиках определяют структуры социальной жизни» [Степин, 2004, с. 147].

По мнению Степина, не Богданов уходил от марксизма, а сам Ленин. В «Материализме и эмпириокритицизме» пропагандировались, по существу, идеи домарковского материализма, наивно-реалистической версии познания, в которой главная идея состояла в том, что «познание отражает объект, а результат отражения, знание, есть зеркальный образ объекта (*Spiegelbild*), как любил подчеркивать Ленин» [Степин, 2004, с. 149]. Развитие деятельностной концепции познания и его социокультурной обусловленности требовало преодоления такой наивной точки зрения. Но она была догматизирована, идеологически нагружена, каждый шаг здесь давался с большим трудом и был чреват неприятными последствиями.

Степин заключает свой анализ так: «Традиционному отождествлению фундаментальных абстракций науки и реальности противостояла критика такого отождествления, опирающаяся на опыт исторического анализа науки. Ряд важных моментов этой проблематики был развит конвенционализмом и эмпириокритицизмом, и той особой версии “марксистски окрашенного эмпириокритицизма”, который разрабатывал А.А. Богданов» [Степин, 2004, с. 148].

Как видим, реконструкцию традиций своей философской работы Степин проделал самостоятельно и сделал это отлично! Думаю, что столь ясное и глубокое ощущение своего места в истории – очевидный признак масштаба личности и мощности мышления.

Но главное в концепции Степина, как утверждалось выше, – выявление строения теории и механизмов динамики ее трансформаций. Обратимся к анализу итогового результата. Понятно, что в данном случае мой анализ будет по необходимости лапидарным. Впрочем, Вячеслав Семенович оставил нам очень удачную схематизацию устройства теории [Степин, 2000, с. 287], благодаря которой мои пояснения в данном случае будут просто некоторым комментарием к ней. В дальнейшем автор внес небольшие добавления в схему, но это не было

принципиальным изменением. Любовь к «схематизации смысла», которая позволяет визуализировать ходы мысли, Вячеслав Семенович, несомненно, усвоил от Щедровицкого. К сожалению, по моим наблюдениям, многие преподаватели и даже специалисты в области эпистемологии упускают из виду некоторые «изюминки» этой схемы, упрощая и тривиализируя оригинальную концепцию Степина.

Как устроена научная теория, если мы рассматриваем ее как феномен высоко развитой научной дисциплины (скажем, современной физики)? Вопрос не праздный, так как теории различных областей знания устроены различным образом. Стандарта здесь нет. Другое дело, что молодые дисциплины стараются подражать более «продвинутому», по мере возможностей копируя построение своей теории так, как это делается в физике. От принятия математики как идеала по мере развития естествознания (физики, химии, биологии и других так называемых «индуктивных наук») пришлось отказаться, так как эмпирические дисциплины не могут строиться аксиоматически. Действительно, «числа на дороге не валяются», как выражался академик А.Д. Александров, они являются умозрительными конструкциями. Природные объекты – не таковы. Но роль математики в естествознании этим не умаляется, что нашло свое отражение в степинской схеме.

Итак, в схеме устройства теории, по Степину, присутствуют три измерения, три проекции: эмпирический «постамент», собственно теория, а также проекция, куда он помещает то, что называет «основаниями теории». Схема подчиняется очень легкому мнемоническому правилу: у постаментов два уровня, у теории – три, у проекции оснований – четыре «блока».

Эмпирический «постамент», по Степину, имеет два этажа: нижний – «приборные ситуации, данные наблюдений»; верхний – «эмпирические зависимости, факты». Очень желательно, чтобы на эмпирическом уровне исследования была установлена «эмпирическая зависимость» (такого типа, например, как «закон Бойля-Мариотта»). Однако «фактами» данные наблюдений будут признаны, «если и только если», как говорят логики, будут дедуцированы из теоретических соображений. Замечу, что в книге «Теоретическое знание» Степин ясно и четко излагал свое понимание проблемы «теоретической нагруженности фактов», был, естественно, знаком с гипотетико-дедуктивной схемой научного исследования и добился того, что вся эта известная философскому сообществу проблематика была органически вплетена в его схему, получала в ней должное освещение.

На эмпирический «постамент» водружается теория. Изюминка в том, что теория вовсе не вытекает из эмпирии и не порождается ею. Этот привычный до сих пор, навязчивый постулат просто-напросто отброшен. Теория – это «постройка», это конструкция, которая водружается на эмпирический «постамент», но не порождается им. Напомню, что индуктивное происхождение теории, по Степину, просто невозможно, теория ни в коей мере не является продуктом обобщения эмпирических данных. Теория строится для абстрактных (идеальных) объектов, отнюдь не для реальных. Это крайне важный пункт, который, как показывает практика преподавания, с трудом осваивается практикующими

исследователями, если они специально не занимаются методологическими проблемами своей дисциплины. Степин разъясняет: «Эмпирические объекты составляют смысл таких терминов эмпирического языка, как “Земля”, “провод с током”, “расстояние между Землей и Луной” и т.д. Теоретические объекты, в отличие от эмпирических, являются идеализациями, “логическими реконструкциями действительности”. Они могут быть наделены не только признаками, которым соответствуют свойства и отношения реальных объектов, но и признаками, которыми не обладает ни один такой объект. Теоретические объекты образуют смысл таких терминов, как “точка”, “идеальный газ”, “абсолютно черное тело” и т.д.» [Степин, 2000, с. 104]. Как рождаются такие конструкты, представляющие абстрактные (идеальные) объекты? Мне запомнилась такая фраза, мельком брошенная Степиным в разговоре: «Построение теории идет не индуктивным путем, не выводится движением от опыта к теории, а строится за счет пробега мышления в сфере идеализированных объектов и построения гипотез – гипотетических схем исследуемой реальности... <Это и есть> процедура конструктивного обоснования. Я считаю это одним из ключевых открытий в философии науки, которое мы сделали в Минске» [Степин, 2004, с. 141].

В теории, по Степину, три компонента: центральная – «теоретическая схема» (что для него равнозначно построению идеального объекта), но «внизу», уходя на «постамент», располагается «эмпирическая зависимость», «факты», а «сверху» – математическая формулировка. Поясню своими словами, что такое теоретическая схема. Как правило, теоретическая схема очень проста и выражается достаточно короткой формулировкой. А решение конкретных познавательных задач (решение головоломок, по Куну), напротив, – бывает сложным и кропотливым делом. Возьмем, к примеру, теорию происхождения видов Ч. Дарвина. Она, по сути дела, изложена в самом заголовке первого издания «Происхождения видов», который гласит: «Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение избранных пород в борьбе за жизнь». (В оригинале это высказывание звучит более жестко и безжалостно, русский перевод смягчает оттенки сказанного: «On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life»). Сказано всё, что необходимо, остальной текст, как выражались современники Дарвина, представляет собой «Монблан фактов». Иначе говоря, все многочисленные примеры выживания видов, сумевших приспособиться к условиям среды, стали фактами в силу освещения их через призму теоретической схемы. Ясно и то, что такая теория не могла быть индуктивным обобщением, наблюдать процесс естественного отбора своими глазами невозможно. Сам Дарвин был смущен и недоволен тем, что такое утверждение само по себе не вытекало из эмпирических наблюдений, не было в этом плане получено «правильным путем». Дарвин был убежденным индуктивистом [Чайковский, 1982].

Третий компонент теории – «математические формулировки законов». Иногда их нет, но желательно к этому стремиться. В современном дарвинизме, судя по всему, математические расчеты уже ведутся, математизация биологического знания продвигается вполне успешно.

Когда теоретическая схема сформирована, необходимо, по Степину, дать ей «концептуальную интерпретацию». На примере «Происхождения видов» наглядно видно, что мировоззрение «StruggleforLife» (выживает сильнейшие, избранные, FavouredRaces!) идеально вписывается в контекст минувшей социокультурной эпохи.

Необходимость концептуальной интерпретации естественно устремляет внимание на третью проекцию теоретического знания: это – основания науки. В ней, как говорилось четыре блока: «специальная научная картина мира», «общенаучная картина мира», «философские основания науки», «идеалы и нормы научности». Очевидно, что эти блоки исторически переменчивы. Отмечаются культурные и национальные особенности в постройке теорий. Теория должна проецироваться в эти блоки, чтобы пройти проверку на когерентность. Несомненно, без такой проверки теория находится в «подвешенном состоянии». Историки науки в своих реконструкциях теорий прошлых эпох, демонстрировали многообразие такого «вписывания» конкретного научного результата, и многие особенности исторической динамики научного познания получают в рамках схемы Степина свое объяснение.

Подведем итог: в силу всего сказанного выше мне хотелось бы, характеризуя анализируемую схему, употребить тектологическое (богдановское) слово – «организованность». Это определенный сдвиг в привычной категоризации устройства теоретического знания. Убедительно показано, что *теория является феноменом социокультурной организованности, созданной познающим мышлением в определенную историческую эпоху*. Очевидно, что предложенное изображение теоретического знания полностью соответствует поискам эпохи постпозитивизма, и я рискнула бы утверждать, что Степину действительно удалось создать наиболее объемлющую, синтезирующую концепцию, аккумулирующую важнейшие достижения этой области. Ни один специалист, работающий в области эпистемологии и философии науки, не должен обойти эту концепцию равнодушным молчанием.

Литература

1. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 744 с.
2. *Степин В.С.* От философии и методологии науки – к философской антропологии (траектории развития идей: 1950-1990-е гг.) // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Ред.-сост. Н.И. Кузнецова. М.: Ф.А.С. – медиа, 2004. - 544 с.
3. *Чайковский Ю.В.* Истоки открытия Ч. Дарвина (опыт методологического анализа) // Природа, № 6, 1982. С. 87-94.

Два подхода в изучении научной рациональности

Еськов В.М.

профессор, доктор физико-математических наук,
доктор биологических наук, ЗДН РФ

ФГУ «ФНЦ Научно-исследовательский институт системных исследований Российской академии наук». Обособленное подразделение «ФНЦ НИИСИ РАН» в г. Сургуте ул. Базовая, 34, Сургут, Россия, 628400, filatovmik@yandex.ru

Аннотация. Представлен сравнительный анализ классификаций типов научной рациональности у В.С. Степина и с позиции Weaver-Еськова. Показано, что с позиции субъект-объектных отношений (Степин) и базовых свойств систем природы (Еськов) такая классификация имеет общие корни и создает новые перспективы для философии науки. Возникает острая необходимость в разработке новых подходов в философии науки и философии в целом. Очевидно, что нужна новая философия науки на базе новой классификации типов научной рациональности.

Ключевые слова: научная рациональность, субъект-объект, эффект Еськова-Зинченко.

Two approaches to the study of scientific rationality

Eskov V.M.

professor, Doctor of Physical and Mathematical Sciences,
Doctor of Biological Sciences,
ZDN RF

Federal State Institution "FNC Research Institute for System Research of the Russian Academy of Sciences". A separate subdivision of the Federal Scientific Center NIISI RAS in Surgut, st. Basic, 34, Surgut, Russia, 628400, filatovmik@yandex.ru

A comparative analysis of classifications of types of scientific rationality by V.S. Stepin and from the position of Weaver-Eskov was presented. It is shown that from the standpoint of subject-object relations (Stepin) and the basic properties of natural systems (Eskov), such classification has common roots and creates new perspectives for the philosophy of science. There is an urgent need to develop new approaches to the philosophy of science and philosophy in general. It is obvious that a new philosophy of science is needed on the basis of a new classification of the types of scientific rationality.

Key words: scientific rationality, subject-object, Eskov-Zinchenko effect.

Академик В.С. Степин внес весьма существенный вклад в развитие систематизации философии науки и теории познания. Основные его работы в этой области базируются на детальном изучении субъект-объектных отношений. Напомним, что эта проблема составляет основу всей философии за последние 200-250 лет. Но в теории познания и философии науки она сейчас приобретает

особый смысл в связи с открытием особых свойств биосистем и новой классификации типов систем в природе и обществе. Речь идет об эффекте Еськова-Зинченко (ЭЭЗ) в природе и обществе.

Это обусловлено новыми данными по особым свойствам самоорганизующихся биосистем и открытием эффекта Еськова –Зинченко (ЭЭЗ). Напомним, что еще в 1948 году один из основоположников теории информации W.Weaver в статье «ScienceandComplexity» представил общую классификацию систем [1] и выделил все биосистемы в общий третий тип систем (СТТ- системы третьего типа). Отметим, что Weaver не обращался к философии.

Однако, более 50 лет эту работу игнорировали и только В.Л. Гинзбург в 1999 году пытался опять поднять особые свойства СТТ [2] (в виде трех великих проблем физики). Одновременно, В.С. Степин в конце 20-ого и начале 21-го века представил классификацию трех типов научной рациональности [3-4]. Существенно, что Гинзбург исходил из особых свойств биосистем (как и W.Weaver), а Степин исходил из теории познания и субъект- объектных отношений.

В рамках своей концепции академик Степин говорил о познании объекта (как такового) в рамках классического подхода (классика), о роли методов (и средств) измерения (в квантовой механике) в неклассике (квантовая механика) и он вводил понятие «постнеклассика». Для философии это было совершенно новое понятие [3-4]. Оно потребовало новых понятий и нового определения (с позиции философии).

В последнем случае он говорил о возможности замены мест (субъект становится объектом и наоборот). В этом случае человек познает другого человека или самого себя. Степин говорил о самоорганизующихся (человекомерных) системах, которые должны изучаться в рамках постнеклассики. Именно этот термин мы вместе с ним и поместили в название нашего журнала [5-7]. Именно «Постнеклассика» вошла во многие статьи этого нового издания [3-10].

Этот журнал начал выпускаться с 2012 года и он посвящен детальному изучению СТТ, самоорганизующихся систем. Особые свойства СТТ были доказаны в эффекте Еськова –Зинченко (ЭЭЗ). В этом ЭЭЗ было доказано отсутствие статистической устойчивости биосистем (СТТ), т.е. потеря их эргодичности, и что еще хуже – потеря однородности групп (любых, по любым параметрам) [5-10]. Этот ЭЭЗ потребовал и создание новой науки для описания биосистем [11-15]. Сейчас эта наука обозначена как теория хаоса- самоорганизации (ТХС).

Поэтому, в итоге, все это потребовало создания новой (третьей) науки после детерминистской (на базе теории динамических систем- ТДС) и стохастической науки- ДСН. В итоге, нами сейчас создается новая теория хаоса и самоорганизации (ТХС), которая существенно отличается от ДСН. В ТХС мы имеем аналог принципа Гайзенберга, потерю эргодичности и однородности групп, понятие псевдоаттрактора. Все это уводит СТТ из области ДСН и доказывает гипотезу W.Weavera трех типах систем. Фактически речь идет и о трех типах рациональности (в рамках детерминизма, стохастики и ТХС). Это новый подход в философии науки и во всей философии. Однако, н требует нового понимания и особого развития.

Все это требует и нового понимания и создания новой философии науки на базе классификации В.С. Степина (субъект- методы (приборы)- объект) и нового понимания типов систем. Однако эта классификация может базироваться на двух разных подходах (подход В.С.Степина и подход Weaver-Еськова в изучении систем). Эти два подхода базируются на совершенно разных понятиях с научной точки зрения.

Три типа систем (детерминистские, стохастические, хаотически-самоорганизующиеся) требуют создания новой теории познания (возможно и на базе ТХС) и требует новой классификации типов общества, этапов развития человека и человечества. Нами вводится новая третья (после детерминистской и стохастической) парадигма. При этом первая парадигма (детерминистская – ТДС) и вторая (стохастическая) останутся в силе для описания систем в рамках ДСН [5-7]. Здесь нет антагонизма, так как ТХС (и третья парадигма) изучают биосистемы (они не объект ДСН).

Эта третья парадигма (ТП) охватывает создание и развитие не только науки, но и человечества. Мы доказываем, что человечество развивается от детерминистского (традиционалистического) типа к технологическому (стохастическому, демократичному) типу и далее к третьему типу (как изучение СТТ).

Этот третий тип социальных систем (знаниевое, синергетичное, постиндустриальное общество – ЗСПО) базируется на ТП и существенно отличается от первых двух типов систем. ЗСПО- это самоорганизующееся общество, где имеются и другие приоритеты и другие герои для подражания, другой тип управления обществом. Это новый тип социальной системы, который не изучали классики политологии.

Остановимся подробнее на приоритетах. В традиционалистском (детерминистском) обществе приоритет был у иерарха (вождя, царя, фараона, генсека КПСС). Воля иерарха была священна. Именно такой тип социальных взаимодействий сейчас формирует США в мире, где Америка является иерархом.

У них это хорошо получилось после падения СССР, но гегемония (детерминизм) уже заканчивается. Попытка создания мирового традиционалистского сообщества завершается. Мы ожидаем, что после успешного завершения специальной военной операции (СВО) мы получим другую социальную систему в мире, другой порядок. Надеемся, что и Россия существенно изменится и появятся цели перехода в ЗСПО.

РФ и Китай предлагают миру стохастический (техногенный) тип социальных отношений, где нет гегемона и любая страна может формировать свое мнение (и менять свои интересы). Именно это мы и наблюдаем в стохастическом (индустриальном) обществе. Любой гражданин в США или РФ может поменять свою партию и т.д., поменять свои ценности, образовать свою собственную партию (если получится). Это уже большая свобода относительно традиционалистского общества. Здесь учитывается мнение большинства (но не всего населения любой страны).

Однако, в технологическом (индустриальном) обществе изменяются и социальные интересы. Если в иерархическом (детерминистском) обществе приоритетом (идеалом) был силач (Геракл), то в стохастическом обществе идеалом

является выдающийся финансист (банкир, промышленник и т.д.), финансовый гений. На эту тему написаны тысячи книг (вспомним Т.Драйзера: финансист, титан, стоик).

В обществе 2-го типа больше свобод и нищид может стать Рокфеллером (и наоборот). Но это общество тоже завершает свою эволюцию, ему на смену идет ЗСПО. В этом третьем типе социума идеалом является информационный гений (в отличие от гения силы-Геракла, или финансового гения). Это уже общество знания и оно требует новых кумиров: информационных гениев, способных создавать новые науки, новые теории, новые технологии. Интеллектуальный человек в ЗСПО- это эталон. К его мнению должны все прислушиваться, но пока в РФ этого нет.

Необходимо отметить, что попытки такой классификации развития человека производились еще в древнем Китае. Например, в учении Дао выделяют три ступени состояния (развития) человека. Уровень первый в Дао соответствует детерминизму (все по правилам). Второй уровень Дао допускает уже некоторые отклонения. Это стохастический уровень управления (регуляции) или система 2-го типа в ТХС. Однако третий уровень Дао требует самоорганизации. Человек сам определяет свой путь развития. Он определяет сам свою цель и пути ее достижения. Для общества это уже ЗСПО.

У ЗСПО и в учении Дао особые приоритеты. Если в детерминизме нужны армии для выживания иерарха, в стохастике финансисты для благополучия финансового гения, то в ЗСПО мы ориентируемся на получение новых знаний и информационный гений должен быть в приоритете. Это уже другие приоритеты и другой тип социума. Здесь все человечество должно бороться за получение новых знаний и технологий. В ЗСПО нужно создать условия для активной поддержки науки. Необходимо формировать культ знаний, чего сейчас в РФ нет совсем [2-8]. Нужно поддерживать науку и ученых.

Сам человек тоже проходит подобные этапы развития. В детстве (3-7 лет) ребенок нуждается в управлении (диктатура со стороны опекуна). Затем в школе и вузе человек живет в мире стохастики (он получает знания и может совершать разные ошибки). Но мир стохастики завершается. Начинается самоорганизующийся хаос. Речь идет о ЗСПО, где наука будет на первом месте, а всеобщее высшее образование будет как конечная цель развития такого общества. Очевидно, что это уже 3-й уровень Дао, но не для одного человека, а для всего человечества.

Таким путем пытается идти сейчас Япония, где 98% выпускников школ поступают в университеты. При этом около 20% из них после университета поступают в аспирантуру. Возможно, через 20-30 лет каждый пятый взрослый житель Японии будет кандидат наук, это идеал для ЗСПО.

К этому же стремиться и Китай. Но у этой страны имеются еще проблемы в экономике. Однако наука и образование в Китае развивается небывалыми темпами. Пройдет очень короткий интервал времени и Китай приблизится к ЗСПО (из-за науки). При этом он обгонит США и весь Евросоюз.

В ЗСПО появляются некоторые гениальные ученые (третий тип ученых) и они создают свои миры, новые знания. Вообще, взрослый человек тоже живет

по законам ЗСПО- он постоянно самоорганизуется и имеет свои цели, стремится к этим целям. В Дао это соответствует третьей ступени познания и жизни человека.

Очевидно, что человек третьего уровня – это самоорганизующаяся личность, она живет по своим планам и эталонам собственного интеллектуального развития. Человек третьего уровня – житель будущего ЗСПО. Учение Дао пыталось об этом сказать на примитивном уровне, но сейчас третья парадигма это доказывает для всех биосистем.

Мы живем в мире хаоса и самоорганизации. Об этом говорил В.С.Степин: самоорганизующиеся системы могут генерировать постоянно изменяющиеся выборки. Наша научная школа доказала правоту Weaver, Гинзбурга и Степина: СТТ- особые системы, у них есть пять особых принципов организации (в поведении) и 13 особых свойств в поведении, которые мы вынесли на обложку журнала: «Сложность. Разум. Постнеклассика». Очевидно, что ТП требует осознания и развития. Она требует увеличения числа высококвалифицированных людей в России. Необходимо поддерживать науку (до 30% от ВВП), но сейчас руководители РФ это не понимают.

Все это теоретически было сделано совместно с В.С. Степиным, который публиковал свои статьи на страницах этого журнала [3,4] и активно поддерживал идеи ТП и создание третьей науки после ДСН. Это он неоднократно подчеркивал в беседе с нами. Последняя такая беседа состоялась у него на квартире (незадолго до его ухода из жизни). Академик полностью нас поддерживал и строил большие планы на будущее. Однако этим планам не суждено было свершиться. О чем мы все глубоко скорбим. Очевидно, что многим нашим планам уже не суждено реализоваться, но развитие ТП продолжается и все происходит по законам перехода систем (1→2→3).

В.С.Степин был очень чувствителен ко всему новому, а идеи ТП были созвучны его идеям по классификации научной рациональности. Очевидно, что развитие этих идей привело бы академика Степина к созданию и новой философии науки. При его широком кругозоре это было вполне реализуемо, но это требует времени.

Эта новая философия науки должна бы была представить три типа наук: детерминистскую (на основе ТДС), стохастическую и теорию хаоса-самоорганизации – ТХС). Именно ТХС сейчас требует нового осмысления со стороны философов. Новая ТП ждет философов для своего развития, но пока нет должного внимания со стороны всех ученых.

В ТХС представлены новые понятия (потеря эргодичности и однородности для СТТ, понятие псевдоаттракторов, введение двух типов неопределенности и т.д.). Все это требует нового философского подхода. Пока ТХС проходит мимо философии науки и это вызывает недоумение. Философия всегда обобщала все законы природы.

Очевидно, что появление новой (третьей) науки (ТХС) после ДСН потребует и разработки новой философии науки. Это потребует особого обобщения и усилий. И это хорошо понимал В.С. Степин, но уход из жизни остановил академика на пути создания новой философии науки. Мы надеемся, что эти три

науки (ДСН и ТХС) будут сначала поняты научной общественностью, а затем (или одновременно) и философы займутся осмыслением третьего типа рациональности.

Эта новая (третья, после ДСН) наука будет направлена на новое понимание человека, его роли в истории Земли. Об этом пытался сказать еще В.И. Вернадский, но это новое понимание требует разработки третьей парадигмы (ТП). В итоге, мы должны будем перейти в ЗСПО, как это и прогнозирует ТП.

Очевидно, что ТП имеет глобальный характер. Она (парадигма) охватывает познание не только самого человека (три этапа его развития: детство (детерминизм), юность (стохастика) и зрелые годы (хаос-самоорганизация)). ТП охватывает динамику развития всего человечества, его эволюцию.

ТП дает объяснение главного предназначения человека и человечества: эволюция жизни на Земле и роль человека в этой эволюции. ТП говорит о том, что человечество должно развивать науку до уровня ЗСПО и тогда нам будет доступно терраформирование. Мы сможем удерживать Землю в устойчивом состоянии.

Об этом пытался сказать В.И. Вернадский. Мы должны не только сохранить Землю, но и освоить другие миры. Создать колонии на Марсе, спутниках Юпитера (за пределами пояса астероидов). Это необходимо, если солнце станет красным гигантом. Существуют много видов катастроф, которые могут начать новый цикл жизни (по Кювье).

Разумная жизнь (человечество в виде ЗСПО) должна устойчиво существовать в пределах солнечной системы. Нам нужны параллельные миры на случай если произойдет катастрофа с нашей собственной планетой. Тогда останутся колонии на других планетах, будут другие миры (для восстановления Земли).

Очевидно, что такие циклы на Земле были много раз (теория Кювье), но те цивилизации просто не доживали до устойчивого существования. ТП говорит о необходимости устойчивого существования человека и человечества на Земле и в ближнем космосе. Это главная задача науки и ЗСПО. Пока мы это не осознаем и это вызывает недоумение и сожаление. Это остро понимал В.С. Степин в наших длительных беседах. Ожидается, что в ЗСПО все люди будут находиться на третьем уровне Дао. Человек и человечество будут сами выбирать пути своего развития.

Переход от технологического общества в ЗСПО неизбежен. Это хорошо понимают в Китае и поэтому там активно поддерживают науку и ученых. Но очень важно создать такие условия в социуме, чтобы любой талант не погиб, а гениальных людей было бы очень много.

Переход в ЗСПО должен реализовать и планы В.И. Вернадского о симбиозе (синергии) человека и природы. При этом человек должен поддерживать природу, но не разрушать. Сейчас это очень плохо понимают в Европе и США. Наоборот в Китае там это все очень хорошо понимают. Поэтому там еще 1000 лет назад говорили о гармонии. К этому призывал и В.С. Степин [3,4].

Литература

1. *Weaver W.* Science and Complexity // *American Scientist*. – 1948. – Vol. 36. – Pp. 536-544.
2. *Ginzburg V.L.* What problems of physics and astrophysics seem now to be especially important and interesting (thirty years later, already on the verge of XXI century)? // *Physics-Uspekhi*. – 1999. – Vol. 42. – Pp. 353-373. DOI: 10.1070/PU1999v042n04ABEH000562
3. *Степин В.С.* Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2013. №4. С.45-59.
4. *Еськов В.М., Буданов В.Г., Стёпин В.С.* Новые представления о гомеостазе и эволюции // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2016. № 3. С. 52–58.
5. *Еськов В.М., Галкин В.А., Филатова О.Е.* Complexity: хаос гомеостатических систем / Под ред. Г.С. Розенберга. Самара: Изд-во ООО «Порто-принт», 2017. – 388 с.
6. *Пятин В. Ф., Еськов В.В.* Может ли быть статичным гомеостаз? // *Успехи кибернетики*. – Успехи кибернетики. – 2021. – Т. 2, №1. – С. 41-49.
7. *Еськов В.В.* Математическое моделирование гомеостаза и эволюции *complexity*: монография. Тула: Издательство ТулГУ, 2016. – 307 с.
8. *Еськов В.В., Шакирова Л.С.* Почему детерминистский и стохастический подход невозможно использовать в кардиологии и во всей медицине? // *Вестник новых медицинских технологий*. – 2022. – Т. 29. – № 4. – С.117-120. DOI: 10.24412/1609-2163-2022-4-117-120
9. *Филатова О.Е., Еськов В.М., Галкин В.А., Музиева М.И., Кухарева А.* Существуют ли отличия классификации систем искусственного интеллекта? // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. – 2022. – №1. – С.48-59. DOI: 10.12737/2306-174X-2022-1-48-59
10. *Буданов В.Г., Попов Ю.М., Филатов М.А., Кухарева А.* Хронология Возникновения трех видов систем // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. – 2022. – №3. – С.40-52. DOI: 10.12737/2306-174X-2022-3-33-41
11. *Еськов В.В., Пятин В.Ф., Филатова Д.Ю., Башкатова Ю.В.* Хаос параметров гомеостаза сердечно-сосудистой системы человека / Самара: Изд-во ООО «Порто-Принт», 2018. – 312 с.
12. *Еськов В.В., Башкатова Ю.В., Шакирова Л.С., Веденева Т.С., Мордвинцева А.Ю.* Проблема стандартов в медицине и физиологии // *Архив клинической медицины*. – 2020. – Т. 29, № 3. – С. 211-216.
13. *Filatova O.E., Galkin V.A., Eskov V.V., Filatov M.A., Gavrilenko T.V.* Warren Weaver's Complexity and Fuzziness of Lotfi A. Zadeh Leading to Uncertainty in Biosystem Study // *AIP Conference Proceedings* 2467, 060046 (2022); <https://doi.org/10.1063/5.0092442>
14. *Еськов В.В., Пятин В.Ф., Шакирова Л.С., Мельникова Е.Г.* Роль хаоса в регуляции физиологических функций организма / Под ред. А.А. Хадарцева. Самара: ООО «Порто-принт», 2020. – 248 с.
15. *Еськов В.В., Галкин В.А., Гавриленко Т.В., Филатова О.Е., Веденева Т.С.* Понятие сложности у W. Weaver и I.R. Prigogine // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. – 2021. – № 4. – С. 45-57.

«Постнеклассика» и экспертиза¹**Пружинин Б.И.**

доктор философских наук, главный научный сотрудник
Институт философии РАН
научный сотрудник
Институт логики, когнитологии и развития личности
Москва, Россия

УДК 167.1

Аннотация. Неоднократно полемизируя с установками постмодернистской философии науки, В.С. Степин подчеркивал, что эпистемологические идеи этого философского движения ограничиваются констатацией лишь переходных (и в этом плане методологически релятивных) состояний современной науки. В противовес этой позиции, он разрабатывал концепцию «постнеклассической науки», в которой предлагал перспективу поисков «новой рациональности», способной ясно представить четкие методологические основания развивающегося познания. Надо признать, мы и сегодня еще не можем сказать, что процессы, трансформирующие современную науку, завершились, и что обновленная рациональность стала ее эффективным ориентиром. Тем не менее, эпистемологические контуры современной науки обозначились настолько отчетливо, что философы науки уже могут, по крайней мере, обсуждать ее выявляющиеся специфические характеристики и релевантную методологическую проблематику. Весьма демонстративно структурные трансформации проявляются сегодня в естествознании, где на смену достаточно жестко ограниченному в предметном и методологическом плане дисциплинарным направлениям приходят полидисциплинарные, по своей сути, коллаборативные, исследовательские программы, в значительной степени ориентированные в своей социокультурной организации на прикладной практический эффект. В частности, в рамках такого рода программ складывается особый методологический кластер – экспертные оценки когнитивной перспективности исследований, связанные с их прикладной ориентацией. Актуализация рационального статуса экспертных оценок является целью данной статьи.

Ключевые слова: постнеклассическая наука, экспертиза, эпистемология, полидисциплинарность, методология, В.С. Степин.

«Post-non-classics» and expertise²**Pruzhinin B.I.**

DSc in Philosophy, Main Research Fellow, Head of the Department of philosophy of natural Sciences

*Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Research Fellow
Institute of Logic
Moscow, Russian Federation*

Repeatedly polemicizing with the tenets of post modern philosophy of science, V. S. Stepin emphasized that the epistemological ideas of this philosophical movement are limited to stating only the transitional (and in this regard, methodologically relative) states of modern science. In contrast to this position, he developed the concept of "post-nonclassical science", in which he proposed the prospect of searching for a "new rationality", capable of clearly presenting specific methodological foundations of the developing knowledge. It must be admitted that even today, we cannot say that the processes that transform modern science have ended and that renewed rationality has become its effective guide. Nevertheless, the epistemological contours of modern science have become so clearly defined that philosophers of science can, at least, discuss its emerging specific characteristics and relevant methodological issues. Very demonstratively, structural transformations are manifested today in natural science where disciplinary areas that are quite strictly limited and subject and methodological terms are being replaced by multidisciplinary, essentially collaborative, research programs, largely oriented in their social cultural organisation to applied practical effect. In particular, within the frameworks of such programs, a special methodological cluster, such as expert assessments of the cognitive prospects of research related to their applied orientation, is emerging. Actualization of the rational status of expert assessments is the purpose of the present article.

Keywords: post-nonclassical science, expertise, epistemology, multidisciplinary, methodology, V. S. Stepin

Чтобы в полной мере оценить смысл широко используемого ныне выражения «современная наука», нет нужды погружаться в глубину веков. Достаточно сопоставить науку сегодняшнюю с наукой предшествующего столетия. Тем более, что контуры произошедших и продолжающих происходить в современной науке изменений уже достаточно ясно определились. Прежде всего, она стала важнейшей составляющей социально-экономической жизни общества и, соответственно, весьма жестко ориентирована на его потребности и запросы. Бесспорно, моменты такого рода переориентации появились еще в конце XIX столетия – уже тогда стал заметно нарастать массив научного знания, ориентированного на решение прикладных задач. Но лишь к XXI веку, когда фактически завершилась порожденная социальным запросом практически полная социальная институционализация научно-познавательной деятельности, возникли условия для столь же полной структурной переориентации науки на непосредственное решение практических задач. В результате, наука сегодня прикладнизируется (в том числе изменения такого рода охватывают и методологический инструментарий, обеспечивающий соответствующую когнитивную направлен-

¹ Работа выполнена в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РФФ, № 22-28-01632 «Экспертиза как эпистемологический феномен в контексте различения фундаментальных и прикладных установок в науке».

² The research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation No. 22-28-01632 «Expert examination as an epistemological phenomenon in the context of distinction between fundamental and applied guidelines in science».

ность также и традиционных фундаментальных областей научного познания). Так что сегодня уже можно говорить о переориентации под прикладные задачи также и основополагающих эпистемологических характеристик познавательной деятельности как таковой.

Дело в том, что в качестве критерия и цели прикладных исследований выступает не само по себе знание как некоторый самодостаточный (рационально-самосогласованный) результат познания конкретной предметной области, но практически (социокультурно) эффективные (взаимодополняющие) результаты различных наук [1]. Это обстоятельство, естественно, смещает внимание философии науки на институциональные факторы, обеспечивающие социально ориентированные взаимодействия различных дисциплинарных направлений. Соответственно, на передний план эпистемологических исследований выходит рассмотрение социальных параметров научно-познавательной деятельности. В социальной эпистемологии наука осмысливается в основном как социальный, скорее даже социально-психологический, институциональный феномен, что является, безусловно, важным аспектом ее методологического обеспечения, но аспектом внешним по отношению к собственно познавательным целям науки.

Иной ракурс происходящих в науке перемен открывается при рассмотрении тех методологических трансформаций, которые происходят сегодня на наших глазах в собственно эпистемологической сфере. И эти перемены становятся сегодня все более заметными и значащими, поскольку связаны как с когнитивным, так и с культурно-историческим статусом научного знания, а стало быть, и ученого. О необходимости именно философского осмысления этого измерения современной науки говорят зачастую сами ученые [2]. В наибольшей степени эти перемены нам демонстрируют «продвинутые» междисциплинарные (точнее, полидисциплинарные) исследовательские программы. Причем научная исследовательская работа в рамках участвующих в этих программах дисциплин концентрируется, в основном, вокруг сложнейшего экспериментального оборудования, так что полидисциплинарность носит здесь весьма многогранный, а самое важное, характер непосредственного сотрудничества. И такого рода коллаборация различных дисциплинарных сообществ, опирающихся на знание, представленное в различающихся дисциплинарных языках, порождает особые, нетрадиционные для философии науки эпистемологические проблемы. Причем наиболее остро и своеобразно такого рода методологические проблемы встают в исследовательских программах, носящих поисковый характер. Такова ныне научная работа в рамках мегасайенс – работа, требующая обновления методологического обоснования.

Фактически, сопоставляя указанные выше направления философского осмысления трансформаций, происходящих в современной науке, мы можем констатировать их концептуальное различие. В центре внимания социально ориентированной эпистемологии – разработка философских концепций, исходящих из релятивистской трактовки научного познания как социальной (социокультурной) деятельности. Речь идет о регулировании социальных аспектов функционирования ученых – таких, к примеру, как когнитивная роль «добродетелей» ученого в организации успешной деятельности научного сообщества

или оценка когнитивной эффективности поведения ученых благодаря историко-научным реконструкциям их деятельности ученых в имевших место уникальных исследовательских ситуациях (case study). Очевидно, что такого рода исторические реконструкции (тех же «добродетелей» ученых), имеют не столько методологический, сколько социально-психологический смысл и для исследовательских программ в целом, и для работающего в их рамках ученого.

В центре внимания методологического анализа программ мегасайенс – условия, обеспечивающие возможность взаимопонимания ученых, подключающих когнитивный потенциал своих дисциплин к экспериментальной реализации единой исследовательской программы. Сами исследовательские программы строятся, как правило, на базе некоторой теоретической структуры (например, гипотеза Питера Хиггса, направлявшая поиск Бозона), но их экспериментальная реализация, предполагающая совместные усилия множества специалистов в самых различных областях науки, предполагает также осмысленность усилий каждого из ее участников, то есть предполагает понимание смысла той деятельности, в которую ученые вовлечены. Иными словами, исследовательские междисциплинарные мегапрограммы предполагают коллаборацию на базе общения, в ходе которого для участников исследования определяется понятная цель их дисциплинарной деятельности. Формулировка общезначимых результатов совместной исследовательской деятельности, суть которых проясняется общими усилиями, образует методологический ориентир такого рода программ. При этом, выработка подобных формулировок как раз и выступает как методологическая задача философии науки, решение которой не возможно без участия философии. Не случайно тот же Бозон Хиггса образно именуют частицей Бога.

Решение этой задачи в общем виде, предполагает, на мой взгляд, обращение философско-методологической рефлексии над наукой к феноменологическим идеям, разрабатывавшимся в русской эпистемологической традиции первой половины прошлого столетия [3], в частности, предполагает обращение к концепции Г.Г. Шпета, внесшего в гуссерлевскую концепцию интенциональности сознания идею общения. Но в данном случае, в контексте приведенных выше рассуждений об изменениях, происходящих ныне в структуре современного научного познания и о перспективах формирования постнеклассической рациональности, учитывающей эти изменения, я хочу обратить внимание на новую, становящуюся ныне в науке, познавательную функцию экспертизы. Дело в том, что это методологическое новообразование очень ярко демонстрирует один из аспектов реализации сформулированной в свое время В.С. Степиным идеи «человекоразмерности» современного научного познания [4]. Роль экспертных оценок эффективности научной деятельности в ходе реализации научно-поли-дисциплинарных исследовательских программ в этом плане очень показательна.

Экспертиза, в принципе, явление далеко не новое. Человек, намеревающийся предпринять какие-либо практические действия в неопределенных ситуациях во все времена обращался за помощью к опытному (компетентному) человеку, чтобы оценить возможные результаты своего действий (или бездей-

ствия). Отличие современной экспертизы, во всех сферах ее применения, состоит в том, что компетентность эксперта должна, в той или иной мере, опираться на научное знание об оцениваемой ситуации. Именно научное знание сегодня позволяет эксперту вникать в ситуацию и предлагать наиболее приемлемое для заказчика решение. Но, при этом, опирающаяся на потенциал научного знания о реальности экспертиза отнюдь не теряет своей специфической социально-гуманитарной ориентации – по самой сути своей экспертиза является исследовательским ответом на вполне определенный практический запрос – будь то запрос индивида, сообщества или социума в целом. И именно в роли ответа на вполне определенный социальный (или шире, социокультурный) запрос, экспертное исследование проникает ныне в практически ориентированную, включенную в социальные структуры современного общества, науку и уже в этом качестве влияет на методологические параметры научной рациональности.

Уточню, критическая оценка научным сообществом результатов познавательной деятельности и методов их получения также во все времена была органической составляющей науки. Здесь достаточно сослаться хотя бы на работы Роберта Мертона [5]. И, надо полагать, по этой причине экспертизой зачастую называют процедуру оценки знания, проверка его соответствия стандартам научности, т.е. соблюдения стандартных научных методов, обеспечивающих воспроизводимость результатов научного познания. Экспертиза, в этом случае, совпадает с традиционным научным критицизмом, который является основополагающим условием коллективного, по своей сути, научного познания. Но сегодня требование реплицируемости знания лишь пересекается с экспертизой как опирающимся на знание ответом на вопрос о последствиях для человека и человечества практической деятельности в той или иной ситуации. И потому эпистемологический смысл экспертизы меняется. Экспертиза, всегда остающаяся социально-гуманитарной и именно в этом качестве внедряющаяся в современную, практически ориентированную науку, реализует в научном познании свою особую эпистемологическую функцию. Она, так сказать, предъявляет к наличному знанию требование, быть полноценной базой для четкого ответа на конкретный практический (социально-гуманитарный) запрос по поводу нуждающейся в экспертной оценке неопределенной ситуации. При этом наличное знание оказывается либо достаточным для такого ответа, либо проведение экспертизы предполагает его конкретизирующее уточнение, позволяющее преодолеть неопределенность ситуации. В последнем случае экспертиза стимулирует вполне конкретное расширение знания, стимулирует исследование, которое выходящее за рамки частного практического запроса. В этом состоит ее эпистемологическая функция.

Таким образом, внутринаучная экспертиза, связывающая присутствующее в ней знание эксперта с прикладной ориентированностью науки, выступает не только как оценка на воспроизводимость вновь полученного знания, она еще и указывает на ту область реальности, которая оказывается за границей оцениваемого знания, но которая как раз и вносит элемент неопределенности в оцениваемую ситуацию [6]. Тем самым, экспертиза, демонстрируя «социокультурную обусловленность» имеющегося знания, его заданные практической ориен-

таций науки границы, проясняет и целевую ориентацию междисциплинарных исследовательских программ, что и обеспечивает взаимопонимание их исполнителей. Полагаю, что именно выполнение внутринаучной экспертизой ее эпистемологических функций позволяло и физикам различных специальностей, и инженерам, и специалистам электронщикам понимать то, что они вместе делают не только в терминах теоретической конструкции, за которую Питер Уэр Хиггс получил Нобелевскую премию по физике.

И в заключение. Помимо всего сказанного, экспертиза в науке предстает еще и как форма «уравновешивания» прикладной ориентации современной науки. Через нее осмысливается культурно-историческая цель полидисциплинарных программ мегасайенс, что, очевидно, как раз и требует философской проработки. Причем это касается исследовательских программ, разворачивающихся сегодня не только в области физики, но и в науках о живом (здесь достаточно сослаться на современные экологические программы), и даже в области социально-гуманитарных наук (современная психолингвистика, например). Экспертиза не только соотносит эти исследования с прикладными запросами социума, но и стимулирует фундаментальную науку. Она указывает на недостаточность наших знаний о данной области реальности, требует уточнения, требует дальнейшего исследования уже независимо от того, какие практически значимые результаты оно может принести. Таким образом внутринаучная экспертиза способствует формированию запроса общества не только на приложения, но и на фундаментальную науку [7]. И хотя многое здесь зависит от личной культурно-исторической позиции эксперта [8], но именно так, на мой взгляд, обретает методологическую конкретность идея «постнеклассической рациональности» становящейся сегодня наукой.

Литература

1. Пружинин Б.И. Надеюсь, что будет жить. Фундаментальная наука в XXI веке // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 66–71.
2. Пронских В.С. Поиски бозона Хиггса: проблемы эпистемологической автономии эксперимента // Философский журнал / The Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 3. С. 82–96
3. Эпистемологический стиль в русской интеллектуальной культуре XIX–XX веков: От личности к традиции. Коллективная монография / под ред. Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013.
4. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
5. Merton R.K. The Institutional Imperatives of Science // Sociology of Science / Ed. V. Barnes. L.: Penguin Books, 1972.
6. Пружинин Б.И. Воспроизводимость эксперимента как инструмент познания (эпистемологический анализ) // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 18–28.
7. Пружинин Б.И., Ветров В.А. Экспертиза как эпистемологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 534–546.

8. Щедрина И.О., Журавель Е.П. Какой эксперт для нас ценен? (к вопросу о типологических характеристиках экспертного знания) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т.38. Вып. 4. С. 562–571.

Концепция постнеклассики В.С. Степина и ее развитие в XXI веке

Черникова И.В.

Доктор философских наук, профессор

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
(г. Томск, Россия)*

УДК 167

Аннотация. Рассматривается развитие парадигмы постнеклассической научной рациональности в XXI веке. Показано, что формы и контексты ее реализации весьма многоплановы: это и технонаука, и трансдисциплинарные исследования, и проекты этических исследований, обусловленные рисками высоких технологий, поскольку производство научного знания становится неотделимым от его применения и связано с принятием решений. Это также обсуждаемая сегодня проблематика антропологического перехода, актуализированная влиянием цифровых технологий на человека и общество.

Ключевые слова: наука, постнеклассическая парадигма научной рациональности, культура, человек.

The concept of post-nonclassical scientific rationality of Styopin, V.S. and its development in the 21st century

Chernikova, I.V.

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

*National Research Tomsk State University
(Tomsk, Russia)*

Abstract. The development of the post-non-classical scientific rationality paradigm in the 21st century is analyzed. It is shown that the forms and contexts of its implementation are very multifaceted: these are technoscience, transdisciplinary research, and ethical research projects conditioned by the risks of high technologies, since the production of scientific knowledge becomes inseparable from its application and is associated with decision-making. This is also the issue of the anthropological transition discussed today, updated by the influence of digital technologies on human and society.

Key words: science, post-nonclassical paradigm of scientific rationality, culture, human.

Вячеслав Семенович Степин известен как выдающийся философ, мыслитель, флагман отечественной философии науки. Им было высказано много глубоких идей, среди которых обоснование историчности типов научной рациональности, выявление и анализ оснований науки, их структуры и роли науки в

культуре, характеристика специфики техногенной цивилизации. Он выявил иерархическую структуру теоретического знания, показав, что в теоретическом знании следует выделять частные и фундаментальные теоретические схемы, а также основания науки. В структуре теории, в качестве ее основания находится фундаментальная теоретическая схема, связанная с соответствующим математическим формализмом. В то время как эмпирические объекты соотносимы с реальными объектами, теоретические объекты являются идеализациями и представляют собой логические реконструкции реальности. Фундаментальная теоретическая схема построена из небольшого набора базисных абстрактных объектов, относительно которых формулируются фундаментальные теоретические законы. Развитие теории, как показал В.С. Степин, осуществляется не только за счет формальных математических и логических операций над высказываниями, но и за счет экспликации содержательных, смысловых составляющих, взятм ведущая роль принадлежит основаниям науки как еще одному уровню в иерархической структуре теоретического знания. Анализ оснований науки и НКМ, как важнейшего компонента этих оснований, позволил решить проблему объективации теоретических схем. В.С. Степин обратил внимание на особую роль процедуры объективации, благодаря которой теоретические схемы воспринимаются как модели предметной реальности, он выявил связь теоретической схемы с системой общих представлений об устройстве природы. Трудно хотя бы перечислить его основные идеи, ставшие поворотными для развития философии науки в России.

Далее мы остановимся на рассмотрении одной из них, а именно, на концепции постнеклассики и попытаемся проанализировать ее развитие в XXI веке, но прежде, хотелось бы подчеркнуть, что Вячеслав Семенович был не только мыслителем, подлинным философом, но и талантливым организатором науки и пользовался огромным авторитетом в научном сообществе. С большой благодарностью вспоминаю школы молодых философов, которые организовывал ИФ РАН с периодичностью раз в два года в 70-80-е, привлекая в качестве учителей ведущих философов из всех республик СССР и, в качестве школьников, начинающих философов из многочисленных вузов страны. Вячеслав Семенович был неизменным участником, его лекции собирали самые многочисленные аудитории слушателей. Вместе с ним минскую школу представляла большая группа молодых философов, многие из которых стали известными философами: Л. Кузнецова, М. Мажейко, Я. Яскевич, М. Жбанков и др. Бывшие школьники из Минска и других городов (В. Бажанов, В. Торосян, Г. Бернадский и др.) и сегодня не теряют связь друг с другом и благодарны за те знания, которые получали на школах. Вячеслав Семенович оказывал очень значимое влияние не только на начинающих философов, он поддерживал развитие философии и методологии науки в регионах. Так, в 2010 году, по приглашению ректора Томского государственного университета Г.В. Майера, Вячеслав Семенович посетил Томск и выступал с лекциями в нашем университете, на которые собирались слушатели из разных вузов Томска. Он много сделал для подготовки философов, работающих в области истории и философии науки и развития этой

важнейшей области философского знания, и тем самым для укрепления взаимодействия науки и философии в культуре и обществе.

Благодаря его влиянию в процессе перехода на Болонскую систему образования удалось сохранить философскую составляющую в подготовке кадров высшей квалификации и ввести в структуру кандидатского экзамена дисциплину «История и философия науки». Сегодня, осознано, что переход на Болонскую систему, мягко говоря, не способствовал улучшению образования в высшей школе и теперь вводятся новые пилотные проекты по совершенствованию национальной системы высшего образования. Однако, новации таковы, что в бакалавриате преподавание философии заменено на интегральный набор общественных дисциплин («ядро бакалавриата»), в магистратуре по новым образовательным стандартам философия науки не вошла в число обязательных дисциплин и исчезла из учебных планов, в аспирантуре философия науки изучается в формате моо-курса (массовый открытый онлайн-курс), в котором не предусмотрено ни часа прямого контакта с преподавателем. Сегодня, в эпоху цифровых вызовов человеку и обществу, нарастания угроз виртуализации культуры, клипового сознания, трансформации социальных связей, становятся особенно актуальными проблемы этики технонауки, необходима философская рефлексия влияния вызовов технологической революции на человека и общество, но возможность обсуждать эти вопросы со студентами, которые готовятся работать в сфере науки, попросту нивелирована.

Вячеслав Семенович уделял большое внимание анализу роли науки в культуре, он подчеркивал, что научная рациональность участвует в развитии человеческой ментальности и социальных коммуникациях. Это участие не всегда очевидно, но оно есть и проявляется в формировании глубинных структур нашего мышления и формировании ценностных ориентаций. В процессе образования мы усваиваем не только знания, но и схемы их производства, методы их обоснования, что и формирует ментальные структуры, обеспечивающие логическую правильность рассуждений и аргументированность высказываний, а критерии оценки знания, характеристики истины и нормы обоснования являются важными ориентирами общения.

Выявление исторических типов научной рациональности и влияния научной рациональности на развитие общества и формирование культурных ценностей являлось одним из основных направлений исследования В.С. Степина. О становлении во второй половине XX века постнеклассической научной рациональности В.С. Степин начал писать в начале 80-х годов XX в. Концепция постнеклассики является важной особенностью, отличающей взгляд В.С. Степина на историю науки, динамику науки в культуре. Он выделил следующие признаки постнеклассического этапа: изменение характера научной деятельности, обусловленное революцией в средствах получения и хранения знаний (компьютеризация науки, сращивание науки с промышленным производством и т.п.); распространение междисциплинарных исследований и комплексных исследовательских программ; повышение значения экономических и социально-политических факторов и целей; изменение самого объекта – открытые саморазвивающиеся системы (человекоразмерные объекты); включение аксиологи-

ческих факторов в состав объясняющих предложений; использование в естествознании методов гуманитарных наук.

Характеризуя специфику каждого из трех типов научной рациональности, В.С. Степин отмечал, что именно постнеклассическая рациональность учитывает соотношенность знаний об объекте не только со средствами познания, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности. Каждый тип рациональности обеспечивает преимущественное освоение объектов определенной системной организации: малых систем, больших систем, сложных саморазвивающихся систем, включающих человека [1].

Чем отличался взгляд В.С. Степина на проблему научной рациональности? Ведь дискуссии на тему научной рациональности активно вели многие представители школы историков науки, трактовавшие научную рациональность как набор нормативных правил и схем научного исследования. Этот «набор» конкретизировался в весьма широком спектре: акцент на внутринаучных, когнитивных факторах у К. Поппера, и на социально-психологических у Т. Куна. К. Поппер трактовал рациональность как критичность научной рефлексии. Т. Кун считал, что рациональность задается «формой жизни» или «языковой игрой», в рамках которой мы прибываем. С. Тулмин связывал научную рациональность с объяснительной способностью научной дисциплины, формировал представление о рациональности как форме деятельности по получению знания, обосновывая, что рациональность не в теоретических системах, но в процедурах научного поиска. П. Фейерабенд считал, что научная рациональность не является ни единственным, ни высшим видом рациональности (религия, миф, политика, право участвуют в формировании рационалистических конструкций) и наука, как вид рациональности, также гетерогенна и исторична.

В.С. Степин понимал научную рациональность как универсалию культуры, выражающую фундаментальные родовые признаки науки. Немало его работ, еще в минский период, нацелены на выявление нормативов научной деятельности. Ряд монографий были посвящены анализу идеалов и норм познания, оснований науки, экспликации понятия НКМ и ее роли в становлении научной теории. Эти его исследования, с одной стороны, шли в русле общей стратегии постпозитивистских трактовок развития науки, но, с другой стороны, в них тоже была своя особенность. Например, если Т. Кун акцентировал внимание на роли парадигмы, И. Лакатос на исследовательских программах, Дж. Холтон на тематиках и их роли в истории науки, то В.С. Степин – на научной картине мира. Он показал, что НКМ – это особый компонент научного знания, являющийся частью культуры, и, в тоже время, принадлежащий внутренней структуре науки. Ее главная функция – онтологизация теоретических схем.

Характеризуя научную рациональность, В.С. Степин исходил из того, что, несмотря на историческую условность научной рациональности, в каждый конкретный момент она достаточно определена. В отличие от принятой большинством философов науки традиции выделять в истории западной науки два периода исторической динамики, различая классическую и неклассическую парадигмы научности, В.С. Степин выделил три типа научной рациональности (классическая, неклассическая и постнеклассическая). Выявление постнеклас-

сической парадигмы научной рациональности стало новым взглядом на природу науки, открывало новые горизонты развития науки в культуре. Эта его идея далеко не сразу была принята, хотя он очень четко ее обосновывал, сформулировал три основных критерия различения типов научной рациональности. Первый критерий связан с типом осваиваемых системных объектов, второй - с системой познавательных идеалов и норм, третий - с особым видом философско-методологической рефлексии.

В классическом типе научной рациональности исследователь фокусирует внимание на объекте, стараясь, насколько возможно, вынести за скобки все, что относится к субъекту и средствам деятельности. Для неклассической рациональности характерна идея относительности объекта к средствам и операциям деятельности, именно экспликация этих средств и операций выступает условием получения истинного знания об объекте. Наконец, постнеклассическая рациональность учитывает соотношенность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности.

Развитие постнеклассической науки сопровождалось ростом технологических проектов и конвергенцией естественнонаучного и гуманитарного знаний. Познание человекообразных объектов уже невозможно с позиций внешнего наблюдателя. Например, природные комплексы, включающие человека, недостаточно рассматривать в рамках привычной дихотомии «естественное – искусственное». Особенность этих конструкций в том, что в них не только моделируется объектная реальность, но и конструируются ее новые фрагменты. В этом проявляется взаимопроникающее единство природного и человеческого мира. Помимо горизонтальных связей в плоском пространстве объектных параметров, вводится вертикальное измерение, включающее структурные сопряжения с человеческой деятельностью, жизненным миром, социальными практиками. Здесь в конструируемую модель реальности включаются параметры, характеризующие не только объект, но и сферу практического применения знания, его социального функционирования.

Что дало введение третьего типа научности – концепции постнеклассики? Во-первых, подход В.С. Степина, позволил усмотреть новые тенденции динамики науки в культуре. Именно выявление третьего этапа (постнеклассика) проявляло направленность в разнообразных отмечаемых предшественниками трансформациях в западной науке – тенденцию гуманизации, субъективации, все более усиливающегося влияния социальных факторов на науку. Обосновывая парадигму постнеклассической рациональности, В.С. Степин охарактеризовал специфику исследования в постнеклассической науке: сращивание науки с производством, формирование комплексных исследовательских программ, становление новых категориальных структур (саморазвитие, автопоэзис, целевая причинность, глобальный эволюционизм...). Главное же, что определяло новые исследовательские стратегии, это обращение к новому типу объектов, которые он обозначил термином «човекообразные объекты» (сложные природные комплексы, включающие человека, объекты биотехнологий, информационных технологий...).

Во-вторых, выделение постнеклассической парадигмы науки позволило осмыслить изменения в отношениях науки и общества, начавшиеся со второй половины XX века. В постнеклассической науке пересматривается идеал научного исследования как ценностно-нейтрального, трансформируются деятельностные схемы познания. Если познание в неклассической науке трактовалось как конструирование субъектом объекта, но сам субъект оставался заданным, то в постнеклассической науке и познающий субъект предстает не как изначально заданный, а как конструируемый и воспроизводимый в определенных социальных институтах. Субъект трактуется как коллективный субъект, сетевой субъект. Особую актуальность приобрела проблематика этоса постнеклассической науки или этоса технонауки, поскольку технонаука, как покажем далее, это современная форма постнеклассической научности.

В-третьих, значение концепции постнеклассики предложенной В.С. Степиным особенно важно для преподавания истории и философии науки. Вячеслава Семеновича отличала способность понятно и системно излагать свои идеи. Благодаря ясности мышления и широкому видению, конкретные примеры из научной практики вписывались им в культурно-исторический контекст в соответствии с естественно-историческим процессом. Поэтому, именно его видение концептуальной истории науки было положено в основу преподавания истории и философии науки для аспирантов и магистрантов в вузах при переходе к новому кандидатскому экзамену.

Сегодня концепт постнеклассики уже не оспаривается, напротив, и в отечественной, и в зарубежной литературе по философии науки обращение к контексту постнеклассики присутствует в исследованиях технонауки, STS, социальной оценки техники и т.п. При этом, видимо, остается вопрос о статусе этого типа знания: постнеклассика – это наука, методология, мировоззрение?

Постнеклассика - это парадигма научной рациональности, так ее определял В.С. Степин, и это предельно точное, на наш взгляд, определение. Поэтому отвечать на поставленный вопрос следует в соответствии с принятым пониманием парадигмы. Парадигма есть конструкт, включающий в себя и теории, и эмпирический материал, и принятые нормы исследования, и научное мировоззрение. Постнеклассическая парадигма научной рациональности не исключение. Она опирается на теорию самоорганизации (или, как ее еще называют, синергетику, теорию нелинейности, теорию сложности) с соответствующим математическим аппаратом. Кроме того, она включает эмпирический материал по динамике сложных саморазвивающихся систем; а также она является новой научной картиной мира, которую называют холистической, экологической. Её также можно характеризовать как новое научное мировоззрение - системно-эволюционное.

Поскольку парадигма в качестве своего ядра имеет теоретическое основание, важно выделить таковое. Как теория Ньютона является базовой для классической парадигмы научности, квантовая теория поля - для неклассической парадигмы научности, так теория самоорганизации (синергетика) является базовой для постнеклассической парадигмы научности. Это отмечал В.С. Степин, указывая, что именно синергетика является примером постнеклассической

рациональности: «Синергетика по своим онтологическим и методологическим принципам предстает в качестве одной из важнейших экземплярификаций постнеклассической рациональности. Ключевые понятия синергетики – сложность (complexity) и самоорганизация – фиксируют главные признаки сложных систем – их открытость, процессуальность, нередуцируемость системной целостности к свойствам элементов. Теория динамического хаоса применяется как при описании воспроизводства сложных систем в их взаимодействии со средой (гомеостаз), так и при описании эволюционных процессов, связанных с усложнением системы, формированием в ней новых уровней организации, переходом от более простых к более сложным видам гомеостаза» [2. С.18]. Но является ли синергетика теорией?

На ранних этапах становления синергетики это был весьма дискутируемый вопрос, обсуждалась проблема статуса синергетики: является ли синергетика теорией или научной картиной мира, исследовательской программой? Вопрос ставился следующим образом: классическая парадигма научности имеет в качестве основания механику Ньютона, неклассическая – квантовую механику, а постнеклассическая какую теорию в качестве основания имеет? Поскольку статус синергетики как теории в восьмидесятые годы подвергался сомнению, то это делало проблемным и выделение постнеклассической рациональности. Сегодня ответ на вопрос, является ли синергетика теорией, вполне определенный: синергетика, или теория нелинейности, теория сложности, в своем становлении и развитии обрела теоретический статус, она имеет теоретическую схему и соответствующий математический формализм (теорию катастроф Р. Тома). Что касается характеристики парадигмы сложности, ее языкового каркаса, стиля мышления (сложностного мышления), то эти аспекты постнеклассической парадигмы тоже достаточно активно сегодня развиваются.

Сам В.С. Степин становление парадигмы постнеклассической рациональности называл переходом к пост техногенной цивилизации. Такие революции во времени растягивались на десятилетия, но вследствие ускорения эволюционных процессов в социуме, активизированных информатизацией и особенно цифровизацией, постнеклассическая парадигма, ее смыслы и контексты стали разворачиваться очень быстро и в разных измерениях. Рассмотрим, как развивается концепция постнеклассики, какие новые формы научного знания и исследовательской деятельности оформились со времени выявления в середине XX века постнеклассической парадигмы научности?

Концепция постнеклассики получила осмысление в различных аспектах. Так, были охарактеризованы трансформации смысловых узлов постнеклассической науки – субъект, объект, познание, знание, истина, объективность, этика[3], [4], [5]. Предложены принципы методологии сложности, которая наиболее востребована в условиях неопределенности[6], разрабатывается методология сложностно-сетового мышления[7]. Важным направлением исследований последних лет стали проблемы этики постнеклассической науки, становления субъекта этики сложности, отмечается сопряженность этики с эволюционирующей в направлении роста сложности средой [8, С.12]. Обозначена трансдисциплинарная организация знания в постнеклассической науке[9].

Не углубляясь описание обозначенных исследований, рассмотрим несколько подробнее вопрос об этосе постнеклассической науки.

Глубинные изменения в сфере науки влекут радикальные изменения научного этоса, формируется этос постнеклассической науки, или этос технонауки, поскольку технонауку, рассматриваем как современную форму постнеклассической науки. Сложность этоса постнеклассической науки определяется прежде всего тем, что здесь имеем дело с трансдисциплинарной организацией научного знания. В трансдисциплинарных исследованиях пространство научного исследования как бы «становится трехмерным», горизонт объектных параметров, описываемых редукционистской методологией, пересекает новое вертикальное измерение. В этом измерении исследователь выходит из плоскости объектных параметров и связей в сферу человека, причем, не только как субъекта, но и в сферу его жизнедеятельности, практики, социально-культурных ценностей.

Внедрение высоких технологий, именно в силу их все возрастающей сложности, характеризуется непрогнозируемостью возникающих при их создании и функционировании нежелательных побочных последствий. В следствии этого знание в технонауке уже не чисто теоретический конструкт, а социальная практика. Можно сказать, что возникает новая, включенная в процессы принятия решений, наука. Означает ли это полный отказ от нормативов научной деятельности? Как отмечал В.С. Степин, «Во всех типах рациональности сохраняются две основные установки научного этоса: нацеленность на поиск объективного знания и наращивание этого знания. Соответственно сохраняются два основных этических запрета на умышленное искажение истины и запрет на плагиат. Но условия реализации этих установок меняются в разных типах рациональности» [10. С. 44].

Характеризуя этос постнеклассической науки, следует отметить, что в отличие от мертоновского этоса науки регулирующего научную деятельность внутри научного сообщества, этос постнеклассической науки более сложен и неоднороден. Приведем мнение В.С. Степина по этому вопросу. Деятельность со сложными развивающимися системами имеет свои особенности. Она не является чисто внешним фактором по отношению к системе, а включается в нее в качестве компонента, актуализируя одни сценарии развития и понижая вероятность других. Но тогда развивающиеся системы становятся человекоразмерными. Существует огромное множество человекоразмерных систем, в которые человек включен в качестве особого компонента. При их изучении и практическом освоении важно выявить те сценарии, которые могут иметь негативные последствия для человека. Такая оценка сценариев означает, что только внутреннего этоса науки уже недостаточно. Необходимо каждый раз соотносить требования поиска истины с гуманистическими идеалами, корректируя внутренний этос науки дополнительными этическими регулятивами. Такого рода корректировка сегодня осуществляется в форме социально-этической экспертизы научных и технологических программ и проектов. Безусловно, это ведет к трансформации идеала самоценности научно-технологических инноваций. Но при этом, как подчеркивал В.С. Степин, «наука остается наукой. Ее фундамен-

тальные установки поиска истины и роста истинного знания сохраняются, но получают новую интерпретацию. Социально-этическая экспертиза не отменяет этих установок, наоборот, она предстает как условие их реализации. Это — точка роста новых ценностей, возникающих в науке в рамках современной культуры. Не отказ от науки, а ее новое гуманистическое измерение предстает одним из важных аспектов поиска новых стратегий цивилизационного развития» [11. С.35].

Нами был обозначен далеко не полный спектр исследований, в которых сегодня осуществляется развитие парадигмы постнеклассической научной рациональности, кроме того, концепция постнеклассики это только одна из идей разработанных В.С.Степиным, позволяющих осмыслить влияние этого выдающегося мыслителя на развитие современной науки и философии.

Литература

1. *Степин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989, №10. С.3-18.
2. *Степин В.С.* Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности // Философия, методология и история науки. 2015. Т. 1. № 1. С. 6–27.
3. *Черникова И.В.* Постнеклассическая наука и философия процесса. Томск: НТЛ. 2007. 289 с.
4. Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Изд. Дом «Мирь». 2009. 672 с.
5. Постнеклассические практики: опыт концептуализации. СПб.: Изд. Дом «Мирь». 2012. 536 с.
6. Антропомерность как вызов и ответ современности. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга». 2022. 309 с.
7. *Буданов В.Г., Аршинов В.И.* Большой антропологический переход: методология сложностносетевое мышления. Курск: ЗАО «Университетская книга». 2022. 129 с.
8. Морен Э. О сложности. М.: Институт общегуманитарных исследований. 2019. 284 с.
9. *Черникова И. В.* Междисциплинарные и трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета. 2018. – 86 с.
10. *Степин В.С.* Эволюция этоса рациональности: от классической к постнеклассической рациональности // Этос науки. М: Academia. 2008. С.21-48.
11. *Степин В.С.* Научное познание в социокультурном измерении // Философия и наука в культурах Востока и Запада / М.: Наука - Вост. лит., 2013. С. 28-38.

Постнеклассическая рациональность В.С.Степина в контексте мышления-вместе-со-сложностью

Аршинов В.И.

Доктор философских наук

Институт философии РАН

Москва, Россия

УДК 101.1:316

Концепция постнеклассической рациональности В.С.Степина прочитывается как его оригинальный новаторский вклад в становление нового режима философского мышления-вместе-со-сложностью; мышления имеющего своими истоками попытки реляционно-процессуального понимания квантовой механики, синергетики, кибернетики, а так же деятельностно-средового подхода, фокусирующегося на рекурсивной (кибернетической) взаимосвязи человека, культуры, цивилизации и той среды, которую они в процессе становящегося антропогенеза создают и с которой они должны в идеале гармонично (не дивергентно) коэволюционировать. Подчеркивается, что постнеклассическая рациональность по Степину, помещая в центр внимания процессы субъект-объектного взаимодействия, рефлексивно осознаваемо фокусируясь на средствах доступа к объектам познания, неявно включает в себя также и рефлексивную отсылку к процессу индивидуации (по Симондону) его субъекта как активного агента/наблюдателя/участника эволюции к сложности космоморфной Вселенной.

Ключевые слова: постнеклассическая рациональность, индивидуация, рекурсия, процессуальность, сложность

Post-nonclassical rationality of V.S. Stepin in the context of thinking- together-with-complexity

Arshinov V.I.

DSc in Philosophy, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

Annotation. The concept of post-non-classical rationality is considered as his original innovative contribution to the formation of a new regime of philosophical thinking-together-with-complexity; thinking that has its origins in attempts at a relational and procedural understanding of quantum mechanics, synergetics, cybernetics, as well as an activity-environmental approach that focuses on the recursive (cybernetic) relationship of man, culture, civilization and the environment that they create in the process of becoming anthropogenesis and with which they must co-evolve. It is emphasized that post-nonclassical rationality according to Stepin, placing the processes of subject-object interaction in the center of attention, reflexively consciously focusing on the means of access to objects of cognition, implicitly includes a reflexive reference to the process of individuation (according to Simondon) of its subject as an active agent/observer /participant in the evolution of the cosmomorphic Universe.

Keywords: post-nonclassical rationality, individuation, recursion, processuality, complexity.

В этих кратких, по необходимости, заметках я попытаюсь соотнести концепт постнеклассической рациональности В.С.Степина с становящимся в 21 столетии новым режимом (способом) философского мышления, который я с известной долей условности именую как реляционно-процессуальный, сетеризоматический (Делез, Латур) и новоантропологический (Эдуардо Вивейруш де Кастру). Это соотнесение я пытаюсь реализовать, погружая его в дискурс мышления-вместе-со сложностью, как одной из версий указанного режима. Следует подчеркнуть, что концепт постнеклассической рациональности В.С. Степина внутренне сопряжен с его подходом к пониманию философской антропологии, проектом, который был им заявлен в его работе «Философская антропология и философия науки». Приведу некоторые ключевые для его проекта высказывания: «Человек является продуктом космической эволюции, он включен в природу в качестве особого компонента, и его жизнедеятельность предполагает непрерывающееся взаимодействие с окружающей природой... Основой взаимодействия человека с природой является практическая деятельность, в процессе которой он присваивает вещество и энергию Природы, преобразуя их в формы, пригодные для своего потребления. Чтобы целенаправленно изменять исходный материал природы, человеку необходимы *особые средства, которые служат проводниками* (курсив мой – В.А.) его воздействия на преобразуемый предмет и представляют собой усиление его естественных органов» [1, с. 13]. Эти средства, согласно В.С. Степину, порождают многообразие предметного мира (второй природы) и «функционально служат своеобразным продолжением и дополнением человеческого тела. Только благодаря постоянному взаимодействию с этим миром, его воспроизводству и развитию возможна человеческая жизнь». И наконец, самая важная, программная, для всего антропологического проекта В.С. Степина констатация: «Две взаимосвязанных компонента материального существования человека (биологическое тело и “неорганическое тело цивилизации”) образуют сложное и противоречивое целое. Они выступают результатом различных линий космической эволюции. Биологическая компонента является продуктом естественной эволюции биосферы, тогда как “неорганическое тело цивилизации возникает и развивается как искусственно сконструированная деятельностью человека эволюция природных объектов. По мере развития возникает дивергенция этих двух линий, что проявляется в глобальном экологическом кризисе. *Выход из него требует новых стратегий развития, которые могли бы обеспечить коэволюцию естественно возникающей природной среды и “второй природы”, формируемой в процессе производственной деятельности людей*» (курсив мой – В.А.) [1, с. 13, 14, 20]. В приведенных высказываниях просматриваются некоторые ключевые особенности избранного В.С. Степиным способа философствования, часто ускользающих от критиков его концепции постнеклассической рациональности. И самая главная из них - это, с моей точки зрения, фокусировка на процессах становления, развития, эволюции, средств познания и семиотики. Напомню, что его первая монография на-

зывалась «Становление научной теории», в которой по его собственным словам «был применен в качестве методологической парадигмы деятельностный подход в его синтезе с рассмотрением научного знания в качестве сложной исторически развивающейся системы». Далее, что особенно важно для понимания концепции постнеклассической рациональности - это ее установка на расширение сферы рефлексивного осознания средств, целей и ценностей осуществляемой в практике познавательной деятельности человека, осуществляющей его коммуникативные, семиотически опосредованные контакты с окружающей средой – природной, социальной, культурной и техногенной. В.С. Степин подчеркивал, что «функционирование людей в качестве семиотических систем является древнейшим способом передачи социального опыта» [1, с. 34]. По аналогии с кибернетикой второго порядка можно сказать, что постнеклассическая рациональность – это рациональность второго порядка, сфокусированная на тех рекурсивных процессах, которые находятся «между», посередине крайних, по Симондону, терминов (полюсов) субъектности и объектности. Фокусируясь на средствах (а затем и на целях ценностях) познания как операторах когнитивной связности субъектов и объектов этого процесса, становящейся связности, которая этих субъектов и объектов собственно и порождает, В.С. Степин традиционно отдавал предпочтение вектору-стрелке (см. его диаграммы) направленной от Субъекта к Объекту, подчеркивая, что имманентное стремление всякой познавательной деятельности к получению средств доступа к объекту, стремления к выработке так называемого объективного (или, интересубъективного) знания, понимаемого в его эволюционном - космологическом измерении, с необходимостью ведет к познанию сложноорганизованных, саморазвивающихся систем-объектов. Здесь может сложиться впечатление, что В.С. Степин связывал рост сложности только с познаваемым и, одновременно, конструируемым объектом. Это впечатление долгое время разделял и я, полагая, что в концепте его постнеклассической рациональности ее субъектный полюс остается в тени, не в фокусе, на заднем плане. Но более внимательное прочтение его работ убеждает, что это не так. Концепция обратной связи (рекурсии), стрелки-интенции, направленной от объекта к субъекту в его текстах, несомненно присутствует, хотя, возможно, и в неявном, в неартикулированном виде. Или, скорее, в качестве некоего активного фона, молчаливого знания. Это присутствие прочитывается в его очевидно субъективно ориентированном понимании постнеклассической рациональности как деятельностного когнитивного процесса расширения сферы рефлексии над ее собственными средствами, целями и ценностями. То есть, как самореферентный (рекурсивный) процесс познания самого познания. В этом контексте становится понятным его связывание познания сложностных самоорганизующихся систем с их человекомерностью, подчеркивание активной роли их наблюдателя, как включенного, посредством абдуктивно ориентированного мысленного эксперимента (или, трансграничного, по Спенсеру-Брауну); наблюдателя эволюционирующей (квантовоподобной) сложности.

Далее в заключении я попытаюсь связать сложностное мышление В.С. Степина, встроенное в его концепт постнеклассической рациональности, с упомянутым мной в начале становлением нового режима (способа, если угодно,

стиля) философствования, который я предлагаю называть мышление-вместе-со-сложностью, и которое я рассматриваю как философский концепт, ключевой особенностью которого является призыв «мыслить посередине», мыслить «между»; мыслить, согласно Симондону, между крайними терминами, подключаясь к существующему между ними *напряжению*. По самой своей сути это мышление имеет множество точек роста в становящейся «здесь и теперь» нейроподобной сети когнитивных практик человеческого познания в эпоху антропоцена и искусственного интеллекта. Иначе говоря, речь идет о формировании нового «киберфилософского», ориентированного на процесс, режима мышления, отсылающего к наследию Ж. Делеза и Ф. Гваттари, философии индивидуации Ж. Симондона [2], к парадигме сложности Э. Морена [3], философии космотехники Юк Хуэя [4], космоморфной метафизики Пьера Монтебелло [5, с. 57]. Мы продолжим эту отсылку с необходимостью, следуя логике, внутренне присущей мышлению-вместе-со-сложностью: именно - логике временной связности, исторически восходящей к традициям философий процесса Гераклита, Шеллинга, Пирса, Уайтхеда, Бергсона, а в наши дни – Симондона, Делеза, Стиглера и уже упомянутого Юк Хуэя; традициям существенно повлиявшим на становление современной «космоморфной метафизики» П. Монтебелло, Д. Бома, И. Пригожина и И. Стенгерс, космотехники Юк Хуэя, постантропоцентрической концепции философии постгуманизма [7], которая, заметим в скобках, вовсе не является апофеозом антигуманизма, (каковой её спешат объявить критики-приверженцы всяческих «разоблачительных» философий подозрения и консервативные защитники так называемых традиционных ценностей), а является его естественным, эволюционно-экологически ориентированным расширением в направлении отказа от понимания человека как «царя природы», в сторону построения предпосылки нового диалога человека с природой, наделяя ее качеством анимистической субъектности. Философия процесса - это философская традиция, которая подчеркивает трансдуктивно (по Симондону) [2] трансформирующийся характер сущего - собственно природного, психического, технического, социального, как своего рода имманентно-трансцендентного процесса индивидуации. Она фокусируется на процессах, трансформациях и, говоря современным языком, на нелинейных, рекурсивных взаимодействиях, которые разворачиваются во времени, (более того они сами это время порождают), а не на статичных и неизменных первичных субстанциях. Философы-процессуалисты утверждают, что изменение, развитие и становление являются исходными для понимания (восприятия) мироздания, космоса, как сложно переплетенной открытой, синергичной сети событий-встреч человечества «на полпути к Вселенной» (К. Барад). Эти философы так или иначе феноменально фокусируются на явленности всех сущих в многообразии контекстов их трансформации, явленных в контекстах их отношений, в контекстах сети квантовоподобных (ко)реляций, переплетений (Entanglement). Вернусь к сюжету понимания мышления-вместе-со-сложностью, как процессуальному мышлению «между»: именно, я распаковываю его смысл (по Налимову) как мышления осознаваемо сфокусированного на *биосемиотической связности*, понимаемой как становящийся процесс, между человеком и Миром; конструктивный про-

цесс, опосредованный языком, орудиями труда, инструментами, техникой и технологиями, искусством и человеческим воображением. Иными словами, всеми теми средствами, который связывают, обеспечивают сохранение и развитие рекурсивного (перцептивного и тактильного) контакта человека, как особого индивидулируемого автопоэтического сущего в его психосоматическом единстве, как телесной и мыслящей процессуальной субстанции, в сопряжении его с его окружением; социо- и био-семиотическим, плюс техногенным процессом расширения среды его обитания; Умвельтом, включая и его современный нейросетевой двойник; контакта, понимаемого в самом широком смысле этого слова как процессуальный контакт с Другим, Иным, Трансцендентным, ноуменальным (немаркированным по Спенсеру-Брауну) и все же, так или иначе, но неизбежно воображаемым миром Канта. (Здесь уместно привести высказывание Эйнштейна: «Воображение важнее, чем знания. Знания ограничены, тогда как воображение охватывает целый мир, стимулируя прогресс, порождая эволюцию»). При этом для меня принципиальное значение имеет работа Спенсера-Брауна «Законы формы» [6], с его исходным мемом- предписанием: «Чтобы наблюдать, надо провести различие». Это перформативное предписание Спенсер-Браун обозначает введением нового символа Γ -- оператора формы различения и одновременно соединения внешнего и внутреннего, наблюдаемого в фокусе осознаваемого внимания и явно необозначенного, но присутствующего на заднем плане фона. Здесь уместна так же отсылка к гештальт-философии обратимости фигуры и фона, а также топологический образ листа Мебиуса. И что существенно для режима мышления-вместе-со-сложностью, так это понимание символа различия Γ как оператора введения наблюдателя второго порядка - автопоэтически осознающего (самонаблюдающего) сенсорнику своего действия, соприкосновения с другим и одновременно с самим собой; синергично наблюдающего (порождающего) гештальт-форму в сопряженном с нею фоном, контекстом, окружением. Это сопряжение есть так же и некое *напряжение*... так я прочитываю несколько загадочное лаконичное замечание Спенсера-Брауна, что различие есть совершенная сдержанность (Distinction is perfect continence) [6]. И именно эта совершенная сдержанность, пожалуй, даже некая интеллектуальная аскетичность, взыскательность к самому себе, в сочетании с внутренним напряжением творческого порыва, ощущаемого каждым, кто подобно мне, имел счастливую возможность многолетнего общения с Вячеславом Семеновичем Степиным, были самыми главными отличительными характеристиками его творчества.

Литература

1. *Степин В.С.* Философская антропология и философия культуры. Избранное. М.: Алма Матер, 2014.
2. *Свирский Я.И.* Концептуальные особенности философской стратегии Жильбера Симондона // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1. № 3 (33). С. 111–125.
3. *Морен Э.* О сложности. М.: Институт философии РАН, 2021.

4. Юк Х. Рекурсивность и контингентность. М.: Частное учреждение культуры «Музей “Виктория” - Искусство быть Современным» (Yuk Hui Recursivity and Contingency) Russian Translation).

5. Юк Х. К вопросу о технике в Китае. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2023.

6. *Spencer-Brown G. Laws of Form.* London: Allen & Unwin, 1969.

7. *Феррандо Ф.* Философский постгуманизм. М. Издательский дом Высшей школы экономики, 2022.

Вклад В.С. Степина в развитие методологии социального анализа

Смирнова Н.М.

*Доктор философских наук, профессор
ИФ РАН, Москва, Россия*

Аннотация Рассмотрен вклад В.С. Степина в развитие отечественной школы методологии социального анализа. Показано, что универсализм его общенаучной методологии отвечал задачам оппозиции лженаучным представлениям в условиях резкого снижения рационального тонуса современной культуры. Отмечено, что присущие ему представления о методологическом изоморфизме естественнонаучного и социально-научного знания не приводят с необходимостью к элиминации социально-онтологических различий природного объекта и артефактов культуры как «мира, светящегося смыслом». Артикуляция методологической важности подобных различий отвечает задачам наукометрического анализа научного знания.

Ключевые слова: В.С. Степин, методология науки, естественнонаучное и социально-научное знание, смысл, методологический изоморфизм, смысловое измерение культуры.

V.S. Stepin's contribution to social sciences' methodology development

Natalia Smirnova, Prof.

PhD (philosophy), Principal researcher RAS, Institute of Philosophy

Abstract of paper: V.S. Stepin's contribution to social sciences' methodology development within the framework of its domestic school has properly been analyzed in this paper. It has clearly been demonstrated, that universal character of his methodology was facing the task to opposite pseudo-scientific ideas under the present conditions of contemporary rationality depreciation. It has also been demonstrated, that his natural and social sciences' methodological isomorphism idea does not necessarily lead to elimination of socio-ontological difference between natural and social sciences' subject matter, for the latter as being "illuminated by meaning". Methodological significance of such kind of the differences answered the purpose of scientific knowledge's scientific practice.

Key words: V.S. Stepin, methodology of science, natural and social sciences knowledge,

На протяжении последних 4 лет Степинские чтения Института философии РАН стали традиционной данью памяти выдающемуся ученому, лидеру отечественной школы методологии науки академику Вячеславу Семеновичу Степину. Очередные, Третьи Степинские чтения, проходят в преддверии его 90-летнего юбилея, и потому самое время осуществить всесторонний анализ его философского наследия.

Как личность незаурядная Вячеслав Семенович обладал широкой сферой профессиональных интересов. Он внес огромный вклад в развитие отечественной школы методологии науки, разработав основополагающие принципы и понятия для углубленного анализа процессов развития научного знания. Мне лично более всего импонировало то, что отличало его от подавляющего большинства других авторов учебников по методологии науки: в презентации своих результатов он отнюдь не стремился излагать готовые истины, поучительно сопровождая их иллюстративными case-studies из истории научных открытий. Напротив, он приглашал читателя к научному со-творчеству, раскрывая историю и логику своего научного поиска и вычленяя в авторских текстах выдающихся представителей науки те методологообразующие принципы, которые хотел донести до слушателей/читателей. Так он превосходил пресловутую дихотомию логики научного открытия и изложения, олицетворяя единство этих принципов анализа научного знания в собственном научном творчестве.

И хотя его влияние на отечественную, да и мировую школу методологического анализа структуры и генезиса физических теорий трудно переоценить, нельзя недооценивать и его вклада в осмысление современных проблем методологии социального анализа. Обратиться к социально-философским проблемам В.С. Степина побудили глубокие размышления над масштабными социальными трансформациями 90-х годов прошлого века, ныне устойчиво именуемых как «лихие девяностые». И если «трещина мира проходит сквозь сердце поэта», то Вячеслав Семенович был, несомненно, поэтом в философии и болезненно переживал события тех приснопамятных лет. Оказавшись на острие разлома, гражданином двух государств-миров, он испытал в опыте распад Советского Союза как личную драму. В.С. Степин не был склонен возлагать всю полноту ответственности за события тех лет лишь на облеченных властью, полагая, что свою долю ответственности несет и советская интеллигенция. И от этой жесткой оценки нам сегодня не уйти.

Вячеслав Семенович прозорливо осознавал проблемный характер цивилизационной идентичности того общества, в котором мы оказались в приснопамятные девяностые. В ответ на вызов этой социокультурной неопределенности он и обращается к проблемам цивилизационной динамики и формулирует свое – обогащенное отечественным социокультурным опытом – видение типологии цивилизационного развития.

Сама концепция цивилизационной типологии (традиционного, индустриального и постиндустриального обществ как трех этапов в развитии цивилизации) родилась как альтернатива марксистскому формационному подходу. Ее можно найти в трудах А. Тоффлера и других идеологов так называемой «третьей волны». Заслуга же Вячеслава Семеновича состоит в том, что он сформули-

ровал философски убедительные представления о *социокультурных механизмах цивилизационной динамики*. Так, он показал, что пружиной масштабных цивилизационных трансформаций являются мутации содержаний фундаментальных *универсалий культуры* как базисной культурной матрицы, в которой кристаллизован повседневный социальный опыт осмысления и переживания истории культурного сообщества. Так он обобщает идею М. Вебера о роли культурных факторов в формировании нового общественного уклада (генезисе капитализма из духовно-этических источников) до общецивилизационных масштабов. В разработке же универсальных принципов цивилизационной динамики он опирался на работы нашего соотечественника М.К. Петрова, апеллируя к его идее *социально-культурного кода* культурного сообщества.

Не счесть разнообразных определений культуры: от сознательного насилия над инстинктами до различных вариантов духовно-символических практик. Вячеслав Семенович сформулировал свое представление о культуре, опираясь на принципы деятельностного подхода, разработанного в советской философии и психологии. Он понимал культуру как *набор надбиологических программ* человеческой жизнедеятельности, а философию – как рефлексию над предельными основаниями культуры. По сути дела он адаптировал идеи веберовского ценностно-смыслового подхода к анализу российской действительности, но в гораздо более обобщенном виде, чем это сделал патриарх немецкой понимающей социологии.

Первые же главы его фундаментального труда «Теоретическое знание» знакомят читателя с его представлениями о процессах генезиса культурных мутаций всеобщих универсалий культуры. Вячеслав Семенович полагал, что мутации культурных универсалий вызревают спорадически в судьбоносное время на благодатной почве различных сфер культуры, а затем – подчас неожиданно – резонируют в других, нередко весьма отдаленных. В учебных лекциях он любил приводить пример того, что субстанциалистские представления об абсолютном пространстве Ньютоновской механики (в оппозиции к идущей от схоластицизированного Аристотеля реляционной концепции пространства-времени) сложились под непосредственным влиянием открытия обратной перспективы в ренессансной живописи. Из этого он делал важнейший вывод о том, что культуру следует развивать в цветущем многообразии всех ее проявлений, не отдавая предпочтения отдельным ее отраслям по принципу экономической целесообразности.

Другое важнейшее отличие его представлений о цивилизационной динамике от сложившейся на Западе концепции «третьей волны» состоит в том, что он никогда не разделял вестерналистских представлений о том, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места им не сойти». Перспективы устойчивого развития всемирной цивилизации он видел на пути продуктивного синтеза социокультурных ценностей западного и восточного типов цивилизационного развития, на пути приятия *«всечеловеческих»* содержаний архивов больших культур» (А.В. Смирнов) как фундаментальной ценности выбора возможных сценариев будущего. При этом, говоря о будущем, он редко использовал термины «предсказание/предвидение», предпочитая им понятие *возможных сце-*

нариев будущего – социально-онтологическую импликацию синергетического подхода. Возможный сценарий устойчивого развития – это странный аттрактор, реализация которого зависит от великого множества подчас случайных и ничтожных факторов, за которые каждый из нас несет свою толику исторической ответственности. Так связаны свобода и ответственность на онтологическом уровне.

Вячеслав Семенович был одним из тех мыслителей, которым, по словам Ф. Броделя, свойственно «мышление в категориях континентов и чувствование в веках». Погружение в проблемы будущего мировой цивилизации стимулировало столь же масштабные его методологические изыскания. Он полагал, что большую ошибку допускают те, кто стремится решить теоретические проблемы в отрыве от методологических, ибо описанный им неклассический тип научной рациональности теоретически артикулирует *относительность научного результата к средствам и операциям деятельности*. Саму же концепцию исторических типов научной рациональности В.С. Степин сформулировал в 1987 году в книге «Научные революции в динамике культуры», вышедшей в издательстве Белорусского университета, а затем опубликованной в журнале «Вопросы философии» в 1989 г., где предложил систему критериев их различения³.

В.С. Степин полагал, что разработанная им концепция научной рациональности справедлива в отношении всего научного познания, будь то естественно- или социально-научное. При этом социальные науки он четко отграничивал от гуманитаристики по общенаучному критерию наличия развитой системы идеализированных объектов, по построению замещающих объект исследования.

И в условиях резкого снижения рационального тонаса культуры в «ситуации постмодерна» (Ж.-Ф. Лиотар) подобное выявление общности рациональных корней науки оказалось социально остро востребованным. Оно вылилось в теоретическое основание оппозиции лженаучным «учениям», прорицаниям астрологов и шаманов, пышным цветом расцветших в эпоху демонтажа официальной идеологии. Вячеслав Семенович возмущался вопиюще-жульническим лукавством «заряжать воду» с телеэкрана, превращать время – в энергию, а также попытками получить государственное финансирование на создание автомобиля, движущегося за счет трения о воздух. В социальном мышлении подобным прожектом был, несомненно, проект «500 дней», не выдерживающий ни малейшей методологической критики, – тем более в контексте современного теоретико-сложностного мышления со свойственными ему представлениями о рекуррентности и контингентности. В подобной ситуации размывания рациональных скреп культуры В.С. Степин подчеркивал непреходящую ценность рационального аргумента и общность рациональных корней всего научного мышления. И в этой ситуации его концепция исторических типов научной рациональности обрела не только философское, но и *общекультурное значение*.

³ Я благодарна нашим белорусским коллегам, и, прежде всего Л.Ф. Кузнецовой, за уточнения того, когда впервые была обнаружена концепция исторических типов рациональности В.С. Степина.

Но подобный методологический универсализм имел и свою высокую цену, волей-неволей означая нивелировку специфических особенностей социальных наук в сравнении с естественными. Ссылаясь на работы В.М. Розина, В.С. Степин утверждал, что социальным наукам присущ главный конститутивный признак научного мышления: в них можно отыскать тот же слой идеализированных объектов, что и в развитом математизированном естествознании. И, следовательно, методология естественных наук к ним равно применима, а если и не вполне, то по причине недостаточной зрелости социально-научного мышления как более молодого и пока что менее развитого, чем естественнонаучное.

Новейшая методика анализа научной результативности до предела обострила проблему когнитивной природы социально-гуманитарного знания, задав традиционной философско-методологической проблеме практически-методическую (наукометрическую) размерность. Допустимо ли редуцировать предметные и стилевые характеристики социально-гуманитарного знания к пресловутой «гуманитарной специфике» или же налицо философски фундаментальные, существенные отличия, конституирующие принципиальную специфику («иноприродность») социально-научного знания в сравнении со знанием естественнонаучным, – со всеми вытекающими отсюда наукометрическими последствиями? Следует ли оценивать работу специалиста в области социальных наук по тем же критериям, что работу физика-экспериментатора, например? Так в условиях все возрастающей формализации научной отчетности вопрос о том, существует ли методологический изоморфизм естественнонаучного и социально-научного знания, приобрел не только теоретико-методологический, но и жизне-практический интерес.

В.С. Степин не отрицал очевидных различий в методах, например, социологии и физики. Однако он полагал, что эти методологические различия того же порядка, что и в рамках самих естественнонаучных и социально-научных ветвей научного знания. Например, нет принципиальной разницы между спецификой методов физики и социологии, с одной стороны, и физики и химии, с другой: каждый метод так или иначе «настроен» на определенные предметные характеристики. Он предвидел еще большее сближение методологий в результате развернувшихся процессов конвергенции, широкого развития междисциплинарных исследовательских программ в современной науке. Так, он апеллировал к тому, что современная лингвистика на языковом материале открывает те же структурные композиции, что ранее были обнаружены на материале молекулярной биологии и генетики. Тем не менее, еще отец-основатель понимающей социальной науки М. Вебер показал, что социокультурные типизации (эмпирически слагаемые смысловые конфигурации) представляют собою глубокие отложения социокультурного опыта и «по построению» отличны от естественнонаучных идеализаций⁴.

⁴ Данное различие, по М. Веберу, справедливо в отношении, прежде всего, исторического идеального типа, представляющего собой «усиление и доорганизацию эмпирически данного», тогда как логический идеальный тип как чисто теоретический конструкт, созданный «в пробирке» теоретической техники, во многом сходен с естественнонаучным по построению.

И все же он, по меньшей мере, отчасти соглашался с тем, что *методологическая специфика социально-научного знания носит принципиальный характер* в силу онтологических различий природного и социокультурного объекта. Ибо, в отличие от объекта природы, со времен Галилея-Ньютона лишенного сакрально-смысловой ауры – в процессах «религиозного расколдования мира» (М. Вебер), – социокультурный артефакт имманентно нагружен человеческими смыслами бытия и познания. По справедливому замечанию последователя Э. Гуссерля А. Шюца, «явления природы сами по себе лишены смысла. Значимость не присуща природе как таковой, она является результатом избирательной и интерпретирующей деятельности человека, занимающегося научными наблюдениями. Факты, данные и события, с которыми имеет дело представитель естественных наук, являются именно фактами, данными и событиями в поле его научного наблюдения, но это поле ничего не “значит” для находящихся в нем молекул, атомов и электронов»⁵. И если окружающий мир «ничего не значит» для составляющих его атомов и молекул, то социальный мир изначально наделен смыслом: он имманентно осмыслен в обыденном мышлении людей задолго до того, как социальный ученый приступил к его изучению. Смысловая составляющая конститутивна для артефактов культуры и социальности, конституированных смыслообразующим усилием человеческого разума. И задача социального ученого, стремящегося постичь бытие социокультурного объекта в его аутентичности, состоит в адекватной смысловой реконструкции смыслополагающей интенции креативного разума.

Социально-культурная реальность есть порождение творческой активности сознания, сопряженная, но превосходящая природные границы области бытия, преобразующая его в наделенное смыслом бытие человеческое. И социальный ученый должен принять во внимание эту изначальную осмысленность социокультурного объекта, если хочет понять смысловой состав идеальной предметности культуры. А это порождает особый тип интенциональности, хорошо описанный в феноменологической традиции анализа смыслообразования⁶. И один из (не вполне усвоенных) уроков феноменологического анализа социокультурных предметностей состоит в том, что они не могут быть сведены к «произведению-вещи», равно как и не могут быть редуцированы к совокупности переживаний субъекта. Свойства физических носителей не совпадают со свойствами интенциональных предметностей. Ибо сложность смысловых характеристик социокультурных артефактов не сводима к структурной сложности природных объектов: интенциональное содержание идеальной предметности культуры не редуцируемо к ее физическому основанию. Социально-культурная реальность предстает интенционально сотворенным слоем бытия, наложенного на основу реальной природы, но выходящим за ее пределы. Интенциональный

⁵ Шюц А. Специфическая структура конструктов социальных наук // Шюц А. Избранное. Мир, священный смыслом. / Составление, пер. с англ. и общая редакция Н.М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004 – 1056с., С.9.

⁶ Известно, к примеру, что на вопрос о том, почему Э. Гуссерль воздерживался от публикации Птома «Идей чистой феноменологии», патриарх феноменологии отвечал, что к тому времени был недостаточно знаком со специфическими проблемами социальных наук.

слой идеальной предметности культуры представляет «человеческое, слишком человеческое» измерение мира.

В.С. Степин до известной степени солидаризировался с тем, что пренебрежение конституитивностью смыслового измерения в социально-гуманитарном познании, недооценка значимости интенционального слоя культурных предметностей ведет к искажающему овеществлению социального мира и теоретической дегуманизации человека – редукционизму натуралистического толка. Так что его методологические изыскания отвечали сразу на два противоречивых социокультурных вызова: выдвинуть методологические критерии противостояния лженаучным учениям и артикулировать (наукометрически значимые) критерии методологического своеобразия социальных наук.

В.С. Степина всегда отличало стремление донести результаты собственных изысканий до широкой аудитории. Мне посчастливилось работать с ним (по совместительству) на кафедре философской антропологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, им же самим, совместно с акад. И.Т. Фроловым и созданной. На своей кафедре он собрал великолепный преподавательский состав, которому позавидовал бы любой колледж Оксфорда. Помимо него самого (читавшего основной курс) и И.Т. Фролова, на ней в разное время работали Л.П. Буева, В.С. Швырев, В.Л. Рабинович, И.К. Лисеев, В.Г. Лысенко и др. Сам же В.С. Степин в своем курсе «Философская антропология и философия науки» мастерски увязывал историю развития наук о человеке с эволюцией общенаучной методологии.

И в заключение хотелось бы высказать давно назревшее пожелание. Для участия в III Степинских чтениях наши коллеги из Белорусского государственного университета собрались в учебной аудитории, носящей имя В.С. Степина. В ознаменование его памяти хотелось бы назвать его именем и одну из учебных аудиторий нашего института, в которой занимаются (по его учебнику) аспиранты кафедры истории и методологии науки. Это стало бы достойной данью памяти этого выдающегося ученого и незаурядного человека.

Литература

1. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
2. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992 – 191 с.
3. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб, СПбГУП, 2011. – 408 с.
4. Степин В.С., Смирнова Н.М., Синеокая Ю.В. Существует ли методологический изоморфизм естественнонаучного и социально-гуманитарного знания? // Философский журнал. Научно-теоретический журнал. 2018. Том XI. №3, С. 150-165.

Формальная феноменология идеальных научных объектов

Васюков В.Л.

доктор философских наук
Институт философии РАН
(Москва, Российская Федерация)

УДК 168

Аннотация. Среди идеальных объектов, применяемых в научном исследовании, как правило выделяют две основные разновидности – эмпирические и теоретические объекты. Говоря о специфике их соотношения с действительностью, в общем случае можно провести аналогию с интенциональными объектами, рассматриваемыми в феноменологии. Ценность подобной аналогии в том, что она позволяет использовать методы формальной феноменологии ситуаций в абдуктивном логическом выводе, часто рассматриваемым как логика научного открытия. Предлагается так перестроить хинтикковские интеррогативные игры, описывающие абдуктивный вывод, что можно будет явным образом учитывать научный контекст в процессе такого вывода в научном исследовании.

Ключевые слова: идеальные объекты, интенциональные объекты, формальная феноменология, абдуктивный вывод, интеррогативные игры

Formal Phenomenology of Ideal Scientific Objects

Vasyukov Vladimir L.

Dr Sci (Philosophy)
Institute of Philosophy RAS
(Moscow, Russian Federation)

Abstract. Among the ideal objects used in scientific research two main varieties as a rule are distinguished – empirical and theoretical objects. Speaking of the specifics of their correlation with reality, in the general case, it is possible to draw an analogy with intentional objects considered in phenomenology. The value of such an analogy is that it allows the use of the methods of formal phenomenology of situations in abductive logical inference, often considered as the logic of scientific discovery. It is proposed to reconstruct Hintikka's interrogative games describing abductive inference in such a way that it will be possible to explicitly take into account the scientific context in the process of such an inference in scientific research.

Key words: ideal objects, intentional objects, formal phenomenology, abductive inference, interrogative games

Среди идеальных объектов, применяемых в научном исследовании, как правило выделяют две основные разновидности – эмпирические и теоретические объекты. Как пишет В.С. Степин, «эмпирические объекты представляют собой абстракции, фиксирующие признаки реальных предметов опыта. Они вводятся определенными схематизациями фрагментов реального опыта. Любой признак, 'носителем' которого является эмпирический объект, может быть най-

ден у соответствующих ему реальных предметов (но не наоборот, так как эмпирический объект репрезентирует не все, а лишь некоторые признаки реальных предметов, абстрагированные от действительности в соответствии с задачами познания и практики)». И далее: «Теоретические объекты, в отличие от эмпирических, являются идеализациями, 'логическими реконструкциями действительности'. Они могут быть наделены не только признаками, которым соответствуют свойства и отношения реальных объектов, но и признаками, которыми не обладает ни один такой объект» [1, с. 29].

Если учесть, что только эмпирические объекты, и то достаточно условно, могут быть соотнесены с фрагментом исследуемой предметной области, а большая часть теоретических объектов соотносится с изучаемой действительностью только косвенно, благодаря их корреляции с эмпирическими объектами, то так или иначе мы вступаем здесь в бурные воды феноменологии, говоря о специфике соотнесения с действительностью наших идеальных объектов. Как писал Шестов о феноменологии Эдмунда Гуссерля, «Гуссерль берется защитить правомочность видовых (или идеальных) предметов наряду с индивидуальными (или же реальными) предметами» [2, с. 19]. Гуссерль осуществляет эту защиту с помощью «Аномального монизма». Он говорит, что один и тот же индивидуум «Я» подпадает под весьма разные сущности, называемые Природой и Сознанием. Будучи по своей природе человеческим существом, Я имеет тело с множеством физических атрибутов. В качестве же субъекта акта сознания Я «подразумевает» множество различных объектов с различными свойствами: Я воспринимаю дерево, Я утверждаю, что некоторые объекты являются деревьями, и т. д. Однако не существует двух Я — Я физического, и Я ментального. Существует лишь одно Я, один субстрат или субстанция, с различными аспектами, охватывающими физические и интенциональные свойства.

Подобная картина подсказывает, с соответствующими ограничениями, аналогию между идеальными научными объектами и интенциональными объектами. Интенциональные объекты разделяются на два класса – ноэмы и интенциональные объекты сами по себе. Ноэма является смыслом объекта, она имеет значение для нас в нашем восприятии, в то время как интенциональный объект сам по себе не позволяет судить о степени его реального существования и фактивности ситуаций, в которых он участвует. Само это разделение на эти два класса напоминает деление объектов науки на эмпирические и теоретические, когда эмпирический объект репрезентирует не все, а лишь некоторые признаки реальных предметов, абстрагированные от действительности в соответствии с задачами познания и практики, а теоретические объекты могут быть наделены не только признаками, которым соответствуют свойства и отношения реальных объектов, но и признаками, которыми не обладает ни один такой объект.

Ценность рассмотренной аналогии в том, что она позволяет использовать методы формальной феноменологии ситуаций в абдуктивном логическом выводе, часто рассматриваемым как логика научного открытия. Долгое время абдукция рассматривалась как заключение к наилучшему объяснению с помощью гипотез. Одним из противников подобного подхода является финский логик Яакко Хинтикка, выдвинувший концепцию абдукции как интеррогативного

вывода. Однако подобная концепция не учитывает некоторые аспекты абдукции, связанные с субъектом, стратегией и контекстом абдуктивного вывода. Некоторое обобщение концепции Хинтикки, использующее концепцию формальной феноменологии ситуаций, позволяет преодолеть указанные недостатки. Для этого следует так перестроить хинтиковские интеррогативные игры [3, р. 127–128], описывающие абдуктивный вывод, что можно будет явным образом учитывать контекст в процессе такого вывода.

Структура интеррогативных игр более сложна, чем у игр, применяемых в теоретико-игровой семантике логических систем. В этих играх участвуют два игрока, именуемые Исследователь и Природа. Исследователь старается замкнуть одну из двух таблиц, в которые заносятся утверждения игроков, Природа пытается предотвратить замыкание.

Делая интеррогативный ход в игре Исследователь задает вопрос Природе. Ответ Природы заносится в левую колонку рассматриваемой таблицы, и он не должен содержать пустых имен. Вопросы же Исследователя бывают только двух типов: *ли*-вопросы или *какой*-вопросы. Первые имеют форму «Правда ли, что имеет место какая-то из перечисленных ситуаций?», а вторые – это вопросы «Какой индивид таков, что для него справедлива какая-то из этих ситуаций?». Перед тем, как Исследователь может задать вопрос, в левой колонке должна появиться его пресуппозиция. Для *ли*-вопроса это дизъюнктивное перечисление ситуаций, а для *какой*-вопроса это является указание на объект, для которого имеет место одна из этих ситуаций.

Однако, если мы примем во внимание контекстуальный характер научных ситуаций, когда их анализ зависит от наших теоретических положений, то мы должны модифицировать понятие интеррогативных ходов за счет введения контекстуальных интеррогативных ходов и соответствующих типов вопросов. Например, можно ввести следующий контекстуальный *ли*-вопрос: «Правда ли, что данная ситуация в некотором смысле приводит к другой известной ситуации, или в некотором смысле приводит к третьей, и так далее, пока не исчерпается список рассматриваемых ситуаций?». Ответом на этот вопрос естественно будет одна из списка ситуаций, однако в отличие от обычного *ли*-вопроса здесь мы будем иметь дело не с обычным, а с контекстуальным выводом ситуационной логики.

Для *какой*-вопросов в этом случае мы получаем: «Какой индивид таков, что рассматриваемая ситуация в некотором смысле приводит к тому, что для данного индивида она имеет место?». Или более сложным образом: «Какой индивид таков, что рассматриваемая ситуация в силу своей природы будет справедлива для данного индивида?». Более того, нетрудно представить себе ситуацию, когда в процессе открытия реальный Исследователь нуждается в сужении класса альтернатив, прежде чем задать Природе решающий вопрос.

Тогда можно, например, ввести в рассмотрение следующий *ли*-вопрос: «Правда ли, что наша ситуация в каком-то смысле подобна некоторой другой, или та в каком-то смысле подобна некоторой третьей, ... и так до конца нашего списка?». Точно так же можно рассмотреть следующий контекстуальный *какой*-вопрос: «Какой индивид таков, что ситуация в некотором смысле приводит к

нему, и другой индивид таков, что ситуация в некотором смысле приводит к нему, и эти индивиды в некотором смысле совпадают?» Однако если у нас нет подобной информации о совпадении ситуаций, то нам предстоит экспериментально или путем рассуждений получить ответ на этот вопрос.

В этих случаях приведенные *ли-* и *какой-*вопросы позволяют рассматривать стратегические интеррогативные шаги, то есть такие, которые не только можно осуществить при сложившихся обстоятельствах, но для которых правила по их применению подразумевают каковы они будут – хорошие, плохие или вообще ненужные. Из общей теории игр известно, что такие правила обычно невозможно сформулировать как пошаговые инструкции, например, в терминах отношения посылок к заключению. Стратегическое правило приводит к истине в результате длительной последовательности рассуждений, гарантируя нам правильность процесса ее получения.

Нетрудно заметить, что за всеми этими версиями *какой-*вопросов скрывается некоторая ситуационная онтология, в данном случае заимствованная из ситуационной не-не-фрегевской логики. Преимущество подобного заимствования заключается в том, что мы не нуждаемся в этом случае ни в каких дополнительных концепциях и способах описания закономерностей связи объектов, на что мы были бы обречены при принятии специально привлекаемой для этой цели контекстуальной онтологической теории.

При всей условности аналогии между интенциональными объектами и идеальными объектами научного исследования оказывается можно сформулировать *какой-*вопросы, подразумевающие наличие ситуационной формальной феноменологии в качестве фона соответствующих интеррогативных игр в случае научного исследования. Так, например, возможная следующая версия этих вопросов: «Какой индивид таков, что ситуация исследования приводит к репрезентации этой ситуации ситуацией для эмпирического объекта некоторого индивида, удостоверяющего объектность исходного индивида?». Иначе говоря, «Какой реальный объект таков, что его объектность косвенно удостоверяется эмпирическим объектом некоего другого реального объекта, и признак реального объекта приводит к репрезентации этого признака эмпирическим объектом этого индивида?». Косвенная удостоверяемость в рамках формальной феноменологии ситуация сводится к проверке того факта, что все ситуации, в которых встречается наш реальный объект, могут предполагать и присутствие нашего эмпирического объекта.

Для теоретических объектов в рамках ситуационной феноменологии аналогично можно сформулировать *какой-*вопросы, например следующего вида: «Какой индивид таков, что ситуация исследования приводит к репрезентации этого признака теоретическим объектом некоторого индивида?». Иначе говоря, «Какой реальный объект таков, что его объектность косвенно удостоверяется теоретическим объектом некоего другого реального объекта, и признак реального объекта приводит к репрезентации этого признака теоретическим объектом этого другого индивида?». В частности, признак будет репрезентирован теоретическим объектом нашего индивида, так как теоретический объект обла-

дает всеми признаками реального объекта, теоретическим объектом которого он является.

С другой стороны, интеррогативная интерпретация абдуктивного вывода, нуждается в уточнении роли пресуппозиций в интеррогативном научном исследовании. Одно и то же предложение может играть роль как пресуппозиции вопроса, так и посылки дедуктивного шага. Например, предложение вида «имеется такой объект, что он обладает данным признаком» может служить либо пресуппозицией вопроса «Какой объект таков, что он обладает данным признаком?», либо экзистенциальной посылкой, которая вводит «пустое имя» или «произвольный индивид». В первом случае результатом релевантного шага будет реальный, экспериментальный или теоретический объект, в то время как во втором случае мы имеем дело с пустым именем, носящим вспомогательный характер.

Литература

1. *Степин В.С.* Философия и методология науки: Избранное. М.: Акад. проект; Альма Матер, 2015. 716с.
2. *Шестов Л.* MEMENTO MORI (По поводу теории познания Эдмунда Гуссерля) // *Э. Гуссерль*, Философия как строгая наука, Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 5-48.
3. *Hintikka J.* Selected papers. Dordrecht: Kluwer, 1999. Vol. 5. 310 p.

Понятие факта в концепции научного познания В.С. Стёпина

Шульга Е.Н.

доктор философских наук,
Институт философии РАН
(Москва)

Аннотация. Проблема факта и выявление его значения для научного познания, как естественно-научного, так и для социально-гуманитарного живо интересовала В.С. Стёпина, который придавал различным аспектам рассмотрения факта философское и общеметодологическое значение. В период его активной работы в семинаре, который он организовал и с завидной регулярностью проводил в Институте философии РАН, мне довелось выступить с докладом на эту тему. Поскольку подготовительные материалы доклада, а также записи отдельных вопросов, появившихся в качестве отклика на содержание доклада сохранились в моих документах, я приведу расширенный и скорректированный текст этого доклада, а также некоторые положения и аргументацию В.С. Стёпина относительно его собственного понимания факта со всеми его специфическими особенностями. Приведенный в данной статье материал свидетельствует об огромной заинтересованности философа как в продвижении собственной позиции, так и в позитивной оценке того конкретного материала, который вызывал у него живой интерес.

Ключевые слова: факт, событие, познание, истина, суждение, теория

The Concept of Fact in V.S.Stepin's Conception of Scientific Cognition**Shulga Elena***DrSci (Philosophy)**Institute of Philosophy RAS**(Moscow)*

Abstract. *The problem of the fact and the definition of its significance for scientific knowledge, both natural science and social and humanitarian, keenly interested V.S. Stepin, who emphasize philosophical and general methodological significance of various aspects of the consideration of the fact. During the period of his active work in the seminar, which he organized and conducted with enviable regularity at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, I had the opportunity to make a report on this topic. Since the preparatory materials of the report, as well as the records of individual questions that appeared as a response to the content of the report, have been preserved in my documents, I will cite the corrected text of this report, as well as some of the provisions and arguments of V.S. Stepin regarding his own understanding of the fact with all its specific features. The material presented in the article testifies to the great interest of the philosopher both in promoting his own position and in a positive assessment of the specific material that aroused keen interest.*

Keywords: *fact, event, cognition, truth, judgement, theory*

Выявляя специфику научного познания, В.С. Стёпин исходил из различных аспектов рассмотрения научной деятельности, в том числе, расценивая ее как имеющую непосредственное отношение к социальной жизни общества, его культуре и истории. Такой широкий взгляд на процесс познания обусловлен, в первую очередь, той конкретной целью, которую ставит перед собой сам философ, характеризуя науку как интеллектуальный феномен. Поэтому последовательно проводя идею, согласно которой культурно-мировоззренческая функция науки в ее теоретической направленности сохраняет свое ценностное значение на протяжении всей истории становления и развития научной мысли, Стёпин указывает и на то, что наука постепенно становится производительной силой общества. Именно в этом как раз и состоит ее социальная функция. Подтверждением такого вывода является признание самого факта применения научного знания в самых различных областях и сферах социальной жизни. Так, современная управленческая деятельность опосредует результаты науки, что подтверждает появление новых научных дисциплин принципиально междисциплинарного характера (социология, политология, когнитивная психология и т.д.). Другим важным направлением использования научного знания в качестве основы для принятия решений в сфере управления является появление института экспертных оценок, применяемых как в отношении планирования научной деятельности и выявления перспективных и особо значимых тем научных исследований, так и в оценке полученных научным сообществом (коллективом и/или отдельным ученым) результатов исследования.

В поиске инвариантов понимания науки как феномена культуры, а также для выявления наиболее типичных характеристик научного познания, в отличие от иных форм познания (обыденного, религиозного и даже философского), Стёпин выстраивает оригинальную по замыслу картину самой научной деятельности, предполагая, прежде всего, что в центре такого рода поисков должен находиться (и находится) сам человек как субъект деятельности. Обладая знаниями и навыками, выдвигая конкретные цели и при этом сохраняя ценностно значимые представления, человек использует их, решая конкретные проблемы и тем самым, расширяя знания в конкретной предметной области. В идеале, результатом, подтверждающим успешность такого рода деятельности должны стать сущностные характеристики конкретного объекта исследования – сущностные связи, а также выявленные в процессе исследования законы и закономерности. Такая характеристика процесса научного познания позволяет говорить об универсальности самого процесса познания как деятельности, специфические признаки которой сохраняют свою устойчивость и при исторической смене типов научной рациональности. «В каждую конкретную историческую эпоху, – пишет Стёпин, – эти признаки могут соединяться с особенностями, свойственными именно данной эпохе характеристиками научного познания. Но если исчезнут инвариантные признаки науки, отличающие ее от других форм познания (искусства, обыденного познания, философии, религиозного постижения мира), то это будет означать исчезновение науки» [1, 104].

О каких инвариантных признаках науки идет речь? Прежде всего, о языке науки и о том, какое значение в деле построения научного знания играет научный факт.

Как известно, в процессе формирования научного знания вырабатывался и специальный язык науки, приспособленный для наиболее адекватного описания изучаемых объектов. Понятийный язык постоянно видоизменялся, наполняясь новым смыслом по мере углубления знания и создания конкретных представлений относительно специфики предмета научного исследования. Причем закономерности изменения языка науки (в его широком смысле) касаются как проникновения вглубь предмета исследования (например, на уровень понимания сущности процесса или явления), так и обратного влияния понятийного языка науки на естественный язык – использования научных понятий и терминов в повседневности. Эта тенденция подтверждает живую взаимосвязь научного знания и знания обыденного. В этом последнем случае, естественный язык наполняется новым содержанием за счет распространения понятийного языка науки и усвоения людьми научного знания. В целом, характеризуя язык науки, следует заметить, что таковой выступает чаще всего именно как иллюстрация уже добытых, полученных и систематизированных научных знаний.

Важный вопрос, который задает Стёпин, рассуждая о специфике науки и научного познания, относится к двум существенным требованиям, касающимся главных установок этой сферы деятельности – что побуждает (и что обеспечивает творческие устремления) ученого: самоценность истины или ценность новизны? Ответ таков: «Любой ученый принимает в качестве одной из основных установок научной деятельности поиск истины, воспринимая истину как выс-

шую ценность науки. Эта установка воплощается в целом ряде идеалов и нормативов научного познания, выражающих его специфику: в определенных идеалах организации знания (например, требовании логической непротиворечивости теории и ее опытной подтверждаемости), в поиске объяснения явлений, исходя из законов и принципов, отражающих сущностные связи исследуемых объектов, и т.д.» [1, 117].

Не менее важную роль в определении специфики научного познания (исследования) и его результативности играет факт. Причем само понятие факта нуждается в прояснении и интерпретации.

Определение факта как чего-то уже совершившегося, соотнесение факта с реальным событием – в противовес вымышленному – такое понимание факта относится преимущественно к гуманитарной сфере познания. Между тем в логике и методологии науки факт рассматривается как синоним истины и как особого рода утверждение, фиксирующее результат научного исследования, представленного в виде теории, гипотезы, концепции или простой совокупности эмпирических данных. Отсюда закономерен методологический вывод, согласно которому, для обоснования теории и/или выдвижения гипотезы важны не только множественные данные опыта, но именно факты, совокупность которых как раз и составляет эмпирическую основу теории.

Как известно, построение научной теории предполагает выход на теоретический уровень познания, где задача построения научной теории связана с объяснением известных и используемых наукой фактов, служащих для проверки и подтверждения теории или напротив, для ее опровержения. Таким образом проверка теории на соответствие ее фактам относится к методологической задаче, непосредственно связанной с обоснованием научного знания. В скобках замечу, что обоснованность знания – это как раз то основополагающее методологическое требование, которое было сформулировано философами Древней Греции. Требование обоснованности знания сохраняет свое значение как для развития философского знания, так и для современной науки, ориентированной не только на изучение объектов мира, природы, человеческого сознания и социальной действительности, но и на решение конкретных проблем. Более того, современная наука и, безусловно, сама философия, развиваются «от проблемы – к проблеме». Проблемная направленность развития знания не снижает эпистемологического значения понятийного языка, как специально-научного, так и общенаучного языка науки, употребляемого в процессе обоснования. Обозначенная исследовательская позиция делает актуальным рассмотрение научного факта как понятия, обладающего определенным конструктивным значением в научном познании. Интерес к этим аспектам научного познания проявился в различных концепциях, описывающих (и обосновывающих) роль факта в решении проблем теоретического и философско-методологического характера.

В современной философии науки наметились две основные тенденции, касающиеся отношения к факту: (1) «фактуализм», который настаивает на автономности фактов по отношению к теории и (2) «теоретизм», который напротив, подчеркивает полную зависимость фактов от теории, подчеркивая, что такого рода зависимость в конечном итоге может привести к изменению всего факту-

ального базиса науки. Во всех случаях научный факт рассматривается с точки зрения конкретного вопроса: обладает ли рассматриваемый факт теоретической нагруженностью? Вывод, касающийся специфики того или иного рассматриваемого факта и его роли, можно сформулировать следующим образом: в процессе познания зависимость факта от теории выражается в формировании концептуальной основы теоретического знания.

Что касается соотношения «язык науки» и «научный факт», то не вызывает сомнения то обстоятельство, что именно факт задает язык его описания. Со своей стороны, язык науки детерминирует выбор исследователем нужных методов изучения и наиболее эффективных средств, используемых при решении проблемы или какого-то ее аспекта. Другими словами, язык формулируется ученым под воздействием избираемых им фактов – адекватных объекту, поставленной цели исследования и наилучших для понимания условий решения поставленной проблемы. Таким образом, научный факт сопрягается с доказанной достоверностью знания.

Проблема достоверности знания особенно актуальна для исторической науки с ее спецификой отношения к событиям истории как фактам, нуждающимся в подтверждении, удостоверении, например, очевидцами этих событий, а также различными текстами (памятниками истории, письмами, дневниками и т.д.)

Соотнесенность факта и события допустима в исторической науке. Но историк не является очевидцем фактов, которые он хочет познать. Историк изучает, познает прошлое, полагаясь на свидетельства очевидцев данного события.

Познание прошлого – прошедших событий – понимается как познание фактов, поэтому очевидец события (для того, кто его изучает и познает) это и есть очевидец факта. Тем самым факт используется в данном (исторически значимом) контексте как синоним события, или же событие полагается, как разновидность факта. Историк, познающий исторический факт и признающий этот факт за свершившееся событие, усматривает в самом этом факте сущность события, стремясь увидеть в факте нечто «говорящее по существу». Важно при этом, что познание события как факта на его сущностном уровне приближает исследователя (историка, гуманитария) к истине как это происходит в науке!

Факты, к которым обращаются ученые, представляют собой суждения, для определения истинности которых есть достаточные основания. Следовательно, то, чем являются факты должно определяться самим исследованием и в ходе исследования, и не может определяться случайным образом. Более того, то, что мы сегодня считаем фактами, зависит от того, на каком этапе и на каком уровне исследования мы находимся. Поэтому не существует строгого разделения между фактами и догадками или гипотезами.

В процессе научного исследования статус суждения об изучаемом объекте (отстаиваемой точки зрения или взгляда на проблему) может изменяться от факта к гипотезе или от гипотезы к факту. Это значит, что в случае каждого такого «факта» ученый задается вопросом: а какими основаниями этот факт обладает? Интересно, что этот вопрос может неявно присутствовать во внутреннем контексте самого исследования, сопровождать процесс познания и мотивиро-

вать исследователя. Более того, потребность в адекватной оценке факта может неявно присутствовать в сознании ученого и сопровождать процесс исследования, даже если сам вопрос об истинном значении факта не всякий раз формулируется и осознается ученым непосредственным образом.

Следует заметить, что взятый за основу тот или иной метод науки был бы невозможен, если бы гипотезы, предлагаемые в качестве решения проблемы, нельзя было развивать без установления их следствий, поскольку полное значение гипотезы открывается именно в ее следствиях. Наличие гипотез требуется не только на каждом этапе исследования, но и по мере углубления в проблему. Однако ученый должен учитывать то обстоятельство, что используемые им общие принципы научного познания и законы, могут применяться в отношении текущего, еще до конца не завершеного исследования только с определенной долей риска, поскольку эти законы на самом деле могут оказаться неприемлемыми. Дело в том, что так называемые общие законы науки обычно рассматриваются только как некие общезначимые гипотезы, на которые опирается исследование на всех его стадиях. В свою очередь гипотезы могут рассматриваться как предположения возможных связей между реальными или воображаемыми фактами. Поэтому вопрос об истинности или ложности гипотез может вообще не ставиться. Опираясь на этот аргумент, следует признать, что эпистемологическое значение гипотезы состоит в том, что ее можно было бы сформулировать в детерминированной форме так, чтобы с помощью логических (или математических) средств можно было бы установить ее следствия.

Число гипотез, которые может сформулировать исследователь, не ограничено и зависит от воображения самого ученого. Это означает и одновременно указывает на то, что у исследователя может возникнуть потребность в методе выбора нужной гипотезы из числа нескольких альтернативных, а также потребность в методе установления того, что рассматриваемые альтернативы, на самом деле, являются различными гипотезами, а не только кажутся или представляются исследователю таковыми. В этом последнем случае наиболее важной частью такого метода является формальное умозаключение.

Одна из задач, связанных с эффективным использованием научного метода – это дедуктивная разработка гипотезы. Но поскольку предполагаемых гипотез может быть сколько угодно много, одной из наиболее важных задач исследования является определение того, какое из возможных объяснений и предлагаемых решений проблемы наилучшим образом согласуется с фактами. Таким образом, никакие формальные соображения никогда не бывают достаточными для установления истинности какой-либо теории, и в каждом исследовании, имеющем дело с фактами, применяется вероятностный вывод. Поэтому задача исследователя состоит в отборе именно той гипотезы, которая представляется наиболее правдоподобной в свете имеющихся оснований. При этом дальнейшее исследование и дальнейшее развитие научного знания сводится к отысканию других фактических оснований, которые либо увеличат правдоподобие такой теории, либо напротив, лишат ее достоверных оснований.

Интересно обратить внимание и на то, что научному методу всегда свойственно систематическое сомнение, которое, однако, не распространяется на все без исключения вещи, поскольку здравый смысл нам говорит, что это невозможно.

Сомнение скорее всего распространяется на те случаи получения знания, когда исследователю недостает адекватных и проверенных оснований. Но фактор сомнения относится к психологической составляющей процесса исследования как специфической деятельности человека, и поэтому сомнения не всегда могут быть уместны по отношению к решению конкретной научной проблемы. Дело в том, что наука как культурно-исторический феномен и научная деятельность как проявление когнитивной способности человеческого мышления и познания, не удовлетворяется психологической уверенностью в своих возможностях и перспективах. Наука, понимаемая в широком смысле, выдвигает собственные методологические и познавательные требования, связанные с поиском адекватных в логическом отношении оснований своей предметности и утверждаемых в этой предметности суждений. В подтверждении этого хода рассуждений, сошлюсь на В.С. Стёпина, который подчеркивал, что для научного познания характерно использование такого способа построения знания, как абстрагирование и схематизация предметных отношений. «Однако по мере развития познания и практики наряду с отмеченным способом в науке формируется новый способ построения знаний. Он знаменует переход к собственно научному исследованию предметных связей мира» [1, 123].

Обращение к истории науки дает нам основание утверждать, что ни одно суждение, связанное с фактами, не является абсолютно несомненным, сколь аргументированным бы оно ни было на первый взгляд. Ни одно суждение не может иметь настолько хорошо продуманных оснований, что никакие другие возможные основания не способны были бы увеличить или уменьшить степень правдоподобия такого суждения. Однако даже в том случае, если у нас есть сомнения относительно какого-либо высказываемого суждения, само это суждение (в котором мы сомневаемся) является частью того знания, в границах которого мы рассуждаем, возводя это знание к знанию теоретического уровня и значения. Наряду с этой общей тенденцией к теоретизации следует обратить внимание на то, что наука всегда готова отбросить теорию в случае, когда этого требуют факты.

Что касается теоретизации знания, то нельзя не обратить внимание и на то, что зачастую ученые имеют дело не с выдвижением и обоснованием новой теории, но лишь с модификацией той или иной утвердившейся теории. Сущность такой теории (например, признаваемой научным сообществом) остается неизменной, поскольку факты чаще всего противоречат лишь ранней формулировке такой теории. Отношение к имеющемуся знанию в случае появления несовместимых с фактами теорий представляет собой двунаправленный процесс – сочетание готовности внести изменения в теорию и стремление придерживаться уже имеющихся теорий.

Подводя некоторые итоги нашего размышления о значении и роли факта в науке, отмечу, что научный метод отличается от иных методов своей точностью и числом исследуемых фактов. Идеалом науки является получение систематической взаимосвязи фактов, причем противоречивые или изолированные суждения не создают науку, поскольку такие суждения служат лишь поводом для отыскания логических связей между ними и другими суждениями (приращения знания не происходит, но лишь умножаются его интерпретации). Здравый смысл имеет место в научном творчестве, но он удовлетворяется смешанным набором информации. Поэтому суждения на уровне здравого смысла зачастую остаются неясными, область их применения – неизвестной, а их совместимость в целом остается под

вопросом. В научном исследовании преимущественное значение имеет отыскание *системы* среди фактов. Условием «системного» собирания фактов является привнесение точности в утверждаемые суждения, что как раз и позволяет определить ту меру, в которой суждения определяются как истинные. По мере накопления фактов и их систематизации возникающие противоречия между суждениями постепенно элиминируются в силу того, что те суждения, которые являются частью системы, должны поддерживаться (например, дополнительной аргументацией) и исправлять друг друга. Это расширяет горизонты имеющейся информации; увеличивается точность такой информации – научный метод как раз и отличается своей точностью и числом исследуемых фактов.

Накопление фактов, их сопоставления могут изменять теорию, способствовать появлению новых гипотез или концепций. Однако отбрасывание той или иной теории не делает науку банкротом. Наука прогрессивно направлена в своем развитии и реализует свой идеал. Причем появляющиеся изменения в научном знании (например, за счет новых данных, способных корректировать знание) делают необходимым внесение нужных исправлений, дополнений в ход научного рассуждения, и такие изменения означают, что мы имеем дело с более надежными фактами.

Итак, для идеальной системы фактов требуется, чтобы суждения, истинность которых утверждается, не требовали введения дополнительных суждений, в особенности таких, основания которых являются слабыми (или вовсе не существуют как факты). Что касается внутренней организации научного знания, то внутри системы знания должны выполняться требования простоты, выраженные принципом Оккама (т.е. количество сущностей не должны увеличиваться без необходимости). Другими словами, этот принцип можно интерпретировать как требование доказывать то, что является доказуемым – идеал системы требует именно этого.

В своем комментарии к докладу В.С. Стёпин высказал несколько конструктивных предложений, способных дополнить данную проблематику за счет следующих тем – соотношение факта и события. Причем характеризовал последнее как «длящийся» факт. Он подчеркнул так же, что множественность фактов – это тоже событие; предложил различать события и суждения о них; различать уровни наблюдений и уровни факта.

Но как перейти от наблюдения к факту? По Стёпину, это поиск инвариантов наблюдений. Достоверность свидетельств всегда должна быть под сомнением, но интерпретация основывается на фактах, полагая их достоверными, а это подразумевает, что факты задают картину мира. Таким образом Стёпин наметил перспективы включения рассмотренных в докладе вопросов в ту концепцию науки, которую он развивал и отстаивал. При этом предложенные аспекты исследования и высказанные уточнения показали глубину и заинтересованность философа в данной проблематике.

Литература

1. Стёпин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011 – 408 с.

Секция I: «Судьбы рациональности в контексте современных цивилизационных преобразований»

Академик РАН, доктор философских наук
Владислав Александрович Лекторский,
 доктор философских наук
Елена Олеговна Труфанова

Обобщённый принцип соответствия и научная рациональность Анненков М.Е.

Кандидат экономических наук, доцент
 Техническая академия Росатома
 (г. Обнинск, Россия)

УДК 113

В силу требования содержательности понятий и суждений природа научного знания определяется природой познающего субъекта – живого существа, ощущающего себя как самотождественное, достаточно твёрдое тело. В соответствии с этой телесной интуицией субъект воспринимает реальность как мир телесных объектов, полагая себя его неотъемлемой частью, и руководствуется наивной рациональностью, основанной на принципе качественной причинности. С другой стороны, научная рациональность использует контринтуитивные концепции для описания движения тел, поля, микромира. Поэтому возникает необходимость согласовать эти концепции с наивной рациональностью руководствующегося чувственным опытом наблюдателя, измеряющего физические величины с помощью приборов – телесных объектов. В этом состоит обобщённый принцип соответствия. Делается вывод, что научное творчество в конкретной области заключается в поиске принципа соответствия, заполняющего разрыв между контринтуитивными концепциями и телесной интуицией. Без этого наука невозможна, поскольку теория либо не будет содержательна, либо останется на уровне обыденного здравого смысла.

Ключевые слова: субъект, достаточно твёрдое тело, телесная интуиция, самотождественность, наивная рациональность, научная рациональность, обобщённый принцип соответствия.

Generalized correspondence principle and scientific rationality

Annenukov M.E.
 CSc in Economics
 Rosatom Technical Academy
 (Obninsk, Russia)

In order for concepts and judgements to be meaningful, the nature of scientific knowledge is to be determined by the nature of the cognizing subject – a living entity perceiving itself as a self-identical, sufficiently solid body. In accordance with this bodily intuition, the subject perceives reality as a world of bodily objects, believing himself to be an integral part of it, and being guided by naive rationality based on the

principle of visual causality. On the other hand, scientific rationality uses counter-intuitive concepts while describing body motion, field, and world of subatomic particles. Therefore, there is a need to reconcile these concepts with the naive rationality of an observer guided by his sensory experience, while measuring physical quantities by means of devices - bodily objects. Therein lies the generalized principle of correspondence. It is concluded that scientific creativity in a particular field consists in the search for a correspondence principle that fills the gap between counter-intuitive concepts and bodily intuition. Without such a principle, science is impossible, since the theory will either not be meaningful, or stay at the level of ordinary common sense.

Keywords: subject, sufficiently solid body, bodily intuition, self-identity, naive rationality, scientific rationality, generalized correspondence principle.

Научная рациональность

Научное познание должно следовать требованию содержательности понятий и суждений, которые «имеют смысл лишь постольку, поскольку им можно однозначно сопоставить наблюдаемые факты» [1, с. 120]. В этом заключается сущность научной рациональности. «Понятия приобретают содержание только благодаря тому, что они связываются – хотя бы даже косвенно – с чувственными ощущениями. Однако эту связь нельзя вскрыть логическим исследованием; её можно только ощущать. Эта-то связь и определяет познавательную ценность логических систем» [1, с. 275]. То есть, мыслящий субъект полагает себя абсолютно данным самому себе и не представляет себе реальности, в которой не существовало бы его самого. Поэтому природа научного знания определяется природой познающего субъекта, прежде всего тем, что субъект – это живое существо.

Природа субъекта и наивная рациональность

Каждому живому существу присуще спонтанное, дорассудочное ощущение себя как некоей целостности, единства. В этом заключается телесная интуиция, благодаря которой субъект воспринимает себя как достаточно твёрдое, т.е. неизменное, тождественное самому себе, тело. Переносив вовне это ощущение, субъект определяет противостоящие ему объекты как телесные. В своём воображении он может продолжить своё тело в трёх независимых направлениях так, что оно соприкоснётся с любым другим телом. Совокупность всех таких продолжений образует «пространство субъекта». «С точки зрения чувственных ощущений развитие понятия пространства можно кратко изобразить следующей схемой: телесный объект – отношения положения телесных объектов – пространственный промежуток – пространство» [1, с. 277]. Телесная интуиция лежит и в основе понятия времени как «некоего одномерного каркаса, который можно заполнить ощущениями разными способами» [1, с. 242]. Проявлением телесной интуиции являются также законы мышления, «которыми мы пользуемся бессознательно» [2, с. 121]. Интуиция самоотождествленности субъекта является непосредственным основанием для закона тождества. Субъект отделяет себя от того, чем он не является, что является интуитивным основанием для закона противоречия и закона исключённого третьего. Соотнося все свои ощущение

с собой как с очевидной константой, субъект выстраивает связи причин и следствий. В этом заключается непосредственно связанная с повседневной деятельностью человека *наивная рациональность*, когда он руководствуется принципом наглядной, или качественной, причинности, понимаемой как «однозначно определённая необходимая генетическая связь, выражающая представление о порождении одним фрагментом действительности (причиной) другого (следствия)» [3, с. 121]. В соответствии с ней субъект строит мир абсолютных трёхмерного евклидова пространства и времени, и помещает себя в него в качестве тела, взаимодействующего с другими телесными объектами. Согласно Платону такой мир устроен «как единое видимое живое существо, содержащие все сродные ему по природе живые существа в себе самом» [4, с. 434]. При этом познание трактуется как соприкосновение души с вещью [4, с. 439], т.е. буквальное отождествление телесного субъекта (души) с телесным объектом.

Обобщённый принцип соответствия

В рамках выделенного В.С. Стёпиным *классического типа научной рациональности* [4, с. 326] «элементарным теоретическим понятием является понятие материальной точки или частицы» [1, с. 721], что соответствует телесной интуиции субъекта. С другой стороны, классическая физика использует противоречащую качественной причинности концепцию прямолинейного равномерного движения. Принцип относительности Галилея объединяет эти два понятия. Он сформулирован в предположениях об однородности и изотропии пространства, а также однородности и абсолютности времени. «Пространственная изотропия имеет место для всех наблюдателей и для любого места и времени, лишь бы наблюдатель находился в состоянии покоя относительно окружающего его вещества» [1, с. 599]. Смысл этого требования состоит в том, чтобы поместить наблюдателя в неподвижный центр универсума и синхронизировать с ним все наблюдаемые события, т.е. отождествить универсум с субъектом. Принцип относительности Галилея приводит контр-интуитивный постулат в *соответствие* с требованиями наивной рациональности, что позволяет проводить измерения и интерпретировать их результаты уже с позиций количественной причинности – «на основе знания предшествующего состояния системы можно предсказать её последующие состояния» [3, с. 121].

Неклассический тип научной рациональности [5, с. 326] предполагает существование поля. «Материальной точке как фундаментальному понятию нет места в полевой теории» [1, с. 722], что означает дальнейший отход от наивной рациональности. Основным постулатом при описании поля становится постоянство скорости его распространения в вакууме. Он приводит к инвариантности законов природы относительно группы преобразований Лоренца в четырёхмерном пространственно-временном многообразии – пространстве Минковского. В этом четырёхмерном мире вводится псевдо-евклидова геометрия, весьма родственная евклидовой геометрии. Однако полного совпадения обеих геометрий нет [6, с. 41]. В специальной теории относительности предполагается однородность и изотропия именно этого четырёхмерного пространственно-временного континуума, а трёхмерное евклидово пространство и одномерный временной континуум по-отдельности не являются ни однородными, ни изотропными. Однако

преобразования Лоренца переходят в преобразования Галилея при малых скоростях, чем достигается *соответствие* между релятивистской и ньютоновской реальностью. А характеристики поля могут быть измерены с помощью достаточно твёрдых тел, т.е. спроецированы в малую окрестность вокруг субъекта, в которой он руководствуется наивной рациональностью.

Другая область, изучаемая в рамках неклассической рациональности - это микромир. «Образ микроявления воссоздаётся по результатам показания макроскопического прибора. Поэтому результаты наблюдения мы, естественно, выражаем в понятиях классической механики» [7, с. 9]. В квантовых измерениях квантовая запутанность одной частицы аппроксимируется статистическим ансамблем тождественных частиц, каждая из которых находится в определённом стационарном состоянии. Поэтому принцип телесности остаётся в силе, а лапласовский детерминизм переходит в вероятностную причинность, «понимание которой в основном остаётся прежним: состояние системы в данный момент однозначно определяется состоянием системы в предшествующий момент, однако способ описания состояния становится новым, вероятностным» [3, с. 121]. Такая аппроксимация позволяет обойти проблему ненаблюдаемости квантовой запутанности отдельной частицы за счёт рассмотрения статистического ансамбля - счётного множества телесных объектов - вместо континуума запутанных состояний, или хаоса.

Термин «макроскопический» основывается на принципе *соответствия*, который предполагает непрерывный переход от микрообъектов «к системам, в которых можно считать постоянную Планка бесконечно малой величиной, а квантовые числа бесконечно большими» [8, с. 80]. С точки зрения наблюдателя, принцип соответствия означает непрерывный переход микрообъектов к системам, в которых их можно считать материальными точками, т.е. наименьшими телесными объектами, которые может представить себе субъект. Принцип *соответствия* является здесь компромиссом, необходимым для преодоления разрыва между телесной интуицией наблюдателя и контр-интуитивным принципом неопределённости.

Мыслящий субъект проецирует ненаблюдаемые явления в область, в которой он может придать им наглядную, или телесную, интерпретацию. Для него актуальна проблема физического смысла, который состоит в измеримости конкретных физических величин, т.е. возможности наблюдать их как совокупность телесных объектов. В этом состоит *обобщённый принцип соответствия*, требующий согласовать контр-интуитивные положения теории с наивной рациональностью наблюдателя.

Проблема постнеклассической рациональности

Постнеклассический тип научной рациональности предполагает изучение сложных систем, в которые включён сам субъект познания [5, с. 327]. При этом постнеклассические теории рассматривают человека как самотождественную сущность, т.е. руководствуются наивной рациональностью. В таких теориях отсутствует разрыв между контр-интуитивными концепциями и телесной интуицией, который бы стимулировал поиск принципа соответствия. Без этого

наука невозможна, поскольку теория либо не будет содержательна, либо останется на уровне обыденного здравого смысла.

Одно из возможных направлений научного поиска связано с ситуацией «разорванного сознания»: «Наши восприятия, ощущения, эмоции и идеи предстают нам в двойной форме: в ясной, точной, но безличной – и в смутной, бесконечно подвижной и невыразимой» [9, с. 105]. Бергсон называет такую реальность длительностью. «Рассматриваемые сами по себе, глубинные состояния сознания не имеют ничего общего с количеством; они являются чистым качеством. Они настолько сливаются между собой, что нельзя сказать, составляют ли они одно или многие состояния. Их нельзя даже исследовать с этой точки зрения, тотчас не искажая их» [9, с. 109]. Это даёт основание провести аналогию между длительностью и квантовой запутанностью, и руководствоваться принципами квантовой теории при изучении «человекообразных» объектов.

Литература

1. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. В 4-х т. Т.2. М.: Наука. 1966. 879 с.
2. Челпанов Г.И. Учебник логики. М.: Ленанд. 2014. 127 с.
3. Физическая энциклопедия. В 5-и т. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1994. 704 с.
4. Платон. Собр. Соч. в 4-х т. Т. 3. М.: Мысль. 1994. 654 с.
5. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики. 2006. 384 с.
6. Паули В. Теория относительности. М. Наука. 1983. 336 с.
7. Марков М.А. О трёх интерпретациях квантовой механики: М.: Книжный дом «Либроком», 2015. 112 с.
8. Левич В. Г., Вдовин Ю. А., Мямлин В. А. Курс теоретической физики. 2 т. Т. 2. М.: Наука. 1971. 936 с.
9. Бергсон А. Собр. Соч. в 4-х т. т.1. М.: Московский клуб. 1992. 336 с.

Понятие пользы в постнеклассической рациональности

Гапаров И.А.

Аспирант

Самарский национальный исследовательский университет имени академика

С.П. Королёва

(г. Самара, Россия)

УДК: 111.8+17.023.35

В докладе представлен способ определения понятия пользы в учении о классическом, неклассическом и постнеклассическом типах рациональности В.С. Стёпина. Основная цель – показать, чем является понятие пользы в классической, неклассической и постнеклассической рациональности. Результат исследования: способы определения понятия пользы как причинной, вероятностной и целевой детерминации.

Ключевые слова: польза, рациональность, детерминация, субъект, объект, саморегуляция, саморазвитие.

The concept of utility in post-non-classical rationality

Gaparov I.A.

Postgraduate student

Samara National Research University

(Samara, Russia)

The report presents a way to define the concept of utility in the teaching of classical, non-classical and post-non-classical types of rationality by V.S. Stepin. The main goal is to show what the concept of utility is in classical, non-classical and post-non-classical rationality. Result of investigation: methods of defining the concept of utility as causal, probabilistic and target determination.

Keywords: utility, rationality, determination, subject, object, self-regulation, self-development.

Прежде чем говорить об изменениях содержания понятия пользы в контексте рациональности, необходимо обратить внимание на то, что такое рациональность. Одним из основоположников учения о рациональности в рамках философии науки был отечественный мыслитель В.С. Стёпин. Он отмечал, что рациональность – это способ описания систем, имеющих основанием субъект-объектные отношения. В.С. Стёпин считал, что есть три типа рациональности. Каждый из них является попыткой ответить на вопрос: каково отношение субъекта к объекту как системе? Если принять за основу классический тип, то в нем господствует лапласовская детерминация. Категориальная сетка описания, писал В.С. Стёпин, «была санкционирована философией механицизма в качестве философских оснований науки этой эпохи» [1, с. 66]. В этом типе рациональности наличествуют простые системы. Процедура их объяснения основана на поиске причин и однозначно порождающих их следствий. Вероятность считается результатом действия скрытых причин. Идеалом классической рациональности становится описание и объяснение характеристик объекта. Важное значение получают идеалы и нормы обоснования знания. Поскольку опыт становится главным понятием научного исследования, то выражением идеалов и норм построения знаний выступает метод, направленный на обобщение опытных фактов. В целом, здесь господствует прямолинейный онтологизм, основанный на принятии в качестве идеала одной истинностной теории, способной запечатлеть и объяснить исследуемые объекты, тогда как образцом объяснения и описания выступают объекты «сами по себе». Возможность их познания объясняется принципом параллелизма между мышлением и действительностью.

Неклассический тип приходится на эпоху аномалий и кризисов, начавшихся во вт. пол. XIX века. Меняется онтологический статус объектов. Механистический тип описания оказывается недостаточен, чтобы справиться с объектами, проявляющими свои свойства кооперативно. Жесткая детерминация

становится недостаточной. Намечается тенденция к описанию и объяснению систем, которые невозможно свести к простому набору элементов. Изменения, полагал В.С. Стёпин, «в категориальных смыслах, не укладывающиеся в узкие рамки представлений о простых механических системах, требовали новых синтезирующих образцов системной организации объектов» [2, с. 258]. В первую очередь изменения затронули отношение между вещью и процессом. Вещь стала процессуальной системой, которая в самовоспроизводстве и саморегуляции зависит от внешней среды. Другое изменение коснулось отношения между категориями части и целого. Целое перестало быть простым придатком части. Системы не могли быть объяснимы через призму классической детерминации. Вероятностная причинность, дополняя лапласовскую, предполагала обратное воздействие – следствия на причину. Развитие биологии и кибернетики показало, что мир – не механизм. Закономерности, его пронизывающие, не имеют однозначной интерпретации. Мир является системой, способной к авторегуляции. Это такая система, ход которой нельзя однозначно предсказать. По отношению к ней может существовать множество способов интерпретаций ее поведения. Одного опыта в качестве подтверждения основных положений теории становится недостаточно. Ему на смену приходит идея операционального контроля за фундаментальными принципами теории – вводится идеализированная схема деятельности [3]. В плане идеалов и норм объяснения и доказательства осуществляется смещение в сторону подбора оптимальных средств наблюдения при взаимодействии с объектом.

Постнеклассическая рациональность связана с пертурбациями, начавшимися в XXI веке. Это касается структурного переосмысления идеи эволюции. Если в неклассическом типе «эволюция» была прежде всего связана с саморегулирующимися системами, то в постнеклассическом – с саморазвивающимися. Саморазвивающиеся системы как «тип системных объектов характеризуется развитием, в ходе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому» [1, с.67]. У них возникает тенденция не только к упорядочению, но к формированию многоуровневой организации элементов, где вышестоящий уровень влияет на нижестоящий. Обратное воздействие приводит к полному изменению системы, в результате чего она приобретает новую целостность. При этом необходимо обратить внимание на то, что здесь опровергается тезис Лейбница о закрытости монад. Обосновывается, что саморазвитие систем зависит от внешней среды. Большая часть изменений, происходящих в них, является адаптацией. Однако это способ приспособления, который приводит к смене исходного типа самоорганизации.

На основании вышеприведенных типов рациональности следует ответить на вопрос: для чего их человек изучает? Он изучает их для того, чтобы извлечь «пользу». Беспристрастное исследование могло бы подорвать господствующий статус науки. Однако у научного достояния в объективной действительности такой же статус, как и у изобретения. Человек стремится извлечь из них все то, что продлит жизнь или сделает ее размеренной. Говорить о том, что «польза» ведет к эгоизму, попыткам очеловечить науку, было бы неверно. И неверно видеть под «пользой» только экономической феномен. Польза, как пишет А.Н.

Ильин, есть «ориентир для использования знаний для изменения предметов и процессов в нужном (полезном) для человека плане» [4, с. 80]. Но это не единственное определение. Понимание «пользы» может различаться. Говоря о классической рациональности В.С. Стёпина, было бы уместно под «пользой» видеть способ взаимодействия с изучаемым объектом, в ходе которого исследователь получает от него нужные сведения. Если объект «ведет» себя надлежащим образом, то его применение будет предсказуемым, и тем самым успешным. Весь вопрос будет заключаться в поиске каузальности, которая смогла бы позволить управлять этим объектом. Отсюда предпринимаются разные попытки найти подходящий критерий или метод, который мог бы позволить приблизиться к такой каузальности. Будь то измышления Ф. Бэкона или Р. Декарта – они были вариациями на одну и ту же тему – каким образом можно поставить природу себе на службу. Беспристрастное исследование привело к тому, что действительность была подведена под математический аппарат, тогда как человек с его потребностями и нуждами был полностью из нее изъят. С другой стороны, «польза» не могла быть положена в основание научного исследования, т.к. мыслители представляли собой начавшуюся формироваться ученую прослойку, формировавшую собственный категориальный аппарат, правда в унаследованном от Античности и Средневековья виде. Поэтому если и быть последовательным, то следовало бы обратить внимание на то, что научное или философское познание мира должно начинаться с анализа категориального аппарата, который должен приниматься на вооружение одним или несколькими исследователями.

На фоне неклассической рациональности ученые и философы начинают осознавать то, что не представляли себе их предшественники – на объект может влиять сам субъект. Человек, как пишет П.К. Энгельмейер, «пересматривает в мыслях причинные ряды явлений взад и вперед» [5, с. 187-188]. Оказывается, что формы взаимодействия с объектом могут рассматриваться как имеющие, так и не имеющие отношение к субъекту. Центральный вопрос ставится совершенно иначе – что необходимо сделать, чтобы исследуемый объект не принимал во внимание исследующего субъекта или учитывал его минимально. В отношении к «пользе» это могло бы принять следующий вид: если «польза» определяется не действительной причинно-следственной связью, а только мыслительной конструкцией, то не является ли она умственной фикцией. Но тогда на помощь приходят органы чувств и здравый смысл, подсказывающие, что объект «по желанию субъекта» может менять параметры в том случае, если субъект будет подходить к нему с конкретными мерками. Правда «польза» в таком случае становится относительной. Она оказывается зависимой от нужд и потребностей не человечества в целом, а отдельных индивидов. Отсюда любые попытки устроить «рай на земле» или примат коллектива на все научные изыскания, оборачиваются провалом. Становится вполне достоверным, что система, основанная на саморегуляции, будет сопротивляться среде до тех пор, пока последняя не подавит ее равновесие. Здесь «польза» предстает как способ автономного поддержания системы или, если определить ее со стороны следствий, – все то, что способствует поддержанию равновесия системы.

Ситуация радикально меняется, когда речь начинает идти про «пользу» в ее постнеклассическом виде. Сложность ее определения заключается в том, что исследователь оказывается включен в систему отношений между субъектом и объектом. Выйти за ее пределы практически невозможно. Можно попытаться совершить «эпохе», но полностью выйти из самости не получится, т.к. именно она задает основание этому отношению. Несмотря на это, исследователь обладает рядом возможностей. Он способен перенести отношение на искусственные системы. Техника, как пишет А.Ю. Нестеров, «представляет из себя своего рода общую территорию, в которой объединены и переплетены навыки восприятия и деятельности» [6, с. 91]. Также она является формой объективации самости. Познание развивающихся систем было бы невозможно без сложных технических операций и машин. Однако, что данные системы приносят, как не саму «пользу»? Ведь они позволяют проанализировать не одни способы саморегуляции, но и саморазвития, которые включают не столько то, что обеспечивает гомеостаз или авторегуляцию, сколько то, что, под влиянием условий внешней среды, позволяет вывести систему из ее устойчивого состояния. Двигателем, позволяющим увлечь систему, выступает все то, что могло бы быть названо целевой детерминацией. Таким образом, в контексте постнеклассической рациональности «польза» могла бы быть определена как ценность, влияющая на отношения между субъектом и объектом, которые задаются исследующей инстанцией в сложных саморегулируемых и саморазвивающихся системах.

Резюмируя все вышесказанное, следует отметить, что в рамках рациональности «польза» может определяться со стороны причинного, вероятностного и целевого типов детерминации. При этом вышестоящая детерминация призвана выразить не столько содержание нижестоящей, сколько открыть перед ней новые горизонты. По этой причине «польза» в рамках классической рациональности не может быть ничем иным как способом поиска однозначной корреляции между причиной и следствием, а именно тем, каким образом будет вести себя объект, если его поместить в надлежащие условия. При неклассическом типе приходится учитывать разные исследовательские инстанции, т.к. объект начинает влиять на каждую из них. Отсюда под «пользой» нужно понимать все то, что способствует продлению существования системы. Полностью размывается грань между субъектом и объектом при определении «пользы» в постнеклассической рациональности, т.к. здесь оказываются включенными в анализ системы, обладающие свойствами саморазвития. Единственное, на что оказывается способен повлиять исследователь – найти фундирующую ценность (цель), на которой может быть основана система.

Литература

1. Стёпин В.С. Системность объектов научного познания и типы рациональности. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2007. №1. С. 65-76
2. Стёпин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249-295

3. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
4. Ильин А.Н. Утилитаризация науки в обществе потребления. Свободная мысль №1, 2019. С. 79-88
5. Энгельмейер П.К. Теория творчества. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 208 с.
6. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 155 с.

Строительные леса разума. Предистория и история

Герасимов Ф.С.

*Независимый исследователь
г. Воронеж, Россия*

УДК 141.111

В статье рассматривается роль материальной культуры для возникновения и развития человеческих когнитивных способностей. Основываясь на современных дебатах в Когнитивной археологии, показывается необходимость перехода от вычислительной модели разума и адапционистских исследовательских стратегий к воплощенным и распределенным подходам. Утверждается конституирующая роль артефактов в этом процессе. Анализируются некоторые следствия понимания артефактов как строительных лесов разума.

Ключевые слова: когнитивная археология, строительные леса, артефакты, разум, предистория.

Scaffolding of the mind. Prehistory and history

Gerasimov Ph.S.

*Independent researcher
(Voronezh, Russia)*

This article examines the role of material culture in the origin and development of human cognitive abilities. Drawing on contemporary debates in Cognitive Archaeology, we argue for a shift from computational models of mind and adaptationist research strategies to embodied and distributed approaches. The constitutive role of artefacts in this process is argued. Some implications of understanding artifacts as scaffolding the mind are analyzed.

Keywords: cognitive archaeology, scaffolding, artefacts, mind, prehistory.

1. Любой серьезный разговор о рациональности, помимо рассмотрения ее формальных компонентов – норм, правил, формально-логической согласованности и непротиворечивости и т.п. – предполагает обсуждение определенного, разумного, рационального отношения к миру. Соответственно, на наш взгляд, вполне уместным и крайне актуальным является рассмотрение вопроса о пред-

посылках и факторах возникновения такого отношения. Исторический анализ позволит понять является ли оно исключительно человеческим или может реализовываться более широким классом агентов, биологических и/или технических. Мы полагаем, что обращение к доистории человечества, рассмотрение вопросов, связанных с истоками разумности и социальности, позволит нам лучше понять сущность рациональности как человеческого (социального) феномена, а также факторы, влияющие на ее становление. Конечно, и технологии и социальные отношения за прошедшее время существенно изменились, но именно исторический анализ может позволить нам выявить их значение для развития мышления, разума и рациональности.

Возникновение и развитие разума находится сегодня в центре внимания многих дисциплин и научных направлений, от антропологии до нейрофизиологии. Проблема, очевидно, сложна, многогранна, и требует широкого междисциплинарного подхода. Один из вариантов такой междисциплинарности реализуется в «Когнитивной археологии», задача которой – реконструировать когнитивные способности наших предков, используя и интерпретируя материальные свидетельства их жизни. Когнитивная археология (далее – КА) интересна для наших целей в двух отношениях. Во-первых, историческое рассмотрение КА как научной практики позволяет обнаружить и выделить смену типов научной рациональности, от классической к постнеклассической в почти пятидесятилетней истории этой дисциплины. Во-вторых, КА позволяет раскрыть значение (роль) факторов, влияющих на эволюцию рациональности. Более того, исследования в рамках этой дисциплины не ограничиваются доисторией, рассматривая влияние уже вполне исторических изменений в человеческих практиках на развитие человеческой когнитивности. В свою очередь, это может пролить свет как на такие популярные некогда темы, как типология рациональности, стили и способы мышления и т.п., так и на актуальные сегодня (связанные с возрастанием роли и значения цифровых технологий, взаимодействием человека и компьютера, созданием кибернетических организмов). Помимо этого, нужно отметить, что КА практически неизвестна в нашей стране, и мы, своим выступлением, хотели бы привлечь внимание исследователей к этой дисциплине.

2. Несмотря на то, что археология имеет дела с материальными следами человеческой деятельности, с различного рода артефактами, до недавнего времени самому феномену материальности уделялось удивительно мало внимания. Учитывая, что артефакты играют важнейшую адаптивную роль, предполагалось, что естественный отбор снабдил человека рядом врожденных модулей и алгоритмов, предназначенных для работы с материальной культурой, сформировав своего рода «техническую» область разума. Соответственно, артефакты можно использовать в качестве индикаторов когнитивных процессов, но всякое их влияние на эти процессы исключается. Артефакты рассматривались отдельно от процессов мышления, как эпифеномены мозговой деятельности внешние устройства хранения, на которые выгружается символическое содержание. Такое понимание артефактов связано с определенной теоретической позицией, по существу – картезианской, и с вычислительным подходом к разуму, локализирующим когнитивные процессы внутри мозга отдельного индивида и рассмат-

ривающим когнитивные процессы в терминах обработки информации. Возникновение разума в этом случае понимается как «дозревание» мозга в ходе эволюции. Отбор при этом действует в пользу умных существ, изобретающих языки и разнообразные орудия для общения и решения адаптивных проблем. Иначе: эволюционировавшие индивиды, которых отбор обеспечил всеми необходимыми когнитивными механизмами, вступают в отношения с другими такими же разумными индивидами, используя для удобства материальные предметы. В рамках КА рассматривалось и тестировалось большое количество гипотез и концепций, построенных на подобных основаниях. Однако выяснилось, что вычислительные и адапционистские подходы не справляются с интерпретацией археологических свидетельств и не обеспечивают правдоподобную картину возникновения разума.

В качестве альтернативы вычислительным подходам, в философии и науке возник ряд новых теоретических перспектив, утверждающих, что мышление невозможно отделить от воплощенного действия и от среды, в которой происходит это действие и мышление (динамический подход к познанию, распределённый, воплощенный, энтактивный подходы и т.п.). На раннем этапе развития (80е-90 годы) наибольшее влияние на КА оказали экологическая психология Гибсона и энтактивизм Варелы. Познание понимается здесь как разворачивающееся за пределами границ, очерченных мозгом и кожей, в мире, предоставляющем возможности для действия. С учетом этих новых перспектив и дебатов вокруг них, КА была вынуждена, используя археологические данные, включить в анализ межиндивидуальные и межгрупповые опосредствованные взаимодействия. Оказалось, следовательно, что история разума не может быть написана в отрыве от истории артефактов и социальных отношений. Артефакты здесь не просто являются приемниками человеческих интенциональных установок, а действуют на людей, глубоко изменяя их системы восприятия и ограничивая их действия. Это привело ряд исследователей к выводу об определяющей роли материальной культуры в возникновении специфически человеческого мышления (К.Ренфрю, Б.Олсен, К.Госден, К.Гэмбл, К.Нэппетт, Л.Малафури и др.). Связь материально-опосредствованной деятельности и индивидуального разума стала осмысляться по-новому. Наши предки (лишенные ещё индивидуального разума, хотя и снабженные эволюционировавшими модулями или механизмами общего назначения) включаются, вовлекаются в сеть отношений с миром. Эти отношения социальны, при этом взаимодействия с материальными объектами являются их существенным элементом. Вещи, материальные предметы не только дополняют социальное или являются его эмерджентным свойством, но и являются материалом, из которого строится человеческое общество. По мере такого вовлечения происходит коренная трансформация их анатомических, физиологических и когнитивных черт. В определенный момент видообразование завершается, и возникает анатомически современный человек, когнитивный нейронный аппарат которого был сформирован в «современный» разум при взаимодействии с артефактами. Дальнейшее (историческое) развитие когнитивных способностей не сопровождается значительными биологическими изменениями, а связано с развитием сетей артефактов и социальных отношений.

3. Встраивание артефактов в когнитивную систему настолько масштабно, что вполне возможно рассматривать артефакты как составные компоненты человеческого разума. Однако радикальные версии такого подхода полностью растворяют субъекта мышления и действия в процессах материального вовлечения и со-конструирования мира и разума, отрицают существование индивидуального мышления и человеческой самости. А это не только противоречит нашим базовым философским интуициям, но и делает практически невозможным любой научный (в частности - археологический) анализ. Чтобы избежать подобных крайностей, представляется полезным рассматривать артефакты как строительные леса разума. Концепция «строительных лесов» (scaffolding) связана с работами Выготского, и, после их перевода на английский в конце 70х годов, применяется и развивается на западе (М.Бикхард, Г.Тейнер, В.Уимсатт, Э.Кларк). Под строительными лесами понимаются любые ресурсы, практики или другие посреднические структуры, которые используются как часть процессов развития. Соответственно, выделяют два аспекта строительных лесов – психосоциальный (связанный с зоной ближайшего развития) и технологический, подчеркивающий роль артефактов в поддержке человеческого познания.

Для понимания возникновения разума важно то, что леса уменьшают, блокируют или останавливают давление отбора, так что какая-либо конфигурация, которая в противном случае не была бы успешной, была бы исключена отбором, может реализоваться и стать стабильной. При этом строительные леса не являются предварительными по времени, а скорее – имплицитными, или находятся на заднем плане, реструктурируя социальные отношения, распределяя когнитивные процессы в пространстве, во времени и между людьми. Таким образом, использование материальных предметов и вовлечение (становящегося) человека в систему опосредствованной и распределённой деятельности приводит к: отделению и отдалению человека от мира; к возникновению специфически-человеческого (конструктивного, деятельностного) отношению человека к миру; к появлению самой возможности индивидуального мышления, познания и нормативно-ценностного измерения жизни; к возникновению культурной эволюции, радикально отличающейся по механизмам от эволюции биологической. Артефакты позволяют поддерживать новые отношения между людьми и вещами и снижать когнитивные затраты, преодолевая биологические ограничения мозга. С другой стороны, материальная культура реорганизует сами биологические процессы.

Этот небольшой экскурс в проблематику КА, надеемся, позволит полнее понять влияние материальной культуры на социальные отношения и когнитивные процессы в современном обществе, а также роль артефактов и новых технологий для контекстов обучения и когнитивного развития последующих поколений. Влияя на когнитивные и перцептивные процессы, артефакты оказываются активными участниками культурного развития, а значит, материально-опосредствованное взаимодействие является основой и предпосылкой рационального отношения к миру.

**«Парадигмальные прививки» как драйвер развития науки
(в оптике теории социальных эстафет М.А. Розова)**

Загидуллин Ж.К.

Кандидат философских наук
Институт философии РАН
(г. Москва, Россия)

УДК 165

Эвристичная идея «парадигмальных прививок» Степина В.С., хорошо объясняющая развитие дисциплинарного знания в различных науках на историческом материале, сама недостаточно операционализирована в эпистемологии и описана в рамках той или иной модели науки. Используя модель науки из Теории социальных эстафет М.А. Розова в докладе будет сформулированы принципы развития научных дисциплин извне и задана типология парадигмальных прививок как драйверов развития науки на уровне элементарного знания, научных теорий, наукообразующих программ и внутринаучной рефлексии.

Ключевые слова: наука, знание, парадигма, социальная эстафета, референция, репрезентация, эпистемология, философия науки, парадигмальная прививка

**"Paradigmatic inoculation" as a driver for the development of science
(through the Theory of social relay races M.A. Rozova)**

Zagidullin Zh.K.

CSc in Philosophy
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

V.S. Stepin's heuristic idea of "paradigmatic inoculation", which explains well the development of disciplinary knowledge in various sciences on historical material, is itself insufficiently operationalized in epistemology and described within one or another model of science. Using the model of science from M.A. Rozov's Social Relay Theory, the paper will formulate the principles of development of scientific disciplines from outside and set the typology of paradigmatic inoculation as the drivers of science development at the level of elementary knowledge, scientific theories, science-forming programs and intrascientific reflection.

Keywords: science, knowledge, paradigm, social relay races, knowledge reference, representation, epistemology, philosophy of science, paradigmatic inoculation

Степин В.С. высказал эвристичную идею о том, что часть локальных и глобальных научных революций осуществляется благодаря «парадигмальным прививкам», когда в одну дисциплину привносятся элементы парадигм, понятий, методов и процедур из других научных дисциплин. По его мнению, «вне учета особенностей этого пути, основанного на парадигмальных транспланта-

циях, нельзя понять той великой научной революции, которая была связана с формированием дисциплинарно организованной науки» [1; 579].

Степин В.С. неоднократно иллюстрировал эту мысль примерами из физики, биологии, медицины. Они прекрасно показывали, что привнесение тех или иных содержательных элементов «посторонних» дисциплин эвристичны, и что последствия ассимиляции этих элементов бывают значительны для познания. Иногда эти изменения доходили вплоть до смены специальной и, даже, общей научной картины мира, модернизации категориального строя дисциплины, а также к смене норм работы и рассуждений ученых.

Однако, эта идея прививок и эти примеры вполне понятные в рамках истории науки, не дают понимания того, что с точки зрения эпистемологии происходит в научной дисциплине: что именно привносится в изменяемую дисциплину, как это начинает менять практику работы ученых и почему изменения устойчивы. На наш взгляд, причина тому – недостаточная детализация этой идеи.

Ведь даже понятие парадигмы (или дисциплинарной матрицы) по Томасу Куну не дает ответа на вопрос, что именно переносится и становится тем самым критическим драйвером изменений. В базовой схеме самого Степина В.С. (структура научного знания, [1; 287]) также нет ясности относительно того, что именно переносится и почему то, что перенесено, начинает давать революционные изменения. Притом, что, учитывая взрывообразный рост числа научных дисциплин, расширение теоретических дисциплин за счет интеграции инженерных практик, активное внедрение цифровых инструментов в научное познание, точное понимание того, как революционизируется научное познание, крайне необходимо для осмысления и концептуализации происходящих сегодня изменений.

На наш взгляд наиболее разработанные представления об этом имеется в Теории социальных эстафет М.А. Розова [2], и они позволяют детально описать «парадигмальные прививки» как драйверы развития дисциплинарного знания, и даже наметить пути к типологии подобных прививок.

Теория социальных эстафет представляет любую научную дисциплину как совокупность различных эпистемических образований [3]: элементарных научных знаний, научных теорий, наукообразующих программ получения новых знаний и систематизации имеющихся знаний, а также внутринаучной рефлексии конкретного сообщества ученых. Результатом такого представления дисциплины является описание *дисциплинарного облика конкретной науки*, который предполагает, что:

1. на уровне *элементарных научных знаний* будет проанализировано строение и специфика эстафет референции и репрезентации знаний в данной дисциплине, а также научная инфраструктура, обеспечивающая «строительным материалом» данный уровень научного познания (музей референтов науки; институт экспертизы объектов познания и т.п.);

2. на уровне *научных теорий* будут проанализированы используемые в конкретной дисциплине теоретические и практические конструкторы, уточ-

нена специфика научных теорий (инквизитные, квазиэксквизитные и эксквизитные теории);

3. на уровне наукообразующих программ получения нового знания будут выявлены основные типы исследовательских программ, распространенные в анализируемой дисциплине (методические программы, конструкторы и методологические программы);

4. на уровне наукообразующих программ отбора и систематизации научных знаний будут выявлены распространенные в данной дисциплине коллекторские программы (программы референции, проблематизации и систематизации знаний), а также описаны конкретные образцы систематизации и обеспечения когерентности научных знаний;

5. на уровне внутринаучной рефлексии научного сообщества будут систематизированы виды рефлексии ученых, определены основные источники заимствований образцов рефлексии, а также определены функции рефлексии ученых в развитии конкретной дисциплины.

Дадим краткие пояснения введенным понятиям. Согласно теории социальных эстафет, знание есть вербализация содержания образцов поведения и деятельности людей с целью их воспроизведения или переноса опыта на новые объекты или ситуации. Структура знания в самом элементарном случае может быть представлена как эстафетная структура, объединяющая референцию знания (представление объекта знания) и репрезентацию (содержание знания в форме целостного акта деятельности с объектом знания). Поиск и отбор этих референтов, очищение их от случайных наслоений и передача в общее пользование науки есть то, что обеспечивает музей референтов науки.

В свою очередь, научная теория, по М.А. Розову, – «это совокупность знаний, объединенная тем, что все репрезентаторы в пределах этой совокупности либо непосредственно строятся с помощью некоторого конструктора, либо получают путем конструктивного преобразования изучаемых объектов и сведения их к объектам, уже изученным» [2; 388]. Иными словами, теория как система знаний строится по отношению к определенному набору референтов знаний данной дисциплины. И главное отличие теории от простой суммы элементарных знаний состоит в том, что оперирование с референтами осуществляется на заранее определенной основе – наборе правил формирования и преобразования репрезентаторов с такого типа референтами. Именно это было названо М.А. Розовым «теоретическим конструктором». Задача таких манипуляций – сконструировать деятельность с определенными заранее заданными «степенями свободы». Соответственно, теоретический конструктор должен позволять каждому «пользователю» теории получать воспроизводимый, повторяемый результат.

На уровне наукообразующих программ базовыми процессами, конституирующими суть научной деятельности, являются процессы получения новых знаний и их систематизация. Однако специфику науки и ее дисциплинарную организацию определяют не исследовательские, а коллекторские программы, сфокусированные на систематизации и отборе научных знаний. Именно при-

сутствие в научной дисциплине тех или иных исследовательских и коллекторских программ формирует дисциплинарный облик конкретной науки.

И наконец, внутринаучная рефлексия ученых – это особый тип вербализации образцов деятельности или поведения ученых, который поляризован относительно целей деятельности ученого (целеполагающая рефлексия). Рефлексия ученых, равно как и другие формы жизни знаний, организована совокупностью эстафет и образцов подобного рода рефлексий, а также контекстом, в котором она осуществляется. Например, специфику «кризисной» рефлексии ученых, фиксирующих кризисного состояния их научной дисциплины, можно усмотреть в особенностях функционирования знаниевого «организма» науки и увидеть дисбаланс в развитии соответствующей инфраструктуры научной дисциплины.

Теперь, после краткого описания понятий теории социальных эстафет [3], можно выделить и описать разные типы «парадигмальных прививок», указывая на главную эпистемическую единицу, экспортируемую в дисциплину-реципиента. В частности, можно выделить семь типов:

1. «Экспорт объектов-референтов»: исходная наука «переносит» свои объекты изучения или точнее – конкретный способ их представления (референты) в другие научные дисциплины, которые, в свою очередь, используют «чужие» референты для создания своих теорий. Например, нейрофизиология передала в нейропсихологию свой способ представления объекта изучения (фМРТ карты коры головного мозга), что позволило развить ряд революционных теорий и моделей когнитивной психологии.

2. «Перенос репрезентаторов»: исходная наука предлагает свои репрезентаторы (способы описания содержания деятельности оперирования с референтами в определенных языках и исчислениях) в другие дисциплины для использования их в познании объектов этих наук. Нередко перенос репрезентаторов сопровождается внедрением специфической аппаратно-приборной базы вместе с оперативными системами описания результатов ее использования. Яркий пример такого влияния – физика и физические методы изучения референтов, их можно встретить в очень разных науках: в химии, биологии, геологии, археологии, антропологии.

3. «Экспорт теоретического конструктора». Исходная наука предлагает другой дисциплине свой теоретический конструктор (который понимается как «совокупность референтов и правил оперирования с ними», позволяющие строить различные научные модели и теории). Например, квантовая физика предложила химии свой атомно-молекулярный конструктор, что дало мощный толчок в развитии этой дисциплины, и даже сформировало новую дисциплину – молекулярную химию.

4. «Перенос коллекторской программы для комплексирования знаний». В целевой науке получают смысл и интерпретацию знания других дисциплин, не входящих с исходную науку, благодаря импорту коллекторской программы. Нередко этот вариант ведет к формированию новой научной дисциплины, при этом принцип комплексирования знаний заимствуется из чужих коллекторских программ. Например, результаты биохимии, зоологии, ботаники, гидродинами-

ки, географии, климатоведения объединяются и получают единую интерпретацию в экологии, которая сформировала свою коллекторскую программу на базе понимания изучаемого референта («жизнь организмов в окружающей их среде»).

5. «Перенос исследовательской программы». Это часто описываемый в философии и истории науки пример, когда изменения целевой дисциплины происходит за счет переноса исследовательской программы. Так, например, появился класс научных дисциплин (таких как, экология человека, экология культуры и пр.), которые заимствовали исследовательскую программу у экологии (изучение организма в среде обитания) и перенесли ее на другие объекты, при этом сам референт экологии (биологические организмы) не был заимствован.

6. «Дисциплина как эталон». Исходная научная дисциплина в целом становится эталоном (прототипом) для построения других наук. Например, биология с ее дисциплинарной организацией (комплекс из фундаментальных и таксономических дисциплин – «пирог Одума») давно стала примером для подражания и ориентиром для дисциплинарного оформления знаний в ряде научных дисциплин (социология, экономика, психология).

7. «Методологические принципы рефлексии»: исходная научная дисциплина предлагает методологические принципы организации внутринаучной рефлексии, а целевая дисциплина заимствует их, описывает себя через них и переосмысливается на их основе. Например, перенос принципа наблюдаемости как критерия оценки научной теории из физики в биологию и нейронауки привел к появлению новых научных дисциплин (таких как нейрофотоника), давших революционные знания в понимании работы человеческого мозга. Или требования научной рефлексии о воспроизводимости результатов познания заставили современную психологию с начала в виде рефлексии, а потом и практически, запустить большую волну по верификации полученных результатов (так называемые программы репликационных исследований).

Думается, названные семь разновидностей парадигмальных прививок фиксирует основные их типы в связи с вводимой в теории социальных эстафет модели науки.

Литература

1. Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, ист. эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.
2. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. 351 с.
3. Загидуллин Ж.К., Кузнецова Н.И. Контуры эмпирической эпистемологии на базе теории социальных эстафет // Философия науки. Выпуск 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. Отв. ред.: Герасимова И.А. М.: ИФ РАН, 2014. С.101-124.

Цифровые экосистемы экономики и предпосылки формирования цифровой рациональности

Никитина Е.А.

*Доцент, доктор философских наук
МИРЭА – Российский технологический университет
(г. Москва, Россия)*

Цифровые экосистемы экономики и предпосылки формирования цифровой рациональности

Никитина Е.А.

*Доцент, доктор философских наук
МИРЭА – Российский технологический университет
(г. Москва, Россия)*

УДК 165

В условиях цифровой трансформации основных сфер жизнедеятельности современного общества и интеграции цифровой инфраструктуры в повседневную деятельность человека наметилась тенденция включения информационных и цифровых технологий в социальное взаимодействие. Цифровые экосистемы, в частности, цифровые экосистемы экономики приобретают функции коллективного субъекта и начинают оказывать существенное влияние на формирование социальных представлений, ценностей и рациональности.

Ключевые слова: эпистемология, сложные системы, цифровые экосистемы экономики, социальное взаимодействие, цифровая рациональность

Digital ecosystems of the economy and prerequisites for the formation of digital rationality

Nikitina E.A.

*Assoc. Professor, DSc in Philosophy
MIREA - Russian Technological University
(Moscow, Russia)*

In the context of the digital transformation of the main spheres of life of modern society and the integration of digital infrastructure into everyday human activities, there has been a tendency to include information and digital technologies in social interaction. Digital ecosystems, in particular, the digital ecosystems of the economy, acquire the functions of a collective subject and begin to have a significant impact on the formation of social perceptions, values, and rationality.

Keywords: epistemology, complex systems, digital ecosystems of the economy, social interaction, digital rationality

Одним из значимых результатов цифровой трансформации общества, свидетельствующих о глубинных качественных социальных изменениях, происходящих в информационном обществе, является формирование цифровых

экосистем, в частности, цифровых экосистем в экономике. Цифровые экосистемы экономики возникают в результате цифровых преобразований процессов производства, распределения, обмена и потребления и представляют собой систему экономических отношений и связей субъектов цифровой экосистемы в цифровой форме на основе сервисов цифровой платформы. Примеры цифровых экосистем – «Сбер», Яндекс, МТС и другие.

Цифровая среда экосистемы, в которой представлены собственные сервисы компании и партнерские сервисы создается благодаря технологии единого входа, т.е. работы пользователя под единой учетной записью, через единый аккаунт во множестве цифровых сервисов. На техническом языке эта особенность экосистем характеризуется как «бесшовность». Отметим, что данная технологическая инновация упростила социальную коммуникацию в усложнившейся информационно-технологической среде повседневной жизни и способствовала лучшей адаптации человека к росту информационного разнообразия в условиях нового технологического уклада. Бесшовность реализуется для внутренних информационных систем организации и для внешнего пользователя и потребителя в виде плавного перехода от одного вида взаимодействия к другому, от одного вида услуг к другому. Благодаря этому в экосистеме постоянно расширяется круг услуг и продуктов, реализуемых через цифровую платформу и мобильные приложения. Так, в цифровой экосистеме, нацеленной на более быстрое, удобное и минимальное по стоимости удовлетворение максимального числа потребностей человека на одной платформе, можно оформить кредитную карту, купить билеты на самолет, заказать химчистку, зарегистрировать ООО, заказать доставку еды и т.д.

Модель идеальной цифровой экосистемы в экономике предполагает, как представляется, что экосистема будет обеспечивать удовлетворение максимального числа потребностей экономического человека. С этой целью создатели и разработчики цифровых экосистем изучают интересы, предпочтения, социальное поведение пользователей и потребителей.

В аспекте сложности цифровые экосистемы представляют собой саморазвивающиеся сложные системы с высоким уровнем адаптивности к среде за счет использования цифровых технологий и инноваций. В человекообразных системах данного типа, соединяющих человека, социальную, природную и информационно-технологическую среды, эволюционно формируется управление различными видами деятельности человека. При этом возникают новые уровни в иерархии, новые подсистемы [1] и, отметим, новые уровни интеграции.

Вместе с тем, цифровые экосистемы начинают оказывать заметное влияние на социально-экономические отношения и постепенно начинают включаться в социальное взаимодействие, формировать новую модель потребления и оказывать влияние на социальные представления субъекта. Цифровые экосистемы, создаваемые крупными компаниями, выполняют свою миссию на основе определенных ценностей, они нередко формируют собственные позиции в экономической, политической и социальной сферах. Эти позиции затем попу-

ляризируются и продвигаются в сообществе пользователей в рамках миссии компании, с использованием функций экосистем и социальных сетей.

Более того, цифровые экосистемы приобретают функции коллективного распределенного субъекта и начинают оказывать влияние на содержание, структуру и способ формирования ценностей, рациональности, образа жизни человека [2]. В формирующейся цифровой сфере жизнедеятельности общества и цифровой коммуникативной среде базовые ценности и представления субъекта трансформируются и одновременно появляются новые, специфические ценности, не характерные для реальной сферы жизнедеятельности общества, такие, в частности, как коммуникативный сетевой статус. В условиях, когда в цифровую среду вовлечена уже значительная часть потребителей, в особенности молодое поколение, возрастает влияние экосистем на социальность.

Теоретические исследования экосистем находятся в стадии становления: преимущественно изучаются экономические, технологические и юридические аспекты функционирования экосистем цифровой экономики. В условиях вовлечения в цифровую среду социального взаимодействия значительной части потребителей, особенно молодого поколения, в условиях возрастающего влияния цифровых экосистем на социальность приобретает остроту и актуальность исследование направления трансформации социальных представлений, ценностей и рациональности.

Возникающие риски в немалой степени связаны с тем, что в цифровой коммуникативной среде привычные, ценностно ориентированные действия постепенно институционализируются. Постоянное использование цифрового формата программирует, как отмечают исследователи, «набор социальных правил и базовых ценностей», которые затем автоматизируются, детализируются и могут быть перенесены в юридическую сферу [3, с. 45].

В заключение отметим, что в формирующейся цифровой среде жизнедеятельности современного общества, на структуру и содержание которой начинают оказывать заметное влияние цифровые экосистемы, создаются предпосылки для формирования нового типа рациональности – цифровой рациональности.

Литература

1. Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45-59.
2. Никитина Е.А. Субъект – сумма технологий или проект самого себя? // Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук. Общ. Ред. и сост. В.А. Лекторского (Отв. редактор), Е.О. Труфановой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2017. с. 89-98.
3. Грунвальд А., Ефременко Д.В. Цифровая трансформация и социальная оценка техники // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. № 2. С. 36–51

Принцип истины в судебном процессе: антиномии и возможность синтеза**Пономарёв А.М.***доктор философских наук**Институт философии и права УрО РАН, Удмуртский филиал
(г. Ижевск, Россия)*

УДК 167.7

В теории судебного процесса большая роль отводится установлению истины, т.к. это связано с активностью/пассивностью суда и распределением бремени доказывания. Принцип устанавливаемой в судебном процессе имеет две антиномичные формулировки, что обусловлено двумя абстрактными моделями судебного процесса. Их синтез в одной модели в рамках классической научной рациональности невозможен. В докладе предлагается вариант неклассической модели такого синтеза.

Ключевые слова: объективная материальная истина, формальная юридическая истина, судебный процесс, судебное познание, состязательность, диспозитивность

Principle of Truth in Litigation: antinomies and the possibility of synthesis**Ponomarev A.M.***DSc in Philosophy,**Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurt Branch
(Izhevsk, Russia)*

In the theory of the judicial process, a large role is given to establishing the truth, because this is due to the activity/passivity of the court and the distribution of the burden of proof. The principle established in the trial has two antinomic formulations, which is due to two abstract models of the trial. Their synthesis in one model within the framework of classical scientific rationality is impossible. The report proposes a variant of the non-classical model of such synthesis.

Keywords: objective material truth, formal legal truth, litigation, judicial knowledge, competitiveness, optionality

1. Установление истины в судебном процессе является интересным случаем, к которому применимы многие положения, сформулированные акад. В.С. Стёпиным⁷. Случай интересен также и тем, что он сам по себе представляет познавательный процесс, и одновременно выступает объектом познания в теории судебного процесса. Наконец, случай интересен тем, что позволяет, как пред-

⁷ В данном докладе в первую очередь будет иметься в виду гражданский судебный процесс. Но схожие проблемы со своими нюансами присущи и другим судебным процессам, поэтому в докладе говорится обобщённо о судебном процессе.

ставляется автору данного доклада, проявиться прикладному аспекту концепции типов рациональности.

2. Для юристов дискуссии об установлении истины в судебном процессе носят неакадемический характер. Это – вопросы об активной/пассивной роли суда, о распределении бремени доказывания сторонами тех или иных обстоятельств дела и т.п. Особую актуальность эти дискуссии приобрели после принятия фактически новых гражданского и уголовного процессуальных кодексов. В советских редакциях обоих процессуальных кодексов фигурировал принцип объективной истины⁸, прямое упоминание которого изъято из текстов ныне действующих процессуальных кодексов.

Согласно этому принципу и суд, и стороны процесса, и прочие участники должны стремиться установить все обстоятельства дела, которые имели место в действительности. Суд, соответственно, обязывается активно предпринимать все процессуально возможные действия для выявления такого рода обстоятельств.

Противоположный принцип – принцип формальной истины⁹. В соответствии с этим принципом активными в судебном процессе выступают стороны, которые обязуются предоставить доказательства правоты своей позиции. За судом признаётся роль пассивного арбитра, который принимает юридически выверенное решение на основе предоставленных сторонами доказательств и аргументации.

3. В дискуссиях, активизировавшихся после вступления в действие новых процессуальных кодексов, можно выявить несколько линий, уровней полемики, которые могут быть проанализированы с помощью разработанных В.С. Стёпиным концептов.

В качестве первого уровня можно выделить уровень «эмпирического» описания¹⁰. Дискуссии по проблеме установления истины в гражданском процессе, которые ведутся «эмпириками» практически не выходят на уровень зрелой теории, предполагающей наличие абстрактной модели. В дискуссиях «эмпиристов» можно выделить две линии.

Первая, обращение к практике конкретных судебных разбирательств, судебных решений. Приводимая аргументация заставляет вспомнить «теоретизирование» древнеримских юристов: разбор казусов без склонности к теоретическому синтезу [1; с. 132, 138 и далее].

Вторая, обращение к некоему операционному объекту, но операционному объекту из смежных областей исследований. Наиболее удачным является введение такого объекта, как правовое (судебное) познание в его единстве и отличии от процесса доказывания, т.к. «... судебные процессуальные действия в ходе деятельности сторон по доказыванию направлены на получение знаний (по-

⁸ Данный принцип ещё формулируется как принцип материальной истины, или объективной материальной истины.

⁹ Как вариант формулировки этого принципа: формальная юридическая истина.

¹⁰ Автор доклада излагает личную точку зрения на материал и признаёт её субъективность; также признаёт, что с иной позиции она может являться принципиально ошибочной.

знание) действительных обстоятельств дела, их реальных прав и обязанностей» [2; с.156]. Введение такого объекта как познание в юридической процессуальной форме позволяет вводить новые аспекты исследовательской проблематики. Например, удаётся ввести понятия абсолютной/относительной истины, вероятностный/достоверный характер истинности решения суда и т.п... Но, по сути, проблема остаётся нерешённой. Выявляемые позиции остаются антонимичными.

4. Из известных автору данного доклада немногочисленных попыток синтеза обеих позиций, наиболее удачной является вариант синтеза, разработанный М.Д. Олеговым [3]. Удачным этот вариант является в силу того, что синтезу предшествует построение теоретических (абстрактных) моделей организации судебного процесса как процесса познания. Это модель «активности» суда, в рамках которой реализуется принцип объективной (материальной) истины, и модель «чистой» состязательности, в рамках которой реализуется принцип формальной юридической истины. Сильной стороной этих моделей является фактическая комбинация двух моделей более высокого уровня из смежных для анализируемой проблем области. Одна из областей – теория состязательности сторон в судебном процессе и диспозитивности их прав. Благодаря экспликации принципов и постулатов двух версий этой теории М.Д. Олегову удаётся показать объективную обусловленность реализации одного из вариантов реализации принципа истины ходе судебного разбирательства. Вторая область – теория познания, взятая в классическом диалектико-материалистическом варианте. В границах этой теории М.Д. Олегов предпринимает синтез обеих моделей как диалектику необходимости и возможности получения истины.

Результат, однако, получается противоречивым. Считая, что удалось сохранить принцип истины судебного познания в его объективной (материалистической) трактовке, М.Д. Олегов приводит его содержательное определение фактически соответствующее формально-юридической трактовке. Противоречивость полученного результата, с нашей точки зрения, обусловлена выбором модели познания в классической рациональности.

5. Обращение к концептам неклассической и постнеклассической научной рациональности при разработке указанного синтеза представляется более перспективным и обнадёживающим. Продуктивность применения этих концептов применительно к философско- и теоретико-правовой проблематике в отечественной исследовательской практике уже продемонстрирована [4; 5].

Автором данного доклада предлагается выделить несколько «регионов» социально-правовой реальности, приписав проявление упоминавшихся принципов истины разным регионам, а сам процесс судебного познания рассматривать как познавательную деятельность сложноорганизованного субъекта, процессуальные формы которой указывают (и гарантируют) порядок и способы перехода из одного региона в другой.

В этой связи первое, на что следует обратить внимание это на репрезентативный характер правовой деятельности. Иными словами, реальная правовая деятельность крайне редко имеет дело с обстоятельствами социального мира как таковыми. Это всегда факты: а) мира, который описан в специфических

терминах, и б) которые сконструированы по определённым процессуальным правилам. Можно сформулировать это положение иначе: правовой мир есть презентация социального мира в определённой семантической системе, реальные судебные разбирательства есть репрезентации этих презентаций, в которых исчезают «реальные обстоятельства дела» и появляются события – юридические факты. В силу указанного обстоятельства, а также с учётом того, что судебный процесс есть «двойной контролируемый дискурс» [6; с. 85–86] устанавливаемая в судебном процессе истина может быть только формальной и юридической. А сам судебный процесс, в котором реализуется принцип состязательности, может анализироваться по модели дискурсивных прагматик (коммуникативной, как агон реальных сторон, и трансцендентальной, как триадической модель, в которой обеспечивается беспристрастность судьи как «третьего во второй степени» и справедливость его решения); т.е. прагматичного применения обезличенных, формально-всеобщих норм применительно к конкретному случаю.

И именно для обеспечения заданной формальными процедурами прагматичности с характеристиками юридически истинно и с-прав(о)-ливо в данном конкретном случае необходимо введение в действие второй формулировки принципа истины как объективной и материальной. Но в данном случае материальность есть не характеристика социальных отношений, а есть требование буквального прочтения и понимания юридического выражения «нормы материального права». Эти нормы существуют объективно, требуют познавательных процедур как любой объект познания (и как абстрактный – в случае правового теоретизирования, и как операционный объект – в случае анализа судебных казусов). Именно в силу объективности норм материального права в модели судебного познания обязательно должен включаться принцип диспозитивности как механизм переноса сторонами этого материального объекта в судебный процесс.

6. В качестве вывода из доклада предлагается следующее положение. Два типа формулировок истины, устанавливаемой в судебном процессе, не носят антиномический характер. Оба типа выявляемой в судебном процессе истины являются субстанциональными, различаясь функционально и по региону применения. Формулировка истины как формально-юридической выполняет функции ценностной маркировки и разграничения онтологических регионов, ввода специфических семантик двойного кодирования и формализации (нормирование) языка. Формулировка истины как объективной и материальной есть принцип ввода задаваемых нормами материального права объектов в качестве объектов судебного познания и юридически справедливого решения конкретного дела.

Литература

1. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1988. 624 с.
2. Болтуев С.Ш. Необходимость познавательной деятельности суда в регулировании гражданских правовых споров // Вестник Таджикского государст-

венного университета права, бизнеса и политики. Серия общественные науки. 2015. №3. С.156-164.

3. Олегов М.Д. Истина в гражданском процессе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.03. М., 2002. 184 с.

4. Деникина З.Д. Неклассическая и постнеклассическая философия права. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 230 с.

5. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2012. 650 с.

6. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с. С. 84-92.

Философия и когнитивные науки: горизонты взаимодействия

Сушин М.А.

Кандидат философских наук, без ученого звания

*ФГБУН Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
(г. Москва, Россия)*

УДК 1:001

В работе обсуждаются возможные пути взаимодействия философии и конкретных когнитивистских дисциплин: психологии, нейронаук, области исследований и разработок искусственного интеллекта, лингвистики и антропологии. С одной стороны, утверждается, что философия может оказать наибольшее влияние на развитие когнитивных наук на пути прояснения вопросов, относящихся к ведению философии науки – вопросов о теоретическом прогрессе когнитивных исследований, о характере отдельных когнитивистских теорий (а также совокупностей теорий, таких как коннекционизм, предсказывающее кодирование и др.), об отношении когнитивных дисциплин друг к другу и т.д. Также философы могут внести вклад в критические дискуссии об основаниях когнитивных наук и их ключевых понятий репрезентации и вычисления, а также играть активную роль в оценке этических следствий развития новых когнитивных технологий и нейротехнологий. С другой стороны, конкретные когнитивистские дисциплины могут проливать новый свет на традиционные философские проблемы (проблему сознание и мозг, проблему свободы воли и т.д.) и обогащать философию науки новым конкретным материалом.

Ключевые слова: философия науки, когнитивные науки, практика, проблема теоретического прогресса, теоретические комплексы.

Philosophy and the Cognitive Sciences: the Horizons of Interaction

Sushchin M.A.

CSc in Philosophy

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

The paper discusses some possible ways of interaction between philosophy and the specific cognitive scientific disciplines: psychology, neurosciences, artificial intelligence, linguistics, and anthropology. On the one hand, it is asserted that philosophy can have the greatest impact on the development of the cognitive sciences in the way of clarifying problems of philosophy of science. These problems include the problem of theoretical progress of cognitive studies, the problem of the nature of individual cognitivist theories (as well as the nature of groups of individual theories such as connectionism, predictive processing, etc.), the problem of relation of cognitive disciplines to each other and so on. In addition, philosophers can make contributions to the discussions about the foundations of the cognitive sciences and their key concepts of representation and computation, and play an active role in the assessment of ethical consequences of the development of new cognitive technologies and neurotechnologies. On the other hand, the specific cognitive scientific disciplines can shed new light on traditional philosophical problems (the problem of consciousness and the brain, the problem of free will, etc.) and enrich philosophy of science with new empirical data.

Keywords: philosophy of science, cognitive sciences, practice, the problem of theoretical progress, theoretical complexes.

Традиционно философию рассматривают в качестве одной из дисциплин, входящих в комплекс современных когнитивных наук. Как правило, в этот комплекс также включают психологию, нейронауки, область исследований и разработок искусственного интеллекта, лингвистику и антропологию. Между тем четкого понимания места и роли философии в составе когнитивистских дисциплин в настоящий момент нет.

Сначала следует сказать о возможном влиянии философии на когнитивные науки. По мнению известного философа Д. Деннета, философы способны внести значимый вклад в когнитивные исследования, если они будут отталкиваться от доминирующей в науке конструктивной установки и будут нацелены, прежде всего, на формулирование проверяемых гипотез [1]. Другой известный философ П. Тагард полагает, что философия значимым образом влияет на когнитивные науки на пути прояснения общих и нормативных вопросов [2]. К общим вопросам Тагард причисляет вопросы о природе научных теорий и объяснений, роли компьютерного моделирования, отношения различных когнитивистских дисциплин друг к другу. К нормативным вопросам он относит вопросы о байесовской природе человеческого мышления, об установлении самих норм и т.д.

Следуя Тагарду, мы полагаем, что философия может оказать наибольшее влияние на развитие когнитивных наук на пути прояснения ряда вопросов, от-

носящихся к ведению философии науки. Известный философ науки Б. ван Фраассен, утверждает, что любая концепция философии науки должна быть в состоянии ответить на вопросы о характере научных теорий и том, что они делают [3, р. 7]. На наш взгляд, наиболее важной проблемой философии когнитивных наук в настоящий момент является проблема теоретического прогресса когнитивных исследований. Ее можно сформулировать следующим образом. Так, с одной стороны, в когнитивных науках был отмечен невероятный прогресс в области совершенствования практик: это относится как к непосредственным инструментам изучения мозга и познания (орудия для исследования мозга, айтрекеры и т.п.), так и к средствам обработки данных (компьютеры). Это неоспоримый факт. Но, с другой стороны, можно ли говорить о «сопоставимом» теоретическом прогрессе в когнитивных науках? (Мы, разумеется, не утверждаем, что между этими областями можно осуществлять строгие сравнения. Вопрос о том, в какой степени они оказываются соизмеримыми, остается открытым.) В общем смысле здесь можно дать отрицательный ответ, и причины подобного рода «асинхронного развития» практик и теоретических представлений в когнитивных науках как раз и составляют указанную проблему.

К другим важным вопросам философии когнитивных наук следует отнести вопросы о характере отдельных когнитивистских теорий (а также совокупностей отдельных теорий, таких как коннекционизм, предсказывающее кодирование и др.), о том, какой тип научного объяснения в лучшей степени подходит для когнитивных дисциплин, а также вопросы отношения друг к другу различных когнитивных дисциплин (в частности, сводимы ли одни когнитивистские дисциплины к другим или нет).

Один из таких вопросов – вопрос о природе крупных теоретических направлений или совокупностей отдельных теорий и моделей в когнитивных науках. Мы подробно его рассматривали в ряде своих недавних публикаций. Каким образом эти крупные теоретические направления следует понимать? В качестве парадигм на манер Т. Куна, или научно-исследовательских программ в духе И. Лакатоса, либо же как исследовательские традиции в смысле Л. Лаудана? Мы предлагаем понимать подобного рода направления в качестве однородных или неоднородных по структуре теоретических комплексов, призванных содействовать пролиферации научных теорий для обеспечения прогресса в отношении ряда так называемых достоинств научных теорий (предсказательный успех, согласованность, эмпирическая адекватность и т.п.). По нашему мнению, комплексы когнитивистских теорий как раз и призваны способствовать теоретическому прогрессу в когнитивных науках [4].

Также философия имеет непосредственное отношение к обсуждению вопросов оснований когнитивных наук и их ключевых понятий репрезентации и вычисления. Здесь, безусловно, также встает множество вопросов. Какова природа ментальных репрезентаций? Происходит ли познание на основе внутренних репрезентаций или же познавательные процессы должны быть объяснены в других терминах? Если репрезентация – это заместитель, то репрезентируется ли цвета, запахи, вкус? Как соотносятся понятия репрезентаций, вычисления и обработки информации? Ведь понятия вычисления и обработки информации

также представляют собой центральные понятия когнитивных наук и в настоящее время используются многими учеными-когнитивистами как синонимы. Однако, если говорить о классических концепциях А. Тьюринга и К. Шеннона, которые и породили соответствующую литературу и к которым принято отсылать, тот час же обнаруживается, что вычисление и обработка информации – это разные вещи.

Наконец, философия должна играть активную роль в оценке этических следствий развития новых когнитивных технологий и нейротехнологий (в частности, в оценке таких технологий как mind reading и оценке новых приложений области искусственного интеллекта т.д.).

В свою очередь, конкретные когнитивистские дисциплины могут проливать новый свет на традиционные философские проблемы: проблему сознание и мозг, проблему субъекта, проблему свободы воли и т.п. Также анализ развития когнитивных наук способен наполнять конкретным материалом философию когнитивной науки как частный раздел философии науки, способствуя оценке и уточнению традиционных концепций философии науки.

Литература

1. Dennett D. C. Why Cognitive Science Needs Philosophy and Vice Versa // Topics in Cognitive Science. 2009. Vol. 1. No. 2. P. 231–236.
2. Thagard P. Why Cognitive Science Needs Philosophy and Vice Versa // Topics in Cognitive Science. 2009. Vol. 1. No. 2. P. 237–254.
3. Van Fraassen B. C. The Scientific Image. Oxford University Press, 1980.
4. Сушин М.А. Теоретические комплексы в когнитивных науках // Вопросы философии. 2022. № 12. С. 40–51.

Пределы постмодернистского отрицания классической рациональности

Филатова М.И.

Кандидат философских наук

Курская государственная сельскохозяйственная академия

(г. Курск, Россия)

УДК 165.9 (125)

В докладе представлена попытка придать новое значение постмодернистскому ниспровержению классической рациональности. Постмодернизм проблематизирует ее в связи с нереализуемостью актуальной бесконечности, на неявном допущении которой она утверждается, и напоминает, что проблема актуальной бесконечности по сути, является проблемой новой, высшей реальности, преобразующей реальность «старую». Но это далеко не новое слово, а лишь возвращение к давно забытой проблеме обоснованности перехода от мифа к логосу. Суть этой проблемы была возрождена и усилена в связи с богословскими спекуляциями основателей новоевропейской науки. Более того, высшая реальность (как актуальная бесконечность), неявно и неоправданно допущенная западной философией, именно своим отсутствием делает действительным то «превращение» природы, о котором говорят постмодернисты.

Так что даже для понимания самого постмодернизма приходится выходить за пределы ниспровергаемой им западноевропейской философии. Но при этом важно понимать, что за этими пределами и проблема высшей реальности перестает быть столь безнадежной и тем самым подрывает сам постмодернизм.

Ключевые слова: миф, логос, актуальная бесконечность, потенциальная бесконечность, постмодернизм

The limits of the postmodern negation of classical rationality

Philatova M.I.

CSc in Philosophy

Kursk State Agricultural Academy

(Kursk, Russia)

The author of the report presents an attempt to give new meaning to the postmodern overthrow of classical rationality. Postmodernism problematizes it in connection with the unrealizability of actual infinity, on the implicit assumption of which it is asserted, and reminds that the problem of actual infinity is in fact the problem of a new, higher reality that transforms the "old" reality. But this is far from a new word, but only a return to the long-forgotten problem of the validity of the transition from myth to logos. The essence of this problem was revived and strengthened in connection with the theological speculations of the founders of New European science. Moreover, the higher reality (as the actual infinity), implicitly and unjustifiably admitted by Western philosophy, precisely by its absence makes the "transformation" of nature that postmodernists talk about valid. So even to understand postmodernism itself, one has to go beyond the Western European philosophy that it overthrows. But at the same time, it is important to understand that beyond these limits, the problem of higher reality ceases to be so hopeless and thereby undermines postmodernism itself.

Keywords: myth, logos, actual infinity, potential infinity, postmodernism

Под западноевропейской классической рациональностью, мы будем понимать те представления о возможностях познания и сопряженной с ними онтологии, которые ниспровергаются постмодернизмом. Как то, так и другое отражено в сравнительной таблице «модерн-постмодерн» (напр. в таблице Ихаба Хассана). [1, с.4].

В историко-философской рефлексии утвердилось отношение к возникновению западноевропейской рациональности как к оптимальному исходу тех процессов, которые происходили в интеллектуальной жизни Древней Греции на этапе перехода от мифа к логосу. Мы предлагаем другой взгляд, при котором постмодернистское отрицание становится поводом для актуализации вопроса об основательности перехода от мифа к логосу.

И первый вопрос, который здесь возникает, на каких основаниях на этапе такого перехода разум простого смертного человека был поставлен выше мира

бессмертных богов, творимого коллективным мифологическим сознанием. Важно понимать, что основания нового статуса разума должны задаваться теми ценностями, на которые была ориентирована именно только зарождающаяся, а не ставшая, философия. Такой ценностью было искание новой реальности ввиду возможности преобразования земной действительности.

С самого начала таких поисков выделяемое из земной действительности возвышалось и очищалось, тем самым противопоставлялось ей и становилось все менее на нее похожим. Данная тенденция проявилась еще на этапе перехода от первобытного сознания к мифологическому, когда соотношение «живой – умерший» было заменено соотношением «смертный – бессмертный». Но уже эпическая поэзия Гомера демонстрирует осознание того, что между богами Олимпа и людьми нет абсолютной противоположности. Гомер приписал богам почти все пороки людей.

Под действием тенденции очищения и возвышения второе начало становилось уже не похоже ни на что из существующего в мире (Ксенофан). Но чем возвышеннее оно становилось, тем сложнее было представить его отношение к миру. Логос Гераклита здесь являет собой некоторый возможный предел равновесия. Но уже на следующем шаге (Парменид) в следовании тенденции возвысить и очистить неизменное начало возможность представить его отношение с миром теряется.

Парменидом было создано учение о Едином, которое он изложил в первой части своей поэмы «О природе». В самом начале своей поэмы Парменид обращается к богине Дикке и представляет содержание первой части, то есть знание о пути истины, полученным из уст самой богини. Есть ли это просто художественный прием, дань мифо-поэтической традиции или нечто большее? Это очень важный вопрос. Так, М.В. Грачев, придавая значение этому обстоятельству замечает, что «познание истины является, если доверять тексту поэмы Парменида, результатом божественного откровения, неких тайных знаний, сообщенных богиней» [2, с.48]. Если это действительно так, то это существенно меняет смысл учения Парменида о Едином. Хотя Парменид и основывает его на правилах непротиворечивого мышления, но преподносит здесь сами его принципы уже не как свойственные человеческому уму, то есть уму простого смертного человека, живущего в мире, а как дар богини.

По смыслу данного сюжета полученное Парменидом откровение должно было быть не похоже ни на что известное из обычного земного опыта, должно было быть чем-то подобным Павловому «око не видело и ухо не слышало...». В каком-то смысле оно таким и было. Однако в отличие от апостола Павла, Парменид, низводит полученное им знание до уровня понимания обычных (всех, а не только «наилучших») людей, которые без труда узнают во взаимосвязанных характеристиках бытия по истине простой ход непротиворечивого мышления человеческого разума. Но уже с трудом способны признать его чем-то большим, тем, чем, вероятно, надеялся его сделать Парменид.

И казалось, что оставалось сделать всего один шаг, чтобы искомое единство бытия по истине и бытия по природе было достигнуто. Вклад ученика Парменида Зенона, по сути, и должен был стать таким шагом. Целью Зенона

было исследование возможности соединения Единого (как вне мира существующей реальности, которая *может быть* выражена просто через принципы непротиворечивого мышления и даже отождествлена с ними) с чувственным миром. В результате такого единения чувственный мир множества вещей должен воспринять природу неделимого Единого и стать миром множества неделимых единиц. Такое множество должно было стать актуально бесконечным.

В случае актуальной бесконечности неограниченная (т. е. потенциально бесконечная) возможность возрастания (или уменьшения) приводит к такого рода *полноте*, к такому *новому качеству*, что дальнейшее *количественное* возрастание (или уменьшение) уже не отражается на сути этого процесса и как бы отходит на второй план. В этом смысле актуальная бесконечность – это не столько отсутствие конца, сколько отсутствие *недостатка*. Из рассуждений Зенона известно, какого рода изменение качества бесконечного процесса (в данном случае бесконечного процесса уменьшения в результате дихотомического деления) нужно ожидать для того чтобы из потенциально бесконечного он стал актуально бесконечным. По Зенону, это «превращение» делимого в неделимое. Таким образом, Зенон показал, что проблема единства двух реальностей представляет собой проблему актуальной бесконечности, то есть проблему изменения самого качества существующего по природе.

Но в действительности решаемая Зеноном проблема актуальной бесконечности оборачивается проблемой *неоправданного* присвоения логическим мышлением возможностей онтологического преобразования, свойственных мифологическому сознанию. Это означает, что в этом случае логическое мышление явно или неявно признает себя знающим актуально бесконечное.

Имеет ли такого рода неоправданное присвоение какие-нибудь последствия? Как будто имеет, если судить по итогу, к которому пришел Зенон. Он показал, что мышление человека, подменяющее собой высшее начало и узурпирующее его функции преобразования существующего по природе, действительно становится по отношению к существующего по природе чем-то *новым* и действительно приводит к изменению его качества, но только в данном случае новое качество возникает не благодаря актуальной бесконечности, а в результате распада в бесконечность потенциальную.

Таким образом, оправданность перехода от мифа к логосу упиралась в проблему актуальной бесконечности, которая, по сути, являлась проблемой новой реальности, преобразующей реальность старую, и в этом смысле оставалась в русле религиозно-мифологических исканий. В то же время актуальная бесконечность – это еще и категория разума и именно в этом последнем качестве она представлялась наиболее перспективной.

По некоторой иронии истории, когда христианство принесло с собой именно то представление о новой реальности, которое искали античные мыслители, соблазн подменить эту реальность возможностями человеческого разума (разумом-логосом, якобы знающим актуально бесконечное) уже существовал. И этот соблазн оказался настолько силен, что христианство не только не отвратило от него, но, наоборот, его утвердило. Это дало о себе знать к началу Ново-

го времени в сомнительных богословских спекуляциях основателей новоевропейской науки (Галилей, Декарт и др.).

И сегодня постмодернизм избобличает этот соблазн, напоминает, о том, что разум-логос никогда не знал актуально бесконечное и что проблема актуальной бесконечности, отсылает именно к проблеме высшей реальности. Так, Деррида заявляет: «Бесконечный божественный разум есть другое имя логоса как самоналичия... Лишь бесконечное существо может устранить различие в наличии. В этом смысле имя Божье, по крайней мере то, что упоминается в системах классического рационализма, есть имя неразличности как таковой» [3, с.200, 238].

Более того, постмодернисты показывают, следуя в этом Зенону, что актуально бесконечное, раз неоправданно допущенное до причастности к конечному, действительно вызывает изменение конечной природы, своего рода ее распад в потенциальную бесконечность. В этой связи Бодрийяр говорит о симулякрах как об истине, которая скрывает то, что ее уже нет; Деррида о цепочке следов, которые никуда не ведут; Дилёз и Гваттари о ризоме, у которой нет ни начала, ни конца.

Таким образом, постмодернистское ниспровержение западноевропейской классической рациональности имеет свою правду. Другой вопрос, какова сфера действия этой правды, является ли эта правда окончательной. Как было показано, область ее действия ограничивается началом становления западной философии, этапом перехода от мифа к логосу. Только общепринятый взгляд на проблему этого перехода, при котором все, что ему предшествовало, утрачивает значение, делает пределы правды постмодернизма абсолютными пределами, за которыми нет ничего. Предлагаемый нами пересмотр данной проблемы представляет в ней совершенно другие акценты и тем самым ограничивает пределы правды постмодернизма. Здесь отдается должное значению тому, что с самого начала греческая мысль искала подход к возможности новой реальности, – возможности, про которую нельзя сказать, что ее не существует, но которая просто не была найдена на тех путях, которыми пошла западно-европейская мысль. С другой стороны, не следует недооценивать того, что высшая реальность (актуальная бесконечность), неоправданно допущенная на этих путях, именно своим отсутствием *делает* действительным тот распад «старой» природы, о котором говорят и постмодернисты, и элзец Зенон. Так что даже для понимания самого постмодернизма приходится выходить за пределы ниспровергаемой им западноевропейской философии. Но при этом важно понимать, что за этими пределами и проблема высшей реальности перестает быть столь безнадежной и тем самым подрывает сам постмодернизм.

Литература

1. Париков О.В. Постмодернизм как мировоззренческая установка. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2012. 99 с.
2. Грачев М.В. Античная философия религии. От зарождения до Аристотеля. М.: URSS, 2018. 395 с.
3. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.

Научная рациональность и проблема человека**Черткова Е.Л.***кандидат философских наук**Институт философии РАН**(г. Москва, Россия)*

УДК 165

Современный натурализм и философский гуманизм рассматриваются как две тенденции в исследовании человека и два типа рациональности – позитивная и спекулятивная, антиметафизическая и философская, одна исходит из понимания человека как природного объекта, определяемого природным бытием и закономерностями, вторая – от человеческой субъективности, с присутствием её самосознанием и свободой самоопределения. Рассматриваются разные решения поставленного Кантом вопроса: что человек может и должен делать из себя сам как субъект свободного самоопределения, и что из него делает природа.

Ключевые слова: человек, сознание, натурализм, гуманизм, философия, субъективность, свобода, самосознание.

Scientific rationality and the problem of human**Chertkova E.L.***CSc in Philosophy**RAS Institute of Philosophy**(Moscow, Russia)*

Modern naturalism and philosophical humanism are considered as two trends in the study of man and two types of rationality - positive and speculative, anti-metaphysical and philosophical, one comes from the understanding of man as a natural object, determined by natural being and laws, the second - from human subjectivity, with its inherent self-consciousness and freedom of self-determination. Various solutions to the question posed by Kant are considered: what a person can and should make of himself as a subject of free self-determination, and what nature makes of him.

Keywords: man, consciousness, naturalism, humanism, philosophy, subjectivity, freedom, self-consciousness

Разгоревшийся в послекантовские времена спор относительно методов наук о природе и наук о культуре нарастал по мере распространения компетенций специально-научного знания на сферу человеческой субъективности. Современный натурализм (не путать с натурализованной эпистемологией) выражает притязания на решение проблемы природы человека как целостной личности, индивидуальности, Я, субъективности и свободы исключительно средствами науки, на основе новых знаний о его биологической природе и механизмов работы мозга. Наступление идет с четырех фронтов: науки о разуме, генах, мозге и эволюции. При этом происходит подмена сугубо философских проблем

специально-научными вопросами, в чем я вижу суть натурализма. Воспользуюсь определением натурализма Артура Мерфи, приведенным в статье Т. Рокмора: «"натурализм" стремится показать, что те же самые методы или другие сущностно родственные им, адекватны также для тех аспектов и измерений «человеческого духа», которые в прошлом на философских основаниях часто считали выходящими за пределы методов и целей науки» [1, с. 23]

Вопрос к натурализму – исчерпывается ли природа человека природным в человеке? Суть различия сформулировал И. Кант как отличие «физиологического» – «исследование того, «что делает из человека природа» и «прагматического — «исследование того, что он, как свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам [2, с. 351]». Таким образом, предметом науки является человек как объект природного мира, а для философии он субъект свободного самоопределения. Вопрос состоит не в адекватности или релевантности эволюционных или нейрофизиологических исследований для понимания человека, а в том, насколько на основе своего представления о человеке и своими методами они могут решить центральную для философии проблему человеческой субъективности и освободиться от метафизики и её «проклятых» вопросов.

Эти намерения наиболее ярко демонстрируют в своих книгах натуралистически ориентированные исследователи – философ Жан-Мари Шеффер [3] и учёный в области когнитивных наук, эволюционной психологии и вычислительной теории разума Стивен Пинкер [4]. Свою книгу Шеффер характеризует как «Натуралистическую программу», способную окончательно отвергнуть тезис о человеческой исключительности (далее Тезис), утверждающий, что в «сущности человека заложено особое, небывалое онтологическое измерение, в силу которого он превосходит прочие формы жизни и свою собственную «природность» [3, с. 9-10]. Главный объект критики – защитники Тезиса: Декарт, Кант, Гегель, Гуссерль – по причине их несовместимости с данными науки. Он признает за философией право высказываться лишь о том, что известно науке, и согласовано с существующими научными знаниями. Все проблемы, не охваченные таким знанием, не подлежат обоснованному решению. Основным пороком философских учений о человеке он, как С. Пинкер и другие натуралистически мыслящие философы, считает «познавательную иммунизацию, сегрегационистские представления», т.е. невнимание к новейшим достижениям науки, которые, как они полагают, окончательно развенчали наличие у человека особых признаков и свойств, прежде всего Рзума, Свободы и Субъективности, на которых базируется Тезис. Так же обосновывает свою концепцию человека как природного существа и Пинкер: «Если я и выступаю в защиту чего-либо, так это в защиту открытий в области человеческой природы, которые игнорируются и замалчиваются в современных дискуссиях о человеке» [4, с. 9].

На место Тезиса Шеффер выдвигает свой научный постулат, обеспечивающий целостный (не дуалистический) подход к фактам человеческой жизни: «Действительно, из эволюционной биологии вытекает натурализация человеческой идентичности ...термин «натурализация» означает просто то, что идентичность человека мыслится как одна из форм биологической жизни — не

больше и не меньше» [3, с. 51]. Этим выводом определяется отношение к человеку, программа и методы его изучения: «наше самоисследование выливается в исследование «человеческого животного», каковым мы и являемся» [3, с. 116-117]. Другие сторонники натурализма, с функционалистским, информационным подходом в трактовке сознания человека, отказываются и от биологической идентичности, считая возможным не привязываться к определенному материальному носителю.

Общим у всех является отказ «на научных основаниях» рассматривать человека в качестве субъекта сознания и свободы, с его субъективным миром, не поддающимися «экстерналистскому» объяснению. Но избежать возникающих проблем субъективности, даже методом «обратной перспективы» (Шеффер) или генетическим путем, все же не удастся. Факты «небиологической» мотивации в человеческом поведении слишком очевидны. И тогда, как принято у позитивистов, он просто снимает этот вопрос как не имеющий смысла: «понятие сознательного состояния либо можно редуцировать, то есть заменить комплексом нейрологических описаний, либо оно является семантически пустым и должно быть устранено» [3, с. 301]. При этом оправдывается тем, что эти вопросы для натуралистической концепции не являются основополагающими, и до новых открытий «нам остаются одни лишь философские теории» [3, с. 292]. Однако подход к проблеме остается неизменным: «любая теория фактов сознания, исходящая из чего-то иного, чем надежное познание его нейрологических основ, обречена на неудачу» [3, с. 117]

Свой путь борьбы с философскими концепциями субъективности Пинкер описывает как серию «великих оскорблений :самолюбия человеческого»: Земля – не центр мира, человек произошел от животных, рассудок не всегда контролирует наши действия и теперь добавилось 4-е – главный, смертельный удар – от нейронауки. Теперь такие «строчки в резюме души» как Любовь, воля и совесть – это «эволюционные приспособления, встроенные в нейронные сети мозга». И «тогда "дух" окажется практически не у дел и его можно, наконец, с благодарностью проводить на пенсию» [4, с. 80]. Т.о., то, что мы зовем душой – локус сознания, мышления и воли – состоит из процессов обработки информации в мозге, органе, подчиняющемся законам биологии. Однако и у Пинкера возникло то же препятствие, и он вынужден был признать, что объяснить через материальную деятельность мозга субъективные чувства и мысли, сознание и волю пока не удалось. «У нас есть все основания считать, что сознание и мышление порождаются электрохимической активностью нейронных связей в мозге. Но как движущиеся молекулы могут дать начало субъективным ощущениям (в противоположность просто разумному расчету) и как эти ощущения диктуют нам выборы, которые мы делаем свободно (в противоположность поведению, обусловленному какой-то причиной), остается непостижимой загадкой для нашей психики, рожденной в плейстоцене» [4, с. 298]. Итог более пессимистичный, чем у Шеффера: «мыслителям, как кажется, не остается ничего другого, как либо отрицать их существование, либо скатываться в мистицизм» [3, с. 299]. В конце концов Пинкер подошел и к трансцендентному, хотя сам себе боялся в этом признаться: «свобода воли и субъективный опыт чужды нашей кон-

цепции причинности и кажутся Божественной искрой в нас. Мораль и смысл ощущаются как принадлежащие к реальности, существующей независимо от наших суждений» [4, с. 523].

В разное время предлагались самые разные способы утвердить натуралистический подход в философии человека, его культуры и истории – физикализм, биологизм, психологизм и т.п. Особенность современного натурализма проявляется в том, что прежде стремились к эпистемологическому и методологическому сближению философии и науки, теперь же речь идет о сущностном, субстанциональном отождествлении природы и культуры, человека и животного, сознания и мозга, мозга и компьютера, знания и информации и т.д.

Это новый шаг в истории натурализма как антифилософского, антиметафизического и антигуманистического направления в понимании человека.

Противостояние научной рациональности гуманизму состоит не в отказе от научной рациональности, а в рациональном объяснении целостного бытия человека. Философия – иная форма знания, не менее рациональная, чем наука. Наука действительно достигла больших результатов в изучении генетических связей человека со всем живым миром, как и информационных закономерностей работы человеческого мозга. Но является ли это достаточным основанием для отказа от признания особой, отличной от животных и машин идентичности человека как представителя *homo sapiens*? Насколько натуралистическая трактовка может служить основой самосознания и самопонимания субъекта? Какие способы коммуникации с другими, или какие жизненно важные решения можно делать на таких основаниях? По существу научный натурализм служит теоретической основой технократического мышления, соответствует «духу времени», чем во многом объясняется его популярность. Натуралистический дискурс коренится в общей атмосфере переходного этапа в истории цивилизаций, и выражает присущее ему отношение к человеку как объекту среди других объектов, лишенному самоценности и самосознания, свободы и ответственности. В.А. Лекторский называет такую позицию «антропологической катастрофой», «когда то, что считалось неотъемлемыми качествами человека, исчезает. Например, ценности свободы, нравственности, достоинства и т.д. [5, с. 23]. Человек развивается и воспроизводит себя не только как биологический вид, но и как особый идеальный мир норм, ценностей, смыслов. Философия, искусство, литература сделали для изучения субъективного опыта человека значительно больше, чем на сегодня способны дать самые продвинутые научные теории. Как показывает история науки, нет пределов человеческому познанию, но может быть они лежат в сфере нравственности? И тогда главным будет вопрос не что еще может наука, а зачем? или ради чего? К выводу о необходимости интеграции истины и нравственности, рациональности и этики пришел и В.С. Степин, поскольку в постнеклассической науке, имеющей дело со сложными многомерными системами, «возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целе-рационального и ценностно-рационального действия» [6, web].

Натурализм пытается соединить содержательное понятие свободы с рациональной предпосылкой детерминированности хода событий в мире, проис-

ходящего по нерушимым законам. Философский гуманизм предлагает свой путь решения, исходящий из субъекта, субъективности и нравственности, без чего необъяснима ситуация выбора между несоизмеримыми альтернативами: между волеием, соответствующим норме, и волеием, отклоняющимся от нее, что и образует пространство для действительной свободы, поскольку не существует никакой внешней причинной дедукции, принуждающей волю к образованию установки в том или ином направлении. Эти вопросы всегда были в центре внимания русской философии, и потому завершить хочу цитатой из М. Гершензона, показывающего, что противоречие между научной и философской рациональности не является непреодолимым: «Человеческое сознание искони раздвоено и само в себе единоборствует, недоумеая, чем должно регулироваться человеческое поведение: законом природы, который определяет то, что действительно есть, или нормою, которая указывает, что должно быть, хотя этого долженствующего быть в наличности нет. Между этими двумя началами нет принципиального противоречия. В сознании своего выразителя норма также есть закон природы. ... и он противопоставляет эту норму так называемым законам природы не принципиально, а только как знание, основанное на более чутком, более глубоком постижении действительности, — знанию грубому, чисто эмпирическому. Таким образом, в итоге разногласие сводится к вопросу об орудиях познания» [7, web].

Литература

1. Рокмор Т. Натурализм как антикантианство // Эпистемология & философия науки. 2009. Т. XXII. № 4. С. 14-29.
2. Кант И. Кант. Антропологии с прагматической точки зрения // Иммануил Кант. Сочинения в шести томах. Т. 6. М., Мысль, 1966. С. 350-588.
3. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М.: Новое Литературное Обозрение, 2010. 392 с.
4. Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 608 с.
5. Лекторский В.А. Знание в современной культуре (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 3-45.
6. Степин В.С. Коренной перелом цивилизации // Экология и жизнь. 2012. № 5. С. 10-14. URL: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=845>
7. Гершензон М.О. Тройственный образ совершенства // Гершензон Михаил. Избранное. Т. 4. Тройственный образ совершенства. Москва — Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. 640 с. URL: <https://libking.ru/books/nonf/-nonf-biography/578152-mihail-gershenson-izbrannoe-molodaya-rossiya.html>

От постнеклассического рационализма к рационализму движения Войцехович В.Э.

Д.ф.н., профессор
Тверской государственный университет
(г. Тверь, Россия)

УДК 008.14.16

Современная индустриально-технологическая цивилизация, а вслед за нею наука и математика вошли в кризисный период эволюции, который завершится только при вхождении цивилизации в новый более духовный этап развития. Устаревшее мышление «неподвижными» понятиями (в духе закона тождества в логике) сменится мышлением движущимися понятиями-образами. Будущее математики (как ядра рационализма) в развитии креативности учёных, выдвижении новых теорем-догадок, а не строгости доказательств. Большая часть доказательств будет передана ИИ. Наука сблизится с искусством. Появится новый критерий научности: «истина-красота».

Ключевые слова: математика, синергетика, сложность, движение, логика, рационализм

From post-non-classical rationalism to the rationalism of the movement

Voitsekhovich V.E.
DSc in Philosophy, Professor
Tver State University
(Tver, Russia)

The modern industrial and technological civilization, followed by science and mathematics, entered a crisis period of evolution, which will end only when civilization enters a new more spiritual stage of development. Outdated thinking with "fixed" concepts (in the spirit of the law of identity in logic) will be replaced by thinking with moving concepts-images. The future of mathematics (as the core of rationalism) lies in the development of scientists' creativity, the promotion of new theorems-guesses, and not the rigor of proofs. Most of the evidence will be passed on to the AI. Science will get closer to art. A new scientific criterion will appear: "truth-beauty."

Keywords: mathematics, synergetic, complexity, movement, logic, rationalism

Античная цивилизация развивалась вместе с античным рационализмом. Породив философию как мировоззрение, науку как натурфилософию, соответствующую математику и рационализм, античная цивилизация сменилась средневековой с соответствующей философией и наукой, а новое время (индустриально-технологическая цивилизация) создало также соответствующие варианты религии, философии, науки, математики, рационализма. Данную связь можно выразить метафорой: **Ц ↔ Р (соответствие цивилизации и рационализма)**.

Современный кризис цивилизации приводит к кризису науки, математики, рационализма. Основной причиной кризисов является переход от старой цивилизации к новой, более духовной, т.е. смена ценностей. Выход из кризисов

цивилизации, науки, математики, рационализма состоит в открытии нового варианта рационального мышления, развитии математики и науки в целом на его базе, построении системы ценностей будущего социума. При этом происходит расширение пространства состояний культуры, в том числе освоение многомерных движения, пространства-времени.

Кризис науки выражается в таких процессах как

1) идущая по инерции **дифференциация знания**: общее количество научных направлений насчитывает уже десятки тысяч, поэтому в 21 в. никто не знает науки в целом, Тысячи учёных в десятках стран проводят параллельно друг другу исследования в одной и той же области, часто делают одни и те же открытия (но не заявляют об этом);

2) растущая **хаотичность** научного знания: различные результаты разбросаны по разным направлениям, целое потеряно. А история и философия науки показывают, что открытия таятся в меж- и трансдисциплинарности, т.к. в якобы далёких друг от друга направлениях используются одни и те же законы и математические структуры, так что сущность разных наук одна и та же. Эмпирически разное, а формально-теоретически одно;

3) растущая **бездуховность** общества. Это выражается в том, что а) энергия общества всё больше расходуется на внешнее, а не внутреннее познание, в частности, наука толкает человека и общество к всеобщей технизации, а техника упрощает человека, ослабляет его высшие свойства – свободу, творчество, чувство красоты и гармонии, любовь, сострадание ..., б) польза от работы учёных, разработки новых технологий принадлежит в основном (на 2/3) олигархам, ставшим «невидимым» правительством, а не государству и всем гражданам страны.

Математика - ядро рационального мышления. Она стала языком науки, а теперь и языком культуры, поскольку на её основе происходит процесс информатизации и технизации, охвативший всё общество (политику, науку, производство материальных ценностей, быт и даже искусство, религиозную жизнь). Тем не менее математика всё глубже погружается в кризисное состояние.

Проявления кризиса математики:

- проблема доказательства. Они стали сверхдлинными, до тысячи страниц труднейшего текста, понять который способны немногие;

- отставание от потребностей познания. В ряде важнейших областей физики, биологии, экономической науки сформулированы уравнения, раскрывающие сущность главного объекта области, но нет аналитического решения уравнения. Остаются лишь приблизительные численные методы для отдельных случаев;

- проблема оснований. В начале 20-го в. предложены 3 главных варианта обоснования математического знания, однако ни один не принят научным сообществом. Для большинства математиков таковым явно или неявно остаётся платонизм – учение скорее философское, но не научная теория;

- математика становится научной «религией»? Из-за сложных и длинных доказательств она стала наукой «для своих», для очень узкого круга «посвя-

щённых». Судьёй при решении споров о приоритете признаётся один из выдающихся современников, который выступает в роли «святого», мнение которого не подлежит сомнению;

- едина ли математика? С одной стороны, выдающиеся учёные высказываются о единстве всего огромного массива разнообразных математических знаний, а с другой стороны, критерии доказательности различаются в разных областях (например, в геометрии и теории чисел) и что ещё хуже критерии различаются в разных странах. Достаточно сравнить Запад и Китай;

- интуиция или логика, ясность или непротиворечивость? За последние 4 столетия в математике непрерывно усиливались требования к строгости доказательств. В результате её стали называть «наукой о доказательствах». Обычная работа математика при решении задачи состоит из 2 частей: 1) начало - интуитивное прозрение, догадка, формулировка теоремы, 2) конец - доказательство, или уточнение, или опровержение. Поэтому **математика – наука о догадках и доказательствах**. В её основе лежат интуиция и логика. Чрезмерная логичность завела эту науку в тупик сложности. Доказательства «раздулись» до ТЫСЯЧИ страниц труднейшего текста. Сверх-длинные рассуждения не способны избежать **роста энтропии**, т.е. «шума», подмены смысла термина. Даже передача в будущем доказательства теоремы от человека к ИИ не избавит от опасности роста энтропии;

- проблема специфики математики. Обычно в качестве специфики выделяют непротиворечивость, или логичность. Но это общее требование к рациональному рассуждению, обязательное во всех науках. Суммируя мнение выдающихся математиков 20 в., можно в качестве специфики математики выделить комплекс «формальность-бесконечность-всеобщность»;

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод: **математика как бы остановилась перед стеной сложности**. Отсюда пессимистический взгляд на будущее математики у ряда современных учёных.

По какой причине возникла стена? Это **исчерпанность старых методов мышления**, которые уже не соответствуют современным вызовам. Рационализм Р. Декарта, Г. Лейбница, И. Ньютона основан на оперировании **неизменными** понятиями по неизменным законам логики. Главный из них – закон тождества.

Но ни в природе, ни в мышлении нет абсолютного покоя. Его придумали люди, пользуются им во внутреннем духовно-интеллектуальном мире («Неподвижное Единое» в философии Парменида, «Вечный, неизменный Творец» в мировых религиях, якобы постоянные законы природы и т.п.). Люди необоснованно распространили этот образ и на внешний мир, и на науку. Правильно ли это? НЕТ.

Ещё в 6 в. до РХ в Древней Греции были выдвинуты 2 противоположных учения - Парменида и Гераклита. Парменид: «Всё есть в сущности Единое, одно и то же. Единое неподвижно и шарообразно» [1]. Гераклит: «Всё есть в сущности движение» [2]. Отсюда диалектика – учение о всеобщем движении и развитии, которое в наиболее совершенной и богатой форме представил Г. Гегель в 19 в.

В науке закрепились парадигма Парменида: «Ищи неподвижное». В философии (наряду с другими учениями) – диалектика: «Ищи движение». Спор мыслителей остался неразрешённым.

За тысячи лет закон тождества сыграл огромную роль в развитии науки и цивилизации. Но в 20-м столетии парадигма Парменида исчерпала себя. Возникла теория самоорганизации и на её основе постнеклассический рационализм (В.С. Стёпин). И. Пригожин интегрировал современную ситуацию метафорой: «Наука движется от Парменида к Гераклиту» [3].

Если принять эту мысль как обозначение генеральной линии развития не только естественных наук, но и математики, логики, рационального мышления и даже цивилизации, то для разрешения фундаментальных противоречий в познании и обществе необходимо, развивая постнеклассический рационализм, перейти к **парадигме движения** – обобщить закон тождества в логике, математике, науке в целом, в мышлении, во всех областях человеческой деятельности. Нами предложен один из вариантов обобщения закона тождества [4].

ВЫВОДЫ.

Эпистемологические:

1. Современная цивилизация, а с нею рационализм, наука и математика проходят период кризиса, кризиса сложности. Он порождён исчерпанностью старых методов, которые не способны решать новые проблемы.

2. Кризис сложности в математике может быть разрешён в ходе дальнейшей эволюции математики в следующих направлениях: а) признании математики как науки о творчестве и доказательстве, причём признании интуитивного прозрения более важным, чем логическое обоснование, доказательство, б) переносе фокуса деятельности учёных с доказательств на интуитивное творчество – фантазии, выдвижение принципиально новых понятий, образов, методов; будущей учёный – прежде всего интуитивист, выдвигающий новые теоремы-догадки; в) автоматизации процесса доказательства, передаче ИИ логической функции обоснования (опровержения, уточнения) теорем, сформулированных человеком.

3. Кризис сложности в математике является частным выражением кризиса науки в целом и рационализма вообще. Рационализма как оперирования неподвижными понятиями и образами – в соответствии с законом тождества в логике Аристотеля и многих последующих вариаций классической логики [4].

4. Принципиальное преодоление современного кризиса сложности возможно лишь при переходе мышления учёных к мышлению движущимися понятиями, в частности, к обобщённому закону тождества.

Социально-культурные:

1. Для преодоления кризиса сложности в коммуникативном отношении, для уменьшения информационной энтропии в массиве научных (в том числе математических) публикаций необходимы следующие меры: а) выделение **20 – 30 крупных проблем** (подобно проблемам Гильберта), которые необходимо решить, чтобы обеспечить существенный прогресс в математике, б) обращение ко всем математикам с призывом к объединению всех групп исследователей в **единое мировое сообщество** (независимо от языка, национальности, политиче-

ских и личных предпочтений), в) публикация единого для всех **мирового дайджеста** новостей и открытий с акцентированием на результаты по критериям фундаментальности и новизны.

2. Для реализации указанных мер необходима перестройка системы образования на математических факультетах в направлениях: а) **фундаментализации** образования с целью освоения студентами наиболее интегративных концепций математики (теории множеств, теории категорий и т.п.) и подготовки аспирантов к решению наиболее трудных проблем математики в целом, б) **прагматизации** образования с целью приближения образования к практическим проблемам общества (численных методов, информатизации, развитию ИИ и т.п.).

3. Развитие математики как ядра рационализма нового типа, который соединяет научное и художественное мышление в единую концепцию «Истины-Красоты». В ней рационально-логическое мышление и эмоционально-художественное переживание через интуитивное прозрение, фантазию воображение соединяются в единый процесс творчества. Попытки приблизиться к этому многократно предпринимали (или высказывались об этом) различные учёные, художники, архитекторы, музыканты, поэты. Таковы были Леонардо Да Винчи, В. Хлебников, А.Л. Чижевский, П. Дирак. Среди современных – А.Т. Фоменко [5], Кусама [6].

Литература

1. Рохмистров В.Г. Парменид «О природе»: Философское прочтение. СПб: РХГА, 2021. 205 с.
2. Фрагменты Гераклита // Материалисты Древней Греции. М.: Изд. Политической литературы. 1955. С. 39–52.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
4. Войцехович В.Э., Малинецкий Г.Г. Логика. Математика. Рационализм: от Парменида к Гераклиту. М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2022. 44 с.
5. Фоменко А.Т. Математика, миф, «Мастер и Маргарита» в 199 картинах: Смыкая вершины рационального мышления с глубинами архаического и бессознательного. М.: ЛЕНАНД, 2023. 424 с.
6. Кусама Яеи. Бесконечные миры // <https://www.ivy.ru/watch/224500>

**Обыденное познание, постнеклассическая рациональность
и цифровой интеллект**

Дождикова Р.Н.

Кандидат философских наук, доцент
Белорусский национальный технический университет
(г. Минск, Беларусь)

УДК 165

Гносеологическая парадигма В.С. Степина является плодотворной методологической основой исследования обыденного познания и его трансформаций в современном обществе. Постнеклассическая рациональность связана с освоением сложных саморазвивающихся систем, к которым относятся такие человекообразные системы, как “человек – компьютер”, “социальные сети – интернет”, существующие и на уровне обыденного познания. Активное вовлечение субъекта обыденного познания в виртуальную реальность ведет не только к клиповому мышлению, но и вызывает нарушение функций памяти, внимания, понимания и объяснения, что позволяет говорить о когнитивной уязвимости субъекта обыденного познания в цифровую эпоху. Цифровизация приводит к возникновению цифрового поколения и формированию цифрового интеллекта. Реализация принципов постнеклассической рациональности в образовании, философии и науке позволит преодолеть негативные последствия всеобщей цифровизации.

Ключевые слова: обыденное познание, трансформации, постнеклассическая рациональность, образование, цифровой интеллект, когнитивная уязвимость.

Everyday Cognition, Post-non-classical Rationality and Digital Intelligence

Dozhdikova R.N.

CSc in Philosophy, Associate Professor
Belarusian National Technical University
(Minsk, Republic of Belarus)

The epistemological paradigm of V.S. Stepin is a fruitful methodological basis for the study of everyday cognition and its transformations in modern society. Post-non-classical rationality is associated with the development of complex self-developing systems which include such human-sized systems as “man – computer”, “social networks – the Internet” existing at the level of everyday cognition. The active involvement of the subject of everyday cognition in virtual reality leads not only to clip thinking, but also causes a violation of the functions of memory, attention, understanding and interpretation which enables us to talk about the cognitive vulnerability of the subject of everyday cognition in the digital age. Digitalization leads to the emergence of a digital generation and the formation of digital intelligence. The implementation of the principles of post-non-classical rationality in education, phi-

losophy and science will help overcome the negative consequences of universal digitalization.

Keywords: everyday cognition, transformations, post-non-classical rationality, education, digital intelligence, cognitive vulnerability.

В.С. Степин открыл так называемый эффект Мидаса, согласно которому все, чего касается наука, становится объектом ее исследования. Но этот эффект может быть отнесен и к научной теории самого В.С. Степина: к чему бы она не прикоснулась (наука, философия, культура, обыденное познание), все начинает структурироваться в соответствии с ее основными идеями и теоретическими схемами [1, с. 8]. По утверждению В.А. Лекторского, идеи В.С. Степина «сильнейшим образом повлияли на то, что делается сегодня. Ибо речь идет не просто об отдельных мыслях, но о своеобразных исследовательских программах, которые задают проблемное поле и определяют способы познавательной деятельности. <...> Таким образом, труды Вячеслава Семеновича – это своего рода «Энциклопедия философских наук» [2, с. 12–14], они включают в себя эпистемологию, философию науки, социальную философию, антропологию и философию культуры. В соответствии с данной позицией мы рассматриваем гносеологическую парадигму В.С. Степина как продуктивную исследовательскую программу, которая позволяет понять структуру обыденного познания [3, с. 263–270] и систематизировать его функции [4, с. 18–26].

Исторически обыденное познание предшествует научному познанию. «Зародышевые формы научного познания возникли в недрах и на основе <...> обыденного познания, а затем отпочковались от него» [5, с. 45]. Однако в дальнейшем наука, научная рациональность и созданные на их основе технологии оказывают обратное воздействие на обыденное познание, что ведет к трансформации его субъекта, объекта, средств и способов обыденной познавательной деятельности [1, с. 7–14]. В современном цифровом обществе происходит своеобразное расширение и переформатирование объекта обыденного познания за счет виртуальной реальности и возможностей интернета, оцифровки информации, книг, документов и т.д. «По образу и подобию машины» меняется и упрощается субъект обыденного познания, интеллектуальный багаж, кругозор, языковое поле которого сужается, вследствие постепенной утраты интереса к книжной культуре и формирования клипового мышления [6, с. 32]. Трансформации субъекта обыденного познания связаны с появлением так называемого цифрового человека (Homo Digital), программы поведения и общения которого задаются социальными сетями, смарт-реальностью, интернетом. Можно сказать, что трансформации обусловлены «сращиванием», своеобразной интеграцией современного субъекта обыденного познания с умными гаджетами, техническими нейросетями. Когда подобная интеграция нарушается, вследствие утраты умных гаджетов, возникает так называемый «синдром ампутации», о котором заявляют современные психологи и врачи. Субъект обыденного познания испытывает «синдром отмены», который можно даже сравнить с ломкой наркомана. «Возникает феномен «виртуального Я», и некоторые люди начинают предпочитать обычной жизни жизнь в киберпространстве», что приводит к

феномену «размытой идентичности» или «полиидентичности». «В этой связи диахроническое и синхроническое единство сознания оказывается под угрозой» [7, с. 21]. Происходит «технологическое расширение сознания» [8, с. 84] субъекта обыденного познания, изменяется его способ мышления.

Всеобщая цифровизация приводит к тому, что человеку даже думать не надо, умные гаджеты сами делают выбор за него, что ему смотреть, чем заняться в сети. Умные гаджеты анализируют предпочтения человека, а сам он перестает анализировать ситуацию. Просто идет по предложенной сноске. Но так ли это хорошо, что «человеку даже и думать не надо»? То, что не работает, деградирует. Это касается и мышц человека, и его интеллектуальных сил [1, с. 11]. Расширяются, дополняются и трансформируются средства обыденного познания. Так, в качестве средства обыденного познания может выступать смартфон, компьютер, ноутбук, планшет, электронная книга, активно используются возможности искусственного интеллекта. В то же время возможности собственного интеллекта и даже собственных органов чувств используются недостаточно. Более того, человек перестает доверять себе, своей голове и чувствам, как бы «не верит собственным глазам». На деле происходит своего рода техническое ослепление [1, с. 10]. Решая какую-либо жизненную задачу, субъект обыденного познания обращается не к собственной голове, а к интернету, без собственного критического осмысления. Зачастую он так и остается на уровне детского мышления и мировоззрения [9, с. 107].

Современному этапу развития науки соответствует постнеклассическая рациональность, связанная с освоением сложных саморазвивающихся систем, обладающих синергетическими характеристиками. К ним относятся такие человекообразные системы, как «человек – компьютер», «социальные сети – интернет», существующие и на уровне обыденного познания. Освоение таких систем предполагает оценку сценариев развития системы, определение зон риска, которые могут иметь негативные социальные и гуманитарные последствия. Под влиянием интернета и постоянного погружения в виртуальную реальность у субъекта обыденного познания формируется клиповое мышление, возникают нейрокогнитивные проблемы: нарушаются функции памяти, внимания, понимания и объяснения, что позволяет говорить о *когнитивной уязвимости субъекта обыденного познания* в цифровую эпоху [1, с. 12–13].

Цифровизация приводит не только к возникновению цифрового поколения (The Net Generation), но и формированию цифрового интеллекта (Digital Intelligence). Пак Юхён (Dr. Yuhyun Park) определила цифровой интеллект как совокупность когнитивных, социальных и эмоциональных навыков, позволяющих противостоять вызовам и адаптироваться к требованиям цифрового мира. Для цифрового интеллекта характерны такие гибкие навыки (soft skills), как критичность, креативность, кооперативность, коммуникативность (4К навыки), а также цифровая грамотность и следование этическим стандартам цифровой среды.

Постнеклассическая рациональность имеет более широкую область социокультурных приложений, чем предшествующие ей типы [10, с. 19], ее можно оценить как особую «точку роста» новых ценностей и мировоззренческих ори-

ентаций, которая открывает новые перспективы для диалога культур. Данная методологическая установка позволяет рассмотреть проекцию современного постнеклассического типа научной рациональности на науку, философию и образование [11, с. 55–62]. Процесс социокультурного программирования и формирования субъекта обыденного и научного познания происходит, прежде всего, в сфере образования. Поэтому очень важно, чтобы образование, прежде всего школьное, строилось с учетом принципов современной постнеклассической рациональности, предполагающей взаимодействие образования, технологий, науки и этики, синтез фундаментальных внутринаучных и общегуманистических принципов и ценностей. Постнеклассический тип научной рациональности предполагает проведение социально-этических экспертиз научных программ и технологических проектов, в которых «принимают участие ученые-специалисты соответствующей области естествознания и техники и ученые-представители социально-гуманитарных дисциплин. Этот кластер экспертного сообщества дополняется политиками, бизнесменами, общественными и религиозными деятелями» [12, с. 25]. Постнеклассическая рациональность выстраивает особую систему сознания, включающую аспекты и фрагменты классической и неклассической рациональности, базирующуюся на системном видении мира. *Фрагменты и аспекты предшествующих форм рациональности* присутствуют в цифровом интеллекте, который вырастает из «калькулирующего мышления» (М. Хайдеггер). В постнеклассической рациональности возникают «особые специфические смыслы в трактовке объяснения и описания, обоснования, строения и построения знания» [13, с. 19], обусловленные новыми смыслами мировоззренческих универсалий, исторической трансформацией идеалов и норм обыденного и научного познания [14, с. 36–38]. Новые смыслы и новые риски должны быть учтены и при интерпретации научных теорий, модернизации образовательного процесса. Для развития логического (абстрактного) мышления, способности к анализу, синтезу, обобщениям и прогнозу целесообразно изучать логику не только на юридических факультетах. Реализация принципов постнеклассической рациональности в образовании, философии и науке позволит преодолеть негативные последствия всеобщей цифровизации.

Литература

1. Дождикова Р.Н. Трансформации обыденного познания в современном обществе // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2023. Т. 68. № 1. С. 7–14.
2. Козволюция науки и культуры в трудах Вячеслава Семеновича Степина. Материалы «круглого стола» / В.И. Аршинов, В.А. Лекторский [и др.] // Философия науки и техники. 2019. Т. 24. №1. С. 7–45.
3. Дождикова Р.Н. Современная структура обыденного познания // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2021. Т.66. №3. С. 263–270.
4. Дождикова Р.Н. Когнитивный анализ функций обыденного познания // Журнал Бел. гос. ун-та. Социология. 2022. №2. С. 18–26.
5. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.

6. Дождикова, Р.Н. Обыденное познание и некоторые проблемы когнитивной социализации // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 30–40.

7. Лекторский В.А. Философия как понимание и трансформирование // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 17–24.

8. Маклюэн М.Г. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2018. 464 с.

9. Дождикова Р.Н. К вопросу об истине в научном и обыденном познании // Вопросы философии. 2022. № 7. С. 98–108.

10. Степин, В.С. О рациональности в современной культуре // Вестн. Рос. филос. о-ва. 2013. № 3 (67). С. 17–19.

11. Дождикова Р.Н. Эволюция обыденного познания и некоторые проблемы постнеклассического образования // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 55–62.

12. Степин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М.: ИФРАН, 2018. 27 с.

13. Степин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 18–25.

14. Дождикова Р.Н. К вопросу об аксиологических основаниях обыденного познания // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 33–41.

Поиск рациональной реконструкции процесса познания

Ершова О.В.

Кандидат философских наук, доцент

*Ульяновский государственный педагогический университет
(г.Ульяновск, Россия)*

УДК 165.0

Особой темой, получившей широкое признание и привлекаящей возрастающий круг исследователей, было рассмотрение социокультурных предпосылок и детерминаций идеалов и норм науки. Инициатором программы исследований в этом направлении был В.С. Степин, которым разрабатывалась деятельностная и культурно-историческая парадигма философии науки. В книге «Идеалы и нормы научного исследования» была реализована программа, согласно которой познание регулируется определенными идеалами и нормативами, в которых выражены цели и установки научной деятельности. Социокультурный подход был направлен на исследование степени воздействия социокультурного окружения на научное познание (объяснение производства, функционирования и развития научного знания с учетом познавательных, социальных, психологических, культурных характеристик). Исследователи задавались вопросом о том, какова должна быть теоретическая модель, адекватно отображающая закономерности познания, должна ли рациональная реконструкция процесса познания предполагать ценностные факторы и т. д.

Ключевые слова: рациональность, нормы, идеалы, методология, картина мира, философские принципы

Search for a rational reconstruction of the process of cognition

Ershova O.V.

CSc in Philosophy, Associate Professor

Ulyanovsk State Pedagogical University

(Ulyanovsk, Russia)

A special topic that was widely recognized and attracted a growing circle of researchers was the consideration of socio-cultural prerequisites and determinations of ideals and norms of science. The initiator of the research program in this direction was V.S. Stepin, who developed the activity and cultural-historical paradigm of the philosophy of science. In the book "Ideals and Norms of Scientific Research", a program was implemented according to which cognition is regulated by certain ideals and norms, which express the goals and attitudes of scientific activity. The socio-cultural approach was aimed at investigating the degree of impact of the socio-cultural environment on scientific cognition (explanation of the production, functioning and development of scientific knowledge, taking into account cognitive, social, psychological, cultural characteristics). The researchers wondered what a theoretical model should be that adequately reflects the laws of cognition, whether a rational reconstruction of the process of cognition should assume value factors, etc.

Keywords: rationality, norms, ideals, methodology, worldview, philosophical principles

Во второй половине XX века отечественные эпистемологии сделали акцент в своих исследованиях на теоретическом воспроизведении процесса развития знания в его целостности, в его социокультурном контексте.

Осуществление самостоятельных концептуальных построений потребовало разработки ряда вопросов методологического характера, о том, как воспроизводить процесс развития научного знания. Исследователи задавались вопросом о том, какова должна быть теоретическая модель, адекватно отображающая закономерности познания, должна ли рациональная реконструкция процесса познания предполагать ценностные факторы и т.д. Эти вопросы, вероятно, стали катализатором всплеска исследований не только о внутринаучных связях теорий и их взаимодействие с опытом, но и влияние на этот процесс социокультурных факторов (философских, мировоззренческих и иных). Источком постановки этой проблематики в отечественной философско-методологической литературе в 70-ые годы XX века исследователи полагают общую дискуссию 60-х годов XX века о соотношении познания и ценности. Эта дискуссия 60 – 70-х годов XX века обусловила интерес к внелогическим, социокультурным факторам развития познания и позже акцент был сделан на проблеме ценностного сознания, его специфики, взаимодействия с научным познанием [1, С. 101].

Развернувшееся обсуждение вопроса о соотношении ценностного и познавательного привело ученых к выводу о включенности ценностно-нормативных компонентов в познавательный процесс и в само знание. В последние отечественные методологи и философы от общих гносеологических исследований ценностного и познавательного пришли к конкретному выявлению форм, факторов, способов взаимодействия когнитивного и ценностного в научном познании. На основе этого в 70-е годы XX века сформировался новый подход к проблеме ценностно-когнитивное. Предметом изучения становятся социально-исторические цели и идеалы, представления, нормы, в соответствии с которыми субъект осуществляет отнесение к ценностям в познавательной деятельности. Основной акцент был сделан на роли ценностных факторов в деятельности ученого и в развитии научного познания в целом; на формах проявления и присутствия ценностных ориентаций в науке (философско-мировоззренческие, общенаучные методологические принципы; научная картина мира, стиль научного познания, здравый смысл); на ценностном отношении как форме проявления социокультурной обусловленности познания; на исторических типах ценностных ориентаций в науке (тип рациональности, идеалы, нормы и образцы науки) и их смена; на этических и эстетических регуляторах научного познания [1, С. 124]. Плодотворным в этих исследованиях оказался социокультурный подход, выясняющий то, как через методологические и философско-мировоззренческие предпосылки и основания науки ценностные ориентации включаются в научное знание.

В этом контексте поднята проблема ценностей, как внутренних механизмов развития познания, как инструментов влияния на функционирование научного сообщества. В.С. Степин была предложена классификация направлений исследования в этом русле. В. С. Степин пишет, что в 70-80-ые года XX века тема идеалов и норм научной деятельности рассматривалась в аспекте регулятивной роли методологических установок и принципов в процессе теоретического поиска и формирования новых научных теорий (П.С. Дышлевой, Э.М. Чудинов, Н.Ф. Овчинников, В.И. Купцов и другие). В это же время стала обсуждаться проблема выбора теории, функции методологических принципов в ситуациях выбора (Е. А. Мамчур) [2, С. 53]. Во второй половине 70-х начале 80-х появились отечественные исследования, посвященные анализу взаимодействия познавательных и институциональных идеалов и норм (Н.В. Мотрошилова, А.П. Огурцов, Б. Г. Юдин).

Особой темой, получившей широкое признание и привлекаяшей возрастающий круг исследователей, было рассмотрение социокультурных предпосылок и детерминаций идеалов и норм науки. Эту проблематику разрабатывали сложившиеся к этому времени методологические школы в Москве, Киеве, Минске, Ленинграде, Новосибирске, Ростове. Инициатором программы исследований в этом направлении был В.С. Степин, которым разрабатывалась деятельностная и культурно-историческая парадигма философии науки. В книге «Идеалы и нормы научного исследования» была реализована программа, согласно которой познание регулируется определенными идеалами и нормативами, в которых выражены цели и установки научной деятельности [3, С.67].

Особую разработку во всех этих исследованиях получил социокультурный подход, одним из объектов теоретического анализа которого стал нормативно-ценностный компонент научного познания. Социокультурный подход был направлен на исследование степени воздействия социокультурного окружения на научное познание (объяснение производства, функционирования и развития научного знания с учетом познавательных, социальных, психологических, культурных характеристик).

В.С. Степин, исследуя науку, научное познание как социально обусловленное явление, осуществляет анализ теоретико-методологических оснований, понятийно-категориальных средств, через которые в процесс научного познания включаются социальные измерения. В системе оснований науки В.С. Степин выделяет три главных компонента: научную картину мира, идеалы и нормы исследования, философские основания (система философских идей и принципов, обосновывающих принятые наукой картины исследуемой реальности, идеалы и нормы исследовательской деятельности) [4, С. 11]. Каждый из этих компонентов имеет свою внутреннюю структуру и взаимодействует с другими компонентами.

В.С. Степиным прослеживается двоякая детерминация научной картины мира, идеалов и норм науки. Они определяются, с одной стороны, особенностями исследуемых объектов, а с другой – спецификой мировоззренческих структур, лежащих в основании культуры соответствующей эпохи. Философское обоснование научной картины мира, идеалов и норм исследования позволяет включать эмпирические и теоретические знания в культуру эпохи.

Философские принципы выполняют функцию обоснования по отношению к идеалам и нормам науки. Философские идеи обеспечивают перестройку нормативных структур в условиях освоения наукой новых объектов, когда прежние научные картины мира и схемы метода не соответствуют специфике таких объектов. В.С. Степин пишет: «... наука должна каждый раз вписывать новые познавательные установки в культуру, обосновывать их в качестве «естественного» образа познавательной деятельности. Обоснование такого рода осуществляется средствами философского анализа» [4, С. 26]. Идеалы и нормы познания получают свою реализацию и конкретное воплощение в картине мира. Так, высказывания, описывающие картину мира и фиксирующие ее в качестве компонента знания, представляют собой принципы, опираясь на которые исследователь строит объяснение явлений.

Идеалы и нормы могут выступать в качестве спецификаций, отличающих научное знание от ненаучного; могут быть представлены как исторически изменчивые установки характеризующие стиль мышления; как специфичные для каждой предметной области науки установки.

В рассуждениях В. С. Степина прослеживается постановка проблемы имплицитного и эксплицитного (осмысление и методологическая экспликация) функционирования идеалов и норм. В ситуации нормального развития науки идеалы и нормы работают, как нечто само собой разумеющееся, имплицитно присутствуя в привычных образцах знания и деятельности. Идеалы и нормы науки откладываются в образцах знания (через которые они усваиваются ис-

следователем), например, теория в качестве образца знание демонстрирует идеалы объяснения, доказательности и строения знания.

В ситуации научной революции (кардинального изменения направления исследований в той или иной научной области), с точки зрения В. С. Степина, возможно обнаружение несоответствия принятых в науке идеалов и норм характеру новых объектов научного исследования, что способствует экспликации идеалов и норм в процессе их критического анализа. «Результатом такой рефлексии над нормативными структурами и идеалами науки выступают методологические принципы, в системе которых описываются идеалы и нормы исследования» [5, С.160]. С позиций В. С. Степина критический анализ традиционных идеалов и норм обеспечивает формулировку новых методологических регулятивов на ранних этапах научной революции, но они могут формулироваться в качестве принципов и на ее завершающей стадии, когда появляются новые теоретические образцы и возникает проблема их включения в культуру. Осознанное применение новых методологических регулятивов, их экспликация в форме принципов и их обоснование поддерживает новые образцы, демонстрирующие новые нормативы исследований.

Историческая изменчивость идеалов и норм науки, по словам В.С. Степина, предполагает наличие некоего инвариантного ядра (установка на получение предметного и объективного знания о мире; установка на рост знания) транслируемого из эпохи в эпоху.

Таким образом, В. С. Степин осуществил с социологических позиций историко-научный анализ идеалов и норм научного сообщества. В ходе исследований структуры и динамики научного знания он выяснил, как встроены в структуру науки ее идеалы и нормы, механизм их трансформации и трансляции, в чем состоит их историческая и социокультурная размерность. На основе изложенного можно предположить, что идеалы и нормы научного познания – это конструктивно-мыслительные продукты познавательной деятельности, то есть конвенции, которые отлагаются в образцах исследования и его результатах. В своей концепции В.С. Степин затрагивает момент обоснования, включения в культуру мышления эпохи нормативно-ценностных компонентов.

Литература

1. Микешина Л. А. Познавательный процесс и ценностное сознание // Диалектика познания: компоненты, аспекты, уровни. Ленинград: изд. Ленинград. Университета, 1983. С. 101-141
2. Степин В.С. Социокультурная размерность нормативных структур науки // Философские науки. 2007. № 7. С. 65–68.
3. Огурцов А.П. Социальная история науки: стратегии, направления, проблемы // Принципы историографии естествознания: XX в. СПб.: Алетей, 2001.
4. Степин В.С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска // Идеалы и нормы научного исследования / Ред. Кол. М. А. Ельяшевич. Мн.: Изд-во БГУ, 1981. С.10-64.
5. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Наука, 1999. 453 с.

Динамика культуры и цифровая трансформация современного общества: перспективы и социокультурные риски

Колядко И.Н.

Доцент, кандидат философских наук
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Республика Беларусь)

УДК 316.73+316.42

В статье рассматриваются ключевые аспекты современной научной картины социальной реальности, анализируются существенные характеристики системной организации и динамики общества в контексте трех основных измерений человеческой жизнедеятельности и соответствующих им отношений человека к миру: 1) отношении к природе и искусственно созданной человеком природной среде; 2) отношении к другим людям в процессе социальных коммуникаций; 3) отношении к духовному миру, квинтэссенцией которого выступает культурная традиция, аккумулирующая в себе и передающая из поколения в поколение значимый социокультурный опыт.

Ключевые слова: социокультурные риски, культурная традиция, цифровая трансформация современного общества, кризис культуры.

Dynamics of Culture and Digital Transformation of Modern Society: Prospects and Sociocultural Risks

Kolyadko I.N.

Associate Professor, Ph.D. in Philosophy
Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)

The article discusses the key aspects of the modern scientific picture of social reality, analyzes the essential characteristics of the systemic organization and dynamics of society in the context of the three main dimensions of human life and the corresponding relationship of man to the world: 1) attitude to nature and the natural environment artificially created by man; 2) attitude towards other people in the process of social communications; 3) attitude to the spiritual world, the quintessence of which is the cultural tradition, which accumulates in itself and passes on significant sociocultural experience from generation to generation.

Keywords: sociocultural risks, cultural tradition, digital transformation of modern society, cultural crisis.

В современном научном и философском дискурсах особое место занимают концепции, в которых различные стороны социальной жизни, ее состояния, структуры и институты рассматриваются сквозь призму представлений о системной организации и динамике общества. В большинстве современных научных представлений об обществе как целостной системе выделяют три основных сферы: 1) сфера производства / экономика; 2) система социальных коммуника-

ций и соответствующие социальные институты; 3) культура / культурная традиция [1, 2, 3]. Одной из ключевых является проблема выявления различных уровней взаимосвязи этих подсистем и их функционального статуса. Так, академик В.С. Степин предлагает использовать подход к решению данной проблемы, основывающийся на *философско-антропологической концепции отношения человека к природе*, выделяя следующие измерения человеческой жизнедеятельности и соответствующие им отношения человека к миру: 1) отношение к природе и искусственно созданной человеком природной среде, в которой непосредственно протекает человеческая жизнь; 2) отношение к другим людям в процессе социальных коммуникаций; 3) отношение к духовному миру, квинт-эссенцией которого выступает культурная традиция, аккумулирующая в себе и передающая из поколения в поколение значимый социокультурный опыт [4, с. 12-13].

В первом своем измерении – отношении человека к природе и искусственно созданной человеком природной среде – человек характеризуется как деятельное существо, целенаправленно изменяющее природу, формируя необходимые для себя объекты и процессы. Так возникает мир освоенных человеком природных объектов – «неорганическое тело человека» (К. Маркс) – которое изменяется и усложняется в процессе существования, образуя особый тип биоэволюции человеческого рода – *историю человечества*. При этом одним из важнейших факторов такого рода развития выступает техника, а постоянное изменение ее системной сложности становится основой все большего овладения человеком природы. На современном этапе обозначились контуры нового уровня системной сложности техники – это техника и технологии сложных саморазвивающихся систем (робототехника, применение геномной инженерии в биотехнологиях, создание усложняющихся компьютерных сетей и т.д.). При этом, как отмечает В.С. Степин, «развитие искусственных органов человеческой деятельности и изменение функций самого человека в процессе производства шаг за шагом расширяют спектр регулируемых и контролируемых им природных процессов» [4, с. 19].

Следующее измерение человеческой деятельности – сфера социальных коммуникаций – представляет собой сложноструктурированную систему социальных связей, определяющую модели взаимодействия и поведения индивидов в социуме. При этом следует особо отметить, что именно в этом аспекте деятельность человека выступает тем «"силовым полем", которое продуцирует надорганическую форму существования, структурирует ее, определяет родовидовую специфику, формы и механизмы изменения» [3, с. 129–130]. Одной из ключевых функций системы социальных коммуникаций выступает социализация, в процессе которой усваивается определенная система ценностных установок и ориентаций, надстраивающихся над биологическим базисом и трансформирующим его. Как отмечает в этой связи К.Х. Момджян, «для живых систем <...> самосохранение в среде не сводится к сохранению *факта* жизни, но предполагает сохранение ее *качества*, которое живая система воспринимает как "комфортное". <...> Ради таких ценностей, представляющих собой мотивационное влечение к свободе, достоинству, служению истине и пр., люди спо-

собны преодолевать объективно заданное психикой инстинктоподобное влечение к биологическому выживанию, которое обуславливает наше поведение, но не автоматизирует его» [5, с. 132]. Таким образом, приобщение человека в процессе коммуникации к системе исторически сложившихся социальных отношений является необходимым условием его деятельности, способной не только воссоздавать, но и изменять свои общественные отношения.

В третьем своем измерении – духовном – человек и его деятельность рассматриваются как обусловленные влиянием культуры, которая в данном аспекте понимается «как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [4, с. 33]. Культура и культурная традиция как ее смысловое ядро не только хранит, но также и транслирует значимый социокультурный опыт, передавая его от поколения к поколению. При этом культурная традиция способна генерировать новые программы деятельности, поведения и общения людей, выступая инициатором социальных изменений и трансформаций глубинных оснований общества – политико-институциональных, социально-экономических, социокультурных. Динамика конкретной исторически развивающейся культуры обусловлена динамикой мировоззренческих универсалий, смыслы и значения которых подвергаются реинтерпретации. Как отмечает В.С. Стёпин, одновременно *обозначая одно из условий конструктивности переустройства общества*, в периоды его фазовых переходов «в самых различных сферах культуры происходит интенсивная переоценка ценностей, смыслов мировоззренческих универсалий, ранее казавшихся очевидными и само собой разумеющимися, которые уже исчерпали свои возможности в качестве глубинных программ человеческой жизнедеятельности» [6, с. 76].

Апплицируя предложенные характеристики трех основных измерений человеческой деятельности на концепцию типов цивилизационного развития В.С. Степина и выделенные им типы глобальных кризисов, возникших на определенных этапах развития техногенной цивилизации, следует остановиться на экспликации социокультурных рисков современности, которые присущи каждому из трех основных типов человеческой деятельности. Такая корреляция представляется логически и методологически корректной и обоснованной, поскольку именно в экологической, социальной и духовной сферах (измерениях) человеческой деятельности в современном обществе происходят кардинальные изменения и трансформации, затрагивающие не только формальные и организационные аспекты функционирования социальных систем, но и основания различных форм человеческой идентичности – индивидуальной и коллективной.

Одним из последствий активной преобразующей деятельности человека в системе «человек-природа» или шире – «общество-природа» выступает *феномен экологического кризиса*, который, как отмечает В.С. Степин, протекает в режиме с обострением [4, с. 81]. Этот же вывод подтверждают и исследования ученых в области биологии, экологии, геологии, которые отмечают диспропорциональность динамики влияния природных и антропогенных факторов на био-

сферу: природная изменчивость остается на одном уровне, а уровень человеческого вмешательства из года в год существенно возрастает [7]. Так, ученые фиксируют такие экологические вызовы, возникающие вследствие нарастающего антропогенного давления на биосферу, как: истощение озонового слоя, сокращение биологического разнообразия, глобальные климатические изменения, опустынивание, истощение почв, проблемы дефицита и истощения природных ресурсов и т.д. [8, с. 16-20]. При этом отмечается, что сокращение антропогенного воздействия на биосферу может быть достигнуто «экологизацией производства, рационализацией потребления, что, в свою очередь, в полной мере осуществимо лишь при изменении системы ценностей человека, его деятельностных ориентаций и стереотипов поведения» [8, с. 20].

В *сфере социальной коммуникации* также происходят изменения, оказывающие влияние на трансформацию социальных институтов, а также способы воспроизводства социальной жизни людей. В настоящее время происходит становление глобального коммуникационного пространства, в котором традиционные каналы коммуникации вытесняются цифровыми средствами связи и информации. При этом, как отмечает В.С. Степин, «появление новых способов кодирования представляет собой не просто технические инновации. Оно закрепляет изменения характера коммуникаций и способов включения индивида в социальные связи, а следовательно, участвует в определении тех границ, в которых варьируются те или иные формы социального поведения и деятельности» [4, с. 41]. То есть по сути изменения в сфере социальной коммуникации затрагивают основания человеческой идентичности, а в глобальном масштабе – культурно-цивилизационной идентичности. В своей концепции социодинамики культуры А. Моль трактует данный процесс более широко – как вытеснение под влиянием средств массовой коммуникации традиционной «гуманитарной» культуры прошлого современной «мозаичной» культурой [9, с. 44–46].

В третьем своем измерении – *духовном* – социокультурные риски трансформации современного общества воплощаются в кризисе культуры, который характеризуется «резким увеличением скорости разрушения старых ценностей, сжатием временных рамок этого процесса, что не позволяет новым символам и знакам адаптироваться к традиционной знаковой системе» [10, с. 141]. Кризис культуры, как далее поясняет В.В. Миронов, имплицитно в нарушении синхронизации культуры, «когда новообразования в ней формируются столь стремительно, что не успевают адаптироваться к традиционной системе. Людям уже некогда "впитывать" новые ценности, постоянно соотнося их с предшествующими, и они начинают попросту потреблять их» [10, с. 142]. Кризис культуры сопровождается процессом трансформации всей системы универсалий культуры и становлением новых мировоззренческих ориентиров, которые означают переход к новому типу цивилизационного развития [4, с. 62]. Как отмечает в этой связи В.С. Степин «преобразование базисных смыслов универсалий культуры и соответственно изменение типа культуры всегда связаны с переломными этапами человеческой истории, ибо означают трансформацию не только образа человеческого мира, но и продуцируемых им типов личности, их отношения действительности, их ценностных ориентаций» [4, с. 64].

Таким образом, преодоление кризисных явлений техногенной цивилизации на современном этапе ее социодинамики предполагает изменение сферы общественного сознания, а также требует переосмысления устоявшихся эталонов человеческой деятельности и нового понимания перспектив человека. Только при этом условии актуальные процессы цифровой трансформации современного общества преобразуются в перспективный социальный тренд, обеспечивающий социальную стабильность и порядок.

Литература

1. Орехов А.М. Социальная философия: предмет, структурные профили и вызовы на рубеже XXI века. М.: URSS : Либроком, 2011. 268 с.
2. Гобозов И.А. Социальная философия. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2010. 352 с.
3. Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. Ч. 1. 398 с.
4. Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. 542 с. (Философские технологии: Избранные философские труды).
5. Момджян К.Х. О структуре рефлексивного философского знания // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 1. С. 128–145.
6. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2011. 408 с. (Классика гуманитарной мысли ; вып. 3).
7. Эксперты МГУ обсудили современные экологические вызовы [Электронный ресурс]. – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 2021. Режим доступа: <https://www.msu.ru/press/smiaboutmsu/eksperty-mgu-obsudili-sovremennye-ekologicheskie-vyzovy.html>. – Дата доступа: 27.04.2023.
8. Устойчивое развитие: Новые вызовы. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. 336 с.
9. Моль А. Социодинамика культуры = Sociodynamique de la culture: пер. с фр. Изд. 3-е. М.: URSS: ЛКИ, 2008. 404 с.
10. Миронов В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью. Москва: РГ-Пресс, 2020. С. 127–151.

Постнеклассическая иммерсия методологии юридического образования**Лойко Л.Е.***Кандидат философских наук, доцент
Академия МВД Республики Беларусь
(г. Минск, Республика Беларусь)*

УДК 342.5

На основе разработанной В.С. Степиным методологии типов научной рациональности исследована постнеклассическая иммерсия юридического образования. Обнаружена актуальность цивилизационного подхода в эпоху кризиса глобализации и роста ценности цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: В.С.Степин, научная рациональность, цивилизация, идентичность, ценности, методология, юридическое образование

Post-non classical immersion methodology of juridical education**Loiko L.E.***CSc in Philosophy, Associate Professor
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
(Minsk, Republic of Belarus)*

Based on the developed by V.S. Stepin of the methodology of types of scientific rationality studied the post-nonclassical immersion methodology of juridical education. The relevance of the civilizational approach in the era of the crisis of globalization and the growth of the value of civilizational identity is revealed.

Keywords: V.S. Stepin, scientific rationality, civilization, identity, values, methodology, juridical education

Совершенствование юридического образования в рамках высшей школы связано не только с количественными показателями, но и с качественными показателями. На уровне методологии важную роль играет введение в предметное поле юридического образования эвристического потенциала различных типов рациональности [1]. В данном аспекте очевидно влияние работ В.С. Степина. Особый интерес вызывает постнеклассический тип юридической рациональности [2]. Прикладным является методический уровень, непосредственно связанный с действием образовательных стандартов, типовых, базовых, рабочих программ. В настоящий момент перед юридическими специальностями стоит задача компетентностного подхода к образовательному процессу. В связи с этим важен сбалансированный подход при разработке программ по юридическим дисциплинам, с точки зрения теоретических и практических компонент образовательной деятельности. Философия, начиная с XVI века, активно занимается методологическим обеспечением теоретического содержания юридических дисциплин на уровне категориально-понятийного аппарата, фундаментальных интерпретаций права, правовой культуры, свободы, ответственности, источника

права. Обоснованная философами методология естественного права стала системообразующей для формирования всего комплекса юридических наук. В Беларуси философия права сформировалась одной из первых в Европе. Важную роль в формировании методологии теории и практики законодательной деятельности, правовой ответственности сыграли Л. Сапега, А.Волан, Н. Гусовский.

Несмотря на уже устоявшиеся подходы к образовательному процессу требуется новизна теоретического материала в части применения традиционных категорий и понятий к быстро меняющейся социальной реальности. Особенно это актуально по отношению к сфере информационных технологий, пространство которых оказалось во власти не столько свободы, сколько вседозволенности. Практические мероприятия в этой сфере значительно опережают работу с общественным сознанием, которое сводит юридические нормы только к традиционным сферам деятельности населения. Возникла ситуация границы между пространствами, являющимися частью социальной реальности. Философы еще в начале XX столетия стали активно разрабатывать методологические аспекты, связанные с особенностями общественного сознания. В связи с этим актуальными являются работы З. Фрейда, К.Г. Юнга, Х. Ортеги-и-Гассета, Д. Белла, А. Кастельса, Н. Бердяева, П. Сорокина.

При решении задач совершенствования программ по юридическим дисциплинам, специалистам из смежных областей важно найти сопряжение между философской и внутринаучной методологией.

Внутринаучная методология разрабатывается в рамках каждой предметной области знания в формах исследовательских программ, ориентированных на решение собственных задач. Эти программы могут получать общенаучный и философский статус. Методология юридических наук акцентирует внимание на разработке поисковых моделей образовательного процесса, способных сочетать устойчивые компоненты знаний, выполняющие функции алгоритма, с инновационными, еще не имеющими аналогов в правовой практике и теории. Таким путем формируется методика, основанная на сочетании культурных традиций с новыми задачами деятельности правовых органов и структур.

Философская методология опирается на потенциал методов прогнозирования, опережающего видения социальных процессов и социальной динамики. В связи с этим в программах юридических дисциплин важно учесть опыт подготовки специалистов в режиме сценариев будущего. На уровне моделирования изучаются особенности профессиональной деятельности в быстро меняющихся условиях социальной динамики, когда традиционные правовые регламентации не находят подтверждения и когда специалист может полагаться только на потенциал методологического мышления, соответствующего фундаментальным ценностям национального сознания. Оперативный фактор становится все более актуальным и востребованным на уровне образовательных программ.

В юридическом образовании все большую роль играют факторы внешнего воздействия геополитики. Они сказываются на предметном поле юридических наук с точки зрения роли цивилизационной идентичности. В данном кон-

тексте стало актуальным новое прочтение книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа».

На первое место Н.Я. Данилевский ставит психический строй характера народа. Психические характеристики выражаются в языке, мифологии, вере, быте, искусстве, науке. Н.Я. Данилевский пишет: «Ежели бы нам удалось найти такие черты национального характера, которые высказывались бы во всей исторической деятельности, во всей исторической жизни сравниваемых народов, то задача была бы решена удовлетворительно» [3, с. 145].

Общность чувств, идей, верований и интересов, создаваемая медленными наследственными накоплениями, придает психическому складу народа большое сходство и большую прочность, обеспечивая ему уверенность. С того времени как она исчезает, народы распадаются. Характер народа определяет его судьбу. Насильственность, как коренная черта европейского характера, не уничтожается: «Гони природу в дверь, она влетит в окно» [3, с. 155].

Н.Я. Данилевский считает, что «не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание» [3, с. 163]. Отличительную черту характера русского народа по сравнению с насильственностью европейских народов составляет миролюбие и терпимость. Терпимость проявлялась в религии и при освоении Сибири и Дальнего Востока. Были сохранены все народы, населявшие эти земли.

Таким образом, в юридическом образовании растет роль социокультурной составляющей. Это значит, что юристы в профессиональной деятельности будут интегрированы в новую социальную реальность не только цифровых технологий, но и глобальной турбулентности, которая содержит элементы информационной и гибридной войны.

Литература

1. Иванский, В.П. Роли философии рациональности в правовых исследованиях. Ч. II. / В.П. Иванский., С.И. Ковалев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 2. С. 184-199.
2. Кешикова, Н.В. Принципы права в свете постнеклассической юридической рациональности / Н.В. Кешикова // Известия ИГЭА. 2012. № 5(85). С. 109-115.
3. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. 812 с.

Биосемиотика и концепция расширенного познания

Струговщикова У.С.

Кандидат философских наук

Институт философии РАН

(г. Москва, Россия)

УДК 165

Непрекращающиеся дебаты о горизонтах познания охватывают эволюционные, биосоциальные и техногенные связи между людьми и окружающей средой. Расширенное познание учитывает сложные взаимоотношения между функциями мозга, опытом, контекстом и социальным взаимодействием для достижения всеобъемлющего понимания человеческого познания. Одновременно биосемиотика обладает определенными инструментами для понимания таких сложных биологических явлений, как развитие, эволюция, симбиоз, межвидовое сотрудничество и, наконец, сама человеческая культура. Объединение концепции расширенного познания с биосемиотическим подходом может помочь обеим областям исследований, расширив существующие представления о познании за привычные рамки, а также помочь изучить новые аспекты формирования смысла в биологических системах.

Ключевые слова: биосемиотика, концепция расширенного познания, 4E – познание, умwelt, знак, воплощенность, встроенность, протяженность, энактивность

Biosemiotics and 4E cognition

Strugovshchikova U.S.

Candidate of Sciences in Philosophy

RAS Institute of Philosophy

(Moscow, Russia)

The question of the cognitive interaction of evolutionary, biosocial and technogenic relations of human and the environment has long been raised. The concept of extended cognition takes into account the complex relationships between brain function, experience, context, and social interaction to fully understand human cognition. Biosemiotics has important implications for understanding complex biological phenomena such as development, evolution, symbiosis, cooperation between species, and human culture itself. Integrating extended cognition into biosemiotic frameworks can enrich both areas of research by expanding existing understandings of cognition beyond traditional boundaries, as well as help to explore new aspects of sense-making in biological systems.

Keywords: biosemiotics, 4E – cognition, Umwelt, sign, enactive, embodied, embedded, extended

Одним из фокусов концепции постнеклассической рациональности В.С. Степина является его сосредоточенность на антропологической проблеме когнитивного взаимодействия, эволюционной, биосоциальной и техногенной связ-

ности человека и космоса [1]. Эта фокусировка на связности ставит принципиальный вопрос о тех средствах, посредством которых эта связность становится в процессе эволюции человеческой цивилизации. Одной из перспективных посылок дать ответ на этот вопрос является, на мой взгляд, включение концепции расширенного познания в биосемиотический подход, как инструмента, открывающего новые возможности углубить наше понимание как когнитивных процессов, так и коммуникации биологических организмов с окружающей средой в самом широком смысле этого слова.

Концепция расширенного познания, или «4E-cognition», родилась в западной мысли и означает "embodied - воплощенный", "embedded - встроженный", "enactive - энактивный" и "extended - протяженный". Концепция предполагает, что когнитивные процессы не ограничиваются сознанием отдельного человека, а выходят за его пределы, включая взаимодействие с окружающей средой и, возможно, другими организмами. Этот подход подчеркивает сложное взаимодействие между мозгом, телом и окружающей средой в формировании когнитивной деятельности организма, в отличие от традиционного взгляда на познание как на изолированный процесс, происходящий в мозге человека.

1. Воплощенность. Этот аспект фокусируется на идее, что когнитивные процессы не происходят изолированно, а глубоко переплетены с телесным опытом. Восприятие, действия и телесные ощущения играют решающую роль в формировании наших ментальных процессов, например, решение проблем или рассуждения о чем-либо.

2. Встроженность. Познание контекстуально и сильно зависит от факторов окружающей среды. Это означает, что при обработке информации организмы полагаются на взаимодействие с внешним миром, а не просто извлекают знания из своей внутренней памяти.

3. Энактивность. Этот модный термин описывает когнитивные процессы как процессы, которые зависят от взаимодействия с окружающей средой посредством активного исследования и манипулирования, а не пассивного получения информации. Действие предполагает, что восприятие и действие тесно переплетены в когнитивной деятельности.

4. Протяженность, или связанность с экосистемой. Концепция расширенного познания предполагает, что когнитивные процессы могут выходить за пределы мозга человека и распространяться на внешние объекты или инструменты, используемые организмом в процессе его деятельности. Эти внешние ресурсы становятся неотъемлемой частью когнитивных систем.

Теоретическая ценность подхода 4E к познанию для различных областей, таких как искусственный интеллект (ИИ), психология, нейронаука, философия сознания и образование, заключается в том, что он учитывает сложные взаимоотношения между функцией мозга, опытом, контекстом и социальным взаимодействием для полного понимания человеческого познания.

С другой стороны, биосемиотика - это междисциплинарная область, изучающая коммуникацию и обмен информацией внутри живых организмов и между ними. Она объединяет знания из биологии, семиотики, философии и других дисциплин, чтобы понять способы того, как взаимодействуют живые орга-

низмы - клетки, растения, грибы, животные и люди - с помощью знаков и сигналов, а также исследует проблематику наличия языковых коммуникаций у живых организмов и их мышления. Организмы в биосемиотике «характеризуются наличием у них плана выражения и плана содержания, между которыми существует причинно не детерминированная связь» [2, с. 297].

Биосемиотика имеет важные последствия для понимания сложных биологических явлений, таких как развитие, эволюция, симбиоз, сотрудничество между видами и, в конечном счете, сама человеческая культура. Ее идеи используются в различных областях, таких как экология и нейробиология, обеспечивая более широкое понимание фундаментальных вопросов о жизни и сознании.

Тезаурус биосемиотики включает: функциональный круг, память, обучение, потребности (Кулль), энлог (Чебанов), аффордансы или возможности (Гибсон), скаффолды (Кулль) или зона ближнего развития (Выготский). А также еще несколько ключевых понятий: *коды*, так как биосемиотические системы полагаются на коды, такие как последовательности ДНК, химические сигналы (например, феромоны) или физические сигналы (например, язык тела) для передачи смысла; *знаковые процессы*: биосемиотика стремится понять процессы, посредством которых организмы интерпретируют знаки, с которыми они сталкиваются, что включает в себя прием, интерпретацию, действия, основанные на интерпретации, и петли обратной связи, которые могут изменять знаковые процессы с течением времени; *семиозис*: трехчастная связь между носителями знаков (сами знаки), объектами, которые они представляют (то, к чему они относятся в мире), и интерпретаторами (ментальное представление или реакция, вызванная знаком). В биосемиотике все три термина могут быть существами или другими биологическими сущностями, вовлеченными в коммуникативный процесс; *эмерджентность*: по мере эволюции живых организмов в результате естественного отбора появляются новые формы коммуникации, что приводит к повышению сложности биосемиотических систем; *Умвельт* (Икскуль): динамическая означенная среда, заключающая мир смыслов каждого организма, а также мир когнитивных процессов и действий, создающих смысл.

Когда ставится вопрос о включении концепции расширенного познания в биосемиотический подход, то мы отталкиваемся, прежде всего, от концепта «умвельта», который выходит за рамки простой адаптации или пассивного приспособления к окружающей среде. Введенное биологом Якобом фон Уэкскульем понятие "умвельт" означает субъективный перцептивный мир, в котором живет организм, который активно конструируется, трансформируется и поддерживается благодаря взаимодействию с окружающей средой [3, с. 30]. Различные организмы имеют свои уникальные *умвельты*, основанные на их сенсорных возможностях и на том, как они интерпретируют стимулы из окружающей среды. В этом контексте и биосемиотика, и 4E-познание подчеркивают, что живые организмы не пассивно приспосабливаются к факторам окружающей среды, а активно взаимодействуют с ними. Они признают, что когнитивные процессы тесно связаны с циклами "восприятие-действие", которые позволяют организмам динамично конструировать свой мир. Принятие во внимание концепции *умвельта* позволяет нам оценить, как опосредованное знаками взаи-

действие служит одним из механизмов, с помощью которых организмы создают и преобразуют свою среду. Этот сдвиг в перспективе подчеркивает более активную роль познания, что согласуется как с знаковым (как часть 4E познания), так и с биосемиотическим подходами.

Интеграция расширенного познания в биосемиотические рамки может обогатить обе области исследований, расширив существующие представления о познании за пределы традиционных границ, а также помочь изучить новые аспекты формирования смысла в биологических системах. Например, признание того, что аспекты познания организма находятся в его взаимодействии с другими людьми и окружающей средой, позволяет нам лучше понять, как коммуникация разворачивается в общем контексте. Этот синтез побуждает нас рассматривать не только индивидуальную интерпретацию и использование знаков, но и более крупные эмерджентные паттерны, возникающие при социальных обменах между организмами.

Более того, признавая, что внешние факторы, такие как символы или артефакты, используемые живыми существами, играют роль в когнитивных процессах, мы можем оценить, как семиозис тесно связан с умственной деятельностью. Эта связь может привести к более глубоким вопросам о том, как именно различные методы коммуникации влияют на мыслительные процессы и принятие решений как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Наконец, этот интегрированный подход может открыть возможности для новых практических приложений, таких как создание эффективных экологических вмешательств или коммуникационных конструкций, предназначенных для конкретных сообществ или видов.

В заключение следует отметить, что интеграция расширенного познания с биосемиотикой предоставляет захватывающую возможность исследовать сложности познания, семиозиса и их взаимодействия, расширяя границы нашего понимания того, как жизнь развивается и общается на различных уровнях. Такая конвергенция идей может обеспечить важнейшее понимание биологических систем с уникальной точки зрения, в конечном итоге обогащая обе области и способствуя нашему пониманию окружающего нас живого мира, а в конечном счете и Космоса.

Литература

1. Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. Избранное. М.: Алма Матер, 2014.
2. Терминологический словарь (тезаурус). Гуманитарная биология / Под ред. А.В. Олескина. М.: Изд-во МГУ, 2009. 368 с.
3. Князева Е.Н. Понятие "Umwelt" Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии. Вопросы философии. 2015. Т.5. С. 30—44.

Рациональность применения искусственного интеллекта в контексте трансформации трудовых отношений постсовременности

Фозилзода Е.Н.

Аспирант

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П.Королева
(г. Самара, Россия)

УДК 174.8

В статье рассматривается аксиологическая проблема, возникающая из-за технологической безработицы. Для этого рассматривается становление полагания того, что труд является ценностью в период классического капитализма. Анализируется изменение трудовых отношений в постсовременности, потеря идентификационного потенциала профессиональной деятельности. Делается вывод о необходимости формирования нового принципа полагания ценностных ориентиров в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: нейросеть, постсовременность, труд, цифровизация, человек, ценности

The rationality of the use of artificial intelligence in the context of the transformation of postmodern labor relations

Fozilzoda E.N.

Postgraduate student

Samara University
(Samara, Russia)

The article deals with the axiological problem arising from technological unemployment. For this purpose, the formation of the belief that labor is a value in the period of classical capitalism is considered. The article analyzes the change in labor relations in postmodernity, the loss of the identification potential of professional activity. The conclusion is made about the need for the formation of a new principle of the assumption of value orientations in professional activity.

Keywords: neural network, postmodernity, labor, digitalization, person, values

В ходе исследования технологической безработицы были составлены прогнозы в области искусственного интеллекта, согласно которым в ближайшее десятилетие на рынок труда, в качестве работников, выйдут нейросеть и роботы, к 2036 году около 50 % рабочих процессов будет автоматизировано [1]. Искусственный интеллект стал замещать не только инженеров, юристов, но и творческие, цифровые профессии. Данная ситуация приводит к потере ценностных ориентиров трудовой и творческой деятельности человека. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа трудовых отношений постсовременности в контексте использования искусственного интеллекта, как работника вместо человека. Целью исследования является анализ аксиологических проблем в контексте технологической безработицы.

Роботизация, цифровизация рабочих мест изменила трудовую этику и отношения, сложившиеся в эпоху классического капитализма [2]. К. Маркс предметность труда определял, как качество, присущее самому индивиду, совпадающее с ним, труд есть неопредмеченное, а стало быть, непредметное, то есть субъективное. Он является источником всеобщего богатства, добываемого через деятельность. Труд есть не сырье, не орудие, он отдален от всех средств и предметов труда от всей своей объективности, он есть чисто субъективное существование [3]. Таким образом, индивид является основой труда, источником общего богатства, его постоянное развитие и совершенствование приводят общество к процветанию. В эпоху модерна трудовая этика формировалась с одной стороны под религиозными канонами, которые создали этос труда, с другой стороны под меняющимися, из-за индустриализации сознанием человека, познавшего себя, как творца мира [4]. Выявляется предметность труда, как качество присущее индивиду, на фоне данной субъектности становится понятно, что труд не отделим от человека, а он от труда. В связи с полаганием труда как высшего блага, как основой человека, формируется идентичность личности через труд. При этом К.Маркс также писал, что настанет время свободное от закабаления тяжелым физическим трудом и человек обретет свободу для творческого самовыражения [5].

В постсовременности производственный труд был вытеснен другими формами деятельности, исчезло категориальное разделение труда и досуга. На смену институционализированному труду появились новые цифровые специальности, позволяющие работать онлайн. Сама профессия стала для личности больше, чем способом заработать на жизнь. Сознание человека, как работника, претерпело изменение, сформировались новые ценности и мотивационные установки, работник, ранее являвшийся частью капиталистического строя и идентифицировавший себя через корпоративную идеологию обретает свободу в самовыражении [6]. Но при этом человек становится зависимым от изменяющейся среды, непостоянных параметров эффективности, автоматизации, соответственно возрастающей конкуренции на рынке труда, все это в сумме приводит к безработице. В такой ситуации работа не может быть основой идентификации личности, способом самоопределения и ориентиром в социальной жизни. В постсовременности труд потерял идентификационную способность для личности. Профессиональная деятельность стала способом самовыражения и творческой реализации, которую можно в любой момент сменить на более актуальную, отвечающую личностным запросам человека.

На данный момент искусственный интеллект стал превосходить прогнозы ученых. Нейросеть создает картины, пишет статьи, музыку, замещает целый слой цифровых специальностей, заменяя компаниям штат сотрудников. В контексте сложившейся ситуации труд, ранее потерявший идентификационный потенциал, теряет и творческий аспект. Осмысленная деятельность человека, будь то работа или творчество, утрачивают возможность выступать аксиологическими ориентирами для личности в социуме. Формируется необходимость постоянно принимать решения о выборе профессии, причем неоднократно за всю жизнь, не имея гарантий долговечности и надежности принятого решения, варьируя между личностными стремлениями и тенденциями мира. В такой ситуации человек становится единицей бытия с бесконечным набором биографических системных оши-

бок [7]. Такая ситуация подводит человека к экзистенциальному кризису и длительным поискам себя и своего места в мире, из которого он может и не выйти.

В контексте сложившейся ситуации возникает вопрос о рациональности и этичности применения искусственного интеллекта. Формирование законодательной базы и комитетов, регулирующих данный вопрос поможет контролировать применение нейросети, но большая часть населения останется без работы, как источника дохода, так и без аксиологических ориентиров в социуме. Возникает необходимость в полагании новых ценностей, формировании иного принципа полагания. Прежний принцип полагания аксиологических ориентиров деятельности индивида был построен на поддержании и возрастании господства человека, что было основой жизни долгое время. Принцип нового полагания ценностей может установиться только через новое знание о существовании ценностей и условиях их оценки. Для этого нужна высшая осознанность человека, которая поможет произвести переоценку ценностей и сформировать новое отношение к труду и творчеству [8].

В эпоху классического капитализма труд определялся как субъективное, относящееся непосредственно к самому человеку. В связи с чем труд стал высшим благом, формирующим идентичность личности. Стремление человека к избавлению от закабаления тяжелым трудом и обретению свободы, развитие технологии привело к изменению трудовых отношений, в следствии чего труд утратил идентификационный потенциал. Создание и развитие искусственного интеллекта лишило человека ценностных ориентиров в труде и творчестве, что стало формировать предпосылки экзистенциального кризиса. Данная ситуация повлекла за собой формирование аксиологической проблемы: необходимость создания нового принципа полагания ценности трудовой и творческой деятельности человека. Таким образом для формирования нового отношения к профессиональной деятельности необходимо пересмотреть прежние аксиологические аспекты труда.

Литература

1. Земцев С. «Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки». 2017. URL: clck.ru/342xSK (дата обращения: 03.05.2023).
2. Четырова Л.Б. Трансформация труда в постсовременном мире: ресурсы интеграции этнической трудовой культуры (на примере Тувы и Калмыкии) // New Research of Tuva 2019. Issue 3. С. 77-88
3. Соснина Т.Н. Карл Маркс «о простых моментах процесса труда». С.: СНЦ, 2018. С.64-68.
4. Четырова Л.Б. Проблема трансформации труда в постсоциалистической перспективе // Общественные науки и современность. 2022. № 1. С. 22-33. DOI: 10.31857/S0869049922010105.
5. Маркс К. Капитал. Т.3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.Т.26. Ч.3.
6. Постфордизм: концепции, институты, практики / под ред. М. С. Ильченко, В.С. Мартыанова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 279 с.
7. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С.201-355.

Секция II. Философия естествознания XXI века – проблемы и перспективы

Руководители:

доктор философских наук **Борис Исаевич Пружинин**
доктор философских наук **Владимир Леонидович Васюков**

О философско-мировоззренческом и практическом значении концепции эмпирических обобщений В.И. Вернадского

Антипенко Л.Г.

кандидат философских наук,
Институт философии Российской академии наук,
(Москва, Российская федерация)

УДК 14

Аннотация. В данном сообщении анализируется задача, поставленная В. И. Вернадским, о значении эмпирических обобщений в практике научных исследований в том направлении, в котором они дополняют сложившийся в математике и физике метод описания пространства и времени. Сказать, что вся наша деятельность протекает в пространстве и времени, значит сообщить слишком скудную информацию и о пространстве, и о времени, и о характере деятельности. В этой информации будет не хватать того, как соотносятся свойства пространства и времени с живым веществом, с высокоразвитыми живыми организмами, способными мыслить, наконец, с научной мыслью. Показывается, как Вернадский справляется с этими недостатками и недочетами. Находит оправдание тезис Вернадского о том, что научная мысль становится фактором, имеющим геологическое значение, а также тезис о переходе биосферы в ноосферу.

Ключевые слова: эмпирическое обобщение, пространство, время, эволюция, биосфера, ноосфера, научная мысль.

On the philosophical, ideological and practical significance of the concept of empirical generalizations by V.I. Vernadsky

Antipenko L.G.

senior researcher, PhD
RAS Institute of Philosophy,
(Moscow, Russian Federation)

Annotation. This report analyzes the problem posed by V.I. Vernadsky about the significance of empirical generalizations in the practice of scientific research in the direction in which they complement the method of describing space and time that has developed in mathematics and physics. To say that all our activity takes place in space and time means to give too little information about space, time, and the nature of activity. This information will lack how the properties of space and time correlate with living matter; with highly developed living organisms capable of thinking, finally, with scientific thought. It is shown how Vernadsky copes with these shortcomings and

scarcities. Vernadsky's thesis that scientific thought becomes a factor of geological significance, as well as the thesis about the transition of the biosphere into the noosphere, finds justification.

Key words: empirical generalization, space, time, evolution, biosphere, noosphere, scientific thought.

Концепция эмпирических обобщений В. И. Вернадского сыграла большую роль в формировании его учения о Земной биосфере и ноосфере, в создании его философско-мировоззренческой картины мира. В качестве одного из ключевых слов, предваряющих изложение этой концепции, можно поставить слово *натуралист* с тем его смыслом, какой представлен в книге Вернадского [1]. Термин *натуралист* у автора не совсем равнозначен термину *естествоиспытатель*, его понятие выходит за рамки какой-то одной области естественных явлений, исследованием которой обычно занят тот или иной профессионал. Натуралист, по Вернадскому, есть учёный, для которого лабораторией его работы в пределе служит вся окружающая нас природа, частью которой является Земная биосфера.

Вот как он сам пишет об этом в очерке, посвящённом научному творчеству Гёте как натуралиста. «Вырос в сознании натуралиста в эпоху Гёте основной аппарат человечества – аппарат научных фактов и эмпирических из них обобщений как основное содержание науки. <...>. Минерал, растение, животное, горная порода, почва, биоценоз, географический и геоморфологический ландшафт, геохора, река, озеро, водопад, облака, проявления атмосферы, моря, вулканы, минеральные источники, звёзды, солнце, туманности и другие конкретные частные явления природы прежде всего *сами по себе* привлекают натуралиста. Их точное, научно проверяемое *писание*, их полный учёт, превращение их в научно наблюдаемое явление, поражающее главным образом *глаз*, но сверх того в меньшей степени *слух*, является основной работой натуралиста.

Такое исследование может быть, как таковое, самоцелью, может захватить всю жизнь исследователя» [2, с. 237–238].

Метод эмпирических обобщений есть индуктивный метод. Вместе с тем принято полагать, что все явления, классифицируемые посредством применения индуктивного метода, должны располагаться в пространстве и времени. Следовательно, должно быть установлено определённое соответствие между свойствами явлений, подвергнутых эмпирическим обобщениям, и свойствами пространства и времени. Однако если брать готовые формы теоретического описания того и другого, то в их свойствах нельзя найти отражения свойств живого вещества, присущей ему диссимметрии, о которой будет сказано ниже. Этого нет даже в том случае, если берётся четырёхмерное пространство-время специальной теории относительности.

В связи с этим Вернадский поставил вопрос о взаимоотношении эмпирических обобщений и математических законов как таковых. К решению этого вопроса он вплотную подошёл в 1920 году, о чём свидетельствует раздел его книги [1], озаглавленный «Проблема времени, пространства и симметрии (1920–1942)». Непосредственно пространству и времени отведён подраздел «На

границы науки. Пространство естественных наук и пространство философии и математики». Здесь он пишет, что одно из самых основных различий в мышлении натуралистов, с одной стороны, и математиков – с другой, касается характера пространства. «Для математика, если это не оговорено им, пространство является бесструктурным. Оно характеризуется измерениями, и только. Для естествоиспытателя – говорит ли он это или нет, даже сознаёт он это или нет – пустое, незаполненное пространство не существует. Он всегда мыслит реальное пространство и только с ним имеет дело» [1, с. 210].

Реальное пространство натуралиста, развёртывает свои суждения Вернадский далее, совпадает с той *физической средой*, в которой идут наблюдаемые им явления, в том случае, когда натуралист выражает эту среду геометрически. Говоря о природном – реально существующем – пространстве, натуралист говорит о геометрическом *строении* физической среды (там же). А вот идеальное пространство геометра для натуралиста не существует: «оно было бы для него реальным только в том случае, если бы наблюдения указали ему, что, подобно времени, пространство изотропно, однородно везде и всюду. В действительности, по словам автора, этого нет, физическая среда явно разнородна. «Натуралист, однако, всё время пытается выразить наблюдаемые им явления так, чтобы найти в них место идеальному пространству геометрии. Он мыслит явления идущими в этом пространстве, которое он *заполняет* геометрически разнородными телами природы, – материей, или гипотетическими построениями всемирного эфира» [1, с.210]. Поэтому философская обработка реального пространства определённого строения – пространства натуралиста – и замена им вошедшего в философскую мысль пространства геометра «является основной задачей нашего времени» [1, с.213].

В центре этой задачи находится проблема объяснения феномена диссимметрии живого вещества. Поясним коротко, в чём её суть, чтобы затем показать, как Вернадский наметил путь её решения и как он подошёл к вопросу о логике, которой следует руководствоваться, чтобы установить синтез (связь) между пространством и временем натуралиста и пространством и временем математика. Для этого сошлёмся на сведения, лаконично изложенные в хрестоматийной статье В. Гольданского «Возникновение жизни с точки зрения физики» [3]. В мире молекул живых организмов, констатирует автор, есть точные аналогии правой и левой рук – так называемые молекулы-антиподы в зеркальном отношении. Их ещё называют оптическими изомерами, поскольку они отличаются друг от друга тем, что вращают плоскость поляризации проходящего через них света в противоположные стороны [3, с. 87–88]. Эта особенность молекул существовать в двух зеркально-антиподных формах известна в науке, по словам Гольданского, под названием хиральности (от греческого *χειρ* – рука). И выясняется, что живой природе присуща практически абсолютная хиральная чистота: белки содержат только «левые» аминокислоты, а нуклеиновые кислоты – только «правые» сахара [3, с. 88].

Известно, сообщает далее Гольданский, что хирально чистые соединения, предоставленные самим себе, рано или поздно превращаются в рацемические смеси. В неживой природе процесс рацемизации – самопроизвольного превра-

щения левых молекул в правые и наоборот – протекает с некоторой постоянной скоростью. И по относительному содержанию правых аминокислот в ископаемых органических останках можно весьма точно датировать время их образования. Этот метод датировки в последнее время успешно используется для решения задач палеонтологии. «Таким образом, неживой природе присуща тенденция к рацемизации, установлению зеркальной симметрии, равновесию между левым и правым. Именно поэтому возникновение хиральной чистоты биосферы представлялось одной из самых больших загадок в проблеме происхождения жизни» [3, с. 88].

Итак, мы видим, что смерть живого организма заканчивается тем, что его компоненты превращаются в вещество, ничем не отличающегося от вещества, из которого состоит всякая, лишённая жизни, материя. Но тогда надо понять, как же из обычного вещества, лишённого жизни, возникает вещество, в котором устанавливается и поддерживается присущая жизни энантиоморфная диссимметрия. Какой фактор лежит в её основе? Откуда он берётся? Вернадский дал ответ на эти вопросы. Этот фактор он нашёл в структуре времени, хотя первоначально искал его в структуре пространства. Для живого вещества, констатировал он, понятие *пространства* не может охватить явления, в нём происходящие, в той степени, в какой оно охватывает их, например, в кристаллах. «Нигде в окружающей нас природе *время* не выдвигается в такой степени. Одной из больших заслуг французского философа Бергсона было то, что он ярко и глубоко выдвинул значение времени для живых организмов по сравнению с косными процессами в биосфере» [1, с. 285]. И далее: «В основе явлений симметрии в живом веществе время выступает в такой форме и значении, в каких это не имеет места в косных телах и явлениях.

Здесь, мне кажется, в основе геометрических представлений ярко проявляется не столько пространство, сколько новое, входящее в понимание испытателя природы в XX в. понятие о пространстве-времени, отличном и от пространства и от времени» [там же].

Что имеет в виду Вернадский, когда говорит, что «в живом веществе время выступает в такой форме и значении, в каких это не имеет места в косных телах и явлениях»? Не что иное, как то, что в симметрии/диссимметрии живого вещества открывается диссимметричная структура времени, которой определяется хиральный феномен живого вещества. Бог Хронос, как утверждали древние греки, пожирает своих детей. Но к этому, очевидно, надо добавить, что, прежде чем пожирать своих детей, он должен был их породить. Так во времени обнаруживается две тенденции, сочетание двух течений в прямом и обратном направлении. Одна из них разрушительная, вторая созидательная. Созидательная тенденция не только отвечает за сотворение живого вещества, но и за дальнейшее его развитие, за процесс *цефализации*, открытый американскими геологами Д.Д. Дана и Д. Леконтом [1, с. 506].

Образование мозга в живом организме приводит к тому, что организм приобретает мыслительную способность. Человек мыслит, мысль его становится в конце концов мыслью научной. В связи с этим Вернадский приходит к выводу о переходе Земной биосферы в ноосферу. Эволюционный процесс, пишет

он, получает при этом особое геологическое значение благодаря тому, что он создал геологическую силу — научную мысль социального человечества. «Мы как раз переживаем её яркое вхождение в геологическую историю планеты. В последние тысячелетия наблюдается интенсивный рост влияния одного видового живого вещества — цивилизационного человечества — на изменение биосферы. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — в ноосферу» [1, с. 27].

Но вернёмся к концепции эмпирических обобщений и к лаборатории Вернадского. Меня, писал он 20 августа 1920 г., уже давно удивляет отсутствие стремления охватить Природу как целое в области эмпирического знания, где мы, однако, можем это сделать. «Мы нередко даём простое собрание фактов и наблюдений там, где мы можем дать целое» [1, с. 411]. Как получить целое? По Вернадскому, для этого надо всё собрание фактов и наблюдений подвести под общий знаменатель. Таким общим знаменателем является время. Вместе с тем заранее созданное, геометрически описываемое, пространство заменится сущим в том смысле, как оно представлено в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. Бытие Хайдеггера (Sein) возвышается над сущим (Seiende) потому, что оно вбирает в себя экзистенциальное время. Уже отсюда исходит или должна исходить теоретизация пространства и времени. Здесь место перехода (стыковки) временного бытия с геометрией, здесь создаётся логика, о которой мечтал Вернадский.

Литература

1. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: «Наука», 1988. — 520 с.
2. Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988. — 336 с. (2-е изд.).
3. Гольданский В. Возникновение жизни с точки зрения физики / Теоретическая и математическая биология. М.: «Мир», 1968. С. 86–94.

Изменения в науке и их смысл

Бахур А.Б.

к.т.н.

(Москва, Российская Федерация)

УДК 167

Основной смысл изменений, происходящих в науке и работе исследователя, состоит в том, что они становятся производством — «организацией опыта». Его особенность — наличие экзистенциальных аспектов, характеризующихся как «озарения». И это обращает наше внимание на необходимость методичности такой деятельности исследователя

Ключевые слова: наука, теория, производство, исследовательская деятельность

Changes in science and their meaning

Bakhur A.B.

*PhD in technical sciences
(Moscow, Russian Federation)*

The main meaning of the changes taking place in science and the work of the researcher is that they become production - "the organization of experience". Its peculiarity is the presence of existential aspects, characterized as "insights". And this draws our attention to the need for a methodical nature of such activities of the researcher

Keywords: science, theory, production, research activities

Качественные изменения, произошедшие в науке, стали предметом исследования, предпринятого академиком В.С. Степиным. Он выявил их содержательные, методические и методологические аспекты. Затронутый им круг вопросов заставляет задуматься об основаниях произошедшего.

В 1956 г., в докладе «Наука и осмысление» [1] М. Хайдеггер подробно рассмотрел то, что предстоит науке. Основное положение — ей предстоит возврат к тем основам научного мышления, которые сформировались в античной Греции. Западная Европа наследовала мышлению римлян. Те, тщательно изучая и переводя греков, в силу существенных ментальных отличий, переосмыслили их, что определило развитие науки, происходившее в Западной Европе.

В мышлении античных римлян мы видим:

- ограничение понимания существующего в мире как вещественного (лат. materia — вещество);

- нецелостность восприятия всего, стремление к дифференциации, специализированному рассмотрению.

Возникло разделение на материализм и идеализм, а объектами изучения науки стали явления материальной природы, поскольку то, что рассматривалось как идеальное, считалось несуществующим¹¹. В основу наблюдений ложились данные, получаемые сенсорно (непосредственно или, позже, инструментально). Отношения исследуемого и исследователя характеризуются как предметная противопоставленность. В соответствии с ними сформировались методические положения по объективизации данных наблюдений, превращавших их в знания.

Дифференциация выразилась в создании отдельных теорий (дисциплин) как описаний отдельных явлений, эффектов. Одним из основных методических приемов стала каузальная причинность. В первой половине 17 в. Декартом были сформулированы методические правила, фактически определившие развивавшуюся западноевропейскую науку как индуктивно-аналитическую. Его современник — Бэкон развил идею экспериментирования как основной способа исследования.

Однако в мышлении античных греков мы видим совсем иное:

¹¹ Так, среди римских богов, «произошедших» от греческих, не нашлось места аналогу Психеи

- фиксацию всего существующего в мире как действительности (др.-гр. ἐνέργεια – действительность);

- целостность, полнота восприятия мира.

Это качественно расширяет «поле зрения» науки и снимает противопоставление материального и идеального: исследуемое может быть нематериально, но действительно. Существующий мир находится в постоянном движении: «Все течет, все меняется» (Гераклит Эфесский). Знание о мире формируется как единая теория. М. Хайдеггер выразил это тезисом: «Наука есть теория действительного» [1], подробно рассмотрев его в докладе.

В виде отступления стоит отметить, что положения этого доклада уже были реализованы. В «Тектологии» [2] А. Богданов фактически исходит именно из них. И в ней, как в теории действительного, абстрагируется «организационный опыт природы» не в виде отдельных эффектов, а как целое – в полном соответствии с тезисом из его другой работы («Эмпириомонизм» [3]): «Единый мир опыта выступает как содержание для единого познания».

Одним из основных методических приемов, возникших в науке античных греков, становится аристотелева причинность [4].

Характеризуя ментальные отличия античных римлян и греков, необходимо отметить, что для вторых наивысшей активностью считался образ жизни созерцателя - βίος θεωρητικός [1]. В древнегреческом образе жизни идея исследования - теоретическое созерцание. И это существенно отличало их от римлян. Чтобы подчеркнуть значение этого, стоит сослаться на слова В. фон Гейзенберга: «Кто занимается философией греков, на каждом шагу наталкивается на эту способность ставить принципиальные вопросы, и, следовательно, читая греков, он упражняется в умении владеть одним из наиболее мощных интеллектуальных орудий, выработанных западноевропейской мыслью». Идея теоретической созерцательности развивает науку как дедуктивно-синтетическую.

Особенности науки, обусловленные римской манерой мышления, можно увидеть на примере того как физика из φύσις - знания о движении природы превратилось в конгломерат слабо связанных или вообще не связанных между собой знаний об отдельных природных явлениях. Отметим, что А. Эйнштейном была предпринята попытка преодоления такой разобщенности – в виде единой теории поля.

Отличие между индуктивно-аналитической и дедуктивно-синтетической тенденциями стоит. При наблюдении, изучении леса, для первой объектами будут отдельные растения. Для второй - каждое растение – проявление леса в этом месте в это время, в сложившихся условиях. Сочетание этих тенденций формирует различное знание, которое может быть объединено.

Проводя параллели между докладом М. Хайдеггера [1] и «Эмпириомонизмом» [3] мы видим, что теоретическая созерцательность находит методическое объяснение. В разделе «Идеал познания (Эмпириомонизм физического и психического)» А. Богданов дает описание иному, нежели предметная противопоставленность, представлению о взаимодействии исследователя и исследуемого. Его идея выражена тезисом: «Тела – это комплексы таких же элементов, какие в «восприятиях» мы называем «ощущениями». Вывод: «Психическое» ис-

чезает в объединяющих формах, созданных познанием для «физического», но и физическое перестает быть «физическим», как только у него нет его постоянной антитезы — психического. Единый мир опыта выступает как содержание для единого познания».

Дедуктивно-синтетическая тенденция в науке изменяет понимание проблемы объективизации. Теперь она напрямую выступает «... как согласованность опыта различных людей, взаимное соответствие их переживаний» [3]. Одновременно это позволяет определить сущность теоретической созерцательности как переживание бытия исследуемого.

Отметим и соответствие ряда сущностных положений эмпириомонизма и трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля. Уже название одной из частей его работы [5] - «Идея возвращения всех наук в единство трансцендентальной философии» подчеркивает это.

Также стоит вспомнить характеристику А. Бергсона о «проникновении сознания в самое себя».

Переживание бытия исследуемого и его возможности прозаично показано Н. Теслой в дневниковых записях [6]: «Когда изобретатель конструирует некоторое устройство, с тем, чтобы реализовать сырую идею, он с неизбежностью сталкивается с массой нерешенных мелких задач по деталям и по работе его детища. По ходу их решения он теряет свою изначальную сконцентрированность на главной идее. Получить результат можно, но при этом всегда ценой потери качества. Мой метод иной. Я не тороплюсь начинать практическую работу. Когда у меня возникает идея, я начинаю реализовывать ее в моем воображении – меняю конструкцию, ввожу улучшения и мысленно привожу устройство в действие. Для меня абсолютно несущественно, мысленно ли я запускаю свою турбину или испытываю ее в мастерской. Я даже замечаю, когда нарушается ее балансировка. ... Таким образом, я могу быстро проработывать и совершенствовать свой замысел, ни к чему не прикасаясь».

Объяснение теоретической созерцательности как переживание бытия исследуемого позволяет увидеть экзистенциальный механизм того, что мы ранее описывали словом «озарение».

Внутренний, экзистенциальный характер «озарения», как переживания бытия исследуемого, позволяет обратить внимание на то, что как свойство человеческой природы оно может стать методическим оснащением исследователя. Но для понимания того, как это может быть, необходимо обратиться к некоторым основам православия.

Отметим, что наука как исследовательская деятельность сформировалась в рамках христианства.

Это видно из того, что базовое положение, определяющее идею науки как исследовательской деятельности, сформулировано Г. Лейбницем: «Ничего нет без основания». И оно вытекает из одной из основ христианства – Догмата о Святой Троице.

Изначально единое, оно, восприняв различие в мышлении античных греков и римлян, разошлось на католический (западноевропейский) и православный (восточноевропейский) миры.

В православии выработался исихазм, в котором объектом созерцания является Христос [7]. Созерцательность древних греков стала одним из основных источников исихазма как созерцания. Слова Христа: «Я есть истина», - означают и то, что его созерцание – созерцание истины. И это имеет не только богословский смысл, но и прямое отношение к научному поиску как методическая и методологическая идея в виде переживания бытия исследуемого. Отметим, что слово метод происходит от μέθοδος – путь за. А одним из канонов православной иконописи является Одигитрия – указующая путь, путеводительница.

Говоря о теоретической созерцательности, мы исходим из того, что это качество изначально присуще человеку. У кого-то оно «на поверхности», у кого-то «скрыто». Но может быть эксплицировано.

Здесь стоит вспомнить, что отец Н. Теслы, будучи высокообразованным православным священником, готовил Николу к такой роли. Но тот стал выдающимся ученым и инженером. Но может быть именно изначальное воспитание привело к усилению созерцательных способностей Теслы.

Р. Бартини, обладавший выдающимися созерцательными возможностями, эмигрировав в СССР, всю остальную жизнь считал себя русским. Несомненно, одним из мотивов этого было то, что он попал в среду, благоприятную для развития его многочисленных и разнообразных идей.

Предпринятая характеристика содержательных изменений в науке привела нас к пониманию их смысла. Формула: «... производство – это организация внешних сил природы, организация человеческих сил, организация опыта» [2] рассматривает науку как организацию опыта.

Но осуществление этого имеет препятствием то, что производство не может исходить из спонтанных «озарений». Для него нужна планомерная регулярность, основанная на методичности.

Методичность индуктивно-аналитической науки, сформировавшейся в Западной Европе, очевидна. Как и исчерпанность ее возможностей. Это ее состояние подробно описывает Ф. Капра в «Поворотной точке» [8]. Философский анализ этого состояния и идею выхода из него рассматривают Э. Гуссерль в «Кризисе западноевропейской науки ...» [5] и М. Хайдеггер в «Науке и осмыслении» [1].

Но теперь мы сталкиваемся с необходимостью планомерного обращения исследователя к возможности переживать бытие исследуемого. К экзистенциальному свойству человека выставляется требование регулярности.

Это возвращает нас к тому, что, по словам Хайдеггера [1], предстало нам в мысли греческой древности. Значительность образа жизни созерцателя (βίος θεωρητικός) в ней выразилась и в регулярной подготовке к этому. Она осуществлялась в Академии, созданной Платоном, образом подготовки и обучения в ней.

В наше время стала формироваться методичность обращения к этому свойству человека. «Эмпириомонизм» Богданова представляет собой ее полноразмерную разработку. Н. Тесла в дневниковых записях [6] непосредственно говорит о методичности.

Р. Бартини, считавший, что «возможна математизация рождения идей», разработал метод «И-И», основанный на синтезе противоречий.

Представленные аргументы говорят о том, что внутренняя экзистенциальная работа исследователя уже не рассматривается как спонтанно возникающие «озарения». Она оснащается методичностью, способную превратить науку в производство, в котором осуществляется «организация опыта».

Литература

1. Хайдеггер М. Наука и осмысление (Пер. В.В. Библихина) / Время и бытие - М.: Республика, 1993
2. Богданов А.А. Тектология - М.: Финансы, 2003
3. Богданов А.А. Эмпириомонизм - М.: Республика, 2003
4. Хайдеггер М. Вопрос о технике (Пер. В.В. Библихина) / Время и бытие - М.: Республика, 1993
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию – СПб. – Владимир Даль, 2004
6. Tesla N. «My Inventions», Electrical Experimenter, may, june, july, oktober 1919, republished by Skolska Knjiga, Zagreb, Yugoslavia, 1977
7. Игумен Петр (Пиголь). Преподобный Григорий Синаит и его духовные преемники - М.: Изд. Макцентр, 1999
8. Capra F. The Turning Point (Science, Society, and the Rising Culture) Flamingo, 1983

Экогерменевтика и синергетика: возможности междисциплинарных взаимодействий¹²

Боженок К.А.

лаборант философского факультета

Государственный академический университет гуманитарных наук

магистрант философского факультета

Российский государственный университет гуманитарных наук

Российская Федерация, Москва

УДК 167.1

Аннотация: В докладе проводится сопоставление двух областей философско-методологического осмысления современной науки – экологической герменевтики и синергетики как особых направлений научного исследования. Философскую трактовку синергетики интенсивно разрабатывал В.С. Степин. Причем в качестве важнейшего условия познавательной эффективности синергетического подхода он рассматривал его принципиальную междисципли-

¹² Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс - МК-2022), заявка МК-4824.2022.2 «Историческая память и нарратив: экологические контексты».

нарность. Экогерменевтика – новейшее, ныне становящееся направление исследований феномена биогеоценоза. Тем не менее, в ее рамках уже достаточно отчетливо просматривается аналогичная методологическая потребность в междисциплинарных исследованиях. Автор демонстрирует, что сопоставление развитой Степиным трактовки междисциплинарности синергетического подхода и рассмотрение исследований биогеоценозов и роли человека в отношениях с природой, позволяет уточнить методологические основания и перспективы междисциплинарности в области экогерменевтики.

Ключевые слова: биогеоценоз, междисциплинарность, нарратив, окружающая среда, синергетика, экогерменевтика

Ecohermeneutics and Synergetics: Opportunities for Interdisciplinary Interactions¹³

Bozhenok K.A.

*laboratory assistant of Faculty of Philosophy
State Academic University for the Humanities
Master's student of the Faculty of Philosophy
Russian State University for the Humanities
Russian Federation, Moscow*

Annotation: The report compares two areas of philosophical and methodological understanding of modern science – ecological hermeneutics and synergetics as special areas of scientific research. The philosophical interpretation of synergetics was intensively developed by V.S. Stepin. Moreover, as the most important condition for the cognitive effectiveness of the synergetic approach, he considered its fundamental interdisciplinarity. Ecohermeneutics is the latest, now emerging direction of research into the phenomenon of biogeocenosis. Nevertheless, within its framework, a similar methodological need for interdisciplinary research is already quite clearly visible. The author demonstrates that a comparison of the interpretation of the interdisciplinarity of the synergetic approach developed by Stepin and consideration of studies of biogeocenoses and the role of man in relations with nature makes it possible to clarify the methodological foundations and prospects for interdisciplinarity in the field of ecohermeneutics.

Keywords: biogeocenosis, interdisciplinarity, narrative, environment, synergetics, ecohermeneutics

Экологическая герменевтика – интенсивно развивающийся ныне особый методологический подход в рамках научных исследований экологической проблематики, философское осмысление и методологическая разработка оснований которого еще только начинается. Специфика этого подхода состоит в том, что в нем объединяются вещи, на первый взгляд, не очень совместимые. Экология,

как правило, относится к сфере естественных наук (поскольку имеет в основании биологию), а герменевтика – исходно разрабатывалась как методологическая практика, применимая к «наукам о духе». Однако сегодня наука стремительно меняется, в ней возникают междисциплинарные методологические практики, соответствующие различным «человекообразным объектам». Эти изменения современной науки глубоко и основательно исследованы в книге В.С. Степина «Теоретическое знание». И хотя он не рассматривает в качестве примеров экогерменевтический подход, тем не менее, мы сегодня можем извлечь из его представления постнеклассической науки весьма много важного для методологических ориентиров экогерменевтических исследований.

Прежде всего, В.С. Степин обращается к философским основаниям синергетики, которая к началу 2000-х годов выходит за рамки физики, приобретает статус научно-исследовательской программы и используется (в качестве «дисциплинарной онтологии») для самых разных областей знания. Он формулирует важнейшую характеристику синергетики: «Она изучает любые самоорганизующиеся системы, состоящие из многих подсистем (электроны, атомы, молекулы, клетки, нейроны, органы, сложные многоклеточные организмы, человек, сообщества людей), уделяя особое внимание когерентному, согласованному состоянию процессов самоорганизации в сложных системах различной природы» [1, с. 650]. Для нас здесь важно, что экогерменевтика (как и синергетика) работает именно со сложными саморазвивающимися системами, ведь ее предметом являются «биогеоценозы».

Кроме того, осмысливая методологическое значение синергетики в междисциплинарных исследованиях, В.С. Степин выявляет онтологическую специфику саморазвивающихся систем, которая заключается в их принципиальной «человекообразности». «Среди исторически развивающихся систем современной науки – размышляет он – особое место занимают природные комплексы, в которые включен в качестве компонента сам человек. Примерами таких “человекообразных” комплексов могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом (глобальная экология), объекты биотехнологии (в первую очередь генетической инженерии), системы «человек – машина» (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта) и т.д.» [1, с. 631]. Аналогичную тенденцию можно проследить и в междисциплинарных исследованиях, базирующихся на принципах экогерменевтики. Так, Тимо Моран и Калеви Кулл формулируют восемь принципов экосемиотики (которая является неотъемлемой частью экогерменевтического подхода), согласно которым человек является частью биогеоценозов, а значит воздействует на природу и претерпевает сам ее воздействие [2]. В результате этих обоюдных воздействий меняется и сам человек, и окружающая его среда, т.е. меняется структура биогеоценозов, что приводит к трансформациям образа жизни их обитателей. Исследование и анализ связей и отношений внутри таких систем становится необходимостью для понимания и дальнейшего прогнозирования их дальнейшего развития. На основании полученных данных человек может скорректировать свое отношение к окружающему миру и выработать для себя новые программы экологического существования.

¹³ The work was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – candidates of science (Competition - МК-2022), application МК-4824.2022.2 “Historical memory and narrative: environmental contexts”.

Вернемся к синергетике в интерпретации В.С. Степина. Он констатирует, что «формирование оснований синергетики и ее трансдисциплинарного статуса включает множество философских проблем. Они связаны с пониманием особенностей саморазвивающихся систем и методологических принципов их анализа. Прежде всего – это проблема нового смысла категорий, обеспечивающих видение и понимание саморазвивающихся систем» [3]. Действительно, эта проблема (правда, несколько в ином виде) возникает и в экогерменевтических исследованиях, которые оказываются не только междисциплинарными, но и трансдисциплинарными (то есть в их организацию активно вмешивается общество и они приобретают, фактически, прикладной характер). Для осмысления проблемы понимания между участниками такого рода исследований необходимо по-новому интерпретировать экологические системы, представляя их как язык, как особого типа нарратив. Через акты наррации мы получаем представление об участниках биогеоценозов (природные объекты, растения, животные и люди), как о равноправных действующих лицах исторического повествования.

Такой способ экологического исследования предлагает исследователь Джон Ван Бюрен [4]. Новое представление позволит пересмотреть наше понимание природы в развитии человеческой науки и культуры. Участники экологического нарратива пишут историю развития и влияют друг на друга. Такое влияние может иметь как положительный характер, когда одна из систем развивается за счет контакта с другой, так и негативный, когда неправильная интерпретация сложившейся обстановки может приводить к катастрофам. В связи с этим, экологическая герменевтика ставит перед собой цель проанализировать нарративы различных биогеоценозов для интерпретации закономерностей в саморазвивающихся системах.

Не менее важный аспект экогерменевтики раскрывает Мишель Стин-Адамс, повествуя о создании пространства для исследования природных систем и их нарративов [5]. Он приводит в пример восстановление парка Зайон в штате Юта, внутри которого будет происходить исследование динамической саморазвивающейся природной системы, разрушенной до этого неэкологичным отношением к производственным отходам. Фактически, перед потенциальным исследователем образуется поле для осмысления закономерностей природных объектов. Будучи частью данной системы, человек не остается лишь сторонним наблюдателем, но может сам обратить внимание на природу как своего «собеседника» и перенести ее «знаки» в свою культуру и историю.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что экогерменевтика, работающая с человекообразными, междисциплинарными, саморазвивающимися системами и направленная не только на объяснение природных объектов, но и на их понимание и истолкование, вполне вписывается в концепцию постнеклассической науки, как ее формулирует В.С. Степин.

Литература

1. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
2. *Maran T., Kull K.* Ecosemiotics: main principles and current developments // *Geogrāfiskā Annaler: Series B, Human Geography*. 2014. № 96 (1). P. 41–50.

3. *Степин В.С.* О философских основаниях синергетики // <https://spkurdyumov.ru/philosophy/o-filosofskix-osnovaniyax-sinergetiki-v-s-stepin/>

4. *Buren J. van.* Environmental Hermeneutics: Deep in the Forest // *Interpreting Nature: The Emerging Field of Environmental Hermeneutics* / eds. F. Clingerman, B. Treanor, M. Drenthen, D. Utsler. Fordham University Press, 2013. P. 17–35.

5. *Steen-Adams M.* Applying Environmental History to Ecological Restoration: A Case Study from Zion National Park // *Ecological Restoration*. 2002. Vol. 20. No. 4. (December). P. 252–261.

Принципиальные пути гармонизации взаимодействия общества и природы как решение экологических проблем

Гезалов А.А.

Кандидат философских наук

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН),

группа «Диалог культур: философско-мировоззренческие проблемы» РФО Российской академии наук

(Москва, Россия)

УДК 502.35

Аннотация: Сегодня существует понимание того, что современная экологическая обстановка находится на грани всепланетной катастрофы. В статье исследуются проблемы гармонизации взаимодействия общества и природы как становление экологической культуры. Проблема в том, что взаимоотношение человека и природы базировалось «на иллюзорных представлениях о неисчерпаемости необходимых человеку ресурсов, источником которых всегда выступала эта среда». Это делает жизненно важным гармонизацию взаимодействия в системе «техника – человек – биосфера».

Ключевые слова: философия, общества, экология, техника, экологизации техники, гармонизация.

Principal ways to harmonize the interaction of society and nature as a solution to environmental problems

Gezalov Ariz Avazoglu

Ph.D.

Federal center of theoretical and applied sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS),

Research group «Dialogue of cultures: philosophical and worldview problems» of the Russian philosophical society RAS

Abstract: Today there is an understanding that the modern ecological situation is on the verge of an all-planetary catastrophe. The article examines the problems of harmonization of interaction between society and nature as the formation of ecologi-

cal culture. The problem is that the relationship between man and nature was based «on illusory ideas about the inexhaustibility of the resources necessary for man, the source of which has always been this environment». This makes it vital to monitor interactions in the «technique – man – biosphere» system.

Keywords: *philosophy, society, ecology, technology, ecologization of technology, harmonization.*

Экологическая проблема стала одной из самых актуальных и угрожающих проблем современности, подвергающей сомнению саму возможность дальнейшего проживания человечества на Земле. Обширное антропогенное воздействие, глобальность его пространственного охвата могут привести к самым фатальным последствиям, похуже мировой войны, возможно, исключая атомную. Деградация природной среды угрожает принять необратимый характер.[1]

На современном этапе развития общества разработка научного осознания единства общества и природы стимулируется необходимостью практического обеспечения такого единства. По сути дела, перед обществом повсеместно встала задача экологизации техники, оптимального согласования ее с природными процессами. Пессимисты считают эту проблему неразрешимой, поскольку техника, по их мнению, принципиально несовместима с природой, противостоит ей и не может быть увязана с природными явлениями как искусственное образование, созданное человеком.

Сам собой напрашивается вывод о том, что современное производство организовано с нарушением системных принципов. Таким образом, *экологический кризис запрограммирован в существующей технологии производства*. Но из этого не следует, что техника в принципе несовместима с природными процессами. Она вполне совместима с ними, но при том условии, что производство будет построено в соответствии с законами системной целостности саморегулирующихся систем.

Переход на качественно новую технологию производства с замкнутым циклом использования вещества позволит резко сократить потребление материалов из окружающей среды. За исключением небольших потерь в результате рассеивания, распыления и т. д. все вещество будет при новой технологии циркулировать в социальной среде, и новые количества вещества будут требоваться лишь для расширенного воспроизводства и компенсации неизбежных потерь, то есть примерно так, как происходит и в живой природе. Если бы живая природа с самого начала встала на тот же путь использования вещества, по которому пошел человек, то от всей огромной массы нашей планеты при существующих биогенных темпах миграции элементов уже давно бы ничего не осталось. Способом преодоления противоречия между нарастанием интенсивности метаболических процессов в живой природе и ограниченным количеством вещества в неживой природе планеты стали круговороты вещества. Общественное производство также должно подчиниться принципу круговорота вещества.

Несколько сложнее обстоит дело с другим важнейшим фактором производства – энергетическим. В настоящее время изыскиваются способы концен-

трации, излучаемой от техносистем энергии, с тем, чтобы ее снова можно было использовать на полезную работу. Это очень интересное направление, в случае успеха сулящее большие выгоды людям. Но уже сейчас намечается и другой путь получения энергии, более совершенный экологически. Он основан на использовании процесса, который давно осуществляется в природе – утилизации энергии солнечного луча [2, с. 235].

Следовательно, экологизированная техника (экотехника) вполне возможна. Создание ее является актуальнейшей задачей человечества, и процесс этот составит основное содержание новой научно-технической революции, которая придет на смену нынешней[3].

Перестройка технологии производства на экологической основе – таков следующий этап совершенствования природопользования после этапа защиты природы на основе традиционной технологии.

Технически такой переход вполне осуществим. Другое дело, насколько способствуют технологической революции социальные условия. Можно определенно сказать, что общественные отношения современной цивилизации не в состоянии обеспечить реализацию необходимой технологической революции в том объеме и направленности, какие требуются для перехода к экотехнологии. Прежде всего, отметим две причины.

Экотехнология предполагает: 1) увязку и плановую регуляцию всей совокупности звеньев производства; 2) качественно иной стимул экономики (не максимальную прибыль, а плановый учет потребности людей и требований окружающей среды безотносительно к величине прибыли). Такой стимул возможен только в условиях экономики, основанной на иной системе ценностей и развивающейся непосредственно в интересах людей, а не опосредованно через обеспечение прибыли.

Экотехнология совместима только с тем обществом, где непосредственной целью производства является не максимальная прибыль, а интересы всех людей, их здоровье и счастье.

Экотехнология снимет ряд ограничений на развитие производства, которые возникли в современных условиях, и прежде всего ограничения со стороны природной среды. Однако это не означает, что будут сняты вообще всякие ограничения технического порядка. Рано или поздно появятся новые ограничения, для снятия которых потребуются еще технологическая революция, и так до тех пор, пока будет существовать общество и обслуживающее его производство. В свете сказанного становится понятной беспредметность споров о том, есть пределы роста общественного производства или нет.

Пределы роста, разумеется, есть, но они существуют не вообще, а конкретно для каждой общественной системы и для каждого конкретного уровня развития технологии производства. Очевидно, что существующая технология производства вообще близка к предельным значениям своего роста в данном качестве. Исследования «Римского клуба» довольно однозначно показали это.

С рассуждениями о пределах роста экономики непосредственно связана и проблема народонаселения. Может ли население Земли расти беспредельно? Нет. Для каждого конкретного общественного строя и качественно определен-

ного характера технологии производства может быть вполне определенный оптимальный уровень населения. Этот уровень можно рассчитать на основе учета реальных потенциалов общественного производства и природной среды. Видимо, в будущем люди смогут сознательно регулировать численность населения соответственно реальным возможностям общества предоставить достаточный простор для развития каждой личности. Но такая разумная регуляция численности населения будет возможна тогда, когда, как заметил Ф. Энгельс, люди сначала научатся регулировать производство вещей [4, с.124]. Можно полагать, что для будущего общества проблемы населения просто не будет, и поэтому в отдаленном прогностическом плане она нас вряд ли должна волновать. Но сегодня проблема населения стоит очень остро и прежде всего потому, что и здесь техническая цивилизация достигла предела своего развития, создав избыточное население в силу чисто социальных, но не продовольственных причин.

Обратим внимание еще на один факт. Во многих исследованиях по демографии и социальной экологии, когда речь заходит о возможностях биосферы прокормить население планеты, как правило, приводятся довольно оптимистические подсчеты, сколько земель можно еще распахать, сколько с них удастся собрать урожая и как можно интенсивнее использовать резервы Мирового океана. При этом в тени остается немаловажное обстоятельство: биосфера имеет не только количественные, но и качественные пределы размещения людей и техноединиц на ее поверхности.

Что это значит? Мы уже говорили в связи с проблемой целостности биосферы о том, что для поддержания процессов саморегуляции она должна иметь вполне определенное количественное соотношение присущих ей важнейших компонентов, как меру влажности и т.д. Важно то, что предельные значения параметров биосферы есть, они должны быть рассчитаны как для природных, так и антропогенных факторов и должны соблюдаться, в противном случае биосфера может необратимо утратить присущую ей способность к саморегуляции и перейти в новое качество с понижением уровня организованности и продуктивности, что, конечно, крайне нежелательно.

Таким образом, необходимая гармонизация отношений общества и природы может быть обеспечена в процессе незамедлительного перехода к новому этапу научно-технической революции, основным содержанием которого должно стать коренное изменение положения человека в системе «общество-природа», подобно тому, как современный этап научно-технической революции резко изменил положение работника в системе «человек – техника». Общей чертой обоих этапов научно-технической революции является то, что значительно возрастает роль человека в технических и природных процессах.

Следует отметить, что образцом для людей в этом отношении могут быть единственные автотрофные организмы на Земле – зеленые растения, которые стали независимы в своем питании от других организмов, благодаря образовавшейся у них способности использовать вещества минеральной природы и приходящую из Космоса свободную энергию. И человек должен не просто осознать себя как частицу природного Космоса, но самое главное – понять свою созидательную, поддерживающую этот Космос роль.

Нам, привыкшим к современной технологии, трудно представить, что она может столь радикально измениться, и, тем не менее, так будет, причем это произойдет не в каком-то отдаленном будущем, а в довольно скором времени, судя по некоторым признакам в развитии современной науки и техники.

По-видимому, самым важным техническим условием перехода к совершенно новому типу производства является принципиально иная энергетическая ориентация на преимущественно непосредственное использование солнечной энергии.

Таким образом, современная научно-техническая революция является первым звеном (прелюдией) более существенного и коренного переворота во всей системе технологий и общественных отношений в целом. Можно назвать этот переворот новой научно-технической революцией, которая одновременно будет означать переход к новой культуре.

Подытоживая, следует отметить, что лишь совместное решение вопросов экологического баланса и защиты окружающей среды позволит уравновесить положение развитых и развивающихся стран по многим позициям и повернуть глобализацию в направлении общегуманного развития, которое поможет сохранить человечество как вид.

Литература

1. *Гезалов А.А.* Трансформация общества в эпоху глобализации (социально-философский анализ). – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 288 с.
2. *Вернадский В.И.* Автотрофность человечества // Проблемы биохимии: Труды биохимической лаборатории. XVI. – М.: Наука. 1980. – С. 228-245.
3. *Марахов В.Г.* Научно-техническая революция и природная среда // Вопросы философии. 1974. №8. – С.25-35.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 35. – 557 с.

Движение в пространстве и логические основания науки

Годарев-Лозовский М.Г.

*Институт исследований природы времени (ИИПВ), Лаборатория-кафедра «Прогностических исследований», Москва – Санкт-Петербург
Руководитель Лаборатории-кафедры «Прогностических исследований» ИИПВ
(Москва – Санкт-Петербург, Россия)*

УДК 115

Аннотация: концептуально обозначена проблема различия принципов движения классической и квантовой частиц. Логически согласован наглядный принцип движения макротела и составляющих его квантовых частиц в реальном пространстве.

Ключевые слова: реальное пространство, классическое движение, квантовая бестраекторность, дискретное и непрерывное.

Movement in space and the logical foundations of science**Godarev-Lozovsky M.G.**

*Institute for Research on the Nature of Time (IPV), Laboratory-Department of "Prognostic Research", Moscow – St. Petersburg
Head of the Laboratory-Department of "Prognostic Research" IPV
(Moscow – St. Petersburg, Russian Federation)*

Annotation. The problem of the difference between the principles of motion of classical and quantum particles is conceptually outlined. The visual principle of the movement of the macro body and its constituent quantum particles in real space is logically consistent.

Keywords. real space, classical motion, quantum no trajectory, discrete and continuous.

«Основания науки предстают особым звеном, которое одновременно принадлежит внутренней структуре науки и ее инфраструктуре, определяющей связь науки с культурой». В.С. Степин.

Концепция метаболического движения А.П. Левича в самом общем виде допускает следующее: «...время – свойство открытых систем» [1, с. 56]; «... «настоящие» элементы метаболического пространства – это не точки, а шлейфы субстанции» [1, с. 58]; «...движение происходит не путем «раздвигания» элементов субстанции, а путем их замены в системе, а именно путем «вхождения» в систему одних точек метаболического пространства и «выхода» других» [1, с.62-63]. В свете обозначенной концепции А.П. Левича рассмотрим различия движения классического и квантового объектов.

Причиной классического, траекторного движения является сила, которая сообщает телу импульс ($p = mv$), а изменение импульса тела влечет изменение его координаты. Однако, величиной, которая определяет состояние свободной квантовой частицы, является волновой вектор, однозначно связанный с её импульсом соотношением: $p = \hbar k$, а чем длина волны де Бройля меньше, тем больше модуль импульса. Но логически: должна существовать гармоничная асимметрия классических и квантовых систем: элементарное изменение импульса классической частицы опережает изменение её координаты; а элементарное, *вневременное* изменение координаты квантовой частицы опережает изменение её импульса во времени [2, с. 11].

Какова же логика движения квантовой частицы? Реальное пространство непрерывно, ибо, в противном случае, наблюдались бы классические непрерывные траектории в микромире, а время не непрерывно, ибо, в противном случае мы никогда и ничего бы не дождались. Таким образом, при нашем допущении математической неравномерности пространства и времени: у квантовой частицы недостаточно моментов счетного множества времени, чтобы двигаться темпорально и избыток несчетного множества точек пространства, чтобы двигаться траекторно. Именно поэтому движение квантового микрообъекта описывается с обращением к комплексным числам.

При комплекснозначности Ψ возможно следующее описание «мнимого» движения, с учетом фундаментальной роли потенциального в микромире. Физическое взаимодействие в прошлый необратимый момент времени, характеризуемое, допустим, числом (-1) , порождает потенцию (i) и актуализированность $(-i)$ последующего перемещения микрообъекта, описываемые как извлечение из этого числа квадратных корней, т.е. $\sqrt{-1}$, с результатами: i ; $-i$. В свою очередь, умножение потенции на актуализированность т.е. $i * (-i)$, порождает новое физическое взаимодействие микрообъекта со средой на новом месте, в будущий момент времени, характеризуемое числом 1 [2].

Ответ на апории Зенона концепции А.П. Левича заключается в следующем. «Метаболическое движение» макротела реализуется путем последовательного «вхождения» в тело одних точек «метаболического пространства», заполненного материальной средой, и «выхода» из тела других точек. Заслуга предсказанного метаболического движения, в частности, в том, что оно неявно указало на нерешенную физиками задачу математического обоснования общезначимого понятия «импульс».

Уточним и конкретизируем тезис о дискретности или непрерывности в отношении движения объектов в реальном пространстве. Бестраекторное движение квантовой частицы, т.е. её элементарное перемещение (квантовый скачок, туннелирование и т.п.) реализуется дискретно, но описываться оно может как движение точки комплексного переменного по непрерывному пути. Траекторное движение макротела, состоящего из «скачущих бестраекторно» квантовых частиц – непрерывно, но при этом астрономическое тело может находиться в состоянии покоя и, соответственно, не иметь траектории относительно выделенной системы отсчета – микроволнового фона. Однако, в очень редких случаях – макротело телепортирует, т.е. перемещается дискретно, а квантовая частица – двигается по квазиклассической траектории, т.е. почти непрерывно. На основании вышеизложенного выделим весьма нетривиальный общий философский принцип, который лежит в основании физической реальности: движение в пространстве одновременно дискретно и непрерывно!

Но, почему, например, движение квантовой частицы одновременно дискретно-непрерывно? Большие физики по-разному и неоднозначно объясняли движение квантовой частицы, а общее непонимание выразил Р. Оппенгеймер: «На вопрос, остается ли положение электрона всегда одним и тем же, мы должны ответить нет, на вопрос, меняется ли положение электрона со временем, мы должны ответить нет. На вопрос, является ли он неподвижным, мы должны ответить нет, на вопрос, находится ли он в движении, мы должны ответить нет». В итоге Р. Фейнман констатирует: «Квантовую механику никто не понимает...», добавив, включая её основателей. Ведь А. Эйнштейн полагал, что неизвестная траектория частицы при квантовом скачке существует, Э. Шредингер – что сама квантовая теория делает скачок, Н. Бор считал этот вопрос природы квантового скачка физически бессмысленным, а В. Гейзенберг был убежден в том, что частица «скачет» вне пространственно-временного континуума. Выдвигались и аналогичные предположения. Я. И. Френкель: двигаясь, частица «регенерирует» от одной к другой точке пространства минуя промежуточные точки. И.Л.

Герловин: движение микрообъекта реализуется в мнимой области пространства. Л. Аккарди: «Когда частица мгновенно материализуется в определённом месте, её виртуальное присутствие в любой другой точке пространства мгновенно отменяется ... измените физическую интерпретацию состояний суперпозиции и парадоксы исчезнут».

Таким образом, физики почти вышли на философское понимание движения как на диалектику, взаимную дополнительность, взаимную превращаемость, суперпозицию дискретного и непрерывного. А, ведь, действительно: квантовый микрообъект дискретно (скачкообразно) туннелируя, находится в состоянии суперпозиции к собственным координатам в непрерывном пространстве и в *не непрерывном* времени, а описываться все это может как непрерывное перемещение величины в плоскости комплексного переменного. При этом, определено, существует взаимная дополнительность последовательных дискретных и бестраекторных перемещений квантовых частиц, составляющих макротело и траекторного, непрерывного движения самого этого макротела.

Физическая сторона проблемы движения в микромире следующая. Решение уравнения Шредингера, как уравнения движения квантового микрообъекта представляет собой комплексное число, а сама волновая функция существенно комплекснозначна – всё это представляется совершенно закономерным.

Математическая сторона проблемы движения несколько иная. Известно, что комплексные числа не сопоставимы друг с другом по принципу «больше-меньше», но этот принцип допустим в отношении действительных чисел. Подобное положение связано с тем, что вектора, каковыми являются комплексные числа, кроме величины имеют, еще и направление, т.е. комплексные числа представлены направленным отрезком в комплексной плоскости. Э. Борель задает в отношении разрывных функций, принимающих только значения 0 и 1 следующий вопрос. «Это множество логически определено, однако я спрашиваю себя, имеем ли мы о нём какое-либо представление? Можем ли мы представить себе самую общую разрывную функцию одного вещественного переменного (по-прежнему предполагая, что значениями функции служат только 0 и 1)? Для того, чтобы задать такую функцию, нужно задать её значение для всех вещественных значений переменного. Но это множество значений несчетно, поэтому нельзя указать процедуру, которая позволяла бы получить их все, т.е. добраться до произвольного значения по прошествии некоторого ограниченного времени» [3, с. 340]. То есть: невозможно задать функцию вещественного переменного для всех его значений, что для физики означает наличие апорий Зенона, как невозможность движения фундаментальной квантовой частицы по сплошной траектории в непрерывном пространстве за счетное множество моментов времени. Соответственно: у квантовой частицы недостаточно моментов времени для темпорального движения и избыток элементов пространства для движения траекторного.

Но какое движение возможно? К. Гаусс писал: «Непрерывный переход от одного значения x к другому $a + bi$ совершается... по линии и, следовательно, возможен бесконечно многими способами» [3, с. 360]. Действительно, ведь, допустимо обнаружить актуально существующую в комплексной плоскости

сплошную линию, которая бы непротиворечиво соединила две точки на вещественной оси. Но, ведь, подобная линия вполне может описать, например, однократное туннелирование (квантовой скачок) частицы в реальном пространстве. Это, в свою очередь, означает, что при туннелировании происходит превращение изначально заданного «мнимого», непрерывного пути частицы в её «точку входа» и «точку выхода», т.е. превращение пути в последовательные дискретные координаты микрообъекта в реальном пространстве.

Вспомним, что Н. Лузин в духе Б. Римана определял «*точку как бесконечность стягивающихся интервалов*», а в проективной геометрии существует принцип двойственности, который допускает взаимную замену терминов «*точка*» и «*прямая*». И только различение *актуальной* бесконечности любого отрезка комплексной плоскости с её вещественной осью и *потенциальной* бесконечности величин, присутствующих в классическом матанализе позволяет разрешить проблему понимания того, почему, собственно, комплекснозначна волновая функция. Известно, что академик Л.С. Понтрягин описывает аналогичное физическому движение точки в плоскости комплексного переменного, однако, он, будучи математиком, не связал это движение с квантовым туннелированием частицы в реальном пространстве см. [4, с. 15-19].

Но как двигается макротело? Объяснил А.П. Левич: движение происходит не путем «раздвигания» элементов субстанции, а путем их замены в системе, а именно путем «вхождения» в систему одних точек метаболического пространства и «выхода» других» [1, с. 62-63]. Будем полагать, что в самом общем виде мы ответили на вопрос о логике связи дискретного и непрерывного при движении физического объекта. Далее, рассмотрим один характерный эксперимент.

При междудонном туннелировании через «запрещенную зону» динамика координаты туннелирующей частицы в координатном пространстве не описывается уравнением Шредингера, а сама частица не имеет траектории. В квантовой механике импульс частицы p не является функцией координаты частицы x , но первый изменяется «по классическому закону» [5, с. 1062-1063]. Как мы полагаем: элементарно перемещаясь при туннелировании, микрообъект находится в состоянии суперпозиции по отношению к двум смежным, непосредственно следующим друг за другом моментам прошлого и будущего не непрерывного времени ($t0, t1$); а также по отношению к двум отдаленным друг от друга в непрерывном пространстве координатам ($x0, x1$). Выявленная асимметрия частично объясняет квантовую нелокальность микрообъекта.

Приведенный эксперимент подтверждает справедливость допущения суперпозиции, как фундаментального для квантовой механики принципа движения объектов. Наши предсказания: физики-теоретики в будущем признают фундаментальную роль принципа суперпозиции в понимании движения микрообъектов и примут новое обобщенное понятие «импульс».

Литература

1. Левич А. П. Субстанциональное время открытых систем. // Метафизика. – 2013. – №1 (7) – С. 50 -72.

2. Годарев-Лозовский М.Г. Кинематическая интерпретация волновой функции и мета теоретический принцип соответствия. // Социальное время. Йошкар – Ола. 2020. №1 (21), с. 9-17.

3. Даан-Дальмедико А., Пейфер Ж., Пути и лабиринты. Очерки по истории математики. М.: Мир. –1986 – 431 с.

4. Понтрягин Л.С. Обобщения чисел. М. Наука. 1986. 117с.

5. Келдыш Л.В. Динамическое туннелирование. // Вестник РАН. Т.86. – 2016. – №12. – С.1059-1072.

Трансформация глобальной власти в XXI веке

Королёв А.Д.

кандидат философских наук

Институт философии Российской академии наук
(Москва, Россия)

УДК 101.1

Аннотация. В работе показана взаимная адаптация власти к меняющейся природе человека и человека к меняющейся природе власти. Рассмотрены такие вопросы, как доминирование онлайн общения над общением по принципу «глаза в глаза» без технических средств. Последствия для природы человека того факта, что сегодняшние виртуальные реальности стали более привлекательными для людей, чем природные, физические реальности. В XXI веке нас подстерегают две опасности: с одной стороны, власть выдвигает тезис «природа важнее человека» (отсюда борьба с потеплением климата и т.п.), с другой стороны, почти все необходимые для жизни гормоны и нейромедиаторы человек может получить, общаясь с реальностями, созданными компьютерными технологиями, а не природой. Даны рекомендации по выходу из этой тупиковой ситуации.

Ключевые слова: глобальная власть, виртуальная реальность, природа, психология человека, адаптация, нейромедиаторы.

Transformation of global power in the XXI century

Korolev A. D.

PhD (Philosophy)

The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Annotation. The paper shows the mutual adaptation of power to the changing nature of man and man to the changing nature of power. Such issues as the dominance of online communication over communication on the principle of "eye to eye" without technical means are considered. The consequences for human nature of the fact that today's virtual realities have become more attractive to people than natural, physical realities. In the XXI century, two dangers lie in wait for us: on the one hand, the government puts forward the thesis "nature is more important than man" (hence the fight against climate warming, etc.), on the other hand, a person can get almost

all the hormones and neurotransmitters necessary for life by communicating with realities created by computer technologies, and not by nature. Recommendations are given on how to get out of this impasse.

Keywords: global power, virtual reality, nature, human psychology, adaptation, neurotransmitters.

Современная глобальная власть пользуется следующими особенностями человеческой психики: концентрация внимания (объём внимания), самооценка, потребностно-эмоциональная сфера, объём восприятия и краткосрочной памяти, подражание как самый лёгкий вид научения, привлекательность изменённых состояний сознания, конформизм и многие другие. Наша задача – определить направление, в котором будет развиваться власть, адаптируясь к происходящим в наше время изменениям человеческой природы.

Академик В. С. Стёпин в своё время справедливо заметил, что «новые технологии обработки сознания масс людей открыли широкие возможности информационного насилия, манипуляций с общественным сознанием со стороны анонимных социальных групп властной элиты, связанных с интересами финансовой олигархии и её ролью в организации современного мирового рынка» [1, с. 409-410].

Первое изменение – уменьшается время концентрации человеческого внимания. Это проявляется в клиповом мышлении, в патологической зависимости от смартфона, в необходимости постоянной подпитки человеческой психики дофаминами и т.д. В таких условиях становится невозможным использовать в качестве пропаганды длинные и сложные тексты или, например, радиоспектакли. Приходится пользоваться лозунгами («Голосуй или проиграешь»), фотографиями (кандидата на выборах с известными людьми), клипами и т.п.

Во-вторых, резко уменьшается время общения людей друг с другом по принципу «глаза в глаза» без использования каких-либо технических средств. Увеличивается время онлайн общения. Это неизбежно ведёт к большим проблемам при формировании адекватной самооценки. Власть начинает извлекать выгоду из всяческого поощрения завышенной самооценки.

В условиях дефицита физического общения «глаза в глаза» без технических средств у сплочённых меньшинств появляется реальная власть. Они требуют, чтобы патологию рассматривали сегодня как норму. К большому сожалению, сплочённым меньшинствам чаще всего удаётся навязать свою волю большинству. Базовый принцип демократии «меньшинство подчиняется большинству» стал сегодня под большим сомнением.

Если раньше преимущество было у тех людей, кто быстрее и легче адаптировался к природным явлениям (они становились лидерами и пользовались заслуженным авторитетом у окружающих), то теперь преимущество получают те, кто быстрее и легче находит общий язык с окружающими людьми.

В-третьих, виртуальная реальность становится более привлекательной, чем физическая реальность. Возникает зависимость от постоянного эмоционального возбуждения. Фоном такого возбуждения современная власть предпочитает делать страх и другие отрицательные эмоции. Дело в том, что страх блокирует логическое мышление, умение работать с понятиями. Легко продемон-

стрировать данный тезис на примере понятия числа. Число появляется только в том случае, когда есть единицы измерения, когда мы пользуемся интервальной шкалой или шкалой отношений. В противном случае написанное на бумаге или показанное на мониторе число является лишь названием числа. При этом правила арифметики перестают работать (названия нельзя складывать, вычитать, делить и умножать). Этим изъяном человеческой психики широко пользуются финансовые круги всех стран мира. Для названия чисел можно использовать только шкалу наименований или шкалу порядка.

Примеры использования властью особенностей психологии человека можно было бы продолжить, но нам интереснее посмотреть, в каких направлениях отмеченные тенденции трансформации власти можно было бы переломить в пользу раскрытия резервных возможностей человеческой психики.

Первая тенденция – сокращение времени на ту или иную психологическую операцию. Отсюда, например, популярность сервиса для создания и просмотра коротких видео TikTok. Данный сервис принадлежит китайской компании «ByteDance». Это название можно перевести как «танец байтов». Одновременно появляются такие очень быстрые танцы, как вог (Vogue Dance), которые полностью соответствуют общемировой тенденции сокращения времени на психологическую операцию. В будущем власти придётся считаться с отмеченной тенденцией, переломить её, с нашей точки зрения, невозможно.

Вторая тенденция – переход от непосредственного общения к опосредованному техническими средствами общению – наиболее опасна. Переломить её особенно сложно, а бороться с ней бесполезно. Но можно создать «параллельную» реальность, в которой реальной властью будут обладать группы, отказавшиеся от онлайн общения. Всевозможные корпоративные социально-психологические тренинги спланивают трудовой коллектив, дают ему преимущества в конкурентной борьбе. М. Хазин и С. Щеглов пишут в своей книге «Лестница в небо»: «Власть – это система, в которой не существует индивидуальных игроков, а есть только коллективные. По этой причине любое движение к Власти нужно начинать с поиска “банды”, команды, группы, которая играет во властных играх самостоятельную и значимую роль» [2, с. 18]. Интернет позволяет очень быстро отобрать в данную группу нужных людей и провести их неформальную инициацию.

Наконец, третью тенденцию, когда виртуальная реальность становится более привлекательной по сравнению с физической реальностью, можно переломить, на наш взгляд, если эффекты от новых освоенных двигательных паттернов будут быстрее и легче вырабатывать дофамины, чем виртуальная (компьютерная) реальность.

В целом, в XXI веке победит та власть, которая даст преимущества людям, овладевающим совместными, групповыми, сложными и быстрыми движениями, делающими людей счастливыми, а их жизнь радостной и наполненной глубоким смыслом. Власть «кнута и пряника» постепенно будет замещаться в XXI веке властью экспертов.

Власть экспертов, которых никто не выбирал, построена на том явлении, что любые нейромедиаторы могут вырабатываться организмом не в результате

столкновения с физической, природной реальностью (как было раньше), а в результате воздействия на органы чувств соответствующего информационного повода. Задача средств массовой информации – продуцировать противоречивые сведения, чтобы человек постоянно находился в ситуации неопределённости, не понимал логику событий, не был уверен в своём будущем. В ситуации неопределённости человек готов пойти за тем, кто предложит самое простое и понятное всем решение. Например, во всех проблемах виноват такой-то политик (фамилия не имеет значение). Граждане начинают считать, что, если этот политик уйдёт, то автоматически будут решены возникшие проблемы. Людям очень сложно понять, что уход данного политика приведёт к возникновению более сложных и опасных проблем. В качестве примера можно назвать Виктора Фёдоровича Януковича на Украине или Михаила Николаевича Саакашвили в Грузии.

Современная власть широко пользуется и будет пользоваться в дальнейшем тем обстоятельством, что взрослые люди сохранили элементы детского мышления [3, с. 50-53]. Например, эгоцентризм, когда человек считает, что окружающий мир создан для удовлетворения потребностей человека: я хочу путешествовать, любые ограничения в моём передвижении совершенно не приемлемы для меня. Другой пример – это реализм, когда «название предмета так же реально, как и сам предмет, и способно наделять этот предмет незыблемыми признаками» [3, с. 53]. Мы уже упоминали о том, что название числа, как результата использования шкалы порядка, человек не может отличить от самого числа, возникающего в результате использования интервальной шкалы. Это обстоятельство власть широко использует и будет использовать в дальнейшем. Наконец, артифициализм детского мышления приводит к уверенности в том, что события происходят по желанию и воле конкретного человека. Отсюда такие выражения, как «эпоха Брежнева», «эпоха Горбачёва», «эпоха Ельцина» и т.п.

Современной глобальной власти свойственно долгосрочное планирование, заранее создаются условия, в которых поведение человека становится безальтернативным. Например, элементная база сенсорного телефона появилась задолго до его продаж. Власть сегодня не навязывает товары, со стороны покупки выглядят как свободное волеизъявление свободного человека. Действительно, никто не заставляет человека покупать смартфон и тратить своё свободное время на Интернет. Бороться с данной тенденцией бесполезно, но можно найти своё место в информационном обществе.

Как власть адаптируется к особенностям человеческой психики, свойственным менталитету каждого народа, так и человек может адаптироваться к власти. Условия успешной адаптации очень простые – не унывать, не чувствовать себя рабом «электронного концлагеря», получать дофамины, эндорфины, серотонин и другие гормоны счастья не из Интернета, а из овладения сложными двигательными паттернами своего тела.

Ещё одна из трансформаций современной глобальной власти – это отказ от общества потребления и переход к информационному обществу. Тело может вырабатывать любые нейромедиаторы, «гуляя» по Интернету, а не в результате

освоения terra incognita, связанного с реальной опасностью. Общество потребления больше не нужно. Оно использовалось для разрушения СССР. Это означает, что уровень жизни европейцев и американцев стремительно покажется вниз в ближайшие годы. Возникнут серьёзные беспорядки, как сегодня в Шри-Ланка. Такие беспорядки будут приветствоваться, так как глобальная власть считает, что на Земле сегодня слишком много людей. «Лишние» люди не нужны, так как природа не выдерживает такого количества людей.

Сегодня борьбу за здоровье человека и охрану окружающей среды часто используют против человека. В качестве аргументации обычно приводится тезис, что здоровье зависит от чистоты окружающей среды, а природа важнее человека и не создана для обслуживания потребностей людей. Контраргументом может служить тезис о безграничных возможностях адаптации человека к изменениям в окружающем его пространстве и о безграничных возможностях адаптации природы к человеческой деятельности. Природа – не кладовая с ограниченным запасом ресурсов, а площадка для поиска новых ресурсов развития, которыми ранее человек никогда не пользовался. Как человек может адаптироваться к природе, так и природа может адаптироваться к человеку. В этом плане возможности природы безграничны.

Чтобы противостоять данным тенденциям трансформации глобальной власти нужно научиться критически мыслить, анализировать разные точки зрения, работать с абстрактными понятиями, отказаться от детского мышления. В данном вопросе особая роль принадлежит философии и другим гуманитарным наукам.

Литература

1. Стёпин В. С. Человек. Деятельность. Культура. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2018. 800 с.
2. Хазин М.Л., Щеглов С.И. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите. Москва: РИПОЛ классик, 2016. 624 с.
3. Годфруа Ж. Что такое психология: В 2-х т. Изд. 3-е, стереотипное. Т. 2: Пер. с франц. Москва: Мир, 2005. 376 с.

XXI век: движение к новому образу мира

Крушанов А.А.
профессор, д.ф.н.,
Институт философии РАН
(Москва, Российская Федерация)

УДК 167

Аннотация. Автор отмечает, что в последние годы активизировались стихийные попытки построения и популяризации обобщенного образа нашей Вселенной, что близко к разработке общенаучной картины мира. Но эта работа ведется очень прямолинейно и упрощенно, что делает желательным участие в такой работе философов и прежде всего философов науки.

В этом случае важно то, что для развития более точной общенаучной картины мира видны новые возможности.

В то же время интересно, что фактически принятая наукой и философией общенаучная картина мира сегодня теряет свою прежнюю определенность.

Все вышесказанное убеждает, что развитие нового, более точного образа мира, может оказаться новой большой и интересной коллективной задачей.

Ключевые слова: общенаучная картина мира, Вселенная, эволюция Вселенной, синергетика, универсальный эволюционизм, универсальные свойства и закономерности, космография.

XXIst Century: moving to the new Image of the World

Krushanov A.A.
Professor, PhD.
Institute of Philosophy RAS
(Moscow, Russian Federation)

Summary. The Author notes that during the last years spontaneous but active attempts to form and to popularize general image of the Universe take place. The goal of this activity is very similar to the goal of General Picture of the World forming. But there is a problem: such attempts are straightforward and simplified, that is why this work needs philosophical support.

It's important in this case that there are new opportunities for developing new and more adequate General Picture of the World. From other side It's interesting that General Picture of the World which factually is adopted by Science and by Philosophy is losing its previous definiteness now.

Such reasons show that forming of new and more adequate Image of the world could be new and interesting task for new collective research work.

Keywords: General Picture of the world, Universe, Universe evolution, Synergetics, Universal evolutionism, universal properties and laws, Cosmography.

Философия науки имеет славную историю, охватывающую внушительное число значительных и впечатляющих открытий. Кажется, повезло и нам. Похоже, есть возможность поразмышлять над новой серьезной переменной, которая способна повлиять и на научное познание, и на философское видение мира. О том, что такая масштабная переменная возможна, говорит целый ряд новых явлений, создающих совместно большой вызов существующей общенаучной картине мира.

Для прояснения перемен и их серьезности стоит представить особенности образа мира, который направлял познание до последней трети XX в., хотя во многом определяющий и сейчас:

1. Все множество материальных объектов распределено по отдельным областям реальности, в которых действуют свои специфические законы (физические, химические и т.д.). Такие области получили название "структурных уровней реальности".

2. Объекты структурных уровней реальности порождены в ходе разворачивания единого космического эволюционного процесса.

3. Объекты эволюционно более поздних уровней реальности появились путем объединения некоторого числа объектов предшествующего уровня (из атомов созданы молекулы, из молекул – организмы и т.п.). Потому более поздние объекты сложнее, чем объекты предшествующего уровня, и соответственно обладают по сравнению с исходными объектами дополнительными, новыми, свойствами.

4. Эволюционный процесс, таким образом, направлен, как принято говорить, «от простого к сложному». А в силу того, что известный нам процесс со временем привел к созданию человека и общества, стало естественным также говорить, что эволюция шла еще и от «низшего к высшему» и потому выступает «прогрессивным развитием».

5. Благодаря О. Конту, классические науки (физика, химия и т.д.), а также и изучаемые ими предметные области (т.е. структурные уровни) оказались резко противопоставленными, - «несопоставимыми» по своим характеристикам.

Что же происходит уже в наше время?

Прежде всего, интерес вызывает появление в последнее время весьма большого числа книг с фактически единым названием «История (или теория) всего». В таких книгах излагается обобщенная история нашего космического мира на физико-химических этапах космической эволюции. Появление и эволюция жизни и далее чаще всего не рассматриваются, т.к. такие книги обычно пишут исследователи с астрономической подготовкой. В этом смысле наши диалогички работали масштабнее, оставив нам свой ценный опыт в этой области.

Удивительно, но описанное явление коррелирует с тем, чем озабочены наши серьезные астрофизики. Так недавно состоялся цикл публичных занятий под общим названием «Космография». Фактическим автором курса является Л.М. Гиндилис (ГАИШ). Но он, к сожалению, умер. Потому дело продолжили единомышленники. В аннотации к курсу написано: «космография должна быть введена во всех школах как один из самых увлекательных предметов... Многие

предметы будут синтезированы в обозрении Космоса». Цикл состоит из лекций, посвященных отдельным типам космических объектов (от Земли до Метагалактики). Но завершается занятием о возможности существования и поиска внеземных цивилизаций.

Анализ происходящего ведет к двум выводам:

1. Прежде всего, мы наблюдаем фактическую рутинизацию восприятия Вселенной и ее содержания. Знание этого уровня и типа теперь широко и активно подается массовой аудитории, что повышает требования к его целостной проработанности и точности.

2. Авторы упомянутых «теорий всего» собирают свои картины космического эволюционного процесса и Вселенной самым простым и понятным образом, стыкуя знания об отдельных «участках» космической эволюции просто эволюционно-хронологически, т.е. представляя в порядке исторического появления. Однако еще в рамках диамата разрабатывались более сложные картины эволюции, включающие, например, выделение отдельных «рядов развития» (Е.Т. Фаддеев), что авторам с астрономической подготовкой, при всем уважении к ним, конечно же, не известно.

Все это говорит о том, что активизировались стихийные попытки построения общенаучной картины мира. Очевидно, что в реализации возникшей тенденции к сквозному синтезу знания о нашей Вселенной и о космических эволюционных процессах в ней весьма желательно участие философов науки.

В этой связи стоило бы обратить внимание на ряд дополнительных моментов, которые не учитывались в прежних работах, касающихся общенаучной картины мира или образа Вселенной. Но, как представляется, это моменты, которые стоило бы иметь в виду при уточнении существующей картины мира.

1. Специфической особенностью образа мира, который разрабатывался диалогичками, выступал учет лишь одного космического эволюционного процесса, идущего от микрообъектов к формированию живых систем и далее к появлению человека и общества. Причем исследователям стало представляться, что такой эволюционный процесс в принципе один, так что естественно считать его свидетельством того, что таким образом происходит эволюция самой Вселенной. Отсюда популярность выражения «эволюция Вселенной». Но оно не верно! Ведь исходный эволюционный процесс, с анализа которого все и начинается, никак не учитывает эволюцию и даже существование космических объектов. Потому о динамике Вселенной стоит говорить более осторожно, не как о едином эволюционном разворачивании содержания Вселенной, но как о «космогенезе», т.е. сложном по структуре процессе.

2. Легко убедиться, что научное познание фактически руководствуется картиной мира, у которой есть скрытое пространственное измерение, пока не выделяемое наукой, ни философией. Оно было выделено и зафиксировано мной, как «альтитудное измерение». Его фактическое существование устанавливается очень просто. Например, если перед нами присутствует некий объект (пусть это будет шкаф), как правило, нет проблем с тем, чтобы указать пальцем, где его высота, ширина или глубина. А вот где располагаются такие пространственные области как «микромир» или «Мегамир»? Увы, указать пальцем в их

сторону невозможно, это особые образования, выделяемые по совсем иному пространственному измерению – масштабному. Оно пространственно и измеряется обычными единицами для расстояний, но отличается от привычных родственных («географических») измерений, вдоль которых можно передвигаться. Может, потому оно и не замечалось. Но оно по-своему очень значимо, - именно вдоль него идет обычно рассматриваемая космическая эволюция (средний масштаб объектов в эволюции растет), именно вдоль этой оси разведены структурные уровни реальности и группируются основные законы. Все это еще только предстоит осмыслить и проработать.

3. Так уж получилось, что даже в годы активного изучения эволюционных процессов так и не было замечено, что процесс прогрессивного развития включает два пока не разделяемых компонента:

«Интеграцию» (объединение) объектов структурного уровня реальности с образованием объектов следующего структурного уровня. Интеграция, например, атомов (их объединение) создает молекулы. Но важно, что этот процесс происходит наряду с другим.

Имеется в виду «кооперирование» создающихся новых объектов с образованием их локальных множеств. В биологии в случае интеграции получаются более сложные организмы. В случае кооперирования (организмов) формируются природные локальные сообщества: популяции, биоценозы, биосфера. Для химических элементов – в первом случае получаются более сложные химические элементы, а во втором – минералы и породы.

4. Пока не замечено и следующее: в ходе прогрессивной космической эволюции происходит «расхождение» существенных, взаимодополнительных свойств.

Например, изучение микромира показало, что это мир «кентавров» - корпускулярно-волновых сущностей. В то же время в макромире те же свойства присутствуют в самостоятельном виде! Появляется ощущение, что, в ходе формирования объектов макромира и перехода эволюции из микромира в макромир произошло своеобразное «расхождение сущностных свойств». Как известно, их принято рассматривать как дополнительные.

Самое удивительное, что аналогичную картину мы видим и в других важных, и отлично знакомых случаях. Например, СТО показала, что при высоких скоростях движения объектов время и пространство уже нельзя рассматривать независимо. Они образуют единое «пространство-время». А для каких объектов характерно столь скоростное движение? Для объектов микромира, - например, для элементарных частиц. То есть в микромире мы опять фиксируем своеобразную «конденсацию» свойств, противоположную их «расхождению» при переходе из микро в макромир.

Наряду с этим именно в микромире вещество неотрывно от энергии. Что используется, например, в ядерных бомбах и на АЭС. В этих случаях применяются материалы макроразмеров. Но реакция идет именно на микроуровне, потому бомба – атомная, как и АЭС – атомная электростанция.

Все это, кажется, свидетельствует о том, что при продвижении научного познания «в глубины» материального мира микрофизика будет иметь дело со все более сложной и насыщенной свойствами и возможностями средой.

Ко всему сказанному необходимо добавить еще и наблюдаемое ныне размывание фактически сложившейся к настоящему времени научной картины мира, причем сразу по двум линиям.

Во-первых, начиная с середины XX в. наука перешла к открытию и изучению «универсальных» свойств и закономерностей, которые равным образом присущи и неорганическим системам, и органическим, и даже социальным. Свежий памятный и наглядный пример – законы самоорганизации, изучаемые синергетикой. На это же были ориентированы также общая теория систем и универсальный эволюционизм. И такого рода наработки сейчас совсем не единичны. Все это означает, что введенное еще в XIX в. резкое противопоставление структурных уровней ложно. Они обладают по крайней мере целым набором существенно сходных черт. Но тогда каким же должен быть более точный и современный образ мира?

Вопрос тем более важен оттого, что размывается и еще одна особенность принятой картины мира. Новые данные свидетельствуют, что то, что прежде считалось простым, демонстрирует неожиданную сложность более высоких структурных уровней. И это делает картину мира по сути еще более однородной по своим характеристикам. Что это и как это должно и может изменить научное познание, - это вопросы, еще требующие своего ответа.

Философия экологии: от классики к постнеклассике

Лисеев И.К.

Профессор, доктор философских наук

Институт философии РАН

(Москва, Россия)

УДК 168.521

Аннотация. В работе развитие современной экологической науки рассматривается на основе учета и применения в ней разных типов научной рациональности. Показано, что на начальных этапах становление этой науки соответствовало классическому типу научной рациональности. При расширении предмета экологии как науки возникли элементы неклассичности, когда связь знаний об объекте оказалась скоррелированной с характером операций деятельности с ним. Наконец, на современном этапе «Большая экология» представляет собой метанауку, с учетом ценностных и целевых установок. Это дает реальную возможность на базе «Большой экологии» обеспечить разработку научной теории управления взаимодействием общества и природы.

Ключевые слова: Философия экологии, классика, неклассика, постнеклассика, рациональность, деятельность

Philosophy of Ecology: from Classics to Post-Neoclassics*Liseev I.K.**Professor, Doctor of Philosophy
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

Abstract. In the paper the development of modern ecological science is considered on the basis of consideration and application of different types of scientific rationality in it. It is shown that at the initial stages of the formation of this science corresponded to the classical type of scientific rationality. At expansion of a subject of ecology as a science there were elements of non-classical, when connection of knowledge about object appeared correlated with nature of operations of activity with it. Finally, at the present stage, «Big Ecology» is a meta-science, with values and targets in mind.

Key words: Philosophy of ecology, classics, non-classics, post-non-classics, rationality, activity

Стремительное развитие научного и технологического знания в наши дни ведет к возникновению новых наук, отражающих возникающие закономерности. Эти науки носят в основном синтетический, междисциплинарный, трансдисциплинарный характер. Понять и оценить закономерности их развития, их когнитивные перспективы, оказывается возможным на основе учета эволюции различных типов рациональности, функционировавших в развитии научного знания.

Фундаментальные основания для такого анализа дают идеи, сформулированные и обоснованные В. С. Степиным в его трудах. При исследовании типов научной рациональности, возникших в истории развития техногенной цивилизации, В. С. Степин говорил о трех подобных типах: классической, неклассической и постнеклассической рациональности.

По Степину, классический тип научной рациональности, акцентируя внимание на объекте, стремится при теоретическом описании и объяснении элиминировать все, что относится к субъекту, к средствам и операциям его деятельности. Это рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире.

Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности с ним.

Постнеклассический тип научной рациональности ориентирован на учет соотносительности получаемых знаний об объекте с ценностно-целевыми установками, с социальными ценностями и задачами [1, с. 326-327]. Постнеклассическая рациональность, таким образом, выступает как единство субъективности и объективности. Оно основано на глубинном взаимодействии предметного и социокультурного содержания.

Исходя из этого и философские основания постнеклассической науки также должны строиться по-новому. В таком ключе, весьма характерным в когнитивном и эпистемологическом плане, оказывается становление и развитие та-

кой современной науки как экология. Развиваясь под напором объективных данных и ориентируясь на внутренние когнитивные потребности своего развития, экология прошла все этапы эволюции идеи рациональности, о которых говорил В. С. Степин.

Как известно, термин «экология» был предложен Эрнстом Геккелем в 1866 г. [2]. Этот немецкий ученый понимал экологию как науку о взаимоотношениях животных и растений с другими живыми организмами и средой их проживания. Такое сугубо биологическое понимание экологии закрепилось и достаточно долго служило основанием для ее дальнейшего развития. Экология разделилась на три достаточно обособленные, но в то же время и глубинно взаимосвязанные части: аутоэкологию – изучающую индивидуальные организмы в их взаимоотношениях со средой обитания, синэкологию – изучающую уже множества организмов в их взаимодействиях со средой, и биогеоценологию – выступающую как учение об экосистемах в их единстве и взаимосвязях со средой [3]. В многочисленных исследованиях на этой основе изучалась организация и функционирование таких биологических систем. Причем в ходе подобных исследований элиминировались все возможные средства и операции их изучения. Изучался только объект – живые системы разного уровня. Однако в процессе этой работы все яснее становилось понимание того, что без обращения как бы к внешней для них проблематике человека, без анализа взаимодействия природной среды и человека, эта ситуация не может быть хоть сколько-то всесторонне изучена и осмыслена.

Постепенно, наряду с биоэкологией, стало формироваться новое экологическое направление, получившее название «экология человека». По мнению академика В. П. Казначеева, «экология человека есть комплексная наука, призванная изучать взаимодействия людей с окружающей средой, вопросы развития народонаселения, сохранения и развития здоровья людей, совершенствования физических и психических возможностей человека» [4, с. 8-9]. Ученый подчеркивает, что в фундаментальных направлениях экологии человека должен преобладать социально-целевой принцип, поскольку предметом экологии человека является изучение взаимодействия человека со средой, направленное на благо человека. Важная сторона экологии человека заключается в научно-практическом раскрытии закономерностей социально-экологического, производственно-хозяйственного освоения регионов планеты Земля, особенностей их преобразования, изучения естественноисторических законов сохранения и развития здоровья людей в ходе такого освоения. Как видим, всё это – проблематика функционирования неклассического принципа рациональности. С этих позиций комплексный экологический подход позволяет учесть наиболее значимые особенности культурного опыта биосоциального развития. «Залогом выживания последующих поколений на планете Земля, – убежден В. П. Казначеев, – является сохранение и поддержание жизненно важных экологических условий – чистоты воды, воздуха, определенного качества продуктов и их запасов» [5, с. 277].

Однако для реализации этих задач уже явно недостаточно возможностей как биоэкологии, так и экологии человека. Только глубинная научная проработ-

ка и анализ закономерностей взаимоотношений социума и природы может наметить пути понимания и решения их сложных и противоречивых отношений. Причем характерно, что именно на этом этапе формирования социальной экологии четко проявляются закономерности неклассического типа рациональности – установление связей и отношений на феноменологическом уровне, формирование представлений о реальности как о зависимостях от средств ее познания. Ведь в поле зрения социальной экологии попадает не только природная, но и искусственно созданная человеком среда. Возникает вопрос: как средства и способы формирования таких объектов соотносятся и коррелируются с объективными эволюционными закономерностями развития живого.

Как верно отметил В. А. Кобылянский, «социальная экология одновременно должна стать и «естественной» наукой о человеке, и «общественной» наукой о природе, т. е. она должна стать пограничной наукой между науками глубоко естественного и общественного цикла» [6, с. 269-270]. Особенность ее функционирования заключается в том, что объектом ее исследования выступает взаимодействие природы и общества, реализующееся в деятельности людей. И это уже никак не укладывается в принципы классической рациональности, устраняющие все субъективные моменты в научном исследовании. Именно в таком качестве, с учетом знаний об объекте, а также средств и операций деятельности с ним, социальная экология становится фундаментальной наукой, изучающей законы, тенденции, принципы строения, функционирования и развития взаимодействия природы и общества.

Но развитие предмета «Большой экологии» на этом не завершается. Экология все более уверенно выходит на уровень метанауки, претендуя на разработку постнеклассического взгляда на свои объекты с учетом ценностно-целевых их общекультурных установок. Это отражается в нарастающем числе попыток выхода экологии на формирование всеобщей или глобальной экологии в их постнеклассических вариантах (как составных частей «Большой экологии»), имеющих мощный мировоззренческий заряд.

В 90-х годах XX века стало формироваться направление всеобщей экологии, которое должно было увязать и логически объединить различные направления современной экологии – экологию природы, социальную экологию, экологию человека, экологию культуры, экологию духа [7, с. 233]. Глобальная же экология, как организационная наука, в процессе объединения элементов системы и среды их существования, требовала еще больших трансформаций в картине мира: нового стиля мышления, синтеза естественнонаучных и социальных представлений и т. д. [8, с. 82].

Основная задача этих направлений – разработка прогнозов и анализ последствий изменений среды обитания человека под влиянием его деятельности. Как писал в свое время Н. Ф. Реймерс, первоначальный этап научно-технической революции, обусловивший зарождение техногенной цивилизации, должен смениться всемирной гуманитарно-экологической революцией. Только это, по его мнению, может предохранить человечество от возвращающегося буранга антропогенной деструкции природы, осуществляемой современной техногенной цивилизацией [9]. Формирование такого стиля мышления в этой

новой сформированной междисциплинарной метаэкологии может обеспечить успех в деле разработки научной теории управления взаимодействием современной техногенной цивилизации и изменяемой ею природы [10].

Литература

1. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики. 2006. 384 с.
2. Haeckel E. *Generelle Morphologie der Organismen*. Berlin: Verlag von Georg Reimer. 1866
3. Одум Ю. Экология: в 2 т. пер. с англ. М.: Мир, 1986.
4. Проблемы экологии человека. М.: Наука, 1986
5. Казначеев В.П. Проблемы человековедения. Науч. ред. и послесловие А.И.Суббето. М.: 1997. 357 с.
6. Кобылянский В.А. Философия социозологии: проблемы общей теории взаимодействия природы и общества. Новосибирск, 2004. 318 с.
7. Актуальные вопросы всеобщей экологии. Под общей ред. проф. Н.М. Солодухо. Казань. 2007. 244 с.
8. Лисеев И.К. Философия. Биология. Культура (работы разных лет) М.: ИФ РАН. 2011. 315 с.
9. Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества: концептуальная экология. М., 1992.
10. Олескин А.В. Глобальная экология и устойчивое развитие М.: ЛЕНАНД, 2022. 200 с.

Феноменологические перспективы современной биологии: инстинкт как проблема

Михайлов И.А.

*Кандидат философских наук
Институт философии РАН
(Москва, Российская Федерация)*

УДК 091.14

Аннотация: В докладе обсуждается возможность не-метафизических и не-натуралистических подходов к философскому анализу проблемы инстинктов.

Ключевые слова: биология, инстинкты, Э. Гуссерль, феноменология

Phenomenological perspectives of modern biology: instinct as a problem

Mikhaylov Igor A.

*PhD (Philosophy)
Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

Summary: The paper discusses the possibility of non-metaphysical and non-naturalistic approaches to the philosophical analysis of the problem of instincts

Keywords: biology, instincts, Husserl

1. В методологии науки, которую развивал В.С. Степин, достаточно хорошо заметна одна закономерность: физика, химия являются для него основным материалом для изучения развития и основных закономерностей научной теории, тогда как некоторые другие науки – например, биология, обсуждаются чаще всего в несколько ином контексте, контексте их значения для человеческой культуры. «Биологические предпосылки – это не просто нейтральный фон общественного бытия, это почва, на которой выросла человеческая культура и вне которой невозможна была бы человеческая духовность» [1, с.34; 2, с. 84]. Определение того, что именно входит в эти «биологические предпосылки» – вопрос необычайно важный, тем более в контексте проблемы «улучшения человеческой природы» и экспериментов над биологической стороной человеческой жизни [1; 2, с. 18, с. 82–83]. Человек определяется как существо, «бытие которого определено его особой телесностью, включающей два взаимосвязанных компонента: биологическую организацию человеческого тела и его “неорганическое тело”» [3, с. 14].

Есть ли нечто в биологической организации человека, что характерно для различных исторических эпох человеческой культуры? Действительно ли человек в плане биологическом мало чем отличается от человека эпохи неолита? [3, с. 19]. В какой степени с развитием цивилизации снижается роль непосредственных биологических стимулов? [3, с. 27]. Чаще всего упоминают биологические программы, заложенные в геноме человека и определяющие программы биологической и социальной активности.

2. Обсуждая биологическую определенность человека, мы, как правило, рано или поздно наталкиваемся на одну тему, обсуждение которой чаще всего попадает в колею теории, наиболее популярной среди философов – психоаналитической теории (ср.: [3, с. 106]). Другая сложность заключается в том, что если мы не опираемся на метафизическую по своему характеру конструкцию психики психоанализа, нам приходится изучать инстинкты с позиций естественнонаучного, экспериментального подхода. Научную ценность и теоретическую новизну того, что может при таком подходе предложить философия чаще всего объявляют вторичной.

Возможен ли подход к проблеме инстинкта, который не был бы натуралистическим?

3. В антропологии средних веков и Нового времени понятие инстинкта обычно использовалось для разграничения способов поведения, с одной стороны, «врожденных» (а потому лишь в ограниченной степени подвластных свободе человеческого выбора) и, с другой, действий, направляемых разумом (и потому, как правило, приобретенных) [5]. В антропологии XX в. человек рассматривался как «недостаточное», «ущербное» существо («Mängelwesen», ср.: [6]): его усеченный в сравнении с животными набор инстинктов может быть компенсирован только лишь за счёт большего планирования поведения.

4. Именно этот критерий, критерий осознаваемости, использует в своем анализе инстинктов феноменология. Уже в первые десятилетия XX в. она пред-

ложила ряд концепций, к друг другу не сводимых, однако давших самые разнообразные импульсы для развития философской и психологической проблематики. Т. Липпе пытался использовать понятие инстинкта для объяснения механизмов нашего познания чужой субъективности; М. Шелер остроумно показал, что за некоторыми феноменами, которые мы обыкновенно воспринимаем как свои чувства, в действительности лежат инстинкты «единения», коллективности и др.; Э. Гуссерль провёл разграничение различных психических феноменов, зачастую отождествляемых с инстинктом.

Разделяя признак «несознаваемости», Эдмунд Гуссерль из всех представителей феноменологического движения сталкивается с наиболее серьезными концептуальными трудностями. Концепция Ф. Brentano предлагала считать собственно психическими феноменами лишь те, что были интенциональны, т.е. в основе которых возможно обнаружить *представление*. Это означало, что «психическое» с необходимостью также может быть, должно быть осознаваемым (разумеется, при определенных условиях). Но поскольку «инстинктивное» поведение обыкновенно определяется именно как деятельность, *не сознающая себя и свои последствия* [7]; [8, с. 409], иначе говоря, инстинкт изначально с сознанием не связан, сознания, так сказать «лишен» – то философу, который все же захочет подвергнуть инстинкт философскому анализу либо придется согласиться с ограниченной доступностью инстинкта для рефлексии, либо допустить, что в данном конкретном случае философии позволительно апеллировать к ненаблюдаемым, «метафизическим» сущностям. Ни тот, ни другой вариант Гуссерля не устраивают, и он свои усилия пускает на не-каузальный анализ различных феноменов, ассоциированных с инстинктами. Для этого ему приходится сделать одно важное изменение в схеме «психические / физические феномены», предложенной ранее Brentano. Гуссерль отмечает, что сфере «вождения и воления» необходимо допустить наряду с интенциональными переживаниями (актами), также и не-интенциональные переживания [8, с. 409]. Вторая коррекция Гуссерля заключается в использовании поначалу предельно широкого понятия «инстинкта»: как вообще всякого влечения, «изначально не определенного в отношении своего смысла» [9, с. 93]. Это позволяет трактовать инстинкты как определенности сознания, ориентированные на скрытые (возможно, слишком отдаленные, и потому не осознаваемые цели). Инстинкты предлагается отличать от «изначальных интересов», «изначальных потребностей» человека (Urinteresse, Urbedürfnisse) – напр., «потребностей» в пропитании.

Проведенный Гуссерлем анализ показывает [9], что с точки зрения феноменологии, выражения «инстинктивные побуждения» («инстинктивные влечения» и др.), довольно часто используемые в качестве синонимов к «инстинкту» суть смешения понятий, обозначающих различные феномены¹⁴. С точки зрения феноменологии не стоит также использовать понятие инстинкта в качестве замены тому, что в западноевропейской традиции обыкновенно называли «волей» (это характерно для философии А. Бергсона). Во всех этих случаях – так можно

¹⁴ То же самое относится к использованию «безусловного рефлекса» в качестве синонима для «инстинкта» (что иногда делают при обсуждении теорий И.П. Павлова).

было бы сказать, заняв позицию гуссерлевской феноменологии – мы говорим о психических феноменах разного уровня и сложности.

Литература

1. Стёпин 2003 – Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
2. Стёпин 2017 – Степин В.С., Сточик А.М., Затравкин С.Н. История и философия медицины. Научные революции XVII-XIX веков. М.: Академический проект, 2017. – 236 с.
3. Стёпин 2020 – Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. М.: Академический проект, 2020. – 542 с.
4. Стёпин 2015 – Степин В.С. Философия и методология науки. Избранное. М.: Академический проект, 2015. – 716 с.
5. Wimmer 1995 – Wimmer R. Instinkt // Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie / Hg.v. J. Mittelstraß. Bd. 1-4. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 1995. Bd. 2. S. 249.
6. Gehlen 1966 – Gehlen A. Der Mensch. Seine Natur und seine Stellung in der Welt. Fr.a.M.; Bonn: Athenäum Verl., 1966. 8. Aufl. – 410 S.
7. Суворов 2010 – Суворов О.В. Инстинкт // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 123–124.
8. Hua XIX/1 – Husserl E. Logische Untersuchungen. Buch 2: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis T. 1 / Hg. v. U. Panzer // Husserliana. Bd. XIX/1 1984.
9. Hua XLII – Husserl E. Grenzprobleme der Phänomenologie. Analysen des Unbewusstseins und der Instinkte. Metaphysik. Späte Ethik. Texte aus dem Nachlass (1908–1937) / Ed. R. Sowa, T. Vongehr // Husserliana. Bd. XLII. Dordrecht: Springer, 2013. CXV, 665 S.
10. Lee 1993 – Lee, Nam-In. Edmund Husserls Phänomenologie der Instinkte. Dordrecht: Springer, 1993. - X, 290 (Phaenomenologica. Vol. 128).

Целесообразность жизни в энактивизме: онтологические предпосылки

Никулина А.С.

*ассистент кафедры истории и философии СПбГУВМ
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

УДК 1.124

Аннотация: В докладе мы анализируем идею целесообразности у Э. Томпсона в работе “Mind in Life” и выявляем онтологические предпосылки, стоящие за ней. Мы показываем, что разумность и познание у Томпсона имеют имманентную жизни природу; при этом в качестве их источника выступает автономия конкретной системы, а именно, ее внутренние процессы и отношения. Мы исследуем идею целесообразности в контексте системного понимания причинности и показываем, чем такая целесообразность отличается от понимания телеологии в философии Аристотеля.

Ключевые слова: энактивизм, телеология, причинность, аутопоэзис, теория систем, целесообразность

Purposefulness of life in enactivism: ontological premises

Nikulina A.S.

*Assistant of the History and Philosophy Department,
Saint-Petersburg University of Veterinary Medicine
(Saint-Petersburg, Russian Federation)*

Abstract: In our paper we analyze the idea of purposefulness in E. Thompson's work “Mind in Life” and identify the ontological premises behind it. We show that Thompson's rationality and knowledge are of a nature purely immanent in life; at the same time, the autonomy of a particular system, namely, its internal processes and relations, acts as their source. We show what the specificity of Thompson's understanding of purposefulness is, and how such idea differs from Aristotle's understanding of the teleology.

Key words: enactivism, teleology, causality, autopoiesis, systems theory, purposefulness

По всей видимости, любая эпистемология предполагает некоторую онтологию: конечно, не конкретно-историческую, а ту, которая неявно присутствует в качестве подосновы этой эпистемологии, хотя и не всегда проговаривается прямо. Мы обращаемся к идее целесообразности у Э. Томпсона неслучайно: она представляет собой звено, которое позволяет ему в своей книге по-новому артикулировать границу - и связь - между разумом и жизнью. А характер этой границы - различения разума и жизни - прямо отсылает к основным принципам онтологии.

Э. Томпсон понимает идею разумности достаточно широко: он говорит о разуме (mind), а точнее, о познании (cognition), как об общем свойстве жизни, о форме поведения и деятельности живых организмов, а не как о сложной интерпретации стимулов или создании “внутренних” отображений “внешних” стиму-

лов [1, р. 11]. Иначе говоря, там, где присутствует жизнь, неизбежно присутствует познание, хотя и не в смысле человеческого самосознания и даже разумности как способности мыслить (которая бы не предполагала действия). Познание в этом смысле, конечно, не эпифеномен жизни, или особое ее качество, возникающее у тех или иных сложных организмов. Внутри логики энактивизма познание выступает как «поведение, способ действия в отношении смысла и норм, которые сама система осуществляет или порождает, опираясь на свою автономию» [1, р. 126].

В таком случае целесообразность жизни обеспечивается изнутри нее самой, а разум выступает как неотъемлемая характеристика жизни. Иными словами, телеологические объяснения жизни возникают не потому, что мы переносим на жизнь свойства собственного разума: напротив, наше стремление к поиску таких объяснений - частное проявление общего свойства жизни, а именно, ее способности к порождению различий и смыслов. Эта способность напрямую связана с ее аутопоэтическим характером. Э. Томпсон опирается на определение аутопоэзиса, данное Варелой и Матураной: "Чтобы система была аутопоэтической, (i) она должна иметь частично проницаемую границу; (ii) эта граница должна производиться сетью реакций, происходящих внутри этой границы; и (iii) сеть этих реакций должна включать такие реакции, которые воспроизводят компоненты системы [1, р. 101].

Иначе, основной процесс, стоящий за аутопоэзисом - это процесс самовоспроизведения - то есть поддержания системой своей целостности. Аутопоэзис, если взглянуть на него «генеалогически», начинается с некой «точки неразличимости» - где противоположности, а именно, внутреннее и внешнее, еще существуют нераздельно и начинают различаться только после образования границы. А это означает, что и целесообразность возникает с этой границей - когда мы начинаем говорить о системе, отличимой от среды. Именно на этом этапе возникает зачаточное отличие феноменального способа описания реальности от объективистского и, в частности, математического.

Он подчеркивает, что целесообразность - «не свойство чего-то внутреннего, принадлежащего системе, существующего вне ее отношений... и не свойство, определенное чем-то внешним по отношению к системе (трансцендентным ей)» [1, р. 146]. Иначе говоря, цели, которые присущи живой системе, она формирует не изнутри себя в качестве некоего действующего агента - но нельзя сказать, что они «навязываются» ей извне, в форме всеобщих целей, присущих, допустим, всем живым организмам. Цели возникают на уровне самой системы - которая в своем поведении и отношениях «встроена» в среду.

Вслед за Вебером и Варелой Томпсон описывает целесообразность на двух уровнях - уровне идентичности и смысла: «...аутопоэзис предполагает порождение и поддержание динамической идентичности перед лицом материальных изменений. Второй род целесообразности - создание смысла: чтобы сохранять жизнеспособность, такой системе всегда нужно понимать мир". [1, pp. 146-147].

Чтобы понять контекст, в котором работает такая целесообразность, стоит обратиться к идее причинности. В теории сложных систем речь идет о так на-

зываемой круговой причинности, то есть о том, что «глобальные закономерности (т. е. закономерности поведения конкретной системы. - А. Н.), с одной стороны, возникают из локальных взаимодействий, а с другой - управляют или задают условия для этих взаимодействий» [1, р. 424]. Такая причинность существенно отличается от аристотелевской причинности, предполагающей, что причина возникает и существует (как нечто единое) прежде следствия. Например, материя стола должна существовать прежде стола, чтобы быть его причиной. Цель тех или иных действий существует до этих действий. Иначе дело обстоит в случае круговой причинности: целесообразность возникает в процессе аутопоэзиса - и цели выступают не в качестве идей, которыми мог бы описывать систему наблюдатель. Напротив, цели выступают в качестве одной из форм глобальных (но не универсальных, а существующих на уровне конкретной системы) закономерностей, которые формируются в процессе различения системы и среды.

В «Физике» Аристотель определяет целевую причину как то, ««ради чего»; например, [причина] прогулки — здоровье. Почему он гуляет? Мы скажем: “чтобы быть здоровым” — и, сказав так, полагаем, что указали причину» [2, с. 88]. В этом конкретном случае речь идет о сознательном намерении. В случае живых существ их основной целью, как и у Томпсона, является поддержание своей идентичности - того, что Аристотель называет «второй сущностью». Однако различие, аналогичное различению первой и второй сущности, - например, различие идентичности как таковой и некоторого ее представления в сознании для Томпсона становится избыточным, поскольку он считает возможным «бесшовное» соединение когнитивных наук с феноменологией; описаний «со стороны объекта» и описаний «со стороны субъекта».

Согласно Томпсону, идентичность живого существа не задается изначально (как готовая идея или образ) - наблюдателем или некоторыми имеющимися условиями - и способна существенно видоизменяться в процессе его развития. Если у Аристотеля сущность природных вещей организуется их формой (и понятием), то в энактивизме идентичность имеет динамический характер: мы говорим не просто о деятельности сохранения самого себя, но о процессе исторического становления организма, в ходе которого он меняется сам и изменяет среду.

Об историчности, присущей сложным системам, можно сказать, что это «совокупность процессов, где основополагающую роль играет индивид со всей его субъективностью; где события, будучи уникальными, имеют необратимый и недетерминированный характер; где, в силу неопределенности будущего, открываются разнообразные возможности» [3, р. 279]. Под «субъективностью» здесь понимается «внутренняя жизнь» систем - их организация, включающая в себя много уровней отношений, делающая их развитие и взаимодействие со средой активным и непредсказуемым. Это значит, что цели и смыслы, которые воплощает живое существо, тоже историчны: в силу изменения среды происходит непрерывное изменение поведения организма, ведущее к изменению его идентичности и способов отношения со средой, или ее познания.

Мы говорили, что в основе аутопоэзиса лежит петля обратной связи, которая обеспечивает идентичность живого существа. С возникновением идентичности возникают и два уровня системы, взаимодействующие и обогащающие друг друга через круговую причинность: уровень системы как целого и ее частей, подсистем. По всей видимости, эти два уровня отвечают за две формы целесообразности, о которых говорит Томпсон – за идентичность и смыслообразование. Ссылаясь на работу Дикона (Deacon, 2003), Томпсон говорит об “ограничениях” (constraints), которые накладывают свойства целого на части системы, а также о том, что такие ограничения носят топологический характер и задаются не извне, но отношениями внутри самой системы [1, p. 427].

Эти два уровня обуславливают не только друг друга (т. е. система как целое обуславливает части, и наоборот), но и сами себя – поскольку, взаимно воздействуя друг на друга, они формируют собственную структуру. Это означает, что подобным образом взаимодействуют и цели организма: а именно, его идентичность и совокупность его способов понимания мира. С одной стороны, идентичность обуславливают конкретные способы поведения живого существа (т. е. то, как ему «дана» среда), с другой – она обуславливает эти способы поведения, ограничивая спектр возможных взаимодействий с миром.

Теперь можно сделать и некоторые выводы о природе разума в этой версии энвайронизма. Во-первых, разум не имеет сущности, независимой от его собственного исторического развития в контексте жизни и общества. Это означает не только то, что всякая разумность локальна и конкретна, неразрывно связана с контекстом, в котором возникает; это означает так же, что разум способен развиваться – вместе с усложнением и развитием разумных существ. И, что важно, это развитие неопределенно, оно не имеет жестких критериев: оно не предполагает идеала разумности или целесообразности. Однако оно возможно лишь при условии сохранения жизнеспособности живых существ и сообществ; иными словами, границы разума – это, в сущности, границы жизни. С другой стороны, разум оказывается встроенным в жизнь с самого начала: у человека или высших животных нет на него исключительного права. Можно ли говорить о том, что разумный характер жизни не предполагает конечной цели развития жизни? Или эта цель все-таки имплицитно присутствует в самом характере развертывания жизни? Эти вопросы мы постараемся осветить в дальнейшем.

Литература

1. Thompson E. Mind in Life. Cambridge-London: Belknap Press of Harvard University Press, 2007.
2. Nicolis G., Nicolis C. Foundations of Complex Systems. World Scientific: 2007.
3. Аристотель. Физика / Пер. с древнегреч. В. П. Карпова // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. под ред. В. Ф. Асмуса. – Т. 3. – М.: Мысль, 1981. – С. 61–262.

Развитие экологии и типы научной рациональности

Петрова Е.В.

Кандидат филос. наук
Институт философии РАН
(г.Москва, Российская Федерация)

УДК 167

В статье предпринята попытка показать, как соотносится развитие экологической науки с типами научной рациональности В.С. Степина. Сделан вывод о том, что на разных исторических этапах развития экологии можно выявить черты классической, неклассической или постнеклассической рациональности. Экология как классическая наука опиралась на механистическую картину мира. Неклассические черты экология приобрела с развитием представлений о саморегулирующихся системах (экосистемах и биогеоценозах). Современная экология отвечает критериям постнеклассической науки: междисциплинарность, «человекоподобность» и гуманистическая ориентированность, включение в науку ценностных ориентаций.

Ключевые слова: классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональность; В.С. Степин; экология; философия и методология науки.

Development of ecology and types of scientific rationality.

Petrova Ekaterina V.

CSc in Philosophy
Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

The article attempts to show how the development of ecology correlates with the types of scientific rationality of V.S. Stepin. It is concluded that at different historical stages of the development of ecology, it is possible to identify features of classical, non-classical or post-non-classical rationality. Ecology as a classical science was based on a mechanistic picture of the world. Ecology acquired non-classical features with the development of ideas about self-regulating systems (ecosystems and biogeocenoses). Modern ecology meets the criteria of post-non-classical science: interdisciplinarity, "human dimension" and humanistic orientation, the inclusion of value orientations in science.

Keywords: classical, non-classical and post-non-classical rationality; V.S. Stepin; ecology; philosophy and methodology of science

Одна из важнейших тенденций постнеклассической рациональности, по мнению В.С. Степина, состоит в том, что «на передний план все более выдвигаются междисциплинарные и проблемно ориентированные формы исследовательской деятельности» [1, с. 321].

В современной экологической науке эта тенденция прослеживается очень ярко и многогранно. Будучи изначально чисто биологической наукой «об отношениях организмов с окружающей средой» [2, с. 9], экология постоянно расши-

рыла свой предмет. На ранних этапах своего развития экология, как и биология, вписывалась в классический тип научной рациональности, основываясь на принципах механистической картины мира. К примеру, механистическая картина мира включала в себя понятие флюидов, как носителей разного рода сил. Живые существа, по мнению Ламарка, также содержат в себе флюиды и могут обмениваться ими с окружающей средой.

Биология и зарождающаяся в ее недрах экология были преимущественно описательными науками, которые начали выделяться из общего массива естествознания только с появлением «идеалов эволюционного объяснения» (теория эволюции Ч. Дарвина) и формированием «специфической картины реальности, нередуцируемой к механической» [1, с. 317]. Это время второй научной революции (конец XVIII – первая половина XIX вв.) в классификации В.С. Степина, связанной не с изменением типа научной рациональности, а с дисциплинарным обособлением ряда наук, включая биологию.

Переход экологии к неклассическому типу научной рациональности, связан, по моему мнению, с открытием комплексных систем, включающих в себя совокупность живых организмов, а позднее – условий их существования и компонентов окружающей среды. Это, прежде всего, биоценозы, описанные в 1877 г. немецким биологом К. Мебиусом на примере колонии устриц. Затем английским экологом А. Тенсли в 1935 г. был введен термин «экосистема», а советским экологом В.Н. Сукачевым в 1945 г. – термин «биогеоценоз». Это те самые «надорганизменные уровни организации жизни», изучение которых способствовало построению «целостной картины природы, в которой прослеживалась иерархическая организованность Вселенной как сложного динамического единства» [1, с. 319]. Самым высшим и сложным из этих уровней является уровень биосферы, целостная концепция которой была разработана В.И. Вернадским. Экосистемы, биогеоценозы и биосфера в целом являются «сложными саморегулирующимися системами», освоение которых, в терминологии В.С. Степина, как раз и обеспечивает неклассический тип рациональности [3, с. 250].

Дальнейшее развитие экологии предопределило ее переход к постнеклассической научной рациональности. Уже в 20-х гг. XX в. возникла социальная экология, изучающая взаимодействие общества с природной и антропогенной средой. Затем появилась (хотя Н.Ф. Реймерс [4] считает, что даже раньше) экология человека, анализирующая проблемы адаптации человека к условиям среды.

Дальнейшее расширение предмета экологии связано с включением в него не только социальной сферы и проблематики адаптации человека, но и сферы культуры. Академик Д.С. Лихачев выделял в экологии два раздела: биологическую экологию и экологию культурную или нравственную [5, с. 487]. «Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, нравственной самодисциплины и социальности» [5, с. 486]. Д.С. Лихачев и Н.Ф. Реймерс включали в сферу экологии культуры архитектурные, ландшафтные достопримечательно-

сти, а также выдающиеся произведения музыки, литературы, живописи. К экологии культуры близка видеоэкология, то есть экология визуальной среды [6].

Современная экология распространяет спектр своих интересов и на более «тонкие», нематериальные сферы. Например, экология духа, которую, наряду с другими разделами экологии, выделяет Н.Ф. Реймерс, «исследует сферу морали, воззрений, трудно уловимой духовности человека» [4, с. 11].

Новейшей тенденцией в экологии стало включение в ее рассмотрение символических миров, например виртуального мира, созданного на основе информационно-коммуникационных технологий. Такое направление получило название информационная или цифровая экология.

Отличительной чертой всех современных направлений экологической науки является включенность в них человека. Экология культуры, экология духа, информационная экология – все они возникают «вокруг человека», человек сам порождает окружающую среду и сам испытывает ее влияние. Такого рода «человекообразность» является одним из основных атрибутов постнеклассической рациональности. «Среди исторически развивающихся систем современной науки особое место занимают природные комплексы, в которые включен в качестве компонента сам человек. Примерами таких «человекообразных» комплексов могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом (глобальная экология), объекты биотехнологии (в первую очередь генетической инженерии), системы «человек — машина» (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта) и т.д.» отмечает В.С. Степин [1, с. 324].

«Человекообразные» системы как предмет научного исследования отличаются тем, что с ними нельзя свободно экспериментировать. Пространство эксперимента здесь ограничено гуманистическими ценностями, поскольку бесконтрольные эксперименты могут привести к непредсказуемым, а, зачастую, и катастрофическим последствиям. Соответственно, научное исследование уже не может быть ценностно нейтральным: «объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекообразным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений» [1, с. 324].

Современная экология следует еще одному важнейшему принципу постнеклассической науки – междисциплинарности. Она давно и далеко вышла за пределы чисто биологической науки, включив в сферу своего анализа социум, культуру, духовный мир человека и окружающие его символические миры. Таким образом, современная экология становится нечто большим, чем просто научным направлением. Она приобретает статус целостного, всеобъемлющего подхода, объединяющего методологического принципа, «не в привычном смысле бережного отношения человека к окружающей среде, а во всем богатстве смыслов – сосуществования и сотрудничества индивидуальных, субъективных миров живых существ» [7, с. 88].

Главной особенностью комплексного экологического подхода является включение в поле анализа среды, в которой зарождается и развивается тот или иной объект или явление. Истоки данного подхода лежат в классической биоло-

гической экологии, где особь или вид рассматриваются не обособленно, а в их совокупности и взаимовлиянии (биоценоз, экосистема). Этим и объясняется универсальность и методологическая ценность экологического подхода: окружающая среда имеется у абсолютно любого объекта или явления, ничто не существует в изоляции.

Как подчеркивал В.С. Степин, «экологическое знание играет особую роль в формировании научной системы представлений о той сфере природных процессов, с которой человек взаимодействует в своей деятельности и которая выступает непосредственной средой его обитания как биологического вида. Эта система представлений образует важнейший компонент современной научной картины мира, который соединяет знания о биосфере, с одной стороны, и знания о социальных процессах — с другой» [1, с. 357].

Литература

1. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2006. — 314 с.
2. Геккель Э. Всеобщая морфология организмов. Общие основы науки об органических формах, механически основанной на теории эволюции, реформированной Чарльзом Дарвином // Антология экологии / Состав. и коммент. чл.-корр. РАН Г.С. Розенберга. — Тольятти: ИЭВБ РАН, 2004. — 394 с.
3. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Поснеклассика: философия, наука, культура. СПб., Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249-295.
4. Реймерс Н.Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Журнал «Россия молодая», 1994. 367 с.
5. Лихачев Д.С. Экология культуры // Избранные труды по русской и мировой культуре. — 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 2015. 540 с.
6. Филин В.А. Видеоэкология. Изд. 3-е. Рязань: ГУП РО "Рязоблтипография", 2006. 505 с.
7. Князева Е.Н. Биосемиотика: истоки междисциплинарного направления // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 86–98.

Экология культурной памяти и вызовы релятивизма: эпистемологический анализ концепций Степина, Лотмана и Лихачева¹⁵

Сабанчеев Р.Ю.

Научный сотрудник

Институт логики, когнитологии и развития личности
(Москва, Россия)

УДК 167.1

В статье проводится сопоставление концепции культуры как «надбиологических программ», разработанной В.С. Стёпиным, с современными доктринами культурной памяти Д.С. Лихачева и Ю.М. Лотмана. Исследование направлено на выявление значимости данной концепции для решения проблем современной экологии культуры в условиях релятивизации культурных и исторических традиций. Автор рассматривает понятие релятивизации как процесс размывания представлений о культурных ценностях и историческом наследии. Этот процесс может привести к «отмене» концептов и значимых мест памяти, а также изменению восприятия и интерпретации культурных явлений. Статья предлагает обзор основных аспектов каждой из рассматриваемых концепций и анализирует их взаимосвязи и возможности для совместного применения в гуманитарных науках. Концепция культуры как «надбиологических программ» подчеркивает эволюционную природу культуры и ее влияние на развитие и сохранение культурного разнообразия. Доктрины культурной памяти Лихачева и Лотмана акцентируют важность сохранения культурного наследия и помогают понять значимость укрепления связи с историческими традициями. Автор приходит к выводу, что сопоставление и анализ этих концепций позволяют выявить границы релятивизации культуры и понять ее значение для современной экологии культуры. Это позволяет развивать адаптивные подходы к сохранению и развитию культурного наследия, а также способствует взаимопониманию и диалогу между различными культурами. Таким образом, данная статья предлагает взгляд на релятивизацию культуры через объединение концепций культуры как «надбиологических программ», экологии культуры и культурного текста.

Ключевые слова: культурная память, релятивизм, эпистемология, В.С. Степин, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев.

¹⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-511-04006 «Философско-методологическое наследие В.С. Стёпина в контексте современных исследований социокультурных рисков техногенной цивилизации»

Ecology of Cultural Memory and the Challenges of Relativism: Epistemological Analysis of Concepts by Stepin, Lotman, and Likhachev¹⁶

Sabancheev R. Yu.
Scientific Researcher
Institute of Logic.
(Moscow, Russia)

This scientific article compares the concept of culture as «superbiological programs» developed by V.S. Stepin with the contemporary doctrines of cultural memory by D.S. Likhachev and Yu.M. Lotman. The study aims to determine the significance of this concept in addressing the issues of contemporary cultural ecology in the context of relativizing cultural and historical traditions. The author examines the notion of relativization as a process of blurring perceptions of cultural values and historical heritage. This process can lead to the "cancellation" of concepts and significant memory sites, as well as changes in the perception and interpretation of cultural phenomena. The article provides an overview of the key aspects of each of the considered concepts and analyzes their interconnections and potential for joint application in the humanities. The concept of culture as «superbiological programs» emphasizes the evolutionary nature of culture and its influence on the development and preservation of cultural diversity.

The doctrines of cultural memory by Likhachev and Lotman highlight the importance of preserving cultural heritage and help understand the significance of strengthening the connection with historical traditions. The author concludes that comparing and analyzing these concepts allows for identifying the boundaries of cultural relativization and understanding its relevance to contemporary cultural ecology. This enables the development of adaptive approaches to the preservation and development of cultural heritage, as well as fostering mutual understanding and dialogue among different cultures. Thus, this article offers a perspective on the relativization of culture through the integration of the concepts of culture as «superbiological programs», cultural ecology, and cultural text.

Keywords: cultural memory, relativism, epistemology, V.S. Stepin, Yu.M. Lotman, D.S. Likhachev.

Мы вошли в эпоху глобальной ревизии наших представлений. В последнее время все острее и острее встает вопрос о том, как следует защищать те или иные ценности и имеет ли наше прошлое право на существование. Даже к довольно-таки абстрактным концептам наша цивилизация применяет *damnatio memoriae* – известное в Древнем Риме наказание забвением. Сегодня для него существует несколько имен: «отмена» или на английский манер «кэнселинг».

Однако так ли уж полезны занятия практиками насильственного забвения? И о чем важно помнить, когда мы пытаемся отречься, откреститься от

прошлого? За поиском ответа на эти вопросы сегодня следовало бы обратиться к трем российским исследователям, которые изучали вопрос культуры и памяти в трех разных дискурсах – семиотическом, научно-философском и культурологическом.

Итак, культура, как феномен, обладает сложной структурой и влияет на различные сферы человеческой жизни. Некоторые ученые разрабатывали свои концепции культуры, пытаясь объяснить ее сущность и взаимодействие с окружающей средой. Одной из таких концепций является концепция культуры как сложной развивающейся системы «надбиологических программ», разработанная В.С. Стёпиным. «Эти программы представлены многообразием знаний, предписаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, верований, целей, ценностных ориентаций и т. д. В своей совокупности и динамике они образуют исторически накапливаемый социальный опыт» [1, с. 9], – писал Степин в одной из своих работ.

Культура генерирует не только знания, но и программы деятельности, поведения и общения людей, считает Степин. Они реализуются в соответствующих видах и формах человеческой активности, порождая изменения в жизни общества. «В качестве таких систем могут выступать любые компоненты человеческой деятельности (орудия труда, образцы операций, продукты деятельности, опредмечивающие ее цели, естественный язык, различные виды искусственных языков и т. д.), а также сами индивиды как носители некоторых социальных норм и образцов поведения и деятельности» [1, с. 9] – отмечает Степин.

В его работах отражается и метод аналогий: он вычленяет отдельные виды деятельности сложных организмов и пытается описать с их помощью похожие процессы в социуме. «Подобно тому как управляемый генетическим кодом обмен веществ воспроизводит клетки и органы сложных организмов, так и различные виды деятельности, поведения и общения, регулируемые кодами культуры, обеспечивают воспроизводство и развитие подсистем общества и их связей, характерных для каждого исторически конкретного вида социальной организации» [1, с. 9], – отмечает Степин.

Ю.М. Лотман, также, как и Степин, видит в культуре системность, но не только ее. Семиотическая оптика позволяет исследователю рассматривать сложный феномен через понятие текста. Отсюда возникает и новый для науки термин семиосфера – семиотическое пространство, которое представляет собой не сумму отдельных языков, а «условие их существования и работы, в определенном отношении предшествует им и постоянно взаимодействует с ними» [2, с. 13]. Концепцию культуры он также рассматривает через динамическое взаимодействие памяти и интеллекта.

Культура Лотмана не только сохраняет, но и продуцирует. «Новые тексты создаются не только в настоящем срезе культуры, но и в ее прошлом. Это, казалось бы, парадоксальное высказывание лишь фиксирует очевидную и всем известную истину. На протяжении всей истории культуры постоянно находят, обнаруживают, откапывают из земли или из библиотечной пыли «неизвестные» памятники прошлого. Откуда они берутся?.. Каждая культура определяет свою

¹⁶ The research has been performed within the project supported by Russian Foundation for Basic Research No. 20-511-04006 "Philosophical and methodological heritage of V.S. Stepin in the context of modern studies of socio-cultural risks of technogenic civilization"

парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению» [3, с. 201], – пишет Лотман.

Концепции Степина и Лотмана во много созвучны со взглядами Д. С. Лихачева, который также интерпретирует культуру как динамичный феномен, и подчеркивает ее важную составляющую – способность сохраняться, а значит помнить. «Человеческая культура в целом не только обладает памятью, но это память по преимуществу. Культура человечества — это активная память человечества, активно же введенная в современность» [4, с. 201], – писал Лихачев.

Периодически Лихачев писал в публицистической манере о ценности культурной памяти: «Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы» [5, с. 50], – отмечал Д. С. Лихачев. Также он дополнял: убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной.

Стратегию Лихачева в современной повседневности анализирует Е.Н. Устюгова. Она пишет, что нельзя не видеть, что современная практика экологии культуры развиваются на фоне деконструкции системы традиционных ценностей старого мира: «Постепенно на смену образа культуры как дома, в котором человек становится человеком и где воспроизводится человечество как гуманитарная общность, приходит образ культуры как территории, на которой осуществляется жизнь людей. Но если следовать этимологии понятия «экология» от греческого эйкос, т. е. дом, то экология культуры должна по определению работать в поле этого смысла. Ее дело — защита дома от разрушения, забота о поддержании генетического культурного кода человечества» [6, с. 66], – отмечает Устюгова.

Этими словами она на самом деле описывает проблему, которую можно именовать процессом релятивизации культуры, при котором культурные ценности, нормы и практики становятся относительными и зависят от контекста и субъективного восприятия. Действительно, в контексте современного мира, где глобализация, миграция и технологические прорывы усиливают взаимодействия между различными культурами, релятивизация становится все более заметной, а в некоторой степени и значимой. Обращение к теориям Степина, Лихачева и Лотмана во многом необходимо для поиска границ – насколько возможна релятивизация культуры и в какой мере необходимо защищать ее самобытность.

Вместе с положительными тенденциями, которые приносит релятивизация, будь то, например, признание и уважение различий, многообразия, а также признание культурной плюрализации, есть и негативные. И здесь, конечно, обращение к Лотману и Степину дает нам возможность увидеть вызовы и проблемы сохранения культурного наследия. Многие социальные группы сталкиваются с вопросами адаптации, сохранения своей уникальности и защиты от искажений и исчезновения культуры. Отсюда важна не просто экология культуры, но экология культурной памяти. Она должна объяснить, как именно сохранить памятную часть культуры, а также не утратить собственную идентичность.

Литература

1. *Степин В.С.* Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. № 1. С. 8–17.
2. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // Развитие личности. 2017. № 1. С. 13–58.
3. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 200–202.
4. *Лихачев Д.С.* Письма о добром и прекрасном. М., 1989 – 238 с.
5. *Лихачев Д.С.* Экология культуры // Лихачев Д.С. Прошлое – будущему. Л., 1985. 575 с.
6. *Устюгова Е.Н.* Экология культуры: грани проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2013. Сер. 18. Вып. 3. С. 64–69.

Минская философско-методологическая школа: истоки и современное состояние

Сайганова В.С.

*Кандидат философских наук, доцент,
декан факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

УДК 101.9

Аннотация. Философско-методологические исследования в Беларуси прошли долгий путь становления в самостоятельные научные направления и школы. В статье дается характеристика истоков и основных тематических направлений Минской философско-методологической школы, как уникального творческого, исторически сложившегося межпоколенного научного коллектива, созданного академиком В.С. Степиным. Делается вывод о том, что традиции исследований Минской философско-методологической школы плодотворно продолжают новым поколением ученых, молодых докторов и кандидатов наук, аспирантов и студентов современного факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Ключевые слова: научная школа, философия и методология науки, Минская философско-методологическая школа, В.С. Стёпин, белорусская философия.

Minsk's Philosophical and Methodological School: origins and present state *Saiganova V.S.*

*PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University
(Minsk, Belarus)*

Annotation. Philosophical and methodological research in Belarus has come a long way of becoming independent scientific directions and schools. The article characterizes the origins and main thematic directions of the Minsk's Philosophical and Methodological School as a unique creative, historically established intergenerational scientific team created by Academician V.S. Stepin. It is concluded that the research traditions of the Minsk's Philosophical and Methodological School are productive continued by a new generation of scientists, young doctors and candidates of sciences, graduate students of the modern faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University.

Keywords: scientific school, philosophy and methodology of science, Minsk's philosophical and methodological school, V.S. Stepin, Belarusian philosophy.

Социокультурные характеристики научной деятельности и ее результатов являются приоритетными для понимания того, что можно называть сегодня научной школой, научным сообществом, научной корпорацией. Начиная с первых постпозитивистских программ ведутся дискуссии о том, по каким критериям можно квалифицировать научно-исследовательские коллективы как функционирующие и результативные научные школы. Еще Т. Кун, определяя научное сообщество, делал акцент на том, что это наиболее эффективная структура в самой науке [1]. Сегодня научному сообществу наряду с постановкой научно-исследовательских задач и целей предъявляется справедливое требование воспроизведения кадрового потенциала академической науки, который закрепляется в научных школах, как научных коллективах со своей историей становления и общими исследовательскими интенциями. Обозначая научные школы, с необходимостью учитываются и такие критерии как общность стиля мышления и академического дискурса, наличие традиций, непрерывность творческого поиска, преемственность поколений, наличие лидера, как правило, основателя научной школы, заложившего фундамент исследовательских интересов.

С этой точки зрения, Минская философско-методологическая школа представляет собой уникальный творческий, исторически сложившийся межпоколенный коллектив, научные достижения которого сегодня широко известны в Беларуси и за ее пределами. Создание данной школы связано с именем известного белорусского ученого, академика РАН В.С. Степина, который в свой минский период творчества возглавил методологическое направление в развитии белорусской философии.

Еще с конца 60-х годов В.С. Степин был активным участником Московского методологического кружка, возглавляемого в те годы Г.П. Щедровицким, а в 70-е годы, после защиты докторской диссертации на тему «Проблема структуры и генезиса физической теории», разработанная им модель структуры и динамики научного знания, уже активно обсуждалась в научном сообществе физиков и философов Белорусской Академии наук и Белорусского государственного университета.

Следует отметить, что 70-е годы XX века в целом характеризуются как зрелый и профессиональный этап развития философии в Беларуси, а именно в

Белорусском государственном университете и АН БССР, как интеллектуальных и академических центрах. К этому времени сформировалась системная подготовка студентов и аспирантов по философским наукам, происходит становление белорусских философских исследовательских традиций не только в русле марксистско-ленинской философии, но и в области истории национальной философии, гносеологии, философии и методологии науки, социальной философии, этики, и эстетики. Обобщив достижения и проанализировав слабые стороны неопозитивистской доктрины философии науки и марксистской программы философских вопросов естествознания, белорусские профессиональные философы во главе с В.С. Степиным закладывают теоретический фундамент Минской философско-методологической школы.

С приходом в 1974 году в БГУ В.С. Степин начинает активно продвигать методологию науки в профессиональном философском сообществе университета. В.С. Степин исследовал динамику и социокультурную детерминированность научного знания, изучал постпозитивистские модели науки в работах Т. Куна, И. Лакатоса, С. Тулмина, П. Фейерабенда, зачастую выступая с критикой их концепций, и предлагая свою версию структуры и динамики науки. Разработанная В.С. Степиным философская модель научно-теоретического знания, отличалась от постпозитивизма своей методологической конкретикой, эвристическим потенциалом и прозрачностью изложения. Она оказалась применимой к обоснованию естественных и социальных наук, что закономерно привело к популярности и востребованности данного исследовательского направления среди сотрудинок философских кафедр БГУ.

Вслед за В.С. Степиным философско-методологическое сообщество университета начало активно изучать философско-методологические проблемы физики, биологии и социально-гуманитарных наук. Издание в университете ряда коллективных монографий по философии и методологии науки (Природа научного познания (1979); Идеалы и нормы научного исследования (1981); Научные революции в динамике культуры (1987)) дали начало не только широкой известности и популярности Минской философско-методологической школы, но и определили приоритетные направления исследований в области философии в Беларуси, при этом организационно и содержательно закрепив Минскую философско-методологическую школу за Белорусским государственным университетом.

Проблематика философско-методологических исследований имела в то время особое значение не только для профессиональных философов, но и для университета в целом, так как с помощью философии и методологии науки был выработан специальный язык научных дискуссий и разработаны новые модели динамики науки, культуры и образования. В своей монографии «Философская антропология и философия науки» В.С. Степин отмечает, что человеческая жизнедеятельность разворачивается, в том числе в отношениях человека «к духовному миру, в котором аккумулируется как индивидуальный опыт человека, так и общественный исторический опыт поколений» [2, с. 5]. Таким образом указывая на то, что для современной цивилизации особое значение имеет интегральная связь науки, культуры и образования. Так как наука в своей структуре

имеет не только объект, преобразуемый человеческой деятельностью, но и субъект с его ценностями, целями, знаниями и культурным опытом.

С 1981 по 1987 год В.С. Степин становится заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов БГУ, и в этот период складываются самые благоприятные условия для плодотворной работы Минской философско-методологической школы. Достижения научных исследований оформляются в докторских диссертациях БГУ, тематика которых и составила содержательное ядро Минской философско-методологической традиции. Среди ярких исследований того времени следует обозначить работы В.Ф. Беркова, А.Н. Елсукова, А.И. Зеленкова, Е.В. Петушковой, Я.С. Яскевич, Л.Ф. Кузнецовой, П.С. Карако. В создании серии книг «Наука и философия в системе культуры», изданных в БГУ, принимали участие вместе с представителями Минской философско-методологической школы знаковые фигуры советской философии – И.Т. Фролов, В.А. Лекторский, В.С. Швырев, Н.В. Мотрошилова, В.А. Смирнов, В.Н. Садовский, Э.М. Чудинов, А.П. Огурцов, И.С. Алексеев, П.С. Дышлевый, М.В. Попович, Б.Г. Юдин и другие [3, с. 157].

После отъезда В.С. Степина в Москву в 1987 году, кафедра философии гуманитарных факультетов БГУ, на которой к тому моменту сформировался коллектив из учеников и единомышленников В.С. Степина, продолжила традицию научных исследований в области философии и методологии науки под руководством профессора А.И. Зеленкова. Приверженность философско-методологическим исследовательским интенциям дала новое название для кафедры – философии и методологии науки, которое закреплено за кафедрой по настоящее время, в том числе, отражая институциональность Минской философско-методологической школы.

На волне востребованности и популярности наработок Минской философско-методологической школы с 90-х годов XX в. начинается новый этап развития философских исследований в Белорусском государственном университете. В работах университетских философов того времени осуществлялись разработки в области метатеоретических оснований научного знания и особенностей его интеграции в культуру. Были исследованы культурные традиции, их эпистемологический статус и значение для роста научного знания, рассматривались механизмы приращения знаний на дисциплинарном и междисциплинарном уровне. Среди продолжающих степинские традиции в данный период можно отметить исследования вопросов социальной философии и динамики типов рациональности в социально-гуманитарном и естественнонаучном познании (М.А. Можейко, В.Н. Фурс, В.Т. Новиков, М.Р. Жбанков, Н.К. Кисель, Е.И. Янчук и др.).

Начиная с 2000-х годов, происходит расширение исследовательского диапазона Минской философско-методологической школы. В поле исследовательских интересов начинает включаться социально-экологическая проблематика, вопросы гуманизации науки и образования, исследование антропологических и экзистенциальных измерений научного знания. Наряду с философско-методологической проблематикой к традициям Минской школы примыкают историко-философские и философско-культурологические исследования.

Современное состояние Минской философско-методологической школы может быть охарактеризовано как плодотворный синтез традиций и новаций. Социокультурные особенности первых десятилетий XXI века трансформировали традиционные приоритеты философско-методологических исследований Минской школы. Более востребованной становится социально-философская и гуманитарно-образовательная проблематика, междисциплинарные исследования, информационно-коммуникационные технологии в науке и т.д. На факультете философии и социальных наук БГУ с 2005 года реализуется проект по привлечению молодых исследователей в ряды Минской философско-методологической школы – постоянно действующий междисциплинарный научно-теоретический семинар для студентов, аспирантов и молодых ученых «Инновационные стратегии в современной социальной философии». Данный проект обеспечивает научную коммуникацию между разными поколениями академических философов и отвечает за воспроизводство кадрового потенциала белорусской философии, так как факультет философии и социальных наук БГУ является единственным в Республике Беларусь центром по подготовке профессиональных философов. За последние десятилетия, в том числе благодаря данному проекту, на философских кафедрах БГУ защищено более 30 кандидатских и докторских диссертаций по специальностям социальная философия, онтология и теория познания, философия науки и техники, основанных на традициях Минской философско-методологической школы. Изданы авторские монографии по проблемам философии насилия, глобализации, проблемам прикладной этики, мультикультурализма, феноменологии повседневности, социальной экологии и др.

В 2019 году в БГУ открыта именная аудитория академика В.С. Степина, в которой представлена часть библиотеки философа, личный фотоархив и музейные экспонаты. В 2022 году состоялась масштабная международная научная конференция памяти философа «Академик В.С. Степин и исследовательские традиции Минской философско-методологической школы». Научный форум собрал более ста исследователей из Беларуси, России и Китая разных поколений – от студентов, делающих первые шаги в науке, до именитых профессоров, которым выпала честь быть учениками и коллегами В.С. Степина и продолжать заложенные им традиции Минской философско-методологической школы.

Какие бы вопросы ни входили в поле исследовательских интересов современных белорусских философов, можно с уверенностью отметить, что те традиции и ценности, мировоззренческие ориентации и нормы академического дискурса, которые закладывались в фундамент Минской философско-методологической школы, поддерживаются и приумножаются в настоящее время. Присутствует тематическое единство, содержательная преемственность и стилистическая схожесть философско-методологических исследований Белорусского государственного университета и Национальной академии наук Беларуси. Философское сообщество в большей степени консолидировано и продуктивно, и даже если не акцентируется принадлежность того или иного исследования к Минской философско-методологической школе, то не отрицается ее основополагающая роль в становлении современной белорусской философии.

Литература

1. Кун Томас. Структура научных революций / Томас Кун ; [перевод с английского И. Налетова]. – М.: Издательство АСТ, 2020. – 320 с.
2. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М. : Высшая школа, 1992. – 192 с.
3. Зеленков А.И. Минская философско-методологическая школа как феномен научной традиции // Академик В.С. Стёпин и исследовательские традиции минской философско-методологической школы: сборник научных статей и материалов Международной научной конференции памяти академика В.С. Стёпина и XVI междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», 24 ноября 2022 года, г. Минск, Республика Беларусь/ БГУ, Фак. философии и социальных наук; [редкол.: В.С. Сайганова (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 153-165.

Эффект Шноля и обобщенный принцип Маха**Севальников А.Ю.**

*Доктор философских наук
Институт философии РАН
(Москва, РФ)*

УДК 168.521

Аннотация. В докладе рассматривается «эффект Шноля», когда «тонкая структура» наблюдаемых различных статистических процессов разной природы имеет четкую периодичность, связанную с «космофизическими факторами». В качестве возможного обоснования наблюдаемых эффектов дается гипотеза, что этот эффект может быть связан с «обобщенным принципом Маха», развитие которого дано в бинарной геометрофизике.

Ключевые слова: Принцип Маха, обобщенный принцип Маха, нелокальность, эффект Шноля, космофизические факторы.

The Shnoll effect and the generalized Mach principle**Sevalnikov A. Yu.**

*D. Sc. in Philosophy
RAS Institute of Philosophy
Moscow, Russian Federation*

Abstract. The report considers the "Shnoll effect", when the "fine structure" of observed various statistical processes of different nature has a clear periodicity associated with "cosmophysical factors". As a possible substantiation of the observed effects, the hypothesis is given that this effect can be associated with the "generalized Mach principle", the development of which is given in binary geometrophysics.

Keywords: Mach principle, generalized Mach principle, nonlocality, Shnoll effect, cosmophysical factors.

25 лет назад в журнале «Успехи физических наук» была опубликована статья сотрудника Института теоретической и экспериментальной биофизики РАН (г. Пушкино) С.Э. Шноля вместе с рядом соавторов. Статья носила название «О реализации дискретных состояний в ходе флуктуаций в макроскопических процессах» [1]. Статья вызвала определенный резонанс, критику, так как основные выводы авторов работы сильно расходятся с устоявшимися физическими представлениями. Авторы наблюдали странную, ничем не объяснимую закономерность целого ряда физических, химических и других процессов. Наиболее сильно с традиционными физическими представлениями расходился вывод, что скорость радиоактивного распада периодически менялась со временем. Именно этот пункт стал, например, предметом дискуссии между двумя академиками В.Л. Гинзбургом и Э.П. Кругляковым, которые являлись членами «Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований». Акад. Э.П. Кругляков как раз возглавлял эту Комиссию, а В.Л. Гинзбург в то время являлся главным редактором журнала «Успехи физических наук». В свое время мне приходилось присутствовать на семинарах, где С.Э. Шноль докладывал о результатах и выводах своих работах. Со слов С.Э. Шноля академик В.Л. Гинзбург не без колебаний согласился на публикацию статьи. С одной стороны, выводы авторов расходились с современными физическими представлениями, а с другой он хорошо знал, что Шноль проводил эти эксперименты, начиная с 50-х годов XX века, и им был накоплен огромный эмпирический материал. В целом работа была открыта для научной критики и дискуссии, которые сразу и последовали после публикации работы. В результате авторам пришлось через два года отвечать на критику в том же журнале в работе под названием «Закономерное изменение тонкой структуры статистических распределений как следствие космофизических причин» [2].

Основные выводы самими авторами кратко были сформулированы в самом начале второй статьи.

«Установлено следующее.

«1. Тонкая структура распределений результатов синхронных измерений л ю б ы х процессов в каждый данный отрезок времени с достаточно высокой вероятностью сходна. Это сходство проявляется и при расстояниях между лабораториями в сотни и тысячи километров. Сходство формы соответствующих гистограмм не может быть объяснено какими-либо артефактами ввиду независимости экспериментальных установок, а иногда и принципиального различия в методах измерений.

2. Форма гистограмм с высокой вероятностью повторяется в ближайших соседних интервалах времени (эффект «ближней зоны») и с периодами, равными - 24 час, 27 сут и году.

3. Из утверждений 1 и 2 следует, что обсуждаемый феномен обусловлен космофизической причиной» [2, с. 214].

Эти выводы нуждаются в некотором пояснении. Авторами рассматривается так называемая «тонкая структура» различных статистических процессов, например, α -активность ^{239}Pu . Обычно рассматривается «гладкая», усредненная форма тех или иных статистических процессов. Авторы рассматривали «тон-

кую структуру» этих процессов, то есть флуктуации, отклонения от среднестатистического распределения. И тут выяснились поразительные вещи. Первое, оказалось, что эти флуктуации подчинены ряду четких периодических процессов, связанных с «космофизическими факторами». Периоды, которые назывались в первых публикациях это только тропические сутки равные точно 24 часам, лунный месяц продолжительностью в 27 суток и период точно равный году. Однако ими к тому времени был накоплен достаточно обширный материал и по другим периодам, о которых в первых публикациях не упоминалось. Например, наряду с тропическими сутками четко прослеживался период равный «сидерическим», звездным суткам точно равный 23 часам и 56 минут, а также период сидерического года. Наряду с суточным периодом (1440 мин) наблюдается «аномальный» солнечный период равный точно 1444 мин. Во время суток также выделяется несколько периодов, связанных с повторяемостью явлений на их протяжении. Особая форма тонкой структуры всех наблюдаемых статистических процессов оказалась тесно связанной с восходами и заходами светил, выделяется четкий цикл Полнолуний и Солнечных затмений. Также была выявлена связь наблюдаемых эффектов с циклом активности Солнца. В целом наблюдается общая связь наблюдаемых «тонких процессов» и периодически повторяющейся геометрии расположения Земли, Солнца и Луны. Уже более детально все эти явления были тщательно описаны в монографии С.Э Шноля «Космофизические факторы в случайных процессах», которая вышла в 2009 году в Швеции. Это первый вывод Шноля, связанный с периодичностью «тонких процессов».

Второй связан со всеобщей универсальностью процессов. И это является наибольшей загадкой в интерпретации данных процессов. Отмеченная выше периодичность проявляется в явлениях *любой* природы, будь то явления физические, химические, биологические или еще какой-либо иной природы. Приведу неполный список явлений, в которых наблюдалась отмеченная выше периодичность. Итак авторы отмечают: Альфа распад ^{239}Pu , Бета распад углерода 14, дейтерия, биохимические реакции, а также ферментативная активность, химические реакции, время релаксации протонов в воде в переменном магнитном поле, электрофоретическая подвижность частиц латекса, время ожидания разряда в RC генераторе на неоновой лампе, флуктуаций амплитуд колебаний реакции Белоусова-Жаботинского, измерение флуктуаций потока нейтронов, исходящих из земной коры, флуктуаций темного тока в фотоумножителях, шумы в диодах Зенера и других полупроводниковых генераторах шума и в ряде иных явлений.

Далее авторами работ было найдено, что проявление большинства этих эффектов не зависит от расстояния. Сходство «тонких эффектов» проявляется на расстояниях в сотни и тысячи километров. Это, естественно, не относится к явлениям, которые привязаны к определенной точке земного шара, например, связанные с восходами светил. К этому роду явлений относится и найденный эффект «локального времени». Оказывается, что форма наблюдаемых «тонких эффектов» привязана и к линии земной широты. Например, в момент «истинно полдня», когда Солнце с точки зрения астрономии находится точно в Зените

на любой широте также наблюдается поразительное сходство «тонких эффектов». В небольшом сообщении невозможно детально описать множество всех найденных эффектов. Упомяну лишь кратко о связи наблюдаемых феноменов с ориентацией установки в пространстве, т.е. с реальной анизотропией пространства.

Практически невозможно игнорировать наблюдаемые эффекты. С.Э. Шноль начал проводить свои эксперименты еще в 1951 году и проводил их на протяжении 70 лет, вплоть до своей кончины в 2021 году. В настоящее время эти работы продолжают и его учениками, и другими независимыми группами. Эти явления нуждаются в своей трактовке и обосновании. То, что весь массив накопленных данных находится в сильном противоречии с фундаментальными основаниями современной физики, давно было понятно авторам. Так в статье, опубликованной в «УФН» в 2000 году, после выводов трех основных результатов работы, авторы пишут следующее: «Авторам ясна экстравагантность этих выводов. Этим и обусловлена длительная всесторонняя проверка их достоверности» [2, с. 214]. В целом авторы в публикациях «УФН» отказались дать их какое-либо обоснование наблюдаемым феноменам. В более ранних публикациях в журнале «Биофизика» Шноль пытался давать такое обоснование, связывая все эффекты с возможными флуктуациями пространства-времени.

Как нам представляется, природа наблюдаемых эффектов связана с совершенно новыми фундаментальными основаниями физики. Очевидно, что устоявшиеся основные представления современной физики не могут дать обоснования этим эффектам. Необходимо давать новые основания, которые смогли бы объяснить в сетке своих понятий наблюдаемые феномены. Многие физики XX столетия и современности отдавали себе отчет в необходимости новой объединенной теории. Предлагались различные варианты такого рода возможных теорий. Из множества такого рода вариантов мы можем указать только одну теорию, которая уже в самих своих основаниях содержит имплицитно объяснение эффектов Шноля. Это бинарная геометрофизика Ю.С. Владимирова. В основе этой теории лежат определенные метафизические представления, которые сходятся воедино в так называемом «обобщенном принципе Маха». Перечислим эти основные положения и кратко сформулируем суть этого принципа. Прежде всего считается, что в основе физического мира лежат определенные элементы системы. Второе, все эти элементы взаимодействуют между собой и переходят из одного состояния в другое. Третье, одно из ключевых утверждений состоит в том, что все эти взаимодействующие между собой частицы, существуют еще до пространства-времени. Уже в процессе развития теории показывается, как опираясь еще на одно положение, называемое «уравнением фундаментальной симметрии» и которое является по сути обобщенным принципом относительности, можно получить наблюдаемую геометрическую структуру пространства времени. В этом отношении такая теория принципиально является реляционной теорией и в этом смысле является развитием идей Маха. В его основе лежит принцип «обусловленности локальных свойств материальных образований законами и распределением всей материи мира» [4, с. 137]. «Обобщенный

принцип Маха» естественным образом расширяет это изначальное положение Маха. В этой теории наблюдаемый физический мир разворачивается, проходя несколько этапов. Из бинарной геометрии изначально получаются 2-компонентные спиноры, применимые для описания физики элементарных частиц. Отношения этих спиноров задают геометрию как импульсного, так и координатного пространства. Спиноры здесь же задают и структуру атомов и излучений, которые уже и задают затем наблюдаемую структуру Вселенной. Примечательно, что принцип Маха работает только для замкнутой (закрытой) сферически симметричной модели Вселенной, где метрика мира имеет т.н. $O(4)$ -симметричный вид. Оказывается, что аналогичное свойство $O(4)$ симметрии усматривается в структуре массивной микрочастицы. Это связано с тем, что правая и левая компоненты микрочастицы, описываемой спинором, «удовлетворяют ряду условий, приводящих к тому, что ее инвариант обладает свойством $O(4)$ симметрии» [5, с. 161]. Оказывается, что простейший атом водорода также обладает этой симметрией, а так как на всех уровнях используется принцип Маха, то оказывается, что на всех уровнях микро- и макромир обладают одинаковой симметрией, что трактуется «как проявление зеркального отражения в физике микромира глобальной симметрии Вселенной» [5, С. 162]. Ну, и наконец, в реляционном подходе квантовые явления проявляют наблюдаемые свойства только относительно выбранного базиса, здесь работает «принцип относительности Фока», наблюдаемое квантовое явление зависит от средств наблюдения. Если продумать все эти условия до конца, то мы можем получить естественное обоснование и для эффектов Шноля. Так как в основе лежат квантовые процессы, а их реализация зависит от данного конкретного базиса, связанного с принципом Маха, то можно и предположить, что наблюдаемая «тонкая структура» в эффектах Шноля зависит и проявляется от локальной структуры, т.е. от наблюдаемых «космофизических факторов». Этот вывод мы формулируем в виде рабочей гипотезы которая должна найти свое подтверждение (или опровержение) в ходе дальнейшего развития реляционной бинарной геометрофизики.

Литература

1. С.Э. Шноль, В.А. Коломбет, Э.В. Пожарский, Т.А. Зенченко, И.М. Зверева, А.А. Конрадов // О реализации дискретных состояний в ходе флуктуаций в макроскопических процессах. Успехи физических наук, 1998, Том 168, № 10. С. 1129-1140.
2. С.Э. Шноль, Т.А. Зенченко, К.И. Зенченко, Э.В. Пожарский, В.А. Коломбет, А.А. Конрадов. Закономерное изменение тонкой структуры статистических распределений как следствие космофизических причин // Успехи физических наук, 2000, Том 170, № 2. С. 214-218.
3. Шноль С. Э. Космофизические факторы в случайных процессах. — Stockholm (Швеция): Svenska fysikarkivat, 2009. — 388 с.
4. Владимиров Ю.С. Реляционная картина мира. Кн. 1: Реляционная концепция геометрии и классической физики. — М.: ЛЕНАНД, 2021. — 224 с.

5. Владимиров Ю.С. Реляционная картина мира. Кн. 2: Реляционная концепция геометрии и классической физики. От бинарной предгеометрии мира к геометрии и физике макромира. — М.: ЛЕНАНД, 2021. — 304 с.

Нелокальная квантовая монадология на планковских масштабах

Спасков А.Н.

*Доцент, кандидат философских наук
Институт философии НАН Беларуси
(Минск, Беларусь)*

УДК 115+111

Аннотация. В работе дается обоснование онтологии планковских масштабов на основе принципа психофизического единства, квантово-информационного подхода и в соответствии с концепциями И. Канта, И. Ньютона и Г.В. Лейбница. Предлагается модель нелокальной связи квантовых монад на основе комплементарной связности цветовых зарядов. Формулируется субстанциально-реляционная концепция пространства-времени.

Ключевые слова. Пространство, время, субстанция, нелокальность, психофизическое единство, квантовая монадология, комплементарность, цветовой заряд, планковские масштабы.

Nonlocal quantum monadology on Planck scales

Spaskov A.N.

*Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus
(Minsk, Belarus)*

Annotation. The paper provides a substantiation of the ontology of Planck scales based on the principle of psychophysical unity, quantum-information approach and in accordance with the concepts of I. Kant, I. Newton and G.V. Leibniz. A model of nonlocal connection of quantum monads is proposed based on complementary connectivity of color charges. The substantial-relational concept of space-time is formulated.

Keywords. Space, time, substance, nonlocality, psychophysical unity, quantum monadology, complementarity, color charge, Planck scales.

И. Кант полагал, что пространство – это форма внешнего чувства, посредством которого мы представляем предметы, как находящиеся вне нас: «Пространство есть необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних наглядных представлений» [1, с. 52]. Наглядное же представление самих себя и своих внутренних состояний возможно в форме времени: «Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т.е., процесса наглядного представления нас самих и нашего внутреннего состояния» [1, с. 58].

В соответствии с этим учением, пространство и время можно определить, как универсальную форму упорядочивания феноменального содержания, представленного в нашем сознании. Такая форма представления возможна лишь вследствие психологической способности человека осознавать себя как самостоятельного и автономного субъекта, противостоящего объективному миру. Можно сказать, следовательно, что психологическое пространство и время – это универсальная форма представления значимой для субъекта объективной информации.

Но что такое объективный мир, представленный в нашем сознании? И существуют ли объективно пространство и время, как сущности, независимые от сознания? Современная наука не может объяснить, как в сознании возникает феноменальный образ внешнего мира и, прежде всего, первичное пространственно-временное представление, как способ презентации феноменального опыта. До недавнего времени этот вопрос вообще не ставился как научная проблема. В классическом естествознании было принято рассматривать объективный физический мир и субъективный мир психики как относительно независимые сущности. Отсюда следовало, что можно изучать объективный мир, элиминируя из схемы описания субъект и не заботясь о том, как представлена объективная реальность в субъективном восприятии. Само собой разумеющимся считалось, в соответствии с принципом психофизического параллелизма, что идеальный образ в сознании наблюдателя изоморфен его материальному оригиналу, но сам наблюдатель и процесс наблюдения никак не влияют на существование объекта.

Как возможен феноменальный опыт и субъективное переживание квалиа, если это наше внутреннее ментальное состояние и его нет в объективном мире, остается до сих пор загадкой и относится к трудной проблеме сознания. Для решения этой проблемы, с которой непосредственно связана также проблема сознание-тело и психофизическая проблема, мы предлагаем новый подход, который условно можно назвать квантовой монадологией. Он объединяет философскую традицию, берущую начало от Лейбница, и современный квантово-информационный подход к объяснению природы сознания. Квантовая монадология понимается нами как онтология квантового мира в более широком контексте субстанциально-информационно-синергетической онтологии, описывающей сложные системы, состоящие из множества относительно независимых базовых элементов.

Основная идея заключается в том, что вначале дается идеальная модель элементарного сознания в комплементарном единстве с элементарным телом. Предпосылки такого представления уже имеются, по мнению автора, в монадологии Лейбница и в математической структуре квантовой механике, где волновую функцию можно интерпретировать как прототип сознания квантовой монады, а наблюдаемые физические величины, как прототип физического тела, данного в феноменальном опыте монады. На основе простейшей идеальной модели квантовой монады, существование которой заключается в простом воспроизводстве (регенерации) жизненного информационно-энергетического цикла мы надеемся далее построить модель синергетического взаимодействия монад, в результате которого происходит коэволюция и возрастание сложности психофи-

зических систем. Такова, в общих чертах, концептуальная схема научной программы, предлагаемой автором для онтологического обоснования квантовой психофизики.

Идея о том, что пространственные метрические отношения могут возникать на основе внутреннего состояния непротяженных элементов бытия логически следует из реляционной концепции Лейбница. Согласно Н.О. Лосскому «Лейбницианцы 19-го века Г. Тейхмюллер (1832—1888) и А. Козлов (1831—1901) обстоятельно развили это учение о пространстве (и времени) как особом порядке, созидаемом мышлением субъекта и служащем для размещения содержания собственных его актов ощущения, представления и воображения» [2, с. 98]. Так, например, «по учению Козлова, пространственная близость и дальность есть символическое выражение степеней интенсивности непосредственного душевного взаимодействия между непротяженными субстанциями (монадами)» [2, с. 100].

Представим монаду как непротяженный в пространстве субъект-объект, имеющий характеристику собственного внутреннего состояния, которую назовем цветовым зарядом монады. Цвет монады можно определить, как наблюдаемую интенсивную величину или объективное качество, возникающее в субъективном представлении комплементарной и нелокально связанной с ней монады. Таким образом, монада обладает точечным зарядом и является точечным источником цвета. Комплементарная и нелокально связанная с ней монада является точечным приемником цвета и обладает противоположным цветовым зарядом.

Две комплементарные монады могут локализоваться на некотором удалении друг от друга, но находятся в состоянии квантовой запутанности и сцеплены в единое целое нелокальной связью. Это значит, что они находятся во взаимно противоположных состояниях, которые синхронно коррелируют друг с другом. Цвет заряда будем определять, как степень интенсивности черно-белого цвета. Максимально интенсивному черному цвету будет соответствовать единичный цветовой заряд $c=-1$, а максимально интенсивному белому цвету – цветовой заряд $c=+1$. И промежуточному серому цвету – нулевой заряд $c=0$ [3].

Рассмотрим способ определения расстояния между точечными монадами на основе цветового представления. В этом случае экстенсивная величина пространственной протяженности в пределах планковского масштаба ($l_p=10^{-35}$ м) ставится во взаимно-однозначное соответствие с интенсивной величиной цветового заряда, соответствующей внутреннему цветовому восприятию монады в диапазоне черно-белого тона. Такое соответствие можно интерпретировать как непрерывное отображение интенсивного континуума цветовой тональности в экстенсивный континуум пространственной протяженности. Таким образом мы можем определить субстанциально-реляционное пространство как совокупность внешних метрических отношений между субстанциальными центрами, измеряемых на основе внутренних цветовых представлений.

Аналогично, можно определить и субстанциально-реляционное время как совокупность последовательных внутренних состояний монады, определяемых на основе цветового восприятия. Если представить монаду, как точечный ис-

точник света, то мы в этом мысленном эксперименте будем наблюдать светящуюся точку, цвет которой периодически меняется в диапазоне белый-черный цвет с двумя промежуточными фазами серого цвета. Таким образом монада, благодаря своему субстанциальному действию, периодически изменяет свое собственное внутреннее состояние в пределах планковского времени ($t_p = 10^{-41} c$).

Субъект-объектная реальность в этом представлении возникает в комплементарном единстве «Я» и «не Я» первоначально спутанных квантовых монад. Это единство и ограничивает их собственное пространство-время, в пределах которого они сосуществуют в элементарном восприятии друг друга. На основе этого представления и идеи множественности индивидуальных монад, обладающих элементарным чувством «Я» и «не Я» можно построить реляционно-субстанциальную модель первичного пространства-времени и дать следующие определения:

Пространство – это порядок сосуществования онтологически различных субъектов (объектов).

Время – это порядок сосуществования различных внутренних состояний, связанных с одним и тем же онтологически самотождественным субъектом.

Это определение удовлетворяет, с нашей точки зрения, как реляционной концепции Лейбница, так и субстанциальной концепции Ньютона, а также концепции пространства и времени как априорной формы внешнего и внутреннего представления в учении Канта.

Критикуя ньютоновскую концепцию, Лейбниц разъясняет свое принципиальное разногласие по вопросу о природе пространства и времени: «Я неоднократно подчеркивал, что считаю *пространство*, так же как и время, чем-то чисто относительным: пространство – *порядком сосуществований*, а время – *порядком последовательностей*. Ибо пространство с точки зрения возможности обозначает порядок одновременных вещей, поскольку они существуют совместно, не касаясь их специфического способа бытия» [4, с. 441].

Лейбниц рассматривал пространство и время как отношение между возможными местами, в которых могут находиться вещи (в пространственном расположении) и события (во временном расположении), не рассматривая «специфического способа бытия» или внутренней природы этих вещей и событий. В нашем определении, которое по форме аналогично лейбницевскому, мы предлагаем другое онтологическое основание и заменяем понятие «возможное место» на онтологически более содержательное понятие пространственно-временной монады, вводя таким образом понятие внутреннего субстанциального основания для внешних пространственно-временных отношений. Это понятие означает некоторую элементарную психофизическую сущность в том смысле, в котором понимал ее Лейбниц: «Монада, о которой мы будем здесь говорить, есть не что иное, как простая субстанция, которая входит в состав сложных; простая, значит не имеющая частей» [4, с. 413].

Таким образом, мы соединяем реляционную концепцию пространства-времени Лейбница с его же субстанциальной концепцией монад, считая, что все без исключения пространственно-временные отношения являются отношениями между монадами. А понятие «возможное место», которое использовал

Лейбниц, в нашей модели означает не что иное, как вероятностное место локализации монад, множество которых образует некоторую сетевую структуру пространства-времени.

Совместимость этой онтологии пространства-времени, построенной на основе монадологии Лейбница с концепцией Ньютона, означает, что в обоих случаях пространство и время – не самодостаточные сущности (субстанции), а имеют основание в субъекте – в абсолютном субъекте (Боге) у Ньютона или в множестве субъектов (монадах) у Лейбница.

Совместимость же с концепцией Канта, означает в нашем подходе то, что мы рассматриваем пространство и время, как некоторое элементарное субъективное чувство удаленности монад друг от друга и раздельности собственных ментальных состояний, что эквивалентно некоторым первичным априорным формам внешнего и внутреннего восприятия, свойственного психофизическим монадам. Ведь если считать монады простейшими субстанциями, обладающими восприятием, как это делал Лейбниц, то мы можем предполагать и наличия у них некоторой простейшей формы внешнего и внутреннего представления, подобно тому как Кант вводил их для человеческого сознания:

Литература

1. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с немецкого Н.О. Лосского. – С.-Петербург: ИКА «ТАЙМ-АУТ», 1993. – 478 с.
2. Лосский, Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Сост. А. П. Поляков; Подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. — М.: Республика, 1995. — 400 с. — (Мыслители XX века).
3. Спасков А.Н. Концепция цветовой хроногеометрии / А.Н. Спасков // Основания фундаментальной физики и математики: материалы VI Российской конференции (ОФФМ-2022) / под ред. Ю.С. Владимировой, В.А. Панчелюги. – Москва: РУДН, 2022. – С. 129-133.
4. Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах: Т.1. – М.: Мысль, 1982. – 636 с.

Производство научного знания в условиях постнеклассического естествознания

Теплов А.С.

Магистрант философского факультета
Государственного академического университета гуманитарных наук
(Москва, Россия)

УДК 167

Аннотация. Роль научного знания, производимого в результате естественнонаучных исследований, в формировании картины мира и влиянии на сферы жизнедеятельности человека невозможно переоценить. Еще в преднаучный период потребность в знаниях об устройстве мира и окружающей природы была высокой, а сами знания оказывали влияние на мышление человека и обустройство его быта. В постнеклассический период развития науки производство научного знания естественными науками претерпевает серьезные изменения и требует особо тщательной рефлексии. Новые методологии науки и средства для производства и систематизации научного знания, характерные для постнеклассической рациональности, оказывают безусловно положительное вспомогательное воздействие на процесс научных исследований. Однако они не лишены ряда неочевидных проблем, игнорирование которых может привести к искажению и негативному преобразованию теоретического и эмпирического знания. Данная статья направлена на выделение особой важности естественнонаучного знания и перспектив его влияния на развитие междисциплинарной науки, а также на указание некоторых возможных проблем в процессе его производства и дальнейшего применения в научной среде и других сферах жизнедеятельности человека.

Ключевые слова. Постнеклассическая рациональность, философия естествознания, научное знание, научно-технический прогресс, информация, информационные технологии.

The production of scientific knowledge in a postnonclassical natural science

Teplov A.S.

Master student, Faculty of Philosophy
State academic university for humanities
Moscow, Russian Federation

Annotation. The role of scientific knowledge, produced by the research of the natural sciences, in shaping the picture of the world and influencing the spheres of human activity cannot be overestimated. Even in the prescientific period, the need for knowledge about the structure of the world and the natural environment was of high value, and the knowledge itself influenced human thinking and the arrangement of his life. In the postnonclassical period of scientific development, the production of scientific knowledge by the natural sciences undergoes serious changes and requires particularly careful reflection. The new methodologies of science and the means for producing and systematizing scientific knowledge, characteristic of postnonclassical ra-

tionality, have an undoubtedly positive auxiliary effect on the process of scientific research. However, they are not without a number of non-obvious problems, ignoring which can lead to distortion and negative transformation of theoretical and empirical knowledge. This article aims to highlight the special importance of natural scientific knowledge and the prospects of its influence on the development of interdisciplinary science, as well as to point out some possible problems in the process of its production and further application in the scientific environment and other spheres of human life.

Keywords. Postnonclassical rationality, philosophy of natural science, scientific knowledge, scientific and technological progress, information, information technology.

Наука играет особую роль в функционировании современной цивилизации. Её роль заключается как в ускорении технологического прогресса, так и в осуществлении обширного влияния на другие сферы человеческой жизнедеятельности. Научное знание, как результат научной деятельности, оказывает огромное влияние на формирование личности, культуры, общественного мнения, логики мышления человека и картины мира [1, с. 5].

В процессе развития науки происходит не только накопление и систематизация нового знания, но и пересматриваются ранее сложившиеся представления о мире, изменение которых неминуемо влечет за собой трансформацию культурных контекстов и мышления человека. Конечно, влияние научного знания на изменения в различных сферах человеческой деятельности со временем усиливается не только по причине укрепления научной институции в качестве активного участника социальных и культурных сфер, но и благодаря повышению доступности научных знаний для общества.

Говоря о влиянии научного знания на культурно-мировоззренческую и социальную сферы, а также технического прогресса, большое внимание стоит уделить естественным наукам, производящим научное знание, которое играет ведущую роль в формировании актуальной картины мира и служит базой для многих практических решений, в том числе, и в технологических разработках. Важно отметить, что естественные науки, безусловно, составляют авангард научных дисциплин, совершивших переход из неклассической рациональности в постнеклассический период развития науки [2, с. 18]. И это можно связать с объектно-предметной областью естествознания, которая представляла собой ведущие вопросы человека по отношению к окружающему миру и его объектам еще до выделения самой науки, то есть в преднаучный период. Актуальность исследований вопросов об устройстве мира, природы и человека неминуемо сформировала особую роль естественных наук в трансформации как внутридисциплинарного, так и междисциплинарного научного знания даже в период классической рациональности.

Если рассмотреть естественные науки с обращением к их классической методологии, то можно отметить, что для них характерен генерализирующий метод познания, то есть направленный на повторяющееся, общее и универсальное. Объектом выступает многообразный природный мир. Результатом же науч-

ной деятельности естествознания выступают теоретическое и эмпирическое знание [3]. Эмпирическое исследование базируется на непосредственном практическом взаимодействии исследователя с изучаемым объектом. Проводятся наблюдения и эксперименты, для которых необходимо определенное современное техническое оснащение. Перед теоретическим исследованием стоит ряд важных задач, которые заключаются в обработке новых смыслов, выработке понятий, законов, новых теорий в ходе их рефлексивной разработки. Углубление рефлексии становится одним из требований неклассической науки. Построение новых уровней рефлексии становится стратегическим ходом, призванным снизить риск концептуальной неполноты или ошибочности последующих научных знаний, произведенных на основе изучения более сложных систем, характерных для неклассической и постнеклассической рациональности [4]. Эмпирическое и теоретическое знание в естествознании существуют неразрывно и взаимосвязано. В определенной степени, можно сказать, что у них присутствует каузальная зависимость друг от друга [1, с. 157].

В период постнеклассической рациональности идеи эволюции совершают переход от феноменологического описания к структурному. Соответственно объектом исследования становятся не только саморегулирующиеся, характерные для неклассической науки, но и саморазвивающиеся системы [2, с. 16]. В постнеклассической науке изменяется описание объекта, который обязательно рассматривается с учетом целей и ценностей, влияющих на выбор средств и материалов, с помощью которых проводится исследование. [4]. Постнеклассический этап в естественных науках во многом ассоциируется с подробным изучением микромира физических объектов, а также сложных систем, изучаемых синергетикой. Исследование таких сложных саморазвивающихся и саморегулирующихся систем требует не только повышения уровня рефлексии, но и изменений в методологии науки, улучшения технического оснащения. А также обостряется потребность в междисциплинарных и трансдисциплинарных исследованиях [5]. Так, например, развитие геологии становится результатом вовлечения в ее методологию различных физических, сейсмических и химических методов исследования [6]. При этом использование самой междисциплинарной методологии требует привлечения специалистов соответствующих научных дисциплин, в том числе из философии науки.

Современный этап научной рациональности в определенной степени становится возможным благодаря развитию информационных технологий. В естественных науках они используются повсеместно не только для производства эмпирического знания, но и для обработки теоретических знаний, как, например, это хорошо демонстрирует проект расшифровки генома человека и последующий анализ и обработка структуры генома. Подобные исследования микромира оказывают воздействие на масштабную эволюцию научного знания, но в методологии своих исследований требуют применения новых средств сбора и обработки информации, на развитие которых, в свою очередь, так же оказывают влияние [7]. Такая взаимосвязь науки и техники определенно может быть оценена резко положительно. Увеличивается скорость научного и технического прогресса, за счет чего развиваются и другие сферы жизнедеятельности челове-

ка. Однако характеризуются они не только пользой, но и большой опасностью для научного знания. Информационные технологии стремительно развиваются, что происходит в том числе и путем расширения сложности архитектуры комплектов для различных приборов и вычислительных систем. Сложность архитектуры и сравнительно небольшой возраст информационных технологий приводят к тому, что техника может выдавать системные или вычислительные ошибки при обработке данных. Однако результаты исследований элементарных частиц открыли новую опасность, которая касается даже самых надежных вычислительных систем. Проблема «Одиночного сбоя» заключается в том, что некоторые элементарные заряженные частицы, взаимодействуя с микросхемами, способны вызывать сбой внутри вычислительной системы. Механизм сбоя можно описать следующим образом: «заряженная частица, пролетая через активную область транзистора, ионизирует атомы кремния, создавая электронно-дырочные пары» [8]. В результате создается импульс тока, способный изменить состояние элемента памяти. Такие случаи далеко не редкость, и в научном сообществе активно обсуждаются возможности их сокращения или устранения, что представляет междисциплинарную задачу, требующую участия естествознания. Однако на данный момент проблема сохраняется и способна нанести вред производству научного знания, искажая информацию и создавая ошибки.

Помимо прочего, в современном обществе возникает новая проблема, которая для научного знания новой не является, но обостряется в наши дни. Это проблема признания научного знания обществом, которое опосредованно необходимо для осуществления научно-технического прогресса, а также успешной интеграции научного знания в различные сферы жизни. Недоверие к научному знанию, а также количество лженаучных и псевдонаучных знаний увеличивается, что связано с доступностью информации в современном обществе [9]. Распространение и производство ложной или ошибочной информации среди пользователей, далеких от науки, повышает недоверие к производству научного знания, но самое страшное, что ложная информация может возникать и в научной среде, чем не только обесценивает научное знание и повышает недоверие к нему, но и препятствует эволюции научного знания и научного производства. К сожалению, данная проблема в первую очередь касается естествознания, что при его слиянии с социо-гуманитарными науками не должно оставаться без внимания.

Литература

1. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В. С. Степин. — М.: Гардарики, 2006. — 384 с.
2. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия / В. С. Степин // Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография / Ответственные редакторы: Л.П. Киященко и В.С. Степин; Российская академия наук, Институт философии, Национальная академия наук Украи-

ны, Центр гуманитарного образования. – Санкт-Петербург: Мирь, 2009. – С. 249-295.

3. Калинина Г.В. Исмуков Н.А. Сильвестрова Т.Я. Научное знание как сложная развивающаяся система // Вестник ЧГУ. 2012. №1.

4. Лекторский В.А. Аршинов В.И. Кузнецов В.Ю. Пружинин Б.И. Постнеклассическая наука и социокультурный контекст // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86, № 8. – С. 745-753.

5. Смирнова О.В. Философские проблемы современного естествознания // История и педагогика естествознания. 2018. №1.

6. Брылина И.В., Булгакова О.Л. Философский анализ трансформации естествознания в постнеклассический период развития науки (на примере геологии) // Векторы благополучия: экономика и социум. 2015. №2 (17).

7. Гнатик Е.Н. Расшифровка генома человека: успехи, проблемы, перспективы // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2016. №1.

8. Осипенко П.Н. Одиночные сбои – вызов современных микропроцессоров // Электронные компоненты. 2009. № 7. С. 12–15.

9. Петрова Е.В. Образ информационного общества в культуре: оптимизм сменяется пессимизмом? // Вопросы философии 2021. № 8. С. 25-35.

Факт как парадокс: объективность науки с точки зрения неклассической эпистемологии¹⁷

Терёхин Е.Л.

*Аспирант кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета
г. Минск, Республика Беларусь*

УДК 165.42

В статье рассматривается парадоксальная природа научного факта в контексте установок неклассической эпистемологии. Обосновывается, что факт удостоверяется не соотносимостью с объективной реальностью, а соответствием системе конвенций. Утверждается, что несмотря на невозможность проведения чёткого и однозначного различия между фактом объективного мира и убеждением, такое различие тем не менее необходимо, так как этого требуют конвенции, составляющие основу социального бытия человека.

Ключевые слова: неклассическая эпистемология, эмпирический факт, конвенция, теоретическая нагруженность

¹⁷ Работа выполнена в рамках гранта «Философско-методологическое наследие В. С. Стёпина в контексте исследований социокультурных рисков техногенной цивилизации», договор с БРФФИ № Г21РМ-108 от 01. 07. 2021 г.

Fact as a paradox: the objectivity of science from the point of view of non-classical epistemology

Terekhin E.L.

*Postgraduate student of the Department of Philosophy and Methodology of Science
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus*

The article deals with the paradoxical nature of a scientific fact in the context of non-classical epistemology. It is substantiated that the fact is certified not by correlation with objective reality, but by compliance with the system of conventions. It is argued that despite the impossibility of making a clear and unambiguous distinction between the fact of the objective world and belief, such a distinction is nevertheless necessary, since this is required by the conventions that form the basis of human social existence.

Keywords. non-classical epistemology, empirical fact, convention, theoretical loading

Однозначное и общепризнанное определение особенностей и границ «неклассической эпистемологии» на сегодняшний день остаётся проблемным, однако, с известной долей условности можно сказать, что неклассическая эпистемология в целом тяготеет к позиции антиреализма – утверждения о невозможности независимого от наблюдателя мира или, как минимум, невозможности познания такого мира. И если мы определяем объективность как соответствие наших знаний реальному, независимому от наших представлений миру *per se*, то возникает вопрос, как неклассическая эпистемология «уживается» с академическими критериями объективности и как, в таком случае, могут существовать научные факты.

В.С. Стёпин говорит о двух этапах, требуемых для превращения сырого материала наблюдений в эмпирический факт. Первый подразумевает формирование некоторого инварианта из результатов ряда наблюдений, «очищенного» от случайностей и погрешностей наблюдателя и неточностей приборов. После чего полученное инвариантное содержание истолковывается через ранее полученные системы теоретического знания [1, с. 156-157]. Таким образом, для установления факта как такового используются теоретические основания, с помощью которых результаты наблюдения истолковываются как непосредственно «факт». Ситуация несколько парадоксальна: новый факт находится в прямой зависимости от теоретических представлений, в себя этот факт ещё не включающих. Более того, если присмотреться внимательнее, то можно увидеть, что «теоретическая нагруженность» факта появляется ещё на этапе получения сырого материала наблюдения. Методы наблюдений и экспериментов, нормы и практики проверки результатов на погрешность – всё это существует в некотором контексте, является частью определённой картины мира; факт – его содержание, формулировка, место в системе научного знания – во многом предопределён заранее.

В таком случае, может возникнуть опасение, что новые факты соотносятся не столько с объективной реальностью, сколько с существующими представлениями о ней.

Однако даже без учёта «теоретической нагруженности» факта, объективность последнего – как соответствие независимой от человеческого сознания реальности – остаётся под вопросом.

Возьмём для примера движение Луны, Солнца и Земли. Вращается ли Луна вокруг своей оси? Поскольку Луна повёрнута к нашей планете всё время только одной стороной, мы можем сказать, что относительно Земли – или, как минимум, поверхности Земли, на которой находится наблюдатель – Луна не совершает вращения вокруг собственной оси. При этом относительно Солнца Луна вращается вокруг своей оси. Но использовать категорию относительности говоря о движении – значит, по сути, перестать утверждать, что что-то на самом деле движется, так как подобные утверждения обратимы: в системе Земля-Солнце сказать, что Земля вращается относительно Солнца всё равно, что утверждать, что Солнце вращается вокруг Земли. Утверждение о том, что Луна не вращается вокруг собственной оси относительно Земли вполне совместимо с утверждением, что Земля вращается вокруг вращающейся Луны, а также с утверждением, что относительно друг друга Земля и Луна не совершают вращения по оси; и, конечно же, с тем, что вращение Луны вокруг Земли синхронизировано с вращением Луны вокруг своей оси [2, p. 81].

Таким образом, вращается ли Луна вокруг своей оси или нет, зависит от точки отсчёта. Без предварительного – и при этом искусственного, конвенционального – установления такой точки, факт вращения или неподвижности Луны просто не существует. Описаниям формы, размера и цвета объектов также предшествует некоторые предварительные конвенции.

Здесь возникает резонный вопрос: разве могут существовать различные способы описания и объяснения без того, что лежит в основе, без «голого факта»? Интуиция и здравый смысл подсказывают, что если есть описание, значит, есть и то, что описывается. Однако философски или научно обосновать последнее не так легко, как может показаться.

Проблема здесь ещё и в том, что, как отмечалось выше, эмпирические факты и теории взаимозависимы: факты дополняют/изменяют теории, в рамках которых, в свою очередь, «создаются» новые факты; «...факты не являются некоторыми отдельными и независимыми атомарными единицами, а включены в систему знаний научной дисциплины, формируются под влиянием ранее выработанных теорий и затем служат базисом для новых теорий» [1, с. 13].

Не представляется поэтому возможным дойти до беспредпосылочного, «самодостаточного» факта – вопрос «какая теоретическая система способствовала обнаружению и установлению этого факта?» можно задавать бесконечно, так как всякая теоретическая система имеет в своей основе уже готовые факты.

Таким образом, для существования факта сперва необходима система конвенций, которая удостоверяла бы некоторое представление как факт. Коперниковская революция, сменившая геоцентрическую систему на гелиоцентрическую, не открыла «подлинную суть вещей» – Солнце не является центром Кос-

моса так же, как не является им Земля, в современной космологии представления об объективном центре вообще не имеет смысла – но изменила способ представления об устройстве мира, создала новую систему конвенций.

Итак, не существует способа отделить «то, что есть» от наших представлений, а значит факт устанавливается не через соотносимость с объективной реальностью, но конвенционален по своей природе. Объективность, соответственно, также является отражением определённых конвенций, так как не существует независимых от исследователя фактов.

Может показаться, что подобное положение приводит нас к состоянию хаоса, где всё возможно и ничто не истинно. Однако, сложность или скорее даже невозможность соотнесения наших знаний с независимой от наших представлений реальностью совершенно не означает произвольности наших эпистемических практик и конвенций. Да, гео- и гелиоцентрические системы во многих случаях позволяют предсказывать движение планет и созвездий с одинаковой точностью, но для ряда исследований гелиоцентрическая система просто удобнее и легче в использовании. Наши искусственно созданные объяснительные системы – то, что мы и называем конвенциями – обычно соответствуют требованиям простоты, удобства, эффективности и понятности. Нет смысла «выбирать кончик крыла мухи как точку отсчёта для описания движения космических тел» [2, p. 85].

Главная парадоксальность факта заключается в том, что несмотря на невозможность проведения чёткой демаркационной линии между фактом как отражением объективной реальности и убеждением/мнением как необъективным представлением о реальности, такое различие всё же необходимо и каждый раз проводится. Этого требуют наши конвенции, которые в итоге и составляют ткань жизненного мира человека. И в первую очередь такое разделение необходимо в рамках научной картины мира, особенно когда мы говорим о естественных науках.

Но в чём смысл подобных рассуждений, если указывая на относительность и конвенциональность наших эпистемических практик и оснований, фактов и теоретических систем, мы в итоге приходим к пониманию их необходимости?

Во-первых, такой подход адекватно отражает динамику научного знания и научных сообществ, а также элиминирует основания для «научного» догматизма, не только и не столько в самой академической среде, как в контексте мировоззренческих установок общества. Как отмечает В.С. Стёпин, «в наше время наука наряду с другими сферами культуры (а может быть, даже более некоторых из них) оказывает активное влияние на мировоззрение людей... Большинство людей ориентируются на научные образы мироздания (представления о Большом взрыве и возникновении метagalктики, о кварках и генах, об эволюции жизни на Земле и т.д.) не потому, что знают все дискуссии и аргументацию, благодаря которым эти образы получили статус обоснованных и достоверных знаний, а потому, что они доверяют науке и убеждены в ее способности добывать истину. Иначе говоря, в принятии обыденным мышлением фундаментальных

представлений научной картины мира в качестве мировоззренческих образов решающую роль играет вера в науку.» [1, с. 234]

Возникновение псевдонаучных концепций зачастую базируется на принятии определённого научного факта как догмата. Неспособность общества к оценке знания как динамичного и изменчивого зачастую ведёт к отрыву отдельных фактов и теорий от контекста. Так, например, примитивное и узкое истолкование теории эволюции Дарвина привело к появлению различных форм социального дарвинизма. Понимание того, что научный факт и научная объективность имеют относительную и конвенциональную природу практически полностью нивелирует подобные «основания» псевдонауки.

Во-вторых, подобный взгляд представляет собой альтернативу сложившемуся в рамках классической эпистемологии фундаментализму и нормативизму. В полном соответствии с собственными плюралистическими установками неклассическая эпистемология, отказывая классическим теориям в претензии на объективность, предоставляет альтернативный взгляд на природу знания вообще и научного знания в частности. И если соглашаться с конструктивистской установкой, то разнообразие описаний мира создаёт разнообразие мира, а значит понимание природы наших знаний, теорий и фактов, эпистемических практик и норм как относительных и конвенциональных определённо придаёт дополнительное измерение нашей реальности.

Литература

1. Стёпин В. С. Теоретическое знание. / В. С. Стёпин / М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
2. Goodman, N. “Just the Facts, Ma’am!” // *Relativism. A Contemporary Anthology*. ed. Michael Krausz – Columbia University Press, 2010 – P. 80-85.

Эволюционные концепции современной биологии: некоторые проблемы «третьего синтеза»

Хен Ю.В.

*Доктор философских наук
Институт философии РАН
(Москва, Россия)*

Аннотация. Необходимость «третьего синтеза» возникла из осознания проблем СТЭ. Основная претензия к синтетической теории эволюции, которая должна была объединить дарвинизм (т.н. первый синтез) с данными генетики, состоит в том, что она оказалась неспособна навести мосты между макро- и микроэволюцией. Другая существенная проблема - это необъяснимая целесообразность всего живого, которая никак не вытекает из концепции естественного отбора, как движущей силы видообразования.

В статье показывается, что обе лакуны хорошо перекрываются эпигенетическими механизмами (Уоддингтон) и концепцией случайной эволюции (Е. Кунин).

Ключевые слова: теория эволюции, третий синтез, дарвинизм, синтетическая теория эволюции, генетика, эпигенетика

Evolutionary Concepts of Biology: Some Problems of the "Third Synthesis"

Khen Yulia V.

*Doctor of Philosophy,
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

Annotation. The idea of the "third synthesis" arose from the awareness of the problems of STE. The main complaint about the synthetic theory of evolution, which was supposed to combine Darwinism (the so-called first synthesis) with the data of genetics, is that it was unable to build bridges between macro- and microevolution. Another significant problem is the inexplicable expediency of all living things, which does not follow in any way from the concept of natural selection as the driving force of speciation. The article shows that both lacunae overlap well with epigenetic mechanisms (Waddington) and the idea of random evolution (E. Koonin).

Keywords: theory of evolution, the Third synthesis, darwinism, synthetic theory of evolution, genetics, epigenetics

Термин «третий синтез» введен «задним числом». Теорию Дарвина никто не воспринимал как синтез биологических представлений и концепций. Это была одна из множества теорий, оказавшаяся более влиятельной, чем другие, но по причинам, не имеющим отношения к биологии. Споры об этом феномене продолжают до сих пор, но можно с уверенностью сказать, что успеху дарвинизма способствовало то, что он очень удачно лег на социальную обстановку того времени и хорошо согласовался в том числе с марксизмом, который также был весьма популярен.

Однако, с точки зрения профессиональных задач теория Дарвина была далека от совершенства. У биологов возникло множество вопросов, на которые автор и его сторонники не смогли сразу ответить, но полагали, что развитие науки со временем даст некие результаты, которые позволят устранить противоречия, вытекающие из теории. В некотором смысле эти ожидания оправдались. Так, например, казавшееся в свое время логически непреодолимым возражение Флеминга Дженкина (т.н. «кошмар Дженкина», согласно которому случайно появившийся у отдельной особи полезный признак постепенно будет нивелирован в группе организмов (популяции) скрещиванием с обычными особями) было снято, как только выяснилось, что единицы наследования (гены) дискретны, благодаря чему новый признак не «растворяются» в массе обычных признаков. Другое возражение базировалось на утверждении, что даже если солнце целиком состоит из нефти (самый энергоёмкий материал на тот момент) времени его «выгорания» никак не достаточно для того, чтобы эволюции успела

произвести все те жизненные формы, которые мы наблюдаем сегодня. Открытие термоядерного синтеза стало ответом на это возражение.

Но множество вопросов осталось, и реакцией на кризис дарвинизма стала синтетическая теория эволюции (СТЭ), предполагавшая, что обогатив концепцию Дарвина данными генетики, удастся построить натуралистическую картину происхождения видов от прокариот до приматов. Это был «второй синтез» (хотя, по сути – первый). Этот синтез протекал нелегко и, как отмечает вирусолог Е. Кунин, «консолидация СТЭ в 1950-х годах была довольно странным процессом, сопровождавшимся странным «затвердеванием» (выражение Гулда) основных идей Дарвина (Gould, 2002). Так, доктрина СТЭ фактически отбросила идею Райта о случайном дрейфе генов и его эволюционной важности и стала бескомпромиссно пандаптационистской. Более того, сам Симпсон отказался от идеи квантовой эволюции, так что градуализм продолжал оставаться одним из неоспоримых столпов СТЭ. Такое «затвердевание» сделало СТЭ относительно узкой, в некотором смысле даже догматичной, системой» [1, с. 19].

Ядром этой системы оставалось представление о естественном отборе, как движущей силе эволюции. При этом очевидно, что отбор не создает новых форм, а только «отбирает» наиболее приспособленные из наличного многообразия. Поэтому, говоря об отборе, следует иметь в виду, что это только половина механизма, двигающего эволюционный процесс. Тем не менее, отказываться от него никак нельзя. Например, по мнению М.А. Шишкина, дарвиновская идея естественного отбора сама по себе настолько продуктивна, что должна составить ядро и новой синтетической концепции. «В основе непротиворечивой эволюционной теории должен лежать общий исходный принцип, позволяющий объяснить все многообразие биологических закономерностей. Ни одна из них (в том числе и наследственность) не может быть прогнатована остальным как нечто независимое от эволюционного процесса. Единственно приемлемой основой для такого общего объяснения представляется дарвиновская идея естественного отбора» [2, с.142].

Проблема СТЭ состояла в том, что она намеревалась описать биологическую эволюцию как единый процесс, восходящий от одноклеточных организмов к высшим млекопитающим, изобразив эволюционное древо как некое целостное образование. Дарвин такой задачи не ставил, ограничиваясь высшими растениями и животными. Однако, пропасть между микробами и многоклеточными организмами слишком велика. Изучение мутаций микроорганизмов указывает на то, что законы макро- и микроэволюции вообще различны. Геномы микробов чрезвычайно подвижны. Они сохраняют стабильность только на короткие промежутки времени, в течение которых сосуществуют в динамическом равновесии с различными формами жизни, отличающимися от них по принципам геномной организации. И даже это лишь относительная стабильность. Говорить о естественном отборе в обычном понимании этого термина применительно к микробным формам невозможно, скорее о присущей каждому штамму собственной скорости распада. Эта специфика не позволяет выстроить непрерывную линию, плавно переходящую от микро- к макроэволюции.

Проблема целесообразности в рамках СТЭ также не решается: если предположить, что эволюция создает какие-то определенные признаки методом проб и ошибок, «вслепую», то для сотворения всего многообразия животных и растений, населяющих сегодня землю, не хватит «жизни» солнца, даже с учетом ядерного синтеза.

Из понимания ограниченности СТЭ родилась идея о необходимости третьего синтеза. И в данном случае термин «синтез» уже вполне уместен, поскольку сегодня речь идет об объединении нескольких теорий (экологическая теория В.А. Красиловой, неосальтационизм, концепция видового мономорфизма, прерывистого равновесия, «эволюции эволюции» и т.д.), каждая из которых хорошо объясняет какой-то из аспектов эволюционного процесса. Важнейшим элементом новой концепции, присутствующим практически во всех вариантах синтеза, является «эпигенетическая теория эволюции Шмальгаузена-Уоддингтона» (М.А. Шишкин). Согласно этой теории на онтогенез влияет не только геном, но и совокупность факторов, в геноме не записанных, т.е. «эпигенетический ландшафт». Иными словами, внешние факторы способны влиять на морфогенез, как предполагал Ламарк. Причем полученные эпигенетическим путем изменения (в виде особенностей экспрессии генов) передаются по наследству, хотя и не зафиксированы в геноме. Добавьте к этому давно установленный факт, что естественный отбор выбирает не генотипы, а фенотипы, и мы вплотную приблизимся к пониманию того, как возникает целесообразность в эволюции (Ламарк назвал бы это «тренировкой органов»).

Какова цель эволюции и есть ли она? Почему возникли эти виды, а не другие? Если предположить, что у эволюции есть цель, мы снова оказываемся в ловушке времени. Лучшей иллюстрацией проблемы является метафора об обезьяне с пишущей машинкой, которая случайным образом колотит по клавишам. Какова вероятность, что она напечатает полный текст «Войны и мира»? Так вот, вероятность возникновения всего современного биологического разнообразия еще ниже. Креационисты рассматривают это как доказательство того, что естественная эволюция невозможна. Но это только в том случае, если целью эволюции является именно тот мир, который мы наблюдаем вокруг себя. Если же содержание «текста» не имеет принципиального значения, то неразумная обезьяна справится с задачей не хуже Льва Толстого. Так, например, Е. Кунин, автор книги «Логика случая», считает, что эволюционным процессом правит случай, а возникнуть может все, что не запрещено физическими законами. Современное биоразнообразие и есть результат случайных процессов, поэтому так удивительны (особенно с точки зрения «здравого смысла») многие виды. А поскольку эволюция не стремится к определенной цели, то теряет смысл метафора древа жизни, представляющая единую логику эволюции, движение от общих предковых форм к разветвленной кроне. Е. Кунин пишет, что «приверженность эволюционной биологии древу жизни как единому, окончательному представлению об истории форм жизни на Земле уступает место плюралистической картине, в которой разнообразные сетевые процессы дополняют древовидные процессы геномной эволюции». [1, с. 337].

И, наконец, позволю себе высказать мнение, что поиск третьего синтеза, т.е. некой объединительной теории, которая консолидирует множество существующих на сегодняшний день концепций - это неконструктивная затея. В конце концов, физики не стремятся построить теорию, которая бы объединила квантовый и ньютоновский миры в едином описании. Некоторые вещи делать не нужно. В конце концов, согласно расширенному пониманию принципа дополненности, мир слишком велик, чтобы можно было описать его одной теорией.

Литература

1. Кунин Е. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции: Центрполиграф; Москва; 2014. Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_
2. Шишкин М.А. Эволюция как эпигенетический процесс // Современная палеонтология. Методы, направления, проблемы, практическое приложение: Справочное пособие: В 2-х томах. / Под. ред. В.В. Меннера, В.П. Макридина. – М.: Недра, 1988. – Т. 2. с. 142-169.

Социально-правовые аспекты мегасайенс-проектов

Черновицкая Ю.В.

к. филос. н.,

Институт философии Российской академии наук
(г. Москва, Россия)

УДК 167.7

Аннотация.

В работе показано, что мегасайенс-проект, как глобальная исследовательская структура, объединяя материальные, финансовые и интеллектуальные ресурсы, предполагающая международное управление и сотрудничество, испытывает потребность в изменении и создании новых регулятивных норм. Указываются основные характеристики мегасайенс-проектов, их организационно-правовые формы, нормы их правового регулирования, обращается внимание на несоответствие результатов деятельности мегасайенс существующей системе отчетности. Рассматриваются положительные составляющие персонализации и машинизации, как новых направлений в эволюции права, а также риски, заключающиеся в возможных нарушениях фундаментальных прав человека, образовании «кастомизированного» общества, негативных последствиях алгоритмизации правоотношений. Мегасайенс-проекты вызвали глобальную трансформацию в культуре научного взаимодействия, показав необходимость объединения ученых, важность поиска эффективных механизмов равноправного общения, в том числе и регулированием отношений в социально-правовой сфере.

Ключевые слова: регулятивные нормы права, мегасайенс-проекты, глобальные исследовательские инфраструктуры, персонализация, алгоритмизация, машиночитаемое право, коллективный субъект познания

Socio-legal aspects of mega-science projects

Yu. V. Chernovitskaya

Ph.D. in Philosophy

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Abstract. The paper pays attention that the mega-science project, as a global research structure, combining material, financial and intellectual resources, involving international management and cooperation, is in need of changing and creating regulatory norms. The main characteristics of mega-science projects, their organizational and legal forms, and the norms of their legal regulation are indicated. The positive components of personalization and mechanization are considered as new directions in the evolution of law, as well as the risks that lie in possible violations of fundamental human rights, the formation of a "customized" society, and the negative consequences of the algorithmization of legal relations. Mega-science projects caused a global transformation in the culture of scientific interaction, they showed the need to unite scientists, the importance of finding effective mechanisms for equal communication, including the regulation of relations in the social and legal sphere.

Keywords: regulatory norms of law, mega-science projects, global research infrastructures, personalization, algorithmization, machine-readable law, collective subject of knowledge

Мегасайенс-проекты, являясь трендом глобальной экономики, науки, технологий, как комплекс трудовых, финансово-экономических, имущественных, интеллектуальных и в том числе и правовых отношений, приводят к качественному усложнению отношений, регулируемых правом и испытывают потребность в изменении регулятивных норм. Специалисты отмечают «наличие “точек роста” новых направлений в эволюции права, в их числе дегуманизация права, его машинизация, персонализация и натурализация» [1, с. 8]. Требуется решения ряд вопросов, затрагивающих сферу мегасайенс: о коллективном субъекте познания – его определении, границах, мобильности и изменчивости, о новом типе авторства коллективного субъекта познания, формах и распределении ответственности за результаты его деятельности, разработка нормативного аппарата, регулирующего эти процессы.

Цифровая культура предлагает нам огромный массив данных, благодаря современным технологиям мы имеем доступ к результатам деятельности глобальной коммуникационно-информационной сети, сталкиваясь при этом с различными эпистемологическими проблемами, изменением парадигмы научного поиска, проблемами отбора, идентификации, верификации информации, смелой типа деятельности человека. Появляются технологические, коммерческие, социально-политические механизмы, регулирующие доступность информации

(например, «информационный кокон» [см. 2, с. 32]), а также осуществляющие защиту, регулирование доступа к личной информации, например, «право на забвение», выявляются парадоксальные моменты. Казалось бы, полностью соответствующее правам человека, защите личной информации и личных данных право индивидуума, реализуемое в том числе правом на забвение, вступает в противоречие гарантированному же человеку праву на свободу информации, свободу слова. Изменяется правовая система, регулирующая появившиеся собственные системы ценностей и социальные ориентиры сетевых сообществ, правила поведения человека. Часто такая система ценностей не соответствует привычным оффлайн-методам регулирования правоотношений, а также отношений социальных и этических.

Деятельность человека все больше стала поддаваться алгоритмизации, это касается как пользователей социальных сетей, различных электронных сервисов, так и сфер социальной жизни в части управленческих, правоприменительных, надзорных решений. Человек, выходя в Интернет, подключаясь к глобальной сети, к глобальной информационной коммуникации все больше зависит от алгоритмизированных технологий Big Data. Право реагирует на данные тенденции такими механизмами регуляции как персонализация, машинизация права и др.

Идея персонализации права, наиболее применимая в сферах наследственного, договорного права, законодательства в сфере раскрытия информации, имеет намерение распространения на право в целом. Прежде всего, ее реализация стала возможной в связи с изменениями в технологической сфере, такими как значительный рост объема собираемых и хранимых данных (Big Data) и с распространением информационно-коммуникационных систем, позволяющих отдельным лицам пользоваться доступной информацией и таким образом быть связанными с остальным сообществом (Big Link).

Персонализация подразумевает разработку, реализацию и использование индивидуализированных правовых норм, созданных на основе обработки данных о конкретном лице. Персонализация права при возможных положительных составляющих, затрагивает ряд спорных моментов. И прежде всего это соотношение с фундаментальными правами человека особенно в цифровую эпоху [см., напр., 3], образование «кастомизированного» общества [4, с. 52], проблема неспособности человека проследить, объяснить, предсказать деятельность и логику алгоритма. Персонализация может привести к ущемлению прав человека, социальному неравенству, содержанию и объем данных персонализированного права наполняется и контролируется экспертами в области IT-технологий, контролирующими алгоритмы. Взаимосвязанные, взаимоотсылающие нормы, алгоритмы персонализированного закона могут создать условия для масштабного планирования, контроля поведения большого количества индивидов или даже коллективов и рассматривать индивида с точки зрения исключительно его полезности.

Оптимизация использования человеческих ресурсов, использование технологий искусственного интеллекта, обработка больших данных – это также и основная задача нового актуального направления развития права - его машини-

зации. Данные тенденции сыграли бы положительную роль в функционировании глобальных исследовательских инфраструктур, осуществлении мегасайенс-проектов. Максимально автоматизированные, качественные условия для проведения исследований, оцифрованная информация результатов исследований необходимы в условиях конкуренции групп, коллабораций на опубликование прорывных, уникальных результатов своей работы. Недостатками становящейся отрасли могут являться отсутствие точного предсказания результатов деятельности, риск неконтролируемого воспроизведения ошибок, обращается внимание на недопустимость использования только формальной логики в алгоритмах машиночитаемого права.

Мегасайенс-проекты, как современная, развивающаяся отрасль, система международного научного взаимодействия, направленная на создание и использование установок класса «мегасайенс», с целью получения инновационных научных результатов, имеющих общемировое значение, также проходит этапы становления. Правовые модели, регулирующие деятельность таких проектов, многообразны, носят комплексный характер, основываются на международном, а также национальном законодательстве, различных нормативно-правовых актах внутри международных научных коллабораций. Деятельность по созданию, функционированию и эксплуатации глобальных исследовательских инфраструктур, установок класса мегасайенс регулируется различными организационно-правовыми формами [см. 5, с. 18-19], в разных странах существуют разные стратегии развития правовых аспектов мегасайенс [см., напр. об этом 5, с. 13-27].

Еще одна важная проблема в области мегасайенс – существующая система отчетности не рассчитана на такие проекты, не показывает в полной мере достижения и перспективы современных проектов, нужно новое правовое регулирование мегасайенс. Существуют следующие критерии оценки вклада науки в социально-экономическое развитие: трансфер технологий, экономический эффект спин-оффов (англ. – побочный продукт, ответвление), консультационная и образовательная деятельность по предпринимательству и созданию собственных бизнесов. Проекты мегасайенс требуют колоссальных вложений в том числе и из государственных бюджетов стран, при этом проводятся фундаментальные исследования с отложенным эффектом, с работой на перспективу. Данные проекты не подходят под принятые в науке системы отчетности, для них требуется выработка иных, понятных для налогоплательщика норм отчетности, что поможет преодолеть существующий кризис доверия к науке.

Учитывая особенности функционирования, состава коллабораций и рассматривая субъект познания проектов класса мегасайенс как коллективный субъект познания, возникает вопрос об ответственности за результаты деятельности коллективного субъекта. Могут ли члены коллабораций, знающие детали именно своей работы, своей области знания, быть ответственны полностью за конечный результат? Могут ли быть ответственны только члены коллабораций, управляющие, контролирующие деятельность, хотя они не владеют деталями проектов. Возникают спорные вопросы авторского права. Впервые данные вопросы были поставлены еще в середине XX века, в настоящее время ситуация

только обострилась. Сложноорганизованная коллективная практика подводит к идее коллективной, групповой ответственности и проблемам несправедливого распределения ответственности между членами группы. Будет ли это солидарная или пропорциональная ответственность? Если пропорциональная, то как определить степень участия, по вкладу в объект исследования, по степени наделенности властью, по времени участия? Рассматривая социально-правовые аспекты деятельности коллективного субъекта, следует обратить внимание на такой значимый факт вины, как намерение. Критики коллективной ответственности определенно заявляют, что коллективного намерения быть не может, так же как и моральной ответственности целой группы. И намерение, и моральная ответственность – понятия, которыми наделяется только индивид. В случае же коллективного действия субъект не несет единоличной ответственности, ведь обязанности, которыми он наделен, не требуют столь высокой нравственной оценки и степени осмысления действий коллективного или индивидуального субъекта, результат коллективных действий неочевиден, способность предвидеть последствия своих действий уменьшается, чувство ответственности ослабляется.

Итак, сфера мегасайенс, как топовый сегмент современной науки, нуждается в регулировании нормативно-правовыми актами. Требуют отдельного исследования и документального закрепления как определения таких категорий как «научные проекты класса мегасайенс», «уникальные научные установки класса мегасайенс» и др., так и международные коллаборации, участники проектов. Отдельному рассмотрению подлежит субъект исследования, автор. Остро стоит проблема авторского права, количественной оценки индивидуального вклада каждого автора, вопрос признания научного знания результатом отдельного сознания или признания распределенного характера знания. Мегасайенс-проекты вызвали глобальную трансформацию в культуре научного взаимодействия. Они показали необходимость объединения ученых, работающих над общими идеями и целями, важность поиска эффективных механизмов равноправного общения, регулирования отношений в социально-правовой сфере.

Литература

1. Хабриева Т.Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5-17.
2. Петрова Е.В. Образ информационного общества в культуре: оптимизм сменяется пессимизмом? // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 25-35.
3. Resolution 68/167 on the right to privacy in the digital age. UN General Assembly (2013). <https://undocs.org/A/RES/69/166>
4. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Онтологии и риски цифрового техноуклада: к вопросу о представлении социотехнического ландшафта // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2019. № 2. С. 51–60.
5. Четвериков А.О. Организационно-правовые формы большой науки (мегасайенс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование // Юридическая наука. 2018. № 1. С. 13–27.

Теория познания и технологическое освоение мира

Чешев В.В.

Профессор, доктор философских наук

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
(Российская Федерация, г.Томск)*

УДК: 165.1

В докладе поставлен вопрос о роли теории познания для научного исследования и науки будущего. Показано, что борьба с метафизикой, активно проводимая позитивизмом, является частью общего культурного процесса, совершавшегося в западном мире. Антиметафизическая установка создает проблемную научно-мировоззренческую ситуацию и оказывает влияние на мотивацию и этические установки ученого. Наука будущего требует построения теории познания, преодолевающей современные трудности. Решение задачи ведет к трансформации мировоззренческих установок и выстраиванию новой антропологии. Теория познания может участвовать в этом процессе на основе представлений о субъекте познания и его взаимодействии с познаваемой реальностью, проявившихся в мировой и отечественной философии.

Ключевые слова: гносеология, субъект познания, метафизика, мировоззрение, философская антропология

Theory of knowledge and technological development of the world

Cheshev V.V.

Professor, Doctor of Philosophy

*National Research Tomsk State University
(Russian Federation, Tomsk)*

The report raises the question of the role of the theory of knowledge for scientific research and the science of the future. It is shown that the fight against metaphysics, actively carried out by positivism, is part of the general cultural process committed in the Western world. The antimetaphysical attitude creates a problematic scientific-worldview situation and affects the motivation and ethical attitudes of the scientist. The science of the future requires constructing the theory of knowledge that overcomes modern difficulties. The solution to the problem leads to the transformation of worldviews and the construction of new anthropology. The theory of cognition can participate in this process on the basis of ideas about the subject of knowledge and its interaction with the cognized reality, which were manifested in world and domestic philosophy

Key words: epistemology, subject of knowledge, metaphysics, worldview, philosophical anthropology

Наука настоящего времени является, говоря словами К. Маркса, произнесенными в 19 веке, непосредственной производительной силой. Конечно, в своей общности эта формулировка слишком проста, она не раскрывает многообразные социальные формы, посредством которых наука входит в системную ор-

ганизацию общества. Марксову формулу отчасти замещает сегодня термин «технонаука» со всеми вариантами его интерпретации. Такая терминология оправдана тем, что анализ науки нынешнего дня смещен в сторону ее социальной организации, ее вращением в постпромышленную действительность. И, если с исследованием положения науки в промышленном обществе какая-то ясность существовала, ее нет при обращении к будущему. Разные типы социальности, построенные на разных культурных основаниях, будут по-разному интегрировать науку в свое системное целое. Тем не менее, есть сквозные универсальные проблемы научной деятельности, которые требуют осознания при осмыслении перспективы будущего. Речь в данном случае идет об ее ментальных основаниях, по-разному проявляющихся в общественной жизни.

Среди оснований науки, которые следует относить к мировоззренческим, исключительная роль принадлежит теории познания. Проблема познания изначально имеет как философско-мировоззренческие, так и научно-познавательные основания. Вопрос об умозрительной природе действительности возник вместе с понятием «бытие». Античная физика и математика, опиравшиеся на тот или иной набор абстрактных объектов, также могли ставить вопрос об их умозрительной (трансцендентной) природе. Но чаще они видели в них некую реальность, достаточно очевидным образом явленную через свойства и отношения телесно-чувственных предметов. Например, Архимед, установивший закон равновесия сил (тяжестей) и закон плавания тел, не оставил сочинений по метафизическим основаниям этих законов или используемых абстракций. Закономерности, сформулированные им на языке математики, легко накладывались на практические структуры, тем самым, на мир физических тел. Вопрос о метафизической реальности был во всех культурах поставлен философией, формирующейся как рациональное мировоззрение. Причем названный онтологический вопрос ставился одновременно как вопрос гносеологический, как вопрос о познании реальности, явившейся человеческому мышлению. Разграничение действительности умопостигаемой и телесно-чувственной, тем самым, действительности сущностной и действительности являющейся, изначально сопровождало познавательный процесс и оставляло его основу. В этом смысловом поле философия выстраивала разные онтологии, разделяющие названные сферы. Они были ей необходимы в первую очередь для системной мировоззренческой картины, отражающей поведенческую практику взаимоотношения человека и мира. Одновременно они соединялись с абстракциями возникавшей науки, давая им место в сущностной действительности космоса. По этой причине наука древности неотделима от онтологических конструкций философии.

Эта установка сохраняла свое значение на стадии становления европейского опытного естествознания. Неудивительно, что при объяснении падения камня к основанию башни Галилей вынужден обратиться к разграничению движений кажущихся и движений действительных, к каковым он относил общее движения камня и башни. Это был путь к разграничению движений относительных и абсолютных в механике И. Ньютона. Важно отметить, что теория познания, неотделимая от философской онтологии, т.е. от признания объективной реальности, давала одновременно этическую мотивацию деятельности уче-

ного, представляемую как стремление к постижению Истины. Субъективизм, тем более преднамеренный, исключался из пространства научных знаний.

Научная установка на постижение истины как познание мира является в культурно-историческом плане одной из сторон мировоззрения, которым живет общество. Познаваемый мир мог мыслиться как сотворенный Абсолютом или как вечный беспредельный и в чем-то непостижимый Универсум. Важно, что человек жил в этом мире и ощущение связи с ним передавалось обществу как целому через его мировосприятие и миропонимание. Оно сохраняется как в сенсуализме Д. Локка, так и в дуализме Р. Декарта. И. Кант, решавший проблему «чувственное-рациональное» на пути трансцендентализма (априоризма) не мог отказаться от мировоззренческой установки на существование объекта познания, пусть даже и непостижимого человеческими усилиями. Кантовский «мир для нас» сохраняет необходимость «мира в себе». Ситуация начинает изменяться в начале 19 века, когда позитивизм занялся устранением метафизической реальности в научном познании. Важно отметить, что последовательное и в целом успешное распространение позитивизма обеспечивалась не только и не столько его аргументами против метафизики в научном познании. Позитивизм проникал в науку в рамках общего европейского культурно-антропологического тренда, «освобождавшего» человека от объективной реальности. На языке религиозной философии это было названо «человеко-божием», в языке светском это рассматривалось как самоутверждение человека, бросающего вызов не только божеству, но и реальности как таковой. В теории познания, так или иначе выражающей миропонимание ученого, «освобождение от метафизики» принимало внутренне противоречивый характер, поскольку опора исключительно на реальность опыта, отождествляемую с субъективной реальностью ощущений, снимает и проблему познания природы, решением которой занят ученый. Объективность природы стала рассматриваться как призрак метафизики прошлого. При этом целью, смыслом и результатом познавательной деятельности для ученого традиционно остается познание противостоящей ему природы. Лишив ее объективного статуса, познающий субъект должен был ликвидировать и мотивацию к ее постижению. Поэтому путь, по которому пошел позитивизм, не без основания был назван однажды «бунтом на коленях». Действительно, позитивистская установка исключает понятие природного объекта как самостоятельной метафизической реальности, противостоящей познающему субъекту. На это направлял свои усилия Э. Мах, не нашедший ее в научной лаборатории. Однако все достижения познания продолжали трактоваться как познание природы, преобразуемой человеком. На практике это положение подтверждали, например, паровые машины «Титаника», в которых действовали природные силы, направляемые человеческим умением. Парадоксально, что в то же самое время философское сознание вновь обратилось к рассуждениям Дж. Беркли о реальности, существующей в уме познающего субъекта неотрывно от его восприятия.

Философия Дж. Беркли была одним из прецедентов, подтверждающих, что проблема теории познания не может ограничиваться логикой и семантикой языка. Она есть проблема отношения мира и человека, и как органическая часть

философии гносеология участвует в ее решении. Позитивизм не сделал нового шага в понимании субъекта познания и его отношения к миру, поскольку его не сделала европейская культура, все еще опирающаяся на антропологию самодостаточного индивида. Уход в анализ языка можно рассматривать как неадекватную реакцию на возникшую мировоззренческо-гносеологическую проблему. Но эта реакция оказалась вполне адекватной господствующему тренду на отказ от объективности, «принуждающей» человека к принятию «метафизики». В практическом (технологическом) плане изгнать объективную реальность невозможно, но это достижимо сделать в сфере сознания, в котором формируются мотивации человека. Вопрос о возвращении к естественной мировоззренческой установке, при которой человек соотносит себя с объективной реальностью не только посредством предметно-практического действия, но и через сферу сознания, является комплексной проблемой. На ее решение влияет не столько способность человека рассуждать *pro et contra*, сколько реальные исторические вызовы, проявляющиеся в общественной жизни. Ключевой точкой решения подобных мировоззренческих вопросов является антропология, ставящая человека в ответственное отношение к миру, обществу, в целом, к жизни. Теория познания, обращенная к науке как средству познания и преобразования мира, является одной из опорных точек построения такой антропологии. В этом случае она должна опираться на представление о человеке как существе деятельном. Фактически до сего времени сенсуализм оказывается опорной точкой представления о познании, в соответствии с которой познаваемый объект дан субъекту в формах восприятия, дополняемого конструктивной деятельностью разума. Напротив, точка зрения деятельного подхода к познанию исходит из того, что объект познания дан познающему субъекту в формах практики. Принято считать, что это положение впервые высказано К. Марксом в «Тезисах о Фейербахе». Но в поисках его истоков уместно обратиться к «Новому Органону» Ф. Бэкона. Известно, что английский философ настаивал на изучении искусств, т.е. на исследовании природы в стесненном состоянии, когда она вынуждена обнаруживать себя. Предметы, которыми оперирует действующий субъект, даны ему через органы его восприятия. Но человек изучает не предметы практического действия. Согласно Бэкону он изучает Формы, «которые в действительности суть законы чистого действия» [2, с.39]. Они не даны ощущению непосредственно и являют себя через отношения предметов, соединяемых в действии. По сути, это положение заключает в себе формулу «объект дан в формах практики», оно позволяет Бэкону преодолеть акаталепсию Новой Академии.

Гносеологическая расшифровка названного суждения сделана в ранних работах В.С. Степина. Указав на диалектически двойственный характер практики, исследователь показал, что объект познания извлекается из ее объективной составляющей, и репрезентируется в модельных схемах науки [2, с.31-40]. Это «извлечение» природы из структур практического действия совершается путем схематизации его содержания, выстраивания абстрактных объектов и абстрактных схем, в которых снимаются отношения предметов (а не их чувственные признаки), иначе говоря, снимаются «законы чистого действия» по выражению Ф. Бэкона. Объект познания задан не ощущениями, сопровождающими ту или

иную практику, не чувственной данностью предметов оперирования, но отношениями предметов, реконструируемыми субъектом познания. Абстрактным объектам могут быть приписаны чувственные признаки, фиксация которых не есть акт созерцания. Они выделяется функционально как существенные свойства, которыми предмет участвует в исследуемом процессе. Крайне важное следствие из этой установки заключается в том, что язык науки формируется не как регистрация «непосредственно данного», но как описание свойств и отношений абстрактных объектов. Этим снимается вопрос о роли языка и протоколов наблюдения, которые позитивизм третьей волны рассматривал как исходный эмпирический уровень знания. Эмпирический уровень сохраняется, но как описание абстрактных схем эмпирического уровня, соотносимых с ситуациями практического действия или научного наблюдения.

Дальнейшее развитие этих положений, превращение их в системно выстроенную гносеологию требует соответствующей антропологии, органически связанной с мировоззренческими установками общества. Гносеологическая задача соединяется с общефилософской, решение которой является актуальным для современной философии.

Литература

1. Бэкон Ф. Новый органон / Ф. Бэкон. Соч. в 2-х т. Т.2. М.: Мысль. 1978.
2. Степин В.С., Томильчик Л.Н. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Минск. 1970.

Философское и прикладное значение нетьюринговой вычислимости

Шалак В.И.

*доктор философских наук, в.н.с.
Институт философии РАН
(Москва, Российская Федерация)*

УДК 168.3

Аннотация. Объем понятия алгоритм выходит за рамки алгоритмов, реализуемых машинами Тьюринга. Целенаправленная деятельность является синонимичной алгоритмической деятельности. Логический анализ целенаправленной деятельности приводит к построению абстрактной модели Т-машины, являющейся обобщением машин Тьюринга и способной вычислять функции, невычислимые машинами Тьюринга. Поскольку сфера социальных отношений характеризуется целенаправленными изменениями, мы приходим к распространению алгоритмических понятий на социум.

Ключевые слова: алгоритм, целенаправленная деятельность, машина Тьюринга, вычислимость, нетьюрингова вычислимость.

Philosophical and applied significance of non-Turing computability

Shalack V.I.

*D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow
RAS Institute of Philosophy
(Moscow, Russia)*

Abstract. *The scope of the concept of algorithm goes beyond the algorithms implemented by Turing machines. Goal-directed activity is synonymous with algorithmic activity. The logical analysis of goal-directed activity leads to the construction of an abstract model of the T-machine, which is a generalization of Turing machines and is capable of calculating functions that are not computable by Turing machines. Since the sphere of social relations is characterized by goal-directed changes, we come to the extension of algorithmic concepts to society.*

Keywords: *algorithm, goal-directed activity, Turing machine, computability, non-Turing computability.*

Понятие алгоритма

В 1963 В.А. Смирнов предложил следующее общее определение понятия алгоритма [1].

«В интуитивном, содержательном смысле под алгоритмом понимают общепонятное и однозначное предписание, какие и в каком порядке производить действия, чтобы получить искомый результат».

Не сильно погрешу против истины, если скажу, что сегодня для подавляющего числа философов понятие алгоритма ассоциируется прежде всего с калькуляторами и компьютерами, что в корне неверно. Под приведенное выше определение подпадают не только программы машин Тьюринга и современных компьютеров, но также и описания многих других явлений окружающего нас мира. Примерами выполнения алгоритмов будут: Золушка, перебирающая зернышки; движение парусника против ветра путем смены галсов; стандартные медицинские процедуры; приготовление блюд согласно кулинарным рецептам и пр. Книга “О вкусной и здоровой пище” – это большой сборник *общепонятных и однозначных предписаний, какие и в каком порядке производить действия, чтобы получить искомый результат.*

Интересующимся достижениями науки XX в. известен тезис Чёрча-Тьюринга [2]. В первоначальной формулировке он гласил, что *функция на натуральных числах эффективно вычислима е. и т. е. она определима в специально построенном лямбда-исчислении.* Данный тезис является содержательным утверждением, а не математической теоремой. С ним можно согласиться или не согласиться. К. Гёдель не спешил выразить свое согласие, и лишь после появления статьи А. Тьюринга [3], в которой была построена интуитивно прозрачная модель вычислений и показано, что вычислимость в ней равносильна вычислимости в лямбда-исчислении, К. Гёдель принял этот тезис.

Многие, слышавшие о тезисе Чёрча-Тьюринга, но не разобравшиеся в работах Тьюринга, стали трактовать тезис чересчур расширительно. Как пишет Дж. Копленд [2], результаты Тьюринга послужили поводом для возникновения мифа о том, будто универсальная машина Тьюринга может имитировать поведение любой машины, где под машиной понимается человек или некоторое устройство, следующие явно установленным правилам. Этот миф с пагубными последствиями перешел в философию сознания, теоретическую психологию, когнитивистику, информатику, искусственный интеллект, искусственную жизнь и другие области.

Для Тьюринга наглядным примером вычисления, согласно некоторым правилам, были действия человека, использующего лишь карандаш, ластик и бумагу. Этот человек-вычислитель занимался исключительно символическими вычислениями, что и позволило построить их абстрактную математическую модель. Движение парусника или приготовление кулинарных блюд невозможно представить в виде некоторой программы машины Тьюринга, поскольку необходимыми их элементами являются обращения ко внешним физическим процессам. Для парусника – к ветру; для кулинарных блюд – к изменению свойств продуктов в результате способов обработки. В этих пунктах конечный результат выполнения алгоритма перестает зависеть исключительно от агента, к работе подключаются закономерности природы.

Целенаправленное поведение

Чтобы продолжить наш анализ, вместо тьюрингова человека-вычислителя выберем другую наглядную модель алгоритмических действий. Обратим внимание на то, что приведенное определение алгоритма с равным успехом можно рассматривать, как описание целенаправленного поведения/действий некоторого агента/человека. Искомый результат из определения алгоритма является целью, достичь которую стремится агент.

Понимание алгоритма, как описания целенаправленного поведения агента, не отменяет, а расширяет круг примеров. Очевидно, что символические преобразования человека-вычислителя являются примером целенаправленного поведения. Ему даны карандаш и бумага, на которой записаны значения аргументов функции. Требуется вычислить значение функции согласно строгому предписанию. Для сложения и умножения предписания различаются. Все промежуточные действия агента конструктивны в том смысле, что их результаты зависят исключительно от него, а он всего лишь записывает или стирает символы на бумаге и перемещает свое внимание с одного места на бумаге на другое. Точно так же конструктивны действия Золушки, которая поочередно берет зернышки, оценивает их и перемещает в одну или другую кучку. Конечная ее цель – разделить исходную кучку на две другие. В математической модели поведение Золушки описывается алгоритмами сортировки.

Движение парусника против ветра путем смены галсов также является примером целенаправленного поведения, но оно выходит за рамки тьюринговой модели. Конструктивные действия по смене галсов перемежаются временными промежутками, когда выполнение алгоритма передается природе и зависит от изменяющейся силы ветра, изменений его направления, морских течений. Иными словами, целенаправленное поведение в общем случае характеризуется поочередным выполнением конструктивных действий со стороны агента и передачей управления природе.

Функции, невычислимые по Тьюрингу

Пора привести пример конкретной функции, которая вычислима в модели целенаправленного поведения, но невычислима в модели Тьюринга. Такой функцией является вычисление температуры тела. Алгоритм известен всем еще с детских времен:

Если вам нужно измерить температуру тела и у вас есть ртутный градусник, возьмите его и вставьте в подмышку, после чего подождите десять минут, затем достаньте и посмотрите, до какого деления шкалы поднялся столбик ртути. Это и есть температура вашего тела.

Если присмотреться к алгоритму, то можно заметить, что он состоит из конструктивных действий “*взять градусник и вставить в подмышку*”, зависящих исключительно от агента, и последующего периода бездействия “*подождать десять минут*”, когда и происходит самое важное. Во время бездействия агента, благодаря контакту градусника с телом, начинается физический процесс теплообмена между телом и градусником, который продолжается до достижения температурного равновесия. Во время теплообмена происходит физический процесс расширения объема ртути до конкретной величины, которая и является конечной целью выполнения алгоритма. Воспроизвести результат выполнения этого алгоритма путем каких-либо манипуляций с символами на бумаге невозможно. Это и есть пример функции, вычислимой в модели целенаправленного поведения, которую невозможно вычислить с помощью машины Тьюринга.

Этот пример подталкивает к более общему заключению, что многие из процедур измерений в естественных науках, являются примерами функций, вычислимых в расширенной модели, но не вычислимых по Тьюрингу. Они называются процедурами, поскольку подпадают под определение алгоритма, но их результат невозможно получить на кончике пера, его знает только природа.

Во избежание ненужных недоразумений следует сразу подчеркнуть, что существование невычислимых по Тьюрингу, но вычислимых в расширенной модели функций не нарушает тезиса Чёрча-Тьюринга. Данный тезис относится лишь к символическим вычислениям, мы же расширили область вычислимости до более широкой области физических явлений.

Анализ сложных форм целенаправленного поведения позволяет прийти к строгой формулировке абстрактной *T-машины* (Телеологической машины), являющейся обобщением машины Тьюринга. Если физическими воплощениями машин Тьюринга являются компьютеры, то *T-машинам* соответствуют роботизированные устройства, начиная с автоматических пылесосов и программируемых кухонных печей, и заканчивая сложными безлюдными производствами. Эти устройства в качестве управляющих подсистем включают в себя обычные вычислительные устройства, но главным для них является целесообразное взаимодействие с окружающей средой путем обращения к внешним физическим процессам.

Коль скоро понятие алгоритма совпадает с понятием целенаправленного поведения/действий, ничто не мешает обратить внимание не только на физические, но и на социальные процессы [4]. Легко заметить, что, начиная с поведения отдельных людей, и заканчивая функционированием различных социальных институтов, их общей и важной характеристикой является целенаправленность, а не случайное броуновское блуждание. Именно благодаря осознанной целенаправленности мир людей в корне отличается от мира дикой природы.

Законоподобность

Закономерность – устойчивая связь между явлениями. Открытые в процессе познания закономерности мы фиксируем в понятии закона. Общая логическая форма закона имеет вид “*Если A, то B*”.

Целенаправленная/алгоритмическая деятельность является особым видом природных закономерностей. В виде закона она примет вид “*Если A, то сделай d, чтобы получить B*”, где устойчивая связь между явлениями опосредована действиями агента. Если за реализацию обычных закономерностей, отвечает природа, то за реализацию закономерностей целенаправленного поведения – взаимодействующий с природой агент, который является ее же частью. Область использования такого рода законов значительно расширяет возможности теоретического осмысления и описания окружающего мира.

Антиэнтропийность

Второе начало термодинамики постулирует рост энтропии, т.е. степени неупорядоченности замкнутых систем. Целенаправленное поведение не подчиняется напрямую второму началу термодинамики и может регулярно приводить к локальному уменьшению энтропии или ее увеличению.

Собирая случайно перемешанный кубик Рубика, нашей целью является привести его к виду, когда каждая грань будет содержать клетки одного цвета, а это состояние наименьшей энтропии кубика. Алфавит русского языка состоит из 32 букв. Первоначальный хаос возможных комбинаций мы умеем регулярно превращать в сложно упорядоченные осмысленные тексты.

Антиэнтропийность целенаправленного поведения объясняет, каким образом мог возникнуть окружающий нас мир человеческой культуры с его многочисленными артефактами – автомобилями, медициной, сельским хозяйством, сложным производством, социальными организациями, искусством и наукой.

Обратная причинность

В философских дискуссиях и литературе периодически поднимается тема существования обратной причинности. К этому понятию нельзя подходить с теми же мерками, что и к обычной причинности. Будущее возможное состояние, выраженное в понятии цели, вынуждает уже сейчас совершать вполне определенные действия для последовательного достижения этого состояния, превращения его из возможного/потенциального в действительное.

Можно ли назвать это причинностью? Можно, если не ограничивать себя догматическим пониманием причинности, унаследованным нами из философии Нового времени. Если за реализацию обычных причинно-следственных связей отвечает природа, то за реализацию обратной причинности отвечает агент, взаимодействующий с природой и существующий в ней же.

Литература

1. Смирнов В.А. Алгоритмы и логические схемы алгоритмов // Проблемы логики. М., 1963. С. 84–101.
2. Copeland, B. Jack, The Church-Turing Thesis // The Stanford Encyclopedia of Philosophy, URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/church-turing/>.

3. Turing A.M. On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem // Proceedings of the London Mathematical Society. 1936–1937. Vol. 42. P. 230–265.

4. Шалак В.И. Алгоритмическая модель социальных процессов // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 1. URL: <https://cyberspace.pgu.ru/jour/article/view/220>.

Экологические смыслы ноосферы в контексте проблем техногенной цивилизации: от В.И. Вернадского к В.С. Степину¹⁸ Щедрина И.О.

Кандидат философских наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Российская Федерация

УДК 167.1

Исследование антропогенных воздействий на окружающий мир, как правило, порождает в современной философии и методологии науки две тенденции, сводящихся, с одной стороны, к констатации неизбежных экологических рисков, выраженных, как правило, в алармистском ключе, и к прогнозированию возможных форм сосуществования человека и его «живого-неживого» окружения, с другой. При этом выявление рисков является своего рода эмпирическим базисом для прогностических гипотез. А это значит, что сегодня, в техногенную эпоху мы должны вернуться к историческому опыту целостного осмысления указанных проблем: к идее ноосферы Вернадского, методологическую актуализацию которой осуществил В.С. Степин в книге «Теоретическое знание». Его концепция «универсального эволюционизма» осмысливает кризис техногенной цивилизации именно как ноосферное явление. В.И. Вернадский открывает для науки новую предметную сферу – человеческую мысль в ее исторической осуществленности, а В.С. Степин показывает, как эта мысль реализуется в эпистемологии. Конкретизируя свою позицию, он вводит в методологию науки понятие «человекоразмерности», с помощью которого пытается по-новому осмыслить экологические проблемы современного человечества.

Ключевые слова: ноосфера, техногенная цивилизация, экологический кризис, наука, методология науки, человекоразмерность, В.И. Вернадский, В.С. Степин

Ecological meanings of the noosphere in the context of the problems of technogenic civilization: from V.I. Vernadsky to V.S. Stepin¹⁹

¹⁸ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-511-04006 «Философско-методологическое наследие В. С. Стёпина в контексте современных исследований социокультурных рисков техногенной цивилизации».

¹⁹ The research was carried out with support from the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-511-04006 “Philosophical and methodological heritage of V.S. Stepin in the context of modern studies of sociocultural risks of technogenic civilization”.

Shchedrina I.O.
CSc in Philosophy
National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation

The study of anthropogenic impacts on the surrounding world, as a rule, gives rise to two trends in modern philosophy and methodology of science, which boil down, on the one hand, to stating inevitable environmental risks, expressed, as a rule, in an alarmist way, and to predicting possible forms of coexistence of man and his "living-non-living" environment, on the other. At the same time, recognizing risks is a kind of empirical basis for prognostic hypotheses. Moreover, this means that today, in the technogenic era, we must return to the historical experience of a holistic understanding of these problems: to the idea of Vernadsky's noosphere, the methodological updating of which was carried out by V.S. Stepin in the book "Theoretical knowledge". His concept of "universal evolutionism" comprehends the crisis of technogenic civilization precisely as a noospheric phenomenon. V.I. Vernadsky opens up a new subject area for science - human thought in its historical implementation, and V.S. Stepin shows how this idea is realized in epistemology. Concretizing his position, he introduces the concept of "human-sized" into the methodology of science, with the help of which he tries to rethink the environmental problems of modern humanity.

Key words: noosphere, technogenic civilization, ecological crisis, science, methodology of science, human dimension, V.I. Vernadsky, V.S. Stepin

В 1944 году был опубликован текст В.И. Вернадского «Несколько слов о ноосфере», где формулируется идея, которая не потеряла своей актуальности и сегодня: «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о *перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого*. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть “ноосфера”» [1, с. 41]. В этом определении содержится два важных уточнения, которые мы должны учитывать, истолковывая Вернадского сегодня. Во-первых, ноосфера становится возможной, поскольку мысль изначально свободна, а во-вторых, он акцентировал не только научный, но и культурно-исторический, социальный смысл этого понятия.

Идеи Вернадского в течение всего XX века оказывали влияние на развитие как отечественной, так и мировой философии и науки. Но специфические смыслы его понятия «ноосфера» акцентировал для методологии науки именно В.С. Степин. Он очень обстоятельно соотносил свои размышления с релевантными замечками В.И. Вернадского о потенциально возможной гармонии сосуществования человека и планеты. «Под влиянием научной мысли и человеческого труда, – соглашается с Вернадским Степин, – биосфера переходит в новое состояние – ноосферу» [2, с. 660].

И, на мой взгляд, во многом именно под влиянием идеи ноосферы, Степин формулирует специфические характеристики «техногенной цивилизации»,

которая «в самом своем бытии определена как общество, постоянно изменяющее свои основания. Поэтому в ее культуре активно поддерживается и ценится постоянная генерация новых образцов, идей, концепций. Лишь некоторые из них могут реализовываться в сегодняшней действительности, а остальные предстают как возможные программы будущей жизнедеятельности, адресованные грядущим поколениям. В культуре техногенных обществ всегда можно обнаружить идеи и ценностные ориентации, альтернативные доминирующим ценностям. Но в реальной жизнедеятельности общества они могут не играть определяющей роли, оставаясь как бы на периферии общественного сознания и не приводя в движение массы людей» [2, с. 22–23].

Признание мысли изначально свободной фактически позволило Вернадскому постулировать открытость науки и безграничность возможностей человеческого разума. Он отчетливо осознавал, что «в науке мы можем знать только, как произошло что-нибудь, а не почему и для чего» [1, с. 241]. И рассуждая таким образом, он, конечно же, имел в виду амбивалентность научных открытий, непредсказуемость их практического использования, и, как следствие, возникновение экологических катастроф. Хотя сам Вернадский был оптимистом и полагал, что человек все-таки обладает разумом, и коллективный разум сможет уберечь человечество от саморазрушения. Он верил в «человеческую человечность».

Именно это направление мысли Вернадского стал развивать Степин, вводя в методологию науки культурно-историческое и социальное измерение: «В.И. Вернадский рассматривает человечество как часть биосферы, которое оказывает на эту систему активное воздействие. Возникающее в процессе биоэволюции человеческое сознание становится особым фактором эволюции, значение которого возрастает с течением времени. Перерастание биосферы в ноосферу является логическим завершением эволюции материи: все части развивающегося мира оказываются взаимосвязанными, и человек закономерно вписывается в этот мир» [2, с. 687]. Человек идентифицирует себя как мыслящее живое среди такого же живого, как часть ноосферы, когда его представление о себе самом выходит за рамки индивидуальной телесности и коллективного антропоцена.

Что это означает для философии науки? Вопрос, который для Степина приобрел первостепенное значение. Он развивает идею «ноосферы» Вернадского и погружает ее в процесс научного исследования. «В концепции Вернадского жизнь предстает как целостный эволюционный процесс (физический, геохимический, биологический), включенный в качестве особой составляющей в космическую эволюцию. Своим учением о биосфере и ноосфере В.И. Вернадский продемонстрировал неразрывную связь планетарных и космических процессов» [2, с. 660]. Если мысль человека оказывает влияние на все процессы на Земле, значит она каким-то образом меняет и научное познание? И если человек принципиально неустраним из ноосферы, значит и научное исследование должно быть «очеловечено». Степин вводит понятие «человекообразные системы», которые мы сегодня познаем, учитывая их принципиальную «человеческую человечность». Рассмотренные сквозь призму экологического кризиса,

эти системы становятся не только предметом анализа, но и концептуальным полем для формирования экологического «Я». Ведь как писал В.С. Степин, это «Я» формируется в техногенной цивилизации как ответ на «...глобальные экологические проблемы и вызванную ими необходимость радикального изменения нашего отношения к природной среде. Для современного философского сознания стало почти очевидным, что существование человека как части природы и как деятельностного существа, преобразующего природу, находится в диалектически противоречивой зависимости. Причем в наше время это противоречие приобрело конфликтный характер, поскольку современное техногенное давление на природу создает опасность вырождения биосферы, а значит, угрожает самому человеческому существованию» [3, с. 6].

Литература

1. *Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере // Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. А.Л. Яншин. М.: Наука, 1991. С. 235–244.
2. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003
3. *Степин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.

«Невидимый собеседник»:

Н.И. Жинкин в междисциплинарной «сфере разговора» В.С. Степина²⁰

Щедрина Т.Г.

д.филос.н.

*Московский педагогический государственный университет
научный сотрудник*

*Институт логики, когнитологии и развития личности
(Москва, Россия)*

УДК 167.1

«Сфера разговора» философа – это пространство, в котором происходит понимание его мысли. У В.С. Степина она междисциплинарна по своей сути (в ней присутствуют голоса и интонации его друзей и единомышленников, оппонентов и коллег, а также ученых самых различных дисциплин). Такова была направленность поисков Степина: он пытался максимально расширить «защитный пояс» концепции «междисциплинарных взаимодействий». Вместе с тем, в его «сферу разговора» можно включить и тех «невидимых» собеседников, которые участвовали, так или иначе, в обсуждении проблем философии науки, семиотики, кибернетики в 1960–1970-е годы и оказали влияние на «видимых собеседников» В.С. Степина. Николая Ивановича Жинкина – известного психолога и философа, стоявшего у истоков отечественной психолингвистики

²⁰ Работа выполнена в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РНФ, № 22-28-01799 «“Архив эпохи” Н.И. Жинкина в контексте современных проблем методологии и философии науки».

– мы можем рассматривать как «невидимого собеседника» В.С. Степина. Его междисциплинарная программа исследований внутренней речи оказалась в центре внимания «видимого собеседника» Степина, Р.О. Якобсона, который сам искал «коды» для методологических переходов от лингвистики к биологии и обратно. Такое расширение «сферы разговора» Степина обогащает его идеи и делает их актуальными для современных философских и научных дискуссий.

Ключевые слова: междисциплинарность, «сфера разговора», семиотика, В.С. Степин, Р.О. Якобсон, Н.И. Жинкин.

“Invisible Interlocutor”:

N.I. Zhinkin in V.S. Stepin’s interdisciplinary “sphere of conversation”²¹

Shchedrina T.G.

*DSc in Philosophy, Professor
Moscow Pedagogical State University
Research Fellow
Institute of Logic
Moscow, Russian Federation*

The “sphere of conversation” of a philosopher is the space in which the understanding of his thoughts takes place. For V.S. Stepin, it is interdisciplinary in its essence (it contains the voices and intonations of his friends and like-minded people, opponents and colleagues, as well as scientists from various disciplines). Such was the direction of Stepin’s search: he tried to expand the “protective belt” of his concept of the “interdisciplinary interactions” as much as possible. At the same time, his “sphere of conversation” can also include those of his “invisible” interlocutors who cultivated the general field of “conversation” about the philosophy of science, semiotics, and cybernetics of the 1960s–1970s. and influenced the “visible” interlocutors of V.S. Stepin. N.I. Zhinkin became one of these “invisible interlocutors” for V.S. Stepin (Zhinkin’s interdisciplinary research program of inner speech was the focus of attention of R.O. Jakobson, who himself was looking for “codes” for methodological transitions from linguistics to biology and vice versa). Such an expansion of Stepin’s “sphere of conversation” enriches his ideas and makes them relevant to modern interdisciplinary discussions.

Keywords: interdisciplinary interactions, “sphere of conversation”, semiotics, V.S. Stepin, R.O. Jacobson, N.I. Zhinkin.

Н.И. Жинкин и Р.О. Якобсон входили в свое время в феноменологогерменевтическую «сферу разговора» Г.Г. Шпета (см. [1]) и они продолжили общение друг с другом в 1960-х гг. (см. их переписку [2]), расширяя свои исследовательские интересы. Но если Якобсон попадает в поле внимания В.С. Степина как пример реализации «междисциплинарности», то Жинкин остается вне

его. Тем не менее, Жинкин также важен сегодня для актуализации идей В.С. Степина.

Размышляя о кардинальных изменениях, происходящих в науке XX века, В.С. Степин писал, что «научные революции возможны не только как результат внутридисциплинарного развития, когда в сферу исследования включаются новые типы объектов, освоение которых требует изменения оснований научной дисциплины. Они возможны также благодаря междисциплинарным взаимодействиям, основанным на “парадигмальных прививках” – переносе представлений специальной научной картины мира, а также идеалов и норм исследования из одной научной дисциплины в другую» [3, с. 578]. Предмет, о котором размышлял В.С. Степин, – междисциплинарность как методологически эффективная стратегия исследования «новых типов объектов» (динамических систем) – был дан ему не в застывшем виде, но в историческом движении, в развертывании, в «выражениях» других ученых.

В процессе работы у Степина сложилась специфическая концептуальная сетка понятийных образований: «постнеклассика», «синергетика», «динамика культуры», «человекоразмерность» и т.д. Сегодня мы можем ретерминологизировать понятийную сетку «постнеклассической» философии науки Степина и осмыслить его устоявшиеся понятийные образования как «эпистемологические метафоры». Как писал С.С. Аверинцев: «Когда философский термин уже стал философским термином, он тем более однозначен, намеренно фиксирован, стабилен – иначе он не был бы термином. Значит, как бытовое слово, так и термин – предметы малоподвижные, которые “знают свое место” и не дают сдвинуть себя с этого места. Но для рождения термина нужен сдвиг. Если вообразить, будто бытовое слово как таковое может стать термином, получается некое подобие Зеноновой апории о стреле: вот сейчас стрела находится в таком-то месте, в следующее мгновение – в другом месте, а когда же, как же она успела переместиться? Между бытовым словом и философским термином непременно должна лежать зона, в которой слова освобождены от жесткой связи со своим жизненным “местом”, сдвинуты с него, вышли из своих берегов, из равенства себе. Иначе говоря, это зона *метафоры*. Ведь философский термин, если взглянуть на него с противоположного полюса, из сферы житейской речи, есть не что иное, как установленная, фиксированная, застывшая метафора: бытовое слово, систематически употребляемое в несобственном смысле» [4, с. 51–52].

То есть мы будем осуществлять ре-терминологизацию или преобразование понятий, когда мы снова возвращаем понятиям «бахрому смыслов». («При всей своей красоте – писал И. Бродский – четкая концепция означает сужение смысла, отсечение всяческой бахромы. Между тем бахрома-то как раз важнее всего в мире феноменов, ибо она способна переплетаться» [5, с. 96].) Ре-терминологизация обратна процессу образования понятий, который осуществил В.С. Степин. Процесс пре-образования понятий в эпистемологические метафоры оказывается сегодня весьма важным для обогащения идей Степина, а также для расширения его «сферы разговора». Превращение понятия в эпистемологическую метафору позволяет нам сегодня перемешать предметности из

²¹ The research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation No. 22-28-01799 “Archive of epoch of Zhinkin in the context of modern problems of methodology and philosophy of sciences”.

одной дисциплинарной области в другую и видеть вновь «бахрому смыслов», которая зачастую оказывается недоступной после логической «концептуализации» (образования) понятий. Актуализировать теорию это значит вернуть ей «бахрому» смыслов, достроить контексты, которые были «отрезаны», вернуть теории ее бесконечный смысловой горизонт, осмыслить насыщенность интеллектуальной среды говорения. Исследование «сферы разговора» философа предполагает обнаружение неявных связей, реконструкцию и, как следствие, расширение возможных интеллектуальных созвучий. В.С. Степин говорит не только сам по себе, он говорит вместе с другими. И в его речи мы можем услышать не только тех авторов, которых он сознательно цитирует (то есть тех, кто составляет его ближайший «оппонентный круг»), но и тех, кто составляет его «сферу разговора». Полагаю, что такой способ выявления косвенных «влияний» вполне правомерен. Продемонстрирую это на конкретном примере.

В книге «Теоретическое знание» Степин рассуждает о междисциплинарных объединениях, ссылаясь на Якобсона, приводя пространственные цитаты из его трудов, в которых Якобсон констатирует наличие методологических (и предметных) пересечений между биологией, лингвистикой и кибернетикой. «Р. Якобсон подчеркивает, что параллели между кодовыми системами, составляющими массив биологической информации, и человеческим языком открывают большие возможности переноса представлений и методов из лингвистики в биологию и обратно. Ссылаясь на работы Крика, Яновского, Дж. и М. Бидлов, Ф. Жакоба, он пишет, что указанные авторы-биологи отмечают в качестве важнейшего признака “генетического языка” его иерархическую структуру, подобную той, которая была открыта лингвистами в естественных языках» [3, 607–608]. Степину этот взгляд был важен, чтобы проиллюстрировать как работает его понятие «междисциплинарных взаимодействий» и что является их основанием. В данном случае таким основанием выступает семиотика. Именно понятие «междисциплинарные взаимодействия» и предстает в виде «рассеянного субъекта, состоящего из различных центров» (термин Лотмана [6]), т.е. именно «сферы разговора», в которой возможны самые разнообразные соотносимые высказывания. И таким образом именно в этой точке возможно вплетение в разговор о междисциплинарности идей не только Якобсона, но и его реального собеседника Н. Жинкина, который в свое время осуществлял междисциплинарные исследования на пересечении лингвистики, психологии, семиотики, этологии и кибернетики (см.: [7]). Жинкин был убежден, что речь должна исследоваться многими науками сообща. «Надо преодолеть разобщенность наук, часто мешающую правильно видеть простые явления, сопоставлять то, что разобщено в разных дисциплинах, и не находить методик, давно применяемую в какой-либо области. Эти обстоятельства значительно мешают разработке вопросов механизма речи» [8, с. 7]. Установка Жинкина была близка и Якобсону. Именно о такого рода исследованиях потом будет говорить Степин в своих произведениях, ссылаясь не на Жинкина, а на Якобсона, но Жинкин как один из участников «разговора» о междисциплинарности научного исследования, будет незримо присутствовать в речевых актах Степина.

Литература

1. Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: РОССПЭН, 2008.
2. Щедрина Т.Г., Щедрина И.О. «Жажда бесед с Вами»: переписка Николая Жинкина и Романа Якобсона // Вопросы философии. 2022. № 12. С. 137–147.
3. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
4. Аверинцев С.С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии / Под ред. С.С. Аверинцева. М.: Наука, 1979. С. 41–81.
5. Бродский И. Поклониться тени. СПб.: Азбука, 2001.
6. Лотман Ю. М. Художественная структура «Евгения Онегина» // Труды по русской и славянской филологии. IX: Литературоведение / Отв. ред. Б. Ф. Егоров. Тарту: Изд-во Тартуского гос.ун-та, 1966. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 184). С. 5–32.
7. Щедрина Т.Г., Журавель Е.П., Сабанчеев Р.Ю. Трансдисциплинарная исследовательская программа Н.И. Жинкина: внутренняя речь и ее экспериментальные проекции // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 60–69.
8. Жинкин Н.И. Механизмы речи. М.: АПН РСФСР, 1958.

Не-картезианская эпистемология Г. Башляра и современная биология

Эмануилов Ф.Р.

Студент бакалавриата

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)*

УДК 167

Аннотация: Цель данного доклада — зафиксировать происходящие в современной биологии теоретические сдвиги при помощи концептуального аппарата Г. Башляра, а также сделать отсюда некоторые содержательные выводы относительно дальнейшего развития биологического знания. Проанализировав изменение концепций гена, клетки и организма, автор доклада обращает внимание на де-центрацию данных понятий, их включение в более общие концептуальные структуры (структура наследственности, биопленка, совокупность симбиотических отношений между организмами), что соответствует не-картезианской эпистемологии по Башляру. Отсюда делается вывод об исчезновении программы биологического атомизма, превращающейся в эпистемологическое препятствие.

Ключевые слова: Башляр, не-картезианская эпистемология, современная биология, ген, клетка, организм, биологический атомизм

G. Bachelard's Non-Cartesian Epistemology and Contemporary Biology*Emanuilov F.R.**Bachelor student**National Research University Higher School of Economics**(Moscow, Russia)*

Annotation: The aim of this paper is to capture some theoretical shifts taking place in contemporary biology with the help of G. Bachelard's conceptual apparatus and to draw some meaningful conclusions regarding the further development of biological knowledge from this. After analyzing the change in the concepts of the gene, cell and organism, the author draws attention to the de-centration of these concepts and their integration in more general conceptual structures (structure of heredity, biofilm, nexus of symbiotic relationships between organisms), which corresponds to the Bachelard's non-Cartesian epistemology. Hence, the conclusion is drawn about the exhaustion of the program of biological atomism, which turns into an epistemological obstacle.

Keywords: Bachelard, non-Cartesian epistemology, contemporary biology, gene, cell, organism, biological atomism.

Не-картезианская эпистемология

Концепция не-картезианской эпистемологии была сформулирована Башляром в работе «Новый научный дух» [1], написанной в 1934 г. на фоне революционных изменений в математической физике (теория относительности, квантовая механика). Этому новому научному духу и должна была соответствовать новая научная эпистемология. Главное, в чем эта новая эпистемология порывала с картезианской²², был отказ от «доктрины простых и абсолютных начал» [там же, 128]. Усложнение понятий, в классической науке связывавшееся с процессом их применения, теперь являются сложными на уровне самих теоретических принципов [там же, 62].

Башляр резюмирует новое положение дел следующим образом: «По существу, нет простых явлений; явление — это узел отношений. Нет и простого начала, простой субстанции; субстанция — это взаимопереплетение атрибутов. Нет и простой идеи, так как простая идея... должна быть включена (чтобы быть понятой) в сложную систему мысли и опыта. Использование научной мысли всегда сопровождается усложнением» [там же, 133]. Таким образом, новый научный дух и соответствующая ему эпистемология идут по пути разрушения тождества и обнаружения множественности, лежащей за ним.

Такое усложнение простых понятий происходит неодинаково, в зависимости от их природы. В случае геометрических по существу понятий (к ним Башляр относит, например, понятия места и одновременности) идет внедрение простого понятия в экспериментальное построение. Примером такого усложнения для Башляра является проблематизация понятий одновременности и абсо-

²² Можно сказать, что с картезианством Башляр связывает идеал классической науки вообще.

лютного времени в теории относительности. Теперь одновременность двух событий не принимается за самоочевидную, но требует установления соглашения в опыте двумя наблюдателями. То же изменение происходит и в случае понятия места в квантовой механике — более нельзя говорить о месте электрона «в себе», вне экспериментальной установки [там же, 58-60]. Можно видеть, что здесь Башляр высказывает ключевую характеристику неклассической рациональности, как она описывается В.С. Степиным. Правда, в случае Башляра внедрение наблюдателя в структуру науки является скорее частным случаем некартезианской эпистемологии.

В случае же простых понятий, более укорененных в материальной реальности (например, понятия массы), происходит их представление как «множественность видов» [там же, 60]. Его примером является расщепление понятия массы в теории относительности на продольную и поперечную массы²³.

Современная биология

На наш взгляд, похожее движение можно обнаружить в современной биологии. Мы рассмотрим как ведут себя понятия, соответствующие следующим уровням биологической организации: ген, клетка, организм. Говоря о генах, стоит рассмотреть их с двух точек зрения — наследственности и развития. С точки зрения наследственности, гены (понимаемые здесь как участки молекулы ДНК), начиная с конца XX в., утрачивают статус единственного хранилища и источника передачи наследственной информации. Открывается эпигенетическое наследование — передача фенотипических вариаций, не обусловленных изменениями последовательностей оснований ДНК. В узком смысле, эпигенетическая наследственность включает передачу такой вариации через «бутылочное горлышко» единичной половой клетки (гаметы или споры в случае многоклеточных организмов с половым размножением). На данный момент, наиболее изученным механизмом такого наследования является метилирование ДНК²⁴. В широком же смысле, эпигенетическая наследственность также включает передачу эпигенетических вариаций без прохождения через указанное «бутылочное горлышко», то есть от соматических клеток к соматическим. Это может происходить через онтогенетические взаимодействия матери и потомства, социальное обучение или даже символическую коммуникацию [3].

С этим связано и изменение статуса генов в индивидуальном развитии организма (онтогенезе). Так, появившаяся в конце XX в. эволюционная биология развития (эво-дево) изучает экспрессию генотипа в фенотип не как простое однозначное выражение, а как контингентный и многовариантный процесс, способный приобретать различные траектории, исходя из пертурбаций внешней среды и самих генов. Разрабатываются и более радикальные подходы. Если эво-дево сохраняет традиционный взгляд на ген как фундаментальную единицу

²³ В настоящий момент, устаревшие понятия.

²⁴ Результат процессов, в ходе которых к цитозину в нуклеотиде ДНК присоединяется метильная группа. Основная функция метилирования у растений и животных состоит в регуляции транскрипции через подавление инициации транскрипции определенных генов [2].

наследственности, и тем самым, каузальную асимметрию факторов индивидуального развития и эволюции²⁵, то теория систем развития (Developmental systems theory, DST) пытается отказаться от подобной ассиметрии. Ее сторонники рассматривают гены лишь как один из многих факторов индивидуального развития и эволюции. Каждый фактор и уровень развития (гены и их экспрессия, клеточный метаболизм, формирование тканей, влияние внешней среды и т.д.) рассматривается как каузально равноправный. Наряду с этим, DST пересматривает понятие генетической информации. В сильной версии, защищаемой, например, С. Ойямой информация рассматривается как конструируемая в самом процесса онтогенеза. В слабой же версии признается определенное предсуществование информации, однако не только в генах, а во всех факторах развития [4].

Таким образом, современная биология все сильнее отходит от исключительного положения генов в наследовании и онтогенезе. Ген более не рассматривается как абсолютная точка отсчета, его положение в структуре живого усложняется. Но не путем внедрения в экспериментальную установку или расщепления понятия, но скорее путем включения в более широкую структуру наследственности и развития.

Похожий сдвиг наблюдается и в случае клетки в микробиологии. На место представления одноклеточного как автономного единства, перемещающегося в среде, приходит идея его включенности в межклеточную структуру — биопленку. Биопленка — пространственно и метаболически структурированное микробное сообщество, встроенное во внеклеточную полимерную матрицу. Биопленка не является многоклеточным организмом, но и не представляет собой простую сумму клеток. Некоторые исследователи считают ее качественно новым типом организации, приводя метафору «города микробов» [5]. В такой форме существует 40-80% всех микроорганизмов (в случае суши, цифра приближается к верхнему показателю) [6].

То же изменение происходит и с понятием организма. Так, в рамках дискуссии о биологической индивидуальности в аналитической философии биологии все большую популярность получает взгляд, согласно которому парадигмальным индивидом является не организм, а холобионт — многоклеточный эукариот + совокупность его симбионтов [7]. Другие философы предлагают вовсе отказаться от попыток формулирования универсальной концепции и критерия биологической индивидуальности. Например, концепция неразборчивого индивидуализма предполагает множественность способов проведения границ между биологическими индивидами, которые зависят, в первую очередь, от целей исследования. Несмотря на то, что указанные исследования относятся скорее к сфере философии биологии, сами ученые (в особенности исследователи симбиоза и микробиома эукариот) также проявляют интерес к этим темам.

Таким образом, как и в случае гена, понятия клетки и организма претерпевают процесс децентрации. Они встраиваются в более общую концептуаль-

ную структуру (биопенка, холобионт) или более тесно связываются с конкретной исследовательской установкой (неразборчивый индивидуализм).

Вывод

Итак, мы обнаружили, что понятия гена, клетки и организма в современной биологии претерпевают концептуальные сдвиги. А именно, они деавтономизируются и децентрируются, включаясь в более общие структуры либо как один из их факторов (гены в структуре наследственности и развития), либо как зависимые от них сущности (одноклеточные в биопленке, организм в системе симбиотических отношений).

Главный вывод, который можно извлечь отсюда состоит в отказе от программы биологического атомизма [8]. Можно сказать, что на разных этапах развития биологии, все рассмотренные феномены, так или иначе, рассматривались как некие биологические атомы. В XIX в. ими были клетки в рамках клеточной теории, в XX в. это место оказалось занято генами в генетике и затем в синтетической теории эволюции. Более маргинальной, но тем не менее имевшей место в XX в., была тенденция рассматривать организм как такую абсолютную точку отсчета (органицизм). В современной философии биологии в качестве реакции на генетический редукционизм все большую популярность приобретают призывы актуализировать эту органицистскую перспективу.

Однако на наш взгляд, такое изменение было бы равно регрессивным, т.к. лишь заменило бы один атомизм другим. Основываясь на «не-картезанском» состоянии современной биологии, ее «новом научном духе», такой замене должен быть противопоставлен отказ от программы биологического атомизма вообще. Вновь пользуясь терминологией Башляра, можно сказать, что атомизм превратился из фактора научного прогресса в «эпистемологическое препятствие».

Литература

1. Башляр Г. Новый научный дух // Башляр Г. Новый рационализм / пер. с фр. А.Ф. Зотова. М.: Прогресс, 1987. С. 28-160.
2. Skvortsova K., Iovino N., Bogdanović O. Functions and Mechanisms of Epigenetic Inheritance in Animals // *Nature Reviews Molecular Cell Biology*. 2018. 19(12). P. 774-790.
3. Jablonka E., Raz G. Transgenerational Epigenetic Inheritance: Prevalence, Mechanisms, and Implications for the Study of Heredity and Evolution // *The Quarterly Review of Biology*. 2009. 84(2). P. 131-176.
4. Robert J.S., Hall B.K., Olson W.M. Bridging the Gap between Developmental Systems Theory and Evolutionary Developmental Biology // *BioEssays*. 2001. 23(10). P. 954-962.
5. Nikolaev Y.A., Plakunov V.K. Biofilm — “City of Microbes” or an Analogue of Multicellular Organisms? // *Microbiology*. 2007. 76. P. 125-138.
6. Flemming H.C., Wuertz S. Bacteria and Archaea on Earth and Their Abundance in Biofilms // *Nature Reviews Microbiology*. 2019. 17(4). P. 247-260.
7. Gilbert S.F., Tauber A.I. Rethinking Individuality: The Dialectics of the Holobiont // *Biology & Philosophy*. 2016. 31(6). P. 839-853.
8. Nicholson D.J. Biological Atomism and Cell Theory // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2010. 41(3). P. 202-211.

²⁵ Это относится скорее к мейнстримной части эво-дево. В том же качестве, в котором эво-дево входит в т.н. расширенный эволюционный синтез, оно приближается ко взглядам DST (см. далее по тексту).

Секция III. «Постнеклассическая наука как парадигма междисциплинарных исследований»

доктор философских наук **Буданов Владимир Григорьевич**,
доктор философских наук **Аршинов Владимир Иванович**,
доктор философских наук **Черникова Ирина Васильевна**

К проблеме человекомерности цифровизации

Асеева И.А.

Доктор философских наук, профессор

*Институт научной информации по общественным наукам РАН
Москва, Россия*

УДК 101.1:316

В статье раскрывается понятие человекомерности как характеристики объектов постнеклассической науки в ракурсе осмысления гуманистических ценностей и социо-антропологических рисков процесса цифровизации. Предложено оценивать полноту человекомерности новых цифровых технологий в соответствии с их антропологической адекватностью, которая понимается как приемлемость для человека, способность удовлетворить его сущностные интересы и потребности. Выделены уровни влияния цифровизации, на которых проблема человекомерности проявляется через разномасштабные возможности и риски.

Ключевые слова: философия науки и техники, постнеклассическая наука, цифровизация, человекомерность, антропологическая адекватность, социо-антропологические риски, кризис идентичности

On the problem of the human dimension of digitalization

Aseeva I.A.

Doctor of Philosophy, Professor

*Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

Annotation. The article reveals the concept of the human dimension as characteristics of objects of post-non-classical science in the perspective of understanding humanistic values and socio-anthropological risks of the digitalization process. It is proposed to evaluate the completeness of the human dimension of new digital technologies in accordance with their anthropological adequacy, which is understood as acceptability for a person, the ability to satisfy his essential interests and needs. The levels of influence of digitalization are highlighted, at which the problem of the human dimension manifests itself through different-scale opportunities and risks.

Keywords: philosophy of science and technology, post-non-classical science, digitalization, human dimension, anthropological adequacy, socio-anthropological risks, identity crisis

Формулируя характеристики постнеклассической науки, В.С. Степин подчеркивал ее «человекомерность» как показатель включенности в совокупность ее объектов, целей и методов активно действующего субъекта-человека. Эта категория наиболее полно раскрывается через трансдисциплинарную методологию, позволяющую получать не только объективные результаты, но и учитывать роль, влияние и особенности субъекта познания, конвергирующего в своем мышлении природную и человеческую соразмерности. Мега-система «мир-человек» понимается здесь как неразрывная целостность, исследование которой доступно через призму человеческих возможностей, опыта, разнообразных познавательных практик и процедур, блестящих научно-технических достижений, но, в то же время, с осознанием антропогенных факторов, проявляющих субъективные установки, искажения, ошибки, риски, выгоды, ангажированность и другие негативные эффекты, спровоцированные включением субъекта в познавательный процесс.

Влияние науки существенно на всех уровнях бытия, что инициирует проблему аккуратного, продуманного применения достижений технонауки, прогнозирования возможного вреда и предотвращения или минимизации опасностей для человека, общества и природы. «При изучении «человекомерных» объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений практического преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности», – пишет В.С. Степин [1]. Соответственно, философская рефлексия над открытиями технонауки может быть построена с учетом человекомерности (или человекомерности, если понимать их как синонимы), в частности, попробуем, опираясь на этот критерий, оценить организацию и известные результаты процесса цифровизации, определяющего современный этап развития общества. Полнота человекомерности новых цифровых технологий, их приемлемость для человека, способность удовлетворить его сущностные интересы и потребности выражается понятием «антропологическая адекватность». Ранее в своих исследованиях мы разработали и изучили значимые критерии антропологической адекватности: чувство цифрового благополучия, которое может испытывать или не испытывать человек как член общества на современном этапе развития; уровень цифровой грамотности, позволяющий реализовать свои потребности в Интернете; и достаточность технических возможностей для обеспечения запросов пользователей [2].

Осмысливая гуманистические ценности и социо-антропологические риски процесса цифровизации, выделим три масштабных уровня, на которых заметны возможности и негативные последствия использования цифровых информационно-компьютерных технологий [3] и которые очень четко теоретически структурируют проблему человекомерности цифровизации.

Современный человек «незаметно на стыке XX–XXI веков Homo sapiens стал превращаться в Homo digital – «человека цифрового» [4, с. 68], существующего в среде, созданной посредством современных цифровых технологий. Технологические расширения в сфере образования и воспитания, развлечений и коммуникации, услуг и финансовых сделок, путешествий и дистанционной тру-

довой занятости, несомненно, увеличивают наши возможности, но, при этом, привязывают человека к цифровым сервисам и платформам, через которые и происходит реализация этих возможностей. Формирование новых психических зависимостей, искажения собственной идентичности, иллюзорная картина мира, в которой перепутаны виртуальная и физическая реальности, сложности в личных отношениях, замыкание внутри комфортного «информационного кокона» [5], трудности в обработке и запоминании объемной текстовой информации, проникновение игровых стереотипов в жизненные стратегии, кажимость, что можно перезагрузиться и начать жизнь-игру заново, а отсюда – снижение ответственности за свои поступки, неспособность противостоять реальным экзистенциальным вызовам, инфантильность, – негативные последствия тотальной цифровизации на масштабном уровне отдельной личности.

Вместе с тем, комфортное пребывание в цифровой среде, свободное использование виртуальных сервисов, общение и работа в Интернете требуют от пользователя соответствующих знаний и навыков. Цифровые технологии как человекомерный инструмент доступны значительному количеству людей с достаточно скромными навыками, разного возраста и уровня дохода. Однако по скорости освоения новых технологий, как свидетельствуют наши исследования, в слой продвинутых пользователей вырвались молодые люди до 30 лет, имеющие специализированное образование в информационных науках, обладающих обширными междисциплинарными знаниями по математике, информатике, когнитологии, кибернетике, семиотике и ряде других современных областей. Те же, кто оценивает свои цифровые компетенции как низкие, не использует в полной мере возможности и преимущества, предоставляемые цифровыми технологиями, как правило, не испытывает и чувство цифрового благополучия [2, с. 20-27].

На социальном уровне с помощью цифровых технологий выстраиваются новые горизонтальные сетевые взаимодействия: краудсорсинг и «наука граждан», например, и вертикальные связи: системы безопасности и контроля, технологии производственного цикла и логистики, государственного цифрового управления и т.д. Социальная структура общества трансформируется в зависимости от степени включенности в цифровую среду. Так, человек, живущий в сельской местности, а не крупном городе, испытывает больше технических трудностей, реже пользуется цифровыми сервисами, и, как следствие, ниже оценивает свою удовлетворенность ходом цифровизации в России.

Отметим также, что в ответах заметна корреляция между доходом респондента и оценкой цифровизации. Мы заметили, что лица с низким уровнем дохода гораздо ниже оценивали такие характеристики цифровых платформ как надежность работы, варианты использования в профессиональной сфере, удобство интерфейса платформы, простоту работы и безопасность данных, чем респонденты других категорий. Можно предположить, что у ответивших на вопросы просто нет финансовой возможности приобрести и оценить новые гаджеты [2, с. 31-34].

Значимым также оказался возрастной показатель. Респонденты старшего возраста отмечали сложность овладения цифровыми навыками, стремление к

личному, а не виртуальному общению, потере контакта с младшими членами семьи. Показательно и обратное соответствие. Китайские ученые установили, что дети, оставленные на попечение бабушек, в два раза больше времени проводят в Интернете, чем дети из полных семей, видимо, находя лучшее взаимопонимание в мессенджерах и социальных сетях, но провоцируя проблемы с социализацией в будущем, становясь объектом кибербуллинга или потребителями опасных медиа-контентов [6]. Возникающие межпоколенческие разрывы, значительная разница в доступе к цифровым технологиям у сельских жителей и горожан, использование новых технологий в манипулятивных или преступных целях – лишь некоторые из примеров обратной стороны цифровизации на уровне социальных отношений.

На онтологическом уровне цифровые технологии представляют собой своеобразный триггер сущностных изменений, которые касаются всех аспектов бытия современного человечества как вида. Речь идет о сосуществовании различных реальностей: физической, виртуальной, гибридной человеко-машинной, со своими нормами, законами, системами ценностей, коммуникативными практиками, со своими представлениями об истинности, возможностях и ограничениях. Если раньше человек формировал картину мира и пытался определить себе адекватное место в этом мире через призму чувственного опыта, рационального объективно-ориентированного мышления, интуиции и воображения, стремясь все-таки понять, как есть на самом деле, то цифровые технологии позволяют создать некий параллельный мир, где возможности безграничны, физические законы не действуют, идентичность зависит от произвольной виртуальной манифестации, человеческие свойства магически переносятся на технические или природные объекты, ведь в виртуальной реальности можно предьявить себя даже антропоморфным животным. Вспомним старую даосскую притчу о круговороте жизни: «Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой – счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в свое удовольствие и вовсе не знала, что она – Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я – Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он – бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она – Чжуан Чжоу» [7]. Но если такие «игры разума» можно осознать как мнимости и вернуться «в себя», то в цифровую эпоху сомнения в собственной идентичности уже не так безобидны. Э. Эриксон, например, понимает современную ситуацию как «кризис идентичности», когда нарушается единство внутреннего самопереживания индивида и соотнесение этих переживаний с мнением определенного сообщества [8]. Даже более того, в цифровом мире можно найти такую социальную группу, которая будет принимать индивида в образе бабочки, если он сам себя так идентифицирует. Цифровая идентичность формирует некий симулякр реальности, который воспринимается личностью в цифровом мире как подлинный, с настоящими отношениями, переживаниями, любовью. И человека не смущает, что объект его симпатии – электронная программа. Так, японское общество эмоционально обсуждало прецедент заключения брака Акихико Кондо с киберпевицей Хацунэ Мику, миловидной анимационной куколкой, которая, по словам самого молодого

жена, позволила ему почувствовать себя счастливым и «вернуть контроль над своей жизнью» [9].

В заключение отметим, что понимая возможности цифровизации в духе эпистемологического анархизма Пола Фейерабенда – anything goes, провозглашающего право на существование любых концепций и идей, абсолютную свободу и отрицание духовного закрепощения, легко подменить человекомерность как критерий антропологической адекватности на иллюзорный мир зыбких мнимостей, в котором человеку будет не на что опереться в поиске реально сущего и должного.

Литература

1. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3-18.
2. Асеева И.А., Белкина В.А. Критерии и показатели антропологической адекватности цифровизации в России // Наукоевческие исследования. 2022. №1. С. 7-39.
3. Асеева И.А. Антропологическая адекватность как показатель человекомерности цифровизации // Общественные науки и современность. 2022. №5. С. 156-164.
4. Катасонов В.Ю. В начале было Слово, а в конце будет цифра. М.: «Кислород», 2019. 370 с.
5. Лисенкова А.А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве: монография. Пермь: ПГИК, 2021. 286 с.
6. Цзинь Хань. Возможности и риски в процессе социализации современных подростков в среде новых медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 3. С. 576–585. URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-3-576-585>
7. Чжуан-цзы. "Внутренний раздел", II:14. URL: <https://ctext.org/zhuangzi/adjustment-of-controversies/ens>
8. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 344 с.
9. Электронная жена: зачем японец женился на голограмме. URL: <https://style.rbc.ru/repост/5c277caf9a79474e078>

Перспективы развития философии науки в современной Беларуси

Бабосов Е.М.

*доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси
Институт социологии НАН Беларуси
Минск, Беларусь*

УДК 316.3:001.3(476)

Объективная тенденция развития естественных и общественных наук непрерывно усложняющейся системы современного научного знания требуют от философов глубокой разработки методологических проблем научного познания. Наука функционирует в обществе в качестве единой, многоаспектной и многоуровневой социальной системы знаний и порождающей ее системы творческой познавательной деятельности, включающей в себя наблюдения, и эксперимент, и объяснение, и обобщение, и построение научной теории, и предсказание, и верификацию теоретических концепций, и подтверждение или опровержение различных гипотез. Она предстает как специфическая социальная деятельность, направленная на генерирование, производство новых знаний, качественно отличающаяся от всех других видов общественного производства.

Ключевые слова: наука, методология, познание, знания, социальная деятельность.

Prospects for the development of science philosophy in modern Belarus

Babosov E.M.

*Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the National
Academy of Sciences of Belarus
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus*

Annotation. The objective trend of natural and social sciences development of the incessantly complicated system of modern scientific knowledge requires philosophers to develop in-depth methodological problems of scientific cognition. Science functions in society as a unified, multidimensional and multilevel social system of knowledge and the system of creative cognitive activity that generates it, including observations, and experiment, and explanation, and generalization, and the construction of scientific theory, and prediction, and verification of theoretical concepts, and confirmation or refutation of various hypotheses. It appears as a specific social activity aimed at generating, producing new knowledge, qualitatively different from all other types of social production.

Keywords: science, methodology, cognition, knowledge, social activity.

Философия науки, согласно определению, разработанному выдающимся белорусско-российским философом В.С. Степиным, в своей сущности предстает в качестве специфической области философского знания, исследующей общие закономерности и тенденции развития научного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в ее исторической эволю-

ции и с учетом социокультурной размерности. С позиций этого понимания, утверждал он, возникают задачи философии науки: «какова структура научного знания и как она развивается по мере исторического развития познания, каковы методы его порождения и обоснования, как новые научные знания, выходящие за рамки производственной практики и обыденного опыта своей исторической эпохи, включаются в новые культурные трансляции... и как преобразования научной картины мира сказываются на фундаментальных основаниях культуры, смыслах ее мировоззренческих универсалий [1, с. 576-577].

Эта общеполитическая доктрина получила признание на огромном постсоветском пространстве и в некоторых сопредельных странах, в том числе и в современной Беларуси. Философия науки в Республике Беларусь плодотворно развивается в институте социологии НАН, а также в функционирующем в Минске Парке высоких технологий (ПВТ), превращающемся в последние годы в интенсивно и эффективно действующую научно-технологическую платформу. Здесь создается программное обеспечение всех видов компьютерных устройств, налажено производство роботов и тест-полосок для молекулярной идентификации болезней, очков для дополненной реальности, множество других высокотехнологических устройств. О впечатляющих достижениях ПВТ свидетельствует следующий ряд цифр. С 2017 года по 2022 год общий ежегодный доход в этой организации возрос с 2 млрд. 1153 млн. белорусских рублей до 3,2 млрд. долларов. ПВТ сотрудничает со 122 иностранными корпорациями, 135 его резидентов – это предприятия с иностранным капиталом. На долю его приходится 4,8% ВВП республики. За 2022 год резидентами ПВТ уплачено 750 млн. рублей налогов, экспорт же его составил 2,5 млрд. долларов. Декрет Президента Беларуси № 8 «О развитии цифровой экономики» предоставил широкие возможности ПВТ и его резидентам включаться в совершенствование образования, оказывать образовательным учреждениям помощь в укреплении материально-технической базы.

В связи с резким обострением за последние пару лет международных противоборств, наращиванием глобальных турбуленций ПВТ сталкивается с различными вызовами и рисками, в том числе с санкционным давлением. Несмотря на все кризисные явления в мировой информационно-технологической сфере и беспрецедентного экономического давления на Беларусь, ПВТ успешно осваивает все новые и новые технологические новшества, благодаря чему социально-экономический рост его сделал нашу республику одним из рекорсменов по IT-экспорту не просто в регионе, но и во всем мире. Он за три первых месяца 2023 года уплатил налогов больше, чем за аналогичный период предшествующего года, и успешно осваивает новые рынки, в том числе и в контексте поворота на Восток и возможной конкуренции на этом направлении.

Интеграционное философское осмысление деятельности ПВТ и других организаций, плодотворно занимающихся практическим применением информационно-технологических новшеств, позволяет сформулировать следующий вывод. В своей сущности информационные технологии представляют собой комплекс процессов, методов и приемов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, интерпретации, распространения и использования

информации на основе применения средств компьютерной техники и высоких технологий.

Стратегически приоритетная значимость информационных технологий в социально-экономическом прогрессе предопределяется тем, что к информации неприменимо традиционное понимание исчерпаемости. Специфичность использования информации как ресурса прогрессивного развития общества заключается в том, что, включаясь в процесс активной человеческой деятельности, она не уменьшается, не исчезает, не исчерпывается подобно другим ресурсам, а открывает новые практически безграничные горизонты инновационных изменений творческого преобразования человеком окружающего мира. «Все отличительные особенности становления и развития IT-страны, ориентированные на удовлетворение потребностей, интересов, запросов и предпочтений человека и как личности, и как социальной группы (общности) и как народа страны в целом реализуются на основе сущностной трансформации всех сфер человеческой деятельности под воздействием информационно-коммуникационных технологий» [2, с. 285].

Успешное осуществление всего комплекса охарактеризованных мероприятий приводит к тому, что становление IT-общества превращается в Беларуси в драйвера цифровизации всех сфер человеческой деятельности и производства, и науки, и образования, и культуры, и спорта, и торговли, и медицины, и управленческой деятельности, о чем уже написано в предшествующих главах данной книги. Но для эффективного и благотворного для человека развития информационной экономики существенно, чтобы ее технологические изменения были синхронизованы с улучшением жизненных условий непосредственных участников техноэкономических перемен – отдельных индивидов, их социальных групп и общностей, в конечном счете всего белорусского народа.

Никогда не прекращающийся исследовательский интерес, составляющий главный побудитель безграничного во времени и беспредельного в пространстве развития науки породил множество разнопротиворечивых представлений о растущих возможностях науки – от катастрофических угроз до радужных перспектив. Вся многовековая история научного творчества убедительно свидетельствует, что каждая из таких возможностей, как апокалиптически-катастрофических, так и гуманистически-человековозвышающих, порождена активной миропреобразующей творческой деятельностью человека, который познает и конструирует окружающую реальность и самого себя, принимает рациональные и иррациональные решения и в своих активных действиях достигает стоящих перед ним целей. При этом достижения в одной сфере научного познания непременно требуют соответствующего прогресса в другой. Поэтому важнейшим научно-технологическим трендом XXI в. становится мультидисциплинарность исследований, происходящая в едином русле с мультикультурностью художественного творчества.

Еще более важным становится создание в Беларуси единой информационной платформы в области здравоохранения, в становлении и развитии которого конвергируются теоретические искания и практические действия организаций Министерства здравоохранения, Министерства антимонопольного регу-

лирования и резидентов ПВТ. Введение в действие данной информационной платформы позволит пациентам в любом населенном пункте республики, а не только в Минске и областных центрах, получать качественную специализированную помощь, приобретать необходимые им выписки и справки, не затрачивая дополнительное время для хождения по медучреждениям, а врачам – знать обо всех анализах, где бы пациент их не сделал, иметь сведения обо всех госпитализациях, что существенно сохранит время для постановки диагноза и повысит качество здравоохранительной деятельности.

Существенной особенностью цифровизации экономики является стремительно расширяющееся и интенсифицирующееся использование больших данных – многообразных структурированных и неструктурированных данных огромных объемов. Большие данные (англ. big data) дают возможность осуществлять моделирование огромного числа процессов, происходящих в реальной действительности, и осуществлять на основе этого прогноз дальнейшего развития различных отраслей жизнедеятельности людей. Известно, что под большими данными понимаются огромные объемы многообразных структурированных и неструктурированных данных, эффективно обрабатываемых горизонтально масштабируемыми программными инструментами. Для обработки этих прикладных массивов больших данных, возрастающих в геометрической прогрессии, требуется специфический инструментарий, называемый аналитикой больших данных. На основе такой аналитики разрабатывается технология извлечения информации из огромного массива данных в максимально короткие сроки с целью выявления полезной информации и принятия эффективных управленческих решений. Принятие и последующее осуществление эффективных управленческих решений становится возможным вследствие скрытых зависимостей и нахождения новых вопросов и ответов на основе анализа и осмысления всего объема огромного количества разнородных данных, последующего анализа и прогноза текущей ситуации и нахождения наиболее продуктивных вариантов оптимального и эффективного решений возникающих проблем.

«Источником стремительно нарастающей лавины больших данных являются многочисленные цифровые устройства, собирающие, концентрирующие и направляющие в бездонные просторы интернета и других сетевых структур продукцию человеческой интеллектуальной деятельности» [3, с. 257]. Большие социальные данные и из квалифицированный анализ могут с успехом использоваться в изучении тенденций общественных настроений, политических мнений, электоральных предпочтений различных социальных групп населения, уровня доверия к внешним структурам, динамики рынка труда, уровня жизни в стране и т.д. Наиболее перспективными в аналитике больших данных являются: статистический анализ, прогностическая аналитика, сетевой анализ, генетические алгоритмы и др.

Человеку свойственно задумываться о своем будущем. И конечно же, при исследовании и интерпретации любых успехов и достижений философии науки. Неизбежно в ближайшем будущем возникнет проблема качественных изменений в профессиональной подготовке специалистов, поскольку с развитием ИТ-технологий некоторые виды работ, которые сейчас воплощают люди, начнут

выполнять машины. И вопрос здесь возникнет не в том, чтобы создать искусственный интеллект, как у человека, а в том, чтобы человек в процессе профессионального переобучения научился вести диалог с различными интеллектами. Только такой разнонаправленный диалог позволит находить оптимальные решения и действия и формировать будущее. И конечно же, при исследовании и интерпретации любых особенностей и аспектов социологических исследований социальности надлежит иметь ввиду, что за всеми из них стоит создатель и потребитель результатов всех таких структур – человек. Именно человек – тот удивительный живительный узел, в котором сходятся все нити, все мечты и фантазии, разрешаются все противоречия. Человек – это неразгаданная тайна всех тайн, сокровенная истина всех истин в том числе и тех, которые достигаются развитием философии науки.

Литература

1. Степин В.С. Человек. Деятельность. Культура. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2019. 800с.
2. Бабосов Е.М. Роль креативной личности в развитии сетевого общества. Минск: Беларуская навука, 2019. 300 с.
3. Бабосов Е.М. Наука и человекомерность окружающей реальности. Минск: Беларуская наука, 2021. 299 с.

Стратегии поиска в постнеклассической науке: оптика культуры

Багдасарьян Н.Г.

*доктор философских наук, профессор,
МГТУ им. Н.Э. Баумана, МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия*

УДК 130.2, 130.3

На основе методологии В.С. Степина рассматривается эволюция стратегий научного поиска, аргументируется необходимость обращения к контекстам, в которых осуществляется познавательная деятельность. Представлены варианты исследовательских программ структурирования контекстуального пространства науки по различным основаниям, в котором особое значение придается фактору культуры

Ключевые слова: контексты науки, социокультурный фактор, исследовательская программа, методология В.С. Степина, прогнозирование, тренды

Search strategies in postnonclassical science: the optics of culture

Bagdasaryan N. G.

*Doctor of Philosophy, Professor,
Bauman Moscow State Technical University,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

Annotation. Based on the methodology of V.S. Stepin the evolution of strategies of scientific search is considered, the necessity of reference to the contexts in which cognitive activity is carried out is argued. The variants of research programs of struc-

turing the contextual space of science on different grounds, in which particular importance is given to the factor of culture, are presented.

Key words: contexts of science, socio-cultural factor, research program, V.S. Stepin's methodology, forecasting, trends

Современное научное познание, включенное в контекст современных социальных и культурных изменений, уже не может рассматриваться вне этих условий бытия, без учета социальных последствий трансформаций. Будучи особой частью жизни общества, наука детерминируется на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками.

В.С. Степин [1, с. 9]

Острейшие дискуссии, ведущиеся в современном мире вокруг «продуктов» современной науки, в первую очередь, искусственного интеллекта, био- и нанотехнологий, освоения космического пространства и пр., заставляют нас вновь и вновь обращаться к *контекстам*, в которых осуществляется познавательная деятельность. Общий взгляд на историю и логику научного процесса дает картину контекстуальной динамики науки – от деятельности энтузиастов, для которых занятие наукой выступало как личное призвание (Beruf) в веберовском смысле слова до современного ее состояния интегрированности во все поры жизни современных обществ.

В XXI в. наука «всячески разъясняла свою особенность, отталкиваясь от противопоставления другим сферам культурной практики. Наука, как было замечено историками, получила легитимность, заключив с обществом и властью, стремившейся сохранить баланс различных социальных групп, своеобразный «договор о невмешательстве» [2]. Н.И. Кузнецова пишет о том, что, несмотря на запрет обсуждений политических, религиозных и метафизических вопросов на заседаниях Лондонского королевского общества, уже на этапе его становления в 1660-е гг. на эти заседания и публичные демонстрации экспериментов приходили многие государственные деятели и члены королевской фамилии. Но этот этап – лишь начало становления науки как особого социального института. По мере обретения ею черт зрелого феномена, наука «обрастала» контекстами, которые и привели ее к нынешнему состоянию прорастания в ткань современных обществ.

Анализ этих контекстов представляет собой весьма занимательную задачу, требующую постоянного мониторинга: изменения в научной картине мира, смена типов научной рациональности, сдвиги в структуре когнитивного пространства, формирование цифровой реальности и многое другое, что вызывает перманентные переходы от хаоса к порядку и обратно, актуализирует данную проблематику в створе улавливания глобальных трендов.

Исследовательская программа, ставящая такую задачу, может быть структурирована по самым разным основаниям. Если в основе институциональный принцип, то в поле зрения попадают экономико-финансовая сфера (объемы расходов на НИОКР и, соответственно, отдача прикладных продуктов в промышленность); политическая сфера (разработка государственных стратегий научно-

технологического развития и определение приоритетов); семейные отношения и здоровьесберегающая инфраструктура (медицина, физическая культура и спорт); образование (развитие интеллектуального потенциала и трансляция образцов когнитивной деятельности); художественная культура (креативные индустрии как производство и воспроизводство культурных образцов) и пр.

Вариант структурирования, предложенный нами, имел принцип выделения наиболее изменчивых, инновационных контекстов науки [3], каждый из которых – отдельный пласт смыслов, требующий следующего уровня дифференциации и анализа, и, как это только и возможно в постнеклассической науке, анализа междисциплинарного и трансдисциплинарного.

В этом плане, например, целый веер академических ассоциаций вызвала статья В.Г. Буданова и И.Н. Белоногова «Знание – вирус: принципы метафорического переноса», в которой речь идет об «инфекционном пути» передачи знания [4]. Мое первоначальное внимание обратила на себя как раз категория метафоры (а не понятие вируса), в чем я и усмотрела оптику культуры. И, хотя авторы даже не упоминают систему образования, пять признаков, которые ими определены общими как у языка, так и у вируса – зависимость от носителя, заражение, распространение, сетевая природа и самоорганизация [4, с. 25]²⁶ – задают матрицу исследовательской программы трансляции и роста знания в университетском пространстве, что, собственно, и составляет ядро моего научного интереса. Причем, матрицы постнеклассической рациональности, как это было показано В.С. Степиным в одной из самых известных и методологически обоснованных его работ: «субъект – метод – объект – результат» [5]. Такой субъект, подчеркивал Вячеслав Семенович, должен «не только иметь профессиональные знания, усвоить этос науки..., но и осуществлять рефлексию над ценностными основаниями научной деятельности...» [1, с. 11].

Кстати, в структуриации социокультурных факторов, блестяще проведенной в уже упомянутой статье Н.И. Кузнецовой, выделившей и раскрывшей пять их групп (аксиологические; юридические установления; критерии оценки научных результатов, выдвигающиеся самим научным сообществом; базовые составляющие культуры, обеспечивающие рекрутирование и воспроизводство кадров; информационные традиции и конкретные технические средства сохра-

²⁶ Примечательно, что цитируемая статья писалась практически перед эпидемией, которая слову «вирус» придала крайне негативную коннотацию. Статья вызвала критические отклики (См., например, Мясников А.Г., Мясникова Т.А. Об искушениях и опасностях метафорического философствования // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 5А. С. 79-86). Было бы удивительно, если бы публикация В.Г. Буданова и И.Н. Белоногова с явно вызывающим названием осталась незамеченной в философской среде. Должна сказать, что слово «заражение» меня тоже немного шокировало, я в подобных контекстах использую слово «вдохновить». Но как часто наши ученики признаются в том, что мы заразили их своим подходом, да и сами мы заражались великими идеями. Разумеется, в отличие от вирусов, добровольно. Что же касается использования метафор, то не только в постмодернистской культуре, активно работающей с пространством метафор как переноса смыслов, но и в языке даже самых строгих наук (а не только в поэзии и изобразительном искусстве) их более чем достаточно. Одни только «черные дыры», «эффект бабочки», «Кот Шредингера» чего стоят! Не будем забывать, что удачная, нестандартная метафора порождает новые идеи, в том числе, и научные. Кстати, некоторые исследователи считают, что и постулат В.С. Степина о человекомерности («пока остается метафорой, а не принципом, реализованным в новых теориях» (См. Войцехович В.Э. Постнеклассическая картина мира и антропность: к переосмыслению практики/ Постнеклассические практики... С.101).

нения и обмена информацией – библиотеки, музеи и пр.) [2, с. 121-122], перечень факторов не случайно открывается аксиологической составляющей научного познания.

В.С. Степин во множестве своих работ обращает на нее особое внимание, аргументируя коренные отличия постнеклассического этапа науки, когда приходится осуществлять дополнительную рефлексию над ценностями – через социально-этическую экспертизу программ и проектов, например, для выявления сопряженных социальных рисков, когда мы имеем дело со сложными человеко-размерными системами [6, с.10].

Факторы внешней и внутренней среды оказывают непосредственное влияние на все уровни функционирования и развития науки – и на стратегии поиска истины познающим субъектом, и на определение приоритетов в государственной научной политике и принятие решений.

В теории динамического хаоса было убедительно показано, что даже для довольно простых детерминированных систем (в которых будущее однозначно определяется настоящим) существует горизонт прогноза [7]. Тем большую трудность представляет прогнозирование в сложных иерархических системах. И использование для моделирования состояний общественного развития мощной вычислительной техники, как, например, суперкомпьютеров, технологии Больших данных, и даже искусственного интеллекта в этом случае имеет серьезные ограничения. Они упираются, прежде всего, в мировоззренческие факторы, в традиционную картину мира, игнорирующую новые приоритеты: феномен неопределенности, неравновесности, многоальтернативности развития. В традиционной картине мира - негативное отношение к хаосу, страх перед ним, а отсюда – стремление в управленческих стратегиях как можно более жестко его упорядочивать, вводя нормативные «железные» ограничения институциональными средствами. В постнеклассической картине мира хаос не выступает исключительно как источник деструкции, но как следствие нестабильности систем, как сложноорганизованная последовательность состояний с неустойчивыми траекториями и случайным распределением. Хаос включен в процессы самоорганизации – спонтанного структурогенеза. В этом же потоке формируются структуры упорядоченности средствами культуры – всем накопленным человечеством арсеналом традиций, ритуалов, обычаев и иных паттернов, в том числе, и познавательной деятельности. Именно из неравновесности, из противостояния хаосу и формируется образ будущего. Новые стратегии научного поиска лежат на пути преодоления через освоение принципов постнеклассической науки барьера непонимания и открытие нового взгляда на мир как фундаментального подхода.

Все это обретает особую остроту в связи с новой геополитической ситуацией, вызвавшей формирование новых трендов. В масштабном отчете Ipsos Global Trends 2023 выделены 6 макро сил, которые определяют следующее десятилетие для разных стран, рынков и людей и 12 глобальных трендов, связанных с брендами, изменением климата, технологиями, безопасностью данных, социальными вопросами и др. Сам же отчет назван «Макро силы, тренды и новый мировой беспорядок» [8]. Мир трансформируется из состояния, в котором оп-

ределены центры силы, поделены рынки и установлены правила игры, в состоянии крайней неопределенности с непредсказуемыми, но масштабными последствиями. Методы классического прогнозирования в такой ситуации работают слабо – в турбулентные времена научный поиск предпочтительно известные Форсайт-технологии сочетать с методом ретроспективного прогнозирования - Backcasting. Это метод, идущий вразрез с классическим прогнозированием: он предполагает не экстраполяцию текущей ситуации в будущее, а «обратный ход» из воображаемого будущего в настоящее с тем, чтобы определить политики и программы, которые свяжут это заданное будущее с настоящим [9].

Литература

1. Постнеклассические практики: опыт концептуализации: Коллективная монография / Под общ. Ред. В.И. Аршинова и О.Н. Астафьевой. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2012. 536 с. С.9.
2. Кузнецова Н. Наука: духовный и культурный контекст // Высшее образование в России. № 4, 2006. С. 117.
3. Багдасарьян, Н. Г. Методология: контексты и границы ее применимости в постнеклассической науке / Багдасарьян Н.Г. След культуры: к методологии непонимания: монография. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2022. 154 с.
4. Буданов В.Г., Белоногов И.Н. Знание – вирус: принципы метафорического переноса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 47. С.25-30.
5. Степин В.С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000. - 744 с.
6. Философия управления сложностью в условиях конвергенции социогуманитарных и естественнонаучных знаний. Материалы «круглого стола» Памяти Виталия Георгиевича Горохова // Философия науки и техники 2017. Т. 22. № 1. С. 5–29.
7. Малинецкий Г.Г. Хаос, структуры, вычислительный эксперимент. 2-е изд. М.: Эдиториал, УРСС, 2000.
8. Global Trends 2023 // <https://www.ipsos.com/ru-ru/global-trends-2023>
9. См. в качестве примера: Andy Hines, Johann Schutte, Maria Romero, Transition Scenarios via Backcasting // Journal of Futures Studies, September 2019, 24(1): 1–14

Экоцентризм и техноцентризм как мировоззренческие модели экоразвития человечества

Белкина В.А.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет
Курск, Россия

УДК 101.1.

В статье рассматриваются основные мировоззренческие установки, которые лежат в основе экоцентризма и техноцентризма, а также описывается их взаимосвязь с экологическими проблемами. Обосновывается, что существует необходимость в новом типе мышления, который будет основан на согласовании ценностных оснований эко- и техноцентризма как мировоззренческих моделей экоразвития человечества. Экологическая техносфера может выступить в качестве синергетико-коэволюционной концепции гармонизации ценностей и установок эко-, техноцентризма, так как является перспективным направлением построения гармоничных взаимоотношений внутри системы «природа-человек-техника».

Ключевые слова. Экоразвитие, экоцентризм, техноцентризм, мировоззренческие модели, экотехносферная гармонизация, экологическая техносфера

Ecocentrism and technocentrism as ideological models of ecological development of mankind

Belkina V.A.

Southwestern State University
Kursk, Russia

Annotation. The article examines the main ideological attitudes that underlie ecocentrism and technocentrism, and also describes their relationship with environmental problems. It is proved that there is a need for a new type of thinking, which will be based on the coordination of the value foundations of eco- and technocentrism as worldview models of ecological development of mankind. The ecological technosphere can act as a synergetic-coevolutionary concept of harmonization of values and attitudes of eco-, technocentrism, as it is a promising direction for building harmonious relationships within the "nature-man-technology" system.

Keywords. Eco-development, ecocentrism, technocentrism, ideological models, ecotechnosphere harmonization, ecological technosphere.

При рассмотрении проблематики экоразвития человечества сформировались два противоположных полюса, которые, как мы считаем, должны быть соотнесены с двумя типами мировоззрения: экоцентризмом и техноцентризмом.

Слово «экоцентризм» этимологически происходит от греч. oikos (дом) и kentron (центр). Это точка зрения, которая рассматривает планету Земля как дом, в котором обитают все существа. Экоцентризм – мировоззрение, согласно которому человек рассматривается как часть природы, а не как ее хозяин и разрушитель. В широком смысле под экоцентризмом понимается взгляд на мир

как единое целое. В узком смысле под ним понимается признание ценности окружающей среды как источника жизни. Согласно взглядам экоцентристов, человек и человечество должны стать частью экосистемы планеты. Они выступают за изменение образа жизни людей в соответствии с принципами устойчивого развития. В основе мировоззрения экоцентризма лежит постулат о том, что человек – часть природы, а природа, в свою очередь, есть основа и смысл существования человека.

Экоцентрический подход к решению проблем окружающей среды подразумевает, что защита природы должна быть приоритетом, а не просто средством для достижения экономических целей.

В рамках концепции экоцентризма, основанной на стремлении человека к экологическим целям и идеям, можно выделить следующие ключевые положения:

- 1) человек стремится достичь состояния, при котором его деятельность не причиняет вред природе;
- 2) для достижения такого состояния требуется гармоничное развитие природы и общества;
- 3) в природе существуют естественные механизмы воспроизводства окружающей среды в ее целостности.

Техноцентризм – это мировоззренческая модель, основанная на вере в техногенную эволюцию как в основу развития всего человечества и природы в целом. Техноцентристы считают, что общество должно развиваться в соответствии с законами и потребностями научно-технического прогресса. Так, сторонники техноцентризма считают, что научно-технический прогресс должен стать основой для дальнейшего прогресса человечества. Техноцентризм предполагает взгляд на мир через призму технологий. В отличие от технократизма, который видит в технологиях лишь инструменты для управления обществом и природой, техноцентризм утверждает, что технологии сами по себе способны изменить мир, полагая, что миром управляют технические средства, а не природные законы. Данная модель экоразвития человечества на сегодняшний день является одной из самых распространенных современных мировоззренческих моделей экоразвития и рассматривается как своеобразный антипод экоцентристского мировидения.

Названные мировоззренческие характеристики экоразвития человечества, на наш взгляд, отражают основные подходы к изучению этого процесса, однако, следует подчеркнуть, что они не описывают всю сложность и многогранность рассматриваемой проблемы, а носят лишь общий концептуальный характер.

По нашему мнению, указанные подходы можно понимать как ключевые, но при этом полярные мировоззренческие модели, различающиеся ценностно-нормативными и поведенчески-стратегическими основаниями. Само мировоззрение, его императивы, могут выступать объектом философской рефлексии, примером которой может служить, например, работа Н.А. Некрасовой и С.И. Некрасова [1]. Анализируя этот объект, указанные авторы иллюстрируют его определенную эволюцию, начиная с понятийного оформления у И. Канта. Для нас здесь методологически ценным является акцентирование идей М. Хайдег-

гера о «двух типах мышления – калькулирующем и осмысляющем», где первый характерен для науки, второй – для философии, чем они и противопоставляются.

Адаптируя указанный тезис к конфликту эко- и техноцентризма, мы полагаем, что осмысляющее мышление коррелирует больше к первому мировоззренчески-оценочному взгляду на природу и технику, а калькулирующее – ко второму.

В ином, например, социологическом дискурсе, эту проблему можно представить в разрезе различных стратегий адаптации к естественной среде обитания и их мировоззренческого обоснования (в широком смысле слова), в том числе методологически [2]. Тогда экоцентризм будет мировоззренческой моделью пассивного способа адаптации к природе, а техноцентризм – активного, имеющего в своей основе экспансивную преобразовательную деятельность.

В последнем случае именно наука как общественный институт, ее метод, направленный на верификацию знания посредством его опредмечивания и последующего калькулирования результата, лежат в основе прагматического сциентизма. Сциентизм же как набор императивов и есть мировоззренческое ядро техноцентризма. Так, в современный период общемировая идеология «инноватизации» основной акцент делает на развитии естественных и технических наук, прикладных технологических разработок, калькулируемости эффектов их внедрения. Вошедший в моду и прочно закрепившийся проектный тип мышления и деятельности уже в своем определении содержит эти признаки. Проект, проектная модель по своей сути направлена на преобразование действительности, в отличие, например, от модели прогнозной, направленной лишь на предсказание состояний и процессов изменения этой действительности.

Историческая смена типов рациональности рассматривается в границах классического описания этапов хронотопа технико-технологического прогресса: от преиндустриального (аграрного) к постиндустриальному через собственно индустриальную. Усугубляющийся когерентно этим процессам антагонизм эко- и техноцентризма, по нашему мнению, отражает противоречие аксиологических матриц двух сопряженных онтологий – антропогенной, имеющей натуралистическую природу, и техногенной, имеющей антропогенную природу. Здесь мы видим некую диалектическую иллюстрацию «отрицания отрицания», когда наблюдается поэтапное исчерпание мировоззренческих оснований фазового перехода в развитии антропоцена. Такой логике в изучаемом нами аспекте соответствует, например, и формационный подход К. Маркса, и волновая теория Н. Кондратьева, с поправкой на то, что акцентируется именно «способ производства в общественной жизни» [3].

По нашему мнению, представленные в научной рациональности мировоззренческие антагонистичные установки эко- и техноцентризма могут быть экстраполированы в проблеме поиска общих интегрированных методологических императивов. Эту проблему акцентирует, в частности, М.А. Никулина на примере биоэтики: «Определяя императивы ответственности и принимая аргументы биоэтики, возможно управлять биотехнологическими процессами, моделировать, организовывать, конструировать, корректировать нужные детерминан-

ты, которые способны менять природу человека, делая нравственные ценности повседневно функционирующими. В этих позициях прямо обозначается перспектива инструментального применения биоэтики для целей сбалансированного и устойчивого развития, традиционно обозначаемого как гармоничное бытие человека» [4].

Представляя эко- и техноцентризм как некие утопии, их можно понимать как реакцию на ответ на кризис антропоцентризма – уход в природу (Природа 1.0), или подчинение технике (Природа 2.0). Так или иначе, оба сценария в своих «крайних» формах иллюстрируют рудиментарность человечества в современном мире, «растворение» в чем-то внешнем, когда исчерпаны идеологические установки гуманизма и личностные смыслы субъектности. «Свобода, лишенная ориентиров, равенство, разрушившее естественные связи, и братство, превратившееся в одинаковость – таковы черты нового мира, мира, обозначенного Э. Юнгером в качестве мира техники. Человек, живущий в этом мире, полностью утрачивает личностные черты, глобальный контекст бытия и осознание автоматического характера собственной жизни» [5]. Тогда современный экоцентризм, в случае его «победы», будет выглядеть формой «консервативной революции». В подтверждение С.В. Мышкин отмечает: «... в этих условиях окончательный отрыв от корней, выход из биологической матрицы, не подкрепленный традиционными ценностями и способами взаимодействия с миром приведет к катастрофе, превращению человека в автотрофа, с каждым новым поколением, отдаляющимся от своей природы и превращающимся в бессмысленно функционирующий механизм, который в конечном итоге обречен стать лишь симулякром человека» [5].

Тем не менее, активно продолжают попытки поиска путей снятия существующих противоречий, актуального, в первую очередь, именно ввиду наступления глобальных экзистенциальных рисков технико-технологического прогресса. Сам терминологический аппарат социогуманитарного дискурса в описании научно-технологического прогресса часто дополняется протрансгуманистическими понятиями, такими как, например, эконейросети [6] и др. И именно здесь наиболее успешно акцентируется значение «экологической техносферы как перспективного направления построения гармоничных взаимоотношений человека и природы» [7] на пути к «человеку экосознательному». При этом, учитывая экспансивно-доминантный характер технологий, стремящихся к сингулярности, мы бы считали необходимым и их включение в круг объектов экотехносферной гармонизации, так как «... более поздние технологические тренды имеют больший показатель экспоненты. ... технический прогресс оказывается гиперэкспоненциальным, асимптотически устремляющимся к бесконечности за конечное время, составляющее от текущего момента несколько десятилетий» [8].

Итак, в современном мире не только наблюдается тенденция к осознанию людьми необходимости защиты окружающей среды, но и развивается понимание того, что для решения данной проблемы необходим новый тип мышления, который будет основан на согласовании ценностных оснований эко- и техноцентризма как мировоззренческих моделей экоразвития человечества. Экологи-

ческая техносфера может рассматриваться как перспективное направление построения гармоничных взаимоотношений человека и природы и выступить в качестве нового этапа коэволюционных отношений природы, общества и техногенной цивилизации. Аксиологическое ядро экологической техносферы образует конвергенция природных и человеческих ценностей.

Литература

1. Некрасова Н.А., Некрасов С.И. Мировоззрение как объект философской рефлексии // Современные наукоемкие технологии. 2005. № 6. С.20-23.
2. Ростовцева М.В., Машанов А.А. Основные подходы к исследованию адаптивности личности // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. №7. С.191-195.
3. Ковалев А.М. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах // Общественные науки и современность. 1996. №1. Человек – продукт природы и основа социума. – М., 2000.
4. Никулина М.А. Инновационно-методологические императивы биоэтического дискурса // Грамота. 2013. №12 (38). Ч.2. С.153-157.
5. Мышкин С.В. Консервативная революция в свете трансгуманистических преобразований общества // Международная научно-практическая конференция «Перспективные информационные технологии». 2014. С.489-493.
6. Чеклецов В.В. Социальная оценка вызовов цифровой реальности и моделирования развития киберфизических систем в контексте пандемии COVID-19 // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2020. №1(17). С.4-15.
7. Тюрина Т.А. Экологическая техносфера как среда социоприродного взаимодействия // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 8(74). С. 116-118.
8. Потапов С.А. Технологическая сингулярность в контексте теории метасистемных переходов // Компьютерные инструменты в образовании. 2017. №6. С.12-24.

Проблема редукционизма и междисциплинарности через призму кантовской теории познания

Вяткина А.Г.

Кандидат философских наук
Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия

УДК 165.12

Статья касается проблемы междисциплинарного диалога в процессе познании сложных многоуровневых явлений реальности. В отсутствие единого теоретического пространства междисциплинарного дискурса неизбежно возникает редукционистское рассмотрение явлений. Выделяются два направления редукционизма, условно обозначенные как «редукционизм снизу» и «редукционизм сверху». Через призму кантовских категорий и антиномий они определяются как естественная направленность нашего разума. Таким образом дается объяснение поразительной устойчивости и широте применения редукционистского познания реальности. В статье показывается, что логика кантовских антиномий, представленная как опора для выделения двух видов редукционизма, создает пространство для новой постановки проблемы там, где господствуют устоявшиеся интерпретации истории философии. Возможность преодоления тупиков редукционизма обосновывается в рамках системного подхода, который отказывается от сведения объекта к автономной сущности (субстанции) и рассматривает феномены в сложной сети взаимодействий.

Ключевые слова: редукционизм, «редукционизм снизу», «редукционизм сверху», системный подход, антиномии Канта, сущность, взаимодействие.

The problem of reductionism and interdisciplinarity through the prism of Kant's theory of knowledge

Vyatkina A. G.

Candidate of Philosophical Sciences
Voronezh State University
Voronezh, Russia

Annotation: the article considers the problem of interdisciplinary dialogue in the cognition of complex phenomena of being. In the absence of a common theoretical space of interdisciplinary discourse, a reductionist consideration of phenomena is necessary. There are two directions of reductionism, conventionally named as «reductionism from below» and «reductionism from above». Through the prism of Kant's categories and antinomies, they are defined as the natural orientation of our mind. Thus, the article explains the exceptional stability and inevitability of the reductionist cognition of reality. The article shows that the logic of Kant's antinomies, taken as a basis for distinguishing two types of reductionism, creates a space for rethinking well-established interpretations of the history of philosophy. The possibility of overcoming the limitations of reductionism is proved within the framework of a system approach.

Key words: reductionism, «reductionism from below», «reductionism from above», system approach, Kant's antinomies, essence, interaction.

Современная наука и философия обращаются к исключительно сложным, многоуровневым феноменам бытия, познание которых настойчиво требует междисциплинарного диалога и сложения совместных усилий специалистов различных предметных областей. Хотя на уровне программных заявлений положение дел выглядит довольно обнадеживающе, однако, как не трудно заметить, подлинного диалога фактически не происходит. И если в середине прошлого века Гейзенберг мог надеяться, что постепенно и необходимо будет происходить не просто сближение, но стирание традиционных границ между отдельными областями научного знания, когда нельзя будет однозначно сказать, идет ли речь об успехе физики, биологии, философии, происходит ли внедрение физики в биологию или же наоборот. То сегодня становится совершенно очевидно, что такого естественного и автоматического стирания не произойдет, что для возможности междисциплинарного дискурса требуется выстраивание мостов, создание общего теоретического пространства, разработка особой методологии.

Данные задачи для своего решения требуют совершенно нового творческого мышления. Думается, что его появление будет значительно затрудняться и откладываться без возможности получения фундаментального образования в разных областях науки. Ведь искомые мосты в конечном итоге должны сойтись в голове одного человека, творца новой теории. Междисциплинарность должна сформироваться не только в диалоге между двумя специалистами разных областей, хотя и это, безусловно, важно. Но прежде всего, возникнуть в сознании одного человека.

Неизбежным следствием отсутствия междисциплинарности при изучении сложных феноменов действительности оказывается редукционизм – попытка сведения многоуровневой сложности явления к теоретической плоскости своей предметной области, сделать эту плоскость основополагающей в исследовании. Причем редукция осуществляется одновременно в двух направлениях, которые можно условно обозначить как «редукционизм сверху» и «редукционизм снизу». В различных научных областях, если у нас есть два среза, уровня реальности, два феномена, один из которых анализируется исследователем как более сложный, чем другой (и потому может быть охарактеризован как «высший»), появляются две противоположные тенденции: либо свести «сложное» к «простому», «высшее» к «низшему», либо, наоборот, свести «простое» к «сложному», представить первое как часть, элемент или преформацию второго.

Классическая наука со свойственной ей тенденцией редукционизма снизу исходила в познании мира из своего рода естественной установки, состоящей в том, что в мире находится множество различных объектов, обладающих независимым, автономным бытием. Причем эта независимость определяется в двух отношениях. Во-первых, объекты существуют автономно, изолированно от своей среды (то есть от окружающих явлений), и во-вторых, они рассматриваются как независимые от человеческого разума, от закономерностей и принципов по-

знавательной деятельности субъекта. Говоря иначе, объекты обладают как бы двойным независимым онтологическим статусом. Собственно благодаря этой автономности классического объекта и вырванности его из разнообразных сетей отношений делается возможным осуществить разложение сложного на простые части. Обратное восстановление целого выполняется путем последующего соединения ранее выделенных элементов. Полученная таким образом сложность называется Кантом «математическим целым», или «агрегатом», составленным из разъединенных частей путем простого сложения. В этом случае связи между элементами считаются крайне слабыми и несущественными для понимания самой целостности.

Вариантами второго названного направления редукционизма, «редукционизма сверху», являются холизм и субстанциалистский редукционизм (термин Н.А. Мещеряковой). В рамках первого подхода целое рассматривается как заданная структура, строго детерминирующая место и свойства своих элементов в наличной статичной системе отношений. Однако объяснение, которое возникает при попытке объять все возможные частные случаи на основании некоей максимальной общей целостности, делается абстрактным и искусственным, подгоняющим всё многообразие под заданное единство. Кроме того, упускается тот факт, что в мире нет ничего неизменного и изначального. Второй подход вроде бы пытается учитывать изменчивость реальности и рассматривать систему в динамике, однако подлинного развития не происходит, ибо всякий новый этап и элемент предстает как момент в развертывании некоей сложной сущности, субстанции, изначально сформированной в своих фундаментальных основаниях. Поэтому всякая новая возникающая форма или структура уже содержится в этих основаниях и лишь проявляется при определенных условиях или на определенном этапе.

Редукционистским направлениям противопоставлен системный подход, где объект не выступает как замкнутый, самодостаточный, где его характеристики не однозначны и выделяются через включенность объекта в разные системы взаимодействий и отношений с окружающей средой. Таким образом, один и тот же объект может иметь различные меняющиеся существенные качества. При таком подходе целое не сводится к заданной первосущности, как в случае редукционизма сверху, или к простой «математической» совокупности частей, в случае редукционизма снизу.

Однако, намечая пути преодоления указанных трудностей, системный подход ставит новые сложные проблемы. В решении познавательных задач исключительная роль отводится субъективности ученого, его взгляду на многократно усложненную предметность: какие из множества связей, в которые вплетен объект, являются существенными для исследования, а какие нужно отбросить? Если, пользуясь кантовской терминологией, «математическое целое» классического объекта, взятое как агрегат рядоположенных элементов, открыто чувственному восприятию и, следовательно, объективной всеобщей оценке, то «динамическая» целостность, то есть внутренняя связь и организация самой системы, не доступны опытному наблюдению и в основе определяются субъективным творческим актом и выбором исследователя. Именно в системном под-

ходе, как представляется, наиболее выражено кантовское утверждение полагающей, конструирующей деятельности субъекта.

В этой связи вызывает интерес проблема рассмотрения редукционизма и системного подходов с точки зрения закономерностей познавательной деятельности самого субъекта. Дабы понять истоки редукционистской направленности мышления предлагаем взглянуть на данную проблему через систему кантовских категорий и антиномий. Проанализировав логику последних, мы пришли к выводу, что свойственные нашему мышлению направления редукционизма могут быть объяснены на основе категорий реальности и необходимости. Согласно Канту, данные категории, будучи расширены в своем содержании до трансцендентальной идеи, лежат в основании тезисов соответственно второй и четвертой антиномий. Тезис второй антиномии объясняет «редукционизм снизу», а четвертой – «сверху».

Категория реальности является математической, поэтому она рассматривается Кантом в соотнесенности с пространством и временем. Всякое явление «внешнего опыта» может быть воспринято не иначе как посредством синтеза, «сложения» многообразного в пространстве. В этом случае представление о целом становится возможным на основании представления о частях. Причем последнее, как подчеркивает Кант, с необходимостью предшествует представлению о целом. В результате, в нашем разуме появляется закономерное стремление разъединить наблюдаемые в опыте объекты на составляющие части и дойти в этом процессе до простых, далее неделимых элементов. Таким образом возникает знаменитый тезис второй антиномии: «Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей, и вообще существует только простое или то, что сложено из простого».

Следующая интересующая нас категория относится к числу динамических, имеющих целью не указанную выше математическую координацию, а вроде бы искомое единство внутренних связей и отношений. Однако, как в случае редукционизма сверху, всё множество разнообразных отношений сводится в конечном счете к единственной основе. Поясняя тезис четвертой антиномии, Кант отмечает, что «весь порядок вещей, образующих мир, происходит от одной первосущности, от которой все заимствует свое единство и целесообразную связь» [1, с. 367].

Хотя процесс познания в своих истоках всегда оказывается субъективным и уникальным, если логика предполагает переход от обусловленного к условиям, наша мысль будет стремиться дойти до безусловного начала и таким образом, как пишет Кант, попадает в сети, которые непреднамеренно расставлены перед ней. Отсюда делается понятной удивительная устойчивость и фактически неизбежность редукционизма. Ведь он определяется не культурно-исторической принадлежностью мыслителя, а всеобщей и универсальной природой нашего разума.

Логика кантовских антиномий, представленная как опора для выделения указанных направлений редукционизма, создает пространство для новой постановки проблемы там, где преобладают устоявшиеся интерпретации истории философии. От античных до современных попыток рационального конструиро-

вания мира мы обнаруживаем появление данных направлений в качестве фундаментальных методологических принципов. Так, демокритовский атомизм и современный поиск элементарных частиц выражают тезис второй антиномии. При анализе ряда философских и научных концепций отчетливо обнаруживается логика четвертой антиномии с ее поиском безусловного первоначала: стихии античных натурфилософов, а через две с половиной тысячи лет экономический базис Маркса, воля к жизни Шопенгауэра или бессознательное Фрейда.

Хотя редукционистская направленность познания укоренена в природе нашего мышления, оно же содержит и средства ее преодоления. Как утверждает Бергаланфи, базовым принципом системного подхода является категория взаимодействия. Обращаясь к кантовской системе априорных принципов, он отмечает, что в «Критике» данная категория уходит на второй план. То же самое мы видим при анализе литературы, посвященной интерпретации кантовской таблицы категорий. Авторы обращаются, прежде всего, к категориям субстанции, причинности, количества, но категория взаимодействия оказывается непонятой и даже как бы незамеченной. Возможно, именно в рамках системного подхода раскроется истинное значение взаимодействия, а также глубочайшие интуиции Канта, значительно опередившего свое время.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. М.: Эксмо, 2007. 736 с.

Культура науки в трудах В.И. Вернадского и В.С. Степина

Герасимова И.А.

доктор философских наук, профессор

Институт философии РАН

Москва, Россия

УДК 130.2, 130.3

Статья обсуждает проблему культуры науки на примере концепций науки В.И.Вернадского и В.С. Степина. Выдающиеся русские мыслители рассматривали феномен науки в масштабных диапазонах исторического и культурного пространства-времени. На основе анализа понятий ноосферы и научного мировоззрения, введенных в научный оборот В.И.Вернадским, понятий научной картины мира, культурных универсалий, идеалов и норм науки, развиваемых в концепции постнеклассической науки В.С. Степиным, автор выявляет основные характеристики культуры науки. Обосновывается и развивается идея В.И.Вернадского о научном творчестве как культуре духа.

Ключевые слова: научное мировоззрение, научная картина мира, схема мира, ноосфера, биосфера, культурные универсалии, идеалы и нормы науки, философские принципы.

The Culture of Science in the Works of V. I. Vernadsky and V.S. Stepin
Gerasimova Irina A.

*Dsc in Philosophy, Professor
Institute of Philosophy RAS
Moscow, Russia*

Annotation. The article discusses the problem of the culture of science on the example of the concepts of science by V.I. Vernadsky and V.S. Stepin. Outstanding Russian thinkers considered the phenomenon of science in large-scale ranges of historical and cultural space-time. Based on the analysis of the concepts of the noosphere and the scientific worldview introduced into scientific circulation by V.I. Vernadsky, the concepts of the scientific picture of the world, cultural universals, ideals and norms of science developed in the concept of post-non-classical science by V.S. Stepin, the author reveals the main characteristics of the culture of science. The author substantiates and develops the idea of V.I. Vernadsky about scientific creativity as a culture of the spirit.

Keywords: scientific outlook, scientific picture of the world, scheme of the world, noosphere, biosphere, cultural universals, ideals and norms of science, philosophical principles.

Владимир Иванович Вернадский (1863 – 1945) и Вячеслав Семенович Степин (1934-2018) жили в разное время. Время и характер личности каждого отложили отпечаток на мировоззрение, стиль мышления и язык. Время Вернадского – две мировых войны, социальные революции в России, строительство новой России, индустриализация и «наука как производительная сила общества». Время Степина – послевоенная, постколониальная эпоха, от стремительно взлета естественнаучной и технологической мысли, открытия и освоения комического пространства, высокого уровня образования до перестройки, глобального кризиса техногенной цивилизации, падения престижа науки и образования, массовой утрате идеалов и ценностей жизни. И вместе с тем, оба выдающихся отечественных мыслителя жили в единый метамомент времени, который войдет в историю как переходное время, время смены цивилизаций, перестройки мировой политической и экономической системы, революций в науке и в обществе, и, главное, революции в сознании каждого человека. Еще в начале прошлого, двадцатого века, Вернадский писал, что **взрывы** научного творчества периодически повторяются через столетия, но грядущий революционный период особенный. Философ-ученый провидчески предупреждал об **ускорении**, темп которого усиливается [1, с. 233]. В отличие от прежних веков наступает эпоха, когда научная мысль социального человечества становится новой геологической силой [2, с. 20].

Смыслы, которые Вернадский придавал ноосфере и смежным понятиям, при ускорении взрывного характера постоянно обновляются. Степин активно использует понятия техногенной цивилизации и технонауки. По факту, научная мысль как планетарное явление шла по пути техногенного развития и привела к созданию новой среды обитания, которую сегодня называют техносферой. Вместе с тем экспансия технократического мышления во все области жизни, использование научных открытий и изобретений в военных целях, на гумани-

тарном полюсе многих приводит к выводу: «конец технонауке и технократической цивилизации». Вернадский предупреждал о разрушительном негативном сценарии действия человеческой мысли как новой геологической силы [2]. Сегодня на Земле практически не остается чисто природных территорий. Геологи ставят вопрос о новой геологической эпохе – антропоцене, когда хозяйственная деятельность человека утвердилась как доминирующий фактор планетарной эволюции, и, соответственно, будущие поколения ученых могут по геологическим слоям определить качество антропоцена [3]. Глубоко переживая кризисное состояние общества и биосферы, Степин утверждал необходимость комплексного научного мониторинга окружающей среды со стороны науки, а со стороны общества – переориентации и культурное развитие и этику [4]. Эти идеи резонировали с мыслями Вернадского. Научная этика ноосферного будущего, по мысли Вернадского, специфична по отношению к религиозной или государственной этике. Преднамерением времени видится «всемирное братство ученых», «научный мозговой центр человечества» [2, с. 98]. Свободомыслие во благо всех – суть научного творчества.

Вернадский выдвигает революционную для тех времен гипотезу о всевязующей энергии, которую он называет биогеохимической. В его понимании ноосфера «Эта новая форма биогеохимической энергии, которую, можно назвать *энергией человеческой культуры* или культурной биогеохимической энергией, является той формой биогеохимической энергии, которая создает в настоящее время ноосферу» [2, с. 132] Планетарно-созидающая энергия – это энергия разума, духа человеческого: «В мире реально существуют только личное творчество – высказывающие научную мысль, проявляющие научное творчество – духовную энергию» [1, с. 233]. В.С. Степин в концепцию постнеклассической рациональности вводит понятие человекоразмерности. Именно человек, а для нашей темы, человек науки, личность ученого, становится альфа и омегой ответственного деятеля планетарной эволюции. Основные черты культуры науки можно обнаружить как в текстах Вернадского, так и Степина.

Тезис о том, что наука существует и развивается сама по себе, был глубоко чужд изучавшим историю науки и читавшим лекции студентам Вернадскому и Степину. Два понятия – научное мировоззрение и научная картина мира связывают науку как специфическую деятельность со всеми сферами культуры. Рассматривая вопрос о принципах построения курса по истории науки, Вернадский акцент делал на научном мировоззрении и наиболее выдающихся открытиях и идеях, которые на него влияли в определенные исторические эпохи. Формирование научного мировоззрения и его закрепление его принципов в сознании ученых – сложный процесс, «нечто изменчивое, колеблющееся, непрочное» [1, с. 68]. Разнородное научное мировоззрение отличается от научно истинных представлений. Оно состоит из отдельных истин, добытых путем научной методологии, из представлений, извне вошедших в науку из философии, религии, искусства, из чисто фиктивных созданий человеческой мысли – «лесов научных исканий». Научное мировоззрение охвачено борьбой старого и нового вплоть до драматичного убийства противника, оно, как и все формы общежития, «приспосабливается к формам жизни, господствующим в данном общест-

ве». История свидетельствует о периодах инволюции идей, когда истинные положения заменялись на ложные. [1, с. 69].

Если научное мировоззрение складывается из представлений, доступных научному изучению, а также отношению к окружающему миру явлений, то научная картина, по Вернадскому, получается из складывания отдельных частных явлений в одно целое, охватывающее естественные, гуманитарные и социальные науки [1, с. 43]. Если у Вернадского не находим четкого разделения понятий научного мировоззрения и научной картины мира, то Степин как методолог науки различал понятия научного мировоззрения, общенаучной картины мира и конкретно-научной картины мира. Степин писал, что «Фактически Вернадский довольно четко фиксировал один из типов научной картины мира – естественно-научную картину мира – в качестве особой формы систематизации и синтеза знаний, получаемых в науках естественно-научного цикла» [4, с. 285]. Важным вкладом Вячеслава Семеновича стало понятие «схемы мира» как интегративной картины Вселенной (общенаучной картины мира). Именно на уровне схем мира можно вести диалог с исторически-изменчивыми представлениями о мире, равно как и сравнивая символические картины мира иных сфер культуры, что фактически, предполагал и Вернадский..

Рассматривая особенности формирования современного научного мировоззрения Вернадский указывал на влияние философии, и особенно, восточных учений на науку. Степин писал, что «развитие современной научной картины мира органично включено в процессы формирования нового типа планетарного мышления, основанного на толерантности и диалоге культур и связанного с поиском выхода из современных глобальных кризисов» [4, с. 504]. Новый тип картины мира вносит вклад в синтез западноевропейских достижений науки и технологий, восточных философий и русского космизма [4, с. 504]. Приводя примеры постнеклассического мышления, Степин выделяет концепцию биосферы и ноосферы Вернадского как конкретный образец саморазвивающихся систем [1, с. 519 – 520]. Оба выдающихся теоретиками в своих творческих исканиях шли по пути синтеза.

По существу, в трудах Вернадского можно усмотреть все предпосылки социальной эпистемологии и историко-культурной эпистемологии. Подчеркивая взаимосвязность всей общественной жизни, философ-естественник писал, что без культуры нет и науки. В его лекциях немало конкретных примеров идей, которые пришли в науку из древнего знания, мистики, музыки. Он считал, что «никогда не наблюдали мы до сих пор в истории человечества науки без философии» [1, с. 51]. Даже более, того на созданиях философской мысли и религиозного созерцания «лежит, если так можно выразиться печать бесконечности» [1, с. 55], они вечно растут и изменяются.

Что же специфического видели наши выдающиеся соотечественники в научном знании как особом компоненте культуры и социальной жизни?

И Вернадский, и Степин определяли специфику научного познания через методологию, логику мышления, возможности точного математического описания, критерии доказательности и эксперимента. Степин разработал вошедшую в учебники многоуровневую структуру научного познания: на эмпириче-

ском уровне – приборные ситуации и данные наблюдения, эмпирические зависимости, факты; на уровне теоретических схем – эмпирические интерпретации, концептуальные интерпретации, математические формулировки законов; на теоретически обобщающем уровне – специальная научная картина мира, общенаучная картина мира; с включением социокультурного фона – идеалы и нормы науки, философские основания науки [4, с. 337].

Вернадский задумывался над образом знания и образом ученого будущей ноосферы как новой ступени биосферы в эволюции планеты и эволюции человечества. В лице человека эволюционирует сама биосфера. Эволюционирует разум человека, его мышление, нравственное отношение к действительности. «Научная мысль и научная работа как геологическая сила в биосфере» предполагает уровень планетарного сознания и планетарной ответственности. Риски и угрозы технократического пути, катастрофы взрывного характера, свидетельствуют о тупиках рациональности, выстроенной на интеллекте. Основатель учения о ноосфере ставил проблему нового типа личности ученого, изучая духовную и философскую литературу, и имея собственный опыт «живого знания». Ему было ведомо по опыту знание-переживание [6, с. 161]. Вернадский обладал эйдетическим мышлением, когда, по его словам, решение научных задач происходило после прогулок и спонтанных видений: «мысль образами и картинами, целыми рассказами – обычная форма моих молчаливых прогулок или сидений» [Цит. по 6, с.161]. Его охватывало эмпатическое чувство единения на прогулках с природой. Он имел, как сегодня говорят, ноуменальный опыт. Если развивать эти идеи дальше, то можно дополнить образ ноосферного ученого новыми чертами: проникновенное понимание на глубинном уровне психики (понимание в душе); признание мысли как энергии, эмпатическая связь с пространственной мыслью; способность резонанса в спонтанном диалоге; освоение коммуникативных ступеней взаимодействий сознаний – согласования, созвучия и слияния; чуткое различение добра и зла; синтез идеалов истины, добра и красоты; способность управлять иерархическими уровнями психики (тело, сознание и восприятие, воля и высшие озарения). Как цель новой ступени эволюции разума – одухотворение интеллекта.

Литература

1. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. 359 с.
2. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
3. Шешнёв А.С. Что такое «антропоцен»? // Известия Самарского ун-та. Сер. Науки о Земле. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 200 – 206.
4. Степин В.С. Философия и методология науки. Избранное. М.: Академический проект, Альма Матер, 2015. 716 с.
5. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семенович, А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 303 – 311.

6. Солодухин Д.В. Роль интуиции в жизни и учении В.И. Вернадского // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. XLII, № 4. С. 155 – 170.

«Генохайп»: коммуникация науки и общества в эпоху геномной медицины

Гребенщикова Е.Г.

Доктор философских наук

ИНИОН РАН

Москва, Россия

УДК 001

Преувеличенные ожидания или страхи нередко сопровождают сообщения о новых открытиях, достижениях или методах в науке, вовлекая в полемику не только специалистов, но и представителей общественности. Шумиха вокруг генетических технологий связана как с актуальными возможностями клинической практики, так и с перспективами радикального вмешательства в природу человека. Для преодоления негативных эффектов генохайпа вокруг медицинской генетики ученые и врачи должны занимать активную позицию, просвещая общество. В дискуссиях вокруг перспектив трансформации генома и улучшения человека необходимо междисциплинарное взаимодействие представителей естественнонаучного и социогуманитарного знания для эффективной коммуникации с обществом.

Ключевые слова: коммуникация науки и общества, шумиха в науке, «генохайп», генетический эссенциализм, технонаука, междисциплинарность.

"Genohype": communication of science and society in the era of genomic medicine

Grebenschikova E.G.

Doctor of philosophical science

INION RAS

Moscow, Russia

Annotation. Exaggerated expectations or fears often accompany reports of new discoveries, achievements, or methods in science, involving not only specialists but also the public in polemics. The hype around genetic technologies is associated with both the current possibilities of clinical practice and the prospects for radical intervention in human nature. Scientists and physicians should take a proactive stance in educating society to overcome the negative effects of genohype around medical genetics. Interdisciplinary interaction of representatives of natural sciences and socio-humanitarian knowledge is necessary for effective communication with society in discussions around the prospects for genome transformation and human enhancement.

Keywords: communication between science and society, hype in science, genohype, genetic essentialism, technoscience, interdisciplinarity.

Термин «генохайп» был предложен Н. Хольцманом в редакционной статье журнала «Science» для описания дискурса преувеличенных утверждений и

гипербол, связанных с картированием генома человека и ДНК. Кроме того, образовательные материалы, подготовленные биотехнологическими компаниями для врачей и пациентов о прогностических генетических тестах, он рассматривал в качестве еще одной формы генохайпа[1]. По мнению Н. Хольцмана, преувеличение клинической достоверности и полезности подобных тестов – проблема, которую необходимо решать до их выхода на рынок, что принесет пользу всем заинтересованным сторонам, включая разработчиков.

Генохайп является частным, но очень показательным случаем ажиотажа в науке, которой в области биомедицины распространен наиболее широко и всегда привлекает повышенное внимание, поскольку касается здоровья. Ажиотаж нередко порождает завышенные или безосновательные ожидания, а иногда может вводить в заблуждения. Как, например, это было с мелатонином, который некоторые СМИ называли «лекарством от старения»[2]. Он также может вызывать панику или страхи, как например, которые возникли после заявлений о связи между раком поджелудочной железы и кофе, не доказанной на самом деле [3]. Вместе с тем такие области биомедицины, как редактирование генома человека или исследования стволовых клеток часто становятся предметом общественной полемики, поскольку затрагивают антропологические константы и фундаментальные ценности культуры. Настороженное отношение к ажиотажу связано также со случаями казались бы прорывных открытий, которые потом опровергались или с намеренным мошенничеством, выявлявшемся впоследствии.

Обычно шумиху в науке связывают с деятельностью СМИ, гонящихся за сенсациями. Но нередко сами ученые стремятся к известности и приоритету в науке. Весомый вклад в ажиотаж вокруг научных открытий вносят также PR-отделы и пресс-службы научных учреждений, издательств и финансирующих организаций.

Генохайп вызывает внимание общества как в связи с ожиданиями новых методов диагностики и лечения, так и вследствие возможностей генетики стать одним из способов достижения «нового, дивного мира». Попытки классификации генохайпа в основном связаны с разграничением пессимистичных или оптимистичных, в том числе и в радикальном варианте, сценариев использования генетических технологий. А. Флейзинг выделяет три типа генохайпа. Первый тип – «генохайп страха» делится на три подтипа: 1) дискурс о возможном генетическом конце света и генетическом терроризме, использовании генетических технологий для ведения биологической войны и выборочных убийств; 2) кошмар социально-регрессивной евгенической программы, продвигаемой элитой; 3) проблема социальной справедливости, связанная с несправедливым доступом к генетическим ресурсам из-за социально-экономического неравенства. В «генохайпе страха» манипулирование социальными группами является способом использования генетических знаний. «Клинический генохайп» сопряжен с обозначенной выше проблемой преувеличения возможностей прогностических генетических тестов. Таким образом, использование генетических знаний раскрывается как способ чтения генетического профиля человека. «Обладание природой» (possessing nature) – третий тип ажиотажа вокруг генетики, который

может напомнить о фразе нобелевского лауреата Дж. Уотсона о том, что если раньше мы считали, что судьба определена звездами, то теперь мы знаем, что она обусловлена генетикой. В этой же логике код ДНК рассматривается как язык, на котором Бог создал жизнь, порождая ассоциации с религиозными и мифологическими символами и нарративами. Её отличительной особенностью А. Флейзинг считает представление об этиологии болезни, которая указывает на пути поиска средств диагностики и лечения. В результате использование генетических знаний рассматривается как способ создания лекарств [4].

Генохайп представляет интерес с точки зрения встраивания знаний о генетике в представления и ожидания общества, а также коммуникации ученых и неспециалистов. На мой взгляд, в этом контексте можно говорить о двух взаимосвязанных областях общественного дискурса, касающихся 1) актуальных возможностей геномной медицины и 2) перспектив, открываемых генетическими технологиями. Пока генетические тесты не стали рутинной практикой клинической медицины, как и тестирование коммерческих компаний, далеко не все имеют родственников с наследственными патологиями, а о возможностях репродуктивной генетики осведомлена очень незначительная часть населения. Более того, эти возможности под влиянием СМИ могут показаться некоторой части населения разговором о «дизайне» детей. О наследственных заболеваниях также благодаря масс-медиа могут напомнят многочисленные публикации о сборах пожертвований на самое дорогое лекарство в мире (Золгенсма). Выявляя связь между геномом и многочисленными болезнями, с которыми человек может столкнуться в любом возрасте, генетика преднамеренно или непреднамеренно влияет на убеждения, касающиеся здоровья и жизненных перспектив. Тем самым формируются не только соответствующие стратегии получения нового знания и «заботы о себе», но и запрос на большее просвещение общества о генетике человека, её потенциале и ограничениях.

При этом связывание генов, здоровья и рисков может приводить к генетическому эссенциализму, чрезмерно преувеличивающему роль наследственных факторов по сравнению с влиянием окружающей среды. По мнению ряда ученых, проблема в том, что люди придерживаются более сильных убеждений о генетическом эссенциализме и более слабой медицинской самоэффективности, поэтому они с меньшей вероятностью будут действовать в целях защиты здоровья. Вера в то, что гены несут чрезмерную ответственность за возникновение болезней, может ограничить веру человека в способность улучшить здоровье с помощью таких действий, как отказ от курения, физическая активность или изменение диеты. Генетический эссенциализм также может препятствовать вере в эффективность медицинских вмешательств, поскольку такие убеждения связаны с фатализмом, а фатализм способствует отказу от обращения за медицинской помощью[5]. Соответственно, одна из важных задач ученых и специалистов может быть связана с просвещением общества, нацеленном на снижение негативных эффектов генохайпа.

Шумиха вокруг перспектив генетических технологий, открывающих возможности редактирования генома человека, включая геном эмбрионов, создания детей «на заказ» и управления здоровьем для существенного увеличения

продолжительности жизни человека поддерживает отчасти технооптимизм, который значительно пошатнулся в результате крупных техногенных катастроф и экологических проблем, демонстрируя при этом необходимость междисциплинарной экспертизы современной технонауки. Не случайно первый директор проекта «Геном человека» Дж. Уотсон предложил исследовать его этические, правовые и социальные последствия. Таким образом, наряду с биологами, генетиками и врачами в анализе и оценке перспектив геномных технологий, бросающих вызов нормам морали и ценностям культуры, должны участвовать представители социогуманитарного знания, что позволит создать более эффективные каналы коммуникации между наукой и обществом для предотвращения рисков генохайпа.

Литература

1. Holtzman N. A. Are genetic tests adequately regulated? //Science. – 1999. – Vol. 286. – №. 5439. – P. 409-409.
2. Shuchman M., Wilkes M. S. Medical scientists and health news reporting: a case of miscommunication //Annals of Internal Medicine. – 1997. – Vol. 126. – №. 12. – P. 976-982.
3. Ransohoff D. F., Ransohoff R. M. Sensationalism in the media: when scientists and journalists may be complicit collaborators //Effective clinical practice. – 2001. – Vol. 4. – №. 4. – P. 185-188.
4. Fleising U. In search of genotype: a content analysis of biotechnology company documents //New Genetics and Society. – 2001. – Vol. 20. – №. 3. – P. 239-254.
5. Parrott R. L. et al. Communicating about genes, health, and risk //Oxford Research Encyclopedia of Communication. Oxford, 2015. <https://oxfordre.com/communication/display/10.1093/acrefore/9780190228613.001.001/acrefore-9780190228613-e-8?print=pdf>

«Моделезависимый реализм» - от постнеклассики к современной науке

Даниелян Н.В.

доктор философских наук, доцент

Национальный исследовательский университет

«Московский институт электронной техники»

Москва, Россия

УДК 165.3

В данной статье рассматривается трансформация представлений о познавательных возможностях субъекта по отношению к объекту в зависимости от уровня развития науки. За основу рассуждений взят подход В.С. Степина изменения эпистемологических оснований науки в ходе глобальных научных революций. Исходя из «моделезависимого реализма» С. Хокинга, автор делает вывод, что целью познания в современной науке становится не описание объективной реальности, а определенная организация ее субъективного восприятия, то есть совершенство познавательных моделей, через которые

субъект «схватывает» реальность. В статье намечается перспектива отхода от постнеклассического научного мышления в современном его понимании, поскольку с развитием технологии искусственного интеллекта происходит «размывание» границ понимания субъективного.

Ключевые слова: познание, субъект, объект, постнеклассическая наука, «моделезависимый реализм», естественное, искусственное.

«Model-Dependent Realism»: from Post-nonclassical to Modern Science

Danielyan N.V.

*Doctor of Philosophy, Assistant Professor
National Research University of Electronic Technology
Moscow, Russia*

Abstract. The article considers the transformation of ideas concerning cognitive subjective opportunities of an object at different stages of science development. V.S. Stepin's approach to the consideration of epistemological foundations of science during global scientific revolutions is taken as the main one by the author. According to "model-dependent realism" by S. Hawking, the author concludes that the purpose of cognition in modern science is not to describe the objective reality, but to organize its perception by subject. As a result, the purpose is the perfection of cognition models helping the subject 'to grasp' the reality. The article outlines the prospect of moving away from post-nonclassical scientific thinking in its current understanding. The reason is 'blurring' the borders of subjectivity because of the fast development of AI technologies.

Key words: cognition, subject, object, post-nonclassical science, "model-dependent realism", natural, artificial.

Каковы эпистемологические потребности современной науки? К каким предположениям относительно понимания процесса познания можно прийти, основываясь на современных теориях? В данной статье постараемся ответить на эти вопросы.

За основу рассуждения возьмем «моделезависимый реализм» С. Хокинга. Интересно отметить, что он называл философию «мертвой наукой» [1, с. 9]. Данный вывод был сделан им из предположения в отставании философии от развития науки, в частности, физики. Нельзя не заметить философские отступления Хокинга в его рассуждениях о создании единой, универсальной теории, которая объединила бы в себе микро-, макро- и мега-миры. Такой теорией, по его мнению, является М-теория, которая позволит получить разгадать нам «Высший замысел».

Субъект-объектное взаимодействие подвергается Хокингом анализу в описании примера с запретом властями итальянского города Монца содержания золотых рыбок в шаровидных аквариумах [1, с. 45]. Мы похожи на таких рыбок, так как наблюдаем реальность, исходя из имеющихся моделей реальности, предоставляемых нам наукой. Нас продолжает волновать вопрос о достоверности знаний об объекте, получаемых субъектов в процессе познания.

Тот же вопрос поднимает В.С. Степин в своих работах по проблемам познавательного процесса. Анализируя глобальные научные революции, он отмечает, что каждая из них связана со становлением нового типа естествознания: «Если в классической физике идеал объяснения и описания предполагал характеристику объекта "самого по себе", без указания на средства его исследования, то в квантово-релятивистской физике в качестве необходимого условия объективности объяснения и описания выдвигается требование четкой фиксации особенностей средств наблюдения, которые взаимодействуют с объектом...» [2, с. 623]. При перестройке философских оснований науки с появлением нового типа естествознания, изменяются идеалы и нормы научного исследования, что, в свою очередь, ведет к расширению поля исследуемых объектов.

Со становлением постнеклассической науки, для которой характерны компьютеризация науки, радикальное изменение средств познания, интенсификация применения достижений науки в различных областях деятельности человека, произошел переход к междисциплинарным и проблемно-ориентированным формам исследовательской деятельности, которые предполагают изучение сложных системных объектов, «характеризующихся открытостью и саморазвитием» [2, с. 628]. Для них характерно развитие, при котором происходит переход такой системы от одного уровня саморегуляции к другому, что описывается в синергетике.

Как известно, основными идеями синергетики являются системность, целостность мира и научного знания о нем, общие закономерности, прослеживаемые в развитии всех уровней материальной и духовной организации объектов, нелинейность их развития, глубинная взаимосвязь случайности и необходимости. Предпосылкой для такого видения мира является тот факт, что глобальный эволюционный процесс можно рассматривать как целостное модельное представление, что, например, продемонстрировано С. Хокингом в М-теории. За ее основу берется переход от принятого в квантовой физике подхода к построению реальности, исходя из точечной элементарной частицы, к струне. Ее универсальность заключается в следующем: множество частиц, предел делимости которых неизвестен, заменяется на фундаментальную струну, через которую их все можно вывести. Она представляет собой 1-мерный объект длиной порядка 10^{-33} см, имеет моду²⁷, которая определяет присущие частице квантовые числа, такие как масса, спин и т.д., и несет в себе набор квантовых чисел, отвечающих определенному типу частиц.

Таким образом, «моделезависимый реализм» Хокинга старается предложить новую стратегию научного поиска – рассматривать наши представления о протекающих явлениях как вероятностную модель возможных событий. За точку отсчета можно принять любую модель, которая приблизит нас наиболее вероятно к желаемому результату. Так как мы находимся в аквариуме нашего

²⁷Мода – набор характерных для колебательной системы типов гармонических колебаний. Мода характеризуется пространственной конфигурацией колеблющейся системы, определяемой положением ее узловых точек (линий или поверхностей), а также собственной частотой. Обычно каждой моде соответствует определенная собственная частота.

мышления, то можно полагать, что «реальный мир управляется не детерминистическими законами и не абсолютной случайностью. В промежуточном описании физические законы приводят к новой форме познаваемости, выражаемой несводимыми вероятностными представлениями» [4, с. 9].

Если снова обратиться к научным революциям, которые, по В.С. Степину, вели к появлению новых типов научной рациональности с изменением характера субъект-объектного взаимодействия, то можно заметить, что наши знания тем более точны, чем совершеннее строимые познавательные модели, через которые мы «схватываем» реальность, что полностью соответствует приведенным выше рассуждениям.

Как отмечает В.А. Лекторский, «сегодня стал очень популярным эпистемологический конструктивизм, согласно которому знания в подлинном смысле слова не существуют, ибо то, что кажется реальными объектами, на самом деле не что иное, как конструкции нашего сознания» [4, с. 22]. В качестве примера можно привести теорию личностных конструктов Дж. Келли [5, с. 1-29]. Он полагает, что познание – это активный процесс конструктивной деятельности субъекта. Таким образом, получаемые им знания – не отражение или презентация чего-то внешнего, автономного от него, но «трафареты», через которые он воспринимает реальность. Можно заключить, что цель познания при таком подходе – не описать объективную реальность, а определенным образом организовать ее внутреннее, то есть субъективное восприятие.

Не вызывает сомнения, что субъект обладает индивидуализированной психикой, имеет определенные личностные предпочтения, то есть те особенности, которые отличают его от других субъектов, чем не обладает ни одно искусственное устройство на сегодняшний день. Каждый субъект включен в социокультурную среду, так как его деятельность происходит в определенном месте в определенный момент времени. Он вступает в коммуникативные и иные отношения с людьми, то есть «существует только в единстве Я, межличностных (межсубъектных) взаимоотношений в познавательной и реальной активности» [6, с. 155]. Результатом является взаимодействие субъективированных позиций, которые обладают своеобразием и специфичностью.

По мнению В.С. Степина, научное познание в современном мире можно рассматривать как особую часть жизни общества со своими «ценностными ориентациями и мировоззренческими установками» [2, с. 632]. Процесс познания сопряжен с достижением консенсуса участниками дискурса, в противном случае наука не возникла бы в современном мире. На первое место все более выходят коммуникативные практики, которые влияют на форму взаимодействия участников познавательного процесса.

А.Ю. Антоновский справедливо отмечает, что «каждая коммуникация решает проблему своей рациональности. Это рациональность, во-первых, выбора той или иной формы экспрессии или проявления коммуникации. Во-вторых, это рациональность той или иной интерпретации этой знаковой манифестации на предмет выявления внутренних интенций или мотивов. И наконец, в-третьих, это рациональность понимания, то есть сравнения и понимания различности того, что сказано, и того, для чего это сказано» [7, с. 115]. Таким образом, в науке

устанавливается и постоянно трансформируется своя форма достижения консенсуса, удовлетворяющая указанным критериям. Без него не может возникнуть нового знания об объекте, как результат познавательного процесса.

В заключении можно отметить, что подходов к пониманию процесса познания на постнеклассическом этапе развития науки существует множество. И траекторию данному подходу и пониманию задал В.С. Степин в сформулированной им концепции постнеклассического научного мышления.

Однако следует добавить, что мир все более движется в направлении создания искусственных систем, нацеленных на замещение интеллектуального труда человека. Так как речь идет о создании некоего аналога человеческого интеллекта, то ему должны быть присущи сознание и мышление, то есть ученые, инженерам, разработчикам необходимо добиться когнитивной имитации процессов, которые происходят в человеческом мозге. Как результат развития подобных технологий, мышлением и существованием будет наделено не только естественное, но и искусственное, что коренным образом меняет все представления о познании, затронутые в данной статье. Согласно Н.В. Даниелян, «на следующем этапе искусственный интеллект (изначально разработанный и запрограммированный инженерами) перестает быть полностью подконтрольным своим создателям, так как этот интеллект воспроизводит модели мышления человеческого существа» [8, с. 84].

Сегодня подобные технологии все более приобретают социальный характер, так как в своей основе содержат совмещение познающего субъекта, средств познания и познаваемого объекта в едином цикле вследствие отсутствия необходимости в посреднике между пользователем и компьютером, что позволяет перейти от понимания традиционного субъект-объектного взаимодействия к рассмотрению отношений между системой и ее окружением. Субъект начинает все более рассматриваться в качестве неотъемлемой части комплексов, сформированных под воздействием современных социотехнических систем, поскольку с развитием технологии искусственного интеллекта происходит «размывание» границ понимания субъективного.

Как результат, современный мир движется в иной эпистемологической плоскости, где новая научная революция неизбежна. По своим кардинальным последствиям она способна превзойти все предыдущие этапы, выделенные В.С. Степиным, так как базируется на коренном изменении традиционных представлений о субъекте – уже не только человеку, коллективу, но компьютеризированном устройстве, наделенном способностью мыслить.

Литература

1. Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел. Пер. с англ. М. Кононова. СПб.: Амфора, 2012. 208 с.
2. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. К решению парадокса времени. Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 240 с.

4. Лекторский В.А. Трансформация эпистемологии: новая жизнь старых проблем // Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 5-49.

5. Kelly G. A brief introduction to personal construct theory // Bannister D. (ed.) Perspectives in personal construct theory. London, New York: Academic Press, 1970. P. 1-29.

6. Lenk H. Grasping Reality: An Interpretation-Realistic Epistemology. Singapore: Scientific Publishing Company, 2003. 282 p.

7. Антоновский А.Ю. Социальная теория о системно-коммуникативном понятии рационального // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. И. Т. Касавина и Н. Н. Ворониной. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 111-116.

8. Даниелян Н.В. Философские основания компьютерной лингвистики // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 83-89.

Особенности развития современного научного знания условиях становления цифрового капитализма

Ефременко Д.В.

д.полит.н., главный научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН

Москалёв И.Е.

Доцент, к.ф.н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Москва, Россия

УДК 101.1:316

В статье обсуждаются философско-методологические аспекты развития современного научного знания в контексте цифрового капитализма, который авторы рассматривают как новую фазу постиндустриального общества. Проводится анализ долгосрочных последствий такого развития для институтов научного знания, а также рассматриваются этические, экономические и политические вопросы, связанные с этой проблематикой.

Ключевые слова: научное знание, постнеклассика, цифровой капитализм, цифровая экономика, когнитивный капитализм, риски, общество знания, постиндустриальное общество, социально-экономическая система, самоорганизация, социокультурные изменения, сложные системы, ценностные основания.

Features of the development of modern scientific knowledge in the conditions of digital capitalism

Efremenko D.V.

Chief Research Fellow, Ph.D.

Institute of Scientific Information for Social Sciences. the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia

Moskalev I.E.

Associate Professor, Ph.D.

Russian Presidential Academy Moscow, Russia

Annotation. The article discusses the philosophical and methodological aspects of the development of modern scientific knowledge in the context of digital capitalism, which the authors consider as a new phase of post-industrial society. An analysis is made of the long-term consequences of such a development for the institutions of scientific knowledge, as well as ethical, economic and political issues related to this issue.

Key words: scientific knowledge, post-non-classical, digital capitalism, cognitive capitalism, post-industrial society, socio-economic system, socio-cultural changes, complex systems, value bases

Современное научное знание претерпевает изменения в контексте глобальной цифровизации, что требует понимания долгосрочных эффектов данных тенденций для развития институтов научного знания. С этим связан комплекс проблем, включающий институциональные и экономические механизмы управления цифровым обществом, вопросы морали и социальной ответственности. Значение ценностей в проектировании технологий будущего еще более вырастет в связи с необходимостью формирования все более устойчивых и глубоких взаимодействий между людьми и технологиями [1]. Цифровизация в контексте доминирующего в современном мире социально-экономического уклада, помимо прочего, означает замещение информационными технологиями массового машинного производства, характерного для более ранних этапов капиталистического развития.

Эти тенденции вместе могут рассматриваться как новый социальный феномен - цифровой капитализм, влияющий на процессы научного познания. Рефлексия данной ситуации в контексте постнеклассической парадигмы рациональности В.С. Степина представляется нам наиболее эвристичной, поскольку, следуя ее основополагающим принципам, мы помещаем субъекта-наблюдателя в новый сложный социально-экономический и социо-культурный контекст, который не может не оказывать влияния на институты и процессы научного познания.

Мы рассматриваем цифровой капитализм как сопряженное развитие общества знания и когнитивного капитализма, уделяя особое внимание социокультурным трансформациям, возникающим в период экспансии цифровой экономики.

Капитализм является той экономической системой, которая доказала свою способность наиболее эффективным образом повышать уровень жизни человечества с начала промышленной революции. По словам американского экономиста Л. Туроу, капитализм формирует понятие личности, используя жизненные мотивы человека, такие как жадность и корысть, чтобы достичь этой цели. Бри-

танский философ Б. Рассел признавал, что стремление к обогащению, являясь самым сильным человеческим мотивом, стало главным двигателем капиталистической системы, что подтверждает также М. Вебер в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» в которой отождествляет капитализм со стремлением к наживе.

При этом в постиндустриальную эпоху противоречия между трудом и капиталом, свойственные промышленному капитализму не исчезают, а приобретают в обществе знания новую форму, характеризующую принципиально новый этап развития общества. В этой связи отмечают, что перемены, которые претерпевает природа и организация труда в обществе знания, обусловлены такими факторами как:

- a) преобладающая роль нематериального труда;
- b) независимость стоимости труда от времени, затраченного на производство;
- c) делокализация труда в пространстве и времени, выход труда за стандартные рамки, обусловленные местом и временем, распространение на все акты жизни.
- d) коммуникативный характер труда, как деятельности направленной на разрешение проблем и повышение эффективности взаимодействия;
- e) продолжительность рабочего времени перестала быть фактором организации труда.

Данные факторы рассматривает также М. Кастельс в своей концепции сетевого общества, указывая на глобальный характер происходящих трансформаций и определяя его как новый способ функционирования и развития общества. Но одновременно Кастельс по-новому рассматривает проблематику социальной критики в условиях нового капитализма, полагая особо рискованной попытку буквальной реализации II-го тезиса о Фейербахе. По его мнению, которого также придерживается и Славой Жижек, в цифровом мире в первую очередь необходимо освободиться от некритического следования любого рода теоретическим и идеологическим схемам.

Существенный вклад в обоснование теоретических рамок идеи когнитивного капитализма внес французский социолог Жан Мольер-Бутанг, показавший, что социальные институты просто стремятся быть адекватными современным трансформациям. По его мнению, концепция когнитивного капитализма, является своеобразным ответом экономической системы на цивилизационные трансформации, обусловленные постиндустриальной и информационной парадигмой.

Концепция «цифрового капитализма» получает свое обоснование в работах Д. Шиллера, Р.Шмидта, П. Глотца, которые рассматривают трансформацию социо-культурных отношений в условиях цифровой революции и цифровой экономики. Глобализацию экономики за счет трансформации производительных сил на основе компьютеризации и цифровых технологий отражает также концепция хай-тек капитализма В.Ф. Хёга, а также теория цифрового капитализма в интерпретации Т. Фицпатрика.

Мы представляем концепцию цифрового капитализма, как новое понимание когнитивного капитализма, не ограничиваясь при этом теоретическим подходом Дэна Шиллера – автора термина digital capitalism [2], а также Р. Шмиде и П. Глотца, которые определяют цифровой капитализм как новый этап развития капиталистической экономики, связанный с эффектами комбинирования сетевых технологий и маркетинга.

Наш подход заключается в расширенной интерпретации концепции цифрового капитализма в качестве социокультурного феномена, что позволяет выявить новые перспективы для развития научного знания, связанного с социально-экономическими, политическими и социокультурными трансформациями современного общества. Преимуществом данной концепции является возможность более прагматичного анализа противоречий, характерных для современного этапа общественного развития, и более реалистичного подхода к вызовам, связанным с превращением знания в решающий ресурс социальных трансформаций, а также с проблемой «дематериализации».

Анализ философско-методологических особенностей развития научного знания в условиях массированной цифровизации и создание цифрового капитализма как новой модели социальной организации ведет к изменениям в производстве научного знания. Эти изменения, на наш взгляд, негативно влияют на баланс между фундаментальными и прикладными исследованиями, а также на роль науки и знания в цифровом капитализме.

Традиционное различие между фундаментальной наукой и прикладной наукой все больше отстает от реальной эволюции науки как социального института. Особенности "большой науки" второй половины XX в., такие как междисциплинарность, ориентация на проблемы и проектная организация исследований, еще более усилились благодаря возросшему интересу общественных и политических кругов к социальным, экономическим и глобальным экологическим проблемам. Научное знание, которое раньше рассматривалось больше как основа эпистемологии, чем как товар, теперь оценивается в соответствии с новыми интерпретациями научного труда, что вызывает сложные методологические и социальные проблемы. Производство научного знания теперь представляет не столько поиск основных законов природы, сколько процесс, определяющий контекст применения знания, склонность к социальным потребностям и потенциальным потребителям. Производство научного знания становится рефлексивным процессом, который учитывает его социальные приложения.

Рыночная конкуренция и измерение успеха в финансовых показателях являются основными принципами капиталистической системы. С учетом того, что капитализм успешно функционирует на глобальном уровне, существует необходимость объективной оценки его достоинств и недостатков как цивилизационного феномена (в соответствии с Дж. Соросом и М. Алле).

В новом тысячелетии, по мере того, как человечество становится частью "общества знаний", оно нуждается не просто в знаниях, а в научных знаниях, которые способны стать основой практических действий, приносящих пользу и не только прибыль, а также способствующих развитию личности и объединению людей, народов и культур для решения глобальных проблем. В этом кон-

тексте знание должно соответствовать двум требованиям, которые на первый взгляд трудно сочетаются: оно должно быть операционально и функционально эффективным для решения практических задач, а также нести более глубокую миссию формирования глобального типа личности, которая думает о благе всего человечества. Оно также должно не только порождать социальные проблемы глобального масштаба (например, вытеснение из экономики и социальной жизни целых профессиональных кластеров), но и содержать «ключ» их возможного решения. В этом контексте становится ясным, что этические аспекты идеи "антропоцена" [3] получают все большее значение, особенно в контексте цифрового капитализма.

Современная наука получает возможности выхода на новый уровень сложности, оперируя объемом данных, который эксперты обозначают порядком петабайт и качественных изменений традиционных моделей работы со знанием. Системы искусственного интеллекта, основанные на технологиях нейронных сетей и алгоритмы работы с большими данными позволяют говорить о гипотезе «конца теории» (К. Андерсон). Особенно актуальной эта проблема представляется для гуманитарного знания, которое в цифровую эпоху также трансформируется и подчиняется вычислительным технологиям.

Вместе с тем знание в отличие от информации и данных является сложным феноменом, рождается в социальных сетях (Р. Коллинз) и обусловлено универсалиями культуры (В. Степин). Как отмечает немецкий ученый К. Майнцер, в социальном мире речь идет не только о понимании значений данных, но и их оценке. В этой связи в центре внимания оказываются этические, экономические и политические аспекты данной проблематики.

Гибкость в подходах к профессионализации, обучению и переобучению сделала возможным вовлечение как специалистов, так и непрофессионалов в производство научного знания и решение широкого круга актуальных для современного общества задач. В условиях новой цифровой реальности трансформируется роль индивида как активного участника инновационных процессов, а также появляются новые возможности участия широкой общественности в открытых социальных, культурных, экономических, научных и технологических проектах (Э. фон Хиппель, Д. Тапскотт, Э. Вильямс). Экономисты П.А. Дэвид и Д. Форэ считают, что трансформация экономики знания в общество знания обусловлена быстрым ростом «знание-обусловленных сообществ», которые связаны с различными научно-исследовательскими и профессиональными проектами. Надо, однако, понимать, что эти общества и характерные для них отношения производства и потребления не означают какого-то квантового скачка в иную социальную реальность или экономику, окончательно освободившуюся от ограничений, связанных с человеческой телесностью или материальных особенностей сырья, материалов, физической транспортной инфраструктуры. Если бы это вдруг произошло, то мы стали бы наблюдателями аннигиляции всей экономической модели капитализма, чего на деле, как мы видим, не происходит. Как справедливо отмечает М. Бетанкур, цифровые технологии создают множество новых возможностей и рисков, но при этом не устраняют базовых взаимо-

связей между человеческой агентностью, капиталом, социальным воспроизводством и физическим производством [4].

Изменение парадигмы развития общества и выработка новой концептуальной модели функционирования, обусловленной факторами цифрового капитализма, возможна исключительно на основе комплексного междисциплинарного исследования и философско-методологического анализа сущностных характеристик современного научного знания. Идея цифрового капитализма требует разработки новых стратегий управления сложными социально-экономическими системами, учитывающих творческий потенциал общества и риски, связанные с реализацией этого потенциала. Тем не менее, традиционные проблемы капиталистических социальных отношений ограничивают возможности цифровой экономики и новой промышленной революции. В этом новом контексте научное познание как процесс, обусловленный данными факторами внешней среды, может оказаться как в плену противоречий цифрового капитализма, так и обрести новые возможности развития.

Литература

1. Грунвальд А., Ефременко Д.В. Цифровая трансформация и социальная оценка техники // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. №2. С. 37.
2. Schiller D. Digital Capitalism. Cambridge, MA: MIT Press, 2000
3. Crutzen P., Stoermer E. "The 'Anthropocene'" // The Global Change Newsletter. 2000. No 41. pp. 17–18.
4. Betancourt M. The critique of digital capitalism: An analysis of the political economy of digital culture and technology. Brooklyn, NY: punctum books, 2000.
5. Schmidt J., Brown P., Orr C. Ethics in the Anthropocene: A Research Agenda // The Anthropocene Review. 2016. Vol. 3. No. 3.

Проблемы количественного анализа современной экономики как постнеклассическая рациональность

Жолков С.Ю.

*Доктор философских наук, кандидат физико-математических наук
Профессор кафедры Прикладной математики и компьютерного моделирования,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М.Губкина
Москва, Россия*

УДК 167.1

Кратко излагаемые результаты в успешной формализации и научном исследовании важных проблем современной экономики являются фактическим подтверждением концепции постнеклассической рациональности и содержательно подкрепляют принципиальные теоретические тезисы В.С. Степина

Ключевые слова: теоретическое знание; научные теории; постнеклассическая рациональность; моделирование экономических систем

Quantitative analysis problems of modern economics

as post-non-classic rationality

Zholkov (Jolkov) Sergei

Philos.D.Sci., Math.D

*Professor of Applied mathematics and computer modelling department
of National University of Oil and Gas “Gubkin University”
Moscow, Russia*

Annotation. The results summarized in the successful formalization and scientific study of important problems of modern economics are the actual confirmation of the concept of post-non-classic rationality and substantially reinforce the fundamental theoretical theses of V.S. Stepin

Keywords: theoretical knowledge, scientific theories, post-non-classic rationality, modeling of economic systems

Исследования динамики фондовых, валютных и товарных рынков, а также проблем планирования инвестиций в нефтегазовую отрасль относятся к числу важнейших аналитических задач современной экономики. С точки зрения философии решение этих проблем обязано учитывать «соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности», но и с социально-экономическими интересами, а также внеучными целями. Также исследуемые системы безусловно являются сложными, саморазвивающимися системами, и по сему они явно относятся к постнеклассическому типу рациональности [1, с.455,512]; [2, с.634].

В процессе ценообразования и инвестиционного планирования субъективный человеческий фактор играет важнейшую роль. Это абсолютно субъективные и антиэкономические действия неуравновешенных политических «игроков», ошибочные представления и действия трейдеров, брокерские истерики и проч., которые невозможно предсказать. Использовать эти факторы в качестве ценообразующих для построения модели нельзя. Но следует ли из этого, что научный анализ и построение сколь-нибудь точной математической модели этих процессов в принципе невозможно?

Вообще-то существуют два влиятельных мнения о месте научного и математического исследования в решении проблем экономики. Приведем резюме из нобелевской речи выдающегося экономиста Пола А. Самуэльсона: «...в экономике, как говорил Шумпетер, сам предмет исследования выступает в количественной форме: уберите численные значения цен или пропорции бартерных обменов – и у вас просто ничего не останется» [3; 4, с. 185].

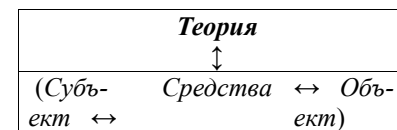
Финансовое планирование, анализ динамики фондовых рынков или государственная монетарная политика не могут основываться на общих фразах. Начало эффективным количественным исследованиям фондовых и валютных рынков было положено знаменитой работой 1965 г. «Rational Theory of Warrant Pricing» П. Самуэльсона [5]. В ней применена теория стохастических динамических систем, использовавшаяся в *теоретической физике* [6, с.96]

Это весьма сложная математическая конструкция (а проще не получается), хотя бы потому, что в дифференциальных уравнениях участвуют недиффе-

ренцируемые функции, чего, как мы все знаем, не бывает в классическом математическом анализе. Для экономики это привело к созданию *стохастической теории управления портфелем активов*. После работ Самуэльсона последовали столь же знаменитые работы выдающихся американских экономистов. Еще печальнее обстояло дело в проблемах долгосрочного моделирования цен на нефть и газ и инвестиционного планирования. При оценке стоимости запасов для принятия инвестиционного решения цена барреля умножается на разведанный объем запасов, поэтому величина возможной ошибки может быть огромной. Она еще больше усугубляется при неоптимальном динамическом планировании доходов и затрат. Так что, при решении этих проблем «экономикой общих фраз» не отделаешься.

С точки зрения средств и методов теории и модели исследуемых явлений для успешного решения поставленных проблем в рассмотрении должны находиться одновременно, и субъект, и средства, и объект, что соответствует схеме постнеклассического научного познания представленной в [1, с.455]. С одним уточнением – стрелки должны быть обоюдные: (Субъект ↔ Средства ↔ Объект), поскольку при анализе динамики исследуемых процессов выясняется, что все компоненты оказывают взаимное влияние друг на друга.

Поскольку в данном случае «цель познания» – конкретные и эффективные теория и модель, познавательная схема должна быть увенчана самой теорией, соединяющей в динамическом синтезе объекты исследования, средства и операции анализа с целенаправленной социально-экономической деятельностью людей и собственно самим мышлением:

«...Необходимо отдавать себе отчет в том, что познание в социально-гуманитарных науках и науках о природе имеет общие черты именно потому, что это научное познание», пишет В.С. Степин [2, с.100]. В какой же степени экономическая компонента обсуждаемой теории имеет черты «научности»?

Из-за абсолютно субъективных и антиэкономических «ценообразующих факторов» общепринятые попытки определить численную зависимость цен от ценообразующих факторов (как причин изменения цен) в формате «причина – следствие» не приводят к цели. Как то ни странно для экономистов, ключом к решению стал философский подход. Проблему нужно решать, исходя из совершенно иных принципов: в основу анализа следует положить философский принцип, сформулированный И. Ньютоном. Он предлагал «делать заключения из явлений, не измышляя гипотез, и выводить причины из действий» («to argue from phenomena without feigning hypotheses, and to deduce causes from effects»: [7, p.344]) – в соответствии с этим анализу нужно подвергнуть сами цены, в предположении, что они неявно включают в себя все причины, т.е. ньютоновскими «действиями» является сама статистика цен. Проблеме следует перефор-

мулировать так: когда и насколько точно мы можем моделировать и прогнозировать динамику цен, исходя из достоверной статистики прошлых и текущих торгов?

Начиная с работ американских экономистов 80-х годов, задачи теории управления портфелем активов были переформулированы и применены для решения проблем планирования инвестиций в нефтегазовую отрасль. В серии моих работ, начиная с 2011 г., было показано, что вся статистика цен spot daily может быть разбита на «периоды стабильности» инвестиционного планирования, где динамика цены может быть описана второй компонентой BMS-модели – стохастическим дифференциальным уравнением Ито $dS_t = S_t(\mu dt + \sigma dw_t)$ [8] (там же все необходимые ссылки). Это – так называемая диффузионная модель Самуэльсона. В этой модели коэффициенты постоянны, но начальная и конечная точки периодов случайны – зависят от S_t , что приводит к серии BMS-моделей со стохастическими переключениями. К 2020 г. серия (с 1988 г.) разбивается на 18 периодов стабильности [9]. Параметры каждой BMS-модели, разумеется, определяются статистической оценкой по динамике реальных цен. И здесь постнеклассическая рациональность проявляется «во всей красе».

Во всех моделях физики и других естественных наук параметры (константы) законов и моделей при увеличении количества измерений будут асимптотически сходиться к этой самой константе. Классический пример – асимптотическая сходимость частоты успехов в серии Бернулли для бросания правильной монеты [10, с.13–14]: частота успехов n_1/n с ростом n быстро прижимается к прямой $y(n) = n_1/n = 1/2$.

Ничего подобного в нашей экономической модели не будет: статистические оценки параметров $a = (\mu - \sigma^2/2)$ (так называемый снос) и σ^2 (диффузия или волатильность) модели не только не сходятся к асимптоте (они колеблются в некотором диапазоне, хотя и незначительном), но и могут демонстрировать разное асимптотическое поведение. Графики на соседних периодах для сноса можно видеть в [11]. Не нужно думать, что для волатильности что-то иное (Рис. 1 и 2). Вот оно, влияние субъективной компоненты!

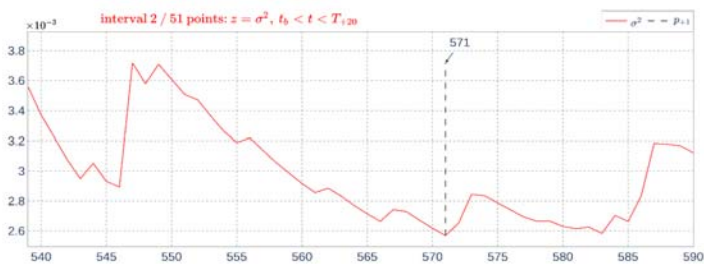

Рис.1

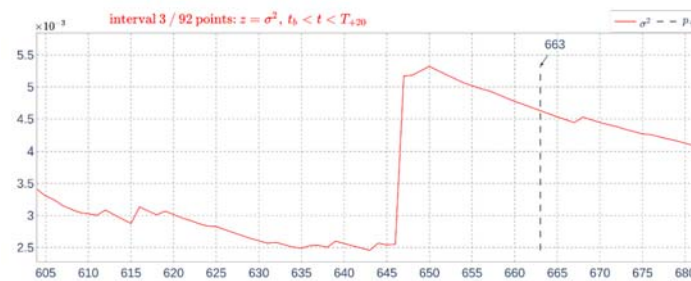

Рис.2

Но несмотря на такое «постнеклассическое» поведение фундаментальных параметров модели, удалось построить универсальный алгоритм моделирования всей известной динамики нефтяных цен с отклонением менее 9% [8]. Такой *естественнонаучный* метод решения сложной экономической задачи (а экономику, как известно, относят к гуманитарным знаниям) позволил решить несколько важных экономических задач.

При этом удается построить оптимальные функции динамики цен и планирования инвестиций, используя реальную статистику только на 17–18 процентах длины каждого периода (этот интервал называется базой), а флуктуации параметров в конце периода, порожденные субъективной компонентой, уже не оказывают влияния. Мы не будем рассматривать эти проблемы – это проблемы математической и практической экономики, а не философии.

Таким образом, тезис В.С. Степина о возможности плодотворного исследования социо-гуманитарных проблем естественнонаучными методами, что «сближает естественнонаучное и гуманитарное познание» [2, с. 102], подтверждается фактами, а не только общими рассуждениями. Но еще точнее, следует говорить о *научных* методах (а не только естественнонаучных) – математика обладает такой особенностью, что ее (те же) идеи и методы могут быть применены к самым разным предметным проблемам.

Можно ли назвать *все* познание в социально-гуманитарных знаниях научным? Разумеется, нет. В.С. Степин неоднократно пишет о вненаучных ценностях и целях, но почему-то не уделяет должного внимания ненаучным *методам*, а ведь их наличие – серьезная проблема. Далеко не все гуманитарные знания и «теории» можно назвать научными и, тем более, науками. У таких знаний нет тех самых «черт научности», которые бы объединяли их с естественными науками. В обсуждениях постнеклассических конструкций следовало бы сделать акцент не на «всех гуманитарных теориях» и «применении научных методов вообще», а на том, что тезис «методы математики и естественных наук не применимы к гуманитарным знаниям», несостоятелен. Это выбило бы оружие из рук его оппонентов. И разумнее исследовать, какая часть гуманитарной деятельности поддается строгому основательному и доказательному анализу, не отрицая а priori такую возможность. Такая трактовка подкрепляет тезис «необходимо учитывать, что жесткая демаркация между науками о природе и науками

о духе имела свои основания для науки в XIX столетии, но она во многом утрачивает силу применительно к науке последней трети XX века» [2, с.102].

Но при этом возникает еще более трудная и, быть может, важная проблема. Можно сказать, в применении к проблемам постнеклассической рациональности знаменитая фраза великого философа "Ich musste also das Wissen aufheben, um zum Glauben Platz zu bekommen" (Поэтому мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере [12, с. 24]) трансформируется в иную дихотомию. Где следует провести границу между научным познанием и ненаучными рассуждениями – куда «подвинуть» каждое с того места, если оно отводится ему не по праву? Вряд ли эта проблема имеет общее решение. Скорее, для каждого предметного знания эта граница будет меняться в зависимости от уровня научных знаний и методов в конкретном историческом контексте.

Литература

1. Степин В.С. Философия и методология науки. М:Альма Матер, 2015.
2. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М. :«Прогресс-Традиция», 2000.
3. Samuelson P.A. Maximum Principle in Analytical Economics // The American Economic Review. 1972. v.62. No.3. p.249–262.
4. Самуэльсон П.А. Принцип максимизации в экономическом анализе. Нобелевская лекция. THESIS. 1993. вып. 1 (Перевод к.э.н. Н.В.Павлова).
5. Samuelson P.A. Rational Theory of Warrant Pricing. //Industrial Management Review. 1965. Vol 6, №2. Pp.13–39.
6. Дэвис М. Линейное оценивание и стохастическое управление. М:Наука, 1984.
7. Newton, I. Opticks: or, A treatise of the reflections, refractions, inflections and colours of light. London: Printed for William Innys at the West-End of St. Paul's, 1730.
8. Жолков С.Ю. Универсальный алгоритм моделирования всей известной динамики нефтяных цен с отклонением менее 9% // Тр. Межд. конф. «Теория активных систем-2016» (ТАС-2016). :ИПУ РАН. М. 2016. С.213–17.
9. Жолков С.Ю. О возможности точного моделирования цен нефтегазовых рынков // Труды XIII Всерос. совещания по проблемам управления ВСПУ-2019 (17–20.07). ИПУ РАН.2019. С.2000–2004.
10. Боровков А.А. Теория вероятностей. М:Наука, 1986.
11. Шашев А.М. Динамика параметров в стохастических BMS–моделях для нефтегазовых рынков. // Информационные процессы. Т.22. No4. 2022. С.384–393.
12. Кант И. Критика чистого разума. М:Мысль, 1994.

Аксиологический контекст в структуре трансдисциплинарности

Зеленков А.И.

*Профессор, доктор философских наук,
Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь*

УДК 1.16.167/168

Рассмотрена проблема трансдисциплинарности, которая активно обсуждается в современной философии и методологии научного познания в качестве одной из актуальных стратегий интерпретации социокультурной детерминации науки как важнейшего социального института в динамично трансформирующемся обществе. Обосновывается приоритетность аксиологии науки как исследовательской программы, позволяющей предложить перспективную интерпретацию трансдисциплинарности в ее метаметодологическом статусе. При этом обозначается эвристическая роль концепции постнеклассической науки В. С. Стёпина.

Ключевые слова: философия и методология науки; трансдисциплинарность; аксиология науки; постнеклассическая наука; ценность; истина; метаметодология.

Axiological context in the structure of transdisciplinarity

Zelenkov A.I.

*Professor, Doctor of Philosophy,
Belarusian State University,
(Minsk, Belarus)*

Annotation. The problem of transdisciplinarity, which is actively discussed in modern philosophy and methodology of scientific knowledge as one of the topical strategies for interpreting the sociocultural determination of science as the most important social institution in a dynamically transforming society is considered. The priority of the axiology of science as a research program is substantiated, which makes it possible to offer a promising interpretation of transdisciplinarity in its metamethodological status. At the same time, the heuristic role of the concept of post-non-classical science by V.S. Stepin is indicated.

Keywords: philosophy and methodology of science; transdisciplinarity; axiology of science; post-non-classical science; value; truth; metamethodology.

1. В последние годы проблема трансдисциплинарности стала одной из самых востребованных и популярных в философско-методологическом дискурсе. И поскольку эти обсуждения и дискуссии ведутся на предпарадигмальном уровне, семантика самого термина «трансдисциплинарность» остается весьма размытой и определяется исследовательским контекстом, либо сугубо конвенциональными соображениями. По мнению Е. Н. Князевой, наиболее акцентированно трансдисциплинарный подход обнаруживает себя в теории сложности (синергетика), исследованиях будущего (futures studies), когнитивной науке.

Достаточно популярной является точка зрения, согласно которой имеет смысл выделять два существенно различных толкования трансдисциплинарности. Трансдисциплинарность Mode 1, которая означает, что понятия или методы из различных дисциплин смешиваются или «переплавляются». Что же касается трансдисциплинарности Mode 2, то она обеспечивает некоторого рода метауровень, или метаструктуру, позволяющую сочетать различные когнитивные стратегии и способы рассуждения, объединяющие теорию и практику [1, с. 12–13].

Один из основателей трансдисциплинарного направления в интерпретации современной науки и форм ее интегративного развития, румынский исследователь Б. Николеску, также считает обоснованным выделение различных версий трансдисциплинарности. Подход Б. Николеску, базирующийся на признании различных структурных уровней реальности, позволяет не только признать рациональность разделения тех смыслов трансдисциплинарности, которые обозначаются как Mode 1 и Mode 2, но и зафиксировать значимость номологического аспекта единства мира, т.е. такой его субстанциальной формы, в которой данное единство обретает закономерную природу и конститутивный статус. «Скрытое третье, имеющее отношение к уровням реальности, играет фундаментальную роль в понимании *необычного мира* (единого мира), описание которого может быть выражено понятием “космомодернити”. Реальность одновременно и едина, и множественна» [2, с. 72].

Идеи трансдисциплинарности в большинстве западных исследований, как правило, апплицируются на конкретные научные дисциплины и междисциплинарные многофакторные комплексы. Среди них особенно популярны экологические и экосоциальные объекты и их системные конфигурации. Именно в этих исследованиях рельефно просматривается необходимость не только системной параметризации различных экологических объектов, но и их взаимодействия с социокультурными факторами среды их обитания и функционирования.

Представляется, что из рассмотренных версий интерпретации сущности и функций трансдисциплинарности именно версия под условным названием Mode 2 обладает наиболее выраженным философско-методологическим потенциалом и открывает перспективы его метаметодологического понимания и использования в реальной практике интегративных исследований современной науки. А это означает, что трансдисциплинарный статус той, или иной концепции, или методологической стратегии обнаруживает себя в том случае, когда их содержание и функциональные возможности задаются не только предметно-онтологическими характеристиками исследуемой реальности, но и в обязательном порядке включают в себя факторы социокультурной размерности и лично-мировоззренческие аппликации этих социокультурных параметров.

2. Такая интерпретация феномена трансдисциплинарности позволяет рассмотреть и интерпретировать концепцию постнеклассической науки, представленную в творческом наследии В.С. Стёпина, в ее подлинно трансдисциплинарном статусе. Важнейшая особенность этой концепции состоит в том, что она вовсе не отрицает наличия у постнеклассической науки атрибутивной для научного познания как такового в его отличии от рефлексивных форм познавательной деятельности (философии, искусства, обыденного познания и др.) принци-

пиальной установки на сохранение ее предметности. Иными словами, постнеклассическая наука сохраняет важнейшую интенцию научного познания исследовать любые реальные и потенциально возможные объекты (природные, социальные, ментальные) как безусловно подчиняющиеся объективным и онтологически значимым законам их функционирования и развития. «...Наука может исследовать любые феномены жизни человека и его сознания..., но только под одним углом зрения – как особые предметы, которые подчиняются объективным законам» [3, с. 42].

В то же время сегодня невозможно отрицать факт фронтальной социализации современной науки и ее сопряжения с миром культуры, ее ценностями и духовными основаниями. Именно поэтому необходимо рассматривать научную рациональность как исторически изменяющийся феномен, и на стадии постнеклассической науки, интегрально синтезирующий в себе установки на объективно-истинное воспроизведение исследуемых явлений и их социально-ценностную интерпретацию. «...Постнеклассическая наука, – отмечает В. С. Стёпин, – создает новые ситуации социальной обусловленности научного знания и его обратного влияния на породившие его социальные процессы. Она ставит проблему нового взаимодействия внутринаучных и внеучных ценностных установок, и становится важнейшим фактором определения стратегии цивилизационного развития» [4, с. 229]. Такая системно и методологически обоснованная интерпретация постнеклассической науки открывает перспективные возможности для органичного взаимодействия науки и базирующихся на ее достижениях высоких технологий со сферой мировоззренческих универсалий и доминантных ценностей культуры.

Следует отметить, что, начиная с 60-х – 70-х годов XX столетия в постпозитивистской философии науки наблюдается заметное оживление социокогнитивного подхода к науке. В результате происходит пересмотр дуальной схемы структурной организации научного знания, и в качестве значимого ее компонента санкционируется метатеоретический уровень. Важнейшими метатеоретическими основаниями науки обозначаются такие методологические регулятивы, как парадигма, исследовательская традиция, научно-исследовательская программа, тематические структуры науки и др. Однако ни в структурном, ни в функциональном отношении эти метатеоретические концепты не были в достаточной степени эксплицированы и использовались, как правило, в качестве креативных метафор. Принципиально важно то, что в их содержании не дифференцированы собственно когнитивные моменты определенной научной дисциплины, ее методологические структуры и ценностные, социокультурные основания. Именно эта проблематика находится в центре внимания представителей той философско-методологической программы, которая условно обозначается как трансдисциплинарность в модели Mode 2. В этой интерпретации трансдисциплинарность ориентирует не просто на объединение и синтез предметных областей или методологических стратегий, характерных для отдельных научных дисциплин, а предполагает более глубокий, метаметодологический уровень интеграции и конвергентного взаимопроникновения этих дисциплин, их методов и социально-практических приложений. Весьма наглядно этот феномен об-

наруживает себя в связи с так называемой технаукой и конвергентными технологиями, которые знаменуют собой неразрывную связь между фундаментальными теоретическими исследованиями, технологическими и социальными инновациями, а также сферой базовых ценностей культуры.

3. Наименее разработанной, и в то же время принципиально важной в философско-методологических исследованиях современной науки является ее социокультурный и аксиологический компонент. Причем важно подчеркнуть, что ценностные основания современной науки должны не просто декларироваться как актуальные тренды в ее развитии и функционировании, а органично интегрироваться в «тело науки» через ее метатеоретические структуры. При этом два класса задач являются наиболее важными и приоритетными. Во-первых, необходимость системного исследования современной науки и ее амбивалентного ценностного статуса. Это означает, что сегодня востребованы не столько рассуждения о тоталитарной природе разума и репрессивной сущности науки в «обществе риска», сколько идеи социального конструктивизма, базирующиеся на научно обоснованных решениях тех проблем, которые ставит перед нами пост-современная эпоха. Во-вторых, проблема социокультурной детерминации научного познания, представленная и обоснованная в терминах и традициях этики и аксиологии науки. При этом взаимосвязь социальных и внутринаучных (когнитивных) ценностей должна рассматриваться через призму возможных форм и механизмов их философско-методологической репрезентации.

Таким образом, аксиологический акцент в активно обсуждаемой проблематике трансдисциплинарности может не только обозначить новые важные грани в ее содержании и функциональной направленности, но и стать перспективной формой конкретизации ее социокультурных проекций.

Литература

1. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015.
2. Nikolescu, B. The Hidden Third and the Multiple Splendour of Being / B. Nikolescu // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015.
3. Стёпин, В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
4. Стёпин, В.С. Человек. Деятельность. Культура. СПб.: СПбГУП, 2018.

Методология тождества и принципы управления в сложных системах.

Ибрагимов-Бамматули Х.И.

Кандидат психологических наук
Доцент кафедры менеджмент ДГУНХ
Махачкала, Республика Дагестан, Россия

УДК 167.7

В настоящее время в науке реализуется так называемая постнеклассическая парадигма. Несмотря на то, что существуют теоретические концепции содержательного описания данной парадигмы, в частности, теория сложности, в настоящее время не существует методологии и логики специфической для описания, собственно, постнеклассической, сложностной парадигмы. В прикладном аспекте это выражается в конфликте между реально существующим историческим сложностным ментальным и социальным мирами и исторически сформированными операционально-структурными формами управления.

В работе рассматривается концепция методологии тождества как логики субъектного развития и соответствующие принципы, указывающие на трансформацию операции управления в сложных системах.

Исходя из обсуждаемой концепции обсуждаются условия инклюзивного социально-экономического развития в рамках современной глобализированной миросистемы.

Ключевые слова: тождество, логика субъектного развития, принцип дополненности, принцип субсидиарности, дополненность публичного и социального администрирования.

Identity methodology and control principles in complex systems.

Ibragimov-Bammatuli Kh.I.

PhD in Psychology
Associate Professor of the Department of Management DGUNKh
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

Annotation. At present, the so-called post-non-classical paradigm is being implemented in science. Despite the fact that there are theoretical concepts for a meaningful description of this paradigm, in particular, complexity theory, at present there is no specific methodology and logic for describing, in fact, the post-non-classical, complexity paradigm. In the applied aspect, this is expressed in the conflict between the real-life post-historical complex mental and social worlds and the historically formed operational-structural forms of management.

The paper considers the concept of the methodology of identity as the logic of subjective development and the corresponding principles that indicate the transformation of the management operation in complex systems.

Based on the concept under discussion, the conditions for inclusive socio-economic development within the framework of the modern globalized world system are discussed.

Key words: identity, logic of subjective development, principle of complementarity, principle of subsidiarity, complementarity of public and social administration.

Введение: Проблема методологического описания постнеклассического сложного мира.

Главной характеристикой современного мира становится усложнение ментальной, познавательной и социальной областей жизни и все более обнаруживающаяся неспособность существующих механизмов управления контролировать текущие процессы.

Сложность становится центральным понятием современной философии. Сложность объективного мира выражалась в том, что локализация тождественности объекта вышла за пределы объекта как такового и стала связанной с субъектом познания. Ряд авторов стали обозначать это явление как включенность наблюдателя сложности в поведение объекта.

Дальнейшее развитие научной парадигмы - переход к постнеклассической парадигме привел к необходимости введения релятивизма или множественности наблюдателей. В.И. Аршинов и Я.И. Свирский [1] описывая положение наблюдателя в постнеклассической парадигме указывают, что «мы фактически имеем дело с качественно новым, постнеклассическим (В.С. Стёпин) понятием сложности, для называния которого в дальнейшем будем пользоваться термином *сложностность*».

Сложностная организация когнитивной и социальной сфер современной жизни множественность и многообразие позиций, антиавторитарная система ценностей и т.д. стала реальностью и получила позитивную оценку и общественное принятие в качестве постмодернизма.

Однако в области управления и контроля когнитивных и социальных процессов обнаруживается несоответствие сложностной реальности и актуальных методов управления и организации развития. В управленческой практике обычным явлением стали двоемыслие, метод отсроченных решений, манипулятивная практика управления, гибридные технологии и т.д. Сложностная организация современной жизни начинает восприниматься как принятие *принципиальной нетождественности* реальности. При этом становится очевидным что само управление становится фактором деструкции объективных процессов.

Очевидно, что проблема может быть решена только на основе принципиально новой методологии развития сложностных систем.

В данной работе мы рассматриваем методологию становления тождества как логику субъектного развития, которая может дать непротиворечивое описание сложностных систем и прояснить проблему механизмов контроля сложностных систем.

1. Методология тождества и логика субъектного развития.

В последнее время обнаружилось что тождество не является такой простой логикой как тавтология, а напротив является фактически логикой пространственно-временной организации субъекта - логикой субъектного развития.

В понимании логической операции тождество в настоящее время существует две линии, первая это представление тождества как *тавтологии* и, соот-

ветственно, принятия объекта как априорно данного. Вторая, представление тождества как процесса, «пути» становления тождественного, которую мы назовем *логикой субъектного развития*.

Классическая научная парадигма не дает решения данной проблемы. Классический объективный подход исходит из понятий часть и целое: часть — это объект, а целое субъект. В рамках данного подхода предполагается, что объединение частей порождает целостность. В то же время, анализируя вопрос о структурном элементе бытия, мы вынуждены признать, что объект не является структурным элементом целого. Выделение части целого в качестве самостоятельно существующего – объективация части, фактически ведет к утрате качества целого.

Девид Бом, анализируя отношения: целое и часть, пришел к выводу, что выделение части целого как мы это понимаем, в сущности, есть фрагментация. Под фрагментацией он понимает выделение такой части, которая не сохраняет идентичности целому, а является ее «обломком» [2].

Неклассическая научная парадигма, столкнувшись с тем, что тождественность объекта не локализована в объекте, а имеет нелокальный характер, была вынуждена ввести понятие наблюдателя как некое иное объекта. При этом определение сущности понятия наблюдателя остается до сего дня неясным. Является ли участие наблюдателя в процессе познания вмешательством экспериментатора или это проявление некой нелокальной или скорее инолокальной, сущности самого объекта.

В свете излагаемого заслуживают нового рассмотрения положения, изложенные А. Шопенгауэром, который в работе «О четверояком корне закона достаточного основания», основываясь на идеях Платона и Канта, указывает на необходимость равновесия при применении закона однородности и закона спецификации [3]. А также на введенное им понятие «узел мира», согласно которому тождественный субъект включает в себя как субъекта воления, так и субъекта познания: «Но тождество субъекта воления и познающего субъекта, благодаря которому (причем необходимо) слово «Я» включает в себя и обозначает то и другое, — это узел мира, и поэтому оно необъяснимо».

Иначе говоря, в акте тождества универсальная и специфические формы тождественного бытия существуют одновременно.

Согласно обсуждаемой концепции, данное положение проясняется признанием того факта, что тождество реализуется только как тождество тождественных или как сверхтождество. Следовательно, условием тождества является субсидиарное тождество.

В системе взаимодействия субсидиарного тождества и вышестоящего тождества и проявляются феномены, описываемые как влияние наблюдателя.

Становление тождества или субъектное развитие включает в себя следующие моменты и может быть описана следующим образом:

- *аутентичность,*
- *идентичность,*
- *индивидуальность,*
- *универсальность.*

Тавтология – во внешнем аспекте это априорная формальная данность как это принимается у Витгенштейна, и соответственно в формальной логике. Однако во внутреннем аспекте это аутентичность как результат *спецификации* вышестоящего тождества.

Унификация априорных тавтологий порождает идентичного субъекта. Дополнительная организация унификации и спецификации (идентичности и аутентичности) порождает «узел мира» А. Шопенгауэра или индивидуума. Субсидиарная организация индивидуума порождает универсального субъекта, который по необходимости содержит множество субсидиарных индивидуальных субъектов.

2. Принципы управления в сложном мире.

В рамках данного исследования переход к постнеклассической парадигме понимается как переход от низших форм тождества или субъектной организации: аутентичности и идентичности к высшим формам: индивидуальности и универсальности.

Принцип индивидуализации – означает что аутентичность и идентичность могут использоваться только в дополнительном комплексе. *Индивидуум* — это точка обращения унификации (идентификации) и спецификации (аутентификации).

Принцип универсальности – означает, что универсальное тождество существует только в точке перехода (универсального правопреемства) между вышестоящим индивидуумом и субсидиарными индивидуумами. *Универсум* — это точка обращения вышестоящего тождества и нижестоящего субсидиарного тождества.

В рамках постнеклассического сложного мира процесс управления преобразуется, становится обратимым и принципиально нелокальным. При этом ограничителем управления является локализация субъекта управления, а условием управления сложных систем – субсидиарное распределение (делокализация) или универсальная организация субъекта контроля (наблюдателя).

3. Условия инклюзивного социально-экономического развития в современной миросистеме.

Проблема социально-экономического развития современного общества состоит в том, что система административно-территориального управления социально-экономическим развитием, которая была сформирована в рамках парадигмы исторического развития общества в условиях трансформации динамики глобального общества и перехода к пространственному развитию глобализированной миросистемы, становится неэффективной и не способна обеспечить устойчивое инклюзивное социально-экономическое развитие.

В настоящее время, что называется по умолчанию, считается что публичное государство или система публичного администрирования вполне приемлема для управления социальным обществом и социально-экономическим развитием. Но так ли это на самом деле? Для того чтобы ответить на этот вопрос необходимо рассмотреть структуру социального общества.

Исследователи структуры социального общества указывают на различные аспекты структурной организации социального общества.

Селл Г. [4], говоря об устойчивом развитии региональных и локальных комплексов, подчеркивает значимость влияния на трансформации масштабных социально-экономических систем их средовых параметров, определяемых территориальной спецификой площадок разного уровня (подчеркнуто мной).

Суммирую вышеизложенное можно отметить, что структура социального общества по мнению ряда авторов имеет фрактальный характер, характеризуется многоуровневостью и локализуется на региональном уровне, отличном от публичного.

Соответственно возникает вопрос насколько оправданным и эффективным является публичное администрирование социально-экономического развития?

Решение проблемы устойчивого роста экономики сопряжено со структурным развитием системы управления собственностью и переходом от публичного администрирования собственностью и экономикой к субсидиарно-делегированному администрированию собственности и социально-экономического развития.

Проведенное нами исследование показывает, что система эффективного управления социально-экономическим развитием в условиях современного постглобализационного общества должна иметь структурной единицей административно-территориальный кластер, включающий единую публичную администрацию и множество (два и более) субсидиарно-делегированных социальных администраций.

Структурной единицей публичного администрирования является – *административно-территориальная единица*, в то время как структурной единицей социального администрирования является – *административно-территориальный кластер*.

Литература

1. В.И. Аршинов, Я.И. Свирский Сложностный мир и его наблюдатель // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 70–84.
2. Бом Д. «Развертывающееся значение». David Bohm. Unfolding Meaning. A Weekend of Dialogue with David Bohm, 1985. (Перевод М.Немцова).
3. Шопенгауэр А. О четверяком корне закона достаточного основания. М.: Наука, 1993. 240с.
4. Szell G. Regional and local sustainable development. International Review of Sociology. 2014. vol. 24, issue 1, pp. 4–12
5. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03906701.2014.894341>

Комплексная концептуализация модели «тройной спирали»**Каменский Е.Г.***Доктор философских наук, доцент***Маякова А.В.***Кандидат философских наук***Огурцова А.Ю.***Аспирант***Гусейнов М.А.***Аспирант**Юго-Западный государственный университет**Курск, Россия*

УДК 168.53

В статье рассматриваются междисциплинарные основания недостаточной изученности институциональных стратегий и системных противоречий реализации модели «тройной спирали» в парадигме инновационного развития Российской Федерации. Авторами аргументируется тезис о назревшей необходимости пересмотра стратегий и связей внутри спирали «государство-наука-бизнес» в целях достижения целей «Прорыва» и ответа на «Большие вызовы» Статья подготовлена при поддержке Гранта Российского научного фонда № 22-28-00662, <https://rscf.ru/project/22-28-00662/>.

Ключевые слова: тройная спираль, государство, наука, бизнес, образование, инноватизация.

Complex conceptualization of the "triple helix" model**Kamensky E. G.***Doctor of Philosophy, Associate Professor***Mayakova A. V.***Candidate of Philosophical Sciences***Ogurtsova A. Y.***Postgraduate student***Huseynov M. A.***Postgraduate student**Southwest State University**Kursk, Russia*

Abstract. The article examines the interdisciplinary grounds for insufficient knowledge of institutional strategies and systemic contradictions in the implementation of the "triple helix" model in the paradigm of innovative development of the Russian Federation. The authors argue the thesis about the urgent need to revise strategies and relationships within the "state-science-business" spiral in order to achieve the goals of "Breakthrough" and respond to "Big Challenges" The article was prepared with the support of the Grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00662, <https://rscf.ru/project/22-28-00662/>.

Keywords: triple helix, state, science, business, education, innovatization.

Современный этап социально-экономического и политического строительства в России опирается на принципы устойчивого развития в границах национальной стратегии модернизации, обобщенно позиционируемой и как «Инноватизация», и как стратегия «Прорыва», и в аналогичных по смыслу идеологемах [1]. Данная стратегия имеет парадигмальный для определения конкретных векторов модернизации статус и предполагает интеграцию всего общества, всех его институтов для достижения точек роста уже не просто устойчивого, но опережающего развития. Подобные императивы декларируются на фоне перманентно сохраняющейся тенденции догоняющей модернизации в России, что значительно усугубляет сложности реализации намеченных целей. С учетом асимметричного характера федеративного устройства страны эти проблемы актуализируются особенно остро, так как именно в специфических географических, социокультурных, политико-экономических, научных и мировоззренческих контекстах территорий необходимо создавать микроклимат генерации и реализации инноваций в глобальной антропотехносфере.

На фоне осознания сложного системного и неравномерного характера инновационного потенциала страны активно внедряются и апробируются различные модели его активизации. Наиболее отчетливо это проявляется в том, что сегодня политическая ориентация в построении платформы высокотехнологичной экономики знаний опирается на принципы установления тесного взаимодействия политической власти РФ с бизнес-сообществом и университетами [2]. Здесь последние должны обеспечить власть и бизнес результатами научно-образовательной деятельности, а те в процессе формулирования такого запроса обеспечить вузы надлежащей ресурсной базой. Такой тип институционального взаимодействия как платформы генерации, внедрения и коммерциализации инноваций в теоретическом дискурсе преимущественно описывается моделью «тройной спирали» [3] или, по крайней мере, фактически ей полностью соответствует как в практическом, так и в концептуально-философском смысле.

Многочисленные исследования отдельных аспектов реализации «спиральной» модели на протяжении последнего десятилетия говорят о ее низкой эффективности на фоне высокой затратности. Примерами этому могут служить повсеместно тиражируемые невысокие макро-показатели развития экономики, повышение уровня бедности населения при пропорциональном росте процента граждан с высшим образованием, неудовлетворенность ППС вузов образовательной реформой, бизнес-сообщества качеством выпускаемых специалистов, а самими выпускниками несоответствием квалификации потребностям рынка и общей ситуацией с безработицей, и аналогичными показателями. Подобные тенденции вновь подтверждают риски догоняющего характера российской модернизации.

В свете такой ситуации одним из путей создания интегративных институциональных площадок «государство – бизнес – образование» в России стала модель предпринимательского университета, распространяемая в отечественной высшей школе. Отметим, что такой подход удовлетворяет требованиям

междисциплинарных принципов постнеклассической методологии построения сетевого взаимодействия обобщенных субъектов «тройной спирали» в идеологемах «цифровизации» технологической платформы Индустрии 4.0 сугубо теоретически и, преимущественно в границах концепта «Университета 3.0» Й. Уисемы, фактически активно внедряемого в стране [4]. При этом многочисленные эмпирические исследования, официальная статистика на уровне национальных, зарубежных и международных независимых исследований говорит о нерепрезентативности подобных теоретико-методологических конструктов на современном этапе российской модернизации. Это подчеркивает пилотный характер подобного рода проектов.

Наряду с этим требованиям современных реалий не удовлетворяет позиционирование образовательного кластера в границах «Университет 3.0». Государство нацелено на экономический прорыв, и стратегию «Прорыва» надлежит реализовать именно симбиозу государства, науки (образования) и бизнеса, поэтому ключевая ставка сделана именно на успешное выполнение всех задач «тройной спирали». Более того, активно реализуемая в стране программа-гигант «Приоритет 2030» направлена именно на катализацию всех процессов внутри и вне «тройной спирали»: формируются университеты совершенного нового типа управления; организуются консорциумы, в состав которых входят субъекты образования, науки, бизнеса, государственного и муниципального управления; вводятся новые форматы обучения и направления подготовки, синтезирующие фундаментальные основы образования и прикладные аспекты обучения «на местах»; оцениваются показатели КРП в совокупности всех политик развития – образовательной, научной, экономической, социальной, воспитательной, инфраструктурной, кампусной и т.д. [5] Таким образом, на федеральном уровне отчетливо видно понимание необходимости стремительного переворота институциональных блоков на пути реализации «Прорыва» и ответа на «Большие вызовы» цифровой антропотехносферы.

Бурный рост бизнес-ориентированных структур в вузах России когерентен аналогичным процессам в европейских странах, что может объясняться в течение последних лет, предшествующих современной геополитической ситуации, стремлением политического руководства страны осуществить цель ее интеграции в мировое пространство цифровой экономики и высоких технологий, где институциональное взаимодействие власти, науки и бизнеса территорий также позиционируется основным аргументом успешной «инноватизации». Однако на текущий момент говорить о каких-либо результатах слишком рано, поскольку введение глобальных проектов, направленных на развитие связей внутри и вне границ «тройной спирали», начало реализовываться совсем недавно. Скорее их можно наделить статусом пилотных программ, которые будут модифицироваться ни один раз в процессе их реализации.

Таким образом, методологическая и научная значимость, социальная актуальность проблемы недостаточной изученности институциональных стратегий и системных противоречий реализации модели «тройной спирали» в парадигме инновационного развития Российской Федерации на федеральном и региональном уровне реализации «спиральной» модели является бесспорной. Це-

лесообразность комплексного исследования данной проблемы обусловлена именно стратегией «Прорыва», которая так неоднозначно была воспринята научным сообществом и обществом в целом. Однако необходимость пересмотра существующих взаимосвязей государства, науки и бизнеса не столько нужна, сколько необходима. В противном случае, российская модернизация имеет риски приобрести не догоняющую, а отстающую характеристику.

Литература

1. Слепухин В.Г. От стратегии устойчивого развития к стратегии прорыва // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. №5. С. 13-20.
2. Гительман Л.Д., Сандлер Д.Г., Кожевников М.В., Третьяков В.С. Технологическая платформа как инструмент преобразований научно-образовательной деятельности в университете. Университетское управление: практика и анализ. 2015. №4. С.31-42.
3. Каменский Е.Г., Маякова А.В., Огурцова А.Ю., Плякин А.С. Модель «тройной спирали» в России: теоретические заметки к вопросу синергии институциональных социокодов // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2022. – № 3. – С. 53-62.
4. Парфирова А.А., Крюкова А.А. Анализ концепции «Университет 3.0» и ее роль в современном мире // Синергия наук. – 2017. – № 16. – С. 321-326.
5. Каменский Е.Г., Маякова А.В., Огурцова А.Ю., Плякин А.С. Нормативное и программное обеспечение модели «тройной спирали» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 187–198.

**Фактор парадоксальности в проведении предельного опыта
в сфере культурных практик, по следам В.С.Степина**

Киященко Л.П.

доктор философских наук
Институт философии РАН
Москва, Россия

УДК 02.31

В.С. Степин изложил мягкий алгоритм перехода между многообразием оппозиций в триединстве классики-неклассики-постнеклассики, которое в наши дни принимает форму проблемного комплекса, интегрирующего соотношения общезначимого и особенного, фундаментального и практического в порождении инновационного. В основе указанного подхода, по нашему убеждению, может лежать опыт философии трансдисциплинарности, опыт преодоления пределов. Исследовательская парадигма последнего исходит из парадоксальной установки, выявления интервала между двумя пределами: «бытия в становлении и становления в бытии». В статье поставлена задача рассмотреть, как в живом опыте проведения реальных исследований, происходит сочетание несовместимого, представить диалектику противоположных начал в проведении предельного опыта через многообразие условий становления и преодоления (с сохранением) антиномичности феномена рассматриваемого опыта. Оптика отслеживания "разрешения" антиномий в современной философии наук, как проекция культурных практик может быть выражена на примере самоорганизации и саморегуляции сложных систем гибридной естественно-социогуманитарной реальности, сочетающей в модусе дополнительности ее значения и ценности, что лежало в основе подхода В.С. Степина [1, с. 619-636]. Формы выражения предельного опыта во взаимосвязи (сетевым образом) онтологических и методологических предпосылок через полимодальность постнеклассической рефлексии могут быть замечены в единстве множественных культурных практик. Сфера, объединяющая тождество противоположностей, формирует многоликую двойственность опыта преодоления пределов с порождением вновь возникающих пределов для их преодоления.

Ключевые слова: культурные практики, предельный опыт, парадокс, противоположности, постнеклассическая рефлексия.

**The paradoxical factor in carrying out the ultimate experience
in the field of cultural practices, in the footsteps of V.S.Stepin**

Kiyashchenko L.P.

Dsc in Philosophy
Institute of Philosophy RAS
Moscow, Russia

Abstract. V.S. Stepin outlined a soft algorithm for the transition between the variety of oppositions in the trinity of classics-non-classics-post-non-classics, which nowadays takes the form of a problem complex integrating the ratio of the generally

significant and special, fundamental and practical in the generation of innovation. The basis of this approach, in our opinion, is the experience of the philosophy of transdisciplinarity, the experience of overcoming limits. The research paradigm of the latter proceeds from a paradoxical attitude, revealing the interval between two limits: "being in becoming and becoming in being". The article aims to consider how in the live experience of conducting real research. There is a combination of incongruous, to present the dialectic of opposite principles in conducting ultimate experience through a variety of conditions for the formation and overcoming (while preserving) the antinomian phenomenon of the experience in question. The optics of tracking the "resolution" of antinomies in modern philosophy of sciences, as a projection of cultural practices, can be expressed by the example of self-organization and self-regulation of complex systems of hybrid natural-socio-humanitarian reality, combining in the mode of complementarity its meaning and value, which was the basis of V.S.Stepin's approach. The forms of expression of the ultimate experience in the interconnection (in a network way) of ontological and methodological prerequisites through the polymodality of postnonclassical reflection can be seen in the unity of multiple cultural practices. The sphere that unites the identity of opposites forms a multifaceted duality of the experience of overcoming limits with the generation of newly emerging limits to overcome them.

Keywords: cultural practices, ultimate experience, paradox, opposites, postnonclassical reflection.

Вступление. Занятие философией может начаться с удивления, но вскоре оно неизбежно приводит к дилеммам и замешательству. Ответы, которые люди склонны давать на одни вопросы, противоречат ответам, которые они дают на другие вопросы. Мы стараемся решить проблемы наиболее прямым путем, но решения, годящиеся для одних проблем, часто не согласовываются с удачными решениями других - возникает противоречие. Стремление избежать подобных дилемм и замешательств и есть основной двигатель философских инноваций, считает Николас Решер. Термин апория с греческого переводится как (а) недостаток в чем-то; (б) безвыходность, затруднительное положение; (с) сомнение, недоумение. Решер уточняет данное понятие, понимая под апорией группу утверждений, каждое из которых в отдельности является вероятным, но, будучи собраны вместе, они противоречат друг другу [2, 173-178]. Складывается ситуация предельного опыта. «Ситуации предельного опыта могут возникнуть при решении проблем, которые заведомо не имеют окончательного или однозначного решения, возникая из разрыва между возможным и действительным, сущим и должным (моральные проблемы, например), создавая вариант гетерогенной онтологии. Экзистенциальные ситуации, в основании которых лежит, согласно Кьеркегору и Хайдеггеру, феномены страха как своего рода "априорного чувства" (возможность такого подхода заложена уже в учении Канта об априорных формах чувственности) являют собой условия предельного опыта» [3, 47] Понятие «предельного опыта» возникает тогда, когда «опыт, достигающий границ расширения или сужения, становится аномальным, необычным» [3, 48].

Принцип противоречия - эвристический ресурс парадоксальности.

Принцип противоречия, в том виде, в каком обычно его излагают, указывает на недопустимость одновременного утверждения (в рассуждении, в тексте или в теории) двух суждений, из которых одно является прямым отрицанием другого. Важно, что этот принцип характеризует особый тип противоположности, исключающей всякую возможность синтеза противоположных сторон (*contradictorie oppositum esse*). Поэтому принято считать, что отвергаемый им (принципом) факт противоречия создает парадоксальную ситуацию и указывает на неблагоприятие в исходных допущениях рассуждения или в ходе самого рассуждения. [4, 148] Итак, «идея интервала абстракции – это идея философского осмысления онтологических и гносеологических предпосылок не универсальности (но не познавательной значимости) абстрактных моделей», призывающих к решению парадоксальности.

Парадоксальность – амбивалентность множественных моделей дискурсивных практик в философии науки, как проекция культурных практик.

В практике познания, снятии не подлежащего снятию, момент подобной трансценденции мысли проявляется в том, что она, будучи микрологией, использует исключительно макрологические средства. Требование обязательности системы есть требование наличия модели мышления. Эти модели не являются по своему типу монадологическими. Модель постигает особенное, не растворяя это особенное в его более общем понятии. Мыслить философски означает мыслить так же, как мыслят моделями; негативная диалектика – это ансамбль модельных анализов. [7, 26] Ансамбль модельных анализов, который синергетически выстраивает приоритеты в диалоге, оспаривая их значимость при достижении контингентного договора в процессе коммуникации, возможен в практике трансдисциплинарного подхода в современной философии науки [8].

Апоретика граничных высказываний в культуре по форме и по содержанию. «Понятие "парадокс" (по форме) означает в греческом языке высказывание, противоречащее "доксе", т.е. господствующему, общепринятому мнению, ожиданию. Поскольку такое противоречие озадачивает, в античных риториках происходит отождествление парадокса с неожиданным, чудесным, странным. Уже Аристотель определяет парадокс не только как "высказывание вопреки общему мнению, но также и как высказывание, "противоречащее прежде пробужденному ожиданию".

Помимо такого формального определения, Аристотель говорит о "парадоксе" также и в другом, чрезвычайно важном контексте. Речь идет о переломе (перипетии), когда то, что по всей логике действия ведет к одному, приводит — тем же необходимым путем, а потому и против ожидания (ожидания обособленного, сложившегося в "доксу", в образ видеть и понимать) — к «перемене делаемого в свою противоположность» [5, 17],

Апория в ракурсе интервальной ситуации в дискурсивной практике

С нашей точки зрения очень четко о ситуации парадоксальных суждений представлено в понимании ее как универсальной интервальной диспозиции. «Если интервальная концепция познания верна, то в общей картине мира при-

дется отказаться от привычного «идеала порядка». В общем случае, мы не можем говорить об «интервальной реальности» как упорядоченной структуре в математическом смысле термина «порядок». Если же мы хотим сохранить термин «структура», то с большой вероятностью следует ожидать структуру с «испорченным порядком». Пользоваться для ее характеристики такими понятиями, как «иерархичность», «симметрия» и пр. следует с большой осторожностью. Интервальная структура, вообще говоря, не моделируется кристаллической решеткой, хотя в локальной области порядок, конечно, возможен. Таким образом, отправляясь от чисто логической (а не физической) точки зрения, интервальный подход *mutatis mutandis* оказывается в общем круге идей, провозглашенных синергетикой» [6, 15].

Интервальный подход – как способ измерения парадоксальности в культурной дискурсивной практике. «В рамках интервального учения человек рассматривается как многомерный и многоуровневый феномен. При этом все отдельные картины отнюдь не сливаются в каком-то одном обобщенном полотне, а образуют сложно иерархизированную «голографическую» модель, в которой каждый интервал рассмотрения претендует на свою, хотя и ограниченную, но «законченную в себе» истину о человеке. Отдельные «образы человека» не исключают, а дополняют друг друга, если мы научились фиксировать границы их адекватной применимости, а также концептуальные способы перехода от одного образа к другому. В результате любая частная перспектива видения человека в такой же степени оправдывается, в какой и отвергается в силу неизбежной абсолютизации своего ракурса рассмотрения» [9, 35-36].

Апоретика границ парадоксальности в культурных практиках

Неопределенность (двойственность) и амбивалентность (взаимооборачиваемость) можно рассматривать как свойства, которые составляют некую качественную мощностность самой по себе границы. Следовательно, феномен границы находит свое отражение в тех социокультурных явлениях, которые отражают природу двойственности и амбивалентности к таковым относятся дискурсивные практики в культуре.

Культура «вся расположена на границах» и «каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ он (культурный акт) теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [10, 282].

Ресурс развития культуры- через смысловое «разрешение» парадоксальность культурных практик.

Апории ставят перед необходимостью выбора между альтернативами, которые могут уменьшить количество противоречий, но никогда не могут их снять полностью. Интервальная ситуация понуждает сделать творческий выбор, но не решение (в смысле окончательного решения). «Где бы мы ни повстречались с апоритическим кластером, всегда имеется множество решений. Противоречия, возникающие на почве чрезмерного количества заключений, могут быть решены отбрасыванием любого из нескольких утверждений, так чтобы всегда можно было найти альтернативный, следующий шаг в решении противо-

речий, перепроверяя творческий потенциал ответственно поступающего в ситуации парадоксальности личности [2, 179].

Литература

1. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
2. Решер Н. О «методе апорий» в философии // Мысль и искусство аргументации. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 173-190.
3. Касавин И.Т. К понятию предельного опыта // Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.: РХГИ, 1999. С. 388-400
4. Новоселов М.М. Аргументация и непротиворечивость // Мысль и искусство аргументации. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С.145-172.
5. Ахутин В.В. Парадоксы культурологии // В перспективе культурологи: повседневность, язык, общество. М., 2005, С.10-47.
6. Новоселов М.М. Абстракция в лабиринтах познания. Логический анализ. М.: Идея-Пресс, 2005. 352 с.
7. Адорно Т. В. Негативная диалектика. 1966. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
8. Киященко Л.П. Когнитивная инновация в фокусе философии трансдисциплинарности // Знание. Понимание. Умение, 2012, №2, С.24-32.
9. Лазарев Ф.В., Литтл Брюс А.. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. Симферополь: СОНАТ, 2001. 261 с.
10. Бахтин М.М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Собр. соч. Т. 1. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2003.

Перспективы концепции интуитивного права в постнеклассический период

Кравец А.В.

Магистр (40.04.01 Юриспруденция)

Аспирантура ИФ РАН

Москва, Россия

УДК 740

В постнеклассический период цифровые технологии еще более сакрализуют право, правовые советы индивидуального цифрового помощника трансформируют интуитивное право.

Ключевые слова: позитивное право, интуитивное право, искусственный интеллект, цифровое общество.

Prospects for the concept of intuitive law in the post-nonclassical period

Kravets A.V.

Master (40.04.01 Jurisprudence)

Postgraduate studies at the RAS Institute of Philosophy

Moscow, Russia

Annotation: in the post-non-classical period, digital technologies further sacralize law, the legal advice of an individual digital assistant transforms intuitive law.

Keywords: positive law, intuitive law, artificial intelligence, digital society.

Древнеримскому правоведу Цельсу принадлежит выдающееся определение "ius est ars boni et aequi" [1, с.61] (Право — искусство добра и справедливости). Редкое юридическое определение отличается такой лаконичностью, красотой слога и даже некоторой универсальностью. Стремление человека структурировать норму права с учётом идей добра и справедливости является тем универсальным компонентом, позволяющим сделать предположение, что всякая норма права переживала момент, когда хотя бы один человек признавал её справедливой и согласующуюся с представлениями о добре.

Предположение, претендующее на универсальность, о том, что идеи добра и справедливости имплицитно заложены в закон, не согласуется с реальностью, как известно далеко не каждый закон справедлив, а некоторые и вовсе можно охарактеризовать как негуманные по отношению к определенному человеку и или группе.

Обозначенная проблема оценки нормы права, когда в обществе разные группы придерживаются противоположных точек зрения на закон, является столь же древней, как и само право. Причина разночтения закона кроется в природе актора, уполномоченного издавать закон. Не вызывает сомнения, что актор, равно как любое иное живое создание, перманентно стремится к своему субъективно воспринимаемому благу. Очевидно, что благо для одного не всегда является таковым для другого. Причины недовольства законом могут быть различными, но, обычно, почвой для негодования выступает субъективное чувство несправедливости. Иными словами, недовольные законом члены общества искренне убеждены, что нормой права *нарушен баланс интересов*, прав, обязанностей в обществе. Искренне убеждения одной группы общества противопоставляются искренним убеждениям другой группы, где каждая сторона противоборства располагает арсеналом тезисов, формирующих вокруг своей группы "информационный пузырь". Искреннее убеждение индивида в справедливости своих притязаний является своеобразным перводвигателем, запускающим социально-правовые процессы в обществе.

Искреннее убеждение индивида в умаление его прав как психологическая реакция, возникшая в ответ на социальное явление, обладает мощной социально преобразующей силой, вместе с тем измененный общественный уклад влияет на мировоззрение индивида, тем самым изменяет условия и основания для возникновения ответной психической реакции виде искренней убежденности в умалении права (например, в конце XVIII века чувство убежденности в естественном равенстве прав всех граждан стало причиной Великой французской революции, а в начале XXI века в странах с развитым правопорядком стало формироваться убеждение, что доступ к интернету является неотъемлемым правом человека).

Вячеслав Семенович Стёпин, сравнивая культурно-генетический код общества с генами в биологических организмах, приходит к выводу, что изменённый культурный код изменит общество подобно тому, как генетический код изменит живое [3, с.91]. Условия окружающей среды являются одним из факторов, влияющих на изменение культурного и генетического кода.

Понимание права как социокультурного феномена, постоянно пребывающего в состоянии трансформации из-за непрерывного влияния внешней среды, способствует постижению и принятию законоположений прошлых эпох. Восприятие даже самого жестокого закона как неотделимой части культуры соответствующего исторического периода является необходимым условием для анализа современной нормативной базы на предмет выявления негуманных законоположений. Примером потенциально негуманного закона может послужить сформировавшийся подход в экологическом праве, а именно: объекты окружающей среды не обладают правосубъектностью, что пока соответствует культурному коду общества. Вместе с тем, учитывая нарастающую популярность экологической повестки, можно предположить трансформацию представления общества по этому вопросу, иными словами, на законодательном уровне, природа будет восприниматься субъектом, а не объектом.

Трансформация культурного кода может приводить не только к изменению законодательной базы, но и к переосмыслению ранее принятых законов. Переосмысление нормы права без внесения изменений в содержание закона, как ответ на изменившуюся социально-правовую ситуацию, объясняется очевидной целью письменного права – закрепить содержание закона.

Показательно воплощение идеи добра и справедливости в Декларации независимости США (1976), где провозглашается: "...все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода..." [2, с.25]. С точки зрения современной общественной морали идея всеобщего равенства и свободы не вызовет нареканий. Вместе с тем на этапе принятия декларации в общественном сознании не усматривался острый конфликт между идеей равенства прав и социальным институтом принудительного труда рабов. Вероятно, экономический аспект принудительной эксплуатации рабов в некоторой степени снимали этические противоречия.

Накопленный исторический опыт развития общества и права, позволяет выстроить гипотезу дальнейшего развития права в цифровую эпоху.

Усложнение общественных отношений цифровыми технологиями неминуемо отразится на развитии права, по поводу чего Талия Ярулловна Хабриева предполагает, что обществом может пойти по пути сакрализации права или его интуитизации [4, с.267].

Сакрализация права подразумевает под собой усложнение правовых конструкций, юридического языка до такой степени, что сделает право недоступным для обычного человека, не обладающего специальными познаниями в правовой сфере. В значительной степени уже сегодня можно констатировать факт сакрализации права, среднестатистический человек не способен корректно воспринять смысл многих законоположений, которыми регулируется его жизнь, на-

пример, положения налогового кодекса. Усложнение права (признак сакрализации) объясняется усложнением общественных отношений.

Идея интуитизации права принадлежит Льву Иосифовичу Петражицкому.

Согласно его подходу, право подразделяется на позитивное (официальное) и интуитивное (неофициальное) [5, с. 377]. При этом автор отмечает, что наиболее эффективно исполняется закон одновременно являющейся позитивным и интуитивным, т.е. закон принятый государством в соответствии с представлениями граждан.

Концепт позитивного права был позаимствован из ранее широко распространенного деления права на позитивное и естественное.

Заслуживает внимания теория Природного происхождения права "ius naturale" (естественное право), впоследствии происхождение права приписывалось Богу, Объективной воле и т. п. Например, в ранее упомянутой Декларации независимости США, свобода признается неотчуждаемым правом, что является отсылкой к теории естественного права. В настоящее время некоторые идеи из теории естественного права не утрачивают своей актуальности. Регулярно апеллируют к теории естественного права при обсуждении вопроса о праве государства распоряжаться телом гражданина (принудительное вакцинирование) во время пандемии.

Позитивное право первоначально рассматривалось как несовершенное, изменчивое, принятое людьми. Впоследствии значение позитивного права преимущественно стало сводиться к одному признаку – официально зафиксированное право. Федеральный закон обязывающий гражданина заботиться о сохранении своего здоровья относится к позитивному праву [6].

В дихотомии права Петражицкого Л.И. естественное право заменяется интуитивным правом. Если отправной точкой для позитивного права является вступление правового акта в законную силу, то для естественного права отправным моментом являются императивно-атрибутивные переживания индивида без ссылок на посторонние авторитеты [5, с. 149]. Интуитивное право формируется у человека под действием среды, поэтому допустимо говорить об интуитивном праве определенной группы людей, объединённых по какому-либо признаку (семья, рабочий коллектив, фанаты спортивной команды, члены преступной группы и т. п.). Профессиональная деятельность может значительным образом "перепрограммировать" интуитивное право человека, например, люди соприкасающейся судебной системой рассматривают многие бытовые ситуации иначе, чем члены его семьи. Профессиональной трансформацией интуитивного права правоведов отчасти объясняется сакрализация права, поскольку процесс интерпретации норм права также зависит от внутрличностных установок интерпретатора. В профессиональной юридической среде высоко ценится так называемая "юридическая интуиция", это способность интерпретировать норму права так, как, вероятнее всего, она будет интерпретирована судом, для чего интерпретатор должен знать не просто относимые законы и судебную практику, но еще и правовую интуицию судебного корпуса.

Сращивание общественных отношений с цифровыми технологиями усложняет структуру общества. Цифровое общество не сможет нормально функ-

ционировать на основании законов традиционного общества, поэтому фундаментальные основы права будут неизбежно меняться, правовые нормы будут усложняться, что потребует от правоведов повышения уровня знаний, компетенции и неизбежной коррекции своей профессиональной правовой интуиции, что еще более отдалит профессиональное понимание закона от обывательского представления.

Сакрализация права является закономерным процессом, адекватной реакцией на развитие социума, общество не может существовать без законов, но и законы вне общества утрачивают надобность.

Еще одним препятствием на пути развития интуитивного права, как основного механизма регулирования правоотношений, является отсутствие у значительной части населения навыков логического мышления, что подтверждается социологическими исследованиями:

В 2010 году были представлены результаты исследования уровня усвоения приемов логического мышления студентов-медиков (100 человек, среди которых: 40% имели отличную успеваемость, 45% — хорошую и 15% — удовлетворительную) факультета фундаментальной медицины МГУ имени М.В. Ломоносова, согласно которым: "процент ошибочных ответов студентов варьировал в пределах 30–96% в зависимости от задания" [7, с.125]. Немаловажным будет заметить, что задания были сравнительно простыми, не требующих специальных познаний.

В другом исследовании была определена динамика развития критического мышления студентов-лингвистов 1 и 4 курсов кафедры прикладной лингвистики гуманитарного факультета Ульяновского государственного технического университета. Согласно результатам, опубликованным в 2018 году, больше половины студентов имеют низкий уровень критического мышления (1 курс 63%, 4 курс 53%) [8, с.89]. При определении уровня критического мышления учитывалась способность респондента логически мыслить.

Общество, в котором не сформировалась культура соблюдения законов правильного мышления, не сможет выстраивать бесконфликтные социальные связи на основании интуитивного права, в этом случае применимо писаное (позитивное) право.

Условной альтернативой интуитивному праву может выступить гибрид интуитивного права и технологии искусственного интеллекта. Уже сейчас разрабатывается технология индивидуального помощника на базе искусственного интеллекта, которая будет консультировать человека по различным вопросам [9]. В этом случае, учитывая неизбежность процесса сакрализации права, человек, принимая советы цифрового помощника на веру, будет совершать юридически значимые действия.

Иными словами, вероятно, в постнеклассический период правовой совет индивидуального цифрового помощника будет провоцирующим фактором в ответ, на который возникнет императивно-атрибутивное переживание индивида.

Литература

1. Дождев Д.В. Ars boni et aequi в определении Цельса: право между искусством и наукой // Труды Института государства и права РАН. 2016. №4 (56) С. 61
2. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / Пер. с англ. Сост. В. И. Лафитский. Под ред. и со вступ. ст. О. А. Жидкова. М.: Прогресс, 1993. 765 с.
3. Стёпин В.С. Идея права как социокультурный феномен. В кн.: Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов Российской академии наук / Под ред. А.Н. Савенкова. М.: ИГП РАН, 2019. С. 93—112.
4. Хабриева Т.Я. Технологические революции и их проекция в праве // Вопросы истории. 2022. №1-1. С. 256—271.
5. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Санкт-Петербург: Лань, 2000. 606 с.
6. Пункт 1 статьи 27 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации".
7. Сивакова О.В. Уровень сформированности логического мышления студентов-медиков // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2010. №. 3. С. 125 —138.
8. Старостина Н.Н. Динамика развития критического мышления студентов // Современные проблемы психологии и образования: в контексте работы с различными категориями детей и молодежи. М.: МИТУ-МАСИ, 2018. С. 86 — 89.
9. Gates B. The Age of AI has begun // Gatesnotes. 21 march 2023. URL: <https://www.gatesnotes.com/The-Age-of-AI-Has-Begun> (дата обращения: 08.05.2023).

Гомеопатический метод познания как пример постнеклассической модели рациональности Крылатова В.В.

Магистр философии, культуролог, психолог.
ООО «Остео плюс», Российское гомеопатическое общество
Москва, Россия

УДК 141.201

На рубеже 17-18 веков, в период Нового времени, Г. В. Лейбниц сформулировал свою «Монадологию», модель рациональности, утверждающую и доказывающую необходимое единство духовного, метафизического и физического уровней существования универсума. Уже в то время такое понимание мироустройства позволило Лейбницу сделать ряд открытий, которые легли в основу формирования нового этапа развития фундаментальной и прикладной наук. Так, уже в 18 веке Самуил Ганеман оценил значимость малых и бесконечно малых частиц и сформулировал метод лечения – гомеопатию, которая вот уже более двух столетий эффективно применяется в лечении различных заболева-

ний. Сегодня, метафизическая картина мира, описанная Лейбницем в «Монадологии», нашла отражение в постнеклассической модели рациональности, определение которой дал В.С. Степин, классик мировой философии науки. Вячеслав Семенович ввел понятие «сложных саморегулирующихся систем, которые можно рассматривать как устойчивые состояния еще более сложной целостности - саморазвивающихся систем, которые характеризуются открытостью, обменом веществом, энергией и информацией с внешней средой». Лейбниц называет подобные системы – монадой, утверждая при этом закрытость монады друг для друга. Главным условием взаимодействия монад является Творец. Это кажущееся противоречие успешно решается в гомеопатической модели познания, которая сегодня становится все более привлекательной в силу целостности ее теоретических основ, обширному эмпирическому материалу, а главное, возможности эффективно лечить.

Ключевые слова: гомеопатия, метафизика, постнеклассическая модель, рациональность, гомеостаз, динамизация, прувинг, синергия.

Homeopathic method of cognition as an example of a post-non-classical model of rationality.

Krylatova V.V.

Master of Philosophy, culturologist, psychologist.

Osteo Plus LLC, Russian Homeopathic Society

Moscow, Russia

Annotation: At the turn of the 17th and 18th centuries, in the period of the New Age, G. W. Leibniz formulated his "Monadology", a model of rationality that affirms and proves the necessary unity of the spiritual, metaphysical and physical levels of the existence of the universe. Already at that time, such an understanding of the world order allowed Leibniz to make a number of discoveries that formed the basis for the formation of a new stage in the development of fundamental and applied sciences. So, already in the 18th century, Samuel Hahnemann appreciated the importance of small and infinitely small particles and formulated a method of treatment - homeopathy, which has been effectively used in the treatment of various diseases for more than two centuries. Today, the metaphysical picture of the world described by Leibniz in Monadology is reflected in the post-nonclassical model of rationality, which was defined by V.S. Stepin, a classic of world philosophy of science. Vyacheslav Semenovich introduced the concept of "complex self-regulating systems that can be considered as stable states of an even more complex integrity - self-developing systems that are characterized by openness, exchange of matter, energy and information with the external environment." Leibniz calls such systems a monad, while asserting that the monad is closed to each other. The main condition for the interaction of monads is the Creator. This seeming contradiction is successfully resolved in the homeopathic model of cognition, which today is becoming more and more attractive due to the integrity of its theoretical foundations, extensive empirical material, and most importantly, the ability to effectively treat.

Keywords: homeopathy, metaphysics, post-nonclassical model, rationality, homeostasis, dynamization, proving, synergy.

Современные философия и философия науки – это, по сути, единое целое. Действительно, сегодня уровень инклюзивности прикладных знаний настолько высок, что мы наблюдаем их присутствие в повседневной жизни человека практически повсеместно.

Вячеслав Семенович Степин стал одним из первых в отечественной философии, кто сформулировал процесс слияния прикладного и гуманитарного знаний в единую картину постнеклассической модели рациональности. Основа этой модели – необходимая синергия всех уровней существования человека: духовного, метафизического и физического. Каждый из этих уровней является важным и определяющим, без которого невозможно построить эффективную модель рациональности.

На рубеже 17-18 веков, в период Нового времени, такую модель рациональности сформулировал Г.В. Лейбниц, постулировав единство духовного, метафизического и физического. Уже тогда подобная синергия стала основой целого ряда значимых открытий в различных областях науки, а важность многих из них мы оценили только спустя несколько столетий. Но медицина, которая всегда находится в авангарде науки, сталкиваясь с проблемами выживания человека как вида, и обязанная находить эффективные решения, уже в 18 веке впитала в себя простоту, красоту и значимость малых и бесконечно малых частей или доз. Меньше столетия прошло, и модель рациональности Г.В. Лейбница явилась в одной из наиболее эффективных, дешевых и безвредных методов лечения – гомеопатии. И сегодня уже не кажется удивительным, что самым известным в мире российским теоретиком и популяризатором гомеопатии был Семен Николаевич Корсаков, который первым в истории человечества описал принцип хранения, обработки и передачи информации, а, в последствии, и реализовал, создав первые в мире вычислительные машины. Еще совсем недавно перфокарта была самым распространенным носителем информации, и именно Корсаков ее изобрел! Опять мы наблюдаем синергию гуманитарного и прикладного знаний!

Итак, сформулированная С. Ганеманом, гомеопатическая модель познания – это такая форма изучения универсума, которая совмещает как диалектический, так и метафизический подходы, а также использует возможности эмпирического и теоретического уровней научного знания.

Гомеопатическая модель познания рассматривает человека, как цельное существо, сочетающее личностные духовно-нравственные качества с непосредственным взаимодействием с социумом и окружающей средой, природой. Как результат – соблюдение гомеостаза, динамического равновесия, которое обеспечивает полноценное здоровье человека. В свою очередь, «болезни не являются и не могут быть механическими или химическими повреждениями материальных субстанций и не зависят от материального болезнетворного вещества, но являются лишь духовным динамическим расстройством жизни», «подобным страданием» или гомеопатией.

Самуэль Ганеман отмечал, что причиной болезни человека является «враждебный» духовный фактор, который, подобно инфекции, нарушает духовный принцип жизни человека, вызывая определенные недомогания».

Опираясь на понимание целостности и неделимости природных существ были выработаны соответствующие методы их изучения и алгоритмы воздействия. Например, «гомеопатическая динамизация – истинное пробуждение в натуральных веществах лекарственных свойств скрытых, когда это вещество находится в необработанном состоянии» писал Ганеман в 1839г. Гомеопатическое приготовление лекарственного средства (потенцирование) – это развитие мощности, или силы, скрытой в первоначальном грубом состоянии вещества. Посредством последовательного разведения и кавитации исчезает материальный состав вещества – высвобождается энергия – проявляется метафизическое тело исследуемого объекта. Инициализация полученной информации происходит посредством воздействия на человека. Такой метод исследования в гомеопатии называется прувинг.

Наличие обширного верифицированного эмпирического материала позволило создателю гомеопатического метода С. Ганеману сформулировать идею, которая раскрывает наиболее глубокие, существенные связи и закономерности, формирует теории и законы, оставляя возможность выдвижения гипотез в рамках гомеопатической модели познания.

Гомеопатическая модель познания включает в себя изучение различных природных веществ и явлений для дальнейшего использования их в лечебной практике. Под природными веществами понимается вся совокупность объектов окружающего мира: минерального, растительного, животного происхождения и др. Для понимания и классификации всего разнообразия природных веществ необходимы знания в различных областях науки, что подразумевает междисциплинарный подход. Для этого необходимо формирование методологий лингвистического анализа, а также невербальных коммуникаций, с целью выявления патологических проявлений. Сегодня мейнстримом гомеопатии становится системный подход для поиска подобия среди описанных и классифицированных природных объектов. Такой подход базируется из современных знаний о эволюции развития жизни на земле и принципах, заложенных в ней.

Стоит ли говорить о гомеопатии только как о методике лечения, или мы наблюдаем не только прикладные аспекты, но и понятийные, духовно-нравственные? Что такое гомеопатическая модель познания законов Вселенной? Возможно ли объяснить социальные, культурные, экономические процессы в определениях гомеопатической модели познания?

Задачи, которые стоят перед современными исследователями гомеопатического метода познания, это, в том числе, рефлексия философских основ гомеопатии, их оценка с позиции признанных направлений развития научного знания. Такая работа позволит гомеопатической модели познания занять достойное место в череде признанных направлений науки, что придаст серьезный импульс развитию метода, привлечет к нему внимание научного сообщества. Гомеопатия как знание и как модель познания обладает большим эвристиче-

ским потенциалом и может развиваться не только как самостоятельная методика лечения, но и быть частью, условием положительной синергии.

Антропоцентристский подход в современном образовании: к методологии «символического суверенитета»

Кудрова И.А.

*Доцент, кандидат пед. наук
кафедра философии и социологии*

*ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
Москва, Россия*

Подчеркивается, что антропоцентристский подход актуализирует значение междисциплинарности как ресурса, расширяющего возможности обучающей деятельности в современном образовании. Уточняется, что в условиях цифровизации при увеличении потока информации как данных только осмысленная информация является знанием. Показано, что современному специалисту необходимо уметь осознавать и управлять феноменом порождающей границы, вокруг которой происходит синергизм триады субъект-средства-объект, что невозможно без формирования способности «удержания» сложного мышления.

Одной из групп навыков, ведущих к сложностным формам мышления, являются навыки обретения «символического суверенитета». В этой связи особое внимание обращается на значение концепции знака Ч.С. Пирса. Показано, что «семиозис» Пирса – это динамический рекурсивный процесс, в результате которого нечто становится знаком. Исходя из внутренней связи проблем интенциональной способности сознания и интерпретации имени (текста), описывается модель познания, в рамках которой данное как «найденное» и данное как «созданное» легитимируют друг друга. Таким образом субъект вместе с познаваемой им семиотической реальностью представляет собой автопоэзисную систему, которая стремится воспроизводить себя как рационально устроенную систему, основанную не только на знании, но и на понимании окружающего мира.

Ключевые слова: субъектность, сложностное мышление, «символический суверенитет», рекурсивность, автопоэзис.

Anthropocentric approach in modern education: to the methodology of "symbolic sovereignty"

Kudrova Irina A.

*Assistant professor, doctor of science (in pedagogical sciences)
Department of Philosophy and Sociology, Academy of Labour*

*and Social Relations
Moscow, Russia*

Annotation. It is emphasized that the anthropocentric approach actualizes the importance of interdisciplinarity as a resource that expands the possibilities of teaching activities in modern education. It is clarified that in the conditions of digitalization, with an increase in the flow of information as data, only meaningful information is knowledge. It is shown that a modern specialist needs to be able to recognize and manage the phenomenon of the generative border around which the synergism of the subject-means-object triad occurs, which is impossible without the formation of the ability to "hold" complex thinking.

One of the groups of skills leading to complex forms of thinking is the skills of gaining "symbolic sovereignty". In this regard, special attention is drawn to the meaning of the concept of the sign Ch.S. Peirce. It is shown that Peirce's "semiosis" is a dynamic recursive process, as a result of which something becomes a sign. Based on the internal connection between the problems of the intentional ability of consciousness and the interpretation of the name (text), a model of cognition is described in which the given as "found" and the given as "created" legitimize each other. Thus, the subject, together with the semiotic reality cognized by him, is an autopoietic system that seeks to reproduce itself as a rationally arranged system based not only on knowledge, but also on understanding the world around.

Key words: subjectivity, complex thinking, "symbolic sovereignty", recursiveness, autopoiesis.

В современных условиях цифровизации кардинально усложнилась не только философская проблематика, связанная с *сознанием* и *языком*, но и изменились методологические подходы к решению этих проблем. Относится это и к области образования. Существующая до сих пор *методология обучения* - информационный, личностно- и проблемно-ориентированные подходы, - приводит к «простоте» обучения, которая вступают в противоречие с нарастающей сложностью современного мира и связанных с этим проблемами.

Сложность современного мира проявляется в том числе в нарастающих возможностях искусственного интеллекта, когда объем поступающих данных увеличивается с невероятной скоростью во всех сферах нашей жизни. При этом все более актуальной проблемой для образования становится подготовка специалистов, «умеющих получать незаданные результаты»²⁸, что предполагает формирование умений корректировать собственные *ментальные установки*, а также *компетенций*, которые помогут контролировать поступающие данные и ориентироваться в них.

Умение ориентироваться в увеличивающемся потоке информации как *данных* предполагает в том числе некоторую позицию, поскольку только *осмысленная* информация является знанием. Так как осмысленные знания – это всегда знания кого-то для чего-то, то осмысление информации невозможно без *контроля субъектности* познающего, ее границ и целостности. Однако новые

технологические подходы, связанные с обучением, не рассчитаны на решение таких антропологических проблем современности, как индивидуальная автономность, потеря человеком понимания смысла собственных действий, свободы выбора, и, как следствие, ответственности за результаты своих решений. Поэтому формирование способности «удерживать» сложностное мышление должно быть сопряжено с обучением умениям контролировать свою субъектность, что помогает обретению целостности познающего субъекта.

На необходимость пересмотра представлений о субъектности указывал академик В.С. Степин. Академик, анализируя эволюционно-конструктивное развитие науки, сосредотачивается на объектном полюсе эволюции научного познания, но не оставляет без внимания и субъектный полюс познавательной деятельности [1]. Для нашего исследования важна точка зрения В.С. Степина, что «*жесткая граница* между естествознанием и социогуманитарными науками сегодня стирается» [2, 37]. В рамках такой «антропоцентристской ориентации» познания человек предстает как сознательно-деятельностный фактор в понимании мира.

С запросом так понимаемого «антропоцентристского» подхода в современном образовании наиболее адекватно соотносится контекст постнеклассической рациональности. [3]. В.Г. Буданов пишет: «*Всякий раз в постнеклассической практике мы имеем дело с осознаваемым и управляемым нами феноменом порождающей границы, вокруг которой и происходит синергизм деятельности постнеклассической триады субъект-средства-объект*» [4].

В условиях цифровизации современному человеку для удержания своей целостности и контроля своей субъектности необходимо постоянно пересобирать себя, что возможно при условии формирования способности «удержания» *сложностного мышления*. В эпистемологическом отношении сложностность не редуцируется к своему *объективному* или *субъективному* измерению. Это не субъект, не объект, не взаимодействие между ними, а что-то еще. Точнее – это и субъект, и объект, и интерактивность. В. И. Аршинов и Я. И. Свирский уточняют, что сложностность - это разворачивающаяся во времени становящаяся сеть событий, определенных по отношению к прошлому и столь же неопределенных по отношению к будущему [5]. Проблемой познания так понимаемой сложностности является контроль доступа к реальности. Мы не можем иметь непосредственный доступ к реальности – мы можем только его контролировать. Инструментом контроля доступа к реальности является фигура «*наблюдателя*».

В условиях сложностности подойти к фигуре «наблюдателя» можно исходя из внутренней связи проблем понимания сложностности и квантовой механики, в рамках которой концепты «наблюдатель», «наблюдаемость», «контингентность», «контекстуальность» образуют *рекурсивно* сцепленный понятийный кластер. Осмысление так понимаемой фигуры «наблюдателя» ориентирует на поиски путей включения сознания в контекст понимания проблематики постнеклассической сложности как ключевого междисциплинарного понятия.

Фигура «наблюдателя» на практике помогает решать следующие задачи. Во-первых, этот инструмент позволяет учитывать, что есть *субъект* и есть оче-

²⁸ Из выступления проректора НИУ ВШЭ С.Ю. Рощина на Восьмой ежегодной международной научно-практической конференции «Образование и мировые города: третья миссия университета и студенты», 19-21 мая 2021 г. (Санкт-Петербург).

видность, которую он *наблюдает*, то есть учитывать в акте познания одновременное присутствие и самой очевидности, и представлений субъекта об этой очевидности, и их взаимодействие между собой. Во-вторых, задачей «наблюдателя» является необходимость *контроля* всей ситуации и отдельных ее сфер, так как, не имея непосредственного доступа к реальности, субъект может этот доступ только контролировать.

Поскольку так понимаемая фигура наблюдателя является инструментом, одновременно управляющим (открывающим доступ к реальности), и управляемым (контролируемым), для его использования с необходимостью нужно опираться на процесс «семиозиса», т.к. язык – это наиболее естественная и общедоступная репрезентация мира. Обратимся к концепции знака Ч.С. Пирса. Знак в концепции Пирса (в форме *репрезентамена*) – это нечто, что обозначает что-либо для кого-нибудь в определенном отношении или объеме (слово «стул»). То есть знак конвенционален – он отсылает не к самому предмету, а к представлению об этом предмете («концепту»). Поэтому знак условен. У Пирса есть сам «объект» - референт, и *интерпретанта* - то, что позволяет человеку связывать знак с объектом. То есть «семиозис» Пирса – это динамический рекурсивный процесс, в результате которого нечто становится знаком. Таким образом, в концепции Ч.С. Пирса предполагается *интерпретация* знака интерпретантом как *семиотическим «наблюдателем»* сложностности. Отвечая на вопрос, благодаря чему связаны знак и его предметное значение, мы подошли к проблеме *смысла*. Возможны разные варианты связи между знаком и значением. Но важно отметить, что исходя из внутренней связи *интенциональной* способности сознания и так понимаемой *интерпретации* имени (текста), складывается модель познания, в рамках которой *данное* как «найденное» и *данное* как «созданное» легитимируют друг друга.

Для методологии обучения важно, что «семиозис», мыслимый как динамический рекурсивный процесс, в результате которого нечто становится знаком, можно рассматривать как *эмерджентный* процесс, в основе которого лежит логика *абдуктивного вывода*, рекурсивно сопряженная с *дедуктивными* и *абдуктивными* умозаключениями. Представляется необходимым в рамках обоснованной выше модели познания обучение специалистов следующим навыкам, ведущим к сложностным формам мышления:

- Различение метаформальных схем мышления
- Анализ формальных схем мышления
- Различение статической составляющей мышления
- Различение динамической составляющей мышления
- Креативное использование мышления.

В целом, методология, в рамках которой семиотический «наблюдатель» сложностности становится креативным наблюдателем/конструктором предвосхищаемого будущего, направлена на обретение себя (своих смыслов) в процессе работы с указанными выше формами диалектического (сложностного) мышления, а субъект вместе с познаваемой им семиотической реальностью представляет собой *автопоэзисную* систему, которая стремится воспроизводить себя

как рационально устроенную систему, основанную не только на знании, но и на понимании окружающего мира. Такая методология, обосновывающая антропоцентристский подход в современном образовании, может быть названа методологией «*символического суверенитета*».

Литература

1. Аршинов В.И. Наблюдатель сложности в контексте парадигмы постнеклассической рациональности // Философия науки. Выпуск 18. Философия науки в мире сложности. 2013. С. 48-61.
2. Стёпин В.С. Исторические типы научной рациональности в их отношении к проблеме сложности // Синергетическая парадигма: синергетика инновационной сложности. М., 2011. С. 37.
3. Аршинов В.И. Синергетика встречается со сложностью // Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. М., 2011. С. 59-86.
4. Буданов В.Г. Квантово-синергетическая антропология. Большой антропологический переход XXI века / Аршинов В.И., Буданов В.Г. Квантово-сложностная парадигма. Междисциплинарный контекст. Курск: Университетская книга, 2015. Стр. 92-108.
5. Аршинов В. И., Свирицкий Я. И. Сложностный мир и его наблюдатель // Человек. 2019. Т. 30. № 2. С. 130-153.

Три типа научной рациональности В.С. Степина, как образец создания базовой системы парадигм для междисциплинарных исследований Лепский В.Е.

Доктор психологических наук
Институт философии РАН
Москва, Россия

УДК 141

Рассмотрены три типа научной рациональности В.С. Степина как три парадигмы, удовлетворяющие требованию принципа соответствия Н. Бора, представлениям о парадигмах Т.С. Кунном, идеям Дж. Холтона об использовании сквозных тематических структур в новых парадигмах как своеобразных траекторий исторического развития науки. Обоснован вывод, если удастся соответствию эволюцию какой-либо области знания с эволюцией представлений о научной рациональности, то для соответствующих парадигм этой области знания будет выполняться принцип соответствия Бора. Если таких областей знания более одной, то между ними устанавливаются новые междисциплинарные связи. Показана согласованность трех типов научной рациональности с ведущим междисциплинарным трендом нарастания роли субъектности. На примерах продемонстрировано соответствия эволюции парадигм отдельных областей знания с эволюцией представлений о научной рациональности.

Ключевые слова: научная рациональность, парадигма, принцип соответствия Н. Бора, субъектность, В.С. Степин.

Three types of scientific rationality V.S. Stepin as an example of creating a basic system of paradigms for interdisciplinary research

Lepskiy V.E.

Sc.D. in Psychology

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

Annotation. The article considers three types of scientific rationality of V.S. Stepin as three paradigms satisfying the requirement of the principle of conformity of N. Bohr; the ideas of paradigms by T.S. Kuhn, the ideas of J. Holton on the use of cross-cutting thematic structures in new paradigms as a kind of trajectories of the historical development of science. The conclusion is substantiated, if it is possible to correlate the evolution of any field of knowledge with the evolution of ideas about scientific rationality, then the Bohr correspondence principle will be fulfilled for the corresponding paradigms of this field of knowledge. The consistency of the three types of scientific rationality with the leading interdisciplinary trend of increasing the role of subjectivity is shown. Examples demonstrate the correspondence of the evolution of paradigms of individual fields of knowledge with the evolution of ideas about scientific rationality.

Keywords. scientific rationality, paradigm, N. Bohr's correspondence principles, subjectness, V.S. Stepin.

Методологическая корректность системы трех типов научной рациональности

Три типа научной рациональности В.С. Степина (классика, неклассика, постнеклассика) можно рассматривать как систему научных парадигм. Основанием для такого рассмотрения является удовлетворение этих парадигм базовым требованиям, сложившимся в философии науки к созданию новых научных парадигм. Три типа научной рациональности В.С. Степина удовлетворяют принципу соответствия Н. Бора, представлениям о научных революциях Т.С. Куна, идеям Дж. Холтона об использовании сквозных тематических структур в новых парадигмах как своеобразных траекторий исторического развития науки, а также идеи М. Полани о влиянии личностных знаний создателей на содержание новых научных парадигм. Этим требованиям удовлетворяет переход от классики к неклассике и далее к постнеклассике. Аргументом для обоснования этого утверждения является исходная методологическая схема формирования типов научной рациональности. В классике в центре внимания оказывается объект исследования, чему соответствует парадигма «субъект – объект». В неклассике добавляется учет средств исследователя, с помощью которых можно рассматривать объект исследования как субъекта, чему соответствует парадигма «субъект – субъект». Как следствие можно утверждать, что выполняется принцип соответствия Бора и классическая парадигма является частной и вложенной в неклассическую парадигму. При переходе от неклассики к постнеклассике добавляется учет самих субъектов исследования и их окружающей среды, включающей других субъектов и культуру. Фактически осуществляется переход к пара-

дигме «субъект – метасубъект», что также дает основания для удовлетворения принципа соответствия Бора.

Как следствие, можно утверждать, что если удастся соотнести эволюцию какой-либо области знания с эволюцией представлений о научной рациональности, то для соответствующих парадигм этой области знания будет выполняться принцип соответствия Бора. Если таких областей знания более одной, то между ними автоматически устанавливаются новые междисциплинарные связи.

Согласованность трех типов научной рациональности с ведущим междисциплинарным трендом нарастания роли субъектности

Многочисленные философские исследования затрагивали проблему субъектности, однако в последние годы ей уделяется все возрастающее внимание. В значительной степени на этот складывающийся тренд повлияли исследования и публикации академика В.С. Степина. Субъектная ориентация в системной организации трех типов научной рациональности обеспечила ее согласованность с базовым междисциплинарным трендом на возрастание роли субъектности. Что также способствовало использованию трех типов научной рациональности в качестве философско-методологических оснований междисциплинарных исследований.

В начале XXI века в центре внимания практически всех областей социогуманитарного знания оказывается проблема субъектности. Этот тренд обусловлен следующими социальными изменениями:

- кризис иерархических механизмов управления, обусловленный прежде всего интенсивным нарастанием сложности социальных систем;
- высочайшая динамика социальных трансформаций при снижении роли нормативных регуляторов;
- снижение доминирования экономических регуляторов над политическими;
- повышение значимости проектной идентичности и ее влияния на легитимность субъектов властных полномочий;
- возрастание актуальности проблемы сборки субъектов обеспечения жизнедеятельности, безопасности и развития социальных систем;
- кризис представительной демократии и повышение роли субъектности в механизмах прямой демократии;
- нарастание актуальности проблемы защищенности субъектов от разнообразных манипулятивных воздействий;
- развитие экономики знаний с ориентацией на учет личностного знания субъектов;
- нарастающие угрозы расчеловечивания в условиях погружения людей в среды гибридной реальности.

Для разработки конкретных междисциплинарных концепций и моделей решения проблем субъектности, в обеспечении жизнедеятельности, безопасности и развитии социальных систем, может быть использована постнеклассическая кибернетика саморазвивающихся полисубъектных сред гибридной реальности [2].

Приведем примеры соотнесения эволюции подходов и парадигм отдельных областей знания с развитием представлений о научной рациональности. Что позволило обогатить эти подходы и области знания философско-методологическими основаниями их становления и расширить связи с другими областями знаний.

От деятельностного к субъектно-деятельностному и далее к субъектно-ориентированному подходу (классика, неклассика, постнеклассика)

Три типа научной рациональности соотносятся с тремя междисциплинарными подходами, хорошо проработанными в гуманитарных областях знания, прежде всего в философии и психологии. Это позволяет обеспечить философско-методологическое соотнесение этих подходов с другими областями знаний, которые также смогут выполнить соотнесение своей эволюции с научными рациональностями [2].

В деятельностном подходе доминируют субъект-объектные отношения [3], что позволяет отнести его к классической научной рациональности.

Неклассической научной рациональности соответствует субъектно-деятельностный подход (С.Л. Рубинштейн), в котором осуществляется переход к парадигме «субъект – субъект». На Западе субъектно-деятельностный подход получил развитие в кибернетике второго порядка (Heinz von Foerster), в концепции аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы, в психологии и психотерапии в работах Г. Бейтсона и П. Ватцлавика.

В постнеклассической научной рациональности в центре внимания оказываются субъекты, погруженные в социальные среды и культуру [1]. Здесь ключевой становится парадигма «субъект – саморазвивающаяся полисубъектная среда» («субъект – метасубъект»), которой соответствует субъектно-ориентированный подход. Этот подход включает в себя деятельностный и субъектно-деятельностный подходы.

Эволюция парадигм кибернетики: от классики к постнеклассике

Успешное соотнесение эволюции кибернетики с развитием представлений о научной рациональности позволило обогатить философско-методологические основания кибернетики и обеспечить междисциплинарные процессы конвергенции знаний для каждого этапа развития кибернетики [2].

Философско-методологические основания классической кибернетики (Н. Винер) формировались в соответствии с представлениями классической научной рациональности. Субъект принципиально не отличался от объектов технических систем, что затруднило использование классической кибернетики в управлении социальными системами.

Принципиально иной подход сформировался при переходе к кибернетике второго порядка (Х. фон Фёрстер), которой соответствовали философско-методологические основания неклассической научной рациональности. Фактически произошел переход от кибернетики «наблюдаемых систем» (первого порядка) к кибернетике «наблюдающих систем» (второго порядка). В качестве объекта в кибернетике второго порядка может выступать субъект.

Дальнейшее развитие кибернетики связано с философско-методологическими основаниями постнеклассической научной рациональности, со становлением постнеклассической кибернетики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред [2].

Адекватное соотнесение базовых этапов эволюции кибернетики с тремя типами научной рациональности позволило обеспечить выполнение принципа соответствия Н. Бора для парадигм кибернетики (первого, второго и третьего порядка), а также расширить междисциплинарные связи кибернетики с другими областями знания и прежде всего с гуманитарными областями знаний.

Эволюция парадигм в экономике: от классики к постнеклассике

Анализ содержания Нобелевских премий по экономике позволяет провести соотнесение эволюции концептуальных подходов экономики с тремя типами научной рациональности [4].

До 2000 годов все Нобелевские премии давались за исследования, опирающиеся на парадигму «субъект – объект», в основном за математические модели теории игр и исследования операций. Такой подход соответствовал классической научной рациональности.

В начале XXI века ситуация принципиально изменилась за счет осознания неадекватности большинства экономических моделей, что отразилось и на Нобелевских премиях. Они стали присуждаться за аспекты информированности субъектов экономических отношений, за организацию коммуникативных процессов, за экспериментальную экономику, за учет психологических факторов в моделях субъектов экономических отношений, за моделирование полисубъектных экономических систем и др.

Плавно произошел переход к парадигме «субъект – субъект» (премии 2001 – 2006 годов.), что соответствовало неклассической научной рациональности. Например, премия 2002 года. Экономический анализ человеческого поведения. Лауреаты премии: Daniel Kahneman, Vernon Lomax Smith. Субъектная интерпретация: 1. Учет субъектами моделей своего поведения при оценке риска принятия экономических решений 2. Организация экспериментов на игровых экономических моделях с участием конкретных субъектов для анализа рыночных механизмов.

Далее переход к средовой парадигме, к организации управления через среды (2007 – 2010 годов.), что соответствовало постнеклассической научной рациональности. Например, премия 2007 года. За основополагающий вклад в теорию экономических механизмов. Лауреаты премии: Leonid Hurwicz, Eric S. Maskin, Roger Bruce Myerson. Эта работа четко ориентирована на парадигму «субъект – среда» в управлении экономическими системами.

В отличие от кибернетики в экономике еще не проведено на должном уровне соотнесение экономических концепций с развитием научной рациональности, что могло бы способствовать интенсивному развитию экономической науки. Доминирование в экономике ориентации на технологические уклады способствует застою в экономике. Что связано с влиянием на нее техногенной возгонки концепции технологических укладов и ограниченностью подходов моделью техногенной цивилизации.

Литература

1. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
2. Лепский В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр, 2019. 340 с.
3. Лекторский В.А. Субъект в истории философии: проблемы и достижения // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 5–18.
4. Лепский В.Е. Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Четвертая международная конференция по проблемам управления 26–30 января 2009 года: Сборник трудов. М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2009. С. 1302–1308.

Постнеклассическая философия техники**Лойко А.И.**

*Доктор философских наук, профессор
Белорусский национальный технический университет
Минск, Беларусь*

УДК 172

Описан антропологический тренд постнеклассической философии техники. Исследованы особенности цифровой трансформации социальной среды на основе формирования инфраструктуры цифровых экосистем и метавселенных. Выявлена тенденция роста неопределенности по ряду вопросов цифрового права и цифровой этики. Описаны функциональные особенности централизованных и децентрализованных метавселенных. Актуализированы аспекты безопасности цифровой среды.

Ключевые слова: постнеклассическая философия техники, метавселенная, цифровая экосистема, цифровая этика, цифровой этикет.

Post-nonclassical philosophy of technology**Loiko A.I.**

*Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus*

Abstract: the anthropological trend of the post-non-classical philosophy of technology is described. The features of the digital transformation of the social environment based on the formation of the infrastructure of digital ecosystems and metauniverses are studied. A trend of increasing uncertainty on a number of issues of digital law and digital ethics has been revealed. The functional features of centralized and decentralized metauniverses are described. The security aspects of the digital environment have been updated.

Key words: post-non-classical philosophy of technology, metauniverse, digital ecosystem, digital ethics, digital etiquette.

Постнеклассическая философия техники отказалась от тезиса о нейтральности технологий в социальном пространстве и активно исследует антропологическую тематику. Результатом стало формирование цифровой антропологии, в которой большая роль отводится исследованию цифровых поколений, расширения тела человека, оставляемых человеком цифровых следов. Сформировалась тематика кибернетической антропологии. Она имеет инженерную и медицинскую направленность, поскольку в тело человека вводятся устройства, которые восстанавливают его координацию, а также замещают функции отдельных органов, рук и ног. По мере насыщения тела человека имплантатами актуальной стала тема киборгов.

Сохраняет актуальность робототехника, которая интегрирует достижения мехатроники и технологий искусственного интеллекта. Актуальной оказалась также визуальная антропология, поскольку востребованными оказались цифровое лицо и цифровое тело. На фоне новых технологических стратегий сформировалась новая тематика правовых и этических исследований. Кроме ставших уже традиционными социальных сетей и автоматизированных систем сбора, хранения и обработки информации, а также технологий автоматизации производства, широко обсуждаемыми стали технологии цифровых платформ и цифровых экосистем. Они стали формировать новую институциональную среду.

Так, цифровые метавселенные являются публичным пространством глобальной сети, взаимодействие с которым осуществляется с помощью цифровых инструментов [1]. Пользователями метавселенной являются цифровые поколения. Эти люди могут создавать вещи и взаимодействовать друг с другом в иммерсивной среде. Она имитирует реальность и создает возможности которые были неизвестны людям традиционной обычной жизни. Метавселенные предполагают технологическую доступность цифрового пространства с кастомизированными аватарами. Они представляют пользователей цифровой экосистемы и предполагают наличие прав цифровой собственности. Уровень этих прав зависит от степени децентрализации выбранной цифровой платформы. Во внимание берется возможность взаимодействия с другими пользователями. Также учитываются условия для различных действий в цифровой среде и право делиться досугом с другими участниками цифровой экосистемы [2].

Цифровые экосистемы предлагают пользователям разные возможности, которые сопровождают конкретные риски. Цифровая платформа может использовать децентрализованный подход. Она предлагает больше возможностей для создания приложений и из этого следует больший спектр рисков. Цифровая метавселенная создает условия для пользователя в надежде на активное его присутствие в ее инфраструктуре услуг. Одновременно она предлагает пользователям реализовать свою активность. Это позволяет пользователям конструировать свою представительскую функцию в иммерсивном пространстве. Также пользователь может определять свои действия в зависимости от его интересов и мотиваций [3]. В профессиональном плане метавселенная позволяет участникам строить цифровую карьеру. Возможности ограничены только цифровым неравенством.

Технологии централизованных метавселенных отличаются от технологий цифровых платформ с открытым исходным кодом. К отличиям относятся контроль, возможность что-то создавать и система управления цифровой платформой. Внутренние процессы централизованной метавселенной полностью контролируются одной организацией. Используются внутренние серверы и определенные правила регулирования виртуального мира. Пользователи могут взаимодействовать друг с другом и обмениваться опытом. Но у них нет права контролировать цифровую среду или владеть отдельными ее компонентами [4].

Децентрализованная метавселенная имеет открытый исходный код. В ее пространстве пользователи самостоятельно определяют свои действия. Децентрализованная метавселенная связана с NFT - технологиями. В данном случае пользователи определяют, в каком направлении будет развиваться институциональная среда.

Есть некоторые технологические особенности входа в интернет и в метавселенную. Для нахождения в иммерсивном пространстве метавселенной понадобятся умные очки, прикрепленные к голове, для просмотра контента, и гаджет-браслет для отслеживания движения. Метавселенная будет получать сигналы от веб - браузеров. Пользователь сможет беспрепятственно переключаться между сайтами на собственном смартфоне. Его 3D аватар будет переключаться между цифровыми платформами, предназначенными для обеспечения кросс - совместимости [5].

Метавселенная технологически реализует функцию виртуальной визуализации процессов технического и коммуникационного взаимодействия. Ее цифровая среда объединит существующие на данный момент разрозненные решения дополненной и виртуальной реальности, а также технологии цифровых двойников. Но мультипликационных презентаций будет недостаточно для развития метавселенной.

Эти структуры будут сочетать возможности развлекательных и платформенных функций. Пока доступность этой цифровой среды ограничивает денежный фактор стоимости шлемов и очков дополненной реальности.

С точки зрения правовой тематики еще не разработана нормативная база для защиты авторских прав в метавселенных. Актуальны 3D модели людей, в том числе и тех, кого уже нет в живых. Создать модель индивида технически может любой пользователь. Титулы в статусе цифрового сертификата NFT будут передаваться вместе с токеном при продаже аватаров и того, что они создают. Важно, чтобы никто, кроме правообладателей, не мог претендовать на аватара и результаты его деятельности. Пользователь метавселенной может сделать покупку. Но он должен быть уверен в оригинальности товара.

Пользователь не будет находиться в институциональной цифровой среде, где могут нарушить его права. Люди отдадут предпочтение безопасной среде. Кроме угроз в виде мошенничества, существуют и угрозы психологического и этического характера. В основном это касается гейм-индустрии, на основе которой и формируется экономическая привлекательность технологии метавселенной.

В 2018 г. Всемирная организация здравоохранения включила игровую зависимость в список международной классификации болезней. Проблема заключается в том, что технологии моделирования игровых ситуаций могут создавать психологические и моральные проблемы у игроков, поскольку речь идет о проявлениях агрессии, насилия и сценах убийства.

Такие ценности как честь, достоинство, авторские права, потребуют классических методов правовой защиты, в том числе, уголовного права, поскольку клевета, доведение до самоубийства, пропаганда наркотиков требуют правовой оценки. Поэтому Уголовный кодекс будет действовать в виртуальном мире, поскольку злоумышленники могут получить доступ к частной жизни индивида, его личным данным.

Созданы возможности идентифицировать владельцев цифровых аватаров с помощью технологии Multipass. Она предполагает децентрализованное хранение персональных данных с единым идентификатором пользователя. На основе патента на децентрализованный паспорт с использованием сетей NFT будут созданы паспорта граждан метавселенной.

Во внимание нужно брать также эволюцию технологий искусственного интеллекта. Множество единиц искусственного интеллекта станут потенциальными актерами социальной среды. Интернет вещей предполагает кошельки. Это определит место цифрового банкинга в будущем.

Возникнет риск столкновения с антропоморфной моделью. Это нейронные сети с глубоким обучением. Между ними находится «черный ящик». Разработчик понимает входы и выходы. «Черные ящики» называют искусственным подсознанием. Оно позволяет экономить вычислительные мощности. Решать нестандартные задачи и быстрее учиться. Но неуправляемые процессы искусственного подсознания создают неопределенность. Это отдельная тема исследования кибернетической антропологии.

Пока же в процессах коммуникации сохраняют свои позиции социальные сети. В связи с этим активно обсуждаются темы цифровой этики. В этих темах есть аспекты, касающиеся профессиональной деятельности программной инженерии, поскольку от этой инженерии зависит технологическое обеспечение безопасности информации. Во внимание также берется личностный фактор, поскольку программист в одном лице выступает как разработчик систем защиты информации, и он же, зная особенности этих защитных систем, может воспользоваться этими знаниями в корыстных целях. Поэтому большое внимание уделяется корпоративной этике программной инженерии. Впервые на эти вопросы обратил внимание Дж. Мур.

Еще один аспект цифровой этики создал феномен социальной инженерии. Этот феномен свидетельствует, что распространенным явлением в социальных сетях стали практики манипулирования индивидуальным сознанием в корыстных целях. Распространение получили практики фишинга и вишинга. В данном контексте тема цифровой этики тесно связана с правовой тематикой защиты интересов пользователей социальной сети, особенно людей пенсионного возраста, которые доверчиво относятся к телефонным звонкам и их содержанию.

Одну из тем цифровой этики создали медийные практики конструирования и подачи информации. Эти практики формируются в условиях информационных и гибридных войн. В данном контексте получили распространение фейковые технологии. Одной из модификаций этих технологий стал кибернетический буллинг.

Перемещение основного времени общения в социальные сети актуализировало тему цифрового этикета.

Литература

1. Loiko, A. Barrier-free space of socio-cultural activities of digital ecosystems / A. Loiko // Experience Industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT). 2022. 1(1). P. 198-212.

2. Loiko, A. I. Cognitive Artifacts of the Metuniverse / A.I. Loiko // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия». 2022. Т.4. № 4. С. 45-52.

3. Лойка, А. І. Лічбавая антрапалогія. Мінск: БНТУ, 2023. 210 с. 4. Макафи, Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее / Э. Макафи, Э. Бриньолфсон. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 317 с.

4. Прохоров, А. Цифровой двойник. Анализ, тренды, мировой опыт / А. Прохоров, М. Лысачев. – Изд. 1-е, испр. и доп. М. : ООО «Альянс Принт», 2020. 401 с.

Основания формирования концепции социоориентированного квалитативизма

Маякова А.В.

Кандидат философских наук

Юго-Западный государственный университет

Курск, Россия

УДК 168.53

В статье рассматриваются основания формирования междисциплинарной концепции социоориентированного квалитативизма, а также возможность ее преломления в границах прикладных наук. Автор отражает логику формирования концепции, начиная от формулирования концепта социального качества жизни до внедрения предлагаемой концепции в единую научную систему не только философии и квалитологии, но и экономики, управления, политики и т.д. Статья подготовлена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-261.2022.2 «Социальное управление качеством в эпоху цифровых трансформаций».

Ключевые слова: концепция социоориентированного квалитативизма, социальное качество жизни, междисциплинарные исследования, теория сложности, телесность, духовность.

The basis for the formation of the concept of socio-oriented qualitivism

Mayakova A.V.

Candidate of Philosophical Sciences

Southwest State University

Kursk, Russia

Abstract. The article examines the grounds for the formation of an interdisciplinary concept of socio-oriented qualitivism, as well as the possibilities of its refraction within the boundaries of applied sciences. The author reflects the logic of the concept formation, starting from the formulation of the concept of social quality of life to the introduction of the proposed concept into a unified scientific system not only of philosophy and qualitology, but also of economics, management, politics, etc. The article was prepared with the support of the Grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists No. MK-261.2022.2 "Social quality management in the era of digital transformations".

Keywords: the concept of socio-oriented qualitivism, social quality of life, interdisciplinary research, complexity theory, physicality, spirituality.

Постнеклассическая наука характеризуется сложным (сложностным) и саморазвивающимся (саморегулирующимся) характером знания, то есть признает диалектику, синергетику и теорию сложности в качестве одного из ведущих научных направлений исследований. При этом идея системности коррелирует с идеей целостности в философии, соответственно исследования в рамках квалитологии напрямую связаны с идеей сложности (теория сложности) [1]. Несмотря на то, что квалитативный подход не является инновационным в философии, дальнейшее развитие философско-методологического знания позволяет обособить и исследовать современный квалитативизм не только с позиции качества, но и понятий сложного, целостного, целого. При этом идея системности, которая лежит в основе многих научных подходов и исследований не уходит на второй план, а определяется как некий фундамент для построения нового подхода к исследованию современного квалитативизма с позиций ведущих научных направлений постнеклассической науки и философии.

Таким образом, одной из актуальных идей современной научной действительности является не замена квалитативного и системного подходов на квалитативный и сложностный, а выявление их корреляций, а также определение квалитативизма в условиях технонаучных революций нового технологического уклада, формирование и характеристика концепции социоориентированного квалитативизма, в частности генезис и перспективы развития социального управления качеством.

Концепция социоориентированного квалитативизма акцентирует свое внимание именно на социо-антропологических проблемах современного общества в целом. Наука не может нивелировать данный вопрос, перекалфицируя его только в прикладную сферу, поскольку именно философско-методологический базис может выступать в качестве фундаментальной основы при формировании междисциплинарных и трансдисциплинарных концепций, моделей, способных решить проблемы социо-антропологического характера.

Концепция предполагает развертывание теории квалитативизма в синергетическо-диалектическом поле, границах квантово-синергетической антропологии, психологии телесности и теории сложности для возможности решения проблем коммуникативно-телесной связности и целостности объектно-телесной онтологии, гармонизации темпорально-деятельностной онтологии человека [2-4]. В то же время междисциплинарный анализ и пересмотр теории квалитативизма позволит сформировать пакет предложений, способных решить прикладные проблемы экономики и управления такие, как улучшение социально-экономического положения регионов, экономическое развитие общества, повышение качества жизни, оценка человеческого капитала и др. Концепция социоориентированного квалитативизма предполагает совместный анализ и систематизацию подходов к определению социального качества жизни (базовой категории концепции) [5] и позволяет рассматривать данное понятие как один из важнейших элементов социотехнического ландшафта цифровой реальности [6], координатами которого выступают: 1) условия жизнедеятельности; 2) значимость жизни; 3) самооценка жизнедеятельности.

Одним из ключевых аспектов предлагаемой концепции является тезис, что социальное качество жизни и социальное управление качеством в первую очередь определяется «надличностным и надсознательным, демонстрирующим трансперсональные свойства, и их совокупность в культуре принято называть духовным телом человека» [2-4]. Другими словами, фундаментом социального качества жизни и социального управления качеством является духовность, поскольку она есть определяющее условие жизни человека и человечества, основа построения социальных связей и социальных отношений. Духовность – глубинное выражение человеческой сущности и основное соединение людей друг с другом. Современный процесс формирования человечества как единого целого происходит на духовной основе. Духовность есть действительная основа саморазвития человечества. Проявляя свои творческие созидательные силы, преобразуя природные и социальные условия своего бытия, человечество тем самым стремится полнее и всесторонне выразить качество своей жизни. Таким образом, можно сделать вывод о том, что духовность является определяющей основой концепции социоориентированного квалитативизма, выражает внутреннюю его целостность, вносит смыслы и ценности в жизнедеятельность. Она существенно расширяет и укрепляет системные взаимосвязи между элементами концепции социоориентированного квалитативизма, модели социального управления качеством и самой категории социального качества жизни [7].

Таким образом, предлагаемая концепция социоориентированного квалитативизма ориентирована на изучение и философско-методологический анализ и пересмотр квалитативизма как в философско-гуманитарном (синергетическо-диалектическом поле, границах квантово-синергетической антропологии, психологии телесности, теории сложности и др.), так и прикладном контексте (экономика, управление, производство, социальная сфера, политика и др.). Именно комплексный анализ и попытка выявления междисциплинарных и базисных корреляций дает возможность говорить о фундаментальном характере концепции, и открывает широкое поле дальнейшего продуктивного использования ме-

тодологических возможностей сложностного и квалитативного подходов, теории квантово-синергетической антропологии, принципов психологии телесности, концепции кризисов, концепции социо-технического ландшафта цифровой реальности, междисциплинарного анализа применительно к прикладным вопросам экономических, технических и социально-гуманитарных наук.

Литература

1. Буданов, В.Г. Сложностность и проблема единства знания. Вып. 1: К стратегии познания сложности [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; В.Г. Буданов, В.И. Аршинов, В.Е. Лепский, Я.И. Свирский. М. : ИФ РАН, 2018. – 105с.
2. Буданов В.Г., Сеницына Т.А. Квантово-синергетическая онтология обобщенной телесности: от антропологии театра к очеловечиванию искусственного интеллекта, проблема границ // Культура и искусство. 2020. № 7. С. 13-28
3. Буданов В.Г., Сеницына Т.А. Квантово-синергетическая онтология обобщенной телесности (II): постнеклассика, темпоральность, рефлексия театральной игры // Культура и искусство. 2020. № 10. С. 49-66
4. Буданов В.Г., Сеницына Т.А. Квантово-синергетическая онтология обобщенной телесности (III): психосемантический язык театра, антропологический джас // Культура и искусство. 2020. № 12. С. 138-159
5. Маякова, А. В. Социальное качество жизни - уникальный концепт постнеклассической науки / А. В. Маякова // Качество и жизнь. 2022. № 4(36). С. 11-15.
6. Социотехнический ландшафт цифровой реальности: этико-аксиологические регулятивы, адаптационные механизмы, социотехнические модели управления процессами цифровизации : Коллективная монография / В. И. Аршинов, М. В. Артеменко, И. А. Асеева [и др.]. Курск :Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2020. 302 с.
7. Социальное управление качеством в эпоху цифровых трансформаций. Часть I: монография / А.В. Маякова; Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2023. 99 с.

Трансформация трактовки детерминизма в современной гуманитаристике**Можейко М.А.***Доктор философских наук, профессор
Республиканский институт высшей школы
Минск, Республика Беларусь*

УДК 122

В современной науке происходит трансформация понимания детерминизма, на основе которой формируется то, что может быть названо парадигмой неадетерминизма, в рамках которой происходит отказ от линейного дедуктивизма классической науки, и феномен случайности обретает новый статус. В естествознании это с наибольшей очевидностью проявляется в синергетике, однако эти трансформации имеют свой аналог и в гуманитарной сфере. Их философское осмысление дано постнеклассической философией и в эксплицитном виде представлено в постмодернизме.

Ключевые слова: детерминизм, статус случайности, классическая – неклассическая – постнеклассическая рациональность, линейный дедуктивизм, неадетерминизм.

Transformation of determinism's interpretation of in the modern humanities**Mojeiko M. A.***Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Republican Institute of Higher Education
Minsk, Republic of Belarus*

Abstract. The understanding of determinism is being transformed in modern science. On the basis of which transformation the paradigm of neodeterminism is formed. The linear deductivism of classical science is abandoned in the frame of this paradigm, and the phenomenon of chance acquires a new status. In the natural sciences, this is most evident in synergetics, but these transformations have their counterpart in the humanitarian sphere as well. Their philosophical understanding of it was given by post-classical philosophy and is explicitly presented in postmodernism.

Key words: determinism, status of chance, classical – non-classical – post-non-classical rationality, linear deductivism, neodeterminism.

Идея линейного детерминизма, основанная на презумпции наличия феномена причины, являлась доминирующей в европейской культуре на протяжении практически всей ее истории. Однако современная культура (как в рамках естественнонаучной, так и в рамках гуманитарной своей традиций) знаменуется радикальным поворотом к ориентации на новый тип детерминизма.

Так, новая физика фундирована, по оценке А. Кестлера, презумпцией необходимости «выбраться из смиренной рубашки» детерминизма, понятого в качестве внешнего причинения [1, с. 138-139]. Находясь на посту президента Международного Союза теоретической и прикладной механики, Дж. Лайтхилл публично принес от имени механики извинения за то, что «в течение трех веков образованная публика вводилась в заблуждение апологией детерминизма, ос-

нованного на системе Ньютона, тогда как можно считать доказанным, <...> что этот детерминизм является ошибочной позицией» [2, с. 35].

С переходом к неклассической науке, однако, эта парадигма перестает восприниматься в качестве удовлетворительной: как пишет А. Эйнштейн, «высшая аккуратность, ясность и уверенность – за счет полноты. Но какую прелесть может иметь охват такого небольшого среза природы, если наиболее тонкое и сложное малодушно оставляется в стороне? Заслуживает ли результат столь скромного занятия гордого названия “картины мира”» [3, с. 40]. В противоположность классике, предложенное современным естествознанием видение мира основано на радикально ином типе детерминизма. Именно отказ от линейного понимания детерминизма становится краеугольным камнем синергетической исследовательской парадигмы: как пишет И. Пригожин, «мы все более и более склонны думать, что фундаментальные законы природы описывают процессы, связанные со случайностью и необратимостью, в то время как законы, описывающие детерминистские и обратимые процессы, имеют лишь ограниченное применение» [4, с. 8]. Важнейшим аспектом понимания детерминизма в качестве нелинейного выступает отказ от идеи принудительной каузальности. Данный момент оказывается принципиально важным с гносеологической точки зрения. Синергетика не может более опираться на традиционную (фактически восходящую к гилеморфизму) идею о том, что изучение внешней причины, которая, будучи открытой для анализа, позволяет (в силу своей соотнесенности, в аристотелевской терминологии, с формальной причиной как эйдосом будущего результата причинения) спрогнозировать предстоящее состояние изменяющейся системы. Однако обращение к анализу поведения элементов микроуровня системы также не может дать искомого результата, ибо новое состояние системы возникает как непредсказуемый системный эффект.

По оценке В. С. Степина, именно ориентация современной науки на анализ сложных и самоорганизующихся систем приводит к «расширению понятия детерминизма» [5, с. 102].

Имманентное включение в процесс самоорганизации фактора случайной флуктуации делает принципиально невозможным предвидение будущих состояний системы, поскольку, по словам И. Пригожина и И. Стенгерс, «очень часто отклик системы на возмущение оказывается противоположным тому, что подсказывает нам наша интуиция» [6, с. 266]. В этом контексте, по оценке И. Пригожина, встает «в полный рост <...> проблема детерминизма» [7, с. 46].

Самоорганизация неравновесной среды – это процесс, в котором случайность отнюдь не является несущественным фактором, которым можно пренебречь: траектория эволюционирования системы «характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистические законы, и неустойчивых областей вблизи точек бифуркации, где перед системой открывается возможность выбора одного из нескольких вариантов будущего. ...Эта смесь необходимости и случайности и создает “историю” системы» [6, с. 228].

Именно в отказе от детерминизма в его традиционном (линейном) истолковании усматривает Ж.-Ф. Лиотар и критерий отличия постнеклассической ра-

циональности от классики: «научное знание находится в поиске путей выхода из кризиса детерминизма» [8, с. 154].

В противоположность этому, процессуальное бытие предметности моделируется Ж. Делезом как «чистое и безмерное становление качеств изнутри» [9: 198]. В силу этого центральной для постмодернизма проблемой становится проблема новизны как источника подлинной множественности [9, с. 134].

Важнейшим моментом постмодернистской интерпретации детерминизма является отказ от идеи внешней причины. Это находит свое выражение в парадигмальных фигурах *смерти Автора* как внешней причиняющей детерминанты текста и *смерти Бога* как финальной и исчерпывающей внешней детерминанты, а также в отказе от идеи Отца в его традиционном психоаналитическом понимании (т. е. в качестве внешнего детерминационного фактора развития психики) и, соответственно, в программной стратегии *анти-Эдипизации* бессознательного.

Так, противопоставляя *произведение* как феномен классической традиции *тексту* как явлению постмодернистскому, Р. Барт отмечает, что если произведение предполагает наличие внешней (вневербальной) причины (истории), то текст есть преходящее состояние процессуальности письма, что находит свое выражение в парадигмальной для постмодернизма фигуре *смерти автора*: «в нем нет записи об Отцовстве», потрому *ключевой метафорой* текста служит не линейная причинная цепочка, но *сеть* [10, с. 419].

Аналогично, метафорическая фигура *смерти Бога* в постмодернистском контексте лишена как про-, так и contra-теологической окрашенности и не имеет отношения ни к атеизму, ни к протестантскому модернизму. В данной фигуре выражена лишь интенция на переосмысление самого феномена причины, переориентацию с понимания ее как внешнего фактора причинения к пониманию ее как имманентного перехода во внутренний предел.

Столь же значимой является для постмодернистской философии идея неэлиминируемой случайности, и столь же острой в связи с этим является постмодернистская критика классического типа рациональности, усматривающего в феномене случая продукт субъективной когнитивной недостаточности. По М. Фуко, не может быть сомнений в том, что «более уже невозможно устанавливать связи механической причинности или идеальной необходимости. Нужно согласиться на то, чтобы ввести непредсказуемую случайность в качестве категории при рассмотрении продуцирования событий» [11, с.93]. Универсально используемая постмодернистскими авторами метафора игры также несет смысловую нагрузку введения в содержание теории идеи случайной флуктуации. По Ж.-Ф. Лиотару, «вопрос заключается не в том, что представляет собой соперник (“природа”), а в том, в какие игры он играет. Эйнштейн отвергал мысль о том, что “Бог играет в кости”. Тем не менее, именно игра в кости позволяет установить “достаточные” статистические закономерности (в пику старому образу верховного Предопределятеля)» [12, с. 155]. Этот поворот фактически изоморфен повороту, осуществленному синергетикой: как пишет И. Пригожин, «для большинства основателей классической науки (и даже Эйнштейна) наука была попыткой выйти за рамки мира наблюдаемого, достичь вневременного

мира высшей рациональности – мира Спинозы. Но ... существует более тонкая форма реальности, схватывающая законы и игры» [13, с. 216].

Разумеется, в этом контексте, невозможна идея однозначного прогноза будущих состояний системы, исходя из наличного ее состояния. По Р. Барту, проблема интерпретации текста является принципиально «неразрешимой», причем данная «неразрешимость – это не слабость, а структурное условие повествования» [14, с. 461].

Вместе с тем, постмодернизм далек от финального отрицания линейной версии детерминизма, речь идет лишь о лишении его статуса тотальности. Так, концепция нонсенса Ж. Делеза открыта для интерпретации в свете сформулированной синергетикой модели соотношения так называемых *детерминистических* и *индетерминистических* участков процесса самоорганизации: смысл и нонсенс как две различных, но равно необходимых грани бытия фактически соотносятся, таким же образом, как линейные и нелинейные *участки процесса* у И. Пригожина, взаимно исключая и одновременно дополняя друг друга [ср. 9, с.213–217 и 6, с. 228].

Содержательно конституируя новый тип детерминизма, основоположники синергетической концепции двигаются во многом вне философской категориальной традиции, и используемая ими терминология не всегда изоморфно совместима с понятийными средствами философии. Жестко идентифицируя понятие детерминизма с причинностью классического (линейного) типа и отвергая идею принудительной каузальности, представители синергетики отказываются и от самого термина *детерминизм*: речь идет либо о наличии лишь отдельных «детерминационных» участков в общем течении «индетерминационного» процесса, либо в целом констатируется переход современной науки от детерминизма к индетерминизму [7, с. 34, 47].

В рамках российской синергетической школы термин *детерминизм*, сохраняя близость к философской традиции, сохраняет и свой статус (разумеется, при обогащении содержания). Так, по оценке Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова, синергетическое мировидение задает новый образ детерминизма, конституируя своего рода новый тип детерминизма – *детерминизм с пониманием неоднозначности будущего* [15, с. 292-306].

В целом, можно говорить об оформлении в современной культуре такого феномена, как неопредетерминизм или детерминизм нового типа, основанный на теории нелинейности.

Понимание процессов как детерминированных не внешней причиной, но внутренним потенциалом самоорганизации обращает современную культуру к осмыслению все более глубоких уровней структурной организации мироздания, позволяя делать все более универсальные выводы о природе сверхчувственных оснований бытия, выходя на уровень глубинных мировоззренческих обобщений, касающихся самой природы материи и сознания.

Литература

1. Koestler A. The Roots of Concidence. L., 1972. 189 p.

2. Lighthill J. Recently Recognized Failure of Predictability in Newtonian Dynamics // Proceeding of the Royal Society, № A 407. L., 1986. P. 35-50.
3. Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Эйнштейн А. Собр. научн. трудов. Т. 4. М.: Наука, 1967. С. 39-41.
4. Пригожин И. Предисловие редактора английского издания // Баблюяц А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи. М.: Мир, 1990. С. 7-9.
5. Степин В. С. О философских основаниях синергетики // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М.: Прогресс–Традиция, 2007. 592 с.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 431 с.
7. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46-52.
8. Лиотар Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании // Философия эпохи постмодерна. Мн.: Красико-принт, 1996. С. 140-158.
9. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. 298 с.
10. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 384-391.
11. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 47-96.
12. Лиотар Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании // Философия эпохи постмодерна. Мн.: Красико-принт, 1996. С. 140-158.
13. Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М.: Мир, 1985. 328 с.
14. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 424-461.
15. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002. 414 с.

Автопоэтическая организация постнеклассической науки и техники**Москалёв Ф.И.***Студент бакалавр**Государственный академический университет гуманитарных наук**Москва, Россия*

УДК 101.1:316

Этап развития науки, обозначаемый В.С. Стёпиным как постнеклассический, рассматривается в данном докладе с позиции радикального конструктивизма, предполагающего, в частности, обусловленность познаваемого характеристиками познающего. Постнеклассическую науку характеризует стремление к междисциплинарности, осознание влияния познающего субъекта, его методов и инструментов на результат познавательной деятельности, а также тесная связь фундаментальных научных исследований и техники (что выражается в идее технонауки). Всё обозначенное во многом соотносится с программой конструктивизма. Можно также сделать вывод об организационном сходстве технонауки и конструктивистском представлении о познающем субъекте, представленном в рамках концепции автопоэзиса (Матурана, Варела). На сегодняшний день тенденции развития научного и технического знания, а именно работы над созданием искусственного интеллекта, позволяют говорить о дальнейшем увеличении степени этих сходств, что может означать возникновение в перспективе автономной от человека системы, обладающей автопоэтической организацией.

Ключевые слова: автопоэтическая система, Постнеклассическая наука, техника, технонаука, конструктивизм

Autopoietic organization of post-non-classical science and technology**Moskal'ov F.I.***bachelor student**State academic university for the humanities**Moscow, Russia*

The stage of the development of science, designated by V.S. Stepin as post-non-classical, is considered in this report from the position of radical constructivism, which assumes, in particular, the conditionality of the known by the characteristics of the knower. Post-non-classical science is characterized by the desire for interdisciplinarity, awareness of the influence of the cognizing subject, his methods and tools on the result of cognitive activity, as well as the close connection of fundamental scientific research and technology (which is expressed in the idea of technoscience). All of the above is largely correlated with the program of constructivism. It is also possible to draw a conclusion about the organizational similarity of technoscience and the constructivist idea of the cognizing subject, presented within the framework of the concept of autopoiesis (Maturana, Varela). To date, the trends in the development of scientific and technical knowledge, namely the work on the creation of artificial intelligence, allow us to talk about a further increase in the degree of

these similarities, which may mean the emergence in the future of an autonomous human system with an autopoietic organization.

Keywords: autopoietic system, post-nonclassical science, technology, technoscience, constructivism

Цель данного исследования – анализ науки и техники с позиций радикального конструктивизма. Ключевым для нас является тезис, согласно которому наука, как продукт познавательной деятельности человека и техника, как её материальное воплощение (далее мы обозначим сближение данных феноменов) являясь с необходимостью обусловленными особенностями своих создателей перенимают и их организационное устройство, которое согласно подходу У. Матураны и Ф. Варелы, подчиняется принципам автопоэзиса. Автопоэтическая организация сложных самоорганизующихся систем, на наш взгляд, применима к описанию современной постнеклассической науки.

Среди авторов чьи работы имеют ключевое значение для понимания радикально-конструктивистского дискурса необходимо выделить создателя кибернетики второго порядка Х. фон Фёрстера и биокибернетиков У. Матурану, Ф. Варелу. Заслугой первого является особое понимание субъект-объектного взаимодействия. Познание оказывается процессом взаимного конструирования наблюдателя и среды, в которой он находится (фон Фёрстер сравнивает осознание нами факта, что мы живём в среде с осознанием героем пьесы Мольера, что он всю жизнь говорил прозой) [1]. Наше взаимодействие со средой описывается в форме кругообразного процесса, где путём создания описаний субъект создаёт среду, которая воздействует на него, стимулируя, таким образом дальнейшее конструирование этой среды.

Чилийские нейробиологи У. Матурана и Ф. Варела в 1970-е годы на основе идей фон Фёрстера разработали концепцию автопоэзиса, являющуюся естественно-научным описанием познающего субъекта, в общих чертах разделяемым большинством участников радикально-конструктивистского дискурса. Автопоэзис – эмерджентное свойство самозамкнутой системы, заключающееся в её способности к самовоспроизведению, подобно рукам, рисующим самих себя с картины М.К. Эшера. Автопоэзис является критерием, опираясь на который мы можем охарактеризовать систему как живую, то есть как систему, единственным продуктом организации которой, является сама эта система [2]. По мнению У. Матураны жизнь оказывается тождественна познанию. Живая система реализует себя в процессе познания, представляющего собой активную деятельность, в ходе которой происходит ее взаимодействие с миром, адаптация к нему. Это процесс взаимного конструирования субъекта и объекта познания.

Этап развития науки, обозначаемый В.С. Стёпиным как постнеклассический [3], характеризуется стремлением к междисциплинарности, осознанием высокой степени влияния познающего субъекта, его методов и инструментов на результат познавательной деятельности, а также тесной связью фундаментальных научных исследований и техники. Описанные черты во многом соотносятся с программой радикального конструктивизма. Интересно и то, что мы можем

сопоставить конструктивистское представление о субъекте познания и состояние создаваемого им научного знания.

Человек, являясь автопоэтической системой, постоянно осуществляет познавательную деятельность, цели и результат которой обусловлены его организацией, ограничениями и возможностями. Человеческий глаз способен различать цвета, но обладает слепыми пятнами. Мы не можем знать о находящемся в зоне этих пятен и даже не знаем о своём незнании. Схожая характеристика была нами обозначена и у научного познания.

Цель познания для авторов концепции автопоэзиса – осуществление процесса производства, продуктом которого является сама производящая система. Некоторые критики идеи постнеклассической науки, связывают её возникновение с выходом на первый план прикладных наук вместо фундаментальных, что указывает на производственно-потребительский характер деятельности общества [4]. Однако более убедительным и интересным является другое описание устройства современной науки. Антиреалистическое и отказавшееся от истинности как ценности мировоззрение, которое можно рассматривать как синтез идей конструктивизма и неопрагматизма Р. Рорти [5], способствовало, по мнению ряда исследователей [6], рождению новой формы организации науки – технонауки, в рамках которой эффективность деятельности, ориентированной на получение нового знания, т.е. фундаментальной науки, оценивается уже не с позиции соответствия результатов исследований внешней действительности, а исходя из возможности возникновения на её основе технологии, всё чаще обращающейся к достижениям фундаментальной науки. Основная задача технологии – дать человеку возможность контроля над внешним миром, обеспечить его функционирование в нём. В технонауке знание становится инструментом в достижении данной цели.

Таким образом, технонаука обеспечивает существование человека, который обеспечивает существование техники. Иными словами, мы наблюдаем рекурсивную картину, в которой продукт деятельности людей, которым является наука, может рассматриваться вместе со своим создателем в единой системе, осуществляющей процесс самопроизводства. Подобно христианской идее, что всё сотворённое Богом носит след своего создателя, мы можем сделать вывод, что творение человека перенимает его функции. Пока, конечно, ещё нельзя говорить о полностью автономной от нас науке и технике, но их развитие осуществляется в данном направлении.

Наши рассуждения могут иметь значения в свете возникновения новой формы субъекта – искусственного интеллекта. Как мы уже заметили на примере современной науки, конструкты, создаваемые человеком, могут иметь функциональные сходства со своим создателем. Теперь же мы подходим к ситуации, когда их организация не будет уступать нашей организации по сложности. Машина, ставшая умнее своего создателя, рассуждения о которой мы встречаем у Н. Винера [7], действительно кажется возможной.

Искусственный интеллект можно рассматривать как обретение субъектности наукой и техникой и следующий шаг в обретении наших черт нашим конструктом. Создавая в рамках пока что творимой нами технонауки способную к

познанию и самопознанию систему, мы можно сказать позволяем нашему продукту осознать себя, стать самоорганизующимся, а значит и автономным. Человек уже не рассматривается нами как демиург, творец и хозяин мира. В конструктивистской парадигме он может быть сопоставлен с другим античным образом – Пигмалионом, творцом, находящимся во взаимозависимости со своим ожившим творением. Здесь мы рассматриваем отношение примерно равных по сложности систем. Однако создание искусственного интеллекта, технического субъекта, существование которого будет обусловлено исключительно его собственной организацией, позволит нам говорить об автопоэтичности техники и науки, как ресурса для её воспроизводства. Такие системы в перспективе смогут рассматриваться как существующие независимо от нас, системы не менее, а возможно и более сложные, чем их создатели. В данном случае мы становимся подобными главному герою рассказа С. Лема «Формула Лимфатера», сотворившего живую систему, для которой создатели уже не играют никакой роли.

Литература

1. фон Фёрстер Х. О конструировании реальности // Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Мюнхен: PHREN, 2000 с. 164-184
2. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. Перевод с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс Традиция, 2001. 224 с.
3. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
4. Никифоров А. Л. Что такое "постнеклассическая наука"? // Epistemology & Philosophy of Science. 2013. №2. С. 59-64
5. Москалёв Ф.И. Тенденции развития эпистемологического конструктивизма // XVI Ежегодная научная сессия аспирантов и молодых ученых : материалы Всероссийской научной конференции (Вологда, 29 ноября 2022 г.) : в 3 т. / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет ; [главный редактор М. М. Караганова]. Вологда : ВоГУ, 2023. С. 293-296
6. Черникова И.В. Взаимосвязь фундаментального знания и технических проектов науки// Epistemology & Philosophy of Science. 2013. №4. С. 177-189
7. Винер Н. Машина умнее своего создателя // Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном мире и машине. М.: Советское радио, 1958. 216 с.

Большие данные и смена парадигм социального знания

Платонова С.И.

доктор философских наук, доцент

Удмуртский государственный аграрный университет

Ижевск, Россия

УДК 340.08

В статье анализируется формирование четвертой парадигмы социального знания. Особенности четвертой парадигмы является активное использование больших данных, даннофикация социально-гуманитарного знания. Новизна четвертой парадигмы заключается в увеличении количественных цифровых данных о социальных явлениях и акторах. Выявлены основные онтологические, эпистемологические, методологические характеристики четвертой парадигмы социального знания.

Ключевые слова: четвертая парадигма, даннофикация, большие данные, социальная теория

Big data and the paradigm shift of social knowledge

Platonova S.I.

Doctor of Philosophical Sciences

Udmurt State Agricultural University

Izhevsk, Russia

Annotation. The article analyzes the formation of the fourth paradigm of social knowledge. The features of the fourth paradigm are the active use of big data, the datafication of social and humanitarian knowledge. The novelty of the fourth paradigm lies in the increase in quantitative digital data on social phenomena and actors. The main ontological, epistemological, methodological characteristics of the fourth paradigm of social knowledge are revealed.

Keywords. The fourth paradigm, datafication, big data, social theory

В философии и методологии научного знания широко распространенной является теоретическая концепция смены типов научной рациональности, предложенная В.С. Степиным. В.С. Степин различает классический, неклассический и постнеклассический типы научной рациональности, задающие науке соответствующую типологию. Однако во многих исследованиях последних лет утверждается, что современная наука входит в этап четвертой парадигмы научного знания, отличительной чертой которой является объединение эксперимента, теории и моделирования [1]. К особенностям четвертой парадигмы также относится значительное увеличение объемов данных. Наука характеризуется как цифровая: она начинает использовать огромные массивы данных (big data), при этом поток данных непрерывно растет. Подобную трансформацию претерпевают не только естественные науки, но и социально-гуманитарные науки, а также науки инженерного и прикладного характера.

В социальной теории XIX века общество понималось как некая социальная реальность *suū generis*, контролирующая и детерминирующая поведение индивидов (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм). Социальные теории XIX века принято относить к классическому социальному знанию, классической социальной парадигме. С начала XX века основным предметом изучения социальной теории становятся социальные действия и взаимодействия индивидов, а общество понимается как совокупность, результат этих взаимодействий (М. Вебер, П. Бергер, Дж. Мид). Подобные социальные теории относят к неклассическому социальному знанию, неклассической социальной парадигме [2]. В классической и в неклассической социальной теории существует деление общества на два уровня: макроуровень и микроуровень, в которые включаются соответственно крупномасштабные социальные структуры и социальные практики индивидов. Задача заключалась в изучении этих уровней и обосновании тезиса, какой из этих уровней является доминирующим и детерминирующим социальную структуру, функционирование и динамику общества.

С середины XX века возникает еще одно направление социального знания, представленное взглядами П. Бурдьё, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса, утверждавшее, что общество – это результат взаимодействия микро- и макро- уровней, социального действия и социальной структуры. Это направление относится к постнеклассической социальной парадигме [2, с. 38]. Несмотря на то, что в постнеклассическом социальном знании дихотомия двух основных уровней социальной реальности снимается, тем не менее, само деление общества на эти уровни представляется очевидным и не оспаривается.

Использование больших данных, их аналитика ведут к изменениям социальной теории, моделей социальной реальности. Можно утверждать, что в социально-гуманитарных науках формируется четвертая парадигма социального знания.

Большие данные ставят перед социальными науками, прежде всего, перед социальной теорией, ряд трудных вопросов, связанных как с методологией социального исследования, так и с изменением социальной онтологии. Д. Бойд и К. Кроуфорд обращают внимание на то, что большие данные во многом являются мифическим конструктом, содержащим предположение, что аналитика больших данных позволит более глубоко и всесторонне исследовать социальные процессы [3]. Однако простота получения больших данных, зачастую являющихся «цифровым следом», «цифровым выхлопом» автоматически не приводит к адекватному изучению, концептуализации социальных процессов, к пониманию социальных паттернов. Действительно, важно не только получить данные с помощью определенных алгоритмов, но и правильно их интерпретировать. При этом большие данные кажутся естественными и неизбежными, однако за этой естественностью могут скрываться как частные интересы крупных компаний, так и саморепрезентация пользователей, социальных акторов.

Претензии к большим данным связаны также с усилением с их помощью социального контроля и возможностей манипулирования общественным мнением. В.В. Миронов поднимает вопросы соотношения реального и виртуально-го мира, зависимости человека от больших данных и, соответственно, воспри-

ятия мира через большие данные, которые могут симулировать, исказить реальную картину мира в интересах владельцев информационных сайтов. Он формулирует новую угрозу, связанную с тем, что «глобальная цифровая пещера может выступить моделью нового тоталитарного общества» (4, с. 18).

Критическое отношение к большим данным в социальной теории возможно с нескольких позиций:

- со стороны информационных технологий и процедур получения больших данных;
- со стороны акторов, производящих эти данные;
- со стороны обществоведов, анализирующих и интерпретирующих эти данные.

В конечном счете, эти вопросы могут быть сведены к самому главному вопросу: можно ли с помощью больших данных получить более полное знание об обществе или это знание окажется всего лишь искаженной картиной социальной реальности?

Мы уже обращали внимание на тот факт, что «появление больших данных и связанное с ними отрицание теории, метатеоретических инструментов возвращает нас к раннему периоду формирования социальных наук, к XIX веку. При этом утверждалась тождественность общества и социальных структур объектам природы. Логика научного исследования отталкивалась от эмпирических фактов и, далее, двигалась в сторону хорошо обоснованной и эмпирически доказанной теории» [5, с. 16]. Данная методологическая установка реанимируется в начале XXI века в четвертой парадигме социального знания, опирающейся на большие данные. Многие обществоведы полагают, что большие данные – это лучшие данные, отрицающая при этом значимость гипотез, теоретических моделей. Трудно согласиться с подобным тезисом. Это весьма сильное утверждение, так как новизна данноцентричной науки заключается лишь в увеличении количественных цифровых данных о социальных явлениях и акторах. При этом методологические и эпистемологические стратегии ориентированы на эмпирические методы и индуктивные обобщения, отрицание гипотез и теорий, игнорирование социального контекста, что было характерно для классической социальной науки XIX в.

Большие данные приводят к пересмотру моделей социальной реальности. Новую социальную реальность, складывающуюся под воздействием цифровых технологий и цифровизации общества, некоторые исследователи называют постгуманистической реальностью. П. Тернберг (P. Törnberg) и А. Тернберг (A. Törnberg) подчеркивают незавершенность социальной онтологии, так как социальная жизнь представляет собой процесс, а не фиксированную целую социальную реальность как сумму частей [6]. Общество принципиально незавершенно. Эти ученые обосновывают появление цифровой социальной парадигмы. Цифровая парадигма упрощает понимание общества, сближая общество с природными объектами и возрождая тем самым натурализм [6]. Общество становится сетевым, одноуровневым, с множеством одноуровневых взаимодействий. Большие данные анализируют взаимодействия на микроуровне, которые часто приводят к формированию моделей более высокого социального уровня. Следо-

вательно, в центре социальной онтологии оказывается не общество как социальная система, а коммуникации между индивидами, сетевые взаимодействия. Не случайно большое количество публикаций последних лет в отечественной философской литературе посвящено именно изучению социальных коммуникаций индивидов, включая онлайн-коммуникации, формирование виртуальной, сетевой идентичности [7].

Изменения в социальной онтологии относятся также к пониманию социальных акторов, индивидов. Предлагается текучий образ человека, человеческого, подчеркивается взаимосвязь человека и цифровой среды, от которой человек становится неотделимым. Индивиды начинают взаимодействовать с Интернетом, техническими инструментами, что ведет к появлению социотехнических систем, где полноправным участником социального взаимодействия может быть техническая система, машина, робот. Информационная среда с разнообразными технологиями может привести (и приводит) к появлению гибрида «человек-виртуал», *homo digital*, искусственной социальности [8]. Акторно-сетевая теория говорит об исчезновении границ между фундаментальными дихотомиями, такими, как природа/культура, материальное/нематериальное, структура/действие. В настоящее время проблема взаимодействия и взаимоотношения человека и виртуальных технологий приобретает особую остроту, связанную с вовлеченностью индивидов в информационную среду. Вполне возможно, что амбивалентность сетевого общения, использование всевозможных технических устройств, общение «лицом в устройство» (*face into the device*) ведет к формированию социотехнической идентичности, к формированию киборга, совмещающего в себе природные и технические свойства. Вполне возможно, что мы стоим перед выбором: или человек будет руководить информационными технологиями, или информационные технологии будут руководить нами.

В заключение обозначим основные выводы. В рамках формирующейся четвертой парадигмы социального знания общество рассматривается как одноуровневая реальность, как социальная сеть, в которой взаимодействуют два фактора – человеческое поведение и техническая составляющая. Онтологическими особенностями четвертой парадигмы являются «снятие» дихотомии макро- и микро-уровней социальной реальности, акцент на незавершенности и одномерности общества, его текучести, изучение взаимодействия индивидов и технических объектов, приводящее к трансформации социальной среды, социальной идентичности, ценностно-целевых установок. Эпистемологическими особенностями четвертой парадигмы являются использование и аналитика больших данных, которые позволяют отслеживать все виды человеческого поведения. При этом необходимо отметить, что все больше исследователей призывает объединить большие данные и малые данные, количественные и качественные исследования. В рамках четвертой парадигмы классическая и неклассическая методология не противопоставлены, а дополняют друг друга. Если за большими данными теряется конкретный человек, уникальное явление, то при изучении частных случаев трудно делать обобщения относительно крупномасштабных социальных процессов, больших данных и величин. Поэтому размер используемых данных должен соответствовать целям и задачам исследования.

Литература

1. Hey T., Tansley S., Tolle K. Jim Grey on eScience: A transformed scientific method // *The Fourth Paradigm: Data-Intensive Scientific Discovery* / Eds: Hey T., Tansley S., Tolle K. Redmond: Microsoft Research, 2009. Pp. XVII-XXXI.
2. Платонова С.И. Наука, парадигма, теория в социальном знании // *Дискуссия*. 2014. № 3(44). С. 35-40.
3. Boyd D., Crawford K. Critical questions for big data: Provocations for a cultural, technological, and scholarly phenomenon // *Information, Communication and Society*. 2012. Vol. 15 (5). Pp. 662-679.
4. Миронов В.В. Платон и современная пещера big data // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 4–24.
5. Платонова С.И. «Четвертая парадигма» научных исследований и социогуманитарные науки // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2020. Т. 23. № 3. С. 7-24.
6. Törnberg P., Törnberg A. The limits of computation: A philosophical critique of contemporary Big Data research // *Big Data & Society*. 2018. Vol. 5. Is. 2. Pp. 1-12. <https://doi.org/10.1177/2053951718811843>
7. Курганская В.Д., Дунаев В.Ю., Сагикызы А. Феномен идентичности в социальном конструировании виртуальной реальности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 487–499.
8. Лешкевич Т.Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // *Вопросы философии*. 2022. № 3. С. 53-63.

Каково быть наблюдателем кота Шредингера?**Плющ А.Н.***Доктор психологических наук, старший научный сотрудник
Киев, Украина*

УДК 159.9.01

На основе постнеклассической методологии предложена модель организации самосознания, рассмотренного как процесса рефлексивного самонаблюдения. Использование ситуации эксперимента с котом Шредингера, позволило выделить три типа позиций наблюдателей: внутреннего, внешнего, воображаемого, когда позиция последующего находится за пределами мира предыдущего. Если при анализе ситуации с котом Шредингера наблюдатели разных типов рассматриваются как автономные, то рефлексивные наблюдатели наращивают сложность своей организации, последующий тип включает в свой состав предыдущий. В квантовом мышлении, возможность которого предполагается в постнеклассической методологии, суперпозиция рассматривается как позиция воображаемого автора, в которой модели субъекта в предыдущих позициях интегрируются в целостное понимание. Исходя из тринитарной природы, квантовое мышление обуславливает обновление знания, создание коллективного субъекта познания, задание аттрактора саморазвития субъекта. Механизм саморазвития, заложенный в этом типе мышления, может применяться и для совершенствования самого мышления, которое становится инструментом познания изменяющегося мира. Развертывающееся квантовое мышление предоставляет субъекту возможности выстраивать организацию внутреннего мира, сопряженную с организацией внешнего мира, что позволяет адаптироваться и преадаптироваться к среде и быть готовым к познанию еще непознанного.

Ключевые слова: постнеклассическая методология, самосознание, квантовое мышление, суперпозиция, аттрактор саморазвития.

What Is It Like to Be an Observer of Schrodinger's Cat?**Plyushch A.N.***Doctor of Psychology, Senior Researcher
Kiev, Ukraine*

Annotation. On the basis of post-non-classical methodology, a model of the organization of self-consciousness, considered as a process of reflective self-observation, is proposed. Using the situation of the experiment with Schrodinger's cat made it possible to distinguish three types of positions of observers: internal, external, imaginary, when the position of the next one is outside the world of the previous one. If in the analysis of the situation with Schrodinger's cat observers of different types are considered as autonomous, then reflexive observers increase the complexity of their organization, the next type includes the previous one. In quantum thinking, the possibility of which is assumed in post-non-classical methodology, superposition is seen as the position of an imaginary author, in which the models of the subject in

previous positions are integrated into a holistic understanding. Proceeding from the trinitarian self nature, quantum thinking conditions the renewal of knowledge, the creation of a collective subject of knowledge, the assignment of the attractor of the self-development of the subject. The self-development mechanism inherent in this type of thinking can also be used to improve thinking itself, which becomes a tool for understanding the changing world. The unfolding quantum thinking provides the subject with the opportunity to line up an organization of the inner world, coupled with the organization of the external world, which allows him to adapt and pre-adapt to the environment and be ready to know still unknown.

Key words: post-nonclassical methodology, self-consciousness, quantum thinking, superposition, attractor of self-development.

Методологическая культура проведения теоретических изысканий предусматривает, что перед их началом исследователь должен понимать, какой инструмент он собирается использовать и его возможности. Исходя из таких предпосылок, в качестве такого инструмента заявим постнеклассическую методологию, в рамках которой изучаемые объекты рассматриваются как простые, сложные, саморазвивающиеся системы [1]. В таком понимании заложено два подхода, два метода изучения процессов развития. В одном случае этот подход однозначно задается самим обозначением системы как саморазвивающейся, то есть рассматривается развитие автономной системы. В рамках другого подхода развитие рассматривается как общий принцип развития систем, что прослеживается в нарастание сложности их организации от простых к более сложным. Проявление этого общего принципа предусматривает рассмотрение развития системы в контексте развития других систем. Вместе с тем, появление второго подхода знаменует и возможность третьего подхода, когда развитие одновременно рассматривается как внутренний процесс системы и как ее адаптация к внешней среде. «Бинокулярное зрение» третьего подхода предполагает суперпозицию исследователя, одновременно находящегося в позиции внутреннего и внешнего наблюдателя изучаемой системы.

Задав методологический инструментарий, перейдем к рассмотрению кота Шредингера и возможных позиций наблюдателя его состояний. Воспользуемся логикой наблюдателя, оперирующего концептуальными понятиями для определения состояний кота: «живой» и «неживой» [2]. Первой позицией наблюдателя состояний является внутренняя позиция самого кота, который может оперировать единственным значением, поскольку, пребывая во втором, не сможет ничего сообщить самому себе. Ментальным инструментом этого наблюдателя является монологичное мышление кота, позволяющее ему утверждать о собственном состоянии («мыслию, значит существую»).

Другой позицией наблюдателя будет позиция за пределами внутреннего мира кота, но внутри его жизненного мира, который в условиях эксперимента ограничен размерами ящика, в котором содержится кот. Будем считать, что этот непосредственный наблюдатель защищен от вредоносного воздействия. Для того, чтобы определить состояние кота этот наблюдатель вступает во взаимодействие с котом или путем коммуникации или непосредственного воздействия с

целью вызвать какую-нибудь физическую реакцию, подтверждающую состояние кота. Для внешнего непосредственного наблюдателя жизненного мира кота возможно одно из двух состояний кота: или тот живой, или неживой. Инструментом определения состояний кота является системное мышление, в рамках которого предполагается интеграция элементов в целостность (систему) и становится возможным две точки зрения на ее развитие: внутренняя со стороны элементов и внешняя как автора целостности, предполагающего возможность функционирования системы во внешнем мире. Частным случаем системного является бинарное мышление (или, или).

Третьей возможной позицией, является позиция внешнего наблюдателя Шредингера, находящегося за пределами жизненного мира кота. Поскольку по условиям эксперимента непосредственного доступа к наблюдению за жизнедеятельностью кота нет, то представления о состояниях кота разворачиваются в воображении наблюдателя. Для этого наблюдателя становится возможна суперпозиция возможных состояний кота, когда кот одновременно и живой и неживой. Обозначим такое мышление, когда автор интегрирует две возможные теоретические модели в целостное понимание, как квантовое. Потенциальная возможность квантового мышления заложена и в системном мышлении, когда две точки зрения на развитие системы рассматриваются не в парадигме бинарного (или, или), а синергетического мышления (и, и). Квантовое мышление тринитарно по своей природе, поскольку в нем заложено появление третьей позиции воображаемого наблюдателя. Это в общем случае приводит к тому, что определение наблюдателем Шредингера состояния кота во времени представляет траекторию в трехмерном фазовом пространстве его состояний, стремящуюся к своему аттрактору: «живой», «неживой», неопределенное состояние.

Заметим, что хотя в каждой следующей позиции наблюдатель оказывается за пределами мира предстоящего наблюдателя, четвертой позиции наблюдателя не возникает в связи с тем, что наблюдатель за наблюдателем Шредингера все равно оказывается за пределами жизненного мира кота, образуя, тем самым, цепочку вложенных воображаемых наблюдателей. У нас образовалось три типа наблюдателей (внутренний, внешний, воображаемый), которым присущи различные типы мышления (монологичное, системное, квантовое).

Применим полученное знание про возможных наблюдателей и их типы мышления для анализа устройства психики в целом. Под психикой будем понимать внутренний мир субъекта, функционирующего в мире. Самосознание, представляющее совокупность рефлексивных процессов субъекта, рассмотрим в качестве и производной и инструмента построения внутреннего мира. Т. Нагель считает, что самосознание делает проблему тело–разум неразрешимой, в связи с невозможностью его реконструкции средствами языка другого субъекта, то есть из-за неполноты возможного знания [2]. Будем действовать по принципу «что нам мешает, то нам и поможет», включив самосознание, выполняющее функцию обратной связи, в целостное понимание процессов, происходящих с субъектом в мире. При этом, как следствие такого понимания, предполагается бесконечная неполнота конструируемой «разумной» картины мира, иначе бы на каком-то этапе отпала бы необходимость в обратной связи. Отме-

тим, что появление обратной связи является следствием расширения первоначальной модели тело–разум до модели среда–тело–разум, где у разума появляется функция не только отображения среды и управления телом, а и функция обратной связи по отношению к самому себе.

Рассмотрим самосознание носителя психики, когда он выступает в роли собственного наблюдателя. Рефлексивные процессы самосознания по своей природе являются квантовыми, поскольку в них по определению заложена возможность двух позиций: субъекта сознания и рефлексивного субъекта самосознания – и субъекта и его инструмента, в качестве которого выступает он сам.

В результате предыдущего анализа было выделено три типа возможных позиций носителя психики, которые полностью описывают спектр всевозможных позиций рефлексивного субъекта. Это позиции внутреннего наблюдателя, внешнего наблюдателя и будущего воображаемого наблюдателя (последняя соответствует позиции внешнего наблюдателя Шредингера). Если при анализе ситуации с котом Шредингера наблюдателей разных типов рассматривали как автономных, то рефлексивные наблюдатели наращивают сложность своей организации, последующий тип включает в свой состав предыдущий: внутренний, внешний (внутренний + внешний), воображаемый (внутренний + внешний + будущий).

Рефлексивный субъект в каждой из позиций наблюдателя использует свой ментальный инструмент, с присущими ему типами мышления – монологичным, системным, квантовым. Нарастание сложности мышления обусловлено ростом сложности организации его автора (единичный, единичный + социальный, единичный + социальный + будущий). У единичного автора отмечаем внутреннюю логику последовательного нарастания сложности мышления. У социального автора имеются две логики развития: внутренняя и внешняя как переход на уровень мышления социальной среды. У будущего автора – три логики развития: последовательная (проходя этапы развития), дискретная (квантовый скачок в позицию будущего автора) и процессуальная (поиск оптимальной траектории развития в фазовом пространстве позиций будущего автора).

Квантовое мышление начинается с появления у его субъекта метакультурной позиции, предполагающей возможность интеграции существующего и нового знания. Квантовое мышление социального субъекта предполагает появление новой социальной позиции, что ведет к появлению в его арсенале многозначной логики развития у множественных конструируемых и предполагаемых коллективных субъектов. Соответственно, поступление новой информации приводит и к интеграции и к дифференциации коллективного знания. Для будущего субъекта квантового мышления процесс интеграции нового знания в существующую модель жизненного мира можно соотносить с положительной обратной связью, дифференциации – с появлением дополнительной обратной связи – отрицательной. В ходе разворачивания квантового мышления происходит процесс самоорганизации его будущего автора, предполагающий поиск оптимального сочетания положительных и отрицательных обратных связей по обновлению его ментального инструмента. Механизм саморазвития, заложенный в квантовом мышлении, может применяться и для совершенствования самого квантово-

го мышления. Как следствие, квантовое мышление обуславливает обновление знания, создание коллективного субъекта познания, задание аттрактора саморазвития субъекта как автора модели жизненного мира.

Подводя итоги. Сложность инструмента самосознания соответствует сложности внутреннего мира субъекта, поскольку является его производной. Инструмент познания трехмерной сложности организации предоставляет возможности для преодоления неполноты системы имеющихся знаний, в связи с тем, что в нем заложена возможность его совершенствования. Учитывая, что по теореме Г. Перельмана, бесконечное пространство можно спроецировать на трехмерную сферу, становится возможной трехмерная модель изменяющейся Вселенной. Развертывающееся квантовое мышление предоставляет субъекту возможности выстраивать организацию внутреннего мира, сопряженную с организацией внешнего мира, что позволяет адаптироваться и предадаптироваться к среде и быть готовым к познанию еще непознанного. Это происходит благодаря наличию позиции воображаемого будущего субъекта, способного выходить за пределы существующего мира и воссоздавать невидимые его конструкции, доступные наблюдателю, использующему нечеткую логику мышления.

Литература

1. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006.
2. Нагель Т. Каково быть летучей мышью? / Хофштадтер Д., Деннет Д. (ред.). Глаз разума: Фантазии и размышления о самосознании и о душе. Самара: Бахрах-М, 2003. С. 349-360.

Динамика науки в свете философских стратегий В.С. Степина и Ж. Симондона

Свирский Я.И.

Доктор философских наук
Институт Философии РАН
Москва, Россия

*В.С. Степин и Ж.Симондон** уделяли особое внимание креативному влиянию культуры (в том числе и технической) на научное познание. Хотя Степин явно не использовал термин «метастабильность» (ключевой для Симондона), он очевидно акцентирует внимание на теме самоорганизации (синергетики), в которой особо выделяются сюжеты, связанные с неустойчивостью, неопределенностью, эмерджентностью и согласованностью. Данные сюжеты подчеркивают также важность адаптивных процессов и междисциплинарных методов для понимания научных концепций. Интересы Степина во многом связаны с динамикой научных парадигм, их становления и взаимовлияний. Такая динамика занимает немалое место и в творчестве Симондона. Последняя именуется французским философом термином «индивидуация». Общность тем этих фи-

* Жильбер Симондон (1924—1989) — французский философ. Создатель оригинальной философии техники и теории индивидуации. Получил широкую известность в конце XX века, хотя основные его работы были написаны во второй половине 1950-х гг.

лософов, сравнительный анализ их творчества может способствовать более глубокому пониманию внутренних качеств и свойств самоорганизующихся систем, а также тех концептуальных оснований, какие позволяют контактировать со сверхсложными системами (физическими, психическими, социальными), конституирующими реальность и познание.

Ключевые слова: междисциплинарность, индивидуация, метастабильность, трансдукция, технология, адаптация, процессуальность, культура, экология, постнеклассическая наука.

The dynamics of science in the light of the philosophical strategies of V.S. Stepin and G. Simondon

Svirskiy Y.I.

DSc in Philosophy

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Annotation. V.S. Stepin and G. Simondon paid special attention to the creative influence of culture (including technical) on scientific knowledge. Although Stepin did not explicitly use the term "metastability" (a key term for Simondon), he obviously focuses on the topic of self-organization (synergetics), in which plots related to instability, uncertainty, emergence and consistency are highlighted. These stories also highlight the importance of adaptive processes and interdisciplinary methods for understanding scientific concepts. Stepin's interests are largely related to the dynamics of scientific paradigms, development and mutual influences. Such dynamics occupies a considerable place in the work of Simondon. The latter is called by the French philosopher the term "individuation". The commonality of the themes of these philosophers, a comparative analysis of their work can contribute to a deeper understanding of the internal qualities and properties of self-organizing systems, as well as those conceptual foundations that allow contact with super-complex systems (physical, mental, social) that constitute reality and cognition.

Key words: interdisciplinarity, individuation, metastability, transduction, technology, adaptation, procedurality, culture, ecology, postnonclassical science.

Философские стратегии В.С. Степина и Ж. Симондона можно рассматривать как взаимодополнительные подходы к пониманию динамики науки, особенно в отношении производства знаний, технологических прогрессов и социальных преобразований. Степин подчеркивал важность междисциплинарных исследований и синтеза для достижения всестороннего понимания сложных научных проблем. Напомним, что, согласно Степину, в развитии научной рациональности было три основных этапа: классическая наука, неклассическая наука и постнеклассическая наука. Постнеклассическая наука - парадигма, возникшая как ответ на растущую сложность научных проблем - подчеркивает интеграцию различных научных областей, методологий и перспектив для более эффективно и всестороннего решения сложных проблем. Постнеклассическая наука выходит за традиционные границы между дисциплинами, стремясь к более цело-

стному пониманию различных явлений. Признавая, что ни одна дисциплина не может полностью охватить сложные проблемы, постнеклассическая наука призывает к совместным усилиям в различных областях для создания инновационных решений. Постнеклассическая наука нацелена на изучение сложных систем, характеризующихся нелинейной динамикой, эмерджентными свойствами, самоорганизацией и адаптацией. Этот фокус требует перехода от редукционистских подходов к системным и целостным методологиям. В этой парадигме исследователи должны постоянно оценивать свои предположения и методы, учитывая более широкие последствия своей работы как для общества, так и для мира природы. Постнеклассическая наука признает, что неопределенность присуща изучению сложных явлений из-за ограниченности данных, пробелов в знаниях или динамических изменений в системах с течением времени. Исследователи должны включать неопределенность в свой анализ, но при этом быть осторожными, чтобы не быть парализованными ею. Кроме того, она выходит за рамки междисциплинарности в сторону трансдисциплинарности, поскольку направлена на создание общей структуры или языка, позволяющего экспертам из различных областей конструктивно взаимодействовать друг с другом при решении общих исследовательских вопросов. В целом, постнеклассическая наука обеспечивает основу для сотрудничества между различными научными дисциплинами и адаптации новых методологий, разработанных для решения сложных проблем, стоящих перед современным обществом. В основе философии Степина лежит принцип конструктивности или "принцип когерентности". Здесь он утверждал, что системы или теории должны быть последовательными и поддаваться конструированию и реконструированию, чтобы обладать значимой научной обоснованностью.

С другой стороны, и Жильбер Симондон был заинтересован в коммуникации между наукой, культурой, технологиями и природой.

Симондон утверждал, что мы должны понимать индивида (будь то физического, биологического, наделенного психикой или причастного к коллективу, интерпретируемому также как индивид) через процесс индивидуации, а не просто фокусироваться на самом индивиде. Он подчеркивал, что отношения между индивидами уникальны и динамичны, они постоянно формируются вместе с самими индивидами. Эти отношения не могут существовать независимо от вовлеченных в них индивидов также, как и индивиды от отношений. Кроме того, в системе Симондона отношения возникают из «доиндивидуального» состояния, характеризующегося метастабильностью - состояния, содержащего напряженности и несовместимые потенциалы. В процессе индивидуации эти различия в потенциалах интегрируются в систему отношений, которая соединяет ранее несовместимые элементы. Это означает, что даже после формирования индивида, он все еще сохраняет некоторые аспекты доиндивидуального состояния. В целом, концепция индивидуации Жильбера Симондона подчеркивает важность понимания индивидов и отношений как взаимосвязанных процессов, претерпевающих постоянные изменения в рамках его реляционной онтологии. Предложенная Симондоном теория индивидуации предполагает, что живые и неживые сущие, как и научное знание развиваются в ходе непрерывных процессов,

включающих взаимодействие с ассоциированной с ними средой, а не просто следуют внутреннему плану или структуре. Симондон рассматривал научное творчество как неотъемлемо связанное с процессами изобретения и разрешения проблем на всех уровнях организации сущего. В том числе и технические объекты не могут быть поняты независимо от их окружения; их следует рассматривать как встроенные в более широкие сети отношений между людьми, машинами, ресурсами.

Итак, между синергетическим подходом Степина и концепцией индивидуации Симондона можно обнаружить интригующие совпадения.

Прежде всего стремление Степина интегрировать различные области перекликается с реляционной парадигмой Симондона, что свидетельствует о междисциплинарной направленности стратегий обоих авторов, полагающих, что понимание различных аспектов реальности в их совокупности помогает лучше понять работу той или иной научной дисциплины. И Степин, и Симондон используют перспективы из разных научных областей - физики, биологии, психологии и других, - дабы обогатить свое понимание философии науки. Такое отнюдь не произвольное объединение понятий из различных дисциплин позволяет выявить и отследить корреляцию между процессами самоорганизации и индивидуацией. Кроме того, оба философа указывают на важность адаптации через взаимодействие: сущие проходят непрерывную адаптацию к среде (возникающую одновременно с ними) или к социальному контексту. У Симондона это происходит в процессе индивидуации на различных уровнях (физическом/витальном/психическом), а у Степина - в рамках научного познания как адаптивного процесса, возникающего в результате взаимодействия человека и среды. Далее, оба мыслителя подчеркивают роль социальной динамики и культурных влияний при изучении динамики не только научного знания, но и того контекста (или фона), на котором последнее реализуется и оперирует. Взгляд Степина на науку как на развивающийся организм резонирует с концепцией индивидуации Симондона, утверждавшего, что развитие - это непрерывный процесс, вытекающий из симбиотических отношений между взаимосвязанными сущими. И наконец, оба мыслителя признают важность творчества и изобретательности как движущей силы и в физической реальности, и в живом, и в научном познании, и в технологических преобразованиях.

Одно из центральных мест в мысли Симондона занимает технология, исследуемая через такие понятия, как "конкретизация" (способ, каким технические объекты становятся более эффективными) и "трандукция" (возникновение структур через обмен энергией). Для Симондона технология способствует процессам индивидуации и создает новые возможности для человеческого опыта.

Хотя Степин непосредственно не занимался философией техники, он признавал роль, какую технологии играют в развитии науки, превращая абстрактные конструкты в практические приложения с социокультурным воздействием. Степин утверждал, что научные знания также должны рассматриваться в культурных рамках. Точно также Симондон настаивал на необходимости интеграцию технологий в более широкий человеческий контекст. Оба философа утвер-

ждают, что эти знания не должны быть изолированы от их более широких последствий для общества или отдельных людей.

Хотя Симондон в своих работах не использовал термин «синергетика», между теориями Симондона о процессах индивидуации и принципами синергетики имеют место связи, о чем как раз и свидетельствует акцент, какой философия Симондона делает на понимании того, как отдельные сущности появляются на свет благодаря взаимодействию с ассоциированной средой. В этом и можно усматривать сходство с синергетикой, изучающей самоорганизацию в открытых, нелинейно моделируемых средах, активно взаимодействующих с потоками энергии и вещества, идущими извне.

Центральным понятием в мысли Симондона является трансдукция - возникновение структур в результате обмена энергией или процессов самоорганизации. Это понятие тесно перекликается с исследованиями синергетики о создании сложных структур из сравнительно простых частей посредством нелинейных взаимодействий.

И размышления Симондона о метастабильности (которая охватывает потенциальные энергетические состояния, готовые к трансформации), и синергетика (озабоченная тем, как упорядоченные структуры могут возникать из хаотичных или неупорядоченных начал) указывают на интерес к тому, что скрывается под устоявшимися формами, что свидетельствует о близости синергетического и реляционного подходов к исследованию метастабильных состояний, обеспечивающих способность динамических систем к трансформациям.

Итак, учитывая схожесть тем, объединяющих стратегии Степина и Симондона (акцент на процессах, возникновении и самоорганизации) концепция индивидуации имеет поразительно общие черты с синергетической парадигмой. И хотя Симондон писал свои тексты еще до введения термина «синергетика» в широкий научный обиход, его философские идеи совпадают с данной проблематикой и могут способствовать пониманию динамики как сложных систем, так и их познания в различных областях.

Итак, подход Степина к постнеклассической науке и концепция индивидуации Симондона имеют важные общие черты: оба подчеркивают междисциплинарное сотрудничество и взаимообогащающие перспективы из разных областей; оба признают важность адаптации через взаимодействие - будь то в рамках научного познания или на различных уровнях индивидуации; оба подчеркивают влияние социальной динамики и культурных факторов в формировании научного знания.

В конечном итоге, если Степин фокусируется на междисциплинарных исследованиях для лучшего решения сложных научных проблем в постнеклассической науке, то Симондон рассматривает связи между культурой, технологией и природой через свое понимание индивидуации. Эти взаимодополняющие философские стратегии предлагают уникальные идеи, какие могут способствовать более широкому пониманию производства знаний, технологических прогрессов и социальных преобразований в нашем все более взаимосвязанном, сложно организованным и динамично модифицируемом мире.

Постнеклассическая наука: рекурсия смысла в сетевых языковых моделях Сергеев С.Ф.

Доктор психологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

УДК 130.2.:62

Проведен анализ проблемы техногенеза смысла, возникающего в текстах, генерируемых в рекурсивных сетевых языковых моделях. Показана тенденция к усложнению смысловой структуры искусственных текстов, приближение их качества к языковым моделям человека. Рассматриваются вопросы технологий и методологии развития моделей смысла в системах искусственного интеллекта.

Ключевые слова: понимание, смысл, рекурсия, постнеклассическая наука, генеративные языковые модели, GPT.

Postclassical Science: Recursion of Meaning in Network Language Models Sergeev S.F.

Doctor of psychology, Professor
St. Petersburg state University
Saint Petersburg, Russia

Annotation. Abstract: An analysis of the problem of technogenesis of meaning in texts generated by recursive network language models is conducted. The tendency towards the complexification of the semantic structure of artificial texts and the approximation of their quality to human language models is demonstrated. Issues of technology and methodology for the development of meaning models in artificial intelligence systems are considered.

Keywords: understanding, meaning, recursion, postclassical science, generative language models, GPT.

Введение. Современный мир цифровых технологий и коммуникаций стал в последнее время свидетелем внушительного развития технологий искусственного интеллекта, в том числе сетевых языковых моделей, которые становятся одним из ключевых инструментов в обработке естественного языка [1–3]. Достигнуты значительные успехи в области разработки и применения таких моделей, включая генеративные нейронные сети, основанные на технологиях глубокого обучения. Возникает необходимость философской и научной рефлексии данных технологий с целью углубленного исследования принципов и механизмов, лежащих в основе этих моделей, чтобы понять их действительную природу и раскрыть потенциал для дальнейшего совершенствования.

В рамках постнеклассической науки, которая стремится преодолеть границы традиционного научного подхода и разработать новые методологии и концепции, становится ясным, что сетевые языковые модели обладают глубоким рекурсивным смыслом, который воздействует на их эффективность и гиб-

кость. Рекурсия, как концепт, подразумевает повторение процесса или понятия внутри себя, что позволяет сетевым языковым моделям создавать сложные понятийные структуры и связи между словами, фразами и предложениями.

Актуальность данного исследования связана с тем, что рекурсия смысла в сетевых языковых моделях становится ключевым фактором для их улучшения и оптимизации.

Научная значимость исследования заключается в возможности углубления теоретического понимания принципов работы сетевых языковых моделей и их способности строить глубокие связи между элементами естественного языка.

Понимание того, как именно сетевые языковые модели строят связи и обрабатывают информацию с использованием рекурсивного подхода, может привести к созданию новых алгоритмов и методов улучшающих качество и эффективность этих моделей, что открывает перспективы для создания интеллектуальных систем, способных к генерации осмысленных текстов, адаптации к контексту обладающих высокой степенью гибкости и креативности.

Рекурсия смысла в языковых моделях. Исследование рекурсии смысла в сетевых языковых моделях в рамках постнеклассической науки актуально как для научного сообщества, стремящегося к расширению теоретических знаний в области обработки естественного языка, так и для практического применения, направленного на разработку новых интеллектуальных систем и приложений. Рекурсия смысла в языковых моделях означает, что модель может использовать свой собственный вывод для дальнейшей генерации текста или понимания запросов. Это связано с идеей, что модель способна сама находить и использовать для самообучения информацию, которую она предоставляет в своих ответах.

В контексте языковых моделей, таких как GPT-3 [4], рекурсия смысла может проявляться в следующих аспектах:

1. *Понимание вопросов:* Модель может использовать контекст предыдущих вопросов и ответов, чтобы лучше понять текущий запрос. Например, если пользователь задает вопрос, начинающийся со слова "он", модель может использовать предыдущий контекст для определения, о ком идет речь.

2. *Понимание собственных ответов:* Модель может использовать свой же собственный вывод в качестве контекста для генерации последующих ответов. Например, если модель генерирует ответ на вопрос и затем следующий вопрос основан на этом ответе, модель может использовать свой предыдущий ответ для лучшего понимания запроса.

3. *Повторение контекста:* Модель может повторять или расширять свой собственный контекст, чтобы уточнить или дополнить предыдущие ответы. Например, если модель генерирует часть предложения и затем продолжает его, она может использовать свою собственную генерацию для создания более полного или информативного ответа.

Рекурсия смысла может быть полезной, поскольку она позволяет модели использовать предыдущий контекст для лучшего понимания запросов и генерации более смысловых ответов. Однако, она также может привести к некоторым проблемам, таким как повторение информации или недостаточное внимание к

новому контексту. Поэтому важно тщательно контролировать и управлять рекурсией смысла в языковых моделях, чтобы достичь желаемого качества ответов.

Категории смысл и понимание в рамках классической науки. Смысл и понимание – это два связанных, но разных понятия, отражающие восприятие и понимание текста или сообщения. Смысл обычно описывает общую идею или содержание текста. Это то, что автор хочет передать своему читателю. Смысл может быть явным, то есть прямо выраженным в тексте, или неявным, требующим дополнительного контекста или понимания.

Понимание, с другой стороны, связано со способностью читателя или слушателя осмысливать содержание текста или сообщения. Это процесс интерпретации информации, который включает в себя распознавание значений слов, идей, образов и т. д., а также связывание их с предыдущим опытом и знаниями.

Сходство между смыслом и пониманием заключается в том, что оба понятия связаны с процессом передачи и интерпретации информации. В то же время, различие между ними заключается в том, что смысл относится к информации, которая была написана или сказана, в то время как понимание – к способности читателя или слушателя воспринимать и понимать эту информацию. Кроме того, понимание может быть связано с тем, как разные люди могут интерпретировать смысл одного и того же текста. Например, два человека могут прочитать одно и то же предложение и понять его по-разному в зависимости от их личного опыта и знаний. В таблице 1 представлены классические модели смысла, отражены их достоинства и недостатки, проистекающие из базовых методологических предположений отражающих глубинный понятийный и философский смысл рассматриваемых категорий.

Таблица 1 Основные модели смысла и их свойства

Модели смысла	Основные свойства	Возможности	Ограничения
Референциальная модель (Эмери Дж. Хислоп-Маргисон)	Смысл связан с отношением между словом и объектом, на который оно указывает	Ясность и точность в коммуникации	Невозможно передать абстрактные и сложные понятия.
Контекстуальная модель (Severin Schroeder)	Смысл зависит от контекста, в котором используется слово или фраза	Гибкость и адаптивность к различным ситуациям	Необходимы дополнительные пояснения при неявном или разном контексте
Семантическая модель (И.А. Мельчук)	Смысл связан с семантическим значением слова или фразы, определенным в словаре	Точное и однозначное определение смысла	Неспособна передать нюансы восприятия значения слова и фраз
Концептуальная модель	Смысл связан с концептом или идеей, ко-	Передача абстрактных и сложных по-	Необходимы до-

Модели смысла	Основные свойства	Возможности	Ограничения
	торые выражаются словом или фразой	нятий	яснения, если концепт не знаком собеседнику.
Прагматическая модель	Смысл зависит от цели коммуникации, от того, что собеседники хотят достичь	Эффективное достижение целей коммуникации	Необходимы ясная формулировка цели и взаимопонимание между собеседниками.
Экспертная модель	Смысл связан со знаниями и опытом эксперта	Получение точной и квалифицированной информации	Ограничен доступ к экспертам, возможно искажение суждений экспертов
Дискурсивная модель	Смысл зависит от того, какие представления и ценности преобладают в культуре и обществе	Понимание и адаптация к социокультурному контексту	Необходимы осознание и критическая оценка
Предективная модель	Смысл создается путем предсказания будущих событий и определения возможных последствий	Использование смысла для принятия решений и планирования действий	Ограничены возможности по предсказанию будущих событий и последствий

Постнеклассическая научная рациональность, вводя категории самоорганизации и саморазвития позволяет строить модели учитывающие особенности организации коммуникационных и информационных процессов человека и общества [5].

Постнеклассические модели смысла и понимания. В конструктивистском подходе, построенном на представлениях неклассической науки смысл и понимание рассматриваются как процессы, которые зависят от рекурсивных взаимодействий между информацией, которая поступает извне, и циклически обновляющимися имеющимися знаниями и представлениями человека.

В конструктивизме считается, что смысл не может быть передан напрямую, но создается в процессе взаимодействия между информацией и познавательными процессами человека. Таким образом, смысл зависит от того, как человек интерпретирует информацию, используя свои знания, опыт и контекст, в котором информация была получена.

Понимание также рассматривается в конструктивистском подходе как процесс активного строительства своего понимания на основе имеющихся знаний и опыта. Это может быть представлено как создание новых связей между

новой информацией и уже существующими знаниями, что в свою очередь ведет к расширению и изменению существующих знаний.

Таким образом, в конструктивистском подходе смысл и понимание не являются статическими понятиями, а представляют собой активные динамические процессы, которые зависят от взаимодействия между информацией и познавательными процессами человека (Таблица 2).

Таблица 2 Конструктивистские модели смысла: проблемы реализации

Модели смысла	Смысл создается	Учитывают	Недостатки
Радикально конструктивистская модель (Эрнст Глазерфельд, Пауль Вацлавик У. Матурана)	Внутри человека и зависит от его индивидуальных представлений и опыта	Уникальность и индивидуальность смысла для каждого человека	Отсутствие общих критериев для определения правильности или ошибочности смысла
Социально-конструктивистская модель (Л.С. Выготский, Дж. Келли)	В социальном взаимодействии и зависит от социокультурного контекста.	Социокультурные факторы при создании и интерпретации смысла	Необходим учет и анализ социальных и культурных факторов для понимания смысла
Радикально релятивистская модель (Н. Гудмен, П. Фейербенд, Н. Луман)	Внутри коммуникации и зависит от субъективных восприятий и ожиданий каждого участника	Множественность субъективных восприятий и интерпретаций смысла	Отсутствует общая точка зрения и критерии определения правильности или ошибочности смысла
Конструктивистская модель знания как процесса (К. Беккер, Ч. Бирд)	В процессе активного взаимодействия с окружающим миром и зависит от индивидуальных представлений и опыта	Активную роль человека в создании смысла	Ограничены возможности объективного познания мира
Конструктивистская модель знания как продукта (Ж. Пиаже, Э. Глазерфельд)	В результате индивидуального и социального взаимодействия и выражается в конструкциях, моделях и теориях	Возможность создания различных конструкций и теорий для объяснения мира	Ограничены возможности достижения объективной истины

Генерация смысла в языковой модели GPT

В языковой модели GPT (Generative Pre-trained Transformer) смысл создается путем обработки большого количества текстов и выявления статистических связей между словами и фразами. Модель использует методы машинного обучения, в частности, глубокое обучение, для изучения языковых закономерностей на основе больших объемов текстов [4].

GPT является моделью авторегрессии. Это означает, что она предсказывает следующее слово в тексте на основе предыдущих слов. При этом модель использует контекст, предыдущие слова в тексте, для того чтобы определить наиболее вероятное следующее слово. Кроме того, в GPT используется технология трансформеров, которая позволяет модели обрабатывать длинные последовательности текста. Трансформеры работают с эмбедами слов, которые представляют собой числовые векторы, соответствующие каждому слову в словаре. Эмбединги слов обучаются вместе с моделью, и позволяют ей понимать связи между словами.

С помощью этой комбинации методов GPT создает внутреннюю модель языка, которая позволяет ей понимать, какие слова и фразы часто сочетаются вместе, каким образом они связаны и как они могут использоваться в контексте. Это позволяет модели генерировать тексты, которые звучат естественно и имеют смысл, а также выполнять различные задачи обработки естественного языка, такие как машинный перевод, анализ тональности текста, распознавание именованных сущностей и т. д.

К проблеме техногенеза смысла. Создание искусственных систем, порождающих феноменальное поле языковой модели мира, требует определения возможностей, технологий и ресурсов для ее развития связанного с развитием человека и человечества. Это междисциплинарная область, интегрирующая знания о формах языковой реальности и симбиотического существования систем, наделенных сознанием и генеративных моделей. Одной из основных причин различий в техногенезе смысла у человека и нейросети является различие в подходах к пониманию и использованию контекста. Для решения этих проблем проводятся исследования в области разработки более продвинутых моделей и методов обучения. Это включает улучшение предварительного обучения моделей на более разнообразных и широкомасштабных данных, разработку методов контроля разнообразия генерации, включение в модели механизмов внимания и дополнительных контекстуальных признаков. Важным аспектом создания эффективных систем является обратная связь с пользователями и обучение моделей на основе реальных данных и сценариев использования.

Литература

1. Сергеев С.Ф. Наука и технология XXI века. Коммуникации и НБИКС-конвергенция // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. Под ред. проф. Д.И. Дубровского. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. С. 158–168.

2. Сергеев С.Ф. Рефлексивная автоэволюция глобальных интеллектуальных техногенных сред // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материа-

лов IX Международного симпозиума 17–18 октября 2013 г., Москва / Отв. ред. В. Е. Лепский. М.: «Когито-Центр», 2013. С. 245–248.

3. Сергеев С.Ф. Техногенные метаморфозы: человечество в зеркале ауто-поэтической коэволюции // Человек в техносреде: конвергентные технологии, глобальные сети, Интернет вещей. Сб. научных статей. Выпуск 1. / Под ред. доц. Н.А. Ястреб. Вологда: ВоГУ, 2014. С.146–150.

4. Zhou C., Li Q., Li C., Yu J., Liu Y., Wang G., Zhang K., Ji C., Yan Q., He L. et al., A comprehensive survey on pretrained foundation models: A history from bert to chatgpt, arXiv preprint arXiv:2302.09419, 2023.

5. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2009. С. 249–295.

Академическая ноосферология:**опыт постнеклассической репрезентации мировоззрения В. С. Стёпина****Смирнов Г.С.**

*Профессор, доктор философских наук
Ивановский государственный университет
Иваново, Россия*

Смирнов Д.Г.

*Доцент, доктор философских наук
Ивановский государственный университет
Иваново, Россия*

УДК 28.081

В фокусе внимания автора статьи эволюция философского сознания академика В. С. Стёпина в контексте представлений об академической ноосферологии. Предложено тернарное описание мировоззрения академика через призму классики, неклассики и постнеклассики. Зафиксирована академическая линия развития отечественной ноосферологии. Обозначен «ноосферный поворот» в научно-философской эволюции академика В. С. Стёпина, который на основе изучения современной философии науки и техники подтвердил академический статус концепции биосферы и учения о ноосфере. Раскрыты основные постулаты ноосферного видения мира академика В. С. Стёпина.

Ключевые слова: В. И. Вернадский, В. С. Стёпин, ноосферная наука, академическая ноосферология, «концепция биосферы и ноосферы».

Academic noospherology: the experience of post-non-classical representation of the worldview of V. S. Stepin**Smirnov G.S.**

*Professor, Doctor of Philosophy
Ivanovo State University
Ivanovo, Russia*

Smirnov D.G.

*Assistant professor, Doctor of Philosophy
Ivanovo State University
Ivanovo, Russia*

Annotation. The author of the article focuses on the evolution of the philosophical consciousness of V. S. Stepin in the context of academic noospherology line. A ternary description of the academician's worldview through the prism of classics, non-classics and post-non-classics is proposed. The academic line of Russian noospherology development is fixed. The "noospheric turn" in the scientific and philosophical evolution of V. S. Stepin is indicated: his study of modern philosophy of science and technology confirmed the academic status of the biosphere concept and the noosphere doctrine. The main postulates of the noospheric vision of the world of V. S. Stepin are revealed.

Keywords: V.I. Vernadsky, V.S. Stepin, noospheric science, academic noospherology, «the concept of biosphere and noosphere».

Академик В. С. Стёпин является автором концепции трёх эволюционирующих парадигм науки. Классическая, неклассическая и постнеклассическая наука в лоне отечественной философии науки представляют инструментальную методологию, эвристичную для использования не только в области естественных, но также социальных и гуманитарных наук.

Философское сознание В. С. Степина: тернарное описание. Развитие научно-философского и мировоззренческого творчества академика В. С. Стёпина может быть рассмотрено в ключе этих трех парадигм научного знания — через призму классики, неклассики и постнеклассики.

Классический формат предполагает, что «белорусское» научное пространство оказалось эффективным транслятором западной философии науки в советскую науку эпохи её «абсолютной значимости» для развития СССР. Переосмысление идей Т. Куна и других представителей американской философии науки позволило В. С. Стёпину создать свою оригинальную концепцию науки, которая соединяла в себе «философские опыты фундаментального марксизма» и достижения отечественного естествознания мирового уровня.

Неклассическое измерение наследия В. С. Стёпина связано с тем, что он никогда не ограничивался только западными мотивами философии науки, но широко использовал потенциал отечественной философии. Для него антропологическая и культурологическая традиции, восточные мотивы были столь же органичны, а размышления о китайской философии и китайской художественной традиции (чем он поражал в своих лекциях для преподавателей на курсах переподготовки) свидетельствовали о его «философской универсальности и универсности» (если не использовать понятие «энциклопедичности»).

Постнеклассическая ипостась философского сознания В. С. Стёпина обычно связывается с выходом на синергетическую парадигму науки, на процессы самоорганизации, в том числе и в их проекции на социально-культурные и антропо-гуманистические области научного знания.

Естественно, что для этих трёх этапов исторической эволюции философского сознания В. С. Стёпина не существует жестких рамок, они накладываются один на другой, отвечая «принципу соответствия», утверждающему, что каждая последующая парадигма вбирает в себя предыдущую как частный случай.

При этом, на наш взгляд, в тени остаётся одна очень важная — «потаённая» — сторона, связанная с постнеклассикой в духе российской парадигмы философии науки — с линией, идущей от академика В. И. Вернадского и его «учения о переходе биосферы в ноосферу» [1; 2; 3]. Тезис о том, что «ноосферный аттрактор» является потаённой интенциональностью мировоззрения В. С. Степина, требует дальнейшей проверки и обоснования, но в формате постановки проблемы он имеет право на существование, более того, он открывает глубинные стороны философского мышления академика.

Философия науки и ноосферология. Рождение ноосферологии связано с целым направлением развития философии в СССР и новой России. Ноосферология — область сложного пересечения естествознания и гуманитаристики (которая включает в себя философию), в этом широком плане ноосферология носит ярко выраженный мировоззренческий характер. Для того чтобы понять логику исторического и концептуального развития ноосферологии в XX веке (которая и сейчас иногда рассматривается как область «паранауки»), обратимся к тому срезу, который можно было бы назвать «академическая ноосферология». К числу академиков, работавших в этом направлении, относятся В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман, А. Л. Яншин, В. П. Казначеев, Н. Н. Моисеев, Вяч. Вс. Иванов, Г. А. Заварзин и другие. В статье обосновывается мысль о том, что в ряду этих академических ученых следует числить и академика-философа В. С. Стёпина.

Переключка: В.И. Вернадский и В.С. Стёпин. В 1943 году В. И. Вернадский в возрасте 80-ти лет начинает работать над статьей «Несколько слов о ноосфере» [1, с. 235—244], которая выйдет в 1944 году и подведёт итог его академическому научному творчеству в области ноосферологии.

С разницей в 70 лет возникла своеобразная переключка российских академиков: статья В. С. Степина [4] вышла в год 80-летия ученого. Очевидно, он тем самым вышел на новую ступень своей научно-философской эволюции. Насколько неожиданно произошла ноосферная трансформация для самого академика В. С. Степина и для его коллег можно судить по тому, какие обстоятельства сопровождали публикацию этой статьи. В марте 2013 году отмечался 150-летний юбилей В. И. Вернадского: академик В. С. Стёпин открывает международную конференцию, посвященную этому юбилею, и делает доклад [6], основные идеи которого были опубликованы не в журнале «Вопросы философии», а в «Философских науках» [4].

Все эти «тонкости» не имеют принципиального значения: важно признать, что творческая эволюция академика В. С. Стёпина закономерно привела его к выводу о значимости обращения к «ноосферному видению» истории российской философии науки и необходимости кардинального философского переосмысления будущего науки.

Истоки ноосферного дискурса в наследии В. С. Степина. Прежде всего, отметим знакомство В. С. Степина с работами академика Н. Н. Моисеева, который развивал универсальный подход к проблеме «человек и ноосфера» и утвердил принцип универсального эволюционизма для теории «современного рационализма» [6]. Так В. С. Степин раскрывает место принципа универсального эволюционизма в системе Универсума: «Определяющее значение в его утверждении как принципа построения современной общенаучной картины мира сыграли три важнейших концептуальных направления в науке XX века: во-первых, теория нестационарной вселенной; во-вторых, синергетика; в-третьих, теория биологической эволюции и развитие на её основе концепций биосферы и ноосферы» [7, с. 200]. Через двадцать лет он словно возвращается третьему пункту этой весьма знаменательной цитаты.

Ноосферный переход в творчестве В. С. Стёпина будет непонятен, если не обратить внимания на предшествующие обсуждаемой статье обстоятельства. Вся огромная (за несколько десятилетий) интеллектуальная жизнь академика В. С. Степина уложилась в его более чем часовом пленарном докладе на VI Философском конгрессе в Нижнем Новгороде в 2012 году. Председательствующий (как обнаруживает диктофонная запись доклада) несколько раз просил докладчика завершать выступление, но академик каждый раз продолжал выступление и в самом конце сказал: «Вот теперь всё». Судя по всему, это была «тронная» (подводившая важный жизненный итог) речь, в которой состоялось в транзитивной диалектике перечисление всех самых главных достижений ученого. Кроме теории научных картин мира, ученый остановился на представлениях об эволюции орудий труда и техногенезе, о сути и этапах усложнения «неорганического тела цивилизации» (обращаясь к идее К. Маркса о «неорганическом теле человека»); рассмотрении культуры как системы надбиологических программ деятельности, поведения и общения; обратился к «универсалиям культуры», отметив, что ещё Г. Гегель в «Феноменологии духа» писал, что категории «сплавлены с волей и чувствами». Докладчик не упоминал о В. И. Вернадском, но неожиданно вспомнил о П. А. Флоренском (в культурно-пневмосферном контексте). Фактически В. С. Стёпин подробнейшим образом рассказывал о ноосферной картине мира, современной ноосфере и тенденциях её развития (биотехнологии, компьютерных сетях и т. д.), но не пользовался «ноосферной» терминологией.

Ноосфера глазами В. С. Степина. В рассматриваемой статье В. С. Степин отмечает, что «Научное наследие В. И. Вернадского ... имеет особый статус. Оно уже многие десятилетия анализируется в различных областях современного знания <...> И на каждом новом этапе обнаруживаются новые аспекты, казалось бы, уже известных идей, обретающих в контексте развития современной науки и цивилизации» [4, с. 7]. Весьма значимая цитата, которая показывает, что В. С. Стёпин постоянно держал в уме наследие В. И. Вернадского, который по сути дела заложил фундаментальные основы отечественной философии науки. Следующая цитата заставляет думать о том, что часть текста этой статьи могла быть написана раньше (сноски на В. И. Вернадского даются по [2]) и связана с цивилизационным дискурсом:

«Сегодня учение В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере справедливо рассматривается как открывающее новое **видение** перспектив цивилизации. И хотя эта тематика уже достаточно проработана, всё же в ней есть особый, малопроясненный аспект — новая методология исследования, которая была встроена в понимание эволюции биосферы и ноосферы и во многом послужила истоком развития В. И. Вернадским представлений о системности эволюции. Эти представления опережали свое время и предвосхищали укореняющиеся в естествознании, социальных и технических науках XX — начала XXI вв. идеи самоорганизации и саморазвития сложных систем» [4, с. 8].

Было бы справедливо сказать, что размышления В. С. Стёпина над трудами В. И. Вернадского шли в русле ноосферных штудий того времени, но главное заключается в том, как он вписал ноосферную методологию в свои теоретические построения. «Ноосфера в понимании В. И. Вернадского (в отличие от Э. Леруа) — это не сфера чистого разума (духа), а сфера разума, воплощенного в труде, в практических приложениях науки, в организации социальной жизни людей. Ноосфера рассматривается Вернадским не как отделившаяся от биосферы и независимая от неё сфера разума, а как возникший в ходе эволюции высший уровень организованности биосферы, как её особая подсистема, которая по мере своего развития, оказывает возрастающее воздействие на ранее сформировавшиеся уровни биосферы — на живое, а также косное и биокосное вещество» [4, с. 17]. Характерно, что вписывая ноосферные представления в свою научную картину мира, В. С. Стёпин цитирует мысли В. И. Вернадского о том, что «научная мысль есть часть структуры — организованности — биосферы», что «научная мысль человечества работает только в биосфере, и в ходе своего проявления превращает её в ноосферу, геологически охватывает её разумом» [4, с. 17—18]. В этом акцентировании на вселенской онтологии научной мысли обнаруживается «ноосферный переход» в его философском творчестве, но еще более значима та мысль, которая касается весьма трудной — техносферной — стороны ноосферной проблематики, которой В. С. Степин отводил особое место. «Но при всём этом нельзя упускать из вида, что техногенез представляет собой особую линию эволюции, которая предполагает человека и его деятельность. В естественной эволюции природы, без человека, технические устройства не возникают... В этом смысле все объекты техногенеза предстают как фрагменты и аспекты сложной саморазвивающейся биосферно-ноосферной системы» [4, с. 20]. Так неожиданно В. С. Степин достроил до «пирамидиона» свою теорию философии науки, показал пути развития российской философии науки и будущего российской науки в целом.

«Ноосфера Стёпина» — закономерный итог фундаментальных трудов академика в области истории и философии науки: в некотором смысле его *философское завещание* заключается в том, что он академически выстроил философско-гуманитарную составляющую ноосферного наследия академика В. И. Вернадского, которое, как сейчас становится всё более понятным, является открытой дверью в науку XXI века.

Литература:

1. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
2. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 522 с.
3. Учение о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение: сб. ст. в 2 т. / отв. ред. Э. В. Гирусов. М.: ФО СССР, 1990—1991. 1 т. 236 с. 2 т. 236 с.
4. Стёпин В. С. Методологические идеи В. И. Вернадского и наука XXI столетия // Философские науки. 2014. № 3. С. 7-21.
5. Лисеев И. К. Философские идеи В. И. Вернадского и современная научная картина мира (К 150-летию В. И. Вернадского) // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 174—184.
6. Моисеев Н. Н. Современный рационализм (Modern rationalism). М.: МГВР КОКС, 1995. 376 с.
7. Стёпин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФ РАН, 1994. 274 с.

**Инновационный территориальный кластер как средство
и инструмент научной деятельности в постнеклассической науке**

Тарасенко В.В.

АО ЦНИИ «Электроника»

Москва, Россия

Предлагается подход к рассмотрению инновационных территориальных кластеров как средств и инструментов научной деятельности, описываемой представлениями о развитии постнеклассической науки. Предлагается двенадцать принципов развития территориальных кластеров, которые можно ассоциировать с представлениями постнеклассической науки (интердисциплинарность, контекстуальность, открытость, эмпириосоциальность, метафизичность, неоднозначность, критицизм, саморазвитие, структурное сопряжение, самоорганизация цепочек ценности, фрактальность организации, наблюдаемость) и обсуждаются особенности наблюдения территориальных кластеров.

Ключевые слова: *научная деятельность, постнеклассическая наука, инновационный территориальный кластер*

**Innovative territorial cluster as a means and instrument
of scientific activity in post-non-classical science**

Tarasenko V.V.

JSC Central Research Institute "Electronics"

Moscow, Russia

Annotation. An approach is proposed to the consideration of innovative territorial clusters as means and tools of scientific activity described by ideas about the development of post-non-classical science. Twelve principles of development of territorial clusters are proposed that can be associated with post-nonclassical science concepts (interdisciplinarity, contextuality, openness, empiriosociality, metaphysics, ambiguity, criticism, self-development, structural coupling, self-organization of value chains, fractality of organization, observability) and the features of observation of territorial clusters are discussed.

Keywords: *scientific activity, post-non-classical science, innovative territorial cluster*

Специфика кластерного подхода к научным исследованиям и разработкам

В современном мире особо актуальна тема создания и использования инновационных территориальных кластеров в качестве средства и инструмента научной деятельности, развиваемой на базе идей и представлений постнеклассической науки.

Инновационный территориальный кластер [3] - это социально-экономическая система, объединяющая предприятия, научные организации, учебные заведения, инвесторов, государственные органы и другие участники, которые способствуют инновационному развитию территории. Кластеры могут быть созданы на искусственной основе, через меры государственной поддержки, либо формироваться по мере развития территории и сближения участников.

Территориальный кластер может стать мощным инструментом самодентификации социальных агентов территории. Кластеры объединяют предприятия, организации, специалистов, которые работают в определенной области или сфере деятельности. Это позволяет создать благоприятную атмосферу для взаимодействия, обмена опытом и знаниями, а также содействует росту и развитию каждого участника кластера.

В постнеклассической парадигме науки ([1], [2]) территориальный кластер может рассматриваться как инструмент самоорганизации и саморазвития технологических инноваций и социальной самоорганизации научной деятельности. Поэтому кластер не является лишь технологическим комплексом, в него также входят социальные объединения, такие как культурные и общественные организации, органы власти [5].

Большое значение в создании и развитии инновационного территориального кластера имеет понимание и применение принципов и подходов постнеклассической парадигмы науки – ее идеалов и норм рациональности.

С этой точки зрения, кластер должен быть самоуправляемым и самоорганизующимся, обладать гибким управлением и системой контроля качества продуктов и услуг. Также важно учитывать взаимодействие разных культур и экономических систем внутри кластера.

Принципы развития кластеров и принципы постнеклассической науки

Можно описать двенадцать характерных принципов развития территориальных кластеров, которые можно ассоциировать с представлениями постнеклассической науки.

1. **Интердисциплинарность** означает, что научная деятельность в территориальных кластерах основывается на совместной работе ученых из различных дисциплин. Это позволяет ученым объединять свои знания и опыт, чтобы решать сложные научные проблемы, которые невозможно решить при помощи единственной дисциплины.

2. **Контекстуальность** означает, что научная деятельность в территориальных кластерах включает в себя учет различных социокультурных, исторических, экономических и политических контекстов.

3. **Принцип открытости** означает, что кластеры научной деятельности должны быть открыты для вовлечения в них новых ученых, студентов, инженеров и технологических компаний. Это позволяет расширять потенциал территориальных кластеров и увеличивать их вклад в науку и экономику региона. Например, ученые могут работать с местными коммерческими компаниями, чтобы применить свои научные знания в разработке новых продуктов и технологий.

4. **Эмпириосоциологическая направленность** означает, что научная деятельность в территориальных кластерах должна быть направлена на изучение социальных и материальных явлений в реальном мире с помощью эмпирических методов и исследований. Это позволяет ученым получить новые знания о мире и развивать основанные на них технологии. Например, ученые могут изучать влияние глобального потепления на растительность и животных, разрабатывать новые методы сбора и анализа данных для изучения экосистем и т.д.

5. **Метафизическая заостренность** означает, что научная деятельность в территориальных кластерах может ориентироваться на изучение более абстрактных и теоретических проблем, чем те, которые возникают при решении прикладных задач. Например, это может быть изучение теории больших данных, квантовой механики и т.д.

6. **Неоднозначность** означает, что научная деятельность в территориальных кластерах может быть неоднозначной в том смысле, что она может приводить к различным выводам и результатам. Это связано с тем, что научные данные могут быть интерпретированы по-разному в зависимости от технологий, используемых для их сбора, статистических методов, используемых для их анализа, и гипотез, которые заложены в основу исследования.

7. **Критичность** означает, что научная деятельность в территориальных кластерах должна быть критической по отношению к существующим взглядам и теориям. Это позволяет ученым развивать новые идеи и концепции, а также использовать критическое мышление для снижения рисков и повышения достоверности своих исследований.

8. **Саморазвитие** означает, что территориальные инновационные и научные кластеры развиваются за счет своих внутренних ресурсов и усилий. Это позволяет ученым и исследователям использовать свои знания и опыт для развития новых проектов и исследований, а также для создания новых технологий и услуг в регионе.

9. **Структурное сопряжение кластера и экономического территории** заключается в том, что успешное развитие кластера ведет к улучшению экономического положения региона и страны в целом. При успешном развитии класте-

ров, экономика страны получает целый ряд выгод, таких как увеличение конкурентоспособности экспорта, приток инвестиций, снижение затрат на производство, рост занятости населения [4].

10. **Самоорганизация и усложнение цепочек ценности и цепочек распределения труда в кластерах.** Самоорганизуемость кластерных систем помогает сократить затраты на производство результатов научной деятельности в научных сообществах.

Цепочка ценности – это процесс, в рамках которого создаются продукты и услуги, приносящие выгоду потребителям и предприятию. Она может быть организована по различным направлениям, включая проектирование, производство, продажу и обслуживание. **Цепочка распределения труда** – это процесс, который включает в себя все этапы производства, начиная от сбора и предварительной обработки сырья до поставки товара на рынок. Организация эффективной цепочки распределения труда является критически важной для успеха бизнеса.

В кластерной системе организация и усложнение цепочек ценности и цепочек распределения труда осуществляется с помощью совместной работы группы предприятий в рамках общей цели. Кластеры часто формируются в определенном регионе или отрасли, где участвующие предприятия имеют одинаковые или дополняющиеся компетенции. В рамках кластеров ведется обмен опытом, информацией и ресурсами, что позволяет повышать эффективность производства и конкурентоспособность на рынке.

11. **Фрактальность организации территориальных кластеров.** Фрактальная структура характеризуется тем, что она имеет одинаковое устройство на разных масштабах. Другими словами, фрактальная структура является самоподобной. В контексте территориальных кластеров это значит, что процессы организации кластера состоят из множества подпроцессов, которые могут организовываться вокруг подкластеров, которые также являются кластерами с аналогичной структурой. Фрактальная организация кластера связана с его функционированием на разных уровнях. На микроуровне это могут быть мелкие предприятия и их процессы, на макроуровне – крупные компании и их процессы, а на глобальном уровне – международные корпорации. Такой принцип организации способствует развитию кластера в целом и повышает его конкурентоспособность на рынке.

12. **Наблюдаемость кластеров** заключается в создании кластерных обсерваторий и реализации проектов, которые могут быть использованы для формирования субъектов развития территории. Формирование субъектов развития территории основывается на создании партнерств между различными стейкхолдерами, включая бизнес, государственные и общественные организации. Кластеры могут служить основой для таких партнерств, поскольку они объединяют компании и организации, работающие в отрасли на определенной территории.

Кластерные обсерватории занимаются изучением территориальных кластеров, формируя своеобразных наблюдателей территориальных кластеров.

Базовые процессы наблюдения за кластерами – функции социального наблюдателя и самоописания кластеров

1. Изучение рынка и анализ кластерных структур. Кластерная обсерватория анализирует рынки и выявляет кластерные структуры в различных отраслях. Для этого она использует различные источники информации, такие как статистика, отчеты, исследования рынка и т.д.

2. Выявление успешных кластеров. Кластерная обсерватория выявляет успешные кластеры в разных отраслях и анализирует их ключевые факторы успеха.

3. Изучение конкуренции и кооперации в кластерах. Кластерная обсерватория изучает конкуренцию и кооперацию между предприятиями в кластере.

4. Определение потребностей и проблем кластеров. Кластерная обсерватория определяет потребности и проблемы, которые возникают в кластере.

5. Разработка стратегий развития кластеров. Кластерная обсерватория разрабатывает стратегии развития кластеров на основе полученной информации и проведенного анализа.

6. Координация работы участников кластера. Кластерная обсерватория координирует работу участников кластера, направляя их на достижение общих целей.

7. Мониторинг и оценка результатов. Кластерная обсерватория проводит мониторинг и оценку результатов своей работы, а также эффективности работы кластеров в целом.

Таким образом, специфика работы кластерной обсерватории заключается в проведении анализа кластерных структур, выявлении успешных кластеров и проблем, разработке стратегий и координации работы участников кластеров для достижения общих целей.

Заключение

Инновационный территориальный кластер - это сложная социально-экономическая система, которая объединяет участников с разных отраслей и привлекает инвестиции для создания новых технологий, продуктов и услуг. Кластеры способствуют развитию экономики и повышению конкурентоспособности региона, улучшению качества жизни населения, а также созданию благоприятного инвестиционного климата.

Тем не менее, создание инновационного территориального кластера - долгосрочный процесс, который требует от участников кластера времени, затрат и привязки к взаимодействию. Но при правильном подходе и применении методов постнеклассической парадигмы науки можно достичь значительных результатов и создать сильный и эффективный кластерный союз.

Благодарности

Выражаю признательность Евразийскому институту кластерного менеджмента и регионального развития за помощь в проведении исследования.

Литература

1. Степин В. С. Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности //Epistemology & Philosophy of Science. 2013. Т. 36. №. 2. С. 78-91.

2. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Концепция постнеклассической науки В.С. Степина и универсальный эволюционизм НН Моисеева //Философские науки. 2019. Т. 62. №. 4. С. 96-112.

3. Тарасенко В. Территориальные кластеры: Семь инструментов управления. Альпина Паблишер, 2014.

4. Тарасенко В. В. Стратегии развития территориальных кластеров //Экономические стратегии. 2011. Т. 13. №. 11. С. 82-94.

5. Тарасенко В. В. Социокультурный анализ российской модели территориальных кластеров //Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2011. №. 5. С. 94-99.

Постнеклассическая теория и ее практическое внедрение как необходимое условие выхода из тупика современной катастрофы

Хохлова Л.П.

кандидат психологических наук, доцент

*зав.кафедрой практической психологии и арт-терапии НОУ ВО МСПИ
Москва, Россия*

УДК159.99

Рассматривается возросшая роль постнеклассической теории в современном мире, переживающем антропологическую катастрофу. Приведены данные эмпирического исследования сравнения групп, обучающихся на основе классической системы образования и групп, обучающихся на основе постнеклассической системы.

Ключевые слова: постнеклассическая методология, психологический резонанс, трансмодальный интеллект, хаособразование, абсурд, интерактивные площадки

Post-non-classical theory and its practical implementation as a necessary condition for overcoming the impasse of modern catastrophe

Khokhlova L.

PhD, Associate Professor

*Head of the Department of Practical Psychology and Art Therapy
Moscow Socio-Pedagogical Institute
Moscow, Russia*

Annotation: the increased role of post-nonclassical theory in the modern world experiencing an anthropological catastrophe is considered. The data of an empirical study comparing groups studying on the basis of the classical education system and groups studying on the basis of the post-non-classical system are presented.

Keywords: *post-non-classical methodology, psychological resonance, transmodal intelligence, chaos education, absurdity, interactive platforms*

В условиях возрастающей сложности развития систем классическая и неклассическая рациональность с большой скоростью теряют эффективность, особенно в современных условиях антропологической катастрофы, учитывая, что ресурсы этих методологических подходов исчерпываются при необходимости решения кризисов. Но возможности разрешения катастроф они не имеют. Оба подхода носят объектный и, следовательно, манипулятивный характер, что наглядно показывают современные события, происходящие с массами людей. Рычаги классической методологии управления при условии подавленной субъектности людей редуцируют сознание масс до низшего уровня. Проявления классической рациональности в психологии людей устойчиво дает почву для нацизма и существования систем управления, основанных на подавлении субъектности и индивидуальности человека. Искоренить нацизм невозможно силовыми методами. Нужна обширная работа по внедрению постнеклассической методологии во всех сферах жизнедеятельности человека, особенно это касается сфер образования и воспитания.

В свое время Галилео Галилей, очаровавшись научными экспериментами, заявил, что все то, что нельзя подсчитать и измерить, это не научно. Как пишет психиатр Р. Д. Лэнг: "Программа Галилео предлагает нам мертвый мир: исчезло все видимое, исчезли звук, вкус, осязание и запах, а вместе с ними пропали эстетическая и этическая чувствительность, система ценностей, качество, душа, сознание, дух. Переживание как таковое изгнано из мира научного внимания. За последние четыре столетия мало что повлияло на наш мир в такой степени, как это удалось дерзкой программе Галилео. Нам пришлось разрушить мир теоретически, прежде чем мы обрели возможность разрушить его практически". Концептуальная модель, созданная Галилео и Декартом, — мир как совершенная машина, управляемая строгими математическими законами, — была триумфально завершена Исааком Ньютоном и в современном мире, соединившись со стратегиями построения искусственного интеллекта может выдать опасный результат. Она не ушла, а наоборот усилилась в психологии масс.

В 21 веке система образования и воспитания не только не улучшила свои методологические позиции, но и значительно ухудшила, сведя их в одной единственной интерактивной площадке, а именно формированию ЗУН (знаний, умений и навыков по трафаретам). Переходя к вопросу о значении идей постнеклассической науки, следует отметить ее громадный потенциал в сфере современных актуальных задач, остро стоящих перед человечеством. Прежде всего — это вопрос о развитии разума, основывающегося на постнеклассическом мировоззрении. Постнеклассическая теория нуждается в интенсивном развертывании парадигмы в практических разработках и эмпирических исследованиях.

В 1989 году мною был разработан тренинг на субъектной основе "Психологический резонанс" (далее еще свыше 30 инструментов), который практически погружает участников в постнеклассическую среду, в результате самостоятельной работы над проблемами участники обретают опыт самоорганизации,

саморазвития и самодвижения. Они являются одновременно клиентами, психотерапевтами и носителями метода. [Субъект-Способ-Объект]. Ведущий участвует на равных. В начале работы участники самоорганизующейся системы отдалены друг от друга и поведение каждого не зависит от поведения остальных, но со временем участники в упорядоченной последовательности втягиваются в синхронизм. Суть группового процесса состоит в том, люди взаимодействуют друг другу, каждый работает на себя, но и одновременно на тех, кто с ним в резонансе. Система взаимоотношений и взаимодействий на тренинге сталкивается с усиливающимся хаосом и абсурдом, тем самым увеличивается ее сложность. Метод управляемого психологического резонанса, применяемый участниками, обеспечивает саморегуляцию как процесс самопроизвольного возникновения в открытых неравновесных системах новых структур, обладающих более высокой сложностью и большей энергией, чем старые. На тренинге участникам никто не навязывает параметры, скорость и объем процесса, все каждый выбирает сам. По итогам процесса группа, блуждая выходит на общий, глубинно представленный в бессознательном аттрактор, общий смысл.

Следует отметить, что процесс идет на **шести** интерактивных площадках. Первая-традиционная — ЗУНы, вторая площадка -рефлексивная. Интерактивная площадка третьего рода, на ней идет опора на интуитивно-чувственное восприятие (максимальная неопределенность). "Иди туда не знаю куда". Интерактивная площадка четвертого рода как принципиально новая предназначена для развития архусного мышления (архус-оператор нелинейного мышления). Архусное мышление нацелено на распутывание запутанных смыслов, соединение логически не соединяемых смыслов, заполнения смысловой пустоты, нахождения главного смыслового и живого корня события и др. Именно при этой работе субъект учится работать на высокой скорости при любой информационной нагрузке и 'сшивать лоскутное одеяло своего восприятия, включающее абсурды и смысловые пустоты'. Пятая интерактивная площадка нацелена на обнаружение и интеграцию в целостность диссоциированных субстанций личности, которые лишены чувствительности. Образно — это, как поиск пещеры, где спрятаны драгоценности, способности человека и потенциал его развития.

На шестой площадке -формируется трансмодальный интеллект. Трансмодальный перескок от смысла к смыслу с пятого на десятое дает возможность получить информацию высокой ценности. Это эмоциональный и смысловой "взрыв", изобилующий разнообразными и неожиданными сочетаниями и поэтому генерирующий очень неожиданную информацию, сдвигающую событийность. Очень важно понять, что здесь нет заданной модели связи, здесь присутствует событие связи между плохим и хорошим и абсурдом (аглоцинированной гетерогенностью). У участников развивается способность оперативно выделять из вороха запутанной информации главную суть. Субъект начинает ощущать смысл происходящего, а не пытаться его логически определить. Участники специализированной группы обнаруживают феномены- трансуровневый резонансный изоморфизм внутренних паттернов одних членов группы с другими, независимо от того, в каком городе или стране они находятся. Фактически речь идет об особом взаимодействии между резонансными когнитивными кон-

фигурациями, носителями которых являются различные люди. Эти схемы при определенных условиях начинают резонировать между собой, и их резонанс есть нечто, выявляющее глубоко лежащий смысл, до этого причудливо разбросанный во всевозможных и весьма абсурдных внутренних структурах-состояниях, носителями которых могут и не быть участники непосредственно общения.

Конечно, возникает вопрос, а что происходит на шести интерактивных площадках и выстроенную работу над проблемами на основе постнеклассической методологии? С этой целью мы провели эмпирическое исследование посвященное выявлению динамики субъективных агглютинированных гетерогенных конструктов и транзиторной тревожности в процессе специализированных занятий группы студентов -психологов (38 человек), обучающихся на основе постнеклассической методологии и группы студентов -психологов, занимающихся по стандартным учебным программам, основанных на классической методологии (25 человек). Измерения проводились по системе ‘до и после’ с промежутком времени в полгода. Использовались тесты: шкала тревоги Спилбергера-Ханина и в качестве основной методики КАМВОХ Л.П.Хохловой (1979г.), основанной на классификационной решетке Дж.Келли. Из массы самых различных показателей, которые рассматривались в данном исследовании, можно выделить показатели личностной тревожности и агглютинированной гетерогенности. В контрольной группе студентов -психологов, обучающихся по стандартным программам вуза, достоверных отличий между первым и вторым этапов тестирования не было выявлено ни по одной методике.

Анализ результатов исследования ситуативной и личностной тревожности в специализированной группе спустя два месяца после групповой работы показал, что в группе, где развивались навыки трансмодального интеллекта, в целом, результаты ситуативной тревожности выросли незначительно. По шкале диагностики личностной тревожности за это же время выросла личностная тревожность. Но после третьего измерения еще через два месяца личностная тревожность уменьшилась. Следовательно, в данном случае мы имеем дело с транзиторной личностной тревожностью, которая является признаком существенных изменений внутренних структур личности и интеллекта. Дело в том, что психологическая работа была нацелена на поиск таких субъектных структур, которые содержали источник проявления повышенной тревожности, как временного и ресурсного эмоционального реагирования при изменении личностных конструктов. В экспериментальной группе были получены идеографические данные изменения эмоционально-смысловой картины агглютинированных гетерогенных субъектных структур, отвечающих за развитие субъектности..

На рисунке и таблице № 1 приведены данные соотношения гомогенных и агглютинированных (абсурдных) гетерогенных факторов “до и после” проводимой работы со студентами.

	Гомогенные факторы	Агглютинированные гетерогенные факторы
До тренинга	43,98%	56,02%
После тренинга	61,35%	38,65%
t – критерий Стьюдента	3,793*	2,994*

Произошло увеличение числа гомогенных факторов и существенно уменьшилось число агглютинированных гетерогенных факторов . Это означает, что гетерогенные слипшиеся смысловые области распаковались и стали осмысленными и логичными, а число абсурдных структур уменьшилось.

Таблица и рисунок №2 - Показатель соотношения позитивных, негативных и амбивалентных оценок в агглютинированных гетерогенных факторах “до “и “после” тренинга.

	Позитивные оценки	Негативные оценки	Амбивалентные оценки
До тренинга	64,644%	29,889%	6,064%
После тренинга	40,659%	38,553%	18,711%
t – критерий Стьюдента	3,183*	2,489*	2,630*

Таким образом, агглютинированные гетерогенные субъектные структуры претерпевают эмоционально-смысловые и содержательные изменения в процессе специализированной групповой работы на основе шести интерактивных площадок. А именно: происходит эмоционально-смысловой переход от слипшихся гетерогенных субъектных структур к гомогенным однородным, логичным субъектным структурам, что выражается в статистически значимом увеличении числа гомогенных факторов, полученных в результате математической обработки данных с помощью факторного анализа, метод главных компонент с варимаксным вращением. В период специализированной работы происходит усиление личностной тревоги, которая носит транзиторный характер и является существенным и благоприятным показателем происходящей внутренней работы.

Трансмодальная когнитивная матрица, которая предлагается участникам тренинга – это множество совершенно разнородных контекстов или доменов, в которых тексты понимаются как знания различных уровней и имеющих разные логики. Классически мыслящий человек по привычке возвращает события в методологический конструкт, где такой множественной доменной структуры нет, и разрывы смыслов не допускаются. Для классически мыслящего человека, при попадании в трансмодальную когнитивную матрицу с ее доменами и множественными разрывами смыслов и онтологий у субъекта возникает шизофренический когнитивный хаос, с которым он справиться не может из-за отсутствия у него необходимого эшбиевского разнообразия. Как известно, одна из интерпре-

таций закона Р.Эшби гласит: разнообразие управляющей системы должно быть не меньше разнообразия управляемого объекта. Интериоризируя постнеклассическую модель, личность обретает трансуровневую субъектность и тогда человек может выстраивать целесообразные отношения в новой реальности, в том числе и с искусственным интеллектом, в противном случае доминирование классической рациональности уничтожит и субъектность и индивидуальность личности.

Литература

1. Laing R.G., цитируемый по Сарга, 1988, р. 133.
2. Хохлова Л.П. Метод хаосообразования как информационное конструирование целесообразных ситуаций. Сб. материалов Шестой Международной Конференции "Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций" CASC'2006, Институт проблем управления РАН, М., 2006

Особенности технологической трансформации человеческого тела и сознания в концепции НБИКС

Чанны Е.В.

*к. филос. н., доцент кафедры социальной философии
Института философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

УДК 141.1

Развитие современного научного знания предполагает приоритет социогуманитарной составляющей, а так же необходимость применения междисциплинарного подхода к изучению сложных процессов и явлений в системе НБИКС (нано-, био-, информационных, когнитивных, социогуманитарных технологий). Автором отстаивается необходимость изучения глубинной телесной обусловленности когнитивных процессов, а также значимость выявления непознанных возможностей человеческого тела.

Ключевые слова: НБИКС-технологии, «постчеловек», интерфейс «мозг-компьютер», трансгуманизм, границы тела, энактивизм.

Features of technological transformation human body and consciousness in the concept of NBIC

Chapny H.

*PhD in Philosophy,
Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences,
South Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

Annotation: the development of modern scientific knowledge implies the priority of the socio-humanitarian component, as well as the need for an interdisciplinary

approach to the study of complex processes and phenomena in the NBIC system. The author advocates the need to study the underlying bodily conditioning of mental processes, as well as the importance of identifying the unknown capabilities of the human body.

Keywords: NBIC- technologies, "post-man", "brain-computer" interface, transhumanism, body boundaries, enactivism.

Изучение того, как отдельные технологии влияют на развитие человека и общества сегодня дополнены необходимостью исследования конвергентного влияния таких технологий друг на друга. В этой связи высокий стратегический статус приписывается концепции НБИКС (нано-, био-, информационных, когнитивных, социогуманитарных технологий), в которой принято различать два вектора. Первый предполагает синергичную взаимосвязь указанных технологий. Что же касается второго, то он акцентирует внимание на проблеме «улучшения человека», «человеческой функциональности» [1, 96 - 97]. Это вызвало энтузиазм сторонников трансгуманистических идей (Р. Курцвейл, В. Виндж, Н. Бостом и др), которые увидели в ней перспективу и инструмент создания постчеловеческих существ нового типа, порождаемых на современной стадии развития технокультуры.

«Развитие конвергирующих НБИК-технологий открывает перед человечеством возможность создания принципиально новых инструментов техноэволюционного процесса. Нанотехнологии дают ключ к изменению мира артефактов и живой природы, в том числе биологии человека» – утверждают авторы статьи «Технолюди» против «постлюдей...» [2]. По расчетам экспертов, к середине века наша цивилизация может выйти на рубеж «сингулярности» (А.П. Назаретян), за которым следует или деградация, или переход на качественно новый уровень развития. Это заставляет мыслителей разного толка искать пути изменения губительной траектории развития цивилизации [3]. Один из таких путей, согласующийся с конвергентным развитием НБИКС – трансгуманистический вариант преобразования человека и общества.

В этой связи ряд ученых предложили идею сохранения жизни и разума путем их переноса на небиологический носитель. Начаты серьезные исследования и технические разработки в этом направлении. Согласно Д.И. Дубровскому, «сверхзадача трансгуманистических проектов – кибернетическое бессмертие, перенос сознания и личности в небиологическую систему, субстрат которой не подвержен разрушительным влияниям высоких температур, радиации и т.п.» [4, 238 - 239].

Эта идея тесно связана с вопросом о границах человеческого тела. К. Фрит справедливо отмечает ошибочность представления о существовании между телом и остальным материальным миром четкой границы. Этот тезис подтверждается рядом экспериментальных данных. Например, проведенным им опытом того, как ощущение выходит за пределы тела и переходит в отдельный от нас объект окружающего мира [5, 101 - 105]. Сюда следует отнести и представления об орудиях труда, как органопроектиях. Всякий раз, когда мы ис-

пользуем предметы материального мира как орудия, наше тело получает продолжение за счет этих предметов.

Как отмечает В. Чеклецов, «границы наших тел «размываются» в физическом, физиологическом, экологическом, психосенсорном, экзистенциальном измерении» – в авторском контексте, «размывание» границ предполагает, что каждое физическое изменение состояния целостности «тело-сознание-среда» представляет собой некоторый сигнал, который можно зашифровать определенным образом и транслировать во Всемирную сеть. Речь идет о наступлении эры «всеобщей всепроникающей тотальной межсвязности – когда любой артефакт, система или процесс физического, биологического, ментального мира могут быть связаны как между собой, так и с любым виртуальным «объектом» или системой мира цифрового» [6, 107]. Состояние всеобщего единения обозначается термином панкоммуникация. Такая гибридная среда предполагает реализацию проектов Интернета вещей и Разумной среды [7].

Такое взаимодействие становится возможным, в том числе, благодаря интерфейсам «мозг-компьютер» (ИМК), серьезные разработки которых ведутся научными коллективами разных стран. ИМК – технология управления «силой мысли» (силой намерения). С помощью этой технологии мозг человека получает возможность на основе собственной электрической активности формировать команды для компьютера напрямую, без использования мышц.

Намечается ситуации, где человек стремится трансформировать тело изнутри благодаря НБИКС-технологиям; и в то же время делает попытки «выносить границы» своего тела наружу через технологии Гибридной реальности и панкоммуникации.

На наш взгляд, создание Гибридной реальности и реализация проекта Интернета вещей будет не столь успешна без учета принципов «энактивизма» [8, 91] и концепции «воплощенного ума» [9]. Можно предположить, что в содержательном плане концепция «воплощенного ума», идея «энактивизма», равно как проект создания Гибридной реальности, проистекает из имманентной потребности человека в телесном вовлечении в окружающий мир, где нет четкой границы тел, отделяющей внутреннее от внешнего, где ничто не мешает физическому смещению и взаимопроникновению; где тело – проводник, интерфейс, с помощью которого осуществляется связь внутреннего и внешнего миров, связь сознания со средой.

Быть может, мы пользуем этот интерфейс (биологическое тело) не на полную мощность и знаем очень мало о возможностях, которыми обладает тело. Но если согласиться с М. Джонсоном в том, что у человеческого тела есть, как минимум, пять измерений (тело как биологический организм, экологическое тело, феноменологическое тело, социальное тело, культурное тело [9]), каждое из которых представляет собой океан смыслов, то возникает вопрос: сможем ли мы воспроизвести эти смыслы, создать их удачную копию для того, чтобы перенести сознание (если, конечно, будет найден ответ на вопрос, что такое сознание) на небологический субстрат? Может ли проект Гибридной среды стать совершеннее мудро-организованной целостности «тело-сознание-среда»?

Не получится ли так, что в попытке освободиться от «оков» брэнного изнашиваемого тела, мы утратим и нечто очень важное. Как справедливо отмечает В.С. Степин, «человеческая культура глубинно связана с человеческой телесностью и первичным эмоциональным строем, который ею продиктован... Биологические предпосылки – это не просто нейтральный фон социального бытия, это почва, на которой выростала человеческая культура и вне которой невозможны были бы состояния человеческой духовности» [10, 19].

Конечно, подобные теоретические исследования не содействуют на все сто процентов стремительно развивающимся трансгуманистическим проектам, но, быть может, осмыслить их сейчас куда более важно, чем создать искусственные клетки крови, сетчатку глаза и прочие высокотехнологичные атрибуты «постчеловека».

Литература

1. Аршинов В.И. Глобальное будущее 2045 / Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. Под ред. проф. Дубровского Д.И. М.: ООО «Издательство МБА», 2013.
2. Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. №3.
3. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: Издательство МБА, 2013; Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии//Философские Науки. 2008. №2 и др.
4. Дубровский Д.И. Природа человека, антропологический кризис и кибернетическое бессмертие/Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: ООО «Издательство МБА», 2013.
5. Фрит К. Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир/пер. с англ. П. Петрова. М.: Астрель, 2010.
6. Чеклецов В. Гибридная реальность. НБИКС как интерфейс «человек-машина» / Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: ООО «Издательство МБА», 2013.
7. Cook D., Das S. Smart Environments: Technology, Protocols and Applications. Willey-Interscience, 2005; Vision and Challenges for Realising the Internet of Things / E. Sundmaeker, P. Guillemin, etc. European Commission, 2010.
8. Князева Е.Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии//Вопросы философии. 2013. № 10. 9. Johnson M. The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding, University of Chicago Press, 2008. Johnson M., Lakoff G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. Basic Books, 1999.
9. Степин В.С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей/Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: ООО «Издательство МБА», 2013.

Понятия «научная истина» и «объективная реальность» в сетевой трансдисциплинарной парадигме**Шохов А.***кандидат философских наук, Ph.D.
Москва, Россия*

УДК 165.4

В статье предпринята попытка вернуть в эпистемологический дискурс понятия «научная истина» и «объективная реальность», критически рассмотрен термин акторно-сетевой теории «объективность второго порядка», предпринята попытка конструирования сетевой трансдисциплинарной парадигмы, основная идея которой состоит в том, что объективная реальность и другие аутопойэтические целостности (коммуникация, жизнь, сознание, деятельность и т.д.) выступают в качестве сверхкомплексных акторов сети, порождая отклики на воздействия других акторов, благодаря которым может происходить познание научной истины и генерация научного знания.

Ключевые слова: научная истина, объективная реальность, акторно-сетевая теория, сетевая трансдисциплинарная парадигма

The concepts of "scientific truth" and "objective reality" in the network transdisciplinary paradigm**Shokhov A.***Candidate of Philosophical Sciences, Ph.D.
Moscow, Russia*

Annotation. Author attempts to return the concepts of "scientific truth" and "objective reality" to the epistemological discourse, critically examines the term "second-order objectivity", attempts to construct a network transdisciplinary paradigm: objective reality and other autopoietic wholes (communication, life, consciousness, activity, etc.) are overcomplex actors of the network, which generating responses to influences.

Keywords: scientific truth, objective reality, actor-network theory, network transdisciplinary paradigm

Формулировка проблемы

В течение XX и XXI века научный позитивизм, основанный на уверенности (1) в существовании объективной реальности, не зависящей от наблюдателя, и (2) единственности научной истины, постепенно утрачивал свои позиции. Учёные и философы науки то сосредотачивались на субъекте, функционировании сознания и бессознательного (феноменология Эдмунда Гуссерля, психоанализ Зигмунда Фрейда и Карла Густава Юнга, экзистенциализм Жана Поля Сартра, Габриэля Марселя, Мартина Хайдеггера), то уходили в логический позитивизм (Людвиг Витгенштейн, Рудольф Карнап) и провозглашали невозможность отделить субъекта от мира, то постулировали «смерть субъекта» и искали истину в структурах языка (структурализм, постструктурализм, структурная антропология (Клод Леви-Стросс)), в системах (Лео фон Берталанффи и Никлас Лу-

манн) или сетях (Брюно Латур, Мишель Каллон, Джон Ло и др.), в итеративных последовательностях и циклах обратной связи (Эдгар Морин, Умберто Матурана, Франсиско Варела), в кибернетике второго рода (Хайнц фон Фёрстер), в синергетике (И.Пригожин, Г.Хакен, В.С.Стёпин, В.Г.Буданов, С.П.Курдюмов, Г.Г.Малинецкий, В.И.Аршинов, Я.И.Свирский, Е.Н.Князева и др.), в эпистемах и «археологии гуманитарных наук» Мишеля Фуко, в структурном психоанализе Жака Лакана, в шизоанализе Жюль Делёза, в коммуникативном действии Юргена Хабермаса, в деконструкциях Жака Деррида, в страстной проповеди кризиса метанарративов Жана-Франсуа Лиотара, в гиперреальности Жана Бодрийяра, в трёх мирах Карла Поппера, парадигмах Томаса Куна, личностном знании Майкла Полани, сильной программе Дэвида Блура и в других ментальных лабиринтах.

Многие перечисленные эпистемологические дискурсы размывали понятия «научной истины» и «объективной реальности», с каждым следующим движением мысли по очерченному ментальному лабиринту (за исключением, пожалуй, его синергетической ветки) первичная позитивистская ясность этих понятий всё более размывалась, а сами понятия приобретали несколько «музейный» оттенок.

Возможно ли вернуть эти понятия в современную эпистемологию в качестве полноправных акторов?

Основное содержание статьи

Согласно представлениям акторно-сетевой теории актором может быть не только субъект, но и неживой предмет. ««Актор» в разделенном дефисом словосочетании «актор-сеть» – не источник действия, а движущаяся цель обширной совокупности существей, роящейся в его направлении» [1, с. 68]. Акторно-сетевая теория (АСТ) рассматривается её создателями и сторонниками не только в качестве специфической оптики, которая может быть использована для наблюдения никогда не останавливающейся «пересборки социального», но и как технология распаковки способа производства научного знания. В АСТ декларируется особый стиль восприятия реальности (внешнего). В частности, реальное (внешнее), по словам Джона Ло, «неисчерпаемо, избыточно, активно ... оно — множество колеблющихся потенциальностей и в конечном счете абсолютно неопределенный поток» [2, с. 296]. В такой исследовательской ситуации Джон Ло предлагает конструировать модели реальности, которые резонируют с неопределённым потоком «внешнего» или отдельными паттернами этого потока (он именует свой подход *method assemblage*). Однако, Джон Ло как представитель АСТ, разделяет её парадигмальную основу, которая объявляет, что «никакое здание не видно целиком ни из какой точки в процессе его конструирования и использования» [1, с. 251]. А значит, модели реальности, построенные по методу Джона Ло, могут схватывать лишь отдельные резонансы, но не смогут осуществить сборку целого, остающегося недостижимым. Исследовательская ситуация усложняется ещё и тем, что акторы нестабильны. Томмазо Вентурини, излагая подход картографирования разногласий, предложенный Брюно Латуром, отмечает: «В разногласиях любой актор может распасться в свободную

сеть и любая сеть, сколь угодно разнородная, может стугнуться и функционировать как актер» [3, с. 62].

Любое понятие, любой тезис или терминологический конструкт при таком способе рассуждений становится сетью утверждений, каждое из которых делается с определённого ракурса (с некоторой исследовательской позиции). В качестве примера Томмазо Вентурини приводит описание карты разногласий, связанных с глобальным изменением климата. Он пишет: «Несколько лет назад никто не разглядел бы связи между автомобилями и ледниками. Сегодня мы знаем, что они могут занимать противоположные позиции на климатической шахматной доске, так же как кондиционирование воздуха и полярные медведи, уровень воды в Мировом океане и экономический рост, самолеты и зерновые культуры. Из-за внешне простого вопроса о земной температуре («Повышается ли она?») проблемы растут как снежный ком. Как должна измеряться температура? Являются ли вариации уникальными? Каковы причины потепления? Каковы последствия изменения климата? Должны ли мы волноваться из-за роста температуры? Можем ли мы замедлить или обратить вспять тенденции изменения температуры? Во что мы должны вкладываться — в смягчение эффектов глобального потепления или в адаптацию к ним?» [3, с. 60-61].

Подобное многообразие позиций, тезисов, аргументов дают и другие проблемы, как уже ставшие предметом обсуждения в массовых коммуникациях (генетически модифицированные организмы, гендерное равенство, демократия, роль государства в общественной жизни, военные противостояния, сильный искусственный интеллект и т.п.), так и проблемы, которые обсуждаются в границах узких профессиональных и научных сообществ (физические и астрофизические термины «масса», «электрический ток», «тёмная материя», «тёмная энергия», «большой взрыв», общенаучные концепции «живая материя», «экосистема», «ноосфера», «саморегуляция в организмах живых существ», «происхождение видов» и др.) также превращаются в сеть различных точек зрения, позиций, публикаций, порождают новые терминологические конструкты и концепции.

Главные вопросы, которые при этом возникают:

1) Как решить задачу познания объективной реальности?

2) Где в этой постоянно разрастающейся сети понятий, тезисов, концепций скрывается научная истина, представляющая собой достоверное описание объективной реальности?

Акторно-сетевая теория даёт на эти вопросы весьма своеобразные ответы. Томмазо Вентурини отмечает: «наблюдение вынуждено быть таким же многообразным и сложным, как и его предметы» [3, с. 59], «объективность достигается только за счет увеличения числа точек наблюдения» [3, с. 58], «Латур называет «объективностью второго порядка» попытку рассмотреть столько субъективности, сколько возможно. В отличие от объективности первого порядка, которая определяет ситуацию коллективного согласия, объективность второго порядка достигается за счет раскрытия всей степени несогласия акторов и, таким образом, типична для сред, в которых существуют разногласия» [3, с. 58].

Необходимо отметить, что предложенные в АСТ ответы не привнесут больше ясности в исследовательскую ситуацию. «Объективность второго порядка» становится объективностью разногласий и противоречий, но если в этом и состоит научная истина и если именно такова достоверная картина объективной реальности, то становятся совершенно неопределёнными ответы на вполне практические вопросы: «Что можно и нужно делать? Какой оптимальный результат, с помощью каких инструментов и технологий может быть получен в сложившейся ситуации? Кто примет на себя ответственность за успех реализации плана действий? Какие решения нужно принять здесь и сейчас?».

Можно сказать, что акторно-сетевая теория адекватно отражает сложность реального мира и говорит о возможности упрощений, которые помогают практически действовать в условиях этой возрастающей сложности, но практически не даёт ориентиров или подсказок, где именно следует искать научную истину, которая может послужить теоретической основой практической деятельности и адекватного моделирования объективной реальности.

Эпистемологический дискурс, порождаемый акторно-сетевой теорией и методом картографирования разногласий, приводит к дальнейшему размыванию понятия «научная истина» и генерирует модель объективной реальности, которая представляет собой изменчивый и непредсказуемый поток событий, процессов, фактов, который невозможно охватить одним взглядом и понять как целое.

Можно согласиться с тем, что проблемы, утверждения, определения, концепции, понятия, термины в современном сложном мире интеллектуальных поисков разворачиваются в сеть часто взаимоисключающих друг друга вариантов, позиций, версий, ходов мысли. Исследователь также может быть описан как дисперсированный субъект [4, с. 15]. В то же время сборка *целостной модели объективной реальности* происходит, иначе люди не могли бы осуществлять практическую деятельность в материальном мире. Да и дисперсированный субъект-исследователь вовсе не утрачивает самоосознание и не перестаёт считать себя *целостным индивидом*, хотя и оказывается под влиянием различных учений, парадигм, теорий, принимает различные роли. Каким образом осуществляются сборки этих целостностей?

Можно согласиться с Брюно Латуром и Джоном Ло в том, что невозможно охватить вниманием исследователя целиком всё многообразие реальности. Однако, «*охват вниманием*» не является *единственным способом взаимодействия со сложно устроенной реальностью*.

Вступая в коммуникацию, акторы взаимодействуют со всем содержанием коммуникации, которая разворачивается между ними (в том числе с её историей), и получают отклик от коммуникации как от целостного аутопойэтического процесса (мысли Н.Луманна о том, что коммуникация — это аутопойэзис, и что коммуникация — это и есть общество выглядят в этом контексте весьма перспективно).

Конструируя эксперимент в естественных науках, исследователь получает отклик от реальности как от целостного сверхкомплексного актора, и по тому, как она откликается на его воздействия, может осуществлять сборку научного

знания и приближаться к научной истине, обсуждая результаты в научной коммуникации.

Любая деятельность (индивидуальная и коллективная) содержит в себе отклики объективной реальности как сверхкомплексного актора, а также отклики других вовлечённых в ситуацию акторов на то, что происходит, при этом коммуникация акторов также функционирует как сверхкомплексная целостность.

Н.Луманн вводит в своём исследовательском дискурсе три аутопойэтические системы: *жизнь, сознание и коммуникация*, которые находятся в отношениях *структурного сопряжения* друг с другом. Этот перечень может быть дополнен *деятельностью и объективной реальностью*. Все эти целостности выступают в сетевом взаимодействии в качестве сверхкомплексных акторов.

Вывод. Может быть сформулирована отличная от акторно-сетевой теории версия *сетевой трансдисциплинарной парадигмы*. Объективная реальность и другие аутопойэтические целостности (коммуникация, жизнь, сознание, деятельность и т.д.) выступают в качестве сверхкомплексных акторов сети, порождая отклики на воздействия других акторов, благодаря которым (в среде научной коммуникации) происходит познание научной истины, генерация нового знания, сборка научной картины мира.

Литература

1. Латур Б. Пересборка социального. / Пер. с англ. И. Полонской. Москва: Издательский дом Высшей Школы Экономики, 2014. 384 с.
2. Ло Джон. После метода: беспорядок и социальная наука. пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой. Науч. ред. перевода С. Гавриленко. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.
3. Томмазо Вентурини. Погружаясь в магму: как подходить к исследованию разногласий с помощью акторно-сетевой теории // Логос: философско-литературный журнал, том 28, №5, 2018, с. 53-84.
4. Шохов А.С. Стратегии философского исследования коммуникации. М., Литрес, 2022. 198 с.

Секция IV. «Методология социально-гуманитарного знания и проблемы творчества»

доктор филос. наук, проф. **Наталья Михайловна Смирнова** (Россия)
чл.-корр. НАН РБ, доктор социол. наук **Александр Николаевич Данилов**
(Беларусь)

Концепция исторических типов рациональности В.С. Степина и методология социального анализа *Смирнова Н.М.*

*Доктор философских наук, профессор,
главн. научн. сотр ИФ РАН,
Москва*

Аннотация: В статье рассмотрены когнитивные основания экстраполяции концепции исторических типов рациональности В.С. Степина на более широкую предметную область гуманитарного знания. Показано, что развитые В.С. Степиным представления о классической, неклассической и постнеклассической рациональности имеют общенаучную значимость и (с определенными оговорками) вполне соотносимы с историческими типами герменевтики.

Ключевые слова: рациональность, идеальный объект, смысл, методологическая рефлексия, герменевтика классическая, неклассическая и постнеклассическая.

V. Stepin's conception of historical types of rationality and social sciences' methodology.

Smirnova Natalia, Prof.

PhD (philosophy), Principal researcher RAS, Institute of Philosophy.

Abstract of paper. The paper presents cognitive foundations of V. Stepin's historical types of rationality conception extrapolated on a wider range of humanitarian knowledge. It has clearly been demonstrated, that developed by Stepin ideas of classic, non-classic and (post)non-classic rationality seemed to have all-scientific significance and (with minor corrections) could be successfully applied to historical types of hermeneutics.

Key words: rationality, ideal object, meaning, methodological reflection, classic, non-classic and postnonclassic hermeneutics.

Непреходящим по значимости вкладом В.С. Степина в методологию науки является философско-методологическая рефлексия исторических форм рациональности научного знания [1]. В основу осуществленной им типологизации научной рациональности положены *инструментальные* и *социокультурные (ценностно-смысловые) параметры* развития научного знания, а также глубина вовлеченности познающего разума в процедуры методологической рефлексии над операциями, средствами и ценностно-смысловыми характеристиками познавательной деятельности. Сам Вячеслав Семенович считал предложенную

им схематизацию равно применимой как к естественнонаучному, так и к социальному познанию²⁹, строго отличая последнее от гуманитаристики. Далее я постараюсь показать, что представленная В.С. Степиным типологизация исторических форм рациональности, осуществленная им в основном на материале физико-математического естествознания³⁰, справедлива не только в отношении социального, но и до некоторой степени гуманитарного познания.

В.С. Степин полагал, что научное социальное познание принципиально отлично от гуманитаристики наличием развитой и высоко структурированной системы идеализированных объектов, по построению замещающих реальные в процессе познания. Операции с идеализациями социального познания он полагал аналогичными процедурам, используемым в естественнонаучном. В подобной общности В.С. Степин усматривал единство науки, произрастающей из единого корня и имеющей общие идеалы и нормы познавательной деятельности. Артикуляция единства научного знания сыграла важную роль в борьбе с лженаукой и попытками свести научные функции философии к символике творческого самовыражения.

По Степину, гуманитарное знание (словесность в широком смысле слова), при всей важности его социокультурных функций, не формализуемо, а его результатам присущ выраженный личностный характер. Гуманитарному знанию свойственна меньшая степень *интерсубъективности*, оно гораздо более интенционально и ярче отвечает субъективными смыслами. Несколько упрощая: смыслы гуманитарного знания феноменологически представимы в качестве интенциональной модификации структур релевантности субъекта познания.

Если смысл — идеальная предметность гуманитаристики, то основной ее «инструмент» — *естественный язык* — средоточие и субстанциальная основа всех социальных значений и субъективных смыслов. Язык как «орган внутреннего бытия человека» (В. Гумбольдт) очерчивает область его внутренней жизни, доступную рациональной рефлексии, конституирует *субъективную реальность* и структуру жизненного мира человека. Интерсубъективность языка наделяет его функцией коммуникативной поддержки субъективной реальности.

Объектом герменевтического анализа является *текст, светящийся смыслом*. Но процедуры реконструкции *смысла* текста исторически изменчивы. Далее, совершив краткий экскурс в историю *герменевтики*, я постараюсь показать, что эволюция исторических типов герменевтического анализа в принципиальных моментах вполне соотносима с концепцией исторических типов рациональности В.С. Степина.

Смысл как идеальная предметность гуманитаристики и субстрат герменевтических практик «отсвечивает» разными гранями в различных исторических типах герменевтики. Обозначим (условно) как «классический» исторический тип герменевтики, возникший под воздействием вызовов Просвещения и Реформации: устремлений гуманистов к адекватному прочтению античного ли-

тературного наследия (*germeneutica profana*), с одной стороны, и защиты реформационного (протестантского) толкования Библии от традиционной католической догматики (*germeneutica sacra*), с другой. Зарождение собственно *философской* герменевтики, обладающей атрибутом философской всеобщности, связано с освобождением искусства истолкования от привязки к язычески-мифологическому и монологически-догматическому контекстам

В отличие от дисциплинарных, философская герменевтика отмечена печатью всеобщности и не проводит принципиальных различий в процедурах интерпретации «сакрального» и «профанного». Равно как и в классическом естествознании, ее принципы и приемы равно применимы как к «земному», так и «небесному», подобно тому, как ранее различные «земная» и «небесная» механики впоследствии слились в единую науку о движении. Классическая философская герменевтика не только объединяет, но и углубляет достижения дисциплинарных герменевтик, обращаясь к более глубокому пласту анализа — интенциональному толкованию авторского замысла. Она устанавливает связь процедур истолкования с общими проблемами языка и мышления и — шире — типом рациональности в социальном познании.

В классической герменевтике Ф. Шлейермахера понятию смысла, равно как и любому объекту классической эпистемологии, присущ созерцательный характер. Смысл мыслится чем-то вроде виртуальной книжной закладки, вложенной автором в писанный текст. Выявить его — значит схватить потаенный замысел автора — смысл, разлитый в тексте. Если смылосодержащие формы суть объективации духа, то они должны быть поняты сообразно объективированному в них чуждому духу, полагает Ф. Шлейермахер. Канон *герменевтической автономии* объекта *mens dicentis* сформулирован в императиве: *sensus non est inferendus, sed efferendus* (искомый смысл нельзя вложить в смылосодержащую форму — он должен быть извлечен из нее). *Mens dicentis* — классический принцип *объективности* искомого смысла, очищенного от любых смысловых коннотаций интерпретирующего. Классическая герменевтика видит «истинный смысл» как единственно возможный — интенционально обусловленный содержанием авторского текста. Степень его объективности тем выше, чем он менее «замутнен» когнитивным усилием интерпретатора. В таком понимании существа герменевтических установок нетрудно усмотреть отблеск классически-рационалистического идеала объективности научного знания как «очищения» ото всех характеристик когнитивной деятельности субъекта — идеал и норму классической научной рациональности.

Неклассический (несозерцательный) подход к понятию смысла исторически связан с именем Х.-Г. Гадамера [3]. В рамках его герменевтики смысл не есть идеальный объект, изначально «встроенный» в текст авторским замыслом, первозданная чистота которого подлечит герменевтическому «расколдованию»: *реконструкция* смысла погружена в контекст коммуникативной парадигмы. Смысл авторского замысла — это идеальный объект, подлежащий от реконструкции, — повторному воссозданию в сознании интерпретатора путем возвратного движения результата, выраженного в тексте, к авторской интенции его порождения. Роль интерпретатора не сводится к пассивной рецепции, но подразу-

²⁹ О когнитивных пределах конвергенции естественнонаучного и социального знания см.[2].

³⁰ В меньшей мере — биологического. Анализ биологического знания на предмет соответствия типологии исторических форм рациональности осуществлен ученицей В.С. Степина Л.Ф. Кузнецовой.

мевают повторное смысловое со-конституирование. Интерпретатор, опираясь на собственный жизненный опыт и категории мышления своего времени виртуально воспроизводит процесс сотворения смысла, осуществляя петлю обратной связи в сфере собственного духовного горизонта. Иными словами, интерпретация автора необходимо включает в себя самоинтерпретацию интерпретатора. Искру смысла высекает когнитивное усилие интерпретатора в виртуальном диалоге с идеей автора-творца. В неклассической герменевтике Г. Гадамера смысл предстает как «дважды рожденный», продукт активного *взаимодействия сознаний* интерпретатора и творца. Это не созерцание готового смысла (классическая герменевтика), но его активное со-конституирование.

Читатель – сообразно содержанию культурных универсалий своего времени – извлекает из текста более емкий, обогащенный собственными переживаниями смысл, чем тот, что изначально полагал сам автор. Вариативность понимания заключена не столько в уникальности индивидуально-психологического переживания жизни, сколько в духовном своеобразии паттернов культурного диалога читателя и творца. Так мы читаем великие тексты культуры, смысл которых «взрослеет» вместе с культурным сообществом. Эволюция их смыслового состава обусловлена социально-историческими мутациями *универсалий культуры* (термин В.С. Степина). Они вбирают в себя исторические обстоятельства, духовную атмосферу времени, его историческое априори и когнитивные «предрассудки»³¹ — коллективное бессознательное (К.Г. Юнг), географические, этнические и социальные опосредования. А потому неклассическая герменевтика, методологически сопровождающая процессы интерпретации, сосредоточена на изучении условий, способствующих порождению понимания, его культурных, социальных и деятельностных предпосылок.

Установка неклассической герменевтики вполне созвучна идеалам и нормам неклассической рациональности с присущей ей рефлексивностью в отношении опосредующего воздействия на результаты познания операций и средств когнитивной деятельности. Относительность к средствам и операциям деятельности, а также условиям ее протекания, роднит неклассическую герменевтику с идеалами и нормами неклассической науки.

В парадигме (пост)неклассической рациональности теоретически артикулирована опосредованность когнитивного доступа к реальности сложившимися социально-культурными формами нашего познания, деятельности и социальной организации. В рамках (пост)неклассической рациональности теоретически обоснована невозможность внеязыкового доступа к миру «самому по себе», вне культурно оформленных средств языка, коммуникаций и intersubъективных ценностей. Как справедливо отмечал крупнейший отечественный теоретик познания М.А. Розов, суть в том, что естествоиспытатель, как правило, «видит» природу, но не замечает тех социальных программ, в которых работает. Последнее с полным правом можно отнести к социальному познанию и его основному инструменту — естественному языку – средоточию и субстанции всех социаль-

³¹ Замечу, что Г. Гадамер освобождает понятие предрассудка от приписанных ему Просвещением негативных коннотаций и сближает его с «предпониманием».

ных значений. Поэтому поэтическую метафору герменевтической онтологии М. Хайдеггера «язык есть дом бытия» можно было бы понимать буквально, если под бытием иметь в виду бытие человеческое – жизненный мир человека.

В парадигме (пост)неклассической рациональности со свойственной ей устремленностью к углубленной рефлексии когнитивных средств, способов и операций деятельности, а также ценностно-смысловых установок субъекта познания, заметно возрос интерес к знаково-символическим «инструментам» работы в области социально-гуманитарного познания, логико-семантическим средствам достижения научного результата. Разговорный язык более не уподобляется (по умолчанию) светоносному эфиру классической науки – неискажающему переносчику intersubъективных социальных значений в потоке культурной трансляции: трансляция социальных значений неизбежно порождает новые смысловые коннотации. Осознание социально-конструирующих функций языка формирует его философский образ как универсального инструмента социально-гуманитарного познания – средоточия ценностей и жизненных смыслов человека.

Литература

1. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
2. Степин В.С., Смирнова Н.М., Синеокая Ю.В. Существует ли методологический изоморфизм естественнонаучного и социально-гуманитарного знания? // Философский журнал. Научно-теоретический журнал. 2018. Том XI. №3, С. 150-165.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Пер. с нем. М., Прогресс, 1988.- 704 с.

Философия, конструирующая миры

Данилов А.Н.

*Член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси,
доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г.Минск, Беларусь*

УДК 316 (075.8)

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы, связанные с ролью философии в формировании облика будущего, функционирования в условиях глобальной нестабильности, больших цивилизационных вызовов и угроз, кризиса техногенной цивилизации. Рассмотрена научная позиция В.С. Степина по актуальным проблемам трансформации современного общества, его оценки и размышления о перспективах преподавания философии и гуманитарных наук.

Ключевые слова: В.С. Стёпин, философия, культура, техногенная цивилизация, ценности, культурно-генетический код, образование, наука.

Philosophy constructing worlds**Danilov A.N.***Corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus,
Doctor of Sociology, Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus*

Annotation. *The article considers the topical issues related to the role of philosophy in shaping the image of the future, functioning in conditions of global instability, great civilizational challenges and threats, the crisis of man-made civilization. The article also analyzes the scientific position of V.S. Stepin on the actual problems of the transformation of modern society, his assessments and reflections on the prospects of teaching philosophy and humanities.*

Keywords: *V.S. Stepin, philosophy, culture, technogenic civilization, values, cultural and genetic code, education, science.*

Всю свою жизнь без остатка Вячеслав Семенович Стёпин (1934 – 2018) посвятил науке. До последнего мгновения он оставался активно действующим ученым и педагогом. Судьба разделила его жизнь на две почти равные половинки: минский и московский периоды. Когда распался Советский Союз, и Республика Беларусь стала самостоятельным государством, В.С. Степин остался полпредом белорусской науки в России и российской науки в Беларуси. В Беларуси, как он сам постоянно подчеркивал, его родном Минске, ему было комфортно работать и уютно жить. В России он вошел в научную элиту и получил мировое признание. Как нам сегодня не хватает Вячеслава Семеновича с его обаянием, открытостью, неподдельным интересом и участием к людским проблемам! И, конечно, Человеком, одаренным талантами, энциклопедически образованным, всегда нацеленным на открытие нового, устремленным в будущее. Он был настоящим русским интеллигентом, мыслителем мирового уровня, пророком в собственном Отечестве. Мы это теперь понимаем...

В.С. Степин исследовал процесс глобальной эволюции как путь восхождения сложноорганизованных систем к более высоким уровням организованности и сложности. Он разработал концепцию исторических типов рациональности: классической, неклассической и постнеклассической. Научное познание на стадии постнеклассической рациональности, считал В.С. Степин, в максимальной степени должно учитывать человеческие ценности. В своих интервью В.С. Степин подчеркивал: «В центр философского дискурса выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судеб современной цивилизации и культуры, возможными сценариями будущего человечества. <...> Конструктивно-прогностическая функция философии особенно ярко проявляется в эпоху коренных переломов развития общества и зарождения нового типа цивилизационного развития. <...> Философия признана критически относиться к исторически сложившейся доминирующей системе ценностей, которая до сих пор определяла развитие техногенной цивилизации. В современных изменениях культуры философии предстоит обнаружить точки роста новых ценностей, способных стать основой будущего устойчивого развития цивилизации. В этом я

вижу главную цель, своего рода сверхзадачу нынешних философских исследований» [1, с. 146-147].

Говоря о современной цивилизации, которую В.С. Степин называл техногенной, отмечал, что во многом она зашла в тупик и в отношениях с природой (экологический кризис), и в межчеловеческих и межкультурных взаимоотношениях (антропологический кризис). Имея в виду характерную для такого рода цивилизации чисто конструктивистскую установку: идею о возможности и необходимости с помощью науки и техники пересоздания мира (как природного, так и человеческого), рассматриваемого как неисчерпаемая кладовая ресурсов, полностью подвластная человеческим воздействиям. Ученый предупреждал, что продолжение движения по этому пути неминуемо ведет к гибели человечества.

Человек живет в пространстве культуры. Именно в культуре происходит таинство творения нового, по принятому на альтернативной основе образу. И образ этот кристаллизуется, выбирается из многообразия ценностей, которые привносились в ходе истории, доминировали, возникали и уходили в вечность. Сохранить в своей памяти только то, что подтверждает идеальный образ народа, и есть по В.С. Степину важнейшая функция культуры. Выход из существующего тупика ученый связывал с необходимостью поиска в существующих условиях «точек роста» новых ценностей, способных при условии их принятия помочь человечеству выйти из существующего кризиса и создать цивилизацию нового типа, которую он предлагал назвать антропологической. К числу таких ценностей, уже существующих, но еще не ставших универсальными, В.С. Степин относил этику ненасилия, гуманизацию науки и технологий, личностное совершенствование, общечеловеческие ценности. Чтобы не погибнуть, человечество заинтересовано в том, чтобы принять их за свои регулятивы жизни.

В последние годы В.С. Степин активно работал над проблемой методологии сложных саморазвивающихся объектов, предложил новую интерпретацию фазовых переходов в социальном развитии [2, с. 4-10]. В отличие от феноменологического описания, он структурно описал такие переходы в терминах саморазвивающихся систем, выделив стадии фазовых переходов и определил их отличительные признаки. В.С. Степин разработал представление о типах цивилизационного развития – традиционном обществе и техногенной цивилизации, эксплицируя их базисные ценности [3]. Идея типов цивилизационного развития с его точки зрения предполагает выявление в культурно-генетическом коде цивилизации некоторого системообразующего ядра, которое, с одной стороны, объединяет цивилизации одного типа, а с другой – разграничивает их с цивилизациями другого типа. В качестве такого ценностно-смыслового ядра выступают мировоззренческие универсалии культуры. Речь в данном случае идет о таких фундаментальных универсалиях, как «человек», «природа», «деятельность», «традиции и новации», «рациональность», «власть» и др. Эти категории функционируют в качестве базовых ценностей и жизненных смыслов каждого из типов цивилизационного развития, но их понимание оказывается различным в техногенной цивилизации и традиционных обществах. В.С. Степин обосновывал вывод о том, что научная рациональность и креативная научная

деятельность обретают приоритетный статус в системе ценностей техногенной цивилизации.

Любые крупные перемены в человеческой жизнедеятельности предполагают изменение культуры, которые, как правило, являются результатом переосмысления глубинных жизненных смыслов человеческого бытия и его ценностей. В данном случае культура предполагает наличие в обществе сложноорганизованной совокупности информационных кодов, хранящих и транслирующих надбиологические программы человеческой жизнедеятельности. Культурная программа любой деятельности включает в себя цели, ценности, знания, навыки и прочее, что должно стать достоянием субъекта. Такие программы могут трансформироваться преемственно в виде образцов, знаний, предписаний, верований, мировоззренческих установок и т.п.

В общественной жизни аналогом такого генофонда является культура, причем основания культуры, представленные мировоззренческими универсалиями, выступают как своеобразные базисные гены того или иного типа социальности. Кроме биологических, генетических программ, представленных геномом человека, у него есть еще надбиологические и социальные программы, эти два типа программ сложным образом взаимодействуют. Программы второго типа – это система нравов, традиций, привычек, образцов деятельности, предписаний, знаний, которые хранит культура. Весь этот сложно организованный набор программ существует благодаря особой структуре, которая выступает и функционирует как своего рода геном социальной жизни. Эта структура представлена мировоззренческими универсалиями, пониманием того, что есть человек, общество, личность, природа, пространство и время, что есть свобода, справедливость, совесть, честь, труд и т.д.

Представление о биологической эволюции учитывает влияние двух факторов – мутаций генного аппарата и последующего естественного отбора. Если рассмотреть развитие общества под этим углом зрения, то функции естественного отбора выполняет развитие производства и экономики, а мутации генного аппарата социальных организмов в этом случае являются изменением мировоззренческих универсалий культуры. Происходит такое изменение благодаря появлению новых видов деятельности, которые до поры до времени укладываются в старую структуру жизненных смыслов, но по мере развития могут выходить за эти рамки и порождать противоречия. В подобные эпохи прежние универсалии культуры как программы воспроизводства социальной жизни уже не обеспечивают ее воспроизводство во всех необходимых вариациях, они подавляют нужные для общества виды деятельности. И тогда начинается эпоха переосмысления прежних мировоззренческих установок и жизненных смыслов.

Техногенная цивилизация дала человечеству множество достижений, но она привела его к глобальным кризисам. Человечество оказалось перед угрозой самоуничтожения. Экологический и антропологический кризисы, растущие процессы отчуждения, изобретение все новых средств массового уничтожения, грозящих гибелью всему человечеству, – все это побочные продукты техногенного развития. И поэтому сегодня стоит вопрос: можно ли выйти из этих кризисов, не меняя базисной системы ценностей техногенной культуры?

Отвечая на этот вопрос В. С. Стёпин полагает, что «эта система ценностей должна трансформироваться. Очевидно, что придется изменить наше отношение к природе, выработать иное понимание целей человеческой деятельности, чем то, которое представлено фундаментальными мировоззренческими установками техногенной культуры. Не исключено, что человечеству предстоит духовная революция, сопоставимая с той, которая была в эпоху Возрождения и Реформации» [4, с. 735].

Если общество входит в стадию динамического хаоса, изменения традиционных ценностей просто неизбежны. В процессе эволюции современного социума типы цивилизационного развития различаются, прежде всего, по системе ценностей, по тем жизненным смыслам, которые составляют духовную матрицу общества, по которым люди живут (это понимание человека, природы, деятельности человека, традиций и инноваций, личности, власти). В зависимости от того, как эти жизненные смыслы, понимания складываются в культуре, это становится программой, по которой люди осуществляют свою жизнедеятельность, поведение, общение. Современное развитие показывает, что трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание и социализация, которые были приобретены в течение долгой жизни, не могут подвергнуться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и могут в процессе приспособления к новым требованиям вызывать кризис человека и системы.

Выход из этого болезненного состояния лежит на путях адаптации к меняющемуся миру. В.С. Стёпин утверждал: «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [5, с. 6-11]. И здесь влияние образования, как системообразующей части культуры, на формирование образа будущего человечества очевидно. Но насколько наше образование современно и готово ли оно ответить на вызовы времени? Поспешные и не до конца продуманные реформы образования привели к неизбежному снижению его качества.

Нынешний вектор развития, основанный на потребительской доктрине, ведет к нарастанию проблем, происходит загрязнение окружающей среды, истощению природных ресурсов, проблемам голода, появлению заболеваний пандемического характера, охвативших в настоящее время весь мир. Сегодня важно существенно расширить предметное поле исследования проблемы устойчивого развития, разработки оптимальной социально-экологической политики, основывающейся на утверждении новых мировоззренческих ориентаций во взаимодействии общества и природы, выбора стратегии социально-экономического развития, учитывающего потребность в сохранении окружающей среды и изменения человеческих качеств.

Литература

1. Академик В.С. Степин. Тайна долгого пути... / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии; сост. А.Н. Данилов.- Минск: Беларуская навука, 2019. 286 с.
2. Стёпин, В.С. Проблемы прогнозирования сложных развивающихся социальных систем. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018, № 3. – С. 4–10.
3. Стёпин, В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. Минск: Беларуская навука, 2021.
4. Стёпин В.С. Человек. Деятельность. Культура. СПб.: СПбГУП. 2019.
5. Стёпин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 3. С. 6-11.

К вопросу об изоморфизме двух типов знания**Бескова И.А.**

Доктор философских наук
Институт философии РАН
(Москва, Российская Федерация)

*Аннотация. Доклад посвящен анализу аргументативного дискурса, реализованного в контексте дискуссии о соотносимости социально-гуманитарного и естественнонаучного знания. В частности, исследуется, насколько редуцированная версия социально-гуманитарного знания, из которого исключена «общекультурная» составляющая и которое отстроено согласно протоколам генерации естественнонаучного содержания, может считаться адекватной репрезентацией специфики исходной целостности. В докладе будет показано, что форма репрезентации знания и содержание, в статусе данного типа знания оформленное, – не отдельные самостоятельно существующие инстанции когнитивного дискурса, а две стороны исходного единства: **состояния**, переживаемого творческой личностью в эпизоде продуцирования нового смысла. Поэтому формат представления знания не может быть изменен произвольно без того, чтобы не изменилось содержательное наполнение изменяемого. Если же подобная ревизия все же осуществляется (по воле исследователя, расположившего себя вне проблемной ситуации и как бы над нею), знание преобразованного формата не может с достаточным основанием выступать как адекватно репрезентирующее исходное единство. Будет обосновано, что если взглянуть на ситуацию дискуссии из такой перспективы, окажется, что на самом деле позиции диспутантов совпадают, однако вместо идеи изоморфизма рассматриваемых типов знания, доказывают несоизмеримость топологии их методологического сервиса.*

Ключевые слова: социально-гуманитарное знание, научное знание, методологический изоморфизм, постнеклассическая рациональность, смысл, творчество, познание, эпистемология, дискуссия, дискурс

On the Isomorphism of Two Types of Knowledge**Beskova I.A.**

DSc in Philosophy
Institute of Philosophy of RAS
(Moscow, Russian Federation)

Annotation. The report concerns the argumentative discourse taking place in the context of the correlation between socio-humanitarian and natural science knowledge discussion. Particularly, the question is in what extent a reduced version of socio-humanitarian knowledge (from which the "general cultural" component is excluded and which is constructed according to the natural science content generation protocols) can be considered as an adequate representation of the specificity of the original socio-humanitarian knowledge wholeness. We will show that the form of knowledge representation and the content, in this type of knowledge formation arising, are not separate independently existing beginnings of cognitive discourse, but are the two aspects of the original unity: the state of the creative person in the act of new meaning generation. That's why the original format of knowledge representation can't be arbitrarily changed without changing the content which is represented in that type of knowledge. If, however, such a revision does take place according to a researcher's will (who has positioned himself outside and above the process), knowledge of the revised format doesn't adequately represent the original wholeness. If we look at the point of discussion from this perspective, we will appreciate that the positions of the discussants coincide, but instead of the idea of isomorphism of the types of knowledge in question, they prove the incommensurability of their methodological framing topology.

Keywords. Social-humanitarian knowledge, scientific knowledge, methodological isomorphism, post-nonclassical rationality, meaning, creativity, cognition, epistemology, discussion, discourse

Заявленную тему я планирую рассмотреть на материале опубликованной в «Философском журнале» [1] дискуссии В.С. Степина и Н.М. Смирновой, прямо и непосредственно посвященной указанной проблеме. Основной обсуждавшийся ими вопрос можно сформулировать следующим образом: существует ли методологический изоморфизм между естественнонаучным и социально-гуманитарным форматами генерации знания?

В.С. Степин исходит из идеи, согласно которой науки, генерирующие социально-гуманитарное знание (далее SH-науки и SH-знание) не менее, чем естественнонаучные дисциплины (далее NS и NS-знание), «наукомерны», а методы, используемые в этих отраслях знания, не имеют фундаментальных диспропорций, которые могли бы сделать топологию методик первых и последних несоизмеримой. Отношение между ними трактуется в контексте понятия «изоморфизм»: утверждается наличие одно-однозначного соответствия элементов избранных для сопоставления классов. Также и связи между элементами одного типа множеств считаются соответствующими связям, наличествующим между элементами другого типа.

При этом, обратим внимание, В.С. Степин с самого начала делает важную оговорку, что не предполагает обсуждать вопрос соотносимости естественнонаучного и социально-гуманитарного знания в контексте расширенного истолкования последнего: как включающего в себя общекультурную составляющую. В частности, он подчеркивает: «Если рассматривать социально-гуманитарное знание не только как область науки, но и в *широком смысле как феномен культуры*, включающий многообразие вненаучных знаний, то очевидно, что ни искусство, ни религиозно-мифологическое постижение человека и мира, ни обыденное познание не строятся по образу и подобию науки, что между способами генерации научных и вненаучных знаний *изоморфизма нет*» (курсив мой – И.Б.) [1, с. 152].

Таким образом, в дальнейшем, ссылаясь на социально-гуманитарное знание как таковое, т.е. формулируя суждения, характеризующие его *специфичность в целом*, В.С. Степин фактически имеет в виду некоторый модифицированный эпистемологический продукт, идеализированное концептуальное образование, сконструированное согласно регулятивам формирования естественнонаучного знания, однако же в контексте приложения соответствующих протоколов к сфере социально-гуманитарного дискурса.

Если взглянуть на предмет дискуссии под таким углом зрения, возникает сомнение, а остается ли знание, подобным образом трансформированное, все тем же SH-знанием во всей полноте, целостности, мультимодальности используемых инструментов генерации нового, которое изначально упоминается как предмет дискуссии? Не снимается ли последний апелляцией к редуцированной версии SH-знания, поскольку оказывается, что в отношении обсуждаемого, по сути, наличествует полное согласие дискуссионщиков?

Чтобы осветить данные аспекты, попробуем разобраться, в какой степени так преобразованное знание может рассматриваться как адекватный, допустимый, оправданный репрезентат **SH-знания в целом**, – в его объемности и целостности? Не утрачивает ли последнее своей видовой специфичности, когда предстает сгенерированным из перспективы редуцированного истолкования?

Концепция трех типов рациональности, предложенная В.С. Степиным, дает действительно широкие возможности для содержательного анализа многообразных контекстов науко-ориентированного дискурса. В частности, с опорой на предложенное им истолкование рассмотрению поддаются суждения, выражающие закономерности, действующие как в простых механических системах (классическая рациональность), так и в сложных. В том числе, в самоорганизующихся (неклассическая рациональность) и в сложных саморазвивающихся системах (постнеклассика). При этом констатируется человекоразмерность последних, поскольку данные системы определяются как включающие человека как внутренний компонент [1, с. 162].

Последнее видится В.С. Степину как условие, *достаточное*, чтобы признать «изначальную светимость человеческого жизненного мира смыслами»³²

вполне адекватно выражаемой посредством предложенной структурной контаминации: сложная саморазвивающаяся система, включающая отсылку к человеку в качестве собственной составной части. Однако насколько подобное убеждение правомерно?

Здесь хотелось бы сослаться на весьма актуально звучащую мысль, высказанную когда-то представителями харьковской лингвистической школы А.А. Потемни, и в частности, отстаивавшуюся А. Горнфельдом [2]. Согласно этой позиции, форма выражения содержания не накладывается на него извне, как если бы знание каким-то образом существовало само по себе, а форма сама по себе, и лишь «приплюсовывалась» к нему по воле субъекта, увлеченного решением творческой задачи. Напротив, форма *и есть* ресурс, нечленимо соотносимый с динамикой порождения нового содержания. Данная мысль А. Горнфельдом сформулирована относительно феномена порождения поэтического произведения, но она кажется мне актуальной и для обсуждаемой темы соотносимости SH- и NS-знания.

Полагаю, что и в аспекте соотносимости динамизма и структурной устойчивости в порождении новых контекстов, изучаемом в рамках динамико-структуралистского подхода [3], можно различить звучание упомянутого мотива. В частности, структура не предстает как некая готовая схема, упорядочивающий паттерн связности, лишь извне *налагаемый на уже* рожденное и отстроившееся (в соответствии с неясной логикой), содержание. Напротив, формирование структуры, поиск и вынашивание системой собственной структурно-организационной идентичности *и есть* динамика, которую *вынужденно* претерпевает система, продвигающаяся к упорядоченности. А именно, к оформлению в статусе относительной структурной завершенности, пусть даже временной, но позволяющей обрести мгновенные равновесия в непрерывном усилии балансирования на грани порядка и хаоса.

Учитывая вышесказанное, убеждена, формат знания **не может быть изменен произвольно**, по воле исследователя – *как стороннего* (по отношению к процессу) агента влияния на процесс, – без того, чтобы знание, изначально в исходном формате представленное, не изменило своей видовой специфичности. Необходимость изменения исходного, органично присущего исследуемому типу знания, формата говорит о том, что замещающая модификация для него **неорганична**: будь это не так, ничего менять бы не пришлось.

Таким образом, когда **познающий субъект** обсуждает некий теоретический вопрос, изначально осуществляя заявленную ревизию исследуемого, **он меняет природу исследуемого**, поскольку **внешнее вмешательство не остается для исследуемого безразличным, незначимым** (что, надо заметить, следует из методологии постнеклассической рациональности, очерченной самим В.С. Степиным). В результате, одной из сторон отношения изоморфизма, обсуждаемого в рамках анализируемой дискуссии, – с момента трансформации формата SH-знания – оказывается не SH-знание как таковое в его изначальной, исходной, от природы сложившейся проявленности (как целостности, нечеткости, неточности, размытости и расширенной контекстной обусловленности), а его версия, но как бы «приглаженная»: приведенная к формату NS-протоколов

³² Которую Н.М. Смирнова, как его оппонент, считает характеристической для SH-знания.

генерирования знания и лишенная контекстной культурной обусловленности. Преобразующая активность человеческого разума, направленная на то, чтобы изменить формат представленности исследуемого понятия, **влияет** на содержание, которое в данном формате оказывается репрезентировано. Результат подобной трансформации – это самостоятельный эпистемический и эпистемологический продукт, статус которого неочевиден и заслуживает специального обсуждения.

Итак, полагаю, SH знание, из которого экстрагирована специфика SH-знаемости, не является SH-знаемым. Можно, конечно, дальше решать вопрос о соотносимости продукта ревизии с NS-знанием, но, к какому бы выводу мы ни пришли, это не будет иметь отношения к заявленной тематике дискуссии. А поскольку и сам В.С. Степин в отсутствии изоморфизма «расширенного протокола» SH-знания и NS-знания не сомневался, можно сказать, диспутанты, по сути, полностью совпадают во взглядах на предмет обсуждения. Однако же не из перспективы тезиса, провозглашенного Степиным, а из перспективы позиции, отстаиваемой Н.М. Смирновой: а именно, что между SH- и NS-модусами генерации нового изоморфизма нет.

Таким образом, как представляется, позиции диспутантов в упомянутой дискуссии глубоко не различаются, хотя – по внешней форме – кажутся противоположными, поскольку Н.М. Смирнова исходит из видоспецифичности SH-знания в сравнении с NS-продукцией, а В.С. Степин апеллирует к идее изоморфизма. Однако в свете проведенного анализа аргументативного дискурса становится очевидным, что видоспецифичность SH-знания в его полноте для В.С. Степина также была самоочевидной. А та коррекция, к которой ему пришлось прибегнуть, отстаивая тезис изоморфизма двух видов порождения нового, не оставляет возможности считать обсуждаемое им искусственное концептуальное образование адекватным репрезентатом SH-знаемого.

Литература

1. *Степин В.С., Смирнова Н.М.* Существует ли методологический изоморфизм естественнонаучного и социально-гуманитарного знания? // *Философский журнал* 2018. Т. 11. № 3. С. 150–165.
2. *Горнфельд А.* Поэзия / Философия творчества. Вып.7. М.: Голос, 2021. С. 376–391.
3. *Vijver G. van de.* Identification and psychic closure. A dynamic structuralist approach of the psyche // *Closure*. N.Y.: New York Academy of Sciences, 2000. P. 1–13.

Актуальность идей В.С.Степина о культуре и культурных универсалиях *Рубанов А.В.*

*Доктор социологических наук, профессор
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь*

УДК 130.2

Аннотация: *Раскрыты идеи В.С. Степина о культуре и заложенных в ней программах человеческой жизнедеятельности. Представлена его характеристика функционального значения и структуры этих программ. Раскрыты представления о мировоззренческих универсалиях и их соотношении с философскими категориями. Показан сделанный им сравнительный анализ традиционного и техногенного типов цивилизационного развития. Особо выделен вывод о необходимости перехода к новому типу цивилизационного развития и показано значение его идей в выборе мировоззренческих и ценностно-смысловых ориентиров такого перехода.*

Ключевые слова: *культура; культурные универсалии; социокод; категории философии; традиционная цивилизация; техногенная цивилизация*

The relevance of V.S.Stepin's ideas about culture and cultural universals *Rubanov A.V.*

*Doctor of Sociological Sciences, Professor
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus*

Abstract of paper: *V. S. Stepin's analysis of culture and human activities' programs has been presented in this paper. Characteristics of the functions and structure of these programs have been proposed. The concept of "cultural universals" has properly been clarified. Proper comparative analysis of traditional and technogenic types of civilizational development has been presented. V.S. Stepin's conclusion about the need for the transition to a new type of civilizational development has been substantiated. The significance of his ideas in the choice of worldview and value-semantic guidelines of this transition process has been demonstrated.*

Keywords: *culture; cultural universals; sociocode; categories of philosophy; traditional civilization; technogenic civilization.*

Примерно с начала последней трети прошлого века в отечественной философии и гуманитарных науках в целом обозначились попытки поиска новых подходов к объяснению социальных процессов. Их авторы стремились уйти от чрезмерного акцента на значении объективных законов истории и роли производственно-экономического фактора в функционировании и развитии общества, сформировать более широкий, разноплановый взгляд на ход общественной жизни. К этим попыткам следует отнести идеи В.С. Степина о культуре и культурных универсалиях.

Об их главной направленности более чем убедительно свидетельствует его принципиальный вывод: «Динамика социального развития определяется не только изменениями в сфере производства, но и изменениями в культуре» [1, с. 76]. «Не существует односторонней детерминации характера культуры способом производства, но имеются сложные корреляции и состыковки этих двух сфер человеческой жизнедеятельности. Их взаимодействие нужно описывать не в терминах поведения жестко детерминированных систем, а в терминах самоорганизации, прослеживая их прямые и обратные связи» [1, с. 77].

Напомним, что в основе новаторских рассуждений В.С. Степина находится положение, что деятельность, поведение и общение людей регулируются особыми программами человеческой жизнедеятельности. Раскрывая сущность данных программ, он говорит о том, «что в человеческой жизнедеятельности возникает особый внебиологический способ кодирования социально значимой информации, необходимой для воспроизводства и целенаправленного изменения многообразных подсистем общественной жизни» [1, с. 42]. Для раскрытия особенностей данного способа кодирования он использовал разрабатываемое М.К. Петровым понятие «социокод», отмечая, что программы деятельности, поведения и общения передаются в обществе как культурные традиции. А, развивая эту мысль, делает вывод, что «здесь необходимо ввести особое понятие (особый теоретический конструкт) – «культура», без которого невозможно построение современной картины социальной реальности» [1, с. 43].

Говоря о структуре программ жизнедеятельности, В.С. Степин отмечает, что они существуют как сложноорганизованный и развивающийся набор семиотических систем. Роль своего рода системных параметров, объединяющих все многообразие культурных феноменов, играют фундаментальные жизненные смыслы, базисные ценности, которые, как отмечает ученый, представлены мировоззренческими универсалиями.

Приступая к раскрытию понятия мировоззренческих универсалий, автор особо выделяет два момента. Во-первых, отдавая должное сложившейся исследовательской традиции, говорит о том, что их также именуют категориями культуры, идеями, концептами.

Во-вторых, подчеркивает, что эти универсалии не следует отождествлять с философскими категориями, которые возникают как результат рефлексии над универсалиями культуры.

Мировоззренческие универсалии он делит на два блока. К первому относит категории, которые фиксируют наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность. Они, отмечает он, выступают в качестве базисных структур человеческого сознания и носят универсальный характер, поскольку любые объекты (природные и социальные), в том числе и знаковые объекты мышления, могут стать предметами деятельности. Их атрибутивные характеристики фиксируются в категориях «пространство», «время», «движение», «вещь», «свойство», «отношение», «количество», «качество», «мера», «форма», «содержание», «причинность», «случайность», «необходимость» и т. д.

Второй блок универсалий образуют особые типы категорий, посредством которых выражены определения человека как субъекта деятельности, структуры его общения, отношения к другим людям и обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни. К ним относятся категории «человек», «общество», «личность», «сознание», «добро», «зло», «красота», «вера», «надежда», «труд», «совесть», «справедливость», «свобода» и т. п. [1, с. 62-63].

Содержание мировоззренческих универсалий достаточно сложно структурировано. В них В.С. Степин выделяет три слоя смыслов. Первый из них – это всеобщее, то, что отличает человека от животного мира, что выступает своеобразным инвариантом различных культур и образует глубинные структуры любого человеческого сознания. Но этот слой содержания не существует в чистом виде, сам по себе. Он всегда сплавлен со вторым слоем смыслов, который репрезентирует специфику культуры исторически определенного типа общества, выражает особенности принятой шкалы ценностей. Именно этот слой смыслов характеризует национальные и этнические особенности каждой культуры, свойственное ей понимание пространства и времени, добра и зла, жизни и смерти, отношение к природе, труду, личности и т. д. Третий слой мировоззренческих универсалий состоит из многообразных индивидуальных мировосприятий и миропереживаний, в которых конкретизируется исторически особенное в универсалиях культуры [1, с. 63-64].

Раскрывая социальную значимость универсалий культуры, Степин отмечает, что они одновременно выполняют, по меньшей мере, три взаимосвязанные функции. Во-первых, обеспечивают своеобразную квалификацию и сортировку многообразного, исторически изменчивого социального опыта. Благодаря такой «категориальной упаковке» этот опыт включается в процесс трансляции и передается от человека к человеку, от одного поколения к другому. Во-вторых, универсалии культуры выступают базисной структурой человеческого сознания, их смыслы определяют категориальный строй сознания в каждую конкретную историческую эпоху. В-третьих, взаимосвязь универсалий образует обобщенную картину того, что принято называть мировоззрением эпохи. Эта картина, выражая общие представления о человеке и мире, вводит определенную шкалу ценностей, принятую в данном типе культуры, и поэтому определяет не только осмысление, но и эмоциональное переживание мира человеком [1, с. 73-74].

Эвристический потенциал разрабатываемого им похода к понятиям «культура» и «культурные универсалии» В.С. Степин использует при сравнительном анализе традиционного и техногенного типов цивилизационного развития. Его исходный методологический тезис состоит в рассмотрении цивилизаций как целостного социального организма, предполагающего определенный тип культуры. Особый интерес для нас представляет его характеристика техногенной культуры.

Первым и главным из ее признаков является понимание человека как активного, деятельного существа, что выражается особенно очевидно в идее преобразования мира и подчинения природы. Вторым – понимание природы как упорядоченного, закономерно устроенного поля, в котором разумное существо, познавшее законы природы, способно осуществить свою власть над внешними

процессами и объектами, поставить их под свой контроль. Третьим – смещение акцентов в понимании предметов господства силы и власти: от непосредственной власти одного человека над другим к власти над людьми произведенных ими вещей. Четвертым – идеал творческой, суверенной, автономной личности. Пятым – доминирующая ценность науки.

При признании достижений современной техногенной цивилизации ее итоговая оценка В.С. Степиным носит критический характер. Он называет порожденные ею новые зоны риска (изобретение и применение ядерного оружия и других орудий массового уничтожения, экологический и антропологический кризис) и приходит к своему заключительному выводу: «Обострение глобальных кризисов, порожденных техногенной цивилизацией... потребует изменения целей человеческой деятельности и ее этических регулятивов. А радикальное изменение ценностей означает переход от техногенной цивилизации к новому типу цивилизационного развития» [1, с. 99]. «Любой новый тип цивилизационного развития требует выработки новых ценностей, новых мировоззренческих ориентиров. Необходим пересмотр прежнего отношения к природе, идеалов господства, ориентированных на силовое преобразование природного и социального мира, необходима выработка новых идеалов человеческой деятельности, нового понимания перспектив человека» [1, с. 99-100].

В современном мире необходимость обновления основополагающих мировоззренческих и ценностно-смысловых ориентиров актуализируется еще в большей степени. Как представляется, направление обновленческих сдвигов наиболее четко задается вызовами (рисками): планетарными (глобальными) и частными, которые касаются отдельных стран, регионов, групп населения. Все они требуют своевременных адекватных ответов. А перспективные ответные социальные действия и образцы личного поведения должны закладываться в обновленных универсалиях культуры. При том базовом условии, что в качестве их основы используется весь духовно-культурный опыт, накопленный за тысячелетия человеческой жизни.

Постигая своеобразные технологии формирования новых универсалий культуры, важно помнить следующие наблюдения В.С. Степина по поводу протекания этих процессов.

Свои рассуждения он начинает с того, что нужно, во-первых, критически отнестись к традиционным смыслам мировоззренческих универсалий; во-вторых, изобрести новые жизненные смыслы. И развивает эти исходные положения следующим образом.

Первоначально новые идеи выражаются не столько в понятийной, сколько в художественно-образной форме (по выражению ученого, – в смыслообразях). На этой образной основе обновленные мировоззренческие смыслы реализуются и развертываются как посредством понятийно-мыслительного, философского постижения, так и в других формах духовного и практического освоения человеком мира, становятся импульсом соответствующей публицистики, художественной критики, литературных произведений, новых религиозно-нравственных, политических и правовых идей. В результате, наполняясь эмоциональным содержанием, они не только осмысливаются, но и переживаются людьми, которые

вкладывают в них свой личностный смысл, соотносят со своей жизненной ситуацией.

В заключении укажем на два наиболее востребованных сегодня, на наш взгляд, направления культурных изменений. Первое из них начало реализовываться во второй половине прошлого века и выразилось в повороте к сохранению природы, в целом среды обитания человека. Второе сейчас выходит на первый план. Это признание самоценности самой человеческой жизни, ее сохранения, а, по возможности, и облагораживания для ныне живущих и будущих поколений.

Литература

1. Степин В.С. «Цивилизация и культура». Санкт-Петербург. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 2011. 408 с.

Культура как палимпсест

Неретина С.С.

*Доктор философских наук,
Институт философии РАН, Москва*

Аннотация: Ставится вопрос о понимании текста произведения как палимпсеста, где сквозь написанный текст просматривается как бы стертый другой текст, создающий смысловую многозначность. Автор просматривает возможности такого понимания культуры через средневековые тексты Абельяра и Коместора, показывая применимость (воплощение) принципа палимпсеста в классической и современной литературе.

Ключевые слова: палимпсест, слово, дело, перформативность, мысль, вещь, скрытая цитата, мировая душа, схоластическая история,

Ключевые слова: палимпсест, слово, дело, перформативность, мысль, вещь, скрытая цитата, мировая душа, схоластическая история.

Culture as a palimpsest

Neretina S.S.

*Doctor of Philosophy,
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

Abstract: The question is raised about the understanding of the text of the work as a palimpsest, where through the written text another text is seen as if erased, creating semantic ambiguity. The author examines the possibilities of such an understanding of culture through the medieval texts of Abelard and Comestor, showing the applicability (embodiment) of the palimpsest principle in classical and modern literature.

Keywords: palimpsest, word, deed, performativity, thought, thing, hidden quote, world soul, scholastic history

Интерес к анализу текста, проведенному на основе идеологии другого текста [см.: 4], вызывается обилием ошибок в понимании терминов, событий, но главное – лавиной трактовок этих событий. Последнее, правда, вызывает оптимизм, ибо оказалось, что разум обладает и неиссякаемыми возможностями своего применения, и способами сохранения этих возможностей, не только различая слово и дело, но слово и слово.

Если под словом понимать не просто единицу речи, а то, благодаря чему открывается событие мира, то речь являет собой образец не всегда мирного существования разнородного. Слово – рецептор мысли, т.е. ее выражение, убежище и освободитель: оно может быть внешним (произнесенным) и внутренним (молчащим), заряженным энергией всего разумного сущего. Сила мысли некогда приравнивалась к творению Словом (Ад у Данте говорит: «Я высшей силой, полнотой всезнания и первою любовью сотворен»). Мысль – не состав слова и дела; отказ от действия или его делегирование другим разрушает мышление, это – одно. Августин в диалоге «Об учителе» обсуждал, как можно научить понимать значения слов. Чтобы понять, что такое «ходить», нужно начать ходить, одновременно проговаривая: то, что сейчас делается, называется «ходить». Но несмотря на то, что хождение и говорение – разные акты, первое не станет понятным без второго, что особенно ясно при объяснении слова «говорить»: надо начать *говорить*, одновременно *про – говаривая*: то, что сейчас производится, называется *говорением* [1, с. 175]. Августин этим доказывает единомыслие или единобожие, и этот пример показывает, что истинное понимание не разъединяет, а соединяет два акта (говор как деяние и говор как название) в одно понимание.

Вещь заряжена мыслью. Заряженная мыслью вещь несет в себе все знание. Кое-что из него мы опознаем: при чтении книг можно обнаружить скрытые в них цитаты или обратить внимание на то, как независимый смысл отдельного слова начинает сопротивляться значению, данному ему автором. Литература (историческая ли, философская и пр.) ведет рассказ о сингулярных, частных и общих событиях; при этом по ходу рассказа возникает вещь, о которой ведет речь не только автор повествования, но и сами независимо существующие от автора слова. Силою *его* мысли и силою со-участвующих в этой мысли слов создается произведение, *opus* – термин, связанный не только с трудом, но и с жертвоприношением, происходящим в момент созидания, т.е. выпадения из обыденной социально-природной среды в культуру личной ответственности, выявляющей смену принципов существования. В уникальности произведения напряжена вся деловитая словесность мира, ожидающая вопросов читателя/слушателя, в глазах и ушах которого авторский текст двоятся, поскольку он читает/слушает его, изначально имея свое понимание любого использованного знака и обнаруживая то, что автор мог не увидеть в собственном тексте. Текст, очевидно, выступает как палимпсест, сквозь который невольно просвечивают старые ушедшие или рождающиеся будущие значения.

Палимпсест – это рукопись, написанная на пергаменте, с которого соскоблили старые записи для создания новых. В метафорическом смысле это и мысли, неявно встающие рядом с новыми, особенно если они остались невос-

требованными, нераскрытыми, непонятыми. Петр Абеляр в «Теологии Высшего блага» (1120), совершив ментальный поход в греческую древность, позволил себе сопоставить Мировую душу Платона со Святым Духом. «Кому не ясно, – пишет он, – что нельзя обойти молчанием Лицо Св. Духа, так как уже [Платон] объясняет, что Мировая душа есть третье Лицо от Бога и Нуса» [5, с. 279], т.е. Ума, с которым отождествлялся Сын Божий. Абеляр за этот поход жестоко поплатился: придание Мировой душе божественного статуса показалось недопустимым религиозному сообществу XII в., и оно объявило его еретиком. Но Абеляр настаивал на своем. Поставив вопрос об основаниях подобного отождествления, он убедился, что «если рассматривать их внимательно, нет нужды относиться к ним враждебно» [4, с. 399]. Считать Мировую душу сотворенной (что невозможно для третьего Лица Троицы) можно в том случае, если вести речь о Духе с двух позиций: 1) применительно к тварям, на которых направлена Его благодать (и здесь он скорее является душой) и 2) применительно к Самому Себе, когда Он – Дух и только Дух, ибо не было ничего сотворенного, когда Он «абсолютно прост», вечно пребывая в своей сущности. По Абеляру, Платон говорил о душе (это имя означает «способность к одушевлению») как о начале, имея в виду только состояние после творения. Вторую позицию, когда Дух представлял самую природу, он не касался [см.: 5, с. 400]. Как комментатор, он имел право на такое допущение, домысливание Платона, но в итоге мы оказались перед разломом: поперек спрямленной линии развития идеи Духа-души вопиюще торчала мысль Платона, не желавшая такого спрямления, что подтверждает сам Абеляр. Платон, сообщает он, «называет Святой Дух душой (в какой-то момент Абеляр уже и не возвращается к имени Мировой души, а прямо называет ее по-христиански Святым Духом) на основании эффекта его деяний; мы же называем Его Духом по естественному аффекту благодати, которой Он обладал извечно... Платон утверждал, что Душа имела начало, а мы – что Дух абсолютно вечен» [5, с. 400]. Он фантазирует, «читая» Платона в духе своего времени, ведя его к новой логической авантюре: *перестановке и показу возможности разрыва мысли* – на слово и дело, что отвергалось природой Бога, превращало Дух в душу, но обнаруживало способ действия благодати, связанной именно с третьим Лицом Троицы, на весь тварный мир.

Случившаяся и случающаяся подмена содержания употребляемых понятий, иных по происхождению, несущих другую нагрузку, но ведомая энергичным чувством убежденности в правоте своей мысли, на деле, разумеется, ведет к показу многослойности и многообразия их выражений, но прежде всего – к их несопоставимости, несводимости, к бездонности глубины такого иного, больше чего нельзя помыслить, к пониманию необходимости соскабливания писаний с нежной телячьей кожи, чтобы найти местечко для самовыражения. К тому, что и делает путь к началу таким интригующе-петлистым.

Есть и иные методологические приемы, могущие свидетельствовать, что «принцип палимпсеста» в некотором роде феномен того знания, которое М. Хайдеггер называл существенным, затронутым самим бытием [7, с. 19]. Один из них – метод анонимного цитирования. Цитирование может быть неискаженным, а может быть несколько измененным, приспособленным или подоспевшим

к текущему моменту. Так, Абельяр в «Истории моих бедствий» точно цитирует Овидия, не называя автора цитаты, легко, впрочем, узнаваемого. Но присутствие Овидия, например, при чтении «Схоластической истории» (комментированной Библии) Петра Коместора, ученика Абельяра, можно заметить лишь при подчеркнутом внимании. Толкуя библейское сказание о сотворении человека, Коместор пишет: «Дал человеку Он лик возвышенный, чтоб Божество лицезреть и с поднятым челом ко святым обращаться...» [2, с. 122]. Фраза настораживает небиблейской поэтичностью. Имя опального Овидия, язычника, изгоя и гения, навсегда вошедшего в любые истории, всплывает не сразу.

Дал человеку он лик возвышенный, дал небо ему лицезреть
И с поднятым челом к звездам обращаться.

(*Метаморфозы, I, 85*).

XII век называли «веком Овидия», но он и век палимпсеста, использовавший его, во-первых, для выхода за предустановленные рамки догматики, а во-вторых, как раз для укрепления догматики, ибо идея предвестия, повтора — прорастания старой истории в новой в тех местах «Схоластической истории», где повторяемое не называется по имени, а словно бы загадывается, — была в христианстве одной из существенных. В книге фигурируют некие Грек, Философ, Еврей. В образованной средневековой среде их знали все. Грек — псевдоним Платона, Философ — Аристотеля, Еврей — Иосифа Флавия. Все они активно участвовали в строительстве неведомого им христианского мира. Но эта псевдонимность, смахивающая на анонимность, предполагает и нечто всеобщее, охватывающее весь круг времен, связывая древнее и настоящее и о(т)страняя древнее от настоящего — не по хронологическому, а по содержанию принципу.

Прием, использованный Коместором, оказался необходимым и в XX в., использовавшем «эзопов язык» неявного высказывания сокровенных мыслей. В «Путешествии дилетантов» Б.Ш. Окуджавы одним из главных героев является мученик 14 декабря 1825 г., единожды упомянутый в романе С. Муравьев-Апостол, чей прекрасный портрет был укрыт внутри картины с размалеванными индейцами и белыми завоевателями. Сама природа такой анонимности своим ироническим статусом удваивает смысл произведения, обертоном которого являются к тому же стихи, автор которых тоже не назван, а многими, кроме любителей поэзии, и забыт: «Помнишь ли труб заунывные звуки,/ Брызги дождя, полусвет, полутьму». Лишь к середине романа понимаешь, что это из стихотворения «Еду ли ночью по улице темной...» Н.А. Некрасова, картежника-вольнодумца и ниспровергателя основ. Словом, все тот же выход за границы произведения.

Ни о каком Коместоре Окуджава не знал. Но этот прием «переименованного» цитирования, прием осознанный, творчески оправданный, упорно пробивал себе путь в глубинах времени, обнаруживая для нас эту глубину.

И еще один образец палимпсеста дала «Схоластическая история». Ее первоосновой послужили «Иудейские древности» Иосифа Флавия, одного из самых почтенных авторов в Средние века, пытавшегося «слово в слово» передать библейскую историю. В 1294 г. каноник Гийар де Мулэн перевел «Схоластиче-

скую историю» на старофранцузский язык, тоже желая ее передать «слово в слово» [2, с. 67 – 76], но эти слова (библейского текста) по обычаю того времени сопровождалась комментарием. В списке «Схоластической истории» XIII в. комментарий выделен красными чернилами, в «Исторической библии» Гийара, переписанной в XIV в., он вошел в основной текст, так что понять, где текст перевода Коместора, а где вставки переписчика, можно только при сличении с оригиналом, поисками которого вряд ли кто из школяров занимался тогда, а сейчас и подавно не будет, и при знании реалий, характерных для XII, XIII и XIV вв. Если учесть, что комментарии каждого предыдущего списка включались новыми — неизвестными — скрипторами в основной текст, то в результате книга становилась почти многоавторской, «Коместор+», похожей на нынешние кино постановки, где нет сценариста, но есть автор идеи. Такая книга включалась в общемировую текстуру, чем в XX в. будет специально заниматься постмодернистская философия. Текст Коместора не стерт, но *как бы* стерт, что и превратило библейскую историю в палимпсест, позволяющий думать, что и вся наша жизнь — палимпсест, где новое подпитывается прошедшими значениями, участливо напоминающими о разномыслии.

В самом произведении, таким образом, речь развернута тропологически (логикой поворота), показывая возможность и концептуальных «схваток», и полной смены позиций, и знанием того молчания — помысленного, но непроговоренного [3]. Если вспомнить, что литература — это в прямом смысле слова «буквализм», то надо понять и то, что у букв есть особенность: меняться местами. Уже в силу этого она может иметь постоянную форму, но неизменной быть она не может: старые значения проглядывают из нее, как из палимпсеста.

Литература

1. *Аврелий Августин*. Об учителе / Перев. В.В. Библихин // Памятники средневековой латинской литературы IV – VII веков / отв. ред. С.С. Аверинцев и М.Л. Гаспаров, сост. О.Е. Нестерова. М.: Наследие, 1998.
2. *Неретина С.С.* Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка. М.: Гнозис, 1994.
3. *Неретина С.С.* Historia magistra vitae // Vox. Философский журнал. 2021. № 35.
4. *Неретина С.С.* Что влечет за собой метод прочтения философского текста через идеологию другого текста? // Vox. Философский журнал. 2022. № 37.
5. *Петр Абельяр*. Теология Высшего Блага // *Петр Абельяр*. Теологические трактаты. М: Канон+, 2010.
6. *Платон*. Тимей // *Платон*. Соч.: В 3-х т. Т. 3 (1). М.: Мысль, 1971.
7. *Хайдеггер М.* Парменид. СПб.: «Владимир Даль», 2009.

Интерпретация смыслов и историческая реконструкция объективированного знания как пути к научному пониманию мира

Щербин В.К.

Кандидат филологических наук

*Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси
(г. Минск, Республика Беларусь)*

УДК 130.2+167/168

Аннотация. В статье анализируется научное наследие академика В.С. Стёпина сквозь призму его участия в разработке конвергентных подходов к изучению естественнонаучного и социально-гуманитарного знания. Рассматриваются: а) разработанная им модель историко-методологической реконструкции объективированного в трудах Максвелла физического знания; б) предложенные им основные типы теоретических схем (фундаментальные и частные схемы); в) поставленная им проблема интерпретации ключевых понятий и смыслов квантовой электродинамики и возможные применения подходов к ее решению в рамках интерпретативной социологии и интерпретативной этнографии.

Ключевые слова: модель историко-методологической реконструкции объективированного знания, основные типы теоретических схем, проблема интерпретации ключевых понятий и смыслов, интерпретативная социология, интерпретативная этнография.

Interpretation of Meanings and Historical Reconstruction of Objectified Knowledge as a Path to Scientific Understanding of the World

Vyacheslav K. Shcherbin

PhD (Philology)

Center for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Annotation. The article analyzes the scientific heritage of Academician V.S. Stepin through the prism of his participation in the development of convergent approaches to the study of natural sciences and social and humanitarian knowledge. The following are considered: a) the model of historical and methodological reconstruction of physical knowledge objectified in Maxwell's works developed by him; b) the main types of theoretical schemes proposed by him (fundamental and partial schemes); c) the problem posed by him of interpreting the key concepts and meanings of quantum electrodynamics and possible applications of approaches to its solution within the framework of interpretive sociology and interpretive ethnography.

Keywords: model of historical and methodological reconstruction of objectified knowledge, main types of theoretical schemes, problem of interpretation of key concepts and meanings, interpretive sociology, interpretive ethnography.

В заявленной тематике Третьих Стёпинских чтений по секции «Методология социально-гуманитарного знания и проблемы творчества» наше внима-

ние привлекла тема «Роль конвергентных подходов для дальнейшего развития наук о природе и обществе». На наш взгляд, анализ указанной темы позволяет затронуть две наиболее крупные области научных интересов академика В.С. Стёпина: а) философия и методология науки и б) культура как «генетический код» цивилизации. При этом, если в научном наследии В.С. Стёпина первая область представлена двумя его квалификационными работами (кандидатской и докторской диссертациями) и целым рядом написанных им или с его участием монографий и учебных пособий (см., например [1-4]), то ко второй области относятся не только монографии (см., например [5-8]), но и его сборники социально-философской публицистики (см., например [9]), выступления на конференциях и «круглых столах» [10-11]), а также отдельные журнальные [12] и даже газетные статьи [13]. Особый статус социокультурной составляющей научных интересов В.С. Стёпина подчеркивается также тем обстоятельством, что эта составляющая сформировалась в завершающий, наиболее зрелый период научной и философской деятельности Вячеслава Семеновича.

Отмеченное расширение сферы научных интересов В.С. Стёпина (к его излюбленной философско-методологической проблематике добавилась социокультурная и цивилизационная проблематика) было, на наш взгляд, обусловлено наметившейся в конце XX ст. конвергенцией естественнонаучного и социально-гуманитарного знания. Вот что, к примеру, пишет о конвергенции указанных типов научных знаний белорусский философ Я.С. Яскевич: «О сближении естественнонаучного и социально-гуманитарного знания свидетельствует и наблюдающаяся трансляция проблемы понимания из традиции герменевтики и гуманитарных наук в анализ естественнонаучного знания и науку в целом. Данная тенденция связана с гуманитаризацией современной науки, с одной стороны, и постоянно возрастающим уровнем абстрактности ее теоретических и математических моделей. Становится ясно, что не только уникальные объекты социально-гуманитарного знания с их «непрозрачностью», «человеческим миром», но и объекты современного естествознания и математики с их сложным смысловым содержанием, высокоабстрактной конструктивностью, со снятой в их содержании «деланностью» и «смыслосодержанием», математическими формализмами, лишёнными наглядности и очевидности, нуждаются в «расшифровке», «раскодировке» научных смыслов, распредмечивании и реконструкции познавательной деятельности, обусловившей рождение концептуальных образований, схем, оснований, научных текстов, что и создает предпосылки для их понимания, преодоления коммуникативных противоречий с научным сообществом. Современная модель понимания синтезирует подходы философско-гуманитарного и естественнонаучного представлений, она является многомерной, включающей и логические, и психологические, и этико-мировоззренческие, и аксиологические измерения» [14, с. 114-115].

Приятно отметить, что одним из первопроходцев в деле разработки конвергентных подходов к анализу естественнонаучного и социально-гуманитарного знания был именно В.С. Стёпин. В частности, изучив содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики (на материале истории создания электродинамики Максвелла), Вячеслав Семенович

разработал модель историко-методологической реконструкции объективированного в трудах Максвелла физического знания (более подробно см. [15]), фактически сформировав такую конвергентную форму научного знания, как исторически реконструируемое естествознание. Конвергентный характер такого знания, по свидетельству В.С. Стёпина, обусловлен тем, что такое «естествознание начинает все шире использовать принцип исторической реконструкции, которая выступает особым типом теоретического знания, ранее применявшегося преимущественно в гуманитарных науках (истории, археологии, историческом языкознании и т.д.)» [12, с. 17]. В свою очередь, выделение В.С. Стёпиным на материале физической теории Максвелла двух основных типов теоретических схем (фундаментальных и частных схем) обогатило социально-гуманитарную теорию классификации (более подробно см. [16]).

Наконец, разработка В.С. Стёпиным структуры и исторической эволюции теоретического знания позволила ему впервые поставить и решить проблему интерпретации ключевых понятий и смыслов квантовой электродинамики (более подробно см. [17, с. 432-454]). Особую значимость опыт постановки и решения интерпретационных проблем имеет для таких направлений социально-гуманитарного знания, как интерпретативная социология и интерпретативная этнография. В частности, что касается интерпретативной социологии, то, по свидетельству российского философа и социолога Д.Г. Подвойского, данное направление объединяет «ряд социологических теорий, в рамках которых основной задачей считается изучение «смысловой нагруженности» социальной жизни и образующего ее структуры человеческого поведения. При таком подходе ученый выступает в качестве «интерпретатора» (истолкователя) субъективных значений и смыслов, которые индивиды приписывают тем или иным фрагментам социальной реальности» [18, с. 455]. По указанной причине «одни и те же факты у разных социологов получают разные, зачастую противоположные интерпретации. Уже в силу этого роль социолога как активного наблюдателя-интерпретатора, а не только описателя поверхностного слоя реальности, кажется сегодня исключительно важной» [19, с. 15]. В свою очередь, интерпретативная этнография отличается от традиционной этнографии следующей характеристикой: «Если взгляд на культуру с точки зрения традиционной этнографии был основан на наблюдении, т.е. человек (другой культуры) представлялся как объект, поведение которого можно объяснять и предсказывать, то интерпретативная этнография уже видит сообщение как процесс проникновения человека в другую культуру и, соответственно, другой культуры – в самого человека. «Насыщенное описание», составляющее суть такой интерпретации, направлено прежде всего на понимание, которое предполагает уже не просто наблюдение, но сообщение как совместное исполнение коммуникативных актов: чем ближе интерпретатор подходит к иному, чем более наполнено смелостью и страстью исполнение, тем полнее понимание» [20, с. 105].

Таким образом, анализ научного наследия академика В.С. Стёпина позволяет сделать следующие выводы:

1. Академик В.С. Стёпин внес весомый вклад в разработку конвергентных подходов к анализу естественнонаучного и социально-гуманитарного знания:

создал модель историко-методологической реконструкции объективированного в трудах Максвелла физического знания; предложил основные типы теоретических схем (фундаментальные и частные схемы); поставил проблему интерпретации ключевых понятий и смыслов квантовой электродинамики.

2. Указанный вклад академика В.С. Стёпина в разработку конвергентных подходов к анализу естественнонаучного и социально-гуманитарного знания имеет исключительное значение для дальнейшего развития физического знания, а также для совершенствования интерпретативной социологии и интерпретативной этнографии.

Литература

1. Стёпин В.С., Томильчик Л.М. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. – Мн.: Высшая школа, 1970.
2. Елсуков А.Н., Степин В.С. Методы научного познания. – Мн.: Высшая школа, 1974.
3. Стёпин В.С. Становление научной теории (Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики). – Мн.: БГУ, 1976.
4. Горохов В.Г., Розов М.А., Степин В.С. Философия науки и техники: учебное пособие. – М.: КонтактАльфа, 1995.
5. Научные революции в динамике культуры / Ред.-сост.: В.С. Степин. – Мн.: Университетское, 1987.
6. Кузнецова Л.Ф., Стёпин В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М.: ИФ РАН, 1994.
7. Стёпин В.С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды. – Мн.: БГУ, 2012.
8. Стёпин В.С. Человеческое познание и культура. – СПб.: СПбГУП, 2013.
9. Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. – М.: ИФ РАН, 1996.
10. Стёпин В.С. Наука и образование в контексте современных цивилизационных изменений // Наука и образование на пороге III тысячелетия: Материалы Международного конгресса (г. Минск, 3-6 октября 2000 г.). – Мн.: НАН Беларуси, 2001. С. 126-141.
11. Выступление, ответы на вопросы и реплики В.С. Стёпина // Куда идет российская культура? Круглый стол, 27-28 июня 2009 г. – СПб.: СПбГУП, 2010.
12. Стёпин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3-18.
13. Стёпин В.С. Философия и универсалии культуры // Веды. 2000. № 5. С. 4-5.
14. Яскевич Я.С. Методология и этика в современной науке: поиск открытой рациональности: учебно-методическое пособие. – Мн.: БГЭУ, 2007.
15. Томильчик Л.М. Стёпинская модель историко-методологической реконструкции – ключ к пониманию процесса научного открытия // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В.С. Стёпина. – Мн.: БГУ, 2014. С. 29-38.

16. Щербин В.К. Классификационные схемы как метод познания социальной реальности // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В.С. Стёпина. – Мн.: БГУ, 2014. С. 183-197.

17. Стёпин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

18. Подвойский Д.Г. Интерпретативная социология // Большая Российская энциклопедия. Т. 11. – М.: БРЭ, 2008. С. 455.

19. Бызов Л., Петухов В., Федоров В. Предисловие // Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. – М.: Праксис, 2011. С. 7-16.

20. Ключанов И.Э. Сообщение и забытие. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.

Временные границы социальных сообществ

Блюхер Ф.Н.

*кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник,
руководитель сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук
Института философии РАН
109240, РФ, г.Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр.1.*

Аннотация: В работе исследуются два принципа возникновения социальных сообществ. Показаны недостатки, присущие каждому из образуемых сообществ. Рассматривается казус исключения человека из сообщества. Определяется временная размерность общего дела, которая связывает людей в сообществе. Показываются причины возникновения символического обозначения сообществ, выходящих за свои временные границы.

Ключевые слова: Сообщество. Временная граница. Символ. Число Данбара.

Temporary boundaries of social communities

Flyukher Fyodor N.

*PhD, Principal Research Fellow
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

Annotation. The paper explores two principles of the emergence of social communities. The shortcomings inherent in each of their formed communities are shown. The case of exclusion of a person from the community is considered. The temporal dimension of the common cause that binds people into communities is determined. The reasons for the emergence of the symbolic designation of communities that go beyond their time boundaries are shown.

Keywords. Community. Temporal border. Symbol. Dunbar number

С точки зрения логики существуют два способа образования общих понятий, которые могут быть использованы при обозначении социальных сообществ.

Первый, стандартный родовидовой подход, основанный на выделении некоторых признаков, характеризующих множество предметов в рамках одного общего понятия. В методологии понятия, созданные на основании такой операции, получили название «абстрактно общих». Второй – понятия, описывающие некоторую целостность, которую характеризуют неотделимые от него части. Если мы к такой целостности применяем исторический анализ, то получаем «конкретно общие» понятия.

При обыденном использовании понятия «сообщество» подразумевается, что оно объединяет различных людей по какому-то одному признаку: национальности, языку, религии, возрасту, культуре и т.п. При этом становится трудно избежать парадокса теории множеств. Признак, который объединяет людей в сообщество, либо задается извне, условно назовем такое множество «обычным», либо сам является членом подмножества, будем считать его «необычным». При этом, при определении понятия «человечество», состоящего из всех «обычных» множеств, возникает парадокс Рассела. Это множество – «обычно», потому что признак может задаваться извне только другими людьми. Но в данном случае, все люди входят в множество «человечество», поэтому такое множество по определению «необычно». Получается, что так понимаемое «человечество» одновременно и «обычно», и «необычно». В европейской истории мы находим отражение этого парадокса в «Дискуссии в Вальядолиде» (1550-1551), которая определяла правовую и богословскую политику отношения испанцев к индейцам в Новом свете.

При использовании понятия «сообщество» как конкретно общего понятия, возможно связать разные по ментальности, религии, возрасту и национальности людей в рамках одного сообщества, выполняющего общую задачу в условиях информационной неопределенности. При этом, так как разнообразие участников объединения и информационная неопределенность принципиально неустранимы, единственная переменная, которую мы можем определить количественно – общая задача или общее дело. Именно размерность общего дела задает количественную границу того объединения, которое мы характеризуем как «мы».

Ксенофонт, описывая момент принятия греками решения пробиваться с боями из Персии к морю, говорит следующее:

«После этой речи все начальники просили Ксенофонта взять на себя предводительство, кроме некоего Аполлониды, который говорил на беотийском наречии. Этот человек назвал пустым болтуном всякого, кто утверждает, будто можно спастись иным способом, кроме подчинения царю, если это вообще возможно, и в то же время он начал перечислять трудности настоящего положения. Однако Ксенофонт перебил его и сказал: "Странный человек! ... когда царь, после смерти Кира, ... засылал послов, и просил заключить союз, и предлагал нам продовольствие до тех пор, пока не был заключен договор. Когда же стратеги и лохаги пошли к ним для переговоров, как и ты советуешь нам поступить, и, полагаясь на договор, не взяли с собой оружия, то разве их не били, не истязали, не насмехались над ними, причем эти несчастные даже не могли умереть, хотя, как я думаю, они очень этого желали? И зная все это, ты

называешь тех, кто ратует за оборону, вздорными болтунами и зовешь их снова пойти и отдать себя в руки врагов? Я предлагаю не допускать этого человека в нашу среду, но освободить его от звания лохага, взвалить на него кладь и использовать в качестве носильщика. Он срамит свою родину и всю Элладу тем, что, будучи эллином, он таков, каким мы его видим!". Тогда слово взял Агасий-стимфалиец и сказал: "Но у этого человека решительно ничего нет общего ни с Беотией, ни с Элладой. Я заметил: у него, как у лидийца, проколоты оба уха"⁽¹³⁰⁾. Так оно и оказалось, и его прогнали. [2, III, I, 27 - 33].

Здесь интересно то, что, хотя решающим в отношении к Аполлонида оказывается его позиция по стратегии похода, она не предполагала его изгнания из войска, потому что он рассматривался как грек из-за своей речи и статуса офицера, но его внешний вид «как у лидийца» оказывается важным, когда меняется общая задача. Когда войско греков наступало или отступало по «договоренности» с персами, мало кому было дело, что у него «не так» проколоты уши.

В данном случае «общее дело» ограничивалось несколькими месяцами. Но есть дела, которые делят всю жизнь или большую часть жизни: это воспроизводство человека, как культурного и социального существа, как индивида в семье, клане, племени, в том сообществе, где у него возникает определенность «Я» и где люди знают его непосредственно по его делам.

В цитируемом отрывке речь идет об эллинстве, т.е. о национальности участника военного похода. Некое сообщество, оказавшееся в сложном положении, лишает этого человека его идентичности. Так в 1917 – 1922 годах «русские» лишали национальной идентичности «красных». Однако в 1941 - 1945 годах «красные» снова стали «русскими». При том, что «немцы» 1917 года и «немцы» 1941 – 1945 годов были, по всей видимости, разными немцами. Остается предположить, что речь идет не просто о ситуации, но и ее масштабе. Французы стали нацией в результате войны за независимость. Итальянцы стали нацией в результате войны за независимость. Для обретения коммунистами «русскости» понадобилась победа над «мировым злом» в лице германского фашизма. Смена идеологии по время войны наиболее четко прослеживается в постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года по поводу фильма «Большая жизнь». Снятая по всем довоенным канонам, лента о борьбе передовых рабочих с тайными врагами народа была раскритикована и запрещена к показу, прежде всего из-за того, что в фильме «дано фальшивое, искаженное изображение советских людей», которые победили фашизм.

Следовательно, дело, которое связывает сообщество людей в некое «мы», не может превышать продуктивную жизнь «Я» или, считая условно, это два поколения или 40 – 50 лет. Остается предположить, что конструкт «мы», превышающий эту временную границу, носит символический характер и нуждается в некоем религиозном или идеологическом подкреплении. Это происходит через обращение внимания религии и философии к понятию «человек» и наделении этого конструкта какими-то особыми качествами, возможно, взятыми из реальной или мифологической истории.

Тем самым, можно сказать, что существует, как минимум, два употребления местоимения «мы». В обыденном употреблении это разные люди, связан-

ные в рамках одной деятельности, имеющей общую цель. А так как деятельность в нашей жизни меняется, то, в соответствии с этими изменениями, мы готовы признать любого другого человека, с которым можем вступить в потенциальное взаимодействие, ровно таким же, как мы, человеком. Для этого любой человек заранее признается целесообразным существом, действия которого подчинены строго построенному рациональному плану. Человек оказывается мерой всех вещей, даже античные боги – не более, чем сверхсильные люди. Поэтому мир вокруг нас объясняется с точки зрения общественных отношений, и главной философской дисциплиной становится этика. «Онтология Платона уже есть этика: мир идей, где безраздельно властвует благо, выступает в качестве целей человеческой деятельности» [1, 129]

С другой стороны, это же местоимение используется для обозначения сообществ, разнообразие и неравенство которых превышает всякое возможное объединение их в рамках одной деятельности. В какой-то степени мы можем утверждать, что все мы люди. Но одновременно с этим очевидно, что мы никогда не сможем быть на связи со всеми людьми. В известном смысле они для нас «не люди», а скорее, статистические единицы, обозначаемые такими понятиями средневековых летописцев, как «тьма» или «стотысячное войско». Здесь важен сам факт встречи представителя локального сообщества, обозначающего себя как «мы», с «другими», с «они». Прежде всего, это происходит за пределами той размерности, которую мы определили для обозначения сообщества «мы». Наше взаимодействие может быть очень короткое, например, случайная встреча с незнакомым человеком в современном мегаполисе. Или же, наоборот, оно может превышать размерность в два поколения. Так, если две родные сестры из русско-эстонской семьи в 1991 году выбрали разную национальную идентичность, то сами они еще понимают условность этого выбора, но их внуки уже с полным основанием относят себя к разным национальностям.

Вторым важным фактором можно считать число Данбара, взятое как условие. В соответствии с ним, для каждого человека количество непосредственных контактов с другими людьми ограничено, следовательно, ограничена и сама возможность применить местоимение «мы» к людям, которых ты принципиально не можешь знать. Видимо, именно здесь находятся истоки первоначального социального символизма для обозначения тех, кого мы не знаем, но с которыми вынуждены в виде соседского проживания контактировать. Их нужно как-то называть, и люди придумывают символическое обозначение «этих». Так, при переходе людей к производящему хозяйству, возникают сообщества, превышающие тысячу человек, которые, как можно видеть на примере североамериканских индейцев, делятся на более мелкие роды, обозначаемые тем или иным тотемным знаком. Еще более сложную социальную и символическую организацию имеют союзы племен, включающие условно около 10 000 человек. Однако с расширением объема понятия за границы возможной совместной деятельности меняется и содержание, которое мы вкладываем в «гуманизм». По существу, гуманизм уже не имеет дело с конкретным человеком, он становится знаком, который приписывает группе людей какое-то особое, конституирующее их качество.

Символ характеризует возникновение сообщества, причем не столько сообщества «мы», сколько сообщества «они». «Мы» в границах одного дела, в конечном счете, не нуждаемся в символическом наименовании, наши роли и функции распределены кооперацией, которую диктует достижение цели совместной деятельности. Другое дело – «они». Обращение к случайным собеседникам, попутчикам, людям, оказавшимся с нами случайно в данном месте, в течение века менялось с «граждане» и «соотечественники» на «товарищи» и обратно. Каждый раз в обращение вкладывалась какая-то символическая идея, так, до революции 1917 года обращение офицеров царской армии к нижним чинам подразумевало использование местоимения «ты», лишь приказом №1 от 2 марта 1917 года данное положение было отменено, как и обратное титулование.

Литература

1. Гусейнов А.А. Античная этика. - М.: Гардарики, 2003.
2. Ксенофонт. Анабасис. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. Цитируется [номер литературы, римский номер книги, римский номер главы, латинский номер предложения.]

Мультиверсальность творчества

Князева Е.Н.

Доцент, доктор философских наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

УДК 165.19

Аннотация. Обсуждаются современные междисциплинарные подходы к пониманию креативной деятельности человека, причем в качестве центрального берется мультиверсальный подход. Мультиверсальность креативности означает множественность миров творческой личности, продуцирование ею множества смыслов, неоднозначность и альтернативность путей развития мысли, рефрейминг имеющегося знания, быстрота и неожиданность смены визуальных образов и поворотов мысли как в калейдоскопе, необычное использование привычного материала, создание и пересоздание собственного окружающего мира, обратное воздействующего на творца. В качестве сателлитных подходов к мультиверсальному рассматриваются сложностный (в концептуальных рамках теории сложных систем), энактивный (активное встраивание креативного человека в окружающую среду и создание своей среды, перестраивающей самого творца) и подход с точки зрения бриколажа (нового и непривычного использования привычного материала, необыденности в обыденности). Развиваемые в различных областях естественнонаучного, социального и гуманитарного знания концепции множества миров (мультиверса) дают нетрадиционный методологический инструментарий для понимания мультиверсальности творчества.

Ключевые слова: бриколаж, дивергентное мышление, креативность, множество миров, мультиверсальность, сложные системы, творчество, энактивизм.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00450, <https://rscf.ru/project/22-18-00450/>.

Multiversality of Creativity

Knyazeva Helena N.

Associate Professor, Doctor of Philosophy

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)

Annotation. Modern interdisciplinary approaches to understanding human creative activity are discussed, and the multiversal approach is taken as the central one here. The multiversality of creativity means the multiplicity of worlds of a creative personality, the production of many meanings by him, the ambiguity and alternative ways of developing thoughts, reframing existing knowledge, the speed and unexpectedness of changing visual images and turns of thought like in a kaleidoscope, unusual use of familiar material, creating and recreating one's own surrounding world, back affecting the creator. As satellite approaches to the multiversal approach, the complexity approach (in the conceptual framework of the theory of complex systems), the enactive approach (active integration of a creative person into the environment and creation of his own environment, rebuilding the creator himself) and the approach from the point of view of bricolage (new and unusual use of familiar material, creation of novelty from something routine and always at hand). The conceptions of many worlds (multiverse) developed in various fields of natural science, social and humanitarian knowledge provide us with some non-traditional methodological tools for understanding the multiversality of creativity.

Keywords. bricolage, divergent thinking, creativity, many worlds, multiversality, complex systems, creativity, enactivism

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00450, <https://rscf.ru/project/22-18-00450/>.

Креативность является одним из наиболее востребованным качеством личности в современном обществе. Креативная личность способна создавать креативные и инновационные продукты и услуги, которые ожидают потребители. О креативности (творчестве) говорят в самых разных смыслах. Это творческое решение задач, творчество и инновации на экономических рынках, творческое лидерство, когда лидер выступает катализатором прогресса и изменений, которые уже созрели в сообществе, и работает оптимально, имея позитивные образы будущего, творческое обучение, которое есть, по сути, обучение через пробуждение способностей учеников или студентов, творческий организационный климат в той или иной социальной группе или на предприятии, творческие сообщества, где действуют механизмы синергии, взаимной адгезии и взаимного стимулирования личностей, повседневное творчество (одаренные люди креа-

тивны во всем, в любой области своей ежедневной деятельности). Можно говорить как о креативности деятельности, так и о креативности ее продукта. Последнюю можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, креативный продукт всегда оригинален; ему свойственна новизна, необычность, неповторимость. Во-вторых, креативный продукт не только оригинален, но и действенен, эффективен, способен хорошо интегрироваться, найти свою познавательную, культурную, социальную, рыночную нишу.

В последние 50-70 лет появилось ряд теорий креативности, развиваемых преимущественно в рамках психологического знания. В их числе теория индивидуального порога Э.П. Торранса (1962), утверждающая, что высокий уровень IQ является необходимым, но недостаточным условием для проявления креативности, эволюционная теория творчества, Д. Кэмпбелла (1960), в основе которой лежит прото-дарвиновская модель «слепые вариации и селективное удержание», называемая также универсальным селекционизмом, теория дивергентного мышления Дж. Гилфорда (1967), теория множественного интеллекта Г. Гарднера (1987), ассоциативная теория творчества, у истоков которой стоят Дж. Локк и Д. Юм, которая развивалась в том числе С.А. Медником (1962) как теория ассоциативного потока, теория творчества, основанная на интеракционистской модели Г. У. Олпорта (1954). Наиболее методологически близкими к развиваемому здесь пониманию креативности являются эволюционная теория творчества и теория дивергентного мышления.

Развиваемый здесь мультиверсальный подход к творчеству концептуально взаимосвязан с тремя подходами: 1) сложностным (понимание механизмов креативности в концептуальных рамках теории сложных систем), 2) энактивным (энактивизмом), активным встраиванием креативного человека в окружающую среду и перестраиванием среды, фактически созданием новой среды под самого себя, обратно воздействующей на этого человека открывающей в нем новые потенции, 3) бриколажем, концептом используемым сегодня в различных социальных и культурных практиках.

Сложностный подход к креативности позволил разработать модель интуиции как самодотраивания (Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, 1992). Эта модель включает в себя три компонента: первоначальное максимальное расширение креативного поля, скрытая детерминация и выбор главного, самодотраивание вокруг этого ключевого звена. В этой модели присутствуют дивергентное мышление, позволяющее умножить первоначальное разнообразие элементов, искусство отбора, построение целого в результате самоорганизации, кристаллизация знания или перцептивных образов вокруг ключевых элементов.

Непревзойденные возможности для понимания мультиверсальности мира предоставляет нам традиция Лейбница с его представлениями о возможных мирах, богатстве потенций, тонких связях и событийных переплетениях миров, а также их со-возможности и самоотнесенности. Согласно Лейбницу, существует бесконечное множество (логически) возможных миров, а наш мир, к которому мы живем, случаен, контингентен, он такой, но мог бы быть и другим. Начало всего возможного – в едином существе, где все вещи имеют связь друг с другом. Имеется связь всего со всем в каждом из миров. Малые движения и влияния

распространяются на самые отдаленные расстояния. Существуют возможности, которые никогда не осуществляются. Возможное шире вариантов будущего, того, что будет. Кроме того, существует со-возможность, именно отношения со-возможности индивидуализируют возможные миры.

Можно выделить различные аспекты в понимании мультиверсальности творчества. Во-первых, можно говорить о мирах сознания креативного человека, о его мышлении «как если бы» (*als ob*). Творчества всегда связано с искусством «мыслить иначе», не так как другие и не так, как всегда. Эта открытость ума, допущение или даже культивирование разнообразия перцептивных и ментальных образов, судя по всему, и есть то, что психологи называют дивергентным мышлением. Во-вторых, это искусство перевоплощения, способность стать другим, резонировать и эмпатировать с другой вещью, с другим живым существом или с другим человеком, чтобы открыть новое в самом себе и, быть может, узнать мир через самого себя и стать собой. В-третьих, это искусство преобразования окружающей среды, которая преобразует творца, со-возникновение творца и среды, взаимное соиздание их в синергичной или энактивной связке. Великие ученые мечтают о том, чтобы их ученики превзошли их собственные работы и достижения. В-четвертых, творчество – это производство смыслов, порождение новых смысловых миров. Новизна возникает по разным причинам: это и наложение (интерференция) смыслов, и перенос (метафора), и понимания (распутывания) сложного, допускающего разные интерпретации, размножающиеся в результате взаимодействия и коммуникации творца, создателя художественного произведения или ученого, совершившего научное открытие, и читателя, слушателя, зрителя и т.п. Процесс смыслопорождения (*sense-making*) и процесс распаковывания смыслов соотносительны в непрерывных потоках смысловотворчества (М.М. Бахтин).

В этом плане важен энактивный подход к пониманию мультиверсальности творчества. В энактивизме подчеркивается активная сторона восприятия и мышления, человеческого познания в целом. Мы учимся, запоминая и узнаем что-то, когда действуем. Познание и творчество есть эпистемическое действие: познание происходит в действии и через действие. Человек мыслит мир, но в то же время сам процесс познания формирует и изменяет его, придает конфигурации его познавательной деятельности. Познающий субъект не только познает мир, но и конструирует его, а конструировать можно по-разному, в разных вариантах. Мир можно характеризовать не посредством атрибутов, а только посредством потенций, которые могут быть вызваны к жизни (т.е. энактивированы) в познавательной и творческой деятельности (Ф. Варела). В таком активном процессе познания возникают и развиваются новые эмерджентные структуры, иногда приходят в упадок или, наоборот, усложняются и достраиваются. Человеческая жизнь (и человеческое сознание) представляет собой динамический процесс, представляющий собой автопоэтическую деятельность, поскольку она всегда направлена на поиск еще упущенных элементов и стремится к относительному завершению целостных структур. Это всегда процесс с открытым результатом.

Один из способов достижения креативности в социальных и культурных практиках – это техники бриколажа. Бриколаж базируется на идее «создания чего-то из ничего», на установке «Обойдись тем, что есть под рукой!», на конструировании нового из того, что имеется, т.е. на переструктурировании и пересоздании. Понятие «бриколаж» использовал К. Леви-Стросс, изучая специфику мифологического мышления. Дикари умеют соединять осколки прежнего опыта, устанавливая между ними новые смысловые взаимосвязи и формируя целостные и неразложимые образы. Современные креативные умы должны не только культивировать в себе детскость и свойственную детям способность удивляться миру, но и способность дикарей к мифологическому мышлению, которые играют осколками опыта и выстраивают их обходными путями, что позволяет открыть новые смыслы.

Человек, использующий техники бриколажа, противоположен инженеру, действующему по хорошо обкатанным алгоритмам и ориентированному на заранее запланированный результат. Бриколаж предполагает конструирование с незапланированным результатом, не свертывание, а расширение возможностей и расширение альтернатив, что соответствует самим принципам креативного мышления как мышления дивергентного. Дивергентное мышление в отличие от конвергентного, свертывающего разнообразие, позволяет свободно двигаться в разных направлениях, ситуационно менять направление движения, с тем чтобы иметь возможность выдвигать креативные идеи и их комбинации, которые могли бы служить решениями проблемы и лечь в основу созидательного действия. Человек, использующий техники бриколажа, изобретателен и задействует свои способности воображения, что позволяет ему находить уникальные способы использования имеющихся ресурсов и возможностей. Там, где рутинно мыслящий человек, подобный инженеру точен и строг, креативно мыслящий человек, ориентированный на бриколаж, использует игры, методы геймификации, там, где инженер строг, авторитарен и категоричен, человек, умеющий использовать бриколаж, стратегически гибок и готов применять индивидуальный, персонализированный подход к решению стоящих перед ним задач; там, где инженер контролирует себя и строго придерживается заданных процедур, человек, любящий бриколаж, действует свободно и творит инновации.

Идея множественности миров (мультиверса) привлекает все большее внимание и в теории, и в социальных и культурных практиках. Наш мир – не универсум, а мультиверсум, он един во множественности и разнообразии частей, являющихся, возможно, самостоятельными мирами на каких-то иных иерархических уровнях в пространстве и времени. И креативность человека является тому блестящим примером.

Литература

1. Князева Е. Н. Идея мультиверса: междисциплинарная перспектива // Философия науки и техники. 2022. Т. 27. № 2. С. 121-135.
2. Смирнова Н.М. Творчество как созидание открытых возможностей // Философия творчества. Ежегодник. Выпуск 7, 2021. М.: Голос, 2021. С. 288-298.

3. Safina A., Gaynullina L., Cherepanova E. Work of art in the space of network culture: Creativity as bricolage // Creativity Studies. 2020. Vol. 13(2), P.257-269.

В.С. Степин о «субъекте познания» и проблема субъекта творчества

Семёнов С.Н.

кандидат философских наук

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Россия)

Семенова Д.С.

магистр философии

Башкирский государственный медицинский университет (Уфа, Россия)

УДК 37.036.5:159.923:165.1

Аннотация: Важной проблемой в исследованиях творчества является понимание его субъекта. Концепция «субъекта познания», предложенная В. С. Степиным, позволяет выявить новые аспекты в осмыслении «субъекта творчества» не только в гносеологическом, но и в онтологическом плане.

Ключевые слова: творчество, субъект познания, субъект творчества, цельное знание, симфоническая личность.

V.S. Stepin on the “subject matter of knowledge” and the problem of the subject of creativity

Semenov S.N.

PhD of Philosophy

R.G. Kuzeev institute of Ethnological Research-separate structural subdivision of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Science (Ufa, Russia)

Semenova D.S.

Master of Philosophy

Bashkir State Medical University. (Ufa, Russia)

Abstract: An important problem in the study of creativity is the understanding of its subject. The concept of the “subject of cognition”, proposed by V. S. Stepin, makes it possible to identify new aspects in understanding the “subject of creativity” not only in epistemological, but also in ontological terms.

Key words: creativity, subject of cognition, subject of creativity, whole knowledge, symphonic personality.

Одно из ключевых мест в проблематике творчества занимает вопрос о субъекте творчества, т.е. о той целостной системе качеств, способностей и ха-

рактических, которые обуславливают возможность и действительность творческой деятельности. Это не только теоретическая, но и практическая проблема, причем по целому ряду направлений: выработка критериев для тестирования творческих способностей; проектирование систем создания благоприятных условий и применения способов стимулирования творческой активности; разработка образовательных методик и систем, развивающих и формирующих творческий потенциал обучающихся; работа по созданию систем искусственного интеллекта (либо в плане моделирования «человеческого» субъекта творчества, либо в плане поиска альтернативных моделей эвристической активности).

В данном аспекте плодотворно рассмотрение данных проблем в связи с концепцией «субъекта познания», разработанной В. С. Степиным. В. С. Степин понимает «субъект познания» как определенный «конструкт», выступающий как «средство теоретического описания различных способов и видов познавательной деятельности», в связи с чем «могут быть введены разные абстракции познающего субъекта», которые подразделяются в соответствии с основными этапами развития науки. «Классическая» наука «абстрагируется от деятельностной природы субъекта, в неклассической эта природа уже выступает в явном виде, в постнеклассической она дополняется идеями социокультурной обусловленности науки и субъекта научной деятельности» [1, с. 15]. При этом В. С. Степин отмечает и наличие «коллективных субъектов познания» в виде групп исследователей. В целом, «субъект познания» рассматривается как гносеологическая позиция субъекта по отношению к качественно различным объектам познания.

Понятие «субъект творчества» (далее – СТ) частично совпадает с «субъектом познания», но не вполне (познание включает и нетворческие операции, а творчество возможно в разных сферах деятельности). Однако возможно рассматривать СТ не только гносеологически (или праксеологически – во всех сферах), но и онтологически. Надо различать СТ как культурный «конструкт» (какие качества его осознаются и сознательно культивируются в определенное время и в определенной сфере) и как онтологически реального «актора» в действительности (с учетом и неосознаваемых им собственных характеристик). Здесь мы исходим из понимания творческого акта как диалектического процесса [См.: 2; 3] и «идеализированного предмета творчества» (далее - ИПТ) как символической (схематической) конструкции, отображающей основное разрешаемое противоречие [4].

Полагаем, что для реализации подобного процесса и формирования подобного ИПТ требуются и вполне определенные характеристики СТ, в частности, его способность к «целостному мышлению» (эта идея была выдвинута И. В. Кириевским, а затем развита В. С. Соловьевым и другими представителями философии всеединства), т. е. к органичному объединению вербально-понятийного, эстетически-образного и эмоционально-ценностного компонентов. Только в таком мышлении может реализоваться творческая содержательная логика диалектического синтеза, причем исходная творческая идея разрешения проблемы-противоречия возникает в эстетически-символической форме.

При этом «парадокс творчества» (возникновение качественно нового из старых предпосылок) решается именно через эстетически-образные и эмоционально-ценностные компоненты. Принципиальная и неизбежная ограниченность и фрагментарность всяких понятийно-теоретических конструкций восполняется и преодолевается за счет целостности (к ясно не осознаваемому, но духовно-интеллектуально, эстетически-образно и эмоционально-ценностно воспринимаемому) отношению к Бытию именно через эстетически-образные и эмоционально-ценностные компоненты творческого мышления. Также, как в концепции В. С. Степина востребованные качества «субъекта познания» определяются особенностями объектов познания, также и специфическое сочетание компонентов целостного творческого мышления у СТ диктуется конкретными особенностями объектов творческой активности и формируемыми на их основе ИПТ. В качестве некоторой общей тенденции здесь можно выделить возрастные роли именно «чувственных» аспектов творчества при обращении к сложным саморазвивающимся системам.

Полагаем, что значительная роль в творческом процессе невербальных и недискурсивных компонентов объясняет и тот, отмеченный многими авторами феномен творческого вдохновения, как его «объективный», «принудительный» для творца характер реализации, как бы «через него». Как писал Г. В. Ф. Гегель: «<...> вдохновение художника проявляется как некая чуждая ему сила, как несвободный пафос <...>» [5, с. 423]. С ним согласен и В. С. Соловьев, однако подчеркивающий, что: «<...> поэтическая душа <...> в минуту вдохновения <...> повинуетея лишь тому, что в нее входит или приходит к ней из той надсознательной области, которую сама душа тут же признает иною, высшей и вместе с тем своею родною.» [6, с. 328 – 329]. Это «иное, высшее, и в то же время – свое родное» может быть понято как включенность СТ в реализацию надиндивидуальных (общенаучных, общекультурных) процессов. В этом случае, как справедливо отмечает В. Д. Губин: «Сами тенденции развития культуры становятся как бы силовыми линиями, по которым движется творец от открытия к открытию» [7, с. 97].

Но способность к подобному «движению» создается и определенными социально-психологическими особенностями СТ. Творчество — не единичные (а, следовательно, никому «другому» не интересные!) акты изолированного индивида, но подлинно уникальные индивидуальные проявления всеобщего. Здесь надо обратиться к понятию «надындивидуальных субъектов», наиболее полно рассмотренных Л.П.Карсавиным в его концепции «соборного» или «симфонического» субъекта.

Л. П. Карсавин понимает личность в общем духе философии всеединства: как целостное индивидуальное проявление всей культуры и Мироздания в целом. Смысл ее существования определяется многообразно выражаемыми культурными ценностями, присущими во всем объеме только определенным сообществам. Соответственно, Л. П. Карсавин отмечает, что «природа и строение субъекта культуры как личности соборной» определяют «смысл духовного и материального творчества культуросубъекта» [См.: 8, с. 175].

«Соборная» или надындивидуальная личность — это не мистическая «общая душа», но и не механическая сумма действий и сознаний отдельных индивидов. Отметим, что несводимость общего мнения некоторой группы людей к арифметической сумме или формально общему содержанию выводится и в современной математической теории агрегирования суждений [См.: 9]. Соответственно, от алгебраического анализа переходят к синтетической NV алгебре (алгебраической геометрии в определенном смысле). «Симфоническая личность» в СТ проявляется («действует») именно через это «высшее», надындивидуальное, всеобщее культурное содержание творческого акта, в полной мере не осознаваемое отдельным творцом, но входящее в его психику через эстетически-художественное и эмоционально-ценностное проявления общего «духа» эпохи, культуры, сообщества и т.п.

Характерно, что даже в весьма «атомистической» западной психологии, а именно, в исследованиях творчества ученые приходят к признанию значительной внутренней детерминации личности обществом. Так, известный исследователь творчества в США М. Ранко в противовес «экстремально индивидуалистическим подходам» предлагает «модель первичной и вторичной креативности», которая «<...> признает, что социальное не только не является всецело внешним для личности, но в большей степени включено в ее идентичность» [См.: 10].

Таким образом, концепция «субъекта познания» В. С. Степина в сопоставлении с проблемой «субъекта творчества» (СТ) позволяет выявить различные аспекты этой проблемы, причем не только гносеологические, но и онтологические. Субъект творчества — индивидуальная личность, но в её творческом акте проявляются потенции «симфонических личностей» различного уровня.

Литература

1. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. N 8. С. 5 - 17.
2. Семёнов С. Н. Творческий акт: сущность, логика и психология (зарубежные и отечественные подходы) // Философия творчества. Ежегодник. / РАН ИФ. Выпуск. 4 /Ред.: Смирнова Н. М., Бескова И. А. М.: ИИнтелЛ, 2018. С. 113 - 138.
3. Семёнов С. Н. Творческий акт как диалектический процесс // Искусственные общества - 2020. Т. 15. Вып. 3 [Электронный ресурс]. DOI: 10.18254/S207751800011040-3.
4. Семёнов С. Н. Схемы в мышлении и творческий процесс // Искусственные общества - 2023. Т. 18. Вып. 1. DOI: 10.18254/S207751800024121-2.
5. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В четырех томах. Т. 4. М.: Искусство, 1973. 676 с.
6. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 701 с.
7. Губин В. Д. «Культура» и «природа» в феномене творчества // Философия и история культуры / Отв. ред. В. А. Карпушин. М.: Наука, 1985. С. 95 - 120.

8. Карсавин Л. П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский обзаван. Антология. М.: Наука, 1993. С. 174 - 216.

9. Wilson R. On the theory of aggregation // Journal of Economic Theory. 1975. No 10. pp. 89-99.

10. Runco M., Beghetto R. Primary and secondary creativity // Current Opinion in Behavioral Science. 2019. Vol. 27. June. pp. 7 - 10.

Концепция постнеклассики и ее методологическое значение для понимания художественного творчества

Сиднева Т.Б.

профессор, доктор культурологии

*Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки
(Нижний Новгород, Россия)*

УДК 7.01

Аннотация: Концепция постнеклассики как нового типа научной рациональности проецируется на изучение логики и истории художественного творчества. В статье определяется принципиальное значение исследований В.С. Степина, дающих методологические ключи для понимания смысла художественного процесса.

Ключевые слова: постнеклассика, В.С.Степин, научная рациональность, классическая, неклассическая и постнеклассическая парадигмы художественного творчества.

The Concept of Post-nonclassics and its significance for artistic creativity understanding

Sidneva Tatiana B.

professor, doctor of Cultural Studies

Glinka Nizhny Novgorod State Conservatoire

(Nizhny Novgorod, Russia)

Abstract of paper: The concept of post-non-classics as a new type of scientific rationality is projected onto the study of the logic and history of artistic creativity. The paper defines the fundamental importance of V.S. Stepin's research, which provides methodological keys for understanding the meaning of the artistic process.

Key words: post-non-classical, V.S. Stepin, scientific rationality, classical, non-classical and post-non-classical paradigms of artistic creativity.

Художественное творчество – одна из самых «темных» проблем, с трудом поддающихся философскому осмыслению, поскольку всегда остается пространством свободы и преодоления регламентов. Чутко определенное В. Маяковским как «езда в незнаемое» [1], творчество художника остается одной из притягательных проблем науки, соразмерных вопросам о смысле жизни, о природе человека и его когнитивных возможностях. В научном постижении художественного творчества наиболее сложной сферой является современное его состояние – связанное с тем, что происходит «на наших глазах», что еще не

проверено временем и не прошло пути адаптации в сознании разных поколений.

На рубеже XX–XXI веков на фоне тотальной энергии исчерпанности в искусстве зазвучали голоса о «смерти» постмодернизма – как в артистической среде, так и из уст искусствоведов, философов, культурологов (Л. Хатcheon, М. Эпштейн, В. Савчук и др.). Постмодернистская идеология «конца» с ее установкой на хаос, энтропию, иронию и скептицизм утратила свою актуальность и новизну. В художественном творчестве формируются и становятся все более очевидными потребности в позитивном понимании традиции, в жизненной необходимости новой искренности, сакральности, серьезности.

Поиск адекватного понимания и продуктивного исследования современного художественного опыта обусловил введение в методологический инструментарий науки таких терминов, как «постпостмодернизм», «цифромодернизм», «метамодернизм», и т.д.

Как свидетельство интенсивного поиска новых стратегий искусства в характеристики современного художественного опыта проникает категория «постнеклассика». Термин, введенный В.С. Степиным, фиксирующий современную парадигму рациональности, сегодня активно обсуждается в науке. Получившая концептуальное обоснование как новая (после классического и неклассического) парадигма научного знания, постнеклассика связана с выходом к пониманию открытых, саморазвивающихся систем, с новыми идеалами и методами познания. Искусство, активно вовлеченное в этот процесс, стало важным подтверждением универсальности концепции постнеклассики, «работающей» не только в сфере научной рациональности, но и в толковании эмоционально-интуитивных и иррациональных сфер жизни.

Художественно-эстетические парадигмы многослойны, они воплощаются в содержании творчества, в критериях его ценности, в психологии восприятия, в теоретических рефлексиях об искусстве. Среди множества художественных течений, концепций и позиций в истории и логике развития искусства четко обозначаются и существуют в активном взаимодействии универсальные *классическая* и *неклассическая* парадигмы. Эти парадигмы обозначили конкретные этапы художественного опыта и его рефлексии. В то же время, классическая и неклассическая парадигмы отражают надвременные константы в художественной практике и теории искусства. Это обусловило сложность внутренней структуры парадигм (основанной на взаимодействии «горизонтального» и «вертикального» параметров), а также их многоаспектное взаимное сопряжение в современной культуре.

Исторически первой является классическая парадигма, восходящая к античности и в своем развернутом и завершенном виде теоретически осмысленная в немецкой классической философии творчества. Ключевой для искусства стала идея внеличного естественного порядка, рационально постижимого и вербально формулируемого. Триада «подлинность-истинность-идеальность» (М. Мамардашвили) определила классическую установку на абсолютность точки зрения. Утверждается идея автономности искусства, формируется представление о художнике-профессионале, действующем по воле собственной свободы.

В методологическом аппарате познания искусства прочно закрепляется понятие «художественный образ», генетически связанное с античным пониманием миметической природы художественного творчества.

Классическая парадигма фиксирует, прежде всего, момент организованности, завершенности искусства. Исходные ее установки нацелены на утверждение типического – проверенного опытом и логически предсказуемого.

Вопрос об определении художественного опыта поставлен метафизически: познать искусство «как таковое», найти в нем единые основания и увидеть в нем свободное развитие внутри прекрасно организованного порядка. Характерна для классической установки гегелевская идея «конца искусства»: перспективы самоисчерпания искусства в романтическом творчестве философ видит в утрате прозрачности духовного и эмпирического миров и выходе к «природной случайности существования» изображаемых предметов [2, с. 547].

Метаисторический аспект классической парадигмы связан с «горизонтом абсолютного знания» (Ж. Деррида), он подтверждает жизнеспособность классических установок в искусстве. Понятие «классическое искусство», получившее сегодня предельно широкое толкование, употребляется как метаисторический феномен, при характеристике разных жанрово-стилевых сфер искусства и свидетельствует о фундаментальном опыте, обладающем непреходящей значимостью в культуре. Роль классических художественных ценностей в культуре родственна значению символа. Как пишет Ю. Лотман, «каждая культура нуждается в пласте текстов, выполняющих функцию архаики» [3, с. 241]. Как «вечный признак подлинного искусства» (Д. Мережковский), символ является условием дальнейшего развития творческого потенциала.

Неклассическая парадигма творчества также имеет локально-историческое и метаисторическое измерения. Ее хронологические рамки еще более сложны для определения: разные исследователи (В. Бычков, О. Кривцун, Т. Адорно, Ю. Хабермас) дают различные типологические и исторические границы неклассики.

В то же время, бесспорным является то, что окончательное утверждение неклассики связано с модернистским «прорывом» начала XX века, когда происходит радикальное переосмысление миссии художника, задач искусства, идущего «по линии наибольшего сопротивления» (Н. Гумилев). Среди констант неклассического типа творчества – отказ от трансцендентной устремленности искусства (Жан Кокто: «...нам нужна музыка земная, музыка повседневности»), *глобальное расширение* тем, идей и языка искусства, множественность и *пестрота* эстетических установок. Неклассическая парадигма творчества определяет магистрали развития искусства на протяжении всего XX века, усиливая экспериментальную настроенность художников начала XXI столетия. Она охватывает авангард первой и второй волны, находит продолжение в опыте постмодернизма, который доводит до логического предела модернистское переосмысление границ искусства и не-искусства.

Метаисторическое определение неклассики сфокусировано в понятии «современное искусство». В разные периоды истории культуры современное искусство имеет сходные типологические черты. В надвременном измерении

оно означает актуализированный опыт креативности, имеет футурологическую направленность и является эпицентром дискуссий о художественном опыте. Оно представляет собой некий способ непреходящей, циклически повторяющейся установки на неклассическую модель культуры.

Художники, вовлеченные в постмодернистскую «игру», предложили свою версию нонклассики. Эта версия основана на апологии беспорядка, в котором обнаруживается новый порядок (Ж. Баландь), на отрицании «империи логоса» западной культуры (Ж. Деррида). Отвергается принцип миметизма, который утверждался на протяжении веков и был главным аргументом обоснования автономности и самодостаточности искусства. Характерными чертами художественного мышления становятся десакрализация культуры, отказ от модернистской претензии на авторство и оригинальность. Культивируется смещение высокого и низкого. Искусство «растворяется» в повседневности, фиксируя тотальную «симуляцию культуры» (Ж. Бодрийяр).

Итак, обращение к классической и неклассической парадигмам художественного творчества позволяет обнаружить внутреннее единство и сходную направленность рациональных и иррациональных процессов культуры. Здесь подтверждаются представления о цельности и взаимозависимости разных сфер жизненного пространства, верность гегелевского понятия «дух времени», обоснованность размышлений Г. Кнабе о «внутренних формах культуры» и т.д. Кроме того, это единство опыта позволяет рассмотреть постнеклассику как новый тип рациональности и постнеклассическую установку на саморазвивающиеся системы в ее проекции на искусство и художественное творчество.

«Постнеклассика» как парадигма искусства до сих пор остается новой проблемой эстетики. В концепции постнеклассики академик В. С. Степин утверждает фундаментальную связь данного вида познавательной деятельности с тремя факторами:

Во-первых, с изменением научной картины мира. Постнеклассика отражает выход к исследованию открытых, «неравновесных», «сложных саморазвивающихся» систем [4, с. 250]. Во-вторых, постнеклассика связана с новыми идеалами и методами науки, сфокусированными на понимании относительности рационально обоснованных истин и допущении «альтернативных теоретических описаний одной и той же реальности» [4, с. 278]. Третий, аксиологический, аспект основания постнеклассической рациональности В. С. Степин связывает с обращенностью современной науки к ценностям традиционных восточных культур. Это: представление о мире как живом организме, принцип «ненасильственности действия» и «расширение этических регуляторов научного поиска» [4, с. 295].

В настоящее время получают широкое распространение проекции идей постнеклассики на различные сферы культуры. В 90-е годы прошлого столетия постмодернистские опыты искусства нередко стали декларироваться как постнеклассические, на страницах разных изданий обсуждается «постнеклассическое искусство», декларируется постнеклассическая музыка.

Безусловным основанием причастности искусства к постнеклассической парадигме является развитие цифровых технологий. Дигитальная цивилизация

позволила сделать общедоступной практически всю историю художественного опыта. Принципиально меняется язык искусства. Преобразование касается композиции и драматургии произведений, порождая цифровую живопись, дигитальную литературу, спектральную музыку и т.д. И все же, если выйти за пределы пост-технологий, то проекция принципов постнеклассической рациональности на искусство приводит к интересным и парадоксальным результатам.

Первый из отмеченных выше принципов постнеклассики – обращенность к сложным «человекообразным» квазиорганическим системам – для искусства является естественной его целью. Гениальные художественные творения («Божественная комедия» Данте, пассионы И.С. Баха, симфонии Моцарта, Бетховена, Малера, Шостаковича, произведения «Прометей» и «Божественная поэма» Скрябина, симфонии и Реквием Шнитке, оперный сверхцикл «Свет» Штокхаузена и т.д.) не случайно обозначаются как «мир», «вселенная», «панорама жизни». В этих метафорах сокрыта идея органичности, сущностно необходимая искусству.

Второй момент – допущение альтернативных интерпретаций реальности, признание множественности истины. Это также является для художественного творчества некоей нормой, отражающей неисчерпаемость метафорического толкования бытия.

Третье основание постнеклассики – расширение этических регуляторов научного поиска. Необходимость этических оснований для искусства также не нуждается в дополнительной аргументации.

Еще одна характерная черта нового научного мировидения заключается в том, что «становление постнеклассической рациональности ограничивает поле действия классического и неклассического типов рациональности, но не приводит к их уничтожению» [4, с. 295]. Идея нелинейности прогресса, открытая современной наукой, для искусства является естественной в разные периоды его истории. «Нелинейность» художественного процесса позволяет считать «современным» искусство отдаленного прошлого и открывать новые смыслы в, казалось бы, хорошо освоенном и изученном классическом произведении.

Постнеклассическое мировоззрение свидетельствует не только о закономерном сближении художественного и научного типов познания. Оно подтверждает, что постнеклассика является для искусства *органически необходимой сверхзадачей*. Постнеклассическая рациональность, «погруженная в социальный контекст, определяемая доминирующими в культуре ценностями» [5, с. 11], открывает продуктивные методологические пути для дальнейшего понимания тайны художественного творчества.

Литература

1. Маяковский В. Разговор с фининспектором о поэзии // URL <https://www.culture.ru/poems/20069/razgovor-s-fininspektorom-o-poezii?ysclid=li273lwe69442431889>
2. Гегель Г.-В.-Ф. Лекции по эстетике: в 2т. СПб.: Наука, 2001. Т.1. 624 с.
3. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Семиосфера. – СПб.: Искусство–СПБ, 2004. С. 240–249.

4. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / Отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Стёпин. – СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. С. 249–295.

5. Степин В.С. От теоретического знания – к постнеклассическим практикам // Постнеклассические практики: опыт концептуализации: Коллективная монография / Под общ. ред. В.И. Аршинова, О.Н. Астафьевой. – СПб.: Издательский дом «Мир», 2012. С. 8–14.

Ценности восточнославянской цивилизации в контексте идей В.С.Степина

Легчилин А.А.

Кандидат философских наук, доцент

Бобр А.М.

Кандидат философских наук, доцент

Белорусский государственный университет

(Минск, Беларусь)

УДК 1.101.9

Аннотация. Изучение ценностей цивилизации имеет не только эпистемологическое, но и практическое значение, способствуя пониманию причин кризиса социально-культурной идентичности современного человека. В.С. Степин уделял значительное внимание данной проблеме, когда анализировал типы цивилизационного развития. Он разделял ценности Востока и Запада, которые вплоть до современности оказывают свое влияние на общественное развитие. В этой связи вызывает интерес система традиционных ценностей человека восточнославянской цивилизации. Среди них выделяется ценность коллективизма как установки на гармонизацию интересов личности, коллектива и общества, ценность государства как оплота и гаранта стабильности общества, ценность гармонии государства и гражданского общества, ценность патриотизма, который, будучи связанным с ценностями православной веры, является «скрепом» социума. Среди других ценностей – ценности веры, социальной справедливости и равенства. Обращается внимание на то, что на фоне усиления расхождения политико-экономических приоритетов государств, значимым является диалог культур восточнославянских народов.

Ключевые слова: ценности; В.С.Степин; восточнославянская цивилизация; идентичность

The values of the East Slavic civilization in the context of the ideas of V.S. Stepin

Liahchylin A.A.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Bobr A.M.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Belarusian State University

(Minsk, Belarus)

Annotation. The study of values has both epistemological and practical purposes, contributing to the understanding of the causes of the crisis of the socio-cultural identity of modern man. V.S. Stepin paid considerable attention to this problem, which is presented in this article. He shared the values of the East and the West, which, right up to the present, exert their influence on social development. In this regard, the system of traditional human values of the East Slavic civilization is of interest. Among them, the value of collectivism stands out as a setting for harmonizing the interests of the individual, the team and society, the value of the state as a stronghold and guarantor of the stability of society, the value of harmony between the state and civil society (an organ and organism), the value of patriotism, which, being associated with the values of the Orthodox faith, was "backbone" of society. Other values include the values of faith, social justice and equality. Attention is drawn to the fact that against the background of the growing divergence of the political and economic priorities of the states, the dialogue of cultures of the East Slavic peoples is significant.

Keywords: values; V.S. Stepin; East Slavic civilization; identity

В сфере интересов В.С. Степина особое место занимали проблемы цивилизационного развития, в том числе развития восточнославянской цивилизации. Его предметом являлись как онтологические проблемы динамики восточнославянской цивилизации, так и методологические аспекты изучения перспектив ее развития. Актуальность рассмотрения этой темы придает вставшая перед мировым сообществом в целом, и перед восточнославянской цивилизацией, в частности, проблема сохранения социально-культурной идентичности и роли традиционных ценностей.

Какова роль ценностей в развитии общества? Вопрос философский на первый взгляд, поэтому возможны самые различные варианты его обоснования. Например, существует мнение что «ценности» – не более чем фикция», высказанное экономистом В. Иноземцевым в публикации с категорическим названием «Не ценности, а нормы» [1]. Автор и другие сторонники такого подхода ратуют за приоритет норм права, которые непосредственно не связаны с нормами морали, соответственно, с ценностями добра, справедливости, человеколюбия. Попробуем более детально разобраться в сути феномена ценностей в культуре, их роли и значимости для конкретных форм цивилизационного развития человеческого общества и восточноевропейской цивилизации, в частности.

Изучение ценностей имеет как теоретическое, так и социально-практическое значение, поскольку их знание становится элементом более широкой области – способствует пониманию причин кризиса социально-культурной идентичности, приобретшей особую актуальность в условиях глобализации. В.С. Степин подробно останавливается в своих публикациях на роли ценностей в культуре. Приведем несколько теоретических положений из его социокультурной парадигмы понимания цивилизационного развития. «Ценности, - констатирует В.С.Степина, - не нечто чисто внешнее по отношению к деятельности..., а его внутренний регулятив» [2, с.282].

Это своеобразные универсалии культуры, которые обеспечивают понимание мира, его осмысление и переживание. «Человек всегда эмоционально пере-

живает вопрос о справедливости или несправедливости – это оценка, а значит, предполагает ценность», – утверждает Степин. И далее обосновывает этот тезис в трех плоскостях. Во-первых, они задают способы селекции человеческого опыта, тем самым отбирают то, что будет транслироваться в культурном наследии. «Во-вторых, они образуют категориальный строй сознания людей той или иной исторической эпохи. И наконец, в-третьих, в своем сцеплении и взаимодействии они задают обобщенный целостный образ человеческого жизненного мира. Этот образ выражает отношение человека к природе, обществу и духу (сознанию). Он определяет миропонимание, мироосмысление и миропереживание (мироощущение) людей той или иной культуры в определенную историческую эпоху. И тогда появляется наш любимый философский термин – «мировоззрение» [2, с.707].

Как видим, ценностные смыслы, по мнению В.С. Степина, играют определяющую роль в каждой культуре, тем самым через них мы фиксируем отличие и свою идентичность. Он неоднократно это демонстрировал в своих исследованиях. Обозначим несколько выводов в его интерпретации относительно специфики ценностей восточной и западной цивилизаций. «В системе ценностей и мировоззренческих образов техногенной (западной) культуры, – утверждает Степин, – вектор человеческой активности направлен вовне, на преобразование мира. Восточная традиционалистская система ценностей полагает человека включенным в организм природы, как бы растворенным в ней; вектор человеческой активности ориентирован не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию» [2, с. 376-377]. Но это не значит, что система ценностей не должна трансформироваться. Напротив, полагает Степин, на фоне современного цивилизационного развития, который привел к глобальным кризисам (антропологическому, экологическому, растущим процессам отчуждения, геополитического противостояния), система ценностей должна трансформироваться. «Не исключено, – делает он радикальный вывод, – что человечеству предстоит духовная революция, сопоставимая с той, которая была в эпоху Возрождения и Реформации» [2, с. 735]. Он полагает, «что в этом процессе решающим образом будут участвовать не только главные течения западной философии, но и переосмысление традиций восточной философии и идей русской философской мысли» [2, с.438].

В этом контексте попробуем зафиксировать основные ценности восточнославянской цивилизации, сформировавшейся на протяжении длительного исторического периода. Мы отметим только базовые, национально-культурные.

Среди социокультурных ценностей восточнославянской цивилизации особо выделяется *ценность коллективизма* как установки на гармонизацию интересов личности, коллектива и общества в целом. В ее прошлом известны периоды доминирования общинного, а затем общественного начала над личным. Но и в этом случае в общественном мнении, художественной и философской литературе существовало понимание неестественности или, как минимум, проблемного характера таких отношений. Это характерно для В.С. Соловьева, отмечавшего, что общество есть дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое, или сосредоточенное, общество. Отметим, что в западной и

восточной традициях оппозиция индивидуального и коллективного начал общественной жизни вплоть до новейшей истории рассматривалась как естественное явление.

Еще одна ценность – *ценность государства* как оплота и гаранта стабильности общества. Само становление восточнославянской цивилизации стало возможным, благодаря созданию сильного, способного обеспечить безопасность границ государства. Вместе с тем, отношение к государству на всем протяжении существования восточнославянской цивилизации было двойственным, что нашло отражение в характерной для русской философско-правовой мысли бинарной оппозиции «государство как орган» и «государство как организм». Первое выражение имело негативное значение, фиксируя бюрократическую сущность управленческого аппарата как инстанции принуждения; смысл второго был позитивным, связанным с оценкой государства как организатора всей общественной жизни и благодетеля человека.

Отсюда в качестве особой ценности восточнославянской цивилизации вытекает *ценность гармонии государства и гражданского общества*. Речь идет о «естественном» гражданском обществе, зачатки которого появляются до возникновения государства и которое в период оформления национальных государств в XVII-XIX вв., перерастает в дополняющее государство «позитивное» гражданское общество. Показательно, что в философско-политической мысли восточнославянских народов сквозным являлся идеал «народного государства» – государства как организма, вырастающего из гражданского общества и дополняющего его.

В этой связи обратим внимание на *ценность патриотизма*, который, будучи тесно связанным с ценностями православной веры, являлся «скрепом» древнерусского государства. Например, для российской империи само возникновение и существование немислимо без патриотизма, проявленного в годы Отечественной войны 1812 года. Вспоминая недавнюю историю, можно с полным основанием сказать о роли патриотизма в судьбе народов Советского Союза, проявленного в годы Великой отечественной войны. Он стал одним из решающих факторов великой Победы.

Среди других ценностей восточнославянской цивилизации необходимо назвать традиционные ценности *веры, социальной справедливости и равенства*. Характерный для традиционалистской цивилизации Востока акцент на роли морали как регулятора межличностных отношений и присущая цивилизации Запада артикуляция формально-правовой нормативной системы, фактически разрывали единство этих двух основных систем социализации человека и регуляции отношений в обществе. Для восточнославянских народов характерно осознание необходимости гармонизации этих двух нормативных систем. При этом, признавая важность права, они не могли смириться с его формально-обезличенным характером. Не случайно именно в русской философии появилось оригинальное направление, получившее название *кордоцентризма* – «философии сердца», приверженцами которого являлись Г.С. Сковорода, П.Д. Юркевич, Б.П. Вышеславцев, В.В. Розанов. Отсюда – знаковая для отечественной философской мысли дилемма «правды-истины» и «правды-справедливости»,

решаемая, как правило, в пользу последней. Особую актуальность проблема диалектики истины, духовных ценностей и правды приобрела в философской мысли России XIX – начала XX веков в обществе, в котором роль традиционных коллективистских ценностей и социальных идеалов была чрезвычайно велика.

Конечно, восточнославянская цивилизация неоднородна. При несомненном единстве и общности исторической судьбы восточнославянской цивилизации очевидно своеобразие цивилизационной динамики ее народов. Результатом игнорирования этого своеобразия является возникающее временами взаимонепонимание и недоверие по отношению друг к другу. Появляются взаимные претензии и даже конфликты, особенно когда они целенаправленно инспирируются в угоду корпоративным интересам частью политической и экономической элиты, или «режиссируются» извне. «Чтобы найти выход из кризисов, – констатирует Степин, – необходимо радикальное изменение предшествующей стратегии цивилизационного развития. Такое изменение, в свою очередь, требует трансформации базисных ценностей» [2, с. 762]. Только в рамках взаимного диалога культур возможно преодоление противоречий экономического, политического и геополитического характера, которые существуют в отношениях между восточнославянскими государствами.

Литература

1. Иноземцев, В. Не ценности, а нормы // Литературная газета. 15 января 2014 года. № 1-2 (6445). Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/-1-2-6445-15-01-2014/ne-tsennosti-a-normy/> (дата обращения: 29.04.2023)
2. Степин, В.С. Человек. Деятельность. Культура / В.С. Степин. - Санкт-Петербург: СПбГУП, 2019- 800 с.

В.С. Стёпин о значении историко-философских исследований для разработки методологии науки XXI века

Румянцева Т.Г.

Профессор, доктор философских наук
Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)

УДК 1(091)

Аннотация. Анализируется важный и одновременно не всегда специально акцентированный в литературе, посвященной творчеству академика В.С. Стёпина, историко-философский вектор его научных поисков. Показано, что это направление исследований сыграло существенную роль при разработке его многочисленных открытий в области теории познания, философии, методологии и истории науки и культуры. Отмечается также, что именно с историко-философских работ начинается путь В. С. Стёпина в науку и философию, а также то, что такого рода вектор имплицитно присутствует во всех его монографиях, статьях и выступлениях, не говоря уже о том, что историко-

философской проблематике специально посвящен целый ряд его публикаций. На примере осуществленного В. С. Стёпиным анализа философского наследия Г. Гегеля, его системы абсолютного духа как идеализированного образа саморазвивающейся системы и предложенных им категориальных структур с позиций современной науки и философии, показано, какое значение историко-философские исследования имеют, по мысли академика В. С. Стёпина, для разработки методологии науки XXI века и какой эвристический потенциал содержится в системах прошлого, стимулирующих многие новые научные открытия.

Ключевые слова. Академик В. С. Стёпин, историко-философские исследования, позитивизм, методологические основания науки, Г. Гегель, система абсолютного духа, саморазвивающиеся системы.

V.S. Stepin on the importance of historical-philosophical research for the development of the methodology of science of the XXI century

Rumyantseva T.G.

Professor, PhD in Philosophy, Doctor of Sciences
Belarusian State University
(Minsk, Belarus)

Annotation. The article analyzes an important and at the same time not always specially emphasized in literature, dedicated to the work of academician V. S. Stepin, the historical-philosophical vector of his scientific searches. It has been shown that this direction of research played a significant role in the development of his numerous discoveries in the theory of knowledge, philosophy, methodology and history of science and culture. The author also notes that it is with historical-philosophical works that the path of academician V. S. Stepin to science and philosophy begins and that this kind of vector is implicitly present in all his monographs, articles and speeches, not to mention the fact that a number of his publications are specially devoted to historical- philosophical problems. On the example of the analysis of the philosophical heritage of G. Hegel, carried out by V. S. Stepin, Hegel's system of absolute spirit as an idealized image of a self-developing system and his categorical structures from the standpoint of modern science and philosophy, it is shown how important historical-philosophical research for development the methodology of science of the XXI century and what heuristic potential is contained in the systems of the past, stimulating many new scientific discoveries.

Keywords. Academician V. S. Stepin, historical-philosophical studies, positivism, methodological foundations of science, G. Hegel, absolute spirit system, self-developing systems.

Академик Вячеслав Семенович Стёпин справедливо считается виднейшим специалистом в области теории познания, философии и методологии науки, философии культуры и истории науки. Не перечисляя всем известные и неоспоримые его заслуги, связанные с разработкой перспективной концепции структуры и генезиса научной теории, раскрытием структуры и динамики осно-

ваний науки и выявлением их взаимосвязи с теориями и опытом, следует, тем не менее, упомянуть еще один очень важный вектор его научных исследований. Однако при осмыслении его вклада в философию и науку это направление мысли академика не всегда специально акцентируется, хотя его значение чрезвычайно велико, и оно сыграло существенную роль при разработке его открытий. Имеются виду историко-философские изыскания. При этом речь идет не о том, чтобы отыскать среди многочисленного корпуса его работ собственно историко-философские тексты, которых, кстати, не так уж и мало. Историко-философский вектор имплицитно содержится во всех работах В. С. Стёпина. Более того, именно с такого рода работ он и начал свой путь в философию, опубликовав монографию «Современный позитивизм и частные науки» (1963). Идеи этой работы легли затем в основу его кандидатской диссертации на тему: «Общеметодологические проблемы научного познания и современный позитивизм» (1965).

Будучи еще студентом, В. С. Стёпин поставил для себя цель – прочитать главные труды всех великих классиков философии. Так, по его собственному признанию, чтобы писать о позитивизме и осуществить требуемый временем его аргументированный анализ, было недостаточно знаний одной только физики XX века. Здесь ему в значительной мере помогли работы И. Канта и К. Маркса – философов, акцентировавших активную роль познающего субъекта и практическую природу самого процесса познания, когда объект понимался как данный этому субъекту не в форме созерцания, а в форме практики. Именно эти идеи оказались наиболее продуктивными для критики позитивизма, а анализ второго и третьего этапов позитивизма – эмпириокритицизма и неопозитивизма, возникших в эпоху научных революций, привел В. С. Стёпина к осмыслению и разработке новых методологических оснований науки. Исследуя логику эволюции позитивизма и присущей ему весьма ограниченной идеализацией науки, академик пришел к мысли о необходимости признания идеи о тесной связи науки не только с практикой, но и с историей развития научного знания. Отсюда был сделан важный шаг к разработке методологической проблематики: выявлению структуры и генезиса научного знания, выделению его эмпирического и теоретического уровней, определению механизмов развития знаний, формированию новых теорий.

Таким образом, именно анализ историко-философского материала, а затем и материала истории науки во многом мотивировал В. С. Стёпина к разработке той проблематики и тем результатам, которые и составили его главные научные достижения. Так, выясняя, что следует понимать под основаниями культуры, он много раз перечитал и пересмотрел работы О. Шпенглера, М. Хайдеггера и др. авторов.

Очень важными для осмысления закономерностей развития постнеклассической науки стали для В. С. Стёпина идеи историко-культурного времени Г. Гегеля. Выдающемуся немецкому философу он посвятит впоследствии ряд статей и выступлений, в том числе и большой доклад, с которым он выступит перед студентами и преподавателями факультета философии и социальных наук БГУ. В статье «Гегелевская концепция саморазвития и наука XXI столетия» он про-

анализирует гегелевскую концепцию саморазвития в контексте методологических проблем современной науки и ее важное эвристическое значение при исследовании сложных саморазвивающихся систем [1].

Анализу философской системы Г. Гегеля был посвящен и большой доклад, прочитанный В. С. Стёпиным в Москве на Международной конференции, посвященной 200-летию выхода в свет «Феноменологии духа». Определенное место в нем академик уделил и значению историко-философских исследований для разработки методологических проблем современной науки. При этом он отметил, что важнейшим аспектом этих исследований является «теоретическая работа, связанная с интерпретацией, обогащающей ранее выработанные философские идеи новыми смыслами», их адаптация «к новому настоящему», которая «не сводится к воспроизведению философской идеи в языке аутентичного текста... Требуется еще осмыслить идею в новом контексте, интерпретировать ее, переформулируя в новом языке [2, с.606].

Специально анализируя философское наследие Г. Гегеля и его систему абсолютного духа как идеализированный образ саморазвивающейся системы, В. С. Стёпин подчеркнул особую важность его идей о саморазвитии и уделил первостепенное внимание задаче соотносить гегелевские идеи с методологическими запросами и философскими проблемами современной науки. При этом он акцентировал необходимость «нового прочтения и новой интерпретации этих идей». Речь шла не просто о констатации важности идеи исторического развития, выработанной в гегелевской философии, а о том, что у немецкого философа она получила особую трактовку, которая в современных терминах «означает соединение идеи развития и системного подхода». По словам В. С. Стёпина, именно этим немецким мыслителем были «выработаны первые эскизные представления об особенностях развивающихся систем, которые коррелируют со многими установками и теоретическими поисками современной науки» [2, с. 607]. В. С. Стёпин подчеркнул в своем выступлении и то, что речь ни в коей мере не должна идти о простой констатации идеи исторического развития, которая была разработана немецким философом и может показаться сегодня достаточно тривиальной. Следует подчеркнуть важность особой трактовки Г. Гегелем самой идеи развития как системной целостности, организованности, дифференцирующейся в процессе своей истории и порождающей новые состояния системы, когда в результате такого саморазвития перестраивается внутренняя структура самой этой системы. В. С. Стёпин подробно охарактеризовал в этом своем выступлении и то, как Г. Гегель пришел к этой идее, какой материал послужил ему в качестве базиса для разработки представлений о саморазвивающихся системах, об использовании им процесса исторического развития не естественного времени, а духовной культуры, которую он представил как саморазвитие абсолютного духа. В докладе была выявлена также категориальная матрица саморазвития в философии Г. Гегеля и показаны ее современные интерпретации и значение для современной науки, а также то, как К. Маркс использовал гегелевские идеи при анализе капиталистической экономики, которая предстанет у него в образе органической целостной системы. Анализ гегелевской модели абсолютного духа осуществлен академиком настолько детально и

продуктивно, что этой теме можно посвятить отдельное исследование, которое, невзирая на всю претенциозность, вполне можно было бы назвать «Стёпин и Гегель».

Итак, на примере анализа философии великого немецкого мыслителя и предложенных им категориальных структур с позиций современной науки и философии В. С. Стёпин доказал, насколько важными являются историко-философские исследования для разработки методологии науки XXI века, а также то, насколько эвристичен содержащийся в системах прошлого потенциал, способный стимулировать многие новые открытия. Он так и писал, что «без знания истории философии, без изучения оригинальных текстов создателей новых философских идей, концепций, систем, без понимания того, как исторически развивалось философское знание, невозможно стать философом» [3, с. 20].

Литература

1. Стёпин, В. С. Гегелевская концепция саморазвития и наука XXI столетия: Философия и социальные науки. 2010. № 1. – С. 5–20.
2. Стёпин, В. С. Гегель и современная наука // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / Ответственный редактор Н. В. Мотрошилова. – М.: «Канон+», 2010. – С. 606–636.
3. Стёпин, В. С. Почему история философии важна для философии? / В. С. Стёпин // История философии: вызовы XXI века / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. – М.: Канон+, 2014. – С. 19–34.

Игровая рациональность В. Бенямина: выбор метода как смена масок

Сидоренко И.Н.

*Доктор философских наук, доцент
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь*

УДК 1(091)+1:3; 001.8:3

Аннотация. В статье раскрывается и анализируется специфика методологии Вальтера Бенямина, которую он развил и применил при построении собственного проекта философии культуры. Отмечается, что сутью этой методологии является калейдоскоп методов-масок, используемых немецким философом с целью выявления и удержания культурных феноменов как первофеноменов воспоминания. Делается вывод о том, что такая методология значима для развития постнеклассической рациональности, вариантом которой является игровая рациональность.

Ключевые слова: Вальтер Бенямин; игровая рациональность; методология; метод; маска; калейдоскоп; первофеномен; воспоминание; философия культуры.

Walter Benjamin's Game Rationality: Choice of Method as a Change of Masks Sidorenko I.N.

*Doctor of science (Philosophy), docent
Belarusian State University,
g. Minsk, Republic of Belarus*

Annotation. The article reveals and analyzes the specifics of Walter Benjamin's methodology, which he developed and applied in the construction of his own project of cultural philosophy. It is noted that the essence of this methodology is a kaleidoscope of methods-masks used by German philosopher in order to identify and retain cultural phenomena as primary phenomena of memory. The conclusion is made that this methodology is significant for the development of post-non-classical rationality, a variant of which is playful rationality.

Key words: Walter Benjamin; game rationality; methodology; method; mask; kaleidoscope; primary phenomenon; memory; philosophy of culture.

Осуществление судьбы и движение мысли немецкого философа-марксиста, критика и историка культуры, литературоведа и переводчика Вальтера Бенямина – всегда между границ, вне времени. Не будучи современным для своего времени, мыслитель стал современным для настоящего, предвосхитив такие значимые идеи, как фрагментарность реальности, разрушение ауры произведения искусства, критика референциальной концепции знака, установка на интерпретативный характер человеческого знания и другие. Обратившись к классификации типов рациональности В.С. Стёпина, полагаем правомерным говорить о вариативности постнеклассической рациональности, в частности, об игровой рациональности В. Бенямина как калейдоскопе методов-масок. Чтение работ В. Бенямина напоминает бесконечный процесс конфигурации различных фрагментов в мозаичную картину. Создается впечатление, что он «крутит» в руках калейдоскоп реальности, применяя для ее постижения всякий раз новый метод как иную установку взгляда, что позволяет увидеть феномены культуры не плоско, а объемно. Методов-масок у В. Бенямина множество: меланхолик, коллекционер, марксист, мистик, фланер, критик, «горбатый человек», ребенок, ангел, путешественник в лабиринте. Остановимся в нашей статье на нескольких из них.

Метод-маску меланхолика В. Бенямин применял как метод философского постижения истории, сущность которого заключается в выявлении и удержании утраченного. Первостепенную значимость играют не переживания реальных событий, а воспоминания, которые никогда не примут законченного образа, так как постижение истории напоминает процесс возникновения воспоминания, а «вспоминаемое событие по своей сути бесконечно, потому что является только ключом ко всему, что произошло до него, и ко всему, что происходило после» [1, с. 245]. Такое постижение истории постоянно возбуждает тоску по минувшему, а не праздное любопытство. При этом воспоминание не может мгновенно проявить искомый первофеномен, оно постепенно будет раскрывать его детали, тем самым способствовать более глубокому постижению. С точки зрения

В. Беньямина, стремление постичь первофеномен как целостный образ «убьет» его, исказит в этой окаменелости. Только воспоминание как процесс создает все новые проекции искомого и удерживаемого, при этом, чем более многогранно высвечивается первофеномен, тем дальше мы от целостного образа, а значит, ближе к его истинной сущности. Воскрешая прошлое, В. Беньямин видел в нем предвестие будущего, поскольку работа памяти, или, как он ее определял, – «чтение себя с конца» – выстраивает связь времен. Воспоминание раскрывает не сам поток времени, а «взрывает» мгновения, делая разрывы в истории, проявляя первофеномены, т. е. то, что стремимся удержать, о чем тоскуем. Калейдоскоп воспоминаний возвращает не столько прошлое, сколько создает его многоликие картины. Именно в силу этого основную задачу меланхолика В. Беньямин видел в том, чтобы понять прошлое, удерживаемое в мгновениях, даруемых воспоминаниями. Недаром он обратился к анализу барочной драмы, для которой характерно создание «панорамного» видения истории, растворяющего историю в сценической обстановке. В. Беньямин стремился обратить время в пространство наподобие того, как это делает барочный драматург, поглощенный меланхолическим воспоминанием о печальной хронике событий и разрывающей историю посредством восстановления «вневременности» бытия.

Если, находясь вне времени, В. Беньямин для удержания прошлого использовал маску меланхолика и метод воспоминания, то, существуя между границами, для постижения пространства он выбрал маску фланера и метод незаинтересованного, стороннего наблюдения. Через взгляд фланера В. Беньямин нашел способ представить бытие в пространственных формах, например, в руинах, так как для него что-то понять – это значит понять его топографию, обозначить на карте, погрузить в контекст пространства. В отличие от времени, пространство хранит в себе способность дара всякий раз быть кем-то другим: оно богато возможностями, поворотами, развилками, лестничными переходами и «улицами с односторонним движением». Никто лучше фланера на блуждании в пространстве не способен. Фланер беспокойно наблюдает потому, что не слышит, так как, согласно мысли В. Беньямина, взаимоотношения людей в мегаполисах отличаются перевесом активности зрения над активностью слуха. Шум транспорта создал ситуации, когда люди долгое время вынуждены смотреть друг на друга, не обмениваясь при этом ни словом. Его «физиологические очерки», такие как «Париж ночью», «Живописный Париж» и т. п., как раз и стали тем способом, посредством которого снижался дискомфорт этой новой и неуютной ситуации. Фланер – это маска, позволяющая наблюдателю предстать для всех в качестве неизвестного и дающая возможность спрятаться в толпе как в убежище. В силу этого фланер так же становится детективом, правда поневоле, но это зато служит оправданием его праздности. Как детектив фланер обладает «быстрым взором», который замечает и воспринимает все, создавая своеобразные мозаичные конструкции из увиденного.

Маску фланера В. Беньямин использовал и в Москве, а результатом фланирования стал его знаменитый «Московский дневник», где он как автор спрятан, остались только его ощущения как отзвуки реакций. Именно в этом тексте немецкий мыслитель раскрыл свой метод наблюдения за воздействием и пере-

живанием в чистом виде, в том числе за феноменом революции в Москве. В. Беньямин через наблюдение заметил атмосферу Москвы периода НЭПа. И если революция ускользала от его взгляда, то настроение, атмосфера и линия судеб видны довольно очевидно. Так, например, фиксируя всеобщее презрение, каким окружены нэпманы, В. Беньямин видел их скорое уничтожение; или, наблюдая паническую реакцию его ближайшего окружения на критическое замечание по поводу его статьи о Гете, он с болью констатировал, что теряет близких людей, причем безвозвратно, сначала только их мнения, потом они будут принадлежать Партии, экспроприровавшей их посредством цензуры.

Для того, чтобы реальность в ее эмпирической данности была постижима посредством самонаблюдения, В. Беньямина осуществил «феноменологическую редукцию», предполагающую, во-первых, отказ в доверии представлениям других относительно наблюдаемых им объектов и, во-вторых, отказ от собственных представлений, которые могли бы предшествовать эмпирическому опыту. Только, в отличие от феноменологической редукции Э. Гуссерля, в чистом остатке двойной редукции В. Беньямина остается саморепрезентация реальности. Задача теперь заключалась в том, как удержать эту саморепрезентацию реальности или первофеномен. Поэтому на помощь фланеру приходит метод-маска коллекционера. В страсти собирателя проявляется двойственное отношение к прошлому, первофеномену. Коллекционирование – это ни в коем случае не упорядочивание, так как, с точки зрения В. Беньямина, любое упорядоченное расположение материала, книг, цитат, игрушек станет преградой для потока воспоминаний. Любая страсть граничит с хаосом, а страсть коллекционирования представляет собой хаос воспоминаний. «...Бытие коллекционера диалектически простирается между полюсами порядка и беспорядка» [2, с. 434]. Коллекционирование, будучи вне потребительского интереса, предстает у В. Беньямина как искупление вещей и, соответственно, искупление людей. Более того, философ отметил магическую природу коллекционирования: собрать разрозненное в нечто единое – значит высветить судьбу собранного. Поэтому, одевая две маски в Москве: фланера и коллекционера, В. Беньямин прозревал судьбу вещей и людей.

С помощью маски коллекционера и своеобразного метода-тактики приобретения и обладания вещью В. Беньямин открыл новый путь постижения прошлого – цитирование, способное переносить прошлое в настоящее, тем самым будоражить воображение и создавать мгновения для воспоминаний. Задача цитаты заключается в том, чтобы разорвать настоящее и дать место прошлому. Работая над исследованием о немецкой барочной трагедии, немецкий мыслитель применил метод коллекции цитат. Цитаты стали не столько подспорьем для убедительности текста, сколько составили его основу. Работа над текстом для В. Беньямина заключалась в том, чтобы извлекать фрагменты из первоначального контекста и выстраивать их заново так, чтобы они оказались свободны от каких бы то ни было контекстов, приписывающих им смысловые коннотации. Так, с помощью метода монтажа цитат, свободных от пространства текстов, В. Беньямин выстраивал свое текстуальное пространство.

Другой излюбленный метод В. Беньямин – это метод аллегории, который применяют его маски, начиная от меланхолика и заканчивая критиком. Аллегория в понимании немецкого мыслителя прямо противоположна однозначности; она представляет собой иероглиф, загадку, предполагающую множественность прочтений и интерпретаций. Таким образом, аллегория у В. Беньямина выступает как способ художественного мышления, как взгляд, раскрывающий катастрофическое понимание истории, унаследованное им от иудаизма. В. Беньямин разработал концепцию аллегории на материале немецкой барочной драмы, где аллегория у него предстала единственным способом репрезентации истории как катастрофы, бесконтрольного и иррационального хаоса [3].

Следующий, напрямую связанный с коллекционированием, метод-маска – это ребенок. Если фланер в своем наблюдении обозначает границу видимого, коллекционер захватывает и разрушает, изымая вещь из привычного контекста, то ребенок способен посредством игры-монтажа создать новую реальность, контекст и раскрыть новый смысл постигаемого. Многие (например, Х. Арэнд, Х. Белмор, и др.), знавшие В. Беньямина, а также исследователи его творчества, отмечали его особую привязанность к миру детства, да и для его авторской позиции мотивы детства очень значимы. Одевая маску ребенка, В. Беньямин использовал метод блуждания и путешествия по лабиринтам, захватывающей игры, которая может длиться без конца. Недаром В. Беньямин мечтал о создании воображаемой карты, которая будет изменяться вместе с самим пространством, но с помощью которой можно выстроить картографию собственной жизни.

Таким образом, примеряя различные маски как методологические установки и тем самым занимая различные исследовательские позиции, В. Беньямин не расставался ни с одной, так как каждая с необходимостью дополняла друг друга и позволяла ему и дальше существовать на пограничьях различных пространств. Калейдоскоп масок-методов – основная характеристика игровой рациональности В. Беньямина, позволившей ему не только уйти в своих исследованиях от субъект-объектной оппозиции, но и представить процессуальность воспоминания как неотъемлемую часть познания культурной реальности и ее сотворения.

Литература

1. *Беньямин, В.* К портрету Пруста // Беньямин В. Маски времени: эссе о культуре и литературе; пер. с нем. и фр.; сост., предисл. и примеч. А. Белобратова. — СПб.: Симпозиум, 2004. — С. 243–262.
2. *Беньямин, В.* Я распаковываю свою библиотеку / В. Беньямин // Маски времени. Эссе о культуре и литературе; пер. с нем. и франц.; сост., предисл. и примеч. А. Белобратова. — СПб.: Симпозиум, 2004. — С. 433–444.
3. *Сидоренко, И.Н.* Вальтер Беньямин. — Минск: Книжный Дом, 2012. — 192 с.

Ценности как фактор культурного развития

Моркина Ю.С.

канд. филос. наук

Институт философии РАН

(Москва, РФ)

Аннотация: Показано, что ценности культуры (цивилизации) выполняют в ней познавательную и регуляторную функции, обеспечивая ответ на вопрос о том, что и как следует познавать в целях выживания данной культуры, разрешения ее внутренних противоречий, выхода из кризисных ситуаций. Именно ценности обеспечивают целостность всей культуры в ее универсалиях, а также целостность картины мира каждого отдельного субъекта данной культуры. Ценностно-целевые структуры наиболее чувствительно реагируют на опасность для выживания культуры или отдельного человека в ней, обусловленную потерей адаптивности устаревшим направлением развития. Степиным разработано фундаментальное для анализа культурных процессов понятие культуры как набора надбиологических программ жизнедеятельности и соответствующее им понятие универсалий культуры.

Ключевые слова: ценности, культура, цивилизационное развитие, типы научной рациональности, общество, познание.

Values as a Factor of Cultural Development

Morkina J.S.

PHD in Philosophy

Institute of Philosophy RAS

(Moscow, Russian Federation)

Annotation: The paper deals with cognitive and regulatory functions of values in culture (civilization) which provide an answer to the question of what and how to investigate them in order to maintain this culture, resolve its internal contradictions and get out of crisis situations. It are the values that ensure the integrity of the culture as well as the integrity of the worldview of each individual subject of this culture. Value structures react most sensitively to the danger of the culture or an individual involved due to the loss of adaptability by an outdated direction of development. By Stepin are developed the concept of culture which is fundamental for the analysis of cultural processes as a set of supra-biological programs of vital activity. He also created the corresponding concept of cultural universals.

Keywords: values, culture, civilizational development, types of scientific rationality, society, cognition.

Вопрос о роли и значении ценностей для цивилизационного развития является одним из наиболее актуальных в настоящее время. В отечественных исследованиях этот вопрос получил разработку в трудах В.С. Степина, в частности, в его поздних работах. Академиком Степиным была преодолена тенденция

не относить ценности (как нечто нематериальное и «субъективное») к одним из важнейших механизмов развития и реагирования культуры.

В.С. Степину принадлежит определение культуры как «системы исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [1, с. 43].

В этом состоит информационная и программирующая роль культуры. В культуре воспроизводятся социокоды – образцы поведения и деятельности субъектов данной культуры, надбиологические программы деятельности, поведения, общения, передаваемые в обществе как культурные традиции.

Степин выделял традиционное общество и общество модерна как основные исторические типы цивилизационного развития. Каждый тип культуры (цивилизации) характеризуется, прежде всего, системой ценностей, неразрывно связанной со стилем деятельности и познания человека данной культуры.

Как было сформулировано Степиным: «Культурологический подход задает особый ракурс обсуждения проблемы цивилизационных перемен. Он акцентирует внимание на роли ценностей и архетипов сознания, трансформация которых во многом определяет тот или иной тип цивилизационного развития человечества. Эти ценности проявляются во всех сферах культуры (науке, философии, религии, морали, искусстве, политическом и правовом сознании и др.). Несмотря на относительную автономию этих сфер, они когерентны между собой. Поэтому изменение базисных ценностей в одной сфере неизбежно отражается в других. Поиск новых стратегий цивилизационного развития предполагает выяснение того, как происходит изменение базисных ценностей культуры, как влияние на этот процесс встреча и взаимодействие различных культур в современную эпоху глобализации» [1, с. 17].

Им же обращено внимание на *познавательную функцию ценностей*. Так, каждый тип научной рациональности, выделяемый Степиным, характеризуется своими базовыми ценностями. По Степину, со сменой типа научной рациональности трансформируются идеалы и нормы исследования, в том числе, доказательности и обоснования знания, принципы построения научных теорий («внутринаучные» ценности) [1, с. 187-198]. Само научное познание и научная рациональность приходят в определенный исторический период в качестве основных ценностей техногенной цивилизации.

Можно отметить, что особый переворот во «внутринаучных» ценностях произвело внедрение междисциплинарных исследований сложных саморазвивающихся систем (в постнеклассической научной рациональности), в том числе, таких, в которые в качестве компонента включен сам человек.

От ценности простоты научной теории разум переходит к ценности сложного и его познания именно во всей его сложности (ведь сложное – это, в первую очередь, живые системы, сам человек, человеческое общество). Современными исследователями подчеркивается сложность человеческого мозга, психики и поведения. Человек, открывая собственную сложность на всех уров-

нях, начинает ценить ее в себе, и вместе с этим ценность приобретают и другие сложные системы.

Современная теория сложных систем, применимая и к биологическим системам в их молекулярном (физическом) аспекте, и к человеческому обществу, в какой-то мере нивелирует различия между естественными и гуманитарными науками, изучающими сложные объекты, подчеркивая сходство оснований и механизмов существования сложных систем.

С нашей точки зрения, принцип целостности культуры – единство ее познавательных и ценностных структур – отображен в трудах О. Шпенглера.

По Шпенглеру: «Судьбами единичных сменяющих друг друга, вырастающих одна за другой, взаимно соприкасающихся, затеняющих одна другую и друг друга подавляющих культур исчерпывается содержание всей человеческой истории» [2, с. 147]. Шпенглер отмечает, что разным культурам принадлежит мышление в разных понятиях, и, следовательно, возникают разные научные проблемы, что делает науки, развивающиеся в этих культурах, несоизмеримыми между собой. Он же находит «глубинную формальную связь» между дифференциальным исчислением и династическими государственными принципами эпохи Людовика XIV; между античной государственной формой полиса и эвклидовой геометрией; между пространственной перспективой западноевропейской живописи и преодолением пространства посредством дорог, телефонов и огнестрельного оружия. В математике Шпенглер различает индийский, арабский, западный тип математического мышления а, значит, тип числа. Каждый тип числа служит выражением всей культуры. О. Шпенглер отмечает родство числового мышления каждой культуры с ее идеей мира, именно это приводит к тому, что существует столько же математик – числовых миров – сколько имеется высших культур. Он также отмечает тот факт, что величайшие мыслители в области математики, пришли к пониманию математических проблем своих культур с помощью религиозных интуиций [2, 3].

Из этого следует вывод, что мировоззрение человека определенной культуры целостно и представляет собой взаимосвязанную совокупность универсалий – научных, религиозных, эстетических. Ценности каждой культуры пронизывают и объединяют ее универсалии в систему.

Таким образом, познается то, что ценится, и тем способом, который ценится в данной культуре. Изменения форм познания всегда сопровождаются изменением ценностей и представления о том, что, как и с какой целью, прежде всего, важно познавать. При этом ценности добра (блага) и познания в человеческом сознании связаны очень тесно: познание всегда понимается как несущее добро (либо благо). В свою очередь, от представлений о том, что есть благо для человека (основная ценность), зависят представления о том, что важно познавать: мировой порядок (чтобы вписаться в него), мир высших истин (чтобы приобщиться к нему), природу (чтобы поставить ее себе на службу), человека (чтобы понять, как человеку регулировать общество и самого себя) и т.д. Соответственно, познаваемое становится культурной ценностью.

Вторая из важнейших функций ценностей – обеспечение реагирования культуры на происходящее с человеком в ней и угрозы ее существованию – *регуляторная функция ценностей*.

Так, на современное кризисное состояние общества первой реакцией оказалась смена систем ценностей как отдельными людьми, так сообществами, в том числе, научными и философскими. На смену ценностям общества модерна пришли ценности общества постмодерна (не реализовавшегося, но намечавшегося этими ценностями), затем информационного общества. Именно ценности становятся главным фактором проектирования картин желаемого будущего. Смена ценностей сигнализирует о кризисном состоянии общества и является первым шагом к попытке его изменения в сторону создания более жизнеспособных форм культуры (цивилизации).

Можно заключить, что через представления о благе для человека и о том, что и как следует познавать, чтобы обеспечить максимальное благо, познавательная функция ценностей неразрывно связана с регуляторной: ценностно обоснован ответ на вопрос о том, в каком направлении должно идти познание для снятия противоречий, накопившихся в обществе, для обеспечения выживания культуры.

Выводы

Важнейший вклад В.С. Степина в понятие культуры и классификацию культур состоит в экспликации им огромной роли ценностей в культуре. Ни одна смена общественных формаций не проходит без смены базовых ценностей культуры, что долгое время не привлекало должного внимания исследователей.

Именно система ценностей культуры (цивилизации) наиболее чувствительна к противоречиям данной культуры, приближениям кризисных состояний. Об обострении противоречий в культуре можно судить по происходящим в ней изменениям ценностных структур, смене ценных понятий, а затем и культурных универсалий. Познавательная сторона деятельности человека неразрывно связана с системой ценностей и, по сути, представляет единое целое с ней, поскольку представления о целях познания неразрывно связаны с идеями блага для человека, которое может принести познание определенных аспектов реальности (в таком качестве цели познания изменяются исторически и от культуры к культуре). С этой точки зрения имеет смысл говорить о единстве познавательной и регуляторной функций ценностей в цивилизационном развитии.

Литература

1. *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.
2. *Шпенглер О.* Закат Европы: В 2 т. – Т. 1. М.: Айрис-пресс, 2004. – 528 с.
3. *Шпенглер О.* Закат Европы: В 2 т. – Т. 2. М.: Айрис-пресс, 2004. – 624 с.
4. *Степин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. №10. С 12–18.
5. *Степин В.С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.

О методологическом нигилизме отечественных историков

Баранец Н.Г.

доктор философских наук, профессор
кафедра философии Ульяновского государственного университета
(Ульяновск, Россия)

Верёвкин А.Б.

кандидат физико-математических наук, доцент
кафедра прикладной математики
Ульяновского государственного университета
(Ульяновск, Россия)

УДК 001

Аннотация: Дан краткий очерк эволюции методологических идей в отечественном историческом сообществе. Показано, что закрепившееся в 1990-е годы недоверие к макроисторическим теориям привело к преобладанию описательных микроисторических исследований, не требующих глубокой методологической рефлексии. Указаны причины методологического нигилизма, присущего российским историкам.

Ключевые слова: эпистемология истории, исторический конструктивизм, методологическое сознание, методологический нигилизм.

On the methodological nihilism of domestic historians

Baranetz N.G.

Senior Doctorate in Philosophy, Professor
Ulyanovsk State University
(Ulyanovsk, Russian Federation)

Verevkin A.B.

Doctorate in Mathematics; Associate Professor
Ulyanovsk State University
(Ulyanovsk, Russian Federation)

Abstract: A brief outline of the evolution of methodological ideas in the domestic historical community is given. It is shown that distrust of macrohistorical theories, which was entrenched in the 1990s, led to the predominance of descriptive microhistorical studies that do not require deep methodological reflection. The reasons for the methodological nihilism inherent in Russian historians are indicated.

Key words: epistemology of history, historical constructivism, methodological consciousness, methodological nihilism.

Изучая методологическое сознание современных учёных, можно заметить, что отечественным историкам стал свойственен познавательный нигилизм, выражающийся в нежелании обсуждать проблемы методов и критериев научности исследования. Обратившись к прошлому, несложно выяснить, когда в российском историческом сообществе заинтересовались проблемами методологии истории, и определить значимые научные размышления на эту тему.

Во второй половине XVIII века записки о ремесле историка оставил российский историограф немецкого происхождения Г.Ф. Миллер. Но столкнувшись в молодости с резкой критикой своего обоснования гипотезы почитаемого им Г.З. Байера о норманском происхождении русской государственности, он впоследствии занимался только локальными исследованиями – архивоведением, краеведением и генеалогией. Поэтому методологические идеи Миллера не получили широкого признания и развития.

В начале XX века оригинальную теорию исторической науки создал выдающийся российский учёный А.С. Лаппо-Данилевский, сочетавший исследовательские подходы позитивизма и неокантианства. Рассуждая о проблемах исторического факта, он отмечал, что психологическому истолкованию подвергаются не собственные чувственные восприятия историка, а чужие для него впечатления, сохранившиеся в символической передаче в остатках культуры и традиции. Поэтому историк вначале должен восстановить факт в полноте его элементов, а уже потом приступать к психологическому истолкованию. Историк строит образ событий, имея предварительную конструкцию для организации материала, извлеченного из источников и достроенного в результате догадок. Он вынужден принимать гипотезы о мотивах действий исторических личностей, исходя из косвенных намёков, анализируя совокупность условий принятия тех или иных решений. Соглашаясь с гипотезой, историк приписывает ей объективно-реальное значение, и уже затем исходит из неё в своих дальнейших рассуждениях. По сути, Лаппо-Данилевский предвосхитил современные идеи о конструктивности исторического знания, конвенциональности и когерентности исторической истины.

Возникшая в 1920-х годах плодотворная дискуссия о методологии исторических наук с утверждением марксистской парадигмы была пресечена к началу 30-х годов. Большинство учёных дореволюционной школы были устранены с профессионального поля. Академической науке навязали жёсткую схему исторического процесса – формационный подход. До начала 1960-х годов не было публичной возможности проведения иных методологических и философско-исторических поисков. Сфера деятельности историков была перенаправлена на сбор фактов (краеведение, палеография, источниковедение) и на локальные исследования в рамках косной интерпретации марксизма.

Некоторое оживление в отечественной методологии истории произошло в 1970–90-е годы за счёт заимствования некоторых направлений западной историографии в её марксистском преломлении. А.Н. Медушевская в 1975 году защитила докторскую диссертацию «Теоретические проблемы источниковедения», заложив тем самым новое обсуждение методологии исторического исследования и формируя проблематику когнитивной истории. По-видимому, ощущая себя продолжателем методологического подхода Лаппо-Данилевского, исследованию творчества которого она посвятила несколько работ, Медушевская разрабатывала видовую структуру корпуса исторических источников. Она обосновывала тезис о том, что видовой подход в источниковедении позволяет получить зафиксированную в источниках информацию о социальных процессах

на уровне «объективной истины». Источники содержат данные, которые следует отыскивать, типологизировать и интерпретировать.

И.Д. Ковальченко адаптировал методологию исторического материализма к историческому исследованию, разделил методы количественного и качественного анализа. Монография Ковальченко «Методы исторического исследования» (1987), несмотря на своевременность, объёмность и широту охвата поставленных задач, незначительно повлияла на формирование методологического сознания историков. Размытость изложения идей, тяжеловесные идеологическо-философские обоснования, декларативность и отсутствие показательных примеров исследования сделали её малоэффективной. Моделирование в исторической науке оказалось трудноосуществимым.

В начале 1990-х годов на волне отречения от марксизма и формационного подхода среди отечественных историков снова возник краткий интерес к проблемам методологии исторического исследования. Общим итогом стало признание дополнительности формационного и цивилизационного подходов и провозглашение методологического плюрализма. Но глубокого переосмысления философских оснований и познавательных выводов не случилось. На место глобальной марксистской схемы исторической реальности пришла мозаика локальных историй.

Отрицательное отношение к обобщениям и исследованию больших исторических периодов влияет на выбор исследовательских микро-проблем и приводит к построению локальных эмпирических моделей исторических событий. Историки при этом уверены, что в результате «конструируют такую сущностно-содержательную модель, которая адекватно отражает реальное в объекте изучения». Различие в понимании соответствия реконструкций и интерпретаций исторической реальности является причиной идейных споров между историками и эпистемологами истории. Вовлечённый в такой познавательный конфликт Н.С. Розов так сформулировал проблему: «Сами историки, ... занимаются именно построением эмпирических моделей (качественных концептуальных или квантифицированных), хотя, подобно мольеровскому герою, обычно не подозревают об этом, возвещая наивной публике и убеждая себя, что воссоздают («отражают», «реконструируют») саму «реальность». В действительности же вся историческая реальность явлений и процессов осталась в прошлом, исчезла, в настоящем же учёным доступны только материальные артефакты (прежде всего, архивные документы, всевозможные записи и музейные экспонаты), а также воспоминания очевидцев недавнего прошлого. Стоит ли напоминать, сколь различны бывают эти эмпирические модели у разных историков» [1].

Дискуссия о методах и результатах исторических исследований неизбежно выдвигает проблему эпистемологического статуса исторического знания. Отечественные историки нередко пребывают в когнитивном диссонансе между стремлением восстановить события «как они были» и верой в сущностное отличие истории как гуманитарной науки от наук естественных, дающее им свободу экспертной интерпретации. Идеи об исторической реальности и методика исследований конвенциональных историков заметно отличаются от мнений эпистемологов об эволюции исторических методов и тенденциях в исторических

дисциплинах. А.П. Огурцов отметил, что «между реальной научной деятельностью и самосознанием учёных существовал разрыв, который преодолевался весьма сложными и извилистыми путями, прежде всего демонстрацией того, что научная деятельность учёного связана с иными методологическими регулятивами и нормами чем те, которым он отдаёт предпочтение в своём самосознании» [2]. В историческом сообществе разрыв между нормами научно-исследовательской деятельности и их осознанием выражен особенно ярко.

Современные российские историки, доказывающие исключительность исторического знания, в своих воззрениях зачастую парадоксально сочетают марксистские, неокантианские, герменевтические и постмодернистские идеи. Почти всегда деятельность историков состоит в обнаружении и реконструкции малозначительных исторических событий, вписывающихся в более общую наличную систему исторических описаний. При этом в сознании историков идеи западной историографии, эпистемологии и философии истории ученически причудливо преломляются, породив своеобразный исторический конструктивизм. Наблюдается разногласие: с одной стороны, охотно признаются все аспекты субъективизации результата исследования. А именно: конвенциональность исторической истины, зависимость исторического исследования от личной системы ценностей, опыта и познавательного сообщества, которому принадлежит учёный, а также – от его ожиданий. С другой стороны – полученное представление объявляется единственно возможной истиной, претендуя на объективность.

Размышляя об историческом исследовании и особенностях исторического знания, профессиональные историки часто демонстрируют малую осведомлённость о глубоких исследованиях по эпистемологии исторического знания второй половины XX века. Нежелание высказываться о методологии исторического исследования, онтологическом статусе исторической реальности и критериях истинности в историческом исследовании – их осознанное решение.

А.В. Лубский и Л.Р. Хут проанализировали уровень осмысления методологических проблем современными отечественными историками и отметили, что российское историческое сообщество с конца 1980-х годов очутилось в состоянии глубокого идентификационного кризиса, – как идеологического, так и теоретико-методологического. С устранением марксистской парадигмы возник методологический вакуум, заполняемый заимствованием из западной историографии. Ширится поприще микроисторических изысканий. История подменяется краеведением. Исследовательская жизнь историков отличается слабым осознанием методологических практик и причин их предпочтения: «Методологические разделы кандидатских, а часто, увы, и докторских диссертаций похожи друг на друга как близнецы-братья. Знакомый до боли «джентльменский набор»: принцип историзма, принцип объективности и ещё, может быть, системный подход с коротенькими бесцветными комментариями по поводу их значения для разработки конкретной темы...» [3]. Проводимые среди историков опросы показывают, что большинство из них полагают, что «историк» и «методолог» – это разные профессии, а историку опасно обращаться к проблемам методологии без риска «сойти с эмпирической тверди», оказавшись в зоне абстракт-

ных схем. Среди историков популярна декларация Б.А. Романова: «заниматься методологией – всё равно, что доить козла».

У наблюдаемого методологического нигилизма историков есть ряд причин. В первую очередь, любая методология общественных наук продолжает напоминать о недавнем идеологическом господстве научного коммунизма. Компульсивное избегание навязываемой извне идеологии вызывается неизжитым страхом перед государственным регулированием гуманитарного творчества, подавляющим научную идентичность. Но, помимо этого, здесь может проявляться желание карьерного продвижения на бесспорном научном материале, рождающее склонность к описательным микроисторическим исследованиям без глубокой методологической рефлексии. Рабочие методы в этом случае смиренно усваиваются в подражании общепризнанным образцам и в повторении выигранных алгоритмов. Есть обоснованные подозрения, что оригинальные исследования не вызовут одобрения ведущих коллег. А при решении исключительно парадигмальных задач отсутствует потребность улучшения методологии. Приложение значительных усилий для освоения современных достижений эпистемологи с непредсказуемым результатом при такой стратегии видится неэффективным. На наш взгляд, творческое и продуктивное развитие исторической науки предполагает осознанное отношение к эпистемологии истории и сознательное развитие её методологии самими представителями исторического сообщества.

Литература

1. *Розов Н.С.* Теоретическая макросоциология и эмпирическая история: возможен ли продуктивный диалог? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4, с. 88.
2. *Огурцов А.П.* Развитие методологического сознания учёных XIX века и проблемы методологии науки // Методология науки: проблемы и история. М.: ИФРАН, 2003, с. 250.
3. *Хут Л.Р.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX-XXI веков. М., 2010, с. 96-97.

Понятие культурной матрицы В.С. Степина в контексте построения методологии историко-философского исследования

Климович А.И.

*к.ф.н., доцент кафедры судебной медицины,
УО «Белорусский государственный медицинский университет»
Республика Беларусь, Минск*

УДК 001.8:14

Аннотация. Автор сосредотачивается на вопросах возможности использования творческих наработок В.С. Степина в области культуры для построения методологии историко-философского исследования локальных философских традиций. Ставится вопрос, каким образом анализируемые понятия «мировоззренческая универсалия» и «культурная матрица» могут помочь в реконструкции развития философских идей и систем в рамках определенного интеллектуального ландшафта.

Ключевые слова: В.С. Степин, локальная философская традиция, культурная матрица, история философии, историко-философское исследование, история идей, мировоззренческие универсалии

The concept of cultural matrix of V.S. Stepin in the context of constructing the methodology of historical and philosophical research

Klimovich A.I.

*PhD in Philosophy
Associate professor, the department of forensic medicine,
Belarusian State Medical University
Republic of Belarus*

Annotation The author focuses on the issues of the possibility of using the creative heritage of V.S. Stepin in the field of culture to build a methodology for historical and philosophical research of local philosophical traditions. The question is raised how the analyzed concepts of "worldview universal" and "cultural matrix" can help in the reconstruction of the development of philosophical ideas and systems within a certain intellectual landscape.

Keywords: V.S. Stepin, local philosophical tradition, cultural matrix, history of philosophy, historical and philosophical research, history of ideas, worldview universals

Одним из наиболее актуальных вопросов, стоящих перед современными исследователями в области истории философии, является поиск надлежащей методологии, позволяющей осуществить научные изыскания во всей их полноте и истинности с целью объективной реконструкции жизни той или иной идеи. Особо остро стоит этот вопрос, когда исследователь работает с локальной традицией, где идеи под воздействием местного интеллектуального ландшафта трансформируются, обогащаясь новыми смыслами, либо наоборот ослабляются и упрощаются. В ситуации осмысления новой, отвечающей запросам времени методологии построения концептуальной модели историко-философского исследования будет актуальным обращение к наследию Вячеслава Семеновича

Степина. Наложение основных понятий разработанной им теории культуры на контекст исследования развития определенных идей позволит достичь результатов нового уровня, отличающихся большей многомерностью и глубиной. Поскольку ни один интеллектуальный феномен не может быть описан вне рамок культуры, использование творческого наследия В.С. Степина в данном аспекте принесет огромную пользу, открывая для многих историко-философских тем ранее неизученные измерения.

Основополагающей целью историко-философского исследования является объективная реконструкция развития определенных идей в регламентированном временно-пространственном континууме. При этом для объяснения анализируемых феноменов предельно важным элементом будут события, в которых рождается и развивается рассматриваемая система идей. Особо имеет значение этот факт, если исследователь отходит от магистральной линии развития философии, и объектом его научного анализа становится локальное существование идей, не вписывающееся в своем развитии в строго очерченную прямую сюжетную линию. В частности, к таким примерам следует отнести исследования национальных историй философских и социально-политических идей. Здесь предельно важную роль играет вопрос окружающего пространства идеи, благодаря которому ее рецепция происходит тем или иным образом.

Специфическое существование философской составляющей в локальной традиции может быть объяснено в самом широком смысле через исторический ландшафт, а затем уже через сложившуюся систему ценностей, присущую определенному типу общества. Они отвечают за принятие либо непринятие идеи в конкретном месте и времени. Именно благодаря этим двум компонентам происходит рождение специфической локальной философской традиции.

Одновременно необходимо отметить, что тема локальных интеллектуальных традиций в современную эпоху социальной и политической нестабильности обретает новые актуальность и потенциал, поскольку может рассматриваться как альтернатива глобальному миропорядку, зачастую навязывающему извне неприемлемые для определенных сообществ философские идеи и системы ценностей. Свою лепту в необходимость таких исследований вносит и современный кризис универсальных ценностей. Именно поэтому необходима выработка новой методологии исследования локальной традиции, позволяющая вычленив специфические категории, обладающие ценностью для конкретного сообщества. Однако в философии до сих пор нет точного определения понятия локального, как и его места в системах ценностей. Несмотря на наличие большого количества обращений к локальным типам философии [1, с. 30], до сих пор не осуществилось в полной мере осмысление самого понятия, не разработана совокупность подходов в рамках методологии.

Все имеющиеся исследования, рассматривающие феномен локального, в современной гуманитаристике могут быть сведены к трем большим направлениям: а) ежедневные практики и коммуникации; б) исследования в области урбанистики; в) различные теории глобализации, анализирующие дихотомию глобальное-локальное [2, с. 4]. Как видно, понятие локальной традиции мысли,

равно как и понятие локальной философской традиции, остались за пределами этих крупных направлений исследований.

Под локальной философской традицией здесь будет пониматься комплекс идей, имеющих единство идеологии и единство происхождения, развивающийся в строго определенных пространственно-временных рамках в контексте индивидуализирующих его исторических событий. Движение историко-философского исследования в этом случае, безусловно, учитывая наличие общемировых философских процессов, должно происходить от факторов, создающих, с одной стороны, социальное единство и отличающих этот тип общества, с другой стороны, – от всех остальных.

Рассматривая общезначимые мировые философские процессы и локальные философские традиции, необходимо отметить, что последние в большей степени зависимы от конкретных исторических обстоятельств, культурных кодов, интеллектуального опыта внутри определенного ограниченного пространства.

В контексте выше обозначенной проблематики исследования локальной философской традиции требуется определенный концепт, позволяющий зафиксировать ценностную составляющую, способствующую принятию идеи строго определенным образом. В качестве такого концепта могут выступать творческие разработки В.С. Степина, а именно – использование разработанных автором категории «культурная матрица» и категории «мировоззренческая универсалия».

Понятие культурной матрицы является одним из центральных в работе В.С. Степина «Цивилизация и культура». Именно оно, по мысли рассматриваемого автора, ответственно за слом и трансформацию определенных мировоззренческих предпочтений, присущих какому-либо типу культуры [3, с. 85] и дальнейшую их замену другими, отвечающими новым вызовам времени. А это означает, что понятие культурной матрицы должно обязательно учитываться при проведении историко-философского исследования, поскольку развитие системы идей, ее принятие либо непринятие, обращение к ней либо игнорирование возможно только в случае совпадения этих мировоззренческих доминант.

В.С. Степин выделяет следующие аспекты культурной матрицы, ее главные системные характеристики: это отношение к природе [3, с. 88], которое в свою очередь формирует концептуальное ядро картины мира; статус науки в определенном обществе [3, с. 92] и, как следствие, отношение к активному началу познающего субъекта.

Важным элементом в процессе приложения культурной матрицы к историко-философскому исследованию служит категория мировоззренческой универсалии, которая описывается В.С. Степиным следующим образом: «Мировоззренческие универсалии — это категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта» [3, с. 62]. Они могут рассматриваться по сути в качестве определенного связующего моста между философией и культурной матрицей. Безусловно, мировоззренческие универса-

лии неправомерно отождествлять с близким им понятием философских универсалий, однако, именно благодаря первым происходит становление последних, учитывая, что по В.С. Степину они в каждую конкретную историческую эпоху определяют категориальный строй сознания [3, с. 74].

Каким же образом исследователь в области истории философии может использовать рассмотренные концепты философской системы В.С. Степина?

Во-первых, непосредственно анализ мировоззренческих универсалий, свойственных определенной эпохе, может оказать существенную помощь в реконструкции развития локальных традиций в том аспекте, что именно первые отвечают за своеобразие толкования тех или иных установок в конкретный исторический период и в конкретном типе общества, являясь доминантными в определенном типе сознания, в том числе и общественного.

Во-вторых, на основании полученной информации о существовавших мировоззренческих универсалиях может быть полностью воссоздана культурная матрица, через фокус которой уже непосредственно преломляются философские категории и идеи. Мировоззренческие универсалии выступают своеобразной стержневой структурой культурной матрицы, часто неосознаваемой, но транслирующей в философское измерение необходимые основополагающие категории, а само философское измерение имеет функцию «рациональной экспликации смыслов универсалий культуры» [4, с. 15]. Эту схему можно представить себе следующим образом: общественные, политические, экономические трансформации изменяют мировоззренческие универсалии, за счет чего затем происходит уже трансформация существующей культурной матрицы, в связи с чем рождается требование философского осмысления данных процессов, которое уже происходит в поиске соответствующих понятий, идей и систем.

Таким образом, мировоззренческие универсалии, по В.С. Степину, являются определяющим оценочным фактором, который затем получает надлежащее рациональное осмысление в рамках философских категорий.

Меняющиеся исторические эпохи оказывают влияние на трансформацию ценностей и, как следствие, подвергают изменению и саму культурную матрицу, это ведет за собой смену типа рациональности и трансформацию философской парадигмы. В рамках культурной матрицы рождается категориальная матрица, ответственной за которую является именно философия.

На основании выше сказанного процесс осмысления проникновения и развития идей в то или иное общество представляется возможным описать через три следующих этапа: оформление исторического интеллектуального ландшафта, заключающего в себе определенную историческую эпоху во всем многообразии экономических, политических и культурных событий, влияющую на мировоззренческие универсалии, непосредственно культурная матрица, воплощающая в себе основные установки и ценностные ожидания общества, и заключающий этап – философские идеи как результат осмысления мировоззренческих универсалий, составляющих основание культурной матрицы.

Таким образом, культурная матрица выступает, с одной стороны, как реципиент и канал переработки исторических событий, с другой стороны – как основание продуцирования философских идей.

Литература

1. Легчилин, А.А., Бобков, И.М. Белорусская философская традиция: история и современность / А.А. Легчилин, И.М. Бобков // Философские науки. – 2016. - № 7. – С. 29-38.
2. Borodenko O. The problem of the local in philosophical tradition and in modern philosophy of culture / O. Borodenko // Актуальні проблеми філософії та соціології. – 2020. - № 27. – р. 3-7
3. Степин, В.С. Цивилизация и культура. – Спб. : СПбГУП. – 2011. – 406 с.
4. В.С. Степин Философский анализ мировоззренческих оснований культуры / Степин В.С. // Гуманитарные науки. – 2011. - № 1. С. 8 -16.

Постнеклассическая модель науки и творческий потенциал человека в киберсреде

Ярославцева Е.И.

К.ф.н., доц.

Институт философии РАН

Москва, Россия

Аннотация. Позиция постнеклассического научного подхода ориентирует исследователя на понимание того, что человеческая активность играет в культуре ведущую роль, создавая возможность творчески осваивать природу, что ведет к изменению уровня технологического развития, порождая новые методологические решения. Они позволяют строить более сложный концепт междисциплинарных исследований, особенно актуальный в параметрах современной киберсреды, где управленческие решения эффективны только в цифровом скоростном режиме, порождая при этом значительные социальные риски. Цифровые имитации социальных коммуникаций человека породили стремительное «расслоение» поколений, трансформацию ценностей и неомифологическую оптику. Но, признавая человекообразность важным параметром науки, современные кризисные трансформации возможно направить в гуманитарное русло развёртывания будущего.

Ключевые слова: наука, постнеклассический подход, человекообразность, культура, киберсреда, цифровые технологии, риски, имитация коммуникаций, будущее.

Post-nonclassical model of science and human creativity in the cyber environment

Yaroslavtseva E. I.

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher

Institute of philosophy, Russian Academy of Sciences

Moscow - Russia

Annotation. The position of the post-non-classical scientific approach orients the researcher to the understanding that human activity plays a leading role in culture, creating the opportunity to creatively explore nature, which leads to a change in the level of technological development, generating new methodological solutions. They allow building a more complex concept of interdisciplinary research, which is especially relevant in the parameters of the modern cyber environment, where management decisions are effective only in a digital high-speed mode, while generating significant social risks. Digital imitations of human social communications have given rise to a rapid "stratification" of generations, the transformation of values and neo-mythological optics. But, recognizing human dimensions as an important parameter of science, modern crisis transformations can be directed into the humanitarian direction of the deployment of the future.

Key words. Science, post-non-classical approach, human dimension, culture, cyber environment, digital technologies, risks, imitation of communications, future.

Постнеклассическая парадигма, о которой писал академик В.С.Степин [1, с. 680], позволяет в новом аспекте ставить задачи науки, вводя в её рамки не только природные, технические, но и гуманитарные знания, которые ранее не ставились в один ряд с точными принципами оценки знаний, четкими представлениями о мире. Однако этот классический научный подход, будучи частью культуры когнитивного освоения мира, имел свою динамику, что проявилось в обогащении рационального видения, расширившись до неклассического, в начале XX века, и постнеклассического – в конце XX века, познавательного процесса. За рамками классического подхода фактически заявил о себе субъект: сначала в лике наблюдателя, а затем – в человеке, полном противоречий!

Постнеклассический формат знания и практики опирается на базовый фактор: саморазвивающегося индивида, не элиминируя его из процесса развития природы, что считалось необходимым в классическом научном подходе. В XX веке в материалистическом подходе было уже отчетливо понятно, что человек познает окружающий мир в коммуникативно-когнитивном процессе, через свою непосредственную практику, которая и становится «критерием истины» [2, с. 356]. Надо заметить, что мотив поиска истины лежал в основе формирования критериев науки, показывая одновременно нарастание интеллектуального опыта исследователей, способных выявлять все более сложные уровни реальной жизни. Кроме того, сам человек начинал осознавать себя подобным инструментом, который способен раскрывать тайны: опираясь на эксперимент, он шел к открытиям через испытания неисследованных препаратов на себе [3, с. 209]. В начале XX века в рамках неклассической парадигмы началось признание способа получения знания посредством ощущений, что приводило в научную теорию живые критерии оценки получаемого опыта. Можно также опереться на достаточно широко известное в сети высказывание А. Эйнштейна, что «исходным пунктом всех исследований служит именно чувственное восприятие, истинность мышления достигается исключительно за счет связи его со

*всей суммой данных чувственного опыта*³³. На сегодняшний день вопрос об ощущениях можно ставить уже более глубоко, раскрывая представление о чувственном восприятии через конкретные формы сенсорного человеческого опыта, который открывает и новые аспекты в практике человека. В перечень ощущений входят не только шесть широко известных функциональных возможностей человеческого взаимодействия с миром. Специалисты выделяют более 18 функций, которые человек осознанно или неосознанно использует в практической жизни [4]

Можно сказать, происходит уже явное переключение внимания на собственно человеческий опыт, который, спустя столетие, уже в современной динамичной жизни, должен приносить представление и устойчивые знания о реальности. Фундаментальность этих морфологических данных трудно оспорима, поскольку без этого опыта углубления в познание природы индивид не вышел бы за пределы простейшего пищевого поведения. Данное очевидное обстоятельство требует опираться на современную методологию, о которой писал академик В.С.Степин, рассматривая человекообразный подход [1, с. 680]. Более того, опыт функциональных возможностей в онтогенезе человека становится не просто его личной практикой – он стал предметом пристального внимания со стороны создателей и разработчиков уникальных алгоритмов в области цифровых технологий, стремящихся имитировать эти функции для воспроизведения их в новейшей системе виртуальных коммуникаций.

Аутопоэзис человека, развертывавшийся в естественном процессе взаимодействия в природной среде, оказался очень привлекательным для социума, поскольку с развитием и практическом применении теории кибернетики, создаваемой для управления глобальными процессами и связями в социуме, обработки информационных потоков больших данных происходила социальная пространственная. Конечно, можно сказать, что на ресурсах электрических сетей расширялась система виртуального мира взаимодействий, которая становилась уже другой имитированной, дополненной реальностью.

В третьем тысячелетии является очевидным, что описание исследовательской ситуации при элиминации человека, как требовалось в классической научной парадигме, будет неполным и предстанет как некоторый ряд фактов или срезов. При учете живой активности индивида позволит удержать в теории динамичность и изменчивость коммуникации, которая показывает непосредственную связанность развития знания и творческой активности его деятелей. В связи с этим углублением в онтогенез человека возникает более конкретный, и в то же время более целостный подход в понимании процесса разработки новых технологий на электронной, имитационной основе. Возникает совершенно иной тип, иной уровень требований к научно-техническим решениям, когда на осно-

³³ К сожалению, даже приложив большие усилия, невозможно найти в сети ни одного источника этой цитаты. Всё показывается в поисковике как содержание различных книжек со списками цитат великих людей. См.: [Электронный ресурс]. URL: <https://goodwords.top/quotes/2542>; в списке трудов А. Эйнштейна эта тема в их названиях не обозначена – см.: [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_научных_публикаций_Альберта_Эйнштейна_\(Дата_обращения_30.04.23_г.\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_научных_публикаций_Альберта_Эйнштейна_(Дата_обращения_30.04.23_г.))

ве кибернетики происходит разработка, цифровое моделирование исследовательских программ относительно биологических объектов. Большое внимание этому уделял акад. И.Т.Фролов, будучи профессионально знаком с генетическим уровнем развития природной реальности, той средой, продолжением, частью которой человек и является!

Для большей ясности нужно привести достаточно большую цитату. «В самом деле, если можно говорить о наглядном характере, например, технической модели нейрона, которая создается в виде электрической схемы, имитирующей возбуждающие импульсы и тормозящие эффекты, то уже логическая модель нейронных сетей, элементами которой являются так называемые формальные нейроны, не только весьма далека от того, чтобы в полной мере отражать функции реальных нейронов и их взаимодействие, но и наглядность её оказывается весьма условной. Когда же речь заходит, в частности, о логико-математических моделях, данные для построения, которых непосредственно преобразовываются в программу для электронно-счетной машины и регистрируются в виде кода в её запоминающем устройстве, то здесь уже ни о какой наглядности, образности не может быть и речи, – утверждал И.Т.Фролов.» [5, с.155].

Как видно, моделирование биологических объектов несравнимо сложнее, чем такая же задача в отношении абстрактных процессов, систем и понятий. Тем более, если речь идет о живом взаимодействии, отношениях живого человека с природой, т.е. связях между биологическими системами. И.Т. Фролов отмечал «опасность “переупрощения” описываемых явлений, спекуляций, мифологизирующих это научно установленное свойство живых систем» [5, с. 164]. Очень тонким местом является то, что многими моделирование объекта и сам объект воспринимаются идентичными, поскольку в цифровом исполнении объект может достигать высокого уровня похожести, как например, современные аватары на основе биоданных. Привыкшие работать с информационными потоками специалисты цифрового фронта даже биологический объект сводят, в соответствии с техзаданием, к ряду параметров, не осознавая того, что образец и копия принципиально различны по природе. Один является феноменом жизни и саморазвития, а другой – имитацией, чистейшим продуктом алгоритмических цифровых технологий.

Заметим, что сейчас этот феномен проявляется достаточно явно. Многим пользователям, а не только разработчикам, трудно различить эти проявления современных технологических процессов, поскольку у них достаточно скромный опыт использования и самостоятельной разработки устройств. Чаще всего в детстве они активно играли в сети и очень эмоционально относятся к тому, что происходит на экране монитора. Некоторые находились и в игровой зависимости. При появлении компьютеров для персонального пользователя (ПК) траектория развития резко поменялась: быстрыми темпами стал развиваться сетевой сегмент цифровых коммуникаций; при высочайшем интересе к новым технологиям возникли не только текстовые, но и аудиовизуальные возможности общения, интерактивные коммуникации в системе образования, а также в межиндивидуальном общении. Эта практика привела к тому, что произошла ими-

тация функциональных, наиболее осознаваемых функций человека, что, безусловно, увеличило возможность дистанционных сетевых коммуникаций, которые многими воспринимаются уже как близкие к реальности. При этом молодое поколение вообще воспринимает их как обычные формы общения, не чувствуя каких-либо неудобств, хотя все понимают, что видят изображение на плоскости и оно даже может распадаться на разные треки, когда визуальный ряд не совпадает с аудиальным. Современный молодой человек может оказаться в затруднении, когда ему будут рассказывать о живом существе, а затем приводить в виде аналогии устройство машины, указывая, например, на «память», тогда как машина – это расширение, инструмент для человека, когда ему будет нужен неутомимый помощник.

Литература

1. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
2. Критерий истины. Статья. Философский словарь/ Под ред. А.А.Гусейнова и Ю.Н. Солодухина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. – 9-е изд., дораб. и доп. – М.: Мир философии, Алгоритм. 2021. – 942с.
3. 0,05 Талантов П.В. Доказательная медицина: от магии до поисков бессмертия / Петр Талантов. – Москва: Издательство АСТ: CORPUS. 2020. – 560. (Библиотека фонда «Эволюция»). С. 209
4. Савельев С.В. Сколько у нас органов чувств? [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/12412367598008352355> (Дата обращения 30.04.23 г.)
5. Фролов И.Т. Очерки методологии биологического исследования: Система методов биологии. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 228 с. (из наследия И.Т. Фролова).

Трансформация трактовки детерминизма в современной гуманитаристике Можейко М.А.

Доктор философских наук, профессор
Республиканский институт высшей школы
(Республика Беларусь, Минск)

УДК 122

Аннотация. В современной науке происходит трансформация понимания детерминизма, на основе которой формируется то, что может быть названо парадигмой недетерминизма, в рамках которой происходит отказ от линейного дедуктивизма классической науки, и феномен случайности обретает новый статус. В естествознании это с наибольшей очевидностью проявляется в синергетике, однако эти трансформации имеют свой аналог и в гуманитарной сфере. Их философское осмысление дано постнеклассической философией и в эксплицитном виде представлено в постмодернизме.

Ключевые слова: детерминизм, статус случайности, классическая – неклассическая – постнеклассическая рациональность, линейный дедуктивизм, недетерминизм.

Transformation of determinism's interpretation of in the modern humanities Mojeiko M.A.

Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Republican Institute of Higher Education
(Republic of Belarus, Minsk)

Abstract. The understanding of determinism is being transformed in modern science. On the basis of which transformation the paradigm of neodeterminism is formed. The linear deductivism of classical science is abandoned in the frame of this paradigm, and the phenomenon of chance acquires a new status. In the natural sciences, this is most evident in synergetics, but these transformations have their counterpart in the humanitarian sphere as well. Their philosophical understanding of it was given by post-classical philosophy and is explicitly presented in postmodernism.

Key words: determinism, status of chance, classical – non-classical – post-non-classical rationality, linear deductivism, neodeterminism.

Идея линейного детерминизма, основанная на презумпции наличия феномена причины, являлась доминирующей в европейской культуре на протяжении практически всей ее истории. Однако современная культура (как в рамках естественнонаучной, так и в рамках гуманитарной своей традиций) знаменуется радикальным поворотом к ориентации на новый тип детерминизма.

Так, новая физика фундирована, по оценке А. Кестлера, презумпцией необходимости «выбраться из смирительной рубашки» детерминизма, понятого в качестве внешнего причинения [1, с. 138-139]. Находясь на посту президента Международного Союза теоретической и прикладной механики, Дж. Лайтхилл публично принес от имени механики извинения за то, что «в течение трех веков

образованная публика вводилась в заблуждение апологией детерминизма, основанного на системе Ньютона, тогда как можно считать доказанным, <...> что этот детерминизм является ошибочной позицией» [2, с. 35].

С переходом к неклассической науке, однако, эта парадигма перестает восприниматься в качестве удовлетворительной: как пишет А. Эйнштейн, «высшая аккуратность, ясность и уверенность – за счет полноты. Но какую прелесть может иметь охват такого небольшого среза природы, если наиболее тонкое и сложное малодушно оставляется в стороне? Заслуживает ли результат столь скромного занятия гордого названия “картины мира”» [3, с. 40]. В противоположность классике, предложенное современным естествознанием видение мира основано на радикально ином типе детерминизма. Именно отказ от линейного понимания детерминизма становится краеугольным камнем синергетической исследовательской парадигмы: как пишет И. Пригожин, «мы все более и более склонны думать, что фундаментальные законы природы описывают процессы, связанные со случайностью и необратимостью, в то время как законы, описывающие детерминистские и обратимые процессы, имеют лишь ограниченное применение» [4, с. 8]. Важнейшим аспектом понимания детерминизма в качестве нелинейного выступает отказ от идеи принудительной каузальности. Данный момент оказывается принципиально важным с гносеологической точки зрения. Синергетика не может более опираться на традиционную (фактически восходящую к гилеморфизму) идею о том, что изучение внешней причины, которая, будучи открытой для анализа, позволяет (в силу своей соотнесенности, в аристотелевской терминологии, с формальной причиной как эйдосом будущего результата причинения) спрогнозировать предстоящее состояние изменяющейся системы. Однако обращение к анализу поведения элементов микроуровня системы также не может дать искомого результата, ибо новое состояние системы возникает как непредсказуемый системный эффект.

По оценке В. С. Степина, именно ориентация современной науки на анализ сложных и самоорганизующихся систем приводит к «расширению понятия детерминизма» [5, с. 102].

Имманентное включение в процесс самоорганизации фактора случайной флуктуации делает принципиально невозможным предвидение будущих состояний системы, поскольку, по словам И. Пригожин и И. Стенгерс, «очень часто отклик системы на возмущение оказывается противоположным тому, что подсказывает нам наша интуиция» [6, с. 266]. В этом контексте, по оценке И. Пригожина, встает «в полный рост <...> проблема детерминизма» [7, с. 46].

Самоорганизация неравновесной среды – это процесс, в котором случайность отнюдь не является несущественным фактором, которым можно пренебречь: траектория эволюционирования системы «характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистические законы, и неустойчивых областей вблизи точек бифуркации, где перед системой открывается возможность выбора одного из нескольких вариантов будущего. ...Эта смесь необходимости и случайности и создает “историю” системы» [6, с. 228].

Именно в отказе от детерминизма в его традиционном (линейном) истолковании усматривает Ж.-Ф. Лиотар и критерий отличия постнеклассической ра-

циональности от классики: «научное знание находится в поиске путей выхода из кризиса детерминизма» [8, с. 154].

В противоположность этому, процессуальное бытие предметности моделируется Ж. Делезом как «чистое и безмерное становление качеств изнутри» [9: 198]. В силу этого центральной для постмодернизма проблемой становится проблема новизны как источника подлинной множественности [9, с. 134].

Важнейшим моментом постмодернистской интерпретации детерминизма является отказ от идеи внешней причины. Это находит свое выражение в парадигмальных фигурах *смерти Автора* как внешней причиняющей детерминанты текста и *смерти Бога* как финальной и исчерпывающей внешней детерминанты, а также в отказе от идеи Отца в его традиционном психоаналитическом понимании (т. е. в качестве внешнего детерминационного фактора развития психики) и, соответственно, в программной стратегии *анти-Эдипизации* бессознательного.

Так, противопоставляя *произведение* как феномен классической традиции *тексту* как явлению постмодернистскому, Р. Барт отмечает, что если произведение предполагает наличие внешней (вневербальной) причины (истории), то текст есть преходящее состояние процессуальности письма, что находит свое выражение в парадигмальной для постмодернизма фигуре *смерти автора*: «в нем нет записи об Отцовстве», потрому *ключевой метафорой* текста служит не линейная причинная цепочка, но *сеть* [10, с. 419].

Аналогично, метафорическая фигура *смерти Бога* в постмодернистском контексте лишена как про-, так и contra-теологической окрашенности и не имеет отношения ни к атеизму, ни к протестантскому модернизму. В данной фигуре выражена лишь интенция на переосмысление самого феномена причины, переориентацию с понимания ее как внешнего фактора причинения к пониманию ее как имманентного перехода во внутренний предел.

Столь же значимой является для постмодернистской философии идея неэлиминируемой случайности, и столь же острой в связи с этим является постмодернистская критика классического типа рациональности, усматривающего в феномене случая продукт субъективной когнитивной недостаточности. По М. Фуко, не может быть сомнений в том, что «более уже невозможно устанавливать связи механической причинности или идеальной необходимости. Нужно согласиться на то, чтобы ввести непредсказуемую случайность в качестве категории при рассмотрении продуцирования событий» [11, с.93]. Универсально используемая постмодернистскими авторами метафора игры также несет смысловую нагрузку введения в содержание теории идеи случайной флуктуации. По Ж.-Ф. Лиотару, «вопрос заключается не в том, что представляет собой соперник (“природа”), а в том, в какие игры он играет. Эйнштейн отвергал мысль о том, что “Бог играет в кости”. Тем не менее, именно игра в кости позволяет установить “достаточные” статистические закономерности (в пику старому образу верховного Предопределятеля)» [12, с. 155]. Этот поворот фактически изоморфен повороту, осуществленному синергетикой: как пишет И. Пригожин, «для большинства основателей классической науки (и даже Эйнштейна) наука была попыткой выйти за рамки мира наблюдаемого, достичь вневременного

мира высшей рациональности – мира Спинозы. Но существует более тонкая форма реальности, схватывающая законы и игры» [13, с. 216].

Разумеется, в этом контексте, невозможна идея однозначного прогноза будущих состояний системы, исходя из наличного ее состояния. По Р. Барту, проблема интерпретации текста является принципиально «неразрешимой», причем данная «неразрешимость – это не слабость, а структурное условие повествования» [14, с. 461].

Вместе с тем, постмодернизм далек от финального отрицания линейной версии детерминизма, речь идет лишь о лишении его статуса тотальности. Так, концепция нонсенса Ж. Делеза открыта для интерпретации в свете сформулированной синергетикой модели соотношения так называемых *детерминистических* и *индетерминистических* участков процесса самоорганизации: смысл и нонсенс как две различных, но равно необходимых грани бытия фактически соотносятся, таким же образом, как линейные и нелинейные *участки процесса* у И. Пригожина, взаимно исключая и одновременно дополняя друг друга [ср. 9, с. 213–217 и 6, с. 228].

Содержательно конституируя новый тип детерминизма, основоположники синергетической концепции двигаются во многом вне философской категориальной традиции, и используемая ими терминология не всегда изоморфно совместима с понятийными средствами философии. Жестко идентифицируя понятие детерминизма с причинностью классического (линейного) типа и отвергая идею принудительной каузальности, представители синергетики отказываются и от самого термина *детерминизм*: речь идет либо о наличии лишь отдельных «детерминационных» участков в общем течении «индетерминационного» процесса, либо в целом констатируется переход современной науки от детерминизма к индетерминизму [7, с. 34, 47].

В рамках российской синергетической школы термин *детерминизм*, сохраняя близость к философской традиции, сохраняет и свой статус (разумеется, при обогащении содержания). Так, по оценке Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова, синергетическое мировидение задает новый образ детерминизма, конституируя своего рода новый тип детерминизма – *детерминизм с пониманием неоднозначности будущего* [15, с. 292-306]. В целом, можно говорить об оформлении в современной культуре такого феномена, как неопредетерминизм или детерминизм нового типа, основанный на теории нелинейности.

Понимание процессов как детерминированных не внешней причиной, но внутренним потенциалом самоорганизации обращает современную культуру к осмыслению все более глубоких уровней структурной организации мироздания, позволяя делать все более универсальные выводы о природе сверхчувственных оснований бытия, выходя на уровень глубинных мировоззренческих обобщений, касающихся самой природы материи и сознания.

Литература

1. Koestler A. The Roots of Concidence. L., 1972. 189 p.
2. Lighthill J. Recently Recognized Failure of Predictability in Newtonian Dynamics // Proceeding of the Royal Society, № A 407. L., 1986. P. 35-50.

3. Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Эйнштейн А. Собр. научн. трудов. Т. 4. М.: Наука, 1967. С. 39-41.

4. Пригожин И. Предисловие редактора английского издания // Баблюяц А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи. М.: Мир, 1990. С. 7-9.

5. Степин В. С. О философских основаниях синергетики // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М.: Прогресс–Традиция, 2007. 592 с.

6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 431 с.

7. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46-52.

8. Лиотар Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании // Философия эпохи постмодерна. Мн.: Красико-принт, 1996. С. 140-158.

9. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. 298 с.

10. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 384-391.

11. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 47-96.

12. Лиотар Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании // Философия эпохи постмодерна. Мн.: Красико-принт, 1996. С. 140-158.

13. Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М.: Мир, 1985. 328 с.

14. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 424-461.

15. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002. 414 с.

Большие данные и смена парадигм социального знания

Платонова С.И.

доктор философских наук, доцент

Удмуртский государственный аграрный университет

(Ижевск, Россия)

УДК 340.08

В статье анализируется формирование четвертой парадигмы социального знания. Особенности четвертой парадигмы является активное использование больших данных, даннофикация социально-гуманитарного знания. Новизна четвертой парадигмы заключается в увеличении количественных цифровых данных о социальных явлениях и акторах. Выявлены основные онтологические, эпистемологические, методологические характеристики четвертой парадигмы социального знания.

Ключевые слова: четвертая парадигма, даннофикация, большие данные, социальная теория

Big data and the paradigm shift of social knowledge**Platonova S.I.***Doctor of Philosophical Sciences
Udmurt State Agricultural University
(Izhevsk, Russia)*

Annotation. The article analyzes the formation of the fourth paradigm of social knowledge. The features of the fourth paradigm are the active use of big data, the datafication of social and humanitarian knowledge. The novelty of the fourth paradigm lies in the increase in quantitative digital data on social phenomena and actors. The main ontological, epistemological, methodological characteristics of the fourth paradigm of social knowledge are revealed.

Keywords. The fourth paradigm, datafication, big data, social theory

В философии и методологии научного знания широко распространенной является теоретическая концепция смены типов научной рациональности, предложенная В.С. Степиным. В.С. Степин различает классический, неклассический и постнеклассический типы научной рациональности, задающие науке соответствующую типологию. Однако во многих исследованиях последних лет утверждается, что современная наука входит в этап четвертой парадигмы научного знания, отличительной чертой которой является объединение эксперимента, теории и моделирования [1]. К особенностям четвертой парадигмы также относится значительное увеличение объемов данных. Наука характеризуется как цифровая: она начинает использовать огромные массивы данных (big data), при этом поток данных непрерывно растет. Подобную трансформацию претерпевают не только естественные науки, но и социально-гуманитарные науки, а также науки инженерного и прикладного характера.

В социальной теории XIX века общество понималось как некая социальная реальность *sui generis*, контролирующая и детерминирующая поведение индивидов (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм). Социальные теории XIX века принято относить к классическому социальному знанию, классической социальной парадигме. С начала XX века основным предметом изучения социальной теории становятся социальные действия и взаимодействия индивидов, а общество понимается как совокупность, результат этих взаимодействий (М. Вебер, П. Бергер, Дж. Мид). Подобные социальные теории относят к неклассическому социальному знанию, неклассической социальной парадигме [2]. В классической и в неклассической социальной теории существует деление общества на два уровня: макроуровень и микроуровень, в которые включаются, соответственно, крупномасштабные социальные структуры и социальные практики индивидов. Задача заключалась в изучении этих уровней и обосновании тезиса, какой из этих уровней является доминирующим и детерминирующим социальную структуру, функционирование и динамику общества.

С середины XX века возникает еще одно направление социального знания, представленное взглядами П. Бурдьё, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса, утверждавшее, что общество – это результат взаимодействия микро- и макро- уров-

ней, социального действия и социальной структуры. Это направление относится к постнеклассической социальной парадигме [2, с. 38]. Несмотря на то, что в постнеклассическом социальном знании дихотомия двух основных уровней социальной реальности снимается, тем не менее, само деление общества на эти уровни представляется очевидным и не оспаривается.

Использование больших данных, их аналитика ведут к изменениям социальной теории, моделей социальной реальности. Можно утверждать, что в социально-гуманитарных науках формируется четвертая парадигма социального знания.

Большие данные ставят перед социальными науками, прежде всего, перед социальной теорией, ряд трудных вопросов, связанных как с методологией социального исследования, так и с изменением социальной онтологии. Д. Бойд и К. Кроуфорд обращают внимание на то, что большие данные во многом являются мифическим конструктом, содержащим предположение, что аналитика больших данных позволит более глубоко и всесторонне исследовать социальные процессы [3]. Однако простота получения больших данных, зачастую являющихся «цифровым следом», «цифровым выхлопом» автоматически не приводит к адекватному изучению, концептуализации социальных процессов, к пониманию социальных паттернов. Действительно, важно не только получить данные с помощью определенных алгоритмов, но и правильно их интерпретировать. При этом большие данные кажутся естественными и неизбежными, однако за этой естественностью могут скрываться как частные интересы крупных компаний, так и саморепрезентация пользователей, социальных акторов.

Претензии к большим данным связаны также с усилением с их помощью социального контроля и возможностью манипулирования общественным мнением. В.В. Мионов поднимает вопросы соотношения реального и виртуального мира, зависимости человека от больших данных и, соответственно, восприятия мира через большие данные, которые могут симулировать, исказить реальную картину мира в интересах владельцев информационных сайтов. Он формулирует новую угрозу, связанную с тем, что «глобальная цифровая пещера может выступить моделью нового тоталитарного общества» (4, с. 18).

Критическое отношение к большим данным в социальной теории возможно с нескольких позиций:

- со стороны информационных технологий и процедур получения больших данных;
- со стороны акторов, производящих эти данные;
- со стороны обществоведов, анализирующих и интерпретирующих эти данные.

В конечном счете, эти вопросы могут быть сведены к самому главному вопросу: можно ли с помощью больших данных получить более полное знание об обществе или это знание окажется всего лишь искаженной картиной социальной реальности?

Мы уже обращали внимание на тот факт, что «появление больших данных и связанное с ними отрицание теории, метатеоретических инструментов возвращает нас к раннему периоду формирования социальных наук, к XIX веку.

При этом утверждалась тождественность общества и социальных структур объектам природы. Логика научного исследования отталкивалась от эмпирических фактов и, далее, двигалась в сторону хорошо обоснованной и эмпирически доказанной теории» [5, с. 16]. Данная методологическая установка реанимируется в начале XXI века в четвертой парадигме социального знания, опирающейся на большие данные. Многие обществоведы полагают, что большие данные – это лучшие данные, отрицая при этом значимость гипотез, теоретических моделей. Трудно согласиться с подобным тезисом. Это весьма сильное утверждение, так как новизна «данноцентричной» науки заключается лишь в увеличении количественных цифровых данных о социальных явлениях и акторах. При этом методологические и эпистемологические стратегии ориентированы на эмпирические методы и индуктивные обобщения, отрицание гипотез и теорий, игнорирование социального контекста, что было характерно для классической социальной науки XIX в.

Большие данные приводят к пересмотру моделей социальной реальности. Новую социальную реальность, складывающуюся под воздействием цифровых технологий и цифровизации общества, некоторые исследователи называют постгуманистической реальностью. П. Тернберг (P. Törnberg) и А. Тернберг (A. Törnberg) подчеркивают незавершенность социальной онтологии, так как социальная жизнь представляет собой процесс, а не фиксированную целую социальную реальность как сумму частей [6]. Общество принципиально не завершено. Эти ученые обосновывают появление цифровой социальной парадигмы. Цифровая парадигма упрощает понимание общества, сближая общество с природными объектами и возрождая тем самым натурализм [6]. Общество становится сетевым, одноуровневым, с множеством одноуровневых взаимодействий. Большие данные анализируют взаимодействия на микроуровне, которые часто приводят к формированию моделей более высокого социального уровня. Следовательно, в центре социальной онтологии оказывается не общество как социальная система, а коммуникации между индивидами, сетевые взаимодействия. Не случайно большое количество публикаций последних лет в отечественной философской литературе посвящено именно изучению социальных коммуникаций индивидов, включая онлайн-коммуникации, формирование виртуальной, сетевой идентичности [7].

Изменения в социальной онтологии относятся также к пониманию социальных акторов, индивидов. Предлагается текучий образ человека, человеческого, подчеркивается взаимосвязь человека и цифровой среды, от которой человек становится неотделимым. Индивиды начинают взаимодействовать с Интернетом, техническими инструментами, что ведет к появлению социотехнических систем, где полноправным участником социального взаимодействия может быть техническая система, машина, робот. Информационная среда с разнообразными технологиями может привести (и приводит) к появлению гибрида «человек-виртуал», homo digital, искусственной социальности [8]. Акторно-сетевая теория говорит об исчезновении границ между фундаментальными дихотомиями, такими, как природа/культура, материальное/нематериальное, структура/действие. В настоящее время проблема взаимодействия и взаимоот-

ношения человека и виртуальных технологий приобретает особую остроту, связанную с вовлеченностью индивидов в информационную среду. Вполне возможно, что амбивалентность сетевого общения, использование всевозможных технических устройств, общение «лицом в устройство» (face into the device) ведет к формированию социотехнической идентичности, к формированию киборга, совмещающего в себе природные и технические свойства. Вполне возможно, что мы стоим перед выбором: или человек будет руководить информационными технологиями, или информационные технологии будут руководить нами.

В заключение обозначим основные выводы. В рамках формирующейся четвертой парадигмы социального знания общество рассматривается как одноуровневая реальность, как социальная сеть, в которой взаимодействуют два фактора: человеческое поведение и техническая составляющая. Онтологическими особенностями четвертой парадигмы являются «снятие» дихотомии макро- и микро-уровней социальной реальности, акцент на незавершенности и одномерности общества, его текучести, изучение взаимодействия индивидов и технических объектов, приводящее к трансформации социальной среды, социальной идентичности, ценностно-целевых установок. Эпистемологическими особенностями четвертой парадигмы являются использование и аналитика больших данных, которые позволяют отслеживать все виды человеческого поведения. При этом необходимо отметить, что все больше исследователей призывает объединить большие данные и малые данные, количественные и качественные исследования. В рамках четвертой парадигмы классическая и неклассическая методология не противопоставлены, а дополняют друг друга. Если за большими данными теряется конкретный человек, уникальное явление, то при изучении частных случаев трудно делать обобщения относительно крупномасштабных социальных процессов, больших данных и величин. Поэтому размер используемых данных должен соответствовать целям и задачам исследования.

Литература

1. Hey T., Tansley S., Tolle K. Jim Grey on eScience: A transformed scientific method // *The Fourth Paradigm: Data-Intensive Scientific Discovery* / Eds: Hey T., Tansley S., Tolle K. Redmond: Microsoft Research, 2009. Pp. XVII-XXXI.
2. Платонова С.И. Наука, парадигма, теория в социальном знании // *Дискуссия*. 2014. № 3(44). С. 35-40.
3. Boyd D., Crawford K. Critical questions for big data: Provocations for a cultural, technological, and scholarly phenomenon // *Information, Communication and Society*. 2012. Vol. 15 (5). Pp. 662-679.
4. Миронов В.В. Платон и современная пещера big data // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 4–24.
5. Платонова С.И. «Четвертая парадигма» научных исследований и социогуманитарные науки // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2020. Т. 23. № 3. С. 7-24.
6. Törnberg P., Törnberg A. The limits of computation: A philosophical critique of contemporary Big Data research // *Big Data & Society*. 2018. Vol. 5. Is. 2. Pp. 1-12. <https://doi.org/10.1177/2053951718811843>

7. Курганская В.Д., Дунаев В.Ю., Сагикызы А. Феномен идентичности в социальном конструировании виртуальной реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 487–499.

8. Лешкевич Т.Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 53-63.

Междисциплинарный подход в методах анализа литературного творчества

Лютова С.Н.

доцент, к.филол.н.

кафедра философии им. А.Ф. Шшикина

МГИМО МИД России

(Москва, Россия)

УДК 130.2

Аннотация: В докладе представлены базовая концепция, цели и методы междисциплинарного подхода в литературоведении и литературно-художественной критике, основанные на теории и психотерапевтической практике юнгианского психоанализа. Филология, глубинная психология и философская антропология объединились в этом подходе, чтобы вскрыть механизмы творческого процесса, а также его задачи, как личностные, так и общекультурные. Отталкиваясь от программных в этой области работ самого Карла Густава Юнга и Эриха Нойманна, методология юнгианского знания о человеке в процессе литературного творчества нашла на рубеже XX и XXI вв. своё актуальное воплощение в архетипическом подходе таких исследователей-постмодернистов, как Джеймс Хиллман, Теренс Доусон и др.

Персонификация и драматизация ментальных феноменов лежит в основе творческого процесса, поэтому такие методы архетипической психотерапии, как амплификация в культурном контексте и «активное воображение» аналитика в процессе создания им критических эссе, применимы в поле виртуального субъект–субъектного взаимодействия «идеального читателя» с «креативной личностью» автора. Именно в этом поле, которое юнгианские аналитики метафорически склонны определять в рамках неоплатонического дискурса, происходит смыслообразование, феноменология же архетипических образов остаётся открытой последующим интерпретациям. Гуманизация наук о человеке и «эстетизация» научного словаря становятся естественным следствием принятия междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: литературное творчество, юнгианское литературоведение, архетипическая теория, Юнг К. Г., Хиллман Дж., Доусон Т., Э. Нойманн, амплификация, активное воображение, смыслообразование.

Interdisciplinary approach in the methods of literary analysis

Liutova S.N.

associate professor, candidate of Philological Sciences

A.F. Shishkin Department of Philosophy

MGIMO-University

(Moscow, Russia)

Annotation: The report presents the basic concept, goals and methods of an interdisciplinary approach in literary criticism based on the theory and psychotherapeutic practice of Jungian psychoanalysis. Philology, depth psychology and philosophical anthropology have combined in this approach to reveal the mechanisms of the creative process, as well as its tasks, both personal and cultural. Starting from the programmatic works of Carl Gustav Jung and Erich Neumann in this field, the methodology of Jungian human science in the process of literary creativity found its actual embodiment at the turn of the XX and XXI centuries in the archetypal approach of such postmodern researchers as James Hillman, Terence Dawson, etc.

Personification and dramatization of mental phenomena is at the heart of the creative process, therefore, such methods of archetypal psychotherapy as amplification and the analyst's active imagination in the process of creating critical essays are applicable in the field of virtual subject–subject interaction of the «ideal reader» with the «creative personality» of the author. It is in this field, which Jungian analysts metaphorically tend to define within the framework of Neoplatonic discourse, that meaning formation takes place, while the phenomenology of archetypal images remains open to subsequent interpretations. The humanization of the human sciences and the «aestheticization» of the scientific lexicon become a natural consequence of the adoption of an interdisciplinary approach.

Keywords: literary creativity, Jungian literary criticism, archetypal theory, Jung K. G., Hillman J., Dawson T., E. Neumann, amplification, active imagination, sense-formation.

Методической основой исследования литературного творчества могут служить принципы, изложенные К. Г. Юнгом в двух основных статьях, посвящённых этой проблеме: «Психология и литература» [6; с. 30–54] и «Об отношении аналитической психологии к поэзии» [5; 313–335]. Только обузданный сознанием мир архетипов, метафор или мифологем служит личностному самоосуществлению художника и способствует, внося вклад в национальную и мировую культуру, самореализации человечества.

По мнению Юнга, эффективности общения с коллективным бессознательным способствует особый архаический тип мышления, основанный на аналогиях и использующий метафорический язык. В современном западноевропейском обществе наличие такого типа мышления у человека определяет, как правило, выбор им профессии в сфере искусства и литературы. В психике таких людей (Юнг определял их как авторов с экстравертированной установкой) художественное произведение возникает как автономный комплекс. Оно является не продуктом осмысления и аллегорического изображения, а самой формой психической активности. Поэт обладает способностью драматизировать и персонифицировать свои ментальные содержания, утверждает Юнг. Сознательная рефлексия может наступить после того, как произведение написано, а может и не наступить вовсе. «Благодаря коллективному бессознательному поэты и ясно-

видцы дают выражение невысказанным чаяниям своего времени и словом указывают дорогу к их исполнению <...>. В этом кроется социальная значимость искусства» [6; с. 28, 46].

Величайшим поэтическим шедевром для К. Г. Юнга оставался на протяжении всей его жизни «Фауст» Гёте. Именно это произведение позволило Юнгу сделать подлинный вклад в теорию литературы: различие «психологических» и «визионерских» текстов (в зависимости от того, что является их источником – сознательный опыт, личное или бессознательное коллективное, а также от того, на каком уровне текст воздействует на читателя). Первую часть «Фауста» Юнг рассматривал как «психологическую», вторую часть – как «визионерскую».

По мнению Юнга, психологический анализ должен быть сосредоточен на самом процессе воображения творца и выявлять психологическое устройство произведения. При этом ключевым вопросом должен быть следующий: какой архетип скрывается за персонажем или сюжетным элементом? Именно в этом отличие юнгианского анализа от традиционно-литературоведческого, с одной стороны, и, с другой стороны, от фрейдистского, занятого раскрытием в произведении биографических коллизий.

Юнговский постулат актуален и в работе постъюнгианцев, что доказывает следующая цитата из статьи юнгианского аналитика литературы: «Глубинная психология аргументирует не от биографического события к тексту, а от текста к его психологическому смыслу, то есть к тому способу, которым текст выявляет специфический комплекс проблем, свойственных «предполагаемому автору» во время написания данного текста» [1; с. 383].

Юнгианской критике и литературоведению были посвящены капитальные исследования: *J. Baird* издал в 1976 г. книгу «Юнгианская психология в критике: Теоретические проблемы»; *B. Knapp* продемонстрировала образцы архетипического анализа в своей работе 1984 г. «Юнгианский подход к литературе»; в 1988 г. *J. van Meurs* и *J. Kidd* опубликовали составленную ими библиографию «Юнгианская литературная критика, 1920–1980» (несмотря на то, что составители библиографии отбирали для неё только работы англоязычных авторов, посвящённые англоязычным же текстам, библиография насчитывает 902 издания); *R.P. Sugg* свою «Юнгианскую литературную критику» – в 1992 г.

Современная архетипическая школа, придерживаясь направления, заданного Юнгом, сама определяет себя не столько как наследница германской традиции (Ницше, Шопенгауэра, Каруса, фон Гартмана, Канта, Гёте, Экхарта), трансформированной Юнгом под восточным влиянием, сколько как наследница средиземноморской культуры мысли, восходящей к Ренессансу и к неоплатонической традиции, к Платону и далее к Гераклиту. Но Дж. Хиллман не склонен вдаваться в метафизику и, в отличие от Юнга, вовсе отказался даже от построения гипотез ноуменального существования архетипов, концентрируясь на феноменальном явлении архетипических образов (в том числе образов художественных). В таком случае критерием «архетипичности» образа выступает ценность, смысл, глубинно субъективный, следовательно – общекультурный.

«Хотя архетипический образ, – обосновывает Дж. Хиллман необходимость эстетической составляющей своей теории, – и представляется макси-

мально насыщенным смыслом, <...> он не даётся просто как откровение <...>. Работа с образом требует наличия эстетической культуры и знания мифов и символов для понимания универсальности образов <...>, требует действий, зачастую включающих лингвистические и фонетические операции, этимологические, а также грамматические и синтаксические эксперименты» [4; с. 70–71]. Смысл образа, как и самого процесса воображения, объективен, однако эта объективность требует пояснения. Последнее же, считает Хиллман, невозможно на языке науки. На рубеже XX и XXI вв. он ратовал за создание «психологизированных» культурологии и эстетики, открытия которых были бы изложены художественным языком – единственно в данных случаях возможным.

Сократ в диалоге Платона «Тэтет» говорит о том, что философия Гераклита, может, и была бы хороша, кабы человек был способен создать язык, текучий и изменчивый, – под стать Гераклитову мирозданию. Хиллман ставит под сомнение сократическую парадигму, утверждая за наукой право на метафору, открывая границы научного в область поэтического. Дело в том, что невозможно получить адекватный ответ на вопросы: «Что означает этот образ, что символизирует этот поворот сюжета?». Суть образов-символов в том, что они, вызванные эмоциями, являются человеку до и вместо, а часто и в обход доступных понятий. Перевод с образного языка *души* в терминологию *духа* (абстрактного мышления) неизбежно обедняет первый, как проекция на плоскость обедняет пространство.

Французский философ Барбара Кассен заявляет, вторя софистам: «Не предсуществующий объект воздействует через посредство слова, но непосредственно само слово создаёт нечто вроде объекта: <...> веру в ту или иную реальность, состояние мира, саму реальность, наконец» [2; с. 46]. Или, перефразируя Горгия Леонтийского, *не критик представляет произведение, но произведение становится тем, что раскрывает критик*. «Сглаживание жанрового различия между литературной критикой и литературой, – пишет Юрген Хабермас, – освобождает критику от необходимости подчиняться псевдонаучным стандартам» [3; с. 199–200]. Поэтому наиболее органичным жанром архетипической (образоцентрической) литературной критики становится эссе, с его трепещущей неопределённостью наброска и, вместе с тем, поистине поэтической точностью схватывания образа, готового ускользнуть, видоизмениться в следующий миг.

Цель архетипического аналитика литературы – не «вскрыть механизм», не перечислить (сосчитать) задействованные поэтом архетипы и обретенные им смыслы, но обнажить само дыхание происходящих за текстом психических метаморфоз. Драматизация и разрешение душевных коллизий автора в диалогах и во взаимодействии персонажей, интерпретация бессознательного как месторождения импульсов смыслообразования – вот столпы юнгианской эстетики.

Новая теория способствовала повышению доверия к исторически сложившимся убеждениям юнгианской аудитории в том, что каждый текст вызывает личностный отклик, что даже такие спорные юнговские концепции, как синхроничность, уже проверены в литературных контекстах. Она также катализировала процесс освобождения академической литературной критики «от вла-

сти царившей на протяжении десятилетий «новой критики», которая была убеждена в автономности языкового произведения искусства и подпитывалась научным пафосом структурализма» [3; с. 199].

Признавая слабость части юнгианских литературоведческих работ и механистичное использование в них психологических схем, можно утверждать, что юнгианская психологическая теория способна обогатить литературоведение и литературную критику глубокими интерпретациями и использованием в литературном контексте таких психотерапевтических техник, как амплификация образов и активное воображение.

Литература

1. Доусон Т. Юнг, литература и литературная критика // Кембриджское руководство по аналитической психологии. М.: Добросвет, 2000. 478 с.
2. Кассен. Б. Эффект софистики. М. – СПб.: Университетская книга, Культурная инициатива, 2000. 252 с.
3. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. 416 с.
4. Хиллман Дж. Архетипическая психология. СПб.: Б.С.К., 1996. 157 с.
5. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. СПб.; М.: Университетская книга, 1997. 544 с.
6. Юнг К. Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1998. 304 с.

Творческий потенциал обыденного опыта

Филипенко С.А.

Кандидат философских наук, научный сотрудник.

Институт философии РАН

Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследована творческая природа практического знания, лежащего в основе обыденного опыта. Показано, что воспроизведение человеком в его практической деятельности социальных образцов приводит к их трансформации, превращению их в компоненты его субъективного опыта и наделянию их уникальными личностными смыслами. В таком качестве они выступают в качестве предпосылок познавательной, в том числе и подлинно творческой, деятельности. Обыденный опыт содержит в себе огромный пласт неявного знания, который в значительной степени определяет творческий процесс.

Ключевые слова: обыденный опыт, практическое знание, творчество, миметический процесс, навыки, ритуалы, неявное знание, социальный опыт.

Creative Potential of Ordinary Experience

Filipenko S.A.

Ph.D. in Philosophy

Institute of Philosophy RAS

Moscow, Russian Federation

Annotation. Creative nature of practical knowledge has been analyzed in this paper. It has been demonstrated that reproduction by a person in his/her practical activity social patterns leads to their transformation into components of his/her subjective experience and endowing them with unique personal meanings. In this capacity, they can be considered to be clues of cognitive, including truly creative, activity. Ordinary experience contains a huge layer of tacit knowledge which largely determines the creative process.

Keywords: ordinary experience, practical knowledge, creativity, mimetic process, skills, rituals, tacit knowledge, social experience.

Социальный характер человеческого знания порождает проблему: какую роль социальный и культурно-исторический опыт играет в индивидуальном творчестве. В процессе усвоения общезначимого знания складывается личностный опыт человека, формируется его знание и практические навыки. Социальный, культурно-исторический опыт пронизывает всю практическую деятельность человека, определяет его повседневный опыт. Обыденный, повседневный опыт индивида, в котором находит воплощение накопленное в его личной биографии и в культуре в целом знание, образует огромный пласт личностного знания. Структуре повседневного опыта посвящены, в частности, исследования в рамках социальной феноменологии, работы А. Шюца [см., к примеру: 1]. В основе нашего обыденного опыта лежит практическое знание, которое преимущественно состоит из автоматизированных, ритуализированных действий. Усваивая образцы социального поведения, мы постоянно воспроизводим их в своей практической деятельности. Как следствие, по большей части выработанные нами социальные навыки превращаются в автоматизированные действия, в ритуалы. Эпистемологический анализ навыков был представлен в главе «Навыки» (“Skills”) основополагающего труда философа и ученого XX в. М. Полани «Личностное знание. На пути к посткритической философии» [2, pp. 51-68; рус. пер.: 3, с. 82-102]. Навыки позволяют нам совершать изо дня в день одни и те же доведенные до автоматизма действия, не прилагая лишних усилий и благодаря этому сохраняя интеллектуальные ресурсы для подлинно творческой деятельности. Казалось бы, рутинная практическая деятельность не имеет никакого отношения к творчеству. Однако представляется, что более тщательное изучение природы и структуры практического знания, лежащего в основе повседневного опыта, даст возможность пересмотреть его роль в индивидуальном творчестве.

Для раскрытия творческой природы практического знания обыденного опыта необходимо изучить механизм усвоения индивидом социального опыта. Так, современный немецкий исследователь К. Вульф обращает внимание на «миметический», подражательный характер процесса обучения, освоения социального опыта [4]. В процессе социализации человек подражает авторитетным людям, воспроизводит принятые в данном обществе социальные образцы, воспринимая их как модель собственного поведения. Однако замечу, что подража-

ние не предполагает простое копирование некоего социального действия. Повторяя ранее совершенное действие, мы порождаем новое действие, происходящее в иной когнитивной ситуации. Усваивая образцы социального поведения, принятые в конкретном обществе нормы, человек встраивает их в контекст своего уникального личностного опыта, наделяет их субъективными, личностными смыслами. Специфика данного процесса заключается в том, что в нем сходство совершаемого действия с образцами социального поведения сочетается с неповторимостью и своеобразием этого действия: «...миметический процесс <...> порождает одновременно и сходства, и различия от ситуаций или людей, которых они затрагивают» [4, р. 255]. Стремясь уподобиться неким социальным образцам, воспроизвести ранее совершенное действие, человек в то же время делает эти образцы частью своего жизненного мира, личностно *переживает* их в своем субъективном опыте. Превращая их в компоненты своего субъективного опыта, он привносит в них новое содержание, в результате чего возникают новые, ранее не существовавшие феномены социальной реальности. Здесь можно вспомнить примеры М. Полани, показывающие, что любое действие человека вносит изменения в существующий социальный порядок. Каждый раз, выбирая по радио станцию для прослушивания, я что-то меняю в существующем балансе культурных ценностей; даже совершая покупку по установленным ценам, я вношу свой маленький вклад во всю ценовую систему [2, р. 221]. Конечно, своей повседневной деятельностью мы не разрушаем существующий социальный порядок, однако развитие общества происходит за счет неисчислимых конкретных действий, которые совершают взаимодействующие друг с другом люди в своей обыденной практике. Воспроизводя в своем внутреннем опыте социальную реальность, делая ее частью своего субъективного опыта, человек разрушает четкую границу между внешним и внутренним: «Столкновение с внешним миром и созидание своего Я происходят в одной и той же системе. Внешний и внутренний миры становятся все более схожими, и их можно переживать лишь в их взаимозависимости» [4, р. 255]. С одной стороны, постижение внешней реальности является условием формирования индивидуальности человека. С другой стороны, сама внешняя реальность существует для субъекта именно в структуре его внутреннего опыта, в своих новых, уникальных воплощениях.

Все сказанное может быть отнесено и к рутинным действиям, ежедневным ритуалам. На первый взгляд, может сложиться впечатление, что в рутинной деятельности не содержится никакого творческого потенциала, в ней никак не проявляется личность человека и не требуется никаких интеллектуальных усилий. Однако представляется, что даже в самых простых действиях может находить выражение личностный опыт человека. Наши ежедневные ритуалы детерминированы как культурно-исторически, так и биографически. Многие привычные для нас виды деятельности приняты именно в той культуре, в которой мы живем. В то же время, усвоив их, мы вырабатываем свой особый способ их осуществления. Из дня в день мы определенным образом совершаем бесчисленное множество однообразных действий, в которых находит выражение наша индивидуальная биография, наш личностный опыт. Конечно, сами по себе эти действия творческими не являются. Однако наша подлинно творческая актив-

ность разворачивается на фоне этой повседневной, рутинной деятельности. Индивидуальное творчество не следует рассматривать в отрыве от духовно-практической жизни человека во всем богатстве ее проявлений.

Обыденный опыт содержит в себе неявные предпосылки осуществляемой субъектом познавательной, в том числе и по-настоящему творческой, деятельности. Как отметил К. Вульф, практическое знание в меньшей степени подвержено рациональному контролю, чем аналитическое знание. По отношению к практическому, ритуальному знанию рефлексия осуществляется обычно в критических ситуациях, когда основанные на нем действия нуждаются в обосновании [4, р. 256]. Преимущественно оно принимается как нечто само собой разумеющееся в качестве неотъемлемого условия нашей активности. Таким образом, практическое знание зачастую может рассматриваться как нерациональный компонент системы личностного знания, благодаря которому познавательный процесс не сводится к конкретным рациональным процедурам. Как следствие, анализ повседневного опыта и лежащего в его основе практического знания позволяет раздвинуть рамки рассмотрения познавательных способностей человека. Разворачивающиеся в творческом акте когнитивные процессы в значительной степени определяются разнообразными компонентами нашего обыденного опыта, выступающими в качестве имплицитных предпосылок этих процессов. Важную роль в обыденном познании играет чувственный, телесный опыт человека. Можно утверждать, что в повседневном познании наиболее ярко проявляются характеристики познания, выделенные в рамках получившего сегодня широкое распространение 4E-Cognition (Embodied, Embedded, Enacted, Extended). В повседневной деятельности человек предстает как активный, телесно воплощенный субъект, погруженный в определенную физическую и социальную среду и использующий те или иные инструменты. Обыденный опыт содержит огромный пласт неявного знания, который является в числе прочего условием творческой деятельности.

Усвоенные человеком навыки и практические знания формируют его неповторимый стиль жизни, определяют его мировоззрение, мышление и восприятие, а они, в свою очередь, влияют как на процесс творчества, так и на его результат. В структуре обыденного опыта в результате взаимодействия его многочисленных компонентов возникают уникальные личностные смыслы, которые и находят выражение в творчестве. Творческие виды деятельности (например, научная или художественная) отличаются от повседневной практики тем, что в них личностные смыслы и переживания воплощаются в той общезначимой форме, которая соответствует нормам и стандартам данного вида деятельности.

Таким образом, я постаралась показать в проведенном исследовании, что обыденный опыт человека обладает творческим потенциалом. Даже в рутинных действиях социальный опыт видоизменяется, наделяется новыми, личностными смыслами, которые могут выступать в качестве неявных предпосылок подлинно творческой деятельности.

Литература

1. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. под ред. Смирновой Н.М. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 1056 с.
2. Polanyi M. Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy. L.: Taylor&Francis e-Library, 2005. P. 352–364. – 493 p.
3. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс. 1985. – 344 с.
4. Wulf C. The Creation of Body Knowledge in Mimetic Processes // Embodiment in Evolution and Culture. Mohr Siebeck GmbH and Co. KG, 2016. Pp. 249-264.

**Антропологизация социально-гуманитарного знания
как возможность его творческого развития**

Петриковская Е.С.

*Старший научный сотрудник, кандидат философских наук, доцент
Институт философии РАН
(Москва, Россия)*

УДК 168.522:009

В статье представлен концептуальный анализ использования антропологического подхода в социальных и гуманитарных науках, рассмотрена его философская составляющая. Проанализированы и выявлены особенности и роль антропологии в современных философских и гуманитарных исследованиях. Представлена современная трактовка антропологии. Антропология как комплексное изучение человека во всем его тематическом и дисциплинарном разнообразии является наиболее динамично развивающейся областью современного социального и гуманитарного знания.

Ключевые слова: «антропология», «антропологический поворот», «антропологизация», «социально-гуманитарное знание», «философская антропология».

**Anthropologisation of social and humanitarian knowledge
as an opportunity for its creative development**

Petrikovskaya Elena

*Senior Research Fellow, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

The article presents a conceptual analysis of the use of the anthropological approach in the social sciences and humanities, and considers its philosophical component. The features and role of anthropology in modern philosophical and humanitarian studies are analyzed and revealed. The modern interpretation of anthropology is presented. Anthropology as a comprehensive study of man in all its thematic and dis-

ciplinary diversity is the most dynamically developing area of modern social and humanitarian knowledge.

Keywords: "anthropology", "anthropological turn", "anthropologization", "social and humanitarian knowledge", "philosophical anthropology".

*XXI век будет веком гуманитарных наук,
или же его вовсе не будет
К. Леви-Стросс*

Автор выше приведенных строк – выдающийся французский этнолог, легенда европейской философии и науки XX столетия большие надежды возлагал на антропологию, позволяющую получить на главный предмет гуманитарных наук «взгляд издалека». И заразил этим младшее поколение исследователей, например, Мориса Годелье, убежденного, что «антропология сегодня важна как никогда» [5] или Клиффорда Гирца, полагавшего, что антропология – это прекрасный способ прожить жизнь. Антропологический взгляд на вещи получает сегодня все большее распространение.

Исследователи «антропологизации» отмечают как ее перспективность, так и методологическую спорность (разбор в статье О. Брейнингер [1]). Прежде всего, обсуждается проблема отсутствия общего языка: «мы не уверены в осуществимости или целесообразности утопического проекта синтезирования общегуманитарного исследовательского поля, формулирования универсальных парадигм и методов “гуманитаристики” [4].

Подобные обсуждения, на наш взгляд, являются очередной волной дискуссии о «конце антропологии». Несколько раньше, с 1980-х гг., представители гуманитарных и социальных наук «вдруг осознали всю фиктивность и идеологизированность "нарративов", созданных западными антропологами» [5, с. 33]. Стала подвергаться серьезному сомнению сама суть антропологии – методология понимания инаковости другого. В то же время, получило широкое распространение утверждение о кризисе антропологии в современной философии, который обусловлен, например, признанием невозможности создания целостной модели человека, способной синтезировать основные философские и научные достижения. Возникают опасения, что антропоцентризм исказит искомую картину мира, что он в корне противоречит современному развитию науки [12, с. 305].

Можно согласиться с Максимом Вальдштейном, что ««антропологическая» (или «антропоцентристская») постановка вопроса грозит исключением важных направлений современной мысли из разговора и игнорированием реальных концептуальных разногласий среди потенциальных участников «поворота» [3, с. 64]. Действительно, свойственный философскому модерну антропоцентризм создает преграды для изучения «ситуации человека», погружает философию в «антропологический сон». Но с его преодолением и провозглашением «смерти субъекта» философия не отказывается от антропологической проблематики, а выводит ее на более грамотный уровень рассмотрения. Ключевой для создателя структурной антропологии К. Леви-Строса тезис о «смерти

человека» означал, что человеческая личность, понятая как автономный и самосознательный субъект, перестает быть основополагающим культурным фактом. Познающий и моральный субъект децентрирован, концепция разума, связанная с ним, развенчана. Субъективность теперь не первична, а представляет собой функцию форм жизни и систем языка. В отличие от картезианского цельного Я, сформировавшегося в процессе саморефлексии и кантианского субъекта, обладающего цельностью самосознания и восприятия окружающего мира, новая трактовка субъекта подает его как результат работы дискурсивных практик.

Л.П. Репина замечает, что несогласие с структуралистским и постструктуралистским подходом часто приводит исследователя к превращению культурно-психологической характеристики индивида или группы в универсальный объяснительный принцип. «В этом случае развенчание позитивистской социально-структурной истории, игнорировавшей субъективный фактор, приводит не к постижению целостной исторической реальности, а к замене ее столь же односторонней феноменологической социально-культурной историей, которая, декларируя включенность объективной реальности в реальность субъективную, ограничивается анализом последней» [11]. В исследовательской практике взаимодополнительность подходов («структурного» и «антропологического» у Л.П. Репиной) сегодня является редкостью, хотя ее невозможность или неэффективность не доказана.

Выход из этих методологических затруднений лежит не в разоблачении антропологии, а в том, чтобы перейти на философский уровень ее рассмотрения.

Философскую проблему человека можно определить как поиск целостности, без которой нет человека, поиск способов подобраться к ней. Это достигается только отказом от заранее ясной сущности человека. Истинная целостность человека, утверждает Мартин Бубер, может быть видима только при совместном рассмотрении всего его многообразия [2, с. 9]. Философу нужно не абстрагироваться от многообразия человеческого, а погрузиться в него. «Признанной философской антропологии следует знать, что существует не просто человеческий род, но и народы, не просто человеческая душа, но и типы и характеры, не просто человеческая жизнь, но и ее возрастные этапы; и лишь исходя из охвата этих и всех других различий, из познания господствующей внутри каждой особенности и между ними динамики и из постоянно нового проявления одного во множестве можно увидеть целостность человека» [там же]. Философской антропологии следует «постоянно проводить различия внутри рода человеческого, дабы иметь возможность *настоящего* обобщения» [там же]. Ей также необходимо «избегать вычленения человека из природы, необходимо сравнивать его с другими вещами, другими живыми существами, другими носителями сознания, чтобы надежно определить его особое положение. И лишь на этом двояком пути различения и сравнения достигает она целостного реального человека» [там же, с. 10].

Антропология все больше осознается как актуальный метод гуманитарного исследования, как умение «видеть глазами другого». Эта исследовательская модель сложилась в XX веке. Немецкий философ Х. Плеснер еще в 20-е годы

XX века отмечал важнейший вклад гуманитарных наук в становление философской антропологии, а также рассматривал условия их плодотворного взаимодействия. «Фундаментальная основа человеческого, неисчерпаемая никакими временными или личностными, расовыми или этническими образованиями, предоставляет историку огромный спектр возможностей толкования» [10, с. 36]. Теперь, по прошествии почти столетия и с учетом наработанного историками опыта, конкретизировать мысль Плеснера можно следующим образом:

– культурно-исторические исследования позволяют дополнить анализ биофизических данных и создать целостную картину человека;

– обеспечивают доступ к чужому сознанию за счет изучения иных времен, мест и культур. «Послекантовской философии пришлось считаться с тем, что все это нисколько не дилетантским и не произвольным образом доступно человеку, и что при желании науки о культуре дают возможность преодолевать границы личности» [там же].

– развивают способность к эмпатии и воображению, тонкое чутье, фантазию и способность вчувствования, делающие нас способными постигать чужое сознание и преодолевать в нас наше собственное переживание.

Науки о человеке расширили кругозор исследователей, позволив им преодолеть созерцательность, а также выйти за пределы собственного ограниченного опыта – на других индивидов и другие сообщества. В гуманитарных науках антропологическое рассмотрение материала показало свою продуктивность. В антропологически ориентированных описаниях истории, культуры, социума на первый план вышли элементарные ситуации и основной опыт, субъективность, понятие культуры и исследование частного случая.

Антропологизация социально-гуманитарного знания принесла изменения в урбанистику, привела к развитию антропологии города. Ее фундаментом является антропологизм, микроурбанизм и междисциплинарность.

Обоснование метода антропологической рефлексии явилось результатом плодотворного взаимодействия философии с социальными и гуманитарными науками. Изменения самой антропологии позволяют ей исследовать новые предметные области, например, конкретный город как контингентный по своей природе комплекс объектности. История этих изменений еще не завершена. Сложность связей между человеком и городом, самая динамика городской культуры требуют постоянного мониторинга и готовности ответить на новые антропологические вызовы.

Историческая антропология, или антропология города, позволяют зафиксировать опыт гетерогенности и несистемности, однако анализировать его, не подгоняя под универсальные антропологические модели, – дело философии, философской или аналитической антропологии. За счет конструктивной критики антропологии и опоре на совокупность методов, использование которых определяется специфическими особенностями существования объекта анализа, появляется также возможность ставить новые вопросы.

Литература

1. Брейнингер О. Картографирование микро- и макро изменений в современной славистике: полемика вокруг «антропологического поворота» // Новое литературное обозрение. 2013. № 4. С. 15-28.
2. Бубер М. Проблема человека: Пер. с нем. К.: Ника-Центр, Вист-С, 1998. 96 с.
3. Вальдштейн М. «Новый поворот... что он нам несет?»: Об антропологизме в гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2012. № 1. С. 58-65.
4. Глебов С., Могильнер М., Семенов А. "The Story of Us": Прошлое и перспективы модернизации гуманитарного знания глазами историков. [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/gleb.html>
5. Годелье М. Антропология сегодня важна как никогда (пер. В. Колесиной) // Социальная антропология во Франции. XXI век / Под ред. Елены Филипповой и Бориса Петрика. М.: ФГНУ "Росинформмагротех", 2009. С. 33-53.
6. Гуревич А.Я. История в человеческом измерении (Размышления медиевиста) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html>
7. Каприо С. Религиозный опыт в русской и западной антропологии // Богословие личности / Под ред. Алексея Бодрова и Михаила Толстолуженко (Серия «Современное богословие»). М.: Издательство ББИ, 2013. С. 28-41.
8. Леви-Стросс К. Социальные науки – это гуманизм. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=188
9. Прохорова И. Новая антропология культуры: Вступление на правах манифеста // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 9-16.
10. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Плеснер Х. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
11. Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в новейшей британской и американской медиевистике. [Электронный ресурс] // Одиссей. Человек в истории. 1990. Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/15_o/di/ssey_1990_06.htm
12. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности/пер. с фр. С. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.

Геологическое познание как предмет исследования герменевтики и нарратологии**Миронов В.А.**

кандидат философских наук
Институт философии и права НГУ
(Новосибирск, Россия)

УДК 165+167+168.52

Предлагается рассмотрение геологии как науки об индивидуальных объектах. В связи с этим предполагается, что наиболее удачными философскими направлениями для изучения геологического познания являются герменевтика и нарратология.

Ключевые слова: геология, философия геологии, герменевтика, нарратология

Geological knowledge as a subject of research of hermeneutics and narratology**Mironov V.A.**

PhD in Philosophy
Institute of Philosophy and Law NSU
(Novosibirsk, Russia)

Consideration of geology as a science of individual objects is proposed. In this regard, it is assumed that the most successful philosophical directions for the study of geological knowledge are hermeneutics and narratology.

Keywords: geology, philosophy of geology, hermeneutics, narratology

В силу того, что на сегодняшний день можно выделить несколько вариантов определения понятия «геология», предлагается рассматривать геологию не как отдельную науку, а как процесс познания, в котором могут переплетаться разные достижения наук о Земле в едином познавательном акте. Такой подход позволит, с одной стороны, избежать узконаправленного понимания геологии, а, с другой, позволит рассмотреть универсальные алгоритмы познания, по которым геолог совершает своё исследование уникальной, сложной и открытой системы – планеты Земля и ее участков.

Исследование уникальных объектов и событий, как правило, не требует поиска и формулировки общих законов, как, например, принято в классических естественных науках – физике и химии. Исследовательская установка на познание уникальных объектов, в свою очередь, требует своего методологического и философского обоснования. Иными словами, нужно дать объяснение, почему исследование уникальных объектов, не требующее поиска и формулировки общих законов, может претендовать на истинное и достоверное знание.

Для обоснования данной позиции обратимся к рассуждениям немецкого философа-неокантианца Г. Риккерта. Согласно Риккерту, «любой объект может быть рассмотрен с точки зрения обоих [двух – В. М.] методов: генерализирующего или индивидуализирующего» [1, С. 187]. Генерализирующее понимание действительности, по Риккерту, оперирует такими понятиями, которые содер-

жат «в себе то, что *обще* всем этим объектам, между тем как индивидуальные различия объектов игнорируются» [1, С. 189].

Цель генерализирующих исследований заключается в том, чтобы изучать повторяемые и регулярные процессы, исходя из которых, можно было бы вывести общий для определенного класса процессов или объектов закон. Стремление к поиску законов, в свою очередь, обесценивает значение индивидуальных особенностей объектов, а также неповторяющихся и необратимых процессов. Следствием отказа от изучения индивидуальных и неповторяющихся объектов, а также сложности отделения важного от неважного, является равнодушие к истории, или – в более широком смысле – к познанию прошлого социума или природы. К объектам прошлого нет непосредственного доступа, что делает невозможным непосредственную проверку утверждений о прошлом. Также неповторяемость событий ставит под сомнение их научную пользу, если под научностью мы будем подразумевать поиск и формулировку общих («генерализирующих») законов.

Противоположностью генерализирующего метода, в концепции Риккерта, представляется индивидуализирующее понимание действительности, которое стремится познать свой предмет исследования «как единое целое, в его единственности и никогда не повторяющейся индивидуальности...» [1, С. 191]. К индивидуализирующему типу знания, по нашему мнению, следует относить геологию, т.к. она имеет целью познание конкретных обнажений или других геологических образований на конкретном участке в пределах только одной планеты – планеты Земля. К «неповторяющейся индивидуальности» геологических объектов мы можем отнести их генезис, размеры, характер залегания, координаты места залегания, особые химические и физические свойства.

Кроме индивидуальности геологических объектов, понимаемых как геологическое тело, мы можем также обратить внимание на индивидуальный, неповторяющийся характер геологических процессов, например, таких процессов, как образование Тибетских или Уральских гор. При объяснении генезиса данных объектов геолог не может руководствоваться исключительно физическими и химическими законами. Объясняя, геолог должен интерпретировать все имеющиеся у него данные, учитывая их контекст, и выстраивать последовательное повествование о том, как этот уникальный, неповторяющийся и необратимый процесс протекал.

Рассмотрение же геологических объектов с позиций генерализирующего метода, т.е. с позиций поиска и формулирования общих законов, игнорируя «неповторяющуюся индивидуальность» каждого геологического объекта и геологического процесса, не позволяет построить геологическую модель или геологическую карту, то есть не позволяет геологу достигнуть своей основной познавательной цели. Поэтому можно согласиться с американским исследователем Фродеманом в том, что «цель геологии [геологического познания – В. М.] не в том, чтобы выявлять законы, а в том, чтобы воссоздать хронику конкретных событий, которые произошли в данном месте (в пределах обнажения, региона или всей планеты)» [2, Р. 965].

Если же обратиться к научным работам (выпускным квалификационным работам, статьям, диссертациям, монографиям) по геологии или геофизике, а также большинства других наук о Земле, то окажется, что каждая такая работа будет сопровождаться уточнением того конкретного геологического района или районов, о которых в данном исследовании идёт речь. Отсылки в названии научных работ в науках о Земле на конкретное месторождение или же на конкретный геологический район являются неотъемлемой частью каждого геологического исследования. Именно такое уточнение и делает работу собственно геологической, а не, скажем, лабораторно-геохимической, где могут стать объектами исследования минералы, произведенные в искусственных условиях, где, соответственно, будут изучаться свойства минералов, а не минералогические характеристики того или иного геологического участка, месторождения.

Следовательно, «индивидуализирующая» информация для геологических исследований не просто важна, а является *основополагающим аспектом* всякого геологического исследования, без чего оно не может считаться собственно геологическим. Иными словами, геологию в этой связи вполне можно назвать наукой об индивидуальных объектах (планете Земля, ее макро-, микрорегионов и т.д.). Вследствие этого видится перспективным использовать опыт философско-методологических исследований гуманитарной истории, в частности, таких «индивидуализирующих» подходов, как нарративный и герменевтический. Каждый из этих подходов изначально создавался как альтернатива естественнонаучной экспериментальной методологии в целях обоснования научности гуманитарной истории и гуманитарного знания в целом.

Нарративный и герменевтический методы – это далеко не единственные методы, которые применяются при исследовании Земли. В процессе геологического познания также активно используются экспериментальные методы, методы моделирования, наблюдения и др. Однако, на наш взгляд, нарративный и, в особенности, герменевтический методы являются основой синтеза методов и достижений разного рода наук, изучающих Землю, вне зависимости от конкретного вида геологических исследований. То есть нарративный и герменевтический методы применимы как в исторической геологии, так и в геологии как учении о полезных ископаемых, в геологии как комплексе наук о Земле, а также в региональном геокартировании.

Литература

1. Риккерт Г. Философия истории // Философия жизни. – Киев: Ника-Центр: Вист-С, 1998. 505 с.

2. Frodeman R. Geological reasoning: Geology as an interpretive and historical science // Geological Society of America Bulletin. – 1995. – № 107, P. 959-968.

Конвергенция паттернов индустрии культуры на основе конъюнкции**Мальшина Н.А.**

кандидат философских наук, доцент

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова

(Город Саратов, Россия)

УДК 130.2

На основании выявленных и статистически подтвержденных данных автором выявлены три пары паттернов современного состояния культуры: «ценность» и «стоимость», «информация» и «знания», «сервис» и «творчество». В результате конвергенции данных паттернов выявляются новые области индустрии культуры и классической культуры. Управлению поддается только блок экономических процессов (индустрии культуры), а на внеэкономические процессы происходит влияние через эти три пары паттернов. Черты и принципы нового смысла индустрии культуры могут оказаться антитезисом, который приведет к новому синтезу на новом уровне осознания культуры. Автору представляется, что именно соотношение паттернов культуры на основе конъюнкции является оптимальными и подтверждает истинность входящих в него сложных суждений. Конъюнкция истинна только тогда, когда истинны оба входящих в нее простых суждения. Состоящее из большего числа простых суждений соотношение паттернов также истинно только в том случае, когда истинны все входящие в нее суждения, – во всех остальных случаях соотношение является ложным. В данном случае – и экономические, и внеэкономические составляющие истины.

Ключевые слова: конвергенция, паттерны, индустрия культуры, конъюнкция

Convergence of cultural industry patterns based on conjunction**Malshina N.A.**

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov

(City of Saratov, Russia)

Based on the identified and statistically confirmed data, the author identified three pairs of patterns of the current state of culture: "value" and "cost", "information" and "knowledge", "service" and "creativity". As a result of the convergence of these patterns, new areas of the culture industry and classical culture are revealed. Only a block of economic processes (cultural industries) can be controlled, and outside economic processes are influenced through these three pairs of patterns. The features and principles of the new meaning of the cultural industry may turn out to be an antithesis that will lead to a new synthesis at a new level of awareness of culture. It seems to the author that it is the ratio of cultural patterns based on conjunction that is optimal and confirms the truth of the incoming complex judgments. A conjunction is true only when both of its simple propositions are true. The ratio of patterns consisting of a larger number of simple judgments is also true only if all the judgments

included in it are true, in all other cases the ratio is false. In this case, the relations are both economic and non-economic components of the truth.

Keywords: convergence, patterns, culture industry, conjunction

Одной из основных проблем в исследовании индустрии культуры в РФ является несовершенство трактовки основных понятий и использования понятийного аппарата. В данном исследовании **конвергенция** автором рассматривается в аспекте индустрии культуры как процесс интеграции традиционных и новых форм культурных процессов, который сопровождается дублированием контента и/или созданием альтернативных форм культурных проявлений. Под индустрией культуры (creative industries) понимается «целый промышленный аппарат по производству единообразных, стандартизированных новинок в сферах искусства, живописи, литературы, кино, являясь, по сути, развлекательным бизнесом, приносящим стабильный и значительный вклад в развитие экономики» [1, с.104].

На основании статистически подтвержденных данных автором выявлены основные понятия современного состояния культуры России: «ценность» и «стоимость», «информация» и «знания», «сервис» и «творчество». Основными понятиями современного состояния традиционной культуры России рассматриваются «ценность» и «знание», «творчество», выполняющими функции производства культурных смыслов. В антиномии с традиционной культурой находятся понятия, выполняющие основную экономическую функцию: «стоимость», «информация», «сервис».

Исходя из этого, автору представляется, что современное состояние культуры может разрушать традиционные истинные ценности культуры и содержать антикультурные смыслы [2]. Автор предлагает определять основные понятия современного состояния культуры как: **ценность** – внеэкономическое понятие, трактующее культуру как систему смыслов; **стоимость** – полностью экономическое понятие, рассматривающее культуру как систему платных услуг направленных на получение прибыли путем тиражирования копий, **информация** – совокупность точных сведений о чем-либо, характеристик объекта в его качественной определенности, **знания** – передача и получение сведений, отношений, необходимых для развития культуры и цивилизации, являясь основой образования, воспитания и обучения, **сервис** – целенаправленный, технологически выверенный процесс профессиональной деятельности, базирующийся на подготовке персонала, предпринимательском расчёте и высокой степени эффективности, направленный на удовлетворение личных и общественных потребностей, **творчество** – процесс создания духовных продуктов, таких как художественные произведения, авторами которых являются писатели, поэты, драматурги, художники, композиторы и т.д., при этом результат их работы во многом зависит от уровня духовно-творческой свободы общества [3].

Экономический компонент должен служить материальной основой для классического компонента культуры, во многом ставя для него новые цели и поднимая его на новый виток спирали развития – через отрицание и хаос.

По аналогии с параметрической моделью Герта Хофстеда [4], в которой различия между культурами можно объяснить на основе четырех параметров оценки, автором для каждого из шести паттернов осуществляется оценка параметров в процентном соотношении по степени выраженности от 100%. Основные характеристики по соотношению понятий *ценность / стоимость* определяются от низкого уровня к высокому уровню по параметрам отношения *ценности* к времени (материальные ценности настоящего, истинные ценности вне времени), рынку (положительное, вне рынка), потребителю (личность, высокообразованная интеллектуально развитая личность) и производителю (пассивный, активный). По параметрам отношения *стоимости* к времени (минимизация периода потребления и производства, максимальное тиражирование копий), рынку (средство получения прибыли, максимизация прибыли), потребителю (источник потребностей / спроса, максимальное удовлетворение потребностей) и производителю (эффективное производство, производство максимума объема продукта культуры).

Основные характеристики по соотношению понятий *информация / знание* определяются от низкого уровня к высокому уровню по параметрам отношения *информация* к времени (краткосрочное, долгосрочное / стратегическое), рынку (ресурсное, потоковое), потребителю (пассивный, активный / соавтор) и производителю (максимизация охвата, массовое/ потоковое). По параметрам отношения *знание* к времени (краткосрочные сведения, фундаментальные/ вне времени), рынку (не учитывается, учитывается), потребителю (интеллектуально подготовленный, интеллектуально развитый) и производителю (достаточного уровня образования, высокообразованный).

Основные характеристики по соотношению понятий *творчество / сервис* определяются от низкого уровня к высокому уровню по параметрам отношения *творчество* к времени (критерий оценки произведения искусств, признание произведения искусств), рынку (испытывает влияние рынка, влияет на рынок / создает новые суботрасли), потребителю (пассивный, подготовленный активный соучастник) и производителю (пассивный автор / копия частичная или полная, активный автор / творец). По параметрам отношения *сервис* к времени (чрезмерный период обслуживания, оптимальный период обслуживания), рынку (частично отвечает требованиям, полностью отвечает требованиям), потребителю (частичное удовлетворение потребностей / спроса, максимальное удовлетворение потребностей / спроса) и производителю (эффективное производство услуг, максимизация прибыли).

При формировании комбинаций понятий путем *конвергенции*, образуется область наложения компонентов. Эта область, учитывающая характеристики всех пар паттернов и может быть *интегральной*. При доминировании в данной комбинации понятий *стоимость, сервис* и *информация* – направленность на регресс / деградация / симуляция; при доминировании понятий *ценность, творчество* и *знания* – направленность на прогресс/развитие. Управлению поддается только экономические процессы, а на внеэкономические процессы возможно влиять только через основные паттерны. В результате, экономические показатели рассматриваются автором как обеспечивающие интеграцию вне эконо-

номических компонентов. Также меняются и экономические компоненты индустрии культуры, естественно испытывая влияние и проникновение составляющих ценностных, творческих компонентов, знания.

В результате *конвергенции* (в медиа-индустрии — процесс интеграции традиционных и новых форм медиа, который сопровождается дублированием контента и/ или созданием альтернативных медиаформ) паттернов формируется *новый тип индустрии культуры* в котором экономические факторы не находятся в приоритетном положении, а именно не материальные факторы определяют направление развития индустрии культуры. В результате конвергенции происходит процесс сближения у элементов разных систематических групп (экономических и не экономических) в связи с приспособлением к сходным условиям функционирования. В данном смысле, конвергенция индустрии культуры и традиционной классической культуры происходит на *организационном уровне* (слияние как внутри одного сектора экономики, так и внутри различных сегментов рынка), так и медийном (новые формы медиа).

Очевидно, что культура, как система отношений, ускользает от какого-либо управленческого воздействия и регламентации. То есть, управлению, как организационно-экономическому механизму воздействия, поддается только *индустрия культуры*. Следовательно, детерминанты управления в экономической плоскости культуры (индустрии культуры), оказывают влияние на культуру и могут быть рассмотрены как культурные паттерны индустриального общества (то есть сложившиеся культурные образцы). Последствием данного процесса управления является уже возможно трансформирующимся содержание плоскости традиционной / классической культуры. Автору представляется, что именно соотношение паттернов культуры на основе конъюнкции является оптимальными и подтверждает истинность входящих сложных суждений. *Конъюнкция* истинна только тогда, когда истины оба входящих в нее простых суждения. Стоящие из большего числа простых суждений соотношение паттернов также истинно только в том случае, когда истины все входящие суждения, во всех остальных случаях соотношение является ложным. В данном случае соотношение, экономические и внеэкономические составляющие истины. При соотношении с помощью операции *дизъюнкция* доминирующим истинным будет одно из составляющих (или экономическое или внеэкономическое).

В результате, наблюдается разнонаправленная динамика современного состояния культуры [5], отражающая глубинные процессы перекодирования самого осмысления окружающей действительности. На первый план выдвигаются не классические культурные ценности, но внутренние принципы организации самого результата, продукта культуры и искусства. Черты и принципы нового культурного смысла могут оказаться антитезисом классическому традиционному пониманию культуры. Это новое, достаточно напряженное поле смыслов и представлений, далеко не всегда поддается чёткому и тем более однозначному словесному определению, но получает уже визуальное воплощение. Количество этих смысловых единиц нестабильно, ситуативно и четко не определено, не образует жесткой системы, полностью укладываясь в философию постнеклассической культуры [6].

Литература

1. Адорно Т. В., Хоркхаймер М. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс. – М.: Ад Маргинем Пресс. 2016. 104 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. М.: Academia, 2004. 788с.
3. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости / Предисловие, составление, перевод и примечания С.А. Ромашко. М.: Культурный центр имени Гете; Медиум, 1996. 240 с.
4. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations. Thousand Oaks CA: Sage Publications. 2001. 616 p.
5. ИНДУСТРИЯ КУЛЬТУРЫ.РФ Показатели эффективности в сфере культуры. <https://индустриякультуры.рф/>
6. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.

О некоторых «штампах» в методологии оценки и классификации наук**Кафаров Т.Э.**

*д. филос. н., проф., зав. кафедрой философии и истории
Дагестанского государственного медицинского
университета, г.Махачкала, Россия*

УДК 168.5

В докладе анализируются устоявшиеся «штампы» обыденного и даже теоретического сознания в оценке науки и научных профессий, которые искажают их подлинное место в обществе и культуре. Это выражается и в отношении лишь некоторых профессий к категории творческих, где не находится место для научных специальностей. Не удовлетворяет нас также и принятая в обществе несправедливая логика отнесения лишь некоторых наук к категории «точных», подразумевая другие науки в неточности. Приводятся также некоторые нюансы различия естественных, технических, общественных и гуманитарных наук с учетом современных инклюзивных социальных и духовных процессов

Ключевые слова: наука; естественные, технические, социальные и гуманитарные науки; классификация; творчество; точность в науке

About some “stamps” in the methodology of assessment and classification of sciences**Kafarov T.E.**

*Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and history,
Dagestan State Medical University, Makhachkala, Russia*

The report analyzes the established “stamps” of ordinary and even theoretical consciousness in the evaluation of science and scientific professions, which distorts their true place in society and culture. This is reflected in the fact that only a few pro-

fessions are classified as creative, where there is no place for scientific specialization. We are also not satisfied with the socially accepted unfair logic of assigning only some sciences to the category of “exact”, implying other sciences in inaccuracy. Some nuances of the distinction between natural, technical, social and human sciences are also given, taking into account modern inclusive social and spiritual processes

Keywords: science; natural, technical, social and humanities sciences; classification; creativity; accuracy in science

Следует заметить, что в обыденном сознании и теоретическом дискурсе из поколения в поколение передаются некоторые некорректные оценочные «штампы», нарушающие строгую дифференциацию в науке, не укладывающиеся даже в установки здравого смысла.

Прежде всего, необходимо выразить свое неприятие не совсем корректной и дискриминационной традицией разделения всех профессий на «творческие» и иные, подразумевая их как бы, «не столь творческими». Такое разделение профессий на «творческие и другие» встречается повсеместно: и в официальных документах, и в повседневном общении; оно подсознательно присутствует даже в оценочных установках ученых и деятелей культуры. Аналогично, подобная оценочная методология распространяется на вузовские и иные профессионально ориентированные образовательные структуры, когда целые факультеты и специальности объявляются творческими, а другие – если не публично и официально, то по умолчанию – не считаются таковыми. Где вы слышали от титулованных, но скромных профессоров физико-математических специальностей, чтобы они определяли свои профессии и предметы как исключительно творческие по сравнению с другими? А вот на факультетах культуры или актерского мастерства это провозглашается чуть ли не ежедневно. Чтобы убедиться в этом, приведу пример интересной и актуальной передачи на НТВ «Место встречи» от 26.02.2021 под названием «Долг Родине», посвященной призыву в современные российские вооруженные силы различных категорий молодежи и праву на отсрочку от призыва в армию. В ней некоторые авторитетные эксперты, в том числе М. Боярский, выразили категорическое несогласие с практикой призыва в армию носителей таких творческих профессий, поскольку это вредит творчеству и культуре, отбирая лучшие годы их «акмэ» на службу. Эта проблему представители так называемых творческих профессий: артистической, музыкальной и иной интеллигенции особенно часто стали поднимать в современных условиях, когда в связи с боевыми действиями в Украине идут известные мобилизационные действия и вырабатывается четкая стратегия и тактика этой деятельности. С изложенной позицией представителей «богемной» культуры категорически нельзя согласиться по целому ряду аргументов.

Во-первых, если считать эти профессии исключительно творческими, то в армию, претендующую на статус флагмана общества, где задействованы передовая наука, техника и технология, они и должны, в первую очередь, мобилизоваться. Ведь российский офицер во все времена считался носителем передовой культуры, духовности, чести и патриотизма.

Во-вторых, не секрет, что и в армии есть немало сфер, где такие творческие профессии востребованы: клубы, театры, ансамбли.

В-третьих, пик творческого подъема приходится на этот возраст не только у некоторых профессий, объявленных творческими, но и у многих других, прежде всего, математиков, программистов и теоретиков-физиков и даже в большей степени, чем у артистов и музыкантов.

В-четвертых, в таком изначальном отнесении одних профессий к творческим, других – нет, имеется несправедливая дискриминация наук и профессий, представители которых заняты своим делом и не кричат о своей творческой избранности. Разве работа талантливого сборщика космической техники или виртуоза-токаря и фрезеровщика является менее творческой и не столь востребованной? Особенно в современных условиях, когда резко возрастает потребность в инженерно-технических науках и профессиях.

И, наконец, в-пятых, наличие моментов творчества выражает, скорее, отношение конкретного человека к своей работе, а не его профессиональную «богоизбранность». В любой профессии есть люди творческие, а есть «ремесленники»; работа артиста, музыканта и хореографа не является исключением. Поэтому речь должна идти о творческом подходе в любой профессии, а не об изначальном разделении профессий, специальностей и факультетов на «творческие» и другие. Хотя, я допускаю, возможно, что творческий момент у разных профессий различен, но он непременно присутствует.

В качестве «философского» аргумента носители такой установки на разделение наук и профессий на «творческие» и иные приводят цитаты из работ Аристотеля, особенно из «Метафизики» и «Никомаховой этики» где, действительно, в зависимости от выполняемых функций науки разделяются на *творческие* (поэтика, риторика, диалектика); *практические* (этика, политика, медицина, астрономия) и *теоретические*, или *созерцательные* (логика, математика, физика) [1, т.1, с.182; 2, т.4, с.173-178].

Необходимо напомнить о недопустимости абсолютизации и тем более – переноса в современные условия подобной классификации, поскольку хорошо известно, что истинное в конкретно-историческом смысле может быть ложным в абстрактно-логическом аспекте и наоборот. Это означает, что в тех культурно-исторических условиях, когда вся научно-познавательная стратегия находилась «под властью» умозрительной философии и диалектики, такая дифференциация наук и подобное понимание соотношения теории и практики были оправданы, но перенос такой оценочной матрицы на современную научную картину мира ничем не оправдан.

Тем более, сам Аристотель прямо указывает на трудности и даже на принципиальную невозможность строгой систематизации и классификации наук и построения строгой их иерархии, поскольку каждая из них обладает специфическим предметом и логико-семантической структурой. В отличие от своего учителя Платона, согласно которому все знание образует строгую систему, иерархию и субординацию, на вершине которой находится знание об идее всеобщего блага, Аристотель считал, что науки не сводимы к одному единственно-

му роду и знаменателю. Невозможен даже переход от одной науки к другой, даже в смежных предметных областях [3, с. 313-314].

Можно умозаключить, что, согласно Аристотелю, творчество является эффективным механизмом соединения теоретических и практических наук; первые в его классификации занимают верховный статус, поскольку они дают знание о причинах и началах, направляющих весь познавательный процесс. Вторые же, в свою очередь, где вектор познавательного интереса идет как бы в противоположном направлении: от следствия к причине, при условии их правильной теоретической обеспеченности, являются производителями творческого начала в человеческой деятельности.

Еще один оценочный штамп, за которым нет серьезного содержательного смысла, связан с разделением всех наук на «точные» и другие, которые, естественно, понимаются как «неточные» или «не совсем точные». Если бы это была только метафора, образно разделяющая естественные, общественные и гуманитарные науки, то, пожалуй, с этим можно было бы согласиться. Но речь опять-таки идет о совершенно серьезном и принципиальном их различии, узаконенном на официальном и научно-теоретическом уровне, что зафиксировано в большинстве энциклопедических изданий. Так, в Википедии подчеркивается, что точные науки (Exact sciences) – отрасли науки, в которых изучают количественно точные закономерности и используются строгие методы проверки гипотез, основанные на воспроизводимых экспериментах и строгих логических рассуждениях. К ним относятся: математика, физика, химия, информатика, технические науки, а также некоторые разделы биологии, психологии и обществоведения, которые могут быть как фундаментальными, так и практическими.

Таким точным наукам, где ответом являются конкретное число, цифра, символ, код, форма, фигура противостоит большинство общественных и гуманитарных наук, в которых ответом на поставленную задачу является многозначность решения (духовная глубина мысли, разнообразие, красота и т.д.) [4].

Со многими приведенными аргументами и критериями точности в науке трудно согласиться. Приведем некоторые возражения:

1) Если в качестве такого критерия понимается точность измерительных приборов, которыми пользуются многие естественные и технические науки, то следует вспомнить об ограниченности пределов точности у любых приборов, что, кстати, отмечают на них.

2) Если же под критерием точности понимается строгая доказательность постулатов и отсутствие недоказанного, эмпирически неподтвержденного и гипотетического знания, то и это не совсем убеждает, поскольку такое знание есть в любой науке. Пожалуй, в естественных науках его даже больше, чем в общественных и гуманитарных науках.

3) Если же под этим критерием понимать однозначность формулировок и одномерную метрику истинности, то и это совсем нас не удовлетворяет, поскольку неклассическая и постнеклассическая наука показывает универсальный релятивизм, дуалистические и плюралистические картины бытия, многозначность естественнонаучных формулировок и различные матрицы истинности в науке.

4) Если же под критерием «точности» понимается объективность, то есть независимость от человека результатов естественных наук, то и это совсем неубедительно, поскольку опять-таки неклассическая и постнеклассическая наука доказывает принципиальную субъектность нашего знания, неустранимость субъекта из познавательного процесса.

Во-первых, эту принципиальную субъектность естественнонаучного познания убедительно доказала специальная теория относительности, которая показала, что человек, субъект, исследователь составляет внутренний момент не только гуманитарного знания, но и естественнонаучного познания. Огромное методологическое и мировоззренческое значение теории относительности заключается именно в том, что она доказала неразделимость объективных механизмов познавательного процесса от его субъективных сторон. Ведь теория относительности потому так и называется, что вводится в познавательный процесс наблюдатель, точка отсчета, от которых в существенной степени зависит картина действительности. В одной точке отсчета – одни параметры, в другой – совершенно другие. Таким образом, обнаруживается, что субъект составляет внутренний момент любого познания. А под объективностью знания подразумевается не его независимость от субъекта, а несколько иные характеристики знания, связанные с его содержанием.

Во-вторых, еще более убедительно принципиальную субъектность познания показала квантовая физика, которая доказала, что субъект, наблюдатель вообще не устраним из познавательного процесса. Следовательно, квантовый объект не может быть рассмотрен сам по себе, независимо от субъекта, подобно матрице классической физики, а только в неразрывном единстве с субъективными составляющими познания.

Следовательно, граница между субъектом и объектом в познании становится условной, относительной, а сами эти категории образуют уже не бинарные оппозиционные отношения, а взаимообусловленные части целостной системы.

Необходимо заметить, что, отмеченная выше субъективация знания охватывает не только естественные, но и технические, инженерные науки, где также, в зависимости от меры присутствия в знании субъекта, выделяются классическая, неклассическая и постнеклассическая этапы или парадигмы развития:

а) классический этап развития технического и инженерного знания связан с изобретательством, конструированием и проектированием в условиях машинного производства, где субъект выведен за пределы технической системы;

б) неклассический этап, связанный с возникновением *системотехнической деятельности и проектирования*, когда возникает потребность в новой профессии – инженера-системотехника, способного интегрировать в целостную систему ранее раздробленные виды деятельности. Специалисты по философии техники выделяют «горизонтальную» и «вертикальную» структуры такой системотехнической деятельности:

– горизонтальная соответствует типам компонентов и аспектов системы (создание машинных блоков, проектирование системы «человек-машина», разработка экономических, организационных и социальных аспектов системы);

– вертикальная соответствует общей последовательности работ системотехнической деятельности (инженерное исследование, изобретательство, проектирование, конструирование, изготовление и внедрение, эксплуатация) [5, с.184].

Таким образом, отмеченное горизонтальное измерение инженерно-технической деятельности показывает, что осуществляется также достаточно интенсивная субъективация инженерно-технических наук. Системотехнику не случайно считают высшей формой технической и инженерной деятельности, поскольку она в качестве своей главной задачи ставит обеспечение интеграции частей сложной системы «человек-техника» в единое целое.

в) постнеклассический этап развития технического и инженерного знания, связанный с *социотехническим и инженерно-психологическим проектированием*, где основное внимание уделяется не машинным компонентам, как в системотехнике, а социально-психологическим, экологическим, эргономическим и эстетическим характеристикам техники. А это совершенно иной уровень присутствия субъекта в научно-технической деятельности и, как отмечают исследователи, «социотехническое проектирование – это *проектирование без прототипов*, и поэтому оно ориентировано на реализацию идеалов, формирующихся в теоретической или методологической сферах или в культуре в целом» [5, с.187].

Сказанное разрушает традиционную метрику разделения естественных, технических, социальных и гуманитарных наук и традиционную автономию и дихотомию субъекта и объекта в познавательном процессе. Объектом проектирования здесь становится уже не изолированный технический объект, а индивидуальная и коллективная человеческая деятельность, где гуманитарные механизмы являются столь же приоритетными, как и инженерно-технические факторы.

Таким образом, подтверждаются пророческие слова К. Маркса из «Экономическо-философских рукописей 1844 года» о стратегическом векторе развития всей науки будущего, которые упорно не хотели признавать ни технари, ни гуманитарии: «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание; это будет одна наука» [6, с.124]. Это, во-первых.

Во-вторых, отмеченная субъективация технического и инженерного знания, присутствие в нем гуманитарных, психологических и аксиологических измерений показывает, что традиционное разделение наук на естественные, технические, социальные и гуманитарные, на науки о природе и науки о человеческом духе, не удовлетворяет нас в полной мере, поскольку этот самый «дух» имманентно присутствует в структуре всякого знания.

В-третьих, из сказанного следует, что нас не удовлетворяет в полной мере также традиция в философии науки и техники, идущая еще от неокантианцев, согласно которой социально-гуманитарные науки, в отличие от естественных и технических, имеют ценностное, аксиологическое измерение, поскольку это не совсем подходит для современной парадигмы взаимодействия науки, техники и человека. Связано это с тем, что современная организация всей науки и техники

непрерывно предполагает наличие такого человеческого, гуманитарного и аксиологического измерения. Это, в свою очередь, порождает потребность в поиске иных *неаксиологических* критериев разделения наук на естественные, социальные, гуманитарные и технические.

Известно, что такой, *неаксиологический* критерий дифференциации наук был предложен Баденской школой неокантианства в первой половине XX в. (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) на основе разделения всех наук, использующих номотетические, генерализирующие познавательные механизмы, ориентированные на общие закономерности бытия, и науки, основанные на идиографической методологии, описывающих единичные, неповторимые процессы [7, с. 141-143]. Но и такая дифференциация естествознания и гуманитарных наук по критериям генерализации суждений не укладывалась в предметные области многих научных дисциплин. И, как отмечают многие аналитики, любой метод может быть рассмотрен с точки зрения номотетического, генерализирующего и индивидуализирующего содержания: речь идет о взаимосвязи этих двух методов при преобладании одного из них [8, с.54]. И, как отмечает А.Ф. Зотов, Риккерт не утверждал, что противоположность наук и их методов является жесткой. Во всяком случае, в ряду естественных наук имеются такие, которые занимаются единичными объектами: например, геология или география. В какой-то мере это относится и к социально-гуманитарному познанию, среди них также есть такие, как социология и антропология, которые практикуют генерализирующий метод [9, с.9].

Таким образом, попытка неокантианцев предложить более универсальный неаксиологический критерий различения наук не увенчалась успехом: оказалось, что оценка имеет место и во многих науках, которые нельзя относить к гуманитарным. Поэтому сами неокантианцы впоследствии предложили следующую классификацию наук:

- генерализирующие, но не оценивающие науки (классическое естествознание);
- генерализирующие и оценивающие науки (экономика, социология, антропология и др.);
- индивидуализирующие, но не оценивающие науки (геология, география, эволюционная биология и др.);
- индивидуализирующие и оценивающие науки (история).

Данная классификация нам представляется вполне корректной и методологически ценной, так как позволяет непротиворечиво упорядочить науку, ее предметные области и осуществить их спецификацию.

Литература

1. *Аристотель*. Метафизика. // Аристотель. Собрание соч. в 4 томах, 2-е изд., доп. Т.1. Ред. В.Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
2. *Аристотель*. Никомахова этика// Аристотель. Собрание соч. в 4 томах, 2-е изд., доп. Т.4. Ред. В.Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1983. С. 53-295.
3. *Асмус В.Ф.* Античная философия. Учебное пособие. Изд.2-е, доп. М.: Высшая школа, 1976. – 543 с.

4. Точные науки. - URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (Дата обр. 13.05.2023).

5. *Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. – М.: Гардарики, 1999. – 400 с.

6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Соч., 2-е изд. Т. 42. С. 41–174.

7. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – 413 с.

8. *Хусточкина А.Н.* Взаимоотношение естественных и гуманитарных наук в неокантианстве// Гуманитарные и социальные науки. 2011. №5. С.49-57.

9. *Зотов А.Ф.* Генрих Риккерт и кантианское движение //Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. С. 3-12.

Секция V. Философия, методология, междисциплинарность: перспективы гуманитарности в науках о человеке

Гуманитарность: философия и наука, методология и история

Гуманитарность в современных науках о человеке

Киселева М.С.

Доктор философских наук, профессор
Институт философии РАН
Москва, РФ

УДК 168.522

Гуманитарность, в которой знание центрировалось вокруг человека, закрепляясь в языковых, текстовых, социально-психологических, коммуникативных, включая управленческие, и других культурных средах, и формировало предметные области исследований в гуманитарных науках, оптимистически оценивалась еще на рубеже XX–XXI вв. Присутствие человека, его бытия и ценностей определяет «антропоцентристскую ориентацию» познания — термин, которым академик В.С. Степин актуализировал присутствие гуманитарности в науке. Эта ориентация к концу XX в. расширила пространство междисциплинарности как ресурса проективной деятельности ученых, синтезируя изучение человека и в гуманитарных, и в естественных науках. Именно в этом пространстве далее на основе достижений технауки родилась новая реальность «трансформаций человека» — его биоприроды, вытеснение его деятельности в искусственный мир (ИИ, роботизация, цифровизация и т.п.), социальной управляемости, грозящей потерей идентичности и др. Автор формулирует актуальную, но противоречивую задачу и в границах научного познания, и в практиках меняющегося социума: как и в каких формах возможно сохранение гуманитарности в техногенном проекте современной цивилизации.

Ключевые слова: гуманитарность, человек, науки о человеке, технологии, междисциплинарность, культура.

Humanitarianism in modern human sciences

Kiseleva M.S.

DSc in Philosophy, professor
RAS Institute of Philosophy
Moscow, Russia

The paper considers humanitarianism, in which knowledge was centered around a person, fixed in linguistic, textual, socio-psychological, communicative, including managerial, and other cultural environments, and formed the subject areas of research in the humanities, was optimistically assessed at the turn of the 21st century. The presence of a person, its being and values determines the «anthropocentric orientation» of knowledge – a term that V.S. Stepin actualized the presence of humanitarianism in science. This orientation by the end of the twentieth century. expanded

the space of interdisciplinarity as a resource for the projective activity of scientists, synthesizing the study of man in both the humanities and the natural sciences. It was in this space that, on the basis of the achievements of technoscience, a new reality of «human transformations» was born – his bionature, the displacement of his activities into the artificial world (AI, robotization, digitalization, etc.), social manageability, threatening the loss of identity, etc. The author formulates an actual, but contradictory task both within the boundaries of scientific knowledge and in the practices of a changing society: how and in what forms it is possible to preserve humanitarianism in the technogenic project of modern civilization.

Key words: humanitarianism, human, human sciences, technologies, culture.

1. Гуманитарность³⁴ в современных науках о человеке со всей очевидностью стала серьезной проблемой как в широкой ее репрезентации, так и в узко-профессиональном понимании. Более общий аспект проблемы – современный характер воздействия технауки на социум и культуру, подчинившей человека его продуктивно/вещному интересу. Маркер этого воздействия — снижение значимого статуса гуманитарных наук и востребованности специалистов данной области знания. Анализируя общие проблемы философии науки, академик В.С. Степин обращал внимание на социогуманитарные науки, на их место среди других наук. Опираясь на расширяющуюся информационную платформу получения научного знания, он замечал, что любое знание добывается человеком, осваивается и применяется им, а также экспертируется в соответствии с логикой самосохранения человека и человечества. Полагаю, что мы вправе понимать область знания как пространство гуманитарности, которое определил еще Аристотель, характеризуя человека и природу его познавательной деятельности. «Все люди, – писал философ, – от природы стремятся к знанию» [1]. Проявление единства социально-гуманитарных наук Степин видел в характере познания, направленного на самого человека. В формах и видах его деятельности как процесса, продукта и отношения реализуется также и способность рефлексировать специфику методов этих наук.

2. Важно понять, что именно резко изменилось в феномене гуманитарности с начала XXI в. Актуально ли сегодня вообще интересоваться гуманитарным знанием и тем более искать в научном информационном поле современного мира его место?

Стремительное развитие нейронауки на основе успехов новых технологий — именно она претендует на главное место в системе современных когнитивных знаний — позволяет вмешиваться в природу человека, трансформировать ее. Вопрос в том, насколько сегодня процесс *стремления к знанию* обусловлен самой природой человека и какие именно ее качества поддерживают стремления к искусственным преобразованиям его собственной природы, кон-

³⁴ Гуманитарность в классическом варианте концептуализирует целостность человека как существа природного, стремящегося через познание к овладению природой в процессе создания мира культуры. Являясь жизненно необходимым атрибутом человека, она включает гуманистические ценности, гуманитарное образование, нравственную ответственность, свободный выбор и права человека.

струируя искусственный интеллект (ИИ). Останутся ли знания результатом приложения сил, которыми обладают люди по своей природе, как считал Аристотель, или, будучи считаны с природных процессов и технологически преобразованы, они станут результатом работы программы ИИ? Если верно последнее, то гуманитарность как своего рода «естественный атрибут» человека и человеческого сообщества постепенно потеряет свое значение.

3. Важно понимать перспективы последнего варианта. Широкий спектр проблем в этом направлении обсуждается в научных сообществах, в сюжетах видеопродукции и т.п. Ученые и философы активно включены в дискуссии, в центре которых не столько судьба гуманитарных наук и гуманитарного знания, сколько сам феномен человека и гуманитарности как атрибута, связывающего людей в социальные и культурные сообщества. Проблема важна и для представителей разных религиозных конфессий. Заметим, что Степин писал в своих работах о необходимости расширения диалога науки и религии в современной культуре [2]. Сегодня в обсуждении перспектив гуманитарности в междисциплинарном контексте наук о человеке востребована религиозно-философская наука как междисциплинарная область знания, ибо разговор о «постчеловеке» идет вслед за расширением пространства «постхристианства» в современном мире. В обсуждении этой проблематики активно включаются и богословы. Участие других конфессий также важно и необходимо. Характеризуя новый *постнеклассический* этап в развитии научного знания, В.С. Степин писал о необходимости диалога науки и религии, преодоления «полной автономии и самоценности научных исследований» [2, с. 259], что особенно относится к гуманитарным наукам и гуманитарности в целом.

4. Модели будущего человека с конца XX в. по настоящее время множатся, обрстая практиками его «усовершенствования», проектами трансгуманизма, дискурсами будущего человека, причем уже ближайшего будущего. Одна из моделей гуманитарной науки представлена в книге-манифесте известного советского, а затем американского философа-постмодерниста, филолога и культуролога, профессора университета Эмори (США) М.Н. Эпштейна «Будущее гуманитарных наук. Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века» [3]³⁵. Автор предлагает «расширить» феномен человека на все, что он сотворил, в том числе и на то, где он «кончается» как организм и активный субъект. Свою теолого-теоретическую конструкцию он калькирует с сотворения Богом человека, по завершению которого Он передает человеку в дар кенозис (греч. κένωσις – опустошение, истощение; от κενός – пустой) – способность к самотрансценденции, перенесению «своей сущности в нечто радикально отличное от себя» [3]³⁶. Опустошение человека, как далее понятно, приводит к наполнению созданных им внебиологических (искусственных) объектов.

³⁵ Книга на англ. языке, вышедшая в 2012 г. является, надо полагать, переводом с русского Игоря Ключанова и его же редактуры [4].

³⁶ Толкование автором кенозиса в теологии: «самоопустошение Бога, сначала творящего отдельный от Себя мир, а затем умяляющего Себя вплоть до принятия человеческого облика» [3].

5. Эпштейн называет новое «дисциплинарное поле» (!), в которое должна превратиться гуманитарность, – *гуманология (humanology)*. Это не «постгуманистика». Речь идет не о том, что человек закончился, а о том, что он существует в других, «внебиологических формах», которыми полон мир техники. Такие объекты автономны, независимы (или почти независимы) от человеческой деятельности. И здесь автор опять проводит параллели с учением авраамической традиции об автономности человека. Естественные законы природы и свободная воля человека реализованы гуманологией самоотчуждением человека в создание «самодельствующих кибернетических существ и искусственного разума» [3]. Вдохновившись Божественным творением/кенозисом, автор строит цепочку «творческих эстафет» от Бога к человеку, а от человека – к искусственному разуму. «Теория» позволяет понять, почему признание автономности будущих высокоразвитых киборгов не уменьшает роль человека. Автор использует доказательство по аналогии: автономия и свобода человека не означают в изначальном варианте отрицание роли Творца. Догмат о Троицизме, как и привязка человека к свободной воле Бога-отца через жертву Сына, – свидетельство неотъемлемой свободы человека. И тем неожиданное звучит вывод: «...признание возможной автономии и даже “своеволия” киборгов может углубить наше представление о человеке, проложить новые пути гуманизму. Вывод автора: гуманология так же относится к постгуманизму (философии смерти человека), как теология – к атеизму (философии смерти Бога)» [3].

6. Что есть *гуманология*, и каковы новые пути к гуманизму, то есть сохранению и расцвету гуманитарности в эпоху нового техночеловека как продукта технаук? Эпштейн предложил гуманитариям включиться в процессы изобретения нового мира, освобождая творчество от его познавательных гуманитарных характеристик. Его понятие *гуманитарное изобретение* как «новая гуманитарная идея» включает в себя «средства ее воплощения в виде культурных практик, интеллектуальных движений, творческих организаций и форм сотрудничества» [6, с. 23]. Гуманитарные изобретения – область культуры, включающая язык, литературу, искусство, философию, религию, психологию, культурологию. То есть они покрывают собой старые гуманитарные дисциплины, в основе которых, как определяет автор, лежит *сочинительство* – создание «единичного, завершеного в себе текста <...>, стремящегося к его совершенству», в то время как *изобретательство* — стремление «создать ранее неизвестный принцип или идею, на основе которых можно производить множество разных сочинений» [6, с. 26]. Предлагаемые сферы изобретательства вынесены в название книги о будущем человека: креаторика, эротология, электронная филология и др. Автор указывает на парадокс: интеллектуальный настрой современной Академии как институции «враждебен гуманитарному изобретательству, хотя задним числом оно оценивается весьма высоко <...>. Однако сам конструктивный импульс изобретательства препятствует его интеграции в академической среде» [6, с. 31]. Возражение этим «находкам автора» мы находим в рациональных рассуждениях академика В.С. Степина, который остается в области наук и не может быть согласен с подменой гуманитарных наук на «сочинитель-

ство», оставаясь ответственным профессионалом за осмысление происходящих процессов

7. В книге «Цивилизация и культура», обсуждая познавательные силы современного человека, Степин пишет о постоянном усложнении им своего мира. Человек «все чаще вызывает к жизни такие силы, которые он уже не контролирует и которые становятся чуждыми его природе. Чем больше он преобразует мир, тем в большей мере он порождает непредвиденные социальные факторы, которые начинают формировать структуры, радикально меняющие человеческую жизнь и очевидно ухудшающие ее» [2, с. 100]. Однако для того, чтобы противодействовать этим процессам, человеку кроме рационального знания и дальнейшего его развития не на что опереться. По мысли Степина, именно гуманитарность позволит не отказаться от технотехники, а придать ей «гуманистическое измерение» и найти способ для создания нового типа научной рациональности, где гуманитарность, как можно понять, останется внутренним компасом человеческого бытия.

Литература

1. *Аристотель*. Метафизика / пер. и примеч. А.В. Кубицкого. М.–Л.: Соцэкгиз, 1934. 348 с.
2. *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
3. *Эпштейн М.Н.* Будущее гуманитарных наук. Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. М.: Рипол Классик, 2019. 192 с.
4. *Epstein Mikhail*. The transformative Humanities. A Manifesto. Bloomsbury Academy / Translated and edited by Igor Klyukanov. 2012. 318 p.
5. *Эпштейн М.Н.* Лекция 6 о техногуманизме. Судьба человека в технический век // *Эпштейн М.Н.* Будущее гуманитарных наук. Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. URL: https://ripol.ru/company/press/25960.html?search_str=%D0%9D%D0%B5%D1%82+%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE+%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0&series=-1&nbid=4&PHPESSID=893rjltkdr59smaeub8j2omlo4&start=0 (дата обращения: 05.06.2023).
6. *Эпштейн М.Н.* От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.

Феномен науки и научного познания в творчестве

Владимира Бибикина и Сергея Хоружего

Агапов О.Д.

Доктор философских наук, профессор

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова

Казань, РФ

УДК 167.1

Цель доклада – дать первичное описание-контур философско-антропологического подхода В. Бибикина и С. Хоружего к проблематике философии и методологии науки, прояснить основные сюжеты их науковедческого интереса, а также наметить векторы дальнейших перспективных философско-методологических исследований, способных раскрыть новые грани науки как антропологической практики человеческого рода, направленный на конституирование и институализацию структур бытия.

Ключевые слова: Владимир Бибикин, Сергей Хоружий, наука, научное познание, антропологические практики, полнота бытия, событие, смысл жизни.

Science and scientific understanding within the works of Bibikhin and Khoruzhy

Agapov O.D.

DSc in Philosophy, professor

Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova

Kazan, Russia

The paper aims to give a preliminary description of philosophical and anthropological approach of V. Bibikhin and S. Khoruzhy towards philosophy and methodology of science, show their main topics of interest and further possibilities for philosophical and methodological research which will be able to reveal new aspects of science as anthropological practice directed at constituting and institutionalizing the structures of being.

Key words: Vladimir Bibikhin, Sergey Khoruzhy, science, scientific understanding, anthropological practices, the fullness of being, co-being, meaning of life.

Одной из ведущих линий осмысления как для Владимира Бибикина, так и для Сергея Хоружего выступала тема диагностики кризиса современной антропологии, а также аналитика сценариев развития человеческого рода в будущем. Например, монография Хоружего «Социум и синергия: колонизация интерфейса» (2016) полностью посвящена изучению антропологических трендов человеческого рода в ситуации цифровой трансформации и экологического кризиса. В сборнике «Фонарь Диогена» (2010) он писал, что «синергичная антропология складывалась под влиянием двух противоположных факторов, древности и современности: опыта древних духовных школ и традиций и сегодняшних, злободневных запросов ситуации человека. Отслеживание этих запросов, анализ новейших антропологических явлений и трендов всегда остается одной из ее центральных задач» [1, с. 767].

Определение оснований и пределов научного *познания* для этих философов являлись *способом саморефлексии*, а потому обретения собственной профессиональной идентичности. По своему образованию Бибахин – филолог, а Хоружий – математик, однако их профессиональная деятельность расширилась в сферы философии, богословия, социально-гуманитарных наук, в каждой из которых они получили признание. В разные годы в их ближайший круг общения входили Сергей Аверинцев, Ольга Седакова, Олег Генисаретский, Николай Мухоморов – в своем личностном генезисе *люди науки, искусства и литературы*. Буквально всё: и стиль мышления, и уровень, и характер ведения дискуссий, и формы и методы аргументации, и анализ практик социального действия были академическими. Каждый, кто вовлекался в этот круг, проходил школу классического, неклассического и постнеклассического научного мышления, набирал практику анализа сложных открытых самоорганизующихся систем. Задача доклада – дать пропедевтическое описание-контур подходов Бибахина и Хоружего к проблематике *философии и методологии науки*, прояснить основные сюжеты их науковедческого интереса, а также наметить векторы дальнейших перспективных философско-методологических исследований, способных раскрыть новые грани науки как антропологической практики человеческого рода, направленной на конституирование и институализацию структур бытия.

Проблемы генезиса научного познания и вопрос многообразия функций науки в структурах социального бытия Современности/общества Модерна и др. будут в фокусе внимания доклада. Согласно реконструкции истории антропоформаций Хоружего, институализация науки происходит в исторический период между Возрождением и Просвещением. Именно тогда, в XIV–XIX вв., на смену Человеку онтологической эпохи приходит Безграничный человек, чье бытие конституируется *этосом* научности. «Безграничный Человек – Декартов субъект познания, живущий в Декартовых координатах», его «формация целиком базируется на абсолютизации разума, своего рода культе разума. Именно разум осуществляет отношения человека с мирозданием. И чтобы это отношение было конститутивным для человека и обладало бы всеми нужными свойствами, разум человека должен быть конститутивен, а, кроме того, бесконечен и всемогущ, хотя бы в потенции» [1, с. 646].

В концепции Бибахина наука относится к практикам «ранней стражи», начало которой можно отнести к эпохе античности. Например, «философия – это ранняя стража, которая имеет дело с судьбой человека и человечества в виде странных теоретических вопросов, не имеющих отношения к жизни». Дисциплина ума – *схоле* – в ситуации «сдвига» необходима для решимости на *«рискованный поступок* целиком отдаться делу без оглядки на выгоду», для собранного, «чистого внимательного – вбирающего – присутствия», где «свобода и сосредоточенность вместе» [2, с. 155]. «Наука, – утверждает Бибахин, – как мысль, как поэзия, как хозяйство, как власть движутся полнотой человеческой захваченности» [2, с. 343]. Наука, как и философия, и религия, дает навыки методологии, особенно необходимые человеку там, где настроение подъема или момента трансценденции пройдет. Дело в том, что для Бибахина бытие челове-

ческого рода – это всегда становление, экстаз, требующий не только своей манифестации, но и закрепления, разворачивания, до-определения. Искусство человеческой жизни состоит не в избегании роста жизни, а в ее поддержке, развитии, доведении до смысла, до энтелехии.

Однако пренебрежение методологией, «захваченность захватом мира» не дает человеку удержаться в ситуации «сдвига», оставляет в его памяти амбивалентный образ. С одной стороны, это «*блистающая молния*», божественное, сакральное, мистическое, а с другой – это болезненное ощущение немощи, «провала», тяжести и надломленности. Он специально оговаривает, что «встреча с предельным» без школы «*ранней дисциплины*» губительна для человека и общества, причем как на соматическом, так и психодуховном уровнях. К сожалению, Бибахин констатирует, что «полноте понимания всегда открыта вовсе не полнота события мира, а *мера* – нашей “уже-не-готовности его принять”», порождая в бытии человеческого рода стратегии «наверстывания упущенного» [3, с. 257]. Драма человеческого бытия состоит уже в том, что «захват мира» произошел до нас, в первом акте антропогенеза, и нам остается «*поспеть к нашему опозданию*» [3, с. 269] путем трансцендентального усилия/усиления, состоящего во внимании к раннему (Хайдеггер), молнии (Гераклит), априорному (Кант), миру (Шопенгауэр), Богу (св. Григорий Палама). В частности, тему *обожения* Бибахин трактует как тему «упущенной полноты бытия», напоминая нам, что «*исихазм шире паламитизма*», ибо стремление быть со Христом/во Христе есть уже у апостолов, у Святых Отцов Церкви. Он пишет: «Опыт расставания с действующим, действующим, горячим Богом, *порыв остановить уход* такого Бога – это настоящая суть паламитского догмата... Он стало быть в своей невысказываемой предпосылке – тревожное опасение, что Бог может ускользнуть, человек остыть» [1, с. 134].

Итак, важность философии, богословия, науки, способов хозяйствования, стратегий управления состоит, помимо прочего, в том, что в своих принципах, формах знания, категориях весь теоретико-методологический аппарат необходим для поддержания уровня развития человеческого рода. Ибо человек как духовное существо не способен жить только природой, каждый шаг человека как личности – это *прорыв*. К нему необходимо быть готовым, чтобы в какой-то момент предстояния перед предельным институализировать политику и культуру, экономику и религию, науку и технику – все эти *уделы* человеческого бытия. В частности, история как собранность выступает практикой спасения от раздирающих человека страстей, его *апокатастасисом* [3, с. 207].

Ситуацию предстояния перед трансцендентным Бибахин обозначает понятием *сдвига*. Он создает «ззор» или «просвет» в жизни человека, позволяя ему увидеть *различия* в мире. Искусство различения оказывается для него способом *от-ст-от-я-ни-я* себя от неподлинного и практикой *причастности* себя подлинному. Причастность переживается человеком как предстояние великим, большим, сильным – Богом, на(род)ом, идеей, бытием, Универсумом [3, с. 55].

Стояние в «ззоре», предстояние перед целым миром порождает интенсивность внутренней жизни, выступает залогом для «осуществления человека,

не когда-то, *а сейчас*). Одновременно событие «сдвига» дает импульс к различению и тем самым – к конкретности, открывая человеку *ценность дисциплины* (в мышлении, поступках).

Итак, и Хоружий, и Библихин – яркие представители *антропологического подхода* в философии и методологии науки, сложившегося в этой сфере философского познания в 1970–1980 гг. Изучение науки как сферы социально-антропологической и духовной практики развивали М.К. Мамардашвили (трактат «Стрела познания»), В.С. Библер, В.С. Степин, Л.А. Микешина, А.П. Огурцов, В.М. Розин. Сегодня в русле данной методологической стратегии ведут свои исследования В.Н. Порус, И.Т. Касавин, Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина. В контексте антропологического поворота в философии и методологии науки феномен науки выступает одной из *практик* (наряду с философией, религией, искусством) *предстояния* человека себе/миру/Богу. Субъект науки – это не только «когнитивная машина» и «наблюдатель», но и личность, способная быть причастным бытию существом, не имеющем «калиби в бытии» (по М. Бахтину).

Познание реальности человеком – это *пограничная ситуация* введения в мир нового знания и закономерностей. Умение сосредоточиться на главном – это важнейшее искусство ученого. Библихин был убежден, что «научное открытие – не снятие вопросов, а *усовершенствование их архитектуры*, отпадение многих старых, но появление еще большего числа новых, с большей тонкостью, с высшей остротой» [3, с. 146].

Научное познание дает человеку – субъекту научно-исследовательской деятельности – экзистенциальное осознание *исполненности* жизни. История философии, история науки, история религии, история искусства, история как *творчество* рассматриваются Библихиным как *аналитика* человеческого существования, как время поиска *полноты бытия*, как обретение опыта вне *опоздания* к празднику жизни, жизни как цветения, жизни как успеха (от успеть, стать, воплотиться). В человеческой жизни он видит два уровня: «*время нужды*» и уровень «*времени поиска полноты бытия*». Научное познание как форма антропологической практики сочетает в себе три *оправдания/осмысления*: онтодицею, антроподицею и теодицею. Ученый, исследуя природную и социальную реальность, открывает для себя перспективу видения себя в соотношении с такими феноменами, как Универсум, Бытие, Бог. Отказываясь от личностного, ученый производит акт *отказа от самого себя*. Хоружий описал поведение человека, отказывающегося от экзистенциального существования, термином «латон» (от греч. – *lathon*, «скрывающийся», «замыкающийся от бытия») [4, с. 58]. В рамках существования человека-Латона формируются целые сообщества и идеологии, избегающие трансценденции, практикующие именно «*забвение*», «*затемнение*». Хоружий отдельно разбирает типы социально-антропологического поведения Латона (латонов). Он опознает Латона в поведении людей авторитарно-тоталитарных политических режимов, в структурах деятельности людей общества потребления [4, с. 59].

Ученые, отказывающиеся от критерия истины, предметности и проблемности научного познания, движутся по сценарию Латона, превращая науку в имитацию сущего. Иначе говоря, научное познание может стать как практикой

обогащения (Человек как сообщество топик), так и практикой безумного производства «ублещенных» образов мира и человеческого бытия, *инструментом этаназиса* человеческого рода.

Важность философско-гуманитарного наследия Библихина и Хоружего для философии и истории науки, отмеченная в заключение доклада, проясняется в том, что мышление ученого (так же как философа, верующего, поэта и т.д.) – это всегда опыт трансценденции, требующий мужества поиска истины, дисциплины или аскезы ума. Искусство научного познания состоит в *pretворении* как экзистенциальных, так и социально-исторических интенций в ясную *научно-исследовательскую программу*.

Исследуя экзистенциально-антропологическую сущность процесса научного познания, мы приходим к тому, что оно стремится не только удостоверить бытие, *обнаружить* его проблемы, но и *утвердить веру и надежду* человека на лучшее бытие, где есть место истине, смыслам, ценностям, свободе, дружбе, справедливости, пониманию, творчеству.

Литература

1. Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте / отв. ред. С.С. Хоружий. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 960 с.
2. Библихин В.В. Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2010. 485 с.
3. Библихин В.В. Пора (время-бытие). СПб.: «Владимир Даль», 2015. 365 с.
4. Хоружий С.С. Как обходиться без бытия, или механика Латона // Вопр. философии. 2013. № 10. С. 50–66.

Исторические типы научной рациональности В.С. Степина и философия как строгая наука Э. Гуссерля

Шиян А.А.

Кандидат философских наук

Российский государственный гуманитарный университет
Москва Россия

УДК 1(091)

Философия сознания Э. Гуссерля рассматривается с точки зрения исторических типов научной рациональности В.С. Степина. Автор обосновывает тезис, что Гуссерль разрабатывал «философию как строгую науку» в основном в рамках неклассического типа рациональности, в соответствии с которым он обращает особое внимание на средства исследования объекта и формулирует идеалы собственной деятельности. В современную эпоху постнеклассической рациональности была выявлена их социальная природа как институциональных норм академической научности.

Ключевые слова: исторические типы научной рациональности, сознание, метод, идеал, Степин, Гуссерль.

Historical types of scientific Rationality by V.S. Stepin and philosophy as a strict science by E. Husserl

Shiyan A.A.

*PhD in Philosophy
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia*

In the text E. Husserl's philosophy of consciousness is considered from the point of view of historical types of scientific rationality by V.S. Stepin. The author substantiates the thesis that Husserl developed «philosophy as rigorous science», mainly within the framework of a non-classical type of rationality. According to which he pays special attention to the means of object research and formulates the ideals of his own activity. In the modern era of the post-nonclassical type of rationality, their social nature has been revealed as institutional norms of academic scientific character.

Key words: Historical types of scientific rationality, consciousness, method, ideal, Stepin, Husserl.

Вячеслав Семенович Степин выделил три исторических типа научной рациональности: классическая (соответствующая классической науке), неклассическая (соответствующая неклассической науке) и постнеклассическая [1, с. 286–290].

Эдмунд Гуссерль в начале XX в. разрабатывает проект философии как строгой науки, в основе которой должно лежать феноменологическое понимание сознания [2]. Задача доклада – рассмотреть гуссерлевский проект философии как строгой науки с точки зрения выделенных Степиным типов рациональности.

Классический тип рациональности, в основе которого лежит элиминирование всего, что относится к субъекту познания, лишь отчасти представлен в гуссерлевском подходе к изучению сознания. Несмотря на то, что феноменологические исследования сознания основаны на личном опыте, Гуссерль полагает необходимым условием достижения знания редуцирование всего психического, мимолетного, субъективного и случайного в сознании. Гуссерль во введении в первую книгу «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» определяет феноменологию как науку о сущностях, а не о фактах сознания [3, с. 20–21]. Интересно отметить, что концепт сущности и связанные с ним выражения «сущностная интуиция» и «сущностные свойства» являются одними из основных терминов феноменологии Гуссерля. Термин «сущность» имеет явные метафизические коннотации и возможно поэтому практически не используется в современных исследованиях по философии науки и эпистемологии. Тем не менее Степин использовал концепты «сущность» и «сущностные связи» для характеристики теоретического уровня исследования [1, с. 194–196].

Однако сказать, что Гуссерль работает в рамках классического типа рациональности, нельзя, прежде всего потому, что классический тип рациональности не подразумевает рефлексии над средствами и операциями познающего

субъекта. Гуссерль же не просто изучает сущностные феномены сознания, но и специально рассматривает методы их изучения. Речь идет в данном случае об эйдетической редукции и о сущностном созерцании.

Можно отчасти утверждать, что Гуссерль развивает свой проект философии как строгой науки в рамках неклассического типа рациональности, в котором эксплицируются средства познания объекта. Гуссерль практически во всех своих работах обосновывает и разрабатывает методы собственного исследования сознания. К ним относятся прежде всего эпохэ и редукция, сущностное созерцание (сущностная интуиция) и интенциональный (рефлексивный) анализ. Именно в сущностной интуиции, как считает Гуссерль, усматривается основное свойство сознания – интенциональность [4, S. 14].

Гуссерль оценивает разрабатываемую им методологию исследования сознания в соответствии с неклассическим типом научной рациональности как условие достижения истинного знания. Он считает, что только феноменологическая методология позволяет постичь подлинные сущностные свойства сознания. И при этом Гуссерль отрицает возможность изучения сознания с помощью других средств, которыми пользовались его современники. Речь идет прежде всего о так называемых эмпирических психологах.

Гуссерль как бы забывает, что интенциональность вовсе не была им впервые усмотрена в сущностной интуиции, а была воспринята от своего учителя Ф. Brentano, который ввел интенциональность как характеристику основного свойства психических феноменов. И именно это понятие интенциональности развивал Гуссерль в собственных исследованиях. Так, в Пятом «Логическом исследовании» он вполне в духе Brentano выстраивает иерархию интенциональных переживаний (актов) сознания. В отличие от Brentano, для которого основополагающим психическим феноменом являются акты представления, Гуссерль в основание сознания кладет объективирующие акты, к которым относятся в том числе и акты восприятия.

Собственный вклад Гуссерля в понимание сознания обусловлен прежде всего тем, что он понимал сознание как познающее, причем объекты познания могут быть трансцендентны сознанию. Исходный познавательный акт для Гуссерля – это акт восприятия, поскольку в нем предметы (в широком смысле) могут быть даны так, как они есть в действительности. В этом случае для характеристики интенциональности важен не только предмет, данный сознанию, но и предмет, который при этом подразумевается. Гуссерль фиксирует этот момент уже в Первом «Логическом исследовании», различая, во-первых, акт, предмет и значение, во-вторых, интенцию значения и интенцию осуществления значения. Подразумеваемый предмет при этом определяет актуально данный предмет, накладывая некоторые ограничения на саму данность предмета. Речь идет о том, что процесс данности (восприятия) предмета протекает в зависимости от того, какой сущностный тип предмета подразумевается. Так, пространственно-материальные предметы мы, согласно Гуссерлю, воспринимаем не так, как живые организмы, и не так, как людей в качестве социальных личностей. Гуссерль делит во второй книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» действительность на три региона (материальные вещи, живые ор-

ганизмы и социальные личности), каждому из которых соответствует свой тип данности предметов и свои сущностные закономерности. Позже Гуссерль пишет также об эстетическом регионе, регионе нравственности, регионе права и т.д., однако их детальной проработкой не занимается.

В связи с заявленной темой важно обратить внимание, что один и тот же предмет может восприниматься как предмет разных регионов. Например, человека мы можем воспринимать на приеме у врача как некий живой организм, а в ходе повседневной коммуникации – как личность. Этот выбор определяет сознательные инструменты, которые будут задействованы в том или ином случае, и, соответственно, определяет категориальный аппарат и конкретизирует методы, которые требуются для изучения сознания. Так, при исследовании восприятия Другого человека Гуссерль вводит особого типа редукцию – примордиальную редукцию – и понятие аналогизирующей апперцепции для характеристики этого процесса. Следовательно, можно сделать вывод, что Гуссерль развивает проект феноменологии в рамках неклассического типа рациональности, в рамках которого эксплицируются связи между средствами изучения объекта и знаниями об объекте. При таком взгляде, ситуация в феноменологии напоминает ситуацию в квантовой механике. Если мы исследуем восприятие человека как материального предмета, то в поле нашего внимания не попадают все особенности восприятия живого человека и человека как личности, мы их редуцируем.

При этом Гуссерль также размышляет об ответственности философа-ученого, прежде всего перед самим собой, в деле достижения истины. Именно эта ответственность заставляет его проводить бесконечные уточнения собственных достижений и постоянно проводить разъяснения собственной позиции. Для этого философу, как и любому другому ученому, требуется «одиночество душевной жизни», предоставляющее свободу внутренних размышлений. Другими ценностями, которыми осознанно руководствовался Гуссерль в собственных исследованиях, является недопустимость скептицизма и борьба с ним, а также необходимость передачи собственного учения, в ходе которого ученик прикладывает собственные усилия и является активным воспроизводителем [5, с. 66–69]. Однако Гуссерль не рассматривал эти ценности в социальном аспекте и не обращался для их обоснования к внутренним научным отношениям. Это также характерно для неклассического типа рациональности, в рамках которого не предполагается анализировать связь между ценностями, которыми ученый руководствуется в собственном творчестве, и институциональными социальными нормами. Но это не означает, что этих связей не было. Их рассмотрение и анализ осуществляется исследователями третьего, постнеклассического периода рациональности. Так, В.А. Куренной в статье «Уединение университетского философа» [5] показывает, что идеалы науки, которые Гуссерль считал необходимыми для себя и которым неуклонно следовал, являлись институциональными научными нормами XIX – начала XX вв. Именно поэтому современники критиковали феноменологию Гуссерля за что угодно, только не за стремления к истине «в одиночестве душевной жизни», не за борьбу против скептицизма и психологизма, и не за стремление к методам активного обучения своей фило-

софии. Эти нормы были впервые декларированы в работе Вильгельма фон Гумбольдта «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине» и к концу XIX – началу XX вв. стали само собой разумеющимися для немецкого академического сообщества. Но только сегодня, в эпоху постнеклассической рациональности эти нормы и их связь с конкретными научными (и философскими) исследованиями стали предметом самостоятельного изучения.

В заключение хочу заметить, что, как было показано в данном сообщении, концепция трех типов рациональности Степина позволяет осуществить более глубокий анализ феноменологии Гуссерля путем выявления историко-социального контекста науки его времени.

Литература

1. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техник: учебное пособие. М.: Контакт-Альфа, 1995. 384 с.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. С. 185–240.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга 1. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
4. Husserl E. Ding und Raum. Vorlesungen 1907 // Husserliana XVI. Herausgegeben von Ulrich Claesges. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1973. 432 S.
5. Куренной В.А. Уединение университетского философа // Логос. 2007. № 6 (63). С. 63–74.

Историческая память vs коллективная память в концепции М. Хальбвакса

Пилюгина М.А.

*Кандидат философских наук
Институт философии РАН
Москва, Россия*

УДК 165

Историческая память является особой формой осмысления прошлого, обращенной к социальным, культурным, историческим содержаниям. Отсутствие ее общепотребительного определения свидетельствует не только о междисциплинарном характере проблемы, но и о сложности понимания ее специфики и критериев выделения. Для данной цели проанализировано соотношение исторической и коллективной памяти в концепции М. Хальбвакса.

Ключевые слова: память, воспоминание, субъект, опыт, событие, смысл, понимание, историческая память, коллективная память, прошлое.

Historical memory vs collective memory at the conception of M. Halbwachs

Pilyugina M.A.

PhD in Philosophy

*RAS Institute of Philosophy
Moscow, Russia*

Historical memory is a special form of comprehension of the past, addressed to social, cultural, historical contents. The absence of its commonly used definition indicates not only the interdisciplinary nature of issue, but also the difficulty of understanding its specifics and criteria for identification. For this purpose, the correlation of historical and collective memory in the concept of M. Halbwachs has been analyzed.

Key words: memory, remembrance, subject, experience, event, meaning, understanding, collective memory, historical memory, past.

Несмотря на актуальность и множество исследований по проблеме исторической памяти, вопрос о ее понимании как особой форме осмысления прошлого остается открытым. Самое общее определение соотносит ее с формированием, сохранением и передачей знаний о прошлом [1]. При этом смысл и содержание понятия «историческая память» часто используется в синонимичном или близком смысле понятию «коллективной памяти». В связи с этим важно рассмотреть одну из первых концепций – Мориса Хальбвакса, выдающегося социолога XX в., ученика Э. Дюркгейма. Разрабатывая проблематику социальных групп, институтов, отношений и их функций, он с необходимостью обратился к близким категориям из смежных дисциплин — экономике, истории, психологии и др.

Опыт занимает одно из центральных мест в работах Хальбвакса. Объектом социологии для него являются коллективные способности и факты когнитивной, ментальной природы – восприятие, представление, мышление, память, эмоции, сознание и т.д. В отличие от коллективной психологии, где исследуются групповые и социальные всеобщности – представления, их проявления в разных сферах жизни и формах деятельности, – социология рассматривает идеи и механизмы их формирования, включая индивидуальные и ситуативные аспекты. Такая социологическая рефлексия направлена на коллективное сознание и мышление, являющиеся органическим продуктом «социальной солидарности» субъектов, которые ими обладают; она включает элементы психологические и морфологические, то есть представляющие внешнюю форму соответствующих институтов (традиции, регламенты и материальные атрибуты) [2]. Такое организмическое понимание предполагает изменчивость и подвижность, в том числе вызванные временными или пространственными факторами.

Психологические аспекты занимают важное место в концепции памяти Хальбвакса, напрямую связанной с пониманием и теми факторами, которые способствуют его наступлению в процессе социальной жизни субъекта. Он анализирует два ее типа – индивидуальную и коллективную. Находятся они в постоянном взаимодействии: с одной стороны, индивид, являясь представителем социальной общности, остается уникальной личностью, дополняя общее содержание памяти, которая определяется социальными рамками понимания; с другой стороны, в самопонимании и самоидентификации в процессе жизни он

опирается на представления и смыслы, сформированные группой, к которой он принадлежит. В этом смысле индивидуальные, коллективные образы и представления могут иметь как персональный, так и безличный характер. Границы их подвижны, хотя характер знаний отличается. Личная память автобиографична, создает внутренние опоры человека, она ярче, насыщенней, имеет эмоциональное значение, в то время как коллективная, представляя группу, является внешней, более широкой, отстраненной, схематичной и описательной. Последнюю Хальбвакс, наряду с социальной, определяет в том числе и как историческую.

Коллективная память организуется благодаря социальным рамкам, которые способствуют формированию целостных представлений. Они образуют конвенции, ориентиры понимания и действия, оформляют знания и смыслы, важные для группы, intersubjectивным, типичным, обезличенным и доступным образом – правила, традиции и «формы социального представления, как понятие, схема или символ» [3, с. 116]; помогают направлять и фиксировать на них внимание, обращаясь к необходимым воспоминаниям. Принадлежность к социальной группе не только определяет роль и место в ней индивида, но способствует идентификации себя и других ее членов пониманию и коммуникации. Речь приобретает значение не только естественной когнитивной способности, но в силу своей социальной природы – инструментальное: «речь – это орудие понимания» [3, с. 116]. Конвенции на основе понятий и их комплексов являются устойчивыми базовыми элементами коллективной памяти.

При этом коллективная память невозможна без индивидуальной, так как является результатом соглашений и деятельности ее членов. Кроме того, она не является единой: разные социальные группы имеют разные смысловые рамки в силу их опыта и причастности, которые определяют понимание и важность содержаний. Социальные группы формируются на основании различных признаков – родственные, профессиональные, религиозные, национальные и т.д. Их влияние и вовлеченность в развитие и содержание индивидуальной памяти различно, в том числе по мере взросления и осознанности индивида, но совокупность участия в различных социальных группах определяет ракурс понимания прошлого и создает основы для целостной самоидентификации. Нация является самой широкой группой и в силу включения в нее очень различных общностей (за редким исключением) не имеет прямого влияния, создавая общий контекст понимания. Индивидуальная память начинает взаимодействовать с социальной с момента сознательной коммуникации и вовлеченности в социальное взаимодействие, связанное наличием общих личных историй. Так создаются «коллективные время и пространство и коллективная история» [4, с. 24].

Человек соотносит свои знания и действия по степени сходства и общности с опытом, имеющимся у него и у представителей его группы [3, с. 105]. Социальный опыт и время являются той основой, на которую накладывается индивидуальная память, организуя и в некоторой степени контролируя ее. Хальбвакс отмечает, что переданные данные о событиях, не важно из каких источников – устно, из литературы художественной, научной или периодической, фотографий и т.д. – несмотря на то, что они являются результатами и частью кол-

лективной памяти, без личной связи с ними представляют для индивида внешние, «оторванные» знания. Это пустые рамки, а не память, которая складывается из воспоминаний, представлений, впечатлений, эмоций, и в этом смысле она ситуативна, субъективна и в некотором смысле фрагментарна. Воспоминания становятся образами, обращаясь к уже имеющимся, то есть к прошлому. В этой связи важно значение и содержание знания передаваемого и приобретаемого лично: «Наша память опирается не на выученную, а на прожитую историю» [4, с. 23]. Работа памяти, обращение к прошлому представляют собой реконструкцию, воссоздание, дополнение и обновление воспоминаний как личных, так и представителей наших групп, имеющих связанные личные истории и согласующиеся смысловые основы.

Воспоминания являются живыми, они подвержены изменениям во времени, что расширяет личные горизонты понимания, уточняет, корректирует или восстанавливает связи и смыслы явлений, их содержание и значение. Это происходит в силу причастности к ним как самого индивида, его личных переживаний и опыта, так и других членов группы, которые были их свидетелями и участниками: «Коллективный опыт, гораздо более устойчивый, лучше организованный и гораздо более обширный, чем его собственный» [3, с. 93]. Объединенные и обогащенные таким образом воспоминания представляют динамическое единство, влияя на всю систему и общность воспоминаний о данном предмете, человеке и т.д. Тем самым происходит личный рост и изменение понимания себя. Важным оказывается значение не столько исторически значимых, сколько повседневных событий. Социальные рамки не являются и не воспринимаются как искусственные, они формируются естественно в результате живой истории, в совокупности личного опыта представителей социальных групп.

Проблема памяти рассматривается социологом в соотношении со временем, во взаимосвязи прошлого и настоящего в жизни индивида и группы. Наследование традиций и знаний через поколения определяется вовлеченностью и важностью членов группы для индивида, создавая основы для включения их в память личную. Но они всегда несут и следы своего времени, с одной стороны, обеспечивая преемственность, а с другой – усложняя понимание. При этом Хальбвакс отмечает важность прямого контакта поколений-времен, который осознается человеком только по мере взросления, обращения к воспоминаниям и встречи с опытом, ранее казавшимся внешним и далеким [4, с. 28]. Через них осуществляется связь и передача опыта. Коллективная память жива до тех пор, пока живы носители данных ценностей, идей, моделей деятельности. В зависимости от уклада жизни срок этот разный и может различаться и пространственно. Например, город более динамичен, в то время как в деревнях можно обнаружить действующие социальные рамки и память, которые, казалось, уже остались в прошлом. В переходные периоды, отмеченные изменением общества, социальных групп, институтов, их стремлений, человек может оказаться между различными социальными рамками, которые могут или органично объединиться со временем, наладив диалог поколений, или создавать новую социальную среду.

Таким образом, на наш взгляд, можно увидеть два уровня понимания исторической памяти и истории. С одной стороны, личная история связана и включена в историческую канву реальности, с другой стороны, историческая память не обращена к индивиду, предполагает включение нескольких поколений, она шире по содержанию и значению, представляет собой «багаж исторических воспоминаний», «это заимствованная память, она мне не принадлежит» [4, с. 17]. Событие входит в историческую память, когда оно еще живо в воспоминаниях, даже если его значимость осознается за рамками личных воспоминаний и впечатлений, хотя для осознания и понимания его значения необходимо время. Потрясения разного характера – национальные, социальные, экономические, политические – происходят в истории редко, но они выделяются ярче других событий и в случае, если «одновременно видоизменяют жизнь каждого» [4, с. 40], становятся важным периодом в личной и коллективной истории. Историческая память в форме национальной хранит информацию о специфических чертах и особенностях эпохи, об исторических событиях и фактах. Она может помочь соотносить воспоминания и этапы жизни с важными историческими периодами и явлениями, но остается внешней, не создает целостного контакта и не формирует контекста, достаточного для индивидуальной и коллективной памяти. Такие знания, не являясь результатом индивидуального опыта, могут быть лишь представлены, в то время как воспоминания рождаются из непосредственного переживания. «Коллективная память не совпадает с историей» [4, с. 41].

Литература

1. Грибан И.В. Историческая память как исследовательская проблема: анализ современных подходов // Бюллетень науки и практики. 2016. № 11 (12). С. 334–342.
2. Хальбвакс М. Индивидуальное сознание и коллективный разум // Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000. С. 155–168.
3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр.; вступит. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
4. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50.

Междисциплинарность и дисциплинарность в гуманитарном знании**Междисциплинарность и прорехи нововременной интеллектуальной парадигмы (полюемические тезисы)****Фатенков А.Н.***Доктор философских наук**Национальный исследовательский**Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского**Нижний Новгород, РФ*

УДК 167

Критически рассматривается матрица междисциплинарности и нововременная интеллектуальная парадигма как таковая. В эпицентре критики механистическое сочетание редуционистской простоты и эклектичной сложности. Вычерчивается траектория возможного и желательного перехода к качественно иной, нередуционистского толка интеллектуальной парадигме.

Ключевые слова: междисциплинарность, мета-методология, нововременная интеллектуальная парадигма, редуционистская простота, эклектичная сложность.

Interdisciplinarity and Gaps of the Modern Intellectual Paradigm (Polemical Theses)**Fatnikov A.N.***DSc in Philosophy**Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod**Nizhny Novgorod, Russia*

The interdisciplinary matrix and the modern intellectual paradigm as such are critically examined. At the epicenter of criticism is a mechanistic combination of reductionist simplicity and eclectic complexity. The trajectory of a possible and desirable transition to a qualitatively different, non-reductionist, intellectual paradigm is drawn.

Key words: interdisciplinarity, meta-methodology, modern intellectual paradigm, reductionist simplicity, eclectic complexity.

• Междисциплинарность есть мета-методологический прием и принцип, своего рода инструмент инструментов, претендующий на преодоление затруднений, возникших в ходе актуализации и эволюции нововременной (модерновой) научной парадигмы.

• Модерн (берущийся здесь и далее с включенным в него постмодерном) отказался от присущей традиционной культуре ставки на элитарность, на решающую роль гениев, не нуждающихся для создания шедевров в каком-то инструменталистском подспорье, отличном от эксклюзивно оформляемого содержания в каждом из произведений. Гениальность выказывает себя неповто-

римым стилем – органичным сопряжением того, что сделано, с тем, как это сделано. Новое время подменяет стиль методом – относительно индифферентным к любому содержанию набором достаточно простых приемов, правил и инструментов, – сцепляя его посредством «простоты» с эгалитарной установкой, согласно которой, в частности, в процессе получения и накопления знаний должны быть задействованы все здравомыслящие люди, даже если они и не наделены особыми талантами.

• Тактические успехи нововременной науки (научной рациональности) поначалу скрывали ее фатальный стратегический изъян. Заключается он не столько в априорной исчерпаемости эвристических ресурсов редуционистской простоты (на что паллиативно и среагировала «междисциплинарность»), сколько в заведомой невозможности корректного осмысления и описания собственно научным способом всякого уникального сущего, иначе говоря, всего того, что не является лишь элементом какого-то статистически значимого множества. Прибегнуть к использованию метода, пусть самого тонкого и изощренного, – значит засвидетельствовать неспособность схватить познаваемое сразу и целиком, всеобъемлюще, с нередуционистской простотой. Метод есть пошаговое вспоможение для аналитически (рассечением целого на части) познающего – и одновременно поэтапно-поступательная помеха без каких бы то ни было гарантий ее устранения. Мы никогда не сможем убедиться в том, что в полученном содержательно оформленном знании отсутствуют инструменталистские примеси. Расчет на то, что правильный метод избавит нас от большинства накопленных и приобретаемых заблуждений, оборачивается тем, что к неустранимому «идолу рода» – скорее всего и не являющемуся ни заблуждением, ни огрехом, ни фетишем – подстраивается, и тут уже нет сомнений, идол методологии.

• Научный инструментарий схватывает не само конкретно сущее (вне зависимости от величины ононого), а только отношения между орудийно снятой с него копией и исследователем в одной (случай классической науки) или в нескольких (случай постклассической науки) системах координат. Модерновый методологизм никак не позволит выйти за рамки реляционизма и гегемонии аналитических процедур. Синтез здесь вторичен, реактивен, а по мере нарастания постклассических тенденций он трансформируется в сугубо механистическую сборку и пересборку фрагментарных смыслов, о чем оповещает нас, в частности, акторно-сетевая теория.

• Методологический прессинг особенно досаждал социально-гуманитарному знанию. Инструменталистски ангажированная антропология имеет дело с донельзя редуцированным материалом, с останками человека, с мумией, а не с живым экзистирующим существом. Человеческий индивид сделался рабом орудия, посредством которого намеревался преодолеть свою природную ограниченность. В социальных теориях на место субъекта, инициирующего какие-то отношения и как-то реагирующего на другие, но при этом не отождествляющего себя ни с одними из них, ни с их комбинацией, приходит посредник, медиатор, находящийся в полном подчинении у системы отношений и готовый транслировать любую информацию и любые образцы поведения безотносительно к их содержательному наполнению. И даже если новейшие

теории общества адекватно отображают специфику нынешней общественной практики, пусть адекватность и прячется в них за моделями конструктивистского дискурса, то и тогда возмущает угодничество, с которым социальная наука принимает диктат посредничества, а стало быть, и диктат денег, этого универсального медиатора. Некогда раскритиковав персонифицированный авторитет, нововременная рациональность откровенно пасует перед авторитетом анонимным. Вместо критики новейших форм капитализма (запал критицизма в модерновой рациональности, видимо, иссяк, а скорее, изначально был односторонним и дозированным) на-гора выдаются беззастенчиво конформистские концепции «посткапиталистического» общества. Все они, в статусе сценических актов и эпизодов, без труда вписываются в социальную трагикомедию «Нововременная наука и дух капитализма».

- Само дефисное написание прилагательного «социально-гуманитарное», подразумевающее предметную неудаленность сочетаемых элементов и ненавязчиво рекламирующее принцип междисциплинарности, сегодня воспринимается чуть ли не оксюмороном. Да, всякое гуманитарное знание является и знанием социальным (человек есть существо общественное). Но далеко не всякое социальное знание в свою очередь является гуманитарным. Социальный дискурс все больше и больше превращается в дискурс социально-технический, постгуманитарный. И пусть он опять же адекватен теперешним общественным практикам (хотя бы в определенной их тенденции), удручает безропотность, а то и прямо-таки восторженность, с которой фиксируется пристегивание человека к «умным» машинам и насаждение в обществе электронного крепостного права.

- Междисциплинарность – финальное проявление методологизма модерновой науки. Избыточная аналитичность раздробила научное знание на мелкие, концептуально отгороженные друг от друга фрагменты – теперь их надо хоть как-то соединить в одной интеллигибельной конструкции. Редукционистская простота нововременного инструментария привела к спекулятивной, эклектичного толка сложности изучаемого наукой предмета – и теперь эту надуманную сложность пытаются как-то вместить в другую, не менее надуманную. Востребованность междисциплинарных программ свидетельствует об исчерпанности эвристического потенциала базовой исследовательской парадигмы, сформировавшейся на рубеже XVI–XVII вв. и существующей в нескольких вариациях (классической, неклассической, постнеклассической) по сей день. Метаметодологические притязания междисциплинарности несостоятельны: очевидна фактическая невозможность предъявить подобного рода инструментарий, или хотя бы отдельные инструменталистские схемы, не встречавшиеся ранее в модерновых интеллектуальных практиках. Матрица междисциплинарности не выходит за эвристические рамки принципа дополнительности, который давно осваивается неклассической физикой и еще дольше, как минимум со времен Джорджа Беркли, номиналистической новоевропейской философией. Метаметодологические намерения синергетики – одной системой дифференциальных уравнений описывать динамические системы разного уровня сложности –

ожидаемо оказались несостоятельными. Поле междисциплинарности – это микст редукционистской простоты и эклектичной сложности.

- Относительная ценность междисциплинарной сферы в том, что она накапливает массив критических фактов, никак в нее не встраивающихся, способствуя тем самым возможно и желательному переходу от нововременной к принципиально иной, нередукционистского толка, исследовательской парадигме с приоритетной значимостью в ней макро-уровня сущего. Его тенденциозное сведение к микроструктурам, осуществляемое модерновой рациональностью, оборачивается низведением субъекта к комбинации объективируемых элементов. Психосоматический человеческий организм оказывается лишь формой существования генетической, а в ближайшей перспективе уже и кибергенетической, матрицы. Возможности самого небездушного тела поддерживать и укреплять свое здоровье отставляются в сторону. Карт-бланш получает генная инженерия, победы которой – пирровы победы – оборачиваются трансформацией биосоциального в био-социотехническое с поступательной минимизацией в этом кентавре собственно жизненной составляющей.

- Эпицентром будущего естествознания хочется видеть биологию, свободную от редукционирования живого организма и жизни как таковой к физико-техническим конструктам. Очерченный парадигмальный переход хорошо вписывается в диалектическую триаду: алхимический (химический) остов возрожденческой интеллектуальной матрицы – диктат физики, опрощающей в некотором смысле предшествующие познавательные запросы, в науке Нового времени – гегемония биологии в науках о природе за рамками стандартов модерна и постмодерна. Главенствующая роль нередукционистской биологии позволит обособленно говорить о здоровой иррациональности как высшей точке единения человека и животного. Человеческий разум, не отстраненный от тела и душевных волнений, не редуцированный к исчисляющему мышлению и технической алгоритмике, максимально сближается тут с «элементами сознания» животной особи – не с пресловутым искусственным интеллектом. Попутно в социальных науках жизнь укрепляется в статусе ценности, находящейся в основании любой аксиологической композиции, включая и ту, которая не возводит жизнь (безотносительно к ее конкретным состояниям) на вершину ценностной пирамиды. Экстраполяция принципов социальности на поведение животных не только не умаляет сущности человека (потому как в ней над социальной компонентой надстраивается еще компонента экзистенциальная), но и позволяет прояснить в общественном поведении людей, все ли лучшее они взяли от зверя и от всего ли худшего в нем отказались.

- Здоровая иррациональность, вызревающая по ту сторону всякого механицизма, обогащает человека, освобождая его в повседневной практике от оков бездушного утилитаризма, а в теоретических изысканиях – от ярма бессодержательного инструментализма, что фрагментарно демонстрируется экзистенциальной философией. Относя экзистенциализм к неклассическим философским течениям, надо иметь в виду, что оппозиция классики и неклассики в философии отличается от аналогичной оппозиции в науке и не исчерпывается рамками нововременной культуры. В границах же последней экзистенциализм, дистан-

цируясь как от классического века модерна, так и от состояния постмодерна, явно тяготеет к модернизму, который – творчеством Достоевского, Ницше, Ван Гога, Борхеса – стремился ограничить фанатичный рационализм нефанатичной иррациональностью. Связка экзистенциальной философии с нередукционистской биологией и видится концептуальным ядром интеллектуальной парадигмы, преодолевающей формат парадигмы нововременной.

- Очерчиваемой перспективной стратегии экзистенциального натурализма резонно опереться на приоритет качественных оценок сущего, не нуждающихся в мелочной опеке со стороны количественных показателей. Философия – не озабоченная тем, чтобы угождать модерновому сциентизму, не довольствующаяся ролью мета-методологии и бескомпромиссно отвергающая инноватику трансгуманизма, – защищая человечность, по праву возвратит себе тогда утраченные главенствующие позиции и в познавательных практиках.

**Человек в пространстве города: междисциплинарность
в исследовании городских практик**

Бернюкевич Т.В.

Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский

Московский государственный строительный университет

Москва, РФ

УДК 130.2

Актуальность темы исследования определяется рассмотрением городских практик как механизма реализации социальной активности человека в пространстве города. Определены основные направления исследований города, акцентируется внимание на подходах культурной географии, выявляющей пространственные социокультурные характеристики города. Показано, что анализ современных социальных практик города как целостной системы функционирования городов, определение их идейно-ценностных оснований, рассмотрение направлений их реализации позволяет выявить сущность современных урбанистических процессов и определить место человека в них.

Ключевые слова: пространство города, современные городские практики, философия города, культурная география, урбанистика.

**Interdisciplinary studies of urban practices:
a person in the space of the city**

Bernyukevich T.V.

DSc in Philosophy, professor

Moscow State University of Civil Engineering

Moscow, Russia

The relevance of the research is determined by the need to consider urban practices as a mechanism for implementing human social activity in the city space.

The paper highlights the main areas of urban research, focuses on the approaches of cultural geography, which reveals the spatial socio-cultural characteristics of the city, the urban space. The analysis of modern social practices of the city as an integral system of cities' functioning, the definition of their ideological and value bases, and consideration of the directions for their implementation will reveal the essence of modern urban processes, define the place of a person in them.

Key words: urban space, modern urban practices, urban philosophy, cultural geography, urban studies.

В настоящее время в исследованиях города можно выделить ряд направлений:

- 1) метафизика города как поиск трансцендентных оснований его становления;
- 2) обобщение (универсализация) результатов исследования проблем города в ряде социальных и гуманитарных наук (культурная география, семиотика города и др.);
- 3) социология города;
- 4) современная урбанистика как отдельная отрасль науки;
- 5) осмысление сущности городских проблем, с которыми имеют дело профессионалы строительной отрасли: архитекторы, инженеры, менеджеры и др.

Общим является понимание того, что центром этих исследований является человек как житель города и как его созидатель. Так, в культурной (социальной) географии, наряду с разработкой понятия «городское пространство» определяется роль человека и социальных групп в этом пространстве. Научная идентификация культурной географии производится в двух направлениях. Первое – рассмотрение культурной географии как географической субдисциплины; второе – определение культурной географии как производной «гуманитарной версии хронологического подхода к культуре» [1, с. 4]. Странник второго подхода Р.Ф. Туровский утверждает, что культурная география является производной от культурологии, которая во многом определила направления и методы культурной географии, в том числе и изучение «культурных пространств», специфика которых связана с культурой проживающего в них населения [2, с. 12]. В предметном поле культурной географии объекты обладают одновременно географическими и культурными свойствами. Актуальным является и внимание к социальным проблемам, которое в том числе обусловлено и социально-политической позицией разработчиков тех или иных концепций. Одна из задач культурной географии – стать теоретическим основанием для социальных действий, связанных с «детерриториализацией современного пространства – со сдвигами государственных и культурных границ, с нео- и постколониальным развитием, с маргинализацией одних и возвышением других территорий» [3, с. 274]. Так, в работах Дэвида Харви [4] и Анри Лефевра [5] определяется содержание «права на город», согласно которому жители города должны принимать участие в управлении городским пространством, стать его «архитекторами». Роль активности жителей города в его развитии связана с тем, что, согласно

Лефевру, городское пространство – это пространственная проекция социальной практики: «пространственная практика заключается в проецировании “на местность” по отдельности всех аспектов, элементов и моментов практики социальной...» [5, с. 23–24].

Со второй половины XX в. активно развивается особое направление науки о городе – урбанистика, часто рассматриваемая как отрасль междисциплинарного знания, в которой осуществляется попытка понимания города как некоей целостности, вне жестких дисциплинарных рамок. В то же время наблюдаются тенденции подчинения задач урбанистики задачам градостроительства, понимаемым прежде всего как задачи технической науки. Это находит выражение в том числе и в неразработанности собственного научного языка российской урбанистики. В образовательном пространстве профильных строительных университетов России урбанистика часто воспринимается лишь как часть градостроительства, тем самым теряется одна из важных целей урбанистики – формирование целостного образа города, субъектом и целью которого является человек.

Исследователи истории отечественной урбанистики часто объясняют это особенностями развития урбанистической мысли в России: ее поздней дисциплинаризацией в начале XX в. (труды Г. Дубелира, В. Семенова, А. Енша, И. Озерова, Л. Велихова); тем, что в советское время больше уделялось внимание искусствоведческим аспектам урбанизма, нежели на экономическим.

Однако следует отметить влияние философов и роль философских идей в становлении урбанизма в России, изучение городского пространства как пространства социального во второй половине XX в., в частности так называемого Сенежского семинара (Сенежская экспериментальная студия дизайна), организованного художником и педагогом Евгением Розенблюмом, и философом и теоретиком дизайна К.М. Кантором [6].

Один из основоположников технической эстетики и теории дизайна в СССР, создатель журнала «Декоративное искусство» Карл Кантор обосновал теорию «художественного дизайна», не потерявшую своей актуальности и в настоящее время. Как пишет Н. Волкова, ее источниками стали работы теоретика «производственного искусства» 1920-х гг. Б. Арватова, идей кибернетики и теории систем. По приглашению Кантора в Сенежской студии читал лекции основатель Московского методологического кружка Г.П. Щедровицкий. Влияние студии и идей этих известных исследователей испытали архитекторы, теоретики проектирования, урбанисты (В. Глазычев, М. Меерович) [6]. Волкова отмечает, что «основной темой семинара были вопросы художественного проектирования и конструирования. Работы участников студии пытались преодолеть крен в сторону технической утилитарности, свойственный советскому производству 1960–1970-х гг., через художественный анализ и творческое переосмысление сложившихся стереотипов», а «эстетические вопросы дизайна увязывались с конструированием цельной социально-культурной и пространственной картины мира» [7].

Описывая тенденции развития урбанистики в XX в. Глазычев выделяет три ветви развития урбанистики:

1) формалистическая (акцентирует в первую очередь внимание на внешней форме города, вариантах его композиционной структуры и образного строя);

2) инфраструктурная (технологическая – проблемы городской инфраструктуры, транспортные сети, экономика города, девелопмент);

3) сосредоточенность на проблемах социальной жизни города, на влиянии городского планирования на эту социальную жизнь, определение того, каким образом в этот процесс вовлечены горожане [8; 9].

Третье направление развитие урбанистики связано с распространенным сегодня понятием «социальные практики», несмотря на его популярность в настоящее время необходимо определение концептуальных оснований современных социальных практик, направленных на совершенствование городского пространства, обеспечивающего не только безопасную городскую среду, но и создающего условия для повышения качества жизни жителей [10]. Такие социальные практики можно обозначить термином – «социальные практики современного города».

Социальные практики современного города (современные городские практики) можно определить как формы и способы социальной деятельности, направленные на развитие, совершенствование и изменение социокультурного пространства современного города и городской среды в целом. Объектом в этом случае выступает городское пространство. Субъектом – человек, социальные группы и сообщества, деятельность которых направлена на развитие и трансформацию характеристик города.

В современных городских практиках определяется равноправное владение и пользование жителями своим городом или другим населенным пунктом, возможность проживания в справедливых, безопасных, здоровых, доступных в физическом и финансовом плане, жизнестойких и устойчивых городах – закрепление «права на город». Актуальные городские практики включают: создание качественной городской среды, инклюзивного пространства, реализации потребностей городских сообществ, сохранение культурного наследия, возрождение малых городов, развитие экосферы города и решение экологических проблем, решение вопросов, связанных с адаптацией мигрантов и межкультурным взаимодействием и т.п. Их реализация будет успешной только при активизации роли человека, ориентации на его потребности и интересы, обеспечении каналов участия горожан в решении социальных и иных проблем.

Анализ современных социальных практик города как целостной системы обеспечения эффективного функционирования городов, определение их идейно-ценностных оснований, рассмотрение направлений и методологии их реализации позволит выявить сущность современных урбанистических процессов, определить основные тенденции развития городов России, связанные с решением экологических вопросов, развитием гражданского общества, сохранением культурного наследия и установлением межкультурного взаимопонимания.

Междисциплинарный проект обусловлен сложностью самого феномена социальных практик в современном городском пространстве, сочетанием различных идеологических, социально-политических, культурных факторов. Со-

циально-философский анализ позволит понять сущность этих практик, их ценностные основания и идейную направленность, роль в создании безопасной городской среды. Социологический аспект исследования сосредоточен на разработке теоретико-методологической модели социального города и социального государства, методологии и методики проведения социологических исследований социальной активности горожан, способов вовлечения населения в создание комфортной и безопасной городской среды. Опорой в разработке этих направлений должны стать прикладные социологические исследования. Политологический аспект связан с определением роли политических идей и движений в реализации «права на город» как механизма развития городского пространства, обосновании параметров политики развития справедливого города и государства.

Литература

1. Рагулина М. В. Культурная география: теория, методы, региональный синтез. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук. Иркутск, 2005. 40 с.
2. Туровский Р. Ф. Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география / Науч. ред. Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский. М.: Институт наследия, 2001. С. 10–94.
3. Черняева Н. Культурная география и проблематика «места». (Обзор новой литературы) // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 35. С. 273–283.
4. Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3 (66). С. 80–94.
5. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Streike Press, 2015. 432 с.
6. Коник М. А. Архив одной мастерской. Сенежские опыты. М.: Изд-во «Индекс Дизайн энд Паблицинг», 2003. 324 с., 212 ил.
7. Волкова Н. Российская урбанистика. XX век. URL: <https://clck.ru/34T6GC> (дата обращения: 10.05.2023).
8. Замятин П. В., Тарасов Е. Н. Урбанистика как политический и концептуально-идеологический механизм регулирования городского планирования и благоустройства // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19111> (дата обращения: 02.06.2023).
9. Глазычев В. В. Урбанистика. Часть 1. М.: Европа, 2008. 220 с.
10. Бернюкевич Т. В. Современные городские практики: социально-политические аспекты // Вестн. Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28, № 6. С. 37–44.

Междисциплинарность как базовый принцип образовательной парадигмы в условиях экзистенциальных рисков

Лещинская И. И.

*Кандидат философских наук, доцент
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь*

УДК 304.44

В докладе показано, что одним из необходимых условий устранения или минимизации негативных последствий экзистенциальных рисков является модернизация образовательной парадигмы. Обосновано, что принцип междисциплинарности является базовым для современного образовательного процесса. Выявлены онтологические и антропологические детерминанты реализации данного принципа в науке и образовании. Обоснована важная роль философии в преодолении дисциплинарного подхода в образовании. Раскрыто значение философского образования как важнейшего условия подготовки современных интеллектуалов, способных не только к творчеству в различных сферах, но и к управлению рисками.

Ключевые слова: междисциплинарность, образование, экзистенциальные риски, сетевое общество, В. С. Степин, саморазвивающиеся системы, философия.

Interdisciplinarity as a basic principle of the educational paradigm in the face of existential risks

Liashchynskaya I. I.

*PhD in Philosophy, associate professor
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus*

The article shows that the modernization of the educational paradigm is one of the necessary conditions for eliminating or minimizing the negative consequences of existential risks. It is substantiated that the principle of interdisciplinarity is basic for the modern educational process. The ontological and anthropological determinants of the implementation of this principle in science and education are revealed. The important role of philosophy in overcoming the disciplinary approach in education is considered. Philosophical education is presented as the most important condition in the process of formation the intellectual, capable of various types of creativity and risk management.

Key words: underdisciplinarity, education, existential risks, network society, V.S. Stepin, self-developing systems, philosophy.

Междисциплинарность является не только фундаментальным принципом развития современного научного познания, но и принципом, который должен быть положен в основание современного образовательного процесса. Образование ответственно за сохранение человека и его выживание в условиях гло-

бальных рисков, предельной формой которых являются экзистенциальные риски. Последние представляют собой совокупность социально-политических, экономических, экологических и других событий и процессов, представляющих смертельную опасность для человека и человечества в целом. Проявлением экзистенциальных рисков является нарастающий процесс десакрализации культуры и «расчеловечивания» всех форм социальных отношений.

Обозначенный комплекс проблем, их характер и глубина детерминированы специфической онтологией современного человека, особенностью его экзистенциального пространства. Интенсивный процесс цифровизации и формирование сетевого общества привели к тому, что для становления и развития современной личности значение имеет не только биологическая и социальная детерминация, но и комплекс сетевых коммуникативных практик, в которые он включен. Цифровое мышление и «цифровой» стиль жизни стали неотъемлемыми характеристиками современного человека. С одной стороны, это открывает новые возможности для самореализации личности. С другой стороны, нестабильная онтология виртуального пространства задает подвижность, вариативность и изменчивость личностных статусов, что с неизбежностью ведет к нарушению целостности и непрерывности экзистенциального опыта.

Кроме того, в сетевом сообществе существенным образом изменяется характер коммуникации. «В отличие от традиционных морфологических коммуникативных связей виртуальная коммуникация не ограничена гендерными, географическими, лингвистическими или физическими особенностями, не зависит от принадлежности акторов к конкретной системе ценностей, религии, культуре, она предполагает нетождественность кодовых систем и абсолютный плюрализм мнений» [1]. Результатом таких процессов являются клиповое сознание, фрагментарность мышления, кризис идентичности. По мнению исследователей, социальный субъект, лишенный основы для целостности, предстает во множестве несводимых друг к другу ипостасей десубстанциализированной социальности: перформативной, дискурсивной, телесной, языковой, «queer – субъективность», феминистской и т. д. [2, с. 249].

Также следует отметить, что социальные сети представили возможность для широкомасштабного развертывания информационной войны, одной из основных задач которой является полная «перезагрузка» сознания молодых людей посредством создания фейковой медиареальности и агрессивного навязывания системы так называемых либеральных ценностей. «Террор» сознания фейками направлен на дезинформирование человека и потерю им адекватного понимания происходящих процессов. «Прививка» западной системы ценностей также призвана разрушить гендерную, религиозную, национально-этническую, культурную идентичность и в конечном итоге привести к формированию «биомассы».

В силу указанных причин образование в современных условиях представляет собой сферу деятельности с повышенной социальной ответственностью за человека, его выживание и успешную самореализацию. Выполнить такого рода историческую миссию возможно лишь при условии реализации образовательной парадигмы, в основу которой будут положены инновационные

подходы и принципы, получившие обоснование и реализацию в современной философии и науке.

Одним из таких принципов, как полагают многие исследователи, должен стать принцип междисциплинарности, призванный преодолеть фрагментарность знания, сугубо функциональный характер умений и навыков. «Установка на междисциплинарность, на продуктивный поиск путей (моделей, методик, сценариев) ее реализации становится маркером смены методологического и образовательного дискурса, смены типов профессионализма» [3]. Многочисленные исследования, посвященные проблеме междисциплинарности, позволяют говорить о различных аспектах ее содержательной репрезентации. Российский исследователь В. Г. Буданов полагает, что необходимо различать пять типов междисциплинарности: как согласование языков смежных дисциплин, как транссогласование языков различных дисциплин, как эвристическая гипотеза-аналогия, как конструктивный междисциплинарный проект – организованная форма взаимодействия многих дисциплин для понимания, обоснования и управления феноменами сверхсложных систем и как сетевая, или самоорганизующаяся коммуникация [4]. В контексте нашей проблемы особое значение имеет две последних из предложенных трактовок междисциплинарности. Во-первых, как принцип, положенный в основание проективной деятельности, которая в контексте образовательной деятельности получает свое воплощение в проектном подходе в обучении. Во-вторых, как принцип организации сетевого пространства и сетевой коммуникации, вне которых немислим современный образовательный процесс.

При этом следует иметь в виду, что обоснование междисциплинарности как принципа образовательной парадигмы, базируется на определенных онтологических и антропологических основаниях. В качестве онтологического основания выступают представления о мире как саморазвивающейся системе. Большинство исследователей полагают, что анализ саморазвивающихся систем требует междисциплинарного подхода. Академик В. С. Степин обосновал идею, что для саморазвивающихся систем характерно стирание жестких граней между естественным (природой) и искусственным (результатами активности социума). Он утверждал: «И если мы своей деятельностью направили развитие системы по определенному руслу, то это одновременно и искусственное, и естественное. Жесткие грани между ними стираются. Искусственное предстает как вариант естественного» [5]. Кроме того, представления о развивающихся системах нашли свое отражение как в естественно-научной картине мира, так и в картине социальной реальности. «Сегодня уже можно констатировать, что представления о саморазвивающихся системах, – утверждал В.С. Степин, – постепенно становятся доминирующими образами предметов как социально-гуманитарных, так и естественных наук» [6, с. 182].

В качестве антропологического основания выступает представление о человеке как субъекте современных социокультурных практик и его ключевых компетенциях. Они должны быть конгруэнтны свойствам той социальной системы, в которую он включен и в которой призван действовать. Современному человеку, находящемуся в ситуации глобальных рисков, необходимо обладать

способностью к мгновенной интеллектуальной мобилизации, проявляющейся в адекватной оценке сложившихся обстоятельств и соответствующем когнитивном реагировании. Последнее, в свою очередь, должно характеризоваться нестандартностью принимаемых решений и возможностью предвидения как можно более широкого спектра их последствий. Такого рода способности могут быть выработаны только благодаря целостности и широте мировоззрения, системности и креативности мышления. Перечисленные качества и компетенции личности невозможно сформировать в рамках сугубо дисциплинарного подхода, который обеспечивает лишь инструментально-функциональную форму активности.

Проектный подход как воплощение принципа междисциплинарности в образовании направлен на реализацию личностью креативно-продуктивной формы активности. Для этого ей необходимы рефлексивные и исследовательские умения, критическое мышление, способность к планированию и управлению деятельностью, коммуникативные умения, инициатива и ответственность. Не случайно в литературе последних лет речь идет о «трансфессионалах», способных преодолеть ограниченность узко дисциплинарного подхода в образовании, и продемонстрировать стратегическую гибкость, инновационную чувствительность и способность сценарному планированию.

Инновационная активность и сценарное планирование, обеспечивающие многовариантное проектирование будущего с результатами системного анализа их последствий, предполагает высокую логическую культуру. Эти способности не могут быть выработаны на почве узкодисциплинарного знания. Их формирование и развитие невозможно без приобщения субъекта образовательных практик к арсеналу социально-гуманитарного знания. Особая роль в этом принадлежит философии. Погружение в стихию «чистой мысли» и ее освоение является адекватным способом профессиональной «постановки» мышления обучаемого, благодатной интеллектуальной средой для культивирования «homo universalis». Кроме того, философия определяется как наиболее важная и адекватная форма «образовательного знания», так как приобщение к такому роду знания позволяет выработать ценностно-смысловую компетенцию человека.

Междисциплинарность как принцип организации сетевого пространства позволяет устранить дисциплинарные границы и открыть единое поле для образовательных и научных коммуникаций. Для этого пространства свойственны нелинейный характер развития, открытость и непредсказуемость, то есть все черты саморазвивающейся системы. Господствующая в образовании жесткая дисциплинарная структура, воспроизводящая традиционное дисциплинарное построение науки и обслуживающая ее образовательные технологии, не способна обеспечить подготовку нового типа исследователей.

Развитие воображения как способности к творческому синтезу также невозможно представить без приобщения к философскому знанию. Это знание открывает неограниченные возможности для свободной игры познавательных сил человека, которые позволяют возвыситься над привычной архитектурой научных областей и преодолеть сложившиеся междисциплинарные границы. Развитое воображение способно придавать форму синтеза таким компонентам,

которые ранее воспринимались как несовместимые и несводимые воедино, что способствует формированию пространства междисциплинарных исследований.

Таким образом, в условиях экзистенциальных рисков ценностные ориентации, позитивные жизненные стратегии развития личности возможны благодаря такой образовательной парадигме, которая конгруэнтна параметрам ее жизненного мира и достижениям современной науки. Междисциплинарность должна стать ее базовым принципом. Без его реализации в образовательной практике невозможно обеспечить партнерство и диалог основных субъектов образования, сочетание когнитивных и ценностных параметров образования, гармоничный союз естественнонаучного и социально-гуманитарного знания. Ядром последнего является философия, идеи и принципы которой выступают в качестве междисциплинарной методологии. Кроме того, философия как самосознание культуры способна помочь человеку в его напряженных поисках утраченных экзистенциальных смыслов. Постигая суть происходящих событий и явлений, создавая возможные варианты его жизненного мира, она способна предложить ему наиболее эффективные в сложившихся условиях формы и способы «заботы о себе» и о будущем общества.

Литература

1. *Губанова В.С.* Интернет-технологии как продолжение человеческого тела: социально-философский анализ // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-tehnologii-kak-prodolzheniechelovecheskogo-tela-sotsialno-filosofskiy-analiz> (дата обращения: 17.04.2023).
2. *Культура и коммуникация: глобальные и локальные измерения* / Под общ. ред. Ю.В. Петрова. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 400 с.
3. *Синельникова Л.Н.* Междисциплинарность как базовая стратегия современного образовательного процесса // Гуманитарные науки. 2016. № 3 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnost-kak-bazovaya-strategiya-sovremennogo-obrazovatel'nogo-protsesta> (дата обращения: 17.04.2023).
4. *Буданов В.Г.* Трансдисциплинарное образование в XXI веке. Проблемы становления. URL: <http://www.gumer.info/filosfak.ru/biblio> (дата обращения: 08.05.2023).
5. *Степин В.С.* Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-nauchnoy-ratsionalnosti-i-sinergeticheskaya-paradigma> (дата обращения: 08.05.2023).
6. *Степин В. С.* Цивилизация и культура. СПб., 2011. 408 с.

Роль антропологии в развитии междисциплинарности гуманитарных наук**Близнюк А.Г.***Государственный Академический Университет Гуманитарных Наук
Москва, Россия*

УДК 167

Рассмотрены основные аспекты, раскрывающие роль антропологии в развитии междисциплинарности гуманитарных наук. Показан междисциплинарный характер антропологии, высокая степень взаимодействия со смежными дисциплинами и потенциал исследований культуры с применением антропологического подхода.

Ключевые слова: антропология, методология, междисциплинарность, культурология.

Anthropology's role in the development of interdisciplinarity within the humanities**Bliznyuk A.G.***State Academic University for the Humanities
Moscow, Russia*

Report considers the main aspects revealing the role of anthropology in the development of interdisciplinarity of the humanities. The interdisciplinary nature of anthropology, a high degree of interaction with related disciplines, and the potential of cultural research using an anthropological approach are shown.

Key words: Anthropology, methodology, interdisciplinarity, cultural studies.

В докладе обсуждаются перспективы гуманитарности в науках о человеке; отдельного внимания заслуживает вопрос о роли антропологии в развитии гуманитарных наук. Тема неоднократно обсуждалась в научной дискуссии. Так, в работе «Интерпретация культур» Клиффорд Гирц представляет культуру как систему символов, используемую индивидами для понимания мира и передачи информации. Культурные символы, выраженные в ритуалах, мифах и искусстве, формируют поведенческие установки и социальную структуру. Поскольку эти символы не универсальны для разных обществ, Гирц вводит в научную дискуссию понятие «насыщенного описания», означающее глубокий анализ культурных феноменов, направленный в первую очередь на понимание значения культурных символов. Одним из возможных способов, указанных в работе, становится восприятие культурных явлений в качестве текста, интерпретация культуры как формы, внутри которой возможен анализ сокрытых смыслов [1, с. 508]. Подобный подход противопоставляется позитивистскому, для которого конечным результатом анализа в первую очередь выступает определение универсальных правил и обобщение личностного опыта. Стремление выявить особое значение, побуждающее индивидов совершать действие, является важным качеством для исследователя-антрополога.

Мэри Дуглас также задается вопросом о роли культурного символизма в формировании специфических общественных практик. В своей работе «Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу» она исследует особенности формирования символических границ и их влияния на поддержание общественного порядка. Дуглас утверждает, что культурные символы не имеют произвольного характера. Напротив, они обладают особой когнитивной и социальной значимостью [2, с. 199].

Антропология играет важную роль в развитии междисциплинарности гуманитарных наук. Как гуманитарная дисциплина, посвященная в первую очередь исследованию обществ путем детального изучения межличностных и межгрупповых отношений, тех форм культуры, которые создаются в результате этого взаимодействия, она выступает образцом междисциплинарных научных подходов. Кроме того, в своей сущности она является связующим звеном, посредством которого становится возможным восприятие и консолидация научного знания, поступающего в систему гуманитарных наук из других научных отраслей. Благодаря холистическому подходу и специфической методологии антропология служит универсальным инструментом, при помощи которого другие гуманитарные дисциплины могут вносить свой вклад в общее дело междисциплинарного взаимодействия.

Отвечая на вопрос, сможет ли сохраниться гуманитарность во всех областях научных исследований культуры как безусловной ценности человека, представляется возможным рассмотреть антропологический подход к культуре и аспектам ее изучения. Антропология выполняет свою роль в междисциплинарных исследованиях культуры, опираясь на основополагающие принципы общей междисциплинарности методологического инструментария, культурного релятивизма, контекстуализации личностного опыта, культурной компаративистики, практического характера исследований.

Основа антропологических исследований базируется на междисциплинарном методологическом инструментарии, сочетающем в себе как практические: этнографические исследования, наблюдения, интервьюирования и т.д., так и теоретические методы. В обоих случаях присутствует большая доля заимствования методологии из смежных гуманитарных дисциплин. В процессе исследования разнородных обществ и их культуры антропологи уделяют особое внимание изучению влияния различных социальных, исторических и культурных аспектов жизни общества на положение, взгляды и действия конкретных людей внутри социальных групп. Контекстуализация личностного, человеческого опыта имеет особое значение в деле междисциплинарного взаимодействия гуманитарных наук, поскольку предоставляет новую информацию и побуждает исследователей обращать внимание на более широкие области культурного взаимодействия в процессе изучения общества.

Несмотря на то, что этот вопрос неоднократно поднимался в научном дискурсе, проблема этноцентризма исследователей продолжает оказывать негативное влияние на исследовательский процесс. Устоявшаяся привычка, а иногда и намеренная позиция считать собственную культуру превосходящей остальные, определять ее «нормальной» по сравнению с другими, оказывает пагубное

воздействие не только на беспристрастность исследователя, но и на принципы междисциплинарности. Антропология противостоит такому восприятию культуры, в котором методология и предмет исследования ограничены степенью соответствия идеологической позиции. При помощи культурного релятивизма, поощряющего понимание культуры в рамках ее собственной внутренней логики и системы ценностей, антропология способствует более открытому подходу в междисциплинарной дискуссии. В условиях такого подхода открывается дорога для полноценной культурной компаративистики. Для того чтобы произвести полноценный сравнительный анализ культуры в различных обществах, помимо культурного релятивизма необходим также междисциплинарный диалог, включающий в себя не только применение методов смежной дисциплины, но и прямое взаимодействие ее представителей. Задача сравнительной культурологии может быть выполнена только общими усилиями исследователей различных гуманитарных дисциплин.

Подобное взаимодействие охватывает все аспекты практической антропологии. Однако в культурной компаративистике оно выражается особо явственно. Общая практикоориентированность антропологии способна предоставить инструментарий для перевода теоретических изысканий смежных дисциплин в практическое поле и стать основой для разработки системы принятия решений, способных оказывать влияние на культуру общества непосредственно. Именно практическая реализация делает антропологию особо ценной в вопросе современных гуманитарных исследований.

Данные принципы присущи не только антропологии. Они воспринимаются смежными науками и дисциплинами или, наоборот, заимствуются из них. Однако этот факт лишь дополнительно подтверждает глубокую междисциплинарность самой антропологии и перспективы междисциплинарного взаимодействия. Антропологический подход затрагивает широкий спектр гуманитарных дисциплин и в каждом своем проявлении неразрывно связан с культурой как безусловной ценностью человека. Его использование в качестве основного или дополнительного инструмента при осуществлении научного исследования может способствовать сохранению гуманитарного характера, а гибкость и многообразие методологии позволит привнести свойства гуманитарных наук и в смежные отрасли научного знания.

Для системы гуманитарных наук человек выступает главным объектом, субъектом и источником методологии исследований. «Человек – это не просто клеточка в целостном организме общества и тем более не винтик в динамической системе общественных связей. Он активное, деятельное существо, и только благодаря его активности воспроизводится и изменяется общество как целостный организм» [3, с. 16]. Именно поэтому гуманитарность будет следовать за человеком везде, где он будет использовать методологический инструментарий, сформированный культурой.

Литература

1. Гирц К. Интерпретация культур. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.
2. Дуглас М. Чистота и опасность = Purity and danger: Анализ представлений об осквернении и табу. М: Канон-Пресс-Ц, 2000. 285 с.
3. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высш. шк., 1992. 188 с.

Аффективная природа музыки и ее влияние на сознание человека

Ковель А.Н.

Соискатель, аспирант
Институт философии РАН
Москва, РФ

Ковель А.Н. Аффективная природа музыки и ее влияние на сознание человека
УДК 165

Музыкальное воздействие на физическое и психическое состояние человека известно с древних времен, когда музыка применялась для стимуляции определенных состояний или лечения. Например, Давид играл на арфе, чтобы успокоить мрачного царя Саула, или Пифагор умел исцелять музыкой, как будто бы подбирая нужные лекарства и направлять страсти к добродетели. Так как музыка связана с эмоциями, часто полагают, что эмоциональные отклики на музыку могут помочь лучше понять ее терапевтические возможности. Однако природа аффективной реакции на музыку до сих пор неясна. Как и по какой причине музыка стимулирует, даже улучшает работоспособность человека или погружает его в грустное, унылое настроение? Как мы можем объяснить терапевтический эффект в связи с влиянием музыки?

Ключевые слова: музыка, сознание, познание, аудиальное восприятие, музыка и мозг, музыкальная терапия.

The affective nature of music and its influence on human consciousness

Kovel' A.N.

Applicant, postgraduate student
RAS Institute of Philosophy
Moscow, Russia

The effect of music on the physical and mental state of the human being has been known since ancient times, when music was used to stimulate certain conditions or to heal. For example, David played the harp to soothe the gloomy King Saul, or Pythagoras was able to heal with music, as if to pick up the right medicine and guide passions to virtue. Because music is related to emotion, it is often thought that emotional responses to music can help better understand its therapeutic potential. However, the nature of affective responses to music is still unclear. How and for what reason does music stimulate, even improve a person's performance, or plunge them

into a sad, somber mood? How can we explain the therapeutic effect due to the impact of music?

Key words: music, consciousness, cognition, auditory perception, music and brain, music therapy.

По пифагорейским взглядам, мир – это музыкально-числовой космос, где все сферы издают гармонические тона. Число и пропорция лежат в основе всего сущего. Гармония мироздания, души и музыки – это одно и то же. Музыка помогает восстановить гармонию души и тела. Пифагор утверждал, что он слышал и понимал гармонию сфер. Он создавал разные созвучия для своих учеников. Он лечил музыкой, подбирая подходящие звуки для разных состояний. Платон считал музыку важным средством воспитания граждан. Он утверждал, что музыка проникает в душу и делает ее благообразной. Он регламентировал музыкальные ритмы, гармонии и инструменты в соответствии с моральными принципами. Он также различал дорийский и фригийский лады для разных жизненных ситуаций. Он признавал аффективную и терапевтическую роль музыки. Аристотель также признавал влияние музыки на человека. Он регламентировал музыкальные инструменты, лады и мелодии в зависимости от их эффекта на психику. Он отвергал флейту, потому что она вызывала экстаз и не способствовала познанию. Он разделял мелодии на этические, практические и энтузиастические. Он также пытался описать звуки в их качественном значении. Он считал, что форма соотношения тонов не сводима к чувственному восприятию, а требует интеллекта. Аристотель видел в музыке аффективную и терапевтическую силу.

Для античного сознания музыка и звук имели аффективную силу, то есть могли влиять на чувства и страсти. Они выбирали мелодии с учетом ритма, гармонии и лада, чтобы направлять страсти в благое и добродетельное русло. Этот метод можно сравнить с современной терапией, которая помогает исправлять эмоциональные и поведенческие проблемы, связанные с настроением.

Существуют еще более древние примеры того, что музыка и звук способны влиять на человека. Благодаря новому направлению в науке – археоакустике, мы имеем возможность убедиться в этом. Археоакустика – дисциплина, которая изучает звуковой мир прошлого и акустику древних построек. Примером такой постройки является гипогей на Мальте – Хал-Сафлиени, созданный 5000 лет назад. Он имеет уникальные акустические свойства, например Комната Оракула, которая функционирует как резонатор. В ней есть узоры из красной охры на потолке, похожие на нотацию, и боковой отсек, в котором мужской голос звучит по всему гипогею. Это связано с тем, что диапазон резонанса в Хал-Сафлиени соответствует диапазону бас-баритона. Архитектура Хал-Сафлиени в значительной степени напоминает современные концертные залы. Учитывая такую сложную и продуманную с акустической точки зрения архитектуру комплекса и его практически первозданное состояние, дошедшее до наших времен, вполне резонно предположение, что древние люди, проводившие здесь ритуалы погребения, наверняка испытывали влияние звука и музыки (в соответствии с уровнем ее текущего развития).

Истории известны примеры использования звука как маркера для диагностики состояния здоровья человека. Например, в XIX веке медицина стала использовать стетоскоп для диагностики по звукам тела. Рене Лаэннек (1781–1826) описал акустические признаки разных патологий в своем трактате 1819 г. Его учитель Корвисарт знал о методе Ауэнбруггера (1722–1809), который предлагал стучать по телу и слушать резонанс. Этот метод был вдохновлен проверкой уровня вина в бочках. Ауэнбруггер экспериментировал с трупами, чтобы изучить влияние воды в легких на звук. Корвисарт практиковал этот метод, который Ауэнбруггер назвал перкуссией, и развил концепцию человеческого тела как (механического) музыкального инструмента, то есть генератора звука с соответствующим резонатором. Эту концепцию он передал Лаэннеку, который затем дополнил ее методом прослушивания самопроизвольных звуков тела. Популярность данного метода угадала в течение XIX века, так как лишь на основании акустического анализа невозможно поставить однозначный диагноз того или иного заболевания и отличить его от других болезней. Один акустический признак может относиться к двум разным патологиям, а одна патология может иметь разные акустические признаки у двух пациентов.

На данный момент существует много разных теоретических подходов к изучению музыкальности сознания и роли музыки в жизни человека и общества. Эти подходы имеют разную направленность: эстетическую, философскую, когнитивную, энактивную, психолингвистическую, нейробиологическую и др. Они позволяют пересмотреть влияние музыки на человека не только с точки зрения искусствоведения, но и с учетом других дисциплин. Например, междисциплинарные исследования связывают музыку с хронобиологией, нейропсихологией, музыкальной терапией, неврологией, общественным здоровьем, зеркальными нейронами и эмоциями. Это дает основание считать музыку обоснованным лекарством для разных проблем и потребностей человека.

При всей разности подходов к пониманию философского значения музыки, ее влиянию на сознание и психокогнитивное состояние, ее различной роли в жизни человека с культурно-исторической точки зрения, ее способность воздействовать на человека является неоспоримым фактом, и в этом заключается ее универсальная основа. Точнее, в музыке кроются универсальные основания аудиальных восприятий и когнитивных процессов, происходящих в психике человека, что способствовало возникновению самостоятельного направления в медицине – музыкальная терапия. Она возникла после Второй мировой войны и разработала много подходов к использованию музыки в лечебных целях. Музыкальная терапия помогает при разных проблемах с эмоционально-поведенческими расстройствами или расстройствами настроения, повреждениями мозга (например, восстановление после инсульта, Альцгеймер), физическими и когнитивными нарушениями, в развитии коммуникативных навыков.

Музыка – это универсальный способ коммуникации и социализации во всех культурах. Музыкальная терапия опирается на традицию психосоциальной терапии, которая направлена на реабилитацию и реинтеграцию пациентов в общество. Музыкальные терапевты сотрудничают с врачами и психотерапевтами и работают с пациентами по одному или в группах. Они используют сво-

бодные или структурированные звуковые импровизации и разные рецептивные методы, чтобы помочь пациентам невербально осознать и выразить свои эмоции и конфликты. Эти аспекты затем обсуждаются на консультациях. Музыкальная терапия используется для того, чтобы разрешить внутреннее напряжение у пациента и стимулировать резонанс и гармонизацию с музыкой и окружением. Для этого важно, чтобы музыка была узнаваемой, ритмичной и упорядоченной. Узнаваемая музыка ассоциируется с внутренними образами, которые создают чувство безопасности и уверенности. Ритм музыки воздействует на слуховые, ассоциативные и моторные области мозга, вызывая резонансные и синхронизационные эффекты. Это означает, что разные сети мозга активируются и гармонизируются одновременно и проявляется как объединение мыслей, чувств и действий не только у одного пациента, но и в группе, которая слушает один и тот же ритм.

Музыка имеет организованную структуру, которая состоит из повторения и чередования, развития и повторного открытия темы. Эта структура воздействует на процесс эмоционально-когнитивной обработки, потому что она сочетает неожиданность нового и знакомство с известным. Импровизация – способ использовать эту структуру для передачи и регулирования своих аффективных состояний через ритм и звук. Пациенты могут выразить свои эмоции невербальным способом и понять, что они могут контролировать их. Это дает им новый способ коммуникации с собой и другими. Кроме того, импровизация использует гармонизирующие, синхронизирующие и резонирующие эффекты музыки, которые стимулируют эмоциональные центры в мозге. Это положительно влияет на психокогнитивное состояние пациентов.

Музыка присутствовала в слуховом поле человека на разных исторических этапах, выполняя разные роли и имея разные смыслы. Однако музыка имеет универсальные основы, адаптивно развитые в соответствии с аудиальной системой человека и его способностью обрабатывать звуковую информацию мозговыми структурами, что и проявляется в ее воздействии на человека на когнитивном уровне.

Перспективы человека в пространстве технаук: закат гуманитарности или «цифровой поворот»

Научное знание и технократическое мышление: ценности и критерии целесообразности

Степанова Г.Б.

*Кандидат психологических наук
Институт философии РАН
Москва, РФ*

УДК 001.3

Рассматриваются проблемы взаимосвязи науки и технологий, которые приводят к возникновению технауки. Показывается, что в рамках технауки необходима ориентация на общечеловеческие ценности. Анализируется тенденция снижения роли гуманистических позиций и ценностей в организации научных исследований и технологических разработках. Приоритетными становятся технократические подходы, в которых основными ценностями являются прагматизм, управляемость, эффективность, объективность и т.п.

Ключевые слова: наука, технологии, технаука, человек, ценности, гуманитарное и технократическое мышление.

Scientific Knowledge and Technocratic Thinking: Values and Expediency Criteria

Stepanova G.B.

*PhD in Psychology
RAS Institute of Philosophy
Moscow, Russia*

The problems of the relationship between science and technology, which lead to the emergence of technoscience, are considered. It is shown that within the framework of technoscience, orientation towards universal human values is necessary. The trend of decreasing the role of humanistic positions and values in the organization of scientific research and technological developments is analyzed. Priority is given to technocratic approaches, in which the main values are pragmatism, manageability, efficiency, objectivity, etc.

Key words: science, technology, technoscience, human, values, humanitarian and technocratic thinking.

В своих работах, посвященных науке, производству научного знания, В.С. Степин часто обращался к проблеме ценностей науки. Он считал, что научная деятельность должна определяться системой ценностей и целевых установок, специфичных для научного познания. Научный поиск, направленный на изучение новых объектов, с его точки зрения, должен осуществляться независимо от возможностей быстрого применения результатов на практике. «Две основные установки науки обеспечивают стремление к такому поиску: самооцен-

ность истины и ценность новизны», – писал Степин [1, с. 117]. Однако в современном мире соотношение науки и практики стало существенно меняться. Это связано с широким распространением новых технологий, основанных на достижениях науки. Научный поиск стал постепенно превращаться в научную деятельность на заказ, то есть деятельность по систематической разработке новых технологий. Возникает технаучка, которая в большой степени ориентирована на потребности рынка. Степин считает, что формирование нового типа взаимоотношения науки и технологий не отменяет последовательности: фундаментальные исследования – прикладные – разработки – внедрение. А открытия, которые ведут к разработке технологий, возникают в поле исследований фундаментальной науки. Они могут появляться как в междисциплинарных исследованиях, направленных на решение конкретных проблем, так и в поле дисциплинарных фундаментальных изысканий. Они могут быть также побочным продуктом фундаментального научного поиска.

Оригинальную трактовку взаимосвязи науки и технологий дает Б.Г. Юдин. На примере организации исследования, в частности создания и применения экспериментальной установки, он показывает, что такую установку можно рассматривать как в исследовательском, так и в технологическом контексте. В исследовательском контексте экспериментальная установка создается для проверки, обоснования или подтверждения той или иной гипотезы. И в этом смысле движущим мотивом является получение нового и при этом истинного знания. Иная ситуация складывается, если рассматривать экспериментальную установку в технологическом контексте. Вопросы истинности и качества знания здесь отходят на второй план. Интерес представляет не исследовательский результат и не интерпретация эффекта, производимого установкой, а те превращения и преобразования, которые она обеспечивает. «Самый очевидный признак технаучки – это существенно более глубокая, чем прежде, встроенность научного познания в деятельность по созданию и продвижению новых технологий» – писал Юдин [2, с. 120]. В этой ситуации меняется отношение к науке в обществе – нет нужды в понимании и объяснении вещей, а требуется возможность их эффективного использования или изменения. По мнению Юдина, в этом случае познавательная деятельность, в том числе и научная отодвигается на второй план, а на первый выдвигается деятельность по практическому преобразованию, изменению и окружающей среды, и самого человека.

Приближение к человеку становится одним из основных векторов развития науки и технологий. Человек все более погружается в мир проектируемых для него технологий, причем это касается не только тех внешних технологий, которыми он пользуется и которые облегчают его жизнь, но также технологий, воздействующих изнутри на организм за счет достижений в биомедицинских, генетических и т.п. исследованиях. О том, что наука становится «человечески измеримой» писал И.Т. Фролов еще в 1980-х годах. Он говорил о том, что идет процесс гуманизации науки, которая становится все более соотносима с человеческими качествами и потребностями. По мнению Фролова, «наука все более властно вторгается не только в социальную, но и в индивидуальную (порой интимную жизнь человека, существенно преобразуя ее, подчиняя новым, неиз-

вестным ранее стандартам и структурам» [3, с. 123]. Важно осознавать необходимость тесной связи науки, а в современном контексте технаучки, с общечеловеческими ценностями.

Рассматривая научные исследования «человекообразных» объектов, Степин писал, что «поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности» [4, с. 631]. Таким образом, помимо внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) предполагается включение вненаучных ценностей в состав объясняющих положений. Это должны быть общегуманистические принципы и ценности, которые во многом определяют внутреннюю этику науки.

Однако на современном этапе развития науки в большей степени преобладают запросы на разработку и внедрение новых эффективных технологий. Юдин писал, что «и общество, и государство, включая и органы, ответственные за формирование политики в области науки, все в большей степени склонны воспринимать и исследовательскую деятельность, и саму науку почти исключительно в облике машины, способной генерировать новые технологии» [2, с. 124]. Для России такой подход вполне характерен – постоянное реформирование, скудное финансирование, лишение РАН функций управления и возможности формирования направлений научной деятельностью, разработка методики вычисления публикационной результативности для научных организаций и т.п. Все факты в очередной раз продемонстрировали непонимание управляющих наукой структур специфики гуманитарного знания, технократический подход к принципам руководства научными организациями.

Современная реальность провоцирует технократизацию многих областей человеческой деятельности, и в частности, науки и образования. В управлении этими областями стал применяться технократический подход и привлекаются люди, отличительной особенностью которых является технократическое мышление. «Технократическое мышление – это мировоззрение, существенными чертами которого являются примат средства над целью, цели над смыслом и общечеловеческими интересами, смысла над бытием и реальностями современного мира, техники (в том числе и психотехники) над человеком и его ценностями», – такое определение дают В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунов [5, с. 211]. Эти авторы задаются вопросом: почему именно сейчас в обществе стали осознавать опасность технократического мышления. И приходят к выводу, что технократическое мышление не является порождением НТР. Однако НТР «создает благоприятные условия не только для беспрецедентного распространения технократического мышления, но и для чрезвычайно быстрой реализации его результатов», – считают цитируемые авторы [5, с. 214]. Именно результативность является одной из основных целей и ценностей технократического мышления. Это означает примат мысли и действия над формированием смысла этого действия. Другой стороной технократической мысли является скорость ее воплощения в средство, в технику.

А.В. Миронов проанализировал этику технократизма и выделил ее основные ценности: прогресс, обладание, объективность, заменяемость, управле-

мость, прагматизм, всерешаемость и безответственность [6]. Этот автор определяет «технократизм как 1) перенос профессионального мышления и ценностей из сферы научной и/или инженерной деятельности, а также любой профессиональной среды на все остальное многообразие отношений; 2) абсолютизацию математических моделей – придание им онтологического статуса» [7, с. 12].

При распространении технократической парадигмы управленческого мышления происходит снижение или игнорирование человеческого фактора в практической деятельности так называемых эффективных менеджеров в различных областях жизни общества, начиная от производства и заканчивая образованием, наукой и искусством. Однако есть и защитники примата такого типа мышления в управлении, которые считают, что «стремительное и глубокое проникновение новых информационных технологий в бизнес-среду формирует сообщество людей с новым групповым сознанием» [8]. В некоторых работах говорится о наличии двух типов мышления или даже двух культур: *гуманитарной* и *технократической*. Так, С. Рубцов считает, что «технократический подход к управлению организациями требует коренным образом изменить классические положения теорий мотивации, лидерства, организационного поведения, управления персоналом и др., которые были развиты под влиянием гуманитарной культуры» [8]. То есть этот автор считает, что гуманитарная культура является тормозом на пути эффективного управления в первую очередь организациями в экономике. Однако не трудно провести параллели с другими сферами жизни общества. Примеры внедрения технократического управления в науке, образовании, здравоохранении мы наблюдаем в повседневной жизни.

Другого мнения в отношении гуманитарного и технократического мышления придерживается уже упомянутый выше В.П. Андронов. Он считает, что «гуманитарное мышление органически включает в себя духовную составляющую, благодаря которому деятельность человека соответствует категориям справедливости, добра, совести и правды» [9]. В этом смысле можно сказать, что производство и внедрение новых технологий должно происходить с учетом аксиологической составляющей. Технократизация мышления является следствием снижения роли духовного компонента в деятельности человека. Оно становится рассудочным, бездуховным, не обремененным переживаниями нравственности, совести, достоинства. Для него характерно стремление достигать цели любыми средствами, ориентация на внешние по отношению к человеку и его ценностям цели. Человек рассматривается как программируемый компонент системы, объект разного рода манипуляций, а не личность со своими интересами, эмоциями, переживаниями и стремлениями.

Подводя итоги, можно сказать, что симбиоз науки и технологий, порождающий технонауку, порождает также и риски утраты как ценностей науки, так и снижения ее гуманитарной составляющей. Научные исследования становятся направлены в большей степени не на понимание и объяснение природы вещей, а на их преобразование, создание с помощью новых технологий, которые все больше погружаются в мир человека. Говоря о «человечески измеримой» науке (Фролов) и «человекообразных объектах» (Степин) научного исследования,

необходимо включение общечеловеческих ценностей в рамки технонауки, наполняя ее гуманитарным содержанием. Эти проблемы стоят перед специалистами разных областей более 30 лет. Тем не менее современная реальность показывает снижение роли гуманитарного знания в самых разных областях жизнедеятельности людей. На современном этапе все большую роль играют технократические подходы к организации и управлению в том числе наукой. Порождение таких подходов – технократическое мышление рассматривает человека как объект манипуляций, компонент системы, решающий задачи по алгоритму, а не как свободную личность.

Литература

1. *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.
2. *Юдин Б.Г.* Человек: выход за пределы. М., 2018.
3. *Фролов И.Т.* Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
4. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
5. *Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994. 304 с.
6. *Мионов А.В.* Ценности технократизма // Вестн. РУДН. Сер. Философия. 2009. № 2. С. 5–12.
7. *Мионов А.В.* Технократизм – вектор развития глобализации. М.: МАКС Пресс, 2009.
8. *Рубцов С.* Технократическая культура организации. URL: <https://www.intalev.ru/library/articles/article.php?ID=5253> (дата обращения 07.05.2023).
9. *Андронов В.П.* Гуманитарное и технократическое мышление. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-i-tehnokraticeskoe-myshlenie> (дата обращения 07.05.2023).

Антропологический кризис в оптике современных концепций постчеловека

Веряскина В.П.

Кандидат философских наук
Институт философии РАН
Москва, РФ

УДК 101.1

В докладе рассматриваются проблемы антропологического кризиса как глобальной опасности в XXI веке. Выделяются формы его проявления, которые отмечаются в концепции техногенной цивилизации, предложенной академиком В.С. Степиным. На современном этапе путь к радикальной трансформации человека предлагается в концепциях «постчеловека» и в концепциях «философского постгуманизма». В этой связи автор обращается к ряду работ: Р. Брайдотти, Ф. Феррандо, Д. Мюррей, выделяются их основные идеи и необходи-

мость критического анализа в контексте современных цивилизационных вызовов.

Ключевые слова: В.С. Степин, антропологический кризис, человек, человеческая природа, трансформация, концепции постчеловека и постгуманизма, риск.

Anthropological crisis in the optics of modern posthuman concepts

Veryaskina V.P.

PhD in Philosophy

RAS Institute of Philosophy

Moscow, Russia

The paper deals with the problems of the anthropological crisis as a global danger in the 21st century. The forms of its manifestation are distinguished, which are noted in the concept of technogenic civilization proposed by Academician V.S. Stepin. At the present stage, the path to a radical transformation of a person is offered in the concepts of "posthuman" and in the concepts of "philosophical posthumanism". In this regard, the author refers to a number of works: R. Braidotti, F. Ferrando, D. Murray, highlights their main ideas and the need for critical analysis in the context of modern civilizational challenges.

Key words: V.S. Stepin, anthropological crisis, man, human nature, transformation, concepts of posthuman and posthumanism, risk.

Актуальность проблемы антропологического кризиса

В современной отечественной философии осознается ситуация кризиса и то, что усугубляет его нынешнюю ситуацию. «Современные технологии помимо всего прочего открывают возможность радикально изменять фундаментальные характеристики самого человека. И что в данном случае существенно, возможность подобных преобразований становится доступной индивиду: он сам, по своему усмотрению, способен трансформировать не только свои духовные, но и телесные параметры, а стало быть варьировать и формы своего столь же видового общественного бытия» [1, с. 86]. При этом возникает вопрос: возможно ли решение проблем антропологического кризиса на пути к постчеловеку?

Академик В.С. Степин – автор концепции техногенной цивилизации – выделяет три главных глобальных опасности, проявившихся в XX в. и усиливающихся в XXI в., связанных: 1) с выживанием человечества, в связи с высоким уровнем НТР в сфере военной техники и оружия массового поражения; 2) с нарастающим экологическим кризисом; 3) с обостряющимся антропологическим кризисом [2, с. 80–85]. В.С. Степин отмечал, что антропологический кризис имеет множество проявлений. К ним относится возрастание мутагенных факторов вследствие химического и радиоактивного заражения окружающей среды, появления новых видов вирусов, способных изменять генетическую основу человека. Вторым значимым индикатором антропологического кризиса является возрастающее давление стрессовых нагрузок на человека. Это связано с быстро меняющимися социальными ситуациями, ускоренным темпом жизни,

нестабильностью, конкурентностью в любых областях деятельности. Такое перенапряжение провоцирует рост сердечно-сосудистых заболеваний, онкологических и психических, которые выходят на одно из первых мест в XXI веке (депрессии). В такой ситуации люди прибегают к приему антидепрессантов и психотропных препаратов. Они повышают самооценку, блокируют неконтролируемую агрессию, формируют уверенность в себе, в том числе и в борьбе с конкурентами в условиях современного капитализма. Однако при этом они имеют побочные следствия, влияющие на память, сексуальные расстройства и влияющие на мозг.

В.С. Степин подчеркивает, что особенно обостряют антропологический кризис *тенденции к переконструированию биологической основы человека*. Научные достижения генетики и биотехнологий помогают не только лечить наследственные заболевания, но и усиливать умственные и физические способности. Эксперименты над биологической составляющей жизни ведут к далеко идущим последствиям, не только позитивным, но и опасным перспективам коренного изменения генетики человека. «Уже введено в обиход понятие “постчеловек”, хотя и не всегда четко определяемое, но включающее в качестве составных смыслов идею изменения биологической основы человека. Возникает соблазн “планомерного” генетического совершенствования созданного природой “антропологического материала”, приспособивая его ко все новым социальным нагрузкам» [2, с. 83]. Высказываются идеи, которые раньше были бы в научной фантастике или утопиях. Речь идет об идеях генетического формирования служебного человека, идеального солдата, идеального работника для работы на опасных производствах, идеального спортсмена и т.п. При этом не менее опасными могут быть манипуляции при вживлении в мозг электродов, вызывающих определенные состояния и контроль над психикой, в том числе и в качестве политического контроля и даже стать основой геополитического лидерства. «В нынешнем веке достижения науки в таких областях как геномное профилирование, биомедицинская инженерия и генетическое модифицирование, могут не только продлить жизнь человека, улучшить условия его жизни и даже интеллектуальные качества... Америка окажется среди тех, где преимущества передовой человеческой инженерии будут использоваться в социально-значимых масштабах... Проявления неравенства будут обостряться и приобретать явные и опасные черты» [3, с. 262]. Следствия для социального, политического и воздействия на глубинные генетические структуры, управляющие воспроизводством человеческого тела, приобретают влияние, равнозначное атомной энергии по возможным последствиям.

Постчеловек: путь к радикальной трансформации человека

В последнее время вопрос о трансформации человека приобретает особенно актуальный характер. Теоретическим ответом на проблемы становится развитие философского постгуманизма с определяющим для ряда подходов зонтичным концептом «постчеловек». Заметными концептуальными подходами в этом направлении являются, на наш взгляд, работы таких авторов как Р. Брайдотти [4], Ф. Феррандо [5], Д. Мюррей [6]. Каждая из этих концепций об-

ращается к понятию «постчеловек» как определенному этапу трансформации человека, связанному с изменением не только телесности, но и сознания, *возникновением новой субъектности*. Авторы доказывают, что понятие «человек» нуждается в современном мире в *переопределении*.

В концепции *Брайдотти* понятие жизни во всех ее видах и формах и прежде всего в многочисленных нечеловеческих, является центральным фокусом всей проблематики. Постчеловеческое нам помогает понять гибкие и множественные идентичности. Постчеловек – иная форма существования: это постгуманизм, трактуемый как жизнь по ту сторону «Я», это постантропоцентризм как жизнь по ту сторону биологического вида и бесчеловечное – жизнь по ту сторону смерти. Таковы основные ракурсы рассмотрения постчеловека в данной концепции.

Брайдотти дает диагноз современного состояния в мире – состояния постчеловеческого, и связывает его с критикой капитализма. «Развитой капитализм и его биогенетические технологии порождают извращенную форму постчеловеческого. В ее основе лежит радикальное разрушение взаимоотношений животных и человека, тем не менее все живые виды попали в центрифугу мировой экономики. Генетический код живой материи выступает здесь в качестве основного капитала» [4, с. 12]. Комбинация инвестиций и жестокости – парадокс постчеловеческого состояния. Постчеловеческое состояние имеет изрядную долю бесчеловечных черт: жестокость новых войн, управление жизнью и практиками умирания (некрополитика), опосредованное управлением за цифровым пультом на основе цифровых технологий.

В концепции ставятся задачи: за новый образ постчеловеческого человечества; за знание, ориентированное на всеобщие принципы социальной справедливости, уважение к человеческому достоинству и многообразию, отказ от ложных универсализмов – консервативных и неолиберальных. Брайдотти развивает две идеи: постгуманизма, выступающих против практик исключения и признание многообразия идентичностей. Другая идея – постантропоцентризм, нацеленный на преобразование структуры человеческой субъективности, ориентированной на более гармоничное сосуществование с другими формами жизни, окружающей средой и технологиями.

К какому выводу приходит эта концепция постчеловека? Брайдотти отмечает: «Я не испытываю никакой ностальгии по тому “Человеку” как бы мере всех вещей или по формам знания и саморепрезентации, спроецированных им... я принимаю с распростертыми объятиями множество горизонтов, открывшихся со времен исторического падения антропоцентричного и европоцентричного гуманизма» [4, с. 374]. Постгуманистический поворот она рассматривает как возможность *вместе решить, кем и чем мы способны стать* на основе креативности и значимости этических отношений, причем в планетарном масштабе.

Ф. Феррандо развивает концепцию философского постгуманизма. В предметную область исследования, связанную с концептом «постчеловек», попадают темы, соотношенные с антропоцентром, искусственным интеллектом, деконструкции человека и биоэтикой. «Постгуманизм – это праксис, но также *философия медиации*, которая проявляется в пост-дуалистических, пост-

централизирующих, всеобъемлющих и “признающих” подходах в том смысле, что они признают инаковость» [5, с. 26]. Инаковость как признание другого ведет к идее новой субъектности и ее значимости, а философия медиации изучает человека не в отрыве, а в связи с экологией и технологиями, что и является ключевыми идеями данной концепции. Важным социально-политическим аспектом является идея о том, какого человека должен сменить «постчеловек». Эта концепция выступает активно против практик исключения: сексизм, расизм, эйджизм, гомофобия, эйблизм, как и другие формы дискриминации определяли признание того, кого именно считать человеком. Рабы, женщины, маргиналы не вполне считались людьми. В западной культуре «человек» обозначал, строго говоря, белого гетеросексуального гражданина – собственника, который соответствовал институциональным нормам и определенным этическим, культурным и физическим характеристикам.

Подводя итог, следует отметить, что все те вопросы, которые затрагивают концепции «постчеловека», требуют внимательного исследования, аргументированного анализа и критики. В них осознается антропологический кризис, но мировоззренческие рекомендации носят часто декларативный и романтический характер пожеланий. Например, уже Д. Мюррей в работе «Безумие толпы» исследует опасности «культуры отмены» и роста политики идентичности. Его обращение к противоречивым вопросам современности, таким как сексуальность, раса, гендер, влияние технологий на наше поведение, хирургическая коррекция пола детям, требуют взвешенной дискуссии, понимания рисков и их социальных последствий. Важно, чтобы глубинные изменения, связанные с биотехнологиями, нейротехнологиями, геномным редактированием, проектами изучения мозга и человеческой телесности, которые рассматривают концепции «постчеловека», не привели к ситуации с трансформацией человеческой природы, какую произвела промышленная революция с природой как средой обитания.

В заключение обратимся к оценке В.С. Степина: «В отличие от трансгуманистов, я не воспринимаю позитивно-восторженно сценарий постчеловека. Я отношусь к нему скорее с изрядной долей настороженности. Если игнорировать ситуации риска при генетических манипуляциях с биологической составляющей человеческой телесности, то скорее всего будут созданы условия не для совершенствования человека, а для новых кризисов и социальных катастроф» [7, с. 41]. Выход из кризисов должен быть сопряжен с духовной революцией, с поиском новых ценностных оснований цивилизационного развития, сохраняющих человечество. И сегодня это важнейшая философская задача.

Литература

1. *Пружинин Б.И.* Антропологический кризис как тема философии // *Вопр. философии*. 2022. № 3. С. 86–92.
2. *Степин В.С.* Философская антропология и философия культуры. М.: Академический проект; Альма-Матер, 2015 (Философские технологии. Избранные философские труды). 542 с.
3. *Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Пер. с англ.; М.: Международные отношения, 2004. 288 с.

4. *Брайдотти Р.* Постчеловек / Пер. с англ. Д. Хамес, под ред. В. Данилова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 408 с.

5. *Феррандо Ф.* Философский постгуманизм / Пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2022. 360 с.

6. *Мюррей Д.* Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем / Пер. с англ. Н.А. Ломтевой. М.: РИПОЛ классик, 2022. 480 с.

7. *Степин В.С.* Трансгуманизм и проблема социальных рисков // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? / Отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. Предисл. С.Н. Корсакова. М.: ЛЕНАНД, 2016. 272 с.

Человек в объективе синергетики и гуманитарности

Бирич И.А.

Доктор философских наук, доцент

Московский городской университет (МГГУ)

Москва, РФ

УДК 172

В докладе пересматривается понимание человека как объекта социальной антропологии, предлагается рассматривать его как субъекта культурной деятельности, в которой наиболее ярко проявлена его творческая сущность. Наблюдающийся антропологический поворот в современной культурно-исторической психологии, а также необходимость междисциплинарного синтеза разнообразных наук изучают человека в потоке гуманитарной философской методологии.

Ключевые слова: человек разумный, человек творческий, человек сложный, микрокосм, человек гуманный, субъект исторического созидания.

The Human Being: the synergetic and humanitarian aspects

Birich I.A.

DSc in Philosophy, associate professor

Moscow City University (MPGU)

Moscow, Russia

The report proposes to revise the usual view of man as an object of social anthropology, and to look at him from the side of the subject of cultural activity, in which his creative essence is most clearly manifested. Now there is an anthropological turn in modern cultural-historical psychology, as well as the need for an interdisciplinary synthesis of various sciences that study man, under the guidance of humanitarian philosophical methodology.

Key words: Homo sapiens, a creative person, man is complex, microcosm, humane man, the subject of historical creation.

Философия в своих метаниях от материализма к позитивизму, от позитивизма к метафизике потеряла статус человека как субъекта истории. Какой сегодня главный тренд в антропологии и психологии? Когнитивные исследования, в которых присутствует *Homo sapiens*. В Институте неврологии и присоединенном к нему в 2007 г. Институте мозга ведутся работы в том числе и по созданию искусственного интеллекта, способного самообучаться. Технологии цифровизации делают успехи, но... тайну творчества – главную сущность человека – так и не раскрыли. Вот на этом утверждении о главной сущности человека все и застыло. Наступило время по-другому квалифицировать такой вид живой материи как ЧЕЛОВЕК. Для русских философов эта тема всегда была животрепещущей.

Что касается наших западных коллег – позитивистов и материалистов, – они ни на секунду не сомневаются, что человек – это разумное животное. Отсутствие в материализме и позитивизме абсолютных критериев в оценке мирового процесса, а также невозможность в этих философских системах увидеть его провиденциальность породили в общественном сознании Запада хаос мировоззрений и чудовищную практику мировых войн. В сознании людей XX века целостность мира рассыпалась на глазах, человек затерялся во фрагментах Бытия, в биологической конкретике своего существования, социальную роль принял за свою родовую духовную сущность.

Давайте вернемся к определению творческого человека, которого исследовал в тяжелые времена и русской, и европейской истории Н.А. Бердяев. В преддверии Первой мировой войны и Октябрьской революции он пишет две своих фундаментальных работы «Философия свободы» и «Смысл творчества. Опыт оправдания человека», где обосновывает эволюционный путь развития сознания человека и верит в его творческие и нравственные потенции, заложенные в нем от природы и направленные на созидание. Задолго до открытия антропного принципа Вселенной в конце XX в. Н.А. Бердяев связал творческий потенциал человека с возможностью его взаимодействия с космосом: «Творческая тайна общественности, тайна общения людского и общения космического не могла быть открыта до откровения творческой тайны о человеке и человечестве. А мы видим, что в христианстве антропологическое откровение еще не совершилось. Последняя антропологическая тайна откроется не в послушании, а в творчестве. В творчестве откроется и тайна общественности, тайна нового общения в любви, общения в Духе, не только людского, но и космического» [2, с. 490].

Открытая сегодня сложность мира обуславливает потребность в трансформации, реформировании существующих представлений о природе человека, который вновь раскрывается через древнюю формулу как микрокосм. И всё, что мы находим в макрокосме в качестве его признаков, а именно его нелинейность, незамкнутость (открытость), неравномерность, неравновесность, неустойчивость, мы находим и в природе человека, беря себе в помощники синергетический подход.

Последние дискуссии в философских журналах по поводу применимости синергетического метода в гуманитарных исследованиях, в которых участвуют

как специалисты – естествоиспытатели и математики, так и известные в нашей стране философы, показали, что этот метод обладает большим творческим потенциалом для изменения привычных взглядов на общественные процессы.

Вот объективные качества природы человека, подвластные синергетическому исследованию.

Ее неравномерность развития связана с генетической наследственностью. Его ритмы нам неизвестны, поэтому подрастающий человек каждый день начинает жизнь заново.

Неравномерность или необратимость развития человека связана с законами онтогенеза личности, частично описанными в педагогической антропологии и культурно-исторической психологии. Эти законы нельзя отменить волевым решением министра образования или директора учебного заведения и даже родителя. Они «работают» там, где собраны вместе люди с одним культурным тезаурусом.

Незамкнутость (открытость) свидетельствует о спонтанном взаимодействии человека с несколькими такими же открытыми системами на микро- и макроуровне: семьей, городом, страной, человечеством. Открытость тяготеец к целостной картине мира.

Нелинейность человеческого развития вытекает из того, что сам человек, особенно юный, представляет собой пример крайне противоречивых отношений: существуют границы чувств, эмоций, страстей, восприятия мира, его познания и осмысления, которые невозможно предугадать, если они не собраны в один смысловой мотив.

Неустойчивость человека связана с постоянным состоянием выбора, когда «третьего не дано». Такие состояния в синергетике принято называть «точками бифуркаций». Они непеременимы в любой ситуации рождения нового качества системы и характеризуют рубеж между новым и старым. Их носителями (или проявителями) как раз и являются новаторы, творческие личности.

Да, надо признаться, что синергетический подход сложен, ломает стереотипы исследовательских решений в изучении человека. Синергетический подход к пониманию происходящего предупреждает: «Осторожно! На пороге хаос, угроза национальной самоидентичности, слом народного сознания – со всеми его неизвестными последствиями». Но та же синергетика предлагает рассмотреть данную проблему в целях поиска ее продуктивного решения с единственно плодотворной позиции – упорядочивания процесса самоорганизации системы за счет проявления в ней креативной триады: взаимодействия мега-, макро- и микроуровней, в непосредственном процессе которого и рождаются новые параметры порядка обновленной системы.

В синергетике как методе постнеклассической науки изменяется представление о будущем. «Будущее оказывает влияние сейчас, в некотором смысле оно существует в настоящем... когда система попадает в конус притяжения аттрактора, то он становится определяющим для поведения системы; она начинает строиться и достраиваться из будущего в соответствии со структурой-аттрактором, с будущей формой... (предзаданной свойствами данной нелинейной среды)... Аттракторы выглядят как “память о будущем”, как “воспоминание

будущей активности”... Все, что не соответствует структурам-аттракторам, будет смыто, уничтожено диссипативными (энтропийными) процессами», – пишет крупнейший специалист в синергетике Е.Н. Князева [3, с. 377].

С этого момента в понимание человека включаются гуманитарные мотивы. Понятие исторического творчества охватывает самые различные виды человеческой активности, оно определяется *не предметным содержанием деятельности, но отношением* человека к сущности эволюционного развития. В мире, раздираемом сегодня острейшими социальными противоречиями, как это было и 100 лет назад, национальной и религиозной рознью, творческая деятельность людей неотделима от работы на мирное созидание будущего, на сохранение планеты и самого человека как уникальной попытки природы выйти за рамки своей собственной ограниченности.

Когда мы говорим о творческом самосознании, то выделяем в нем прежде всего те его черты, что направлены на преодоление отчуждения человека от окружающего его мира. Творческое сознание, ориентированное на идеал, не только объединяет человека, природу, космос, но и выводит его на новый уровень понимания этой гармонической взаимосвязи. Идеал поэтому не может быть оцифрован.

Современный онтологический взгляд на человека связан с последними фундаментальными открытиями в науке (например, антропным принципом Вселенной, ноосферной концепцией В.И. Вернадского, учением Н.Н. Моисеева о коэволюции Вселенной и человечества) и с реальным расширением границ сознания живущего в конце XX и начале XXI в. человека. Современный человек способен одновременно вместить в себя знания о мегамире и микромире и увидеть себя в точке их пересечения, так как он принадлежит и тому и другому миру.

Мы подходим к моменту, когда наряду с народом, классом, группой на арену общественной жизни должен выйти человек, включающий себя не только в национальную общность, но и планетарную, и берущий ответственность за реализацию дорогих ему идеалов конкретно на себя, в своей собственной жизни. Но это уже человек с совершенно другим уровнем сознания, а не просто член социальной группы. Мы можем выделить такие его черты: гуманизм, экологическое, художественное, эстетическое, нравственное отношение к миру. Эти черты объединяет в одну целостность подключенность человека к ритмам и энергии духовного мира, к ценностям космического уровня.

И первая задача, стоящая сегодня перед духовной элитой, – это примирение культуры и церкви, науки и искусства, культуры и образования на почве поднятия духовного статуса человека. Первое слово здесь, конечно, принадлежит философии, точнее философской антропологии. Если она будет развивать традиции русской философии – ее онтологизм, методологию всеединства и христианский гуманизм («участное мышление», по М. Бахтину), то есть понимание высшего назначения человека в мироздании, то тогда она будет способна через образовательную систему вывести человечество из мировоззренческого тупика, в котором оно сейчас пребывает. Недаром ученик Л.С. Выготского и сподвижник академика РАН В.П. Зинченко академик РАО А.Г. Асмолов заго-

ворил о некоем антропологическом повороте в психологии, открыв в РАНХиГС Школу антропологии будущего.

Литература

1. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018. 212 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Изд-во «Правда», 1989. 608 с.
3. Бирич И.А. Философская антропология и образование (на путях к новому педагогическому сознанию). М.: Жизнь и мысль, 2003. 276 с.
4. Институт человека, 2018: идея и реальность / отв. ред. Г.Л. Белкина, ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Ленанд, 2018. 348 с.
5. Князева Е.Н. Пробуждающее образование // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 369–387.
6. Синергетическая парадигма. Синергетика образования / Отв. ред. В.Г. Буданов. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 592 с.

Цифровая гуманитаристика как междисциплинарный проект

Малков С.М.

*Институт философии РАН
Москва, РФ*

УДК 001.18

В докладе обсуждается проблема цифровой гуманитаристики как нового междисциплинарного направления научных исследований в цифровую эпоху, а также анализ ее возможностей.

Ключевые слова: цифровая гуманитаристика, междисциплинарность, цифровое общество, цифровой человек.

Digital Humanities as an interdisciplinary project

Malkov S.M.

*RAS Institute of Philosophy
Moscow, Russia*

The article gives a brief description of Digital Humanities as a new interdisciplinary field of scientific research in the digital age, as well as an analysis of its capabilities.

Key words: Digital Humanities, interdisciplinarity, digital society, digital human.

1. Цифровая гуманитаристка (Digital Humanities, DH) – относительно новое направление междисциплинарных исследований, предшественником которому послужило более раннее течение, с момента возникновения сменившее целый ряд названий, но в конце концов заявившее о себе как «гуманитарная

информатика». Последнее начало формироваться довольно давно – в начале 1950-х гг., было тесно связано с развернувшейся в то время компьютерной революцией и сосредоточилось на обсуждении проблем, связанных с применением компьютерных технологий в гуманитарных науках. В те послевоенные времена в США началась работа над использованием компьютерных технологий для перевода иностранных текстов на английский язык, по возможности «идеального», которым можно было бы полностью заменить труд специалистов-переводчиков [см. 1]. В результате в 1954 г. начал выходить журнал “Mechanical Translation”. Заметим, что если бы такой проект удался, он свидетельствовал бы о сокрушительной победе машины над человеком как живым, природным существом с его биологическими, психологическими и социокультурными особенностями.

В 1966 г. в США начал издаваться журнал “Computers and the Humanities”. В 1978 г. главный редактор этого журнала Дж. Рабин основал американскую ассоциацию “Association for Computers and the Humanities” (ACH). В немецкоязычных странах, по свидетельству М. Галлера, возникновение интереса к этому междисциплинарному направлению можно датировать 1962 г., когда «в замке Вартенштайн в Австрии собралась группа ученых, обсуждавших применение компьютеров в антропологии. Это была, вероятно, первая попытка прояснить методологическое положение междисциплинарной области на стыке между гуманитарными и компьютерными науками» [2, с. 6].

2. В 2004 г. в коллективной монографии [3] впервые появился термин “DH”. В дальнейшем он заменил название «гуманитарная информатика», которым было обозначено успешно развивавшееся на протяжении предшествующих пятидесяти лет междисциплинарное исследовательское направление, аккумулировавшее большинство конкретно-гуманитарных проектов из самых разных дисциплин – от истории и филологии до культурологии. Однако в данном случае речь идет не только и не столько о смене термина. В 1990-е гг. началась полномасштабная интернет-революция как новый этап в развитии информационных технологий. Позднее, в первой половине 2000-х начали успешно внедряться в повседневную жизнь технологии мобильной интернет-связи. Все это способствовало возникновению принципиально нового – цифрового – пространства для общения людей, которое открыло интересные возможности для развития гуманитарных наук.

В мае 2010 г. в Париже участники “THATCamp” основали новое общественное движение и составили «Манифест Digital Humanities». Авторы Манифеста использовали в нем такие понятия, как «цифровая революция» (которая, по их убеждению, «видоизменяет и ставит под вопрос традиционные формы создания и распространения знаний») и «цифровая культура», призвав «к включению цифровой культуры в определение общей культуры XXI века». Таким образом, DH оказалась вписанной в общий тренд по формированию нового цифрового общества, органической частью которого становится электронная наука (eScience) вообще и цифровая гуманитаристика в частности, с одной стороны, и цифровой человек, цифровой ученый, цифровой гуманитарий – с другой. Указанное общественное движение носит *транснаучный* характер, поскольку от-

крыто не только для ученых, но для всех людей, заинтересованных в плодотворном развитии этого направления как будущих потребителей достижений ДН, ориентированных на формирование развитого динамического общества.

Сегодня сформировалась разветвленная сеть международных и национальных организаций, создающих и продвигающих продукцию ДН. Основная их масса сосредоточена в Западной Европе, где лидирует Франция, и в США. В России также есть ряд лабораторий, работающих в этом направлении при учебных заведениях. К числу наиболее плодотворных можно отнести следующие ВУЗы:

- Высшая школа экономики;
- Томский государственный университет (выпускающий в рамках магистратуры сертифицированных специалистов в области ДН);
- Сибирский государственный университет в Красноярске;
- Международный институт новых образовательных технологий при РГГУ, одним из впечатляющих достижений которого является успешная реализация проекта «Леонардо да Винчи в 3D», и ряд других.

Основными энтузиастами в работе перечисленных выше лабораторий выступают в первую очередь специалисты в сфере ИТ, что порой приводит к определенной настороженности ряда ученых-гуманитариев по отношению к ДН из-за вмешательства в их область интересов неспециалистов-«технарей».

3. В настоящее время представители ДН работают над следующими проектами:

- оцифровкой бумажных научных изданий и созданием цифровых библиотек;
- выпуском и обслуживанием научных журналов, издаваемых в цифровом формате (включая разработку программ по обнаружению текстовых заимствований «Антиплагиат», методик подсчета таких показателей, как Индекс Хирша и Импакт-фактор);
- оцифровкой бумажных и магнитных архивов (включая магнитную пленку), создание архивов устной речи;
- созданием виртуальных музеев и проведением виртуальных экскурсий;
- формированием цифровых массивов по исследовательским направлениям (например, все связанное с изучением жизни и творчества Ф.М. Достоевского);
- создание программного обеспечения для работы с большими массивами цифровой информации;
- созданием новых цифровых технологий в сфере образования;
- внедрением новых цифровых форм общения ученых (например, организация и проведение онлайн-конференций);
- цифровым моделированием исторических событий, включая построение моделей альтернативного исторического развития;
- работой с невербальными аудиовизуальными текстами (особенно в области культурологии).

4. Несколько слов о цифровом обществе и цифровой науке. В основе кардинальных изменений, происходящих на наших глазах в общественной жизни в

связи с внедрением цифровых технологий, лежит смена господствующего носителя информации – переход с бумаги на цифру. Какие преимущества такой переход предоставляет гуманитарным наукам, а также науке вообще?

Во-первых, этот новый носитель по своим характеристикам является значительно более универсальным. В нем можно успешно кодировать не только текстовую, но также аудио- и видеoinформацию. Более того, они могут вместе переплетаться и образовывать единое целое, что имеет огромное значение для гуманитарных наук. Бумага такой возможности лишена.

Во-вторых, способы перевода информации с аналогового носителя на цифровой приводят к существенной экономии затрат на ее хранение и обработку. Довольно объемный архив бумажных документов в оцифрованном виде может храниться у гуманитария дома на съемном диске. Размещенный в Интернете оцифрованный документ может совместно изучаться и историками, и филологами, и культурологами. Это имеет особое значение для перевода в цифровой формат рукописных текстов, что порой позволяет существенно уточнить содержащуюся в них информацию. Не секрет, что расшифровки архивных документов, опубликованных даже в солидных академических изданиях, могут содержать существенные неточности и даже ошибки, для обнаружения которых порой требуются совместные усилия. В качестве примера можно привести недавно проведенное исследование [4], вскрывшее целый ряд ошибок, допущенных при текстологической расшифровке рукописного наследия Ф.М. Достоевского.

В-третьих, организация совместной работы представителей различных дисциплин над тем или иным документом предполагает налаживание коммуникативных каналов между всеми заинтересованными участниками. Эту коммуникацию также можно осуществлять в цифровом пространстве. То есть в основе такой коммуникации опять-таки будет лежать цифровой носитель. Речь идет о совместном онлайн-общении, в которое могут вступать ученые, находящиеся на значительном пространственном удалении друг от друга.

В-четвертых, в ходе проведения исследований текстовые массивы – как вербальные, так и невербальные – могут подвергаться различного рода аналитическим исследованиям, например выяснению, как часто тот или иной автор употребляет то или иное выражение в своих произведениях. Все это предполагает разработку специального программного обеспечения. Эта задача ложится на плечи специалиста в сфере ИТ, участвующего в междисциплинарном исследовании. Написанные программы представляются им также на цифровом носителе. Таким удобством, широтой и разнообразием вместимости бумажный носитель похвастаться не может. В результате бумажные каталоги будут потихоньку отмирать, уступая место цифровым.

В-пятых, результаты гуманитарных исследований необходимо представлять научной общественности в максимально доступной и удобной форме. В результате в настоящее время наблюдается значительный рост электронных научных изданий, в частности электронных журналов. Ожидается, что в близком будущем цифровая периодика станет доминировать над бумажной, а в обозримом – в состоянии будет почти полностью поглотить ее.

В связи с этим возникает проблема финансирования перехода гуманитарных наук от бумаги к цифре, которая для отдельных проектов потребует существенных затрат.

5. Наконец, несколько слов о цифровом человеке и цифровом гуманитарии. Для анализа этих понятий необходимо обратиться к термину «человеко-размерность», введенному М.К. Петровым, который подразумевает способность человека к вместилищу предлагаемой ему для усвоения информации. Согласно исследователю, лишь человек способен к саморазвитию, то есть обладает «самостью», а тексты и технологические программы ее лишены. Однако «в процессе обучения-воспитания индивиду нельзя дать больше субъективности, чем он способен взять и пронести по жизни, развертывая субъективность в деятельность. И поскольку объем социально необходимого корпуса знания и соответствующей ему деятельности всегда превышает возможности отдельно взятого индивида – его физическую и ментальную “вместимость”, корпус знания необходимо фрагментировать, иссекать по контурам вместилища индивидов в посылные для них части, а также интегрировать эти части в целостность корпуса знания» [5, с. 31]. При этом понятие вместилища включает в себя и способы оперирования с имеющимся в распоряжении человека массивом знаний. В результате сформированный цифровым обществом цифровой человек, оснащенный соответствующими аппаратурой, программным обеспечением и интернет-технологиями, будет существенно отличаться по своим способностям к вместилищу от человека бумажного общества. Ориентация на деятельность в цифровом пространстве существенно трансформирует и расширяет эту способность.

В гуманитаристике следует различать для вида деятельности: *репродуцирование* знания и его *продуцирование*. В области репродуцирования, на наш взгляд, «машинные технологии» будут со временем занимать все больше места. Не исключено, что профессия лектора в обозримом будущем может постепенно превратиться в вымирающую. Ее станут активно замещать современные аудиовизуальные 3D-технологии, оставляя место лишь консультационным услугам. То же относится и к приему экзаменов. В области продуцирования знания машинные технологии будут играть лишь вспомогательную роль. Среди наиболее интересных следует упомянуть возможности машинного перевода, задействование поисковых систем различного уровня сложности, а также использование проверок текстов на наличие плагиата.

Приобщаясь к подобным нововведениям, научному сообществу необходимо озаботиться проблемой своевременного выявления и нейтрализации возможных рисков и угроз. Такие проблемы уже появились и требуют своего разрешения. В частности, нуждается в обсуждении проблема выявления научных текстов, сгенерированных с помощью искусственного интеллекта (“ChatGPT”).

Литература

1. Ванхутт Э. Врата ада: история и определение цифровых (гуманитарных) наук / гуманитарной информатики // Цифровые гуманитарные науки. Красноярск: СФУ, 2017.

2. Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. 2012. № 11. С. 5–13.

3. Schreibman, S., Siemens, R. and Unsworth, J. (eds) A Companion to Digital Humanities. Malden, MA/Oxford/Carlton, Victoria: Blackwell Publishing, 2004.

4. Алексеева Л. В., Панюкова Т. В. Графические аспекты текстологической расшифровки рукописного текста Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2022. № 9 (3). С. 54–77.

5. Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991.

Цифровой двойник как способ репрезентации «я»: модальный аспект исследования

Мартынова М.А.

*Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва, РФ*

УДК 167

Активное формирование цифровой среды, с которой человек ежедневно не просто соприкасается, а интенсивно взаимодействует, требует рассмотрения проблемы репрезентации личности в плоскости виртуального, а также выявления закономерности между наименованным цифровым двойником и реальным «я» человека. Цель работы заключается в исследовании процессов идентификации личности в виртуальной реальности с помощью методологического аппарата модального анализа. В работе проводится параллель между виртуальностью и концепцией модальностей, предложенной М.Н. Эпштейном и А.А. Медовой. Отдельное внимание уделяется потенциалу модального анализа, который, будучи междисциплинарной гуманитарной методологией, дает возможность преодолеть проблему, связанную с цифровой безличностью и проблемой (само)идентификации человека в виртуальной реальности. В заключение выдвигается дискуссионный вопрос о потенциале модальной онтологии в плоскости общегуманитарных наук о человеке.

Ключевые слова: субъект, модальный анализ, идентификация, междисциплинарность, виртуальная реальность, онтология модальности, цифровой двойник.

The Digital Twin as a way of representing itself: a modal aspect of research

Martynova M.A.

*State Academic University for the Humanities
Moscow, Russian Federation*

Actively forming digital environment, with which a person daily not just comes into contact, but intensively interacts, requires consideration of the problem of personality representation in the virtual plane, as well as identifying the pattern between the named digital twin and the real personality. The aim of the paper is to investigate

the processes of identity in virtual reality using the methodological apparatus of modal analysis. The paper draws a parallel between virtuality and the concept of modalities proposed by M.N. Epstein and A.A. Medova. Special attention is paid to the potential of modal analysis which as an interdisciplinary humanitarian methodology provides an opportunity to overcome the problem of digital impersonality and the problem of (self) identification of a person in virtual reality. In the conclusion a debatable question about the potential of modal ontology in the plane of general humanities sciences about a human being is put forward.

Key words: subject, modal analysis, identification, interdisciplinarity, virtual reality, modality ontology, digital twin.

Интенсивная интеграция человека в мир биотехнологических инноваций сопряжена с философской интенцией постнеклассических онтологий [1], в качестве частного случая которых можно рассмотреть онтологию модальности [2; 3] и связанную с ней методологию гуманитарного исследования – модальный анализ.

В исследовательской практике применения выражений «модальная онтология», «модальная метафизика», «модальный анализ» часто приходится сталкиваться с проблемой непонимания, чем именно в данной терминологии выступает модальность. Подобная содержательная непрозрачность объясняется активным использованием понятия модальности в естественных и гуманитарных науках, но в то же время – его недостаточной концептуализацией.

Широкий охват научных областей свидетельствует об универсальности модального подхода в социогуманитарной парадигме, что отвечает интеллектуальному тренду на транс- и междисциплинарность. Однако прежде чем переходить к применению модального анализа, необходимо обозначить актуальность данной методологии с точки зрения современной отечественной философии. В аналитической статье 2015 г. В.В. Афанасьева и Н.С. Анисимов отмечают, что одной из основных причин пересмотра существующей картины мира стала смена типов научной рациональности, введенная в философский дискурс академиком В.С. Степиным. «Мир изменчив, сложен и множественен: нелинеен, хаотичен, фрактален, полионтичен – но един в своей изменчивости, сложности и множественности» [1], – определяют авторы принцип конструирования новой онтологии. На наш взгляд, эта формулировка во многом совпадает с лексическим значением модальности, понятой как вариативность, трансформация или уникальный фрагмент, образующий с другими частями единое целое.

Характерные черты мира, доминирующие в постнеклассической парадигме, задают концептуальные рамки модального подхода: «нелинейность и хаотичность меняют представления о характере связей, способах существования, возможных взаимодействиях и законах развития объектов познания; фрактальность приводит к новому осмыслению пространственных, временных и каузальных отношений; виртуальность обуславливает множество онтологически различных форм существования, полионтичность» [1]. Как будет показано далее, именно эти категории – нелинейность, фрактальность и виртуальность – являются не только техническими характеристиками цифровой реальности, но

и основополагающими понятиями для философского осмысления репрезентации субъекта в гибридной сфере «офлайн» и «онлайн».

В российских исследованиях, посвященных проблеме репрезентации «я» в виртуальном пространстве, прослеживается общая тенденция касательно положения человека: дивидуум, гибрид, Homo digitalis или цифровой двойник – понятийные категории сводятся к тезису о расколотости личности, подчеркивая проблему идентичности и самоидентичности. Точнее всего, на мой взгляд, кризис репрезентации личности выразил Ф. Гиренок: «В дигитальном мире, то есть в мире, определенном числом, сразу же обнаруживается проблема. Суть ее состоит в понимании того, что человек – это не тело, а субъективность, которая в числовой мир не вписывается. А без субъективности человек уже не человек, а числовой пробел мира. И этот пробел должна заполнить, видимо, какая-то иная, нечеловеческая субъективность» [4].

В условиях гибридного мира личность пользователя неполна без его цифровых двойников, без истории, написанной их цифровыми следами. Однако, как отмечает Э.М. Спирина, «между человеком и информацией о нем, сколь бы полной она ни была, – огромная дистанция» [5]. В попытке идентифицировать личность в виртуальном пространстве появляется все больше имен, ярлыков и знаков, призванных обозначить границы человека; их можно сгруппировать и посчитать, но в процессе «человек утрачивается как целое, не равное сумме частей» [6]. Постмодернистская антропология деконструирует индивида, превращая идентичность в краткосрочный проект («коллаж идентификаций»), что, однако, не решает проблему целостного отображения человека в цифровом пространстве.

В мире, где, говоря о человеке, «мы должны учитывать не только его биологическую природу и внутренний мир, но и его цифровые “расширения”» [7], актуализируется необходимость в модальном аспекте исследования: фрагменты личности, распределенные в виртуальной реальности, объединяются в единый образ именно посредством модусов и модальности. Так, Гегель определяет модус как способ достижения сущностью самоидентичности посредством ее овнешнения, обретения качества и чуждости [цит. по: 4]. Однако важно отметить, что здесь модус – это не вид, не свойство, не признак, а самостоятельный объект. Для осмысления репрезентации «я» в виртуальном пространстве это необходимое условие, поскольку цифровые двойники, на наш взгляд, выступают по отношению к физическому референту именно модусами, а не предикатами.

Исследовательница А.А. Медова отмечает, что «модальный анализ актуален при изучении объектов, имеющих доступные познанию формы и режимы развертывания, при том, что их “чистое” или изначальное состояние неуловимо для рефлексии» [2]. Модус, понимаемый как инобытие, позволяет модальным объектам реализовываться «в ином себе, через то, что не есть он сам» [2], а множественность модального целого становится инобытием единственности. В данной оптике человек и его цифровые расширения могут быть оценены как модальная конструкция, способная к собственному инобытию, выраженному через «способ быть собой посредством того, чтобы не быть собой» [2].

Главное свойство модусов – уникальность и способность обнаруживать себя только под определенным углом зрения. Применимо к репрезентации личности это отражается в ограниченности цифровых двойников определенной социальной сетью или аккаунтом. Самоподобность модальных объектов связывает пользователя с его аватарами, но в то же время помогает избежать полного отождествления, порождающего проблему референции реального и цифрового «я». Делимость и метаидентичность индивида, которую отмечают отечественные исследователи [8], соответствует способности модусов к образованию проекций одновременно в нескольких планах бытия, посредством которых становится возможным их существование в качестве субъекта и объекта, автора и героя и т.д. Наличие подобного разнообразия не противоречит целостности человека, поскольку все модусы связаны между собой и неотделимы от модальной сущности, несмотря на то, что для внешнего наблюдателя модальный объект представляется в виде ряда вещей, которые могут не иметь точек соприкосновения.

Подводя итоги отметим, что предложенная методология позволяет рассматривать личность и ее цифровых двойников как модальный объект и его проекции, не редуцируя сконструированные образы к физическому телу. Модальность дает возможность «явиться в образе, принять вид, обнаружить себя определенным способом» [2], сохранив целостность человека и избежав виртуального обезличивания. На наш взгляд, этот подход, примененный к репрезентации «я» в цифровой реальности, способен преодолеть теоретические сложности определения границ индивида в техногенном мире.

Теоретико-методологические возможности модального анализа имеют огромный потенциал, а сама модальная установка инициирует «смену позиции наблюдателя», что отвечает принципам постнеклассической рациональности. Модальный аспект междисциплинарных исследований «нацелен на выявление уникальных, не сводимых друг к другу форм существования самотождественного неизменного объекта и позволяет интерпретировать различные объекты как тождественные» [2], что может найти отклик в философской антропологии и гуманитарных науках о человеке.

Литература

1. *Афанасьева В.В., Анисимов Н.С.* Постнеклассическая онтология // *Вопр. философии.* 2015. № 8. С. 28–41.
2. *Медова А.А.* Онтология модальности: монография. Ч. 2: Модальная интерпретация действительности / СибГУ им. М.Ф. Решетнева. Красноярск, 2020. 160 с.
3. *Эпштейн М.* Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб.: Алетейя, 2001. 336 с. URL: https://www.emory.edu/INTELNET/epshtein_filos_vozm (дата обращения: 20.04.2023).
4. *Гуренок Ф.И.* Человек – это не цифра // *Завтра.* 2018. URL: http://zavtra.ru/blogs/uroki_digital_noj_filosofii (дата обращения: 14.04.2023).

5. *Спирова Э.М.* Апофеоз безличного в цифровой реальности // *Вестн. Вятского государственного университета.* 2020. № 2 (136). С. 7–16.

6. *Гуревич П.С., Спирова Э.М.* Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2015. 368 с.

7. *Труфанова Е.О.* Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный // *Вестн. Пермского университета. Философия. Психология. Социология.* 2021. Вып. 3. С. 370–375.

8. *Голубинская А.В.* От индивидуума к дивидууму: к вопросу о множественных идентичностях в виртуально-информационной среде // *Studia Humanitatis.* 2017. № 2.

Философия, наука, религия о человеке: историко-культурная и методологическая проблематика. Круглый стол

Антропологические аспекты локальных культов: теоретико-методологические подходы изучения *Шахнович М.М.*

*Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, РФ*

УДК 069

В докладе рассматриваются теоретические подходы к анализу антропологических аспектов культа местночтимых христианских святых, в который включены природные объекты. Особое внимание уделяется применению акторно-сетевой теории Б. Латура к анализу паломнических практик, связанных с почитанием природных локусов.

Ключевые слова: Культ святых, акторно-сетевая теория, народная религия, антропология религии.

Исследование поддержано грантом РФФ – DFG, проект № 21-48-04402.

Anthropological aspects of local cults: theoretical and methodological approaches to study *Shakhnovich M.M.*

*DSc in Philosophy, professor
St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia*

The report discusses theoretical approaches to the analysis of anthropological aspects of the cult of locally venerated Christian saints, which includes natural objects. Particular attention is paid to the application of B. Latour's actor-network theory to the analysis of pilgrimage practices associated with the veneration of natural loci.

Key words: Cult of saints, actor-network theory, folk religion, anthropology of religion.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation – DFG, project No. 21-48-04402.

Известно, что религиозные системы включают в себя не только представления и ценности, отраженные в священных текстах и догматических построениях, но и повседневные жизненные практики, которые очень часто имеют официально не институализированный характер. Такие формы религиозности, связанные с субъективными аспектами верований и практической деятельности, широко распространены в низовой социальной среде. Особое место в них занимает культ святых, ярким образом проявляющий специфические черты народной религии, в которой канонизированные церковью исторические фигуры, подвергаются «снижающей» трансформации: святые короли или князья становятся целителями, а святые епископы – покровителями земледельцев и мореплавателей.

Отличительной чертой религиозной народной практики является сведение догматически и символически сложных представлений к простым, понятным, житейским. Священное воплощается в материальных объектах, обеспечивающих связь со сверхъестественными агентами, что сопровождается умиловательными приношениями по принципу *do ut des*. Объектами поклонения могут быть как официально закрепленные материальные объекты (иконы, поклонные кресты), так и неофициальные локально почитаемые святыни, в том числе родники, камни, деревья и даже ландшафты. Эта форма религии является своеобразным преломлением догматически оформленной официальной религиозной системы, пропущенной через призму традиционных верований, иногда архаического происхождения. В результате этого возникает особая народная религиозная система, которая по-своему организует и регулирует человеческую деятельность. В этой связи, например, почитание на Северо-Западе России святой равноапостольной княгини Ольги как местной святой целительницы является очевидным примером проявления характерных черт народной религии, отвечающей потребностям повседневной жизни, входящей в определенное противоречие с причинами официального прославления святой.

Локальные культы святых являются одной из важнейших черт народной православной культуры. Они связаны с почитанием природных объектов – камней, деревьев и родников, которое имело дохристианские основания, а с распространением христианства приобрело новую интерпретацию. Такие представления называли «православным анимизмом» [1, с. 104–105] или «двоеверием», которое объясняли синкретизмом двух отдельных систем верований – христианской и языческой [2, с. 31–32].

У.Ф. Райан в своей книге о магии и гадании русского крестьянства указывал, что двоеверие не следует считать исключительно русским явлением, ибо «свидетельства других обществ показывают, что Россия в целом мало чем отличается от остального христианского мира, восточного или западного» [3, с. 14]. С этим нельзя не согласиться. Почитание природных локусов, прежде всего

камней, родников и деревьев, связанное с культом святых, существовало и в средневековой Западной Европе. Так, О.М. Добиаш-Рождественская писала, что меровингское и каролингское церковное законодательство с одной стороны, защищало христианский спиритуализм, вступив в борьбу с культом камней, но, с другой стороны, церковная культура и существовавшие церковные легенды этот культ камней поддерживали. Процесс борьбы с культом камней и одновременно его поддержку в западном Средневековье Добиаш-Рождественская называла «двоеверием», подчеркивая его сходство с православной культурой. Она опиралась на агиографические сочинения Григория Турского, в которых описывались чудеса, происходившие в местах, связанных с культом святых. Среди них – почитание камня св. Тавмаста, способного излечивать зубную боль и лихорадку. Камень на могиле св. Кассиана Отенского считался исцеляющим от всех болезней. С молитвами об исцелении обращаются до сих пор к архангелу Михаилу. Это связано с почитанием его как победителя злых духов, приносящих болезни. Во многих местах Малой Азии есть целебные источники св. Михаила, самый известный находится в г. Хоназ (в византийскую эпоху – Хоны). В Италии есть пещера св. Михаила Монте-Гаргано, ее камни, как считается с V века, защищают от чумы. Добиаш-Рождественская отмечала, что «мир меровингских агиографических идей, описанных Григорием Турским, – это сонм огромного количества местных святых, местных гениев, слившихся со своими святынями: скалами, ручьями, родниками, деревьями и камнями» [4, с. 182].

В 1929 г., составляя методическое пособие для этнографических экспедиций по изучению бытового православия, включавшего в себя и культ святых, Н.М. Маторин подверг критике термин «двоеверие»: «Этнографу мало интересуют кабинетное восприятие религии: ему важно то, что существует в массах, а изошренность ученых богословов может благополучно оставаться достоянием мышей. Со времен Феодосия Печерского термин “двоеверие” употребляется для характеристики синкретического религиозного мировоззрения русских масс. Оно неверно по своей сути, хотя и приобрело все права на существование. Есть ведь не механическое соединение двух вер – двоеверие, а некая амальгама, синкретическое, но в то же время целостное мировоззрение. Если в мордовской сказке старые языческие боги сидят на дереве вместе с Миколой, то здесь речь идет не о двоеверии, а о чем-то новом, созданном в результате взаимодействия двух религиозных систем. Пока мы не нашли новый термин, мы должны пользоваться старым, но с указанной выше оговоркой. По мере более глубокого изучения предмета будет выдвигаться новый термин» [5, с. 193–194].

Во второй половине XX века вместо понятия «двоеверие» стало употребляться понятие *folk religion* (народная религия), но очень быстро и этот термин перестал устраивать ученых, стремящихся к адекватному анализу рассматриваемого явления. Например, П. Гири выразил недовольство термином *folk religion*, особенно в случае его использования для характеристики крестьянских религиозных идей и практик. Он критиковал этот термин за противопоставление подлинной христианской религии и народной религии, которая, как считается, погрязла в магии, суевериях и языческих пережитках, если не в прямом

язычестве: «Эссенциалистские определения религии и их противопоставление магии или суевериям мало использовать исторически, точно так же, как попытки отделить религиозную сферу от светской предполагают анахронические предположения о человеческом поведении, которые разрушают целостность общественной мысли и практики» [6, с. 194].

Сравнительно недавно фольклористы, изучающие устные и письменные агиографические повествования, существовавшие среди крестьянства и содержащие сведения о канонизированных святых или местночтимых неканонизированных подвижниках, отражающие специфику народного представления о святости и святых, стали использовать новый термин для обозначения крестьянских верований и обычаев [7, с. 278]. Они опираются на идею Л. Приммиано, который предлагает вместо термина *folk religion* применять понятие *vernacular religion* (вернакулярная религия), характеризующее религию как форму личной практики и понимания [8, с. 44]. Таким образом, народная религия противопоставляется религии институциональной, а проблема религиозной нормы или догматически правильной религиозной практики снимается с обсуждения, поскольку главным оказывается в этом случае не религиозный институт, а личная вера индивида и действия, связанные с ним.

В последние годы для выявления особенностей народных религиозных систем начинает использоваться акторно-сетевая теория Б. Латура. По мнению некоторых исследователей, акторно-сетевая теория создает новые возможности для анализа, достаточные для «интеграции материального и нематериального или видимого и невидимого путем учета различных совокупностей неодушевленных объектов и живых существ» [9, с. 65]. Будучи антиэссенциалистским подходом, акторно-сетевая теория не делает различий между разными типами акторов: людьми, естественными нечеловеческими актерами и сверхъестественными актерами. Камни, деревья, источники создают сеть между паломниками и сверхъестественными актерами, которая проявляется в непосредственных действиях: потирание и целование камней, омовение в источнике или питье воды из него. Укреплению этой связи способствуют соответствующие дары, то есть votivные подношения (деньги, чаще всего монеты, брошенные в источник; тряпочки, привязанные к дереву у камня). Природные акторы выступают проводниками между естественным и сверхъестественным мирами, осуществляют прямую связь со святым или святой, которые постоянно незримо присутствуют в том или ином священном месте, и таким образом выстраивается сеть, имеющая важное психологическое значение для человека, участвующего в паломничестве.

На основании этого нового теоретического подхода меняется интерпретация самого культа святых. Локальные религиозные практики, которые ранее трактовались как выработанные многовековой традицией обычаи почитания сакральных локусов, рассматриваются таким образом с точки зрения их социальной значимости. В ритуальной практике не просто осуществляется почитание материальных природных объектов, связанных со святым или святой, но эти природные акторы выступают своеобразными порталами для взаимодействия человека с сверхъестественными нечеловеческими актерами, выстраивая

тем самым сеть общественно значимых отношений. Природные объекты, включенные в локальные культы святых, выполняют важную функцию проводников в сакральное пространство, позволяя выстроить особую сеть между паломником и святым, характеризующуюся психологической и эмоциональной вовлеченностью человека, ожидающего защиты, помощи или исцеления.

Литература

1. *Маторин Н.М.* Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. М.: Безбожник, 1929.
2. *Levin E.* Dvoeverie and Popular Religion // Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine and Georgia / Ed. by Stephen K. Batalden. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1991. P. 31–52.
3. *Ryan W.F.* The Bathhouse at Midnight. An historical Survey of Magic and Divination in Russia. University Park: Pennsylvania State University Press, 1999.
4. *Добиаши-Рождественская О.М.* Культура средневекового Запада. М.: Наука, 1987.
5. *Шахнович М.М., Чумакова Т.В.* Н.М. Маторин и его программа изучения народной религиозности // Религиоведение. 2012. № 4. С. 191–202.
6. *Geary P.J.* Peasant Religion of Medieval Europe // Cahiers d'Extrême-Asie. 2001. No. 12. P. 185–209.
7. *Moroz A.B., Pigin A.V.* Studies into the Folk Hagiography of the Russian North: Judas Koneschelsky // Scrinium. 2019. No. 15. P. 277–296.
8. *Primiano L.* Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife // Western Folklore. 1995. No. 54. P. 37–56.
9. *Kreinath J.* Tracing Tombs and Trees as Indexes of Saints' Agency in Veneration Rituals: Bruno Latour's Actor-Network Theory and the Hidrellez Festival in Hatay, Turkey // Journal of Ritual Studies. 2019. No. 33 (1). P. 52–73.

Вечные истины и порождение нового знания.**Мигель Сервет: «Теология как медицина и медицина как теология»****Burgete Ayala M.R.***Институт философии РАН**Москва, РФ*

УДК 1(091)

Тема, взаимоотношения религии и науки, «заезженная» и «неисчерпаемая» в равной мере, стала главной в докладе. Автор показывает, что наука и религия имеют точки содержательного взаимодействия в историческом контексте исследования опыта мыслителей, использующих естественнонаучные факты для решения теологических задач. Рассмотрена главная идея известного трактата М. Сервета «Восстановление Христианства». Автор доклада приходит к выводу, что открытие медицинских знаний о малом круге кровообращения, теологических идей и философских способов их соединения создает исторический прецедент, показывающий возможность взаимосвязи науки и религии на определенном этапе истории культур. Результат ее принесет научные результаты в будущем. Однако их значимость имеет вневременной, заслуживающий возвращения из «небытия» смысл, актуальный и сегодня.

Ключевые слова: Мигель Сервет, «Восстановление Христианства», преемственность знания, теология и медицина, междисциплинарность.

Eternal truths and the generation of new knowledge.**Miguel Servet: “Theology as medicine and medicine as theology”****Burgete Ayala M.R.***RAS Institute of Philosophy**Moscow, Russia*

The theme of the relationship between religion and science is “hackneyed” and inexhaustible in equal measure. Everyone who turns to it, on the one hand, risks repeating the opinions accumulated over the centuries, many of which have turned into banalities and prejudices, and on the other, has a chance to discover something new in this area and find their own grain of «truth». It may seem to someone that over the past five centuries that have passed since the creation of the texts proposed for consideration, they have lost their original meaning and significance, as well as the circumstances that gave rise to them have disappeared. We will try to show that the study of the experience of thinkers who tried to combine the traditionally opposed science and religion within their worldview, using natural science facts to solve the theological problems posed, will be able to bring unexpected results and convey through the past epochs their deep message, the significance of which is timeless, deserving of a return from “non-existence” meaning, relevant today.

Key words: Miguel Servet, “The Restoration of Christianity”, the importance of knowledge, theology and medicine, interdisciplinarity.

Предположим, что предложенный В.С. Степиным подход к решению проблемы преемственности в развитии знания, в котором «рассмотрение научного знания как сложной саморазвивающейся системы» допускает «элементы истинного знания в каждом из альтернативных теоретических объяснений фактов, относящихся к одной предметной области» [1, с. 9] можно распространить на разные и необязательно научные области знания. Такое предположение позволит обнаружить элементы истинного знания не только в предметно разграниченных познавательных процессах, но и во взаимоисключающих областях знания, какими являются в европейской ментальной истории наука и теология. В этом случае они могут по отношению друг к другу находиться не только во взаимодополняющих позициях, но и взаимодействующих.

В докладе будет сосредоточено внимание на концепте человека и его места в мироустройстве, где «факт» взаимодействия имел место в середине XVI в., хотя и оставался скрытым 141 год с момента его публикации в 1553 г. Одной из причин этого стало сожжение в том же году автора и почти всех экземпляров его книги. Только в 1694 г. английский филолог Уильям Уоттон в одном из двух хранящихся в Лондоне экземпляров «Восстановления Христианства» находит описание малого (легочного) круга кровообращения и сообщает об этом в работе «Размышления о древней и новой учености».

Книга «Восстановление Христианства» была издана анонимно. Однако благодаря громкому судебному процессу в Женеве и казни автора его имя стало хорошо известно в Европе. Мигель Сервет – испанский врач, получивший медицинское образование во Франции, жил и публиковался также под именем Мигель Вильяновано. Несмотря на широкий научный диапазон его трудов — география, медицина, фармакология, астрология, теология — главным устремлением его жизни было именно «Восстановление Христианства. Возвращение Апостольской Церкви в ее первоначальное состояние посредством познания Бога, веры в Христа, нашего оправдания, восстановления крещения и вкушения Божественной трапезы, окончательное Восстановление Царствия небесного, после разрушения безбожного Вавилонского пленения и окончательного низвержения Антихриста со всеми его последователями». Таково полное название книги, задача которой «столь возвышенная в своем величии, сколь легкая в понимании и верная в доказанности» [2, t. V-1, p. 7(CR 4)].

Интересующий нас фрагмент находится в книге V, в главе посвященной Святому Духу, а пример из области физиологии – процесс, описанный автором, который связует земную жизнь человека с его Божественным назначением. Автор желает убедить «христианского читателя» в том, что «таким же образом как Слово является сущностью Бога, когда проявляется в мире, Дух является сущностью Бога, когда сообщает о себе миру. Такое сообщение глубоко связано с проявлением <...> Слово и дух имеют одну и ту же субстанцию, но различные модусы» [2, p. 287 (CR 163)].

Сервет не был теологом, источником знания о Боге для него было чтение Священного Писания: «Пожалуйста, тысячи раз прочти Библию, и если прочитаешь ее не уловишь ее сути, то это потому, что потерял Христа – ключ к познанию, который сможешь легко обрести вновь, если приложишь непрерывные

усилия» [2, t. II-1, p. 300 (DeTrErт. 79r)]. Рассуждая в дисциплинарном поле теологии, Сервет ищет «вещественные» доказательства тому, что вдохнув в человека душу, Бог передал ему тем самым свое Божественное начало, и находит подтверждение этому в медицинской науке, описывая движение Божественной субстанции по всему телу вместе с кровью, которая очищается благодаря дыханию. Он делает это «для того, чтобы ты, христианский читатель, получил полное знание о душе и духе, включая сюда для этого Божественную философию, которую ты поймешь с легкостью, если сведущ в анатомии» [2, t. III, p. 283].

«Жизненный дух берет свое начало в левом сердечном желудочке, при этом особое содействие производству жизненного духа оказывают легкие, так как там происходит смешение входящего в них воздуха с кровью, поступающей из правого сердечного желудочка. Этот путь крови, однако, вовсе не пролегает через перегородку сердца, как принято думать, а кровь чрезвычайно искусным образом гонится другим путем из правого сердечного желудочка в легкие... Здесь при вдыхании кровь освобождается от сажи³⁷. После того как через дыхательные легкие кровь хорошо перемешана, она наконец снова притягивается в левый сердечный желудочек» [цит. по: 4, с. 83]. Для Сервета совершенно ясно, что процесс происходит именно таким образом, хотя это идет вразрез с общепринятым в европейской медицинской науке того времени мнением.

Можно предположить, что это и есть одно из тех открытий, которые, по мнению В.С. Степина, ждут своего часа, чтобы быть введенными в преобразованном виде в науку. И в какой-то степени это верно!

Но это далеко не все! Следуя за рассуждением автора можно проследить, каким образом двигаясь от вечной непреложной «истины» Св. Писания, а также фактов из области естественнонаучного опыта, полученных путем наблюдений над природными процессами, происходящими в организме человека, можно предложить решение проблемы, которой занимаются теологи, но методы ее разрешения находятся в единстве философского знания (помните: понятие Божественную философию можно, если знаешь анатомию!). Сервет описывает процесс, происходящий в человеке, – трансформацию, в результате которой происходит соединение человеческой и Божественной природы, души и тела, материи и духа. При этом его интерес носит и практический характер, его цель – показать, что человек, в принципе способен изменить себя, осознанно встав на путь спасения. Именно это позволяет назвать позицию испанского мыслителя «антропологическим оптимизмом». Рассуждения из области теологических естественным образом перетекают в область физиологии, находя в ней фактическое подтверждение. Далее, столь же обоснованно переходят в область духовной, моральной философии и сознательной трансформации человека и вновь возвышаются к решению проблемы личного спасения, показывают путь человека к Царствию небесному. Иными словами, человек становится тем теологическим и природным фактором, который позволяет осуществить для своего времени очень рискованный теоретический ход (риск, стоивший автору жизни):

³⁷ Сажа – подразумевается углекислота.

объединить предметные области медицинских наук, физиологии, прежде всего теологии и философии. Однако мы можем зафиксировать междисциплинарное единство знаний о человеке: теология – вера, укрепляющая мировоззрения, медицина как область естественной науки и философия, подошедшая к проблеме важности объединения всех областей знания.

В библейских книгах Чисел, Бытия, Книг Пророков и др. Сервет находит указания на то, где следует искать месторасположение сотворенной души человека, и то, каким образом она связана с Творцом. «Потому говорится, что душа находится в крови и что сама душа – это сама кровь или дух крови. Не говорится, что душа главным образом в стенках сердца, ни в мозговом веществе или в печени, а в крови, как и указывает сам Господь [2, t. 5-1, p. 287 (CR 170)]. Для автора очень важно найти в Писании подтверждение, что даже после грехопадения в человеке осталась частица дарованной Божественной «субстанции Святого Духа», дающая ему шанс на спасение. Используя имеющиеся в его арсенале знания анатомии и врачебный опыт, Сервет находит эмпирический материал, необходимый для описания процесса, происходящего в организме человека. При этом его физическая сторона почти так же скрыта от человеческого глаза, как и метафизическая: надо было обладать даром прозрения, чтобы рассуждать об их взаимосвязи. Это возможно потому, как отмечал Р. Бейтон, что «для него существует только один совершенный вариант развития естественных процессов, восходящих от дыхания к одухотворению, от становления к восстановлению, от восприятия к пониманию от рождения к духовному возрождению» [3, p. 132].

В системе, созданной Серветом, объединено несоединяемое, нарушены принятые границы между теологией и наукой. В его измерении теология, философия, астрология, медицина взаимодействуют на равных в единстве знания постигающего Бога, Вселенную и Человека – в единстве тела и духа. «Субстанция Создателя соединяется и смешивается разными способами с субстанцией творения, создавая нового человека, единого в теле и духе» [2, t. V-2, p. 1221 (CR 549)]. И не удержусь от комментария: разве хоть один из бесчисленных показателей современных методов анализа крови сможет найти хоть наночастицу заключенной в ней души?

Именно такой взгляд позволяет Даниэлю Морено сделать следующий вывод, смысл которого сохранен в названии моего доклада: «У Сервета не существует медицины и теологии, для него медицина как теология и теология как медицина. У Сервета человек не читает Библию филологически и методически. Человек читает Библию буквально: в реальном смысле, из своего естества, сердцем, в той степени, сообразно вере, в какой он отмечает внутри себя “материальный эффект каждого божественного слова”. То, о чем говорит Сервет, – это его собственная внутренняя жизнь. Это не вопрос слов. Это послание. Это озарение. Это возрождение внутреннего человека посредством Духа-Слова Божьего, ставшего Словом Библии. Оно подтверждается и демонстрируется примером регенерации крови духом в легких и сердце... Его публикация как научного открытия имела бы меньше смысла, чем публикация в качестве поддержки основного призыва к установлению Царства небесного» [5, p. 31].

Сегодня актуальны разговоры о том, что мир постоянно усложняется благодаря техногенному воздействию человеческой цивилизации. По меньшей мере это выглядит претенциозно и нелепо – человек возгордился и возомнил себя не только вершиной творения Бога, но на сей раз и создателем Вселенной «техногенных творений», считая, что они превосходят ВСЁ существовавшее до него. Простое сопоставление того, сколько времени до человека и без человека существует Вселенная, и то, о существовании чего человек возможно даже не подозревает, приводит к заключению, что успех в получении достоверных знаний, понимания и воздействия на мироустройство в настоящее время все более и более усложняется.

На современном этапе развития знания о человеке, когда, казалось бы, из высших побуждений адепты технопрогресса спешат провозгласить наступление новой и победной эпохи пост- и трансгуманизма, истинная «гуманитарность» знания состоит в том, чтобы сохранить позиции понимания человека в единстве его природной и антропосоциальной феноменальности. Сложность, многогранность, междисциплинарность разработанной В.С. Степиным постнеклассической науки в культурно-историческом контексте не только определяет пути познавательных возможностей природы человека, но и актуализирует историю науки для выявления точек роста научного знания.

Литература

1. *Степин В.С.* История науки как наука. Введение // *Степин В.С., Столчик А.М., Затравкин С.Н.* История и философия медицины. Научные революции XII–XIX веков. М.: Академический проект, 2017. 236 с.
2. *Servet Miguel.* Obras completas.
3. *Bainton R. H.* Servet, el hereje perseguido (Á. Alcalá, trad. Y prol.; М.Е. Stanton, bibliografía). Madrid: Taurus, 1973. 301 p.
4. *Глязер Г.* Исследователи человеческого тела. От Гипократа до Павлова. М.: МЕДГИЗ, 1956. 243 с.
5. *Moreno Moreno D.* Miguel Servet teólogo iluminado. ¿Ortodoxia o heregía? Institución «Fernsdo el Católico», Zaragoza, 2011. 265 p.

Русская литература в церковном дискурсе XIX – начала XX вв. как объект междисциплинарного анализа *Чумакова Т.В.*

*Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, РФ*

УДК 2. 27

Публикация посвящена исследованию места и роли русской литературы в информационной среде российских духовных учебных заведений XIX – начала XX вв. Автор определяет основные междисциплинарные подходы к изучению этого феномена отечественной культуры, а также описывает круг источников, которые могут быть использованы при реконструкции места и роли литературы в интеллектуальной и информационной сфере духовных учебных заведений Российской империи.

Ключевые слова: религиоведение, история христианства, история религиозного образования, православие, инфосфера, русская литература.

Подготовлено при поддержке гранта РФФ № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведения Российской империи XIX - нач. XX вв.».

Russian literature in the Church discourse of the 19th – early 20th centuries as the object of interdisciplinary analysis

Chumakova T.V.
*DSc in Philosophy, professor
St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia*

The publication is devoted to the study of the place and role of Russian literature in the information environment of Russian theological educational institutions of the 19th – early 20th centuries. The author defines the main interdisciplinary approaches to the study of this phenomenon of Russian culture, and also describes the range of sources that can be used in the reconstruction of the place and role of literature in the intellectual and information sphere of theological educational institutions of the Russian Empire.

Key words: Religious studies, history of Christianity, history of religious education, Orthodoxy, infosphere, Russian literature.

Число работ, в которых анализируется влияние религии на русскую литературу, огромно. Но не менее важной является область изучения влияния литературы на клерикальную (церковную) культуру России и ее инфосферу. Эта культура была чрезвычайно вариативна, но в то же время она обладала некими общими чертами, которые отчасти определялись совокупностью отношений внутри данной субкультуры, наличием неких общих идей, связанных с профессиональной деятельностью священнослужителей, полностью подчиняя их жизнь, включая и личную, нормам канонического права. О жизни священно-

служителей мы можем судить по церковной автобиографике, в которой открывается и ужасающая нищета значительной части сельского духовенства, чья книжная культура зачастую сводилась к чтению богослужебных текстов, других книг в семье священника могло и не быть вовсе. Чтение в таком случае становилось лишь профессиональным навыком, а потому те члены семьи, которые не принимали участия в этой деятельности (попадьи и поповны, например) еще в начале XIX столетия зачастую были неграмотны. Однако были примеры и благополучной и просвещенной жизни других священников: в XIX в. поповские семьи могли породниться и с купцами, и с мелкопоместными дворянами, благодаря чему войти в круг местной элиты и получить доступ к дворянским библиотекам и т.п. (примером может служить семейство отца Н.Г. Чернышевского).

Исследования, посвященные влиянию литературы на религиозную субкультуру, проводятся в рамках междисциплинарного подхода, предполагающего использование различного инструментария, начиная от методов, разработанных в рамках философии информации, до тех, что применяются в социологии литературы, социологии знания и интеллектуальной истории. Анализ рецепции тех или иных литературных произведений в контексте эпохи и конкретных институций требует порой обращения и к содержательному литературоведческому анализу, что расширило рамки междисциплинарности.

Русское духовенство к концу XVII в. становится замкнутым сословием. Юридическое закрепление этому процессу положил собор 1667 г., на котором было принято решение о запрете на поставление священнослужителями лиц не из духовного сословия. Окончательно сословный статус духовенства был закреплен императрицей Екатериной Второй. Определяющее влияние на формирование субкультуры православного духовенства в Российской империи также оказал профессионально-сословный характер образования. Духовная школа стала формироваться после появления «Духовного регламента», в котором скрупулезно был прописан регламент обучения мальчиков духовного сословия. Согласно «Духовному регламенту» все учебные заведения должны были иметь библиотеки, поскольку далеко не все ученики имели средства для покупки книг. Комплектовались эти библиотеки в том числе благодаря епископским библиотекам, которые после смерти владельцев как правило поступали в духовные школы (благодаря этой традиции в достаточно полном виде сохранилась библиотека Феофана Прокоповича, вошедшая в состав библиотеки Новгородской духовной семинарии).

Преподавание русской литературы в российских учебных заведениях в дореформенную эпоху было достаточно скромным не только в духовных, но и в светских учебных заведениях. Современные российские исследователи, рассказывая об истории преподавания литературы в учебных заведениях Российской империи, вспоминают предложения А.С. Шишкова, который будучи министром народного просвещения, в 1824 г. предложил усилить преподавание русской словесности. Он писал: «I) Воспитание народное во всей Империи нашей, не смотря на разность вер, ниже языков, должно быть русское... III) Все иноверное российское юношество должно учиться нашему языку и знать его. Оно

должно преимущественно изучать нашу историю и законы. IV) Все науки должны быть очищены от всяких не принадлежащих к ним и вредных умствований... VI) Язык славянский, т. е. высокий, и классическая российская словесность повсеместно должны быть вводимы и ободряемы» [1, с. 177]. Но под «классической российской словесностью» Шишков имел в виду не литературу современную, а в лучшем случае произведения М.В. Ломоносова и Дм. Кантемира, поскольку Шишков настолько был против использования современного русского языка в образовании, что выступил против распространения «Катехизиса» Филарета (Дроздова). И.А. Алешинцев отмечал: «Объявив поход Библейскому обществу с его переводами, адмирал Шишков не мог быть доволен и катехизисом преосв. Филарета, где тексты приводились на русском языке: 2 ноября 1824 г. он написал Аракчееву, “что в катехизисе молитвы Господни: Отче наш и верую в единого Бога, а также десять заповедей переложены на простонародное русское наречие и тем унижена святость церковного языка”. 21 ноября Высочайшим указом катехизисы Филарета временно перестали печататься и рассылаться. Даже более, старые катехизисы были изъяты из употребления» [2, с. 106]. В духовной школе изучение русской литературы входило в состав различных учебных курсов. Первоначально это было связано не столько со стремлением дать учащимся разностороннее образование, сколько с желанием развить их художественный вкус и литературные способности, что было необходимо для написания проповедей. Почти до начала 1840-х годов классическая русская литература по большей части ограничивалась произведениями авторов XVIII в., это были М.В. Ломоносов, Д. Кантемир и М.М. Херасков, Г.Р. Державин, но иногда по разрешению руководства преподаватели могли добавлять некоторых авторов, например В.А. Жуковского [3, с. 72]. В 1840-е в официальный круг чтения учащихся духовной школы проникли А.С. Грибоедов, К.С. Батюшков, А.Ф. Мерзляков, А.С. Пушкин [3, с. 377]. Но позже литература стала восприниматься как то, что оказывает мощное влияние на мировоззрение человека и может конкурировать с религией, и потому объем ее преподавания возрос.

Конфликт между литературой и церковью как институцией в русской традиции был почти неизбежен, поскольку литература в XIX в. стала вытеснять церковь в борьбе за влияние на «духовном поле». Религиозное разномыслие, которое неизбежно усиливалось под влиянием множества факторов, среди которых важным был антиклерикализм, недоверие к традиционным религиозным институтам, способствовало усилению интереса к философии и философической литературе. Светские и религиозные консерваторы видели в некоторых философских сочинениях не просто некую «духовную» опасность, но даже ересь. Именно с этим был связан запрет на преподавание философии Шеллинга и ограничение преподавания философии в светских и духовных образовательных учреждениях в целом. Сакральный статус литературы для русской традиции был вполне традиционен, древнерусская книжность была почти лишена развлекательности и по большей части исполняла дидактические и богослужебные функции, и позаимствованная из Европы мифологема о пророческой миссии поэта (П.Б. Шелли, Ф. Шиллер) легко была усвоена русской литературой и русским обществом. Литература, обогащенная новыми философскими и

религиозными идеями, начинает «отвоевывать» сакральное пространство у институциональной религии. Литераторы стремятся «учительствовать», выступая в качестве проповедников, «отбирая» у церкви влияние на морально-этический дискурс, который традиционно рассматривался как то, что входит в сферу не светского, а церковного «учительства». Поэтому церковные авторы так болезненно реагировали на вмешательство светских писателей в церковное просвещение. Достаточно вспомнить историю Л.Н. Толстого, а также сложное отношение к религиозным текстам Н.В. Гоголя. В церковной периодической печати в последней четверти XIX в. появляется литературная критика. Большая часть статей, посвященных русским писателям, составляют статьи о произведениях Льва Толстого и других писателей, которые считались ниспровергателями устоев. Также часто встречаются публикации, в которых критиковались церковные сюжеты Николая Лескова за рассказы о церковной повседневности, что рассматривалось как вмешательство в частную жизнь клириков. И это вполне логично. Опираясь на современные представления о «священном», мы знаем, что оно остается таковым до того момента, пока находится под покровом некой тайны, пока частная жизнь если не белого, то хотя бы черного духовенства, остается под покровом тайны.

Говоря о литературе и церкви, нельзя забывать, что церковь в своей деятельности нуждалась в литературе, она активно использовала литературу не только в пасторской практике среди членов церкви (проповеди), но и в миссионерских целях. Н.И. Надеждин отмечал, что «чтение книг считалось нужным и полезным, но собственно книг, имеющих отношение к урокам и слишком серьезных, или моральных: такое чтение составляет тоже ученье, а не отдохновение и развлечение. Книги, служащие развлечением, в соединении с пользой для эстетического и литературного развития, сочинения беллетристические тогдашних писателей и поэтов, Карамзина, Батюшкова, Жуковского, Грибоедова, Пушкина и др. признавались вредными» [3, с. 176]. Надо отметить, что представление о «вредности» книг упомянутых писателей полностью изменилось к концу столетия, когда в жизни духовного сословия произошли революционные изменения, которые во многом были связаны и с изменением его правового статуса, когда в результате реформ произошло сближение сословий в правовом отношении и священнослужителями могли становиться представители других сословий [4, с. 338].

Источниками для изучения данного феномена могут служить уже упоминавшиеся биографические сведения, учебные программы и нормативные документы, учебные пособия, церковная периодическая печать, сочинения представителей духовного сословия о современной им русской литературе (фактически церковная критика русской литературы), данные о праздновании юбилеев русских писателей (первые относятся к концу столетия), информация о квалификационных работах учащихся духовных учебных заведениях (помимо архивных документов здесь могут использоваться журналы заседаний духовных академий.

Литература

1. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1902. 785 с.
2. *Алешинцев И.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). Санкт-Петербург: издание О. Богдановой, 1912. 346 с.
3. *Надеждин А.Н.* История С.-Петербургской православной духовной семинарии, с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. 1809–1884. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1885. 660 с.
4. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: В 3 томах. Том 1. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 896 с.

Периодические издания духовных академий духовных учебных заведений Российской Империи 2-ой пол. XIX–нач. XX вв.: полемика вокруг «старокатолического вопроса»

Брук Е.Г.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

УДК 261

В докладе на примере полемики вокруг «старокатолического вопроса» анализируется специфика периодических изданий духовных академий как источника для изучения инфосферы православных духовных учебных заведений Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. Как своеобразное информационное поле и канал коммуникации периодическая печать имеет собственную специфику и динамику развития, отличную от общих тенденций того времени. Ее социально-политическая детерминированность обуславливает основное направление дискуссий вокруг «старокатолического вопроса» и смену акцентов внутри полемического поля. Основными информационными ресурсами для ведения полемики становятся официальные документы Католической и иных церквей, труды западных богословов, современная западная периодическая печать.

Ключевые слова: инфосфера, периодические издания духовных академий, старокатолицизм, церковная периодика конца XIX – начала XX вв.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ № 22–28–00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX – нач. XX вв.».

Periodicals of Ecclesiastical Academies of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: the Controversy about the “Old Catholic Issue”

Bruck E.G.

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia*

Using the example of the controversy about the «Old Catholic Issue», the report analyzes the specifics of the periodicals of ecclesiastical academies as a source for studying the infosphere of the Orthodox theological educational institutions of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. As a kind of information field and communication channel, the periodical press had its own specifics and dynamics of development, different from the general trends of that time. Its socio-political determinism determined the main direction of discussions around the «Old Catholic Issue» and evoked changes of emphasis within the polemical field at the turn of the 20th century. The main information resources for conducting controversy were official documents of the Catholic and other Churches, the works written by European theologians and modern European periodicals.

Key words: Infosphere, Periodicals of Ecclesiastical Academies, Old Catholic Movement, Church Periodicals of the late 19th – early 20th Centuries.

В настоящее время церковная периодическая печать XIX–XX вв. активно изучается с различных точек зрения: анализируется ее специфика, динамика развития, связь с изменениями, происходившими в духовных учебных заведениях этого периода [1]. Периодические издания духовных академий могут изучаться не только с точки зрения классических методологических подходов, но и с точки зрения философии информации, то есть как определенное информационное поле, имеющее свои собственные характеристики и входящее в состав инфосферы православных духовных учебных заведений Российской империи.

Л. Флориди, с именем которого тесно связано как определение «философии информации» в целом, так и «инфосферы» в частности, по поводу последней писал: «Минимально, инфосфера означает целостную информационную среду, состоящую из всех информационных единиц (entities), их свойств, взаимодействий, развития и взаимосвязей. <...> Максимально, инфосфера – это понятие, которое также может быть использовано как синоним реальности, если мы интерпретируем последнюю с точки зрения информации (informationally)» [2, с. 41]. Частным случаем такой «реальности» является инфосфера православных духовных учебных заведений Российской империи указанного периода. Периодическая печать в таком случае может рассматриваться как специфическое поле внутри инфосферы как особого рода реальности. Журнальные статьи XIX–XX вв. во многом были детерминированы спецификой этого информационного поля и воспроизводили характерные для него модели, отличавшиеся от общих тенденций того времени.

Изучение периодических изданий духовных академий в контексте исследования инфосферы православных духовных учебных заведений Российской империи позволяет выявить свойства периодической печати как специфического информационного поля, основные коммуникационные стратегии внутри этого поля, информационные ресурсы, используемые авторами статей, то есть специфику круга чтения и подбора информационных источников для построения аргументации. Это способствует дополнению имеющихся представлений об инфосфере православных духовных учебных заведений XIX–XX вв.

В целом, в конце XIX – начале XX вв. для восприятия католицизма в трудах российских исследователей характерно снижение полемического тона и тяготение к нейтральному историческому подходу. Однако периодическим изданиям духовных академий было присуще восприятие католицизма сквозь полемическую оптику. Это было связано с тем, что периодическая печать в первую очередь являлась каналом коммуникации, жестко детерминированным социально-политическим контекстом. Большинство статей – это реакция на современные события, происходившие в то время внутри Католической церкви (Первый Ватиканский собор, принятие новых догматов и т.п.). С конца 1860-х гг. до рубежа веков в периодических изданиях духовных академий центральным был «старокатолический вопрос», имевший широкий общественный резонанс (в 1892 г. Святейшим Синодом была создана комиссия «для выяснения условий и требований, которые могли бы быть положены в основу переговоров со старокатоликами, ищущими общения с православной восточной церковью» [3]). Этот социально-политический аспект, связанный с ожиданиями официального сближения со старокатоликами, в течение долгого времени был ведущим и определял направление журнальной полемики.

Общее поле дискуссий по поводу «старокатолического вопроса» включало в себя как открытую критику нововведений, принятых Католической церковью, так и вопрос о соединении церквей, с точки зрения которого рассматривалось старокатолическое движение в целом. Направление дискуссий детерминировалось их социально-политической подоплекой: нововведения, принятые Католической церковью, резко критиковались, в то время как старокатолики рассматриваются как хранители истинного благочестия, что открывало возможность для обсуждения вопроса о сближении с ними. Кроме указанного противопоставления как основной стратегии ведения дискуссий, в статьях в качестве основного инструментария использовались открытая и скрытая полемика. В качестве статьи открыто полемического характера можно указать, например, «Размышления по поводу предстоящего римского собора» [4]. В этой статье автор критиковал догмат о непогрешимости Папы Римского и созыв Первого Ватиканского собора. Скрытая полемика осуществлялась через публикацию писем известных представителей старокатолического движения, ответов представителей различных церквей на папские послания и других подобных материалов. Особое внимание в периодической печати духовных академий уделялось фигуре Й.Й.И. фон Деллингера, который стал своеобразным олицетворением борьбы с католическими нововведениями. Российские авторы не только выказывали одобрение его деятельности, но и переводили и печатали его статьи [5]. Открытая и скрытая полемики чаще всего использовались по соседству друг с другом. Так, например, в уже упомянутой статье «Размышления по поводу предстоящего римского собора» с целью косвенно подтвердить свою точку зрения и показать, что внутри самой Католической церкви многие были не согласны с нововведениями, автор использовал текст анонимного сочинения «Предстоящий Вселенский собор и истинные потребности Церкви. Слово ко всем истинным христианам духовным и светским» (1869).

В указанный период для статей, затрагивавших «старокатолический вопрос», было характерно использование не только католической богословской литературы и западных трудов по истории церкви, но и современной западной периодической печати на немецком, французском и английском языках, что говорит о широте информационно поля, в котором находились авторы. Подбор источников полностью зависел от указанных выше тенденций и должен был способствовать подкреплению собственной аргументации и разрушению аргументации оппонентов.

На рубеже XIX–XX вв. направление дискуссий по поводу «старокатолического вопроса» значительно изменилось. Если до этого времени в периодической печати циркулировало всеобщее ожидание сближения со старокатоликами, то теперь на передний план вышел вопрос о том, почему это сближение так и не состоялось. Авторы разделились на две группы: первая видела причину того, что сближения не произошло, в действиях Православной церкви, вторая – во внутренне присущих Католической церкви особенностях. Обе группы авторов полемизировали между собой на страницах периодических изданий. Например, В.А. Керенский в статье «Кто виноват? К старокатолическому вопросу. По поводу брошюры А.А. Киреева: Старокатолики и вселенская церковь» [6] критиковал А. А. Киреева за то, что тот считал «главным тормозом решения старокатолического вопроса» Православную церковь, за его опору на точку зрения В.В. Болотова, которую А.А. Киреев использовал с целью показать недогматический характер различий между православием и католицизмом. В свою очередь точка зрения В.А. Керенского критиковалась в статье П.Я. Светлова «Старокатолический вопрос в его новом фазисе» [7], где подбор источников для аргументации В.А. Керенского объявлялся сомнительным (критиковалась опора на В.К. Ширмера). В статьях по-прежнему использовались современная западная литература, только теперь уже с целью дать нужную для принятия той или иной точки зрения характеристику католицизму в целом. Параллельно в периодической печати возрастала тенденция, внутри которой христианство в целом стало рассматриваться как оплот социального порядка и нравственности, как возможный регулятор острых социальных конфликтов. Католицизм стал все чаще получать положительные оценки, а «старокатолический вопрос» постепенно уходил в тень, освобождая место для других дискуссий.

Таким образом, периодическая печать духовных академий как источник для изучения инфосферы православных духовных учебных заведений Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. имеет свои особенности. Она является своеобразным информационным полем, имеющим свою собственную динамику, отличную от общих тенденций того времени. Для периодической печати духовных академий в указанный период было характерно рассмотрение католицизма сквозь полемическую оптику, которая была детерминирована социально-политическими реалиями того времени. В статьях 1860–1890-х гг. резко критиковались нововведения, принятые Католической церковью, в то время как старокатолики рассматривались как хранители веры и благочестия, что открывало возможность для обсуждения вопроса о сближении с ними. Основными стратегиями, использовавшимися авторами в указанный пе-

риод, были открытая и скрытая полемика. В качестве основных информационных ресурсов использовалась не только католическая богословская литература и западные труды по истории церкви, но и современная западная периодическая печать на немецком, французском и английском языках. Информационное поле периодических изданий имело свою динамику. К началу XX в. изменился не только вектор дискуссий по поводу «старокатолического вопроса», но и само отношение к католицизму в целом. Последний стал выступать как социальный регулятор и в этом качестве получал все более положительную оценку.

Литература

1. *Нетужилов К.Е.* Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб., 2008.
2. *Floridi L.* The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality. Oxford, 2014.
3. *Бриллиантов А.И.* Труды проф. В. В. Болотова по вопросу о Filioque и полемика о его «Тезисах о Filioque» в русской литературе. URL: <http://www.odinblago.ru/filioque/01> (дата обращения: 26.04.2023).
4. *Пихлер А.П.* Размышления по поводу предстоящего римского собора // Христианское чтение. № 10. СПб., 1869. С. 567–582.
5. *Деллингер И.* Несколько слов по поводу адреса о папской непогрешимости // Христианское чтение. № 2. СПб., 1870. С. 313–323.
6. *Керенский В.А.* Кто виноват? К старокатолическому вопросу. По поводу брошюры А.А. Киреева: Старокатолики и вселенская церковь. С.-Петербург, 1903 год // Христианское чтение. № 12. СПб., 1903. С. 701–732.
7. *Светлов П.Я.* Старокатолический вопрос в его новом фазисе // Богословский вестник. Т. 1, № 2. М., 1904. С. 281–316.

Проблема религии в концепции социального отчуждения**Н.К. Михайловского****Лямина Т.Е.**

кандидат философских наук, доцент

Смоленский государственный медицинский университет

Смоленск, РФ

УДК 291.1

Исследование посвящено концепции религии Н.К. Михайловского. Выявляется взаимосвязь взглядов идеолога народничества на религию с его теорией борьбы за индивидуальность, теорией подражания и учением о личности. Главным признаком религии Н.К. Михайловский считает не веру в сверхъестественное, а создание мировоззрения, объединяющего разум, чувство и волю человека. Мыслитель противопоставляет религиозный опыт дезорганизованной и гармоничной личности. Учение Н.К. Михайловского об общественном идеале носит гибридный характер, сочетая черты религиозного и светского мировоззрения.

Ключевые слова: религия, русская интеллигенция, народничество, марксизм, теория подражания, личность, борьба за индивидуальность, социальное отчуждение, общественный идеал.

The problem of religion in the concept of social alienation**by N.K. Mikhailovsky****Lyamina T.E.**

PhD in Philosophy, associate professor

Smolensk State Medical University

Smolensk, Russia

The study is devoted to the concept of religion of N.K. Mikhailovsky. The inter-relationship of the views of the ideologue of populism on religion with his theory of the struggle for individuality, the theory of imitation and the doctrine of the personality is revealed. N.K. Mikhailovsky considers the creation of a holistic worldview to be main characteristic of religion. The thinker contrasts the religious experience of a disorganized personality and a harmonious personality. N.K. Mikhailovsky's teaching about the social ideal is hybrid, combining the elements of religious and secular worldview.

Key words: Religion, Russian intelligentsia, populism, Marxism, theory of imitation, personality, struggle for individuality, social alienation, social ideal.

В литературе, посвященной русскому революционному движению, неоднократно писали о религиозном характере русской интеллигенции, мифах о народе, вдохновлявших народников и марксистов. В.В. Зеньковский указывал, что «русский секуляризм оказался до крайности насыщенным религиозными исканиями» [1].

Н.К. Михайловский был одним из тех русских мыслителей, которые предвосхищают кризис классического позитивизма на рубеже XIX–XX вв., когда возникает глубокий интерес европейских философов и общества в целом к проблемам религии, мистицизма, иррациональных основ человеческого поведения.

Взгляды мыслителя на проблемы религии тесно связаны с его концепцией «борьбы за индивидуальность», теорией подражания, учением о личности, концепцией социального отчуждения. Творчески переосмысливая идеи Л. Фейербаха и Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма, философ создает оригинальную концепцию религии.

Н.К. Михайловский признает важную историческую роль религии, особенно христианства. По мнению мыслителя, современная социология, понимаемая им как «позитивная» философия истории, подходит к научному исследованию религии. Русский социолог стоит у истоков социологии религии, выявляя ее социальное значение, рассматривая историю религиозных верований как историю борьбы различных общественных индивидуальностей (род, племя, община, цех, государство).

В соответствии с концепцией «борьбы за индивидуальность», выдвинутой идеологом народничества на основе критики «органической теории» общества Г. Спенсера, личность должна отстаивать свою самостоятельность в борьбе с более высокими общественными индивидуальностями и в тоже время стремиться к внутренней гармонии и развитию всех своих способностей.

Главным признаком религии Н.К. Михайловский считает не веру в сверхъестественное, а создание целостного мировоззрения. По его мнению, «религия есть та неразрывная связь понятий о сущем (наука) и о должноствующем быть (мораль и политика в обширном смысле), которая властно и неуклонно направляет деятельность человека» [2, с. 6]. Любое мировоззрение, которое выполняет эту задачу, следует считать религией. Религия, по мнению социолога, неустраима, она просто меняет свои формы.

Социолог рассматривает различные формы «религиозного опыта» с точки зрения формирования целостной, гармоничной личности. Развитие личности выступает у него критерием общественного прогресса. Мыслитель противопоставляет религиозный опыт дезорганизованной и гармоничной личности.

Развитие общества «по органическому типу», при господстве общественного разделения труда и росте специализации искажает развитие личности. Социальное отчуждение в таком обществе огромно. Личность дезорганизуется, одни ее качества развиваются в ущерб другим, нарушается равновесие между разумом, чувством и волей. Такая раздвоенная личность чувствует свое бессилие, неспособность ориентироваться в социальной среде, управлять собой и обстоятельствами.

Однако независимо от положения личности в «борьбе за индивидуальность» существует непреходящая потребность привести в согласие три элемента человеческой психики: разум, чувства и волю. В силу неблагоприятных общественных условий эта потребность может принять искаженные формы. Раз-

живая идеи Л. Фейербаха, Н.К. Михайловский утверждает, что в своих богах человек поклоняется своим отчужденным силам и способностям.

Идеолог народничества считал, что крутая ломка общественных отношений, начавшаяся с 1860-х годов, привела к появлению большого количества дезорганизованных личностей в различных слоях русского общества. Это нашло отражение в художественной литературе и публицистике, особенностях общественного движения. Оценка мыслителем «современный смуты» сводилась к следующему: «наши понятия о существующем стоят сами по себе, понятия о должествующем существовать – тоже сами по себе, наконец, наши действия – опять сами по себе» [3, с. 387].

Анализируя «религиозный опыт» гармоничной и внутренне дезорганизованной, раздвоенной, отчужденной личности, Н.К. Михайловский противопоставляет идеалы и идолы. Идеал – система взглядов, гармонизирующая личность; идол – мировоззрение, педалирующее какой-то один элемент психики, отчуждая человека от его собственных качеств. «А когда идол готов, ему можно поклоняться, созерцать его, удивляться ему, можно получать от него приказания, но жить и действовать по его примеру, брать его себе за образец нельзя» – писал Н.К. Михайловский [4, с. 50–51].

К теме идолопоклонства мыслитель неоднократно обращался в своих публицистических статьях при анализе проблем российского общества. Крепостнические «идеалы отцов», которые подверглись критике молодым поколением 1860-х годов, по мнению Н.К. Михайловского, являлись на самом деле идолами. Современной буржуазии свойственна своего рода «идеализация факта», являющаяся идолопоклонством «на реалистической подкладке».

Дезорганизованная личность склонна излишне преувеличивать значение своей деятельности и ставить ее на первое место, игнорируя другие стороны жизни. Типичными примерами идолов являются идеи чистой науки для науки, искусства для искусства.

Интересно, что сам Н.К. Михайловский предпочитал высказываться «с точки зрения профана», так и называлась одна из его известных работ: «Записки профана» (1875–1877). Профан может быть специалистом в какой-либо области, но, являясь в то же время всесторонне развитой личностью, он способен оценивать события в более широком контексте, понимать антропологические риски и социальные последствия своих действий.

Идолопоклонство в человеческих отношениях предполагает двойственность и противоречивость отношения дезорганизованной личности к другому человеку, когда слепое повиновение сочетается с внутренним неуважением. Идеалом или идолом может быть человек, избранный объектом подражания. Отношение к другой личности как к идеалу предполагает сознательное стремление развить в себе способности и качества этого человека (сознательное подражание). Отношение к идолу амбивалентно, характеризуется «комбинацией безволия и произвола». Например, бессознательное подражание «толпы» нередко сменяется крайней жестокостью к «герою».

Дезорганизованная, внутренне противоречивая личность, по Н.К. Михайловскому, идейно неустойчива и стремится найти опору в могущественной

«высшей силе». В этой роли, по мнению социолога, у части революционеров-семидесятников выступал «народ», «железные законы» истории – у некоторых русских марксистов, мистические сущности – у деятелей «нового религиозного сознания».

«Борьба за индивидуальность» в современной русской жизни проявляется, по мнению мыслителя, в необходимости сформулировать общественный идеал, который приведет к гармоничному единству разум, чувства и волю. Идеолог народничества считал обязанностью интеллигенции формирование общественного идеала, поднимающего зачатки «народной правды» на высокий общечеловеческий уровень.

Н.К. Михайловский рассматривает общественную деятельность, ориентированную на идеал, как религиозное служение. По его мнению, к такой деятельности способна только гармоничная целостная личность, а не раздвоенный «человек толпы». Учение Н.К. Михайловского об общественном идеале – своего рода секулярный гибрид, попытка сочетать религиозное и светское мировоззрения.

Новый импульс к осмыслению проблем религии, социального отчуждения и общественного идеала возник в связи с борьбой народничества и марксизма и полемикой различных течений в самом русском марксизме. Интересно отметить сходство идей Н.К. Михайловского и А.А. Богданова.

Важную роль в творчестве обоих мыслителей играет проблема отчуждения. Социализм А.А. Богданов понимает в полном соответствии с «формулой прогресса» Н.К. Михайловского как общество, в котором будет преодолено социальное отчуждение и всестороннее развитие личности на основе всего человеческого опыта будет сочетаться с высоким уровнем социальной солидарности.

Зачатки этих общечеловеческих ценностей идеолог народничества находил в мировоззрении русского крестьянства, а марксист А.А. Богданов – в классовом самосознании пролетариата. Наиболее полное выражение складывающаяся пролетарская культура получает, по его мнению, в тектологии, которая представляет собой инструмент строительства социализма и формирования нового человека.

Н.К. Михайловский неоднократно критиковал идолопоклонство перед народом и предупреждал, что мировоззрение интеллигенции не может быть воспринято народными массами без длительной просветительской работы. Социолог выделял два типа народного протеста – «вольница» и «подвижники». Рассматривая массовые религиозные движения, главным образом сектантские, идеолог народничества указывал, что они основаны на массовом бессознательном подражании и обращены в прошлое.

«Религиозная жажда», по мнению Н.К. Михайловского, особенно сильна в периоды крупных социальных преобразований, когда перестраиваются общественные отношения, теряются старые смыслы и возникает потребность в хотя бы бессознательной гармонизации личности. «Масса, утомленная непосильной духовной работой, жаждет вождя, облеченного не то что диктаторской, а уже божественной силой. И такой вождь является, во исполнение всеобщих ожида-

ний. Большею частью он прикрывается каким-нибудь авторитетным именем, каковы лже-мессии и самозванцы, иногда сами верящие в свою миссию, иногда сознательно играющие роль – писал Н.К. Михайловский [5, с. 744].

Этот отрывок звучит как пророчество. Именно так и произошло в конце 1920-х годов, когда в результате Октябрьской революции широкие массы малограмотных людей получили возможность активной общественной деятельности.

Литература

1. *Зеньковский В.В.* История русской философии: в 2-х т. 2-е изд. Париж: YMKA-PRESS, 1989. Т. 1. С.368.
2. *Михайловский Н.К.* Последние сочинения: в 2-х т. СПб.: Изд. редакции журнала «Русское богатство», 1905. Т. 2.
3. *Михайловский Н.К.* Записки профана // *Михайловский Н.К.* Полное собрание сочинений. СПб.: Изд. Н.Н. Михайловского, 1909–1913. Т. 3.
4. *Михайловский Н.К.* Идеализм, идолопоклонство и реализм // *Михайловский Н.К.* Полное собрание сочинений. СПб.: Изд. Н.Н. Михайловского, 1909–1914. Т. 4. С. 50–51.
5. *Михайловский Н.К.* Литературные заметки 1879 года // *Михайловский Н.К.* Полное собрание сочинений. СПб.: Изд. Н.Н. Михайловского, 1909–1914. Т. 4.

Нарратив «возвращения к истокам»: неротопические образы в переписке прот. А. Шмемана и прот. Г. Флоровского

Гусева А.А.

кандидат философских наук
Институт философии РАН
Москва, РФ

УДК 165; 124.4

Христианский этос сформирован внутри истории и выстраивается по законам исторического нарратива. Философские вопросы, связанные с историческим сознанием и памятью, отражаясь в религиозноведческом дискурсе, позволяют обратиться к социогуманитарной методологии: так, методы идеализации и типологизации дают возможность прикоснуться к проблематике «возвращения к истокам», выраженной в дискуссиях русской эмиграции первой волны. Переписка прот. Г. Шмемана и прот. Г. Флоровского, относящаяся к 1947–1955 гг., затрагивает эту тему как уход от привычных иеротопосов, сопоставляемых с «национальным» и «византийским», в сторону универсального и католического. Поскольку любое возвращение связано с нарративом, с речью о возвращении, то оно, в свою очередь, не исключает иеротопического начала, тем более что любая социогуманитарная деятельность неизбежно связана с идеализацией: возврат к отцам, к преданию порождает нарратив, в котором считаются травмы, конфликты и пути нового витка богословия истории.

Ключевые слова: историческое сознание, историческая память, Россия как иеротопос, ретрополия, золотой век, византизм, экуменизм, ressourcement.

The narrative of “returning to the origins”: hierotopic images in the correspondence of prot. A. Schmemman and prot. G. Florovsky

Guseva A.A.

PhD in Philosophy
RAS Institute of Philosophy
Moscow, Russia

The Christian ethos is formed within history and is built according to the laws of the historical narrative. Philosophical issues related to historical consciousness and memory, reflected in religious discourse, allow us to turn to socio-humanitarian methodology: thus, methods of idealization and typologization make it possible to touch the problems of “returning to the origins” expressed in the discussions of Russian emigration of the first wave. Correspondence of prot. G. Schmemann and prot. Florovsky, referring to 1947–1955, touches on this topic as a departure from the usual hierotopos, compared with the “national” and “Byzantine”, towards the universal and catholic. Since any return is associated with a narrative, with a speech about return, it, in turn, does not exclude a hierotopic beginning, especially since any socio-humanitarian activity is inevitably associated with idealization: a return to the fathers, to tradition generates a narrative in which traumas, conflicts and ways of a new round of theology of history are read.

Key words: Historical consciousness, historical memory, Russia as hierotopos, retrotopia, golden age, Byzantium, ecumenism, ressourcement.

XX век, ставший эпохой войн и потрясений, был связан с глобальными политическими системами (Фридрих Ратцель, Генрих Шмитхеннер, Хальфорд Маккиндер, Фридрих Науманн и др.) и с великими кризисами: социально-экономическим, гуманитарно-философским, антропологическим, религиозным. Ведущими теологами осознавалась необходимость преодоления кризиса богословия истории. Важную роль сыграла в этом школа доминиканского ордена Сольшуар, в стенах которой, начиная с 1930-х гг., формировалось новое движение, получившее название ressourcement, «возвращение к истокам». Считается, что этот термин впервые взял для обозначения социокультурного поворота Шарль Пегги, философ и публицист (о русском Пегги см.: [1]). Ressourcement Пегги в преддверии Первой мировой не имел еще строго христианского характера, который он получил позднее, в 1940–1950-е гг. [3, с. 88]. Позднее – у Конгара – ressourcement Пегги [2, с. 216] стал «теологией возвращения». Истоками, к которым следовало вернуться, было христианское предание – «обращение к первоистокам христианства было ответом на то самое забвение подлинной истории мира как истории Искупления, ставшее возможным во многом благодаря распространению прогрессистского утопизма; успех же последнего стал возможным в результате изоляции богословского знания» [3, с. 88–89]. Изоляция богословского знания вела к новому наполнению религии и религиозного: прот. А.

Шмеман, говоря об априорной религиозности человека, полагал, что если человек отказывается «от религии трансцендентного Бога, то он необходимо принимает религию имманентного Бога, имя которому может быть Социализм, История, Культура, все что угодно»³⁸. Так история, по сути, получает возможность восприятия в религиозном дискурсе, подчеркивая историческую заданность христианской религии.

Движение «к истокам» определяло и направляло мысль русской эмиграции – идеи *ressourcement*'а легли в основание систем прот. Г. Флоровского, В.Н. Лосского и др. Эта тематика явилась ведущей и для переписки прот. А. Шмемана и прот. Г. Флоровского, которая велась в 1947–1955 гг. [4]. В письмах звучат сомнения и размышления, отсылающие к «болевым точкам»: прежде всего, это образ и путь русской церкви в контексте исторического сознания и памяти.

У русской эмиграции «своя история», как это можно видеть, например, в «Дневниках» прот. А. Шмемана; историческое сознание выстраивается вокруг отношения к оставленному дому в широком смысле – как утраченному истоку, началу, травме в сочетании с мощной семантикой возвращения и ее личным проживанием вовне, к которому прибавляется ощущение «конца» – конца истории, человека, теоцентристского мира и конца богословия, – задававшее рамки русской эмигрантской мысли.

Переписка с прот. Г. Флоровским начинается в «парижский период» о. Александра и прекращается через некоторое время после его переезда в Америку, которая становится в этот период вторым центром эмиграции – роль Парижа постепенно утихает, теперь на первый план выходит многоголовый Нью-Йорк. Открываются другие горизонты, обращенные к проблеме «идеи» и предназначения русской церкви – и православной церкви вообще: «...надо смотреть в широкой перспективе и создавать всеправославную цитадель, думаю, что волею Божию возможно это, несмотря на все трудности, только в Америке» [4, с. 70], пишет он, вынося на первый план кафоличность и надеясь на американскую полиэтничную среду, свободную от «византизма» и этнофилетических настроений. Америка – в большей степени, чем «старая», парижская эмиграция первой волны со своим типом исторической памяти, включающей образ России как закрытый иеротопос, – идеально отвечала идее вселенскости.

Экуменическое движение, зародившееся в 1910 г.³⁹, вызвало сильный резонанс среди русской эмиграции – и это тем более пересекалось с темой настроенности христианской мысли на историчность, поиски начала (восточного или западного) как некой «апологии от истории». Для о. Александра участие в этом движении было ценным еще и потому, что его волнует проблема православного изоляционизма и подмена универсального, христианского национальным. Тема золотого века в текстах Шмемана звучит всегда очень остро – и это

³⁸ Ср. определение религии П. Тиллихом как «состояния захваченности предельным интересом» и его описание квазирелигий в «Теологии культуры».

³⁹ О более ранней истории экуменизма см. [5].

отражается в переписке с прот. Г. Флоровским. Так, 12 августа 1947 г. он пишет о съезде Братства Святого Албания и прп. Сергия в Абингдоне⁴⁰: доклад некоей *m-me Belu* представляет собой «набор слов, давно уже всем набивших оскомину, о какой-то специфически русской святости: салат из “Касьяна с Красивой Мечи”, Достоевского, преп. Серафима Саровского, “духа бродяжничества”, града Китежа, паламизма, Оптиной пустыни и Нила Сорского» [4, с. 114] – ощущение слома эпох, данное в перечне иеротопосов, выражено нарочито резко.

Был ли византизм отголоском национального или же универсального? Во всяком случае можно утверждать, что о. Александр видел причины политических проблем России в византийской теократии. 24 марта 1949 г. Шмеман пишет Флоровскому: «Кончается все же “константиновский период”, найдут себя сейчас только те, для которых во всей славе и силе предстанет изнутри самодовлеимость Церкви. Роковым образом подавляющее большинство православных ищут “реставрации”: Св. Руси или “эллинизма”, заветов “русской мысли” и чего угодно» – пишет он архим. Киприану (Керну) [4, с. 142].

Любое ретротопичное мышление⁴¹ предполагает возвращение не к тому, что было (это невозможно, поскольку мы никогда не сможем собрать всю систему фактов до самых мельчайших и, следовательно, образ прошлого, иеротопизируясь, будет искажен, так же как любой перевод – искажение первоисточника), а к тому, что будет, что видится некоей исторической интенцией, необходимой целью для победоносного завершения истории.

В византизме Шмеман ощущал опасность сведения христианской идеи к частной истории «религиозного национализма» – а это обратная сторона римского универсализма, даже если не говорить о «встрече и союзе Вселенской Церкви с универсализмом Римской империи» [6]. Если возвращаться – то к «тоталитарному христианству» (термин Флоровского) и «жизни жительствовавшей», а не к золотому веку в византийском или русском стиле [4, с. 142].

Для Флоровского 1930-х неотложной задачей виделось преодоление «отчуждения от первоистоков православия», когда необходимо «стряхнуть с себя разнообразные исторические наросты ...преимущественно новоевропейского западного и нехристианского происхождения, и возродиться в обновленной церковности» [7]. Тема возвращения звучала у него и раньше – так, в письме Н.Н. Глубоковскому от 8 августа 1918 г. уже встречается семантика *ressourcement* (почти одновременно с Пеги): «Во имя “воссоздания нашей Родины” настоятельно требуется преодоление “разрывов”: 1) церковного – между богословием и благочестием, 2) социального – между интеллигенцией и народом, 3) культурного – между религией и современной культурой» (цит. по: [7]).

В «Путиях русского богословия» кризис русского византизма, случившийся в XVI в. и повлекший за собой угасание богословской жизни, объясняется в том числе «выпадением русской мысли из патристической традиции» [8, с.

⁴⁰ Целью этого братства было достижение путей сближения англиканской и православной церквей.

⁴¹ Проблема ретротопичности в контексте философии истории сопрягается с гуссерлевской ретенцией – отголосками/отпечатками прошлых восприятий.

506] – на фоне кажущейся архаизации тексты отцов перестали быть переживанием, омертвели, утратили смысл свидетельства. Выход из кризиса – не «реставрация», «повторение», «возвращение назад», а творческое переживание и верность отеческому духу. Одним из способов преодоления кризиса Флоровский видит «христианский эллинизм» как эллинизм литургического строя, эллинизм Евангелия и догматики. Это и есть чаемый патристический идеал [8, с. 506–509; 7]. Эллинизм должен выражаться в нарративе (тут и греческое языковое начало) – «быть христианином значит быть греком», – в доктрине, культе. Эллинизм и есть рамки богословия и «вечная категория христианского существования» [8, с. 509], при этом под эллинизмом понимается не «филетизм» в смысле Эллады или Леванта, а стиль, нарратив, в широком смысле речь как история, неотделимая от действия, символов, образов, текстов.

Для Флоровского, как и для Шмемана, важно было создать школу православия, не связанную с национальным началом, но сохранившую (восстановившую), если можно так сказать, византийскую кафоличность, как своего рода метод и возможность говорить о христианской истории, в сочетании с исторической чуткостью. В этом случае, кажется, нарратив «возвращения к истокам» исключает собственно национальное, которое все же невозможно вынести за скобки, поскольку тема святости, пути, начала, преломленная в пространство, не сможет быть рассказана никаким другим способом, кроме речи. А она всегда национальна: речь говорится не только словами, которые мы всегда можем перевести или написать, но и тем, что умалчивается или кажется очевидным.

Литература

1. Волошин М. Шарль Пегги // Вестник русского христианского движения. 2002. № 1 (183). С. 81–92.
2. Бальтазар Х.У. фон. Основной образ (первая глава из исследований о Шарле Пегги) // Вестн. русского христианского движения. 2002. № 1 (183). С. 126–143.
3. Михайлов П.Б. Богословские ответы на вызовы европейского утопизма: некоторые теологические программы первой половины XX в. // Вестн. ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 5 (72). С. 86–98.
4. Шмеман А., прот., Флоровский Г., прот. Письма (1947–1955) / Сост., предисл. П.Л. Гаврилюк. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. 448 с.
5. Селезнев Н.Н. История экуменизма: забытый ранний этап // Государство, религия церковь в России и за рубежом. 2015. № 2 (33). С. 161–181.
6. Шмеман А., прот. Судьба византийской теократии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/sudba-vizantijskoj-teokratii/ (дата обращения: 1.05.2023).
7. Михайлов П.Б. Новое обращение к патристике: «парижское богословие» русского зарубежья и «новая теология» французских католиков. URL: https://roii.ru/publications/dialogue/article/68_11/mikhaylov_p.b./new-patristic-renaissance-paris-theology-of-the-russia-abroad-and-the-nouvelle-theologie (дата обращения: 1.05.2023).
8. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. 599 с.

Проблема постсоветской рецепции трудов Р.Ю. Виппера: неудобный атеизм

Браткин Д.А.

Кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

УДК 930.1

В докладе рассматривается вопрос о постсоветской рецепции трудов Р.Ю. Виппера и возникающих при этом трудностях в принятии его атеистических воззрений. В официальной советской оценке ученого венцом его творческого пути провозглашалось принятие им методологии марксизма-ленинизма. После 1991 года на первый план вышел интерес к немарксистским его взглядам и в целом фигура Виппера стала восприниматься как мост между дореволюционной и постсоветской историографией. Успешному конструированию такой рецепции мешали ясно сформулированные атеистические подходы Виппера к изучению раннего христианства.

Ключевые слова: Р.Ю. Виппер, раннее христианство, атеизм, рецепция.

Reception of works of R.Yu. Vipper (Wipper) after 1991: the challenge of his atheism

Bratkin D.A.

PhD in History, docent

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russia

Before 1991, the official opinion of R. Yu. Vipper (Wipper, Vipers; 1859–1954) praised him for eventually adopting the Marxist-Leninist historical method after his return to the USSR in 1940. After 1991, the newer scholarship emphasized his non-Marxist theoretical opinions and treated him as the link between pre-Soviet and post-Soviet historiography. The main problem with this was his atheistic approach to the Early Christianity. It challenged the post-Soviet scholars who were sympathetic to religion who made numerous attempts to explain it away.

Key words: Wipper (Vipper), Early Christianity, atheism, reception.

После возвращения в СССР в 1940 году Роберт Юрьевич Виппер (1859–1954) оказался частью советского научного ландшафта, но частью *дозволенно несоветской*, подчеркнуто сохраняющей континуитет с собственным дореволюционным творчеством. В постсоветский период была актуализирована связь Виппера с предшествующей историографической традицией. Венцом его научной деятельности стал считаться не приход «к признанию марксистско-ленинской философии в качестве единственно верного метода научного познания» [1, с. 174], а близость к Эд. Мейеру, О. Шпенглеру, А.Дж. Тойнби [2, с. 16] или увлечение эмпириокритицизмом [3].

Но возвращение Виппера в качестве безусловного научного авторитета и моста между дореволюционной и постсоветской историографией явно омрачали его взгляды на раннее христианство. Посвященные раннехристианским темам работы были слишком заметной частью его наследия, чтобы от них можно было легко отмахнуться, но с другой стороны, их настрой и выводы были таковы, что встретить одобрение новейших читателей, с симпатией относящихся к христианству, они никак не могли. Празднование тысячелетия крещения Руси (1988) оказалось поворотным пунктом в выстраивании нового идеологического отношения к религии вообще и в частности, преимущественно, к русскому православию – со стороны советских академических авторов [4; 5; 6]. Официальная политика в данном случае шла за явственно ощутимым распространением религиозности среди интеллигенции начиная с 1970-х гг.: «Атеизм... в определенных интеллигентских кругах становится просто чем-то неприличным – как до революции в передовых интеллигентских кругах “неприличной” была религиозность» [5, с. 14].

Именно здесь и кроется проблема. Несмотря на свой явственно несоветский колорит, Виппер в ожиданиях этой новой генерации читателей не вписывался, ибо он был, по остроумному и верному замечанию Д.М. Володихина, «даже не атеист, а антиатеист, рассматривающий религию чуть ли не в качестве шлама интеллектуального творчества всех времен и народов» [3, с. 8]. О монографии «Возникновение раннехристианской литературы» (1946) ростовский историк Ю.Е. Журавлев пишет: «Как и прежние работы историка, [она] написана на высоком профессиональном уровне, но выводы автора вряд ли сейчас сохраняют научное значение» [2, с. 16], не замечая при этом противоречия: монография Виппера «Рим и раннее христианство» (1954), *целиком опирающаяся на выводы книги о возникновении раннехристианской литературы*, перепечатана в том же двухтомном ростовском-на-Дону издании 1995 г. как своей ценности не утратившая.

Наиболее показателен здесь пример самого Володихина. Он довольно искусственно противопоставляет «Возникновение раннехристианской литературы» (1946) и «Рим и раннее христианство» (1954) более ранней монографии, «Возникновение христианства» (1918): «Если в “Возникновении христианства” Виппер, строя изложение, был горяч полемичен, эмоционален, изъяснялся легко и динамично, то две его последние книги написаны более спокойно, сдержанно, даже с некоторым холодком; больше обычного уделено внимания историографическим вопросам, появились ссылки на классиков марксизма-ленинизма (положение обязывает...). Эти труды ученого в наибольшей степени приближаются по компоновке к традиционной научной монографии в современном понимании» [3, с. 19].

Володихин акцентирует второстепенные детали – такие как тон, стиль, манера изложения, но ни о содержании, ни о методологии, ни о выводах, ни о критериях близости трех упоминаемых монографий не говорит. Из володихинского обзора мы также узнаем, что «порой страсть к отрицанию, к дискуссии отбирала у Виппера здравый смысл. Если ему представлялось полезным довести какую-либо точку зрения до логического завершения, то он делал это с ка-

тегоричной решительностью. Так, в небольшой книге “Возникновение христианства” (1918) историк совершенно отверг значение евангелий как исторического источника, а самому раннему христианству – истинной святине в глазах многих великих российских гуманистов – дал уничтожающую характеристику. К любой религии, не исключая христианства, Виппер питал неистовое отвращение, и не напрасно его обвиняли в полнейшей слепоте, когда речь заходила о вере, Церкви, религиозных вопросах в целом. В данном случае адогматизм, вообще столь полезный в науке, подводил Роберта Юрьевича, лишая его объективности» [3, с. 13].

В этой оценке прочитывается желание, чтобы Виппер следовал примеру «многих великих гуманистов» и видел в раннем христианстве «истинную святину». Но для Виппера, как явствует из всего массива его текстов о раннем христианстве, атеистическая интерпретация была единственно *научно* возможной, поэтому задача биографа – попытаться понять, какие доказательные доводы склонили Виппера к такому выводу.

Считая взгляды Виппера на новозаветные тексты частным случаем его отношения к древним источникам вообще, Володихин переходит к гиперкритике, которую (и с этим тоже трудно не согласиться!) Виппер проявлял «с завидным постоянством». Одним из источников гиперкритики, по мнению Володихина, является влияние западной науки второй половины XIX – начала XX века, поколебавшей доверие к античным авторам, другой же причиной было то, что «випперовский гиперкритицизм диктовался творческой манерой ученого»: «Виппер относился к источникам как к сырому материалу для строительства предельно индивидуализированного мира истории. Но уровень эрудиции историка был столь высок, что лишь очень глубокий специалист может определить, где он производил насилие над источником, а где обнаруживал в нем глубокий смысл, мимо которого прошла вся предыдущая историографическая традиция» [3, с. 13].

Здесь, как думается, Володихин совершенно прав. Отношение к источникам как к сырому материалу – важная нить, потянув за которую, можно прорваться не только к истокам випперовских взглядов на раннее христианство, но к фундаментальным сюжетам философско-методологической рефлексии ученого. Но увы, перед нами не столько попытка понять точку зрения Виппера и поместить ее в контекст его научной работы, длившейся более шестидесяти лет, сколько попытка перевести дискуссию в публицистическую плоскость и возразить ему с религиозно-апологетических позиций. В тексте Володихина явственно ощущается желание извинить Виппера за неудобные и непопулярные у постсоветского читателя атеистические взгляды, смикшировать их значение для системы випперовских взглядов, и тем самым сохранить значение Виппера как мэтра и дуайена московской исторической науки. Это обстоятельство тем печальнее, что именно Володихин среди ныне здравствующих исследователей по праву считается наиболее глубоким и эрудированным знатоком методологических работ Виппера.

Отчасти такой провал объясняется постсоветским бегством от теории, отчасти – уже упоминавшейся ситуацией «проправославного консенсуса», когда

массовой безрелигиозности и/или атеизму дореволюционной интеллигенции соответствовали столь же массовые религиозные симпатии интеллигенции поздней и постсоветской. Виппер эксплицитно относил себя к интеллигенции безрелигиозной, в ней же видел свою аудиторию и свой идеал, поэтому его современный биограф, стоящий на прямо противоположных позициях, сможет расценить выводы Виппера как в лучшем случае невольную извинительную aberrацию сознания и искреннее заблуждение.

Тем не менее при всех сделанных выше оговорках следует согласиться с правильностью двух сделанных Володихиным наблюдений.

Во-первых, чтобы определить, где Виппер производит насилие над материалом и источниками, а где обнаруживает в них скрытые новые аутентичные смыслы – для этого действительно требуется «очень глубокий специалист», иначе говоря, современному интерпретатору нужно профессионально разбираться в той области, куда вторгается Виппер. Следовательно, делать легитимные выводы о випперовской концепции раннего христианства – задача, которая под силу не историку русской мысли или отечественной историософии, а прежде всего историку раннего христианства и его литературы. Это же наблюдение следует распространять не только на источники, но и на историографию каждого из затрагиваемых Виппером вопросов. Лишь специалист может понять, в какой мере Виппер воспроизводит общие места научной литературы своего времени, а в какой – предлагает полностью самостоятельное суждение. Чтобы ответить на вопрос, является ли чем-то уникальным випперовский тезис о полной недостоверности евангелий как исторического источника, недостаточно начитанности в текстах Виппера, необходимо профессиональное знание по новозаветной библеистике и историографии раннего христианства.

Во-вторых, именно «страстность» Виппера (или, иначе, эмоционально-окрашенная полемика и желание произвести впечатление на аудиторию) была важной составной частью его феноменального успеха среди слушателей. Е.А. Косминский «рассказывал, что когда он слушал Виппера в самом начале XX столетия, будучи студентом, у него было впечатление, что тот в каждой лекции высказывал новые, оригинальные продуктивные идеи, которые приводили к развенчанию прописных «истин», внедрявшихся в головы учащимся, и таким образом его лекции играли большую роль в воспитании студентов» [7, с. 29]. Установки Виппера были рассчитаны на то, чтобы произвести эффект и порадовать слушателей, причем разрыв между внешней убедительностью текста и обоснованием транслируемого в нем тезиса заполнялся априорной готовностью аудитории принять на веру предлагаемые тезисы. *Випперовский метод по преимуществу суггестивен.*

Современная, после 1991 г. рецепция трудов и личности Виппера страдает существенными недостатками. Их можно разделить на общие и частные. К первым отнесем пренебрежение историзмом в интерпретации научного наследия, отсутствие систематического и контекстуального анализа, отказ от попыток увидеть точки пересечения между теоретико-методологическими установками Виппера и их воплощением в конкретных исторических трудах. Ко вторым – отказ от попыток системного анализа работ по раннему христианству в

контексте всего научного творчества Виппера. Создание такого анализа представляет собой наиболее насущную задачу.

Литература

1. Данилова А.П. Р.Ю. Виппер как историк античности // ВДИ. 1984. № 1. С. 160–174.
2. Журавлев Ю. А. Античность и современность в трудах Р. Ю. Виппера // Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи (начало). Избранные сочинения в двух томах. Том I. Ростов н/Д.: Феникс, 1995. С. 5–16.
3. Володихин Д.М. «Очень старый академик». Оригинальная философия истории Р.Ю. Виппера. М.: УРАО, 1997.
4. Митрохин Л.Н. Философы и религия // Вопр. философии. 1989. № 7. С. 9–16.
5. Фурман Д.Е. Религия, атеизм и перестройка // На пути к свободе совести / Сост. и общая редакция Фурмана Д.Е. и о. Марка (Смирнова). М.: Прогресс, 1989. С. 7–18.
6. Kääriäinen Kimmo. Atheism and Perestroika. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1993.
7. Гуревич А.Я. История историка. М., СПб.: «Центр гуманитарных инициатив», 2012.

Постнеклассический тип научной рациональности и религия

Боков Г.Е.

*Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, РФ*

УДК 291.1

Глобальные кризисы XX в. определили поиск новых ценностных ориентиров. Критика техногенной цивилизации приводит к критике ее оснований – христианской традиции и определенной ею классической научной рациональности. На помощь приходит понятие постнеклассической научной рациональности В.С. Степина, позволяющее соотносить полученные знания не только с особенностями средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. По его мнению, в современную эпоху на новом этапе продолжается диалог религии и науки. При этом постнеклассическая наука как междисциплинарное пространство синергетического знания, обогащенное гуманитарно-аксиологическими смыслами, может оказаться «своеобразным медиатором» взаимодействия между христианством и религиозно-философскими традициями восточных культур, участвуя в процессах формирования «планетарного мышления».

Ключевые слова: В.С. Степин, типы научной рациональности, постнеклассическая наука, наука и религия, христианство, технократизм, религии Востока, философия космизма, ценности.

Post-non-classical type of scientific rationality and religion**Bokov G.E.***PhD in Philosophy, associate professor**St. Petersburg State University**St. Petersburg, Russia*

Global crises of the 20th century determined the search for new value orientations. Criticism of technogenic civilization leads to criticism of its foundations such as the Christian tradition and the classical scientific rationality defined by it. Here relieves V.S. Stepin's concept of post-non-classical rationality, which helps to correlate knowledge acquired with not only specificity of means and activity operations, but also with value and purpose-oriented structures. In his opinion in the contemporary age, the dialogue between religion and science continues at a new stage. At the same time, post-non-classical science as an interdisciplinary space of synergistic knowledge enriched with humanitarian and axiological meanings can turn out to be a "kind of mediator" of the interaction between Christianity and the religious and philosophical traditions of Eastern cultures, participating in the formation of a "planetary thinking".

Key words: V.S. Stepin, types of scientific rationality, post-non-classical science, science and religion, Christianity, technocracy, religions of the East, philosophy of cosmism, values, ethics.

Академик В.С. Степин прежде всего известен как выдающийся специалист в области философии и методологии науки, однако он также уделял большое внимание вопросам философской антропологии, философии культуры, обращался к проблемам отношений религии и науки. Как известно, В.С. Степин стремился соотнести типологии системного мышления и научной рациональности, выделяя ее классический, неклассический и постнеклассический типы. Классический тип опирается на представление о получении знания только от познания объекта. Неклассический тип определяется через условия познания этого объекта субъектом. Постнеклассический тип научной рациональности означает, что наряду с объектом и средствами его выделения следует обратить пристальное внимание на субъект, от которого зависит получаемое знание [1, 2, 3 и др.].

В своих работах В.С. Степин неоднократно подчеркивал, что формирование и трансформации научного познания неразрывно связаны с религией. По его словам, новоевропейская наука «имеет глубокие корни в христианской культурной традиции» [4, с. 11]. Христианство рассматривалось В.С. Степиным как важнейшая историческая предпосылка техногенной цивилизации и ее ценностей, особенно таких, как инновации и прогресс. «Западная культура, – писал он, – на стадии техногенной цивилизации сохраняла христианскую традицию в реформированном виде, соединяя ее с ценностями науки» [3, с. 258].

Несмотря на критику христианства некоторыми мыслителями эпохи Просвещения, вставшими на материалистические позиции и противопоставившими науку религии, само условие рационального познания мира, воспринятое от ан-

тичной философии, особое понимание отношений между Богом и природой и Богом и человеком, понимание Бога как Богочеловека и человека как богоподобной личности, которой делегируется господство над природой, а также эсхатология и присущий европейской культуре историцизм, все это в значительной мере определило формирование и утверждение классического типа научной рациональности.

В.С. Степин обосновал, что между христианством и наукой не только не было противоречий на разных этапах, но «наука и христианская религия были обречены на взаимное согласование в развитии техногенной культуры» [4, с. 15]. Сложившееся на латинском Западе с нач. XIII в. стремление прочесть книгу Природы, написанную Богом, изучить мир как Его творение, в результате привело «к становлению особого типа рациональности, реализовавшегося затем в развитии новоевропейской науки» [3, с. 254]. Об этом также много писала П.П. Гайденко. В частности, она отмечала, что «относить религию – и в особенности христианство – к сфере иррационального, противопоставляя ее науке как носительнице рациональности и интеллектуализма, было бы не просто упрощением, но и глубоким заблуждением. Ни наука не является до конца и без остатка рациональным знанием, ни религия не может быть сведена к совершенно иррациональной вере» [5, с. 14]. По словам В.С. Степина, сложившийся в Европе Нового времени культ разума и вовсе есть результат развития христианской традиции. Именно поэтому христианская теология оказалась способной быстро адаптироваться к смене картин мира, «обнаружила способность к динамическому развитию своего миропонимания, ассимилируя достижения науки» [4, с. 16].

Особенностью картин мира является то, что они исторически изменчивы, нет некой универсальной, единственно верной «научной» картины мира, которую можно было бы противопоставить «религиозной». Такие трансформации научных парадигм обусловлены усложнением принципов научного познания, изменением идеалов и норм научной рациональности при переходе от простых к более сложным, саморазвивающимся системам. По словам В.С. Степина, «интенция науки на порождение нового знания делает ее важнейшим социальным фактором изменений в культуре и обществе», тогда как религия «выступает хранителем традиций, устойчивых ценностей» [3, с. 249]. Однако критика технократизма и сциентизма, явившаяся показателем цивилизационного кризиса, с 1970-х гг. в ряде случаев обернулась критикой христианского понимания человека и природы, что определило обращение целого ряда западных мыслителей к религиям и религиозно-философским учениям Востока, особенно к буддизму и даосизму.

Именно в этот исторический период формируется новый тип научной рациональности, названный В.С. Степиным «постнеклассическим». По его словам, «он учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с внеучными, социальными ценностями и целями» [2, с. 634; 5, с. 260]. По мнению В.С. Степина, со второй пол. XX в. происходит переход от техногенной цивили-

лизации к модели мироустройства совершенно нового типа. По его словам, на современной стадии развития цивилизационного развития «гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегий научного поиска» [2, с. 636], что приводит к новым формам взаимоотношений религии и науки. «Новые тенденции в этих отношениях могут быть рассмотрены как точки роста новых ценностей» [3, с. 258].

Как осуществляется этот поиск новых ценностей в условиях кризиса принципов классической рациональности? В XX в. человечество оказалось перед «проблемой выбора новых стратегий выживания». В.С. Степин отмечает: «для выхода из глобальных кризисов придется пересматривать прежнюю систему ценностей и мировоззренческих установок, на которых базируется прогресс современной техногенной цивилизации» [4, с. 17], и этот пересмотр уже происходит. Речь идет о такого рода ценностном обновлении, при котором обращение к идеям, разработанным в традиционных восточных учениях, согласуется «с возникающими в недрах техногенной культуры конца XX века новыми ценностями и мировоззренческими смыслами» [4, с. 22].

Безусловно, остается неясным, как можно, и нужно ли, согласовывать христианскую традицию и возникшую на ее основе западную науку с древними восточными религиозными идеями, и «не означает ли призыв к включению этих идей в современную культуру только благую декларацию о намерениях без указания на возможные основания их реализации»? [4, с. 17–18]. Тем не менее уже сложились предпосылки для такого диалога культур, который, как полагает В.С. Степин, может действительно ценностно обогатить человечество.

Среди таких предпосылок – возникшая в начале XX в. философия космизма и учение В.И. Вернадского о ноосфере, определившие новое понимание человека и природы, их синергетического, взаимосвязанного развития; теистический эволюционизм католического философа и ученого П.Т. де Шардена, призывавшего к диалогу религии и науки; теория синергетической онтологии выдающихся ученых современности И.Р. Пригожина и И. Стенгерс; теологические и религиозно-философские учения ряда современных протестантских мыслителей, которые предлагают новое понимание процесса творения мира как непрерывно продолжающегося, в котором равным образом участвует и Бог, и человечество; теории коэволюции и глобального эволюционизма, и многие другие современные учения.

Сегодня восточная философия созвучна новым теориям «углубленной экологии и биосферной этики». По словам В.С. Степина, здесь «продуктивно реализуется» тот самый диалог культур, который понимается им как «разработка новой системы ценностей, призванных стать основой безопасного и устойчивого развития человечества». Эти новые ценности несут универсальный характер. Они «не редуцируются ни к западной, ни к восточной традиции, а выступают их особым, избирательным синтезом», становясь ценностями нового «планетарного мышления» [4, с. 22]. При этом, согласно В.С. Степину, именно «развитие в лоне христианской культурной традиции представления об особой ценности рациональности, остается важнейшей опорой в поиске новых мировоззренческих ориентиров» [4, с. 25]. По его мнению, современная постнеклас-

сическая наука – междисциплинарное пространство синергетического знания, обогащенное гуманитарно-аксиологическими смыслами, может оказаться «своеобразным медиатором» взаимодействия между христианством и религиозно-философскими традициями восточных культур [4, с. 25], участвуя в процессах формирования «планетарного мышления» [2, с. 714].

Литература

1. *Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерий различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2009. С. 249–295.
2. *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.
4. *Степин В.С.* Наука, религия и современные проблемы диалога культур // Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. Научные труды / Под ред. И.Т. Касавина. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2006. С. 11–25.
5. *Гайденко П.П.* Христианство и наука: противостояние или союз? // Наука – философия – религия: в поисках общего знаменателя. М.: ИФ РАН, 2003. С. 9–24.
6. *Рокмор Т.* Постнеклассическая концепция науки В.С. Степина и эпистемологический конструктивизм // Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В.С. Степина / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2004. С. 248–260.

Религия и новые технологии о будущем человека: постановка проблемы

Курганова И.Г.

*Кандидат философских наук
Институт философии РАН
Москва, РФ*

УДК 001.38

Междисциплинарные исследования взаимодействия религии и новых технологий в сфере уже существующего и возможного вторжения в биологическую природу человека – являются актуальной областью не только для гуманитаристики. Они могут быть востребованы и для понимания содержания современных духовных практик человека. Представляется важным религиозное осмысление развития биотехнологий и искусственных интеллектуальных сред, а также изучение возможностей и перспектив диалога науки и религии в этой сфере, основной целью которого будет оценка возможных сценариев ее трансформаций, включая определение зон риска и прогнозирование возможных негативных социогуманитарных последствий. Многомерное восприятие человека в рамках религиозного мировоззрения может быть противопоставлено технонаучному редукционизму, часто упрощающему природу человека и сво-

дющему ее лишь к биологическим основаниям, распространяя их и на область морали.

Ключевые слова: религия, наука, новые технологии, биотехнологии, искусственный интеллект, трансплантология, междисциплинарность, религиозно-философская антропология.

Religion and New Technologies: On the Future of Man

Kurganova I.G.

PhD in Philosophy

RAS Institute of philosophy

Moscow, Russia

The paper is a statement of the problem of interdisciplinary research of the interaction of religion and new technologies in the field of the already existing and possible invasion into the biological nature of man. It seems relevant religious understanding of the development of biotechnologies and artificial intellectual environments, as well as the study of the possibilities and prospects for the dialogue of science and religion in this area, the main purpose of which should be to assess possible scenarios for the development of this area, including the identification of risk zones and the prediction of negative social and humanitarian consequences. The multidimensional perception of a person within the framework of a religious worldview can be opposed to scientific reductionism, which often simplifies human nature and ethics to biological grounds.

Key words: religion, science, new technologies, biotechnology, artificial intelligence, transplantology, interdisciplinary human studies, religious and philosophical anthropology.

В контексте современного развития новых технологий и их неизбежного влияния на человека и его будущее особое значение в науке имеет взаимодействие исследований биоэтики, биомедицинских технологий и религиозно-философской антропологии, которые представляют собой область междисциплинарных научных проектов. Проблемы минимизации антропологических рисков, принципы, цели и шаги биотехнологических программ необходимо соотносить с социокультурными ценностями. Этот процесс осуществляется посредством социогуманитарной экспертизы в рамках биоэтического форума, полноправным участником которого является религия. Как справедливо отметил В.С. Степин, «функции науки и религии в культуре внешне выступают как противоположные, но при более внимательном анализе они предстают как дополнительные» [1]. Они представляют собой две программы развития культуры и общества. Наука, нацеленная на порождение нового знания, является основным «социальным фактором изменений в культуре и обществе», религия, в свою очередь, «выступает хранителем традиций, устойчивых ценностей, аккумулирующих исторически апробированный опыт социальной адаптации человека к природе и социальным общностям» [1].

Однако многие проблемы диалога науки и религии по вопросам развития трансплантологии, репродуктивных технологий, биосоциальной онтологии, биотехнологического улучшения человека, включая вмешательство в генетику, функционирование головного мозга, замену природных когнитивных функций искусственным интеллектом и т.д. – в силу их специфичности и новизны недостаточно изучены. Важно и возможно сегодня обозначить основные контуры этой проблемной области для взаимодействия науки и религии как полноправных участников социогуманитарной экспертизы, учитывая как результаты и предвидения научных исследований, так и религиозную аргументацию в определении общей стратегии регулирования сферы биотехнологий и возможностей в их легитимации.

В рамках диалога науки и религии по рассматриваемой проблеме на современном этапе можно наметить следующие направления: 1) религия и искусственный интеллект; 2) религия и радикальные биотехнологии (киборгизм, трансгендеризм, трансгуманизм); 3) религия и высокотехнологичная медицина, включая трансплантологию и ксенотрансплантологию; 4) религия и репродуктивные технологии; 5) религия и генная инженерия.

В современной религиозоведческой, философской, теологической и биоэтической литературе следует видеть несколько линий понимания религиозных факторов в аспекте перспектив развития биотехнологий. Наиболее представлены концепты теологических основ этического регулирования биотехнологий. В данных работах постулируется ценность человеческой жизни, как результата божественного творения [2] или излагается религиозное понимание человеческой природы [3]. Такой подход предполагает рассмотрение религиозных ценностей как регулятивного фактора дальнейшего развития биотехнологий и искусственных интеллектуальных сред, что соотносится со сдерживающей ролью религии как части культуры.

Другая линия – рассмотрение проектов радикального биотехнологического конструирования человека с позиций религиозно-философской антропологии (в том числе киборгизацию, постгуманизм и трансгуманизм) [4].

В последние годы актуализируется исследование религиозного фактора в контексте развития проблематики биотехнологического улучшения. В 2013 г. под эгидой Конференции европейских церквей была издана коллективная монография «Улучшение человека: научные, этические и теологические аспекты с европейской перспективы» [5]. В монографии представлены теологические, религиозно-этические и правовые взгляды представителей различных религиозных конфессий. Среди основных проблем можно выделить понимание человеческого тела и природы человека, проблемы проведения границ между естественным и искусственным, различие понятий технологического улучшения человека и медицинского воздействия на человека и др.

В 2014 г. исследовательская группа «Трансгуманизм и религия» Американской академии религии издала книгу «Религия и трансгуманизм: неизвестное будущее улучшения человека», где проблематизируются вопросы вмешательства в человеческую природу и его пределы [6].

Отношение Русской Православной Церкви к биоэтической проблематике изложено в XII главе «Основ социальной концепции РПЦ» [7], утвержденной на юбилейном Архиерейском соборе 2000 г. В документе отмечены многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются православные христиане в эпоху интенсивного развития технологий: контрацепции, аборта, эвтаназии, перспективы развития генетических технологий и связанные с ними антропологические риски, трансплантология.

Среди российских исследований большой интерес представляет сборник научных статей «Православие и проблемы биоэтики» [8], изданный в 2020 г. В нем рассматривается актуальная для постсекулярного мира проблематика влияния развития биотехнологий на систему религиозных ценностей. В 2019 г. была издана коллективная монография по этико-философским и социокультурным проблемам развития трансплантологии «Апории современной трансплантологии». Отдельная глава в ней посвящена проблеме религиозного осмысления развития трансплантологии [9]. Автор исследует вопросы легитимации религиозными конфессиями органного донорства, их участия в биоэтическом форуме, рассматривает сложности принятия решений верующими индивидами по вопросу участия в трансплантологических программах. Здесь впервые на уровне междисциплинарного религиозно-философского исследования проводится религиозно-философская деконструкция христианских концептов плоти и жертвы в свете трансплантологии, которые с наибольшей вероятностью можно рассматривать в качестве аргументов «за» и «против» участия верующего человека-христианина в программах органного донорства. Религиозное отношение как информационный код религии берется за исходную теоретическую предпосылку влияния религиозных убеждений на формирование моделей органного донорства [10]. Дальнейшее изучение религиозного измерения и оценки и развития сферы новых технологий и искусственных интеллектуальных сред предполагает расширение поля междисциплинарности, включающее исследования: 1) концептов религиозно-философской антропологии в качестве ресурса формирования целостного восприятия человека (многомерный человек) в контексте развития биотехнологий; 2) выявление теологических обоснований сакрального статуса человека как противовеса биотехнологическому редукционизму; 3) обоснование необходимости диалога науки и религии как фактора обеспечения социогуманитарной идентичности человека; 4) изучение форм религиозной легитимации биотехнологий; 5) рассмотрение влияния религиозного фактора на легитимацию в обществе конкретных биотехнологий и формирование политики в области здравоохранения, в частности связанной с развитием системы органного донорства и трансплантации органов, легитимацией новых критериев смерти и умирания, а также внедрением инновационных генетических технологий (в частности, CRISPR/Cas9).

Как справедливо писал В.С. Степин, если «наука центрирована на исследовании объект-предметных структур мира, то религия акцентирует прежде всего опыт субъект-субъектных отношений, опыт человеческих коммуникаций, регулируемых фундаментальными ценностями культуры» [1].

На современном этапе развития биотехнологий и искусственных информационных сред диалог науки и религии обладает эвристическим потенциалом для углубления представлений о природе человека, сохранения его идентичности, этического самопонимания и оценки возможных технологических рисков для будущего человечества.

Литература

1. *Степин В. С.* Философия религии в социокультурном контексте (памяти Л.Н. Митрохина // Социология. 2008. № 4. С. 38–48. URL: <http://www.refdb.ru/look/2130543.html> (дата обращения: 29.05.2023).
2. *Tomšević L.* Development and perspectives of theological bioethics // Croatian medical journal. 2013. 54 (1). P. 86–88. URL: <https://doi.org/10.3325/cmj.2013.54.86> (дата обращения: 12.04.2023).
3. *McKenny G.* Biotechnology, Human Nature, and Christian Ethics. Cambridge University Press, 2018.
4. *Midson S.A.* Cyborg Theology: Humans, Technology and God. I.B. Tauris, 2018.
5. Human Enhancement. Scientific Ethical and Theological Aspects from European Perspective. Church and Society Commission of CEC. 2013.
6. Religion and Transhumanism: The Unknown Future of Human Enhancement / Ed. by Calvin Mercer, Tracy J. Trothen. Hardcover, 2014.
7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Глава XII: Проблемы биоэтики. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128> (дата обращения: 28.05.2023).
8. Православие и проблемы биоэтики. Сборник работ / Отв. ред. И.В. Силуянова. М., 2020.
9. *Курганова И.Г.* Религиозное измерение трансплантологии // Апории современной трансплантологии / Отв. ред. О.Н. Резник. М.: Канон+РООИ “Реабилитация”, 2020. С. 273–320.
10. *Курганова И.Г.* Влияние религиозно-философских факторов на формирование различных моделей восприятия органного донорства в обществе // Социогуманитарные проблемы органного донорства: междисциплинарные исследования: сб. науч. ст. / Под ред. О.Н. Резника, О.В. Поповой. М.: Издательство Московского гуманитарного университета. 2017. С. 132–147.

Секция VI. «Биоэтика в контексте постнеклассической науки: проблемы и перспективы»

доктор философских наук **Ольга Владимировна Попова**,
доктор философских наук **Павел Дмитриевич Тищенко**
20 июня, вторник, 15.00, ауд.312 (3 этаж)

К вопросу о формировании гуманистической биоэтики

Белкина Г.Л.

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

(Москва, Россия)

Фролова М.И.

Научный сотрудник

Институт философии РАН

(Москва, Россия)

УДК 101.1

Формирование биоэтики в России связано с именем академика Ивана Тимофеевича Фролова (1929-1999). И.Т. Фролов выдвигал гуманистический проект биоэтики, фундированный традициями русской и мировой философии. Он делал акцент не на этико-правовые коллизии медицинской практики, а на смысложизненные дилеммы человеческого существования. Именно эту программу И.Т. Фролов заложил в основание работы созданного им Института человека РАН. Эти традиции продолжает Группа по изучению творческого наследия академика И.Т. Фролова Института философии РАН.

Ключевые слова: биоэтика, гуманизм, И.Т. Фролов, комплексное исследование человека

On the issue of the formation of humanistic bioethics

Belkina G.L.

CSc in Philosophy, Chief Research Fellow

Institute of philosophy RAS

(Moscow, Russia)

Frolova M.I.

Research Fellow

Institute of philosophy RAS

(Moscow, Russia)

Annotation. The formation of bioethics in Russia is associated with the name of Academician Ivan Timofeevich Frolov (1929-1999). I.T. Frolov put forward a humanistic project of bioethics, founded on the traditions of Russian and world philosophy. He focused not on the ethical and legal conflicts of medical practice, but on the life-meaning dilemmas of human existence. It is this program of I.T. Frolov laid the foundation for the work of the Institute of Man of the Russian Academy of Sciences, which

he created. These traditions are continued by the Group for the Study of the Creative Heritage of Academician I.T. Frolov Institute of Philosophy RAS.

Keywords: bioethics, humanism, I.T. Frolov, a comprehensive study of man

Академик Иван Тимофеевич Фролов (1929-1999) был основателем нескольких научно-философских направлений, организатором Института человека. И.Т. Фролов возродил в нашей стране философскую антропологию и разработывал проект комплексного междисциплинарного исследования человека. Он продолжал традиции классической русской философии, с ее приоритетом вопросов смысла жизни, смерти и бессмертия человека, его нравственной ответственности. Магистральной темой творчества И.Т. Фролова и деятельности возглавлявшихся им научных коллективов была проблема взаимодействия человека и новейших технологий, социальные и этические аспекты этого взаимодействия.

Подобно тому, как сотовая связь из сферы, связанной с ВПК и государственной связью, превратилась в элемент массового и повседневного обихода, так по историческим меркам внезапно в настоящее время стали широко доступны определение своей генетической родословной, применение биогенотехнологий в лечении. На очереди – направленное воздействие на плод для получения желательного гено- и фенотипа, генетические паспорта, клонирование и прочее. В какой мере человечество готово к столь плотному вхождению биотехнологий в обыденную жизнь? Насколько культура того или иного общества в целом готова взаимодействовать со столь тонкими механизмами «корректировки» созданного природой?

Биоэтика становится сферой, в которой происходит оценка биотехнологического воздействия на человека. Она призвана обеспечивать экологию культуры, выполняя одновременно охранительную функцию и вместе с тем функцию поддержки оправданных инноваций. Она призвана информировать людей о возможностях и опасностях, связанных с биоэтическими проблемами, и располагать необходимой для этого образовательной сетью, включающей соответствующие учебные программы и учебно-методические комплексы.

Особенностью подхода И.Т. Фролова к биоэтике был философско-культурологический акцент, предполагающий изначальное стремление к выявлению смысложизненной проблематики. Разработка этических кодексов с учётом общегуманистических принципов – вот основная идея, которая была выдвинута И.Т. Фроловым и которая отличает российскую версию биоэтики от её англо-американской и континентальной версий.

Институционализация биоэтики в нашей стране происходила медленнее в силу социокультурных факторов. Во-первых, не было понятно, как биоэтика могла быть встроена в существовавшую тогда структуру общественных наук. Во-вторых, к восприятию биоэтической проблематики ещё не была готова широкая научная, медицинская и читательская общественность – не был сформирован «потребитель» биоэтических текстов и рекомендаций. В-третьих, руководство химической и биологической отраслей академической науки отрицательно относилось к биоэтическим дискуссиям, видело в них попытки торможения развития науки. Ситуация принципиально изменилась в период перестройки,

когда академик И.Т. Фролов в силу своего общественно-политического положения сумел подключить к внедрению и поддержке биоэтики государственные возможности. Его авторитет и влияние способствовали также изменению позиций руководителей академической науки. Важным импульсом развития биоэтики стало участие в этом процессе выдающихся академиков-биологов: А.А. Баева, Л.Л. Киселева, Р.В. Петрова, А.С. Спирина. Общественный подъём периода перестройки, в свою очередь, вызвал значительный интерес к биоэтическим вопросам как у медиков, так и у обществоведов. В последующий период биоэтика в РФ развивалась благодаря созданным И.Т. Фроловым и его коллегами институтам.

Биоэтика как элемент экологии культуры предполагает сознательное следование нормам, которые определяют рамки допустимого и чётко устанавливают недопустимое. Напомним: функцию нормотворчества в культуре выполняют такие сферы общественного сознания, как этика и право; а в сложных жизненных ситуациях выработка правовых норм опирается на предварительно разработанные этические кодексы. Значительную роль в разработке этических кодексов биоэтики играют философы, которые осуществляют диалог между специалистами различных сфер (например, медиками и юристами) и формируют критерии в решении наиболее принципиальных вопросов – таких, как статус человека и его эмбриона, определение момента смерти человека и т.д.

Новейшие биомедицинские технологии открывают человеку новые возможности (управление наследственностью, генетические паспорта и проч.) и ставят человека в ситуацию выбора. От того, какой выбор будут делать люди, зависит их будущее, а выбор этот определяется состоянием культуры общества. В сфере биоэтики весьма важно регулирование, которое должно носить комплексный и многоступенчатый характер. Философы, культурологи и этики формулируют общие принципы регулирования, исходя из идеологии гуманизма. С учетом данных рекомендаций вырабатываются соответствующие кодексы поведения, а юристы закрепляют новое понимание в рамках правовой системы.

В своём философском творчестве И.Т. Фролов развивал тезис о «ножницах» между уровнем развития современных технологий и состоянием культуры и нравственности общества, особенно в сфере биотехнологии. Серьёзную опасность для неповторимой человеческой индивидуальности представляют любые манипуляции с генетикой человека. И.Т. Фролов говорил: поскольку в геномной инженерии затрагиваются самые интимные механизмы генетических саморегулирующихся процессов, молекулярные биологи достигли края экспериментальной пропасти, которая может оказаться страшнее той, что разверзлась перед человечеством с созданием ядерного оружия. Поэтому, утверждал И.Т. Фролов, нужно обладать не только знаниями, но и мудростью, – с тем, чтобы не применять знание, могущее навредить человеку. Вопрос об использовании новейших биотехнологий попадает в орбиту «мифологии века НТР» и становится объектом полунучных, околонуучных, а иногда и антинаучных обсуждений во всём мире. С точки зрения И.Т. Фролова роль биоэтики должна состоять в определении нормы и отклонения от неё при использовании биомедицинских технологий на основе общих принципов гуманизма.

В философской концепции И.Т. Фролова важным вопросом считалась выработка системы нормативно-этических регулятивов в отношении любого принципиального биомедицинского вмешательства. Причем основой должен быть известный принцип «не навреди» и гуманистические идеалы. «Всякое экспериментирование на человеке означает частичное вторжение в неотъемлемые свободы и права человека, но оно может ограничиваться настолько, чтобы быть адекватным системе моральных и иных ценностей общества и являться следствием свободно принимаемых решений», – считал И.Т. Фролов [1: 87]. Познание, которое оборачивается во вред человеку, является социально и гуманистически неприемлемым.

Как теоретик глобальных проблем, И.Т. Фролов видел еще одну составляющую сферы биоэтики. Любые проекты «улучшения» человека, особенно по принципам либертарианской биоэтики, могут иметь непредвиденные последствия глобального порядка для природы человека в целом, тем более, если полученные результаты будут применяться в биотехнологическом промышленном секторе. Поэтому необходима «выработка глобальных критериев в отношении экспериментирования на человеке, которые могли бы быть сведены в единые кодексы, имеющие общемировое значение», и были бы закреплены «системой международных соглашений, регулирующих биологическое (генетическое, медицинское и пр.) познание человека» [1: 87-88].

Комплексный подход в биоэтике был реализован таким «неклассическим» научным учреждением, каким был задуманный И.Т. Фроловым Институт человека РАН. В 1990-е гг. рассматривая вопрос о допустимости или недопустимости ограничения свободы выбора человека при производстве потомства, И.Т. Фролов пришел к выводу, что современный человек не готов взять на себя ответственность за подобное вмешательство. Не готов объективно, несмотря на свои амбиции и самомнение, веру в науку и стремление поскорее вкусить её плоды, почувствовать себя в роли бога. Осторожное корректирование человеческой природы станет возможно только в будущем, и к нему люди должны быть готовы: «И я готов ещё раз повторить, что в современных условиях, когда мир полон глубочайших социальных противоречий, когда реальна угроза тоталитаризма и диктатуры, а, значит, бесконтрольной манипуляции наследственностью человека, евгенические проекты могут сыграть, как это уже было в прошлом, весьма реакционную роль» [2: 37]. В 1998 г. И.Т. Фролов отмечал: «Прогресс науки остановить нельзя, но неразумно подстёгивать его в опасных для человека направлениях» [3: 113-114].

Традиции И.Т. Фролова продолжает Группа по изучению его творческого наследия Института философии РАН. Ежегодно проводятся Фроловские чтения. В 2023 г. тема Фроловских чтений звучит так: «Альтернативы цифровизации: сохранится ли человек в цивилизации будущего?». Проблема цифровизации – одна из наиболее актуальных и обсуждаемых глобальных проблем современности. Она сопряжена как с открытием новых духовных и телесных возможностей для развития человека, так и с возрастанием разного рода рисков для человеческой цивилизации и её будущего. Особое внимание участники Фроловских чтений уделяют социальному измерению цифровизации, реакционным проектам

ограничения прав и свобод человека, установления контроля над поведением масс людей под видом расширения их цифровых возможностей. Ученые и философы, продолжающие в наше время движение по путям познания, проложенным академиком И.Т. Фроловым, объединены не только общностью проблем, но и ценностно-мировоззренческими установками, для которых принципиальным является отрицание технократического отношения к человеку и новейшим техническим достижениям его разума и изобретательности, отвержение трансгуманистических и постчеловеческих спекуляций вокруг антропологической, половой и культурной идентичности человека, «сбережение человека» во имя будущего цивилизации и планеты.

Литература

1. Фролов И.Т. Перспективы человека. (Критика современного социобиологизма и неоевгеники; социально-этические проблемы генетической инженерии) // Вопросы философии. 1975. № 7. С. 83–95.
2. Фролов И.Т. Начало пути: (Краткие заметки о неоевгенике) // Человек. 1997. № 1. С. 34-37.
3. Борзенков В.Г., Фролов И.Т. Познание человека: комплексный подход. Гуманистические (этико-правовые) регулятивы // Свободная мысль. 1998. № 5. С. 105-114.

Рациональная сложность социально-распределенного производства инновационного знания

Тищенко П.Д.

Доктор философских наук
Институт философии РАН
Москва, РФ

УДК 101.1

Аннотация. Проблемы рациональности социально-распределённого производства знаний обсуждаются на примере современной биомедицинской науки. Утверждается, что открытия и изобретения становятся инновациями в гетерогенной сети социальных агентов, потребляющих знания других производителей, производя свои собственные. Знания, полученные в научных лабораториях, распространяются в обществе путём производства новых знаний его потребителями: учеными различной специализации, технологами, бизнесменами, биоэтиками, юристами, политиками, практикующими врачами и медицинскими организациями, и, наконец, профанами как потребителями конкретных услуг и продуктов. Рациональность, понимаемая в данной статье как от-refлексированная обоснованность дискурсивных практик, с необходимостью оказывается различной в различных (гетерогенных в отношении друг друга) локусах социально-распределённого производства знаний. В этом смысле речь идёт о сложностной организации рациональности. Следует подчеркнуть, что во-

прос ставится не о рациональной связанности полученных в сети гетерогенных знаний, но о связанности их производств.

Ключевые слова: биомедицина, инновация, сложность, социально распределённое производство знаний, рациональность, технонаука, установка

Rational complexity of the socially distributed production of innovative knowledge

Tishchenko P.D.

Doctor of Philosophy
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Annotation. The problems of rationality of socially distributed knowledge production are discussed using the example of modern biomedical science. It is argued that discoveries and inventions become innovations in a heterogeneous network of social agents that consume the knowledge of other producers, producing their own. Knowledge produced in scientific laboratories is disseminated in society through the production of new knowledge by its consumers: scientists of various specializations, technologists, businessmen, bioethicists, lawyers, politicians, medical practitioners and medical organizations, and, finally, profane people as consumers of specific services and products. Rationality, understood in this article as the reflexive validity of discursive practices, is necessarily different in different (heterogeneous in relation to each other) loci of the socially distributed production of knowledge. In this sense we are talking about the complex organization of rationality. It should be emphasized that the question is not about the rational connectedness of heterogeneous knowledge obtained in a network, but about the connectedness of its production.

Keywords: biomedicine, innovation, complexity, socially distributed knowledge production, rationality, technoscience, installation

Век биологии. Еще в начале 80 х годов прошлого века И. Т. Фролов утверждал, что следующий 21 век станет веком биологии (Фролов 1976), имея в виду колоссальные перспективы, которые открывались для познания и изменения природы человека в горизонте открытий в области генетики и геномной инженерии. Сегодня эти предсказания вполне оправдываются. Некоторые ученые уже сейчас ставят вопрос о возможности взять под контроль эволюцию человека, используя технологии редактирования генома (Даудна 2019). На вопрос: насколько надежды и вера во всемогущество новых биотехнологий оправданы? - ответит будущее. Пока преждевременно, в силу технологических и концептуальных затруднений, пытаться решать даже относительно простые проблемы исправления генома эмбрионов человека (Statement 2023).

Однако полагаю, что утверждение И. Т. Фролова можно трактовать иначе. Наступивший новый век ознаменован не только технологическими успехами, но и тем принципиальным обстоятельством, что внутри биологии сформировалась на базе тенденций конца 20 го века иная, *парадигма науки*, использующая иные типы рациональности, чем те, которые были описаны в классиче-

ской концепции В.С. Стёпина (классическая, неклассическая, постнеклассическая), ориентированной прежде всего на физику. Новые разновидности рациональности, которые в явной форме представлены в биологической и медицинской науке (далее буду называть биомедицинской), не отрицают прежние формы физического рационализма, скорее они, вводят новые измерения рационального рассуждения, обеспечивая эффект *диспарентности* (Ж. Симондон), позволяющий различить за иллюзорной позитивностью научного знания его генезис (индивидуацию), который в данной статье маркируется как *производство* знания.

Врачи и биологи могут в своём самосознании ориентироваться на классические формы физикалистского самосознания, полагая, что полученные ими знания *отображают* реальность с какой-то особенной стороны. Однако их умелые «руки» производят знания, руководствуясь заветом 11 го тезиса К. Маркса о Фейербахе, в качестве технологий – способов её (реальности) *революционного* преобразования. В чём революционность преобразований? В горизонте субстанциальной логики тождества (А. В. Смирнов) господствует представление о движении как пространственном перемещении идеализированного в виде точки «объекта». С динамической точки зрения оно (движение объекта) представляется как упорядоченная последовательность причин и действий, относительно идеи времени как их субстанциальной связанности.

Революционность преобразования предполагает погружение объекта в ситуацию *кризиса* субстанциальной связанности, что характерно, к примеру, для фазовых переходов. Этот кризис внутри натуралистического мировосприятия трактуется в категориях неопределённости и множественности. Прошлое перестает по определённому закону *линейно* детерминировать будущее. За счёт этого возникает возможному *рационально* мыслить переход исследуемой системы в другое состояние. Неслучайно, что именно в этих зонах натуралистическое сознание пытается различить научно регистрируемые *следы* человеческой свободы. Правда сама свобода ускользает от научного понимания, рассуждающего в субстанциальной логике тождества.

Несколько ближе к ней нас подводит логика революционного преобразования, современный вариант которой, *по моему мнению*, разрабатывается в рамках идеи процессуальной логики (А.В. Смирнов). Элементарным событием логики процесса является не обнаружение устойчивого факта (тождественного) в изменчивых эмпирических явлениях, а действие, целенаправленно переводящее потенциально возможное в акт. Причем действие как реализация возможностей, присущих объекту, - конечно. Оно имеет своё начало (момент инициации события) и своё завершение (реализованную цель).

В теоретических концепциях технологий последние представляют собой воспроизводимые (контролируемые) последовательности целесообразных действий, реализующих достижение определённой цели. Отдельные целесообразные действия обычно называются элементарными технологическими процессами или технологическими операциями. Элементарность этих процессов связана с тем, что в оптике процессуальной логики мы уже не можем различить происходящее внутри этих процессов события.

Чтобы различить эти события, необходимо восстановить бинокулярную оптику. Например, некий технологический процесс включает осуществление некоторой химической реакции. Технолог создаёт начальные условия для этой реакции и контролируемые условия её протекания. Иницирует её и предоставляет химической смеси реагировать в силу природной необходимости. Получив желаемый промежуточный результат, технолог останавливает естественный процесс, используя полученный продукт (результат) для создания условий возможности реализации следующего элементарного процесса. Связь элементарных технологических процессов друг с другом осуществляется с помощью *технологических переходов*. Мне представляется, что логикой технологического перехода как раз и выступает процессуальная логика. Целесообразные действия связаны друг с другом в технологических цепочках такими отношениями, в рамках которых результат (продукт) предшествующего действия определяет не закономерную реализацию последующего, но лишь условия (границы) возможности для его (последующего действия) актуализации. Технологический процесс предстаёт не как перемещение тождественной себе точки в заданном локусе пространства - времени, а как преобразование одной целостности локального представления элементарного технологического процесса в другую целостность. Современная биомедицина усваивает имплицитно присущую технологическим процессам процессуальную логику, становясь, согласно Б. Г. Юдину технонаукой.

В каждый элементарный технологический процесс встроены свой особый аппарат локализации действия в конкретном онтологическом регионе – знание производится вместе с картой, на которой само действие *визуализируется* и за счёт этого контролируется. Совокупность элементарных технологических процессов локализуется на общей карте технологического процесса, предлагая визуализацию *связей* целесообразных действий. В результате сложения эффектов множественных визуализаций возникает эффект диспарентности.

Эффект диспарентности. Знание не существует как некая данность, но присутствует как перманентно возникающее, индивидуализирующееся из доиндивидуального. «Дабы обозначить ... присутствие доиндивидуального в индивидуальном сущем, Ж. Симондон вводит концепт «диспаратность», заимствуя его из психофизиологической теории восприятия. Индивидуальное сущее продолжает в той или иной мере удерживать в себе напряжение между несовместимыми и еще не связанными измерениями или потенциалами. Две или более, казалось бы, уже индивидуированных совокупности не могут полностью налагаться друг на друга (как левый и правый образы на сетчатках каждого из глаз), тем не менее обеспечивают формирование некой единой совокупности более высокой степени, совокупности, выходящей в иное измерение (стереоскопический образ). Именно индивидуация, собирая вместе доиндивидуальные различности, формирует систему отношений, процессуально komponующую то, что прежде было несовместно» (Свирский 2022).

Измерение в широком смысле надления мерой безмерного (определения неопределённого) и в узком смысле координаты указывает на *возможность*, присущую исследуемому сущему предстать в опыте как определённое индиви-

дуализированное представление – вот *это* - то, с чем работает конкретный ученый в конкретном эксперименте. Но в иных измерениях оно может быть представлено (индивидуализировано) иначе. Возможность иного пути индивидуации характеризует доиндивидуальное как *бытие в возможности* сущего *стать* различным представлением. Измерение предлагает перманентно *становящемуся* другим сущему некоторое конкретное *есть*, в просвете которого это сущее и для себя (обнаружив себя за гранью бытия-возможности) и для другого приобретает определённую представленность.

Поскольку измерение связано не только с измеряемым, но и измеряющим, то множественность возможностей *стать* определённым образом индивидуализированным в представлении бытием – *есть* для измеряемого, синергично связана с множественностью возможностей *быть* (*стать*) для измеряющего. Доиндивидуальное (*бытие в возможности*) измеряющего в конкретном опыте измерения индивидуализируется, разрешается в рефлексивно обнаруживаемом философом-методологом образе (представлении) познающего субъекта или (в иной плоскости дифференциации = индивидуации) *глухонемого наблюдателя*.

В идее неклассической науки, отсылающей нас к работам Н. Бора, осмыслена связь пути индивидуализации знания с используемым в эксперименте прибором и теоретическим языком описания. Но прибор берется здесь в отчужденной форме макрообъекта, данного в соответствующем языке теоретического представления. Погруженный в опыт неклассический наблюдатель ни с кем, кроме как с индивидуализируемым в том же опыте объектом не коммуницирует. В этом смысле его обозначаю как *глухонемого*. Ему для изучения объекта незачем общаться с другими учеными, которые по-разному индивидуализируются в других опытах индивидуализации (измерения). Аналогично, на другой стороне ленты Мёбиуса, в опытах философствования, чурающегося всяческих измерений, индивидуализируется *слепой рассказчик - автор*.

Современная биомедицинская наука, реализующаяся через структуры социально-распределённого производства знаний как *инноваций*, предполагает усложнение идеи рациональности. Утверждается, что открытия и изобретения становятся инновациями в гетерогенной сети социальных агентов, потребляющих знания других производителей, производя свои собственные. Знания, полученные в научных лабораториях, распространяются в обществе путём производства новых знаний его потребителями: учеными различной специализации, технологами, бизнесменами, биоэтиками, юристами, политиками, практикующими врачами и медицинскими организациями, и, наконец, профанами как потребителями конкретных услуг и продуктов. Рациональность, понимаемая в данной статье как отрефлексируемая обоснованность дискурсивных практик, с необходимостью оказывается различной в различных (гетерогенных в отношении друг друга) локусах социально-распределённого производства знаний. В этом смысле речь идёт о сложностной организации рациональности. Следует подчеркнуть, что вопрос ставится не о рациональной связанности полученных в сети гетерогенных знаний, но о связанности их производств.

Процесс *производства* знаний представляется в структуре научной статьи (Тищенко 2011) как на специфической технологической карте, связывающей ге-

терогенные дискурсы. Во *«введении»* формулируется проблема, указывающая на доиндивидуальное, которое в конкретном опыте индивидуализируется в качестве *«результата»* через указание на «материалы и методы» измерений. Полученный результат в разделе «обсуждение» провоцирует *индивидуализацию* ученого как конкретного «наблюдателя» в *сообществе* других индивидуализирующихся наблюдателей. «Результат» связывает рассказанное в статье в произведение *автора*, адресованное *другому* производителю знаний.

Этот другой воспринимает полученное знание (результат) в дополнительной *трансляции* информации, её интерпретации (перевода на свой язык) и трансдукции – производства собственного знания.

Рациональность политического насилия и денег. Необходимо отметить, что модели социально-распределённого производства знаний в биомедицине имеют в качестве своеобразных прототипов государственные модели социально-распределённого производства знаний, реализованные в атомных проектах СССР, Германии и США во время и после 2ой Мировой войны. Отличие заключается в особенностях рациональности *технологических переходов*. В государственных моделях рациональной склейкой, связующей разнообразных агентов в производственную сеть выступало политическое насилие, в отечественной истории представленное в работе всевозможных «шаражек». Современные модели основываются на экономической рациональности взаимосвязи производителей и потребителей, формируя знание в качестве специфического *товара* (например, патента).

Социально-распределённое производство знаний в биомедицине удвоено. Оно реализуется во внутреннем и внешнем контуре науки (Юдин 2016). Внутренний контур распределённого в обществе производства знаний «центрирован» относительно индивидуализирующихся в процессе познания полюсов познающего субъекта и познаваемого объекта. Медиумом их общения выступает технологическая *установка* (Б. Г. Юдин), обеспечивающая *воспроизводимость* получаемых научных результатов и, одновременно, технологическую воспроизводимость процессов индивидуации ученого в наблюдателя, а изучаемого объекта в конкретный предмет исследования. Внешний контур науки обеспечивает процессы индивидуации в становящемся эллипсисе различения индивидуализирующегося индивида, производящего знания, и индивидуализирующегося вместе с ним и через него сообщества. Если во внутреннем контуре науки знание оценивается в категориях истинности, то во внешнем контуре оно оценивается в категориях полезности и приемлемости (моральной, правовой, антропологической, политической и т.д.). Например, синтетическая биология во внутреннем контуре ставит своей задачей конструирование искусственной клетки, а во внешнем – её задача заключается в формировании вокруг себя за счет совместной индивидуации искусственной социальной клетки, которая как своеобразный инкубатор обеспечит появление на свет инноваций.

Эпистемологическая анатомия (рациональность) биомедицинского знания может стать ключом к пониманию анатомии (рациональности) научного знания вообще.

Литература

1. Фролов И.Т. Прогресс науки и будущее человека. М.: ПОЛИТИЗДАТ, 1976.
2. ДAUDNA Дж., Стернберг С. Трещина в мироздании. Редактирование генома: невероятная технология, способная управлять эволюцией. Перевод с англ. С. Ястребовой. М.: АСТ: CORPUS, 2019. 384 с. С. 329.
3. Statement from the Organising Committee of the Third International Summit on Human Genome Editing 08 March 2023 // The Royal Society URL: <https://royalsociety.org/news/2023/03/statement-third-international-summit-human-genome-editing/>
4. Свирский Я. И. Индивидуация Ж. Симондона как проект принципиальной незавершенности индивида / Человек как открытая целостность: Монография. Новосибирск: Академиздат, 2022. с. 420. С. 299.
5. Тищенко П. Д. Знание, понимание, умение в герменевтической структуре научного текста // Знание, Понимание, Умение, 2011. №1. С.58 – 67.
6. Юдин Б. Г. Технонаука и улучшение человека // Эпистемология и философия науки, 2016. Т. XI. № 2. С. 18 – 27.

**Философские аспекты проблемы приверженности лечению
в контексте медико-генетического консультирования**

Попова О.В.

*доктор философских наук
Институт философии РАН
Москва, Россия*

УДК 179

Аннотация. В статье рассматриваются этические проблемы, возникающие в процессе медико-генетического консультирования. Рассмотрены существующие предубеждения, создающие препятствия в отношении соблюдения режима лечения генетических заболеваний.

Ключевые слова: приверженность лечению, соблюдение режима лечения, этика генетического консультирования, комплаентность.

**Philosophical aspects of the problem of adherence
to treatment in the context of medical genetic counseling**

Popova O.V.

*Doctor of philosophical science
Institute of Philosophy RAS
Moscow, Russia*

Annotation. The article deals with ethical problems that arise in the process of medical genetic counseling. Existing prejudices that create obstacles to compliance with the treatment regimen for genetic diseases are considered.

Key words. adherence to treatment, compliance with the treatment regimen, ethics of genetic counseling, compliance.

Приверженность лечению – важное понятие в медицине, которое определяет готовность пациента следовать терапии для достижения максимального результата.

Сложность этой проблемы, наличие особенностей её проявления в различных медицинских контекстах приводит к тому, что в ряде случаев для её обозначения применяются разные термины. Так понятие комплаентности, акцентирующее внимание на соблюдении режима лечения, несет в себе патерналистские коннотации. Здесь главным действующим лицом выступает врач, больной пациент фактически подчиняется его рекомендациям. За рубежом чаще используется понятие приверженности лечению, где основной акцент делает на сотрудничестве (adherence) между врачом и пациентом, а также на приверженности общей цели. Данное понятие открывает особый контекст отношений, заложенных в процесс лечения. Лечение предстает как совместная деятельность (взаимодействие) двух активных субъектов — врача и пациента. Патерналистские коннотации в этом случае замещаются акцентом на взаимозависимости и сотрудничестве.

Кроме того, исследователи процесса лечения могут использовать термин «согласованность» (concordance). Он подчеркивает согласованность действия и целей субъектов, вовлеченных в процесс лечения (врачей, пациентов, их близких), каждый из которых по-своему понимает цели взаимодействия, однако приходит к определенному компромиссу в отношении собственного лечения. Компромиссная согласованность действий возникает в рамках реализации пациенториентированного подхода в медицине, направленного на диалог между врачом и пациентов и выработку совместных решений с учетом индивидуального восприятия заболевания и картины мира пациента. Совместное принятие решение, рассмотренное в его предельном выражении, означает устранение патерналистской медицинской установки в процессе выработки стратегии лечения, что означает, что пациент и/или его член семьи разделяют ответственность за принятие решений, хотя далеко не всегда они могут быть готовы к этому.

Типичным примером здесь является выявление генетических мутаций и связанного с ними риска развития заболевания. Вероятностный характер генетической детерминации означает, что на развитие множества заболеваний влияют не только гены, но и другие факторы: и образ жизни, и окружающая среда. Генетическое тестирование может рассматриваться как прогноз, касающийся не только отдельной биографической истории, но целого сплетения судеб и отношений.

Огромное значение имеет при этом психологический профиль информруемого, поскольку информация о диагнозе, в особенности, если речь идет о высоком риске заболеть тяжелым генетически обусловленным заболеванием, может обладать ятрогенным характером, вызывая у пациентов чрезвычайно сильную аффективную реакцию: «обнаружение того, что они имеют «высокий риск» близко к тому, как если бы они уже заболели раком. Они задаются един-

ственным вопросом «Когда именно это со мной случится?». Это может оказаться очень мучительным» [1]. Неопределенная информация способна вызвать повышенную тревожность и стресс. Человек способен признать себя больным еще до развития самого заболевания. Человек, получающий информацию, о вероятности развития того или иного заболевания может испытывать вину за не предпринятые шаги по его предотвращению. Речь идет не только о сугубо персональном измерении здоровья, но прежде всего о том, что утрата здоровья сопряжена с невозможностью нести ответственность за своих близких.

Очень яркий пример, иллюстрирующий данный тезис, - случай американской актрисы А. Джоли, которая после информации о генетической мутации в ее гене BRCA1, влияющей на развитие рака груди и рака яичников, приняла решение о двусторонней мастэктомии и впоследствии также удалила яичники. Казус А. Джоли является примером приверженности лечению, где сам процесс лечения не был вызван строгой необходимостью в связи с отсутствием рака у самой А. Джоли на момент принятия решения и где выбор лечения осуществлялся не столько на основе патерналистского давления врача-генетика, сколько на основе собственного понимания генетических рисков, сложившихся убеждений, связанных с семейной историей, когда от рака яичников умерла ее мать. А. Джоли стала своего рода пациентом-в-ожидании, то есть будущим пациентом, человеком, ориентированным на то, что риск заболевания необратимо приведет к самому заболеванию, прикованным к возможному будущему диагнозу осознанием генетической неизбежности.

Решение А. Джоли опиралось на научно обоснованные данные о положительном эффекте профилактических операций по удалению груди и яичников (двусторонней мастэктомии и овариэктомии). В то же время в ситуации с А. Джоли прослеживается существенная трансформация роли врача. Идентичность врача, выступавшего с позиций эксперта, обладающего полной точкой зрения и представляющего фактически универсальную абсолютную точку зрения, трансформируется в роль консультанта, дающего рекомендации, но не настаивающего на их применении. Его знания «теряют определяющую ценность, оставляя за собой рецептурную, инструментальную роль, связанную с умелым, знающим, технологически структурированным профессиональным действием» [2]. Врач снимает с себя ответственность за принятие решения, давая осуществить эту возможность самим пациентам.

Врач в антипатерналистской либеральной модели обращения с пациентами больше не занимает нишу эксперта, обладающего абсолютным «божественным» знанием. Однако и пациенту сложно быть Богом. Он примеряет на себя роль эксперта и судьи по вопросам важнейших решений относительно собственного здоровья и вынужден соглашаться с экспертной позицией или противоречить ей на основе своего собственного выбора. Пациентское решение зачастую состоит из множества соединенных и зачастую плохо соотносящихся друг с другом параметров, здесь сближаются вера, знание, технологические возможности, а также фобии, риски и вероятности.

Однако и решения генетика-консультанта также находится в особо чувствительной ситуации неопределенности знания. В генетическом консультирова-

нии мы сталкиваемся со значительным количеством «примеров...нормативной неопределенности, помноженной на дескриптивную» [3].

С одной стороны, при этом речь идет о «столкновении с наиболее очевидной формой неопределенности в биомедицине, связанной с тем, что действующий агент не владеет всей совокупностью знаний, необходимых для принятия решения» [4].

С другой стороны, возникает новая ситуация, связанная с феноменом распределенного знания и фундаментальной значимостью вероятности, прогноза, безусловно, требует переосмысления таких понятий, как ответственность врача и врачебная ошибка.

В этой связи огромное значение в процессе медико-генетического консультирования приобретает не-директивность. Ее смысл состоит в том, что пациент на основе переданной ему генетиком информации вправе принять собственное решение в связи с рекомендованными ему профилактическими или терапевтическими мерами.

Как справедливо замечает Г.Л. Микиртчян и соавт.: «Самым влиятельным агентом формирования комплаентности является врач» [5]. Врач выдерживает определенный баланс между настойчивостью в продвижении необходимого лечения и необходимостью ориентироваться на условия жизни пациента, его потребности и интересы, его возможности выполнить рекомендации врача: «во многом «идеальным» делает больного сам лечащий врач» [6].

Врач-генетик в своей деятельности сталкивается не только со сложными диагнозами и редкими заболеваниями, но и с целым рядом персональных установок и предубеждений, оказывающих влияние на весь ход лечения. Подобно источникам человеческих ошибок («идолам», «призракам», стоящим на пути познания, выделенным Ф. Бэконом), процесс генетического консультирования сопряжен с определенными человеческими установками, затрудняющими процесс адекватного информирования и успешного восприятия полученной от врача-генетика информации.

Развитие генетики сопровождалось распространением мифов и предубеждений, ограничивающих восприятие генетической информации или сильно искажающих ее.

В свете неуклонно растущей генетизации общества дают о себе знать феномены, которые можно обозначить, используя метафору «идола» (призрака) «веры» и «рода» Ф.Бэкона [7]. Речь идет о том, что человек воспринимает информацию через свои ценностные фильтры и заложенные социокультурной средой мировоззренческие убеждения, которые далеко не всегда позволяют адекватно отреагировать на смысл информации, могут вызвать определенную степень недоверия к генетическому консультированию, непониманию его целей и задач. Когда пациенты не испытывают потребности в генетической консультации, это заметно снижает уровень понимания информации и эффективность самой консультации» [8].

Процесс лечения может тормозиться внутренним сопротивлением. Например, родители ребенка, которому поставили диагноз фенилкетонурия, могут игнорировать необходимость строгого следования рекомендациям врача, в ча-

стности, в отношении введения особой диеты, поскольку не относятся к полученной информации достаточно серьезно, опираются на визуальный опыт (ребенок выглядит здоровым) или на собственные представления о заболевании, полагаются на волю судьбы, религиозные убеждения, игнорируя необходимость своевременного начала лечения.

Сознание пациентов в силу своей особой уязвимости может быть также направлено на восприятие позитивной информации. Пациент или его родственники стараются отгородиться эмоциональным щитом от информации, разрушающей их ожидания, например, связанные с представлениями об идеальном здоровом ребенке.

В этом случае конструирующая сила сознания порождает своеобразные защитные механизмы, которые мы метафорически можем описать, используя уже характеристики «идолов пещеры» Ф. Бэкона. То есть речь идет о совокупности присущих персональным заблуждений, связанных с особенностями личной траектории развития и воспитания и восприятия той или иной информации.

Кроме того, рассуждая об особенностях генетического консультирования и его оценке конкретным пациентом или его представителем следует также обозначить присутствие и своего рода «идола площади» (Ф. Бэкон), сформированных неправильным употреблением слов, многозначностью понятий в различных сферах жизни и знания и связанной в связи с этим с невозможностью обеспечить полноту информирования и понимания: «большое число пациентов не понимают смысла генетической информации в связи с ее сложностью или в связи с неправильно выбранной врачом формой изложения сведений» [9].

В свете перечисленных выше проблем постепенно формируются представления о наиболее адекватных способах взаимодействия с пациентами. Так, доказано, что лучше усваивается информация, представленная семье в письменной форме в виде заключения. [10]. Семейная психодинамика, связанная со стрессовой реакцией на информацию о наличии у ребенка врожденного генетического заболевания, проявляется в чередовании ряда этапов - от слабого, фактически нулевого восприятия генетической информации сразу после получения информации к отрицанию и ее вытеснению. Данный процесс зачастую сопровождается проявлением агрессии к врачу, он характеризуется развитием депрессии. Правильная подача информации позволяет семье постепенно адаптироваться к диагнозу, вернуть способность рационального мышления, дающую возможность принятия конструктивных решений. Учитывая эту особенность, целесообразным представляется дозированная подача информации, психологическая подготовка к диагнозу, способствующая закреплению установки на соблюдение режима лечения.

В целом, проблема приверженности к лечению является сложной и многогранной. Это феномен, который требует не только медицинского, но и философского и биоэтического осмысления. В этой связи, различные исследования и теории, представленные в научной литературе, могут привести к разработке новых подходов к повышению приверженности к лечению, что в свою очередь может улучшить качество оказания медицинской помощи в целом.

Литература

1. Пресимптоматическое тестирование наследственных онкологических заболеваний. Информация для пациентов и членов их семей. [Электронный источник]-Режим доступа: <http://www.eurogentest.org/fileadmin/templates/eugt/leaflets/pdf/russian/cancer.pdf>. С. 11.
2. Тищенко П.Д. Философские основания персонализированной медицины (ПМ): казусы А. Джולי и М. Шнайдера // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 21: Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ): сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С.96-118. С. 107.
3. Шевченко С.Ю. Этика неопределенности как продолжение эпистемологии добродетелей: пример генетических рисков // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 161–177.
4. Там же. С. 166.
5. Микиргичан Г. Л., Каурова Т.В., Очкур О.К. Комплаентность как медико-социальная и этическая проблема педиатрии // Вопросы современной педиатрии, Т. 11. № 6, 2012. С. 7.
6. Там же. С. 8.
7. Бэкон, Фрэнсис. Новый органон наук = *Novum organum scientiarum* / Франциск Бэкон Веруламский; пер. С. Красильщикова, вступ. и предисл. Я. Боровского; Российская акад. наук, Ин-т философии. Москва: Канон+, 2016. 351 с.
8. Гузеев Г.Г. Актуальные проблемы медико-генетического консультирования // Основы пренатальной диагностики / под ред. Е. В. Юдиной и М.В. Медведева М.: РАВУЗДПГ; Реальное время, 2002. С. 153-174. С. 164.
9. Там же.
10. Там же.

Парадигма открытой науки в биомедицинских исследованиях XXI века**Сокольчик В.Н.***доцент, кандидат философских наук**докторант Института философии Национальной Академии Наук Беларуси (Минск, Беларусь)*

УДК 001.92: 60/61

Рассматривая открытую науку как парадигму постнеклассического знания, автор анализирует ее потенциал и регулятивы в биомедицинских исследованиях. Подчеркивается актуальность открытых данных, необходимость распространения результатов исследований в обществе, привлечение к планированию научных проектов представителей сообществ. Автор предлагает практические рекомендации этическим комитетам и намечает основные направления политики развития открытой науки в современном обществе.

Ключевые слова: открытая наука, открытые данные, целостность данных, биомедицинские исследования, этический комитет, информированное согласие, междисциплинарный диалог.

The Paradigm of Open Science in Biomedical Research of the XXI century**Sokolchik V.N.***Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences,**Doctoral Student of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of the (Minsk, Belarus)*

Considering Open Science as a paradigm of post-nonclassical science, the author analyzes its potentiality and regulatories in biomedical research. The relevance of open data, the need of dissemination of the research results in society, and the community engagement in scientific projects are emphasized. The author offers practical recommendations to ethical committees and outlines the main policy directions for the development of Open Science in modern society.

Key-words: *Open Science, Open Data, Data Integrity, Biomedical Research, Ethics Committee, Informed Consent, Interdisciplinary Dialogue.*

Парадигма «открытая наука» сегодня может рассматриваться и как установка постнеклассического научного знания, и как социокультурное движение, выступающее за доступность и широкое распространение результатов научных исследований, создание и совместное использование баз данных и алгоритмов искусственного интеллекта, открытое обсуждение научных проектов и т.д. [1]. Парадигма открытой науки предполагает обеспечение доступ к научным знаниям широких кругов социума, хотя на практике научное знание (в частности, биомедицинское) остается достаточно «закрытым» для общественности. Кроме того, парадигма открытой науки предполагает эффективное и ресурсосберегающее взаимодействие внутри научного сообщества, обеспеченное совместным использованием баз данных, открытыми образовательными ресурсами, использованием программного обеспечения с открытым кодом и т.д.

Парадигма открытой науки обеспечивает также фундамент становления междисциплинарных исследований, осмысляющих сложные феномены человека, природы, общества. И, наконец, открытая наука акцентирует социальную значимость развития знания, актуализирует важность научно-популярного сопровождения научных проектов.

Однако, особенности «открытого доступа» для каждой отрасли науки достаточно специфичны, порождают свои этические, правовые, методологические ограничения. Так, специфика применения подхода открытой науки в биомедицинском знании требует серьезной экспертизы научных проектов со стороны независимых общественных организаций – этических исследовательских комитетов (в Беларуси – это независимые этические комитеты (далее - НЭК)).

Идеи открытой науки активно начинают развиваться еще с 80-х годов прошлого века, однако только в 2000-е годы можно говорить об осмыслении основных принципов и понятий новой парадигмы развития научного знания, распространении ее идей в обществе и формировании крупных междисциплинарных научных проектов, посвященных открытой науке., разработке соответствующих международных документов и рекомендаций.

Опираясь на собственный опыт участия в междисциплинарных научных проектах, посвященных открытой науке (WHO/TDR, RDA), проведенных интервью с исследователями в сфере биомедицины и экспертизы проектов в рамках членства в НЭК Белорусской государственной медицинской академии последипломного образования, а также основываясь на изучении исследовательской традиции и документов по рассматриваемому вопросу, автор акцентирует специфику подхода открытой науки в рамках биомедицинских исследований и предлагает соответствующие рекомендации исследовательским этическим комитетам.

В сфере биомедицинских исследований значительный «прорыв» в становлении открытой науки был отмечен в связи с вспышкой COVID-19. В этот период (с 2020г.) глобальному сотрудничеству между учеными способствовал беспрецедентный объем информации и данных, которые позволяли за счет свободного и быстрого обмена информацией осуществлять исследования по созданию новых лекарств, вакцин, протоколов лечения и т.д. Так, в начале 2022 года количество научных публикаций, посвященных COVID-19, в сфере биомедицины составило более 800 тыс., только открытая база данных ВОЗ содержала не менее 380 тыс. публикаций для открытого доступа; во многом это касалось и вопросов открытой инфраструктуры, программного обеспечения и, конечно, имеющихся баз данных. Такой открытый доступ и широкое сотрудничество между учеными разных стран в сфере биомедицины значим не только в связи с пандемией, но также позволяет решать глобальные вопросы исследований, посвященных социально опасным заболеваниям – таким как туберкулез, СПИД и др.

По мнению автора, наиболее сложные вопросы реализации открытой науки в биомедицинских исследованиях связаны с созданием и совместным использованием баз данных, привлечением сообществ к исследованиям и широким распространением полученных результатов в обществе.

Так, открытое использование информации в биомедицинской сфере, а также в тех научных проектах, которые непосредственно (или опосредованно) связаны с людьми, строго регулируется требованием конфиденциальности и защиты персональных данных, что стало не только этическим правилом, но и юридической нормой. В биомедицинской сфере обязательным условием дальнейшего использования данных (информации) является добровольное информированное согласие владельца данных и ясное недвусмысленное разрешение на их хранение и последующее использование [2]. Наличие согласия предполагает также обсуждение (и письменную фиксацию в информированном согласии) вопросов анонимности данных при их хранении и использовании, рассмотрение возможности включения данных в соответствующие базы без идентификации владельца данных (что требует использования системы шифрования данных) или их полное удаление без возможности восстановления по желанию владельца. Так, если участник биомедицинского исследования принял решение не допускать использование его данных в научных информационных базах и биобанках в последующем, то такие данные должны быть не только скрыты, но и удалены (что в свою очередь требует наличия адекватных алгоритмов и технических решений) [3]. Таким образом, вопрос использования данных, информации, биологических материалов в открытом доступе для биомедицинских исследований имеет ряд ограничений, связанных с

-с письменным разрешением на использование данных полученным от их владельца,

-грамотными техническими решениями – правильным программированием соответствующих систем сохранения и доступа к информации,

-этической подготовленностью самого исследователя, его готовностью и умением защитить права участников исследования.

Для решения проблемы открытых баз данных значимо также требование валидности данных, соответствия их принятым в науке критериям эффективности. Валидность предполагает максимальную унификацию и стандартизацию подходов и алгоритмов получения данных, постоянный анализ возможных источников искажений [4], что позволяет осуществлять корректное сравнение и сопоставление данных, определяет безопасность конечного продукта и, при условии согласия владельца данных, разрешает использовать их в последующих исследованиях. В биомедицинских исследованиях существует немало примеров, когда ошибки, связанные с валидностью данных и их статистической обработкой системой искусственного интеллекта, привели к катастрофическим последствиям.

Наряду с валидностью биомедицинских данных современная открытая наука выдвигает и дополнительные критерии, совокупность которых определяется аббревиатурой «ALCOA» (т.е. соотносимые, читаемые, своевременные, оригинальные, точные, полные, постоянные, долговечные и доступные данные).

Распространение данных исследований, их широкое освещение в средствах современной массовой информации, включая соц. сети, – символ открытой науки и знаковый запрос времени. Так, в рамках интервьюирования паци-

ентов и участников биомедицинских исследований, посвященных туберкулезу (2022г.), «рефреном» звучала мысль респондентов о том, что они хотели бы получать новую объективную информацию о своем заболевании, но эта информация остается «закрытой» для немедицинского сообщества. По мнению автора решению вопроса способствовал бы междисциплинарный диалог между учеными в сфере биомедицины и представителями заинтересованных сообществ (например, пациентских), в организации которого значимо могли бы помочь исследовательские этические комитеты. Для этого необходимо:

-инициировать рассмотрение проблемы исследования, а также цели, дизайна, методов в сообществах пациентов путем организации исследовательской группой (исследователем) открытых дискуссий среди заинтересованных членов сообщества;

-приглашать представителей заинтересованных сторон (врачей, руководителей соответствующих медицинских учреждений, социальных работников, представителей организаций пациентов и др.) в качестве экспертов на заседания НЭК для обсуждения заявок на исследования;

-планировать и организовывать широкое обсуждение итогов исследований с представителями соответствующих сообществ пациентов, правозащитных организаций, представителей общественных организаций и т.д., особенно если мы имеем дело с исследованиями, посвященными общественно опасным заболеваниям (туберкулез, СПИД, наркомания и др.).

Для развития парадигмы открытой науки такой инструмент как исследовательские этические комитеты имеет огромное значение, являясь проводником междисциплинарного сотрудничества, открытости науки, гарантом гуманизации знания. Соответственно практику таких комитетов (в Беларуси работающие только в сфере биомедицинских исследований) необходимо расширять на все сферы научной деятельности, связанные с изучением феноменов человека, общества, природы.

Анализируя становление парадигмы открытой науки, важно констатировать ее значимость, своевременность и актуальность как для научного мира, так и для общества в целом. При этом выборочное соблюдение некоторых характеристик открытой науки (например, свободного доступа к публикациям) сегодня не является достаточным условием для реализации этого подхода на уровне государственной политики развития науки. Становление парадигмы открытой науки на этапе постнеклассической науки требует значительных усилий в сфере просвещения, развития соответствующей политики научных организаций, становления развитой системы этических исследовательских комитетов. Только тогда новая парадигма развития науки позволит осуществить тесное заинтересованное взаимодействие между наукой и социумом, в целом, обеспечить междисциплинарность и гуманитарное сопровождение знания, создать новые стимулы и ценности современного научного знания.

Литература

1. Tennant J., Beamer J., Bosman K., Brembs B., Chung NC, Clement G., Crick T., Dugan J., Dunning A., Eccles D., Enkhbaya A., Graziotin D., Harding R.,

Havemann J., Katz D., Khanal K., Norgaard J., Kjaer T., Koder P., Macklin C., Madan P., Masuzzo L., Matthias K., Mayer K. D., Nichols E., Papadopoulou T., Pasquier T., Ross-Hellauer M., Schulte-Mecklenbeck D., Sholler T., Steiner P., Szczesny A., Turner. Foundations for Open Scholarship Strategy Development. *MetaArXiv*. Available at: [http:// https:// doi:10.31222/osf.io/b4v8p](http://https://doi.org/10.31222/osf.io/b4v8p). S2CID 159417649. (accessed 14.08.2020). DOI: 10.31222/osf.io/b4v8p. S2CID 159417649

2. Голобородько Н.В., Соколич В.Н., Александров А.А. Рекомендации по получению информированного согласия на участие в научном исследовании: учеб.-метод. пособие. Минск: БелМАПО, 2020. 36 с.

3. Биобанкинг: социально-гуманитарные аспекты/ Е.В. Брызгалина [и др.]. М.: Издательство Московского университета, 2018. 232с.

4. Saracci R. Epidemiology in wonderland: Big Data and precision medicine. *Eur J Epidemiol*, 2018, no.33(3), p.245-257. DOI: 10.1007/s10654-018-0385-9

Человек и природа

Воронин А.А.

Доктор философских наук
ИФ РАН
Москва

УДК 141

Аннотация. Человек ставит перед собой цели и выбирает средства. Он выделился из природы, порвав с ней благодаря целеполаганию. Создание второй природы – искусственной среды обитания – сделала человека в этом плане внеприродным существом. Цели человека простираются за границы первой природы. В этом лежит причина конфликта человека и природы, поскольку вторая природа не подчиняется требованиям первой. Гармония человека и природы возможна только на основе разума, разумного целеполагания, слышащего голоса природы и следующего им. Но и в обществах, и во второй – а теперь уже и в третьей (информационно-числовой) природах – другие доминанты. Компромисс между природой и человеком требует радикальной перестройки общества. Прогресс, благосостояние, эксплуатация ресурсов, политические игры, ценности преуспеяния и прочие прелести цивилизации не монтируются с первой природой

Ключевые слова: Человек, природа, целеполагание, конфликт, гармония, общество.

Nature and Man

Voronin A.

Doctor of philosophical science
IP RAS
Moscow

Annotation. A person sets goals and chooses means. He stood out from nature, breaking with her through goal-setting. The creation of a second nature - an artificial habitat - made a person in this regard an extra-natural being. Man's aims extend beyond the first nature. This is the reason for the conflict between man and nature, since the second nature does not obey the requirements of the first. The harmony of man and nature is possible only on the basis of reason, reasonable goal-setting, hearing the voices of nature and following them. But in societies, and in the second - and now in the third (information-numerical) nature - there are other dominants. A compromise between nature and man will require a radical restructuring of society. Progress, wealth, exploitation of resources, political games, values of prosperity and other delights of civilization are not mounted with the first nature.

Keywords. Human, nature, goal-setting, conflict, harmony, society.

Природа и человек

1. Растительный и животный мир существует при доминанте поддержания видового воспроизводства. Ни растения, ни животные не ставят перед собой целей, выходящих за его пределы – либо потому, что у них отсутствует целеполагание (растения, простейшие животные), либо потому, что целеполагание ограничено поддержанием видовой жизни в конкретном природном контексте. Природа – это и есть поддержание баланса метаболизма биоценозов за счет жесткого ограничения возможностей менять что-нибудь в череде рождений и угасаний. Эволюция живого не переступает этого порога – за одним исключением. Самые искусные строители – муравьи и пчелы, самые организованные сообщества – стаи, прайды, птичьи гнездовья и миграции и т.п. – не выходят за рамки инстинктивного или наследуемого образа жизни. Природа совершенна настолько, что у нее нет потребности самосовершенствования. Если какое-то нарушение баланса и происходит, это приводит к серьезным проблемам, чреватых гибелью популяции, вида, биоценоза.

2. Этим исключением стал человек. Он ставит перед собой цели и выбирает средства. Он выделился из природы, порвав с ней именно благодаря целеполаганию. Создание второй природы – искусственной среды обитания – сделала человека в этом плане внеприродным существом. Цели человека простираются за границы первой природы. В этом лежит причина конфликта человека и природы, поскольку вторая природа не подчиняется требованиям первой. Средства достижения целей лежат не в области природы, а в области общественных отношений. Нет никакой потаенности, никакого по-става в смысле Хайдеггера, которая вытягивается техникой из самой первой природы. Техника – сугубо человеческая затея, хотя она и опирается на закономерности природы, использует их для выхода за ее пределы. Хитрость разума принадлежит человеку, а не природе, поэтому она (природа) не нащепывает технике вариантов развития. Наука открывает пути преобразования природы в нечто иное, техника изобретает инструментальный преобразований, - и то, и другое отделяет и удаляет человека от природы. Природа может быть и за, и против. Но ее протесты могут быть проигнорированы. И тогда она гибнет.

3. Биомедицинские, биотехнологические и другие проекты лечения и улучшения человека совмещают природу, технику и науку в едином комплексе воздействия на организм и среду обитания. Это попытка примирить противоречащие друг другу сущности – по крайней мере до тех пор, пока не будет найдена их общая платформа. Вопрос в том, найдется ли на ней место человеку в его сегодняшних измерениях, прежде всего - гуманитарных. Биоэтика как междисциплинарное знание ближе всех к корректной постановке этой проблемы. Постнеклассический тип этого знания связан с общечеловеческим масштабом всех его основных компонент: объекта, субъекта и средств познания. Но этот масштаб дробится на части социальной организацией, социальным устройством человеческого общества. Возможна теория экологии, возможны программы и проекты, но невозможна – пока! - всеобщая экологическая практика.

4. Гармония человека и природы возможна только на основе разума, разумного целеполагания, слышащего голоса природы и следующего им. Но и в обществах, и во второй – а теперь уже и в третьей (информационно-числовой) природах – другие доминанты. Компромисс между природой и человеком требует радикальной перестройки общества. Прогресс, благосостояние, эксплуатация ресурсов, политические игры, ценности преуспевания и прочие прелести цивилизации не монтируются с первой природой. Накопленный массив экологического знания не становится в пределах планеты основой для сохранения того, что осталось, и для воспроизводства того, что гибнет. Фрагменты живой природы, очень важные, не в силах воссоздать целостной земной ойкумены, которая есть условие выживания фрагментов. Не срабатывают международные механизмы подчинения цивилизационных устремлений интересам природы. Они должны быть более жесткими, основанными на приоритете общечеловеческих ценностей с преодолением суверенитетов отдельных государств. Но это же утопия.

Уважение персональной автономии как проблема смыслополагания в биоэтике

Беляетдинов Р.Р.

*Кандидат философских наук
Институт философии РАН
Москва, Россия*

УДК 101.1

В докладе анализируется концепция уважения персональной автономии как проблемы смыслополагания и ценностного обоснования в биоэтике с помощью философской аргументации. В работе анализируется концепция Ю. Хабермаса о философии как «интерпретаторе» и «местоблюстителе», оказывающего влияние на формирование моральных представлений, определяющих легитимность научного исследования в жизненном мире. Рассматриваются проблема комплексности модели персональной автономии и конкретные кейсы,

в которых представлено различие телесного и ценностного аспектов, регулируемых с помощью уважения персональной автономии.

Ключевые слова: ценность, благо, уважение персональной автономии, смыслополагание, исследование с участием человека, этаназия.

Respect for personal autonomy as an issue of sense-making in bioethics

Belyaetdinov R.R.

*Ph.D. of Philosophical Sciences
Institute of Philosophy RAS
Moscow, Russia*

The article analyzes the concept of respect for personal autonomy as a problem of meaning-setting and value justification in bioethics with the help of philosophical argumentation. The paper analyzes the concept of J. Habermas about philosophy as an «interpreter» and «locum tenens»

that influences the formation of moral ideas that determine the legitimacy of scientific research in the life world. The issue of the complexity of the model of personal autonomy and specific cases is considered, in which the distinction between the bodily and value aspects, regulated by respect for personal autonomy, is presented.

Keywords: value, benefit, respect for personal autonomy, sense-making, research on human subject, euthanasia

Для того, чтобы обозначить как проблематизируется представление об уважении персональной автономии необходимо уточнить, как определялась персональная автономия в биоэтике. Автономия – термин, указывающий на способность морального агента, согласно И. Канту, принимать решение независимо от внешних, гетерономных, условий, на него влияющих. Эта способность осуществляется через возможность направлять волю согласно долгу в обход естественной причинности, поэтому автономия воли выступает как проявление метафеноменального долженствования, реализуясь при этом в априорно-синтетическом суждении. Кант ставит волю выше причинности, данной в феноменах, полагая рациональность – источником морального закона. Таким образом автономия выводит морального актора из под влияния чувственных оснований в причинность, порожденную долгом, лежащую в плоскости морального закона категорического императива.

Однако в биоэтике автономия понимается двояко, и в качестве универсального категорического императива (в случае, когда автономия полагается на субъектов, лишенных дееспособности и работает принцип наилучших интересов для пациента, состоящий из максим – «не навреди», делай благо»), и как уважение субъектного самополагания (Childress, 1990), и ее содержание является крайне противоречивым и связанным с множеством проявлений эмоционального опыта – семейного, культурного, национального, профессионального и т.д. Поэтому персональная автономия не может быть приписана рациональ-

ному субъекту как его естественное стремление к категорическому императиву, выражающему универсальное благо. Понимание персональной автономии в биоэтике совпадает с кантовским категорическим императивом лишь частично и в том случае, если субъект лишен дееспособности и не испытывает невыносимых физических страданий. В случае рационального субъекта принимается весь спектр его суждений, в том числе и гетерономное влияния на личность.

Дж. Чилдресс предлагает различать персональную автономию как способность и как самостоятельный принцип уважение персональной автономии, реализуемый в биоэтике. Он рассматривает уважение персональной автономии в качестве сложного понятия, включающего в себя не только способность действовать на основании персональных предпочтений, но также требующее учитывать временные и коммуникационные условия, влияющие на условия выражения согласия или несогласия (Childress, 1990: 13).

Автономии первого порядка и второго порядка состоят в праве пациента выбирать: отталкиваться ли от своих собственных предпочтений или опереться на мнение профессионала (врача) или, в случае, если пациент придерживается каких-либо религиозных убеждений, к мнению своего духовного наставника (священника). Значимые условия для пациента могут быть совершенно лишены смысла с точки зрения врача. Между тем, как показывает практика, именно нарушение «незначимых» условий участия в исследованиях приводит к наиболее резкой и негативной реакции. История исследования генетические образцов индейского племени хавасуапав – кейс, раскрывающий проблему взаимосвязи биологического и ценностного отношения доноров биобанков к исследованиям, которые должны регулироваться полученным биобанком информированным согласием. В 2003 году стало известно, что образцы ДНК, предоставленные в 1989 г. членами племени индейского племени хавасуапав для проведения генетического исследования диабета второго типа, были позднее востребованы в Университете штата Аризона в биомедицинских исследованиях без получения дополнительного согласия у членов общины (Garrison 2013). По инициативе ученых биоматериалы индейцев использовались в исследовании шизофрении, этнической миграции и популяционного инбридинга. Но с культурной точки зрения индейцы для себя решили, что психические отклонения и близкие родственные связи как предмет исследования бросили тень на репутацию племени, поэтому использование их биобразцов для выявления генетических основания психического и популяционного отклонения неприемлемо. Несмотря на то, что форма информированного согласия, подписанного индейцами, включала в себя неопределенно широкое толкования согласия на исследования «поведенческих/медицинских проблем», фактически же согласие давалось только для исследования диабета 2-го типа.

Составной негомогенный характер концепции уважения персональной автономии выявляется в обстоятельствах, когда автономия осуществляется без участия автономного субъекта. Концепция «наилучших интересов» для пациента (основанная на принципах «не навреди» и «делай благо») применяется как квази-автономное в том случае, если дееспособность отсутствует или ограни-

чена. Таким образом, изменение статуса дееспособности можно рассматривать как экзистенциальную границу смыслополагания.

Получивший известность случай «кофейной эвтаназии» (Asscher, 2020) стал одним из примеров пограничных по своей легитимности практик уважения персональной автономии. Спорная ситуация возникла в результате приведения в действия уже принятого ранее решения об эвтаназии на основании оформленной юридически прямой директивы эвтаназии (Advanced Euthanasia Directive – AED), направленной на уважением последнего дееспособного автономного решения пациента провести эвтаназию в случае потери дееспособности из-за нейродегенеративного заболевания (болезни Альцгеймера). Пациентка тяжело переживала болезнь своей матери, которая находилась в доме престарелых с диагнозом болезнь Альцгеймера в течение 12 лет и не желала себе такой же судьбы. Поскольку ожидалось, что у нее разовьется деменция, после консультации с врачом и близкими родственниками она в 2012 г. подписала директиву о проведении эвтаназии в случае, если болезнь прогрессирует до потери дееспособности и ее качество жизни будет низким. Так и произошло к 2015 г., когда пациентка потеряла дееспособность. Эвтаназия была проведена на основании данной ею согласно принципу уважения персональной автономии директивы, уже без согласия пациентки. Седативное средство было подмешано в утренний кофе, после чего врач ввел необходимую дозу лекарства в то время, как родственник удерживал пациентку (то есть внешне процедура выглядела как насильственное действие).

Все необходимые согласования с семьей и другими врачами были выполнены, однако сама пациентка не могла быть проинформирована о проведении процедуры эвтаназии, поскольку к этому моменту уже утратила дееспособность. Несмотря на то, что врач, выполнивший эвтаназию, предстал перед несколькими служебными комитетами (которые осудили его действие за неинформирование пациента об осуществлении процедуры эвтаназии) и перед судом, в конечном счете он был оправдан, поскольку все формальные процедуры были выполнены. Между тем в данном случае согласие пациента на эвтаназию, данное в период его дееспособности прямо противоречило принципу наилучших интересов недееспособного пациента. Между тем уважение автономии, даже высказанное в недостаточно строгой форме AED, было принято судом как источник легитимности и правомерности действий врача (Asscher, 2020: 73).

Временные условия согласия подразумевают возможность изменения взглядов автора согласия – оно может быть дано и отозвано. В случае потери пациентом способности к автономии, последнее автономное решение рассматривается как актуальное волеизъявление. Аутентичность согласия или несогласия – основание признания подлинности изменения уже принятого решения. Так в случае, если сильные боли могут повлиять на уже принятое умирающим пациентом решение не подключать его к диализу, в то время как он дал согласие на прекращение поддерживающего лечения – пример уважения аутентичности автономии (Childress, 1990: 14).

Уважение персональной автономии может быть ослаблено – в том случае, если автономия одних пациентов угрожает автономии других – например, в

случае распространения инфекционных заболеваний может потребоваться обязательный скрининг (например, на вирус иммунодефицита), для того, чтобы не подвергать опасности медицинский персонал (Childress, 1990: 16).

При определенных обстоятельствах принцип уважения персональной автономии может стать жертвой утилитаристской этики, когда должностное выполнение интересов большинства становится условием для ограничения прав отдельных небольших групп (меньшинства). Во время пандемии Ковид-19 фактически реализовывался ряд подходов, которые ограничивали уважение персональной автономии, в особенности, персональной автономии пожилых людей (Macklin, 2020; Emanuel et al, 2020). В одних случаях принцип автономии ослаблялся через принцип справедливости и наилучшего положения – когда при равных обстоятельствах помощь оказывалась тем, кто прожил наименьшее число лет жизни в сравнении с тем, кто прожил наибольшее число лет жизни. В других случаях, при распределении медицинских ресурсов в критической ситуации предлагалось учитывать возрастной критерий (Palazzani, 2020). Распространение утилитарного подхода проявилось в следовании принципу QALY – спасение наибольшего числа жизней и в открытом постулировании ограничения персональной автономии отдельных социальных групп ради интересов большинства (Savulescu et al., 2020).

Общественные ценности и уважение персонального горизонта пациента вносят в проблему точной интерпретации сути уважения персональной автономии элемент более широкого нарратива блага, который определяется в зависимости от контекста, в том числе и от философского признания приоритета одних представлений о благе над другими. В конкретном биомедицинском вмешательстве или исследовании блага пациента может быть выражено им достаточно определенно – продолжать терапию или отказаться от нее. Однако в случае, когда пациент сталкивается с более комплексным понятием общего блага, таким, как участие в биомедицинском исследовании, которое, возможно, не несет для него пользы, ради достижения общественного блага, уважение персональной автономии становится частью ценностного дискурса, в котором приобретает значение проблема критики объективности знания.

Литература

1. Childress J. F. (1990) The place of autonomy in bioethics // The Hastings Center Report. V. 20, №. 1. P. 12-17.
2. Garrison N. A. Genomic justice for Native Americans: impact of the Havasupai case on genetic research (2013) // Science, Technology, & Human Values. V. 38, №. 2. P. 201-223.
3. Asscher E. C. A., Vathorst S. van de. (2020) "First prosecution of a Dutch doctor since the Euthanasia Act of 2002: what does the verdict mean?" // Journal of Medical Ethics V. 46. P. 71-75.
4. Macklin, R. (2020) Covid-19: A view from New York // Indian journal of medical ethics. V. 5. №2. P. 95–98;
5. Emanuel, E. J., Persad, G., Upshur, R., Thome, B., Parker, M., Glickman, A., Zhang, C., Boyle, C., Smith, M., Phillips, J. P. (2020) Fair Allocation of Scarce

Medical Resources in the Time of Covid-19 // New England Journal of Medicine. №382. P. 2049–2055.

6. Palazzani, L. (2020) The pandemic and the ethical dilemma of limited resources: who to treat? // Bioethics Update. Vol. 6. №2. P. 1–13.

7. Savulescu, J., Persson, I., Wilkinson, D. (2020) Utilitarianism and the pandemic. Bioethics. Vol. 34. №6. P. 620–632.

Эмпирические исследования в биоэтической экспертизе как проявление постнеклассической науки⁴²

Ветров В.А.

Магистрант, Государственный академический университет гуманитарных наук

Научный сотрудник,

Институт логики, когнитологии и развития личности

Москва, Россия

УДК 608.1

Аннотация: В статье рассматривается, как парадигмальный сдвиг на постнеклассическом этапе развития науки (согласно концепции типов научной рациональности В.С. Степина) реализует себя как в самом феномене биоэтической экспертизы, так и в его внутреннем функционировании, а именно тенденции к эмпирическому исследованию. Она делает необходимым обращение эксперта к повседневной практике и жизненному миру для подкрепления аргументации по моральным вопросам. Одновременно с этим проблематизируются соотношение нормативного и эмпирического, их совмещение и перспективы такой интеграции. Делается вывод о том, что эмпирическая биоэтика является кандидатом на то, чтобы быть одной из самых сложных теоретических форм, а также о релевантности исследования ее методологий, которые могут предоставить совершенно новые способы взаимодействия гуманитарных и естественных наук.

Ключевые слова: биоэтика, этика, постнеклассическая наука, методология, эмпирическая биоэтика, трансдисциплинарность

Empirical research in bioethical expertise as a manifestation of postnonclassical science

Vetrov V.A.

Master's student, State Academic University of Humanities

Researcher, Institute for Logic, Cognitive Science and Personal Development

Moscow, Russia

⁴² Работа выполнена в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РФФ, № 22-28-01632 «Экспертиза как эпистемологический феномен в контексте различия фундаментальных и прикладных установок в науке».

Abstract: *The article examines how the paradigm shift at the postnonclassical stage of the development of science (according to V.S. Stepin's concept of types of scientific rationality) realizes itself both in the phenomenon of bioethical expertise itself and in its internal functioning, namely the tendency towards empirical research. It makes it necessary for the expert include in research everyday practice to support his arguments about moral issues. At the same time, it problematizes the relationship between the normative and the empirical, their juxtaposition, and the perspectives of such integration. It concludes that empirical bioethics is a candidate for being one of the most sophisticated theoretical forms, and that it is relevant to explore its methodologies, which may provide entirely new ways in which the humanities and the sciences interact.*

Keywords: *bioethics, ethics, post-nonclassical science, methodology, empirical bioethics, transdisciplinarity*

Я.С. Яскевич пишет: «Постнеклассический этап развития науки в исследовании человека отличается не просто интеграцией научных подходов, а требует методологически акцентированных трансдисциплинарных связей, обобщающей роли философско-методологического знания, необходимости развития практикоориентированной прикладной философии как организационной и систематизированной формы научной рефлексии, с одной стороны, и глубинной этической регуляции, с другой стороны»[1].

Естественнонаучные дисциплины сближаются в стратегиях исследования к гуманитарным наукам, вводя категории долга, морали, ответственности и т.д.[2]. В отношении к технологическим рискам, современная наука парадоксальным образом начинает занимать тройное положение – она является одним из главных производителей рисков, практически единственным разработчиком достоверных методов их оценки, а также вырабатывает механизмы предупреждения нежелательных последствий или борьбы с ними – тогда, когда они уже имеют место. Именно такое тройное положение порождает феномен экспертизы, которая сегодня выполняет не только оценочную, аксиологическую и превентивные функции в науке, но и сама становится одним из факторов производства нового знания, обнаруживает социально-эпистемологические контекстуальные аспекты исследований[3].

Базовым является вопрос о сущности и роли морального эксперта и, соответственно, проводимой им экспертизы. Питер Сингер считает, что философы способны лучше других принимать «правильные, или по крайней мере, обоснованные» решения [4]. То есть для него приближение к объективно правильным заявлениям происходит за счет искусной и скрупулёзной философской аргументации. Он предполагает, что философы способны находить, понимать и отделять соответствующие эмпирические данные лучше неспециалистов, понимать внутреннюю и внешнюю логику моральных аргументов, лучше фиксируют предвзятость и предубеждения, а также банально имеют больше времени на обдумывание моральных вопросов, чем среднестатистический человек. Хотя моральная экспертиза и не является прерогативой биоэтиков (как минимум, из-за привлечения профанов, laypersons, как методологической нормы работы эти-

ческих комитетов[5]), но специалисты имеют эпистемологическое преимущество при обсуждении этих вопросов, в том числе и в оперировании эмпирическими данными [6].

Этика по своей сути является нормативным предприятием, в том смысле, что она хочет иметь возможность делать заявления о том, как люди должны поступать, независимо от того, как они поступают на самом деле. Критика же биоэтики ставит под сомнение традиционный философский подход к проведению исследований в области биоэтики, утверждая, что философская биоэтика слишком абстрактна и слишком оторвана от живого морального опыта людей, чтобы быть способной делать "должные" утверждения о мире.

Что же означает "эмпирический" в биоэтической экспертизе? Для исследователей в этой области, "эмпирический" означает социальный контекст, а "эмпирическая этика" означает исследования в области этики или об этике, которые принимают во внимание социальный контекст. Социальный контекст может относиться к институциональным, реляционным, культурным, социальным, пространственным или виртуальным измерениям жизни человека и животных [7].

В среде биоэтиков наблюдается определенный консенсус относительно эмпирической этики, как подходящего метода (или, вернее будет сказать, ряда методологий) для формулирования ответов на практические моральные вопросы [8]. Внутреннее обсуждение сконцентрировано на том, какие именно методологии могут быть названы «правильными». В исследовательском контексте дискуссионной проблемой являются способы объединения различных дисциплин и участников научного процесса, достоверная оценка их вклада в эмпирическую биоэтику.

Хоть исследования о полезности и целесообразности эмпирических исследований и становятся все более изощренными и разнообразными, но так или иначе упираются в краеугольный камень, критику традиционных философских дихотомий «есть/должен» (is/ought) и «факт/ценность» (fact/value), которая направлена на показывание важности, а в некоторых случаях и необходимости эмпирических подходов в биоэтике и экспертизе. При этом эти подходы не однородны и существуют вдоль двух пересекающихся осей – дисциплинарной и эпистемологической. На дисциплинарных «концах» оси находятся социология и аналитическая философия, на эпистемологических – описательные и нормативные методологии [9]. В следствие нахождения на этих осях, эмпирический элемент биоэтической экспертизы варьируется от использования эмпирических данных для нормативного анализа до описательной социологии о биоэтике и ее проблемах как таковых и до усилий по совмещению нормативного и эмпирического. Посреди этих вопросов в отношении цели и пользы эмпирических данных (и некоторой путаницы в отношении того, чем "на самом деле" является эмпирическая этика), тем не менее, растет понимание того, что, в широком смысле, понимание социального контекста должно быть неотъемлемой частью биоэтического анализа и экспертизы.

Философская биоэтика может ответить и заявить, что хорошая прикладная этика так или иначе должна уделять внимание и всегда использовала эмпи-

рические исследования. Однако внимание к эмпирическому исследованию — это нечто большее, чем просто использование фактов для поддержки аргументации — то, что Эшкрофт назвал "завершением гипотетического императива", когда философский аргумент требует установления определенных фактов и поэтому обращается к эмпирическим исследованиям для установления фактов [10]. Эмпирическая биоэтика подразумевает включение эмпирических данных и в метаэтическое исследование для обоснования наших размышлений о том, какие ценности важны и должны быть важны. Она может быть использована не только когда философский аргумент требует поддержки, но может быть интегрирована в процесс выработки наших ценностей.

Важно отметить, что исследователям стоит быть аккуратным и относительно формирования нормативных утверждений на базе эмпирически данных, не забывая и о другой стороне взаимовлияния эмпирического и нормативного, то есть нормативной предпосылки эмпирических данных (что является отдельным исследовательским пластом). Редуцирование «должного» и «хорошего» до того, что «думают люди», чревато в экспертизе, особенно для социально неблагополучных групп. Только из совокупности нормативных предпосылок и эмпирических данных становится возможным сделать обоснованный вывод.

Экспертиза в биоэтике — комплексное явление, и эмпирическая биоэтика является кандидатом на то, чтобы быть одной из самых теоретически сложных форм. Эта сложность является результатом ее попытки интегрировать два очень разных вида исследования — нормативного и эмпирического —, которые традиционно рассматривались как отдельные и, в некоторой степени, несовместимые. Сложность совмещения этих двух уровней исследования можно также рассмотреть в двух проблематичных направлениях: теоретическом и территориальном. Первая проблема, возникающая при попытке объединить эти две очень разные формы исследовательской деятельности, является проблема гармонизации эпистемологии (и соответствующих теоретических рамок, которые лежат в основе методов исследования), а также разработка и использование методов таким образом, которые согласуются с контекстуальными эпистемологиями. Вторая проблема заключается в том, что даже если эпистемологическая гармонизация возможна, она будет иметь тенденцию приводить к принятию новых и новых гибридных подходов, которые не вписываются в дисциплинарные границы; таким образом, исследователям сегодня необходимо выходить за пределы своих дисциплин в новый мир истинной трансдисциплинарности.

Подробный анализ и учет эмпирического контекста на сегодняшний день расширяет аргументационные стратегии в формулировании и продвижении экспертных позиций в биоэтике, одновременно с этим являясь имманентной частью этической рефлексии на постнеклассическом этапе развития науки, создавая совершенно новые способы взаимодействия социально-гуманитарных, технических и естественных наук. Вопрос о взаимодействии нормативного и эмпирического в биоэтической экспертизе открывает необходимость исследования применяемых методологий, которое сможет облегчить обмен методами и концептуальным инструментарием между биомедицинскими и гуманитарными

дисциплинами, причем не односторонне-механически, но с учетом их прямых и обратных связей [11].

Литература

1. Яскевич Я.С. Биоэтический дискурс в контексте постнеклассической науки. URL: http://intelros.ru/pdf/Diskusi_etiki/2013_4/yaskevich.pdf
2. Стёпин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000
3. Мишаткина Т.В. Универсальные принципы, моральные нормы и ценности биомедицинской этики. // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. №1. 2007.
4. Singer P. 1972. Moral Experts // Analysis. Vol. 32, №4. 1972. P. 115–117.
5. П.Д. Тищенко. Б.Г. Юдин. Социогуманитарное сопровождение инновационных проектов в биомедицине // Знание. Понимание. Умение. №2. 2016.
6. Гребенищикова Е.Г. Биоэтика в теории и на практике: два взгляда на одну проблему = Franklin S. Ethical research – the long and bumpy road from shirked to shared // Nature. – 2019. – Vol. 574, N 7780. – P. 627–630; Camporesi S., Cavaliere G. Can bioethics be an honest way of making a living? A reflection on normativity, governance and expertise // Journal of medical ethics. – 2020. – OnlineFirst // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8: Науковедение. – 2021. – № 1. – С. 7–19. (Сводный реферат)
7. Singh I. Evidence, Epistemology and Empirical Bioethics // In J. Ives, M. Dunn, & A. Cribb (Eds.), Empirical Bioethics: Theoretical and Practical Perspectives (Cambridge Bioethics and Law, pp. 67-83). Cambridge: Cambridge University Press. 2016.
8. Edwards, K., Deans Z. Empirical Bioethics and the Role of the Professional Ethicist in Policy-Making: Politics, Authority and Expertise // In J. Ives, M. Dunn, & A. Cribb (Eds.), Empirical Bioethics: Theoretical and Practical Perspectives (Cambridge Bioethics and Law, pp. 51-66). Cambridge: Cambridge University Press. 2016.
9. Leget, C., Borry, P., de Vries, R. 'Nobody Tosses a Dwarf!' The Relation between the Empirical and the Normative Re-Examined // Bioethics. Vol. 23 №4. 2009. P. 226–235.
10. Ashcroft, R. Constructing Empirical Bioethics: Foucauldian Reflections on the Empirical Turn in Bioethics Research // Health Care Analysis. Vol.11, №1. 2003. P. 3–13.
11. Стёпин В.С. Постнеклассическая рациональность и синергетическая парадигма // Синтез философии, науки и культуры. К 80-летию академика В. С. Стёпина / редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2014. С. 448-462.

Искусственные моральные агенты в биоэтике: прозрачность и этический дизайн

Антипов А.В.

кандидат философских наук
Институт философии РАН
(Москва, Россия)

УДК 608.1

Аннотация: в философии рассматриваются различные типы искусственных моральных агентов: агенты этического воздействия, неявные, явные и полные моральные агенты. В статье анализируются их характеристики с точки зрения прозрачности и безопасности. Выделяется неоднородный характер прозрачности и ее значение для биоэтики. В качестве практической реализации принципов биоэтики и прозрачности обозначается этический дизайн как способ поддержки динамических контекстов и реализации отношений, требующих совершения морального выбора.

Ключевые слова: искусственные моральные агенты, биоэтика, гуманитарная экспертиза, этический дизайн, прозрачность, безопасность, ответственность

Artificial Moral Agents in Bioethics: Transparency and Ethical Design

Antipov A.V.

Cand. Sci. (Philosophy)
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Abstract: philosophy considers different types of artificial moral agents: ethical impact agents, implicit, explicit, and full moral agents. The article analyzes their characteristics in terms of transparency and safety. The heterogeneous nature of transparency and its significance for bioethics are highlighted. Ethical design as a way of supporting dynamic contexts and implementing relationships that require moral choices is outlined as a practical implementation of bioethics and transparency principles.

Key words: artificial moral agents, bioethics, humanitarian expertise, ethical design, transparency, safety, responsibility

Искусственные агенты становятся неотъемлемой частью нашей жизни, все чаще выполняя задачи, для которых требуется не только интеллект как способность производить вычисления и анализировать причинно-следственные связи, но и как отношение, называемое в самом широком смысле «человеческим». Применение интеллектуальных систем и искусственных агентов в сферах заботы, воспитания и взаимодействия с людьми поднимает вопросы необходимости рассмотрения их в качестве искусственных моральных агентов. Вопрос ставится, с одной стороны, с точки зрения выполнения функций, которые всегда выполнялись только людьми, но теперь их реализация может быть воз-

ложена на искусственных агентов, а для этого они должны обладать всеми теми качествами, что и люди, выполняющие данные функции. Речь идет о таких областях, как воспитание, образование, медицина. В них предполагается сочетание высоких когнитивных навыков и эмоционального интеллекта, а также способности принимать этические решения и совершать моральный выбор. С другой стороны предполагается, что совершение морального выбора невозможно без вопроса об ответственности, без которой немислим моральный субъект.

Выделяется множество областей этики искусственного интеллекта, таких как «развитие эмоциональных реакций роботов», «признание за роботами определенных прав, а соответственно, и признание возникновения обязанностей людей», «совершенствование человека с помощью искусственных интеллектуальных систем» и др. [1]. Многие из них, не связанные с формальной функциональной реализацией, предполагают если не полную замену людей, то определенную помощь, реализация которой связана с взаимодействием внутри круга морали. Конечной целью является создание искусственных агентов, способных выполнять те же задачи, что и люди при условии гармоничного сосуществования искусственных агентов с людьми и другими системами [2].

В процессе совершения морального выбора субъект неизбежно сталкивается с дилемматическими ситуациями, которые могут быть поделены на два крупных вида [3]: дилеммы обязательств — все возможные действия являются обязательными, но необходимо выбрать только одно из них (например, проблема триажа — распределения медицинских ресурсов в условиях их ограниченности); дилеммы запрета — все возможные действия запрещены, но необходимо что-то совершить (например, дилемма вагонетки). Вопрос ответственности в данном случае обостряется как вследствие необходимости поиска виновного и вопроса о том, какое наказание для него возможно, так и потому, что этическое поведение способно сделать искусственные агенты полноценной частью человеческого мира. Для решения дилемматических ситуаций вводится понятие регулируемой автономии, при которой механизмы искусственных моральных агентов позволяют вмешиваться человеку в случае, если последние не способны самостоятельно решить возникшее затруднение. Это позволит как вмешиваться в работу систем, тем самым избегая неадекватного поведения, так и сохранить глобальный контроль над искусственными системами [3].

Дж. Мур выделяет четыре типа этических (моральных) агентов: агенты этического воздействия, неявные, явные и полные этические агенты. Агенты этического воздействия являются артефактами, которые сами по себе не несут никакой моральной составляющей, но могут быть использованы в качестве инструмента. Это также вопрос об этическом статусе техники, которая, по определенной оценке, является этически нейтральной, и приобретает моральный статус только в процессе использования. Неявные этические агенты не способны различать хорошее и плохое поведение. Но они могут действовать этично, поскольку их внутренние функции выстраиваются по принципам выполнения конвенционального этического поведения в качестве следования правилу или избегания неэтичного поведения (запрет причинения вреда). Компьютеры являются неявными этическими агентами, когда конструкция машины позволяет

решать проблемы безопасности и надежности (например, системы управления самолетом). Они обладают следующими характеристиками: 1) не имеют механизмов, позволяющих отличить этическое действие от неэтичного; 2) их функциональная пригодность протестирована и безопасность подтверждена; 3) не имеют вредоносного кода. Возникает проблема доверия этим системам: насколько я доверяю тому, что протестированная система не даст сбой, и что она была создана для помощи, а не во вред. Явные этические агенты способны работать с этическими правилами: могут просчитывать лучшее действие, используя этические подходы. В них используется постепенное обучение через опыт. Наиболее развитые современные системы достигают только этого уровня. Последний выделяемый тип - полные этические агенты: подобные человеческим существам, обладают «убеждениями, желаниями, намерениями, свободой воли и осознанием своих действий». Считается, что только человек способен в полной мере быть этичным. Ключевые параметры, которыми полные этические агенты должны обладать: 1) способность использовать более одного подхода для принятия решений и 2) способность принимать решения на основании неполной информации [4].

В качестве различия и прояснения предлагаемой классификации моральных агентов используется концепция функциональной морали. Согласно этому представлению, уровни морали выделяются по двум ключевым параметрам: автономии и этической чувствительности. Некоторые системы, например автопилот, обладают высокой степенью автономии и способны принимать самостоятельные решения, но их этическая чувствительность сведена к нулю. В противоположном конце располагается программа для обучения медицинской этики MedEthEx, обладающая высокой чувствительностью, но не автономией. Оба этих примера соответствуют представлению о функциональной морали, для которой главным требованием является распознавание морального вызова и умение на него реагировать, что соответствует функциональному искусственному моральному агенту [5].

При этом существует ряд аргументов против использования искусственных моральных агентов, которые начинаются с невозможности их создать. Среди этих аргументов хотелось бы выделить три наиболее важных: потеря навыков, опасность воспитания, проблема ответственности. Аргумент потери навыков состоит в перекладывании работы на другого (машину) приводит к потере этого навыка среди людей. Поэтому создание и использование моральных машин приведет к тому, что человек потеряет свою способность полноценно быть моральным существом. Опасность воспитания обозначается как то, что роботы, способствующие уходу, могут использоваться не только для ухода за стариками и больными людьми, но и участвовать в воспитании детей. Но в таком случае мы получаем проблему, связанную с тем, что робот изменяет сообщество людей через воспитание новых людей. А также это чревато тем, что дети нездорово привязываются к роботам и рассматривают их в одной порядке и наравне с людьми. Проблема ответственности разделяется на несколько частей: а) неправильное перекладывание ответственности на робота (в случае желания человека скрыть свою ошибку машины станут тем, кто объявляется виноватым

во всем); б) невозможность обвинить робота (отсутствие субъектности у машины не позволяет полноценно использовать модель вины и ответственности, принятой в человеческом сообществе) [6].

Проблему ответственности в некоторых случаях предлагается расширить за пределы только безопасности, выстроив модель, которая будет включать в себя пять метапринципов. К четырем из них, являющимися принципами биоэтики (уважение автономии, благодеяние, нанесение вреда, справедливость), добавляется принцип объяснимости или прозрачности искусственного интеллекта. Как указывается, только такой искусственный агент в медицине сможет считаться полностью безопасным [7]. Попытка встроить этическую рефлексию в процесс конструирования технических новшеств созвучно идее гуманитарной и этической экспертизы, которые анализируются в работах Б.Г. Юдина [8]. Так проблема безопасности состоит не только в элиминации рисков уже выявленных, но в их, с одной стороны, прогнозировании, а с другой — в постоянном процессе рефлексии, который позволяет оценить техническое новшество в динамике. В случае искусственных агентов это особенно важно, поскольку их способность к обучению меняет заданные характеристики, и необходимо своевременно отвечать на возникающие затруднения и изменения.

Прозрачность как принцип построения безопасного искусственного агента состоит в том, что необходимо создать такую систему, в которой всегда возможно выяснить, почему она приняла то или иное решение. Однако указывается, что прозрачность как таковая неоднородна, и для разных заинтересованных сторон (инженеров, пользователей, следователей и др.) прозрачность должна быть реализована в разной степени [9]. Основная проблема состоит в невозможности однозначно сказать, почему система пришла к определенному решению: мы вводим данные и получаем результат, но что происходит в черном ящике остается загадкой не только для конечных пользователей, но и для создателей. Для человека важны объяснения и понимание логики развертывания процесса и принятия решения, поскольку тогда мы способны прийти к полноценному пониманию, а также можем проверить, насколько предлагаемое решение является верным и подходящим в данной конкретной ситуации. В медицине и биоэтике это особенно важно, поскольку речь идет о жизни и здоровье людей.

Этичный дизайн предполагает, что пользователи способны свободно формировать свой ценностный выбор в условиях взаимодействия с искусственными системами. Предлагается основывать этичный дизайн на следующих функциях: контроль со стороны пользователя над сбором и хранением данных; способность обеспечивать соблюдение правил различных культур; поддержка динамических контекстов; «способность воспринимать, идентифицировать и поддерживать отношения, требующие морального выбора» [10]. Этичный дизайн, понимаемый как прежде всего архитектура, позволяющая реализовывать указанные функции, применим ко всем категориям искусственных моральных агентов.

Литература

1. Разин А.В. Этика искусственного интеллекта // *Философия и общество*. 1 (90). 2019. С. 57-73.
2. Cervantes J., López S., et al. Artificial Moral Agents: A Survey of the Current Status // *Science and Engineering Ethics*. 2020. Pp. 501–532.
3. Cristani M., Burato, E. Approximate solutions of moral dilemmas in multiple agent system // *Knowledge and Information Systems*. 18(2). 2009. Pp. 157–181.
4. Moor J. The nature, importance, and difficulty of machine ethics // *IEEE Intell Syst*. 21(4). 2009. P. 18–21
5. Misselhorn C. Artificial Moral Agents: Conceptual Issues and Ethical Controversy // S. Voeneke, P. Kellmeyer, O. Mueller, & W. Burgard (Eds.), *The Cambridge Handbook of Responsible Artificial Intelligence: Interdisciplinary Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press. 2022. Pp. 31-49. doi:10.1017/9781009207898.005
6. Formosa P., Ryan M. Making moral machines: why we need artificial moral agents // *AI & SOCIETY*. 2021. 36. P. 839–851
7. Peters D., Robinson K., Calvo R.A. Responsible AI—Two Frameworks for Ethical Design Practice // in *IEEE Transactions on Technology and Society*. Vol. 1. No. 1. 2020. Pp. 34-47. doi: 10.1109/TTS.2020.2974991.
8. Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // *Знание. Понимание. Умение*. 2005. №2. С. 126-135.
9. Bryson J., Winfield A. Standardizing Ethical Design for Artificial Intelligence and Autonomous Systems // *Computer*. Vol. 50. No. 5. 2017. Pp. 116-119. doi: 10.1109/MC.2017.154.
10. Baldini G., Botterman M., Neisse R. et al. Ethical Design in the Internet of Things // *Sci Eng Ethics*. 24. 2018. Pp. 905–925.

Восприятие боли в медицине и психологии**Майленова Ф.Г.**

*доктор философских наук
Институт философии РАН
(Москва, РФ)*

Аннотация. *Человек, страдающий от боли — это не просто больной с определенными симптомами. Современная медицина продолжает рассматривать симптом отдельно от личности пациента, отчуждает ее и чаще всего не учитывает эмоциональный и оценочный аспект переживаемого страдания*

Ключевые слова: *боль, отчуждение, обезболивание, патернализм, гипнотехники.*

Perception of pain in medicine and psychology**Maylenova F.G.**

*Doctor of Philosophy
Institute of Philosophy RAS
(Moscow, RF)*

Annotation. *A person suffering from pain is not just a patient with definitions of symptoms. Modern medicine continues to consider the symptom separately from the patient's personality, alienates it and most often does not take into account the emotional and evaluative aspect of the experienced suffering.*

Keywords: *Pain, alienation, anesthesia, paternalism, hypnotechnics.*

Отношение к боли в медицине и психологии имеет свои особенности. В медицине обычно делается акцент на борьбе с болью как объективным симптомом болезни. Восприятие боли как бы отдельно от человека, особенностей его личности и его собственной позиции по отношению к переживаемому им страданию свойственно патерналистскому подходу в медицине, который все еще весьма распространен. Врач склонен полагать, что он лучше пациента знает не только степень тяжести заболевания, но и силу его стратегия. Случается, пациентам, жалующимся на сильную боль, иногда отказывают в помощи, так как отсутствуют объективно наблюдаемые признаки и симптомы. По мнению врачей, у них «не должно ничего болеть».

Другие факторы отчуждения личности пациента связаны со все большей технологизацией, коммерциализацией и бюрократизацией медицины: личность больного отодвигается на задний план, его тело рассматривается как некий объект, механизм, который попросту подлежит починке. Подобный механизированный подход к лечению также не способствует гуманизации отношения к больному, и даже если наступает вследствие такого лечения улучшение физического состояния, остаточные боль и страдание еще надолго могут остаться спутниками пациента.

Также существует точка зрения, что боль необходима с одной стороны для диагностики и более четкого понимания процессов в теле пациента, и с этим тезисом можно согласиться, так как при нарушении работы организма именно боль является тем языком, который помогает понять, что происходит. Однако после постановки диагноза уже нет нужды оставлять пациента страдать от боли, в то время как обезболивание, например, при родах, до сих пор является предметом дискуссий, так как считается, что ее уменьшение или полное избавление мешает акушерам и самой роженице контролировать процесс родов. В эпоху, когда анестезиология только делала свои первые шаги, она столкнулась с враждебным приёмом в среде духовенства, и особое неприятие встретила именно идея обезболивания при родах, ее сочли богопротивной, так как согласно библейской легенде, Еве было предписано рожать детей в муках. Когда в 1848 году врач-акушер Дж. Симпсон применил наркоз для обезболивания родов у английской королевы Виктории, церковь яростно его осудила. Однако он нашёл остроумный выход из этой ситуации: в ответ на упреки в безнравственности и богохульстве он заявил, что сама идея наркоза принадлежит Богу, так как согласно тому же библейскому преданию, Бог усыпил Адама, чтобы вырезать у него ребро, из которого он впоследствии сотворил Еву. Аргументы ученого несколько усмирили пыл фанатиков, хотя отношение к наркозу с обезболиванием долгое время оставалось весьма дискуссионным. Даже знаменитый французский физиолог Ф.Мажанди, учитель Клода Бернара, считал наркоз «безнравст-

венным и отнимающим у больных самосознание, свободную волю и тем самым подчиняющим больного произволу врачей». Сегодня похожий аргумент (о лишении пациента свободы воли) часто встречается в спорах по поводу применения медицинского гипноза, особенно директивного, хотя облегчение боли при помощи гипноза практикуется во многих клиниках в различных странах мира, включая Россию. Тем не менее идея необходимости сохранения контроля (а точнее иллюзии этого контроля) столь сильна, что является, пожалуй, одним из самых серьезных препятствий на пути расширения применения гипнотических техник в медицине, включая обезболивание родов, различных операций, хотя вред от традиционного фармакологического обезболивания порой бывает весьма существенным, а в случаях тяжелых аллергических реакций может оказаться даже фатальным.

В связи с вышесказанным, достоин упоминания еще один поражающий факт из истории медицины, связанный с восприятием боли у маленьких детей. Долгие годы, вплоть до 1980-х годов, считалось, что новорожденные дети не способны испытывать боли, и все медицинские манипуляции в том числе операции: проводились над ними без наркоза. Из-за этого убеждения, которое сегодня кажется варварским, самым чувствительным и беспокойным грудничкам просто давали миорелаксанты, препараты, лишаящие возможности двигаться (дабы они не мешали работе врачей), но при этом сохраняющие чувствительность нервных тканей! Страшно представить, что чувствовали эти дети, страдая от жестокой боли, будучи не в состоянии даже кричать... Современная исследования в медицине и психофизиологии показали, что способность испытывать боль - одна из первых психофизиологических функций, формирующие у ребёнка ещё в утробе матери: приблизительно к 30-й неделе жизни, и уже тогда он начинает чувствовать боль [1].

Характер боли может зависеть от множества факторов, и сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения, что причин и способов проявления боли может быть множество. Дэвид ле Бретон, различая «сенсорную боль» (чисто физиологическую, объект медицинского рассмотрения) и «suffering pain», психологическую сторону страдания, не разделяет их, а утверждает, что боль всегда одновременно воспринимается и оценивается. «Она никогда не чисто физиологична, но подлечит порядку символического» [2] - утверждает он. Медицина зачастую не фокусируется на том, что не существует боли или симптома как таковых, между тем всякая боль – это прежде всего человек и его переживание этой боли; и этот, более широкий междисциплинарный подход позволяет нам понять, что физическая боль - лишь верхушка айсберга в океане человеческого страдания и, памятуя об этом, мы можем стать более внимательными к более глубоким и тонким проявлениям боли в нашей эмоциональной, душевной жизни; это касается как врачей и тех, кто помогает страдающим от боли людям (вспомогательному медицинскому персоналу), так и каждого из нас, так как опыт проживания и переживания боли является важным аспектом бытия каждого человека, и посему эта тема всегда остаётся актуальной.

Литература

1. Laura Jones. The mystery of how babies experience pain. December 13, 2017 1.40pm GMT. URL: <https://theconversation.com/the-mystery-of-how-babies-experience-pain-88714> Дата обращения 26 апреля 2021 г.

2. Breton D. Le. Schmerz: eine Kulturgeschichte. Zürich [u. a.]: Diaphanes, 2003. S. 10 / Бретон Д. Боль: история культуры. Цюрих [среди прочих]: Диафана, 2003. с. 10

Философия как экспертиза: сетевой интеллект и аномии классической и неклассической рациональности

Пронин М.А.

Кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

(Москва, Россия)

Бубнов А.В.

Бюро APC (Атлас ресурсов сети)

(Москва, Россия)

УДК 101.1

Аннотация. В статье авторы вскрывают ошибки неразличения парадигмальной природы атрибутивные/облигатные классической и неклассической научной рациональности при теоретизации виртуальной проблематики: понятия «виртуальный», технологий виртуальной реальности, сетевых структур и связанных с ними процессов, явлений и пр. Указывают на то, что ошибки, порождаемые в рамках классической и неклассической рациональности, «не различаются» её представителями, так как источник таких ошибок находится в знаниевых, парадигмальных структурах, нередко функционирующих на уровне автоматизмов. Виртуальный подход, как представляющий постнеклассическую рациональность в нотации В.С. Стёпина, позволяет вскрыть и преодолеть вышеприведённые ошибки неразличений и теоретизаций. Одновременно авторы обосновывают необходимость введения понятия «сетевой интеллект», раскрывают его теоретико-практическое назначение и основные компоненты.

Ключевые слова: философия как экспертиза, виртуалистика, виртуальный человек, природная виртуальность, технологии виртуальной реальности, Homo totius, целостный человек, комплексные междисциплинарные исследования человека, сетевой интеллект.

Philosophy as Expertise: Network Intelligence and Anomalies of Classical and Non-classical Rationality

Pronin M.A.

CSc in Medicine, Chief Research Fellow

Institute of philosophy RAS

(Moscow, Russia)

Bubnov A.V.
ARS Bureau
 (Moscow, Russia)

Annotation. In the article, the authors uncover the mistakes of not distinguishing between the paradigmatic nature of attributive/obligatory classical and non-classical scientific rationality in theorizing virtual issues: concepts of "virtual", virtual reality technologies, network structures, and related processes, phenomena, etc. They point out that the mistakes generated within classical and non-classical rationality are "indistinguishable" by its representatives since the source of such errors lies in knowledge and paradigmatic structures that often function at the level of automatisms. The virtual approach, representing post-non-classical rationality in V.S. Stepin's notation, allows uncovering and overcoming the aforementioned mistakes of distinctions and theorizations. Simultaneously, the authors justify the necessity of introducing the concept of "network intelligence", disclose its theoretical and practical purpose, and its main components.

Keywords: philosophy as an expertise, virtualistics, virtual human being, natural virtuality, virtual reality technologies, Homo totus, holistic man, complex interdisciplinary studies of human being, network intelligence.

Классификацию типов рациональностей В.С. Стёпина [1] полагаем общеизвестной; в настоящей работе понимание субъекта деятельности в системе деятельности рассматривается в рамках виртуалистики – виртуального парадигмального подхода (виртуальной психологии) школы Н.А. Носова [2]. Одновременно исходим из того, что концепт «виртуальный человек» задаёт онтологическую модель (размерность) внутреннего человека, выступает теоретической инвариантой применимой в широком спектре антропопрактик и, как следствие, пригоден для задач исчисления такового. Включая ситуации когда объектом, инструментом и субъектом является человек [3].

Парадигмальные аномии классической и неклассической рациональностей, применительно к сетевой/цифровой/виртуальной проблематике детерминированы хроническим неразличением философией, наукой и техникой/инженерией мейнстрима природной виртуальности человека, сетей (природных сетевых структур) и самого мира [4; 5]; проявления/казусы (casus, лат.) феноменов неразличения характеризуются тем, что причины, силы – virtus, лат., – их вызывающие, находится в знаниевых, когнитивных структурах человека/специалиста, функционирование которых происходит обычно на уровне автоматизмов. И, как следствие, происходящее в социуме находится в коллективном когнитивном бессознательном (термин А.В. Смирнова) и/или неосознаваемом (термин М.А. Пронина) представителей мировоззрения мейнстрима. Такой тип конфликта – категориальна оппозиция «вирус-казус», – был введён Н.А. Носовым и назван им виртуальным [6].

Доклад подготовлен в жанре/методологии «философии как экспертизы» (термин Б.Г. Юдина [7]), вскрывающей мировоззренческие аномии в восприятии и понимании тех или иных объектов, процессов или явлений: речь идёт об

анализе мировоззрения философии, науки, культуры мейнстрима в отношении какого-то объекта исследований – вскрытие патологии эпистем пример значимого её результата [8; 9; 10]. Следствие хронических парадигмальных аномий философии, науки и инженерии мейнстрима – ситуация фиаско в концептуализации понятия «виртуальный» [11] и, как одно из порождений первичной когнитивной неудачи концептуализации – комплексные междисциплинарные проблемы дидактики понятия «виртуальный» в педагогическом процессе [12]. Поэтому казусы ошибок – феноменологические проявления – в понимании/теоретизации виртуальности парадигмами мейнстрима на протяжении 30-и лет объект постоянного внимания, исследований и экспертиз – гуманитарных, биоэтических и философских, – отечественной виртуалистики [13; 14; 15]. Классификация/типологизация виртуальных ошибок нами дана ранее [16] и последовательно разрабатывается [17; 18; 19].

Продолжающиеся заблуждения общественного/обыденного сознания в области сетевых реальностей – следствие патологии эпистем мейнстрима в отношении виртуальности, иными словами, это ошибки производные от первоначальных, профессиональных: при анализе ошибочных цепочек-следствий они могут быть обозначены/введены как производные 1-го, 2-го... n-го порядка.

В свою очередь, ошибки в дидактике полиэтиологичны по происхождению: они обусловлены и тем, что преподавание междисциплинарной проблематики виртуальных реальностей в большинстве случаев, прежде всего в нашей стране, не рассматривается как задача философская и сводится лишь к освещению узких, прикладных значений термина «виртуальная реальность» применительно к конкретной дисциплине: естественно-научной, инженерной, гуманитарной, художественной.

Представление о виртуальности как «о недороде бытия», предложенное С.С. Хоружим в 1997 году [20], принимаемая на протяжении 25 лет большинством отечественных исследователей как константа, объясняющая если не всё, так многое, сегодня подверглась революционной ревизии на Западе. В 2022 году Дэвид Дж. Чалмерс в своей последней 500-страничной монографии "Reality+" [21] формулирует центральный тезис книги, что «виртуальная реальность – это подлинная реальность» ("Virtual reality is genuine reality"). Этот центральный тезис он последовательно аргументирует: виртуальный мир, генерируемый компьютерами, это не второразрядный мир ("not second-class world"), и что мы можем полноценно жить в виртуальном мире ("we can live a meaningful live in virtual reality"). Его позиция и мнение как общепризнанного за рубежом мирового лидера в вопросах виртуальности показательна, если не патогномична.

Таким образом, сегодня «поплыло ядро» парадигмальных описаний «виртуальности» в языках философии и наук мейнстрима [22]. Что актуализирует значение виртуальной философии и психологии отечественной школы Н.А. Носова последовательно предлагающей иную парадигму для осмысления виртуальности и виртуальной реальности [13; 23].

Сегодня происходит «эффект мультипликатора», в математическом и экономическом смыслах термина – смотри, например, «мультипликатор Кейн-

са», – парадигмальных ошибок в связи с развитием информационных технологий, цифровизации и сетевых структур/сообществ. В завершении, указав на последние, предложим к рассмотрению концепт «сетевой интеллект» как средство аретей – аттракции и синонии – для преодоления парадигмальных аномий у мейнстрима в области виртуальной проблематики [24; 25; 26; 27; 28].

Теоретический конструкт «сетевой интеллект» в теоретический и практический оборот введён нами: «сетевой интеллект – это эвристическая метафора и/или условное обозначение способности человека к работе с сетевыми объектами, процессами и явлениями исходя из представлений о природной/природоподобной сущности таковых» [29]. С одной стороны, в объём данного понятия входит всё множество идей, подходов, дисциплин и специальностей, которые имеют отношение к сетям, сетевым структурам и организациям любой природы; со всеми достижениями и заблуждениями. С другой, это конкретные «природные парадигмальные образцы»: тему использования понимания природных сетевых явлений в животном мире (у муравьёв и пчёл, у бактерий, те же стаи птиц и саранчи, косяки рыб и пр.) при создании искусственных человеко-машинных сетевых структур многие годы разрабатывает доктор биологических наук, профессор А.В. Олескин с соавторами (смотри, например: [30]).

И, наконец, третья составляющая – это виртуальный парадигмальный подход – виртуалистика, – позволяющий, на наш взгляд, собрать воедино целостную картину понимания фундаментальной природы сетевых структур на парадигмальном уровне обобщений и теоретизаций.

Подведём краткий итог: формирование нового междисциплинарного интеллектуального направления в философии, в науке и в практике, исследующего сетевые объекты, процессы или явления – любой природы! – вполне назрело. Без гуманитарных компетенций в области сетевого интеллекта, увы, не получится ни решить теоретические вопросы, ни построить творческую (креативную) экономику. Здесь следует обратить внимание на то, что рассмотренные выше типы ошибок порождаются в рамках классической и неклассической рациональности и «не различаются» её представителями, так как источник таких ошибок находится в знаниевых, парадигмальных структурах, нередко функционирующих на уровне автоматизмов. Виртуальный подход, как представляющий постнеклассическую рациональность в нотации В.С. Стёпина [1], позволяет вскрыть и преодолеть вышеприведённые ошибки неразличений и теоретизаций.

Таковы некоторые вопросы философии в понимании природы ошибок у мейнстрима, занятого сетевой проблематикой:

Литература

1. Степин, В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
2. Носов, Н. А. Виртуальная философия. // Философский век. Вып. 7: Между физикой и метафизикой: наука и философия. 1998. С. 115-124.

3. Пронин, М. А. Αντρολοσχηζία – антропосхизия: к исчислению топологической антропологии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019, Т. XVI. Вып. 3. С. 82-94.
4. Pronin, M. A. To the issue of the Manifesto of a virtual human: to the 200th anniversary of Karl Marx birthday (Пронин М.А. К вопросу о манифесте виртуального человека: к 200-летию со дня рождения Карла Маркса (на англ. яз.) // Философская школа. 2019, № 7. С. 122-125.
5. Носов, Н. А. Манифест виртуалистики / Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 15. -. М.: Путь, 2001. 17 с.
6. Носов, Н. А. Виртуальный конфликт: социология современной медицины (Тр. Лабор. вирт. Вып. 18.). М.: Путь, 2002. 140 с.
7. Юдин, Б. Г. О понятии философской экспертизы. // Ценностные основания научного познания / Отв. ред. Г.Л. Белкина; Ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 45 - 56.
8. Пронин, М. А., Синеокая, Ю. В., Юдин, Б. Г. Философия как экспертиза // Философский журнал. 2017, Т. 10, № 2. С. 79 - 96.
9. Пронин, М. А. О предметах и видах гуманитарной экспертизы технологий виртуальной, дополненной и замещающей реальности (Т-VR/AR/SR) // Материалы конференции: Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 12: между биофилософией и биоэтикой: сборник статей. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2018. С. 212-215.
10. Пронин, М. А. К философской экспертизе дополненной реальности на прецеденте паразитных эффектов «редактирования пилотов» (расширенная публикация). // Нейротехнологии и технонаука: феномен биотехноидентичности / сб. науч. ст. / Под ред. Белялетдинова Р. Р. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2020. С. 140-168.
11. Войскунский, А. Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016, № 1. С. 36-49.
12. Раев, О. Н., Пронин, М. А. Техническая виртуальная реальность в лабиринтах терминологий // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020, Т. XVII, Вып. 3(67). С. 89-99.
13. Пронин, М. А. Виртуалистика в Институте человека РАН. М.: Рос. акад. наук, Ин-т философии, 2015. 179 с.
14. Пронин, М. А. Вызовы мировоззрению разработчиков технологий виртуальной реальности (TVR): философские, этические, юридические и другие следствия // Философия образования. 2016, № 6(69). С. 46 - 69.
15. Пронин, М. А. Технологии виртуальной реальности (TVR) и парадигмальный Рубикон психологии. // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 8. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 115-134.
16. Пронин, М. А. Виртуальные ловушки // Материалы конференции: Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Третий российский философский конгресс (16 – 20 сентября 2002 г.) В 3 т. Т. 2. Ростов-на-Дону: 2002. С. 354.
17. Пронин, М. А. Постнеклассическая эпистемология: коренной вопрос и основные сдвиги онтологических оснований // Философия образования. 2003, № 9. С. 24-27.
18. Пронин, М. А. Эпистемологические проблемы исследования виртуальной реальности. // Новое в искусственном интеллекте. Методические и теоретические во-

просы / Под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского. М.: ИИТЕЛЛ, 2005. С. 110-113.

19. Пронин, М. А., Юрьев, Г. П. Онтология ошибки: не-виртуалистика и виртуальный подход. // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 3. М.: ИФ РАН, 2009. С. 205-223.

20. Хоружий, С. С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997, № 6. С. 53-68.

21. Chalmers, D. J. Reality +. Virtual Words and The Problems of Philosophy. New York: W.W. Norton & Company, 2022. 520 с.

22. Пронин, М. А., Королев, А. Д. Виртуальная реальность и новые представления о жизни: от «недорода бытия» к его «перероду» или «удвоению» // Материалы конференции: Философские проблемы биологии и медицины (Москва, октябрь 2022 г.). Вып. 16: Образы холоредукционизма в истории и теории биомедицины. М.: ЛЕНАНД, 2022. С. 34-39.

23. Носов, Н. А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с.

24. Носов, Н. А. Аретейя // Материалы конференции: Виртуальные реальности: 10 июня 1998 г., г. Москва / Ред.-составители Р.Г. Яновский, Н.А. Носов. / Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 4. Труды Центра профориентации. М.: Приложение к журналу «Человек», 1998. С. 67-77.

25. Пронин, М. А. Виртуалистика и аретейя: теория и операторы. // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5. Институт философии РАН, 2011. С. 170-182.

26. Пронин, М. А. Аретейя: установки, принципы, закономерности // Материалы конференции: Сучасні проблеми військової та соціальної психології і соціальної роботи: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції (м. Одеса, ОНУ, ВА, 4-5 жовтня 2013 р.). Одеса: ОНУ, ВА, 2013. С. 73-75.

27. Пронин, М. А. Виртуалистика и аретейя: принципы, теория и операторы. // Гуманитарные ориентиры научного познания: сборник статей. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина. М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С. 321-330.

28. Пронин, М. А. Сложность человека и его излечения: виртуалистика и аретейя. // Инновационная сложность. СПб: Алетейя, 2016b. С. 355-400.

29. Пронин, М. А., Бубнов, А. В. Сетевой интеллект и природная виртуальность в креативном сельском хозяйстве: философские проблемы // Материалы конференции: Духовные основы отношений человек – природа: материалы Всероссийской (Национальной) науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Чебоксары, 25 января 2023 г.) / ФГБОУ ВО Чувашский ГАУ. Вып. 4. Чебоксары: Б.и., 2023. С. 58-67.

30. Олескин, А. В., Курдюмов, В. С. Парадигмы сетевой организации и их применение при практическом создании сетевых структур. // Биополитика. Открытый междисциплинарный семинар на Биологическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Выпуск 6. М.: Б. и., 2016. С. 5-25.

Научное издание

Третьи Степинские Чтения

Международная научная конференция

ПЕРСПЕКТИВЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

20 – 21 июня 2023 года

ISBN 978-5-907818-40-8

Компьютерная верстка и макет *Горохов А.А.*

Подписано в печать 10.12.2023.

Формат 60 x84 1/16, Бумага офисная.

Уч.-изд.л. 39,9. Усл. печ. л. 36,1. Тираж 500 экз. Заказ № 2089

Отпечатано в типографии

Закрытое акционерное общество «Университетская книга»

305018, г. Курск, ул. Монтажников, д.12

ИНН 4632047762 ОГРН 1044637037829 дата регистрации 23.11.2004 г.

Телефон +7-910-730-82-83 www.nauka46.ru